Epist.
327 s

Grot

Переписка
Я. К. Грота
съ
П. А. Плетневымъ

1

ИЗДАНА
ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ К. Я. ГРОТА
ординарнаго профессора ИМПЕРАТОРСКАГО Варшавскаго университета

Томъ первый

Съ приложеніемъ портретовъ Грота и Плетнева

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія Министерства Путей Сообщенія
Высочайше утвержденнаго Товарищества И. Н. Кушнеревъ и К°), Фонтанка 117
1896

9839

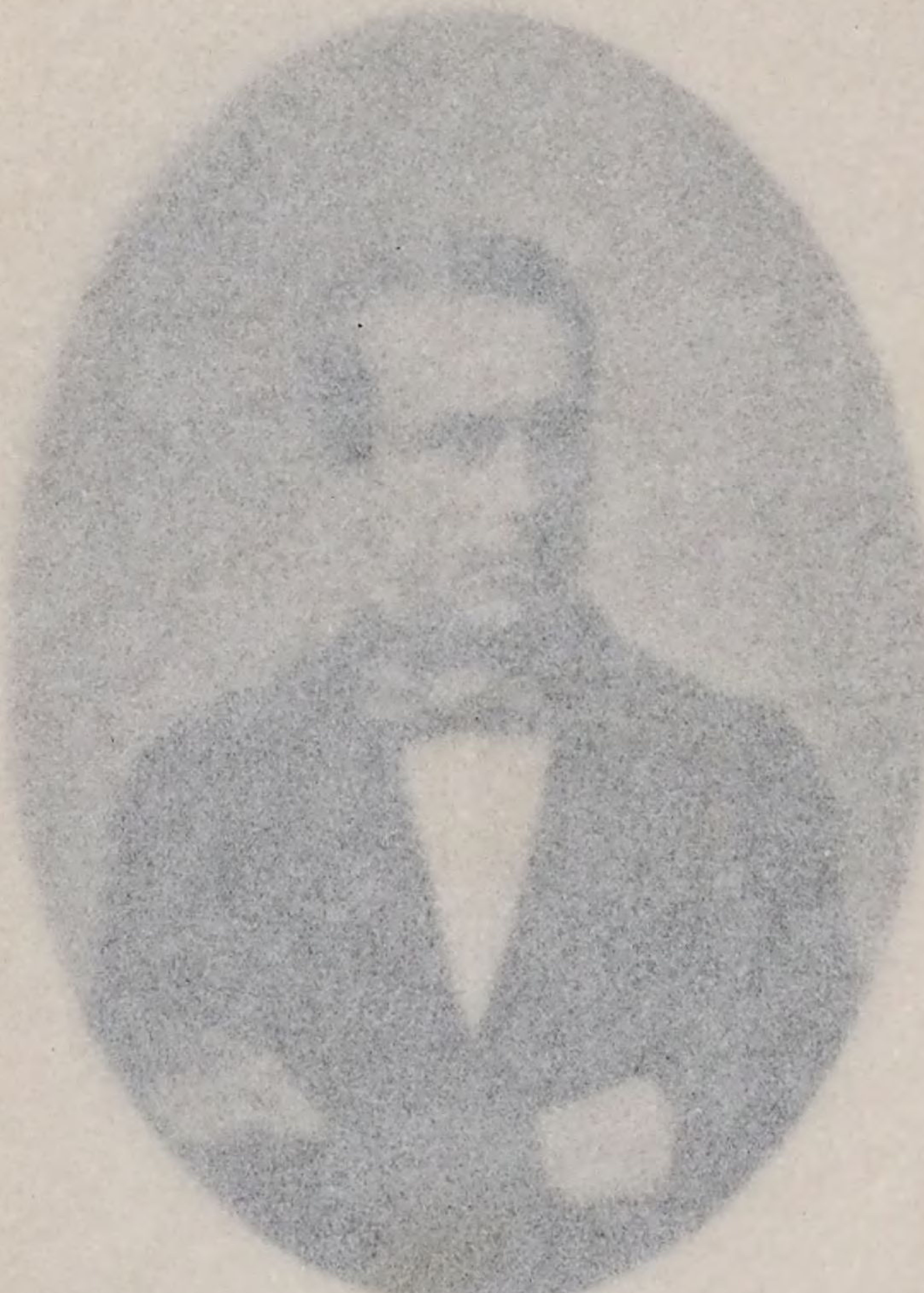
BIBLIOTHECA
REGIA
MONACENSIS

ПЕРЕПИСКА

Я. К. ГРОТА съ П. А. ПЛЕТНЕВЫМЪ

Фототипія В. Классенъ, С.Петербургъ, Кадетская лин. №7-2.

ПЕРЕПИСКА

Я. К. ГРОТА

СЪ

П. А. ПЛЕТНЕВЫМЪ

ИЗДАНА
ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ К. Я. ГРОТА
ОРДИНАРНАГО ПРОФЕССОРА ИМПЕРАТОРСКАГО ВАРШАВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

ТОМЪ ПЕРВЫЙ

СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ПОРТРЕТОВЪ ГРОТА и ПЛЕТНЕВА

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія Министерства Путей Сообщенія
(Высочайше утвержденнаго Товарищества И. Н. Кушнеревъ и К°), Фонтанка 117
1896

BIBLIOTHECA
REGIA
MONACENSIS

Bayerische
Staatsbibliothek
München

Перепиской Я. К. Грота съ П. А. Плетневымъ начинается изданіе ***Сочиненій*** *и* ***Переписки Я. К. Грота.***

По кончинѣ Якова Карловича (24 мая 1893 г.), въ Бозѣ почивающій Государь АЛЕКСАНДРЪ III соизволилъ на назначеніе особой суммы на это изданіе — по личному милостивому о томъ ходатайству Его Императорскаго Высочества Августѣйшаго Президента Академіи Наукъ. Всегда столь отзывчивый Покровитель отечественной литературы и науки, почившій Государь проявилъ здѣсь Свои Монаршія великодушіе и щедрость — тѣмъ скорѣе, что дѣло коснулось трудовъ наставника Его дѣтства и юности.

Воля незабвеннаго Монарха, Котораго дни были уже тогда сочтены, нашла себѣ столь скорое осуществленіе, благодаря высокомилостивому соизволенію нынѣ благополучно царствующаго Государя Императора.

Выпуская въ свѣтъ первый томъ этого изданія, мы почтительнѣйше просимъ Августѣйшаго его покровителя Его Императорское Высочество Великаго Князя Константина Константиновича *принять нашу глубочайшую благодарность за все Его дѣятельное и теплое участіе въ осуществленіи этого предпріятія и просвѣщенное содѣйствіе, столь благосклонно Имъ оказанное при самомъ печатаніи настоящей „Переписки“.*

Не будетъ излишне сообщить къ свѣдѣнію интересующагося читателя, что въ это изданіе „Сочиненій“ Якова Карловича войдутъ, кромѣ переписки его, всѣ его ученые и литературные труды, разбросанные на протяженіи многихъ десятилѣтій (1838—1893) въ журналахъ и разныхъ періодическихъ и повременныхъ изданіяхъ, какъ академическихъ, такъ и иныхъ, старыхъ

и новыхъ. Не могутъ войти сюда, конечно, его ученыя изданія писателей и разныхъ литературныхъ и историческихъ матеріаловъ.

Всѣ эти ученыя изслѣдованія, статьи, очерки и замѣтки самаго разнообразнаго содержанія предположено сгруппировать по отдѣламъ (какъ: отдѣлъ, посвященный скандинавскому сѣверу, далѣе историко-литературный, историческій, филологическій и проч.), и такимъ образомъ каждый отдѣлъ, представляя нѣчто особое, долженъ составить болѣе или менѣе самостоятельную часть всего изданія.

Издатели.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

При составленіи плана изданія *Сочиненій* и *Переписки* Я. К. Грота, признано наиболѣе цѣлесообразнымъ и своевременнымъ— начать это предпріятіе съ изданія матеріала еще совсѣмъ новаго, представляющаго вмѣстѣ съ тѣмъ, смѣю думать, живой интересъ, не только біографическій, но и историко - литературный, вообще историческій.

Такимъ матеріаломъ, притомъ же относящимся къ начальному періоду дѣятельности Якова Карловича, является самый обширный отдѣлъ сохранившейся корреспонденціи Я. К. Грота, а именно многолѣтняя его переписка съ его лучшимъ другомъ П. А. Плетневымъ, болѣе чѣмъ за 12 лѣтъ (1840 — 1853), обнимающая время финляндской службы Я. К. и прерывающаяся съ переходомъ его въ Петербургъ (1853 г.) на службу въ Александровскій лицей и ко Двору [1]). Переписка эта возобновлялась и позже, въ періоды разлуки, главнымъ образомъ, во время пребыванія Плетнева за границей (по болѣзни своей жены и своей), гдѣ онъ провелъ и послѣдніе годы жизни, но этихъ писемъ съ той и другой стороны сохранилось сравнительно немного.

Вмѣстѣ и въ непрерывной связи съ письмами Я. К. Грота печатаются и письма къ нему П. А. Плетнева, которыя тщательно берегъ Я. К. вмѣстѣ со своими собственными, давно ему возвращенными. П. А. Плетневъ († 29 дек. 1865) еще при жизни своей передалъ своему другу въ такомъ же порядкѣ и полнотѣ его письма финляндскаго періода. Такъ сохранился для потомства и для исторіи русскаго просвѣщенія этотъ въ своемъ родѣ замѣчательный памятникъ самой искренней и нѣжной дружбы двухъ его ревнителей и рѣдкаго постоянства, точности и терпѣнія въ письменномъ общеніи и обмѣнѣ мыслей.

Значеніе издаваемой переписки, поражающей своей обширностью (друзья писали другъ другу по большей части два раза въ

[1]) Женитьба Плетнева (вторичная) въ 1849 г. и Грота въ 1850 г. не могла не отразиться, конечно, на сокращеніи ихъ переписки въ этотъ послѣній періодъ (1849 — 1853).

недѣлю), опредѣляется уже въ извѣстной мѣрѣ самимъ ея характеромъ и личностью авторовъ. Это — непрерывный оживленный разговоръ — притомъ самый задушевный и искренній — о самыхъ разнообразныхъ предметахъ, о своихъ трудахъ и думахъ, двухъ выдающихся дѣятелей литературы и общества, продолжавшійся всю эпоху 40-хъ и начала 50-хъ годовъ. Я. К. Гротъ былъ тогда профессоромъ русскихъ языка, литературы и исторіи въ Гельсингфорскомъ Александровскомъ университетѣ и по своей роли и дѣятельности стоялъ въ центрѣ тогдашняго взаимнаго духовнаго сближенія и ознакомленія русскаго и финляндскаго образованныхъ обществъ. Онъ пользовался большимъ уваженіемъ и симпатіями въ Гельсингфорсѣ, и въ то же время, пріобрѣтя уже литературное имя, поддерживалъ живыя связи со многими представителями русскаго ученаго и литературнаго міра. П. А. Плетневъ былъ ректоромъ и профессоромъ С.-Петербургскаго университета, издателемъ пушкинскаго наслѣдія — „Современника" (1839 — 1846), близкимъ человѣкомъ ко Двору, особенно къ Наслѣднику В. К. Александру Николаевичу (состоявшему и Канцлеромъ Александровскаго университета), наконецъ, по своему давно упроченному значенію талантливаго критика и по старымъ дружескимъ связямъ съ корифеями литературы — занималъ почетное и авторитетное мѣсто въ кругу достойнѣйшихъ русскихъ писателей и новыхъ начинающихъ литературныхъ силъ.

Здѣсь не мѣсто давать обстоятельную оцѣнку издаваемой переписки и произносить ей тотъ или другой приговоръ. Предлагая ее на судъ просвѣщенныхъ читателей, издатели думаютъ только, что по своему историческому, литературному и нравственному значенію, она можетъ занять не послѣднее мѣсто въ ряду подобнаго рода матеріаловъ. Не говоря о частномъ ея значеніи богатаго источника для біографіи и характеристики обоихъ корреспондентовъ, она проливаетъ не малый свѣтъ на современную ей литературную жизнь и ея теченія и на явленія общественно-бытовыя, а въ особенности на вопросъ о русско - финляндскихъ отношеніяхъ, ярко иллюстрируя исторію послѣднихъ за обнимаемый ею періодъ времени.

Условія и обстоятельства, приведшія Я. К. Грота въ Финляндію и создавшія ему ту роль, о которой упомянуто выше, достаточно выясняются изъ его собственныхъ недавно изданныхъ автобіографическихъ замѣтокъ [1]), наиболѣе подробныхъ именно для времени до 1840 г., — и мнѣ нѣтъ надобности останавливаться на нихъ здѣсь. Тамъ же кратко разсказывается о первомъ знакомствѣ и сближеніи

[1]) Я. К. Гротъ. Нѣсколько данныхъ къ его біографіи и характеристикѣ. Спб. 1895.

Якова Карловича съ П. А. Плетневымъ. Немногія, къ сожалѣнію, письменныя свидѣтельства объ этомъ, до насъ дошедшія, я считаю все-же не лишнимъ привести здѣсь, тѣмъ болѣе, что лишь очень незначительный періодъ, не болѣе двухъ лѣтъ, отдѣляетъ начало издаваемой переписки друзей отъ времени ихъ сближенія.

Въ концѣ 1837 года Яковъ Карловичъ, окончательно обработавъ свой стихотворный переводъ „Мазепы" Байрона, далъ его прочесть товарищу своему по лицею, извѣстному писателю М. Д. Деларю, очень имъ заинтересовавшемуся.

Въ нетерпѣніи узнать что-нибудь о судьбѣ своей рукописи, о напечатаніи которой Деларю, вѣроятно, обѣщалъ похлопотать, Гротъ обратился къ нему, наконецъ, съ напоминаніемъ. На это онъ получилъ отъ Деларю слѣдующую записку:

„Вы не правы, милый другъ Яковъ Карловичъ, думая, что я забылъ Васъ и Вашъ прекрасный, добросовѣстный трудъ. Трудъ Вашъ у Петра Александровича Плетнева, который желаетъ сердечно съ Вами познакомиться. Въ среду вечеромъ онъ бываетъ всегда дома.— Очень грустно, что мнѣ не удалось съ Вами видѣться; но ради дружбы не сердитесь, что я за хлопотами не былъ у Васъ .

Весь Вашъ М. Деларю".

Яковъ Карловичъ не замедлилъ откликнуться на это косвенное приглашеніе, конечно, давно ему уже извѣстнаго по почетной литературной роли Плетнева, который готовился тогда продолжать изданіе пушкинскаго „Современника" и къ которому Гротъ, по собственному выраженію (въ автобіографіи) „*по трудамъ его давно чувствовалъ влеченіе*".

Плетневъ, познакомившись съ переводомъ „Мазепы", выразилъ готовность напечатать его въ „Современникѣ". Вотъ что онъ въ свою очередь писалъ Якову Карловичу по этому поводу 2-го марта (въ *среду*) 1838 года:

„Я очень желаю, любезнѣйшій Яковъ Карловичъ, чтобы Вы пожаловали ко мнѣ сегодня вечеромъ поранѣе, часовъ въ шесть или въ половинѣ седьмого, до прибытія лишняго народа. Съ позволенія Вашего я нѣкоторыя слова въ „Мазепѣ" замѣнилъ другими. Но, не смѣя безъ согласія Вашего такъ печатать, тѣмъ болѣе, что тутъ можетъ вытти несогласіе съ подлинникомъ, я желаю предварительно поговорить съ Вами объ этихъ поправкахъ и получить на то Ваше собственное уполномочіе.

Истинно преданный Вамъ
П. Плетневъ".

Повидимому, эта записка — первое письменное обращеніе Плетнева къ Якову Карловичу. „Мазепа“ появился вслѣдъ затѣмъ въ „Современникѣ“ (1838 г., т. IX, стр. 94—128), — и съ тѣхъ поръ Гротъ сталъ постояннымъ сотрудникомъ „Современника“, а съ Плетневымъ у него завязались близкія и дружескія отношенія.

Плетневъ оказалъ, безъ сомнѣнія, съ самаго же начала большое вліяніе на Якова Карловича утвержденіемъ его въ идеяхъ, стремленіяхъ и вкусахъ, его увлекавшихъ, и на послѣдовавшую вскорѣ затѣмъ перемѣну въ его судьбѣ, т. е. переходъ отъ служебной карьеры къ ученой и педагогической, хотя при этомъ послѣднемъ шагѣ Плетневъ и считалъ долгомъ предупреждать Якова Карловича относительно матеріальной невыгоды такого перехода [1]).

Вліяніе Плетнева на Грота обусловливалось самою разностью ихъ возраста, а слѣдовательно и жизненнаго ихъ опыта. Плетневъ былъ ровно 20-тью годами старше Якова Карловича (Плетневъ род. 10-го августа 1792 года, Гротъ — 15-го декабря 1812 года), и это обстоятельство [2]) не должно быть опускаемо изъ виду и при оцѣнкѣ ихъ послѣдующихъ отношеній и нынѣ печатаемой ихъ переписки. Но, какъ извѣстно, въ смыслѣ вліянія Яковъ Карловичъ не остался въ долгу у своего старшаго друга, по неоднократнымъ собственнымъ признаніямъ послѣдняго.

Плетневъ, разумѣется, всячески поощрялъ литературныя занятія Я. К., и въ частности его занятія шведскимъ и финскимъ поэтическимъ міромъ, особенно его работу надъ переводомъ Тегнерова „Фритіофа“, начатомъ еще въ 1836 году. „Фритіофъ“ далъ Плетневу поводъ познакомить молодого автора съ Жуковскимъ. Сочувственное отношеніе и лестный отзывъ поэта объ этомъ трудѣ Грота извѣстны изъ его автобіографіи [3]). Это было еще въ 1838 году.

Въ 1839 году Яковъ Карловичъ продолжалъ дѣятельно работать, удѣляя этому всѣ свободные отъ канцелярской службы часы, какъ надъ „Фритіофомъ“, такъ вообще надъ изученіемъ міра скандинавской и финской поэзіи, знакомясь въ то же время непосредственно съ Финляндіей во время лѣтнихъ туда экскурсій. За 1839 годъ Плетневъ помѣстилъ въ Современникѣ цѣлый рядъ статей Грота, напр. „Изъ шведскихъ поэтовъ“, „Знакомство съ Рунебергомъ“, „Поэзія и миѳологія скандинавовъ“ и др.; за этими непрерывно слѣдовали другія, посвященныя тому же предмету — въ 1840 году, въ которомъ Финляндія окончательно и на много лѣтъ уже фактически перетянула на свою почву Якова Карловича.

[1]) См. „Автобіогр. Замѣтки“, тамъ же, стр. 29.
[2]) Смотри ниже „Переписку“, стр. 501 и 504.
[3]) „Автобіогр. Замѣтки“, стр. 27.

Обстоятельства перехода его на службу въ Финляндію довольно извѣстны изъ краткихъ жизнеописаній его и изъ собственныхъ его автобіографическихъ замѣтокъ. Но нельзя не напомнить здѣсь о фактахъ, непосредственно предшествовавшихъ переселенію Якова Карловича и началу переписки его съ Плетневымъ. Я воспользуюсь здѣсь сжатымъ разсказомъ о томъ самого Я. К. Грота, но въ новой редакціи, извлекаемой мною изъ написаннаго имъ въ Гельсингфорсѣ начала краткихъ замѣтокъ объ исторіи Гельсингфорскаго университета при немъ [1]).

„...Въ концѣ 1839 года прибылъ въ Петербургъ русскій профессоръ Александровскаго университета Соловьевъ. Онъ искалъ каѳедры русской литературы въ Педагогическомъ институтѣ (послѣ Плетнева); Гротъ въ одно воскресное утро случайно увидѣлъ его у Плетнева и эта встрѣча перевернула судьбу Грота. Когда онъ по уходѣ Соловьева, сталъ изъявлять сожалѣніе, что не приготовленъ къ каѳедрѣ, Плетневъ ободрилъ его, и онъ таки рѣшился искать каѳедры либо въ Педагогическомъ институтѣ, либо въ Александровскомъ университетѣ. Графъ Ребиндеръ, предувѣдомленный о томъ Путятою *(первымъ секретаремъ I-го Отдѣленія Статсъ-Секретаріата)* и предрасположенный къ Гроту рекомендаціями Жуковскаго [2]), барона Корфа и Плетнева, съ радостью взялся поддерживать желаніе Грота. Между тѣмъ Соловьевъ, послѣ пробной лекціи въ Педагогическомъ институтѣ, былъ отвергнутъ большинствомъ тамошняго совѣта. Графъ Ребиндеръ, не желая упустить Грота, опредѣлилъ его чиновникомъ по особымъ порученіямъ при своей особѣ, обѣщая мѣсто экзаминатора по Выборгской губерніи. Не смотря на укоры родныхъ, которыхъ онъ не предувѣдомилъ о перемѣнѣ службы, и на недоумѣніе знакомыхъ, Гротъ, слѣдуя давнишнему убѣдительному призванію души, безъ сожалѣнія оставилъ свое прежнее *видное* мѣсто и 10-го іюня 1840 года выѣхалъ изъ Петербурга со своею матерью....“ [3]).

Іюль 1840 года ознаменовался, какъ извѣстно, въ Гельсингфорсѣ 200-лѣтнимъ юбилеемъ Александровскаго университета, который собралъ въ столицу Финляндіи многихъ русскихъ ученыхъ — представителей университетовъ и другихъ учрежденій, и литераторовъ. Въ ихъ числѣ былъ, какъ депутатъ С.-Петербург-

[1]) Этими бѣглыми, но любопытными замѣтками, доведенными приблизительно до лѣта 1843 года (т. е. почти соотвѣтствующими періоду „Переписки“ въ этомъ I томѣ), я между прочимъ пользуюсь въ дополнительныхъ „*Примѣчаніяхъ*“, какъ иногда полезнымъ комментаріемъ къ письмамъ.

[2]) Въ бумагахъ Якова Карловича сохранилась собственноручная записочка Жуковскаго къ Плетневу въ отвѣтъ на его извѣщеніе объ обращеніи къ гр. Ребиндеру по дѣлу Грота. Вотъ она: „Это извѣстіе меня весьма радуетъ. Я нынче же хотѣлъ ѣхать къ Ребиндеру и радъ, что онъ уже предупрежденъ. *Жуковскій*“.

[3]) Смотри въ „Перепискѣ“ письмо 1-е отъ 18-го іюня 1840 года.

скаго университета, и новый его (съ февраля 1840 года) ректоръ П. А. Плетневъ. Онъ поѣхалъ въ Гельсингфорсъ [2]) не только съ тѣмъ, чтобы оффиціально представлять С.-Петербургскій университетъ, но и съ тѣмъ, чтобы быть гостемъ у своего молодого друга Грота и съ его помощью познакомиться ближе съ интересовавшимъ его краемъ... Это пребываніе въ Гельсингфорсѣ и все имъ видѣнное и испытанное произвели на него сильное и чрезвычайно отрадное впечатлѣніе и сдѣлали его навсегда искреннимъ другомъ Финляндіи, гдѣ въ свою очередь его умѣли оцѣнить и полюбить нѣкоторые узнавшіе его короче финляндскіе ученые и писатели, не говоря о многихъ другихъ лицахъ изъ гельсинфоргскаго общества. Это же пребываніе въ Гельсингфорсѣ въ дни памятнаго юбилея скрѣпило окончательно и дружбу Плетнева съ Гротомъ и помогло упроченію и развитію ихъ дружеской переписки, начавшейся, какъ увидятъ читатели, вслѣдъ за переселеніемъ Якова Карловича въ Финляндію, еще до встрѣчи ихъ на университетскомъ юбилеѣ.

Въ началѣ апрѣля 1841 года Я. К. былъ уже назначенъ ординарнымъ профессоромъ Александровскаго университета и окончательно утвердился въ Гельсингфорсѣ, поддерживая съ тѣхъ поръ въ теченіе 12 лѣтъ свои связи съ роднымъ городомъ оживленной перепиской и ежегодными поѣздками въ Петербургъ обыкновенно на рождественское и лѣтнее вакаціонное время.

Мнѣ необходимо упомянуть здѣсь еще объ одномъ лицѣ, имя котораго встрѣчается всего чаще въ издаваемой перепискѣ и къ которому даже адресовано нѣсколько писемъ Якова Карловича, помѣщенныхъ по ихъ связи въ ряду писемъ къ Плетневу [2]). Это— извѣстная талантливая писательница для дѣтей Александра Осиповна Ишимова († 1881), не мало обязанная Плетневу въ своей литературной карьерѣ и, по искренней къ нему дружбѣ и преданности, ставшая воспитательницей его единственной дочери Ольги (которая долго и жила у нея). Какъ самая близкая и глубоко преданная особа, какъ просвѣщенная и умная женщина, раздѣлявшая литературныя убѣжденія и нравственное міросозерцаніе Плетнева, Ишимова была пріобщена имъ къ дружескому его союзу съ Я. К. Гротомъ, и Петръ Александровичъ не разъ говоритъ въ своихъ письмахъ объ этомъ ихъ дружественномъ тріумвиратѣ, основанномъ на литературномъ единомысліи и нравственномъ единодушіи; къ этому союзу лишь приближались иногда (оставаясь все же далеки отъ дружеской интимности) нѣкоторые другіе сочувствовав-

[1]) Съ 10-лѣтней своей дочкой. Онъ былъ вдовцемъ съ 1839-го года.

[2]) См. стр. 12, 54, 122, 569—577.

шіе имъ единомышленники изъ сотрудниковъ „Современника" или близкихъ знакомыхъ Петра Александровича [1]).

Александра Осиповна Ишимова уже пользовалась въ то время почтенной литературной репутаціей. Ея дѣятельность началась еще въ началѣ 30-хъ годовъ переводами, а въ 1834 году она приступила къ капитальному труду, доставившему ей такую извѣстность, т. е. къ *„Исторіи Россіи въ разсказахъ для дѣтей"*, въ которой главнымъ ея руководителемъ былъ Карамзинъ, а для позднѣйшихъ эпохъ она не мало пользовалась первыми источниками, напримѣръ Полнымъ собраніемъ законовъ, которымъ ссудилъ ее, по ея просьбѣ, самъ М. М. Сперанскій. Много ей помогъ совѣтами и П. А. Плетневъ. Первая часть ея исторіи вышла въ 1836 году, а послѣдняя (6-я) въ 1840, а въ 1841 году уже появилось 2-е изданіе въ трехъ томахъ. Извѣстно, какъ сочувственно Пушкинъ привѣтствовалъ трудъ Ишимовой. Онъ же, предпринявъ изданіе Современника, приглашалъ ее къ сотрудничеству, и одно изъ писемъ къ ней было послѣдними строками въ его жизни. Трудъ Ишимовой и сама она, конечно при содѣйствіи Плетнева же, обратили на себя особенное вниманіе Императорской Фамиліи. В. К. Ольга Николаевна удостоила принять посвященіе книги ея имени; В. К. Елена Павловна и супруга Принца П. Г. Ольденбургскаго пригласили Ишимову въ свои руководительницы при изученіи русскаго языка и литературы.

Яковъ Карловичъ Гротъ познакомился и сблизился съ Ишимовой, разумѣется, черезъ Плетнева, въ ту же эпоху своего вступленія на новое, ученое поприще, и изъ Финляндіи у него постепенно завязывается переписка также съ Ишимовой, настолько соприкасающаяся съ Плетневскою, что иногда Яковъ Карловичъ въ письмахъ къ Ишимовой дѣлаетъ приписки для Плетнева, и наоборотъ. Особенно оживились сношенія Грота съ Ишимовой съ 1842 года, когда послѣдняя предприняла изданіе дѣтскаго журнала „Звѣздочки" и Я. К. сталъ однимъ изъ самыхъ усердныхъ ея сотрудниковъ.

Мнѣ остается сказать еще нѣсколько словъ о самомъ изданіи „Переписки" или вѣрнѣе о той редакторской работѣ, какой оно потребовало.

Какъ во всякой дружеской перепискѣ, письма Грота и Плетнева въ своей повѣствовательной части, именно въ журналѣ времяпрепровожденія (дневникѣ), который они сообщали другъ другу съ большою аккуратностью — особенно Плетневъ,— заключаютъ не

[1]) О своемъ дружескомъ „кружкѣ" Плетневъ не разъ говоритъ въ своихъ письмахъ за это время, напр. къ Жуковскому (см. Сочиненія, III, стр. 544—549 и 558).

мало совершенно частнаго, чисто домашняго и мелко-житейскаго, однимъ словомъ — подробностей, лишенныхъ общаго интереса. Въ виду и безъ того чрезвычайнаго объема этой переписки я и счелъ себя обязаннымъ опускать при печатаніи писемъ все то изъ этихъ подробностей и частныхъ семейныхъ сообщеній, что̀ могло быть опущено безъ всякаго ущерба для ясности и цѣльности изложенія. Если и послѣ того читатели найдутъ въ письмахъ обоихъ друзей такого рода второстепенный элементъ, то причиной тому является тѣсная связь его съ существеннымъ содержаніемъ писемъ и часто невозможность устранить его, не нарушивъ внутренней связи и логической послѣдовательности въ обмѣнѣ мыслей. Впрочемъ, эти на первый взглядъ иногда излишнія мелочи и подробности могутъ иной разъ оказаться не безъинтересными то въ біографическомъ, то въ бытовомъ отношеніи.

Переписка эта настолько удалена отъ насъ по времени — первая часть ея писалась болѣе полувѣка тому назадъ, — что изъ упоминаемыхъ въ ней лицъ (особенно играющихъ въ ней видную роль) почти никого не осталось въ живыхъ;однако въ нѣкоторыхъ случаяхъ, когда рѣчь идетъ даже о лицахъ уже покойныхъ, — я все-же воздерживался отъ печатанія цѣликомъ ихъ именъ или отзывовъ, къ нимъ относящихся.

Что касается пояснительныхъ примѣчаній къ тексту, то самыя необходимыя, особенно о лицахъ, я рѣшился, для облегченія читателя, помѣщать подъ строкой. Прочія же, равно какъ нѣкоторыя небезполезныя дополненія, а также необходимыя поправки, помѣщаются въ концѣ книги. Полный указатель личныхъ именъ будетъ приложенъ къ концу „Переписки“, которой послѣдующіе томы имѣется въ виду выпустить въ непродолжительномъ времени.

Изъ прилагаемыхъ къ настоящему тому портретовъ — портретъ Якова Карловича относится къ значительно болѣе позднему времени (1850-хъ годовъ) [1]), чѣмъ портретъ Плетнева (30-хъ годовъ), такъ что хотя между ними и было, какъ сказано выше, 20 лѣтъ разницы, но на портретахъ они изображены приблизительно сверстниками (лѣтъ 45).

Считаю пріятной для себя обязанностью душевно поблагодарить здѣсь прежде всего глубокоуважаемую Александру Васильевну Плетневу, вдову Петра Александровича, за лестное довѣріе, мнѣ оказанное при печатаніи писемъ ея мужа, затѣмъ Леонида Николаевича Майкова за дѣятельную и добрую помощь при чтеніи корректуръ и составленіи примѣчаній, а также Степана Ивано-

1) Къ сожалѣнію, вполнѣ современнаго портрета не существуетъ: при началѣ переписки Я. К. Гроту было всего 27 лѣтъ.

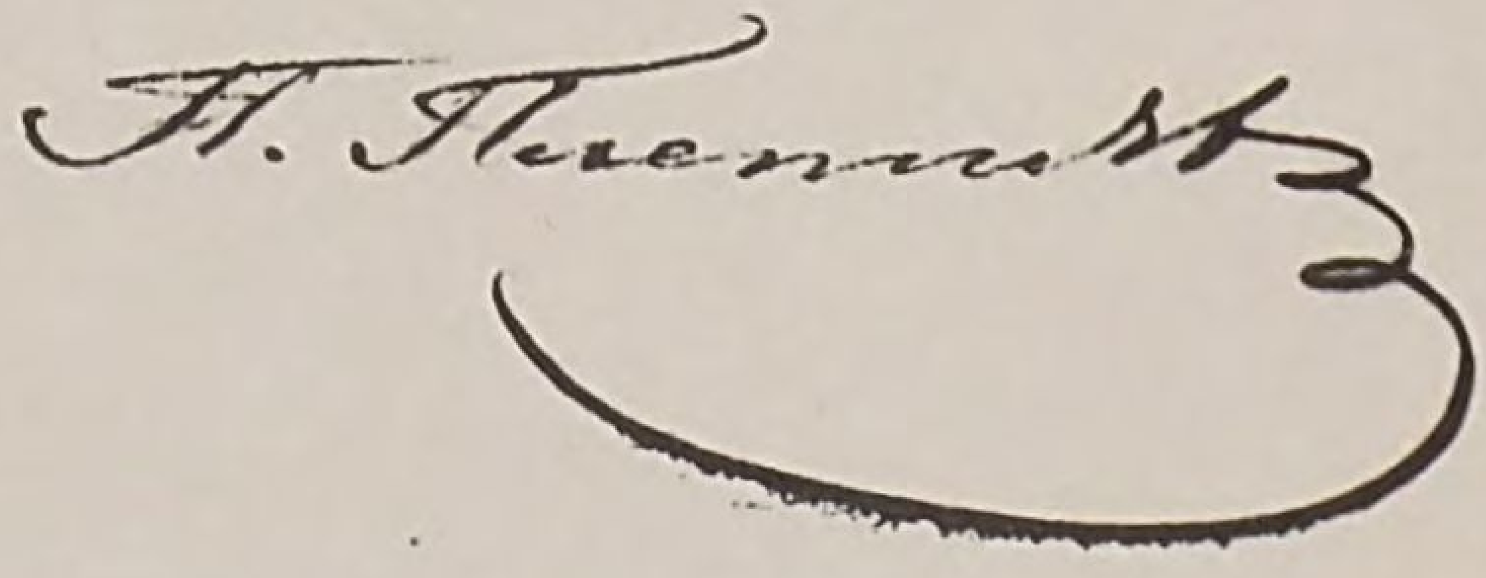
вича Пономарева за его многія полезныя сообщенія. Кромѣ того, прошу принять мою искреннюю благодарность за сочувственное содѣйствіе въ моей работѣ и любезное сообщеніе библіографическихъ указаній и другихъ разъясненій А. Ѳ. Бычкова, К. Н. Бестужева-Рюмина, Н. А. Лавровскаго, А. А. Куника, В. И. Саитова, Н. П. Ламбина, В. И. Шенрока, а также бывшаго профессора Александровскаго университета О. Э. Ельта (Otto Hjelt), Ѳ. Ѳ. Бруна, Г. Ф. Гартмана и другихъ.

Константинъ Гротъ.

Октябрь, 1895.

ные [illegible] в его книге [illegible] стенограмм. [illegible] хочет выразить свою искреннюю благодарность за [illegible] [illegible] по моей работе и [illegible] [illegible] и других [illegible] А. И. [illegible], [illegible], П. А. [illegible], А. А. [illegible] и [illegible], [illegible], В. И. [illegible], Б. И. Шорохова, а также [illegible] [illegible] Ленинградского университета [illegible] О. Ф. [illegible], Г. Ф. [illegible] и других.

Фототипія В. Класенъ, С. Петербургъ, Кадетская лин. № 7-2.

1840.

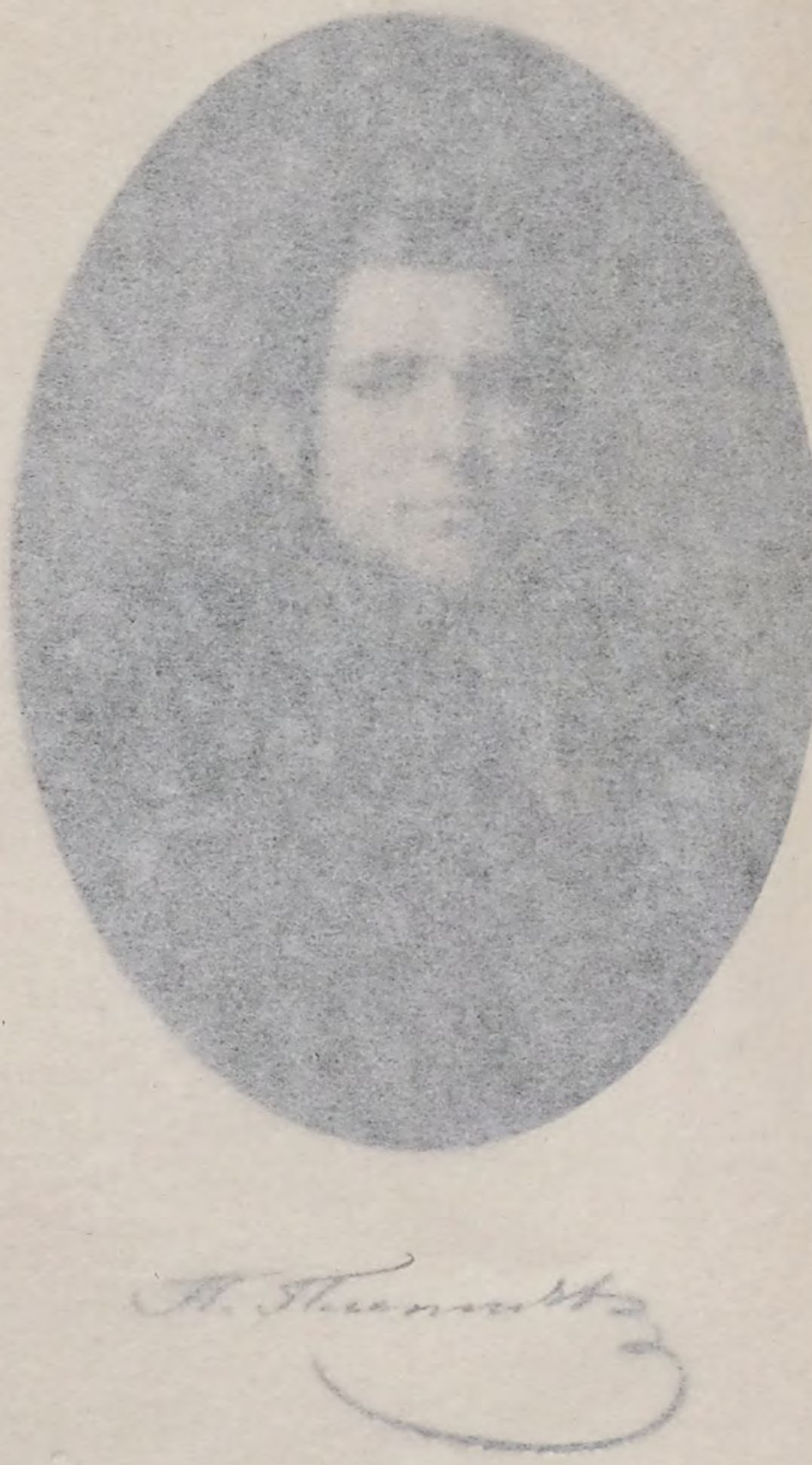
I.

[illegible], 18 [illegible] 1840 [1]).

[illegible] въ 5-мъ [illegible] обѣда. Пу- [illegible] удачныхъ. [illegible] въ 4 часа [illegible] почталіономъ [illegible] на [illegible] прекрасная; но [illegible] бросалась [illegible] что у [illegible] что [illegible] и что [illegible] волосъ и [illegible] на открытомъ [illegible], собственно со мною. [illegible] въ кузницѣ, какъ вдругъ [illegible] отворотился, [illegible] сюртука. [illegible] собственно о [illegible] попытки на [illegible]. Къ счастью, [illegible] сердствъ, и оба

[1]) [illegible] въ сопровожденіи его [illegible] по особымъ порученіямъ [illegible] графа [illegible].

[2]) [illegible] директоромъ.

1840.

1.

(Гротъ — Плетневу) *Гельсингфорсъ, 18 іюня 1840*[1]).

Мы прибыли сюда въ воскресенье, въ 5-мъ часу послѣ обѣда. Путешествіе наше было не изъ самыхъ удачныхъ. Въ четвергъ, въ 4 часа утра, почтовая тройка, приведенная почталіономъ, стояла уже на нашемъ дворѣ. Погода была прекрасная; но едва мы прибыли на первую станцію, какъ къ нашей бричкѣ бросились оттуда три бородача съ радостными восклицаніями, что у колеса отвалилась шина и косякъ со спицею изломанъ. Сначала я не догадывался, что причиною радости бородачей были мы, въ которыхъ они видѣли лакомую добычу, и что эти люди кузнецы. Они тотчасъ взяли одно изъ заднихъ колесъ и укатили его въ кузницу; мы ждали болѣе трехъ часовъ на открытомъ воздухѣ; тутъ случилось еще маленькое несчастіе, собственно со мною. Наблюдая за работой, я одинъ разъ подходилъ къ кузницѣ, какъ вдругъ оттуда вылетѣла огромная головня и, такъ какъ я вмигъ отворотился, то она упала мнѣ на спину и опалила часть верхняго сюртука. Неосторожный циклопъ испугался болѣе меня самого и страхомъ своимъ избавился отъ опасныхъ послѣдствій праведнаго гнѣва. Вскорѣ послѣ вторичнаго отъѣзда нашего пошелъ дождь, съ которымъ мы пріѣхали въ Выборгъ въ часъ ночи. На станціяхъ, на этой части дороги, меня не разъ поражала разница между русскими и шведскими гастгеберами. По вашу сторону границы меня спасалъ отъ непріятностей *открытый листъ*, подписанный Прянишниковымъ [2]), но я говорю собственно о Выборгской губерніи, гдѣ я на двухъ станціяхъ видѣлъ попытки на притѣсненія,—и обѣ находятся подъ надзоромъ русскихъ. Къ счастью, мнѣ хорошо извѣстны правила финляндскихъ гастгеберствъ, и оба

[1]) Это первое письмо писано по пріѣздѣ Я. К. Грота въ сопровожденіи его матери въ Гельсингфорсъ, когда онъ былъ назначенъ чиновникомъ по особымъ порученіямъ при статсъ-секретарѣ В. К. Финляндскаго графѣ Ребиндерѣ.

[2]) Ѳедоромъ Ивановичемъ, тогдашнимъ почтъ-директоромъ.

молодца остались съ носомъ. Къ вечеру увидѣли мы развалины недавно сгорѣвшаго Фридрихсгама [1]): грустно было смотрѣть на уцѣлѣвшіе гранитные фундаменты, изъ которыхъ торчали голыя печки, какъ остовы изъ могилъ. Казалось, что вмѣстѣ со стѣнами исчезли съ лица земли и самые обыватели, недавно наслаждавшіеся жизнію въ этихъ тѣсныхъ домикахъ: однако же, большая часть фридрихсгамскихъ жителей поселилась въ окрестностяхъ города, и если (что̀ еще не рѣшено) корпусъ переведутъ въ другое мѣсто, то они разойдутся по разнымъ городамъ. Дороги, отъ безпрерывнаго дождя, стали тяжеле обыкновеннаго и мы до самаго Гельсингфорса ѣхали все тройкой, но и тутъ подвигались иногда тихо, потому что во многихъ мѣстахъ лошади были утомлены отъ безпрестанной гоньбы. Не разъ крестьяне меня спрашивали, что значитъ такое необычайное множество проѣзжихъ, отправляющихся въ нынѣшнемъ году въ Гельсингфорсъ [2]). Въ самомъ дѣлѣ, я въ дневной книгѣ находилъ безпрестанно имена, иногда знакомыя, людей, ѣдущихъ сюда изъ Петербурга. Нынче богатые экипажи гремятъ по здѣшней мостовой, которая, я думаю, сама про себя дивится такой чести, привыкнувъ къ однимъ скромнымъ экипажамъ да повозкамъ. Вторую ночь спали мы въ 20-ти верстахъ отъ Фридрихсгама, подъ шумъ водопада Высокаго (Högfors), который *съ высотъ сыплется тремя скалами*. На слѣдующій день, въ субботу, надѣялся я провести вечеръ въ Борго съ Рунебергомъ [3]) и помянуть достойнымъ образомъ субботы петербургскія [4]); но меня опять подстерегала неудача. На первой станціи послѣ Ловизы, за неимѣніемъ лошадей на мѣстѣ, послали за запасными; но онѣ промучили наше терпѣніе битыхъ три часа. Въ Борго въѣхали мы не ранѣе 9-ти часовъ вечера; Рунеберга и другихъ моихъ знакомыхъ тамъ не было; ѣхать къ первому на мызу я не могъ, потому что не хотѣлъ оставить маменьки въ такое позднее время. Итакъ, мы, по примѣру мѣстныхъ жителей, улеглись пораньше спать, отвергнувъ даже ужинъ, который незлопа-

[1]) Въ этомъ 1840 году г. Фридрихсгамъ сталъ во второй разъ жертвой опустошительнаго пожара (первый былъ 6 августа 1821 г.), обратившаго въ пепелъ лучшую часть города. Пожаръ, благопріятствуемый сильнымъ сѣвернымъ вѣтромъ, продолжался съ 4-хъ часовъ утра до вечера и уничтожилъ 63 частныхъ дома и 11 общественныхъ зданій; убытокъ оказался въ 500.000 руб. асс.

[2]) Этотъ необычайный съѣздъ гостей былъ вызванъ имѣвшимъ состояться въ іюлѣ этого года торжествомъ 200-лѣтняго юбилея Александровскаго (Гельсингфорскаго) университета. О немъ рѣчь въ послѣдующихъ письмахъ.

[3]) Извѣстнымъ финляндскимъ (шведскимъ) поэтомъ. О немъ см. „Знакомство съ Рунебергомъ". Я. К. Грота, Современникъ 1839, т. XIII, стр. 5, а также см. статью Я. К. „Изъ міра шведской и финской поэзіи" въ юбилейной книжкѣ Ахматовой, 1881, Спб., стр. 7.

[4]) Пріемные дни (вечера) у А. О. Ишимовой, съ 1842 г. издательницы журнала „Звѣздочки", писательницы для дѣтей.

мятная на этотъ разъ старушка-трактирщица [1]) предлагала намъ. Наконецъ, мы торжественно тихимъ шагомъ совершили вшествіе въ нашу столицу и остановились прямо передъ своей квартирой. Въ ней мы, однако же, не нашли того, чего ожидали: она состоитъ только изъ трехъ комнатъ, потому что двѣ остальныя за хозяиномъ, которому онѣ нужны, когда онъ пріѣзжаетъ въ городъ. Конечно, для насъ и этого очень довольно; но мы должны теперь съ прискорбіемъ отказаться отъ наслажденія принять васъ, любезный Петръ Александровичъ, въ свои стѣны [2]). Не имѣя покуда мебели, мы во многомъ чувствуемъ недостатокъ; хорошо еще, что у насъ есть прислуга — русскій деньщикъ, которымъ насъ ссудили на время, и проворная дѣвчонка, шведка, знающая и по-русски. Здѣшніе мои знакомые оказываютъ мнѣ, по прежнему, большое радушіе и помощь; вчера мы обѣдали за table d'hôte въ клубѣ, называемомъ Societätshus(haus); тамъ хорошо кормятъ, но номеровъ ни тамъ, ни въ другихъ трактирахъ нѣтъ; я намѣренъ пріискать вамъ одну квартиру съ Павломъ Петровичемъ [3]), комнаты въ четыре или пять; но предваряю, что теперь квартиры здѣсь дороги; скажите также и князю Одоевскому [4]), если онъ еще собирается сюда. До сихъ поръ я еще не успѣлъ осмотрѣться, потому что погода прескверная; сегодня дождь продолжается во весь день.

19 іюня.

Вчера прервалъ я письмо, чтобы идти въ театръ. Тамъ отличный шведскій актеръ изъ Стокгольма, Дальквистъ, и еще другой послабѣе давали нѣсколько сценъ изъ Валленштейна, Гамлета, Разбойниковъ, Преступленія (Мюлльнера) и Донъ-Карлоса. Въ Гамлетѣ и Францѣ Морѣ Дальквистъ былъ точно неподражаемъ, въ остальныхъ роляхъ посредственъ. Въ театрѣ было людей немного, только низъ занятъ. Я сидѣлъ въ креслахъ рядомъ съ Цигнеусомъ [5]).

Вчерашняго утра видѣлъ я человѣка, котораго имя уже извѣстно вамъ, именно Илью Ленрота [6]). Съ радостію узналъ я въ день пріѣзда, что онъ еще здѣсь, и Цигнеусъ предложилъ мнѣ идти къ нему вчера вмѣстѣ со мною. Съ Цигнеусомъ вы не шутите: онъ такой же *ректоръ*,

[1]) Я вамъ разсказывалъ, что она разъ не хотѣла меня кормить за то, что я писалъ о ней въ газетахъ. *Примѣч. Я. Г.*

[2]) П. А. Плетневъ собирался въ Гельсингфорсъ къ юбилею университета въ качествѣ депутата С.-Петербургскаго университета (какъ его ректоръ).

[3]) Максимовичемъ, тогдашнимъ инспекторомъ классовъ Патріотическаго института и инспекторомъ казенныхъ училищъ спб. учебнаго округа.

[4]) Кн. В. Ѳ. Одоевскому, извѣстному писателю и беллетристу, ум. 1864 г.

[5]) Цигнеусъ (Cygnaeus, Фридр.), доцентъ Александровскаго университета, ректоръ высшей элементарной школы, финляндскій поэтъ, ум. 1881 г.

[6]) Знаменитаго собирателя финскихъ народныхъ пѣсенъ, открывшаго Калевалу. Срв. о немъ Современникъ 1840, т. XIX (О финнахъ и ихъ народной поэзіи).

*

какъ и вы, только не въ университетѣ, а въ школѣ, гдѣ и живетъ,— въ зданіи Сената. Поболтавъ съ часъ, мы пошли къ Ленроту: онъ живетъ въ хорошей части города, но въ бѣдномъ, красномъ домишкѣ на дворѣ. Ласково встрѣченный имъ, я увидѣлъ въ немъ человѣка среднихъ лѣтъ съ огненными глазами, съ добродушной улыбкой, съ лицомъ, почти багровымъ отъ загара, съ пріемами неловкими и вовсе не свѣтскими; онъ одѣтъ былъ грубо, въ длинномъ сюртукѣ изъ темносиняго, толстаго сукна, но его обращеніе и рѣчь такъ безыскусственны и просты, что я тотчасъ полюбилъ его отъ сердца. Онъ самъ, кажется, и не подозрѣваетъ въ себѣ никакого достоинства, и всякаго считаетъ выше себя.

При нашемъ приходѣ сидѣлъ онъ у стола, заваленнаго тетрадями, мелко исписанными; въ одну изъ нихъ онъ переписывалъ на-бѣло собранныя имъ въ народѣ лирическія пѣсни, изъ которыхъ онъ уже напечаталъ часть, составившую порядочную книгу. Вотъ главное занятіе его жизни, когда онъ свободенъ отъ дѣлъ по званію врача. Прежде онъ странствовалъ неутомимо и собиралъ пѣсни: теперь онъ съ тѣмъ же непреклоннымъ усердіемъ просиживаетъ цѣлые дни въ своей убогой комнаткѣ и собранное приводитъ въ порядокъ, переписываетъ, печатаетъ. Я дѣлалъ вопросы ему о разныхъ лицахъ и предметахъ, упоминаемыхъ въ его путевыхъ замѣткахъ, и онъ на все отвѣчалъ съ большимъ участіемъ. Вдругъ я замѣтилъ на стѣнѣ небольшую арфу или, называя ее по фински — кàнтелу, изъ простаго, некрашеннаго дерева. Когда я объ ней заговорилъ, Ленротъ тотчасъ взялъ ее и положивъ на колѣни, по обычаю финновъ, началъ играть на ея мѣдныхъ и желѣзныхъ струнахъ разныя чухонскія аріи. Потомъ онъ сталъ выносить изъ другой комнатки цѣлые тюки тетрадей съ народными пѣснями, изъ которыхъ многія остаются еще вчернѣ, какъ онъ писалъ ихъ съ голоса крестьянъ, другія же перебѣлены имъ, третьи написаны рукою самихъ пѣвцовъ, изъ коихъ не малое число умѣетъ писать прямо, четко и часто даже красиво; это искусство пріобрѣтаютъ они самоучкой, доставая, гдѣ только можно, прописи. Ленротъ, во время своихъ странствованій, самъ часто изготовлялъ для нихъ такія прописи: у него хорошій почеркъ. Теперь всѣ финны не только внутренней Финляндіи, но и Архангельской губерніи уже знаютъ его и нерѣдко получаетъ онъ отъ тамошнихъ поселянъ письма и пѣсни, иногда съ просьбою напечатать ихъ, если онѣ годятся. Онъ издаетъ на финскомъ языкѣ листокъ „Пчела“ (Mehilaïnen). Оттуда и изъ рукописныхъ тетрадей прочелъ онъ мнѣ, съ буквальнымъ шведскимъ переводомъ, разныя чрезвычайно любопытныя пѣсни, которыя обѣщалъ доставить и на письмѣ. Между разговоромъ и этими чтеніями, ему вдругъ вздумалось (въ 12 ч. дня) поить насъ чаемъ. Онъ взялъ съ своего комода маленькій самоварчикъ и вынесъ его куда-то; потомъ самъ же принесъ его уже съ кипяткомъ на старое мѣсто и налилъ три стакана чаю

отъ котораго я, однако же, по обыкновенію, отказался. Мы ему замѣтили, что довольно странно пить около обѣденнаго времени чай; онъ отвѣчалъ, улыбаясь, что ѣстъ и пьетъ, когда случится, зачастую вовсе не обѣдаетъ и довольствуется ужиномъ, а днемъ, сидя за работой, пьетъ чай. Тутъ онъ сѣлъ возлѣ своего самоварчика, выдвинулъ изъ комода верхній ящикъ, въ которомъ показались обломки и крохи разнаго хлѣба и, вынувъ кусокъ выборгскаго кренделя, принялся убирать его съ чаемъ. Онъ, видимо, обрадовался, когда я сказалъ ему, что всеподданнѣйшая просьба Війляйнена напечатана по-русски [1]), и что вскорѣ я это пришлю ему, вмѣстѣ съ переводомъ мѣстъ изъ Калевалы (онъ скоро ѣдетъ въ свою сѣверную Финляндію). Меня же особенно обрадовало то, что онъ знаетъ и читаетъ по-русски, ошибаясь только въ удареніяхъ. Когда мы собрались уйти, онъ подалъ мнѣ недавно отпечатанный первый томъ финскихъ лирическихъ пѣсенъ, прося принять въ знакъ памяти, но черезъ минуту взялъ назадъ и сдѣлалъ надпись: „Herra Grotille (это дат. падеж. по фински) nöyrimmästi kokoojalta“. Послѣднія два слова остаются пока тайной для меня. [2]) Тогда я вынулъ изъ кармана двѣ-три изъ своихъ статеекъ и вручилъ ему въ отплату. „Такъ вотъ вашъ Ленротъ!“ сказалъ я Цигнеусу, сходя съ нимъ по лѣстницѣ. — „Въ полномъ смыслѣ финнъ“, — отвѣчалъ онъ, — „и тѣломъ, и душой. То-то и пріятно видѣть, что онъ весь безраздѣльно отдался своему любимому занятію и ни въ чемъ не измѣняетъ себѣ“. Въ самомъ дѣлѣ, онъ даже тѣлодвиженіями и пріемами настоящій чухна: когда онъ говоритъ, то часто киваетъ головой и поводитъ рукой, какъ эти добрые финны, которыхъ вамъ, можетъ быть, случалось встрѣчать на станціяхъ въ Выборгской губерніи. Вечеромъ, идучи въ театръ, мы опять зашли къ Ленроту, который сказалъ намъ по-утру, что можетъ быть также сберется туда; онъ, однако же, не рѣшился на это. Теперь застали мы у него еще одного замѣчательнаго финна, Готлунда [3]), который писалъ и ученыя замѣчанія о финнахъ и финскіе стихи; онъ долго жилъ въ Швеціи, но теперь опять поселился въ своемъ отечествѣ. И у него та же непригляданая наружность, та же грубая одежда и та же скромная натуральность въ обращеніи. Ленротъ сказалъ мнѣ, что онъ только-что переводилъ своему земляку отрывки изъ моей статьи „Гельсингфорсъ“ [4]),

[1]) Разумѣется разсказъ о крестьянинѣ-финнѣ (Петрѣ Війляйненѣ), обратившемся къ императору Александру I съ проектомъ *боевой колесницы*, назначенной для истребленія турокъ. Разсказъ этотъ, какъ и самый документъ (всеподданнѣйшая просьба) напечатаны Я. К. въ его статьѣ „О финнахъ и ихъ народной поэзіи“ въ Современникѣ 1840, т. XIX, стр. 14—17.

[2]) Значатъ они: „отъ всепокорнѣйшаго собирателя“.

[3]) Финскаго ученаго и путешественника, лектора финскаго языка въ Александровскомъ университетѣ, ум. 1875 г.

[4]) Въ Современникѣ 1840, т. XVIII, стр. 103.

и, взявъ ее, началъ вслухъ читать мѣста оттуда. Онъ читаетъ по-русски очень сносно, только, какъ я уже упомянулъ, не твердъ въ удареніяхъ. Мы говорили о васъ, и добрые финны немножко спекулируютъ на вашу протекцію, къ чему здѣшній юбилей представитъ удобный случай. Они давно задумываютъ отправить кого-нибудь изъ смышлёныхъ своихъ земляковъ, знающаго по-русски, въ Сибирь, для сравненія тамошнихъ племенъ съ финнами и отысканія сходства между тѣми и другими, но не видятъ къ тому никакихъ способовъ. Есть у нихъ еще одинъ тузъ, Кастренъ [1]), который уже странствовалъ много по Лапландіи и знаетъ по-русски: его они назначаютъ на это и хотятъ вамъ бить челомъ, не можете ли вы склонить Министерство просвѣщенія на подачу имъ помощи для такого предпріятія. Возвратясь съ юбилея, вы, кажется, можете замолвить объ этомъ словечко. Когда пріѣдете, поговоримъ объ этомъ подробнѣе. Вотъ какіе есть люди въ Финляндіи: они еще не оторваны отъ лона матери природы, и живя въ бѣдности, не зная ни въ чемъ роскоши, богаты только внутреннимъ достоинствомъ и ничего, кромѣ этого, не ищутъ. У васъ объ нихъ не имѣютъ и понятія и, можетъ быть, побывавъ съ ними, иной сказалъ бы: „quel mauvais genre!"

Черезъ два часа.

Сейчасъ я искалъ для васъ квартиры, вмѣстѣ съ Максимовичами, но рѣшительно ничего еще не могу сказать; напишите мнѣ, если успѣете, сколько времени вы, собственно, предполагаете здѣсь остаться. Во всякомъ случаѣ, я буду имѣть въ виду нѣсколько квартиръ и, когда вы пріѣдете, отъ васъ будетъ зависѣть выборъ.

2.

(Гротъ — Плетневу) *Гельсингфорсъ, 1 (?) августа 1840* [2]).

Разставшись съ вами, я съ Мухлинскимъ [3]) шибко поскакалъ въ городъ, благодаря мальчишкѣ, который, ставъ на оглобли и прислонясь къ острой доскѣ, прелестно гналъ своего коня во всю мочь. Въ тотъ же день вечеромъ бывъ въ Свеаборгѣ, особенно плывя туда и назадъ, я очень, очень сожалѣлъ, что васъ не было со мной. Вода была какъ зеркало, небо яснехонько, виды божественны. Когда я возвращался изъ Свеаборга въ 10-мъ часу вечера, Гельсингфорсъ былъ слегка

[1]) Извѣстный финскій филологъ и этнографъ-путешественникъ по сѣверу Россіи и Сибири, см. некрологъ его, пис. Я. К. Гротомъ, „Спб. Вѣд.", 1852, № 10.

[2]) Это — первое письмо Я. К. Грота къ Ишимовой съ припиской Плетневу по отъѣздѣ послѣдняго изъ Гельсингфорса послѣ юбилея Александровскаго университета.

[3]) Мухлинскій, Антонъ Осиповичъ, — оріенталистъ, профессоръ восточныхъ языковъ въ С.-Петербургскомъ университетѣ, бывшій также на юбилеѣ въ Гельсингфорсѣ.

освѣщенъ румянцемъ заката, а за мной Свеаборгъ былъ черенъ, какъ адъ. Никогда не забуду этой картины.

Пожалуйста, Петръ Александровичъ, не забудьте въ скорѣйшемъ времени сообщить свѣдѣнія, какія вы обѣщали забрать отъ Фишера и Ревильона [1]). Здѣсь крайняя нужда въ русской типографіи. Письмо наше къ Ребиндеру [2]) еще не отправлено [3]): понедѣльничную почту въ Або я пропустилъ; но вѣдь дѣло не спѣшное. Я уже началъ вставать въ 6 час. и принялся за работу. Купаюсь два раза въ день. Надѣюсь прислать вамъ кое-что въ Современникъ въ скоромъ времени.

Мухлинскій сегодня обѣдаетъ съ двумя гостьми поляками у „Каролины и Софіи" [4]). Онъ беретъ съ собой книги, какія будутъ для васъ. Письмо къ вамъ отъ Александры Осиповны [5]) посылается особо съ этою же почтой.

3.

(Плетневъ — Гроту) *Спб., суббота, 3 августа 1840* [6]).

Не желая пропустить сегодняшней почты, не увѣдомивъ васъ, милый Яковъ Карловичъ, о пріѣздѣ нашемъ въ С.-Петербургъ, пишу къ вамъ наскоро, между уборкою бумагъ въ кабинетѣ и ожиданіемъ съ бумагами дѣлъ. Вообразите, что С.-Петербургскій округъ съ 18 іюня по сіе время оставался безъ администраціи. Кн. Волконскій [7]) сдержалъ свое слово и, не дождавшись отвѣта моего, уѣхалъ въ Фаль. Не знаю, что̀ мнѣ скажетъ на это министръ, да и не увѣренъ, здѣсь ли онъ: дѣло рѣшитъ все.

Разставшись съ вами на первой станціи, мы на второй принуждены были ночевать за недостаткомъ лошадей. Я спалъ въ коляскѣ самымъ безпокойнымъ образомъ, не раздѣваясь и почти слыша все, что̀ около меня происходило на дворѣ. Утромъ въ 3-мъ часу пустились мы далѣе. Въ Борго я не нашелъ ни одного человѣка изъ нашей аристократіи. Всѣ на дачахъ. Былъ и въ лавкѣ Ӭмана [8]); но его тутъ не случилось.

[1]) Содержателей извѣстныхъ въ С.-Петербургѣ типографіи и словолитни — Егора Ѳедоровича Фишера и Жоржа Ревильона.

[2]) Гр. Роберту Ив., министру ст.-секрет. Финлянд., испр. д. канцлера Алекс. университета, ум. 1841 г.

[3]) Письмо объ отправкѣ книгъ „Современника" и др. въ Финляндію. Объ этомъ еще ниже.

[4]) Разумѣется извѣстный въ Гельсингфорсѣ ресторанъ.

[5]) Ишимовой.

[6]) Первое письмо П. А. Плетнева къ Я. К. Гроту по возвращеніи его изъ Гельсингфорса съ юбилея.

[7]) Кн. Гр. Петр. Волконскій, тогда помощникъ попечителя С.-Петербургскаго университета и учебнаго округа.

[8]) Книгопродавецъ въ Борго, братъ И. Э. Ӭмана, лектора и издателя мѣстнаго листка.

Я оставилъ ваше письмо въ лавкѣ его, а васъ прошу приказать ему черезъ почту выслать на мое имя въ университетъ лексиконъ и Шиллера Александрѣ Осиповнѣ. На вторникъ ночевали мы не доѣзжая станціи до переѣзда черезъ Кюмень. Отсюда подъ вечеръ пріѣхали мы къ Вильманстранду. Онъ на берегу Саймы. Отъ роду ничего я не видывалъ красивѣе и величественнѣе этого мѣста. Ночевали мы на станціи за два переѣзда до Иматры, на которой пробыли до 3 часовъ пополудни въ среду. Послѣднюю ночь мы ѣхали и прибыли вчера домой въ 5 часовъ вечера безъ особыхъ приключеній, кромѣ задержки въ лошадяхъ.

Прошу васъ, Яковъ Карловичъ, засвидѣтельствовать мое почтеніе вашей маменькѣ. Я никогда не забуду тѣхъ милыхъ вечеровъ, которые мы провели у ней.

Всѣмъ въ Гельсингфорсѣ мой поклонъ непремѣнно, кто только вспомнитъ обо мнѣ.

4.

(Плетневъ — Гроту) ***Спб., вторникъ, 6 августа 1840.***

Написавъ къ вамъ письмо, милый Яковъ Карловичъ, въ субботу я сдѣлалъ первый выѣздъ изъ дому на почту. На возвратномъ пути домой я увидѣлъ, что проѣхалъ отъ себя нашъ министръ. У меня блеснула мысль мчаться къ нему и записаться, что я и сдѣлалъ. Въ воскресенье съ утра уже началъ блеять мой колокольчикъ и не перестаетъ до сихъ поръ. Я, впрочемъ, не совсѣмъ былъ спокоенъ, не видавшись ни съ Волконскимъ (который въ Ревелѣ), ни съ Уваровымъ [1]), который сегодня вечеромъ уѣдетъ въ Варшаву. Итакъ, опять я поѣхалъ къ нему. Онъ даже не упомянулъ о томъ, что я такъ долго просрочилъ. Былъ любезенъ, какъ нельзя болѣе, особенно отъ того, что онъ въ Варшавѣ долженъ ожидать прибытія Императора. Итакъ, если бы не Волконскій, я съ 19 іюля по 28-е могъ бы безмятежно съ вами поживать да купаться. Но таковы люди: они непремѣнно что-нибудь да испортятъ въ нашей жизни. Пріѣхавъ отъ Уварова, я нашелъ у себя Нордстрема [2]) и Максимовича. Послѣ обѣда пустились мы всѣ на Елагинъ. Вечеръ былъ прелестный! Для общаго нашего счастія недоставало только васъ. На чай прибыли къ Александрѣ Осиповнѣ [3]), гдѣ ожидало насъ ваше къ ней письмо. То, что̀ вы написали ей объ ожиданіи меня и о проводахъ, доказало мнѣ, что вы рождены

[1]) С. С. Уваровъ — министръ народнаго просвѣщенія.

[2]) Ив. Андр., брата Христ. А., доктора, тогда состоявшаго при Казанскомъ университетѣ, имя котораго встрѣчается позже.

[3]) Ишимовой.

не только для филологіи, но и для ораторства. Тутъ столько патетическаго, что я почти сквозь слезы смѣялся. Милый мой! вы очень сильно чувствуете. Я это много разъ испыталъ. Но не предавайтесь чувству. Оно хоть и прекрасно, только мучительно. Мы должны болѣе работать, нежели мечтать. Минуты наслажденія будемъ ловить и красть у судьбы, но не поддадимся ея силѣ. Она не должна быть властительницею нашей. Въ понедѣльникъ съ утра поѣхалъ я и справилъ комиссіи вашей маменьки и ваши. Одоевскаго не было въ отдѣленіи: онъ на дачѣ — и я упросилъ ему переслать ваше письмо о Кастренѣ. Остается исполнить комиссію у Фишера и Ревильона. На-дняхъ и она будетъ кончена. Сегодня утромъ опять приливъ народу. Былъ даже Булгаринъ просить за дерптскаго студента.

NB. Всѣмъ до одного кланяйтесь.

Среда, 7 августа 1840.

Вы пишете, Яковъ Карловичъ, что скоро доставите мнѣ статью въ Современникъ. Очень, очень за это благодаренъ. Да нельзя ли предварительно увѣдомить меня о ея содержаніи. Я уже приступилъ къ набору № 4 за сей годъ. Придѣлавъ предисловіе къ статьѣ Квитки [1]) о журналахъ, велѣлъ ее набирать. За нею пойдетъ статья Ал. Ос. объ Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ. Скоро займусь предисловіемъ къ обѣду Францѣна [2]). Обнимаю васъ и ожидаю писемъ.

5.

(Гротъ — Плетневу) *Гфорсъ, 7 августа 1840.*

Благодарю васъ, любезный Петръ Александровичъ, за скорое увѣдомленіе о себѣ. Вообразите: рескриптъ Наслѣдника [3]), который я вамъ здѣсь въ копіи прилагаю, прибылъ еще наканунѣ вашего отъѣзда, и объ этомъ-то ректоръ [4]) хотѣлъ васъ увѣдомить, когда принесъ карточку: *p. p. c.* Онъ приходилъ къ вамъ опять въ понедѣльникъ, когда ужъ васъ не было. Сколько я помню, ваши слова остались въ этой бумагѣ неприкосновенными. Всѣ университетскіе очень обрадованы такимъ лестнымъ привѣтствіемъ. Оно переводится совокупными усиліями трехъ здѣшнихъ знатоковъ шведскаго и русскаго языка—на шведскій и

[1]) Извѣстнаго малороссійскаго писателя (Основьяненко).

[2]) Знаменитаго шведскаго поэта, тогда епископа Гернесандскаго. Въ честь его въ дни университетскаго юбилея нѣсколько русскихъ литераторовъ давали обѣдъ, о чемъ ниже.

[3]) Вел. Кн. Александра Николаевича, канцлера Александровскаго университета. Текстъ этого рескрипта см. въ *Дополненіяхъ*.

[4]) Урсинъ (Nils Abr. Ursin) — профессоръ и ректоръ Александровскаго университета, ум. 1851 г.

потомъ будетъ напечатано въ наиболѣе распространенной финляндской газетѣ (Finnlands Allmänna Tidning) на обоихъ языкахъ. Одно слово особенно затрудняетъ переводчиковъ: слово „сочлены", которое тутъ очень важно, но которое по-шведски придется, кажется, замѣнить словомъ „собратья". Прекраснѣе всего періодъ, начинающійся словомъ „отсутственный", но тутъ въ послѣднемъ выраженіи два раза помѣщенный предлогъ *съ* при глаголѣ *соединенъ* нѣсколько затемняетъ мысль. Оттого въ обоихъ переводахъ, которые я видѣлъ, фраза эта передана прозаически, о чемъ я сбираюсь поговорить съ кѣмъ слѣдуетъ.

Вы и Александра Осиповна, — не знаю нарочно или невзначай, — ввели меня въ ошибку очень благодѣтельную: вы говорили, что Современникъ долженъ выйти 1-го сентября, но я разсчиталъ, что новый срокъ его появленія 1-е октября, почему у насъ остается гораздо болѣе времени для работы, нежели сколько я думалъ, принявшись за новую статью. Однакожъ тѣмъ лучше, что я ошибался: я принялся живѣе и кончу ранѣе, чѣмъ было бы въ противномъ случаѣ. Статья моя будетъ преимущественно состоять изъ переводовъ, что очень кстати когда надобно торопиться. Увѣдомьте непремѣнно: будетъ ли напечатано въ слѣдующемъ Современникѣ что-нибудь изъ вашихъ писемъ или новыя какія-нибудь ваши замѣтки о бывшихъ здѣсь торжествахъ. Мнѣ необходимо знать это, потому что въ такомъ случаѣ въ моей статьѣ ужъ не нужно упоминать о формѣ здѣшнихъ праздниковъ, которыхъ сущность и значеніе составляютъ одинъ изъ ея предметовъ. Прекрасно было бы, еслибъ вы взялись описать, что̀ видѣли здѣсь: это даже *безусловно долгъ вашъ*, болѣе нежели долгъ кого-либо изъ другихъ бывшихъ въ Гельсингфорсѣ депутатовъ отъ русскихъ ученыхъ обществъ, потому что вы не только депутатъ, но и ректоръ университета, — представитель заведенія, однороднаго съ тѣмъ, у котораго вы были въ гостяхъ. Вашъ университетъ въ правѣ *требовать* отъ васъ такого отчета, а съ университетомъ и наша литература, разочарованная на счетъ Финляндіи описаніями новаго друга нашего [1]). Болѣе же всѣхъ того *требуетъ* отъ васъ здѣшній университетъ, громко вопіющій противъ нелѣпыхъ ошибокъ и прозаическаго образа мыслей того же пріятеля. Да не забывайте извѣстнаго *предисловія* [2]): ради Бога, примитесь за него во-время, чтобы не вышло поспѣшности или — что еще хуже — чтобы не лопнуло наше предпріятіе. Натвердите тоже и князю Одоевскому, да озаботьтесь, чтобъ содержаніе моего письма къ нему непремѣнно было сообщено немедленно и Сологубу [3]), если этого до сихъ поръ, по непростительной

[1]) Т. е. Булгарина.

[2]) Къ задуманному (и позже изданному) Альманаху въ память 200-лѣтняго юбилея Александровскаго универститета.

[3]) Графъ В. А. Сологубъ — извѣстный писатель, ум. 1888 г.

небрежности, еще не сдѣлано. Письмо ваше къ гр. Ребиндеру отправлено. Не забудьте, что послѣднiй № Современника еще не посланъ къ Рунебергу. Потрудитесь выслать его съ будущимъ № — путемъ, который я укажу въ свое время. Мы живемъ тихо и довольно уединенно. Однакожъ дѣлаемъ и исключенiя. Княгиня Шаховская [1]) повторила желанiе познакомиться съ маменькой, и, обмѣнявшись съ нею визитами, мы обѣдали у ней вчера. Обѣдъ былъ прекрасный въ русскомъ вкусѣ. Княгиня и всѣ прочiе вспоминали и много говорили о васъ: я имъ читалъ бывшую со мной подлинную бумагу Наслѣдника. Сегодня я съ Цигнеусомъ провелъ утро и обѣдалъ у Готлунда; прiятно поболтали и погуляли. По вечерамъ при лунномъ сiянiи я иногда гуляю съ маменькой по разнымъ мѣстамъ, особенно по мостамъ, что ведутъ на Петербургскую дорогу. Какiе ненаглядные виды! Трудно оторваться отъ нихъ. Вы восхитились Вильманстрандомъ. Да, прекрасный видъ! Но что бы вы сказали, еслибъ посмотрѣли на окрестности Таммерфорса, которыя несравненно великолѣпнѣе. Я разсказывалъ гр. Армфельту [2]) претензiю Гельсингфорскаго гастгебера за жданье лошадей и онъ порадовался пользѣ, какую мы въ этотъ случаѣ извлекли изъ его имени. У Мухлинскаго гостили два поляка, которые сегодня уѣхали.

Настаиваете ли вы, чтобъ Фуссъ [3]) написалъ извѣстную апологiю въ нѣмецкихъ С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ? Пользуется ли онъ вашими письмами? Въ послѣднемъ № газеты Борго подняли немножко на зубокъ статью Муральта [4]). Тамъ же пропѣта хвалебная пѣснь моей послѣдней статьѣ о Финнахъ. Пожалуйста, напишите мнѣ о результатѣ вашего письма къ Фуссу. Какъ обдѣлали вы ваши дѣла? Видѣлись ли съ министромъ?

Цигнеусъ и многiе другiе, особливо же Урсинъ, кланяются вамъ и много благодарятъ за участiе въ рескриптѣ.

Прибавленiе: анекдотъ, разсказанный мнѣ отцомъ прекрасной Гартманъ. За юбилейнымъ обѣдомъ Францѐнъ сидѣлъ рядомъ съ Музовскимъ [5]) и спросилъ его, какъ ему понравилось празднество. — „Я былъ,

[1]) Мать сенатора Николая Ивановича Шаховского († 188

[2]) Гр. Армфельтъ, Густ. Магн., губернаторъ Гельсингфорскiй (Нюландскiй).

[3]) П. Н. Фуссъ — математикъ, непремѣнный секретарь Императорской Академiи Наукъ, ум. 1855 г.

[4]) Эдуарда, извѣстнаго автора Византiйской Хронографiи и друг. статей по Византiйской исторiи (нынѣ живущаго въ Швейцарiи), бывшаго на Гельсингфорскомъ юбилеѣ и послѣ путешествiя по Финляндiи описавшаго свои впечатлѣнiя въ статьѣ: „Finland im Juli 1840. Denkblätter eines Schweizers... nebst einer Karte, срв. еще: St. Petersb. Zeitung, 1840, №№ 183 — 185. Но тутъ разумѣется принадлежащая повидимому ему статья „Helsingfors und die zweite Jubelfeier der dortigen Universiität“ (Auszug aus einem Briefe) въ № 158 и 159 „St. Petersb. Zeitung“, отъ 16 и 17 iюля.

[5]) Николаемъ Васильевичемъ, оберъ-священникомъ гвардiи и Высочайшаго Двора, духовникомъ Е. И. В., ум. 1848 г.

сказалъ тотъ, въ разныхъ мѣстахъ за границею: тамъ болѣе дѣла, но меньше церемоній; здѣсь, кажется, церемоніи играютъ главную роль“.— Францѐнъ помолчавъ отвѣчалъ: „Я былъ не разъ въ русской церкви. Тамъ также нѣтъ недостатка въ церемоніяхъ; скрывается ли подъ ними дѣло, не могу судить, но церемоніи играютъ тамъ не послѣднюю роль“. Изъ этого колкаго отвѣта видно, какъ старикъ былъ обиженъ замѣчаніемъ Музовскаго.

(Приписка въ письмѣ Я. К. Грота къ А. О. Ишимовой).

Прилагаю № Финляндской газеты съ статьею для П. А. интересною. Въ будущій разъ пришлю ту, гдѣ напечатаны стихи Цигнеуса къ Наслѣднику. Переводъ здѣсь не близокъ, средній періодъ переведенъ такъ: „хотя отсутственный, я однакожъ мыслями присутствовалъ между вами, мои любезные! *которые вмѣстѣ со мною работаете для той же цѣли*, и отъ сердца присоединялся ко всѣмъ вашимъ желаніямъ благаго, справедливаго и истиннаго.

Мнѣ пріятно будетъ получить описаніе совершившихся праздниковъ, и я пребываю“...

Подчеркнутыя слова должны замѣнять слово: *сочлены*, котораго пошведски нельзя выразить!

6.

(Плетневъ — Гроту) *Спб., суббота, 10 августа 1840.*

Теперь два часа пополуночи. Я сейчасъ кончилъ второй листъ корректуры Современника. Онъ меня очень потревожилъ. Тутъ находится отзывъ Квитки о Современникѣ въ его пьесѣ: „Званые гости“. Уморительно смѣшно, но безсовѣстно самому о себѣ напечатать такой отзывъ. Однакожъ дѣлать нечего: я уже подписалъ печатать. Пусть посмѣются, поострятъ и поругаются. Вы, Яковъ Карловичъ, не будете оттого менѣе любить меня, а для меня и довольно одного этого. Что мнѣ до другихъ? При избыткѣ статей я не напечаталъ бы этой. Но теперь ничего нѣтъ, а я, прогулявъ мѣсяцъ, долженъ спѣшить. Впрочемъ, я въ предисловіи сказалъ, что похвалъ его не принимаю за чистыя деньги, а какъ вѣжливость человѣка, который со мною обо мнѣ же разговариваетъ.

Напишите мнѣ, Яковъ Карловичъ, былъ ли кто столько милъ въ Гельсингфорсѣ, чтобы помянуть меня по отъѣздѣ? Не нужно ли и мнѣ написать кому-нибудь? Съѣздите къ Вульферту [1]) на дачу и скажите, что я не перестаю вспоминать о томъ днѣ, который у нихъ провелъ. Не отвѣчалъ ли Францѐнъ? Пришлите копію. Нашли ли вы квартиру?

[1]) Финляндскому почтъ-директору.

У кого вы чаще бываете? Не возвратился ли генералъ Чепурновъ [1])? Право, мнѣ все такъ у васъ любопытно. Я васъ прошу каждому изъ знающихъ меня пересказывать, какъ я ими всѣми не перестаю интересоваться. Обнимаю васъ и жду подробностей каждаго вашего дня.

7.

(Гротъ — Плетневу) ***Гфорсъ, воскрес. 11 авг. 1840 г., 11 ч. веч.***

Завтра Гольтгойеръ [2]) отправляется въ Петербургъ и проситъ письма, что̀ я и исполняю очень охотно. Какъ пріятенъ былъ для меня послѣдній почтовый день, который привезъ мнѣ вдругъ два письма отъ *субботнихъ* [3]). Знаете ли, что Гельсингфорсъ между своими выгодами представляетъ и удовольствіе, котораго въ Петербургѣ нѣтъ. Ждать прихода почты и черезъ нѣсколько часовъ послать за письмами; потомъ ждать ихъ съ надеждою и страхомъ, и получить иногда болѣе, нежели ожидалъ, — это наслажденіе, котораго у васъ не знаютъ! За то всѣ другіе дни кажутся ужъ скучными въ сравненіи съ почтовыми: эти такъ избаловываютъ, что потомъ чуть не каждый день въ 5-мъ часу думаешь: не сегодня ли посылать за письмами? и потомъ, сморщась, садишься за письменный столъ. Читая описаніе вашего препровожденія времени, я старался припоминать, что̀ я въ тѣ же часы тогда-то и тогда-то дѣлалъ; но дни смѣшивались въ моей памяти, и чтобы предупредить это на другой разъ, также чтобы не забывать въ письмахъ ничего для меня важнаго, я въ тотъ же вечеръ принялся опять писать свой журналъ, въ который ничего не вносилъ съ 1 іюня, когда былъ еще въ Петербургѣ. Итакъ, поводомъ къ его возобновленію были ваши письма. Надѣюсь, что они его и поддержатъ: прекращеніе или урѣженіе ихъ будетъ смертельнымъ для него ударомъ.

6 час. утра 12 августа.

Написавъ это число, я вспомнилъ, что два года тому назадъ въ этотъ самый день я поѣхалъ въ Борго знакомиться съ Рунебергомъ. Не думалъ я тогда, что черезъ два годишка буду такимъ близкимъ сосѣдомъ его. Нѣсколько дней тому назадъ Цигнеусъ показалъ мнѣ прекрасные стихи, написанные имъ 4 года тому назадъ къ Наслѣднику. По моей настоятельной просьбѣ, онъ далъ мнѣ ихъ для напечатанія въ одной изъ здѣшнихъ газетъ, но съ тѣмъ, чтобы его имя осталось неизвѣстнымъ. Ректоръ, съ которымъ я совѣтывался на этотъ

[1]) Ив. Ал. Чепурновъ, генералъ-маіоръ, начальникъ штаба войскъ въ Финляндіи.

[2]) Конст. Ѳед., сынъ директора Царскосельскаго лицея, Ѳед. Григор. Гольтгойера († 1848).

[3] Такъ въ шутку называетъ Я. К. — Ишимову и друзей своихъ, собиравшихся у нея по субботамъ.

счетъ, рѣшилъ, что ихъ надобно помѣстить вслѣдъ за рескриптомъ въ одномъ и томъ же №, но редакторъ отозвался, что это неприлично, тѣмъ болѣе, что въ его газетѣ стихи почти никогда не помѣщаются; что онъ однакожъ съ радостію напечатаетъ стихи въ слѣдующемъ №. Рескриптъ будетъ, вѣроятно, напечатанъ сегодня; сегодня же пошлю ему и стихи, хотя Цигнеусъ и не сдѣлалъ въ нихъ тѣхъ перемѣнъ, какія велѣлъ редакторъ. Урсинъ читалъ мнѣ также письмо отъ гр. Ребиндера, который пишетъ, что съ тою же почтой послалъ и вамъ отвѣтъ на ваше письмо, ректора же увѣдомляетъ, что журналы будутъ присылаемы на его имя, съ тѣмъ, чтобы онъ ужъ и раздавалъ ихъ, но пока неизвѣстно — кому они назначаются, — отдавалъ ихъ мнѣ. Вѣроятно, вамъ графъ вмѣстѣ съ этимъ отвѣчаетъ и на другую статью письма: съ нетерпѣніемъ жду вашего увѣдомленія. Вамъ требуется знать, что̀ я пишу для Современника. Я намѣренъ, въ видѣ дополненія къ описаніямъ бывшихъ здѣсь праздниковъ, упомянуть обо всемъ, что̀ около того времени вышло изъ печати въ Финляндіи, не забывая и замѣчательныхъ статей въ газетахъ. Иное я перевожу, о другомъ только упоминаю. Вещь будетъ не очень большая; необходимо, чтобы въ самомъ Современникѣ было хоть краткое описаніе праздниковъ, съ показаніемъ, въ чемъ именно заключаются обряды *промоцій*. О нихъ безпрестанно говорятъ въ переведенной мною статьѣ Аттербома, и потому читатель непремѣнно долженъ знать, въ чемъ дѣло. Итакъ, то, что я готовлю, можетъ помѣститься въ Современникѣ какъ прибавленіе къ тому описанію, которое вы составите, и за которымъ оно должно слѣдовать непосредственно, съ маленькимъ только объясненіемъ. Ваше будетъ слѣдовательно 1-ю статьей журнала подъ рубрикою: „Современныя записки“.

Въ четвергъ вечеромъ прибылъ къ Гельсингфорсу казенный пароходъ *Ижора* съ огромнымъ обществомъ изъ Ревеля, въ которомъ были между прочимъ Карамзины, графиня Росси, Вьельгорскіе, нашъ гр. Соллогубъ и графиня Бенкендорфъ, главная особа, получившая этотъ пароходъ для закупки года на два контрабанды въ Гфорсѣ. Я видѣлся съ Сологубомъ на улицѣ (онъ былъ у меня, но не засталъ), и онъ меня представилъ своей невѣстѣ съ разными любезностями и приглашеніями. Скоро послѣ того пароходъ двинулся при пѣніи всей компаніи, въ томъ числѣ и Росси. Въ пятницу они обѣдали, плясали и пѣли на палубѣ, т. е. почти что на площади. Я Сологубу разсказалъ извѣстный планъ [1]), но онъ, кажется, еще не знаетъ, что̀ бы ему писать; хочетъ посовѣтоваться съ вами. Что это за дерптскій студентъ, о которомъ Булгаринъ приходилъ къ вамъ ходатайствовать?

Въ послѣднемъ № газеты Борго помѣщено маленькое извѣстіе объ

[1]) Т. е. объ изданіи Альманаха по поводу юбилея университета.

обѣдѣ, который мы давали въ Гельсингфорсѣ Францѣну и другимъ. Вотъ оно въ переводѣ: „Выходящія въ Гельсингфорсѣ газеты сообщили публикѣ извѣстія о томъ, что происходило тамъ въ славные дни юбилея. О 19-мъ іюлѣ не упомянули потому, что этотъ день, воскресенье, не представилъ никакого юбилейнаго торжества. Однакожъ день этотъ имѣлъ свою отъ юбилея не заимствованную примѣчательность. Путешественники могли воспользоваться имъ для осмотра изящнаго заведенія водъ и купаленъ, гдѣ слышны были попеременно всѣ сѣверные языки, для новыхъ знакомствъ, прогулокъ и пр. Но особеннаго упоминанія заслуживаетъ одно событіе этого дня. Нѣсколько русскихъ литераторовъ, именно: д. с. с. Плетневъ, ст. сов.: Максимовичъ и фонъ-Тисъ [1]), камергеръ князь Одоевскій, камеръ-юнкеръ гр. Соллогубъ и надв. сов.: Гротъ и Максимовичъ [2]) пригласили въ этотъ день къ обѣду епископа Францѣна, лектора Рунеберга, доктора Ленрота и нѣкоторыхъ изъ молодыхъ финскихъ литераторовъ. Дань уваженія, принесенная имъ при этомъ случаѣ, должна быть пріятна для всякаго изъ ихъ соотечественниковъ, — и вотъ почему мы беремъ смѣлость представить здѣсь въ переводѣ написанные по-русски г. надв. сов. Гротомъ стихи, которые при упомянутомъ случаѣ были прочитаны какъ въ подлинникѣ, такъ и въ переводѣ“. Слѣдуетъ переводъ въ стихахъ, гдѣ съ точностью соблюдена форма моихъ куплетовъ [3]). Онъ не близокъ, но очень искусно сдѣланъ, кромѣ двухъ, трехъ мѣстъ, гдѣ одинъ наборъ словъ. Цигнеусъ былъ увѣренъ, что это трудъ Рунеберга, но потомъ согласился со мною, что это невѣроятно и что вѣрнѣе считать переводчикомъ внука Франценова, Брунѣра [4]), того самаго, который схватилъ Соловьева [5]) за носъ. Письмо ваше къ маменькѣ доставило ей много удовольствія: вѣроятно, она со временемъ сама изъявитъ вамъ это собственноручно. Прощайте, добрый ректоръ. Отвѣтъ вашего университета на приглашеніе здѣшняго также можетъ войти въ разрядъ моихъ „прибавленій“, равно рескриптъ Наслѣдника, если будетъ позволено напечатать его. Не худо было бы, еслибъ и Жуковскій съ своей стороны написалъ благодарственное письмо университету [6]). Меня ужъ многіе спрашивали, не слышалъ ли я, какъ онъ принялъ *докторство*, въ чемъ тѣмъ болѣе интересуются, что не дождались его согласія.

[1]) Полякъ, случайно примкнувшій къ кружку русскихъ литераторовъ.

[2]) А. П., братъ Павла П—ча, служ. въ Павл. кад. к. и Техн. инст.

[3]) Стихотвореніе это „Привѣтствіе финляндскимъ литераторамъ“ напечатано было въ Современникѣ, 1840, т. XX Плетневымъ въ его статьѣ о юбилеѣ. Срв. соч. Плетн., I, стр. 440.

[4]) Брунѣра, Эд., внука еп. Францѣна — доцента римской литературы въ Александровскомъ университетѣ, ум. 1871 г.

[5]) Профессора русскаго языка и литературы въ Александровскомъ университетѣ.

[6]) В. А. Жуковскій получилъ отъ Александровскаго университета по поводу юбилея степень доктора философіи. Той же чести удостоенъ былъ и П. А. Плетневъ.

8.

(Плетневъ — Гроту) *Спб., среда, 14 августа 1840.*

Многіе вопросы, заключающіеся въ письмѣ вашемъ, милый Яковъ Карловичъ, отъ 7 августа, уже разрѣшены мною въ предшествовавшихъ моихъ письмахъ. На прочіе постараюсь отвѣчать послѣдовательно. Путешествіе наше для всѣхъ было истиннымъ наслажденіемъ, тѣмъ болѣе, что погода намъ удивительно благопріятствовала. Пребываніе на Иматрѣ можно включить въ число незабвенныхъ случаевъ. Мы пріѣхали туда рано и до 3-хъ часовъ послѣ обѣда, за исключеніемъ обѣда, всѣ любовались картинами природы, а солнце такъ и обливало насъ своими лучами.

Въ рескриптѣ, кромѣ перемѣнъ будущаго времени на прошедшее, есть перемѣны, коими я недоволенъ, напримѣръ: у меня сказано: „да будетъ оно (торжество) и теплою молитвою о неизмѣнности чистыхъ началъ“ и проч. А теперь: „да будетъ оно прочнымъ залогомъ“. Какъ торжество сдѣлать прочнымъ залогомъ, еще съ прибавленіемъ безполезнаго слова *и впредь*? У меня стоитъ: „и съ каждымъ благимъ желаніемъ вашимъ соединяюсь душою“. А теперь: „и съ каждымъ.... и проч. соединялся съ вами душою“. Что же это такое, Семенъ Алексѣевичъ [1]), вы со мною дѣлаете? А еще проситесь въ князья. Стыдно, батюшка! Вмѣсто „собратья“ поставьте „товарищи“. Вы спрашиваете меня о томъ же, о чемъ я спрашивалъ уже васъ: о содержаніи статьи — и для одной причины, чтобы другъ друга не повторять. Вы свою статью уже начали, а я еще нѣтъ. Итакъ пишите все, какъ бы вы одни этимъ занимались, да и пришлите мнѣ статью эту. Я же скоро наваляю свою, соображаясь уже съ вашею. Словомъ: я весь въ вашихъ повелѣніяхъ. Сологуба здѣсь нѣтъ. Если вы писали къ нему въ Ревель, онъ уже долженъ получить письмо ваше. Не повторить-ли вамъ, чтобы вызвать его на отвѣтъ. Одоевскій, у котораго я въ первый разъ былъ вчера, ни слова не говорилъ мнѣ о нашемъ предпріятіи, ни о вашемъ письмѣ. Получилъ ли онъ его? Я непремѣнно спрошу его въ будущій вторникъ. О Кастренѣ я спрашивалъ. Бэръ [2]), еще въ іюнѣ отправился на сѣверъ, слѣдовательно Кастрену нѣтъ надежды попасть въ его спутники. Отъ Ребиндера изъ Або я получилъ и собственноручный на французскомъ языкѣ отвѣтъ. Онъ назначилъ, чтобы я адресовался къ Путятѣ [3]), который изъ канцеляріи всѣ мои пакеты будетъ пересылать въ Гельсингфорсъ на имя

[1]) Семенъ Алексѣевичъ Юрьевичъ состоялъ при Великомъ Князѣ Александрѣ Николаевичѣ во время его воспитанія, ум. 1865 г.

[2]) Карлъ Макс., знаменитый естествоиспытатель, ум. 1876 г.

[3] Николай Васильевичъ Путята — первый секретарь I Отд. статсъ-секретаріата В. К. Финляндскаго, ум. 1877 г.

ректора, а тотъ уже будетъ ихъ передавать вамъ. Знаете ли, какую вѣсть распустила здѣсь мать Маріанны и Эдвиги [1])? Не понимаю, для чего? Будто рѣшено, что я женюсь на Матильдѣ [2]). Вы можете подробности узнать отъ граф. Пушкиной [3]), которая объ этомъ писала Одоевскимъ. Вяземскому объ этомъ же писали изъ Ревеля, а тотъ махнулъ сію новость въ письмѣ къ Жуковскому. Фуссъ объявилъ Александрѣ Осиповнѣ, что Шегренъ [4]) своею статьею уже уничтожилъ статью Муральта [5]), и потому нѣтъ нужды снова объ этомъ писать. Но я въ Современникѣ все таки свое напишу. Въ прошедшее воскресенье здѣсь случилось несчастіе. По непростительной дерзости или безпечности кондуктора столкнулась машина паровозъ съ таковою же изъ города ѣхавшею [6]) и много людей изувѣчены, а шестеро на мѣстѣ умерло. Производится о семъ слѣдствіе.

9.

(Плетневъ — Гроту) *Спб., суббота, 17 августа 1840.*

Въ прошедшую среду я писалъ къ вамъ, Яковъ Карловичъ, что гр. Ребиндеръ мнѣ отвѣчалъ на письмо, у васъ подписанное мною. Теперь думая, что вамъ любопытно знать, въ какихъ выраженіяхъ отозвался онъ, я хочу здѣсь переписать его письмо, хоть это и скучная работа. Вотъ оно. M-r, une excursion dans l'intérieur du pays m'a empeché jusqu'à présent de répondre à la lettre que Votre Excellence m'a fait l'honneur de m'adresser en date du (число не означено). Tous les Finlandais qui s'interessent à la littérature russe, et il y en a beaucoup, tous seront infiniment redevables de votre généreuse intention de répandre un certain nombre d'exemplaires du journal dont vous êtes le principal rédacteur. Quant à moi, je vous en suis doublement reconnaissant, ayant toujours tâché, autant que mes moyens et les circonstances me l'ont permis, de favoriser tout rapprochement entre les Russes et mes compatriotes, et je me fais un véritable plaisir de vous en témoigner ma gratitude. Il est donc de mon devoir de faciliter l'envoi du dit journal en Finlande, et voici le moyen le plus expéditif pour parvenir au but. Vous

[1]) Графиня Армфельтъ, первая жена гр. Алекс. Армфельта, тов. ст.-секр. В. К. Финляндскаго.

[2]) Армфельтъ, дочь Густ. Магн. Армфельта, ученица П. А—ча въ Патріот. инст.

[3]) Эмиліи Карловны, рожденной Шернваль, жены графа Владиміра Мусина-Пушкина, ум. 1846 г.

[4]) Андрей Михайловичъ (Sjögren), академикъ, извѣстный изслѣдователь финскихъ языковъ, ум. въ 1855 г., бывшій также на Гельсингфорскомъ юбилеѣ и описавшій его на основаніи шведскихъ газетъ въ подробной статьѣ (о которой здѣсь рѣчь) также въ St.-Petersb. Zeitung, №№ 164—168, отъ 23—27 іюля.

[5]) См. выше письмо Я. К. отъ 7 августа.

[6]) На единственной тогда Царскосельской ж. д.

aurez la bonté, M-r, de remettre à ma Chancellerie à St. Pétersbourg et nommément a M-r Poutiata qui arrivera au commencement de septembre, les exemplaires que Vous destinez à la Finlande. De ma chancellerie on expediera le paquet au Recteur de l'Université d'Alexandre, qui à son tour le transmettra à M-r Grot. Dans un mois, au plustard, j'espère d'être à St. Pétersbourg, et de pouvoir de vive voix vous assurer des sentiments d'estime et de dévouement avec les quels j'ai l'honneur d'être de Votre Excellence le très humble et très obéissant serviteur Rehbinder. Съ начала до конца письмо писано его собственною рукой. Я нынѣ-же отправлю пакетъ въ Канцелярію. Но вотъ затрудненіе. Нельзя-же отдать для пересылки цѣлый тюкъ. Итакъ я буду пактовать экземпляра по два, много по три. Будетъ выходить въ посылкѣ по шести или по девяти книжекъ, потому-что каждый экземпляръ содержитъ три номера. Итакъ въ теченіе одного мѣсяца или двухъ (но непремѣнно прежде выхода № 4) всѣ экземпляры нынѣшняго года будутъ вамъ уже доставлены. Предупредите Урсина, что какъ только развернувъ увидитъ онъ русское заглавіе на книгѣ, то въ минуту и посылалъ-бы за вами. Не помню, осталась-ли у васъ копія списка, кому раздавать Современникъ. Если нѣтъ, увѣдомьте меня. Первые экземпляры передавайте лицамъ, которыя болѣе могутъ найти удовольствія въ чтеніи. Только ведите записку, кому и какіе №№ уже отдавали. № 3 для Ребиндера пришлю я въ послѣдней отсылкѣ книгъ вмѣстѣ съ №№ журнала Министерства Просвѣщенія, чтобы онъ не сбилъ васъ съ толку, явившись съ другими третьими номерами Современника. Переведите стихи Цигнеуса и включите въ вашу статью. Мнѣ стыдно, что ему нѣтъ особаго экземпляра Современника. Поблагодарите его за приписку ко мнѣ. Можно какъ-нибудь распорядиться вамъ, чтобы онъ не остался безъ экземпляра. Я безъ васъ ничего не смѣю перемѣнить въ вашемъ росписаніи. Но вы тамъ дѣлайте, какъ хотите. Моя забота только, чтобы всѣ 19 экземпляровъ доѣхали до васъ, а давать имъ назначеніе совершенно ваше дѣло. Что вы разумѣете другую статью письма Ребиндера? Если мой планъ о преподаваніи русскаго языка въ университетѣ [1]), то видите что тутъ ничего нѣтъ. Нетерпѣливо жду вашей статьи Меня очень занимаютъ всѣ подробности вашей жизни. Хорошо, что вы принялись за журналъ. Онъ доставилъ вамъ много матеріала для писемъ. Жаль, что я у васъ забылъ ваше первое ко мнѣ письмо изъ Финляндіи. Оно составляло особую статью для журнала. Нельзя-ли съ него начать родъ постоянной корреспонденціи изъ Гельсингфорса? Это особенно интересовало бы финляндцевъ, между которыми у насъ теперь будетъ много читателей. Радуюсь, что ревельцы позабавили Гельсингфорсъ пѣніемъ и

[1]) См. *Дополненія.*

пляской. Что-то про это сказалъ Александръ Петровичъ Теслевъ[1])? Пожалуйста побывайте у него и отъ меня ему поклонитесь. То же сдѣлайте съ Вульфертами и со всѣми, у кого я бывалъ. Мнѣ самому писать лѣнь, а очень хочется напоминать о себѣ всѣмъ, кого я полюбилъ. Особенно поддержите меня у Клинковстрема[2]), Армфельта, Пушкиной, Шаховской и др. О Жуковскомъ похлопочите въ Университетѣ. Скажите, что онъ не пишетъ потому, что живетъ за границей и очень занятъ переѣздами. Отъ него письменной благодарности едва-ли кто дождется, но это не отъ равнодушія, а отъ неисцѣлимой лѣни. Помните, что въ Росс. Ак. онъ во всю жизнь не собрался написать отзыва за 1-ю золотую медаль. Вотъ каковъ. Послѣ вашего письма, въ среду-же принесли письмо отъ Францѣна. Вотъ оно: M-r, j'ai dans ces jours eu l'honneur de recevoir votre obligeante lettre, qui par une méprise du maitre de la poste à Grisselhamn m'a cherché à Hernösand. En renouvelant les souvenirs agréables de mon séjours à Helsingfors, elle m'a donné un nouveau sujet de plaisir dans la belle idée qu'elle contient „du Nord réuni par les lettres et les sciences". Si je pourrais comme je l'espère ecrire quelque chose pour le livre, dont vous m'avez communiqué le plan, je l'envoyerai à Mr. Grot. A vous, M-r, je suis particulièrement obligé de votre lettre, pleine de bonté, non moins que de l'attention prévenante que vous m'avez témoignée à Helsingfors. Avec la plus vive reconnaissance et le plus grand estime j'ai l'honneur d'être, M-r, *Votre très humble serviteur F. M. Franzén*[3]).

Подчеркнутыя слова писаны его собственною рукою, а письмо переписчикомъ. Мои литературныя дѣла еще не начались, потому что, за отсутствіемъ Волконскаго, цѣлое утро я вожусь съ просителями, а вечеръ за корректурою Современника. Но вотъ съ 26-го августа начнутся въ университетѣ лекціи, все пойдетъ по колеѣ ровной — и я примусь писать. Только непремѣнно нужно, чтобы тогда уже ваша статья была передо мною. Въ четвергъ утромъ ѣздилъ я съ визитомъ къ Александру Армфельту[4]), гдѣ познакомился съ его женой. Она ни слова не упоминала о томъ, что̀ сама разгласила, но очень удивлялась, когда услышала, что я не ѣздилъ въ деревню къ Матильдѣ. Тиссъ увѣрилъ ее, что это уже непремѣнно будетъ. Такъ вотъ кто настоящій сплетникъ. Мнѣ болѣе всего будетъ огорчительно, если

[1]) Товарищъ генералъ-губернатора Финляндіи и предсѣдательствующій въ Сенатѣ, вице-канцлеръ Университета, ум. 1847 г.; см. его некрологъ, пис. Я. К. Гротомъ, Спб. Вѣдом. 1847 г., № 284.

[2]) Сенатора, позже генералъ-лейтенанта путей сообщенія Финляндіи, ум. 1850 г.

[3]) Правописаніе подлинника сохранено.

[4]) Графъ Александръ Армфельтъ (братъ Густава) съ 1834 г. товарищъ ст.-секретаря В. К. Финляндскаго, съ 1841 г. и. д. министра ст.-секретаря и докладчикъ по дѣламъ Александровскаго университета при Наслѣдникѣ — канцлерѣ университета.

*

такая нелѣпость дойдетъ до слуха Матильды. Она можетъ возненавидѣть меня. Я надѣюсь, что вы при всѣхъ случаяхъ будете дѣйствовать, какъ бы я самъ для собственной защиты. Вечеромъ съ Быченскими[1]) гуляли на островахъ. Генеральша сдѣлала заключеніе, что вы должны быть caustique, а я сказалъ: „нѣтъ, а только костливъ, ибо много занимается“.

10.

(Гротъ — Плетневу) ***Гфорсъ, суббота, 17 Авг. 1840.***

Надѣюсь, что вы, любезный Петръ Александровичъ, уже получили письмо, которое пошло отсюда въ прошлый понедѣльникъ съ Гольтгойеромъ. Это пойдетъ завтра съ Мухлинскимъ. Сердечно благодарю васъ за оба письма, которыя на нынѣшней недѣлѣ получилъ отъ васъ: въ возвращеніи денегъ вы неимовѣрно исправны! страшно задолжать вамъ когда-нибудь — вы не дадите ни на минуту отстрочки. Ваши письма передо мной: буду отвѣчать на нихъ также систематически, какъ вы на мои. Въ томъ, что вы печатаете статью, заключающую въ себѣ хвалу Современнику, я не вижу ничего дурного. Вѣдь это пишетъ не редакція, а сотрудникъ съ именемъ и слѣдовательно съ мнѣніемъ, которое имѣетъ вѣсъ. Такую похвалу пріятно бросить съ презрѣніемъ въ лицо извѣстнымъ журналистамъ: вотъ вамъ-де, ... ! Вы безпрестанно и безстыдно хвалите сами себя и другъ друга не кстати и не въ попадъ; а мы рѣдко да мѣтко, да еще не сами, а вотъ кто, кого вы, себѣ на бѣду, такъ прославили! Нѣтъ Петръ Александровичъ, вы уже слишкомъ совѣстливы.

Вы спрашиваете: есть ли вспоминающіе васъ? Именно! Всѣ, кто васъ знаетъ, часто изъявляютъ любопытство на счетъ вашей персоны, и я обратно всѣмъ разношу и раздаю поклоны отъ васъ,—благо ничего не стоятъ! такъ беречь нечего! Писать, кажется, не къ кому: будетъ съ нихъ и поклоновъ. Къ Вульферту, извините: я уже врядъ ли попаду; одинъ ѣхать я не рѣшусь, а товарища найти трудно. Я съ нимъ видѣлся на пристани при отходѣ *Ижоры* съ компаніею Сологуба. Когда отбывавшіе перестали пѣть, онъ, Вульфертъ, вздумалъ было кричать *уру*, и хоть повторялъ попытку раза три, послѣдователей не нашлось. Францѐнъ злодѣй не отвѣчаетъ: видно, онъ словъ не любитъ, а хочетъ отвѣтить дѣломъ. А кто это Семенъ Алексѣевичъ? Статья моя подвигается, хотя и не очень скоро; но она, конечно, не опоздаетъ. Молчаніе Одоевскаго на счетъ моего письма немножко безпокоитъ меня: я адресовалъ въ городскую квартиру, тогда какъ князь былъ на дачѣ; можетъ быть, это произвело безпорядокъ въ доставленіи письма. Что

[1]) Семьей ум. генерала Быченскаго.

касается до Кастрена, остается только жалѣть: онъ еще не возвратился изъ своего путешествія. Слухъ, распространенный родственницами Матильды, давно дошелъ до меня, но я ничего не писалъ вамъ о немъ, потому что ненавижу сплетни, и думалъ, что авось вы не услышите этой глупости. Несчастіе, о которомъ вы извѣщаете очень поразило насъ: не извѣстны ли имена нѣкоторыхъ изъ жертвъ?

Въ понедѣльникъ, отославъ къ вамъ письмо, я отправился съ Шаховскою и Пушкиною въ университетъ, гдѣ насъ водили самъ ректоръ и другой профессоръ. Вечеромъ того же дня я съ Мухлинскимъ пошолъ къ Готлунду, который между прочимъ удивилъ насъ огромнымъ, накопленнымъ имъ собраніемъ рукописей. Мы часа два проболтали у него очень пріятно, и опять пошли пѣшкомъ въ городъ. На другой день я провелъ вечеръ у Мухлинскаго вмѣстѣ съ Готлундомъ и профессоромъ Крыловымъ [1]) изъ Москвы, который дѣйствительно былъ уже здѣсь лѣтомъ, но опять уѣзжалъ въ Ревель. Готлундъ толковалъ съ двумя профессорами по латынѣ; Крыловъ—молодой человѣкъ—очень путался и замѣчателенъ вопросительнымъ звукомъ *ге?* который онъ ставитъ почти послѣ всякаго выраженія. Въ четвергъ вечеромъ были у меня ученые: Стольбергъ и Бакманъ [2]) и свѣтскій мужъ баронъ Котенъ, полковникъ Финскаго стрѣлковаго батальона. Въ пятницу Готлундъ принесъ мнѣ вѣсть о пріѣхавшей сюда изъ Петербурга авантюрьеркѣ со свитою, о чемъ пусть профессоръ Мухлинскій разскажетъ вамъ подробно. Возвращаясь изъ *харчевни* [3]), я разговорился у церкви съ однимъ изъ работающихъ тамъ каменьщиковъ, который ужъ 22-й годъ работаетъ каждое лѣто въ Гельсингфорсѣ и участвовалъ въ постройкѣ сената и всѣхъ окрестныхъ домовъ. Онъ приходитъ сюда оттого, что здѣсь получаютъ бо́льшую плату — 350 р. отъ мая по октябрь. Еслибъ и 200 р. могъ выработать въ Россіи, то и оставался бы въ своей Ярославской губ. Любопытно слушать, какъ онъ выхваляетъ здѣшній народъ за честность, въ доказательство которой приводитъ то, что здѣсь въ шведскихъ магазинахъ не торгуются, тогда какъ въ русскихъ здѣсь же безсовѣстно запрашиваютъ, и что если онъ оставитъ свои инструменты на улицѣ, то ихъ никто не тронетъ.

Стихи Цигнеуса къ Наслѣднику (но безъ имени) напечатаны въ слѣдующемъ послѣ рескрипта № той же газеты. Переводъ этихъ стиховъ въ прозѣ, если онъ вамъ понравится, можете напечатать въ Современникѣ.

[1]) Крыловъ, Никита Ивановичъ, извѣстный профессоръ-юристъ Московскаго университета, ум. 1879 г.

[2]) С.—магистръ, а Б.—докторъ философіи, служившіе въ библіотекѣ университета, Стольбергъ впослѣдствіи пасторъ, а Бакманъ умеръ уже въ 1844 г.

[3]) Такъ называли въ шутку Плетневъ и Гротъ Societätshus, единственную тогда порядочную гостинницу Гельсингфорса.

11.

(Гротъ — Плетневу) *Гфорсъ, вторникъ веч., 20 авг. 1840.*

Ваши письма въ которыхъ я вижу также ясное доказательство дружбы ко мнѣ, принимаю я съ большою благодарностью. Въ послѣднемъ вы даже переписали отъ слова до слова цѣлыхъ два посланія: сколько мнѣ это было пріятно, столько же я совѣщусь, что вы изъ-за меня подвергаете себя такому скучному труду. Порядокъ, который вы придумали для отсылки книгъ, превосходенъ; но только не рано ли вы начали, когда гр. Ребиндеръ писалъ, что обратиться надобно къ Путятѣ, который скоро пріѣдетъ? Списокъ лицъ, кому слѣдуетъ Современникъ, у меня есть; только не знаю, вѣренъ ли онъ; но такъ какъ вы мнѣ предоставляете въ этомъ случаѣ нѣкоторую свободу, то я уже постараюсь оправдать вашу довѣренность. Какъ же это вы, милостивый государь, забыли содержаніе своего собственнаго письма? не помните, въ чемъ состоитъ вторая часть его! А пересылка какихъ-нибудь книгъ, кромѣ Современника, на имя нижеподписавшагося? Графикъ нашъ поступилъ въ этомъ случаѣ очень придворно — обошелъ вопросъ молчаніемъ; или онъ разумѣлъ, что оба случая подходятъ подъ одну и ту же категорію? Развѣ! Однакожъ, когда онъ будетъ здѣсь, я его намѣренъ спросить объ этомъ.

Вашъ планъ оффиціальной корреспонденціи изъ Финляндіи, можетъ быть, и исполнимъ; въ такомъ случаѣ пусть статья, которую я теперь готовлю, будетъ первымъ письмомъ; а въ томъ, которое вы здѣсь оставили, мало было такого, чѣмъ могъ бы воспользоваться журналъ. Статья моя подвигается къ концу; я собираюсь прислать вамъ ее черезъ Гольтгойерскихъ, которые поѣдутъ въ Петербургъ недѣли черезъ полторы. Дамы кланяются вамъ; я видѣлъ ихъ сегодня послѣ прогулки по университету съ старшимъ сыномъ Гольтгойера и адъютантомъ Бекомъ, который утверждаетъ, что пріѣхать сюда побудило его единственно мое маранье о Гельсингфорсѣ. Услужливый Урсинъ опять самъ водилъ насъ по главнымъ мѣстамъ: я ужъ разъ пять принужденъ былъ безпокоить его изъ-за пріѣзжихъ. Я еще не разсказывалъ вамъ, въ какомъ онъ былъ недавно затрудненіи. Къ нему принесли съ почты изъ Швеціи письмо на имя корпуса *гельсингфорскихъ студентовъ.* Но какъ онъ не считаетъ себя ихъ представителемъ и вообще студенты никакого представителя не имѣютъ, то онъ долго не рѣшался, что̀ ему дѣлать съ письмомъ. Раскрывъ его, онъ боялся потерять довѣренность студентовъ. Наконецъ, онъ остановился на томъ, чтобы собрать попечителей всѣхъ отдѣленій (націй) и, распечатавъ письмо въ ихъ присутствіи, рѣшить съ общаго согласія, какъ поступить. Такъ и было сдѣлано; въ пакетѣ найдено письмо въ стихахъ одного полусумасшед-

шаго шведскаго пастора вмѣстѣ съ какою-то его брошюрою и номеромъ одной газеты, гдѣ находились, между прочимъ, его стихи. Прочтеніе всей этой галиматьи произвело общій хохотъ, и положено оставить письмо въ рукахъ ректора, который очень былъ радъ, что его безпокойство было напрасно.

Между кураторами находится и Цигнеусъ; по этому званію имѣлъ онъ въ прошломъ году непріятность, которую я недавно слышалъ отъ него съ негодованіемъ и смѣхомъ. Студенты, и преимущественно его отдѣленіе, хотѣли праздновать день рожденія знаменитаго абовскаго профессора Портана [1]), умершаго въ началѣ нынѣшняго столѣтія. Вице-канцлеръ [2]), провѣдавъ это, пришелъ въ ярость: какъ-де они *нынѣ* могутъ праздновать память *шведскаго* профессора? Онъ призвалъ Цигнеуса и съ угрозами приказалъ ему довести студентовъ до того, чтобы они отреклись отъ своего намѣренія. Кроткій нашъ поэтъ поневолѣ исполнилъ приказаніе. Однакожъ, говорятъ, что неблаговидность и неосновательность запрещенія была многими благомыслящими особами объяснена доброму Александру Петровичу.

Письмо Францѐна, не смотря на свои ошибки противъ французскаго языка, очень мило: будемъ надѣяться, что старикъ сдержитъ свое полу-слово. Въ предисловіи своемъ найдите случай поговорить о личности Францѐна, Рунеберга и Ленрота, можетъ быть и еще когонибудь. Что касается до меня, то я собственно для книги намѣренъ написать статью о *финляндскихъ поэтахъ*, какъ живыхъ, такъ и умершихъ уже, т. е. о поэтахъ ученыхъ, писавшихъ по-шведски, а не о простонародныхъ.

Вы говорите о защищеніи васъ по извѣстному слуху; но я рѣшительно не понимаю, какое тутъ нужно и возможно защищеніе. Разумѣется, ни отецъ, ни дочь не дадутъ вида, что слышали что-нибудь; самъ еще менѣе заведешь о томъ рѣчь. Притомъ, я не вижу, почему бы это могло такъ огорчить молодую графиню. Цигнеусъ по этому случаю велѣлъ вамъ сказать, что онъ желаетъ вамъ и впредь подвергаться *только* такой невинной клеветѣ. Мухлинскій, уѣхавъ отсюда въ воскресенье, взялъ для васъ письмо, которое вы, вѣроятно, получите послѣзавтра. Квартирная статья все еще не кончена.

21 августа вечеромъ.

Писавъ вамъ вчера, я не зналъ еще, пошлю ли письмо завтра или оставлю до субботы. Теперь я рѣшился на первое съ тѣмъ, чтобы

[1]) Портанъ (Porthan) былъ выдающимся ученымъ (историкомъ и филологомъ) и дѣятелемъ Абовскаго университета, прозванъ „отцомъ исторіи Финляндіи", ум. 1801 г. О немъ см. Я. К. Грота: Воспоминанія Александровскаго университета, въ „Альманахѣ" (юбилейномъ), 1842, стр. 60 и сл.

[2]) А. П. Теслевъ.

всегда писать по средамъ или четвергамъ, одну недѣлю къ вамъ, а другую къ Александрѣ Осиповнѣ, кромѣ экстренныхъ случаевъ. Чтобы облегчить свиданіе съ пріятелями, я, посовѣтовавшись съ нѣкоторыми изъ нихъ, назначаю день, именно среду, по вашему примѣру. Выборъ этотъ произошелъ, впрочемъ, особенно по желанію Цигнеуса, который въ среду свободнѣе. Онъ очень одобряетъ мою идею. Его школьныя занятія уже начались; съ понедѣльника черезъ день онъ всю недѣлю долженъ возиться съ мальчиками, давая имъ уроки часовъ по 5 въ день. Кромѣ того, его безпрестанно безпокоятъ то принадлежащія къ школѣ лица, то родители дѣтей. При квартирныхъ хлопотахъ я никого не успѣваю посѣщать; но ко мнѣ иные заглядываютъ. Сегодня уже въ 8 час. утра навѣстилъ меня лекторъ русскаго языка при университетѣ Акіандеръ [1]), прекрасный малый. Онъ приносилъ съ собой печатающуюся шведскую грамматику на русскомъ языкѣ, сочиненную въ Петербургѣ какимъ-то чудакомъ, воображающимъ, что онъ знаетъ оба языка. Книга наполнена ошибками и вообще безтолкова, но здѣшній книгопродавецъ Васеніусъ [2]) все-таки печатаетъ и въ увѣренности, что между пріѣзжими найдетъ покупателей; онъ просилъ Акіандера взять на себя исправленіе главныхъ ошибокъ и корректуру. Съ Акіандеромъ я говорю по-русски; онъ недурно объясняется; есть на шведскомъ языкѣ краткая русская грамматика его сочиненія; онъ знатокъ финскаго.

У насъ уже 2-е сентября (н. с.); со вчерашняго дня явились на всѣхъ главныхъ улицахъ фонари съ вечернимъ освѣщеніемъ; такой фонарь виситъ и противъ нашего дома. Въ воскресенье былъ у насъ гость изъ Петербурга Тилезіусъ, чиновникъ, прибывшій сюда на нѣсколько дней изъ Ревеля. Потомъ, когда меня не было дома, отъ Пушкиной прислано было звать насъ къ обѣду, но маменька отказалась за обоихъ. Не былъ ли у васъ Протопоповъ? [3]) Онъ писалъ мнѣ, что по возвратѣ изъ Москвы опять захворалъ и что всѣми мѣрами будетъ стараться переѣхать на житье въ Москву; обѣщалъ навѣстить васъ при первой возможности. Если вы не имѣете о немъ извѣстій и будете на Англійской набережной около дома Раля, заѣзжайте туда хоть только для того, чтобы спросить о его здоровьѣ. Я боюсь за него. Маменька была не совсѣмъ здорова. Вчера я позвалъ даже доктора, но ей ужъ лучше. Здѣсь годовому доктору платятъ

[1]) Съ 1836 г. лекторъ, а позже, съ 1853 — профессоръ русскаго языка и литературы въ Александровскомъ университетѣ, ум. 1871 г.

[2]) Университетскій книгопродавецъ.

[3]) Дм. Ст. Протопоповъ, другъ и въ 30-хъ годахъ сослуживецъ Я. К. Грота, служилъ въ то время чиновникомъ въ Государственномъ Совѣтѣ, впослѣдствіи же по Министерству государственныхъ имуществъ (директоромъ департамента и членомъ совѣта), ум. 1871 г.

обыкновенно 75—100 руб. ассигн. Не посовѣтуете ли вы мнѣ взять такого доктора? Хлопоты хозяйственныя не позволяютъ мнѣ часто посѣщать знакомыхъ; однакожъ въ понедѣльникъ вечеромъ я былъ у баронессы Котенъ. Въ тотъ же день былъ у Нервандера[1]), но не засталъ его. Вчера сидѣлъ дома весь вечеръ. Читаю маменькѣ Отечественныя Записки, про себя читаю Францѐна и переписываю Фритіофа. Скажите: нужно ли, чтобъ рукопись, подаваемая цензору, была вовсе безъ помарокъ и поправокъ, или тоже требуется, чтобъ она была четко написана? Еще скажите, какъ вы думаете: если я къ будущему лѣту или веснѣ напечатаю отдѣльно свои статьи о Финляндіи, разумѣется съ исправленіями и большими дополненіями, могу ли надѣяться на хорошій сбытъ книги? Пріѣзжіе безпрестанно требуютъ здѣсь книгъ, касающихся до Финляндіи, но ничего нѣтъ. Даже не худо бы кажется издать пособіе для языка съ практическими свѣдѣніями. Правда ли, что въ какомъ-то нѣмецкомъ петербургскомъ журналѣ помѣщенъ переводъ вашихъ писемъ изъ Финляндіи? Это сказалъ мнѣ вчера докторъ; постараюсь отыскать журналъ. Баронесса Котенъ разсказывала мнѣ, что д-ръ В. уже въ сумасшедшемъ домѣ, куда попалъ вслѣдствіе того, что, возвращаясь изъ Павловска на паровозѣ, раздѣлся при дамахъ совершенно.

Я былъ давеча у Клинковстрема. При уходѣ онъ спросилъ, слышалъ ли я объ вашей свадьбѣ съ Матильдой, и сказалъ, что онъ любопытенъ, какого мнѣнія отецъ на этотъ счетъ; но что онъ, Клинковстремъ, услышавъ это, сказалъ: пускай, я очень радъ. Плетневъ прекрасный человѣкъ. Я ему объяснилъ, что такой слухъ былъ слѣдствіемъ того, что вы хвалили любезность графини и гордились такою ученицею. Наконецъ, видѣлся съ Цигнеусомъ, которому очень пріятно было услышать о вашемъ вниманіи и разсказѣ Наслѣднику. Онъ показывалъ два новыхъ прелестныхъ стихотворенія.

Четвергъ, 9 час. утра.

Я забылъ сказать вамъ, что я не говорилъ Урсину о негодности русскаго перевода бумагъ, посланныхъ Наслѣднику. Вы также ничего не можете говорить объ этомъ, ибо бумага была мнѣ сообщена частнымъ образомъ. Но пора послать письмо на почту. Прощайте.

12.

(Плетневъ — Гроту) *Спб., среда, 21 авг. 1840.*

Отправивъ къ вамъ письмо, милый Яковъ Карловичъ, являлся я къ Протасову[2]), который по отъѣздѣ Уварова управляетъ министерствомъ

[1]) Ив. Нервандеръ—профессоръ физики, основатель магнетической обсерваторіи также поэтъ, ум. 1848 г.

[2]) Гр. Н. А. Протасовъ, оберъ-прокуроръ Св. Синода.

нашимъ. Онъ сердитъ на цензоровъ, что они позволили назвать В. К. Марію Николаевну герцогинею Лейхтенбергскою. Я много ему хвалилъ *нашъ* Гельсингфорскій университетъ. Въ одномъ изъ пакетовъ съ книгами, я отправилъ по нѣмецки отчетъ Уварова для библіотеки Александровскаго университета. Передайте его. Въ этотъ же день Квитка мнѣ прислалъ новую повѣсть: „Ярмарка" — прелесть! Я ему писалъ о васъ и сказалъ, что мы всѣ съ Александрой Осиповной должны составлять особое литературное братство. Мы смѣялись въ понедѣльникъ, что переводчики принуждены были прибѣгнуть къ такой амплификаціи вмѣсто одного слова въ рескриптѣ. Увѣдомьте меня объ эффектѣ этой новости. Повторяю: защищайте Жуковскаго до нельзя, а отвѣта отъ него едва-ли вы дождетесь. Современника вы получите полныхъ экземпляровъ 17, да особо одинъ № 3 для Рунеберга. Напишите, есть ли у васъ реестрикъ, кому мы ихъ назначили. Образцы словолитни тоже я послалъ, что за прелесть! Ужели не соблазнятся ваши типографщики и сами не пріѣдутъ къ Ревильону за буквами? Въ понедѣльникъ отправился я въ Царское Село, не смотря на то, что теперь всѣ трепещутъ машины. Обѣдалъ у милыхъ Балабиныхъ. Отъ нихъ заѣзжалъ къ Смирновой [1]), которой Богъ далъ дочь за двѣ недѣли передъ симъ. Она здорова и весела. Мой визитъ смѣнилъ визитъ В. К. Михаила Павловича. Возвратясь изъ Царскаго Села, отправился на вечеръ къ Александрѣ Осиповнѣ [2]), чтобы кончить чтеніе „Ярмарки". Вчера прибылъ сюда кн. Г. Волконскій. Я его искалъ съ утра, но братъ его по секрету объявилъ, что не желая здѣсь долго оставаться, онъ избѣгаетъ свиданія со мною, какъ-бы онъ и не пріѣзжалъ сюда. Обѣдалъ я у Одоевскаго. Онъ согласенъ написать статью. Только меня безпокоитъ мысль, что всѣ эти господа могутъ насъ задержать. Однако же, я буду напоминать ему. Съ нетерпѣніемъ жду вашего журнала, когда и гдѣ вы были и что дѣлали. Далеко ли подвинулась ваша статья? Писалъ ли къ вамъ особо Францѐнъ? Отвѣчалъ ли университетъ Наслѣднику? Пожалуйста пришлите мнѣ копію съ этой бумаги. Кому поручили заняться описаніемъ юбилея для Наслѣдника? Все это дѣло меня ужасно интересуетъ. Поцѣлуйте за меня Цигнеуса. Я жду его стиховъ къ Наслѣднику. Не разсердился ли Урсинъ, что нѣтъ Современника для его сыновей?

13.

(Плетневъ — Гроту) *Спб., суббота, 24 авг. 1840.*

Никогда кстати такъ не приносили мнѣ письма отъ васъ, милый Яковъ Карловичъ, какъ сегодня. Я сбирался по обыкновенію писать

[1]) Извѣстной А. О. Смирновой (урожденной Россетъ).

[2]) Ишимовой.

къ вамъ, и вотъ однимъ ударомъ могу убить двухъ зайцевъ, т. е. и свое писать и на ваше отвѣчать. Притомъ же сегодня мои именины. Слѣдовательно, домашній праздникъ мой сталъ веселѣе отъ вашего письма, какъ бы отъ вашего присутствія. Всѣ мои гости почувствуютъ сегодня, что я точно праздничный. Ближнихъ моихъ (Максимовичей съ гельсингфорскими дамами, Нордстрема съ Александрой Осиповной и родныхъ) жду къ обѣду.

Теперь дѣло кончено: похвала Современнику уже напечатана въ немъ. Но я не могу утѣшиться отъ вашихъ силлогизмовъ, потому что въ нихъ есть одна посылка ложная: авторъ похвалы не подписалъ своего имени. Впрочемъ, я иногда держусь русской пословицы: Богъ не выдастъ, свинья не съѣстъ. О гельсингфорскихъ воспоминаніяхъ желаю имѣть нѣсколько подробностей. Теперь же, когда къ вамъ будутъ прибывать Современники, и болѣе того. Главное не забывайте при свиданіяхъ говорить: „Въ послѣднемъ письмѣ онъ именно проситъ меня вамъ (имя рекъ) кланяться; онъ не можетъ забыть тѣхъ ласкъ, которыми отъ васъ былъ осыпанъ". Странно, что Юрьевича не знаете вы, какъ зовутъ! Одоевскій ваше письмо получилъ. Онъ не прочь отъ статьи. Только я не много надѣюсь, зная его сонливость. Впрочемъ, по временамъ я буду его подстрекать. О Францѐнѣ, какъ онъ милъ, вы лучше знаете по предыдущему моему письму. Не забудьте тотчасъ же написать ко мнѣ, лишь только найдете квартиру. Мнѣ ужасно это скучно, что вы не утвердились на чемъ-нибудь. Не дурно сдѣлаете, если въ письмо свое бросите нѣсколько подробностей о толкахъ у нашихъ общихъ знакомыхъ и подлинныхъ примѣчаніяхъ на счетъ моей свадьбы съ Матильдой. Въ числѣ несчастныхъ жертвъ паровозной неисправности никого нѣтъ изъ нашихъ знакомыхъ. Александра Осиповна уже писала къ Максимовичу, чтобы пріостановили отсылку книгъ къ кореламъ. Что же дѣлаетъ „ге"-Крыловъ? По числу визитовъ, которые вамъ дѣлаютъ, я вижу, что вамъ некогда скучать отъ одиночества. Желаю только, чтобы Каролина Ивановна [1]) находила во всѣхъ вашихъ гостяхъ людей интересныхъ. Прошу васъ засвидѣтельствовать ей мое совершенное почтеніе. Мы съ Олей цѣлуемъ ея ручки. Какъ поживаетъ Константинъ Карловичъ [2])? Отчего же вы откладываете прислать мнѣ переводъ стиховъ Цигнеуса? Еще подумайте, да обстоятельнѣе напишите мнѣ, какіе газеты и журналы *необходимо* нужно получать вамъ. Также не забывайте условія нашего: объявлять мнѣ безъ отлагательства, какія книги когда вамъ понадобятся изъ Петербурга.

22 августа, четвергъ. Вечеръ съ 7 почти до 12 я просидѣлъ у Пушкиной жены [3]) и ея сестры. Онѣ живутъ на Аптекарскомъ, но совершенно монашески. Никуда не ходятъ и не выѣзжаютъ. Скажите ба-

[1]) Мать Якова Карловича Грота.

[2]) Братъ его, нынѣ статсъ-секретарь, членъ Государственнаго совѣта.

[3]) Жены поэта, Наталіи Николаевны.

ронессѣ Котенъ, что Пушкина очень интересна, хоть и не разсказываетъ о тетрадяхъ юридическихъ. Въ ея образѣ мыслей и особенно въ ея жизни есть что-то трогательно возвышенное. Она не интересничаетъ, но покоряется судьбѣ. Она ведетъ себя прекрасно, нисколько не стараясь этого выказывать. 23 числа въ пятницу утромъ былъ у кн. Г. Волконскаго, который и не думалъ на меня сердиться. Ему даже совѣстно было, когда я намекнулъ о своей винѣ. Вечеръ у Марьи Николаевны Толстой [1]), гувернантки Михайловской Великой Княжны, большой пріятельницы Фишера (типографщика) и Небольсина [2]), издателя Коммерческой газеты. Толковали объ изданіяхъ. Теперь съ Фишеромъ мы печатаемъ „Холявскаго" [3]) и послѣ примемся за романъ.

14.

(Плетневъ—Гроту) ***Спб., среда, 28 авг., 1840.***

Если гр. Ребиндеръ успѣлъ уже предупредить ректора вашего насчетъ пріёма книгъ отъ меня, то еще вѣрнѣе, что и до пріѣзда Путяты онъ далъ знать своей канцеляріи о пересылкѣ этихъ книгъ. Притомъ же, какъ я писалъ вамъ, милый Яковъ Карловичъ, предварительно былъ я съ визитомъ у гр. А. Армфельта (не Армфельда, какъ мы въ старину писывали), показывалъ ему письмо министра, котораго онъ помощникъ и, слѣдовательно, самъ можетъ послать въ канцелярію подобное приказаніе. Какъ бы то ни было, но мой Трофимовъ (университетскій экзекуторъ), зашивъ всѣ номера Современника въ холстину и по прихоти своей устроивъ разной величины нѣсколько пакетовъ, теперь уже всѣ экземпляры успѣлъ сдать дежурнымъ въ Финляндской канцеляріи, а тѣ, вѣроятно, ихъ отправили къ вамъ, и я въ отвѣтъ на это письмо жду отчета вашего, что̀ вами получено и какъ распредѣлено. Чтобы помочь вашей памяти, прилагаю здѣсь копію реестра, обще сочиненнаго нами для раздачи Современника по Финляндіи: 1) гр. Густаву Армфельту, 2) Теслеву, 3) Траверсе [4]), 4) Чепурнову, 5) Эттеру [5]), 6) Вульферту, директору почтъ, 7) Рамсаю, сенатору, 8) Веттергофу [6]), 9) Шернвалю [7]), 10) Маннергейму [8]),

[1]) Урожденной Ларіоновой, воспитательницы дочерей В. К. Елены Павловны.

[2]) Григорія Павловича, бывшаго товарища министра финансовъ, нынѣ члена Государственнаго совѣта, тогда чиновника по особымъ порученіямъ при Департаментѣ внѣшней торговли.

[3]) „Панъ Холявскій", романъ Квитки (Основьяненко).

[4]) Маркизу Александру де-Траверсе — кап. 1 ранга, начальн. I фин. морск. экипажа.

[5]) П. А. Эттеру — генералъ-лейтенанту.

[6]) Георгу Адольфу, секретарю прокураторской экспедиціи Сената, позже „лагману" (высшій судья) Нюландской губ., ум. въ 1886 г.

[7]) К. Шернваль-Валленъ состоялъ съ 1837 г. по особымъ порученіямъ при Министрѣ статсъ-секретарѣ В. К. Финляндскаго.

[8]) Карлу Густаву, бывш. секретарю канцеляріи университета, президенту Выборгскаго гофгерихта (естествоиспытателю), ум. въ 1854 г.

11) Рейну [1]), 12) Соловьеву, 13) Акіандеру, 14) Шретеру, пастору, 15) Ушакову, Ивану Егоровичу, 16) Оттелину [2]) и 17) Ленроту. Меня мучитъ совѣсть, что нѣтъ экземпляра для сыновей Урсина, которые говорятъ по-русски, и для Цигнеуса, котораго я такъ люблю и даже друженъ съ нимъ! Выведите меня изъ хлопотъ: вмѣсто кого-нибудь изъ иногородныхъ пока отдайте имъ, а тѣмъ я пришлю новые. Вы теперь видите, что пересылка не только Современника, но и всякихъ книгъ сдѣлалась возможною. Предупредите только Урсина, чтобъ онъ всякій разъ, вскрывъ пакетъ и увидѣвъ внутри на бумажкѣ имя M-r Grot, всегда немедленно посылалъ за вами. Вотъ и дѣло съ концомъ! Урсинъ съ письмомъ сумасшедшаго очень забавенъ. Странно, что добрый Александръ Петровичъ [3]) такъ труситъ всего шведскаго. Видно, онъ не служилъ подъ командой Чичагова, который смущенной появленіемъ шведскаго флота близъ Кронштадта Екатеринѣ спокойно сказалъ: вѣдь они же насъ не съѣдятъ.

Совѣтъ вашъ постараюсь исполнить: попробую коснуться личности милыхъ и знаменитыхъ шведовъ. Вы въ своей статьѣ помѣстите побольше изъ нихъ переводовъ. Душевно благодарю Цигнеуса за желаніе, чтобы я „подвергался *только* подобной клеветѣ". Оно точно пріятно чувствовать себя хоть молвою соединеннымъ съ особой, съ которой сердце соединено нѣжнѣйшимъ чувствомъ. Мухлинскій уже здѣсь. На ваше письмо, съ нимъ отправленное, еще въ субботу я отвѣчалъ. Пожалуйста не забывайте въ письмѣ означать сверхъ числа и день, когда пишете. Поздравляю васъ съ середою. Послѣ ухода гостей пишите всегда ко мнѣ о цѣлой недѣлѣ и дополняйте прибавленіями даже въ четвергъ до ухода почты. Вы не повѣрите, какъ я люблю слѣдовать мысленно за каждымъ вашимъ шагомъ. Для меня интересно каждое слово нашихъ общихъ знакомыхъ. Не переставайте отъ меня всѣмъ имъ кланяться. А какъ имя автора безтолковой шведской грамматики на русскомъ языкѣ? Рекомендуйте меня Акіандеру и скажите, что я очень сожалѣю, не успѣвъ познакомиться съ нимъ. Напомните обо мнѣ графу Пушкину и поклонитесь графинѣ, также княгинѣ Шаховской, молодому Валлену и веселому Клинковстрему. Протопопова не видать. Если найду случай, навѣщу его. Отправивъ вамъ письмо въ субботу утромъ 24 августа, поѣхалъ я съ Оли къ женѣ Пушкина-поэта. Она живетъ на Аптекарскомъ острову. Ей хотѣлось взглянуть на мою гельсингфорскую коляску, чтобы купить, но кажется не понравилась. Молодые Гроздовы [4]) были у меня съ визитомъ. Я занялся

[1]) Профессору (исторіи) Александровскаго университета.

[2]) Епископу въ Борго.

[3]) Теслевъ.

[4]) Флег. Вас. Гроздовъ былъ преподавателемъ въ Имп. Царскосельскомъ лицеѣ.

послѣ нихъ письмами къ Наслѣднику и В. К. Ольгѣ Николаевнѣ. Я сказалъ, какъ Его рескриптъ былъ принятъ съ восхищеніемъ финляндцами и далъ Ему самое выгодное понятіе объ этомъ народѣ и самой странѣ В. К. Ольгѣ Николаевнѣ описалъ праздники. Думаю, что они оба будутъ заинтересованы нашими земляками. О Матильдѣ сказалъ Великой Княжнѣ, что хоть большею частію всѣ финляндки милы, но Матильда между ними сіяетъ какъ солнце. Въ понедѣльникъ (26 августа) отправился въ университетъ на открытіе курсовъ. Было молебствіе, на которомъ присутствовалъ и Волконскій, а законоучитель прочелъ довольно плохую проповѣдь. Собрались оттуда въ залу, гдѣ и я поплоше еще сказалъ что-то въ родѣ рѣчи. Возвратясь домой, отдалъ визитъ Мухлинскому, но видѣлъ только жену его, которая чуть не плачетъ по Гельсингфорсѣ. Булгаринъ пробирался было къ намъ, но мы ускользнули. Вечеръ провелъ у Александры Осиповны. Читали старика Жуковскаго, который, говорятъ, женится на молоденькой нѣмочкѣ.

15.

(Гротъ — Плетневу) ***Гфорсъ, вторн., 7 час. веч., 27 авг. 1840.***

Сейчасъ я отъ Пушкиныхъ, гдѣ былъ большой обѣдъ, вѣроятно, по случаю завтрашняго отъѣзда княгини Шаховской. Тамъ были Валлены, Демидова, Шернвалевы, Клинковстремъ, Котены и нѣсколько другихъ менѣе извѣстныхъ лицъ. Между ними одно особенно интересно: это докторъ юриспруденціи Бонсдорфъ [1]), воспитанный въ Упсальскомъ университетѣ и съ удивительнымъ искусствомъ поющій пѣсни знаменитаго Бѐльмана [2]), народнаго поэта шведовъ, о которомъ совѣтую заглянуть въ мое *Знакомство съ Рунебергомъ* [3]), потому что не хочется здѣсь повторять себя. Напоивъ его (Бонсдорфа) пуншемъ, все общество еще за обѣдомъ стало упрашивать его, чтобы онъ попѣлъ. Онъ легко согласился. Что за прелесть въ самомъ дѣлѣ! воображаешь, что слушаешь самого Бѐльмана, съ такимъ чувствомъ и выраженіемъ поетъ онъ, держа въ рукахъ бокалъ, эти шаловливые, но часто глубокомысленные стихи. Смѣхъ и умиленіе безпрестанно мѣняются въ душѣ того, кто понимаетъ языкъ. Присутствіе дамъ, впрочемъ, мѣшало пѣвцу разыграться настоящимъ образомъ и часто онъ среди пѣсни останавливался. Если бы вы теперь были тутъ, я бы разсказалъ вамъ изъ одной пѣсни пассажъ, который на нѣкоторыхъ изъ слушателей имѣлъ, для наблюдательнаго ока, особенное дѣйствіе. Жаль, что Бѐльмана

[1]) Иванъ Гавриловичъ Бонсдорфъ, впослѣдствіи баронъ, докторъ правъ, умеръ 1873 г.

[2]) Karl Mich. Bellman — „шведскій Анакреонъ“, умеръ 1795 г.

[3]) Современникъ, 1839, т. XIII, стр. 13.

нѣтъ въ живыхъ: онъ, узнавъ такого пѣвца своихъ произведеній, умеръ бы, я думаю, отъ радости. Бонсдорфу совѣтуютъ ѣхать въ Швецію и пѣть во всѣхъ городахъ за деньги: онъ разбогатѣлъ бы отъ этого. Онъ живетъ на 3-й верстѣ по Петербургской дорогѣ, куда я обѣщалъ быть на-дняхъ.

Пушкинъ оказываетъ мнѣ необыкновенное благоволеніе: что бы это значило? Рядомъ со мною сидѣлъ магистръ Валленъ [1]), вашъ знакомый, который мнѣ очень понравился. Онъ сожалѣетъ, что вы возвратили ему университетскій статутъ, который онъ предоставлялъ въ ваше владѣніе. Послѣ обѣда (чрезвычайно роскошнаго — съ ананасами и абрикосами, не упоминая о другихъ рѣдкостяхъ) сидѣли въ разсыпную и болтали. Я почти часъ цѣлый растабарывалъ по-англійски — въ первый разъ въ Гельсингфорсѣ — съ гувернанткою Шаховской. Я тутъ имѣлъ случай увидѣть въ ней чрезвычайно умно-мыслящую даму. Нашъ разговоръ много относился къ Петербургу, на счетъ котораго мы съ ней очень сходимся. Маменьки на этотъ обѣдъ не звали, потому что она немножко чуждается этой аристократіи, за что ее и винить нельзя; впрочемъ, его сіятельство объявилъ, что по вечерамъ будетъ посѣщать насъ и много звалъ меня къ себѣ. О васъ сегодня, по случаю суматохи, не было рѣчи; а то, когда я сойдусь съ Пушкиной и Шаховской, вы часто бываете у насъ на языкѣ; нынче только сосѣди мои за обѣдомъ интересовались о васъ. Вообще, почти не проходитъ дня, чтобы кто-нибудь не говорилъ со мною про вашу милость; даже многіе, незнакомые съ вами, часто спрашиваютъ меня, что вы теперь дѣлаете, пишете ли иногда, и разныя другія подробности. Сколько разъ я слышалъ на вашъ счетъ: „онъ, кажется, такой веселый и пріятный (или общительный) человѣкъ". Знать тоже говоритъ и вообще отдаетъ вамъ справедливость въ томъ, что вы необыкновенный профессоръ, т. е. вовсе не похожи на профессора, — не педантъ, а милый любезникъ въ обществѣ благородныхъ дамъ. Всѣ, всѣ васъ очень полюбили, а съ вами и дочурку вашу, о которой сегодня директоръ банка Шернваль замѣтилъ, что она преживая дѣвочка и много гримасничаетъ. На счетъ мнимой женитьбы вашей съ Матильдой я никакого особеннаго мнѣнія не слышалъ: Пушкина полагала только, что вамъ вовсе нечего обижаться такимъ слухомъ.

Спасибо вамъ, любезный, милый, дражайшій Петръ Александровичъ, за ваши письма, которыя всегда такъ невыразимо радуютъ меня. Послѣднее изъ нихъ пристыдило меня въ моей неисправности, т. е. въ томъ, что я не только не поздравилъ васъ, но и не писалъ вовсе съ послѣдней почтой. Я сказалъ вамъ передъ тѣмъ, что буду писать только черезъ недѣлю, но нѣтъ, я не въ силахъ исполнить это; вѣдь

[1]) Шернваль-Валленъ, о которомъ выше.

это была теорія, а практика такъ рѣдко согласна съ теоріей. Мнѣ пришло на мысль: что̀, если мои письма доставляютъ вамъ столько же удовольствія, какъ ваши мнѣ? Ежели такъ, то и я долженъ писать вамъ съ каждою почтой, хоть немного, но постоянно; но я не умѣю писать мало: на моей страницѣ помѣщается вѣдь очень много.

Рескриптъ Наслѣдника произвелъ на всѣхъ очень выгодное впечатлѣніе; всѣ высоко цѣнятъ этотъ знакъ милости и не могутъ нахвалиться самою редакціею (т. е. знающіе по-русски), въ которой имъ особенно нравится простота и сердечность. Напротивъ того, переводомъ вообще очень недовольны, даже и незнакомые съ подлинникомъ; выраженіе, замѣняющее „сочленовъ", всѣмъ показалось плохою выдумкою. Вчера послѣ обѣда я былъ у Урсина: отвѣтъ Наслѣднику съ описаніемъ празднествъ посланъ уже недѣли двѣ тому назадъ (то и другое, по волѣ гр. Ребиндера, на русскомъ языкѣ). Подлинникъ сочиненъ консисторіею, а переводъ изготовленъ извѣстнымъ здѣсь по основательному знанію русскаго языка чиновникомъ Форсманомъ. Урсинъ самъ не предложилъ мнѣ прочесть эту интересную бумагу, а я, до будущей оказіи, посовѣстился просить о томъ.

Среда, 28 августа.

Сегодня, поутру, вставая съ постели, я былъ неожиданно обрадованъ. Теперь направо отъ моей комнаты принадлежитъ намъ еще комната, у которой дверь ко мнѣ стоитъ отперта. Только что я проснулся, увидѣлъ я, что тамъ весь столъ покрытъ пакетами книгъ. Не вѣря глазамъ, я бѣгу туда и вижу, что это — Современники! Ихъ принесли вчера, пока я обѣдалъ у Пушкиныхъ, о чемъ мнѣ забыли сказать съ вечера. Я тотчасъ добрался до образчиковъ Ревильона, до отчета Уварова и проч.

Съ благоговѣніемъ любовался я вашею аккуратностью и жадно ловилъ глазами каждую букву вашей руки. Потомъ перечитывалъ письма Пушкина къ А. О., разсматривалъ чудесные образцы, — такъ прошло около часу; потомъ переписалъ я съ небольшими перемѣнами списокъ удостоиваемыхъ Современникомъ. По моему мнѣнію, надобно дать одинъ экземпляръ Урсину для университета и урсинятъ, что̀ я, съ вашего позволенія, и сдѣлаю завтра же. Для Борго, кажется мнѣ, было бы довольно одного экземпляра: Оттелинъ можетъ брать у Рунеберга.

Квартиру мы, наконецъ, наняли и — случай ли это или дѣйствіе тайной причины — это было въ день вашихъ имянинъ.

10 час. вечера.

Съ полчаса тому назадъ ушли мои гости (среда), которыхъ было 9 человѣкъ. Изъ нихъ вамъ извѣстны только Цигнеусъ и Цантъ [1]),

[1]) Gust. Er. Zandt, — докторъ философіи и пасторъ шведской церкви въ Петербургѣ, ум. 1881 г.

да развѣ еще Шернваль и Веттергофъ. Разговоръ былъ довольно оживленъ. Между разными предметами говорили между прочимъ о слухѣ, который здѣсь недавно распространился, будто Тегнеръ [1]) сошелъ съ ума. Разсказываютъ, что онъ вмѣсто предписанной ему холодной души взялъ горячую, и тотчасъ послѣ того произошло несчастіе. Если это правда, какой печальный примѣръ въ исторіи ума человѣческаго!

У Урсина я былъ давеча въ 5-мъ часу; онъ очень благодаритъ и за отчетъ и за Современникъ; намѣренъ послать младшаго сына въ Москву учиться русскому языку; также ѣдетъ Валленъ и еще кто-то. Сегодня я попросилъ позволенія взять копію съ отвѣта Наслѣдника, и завтра получу бумаги. Встрѣтилъ Ивана Егоровича Ушакова [2]), вспоминавшаго много о васъ, и маркиза Траверсе, котораго прелестная Марія [3]) уже здѣсь, но я еще не видѣлъ ея по возвращеніи.

Четв., 29 авг.

Еще я все не кончилъ своего письма, потому что не отвѣчалъ еще на ваше. Въ передачѣ вашихъ поклоновъ я теперь, по вашему наставленію, былъ искуснѣе прежняго, когда говорилъ, что онъ могъ вамъ кланяться, какъ и вообще всѣмъ, кто его вспоминаетъ. Одоевскаго тормошите чаще; не жалѣйте этой княжеской крови, болтайте ее безъ пощады! безъ этого тотчасъ застоится. Да и Соллогуба-то возьмите въ руки, когда онъ воротится. Помните: къ серединѣ октября статьи должны быть у меня.

Газетъ и журналовъ, необходимыхъ для меня, нѣтъ: я надѣюсь получать кое-какіе изъ здѣшнихъ кондитерскихъ, а отъ неполученія остальныхъ ничего не потеряю. О книгахъ подумаемъ со временемъ, теперь мнѣ никакихъ не нужно. Графа Ребиндера ожидаютъ сюда къ воскресенью и полагаютъ, что въ четвергъ онъ поѣдетъ въ Питеръ.

Вчера передалъ я княгинѣ Шаховской статью мою для доставленія вамъ.

Повторяю: будьте внимательнѣе при корректурѣ. Посмотрите, нѣтъ ли въ сужденіи о Цигнеусѣ чего-нибудь лишняго: напр., выраженіе, что общее мнѣніе финляндскихъ читателей не въ его пользу. Въ такомъ случаѣ пропустите его. Я боюсь, чтобы это не повредило ему больше. Статью отдайте тотчасъ въ печать, ибо въ рукописи не про-

[1]) Славный шведскій поэтъ, авторъ „Фритіофъ-саги“.

[2]) Русскаго купца, владѣльца нѣсколькихъ лавокъ въ Гфорсѣ.

[3]) Имя Маріи Александровны Траверсе, впослѣдствіи бывшей замужемъ за Паткулемъ, славившейся красотой, часто встрѣчается съ этихъ поръ въ перепискѣ Я. К. съ П. А.

чтете ее: такъ она измарана. Княгиня думаетъ, что пришлетъ вамъ во вторникъ. Addio!

NB. Стихи Цигнеуса къ Наслѣднику составляютъ окончанiе моей статьи [1]).

16.

(Плетневъ — Гроту) ***Спб., въ пятн., 30 авг., п. 12 ч. ночи, 1840.***

Письма, отправляемыя къ вамъ, милый Яковъ Карловичъ, обыкновенно по средамъ и субботамъ утромъ, я принужденъ теперь заготавливать по вторникамъ и пятницамъ вечеромъ, потому что въ университетѣ начались лекцiи, и я въ эти именно почтовые дни съ 10 ч. утра отправляюсь въ университетъ. Но это не перемѣнитъ сущности. Вы во всякомъ найдете мой журналъ и если случится въ промежуткѣ письмо отъ васъ, отвѣтъ на него. Совѣтую и вамъ держаться моего же порядка. Я теперь ежедневно отмѣчаю, что дѣлалъ днемъ, чтобы все это послѣ передавать вамъ. Конечно, все это довольно однообразно, незначительно; только журналъ будетъ насъ держать въ ясности въ разсужденiи нашей жизни, которую мы должны знать другъ о другѣ. Но я очень любопытенъ, кому вы и съ какими фразами отдавали Современникъ, и отъ кого что̀ получили въ отвѣтъ. Эти мелочи за глазами чрезвычайно любопытны, именно потому, что ихъ мудрено вообразить.

Въ среду 28 августа я написалъ второе письмо къ Наслѣднику. Это нужно было для того, что въ первомъ я позабылъ его поздравить съ именинами. Но чтобы не начать письма этого прозаическою фразою: „Имѣю честь поздравить“..., я донесъ Его Высочеству, что рескриптъ Его уже напечатанъ въ Гельсингфорсѣ, и даже выписалъ изъ вашего письма, какъ шведы принуждены были перевести слово: *сочлены*. Надѣюсь, что Его, какъ и насъ, авторовъ, эта мелочь интересуетъ. Далѣе прибавилъ я, что въ слѣдующемъ № помѣщены стихи Ему. Я назвалъ Ему автора и даже помѣстилъ затѣмъ коротенькую его бiографiю-характеристику. Я обѣщалъ, что эти стихи, хоть прозою, но непремѣнно переведены будутъ на русскiй языкъ и напечатаются у меня въ Современникѣ. Надѣюсь, что вы меня не сдѣлаете лжецомъ и немедленно доставите мнѣ вѣрнѣйшiй ихъ переводъ. Послѣ я объявилъ, что теперь у меня въ Современникѣ много будетъ занимательнаго о Финляндiи, назвавши васъ моимъ усерднымъ корреспондентомъ. Это дало мнѣ случай внести въ письмо Его Высочеству и вашу подробную бiографiю. Итакъ, теперь имена Цигнеуса и Грота лежатъ на письменномъ Его столѣ. Бога ради поддержите меня. Кончивъ и отпра-

[1]) „Литературныя Новости въ Финляндiи“, напечатаны въ Современникѣ, 1840, т. XX, ст. Цигнеуса, стр. 82 — 85.

вивъ письмо, я поѣхалъ въ университетъ, гдѣ и началъ лекціи. Не веселая работа, которую всякій годъ начинаешь, а вдаль почти не уходишь.

Вечеромъ были у меня Нордстремъ съ кузиной и Краевскій. Первый на-дняхъ уѣзжаетъ въ Грузію. Я лишаюсь въ немъ человѣка, очень преданнаго мнѣ и очень практически-умнаго. Краевскій разсказалъ мнѣ о своихъ непріятностяхъ съ Владиславлевымъ [1]). Они почти разошлись изъ-за денегъ. Не знаю, кто изъ нихъ болѣе виноватъ, но не могу не жалѣть о ничтожествѣ людей, всѣмъ жертвующихъ для денегъ. Краевскій передалъ Литературную Газету Кони [2]), а самъ остается при Отечественныхъ Запискахъ. Боюсь, что Враскій [3]) его стѣснилъ типографіею. Но онъ очень вѣруетъ въ честь и благородство Одоевскаго, что̀ и по моему мнѣнію неошибочно. Кстати: вы должны еще понукать Одоевскаго. Отъ моихъ словъ онъ не подвигается впередъ. Письмо изъ другого города все дѣйствительнѣе. И Сологубъ пріѣхалъ уже. И къ нему пишите. Сологубу хочется прочитать, что̀ я писалъ о немъ къ Урсину. Прочитаю при случаѣ.

Меня удивило, что въ среду не была у насъ Ал. Ос. Но утромъ я получилъ отъ нея записку весьма огорчительную. Съ ея отцомъ послѣдовалъ родъ удара. Однако, захватили во-время, и теперь пока онъ поправляется. Она въ отчаяніи была. Я ее приготовлю, боясь, что эта болѣзнь можетъ возвратиться и съ худшими послѣдствіями. Пріѣхавъ къ ней, я нашелъ ее въ самомъ отчаянномъ состояніи духа. Правду сказать: ея жизнь — крестъ! Мать только-что увеличиваетъ смятеніе тщетными восклицаніями.

Отъ Ал. Ос. (въ четвергъ 29 августа) заѣхалъ я къ князю Вяземскому. Ему изъ-за границы жена прислала писанное къ ней письмо Жуковскаго, который ее извѣщаетъ, что онъ женится. Есть въ Швейцаріи нашъ русскій офицеръ безъ руки, отрубленной на войнѣ еще въ 1812 году по имени Рейтернъ. Онъ знаменитый теперь живописецъ Дюссельдорфской школы. На его-то дочери или родственницѣ (въ письмѣ не означено) женится Жуковскій. Его письмо самое страстное. Онъ воскресъ. Въ невѣстѣ видитъ ангела, посланнаго для обновленія его жизни. Съ какимъ краснорѣчіемъ описываетъ онъ ея чистую любовь и свое блаженство. Признаюсь, я ему позавидовалъ, особенно въ томъ, что онъ еще можетъ такъ сильно чувствовать и любить. Трогательнѣе всего, что у Провидѣнія онъ проситъ теперь: „жизни! жизни“! Я прилагаю его адресъ, чтобы вы могли подвигнуть его къ отвѣту Александровскому университету и

[1]) Влад. Андр. Владиславлевъ, полковникъ, писатель и издатель альманаховъ, ум. 1856 г.

[2]) Ѳедору Алексѣевичу Кони, писателю, ум. 1879 г.

[3]) Вѣроятно Бор. Алексѣев., переводч., служ. въ III Отдѣленіи.

*

вмѣстѣ поздравить его съ новымъ блаженствомъ. Онъ не долженъ съ вами разъединиться. *Въ Дюссельдорфѣ. A M-r Joukoffsky. Chez M-r de Reutern.* Утромъ въ пятницу (30 августа) являлся ко мнѣ Терещенко[1]), авторъ книги: *Русскіе Канцлеры*, путешествовавшій по Европѣ, особенно по славянщинѣ, $2^1/_2$ года. Сенковскій разбиралъ книгу его, очень остроумно назвалъ его „pessimiste". Увѣряетъ, что если не опредѣлится куда учителемъ, то иначе и существовать не можетъ. Хочетъ готовить исторію славянъ политическую и литературную. Сегодня Ал. Ос. поспокойнѣе.

17.

(Плетневъ — Гроту) *Спб., вторникъ, 3 сент. 1840.*

Описанный вами, любезный Яковъ Карловичъ, обѣдъ у Пушкиныхъ (27 августа) доставилъ мнѣ большое удовольствіе. Точно будто и я былъ съ вами. Вы непремѣнно все такъ передавать мнѣ должны. Зная всѣхъ вашихъ собесѣдниковъ, я дѣйствительно живу, читая письма ваши, двойственною жизнью. Даже моя истинная жизнь теперь болѣе въ Гельсингфорсѣ, нежели здѣсь. Воображаю, какъ мнѣ весело будетъ, когда всѣ наши знакомые опять у васъ съѣдутся, и вы меня переносить будете то на блестящій вечеръ Армфельтовыхъ, то на скромный обѣдъ Вульфертовой. При свиданіи съ послѣднею не забудьте сказать ей, какъ часто я о ней думаю! какъ она въ моихъ глазахъ стоитъ высоко передъ многими женщинами, если бы даже иныя и блистательнѣе ея были. Когда возвратятся Армфельтовы? Вы нигдѣ не упоминаете о губернаторѣ. Не уѣхалъ ли и онъ въ деревню? Мнѣ всего грустнѣе бываетъ, когда я думаю, что отсутствіе и молчаніе могутъ меня стереть съ памяти тѣхъ, у которыхъ бы я желалъ жить постоянно въ воспоминаніи. Бонсдорфъ долженъ быть очень интересенъ. Отчего мы нигдѣ съ нимъ не встрѣтились на праздникахъ? И при чемъ онъ у васъ? Не забывайте почаще кланяться отъ меня графу Пушкину. Я очень помню, что передъ моимъ отъѣздомъ въ Гельсингфорсъ онъ былъ особенно ко мнѣ внимателенъ. Тогда я не имѣлъ понятія, въ какихъ онъ былъ сношеніяхъ съ нашею Финляндіею. Валлену скажите, что я непремѣнно желаю у себя видѣть его въ проѣздъ въ Москву. Все, что вы говорите объ отзывахъ обо мнѣ разныхъ лицъ въ Гельсингфорсѣ, чрезвычайно льститъ моему самолюбію и радуетъ меня. Шернваля я очень помню. Вы гадательно говорите объ удовольствіи, которое мнѣ доставляютъ письма ваши.

[1]) Александръ Власьевичъ, археологъ (ум. 1865 г.), служившій впослѣдствіи въ Румянцевскомъ музеѣ, авторъ книги: „Опытъ обозрѣнія жизни сановниковъ, управлявшихъ иностранными дѣлами въ Россіи" (VII прис. Демид. нагр. 1838).

Изъ чего же боюсь я, страшась пропустить и одну почту, чтобы не подать вамъ повода залѣниться въ отвѣтахъ. Но что объ этомъ говорить! Я предоставляю всякому судить о себѣ по дѣламъ, а не по словамъ. Меня очень трогаетъ вниманіе Каролины Ивановны, которая хотѣла даже сама отвѣчать на всякое мое письмо. Попросите ее, чтобы она такъ не безпокоилась. Я только желаю уберечь для себя маленькое мѣстечко въ сердцѣ ея и въ воспоминаніи. Никогда не перестану я со всею живостью воображать этихъ часовъ, которые мы были вмѣстѣ. Я всегда буду считать ее второю моею маменькою за ея непритворное радушіе и искренность бесѣдъ. Скажите ей, что мы съ Олей цѣлуемъ ея ручки. Меня очень порадовало извѣстіе, что вы наконецъ нашли квартиру по мыслямъ. Дай Богъ, чтобы житье ваше устроилось такъ же мирно и счастливо, какъ завидный уголокъ земли, въ которомъ судьба васъ пріютила.

Наслѣдникъ еще не отвѣчалъ на мои два письма. Да ему теперь и нѣкогда. Сегодня царская фамилія, по слухамъ, должна имѣть въѣздъ въ Царское Село. Весь день лилъ дождь. Мнѣ очень хочется увидѣть у Наслѣдника отвѣтъ Александровскаго университета и описаніе праздника. Первый вы можете помѣстить въ слѣдующемъ письмѣ ко мнѣ, а о второмъ дать хоть понятіе. По моему разсчету, вы должны теперь получить уже всѣ экземпляры Современника. Располагайте ими, какъ хотите. Съ вашимъ экземпляромъ всѣхъ мною послано въ Гельсингфорсъ 19. Если нужно, я готовъ увеличить это число. Только скажите поскорѣе, чтобы разомъ устроиться навсегда. Потомъ составьте для себя реэстръ лицъ, получающихъ его отъ васъ. Такъ и пойдетъ на будущее время. Ваши вечера по средамъ многолюднѣе моихъ. Старайтесь пользоваться ими, чтобы наводить добрыхъ финляндцевъ на разные разсказы, которые бы намъ годились для Современника. Перевертывайте передъ ними разныя русскія статьи, чтобы возбудить въ нихъ любопытство къ русскому языку. Я все надѣюсь, что съ нынѣшняго лѣта произойдетъ замѣтная перемѣна въ ихъ образѣ мыслей на счетъ русскихъ. Рескриптъ Наслѣдника, отвѣтъ ихъ на русскомъ языкѣ, появленіе журнала, гдѣ столько говорится о Финляндіи, знакомство ректора съ такимъ множествомъ финляндскихъ фамилій, все это для Гельсингфорса — эпоха. По крайней мѣрѣ, со мною такъ думаетъ Ал. Армфельтъ. Узнайте повѣрнѣе о Тегнерѣ. Да нельзя ли о немъ чего-нибудь составить поподробнѣе. Онъ человѣкъ всемірной извѣстности. Вы можете писать къ Францѐну, его товарищу. Не забудьте и отъ меня ему вложить поклонъ съ благодарностью за письмо ко мнѣ въ Петербургъ. Иначе онъ и умретъ, не услышавъ, что его письмо дошло до меня.

NB. Какъ вы дѣлаете съ тѣми мѣстами въ моихъ письмахъ, по которымъ *непремѣнное* должно послѣдовать исполненіе, не въ эту ми-

нуту, а послѣ? Совѣтую читать ихъ съ карандашемъ или перомъ въ рукѣ. Иначе или забудете, или соскучитесь отыскивать. Ради Бога, повергните отъ меня къ стопамъ Маріи (маркизы) тысячу милѣйшихъ вещей. Скажите ей, что я съ наслажденіемъ не только думаю объ ея восхитительной божественности, но и свои перечитываю стихи къ ней. Еще повторяю, что я не увѣренъ ни въ Одоевскомъ, ни въ Сологубѣ. Безъ вашихъ подстреканій едва-ли они примутся за перо. Вы говорите, что не нуждаетесь въ газетахъ и журналахъ. Первое такъ, но на счетъ послѣдняго я не согласенъ. Сообразите и пришлите обстоятельный реэстръ, что̀ съ новаго года должно постоянно идти къ вамъ, и что̀ по временамъ нужно будетъ высылать. Шаховская сегодня ничего не присылала ко мнѣ. Въ субботу, 31 августа, обѣдалъ у Максимовича. Раскрывъ одну брошюру, увидѣлъ на ней надпись Готлунда, подносящаго свои сочиненія Золотинскому и Введенскому. Вотъ міръ добраго нашего земляка: корельскіе попы! Да и тѣ еще живы ли?

Утромъ въ воскресенье, 1 сентября, принесли ваше письмо. Сколько чистѣйшей радости! Въ 12 час. я поѣхалъ въ Царское. Сидѣлъ у Россетки [1]). Она знакома съ невѣстой Жуковскаго. Ей 19 лѣтъ, зовутъ Элиза. Выросла въ простотѣ и бѣдности. Ихъ много у Рейтерна. Въ понедѣльникъ, 2 сентября, являлся ко мнѣ Валинъ [2]), изъ вашего университета. Онъ желаетъ непремѣнно слушать лекціи Сенковскаго. Сегодня утромъ послалъ я письмо Жуковскому съ поздравленіемъ. Вечеромъ ѣздилъ къ Ал. Армфельту. Его нѣтъ дома, а жена все больна. Просидѣлъ вечеръ у Краевскаго. Сенковскій съ будущаго года одинъ будетъ издавать Библіотеку для Чтенія, безъ Смирдина.

18.

(Гротъ — Плетневу) *Гфорсъ, 3 сент. 1840.*

На-дняхъ я получилъ еще три пакета Современника. Хотите знать, какъ принимаютъ вашъ подарокъ. *Чепурновъ* (добрый и благородный человѣкъ, не смотря на несовершенство образованія) отвѣчалъ просто нѣсколькими благодареніями: я пришелъ къ нему кажется, не въ пору. *Траверсе* не было дома, когда я принесъ ему книги, но дочь, которую я уходя видѣлъ у окошка, простодушно изъявила свою радость и на другой день при встрѣчѣ объявила съ комплиментами, что читаетъ мои творенія и даже похвалила мой *геній* (!!). Она очень мало знаетъ русскую литературу, потому что ей даютъ читать книги съ большимъ разборомъ. На другой день самъ Траверсе въ теплыхъ

[1]) А. О. Смирнова, рожд. Россетъ.

[2]) Геор. Авг. Валинъ (Wallin), доцентъ, а съ 1851 г. профессоръ восточной словесности въ Александровскомъ университетѣ, ум. 1852 г.

выраженіяхъ благодарилъ васъ за присылку и сказалъ, что намѣренъ писать вамъ, чтобъ изъявить признательность за такое незаслуженное вниманіе. *Цигнеусъ* и *Акіандеръ* получили свои №№, бывъ у меня въ первую среду. Оба они были очень рады, хотя скупы на слова, какъ истые финны. Я сообщалъ Цигнеусу ваше сожалѣніе, что я не назначилъ ему №, и онъ не скрылъ своего желанія имѣть особый Современникъ, даже побранилъ меня. Въ тотъ же вечеръ прочелъ онъ всю статью о финнахъ и говоритъ, что это лучшая изъ моихъ статей и что онъ ею вполнѣ доволенъ. *Веттергофъ* и *Шернваль* также получили свои №№ у меня на дому. Шернваль, переселяясь въ Вазу, намѣренъ переводить тамъ Современникъ для мѣстной газеты, а Веттергофъ обѣщалъ читать всякій № отъ доски до доски. *Урсинъ* пожалѣлъ, что не знаетъ по-русски и прибавилъ, что для его сына это будетъ новымъ побужденіемъ учиться языку. Послѣ онъ обѣщалъ присылать *собственно* для васъ все, что будетъ публикуемо отъ университета, и доставилъ уже новую программу лекцій, которую я отправилъ съ пасторомъ Цантомъ, уѣхавшимъ сегодня. При ней еще бумага: въ началѣ курсовъ дѣлается перекличка всѣмъ студентамъ, пользующимся стипендіями, ибо всѣ они должны быть на лицо. При этомъ профессоръ, завѣдующій стипендіями, назначаетъ *тезисы*, которые одинъ изъ тѣхъ студентовъ защищаетъ, а прочіе опровергаютъ — для упражненія. Тезисы, выбранные нынѣ, и составляютъ предметъ второй присылаемой вамъ бумаги. Прочіе Современники еще не розданы, потому что лица, которымъ они назначены, еще на дачѣ. *Рейнъ* здѣсь и, попросивъ поблагодарить васъ искренно, обѣщалъ прислать за своимъ №, но еще не присылалъ. Къ *Рамсаю* [1]) отнесъ я книги сегодня, но онъ, пріѣхавъ на день съ дачи, опять уѣзжаетъ туда, и не былъ дома.

Но знаете ли — присылкою Современниковъ канцелярія, можетъ быть, немножко поспѣшила. Графъ Ребиндеръ уже 3-й день здѣсь. Сегодня въ первый разъ засталъ я его дома. Онъ торопился и тотчасъ спросилъ, имѣю ли я что-нибудь особенное сказать ему; „не нуждаетесь ли вы въ деньгахъ?“ продолжалъ онъ: „приходите въ пятницу (день его отъѣзда): я самъ выдамъ вамъ“. Потомъ спросилъ, нравится ли мнѣ здѣсь. Я поблагодарилъ его отъ вашего имени за позволеніе. Онъ отвѣчалъ, что до сихъ поръ позволеніе его относится только до Современника, и то онъ еще посмотритъ, можно ли будетъ посылать его по почтѣ, потому боится не дорого ли будетъ, и подумаетъ о другомъ способѣ. Что же касается до другихъ книгъ и журналовъ, то не можетъ предложить покуда того же пути, потому что пакеты будутъ слишкомъ грузны. Я сказалъ, что я ужъ получилъ болѣе 10 пакетовъ. „Черезъ ректора?“ спросилъ онъ и тутъ же, подавъ мнѣ

[1]) Сенатору (почетному доктору философіи).

руку, позвалъ стоявшаго въ одно время со мной въ залѣ ректора въ свой кабинетъ. Я ушелъ. Когда графъ пріѣдетъ въ Петербургъ, вы конечно вскорѣ увидитесь съ нимъ.

Статья моя теперь (по крайней мѣрѣ большая часть ея) уже у васъ. Дополненіе, съ означеніемъ страницъ, везутъ вамъ Гольтгойеры, уѣхавшіе отсюда въ субботу. Старикъ [1]) сбирался непремѣнно навѣстить васъ.

Гольтгойеръ везетъ вамъ еще бумагу, именно копію съ отвѣта университета Наслѣднику, и извлеченія изъ приложеннаго къ нему описанія. Вы посмѣетесь и подосадуете надъ этими документами. Возможно ли было повѣрить переводъ человѣку, столь худо знающему духъ русскаго языка? Вотъ что значитъ не быть въ состояніи судить объ исполненіи порученія! Но графъ хотѣлъ, чтобъ бумаги были посланы по-русски. Что-то подумаетъ Наслѣдникъ? Посмѣется или разсердится? Во всякомъ случаѣ жаль! Бумаги эти уже недѣли три тому назадъ поѣхали къ Наслѣднику. Вы пишете, что сообщили Его Высочеству нѣсколько извѣстій о Цигнеусѣ и обо мнѣ. Что слишкомъ, то слишкомъ: досугъ ли Наслѣднику заниматься литературными мелочами, а тѣмъ болѣе дѣяніями столь темныхъ людей; но что съ вами говорить объ этомъ. Вы скажете:

„Но въ сердце загляни сему ты отрочати,
Онъ скажетъ: я піитъ, стихи мои въ печати“.

Среда, 4 сент.

Извѣстіе о Жуковскомъ очень поразило меня. Но не знаю, кстати ли будетъ писать ему. Конечно, онъ теперь такъ полонъ своимъ новымъ счастьемъ, что не обратитъ вниманія ни на поздравленіе мое, ни на убѣжденіе, чтобъ онъ отвѣчалъ университету. Встрѣтивъ вчера графа Пушкина, я передалъ ему и поклонъ вашъ и это извѣстіе, которое очень заинтересовало его. Я былъ у него уже два раза послѣ описаннаго вамъ обѣда, но не заставалъ никого дома. Что касается до отвѣта отъ Жуковскаго, то я напрямикъ сказалъ Урсину, что вы-де не дождетесь отвѣта, ибо онъ парень лѣнивый; разсказалъ объ академіи. Одоевскому и Сологубу напишу.

Теперь, отвѣтивъ на всѣ пункты вашихъ писемъ, требовавшіе того, я берусь за свой журналъ, чтобъ выписать для васъ все могущее васъ занимать. Теперь я кромѣ этого журнала, гдѣ сухо отмѣчаю, что дѣлалъ и гдѣ былъ, завелъ еще другія тетради, въ которыя вношу все, что узнаю новаго и интереснаго, о чемъ долженъ справиться, что мнѣ предстоитъ сдѣлать и т. п. Такія памятныя книги разнаго рода кажутся мнѣ необходимыми въ новомъ мѣстѣ, которое хочешь

[1]) Бывшій директоръ лицея Ѳ. Г. Гольдгойеръ.

узнать вполнѣ. Также не чуждаюсь я знакомства ни съ кѣмъ, и вникаю во всѣ подробности быта и положенія дѣлъ. Разныя хозяйственныя заботы я также взялъ на себя, потому что для маменьки онѣ слишкомъ тягостны. Какъ я теперь вижу, что лѣта убиваютъ въ душѣ ту упругость, съ какою она въ молодости можетъ примѣняться ко всякимъ обстоятельствамъ. Вотъ источникъ случающагося иногда неудовольствія маменьки; ее за то винить нельзя; надобно только облегчать ей удовлетвореніе разныхъ нуждъ.

Однакожъ я еще не на все отвѣчалъ вамъ; имя автора шведской грамматики Лангѐнъ; такъ назвалъ его книгопродавецъ. Цигнеусу я еще не успѣлъ разсказать того, что̀ вы пишете на счетъ его.

Въ пятницу, Александровъ день, былъ званый вечерокъ у Чепурнова, у котораго сынъ былъ имянинникъ. Тамъ изъ дамъ, извѣстныхъ вамъ, были баронесса Котенъ и Marie Траверсе съ маленькими сестрами. Со второю я проплясалъ кадриль. Она непринужденно мила, и когда я разсказывалъ ей, что вы шутя собираетесь пріѣхать сюда жить, то она приказала сказать вамъ, чтобы это сдѣлали не шутя и непремѣнно въ будущемъ году хоть на лѣто пріѣхали: она очень будетъ рада.

Въ воскресенье утромъ обѣдалъ я, по зову, у чиновника Векстрема, вдовца, родственника Ушаковыхъ. Обѣдъ былъ для уѣзжавшаго Цанта. Общество было большое, въ немъ находилось и нѣсколько дамъ. За столомъ сидѣлъ я между одной дамой, уже знавшей меня съ виду, и Иваномъ Ушаковымъ. Я замѣтилъ, что большая часть гостей (между которыми было еще два русскихъ — здѣшніе чиновники — Плаксинъ и Ковалевъ) смотрѣли на меня, по свойственной человѣчеству глупости, какъ на замѣчательную особу, на литератора. Слушали меня со вниманіемъ и говорили — о моихъ сочиненіяхъ! Какъ мало нужно, чтобъ удивить людей! Бранили Булгарина, котораго здѣсь начинаютъ понимать.

19.

(Плетневъ — Гроту) ***Спб., пятница, 6 сентября 1840.***

Въ среду (4 сентября) возвратясь передъ обѣдомъ изъ университета домой, я нашелъ на письменномъ столѣ своемъ пакетъ, безъ меня присланный отъ княгини Шаховской. Благодарю васъ, добрый, милый Яковъ Карловичъ! Это была ваша статья о литературныхъ новостяхъ въ Финляндіи. Въ этотъ день у насъ обѣдала Александра Осиповна. Послѣ обѣда, усѣвшись въ моемъ кабинетѣ, я попросилъ ее начать чтеніе вашей статьи. Мы были въ большомъ изумленіи отъ оригинальнаго таланта Цигнеуса. Все, что вы сказали о немъ, совершенно справедливо. Посовѣтуйте ему не прежде отдавать въ печать его

пьесы, какъ продержавъ ихъ по крайней мѣрѣ два мѣсяца въ столѣ. Это удивительно помогаетъ человѣку, который, увлекаясь обиліемъ и новостью идей, яснѣе ихъ чувствуетъ и понимаетъ, нежели находитъ время для точныхъ выраженій. Но черезъ два мѣсяца онъ сдѣлается для себя самого постороннимъ критикомъ и непремѣнно переправитъ и уяснитъ въ выраженіяхъ то, что̀ ему прежде казалось такъ яснымъ отъ дѣйствія внутренняго ощущенія. Например, въ стихахъ къ Наслѣднику первая половина третьей строфы недовольно связана, хотя можно догадаться, что̀ ему хотѣлось сказать. Позволитъ ли онъ мнѣ вставить только союзъ *а* между словами *блескомъ* и *земля*. Безъ этого союза недовольно выражается противоположность между величіемъ наслѣдственной короны Русскаго Императора и обладаніемъ скромною Финляндіею. Кажется, ему это хотѣлось сказать. Вы видите, что уже вѣрно есть недостатокъ въ стихахъ, когда читатель, объясняя ихъ, не увѣренъ, такъ ли онъ понимаетъ автора. Все это доказываетъ, что Цигнеусъ не имѣлъ до сихъ поръ друга, который бы его держалъ въ ежовыхъ руковицахъ, какъ меня Дельвигъ. Я угадываю, что онъ одинъ работаетъ, и не нашелъ еще, въ кого вѣрить. Но за то, сколько у него свѣжести. Онъ настоящій лебедь, ныряющій по чистому озеру и являющійся въ изумительной освѣженности. Кончивъ чтеніе статьи, я сейчасъ же сѣлъ и переписалъ на особомъ листѣ стихи къ Наслѣднику. На другомъ листѣ приготовилъ къ Нему письмо, въ которомъ сказалъ, что получивъ, наконецъ, это привѣтствіе къ Нему финляндской музы, препровождаю его и прошу разрѣшенія на напечатаніе въ Современникѣ.

У меня сейчасъ еще родилась мысль: IV книжка печатается; набрано уже 18 листовъ; недостаетъ стиховъ, библіографіи и современныхъ записокъ. Въ разрядъ послѣднихъ я готовлю статью, изъ которой въ печати выйдетъ болѣе листа. Она называется 200-лѣтній юбилей Александровскаго университета и должна служить введеніемъ къ вашей. Между тѣмъ для первой книжки 1841 года, которая въ слѣдующемъ мѣсяцѣ поступитъ въ печать, еще нѣтъ ни строчки оригиналу. За что же я нашей глупой публикѣ буду давать въ каждомъ № листовъ по пяти лишнихъ, а себя разоряя деньгами, стану еще лишать и статьи на будущее время? Не отложить ли мнѣ вашу статью, чтобъ ею начать новый годъ? Изъ нея въ теперешней я бы напечаталъ только стихи къ Наслѣднику, тѣмъ болѣе, что и вы ихъ исключили изъ числа современныхъ новостей, объявивъ о четырехлѣтнемъ уже ихъ существованіи. Между тѣмъ не только будетъ изъ этого экономія, но и самые предметы, будучи сродны (вашъ и мой), разложатся на два тома. Какъ вы объ этомъ думаете? Я не приступлю къ исполненію этого плана, пока не получу отъ васъ обстоятельнаго отвѣта. Все же вы не задержите листковъ, которыхъ

недостаетъ въ вашей статьѣ. Способъ обозрѣнія новостей, вами избранный, по моему мнѣнію, наилучшій для того, чтобы ввести читателей въ разсматриваемый вами предметъ. Особенно хорошо то, что вы разнообразите взгляды. Если бы на Цигнеуса, Нервандера, Ленрота и Аттербома[1]) вы глядѣли однажды избраннымъ порядкомъ, то критика сдѣлалась бы утомительна. Но у васъ для каждаго изъ нихъ своего рода репрезентація. Такъ можно продолжать весь вѣкъ и всѣ въ мірѣ литературы. Съ представленіемъ каждаго новаго лица вы покажетесь сами новымъ человѣкомъ, котораго мы еще совсѣмъ не читали. Александра Осиповна завидуетъ вамъ и не понимаетъ, отчего она никогда такъ не писывала. На вечеръ прежде всѣхъ пришелъ Нордстремъ; послѣ Владиславлевъ, который выучился пѣть и очень доволенъ своими успѣхами. Пускаетъ гулъ, какъ изъ глухой трубы. Въ четвергъ (5 сентября) отправивъ къ Наслѣднику пакетъ со стихами Цигнеуса при своемъ письмѣ, я поѣхалъ въ университетъ. Въ пятницу (6 сентября), былъ у меня Айбулатъ[2]) Онъ принесъ для Современника нѣсколько стихотвореній и жаловался на Краевскаго, который не хочетъ для него разстаться съ экземплярами Отечественныхъ Записокъ. И мнѣ это показалось смѣшнымъ Лежатъ же сотни нетронутыя! Послѣ ѣздилъ я съ визитами. Былъ у княгини Шаховской и Путяты. Все утро я говорилъ такимъ образомъ о нашей милой Финляндіи. Княгиня говорила о васъ съ уваженіемъ и любовью. Она сказала, что графиня Пушкина переѣдетъ на зиму сюда. Я пожалѣлъ о васъ, что еще опустѣетъ пріятный домъ въ Гельсингфорсѣ. Путята очень обрадованъ, что мнѣ все такъ понравилось у васъ. Графа Ребиндера еще нѣтъ здѣсь. На вечеръ я отправился къ Владиславлеву. Тамъ, къ удивленію, нашелъ цѣлый Парнассъ, т. е. сумасшедшій домъ: Кукольника, Гребенку, Лодія (Несгорова) и Петрова (актера). Все это пѣло и пило, такъ что мнѣ ужасно стало скучно и я насилу добрался до этого мига, чтобъ развеселиться. P. S. Владиславлевъ выпросилъ у меня для своего альманаха стихи „Къ Маркизѣ". Не оскорбится ли ея скромность? Дайте отвѣтъ.

20.

(Гротъ — Плетневу) *Гфорсъ, 7 сент. 1840.*

Въ четвергъ послѣ обѣда поймалъ я на берегу Урсина, который шелъ передо мной въ старой шапочкѣ, вѣроятно для хозяйственныхъ закупокъ. Онъ сказалъ мнѣ, что гр. Ребиндеръ ничего новаго не говорилъ ему на счетъ пересылки журналовъ и что, по его (Урсина) мнѣнію, она не можетъ составлять тягости для канцеляріи, когда

[1]) Знаменитаго шведскаго поэта.

[2]) Айбулатъ — Розенъ, К. М., чьи стихотворенія помѣщались въ Современникѣ 1840-хъ годовъ.

идетъ на имя университета. Онъ думаетъ, что авторъ статьи о Гельсингфорсѣ въ „Magazin angen. Unterhaltung“ проф. Preller изъ Дерпта, напечатавшій уже статью въ тамошнемъ журналѣ. Вечеромъ былъ я часа полтора у Чепурнова. Онъ между прочимъ разсказывалъ мнѣ и спорилъ, что Тредьяковскій умеръ очень недавно, нѣсколько лѣтъ назадъ, и что теперь есть также писатель этого имени. Тутъ же былъ толстый казацкій офицеръ изъ Систербека, доказывавшій, что шведскій языкъ происходитъ отъ нѣмецкаго, а супруга генерала съ своей стороны смѣялась надъ тѣмъ, что онъ находитъ сходство между русскимъ словомъ *молоко* и шведскимъ *mjölk*.

Въ пятницу, въ 8-мъ часу утра, былъ у графа за жалованьемъ. Онъ послалъ меня назадъ за роспиской и, выдавъ мнѣ остальные за треть, просилъ, чтобы и въ Петербургѣ кто-нибудь являлся къ нему за моими деньгами. Далѣе графъ спрашивалъ, что̀ я дѣлаю, и на вопросъ мой о проектѣ на счетъ училищъ Выборгской губерніи, отвѣчалъ, что есть другой проектъ, который онъ постарается осуществить, — именно вашъ, и спросилъ, соглашусь ли я учить въ университетѣ. Въ 2 ч. онъ уѣхалъ. Послѣ обѣда взялъ я на почтѣ письма отъ васъ и Александры Осиповны, которыя читалъ идучи домой. Назначенныхъ экземпляровъ Современника, кажется, довольно. Конечно, я ежедневно узнаю людей, знакомыхъ съ русскимъ языкомъ; но вѣдь на всѣхъ не напасешься Современника. О Тегнерѣ слухъ подтверждается; говорятъ, что отецъ и дѣдъ его умерли сумасшедшими. Перевожу его жизнеописаніе, сочиненное года два назадъ однимъ изъ его обожателей Францѐномъ. Этотъ, какъ сказалъ мнѣ Цигнеусъ, не захочетъ писать о несчастіи своего друга. Но я все-таки, можетъ быть, напишу къ нему. Не смотря на то, что̀ я сказалъ въ послѣднемъ письмѣ, хотѣлось бы мнѣ писать и къ Жуковскому, да времени недостаетъ; я и то почти ничего не успѣваю дѣлать, столько у меня разныхъ заботъ и развлеченій. Такая жизнь мнѣ, впрочемъ, очень нравится; но если я буду продолжать такъ жить, то — adieu, travail! Гулять по прекраснымъ мѣстоположеніямъ и видѣться съ милыми людьми, то свѣтскими, то учеными, такъ пріятно, что тутъ совсѣмъ забудешь сладость уединенія, и всякая ипохондрія испарится изъ головы. Какъ ваши и мои идеи иногда сходятся! Можетъ быть, въ то же время, какъ вы писали послѣднее письмо, я уже имѣлъ намѣреніе отмѣчать карандашемъ мѣста, требующія отвѣта, и это исполнено при чтеніи того письма, хотя не при первомъ чтеніи. Пушкиныхъ и Траверсе вижу рѣдко; первые рѣдко сидятъ дома, послѣдніе еще не совсѣмъ устроились. О журналахъ я подумаю; у меня уже есть три: надѣюсь, что Краевскій и впредь будетъ присылать сюда 1 экземпляръ Отечественныхъ Записокъ чрезъ моего коммиссіонера, шведскаго пастора Гофрена, живущаго на шведскомъ кирочномъ дворѣ. Ему прошу и васъ посылать такіе пакеты,

которыхъ доставленіе не спѣшно: чтобы начать, одолжите мнѣ, какъ ужъ вы и обѣщали, книгу Врангеля о Сибири [1]). Здѣсь многіе прочтутъ ее съ особеннымъ наслажденіемъ, и прежде всѣхъ Кастренъ, возвратившійся на-дняхъ съ чрезвычайно интересными фактами по своему предмету. Новость о Жуковскомъ здѣсь очень интересуетъ. По окончаніи писемъ вашихъ, пошелъ я къ Вульфертовымъ, но не засталъ ихъ (я не слышалъ никакихъ статистическихъ свѣдѣній о ихъ семействѣ); но у дверей видѣлъ пріѣхавшаго въ то же время гр. Армфельта, который нѣсколько времени былъ въ отлучкѣ. Поутру я отнесъ ему Современникъ, но его не было дома. Онъ много благодарилъ и былъ, по обыкновенію, очень любезенъ. Дамы его пріѣдутъ не ранѣе, какъ въ серединѣ октября.

Въ здѣшнемъ Сенатѣ слушалось на-дняхъ какое-то особенно важное дѣло, котораго сущности никто не знаетъ и для котораго всѣ сенаторы, бывшіе въ отпуску, въ томъ числѣ и Рамсай, должны были явиться.

Сегодня поутру понесъ я экземпляръ Современника Теслеву, но встрѣтилъ его на улицѣ, недалеко отъ его подъѣзда. О степени его благодарности вы можете судить изъ словъ: „мой почтенный другъ, мой любезный другъ“, которыми онъ честилъ меня, совѣстясь, что я понесу книги къ нему и даже предлагая воротиться. Потомъ былъ я въ университетѣ на диспутѣ, который происходилъ на латинскомъ языкѣ въ философской аудиторіи. На каѳедрѣ сзади сидѣлъ профессоръ, сочинявшій тезисы, а передъ нимъ его защитникъ. Скамьи были заняты одними студентами, которые пользуются стипендіями и которые приходили въ шинеляхъ и сюртукахъ, безъ церемоніи. Диспутъ вертѣлся около мелочей, какъ всегда; выражались не слишкомъ легко и внятно (кромѣ профессора), и я скоро ушелъ. Обѣдалъ въ Соцьететѣ, гдѣ сидѣлъ возлѣ Кастрена. Мы съ нимъ сговорились итти послѣ обѣда къ Бонсдорфу, но встрѣтили его ѣхавшаго въ городъ, почему пошли гулять въ садъ, а теперь пойдемъ къ Акіандеру, звавшему меня къ себѣ.

Прощайте, Кастренъ пришелъ. Идемъ къ Акіандеру.

21.

(Плетневъ — Гроту) *Спб., вторн., 10 сент. 1840.*

Разсказы ваши, милый Яковъ Карловичъ, о томъ, кто какъ принималъ Современникъ, очень занимательны. Продолжайте эту любопытную статью. Цантъ еще не являлся ко мнѣ съ программами. От-

[1]) Путешествіе по сѣвернымъ берегамъ Сибири и по Ледовитому морю etc. (удост. Дем. награды 1842 г., XI прис.) барона Ферд. П. Врангеля.

чего канцелярія не должна была спѣшить отсылкою Современника, если уже дано было предписаніе? На будущее время его сіятельство можетъ распорядиться, какъ захочетъ; а это было уже рѣшеное дѣло. Я еще не ѣздилъ къ Ребиндеру, хотя и полагаю, что онъ уже пріѣхалъ. У меня очень мало свободныхъ часовъ. Теперь будетъ еще менѣе. Съ прибытіемъ В. К. Ольги Николаевны по два раза въ недѣлю надобно ѣздить въ Царское Село. Мнѣ показался страннымъ тонъ графа съ вами. Растолкуйте, что̀ это значитъ. Я получилъ окончаніе вашей прелестной статьи. Но Гольтгойера не видалъ. Безъ меня ее принесъ кто-то̀. Бумага къ Наслѣднику отъ университета не показалась мнѣ такъ ничтожною, какъ я думалъ. Видно, что ее писали люди, не говорящіе по русски, но сочиняющіе съ лексикономъ. Однако же дѣло изложено довольно понятно. Я самъ знаю, что Наслѣднику некогда заниматься сочинителями. Все же хорошо, когда имена ихъ останутся въ его памяти. Пріѣхавъ въ Гельсингфорсъ, во время репрезентаціи, Онъ можетъ вспомнить ихъ и радъ будетъ сказать имъ слова два ласковыхъ. Хорошо, что вы уже предупредили Урсина насчетъ лѣни Жуковскаго. Прибавьте, что она происходитъ не отъ неуваженія его къ людямъ, а отъ врожденной антипатіи къ пустымъ формамъ. На дѣлѣ, дескать, онъ готовъ отдать рубашку для вспоможенія кому-либо.

Устройствомъ вашихъ записныхъ книжекъ нельзя довольно налюбоваться. Онѣ еще болѣе придаютъ интересу драгоцѣннымъ письмамъ вашимъ. Вашъ планъ жизни и дѣйствій очень нравится мнѣ. Точно не надо чуждаться ничего. И хозяйство можетъ вамъ принести пользу, облегчивъ маменьку отъ нѣкоторой части заботъ. Все надо для нея сдѣлать, чтобы успокоить и совѣсть свою и самыя любимыя занятія. Лангенъ долженъ быть уже покойникъ. Есть много учебниковъ на которыхъ выставлено это имя. Изъ разговоровъ съ бар-сой Котенъ, особенно откровенныхъ, вы можете дѣйствительную для себя извлечь пользу. Жаль, что я не былъ ей представленъ. Мнѣ бы весело теперь было посылать ей поклоны и давать вамъ книжную матерію къ разговорамъ, но вы и заочно можете ввести меня къ ней въ знакомство. Скажите, что я этого ужасно добиваюсь. Поклонитесь отъ меня маркизу. Отговорите его писать ко мнѣ. Я, дескать, самъ пріѣду принять его благодарность. Марьѣ Александровнѣ и миленькой ея сестрѣ тоже отдайте по поклону. Пушкина на зиму переѣдетъ сюда. У васъ Траверсе да Армфельтовы только и останутся въ усладу. Хорошо, что уже и Ушаковъ побраниваетъ Булгарина. Вѣрно за то же примется и Синебрюховъ. Для цензора довольно, если рукопись четко переписана. Помарки ничего.

О Финляндіи надо составить книгу, въ родѣ Guide de voyageur. Воспользуйтесь: 1) дорожниками; 2) календарями; 3) словарями швед-

скимъ и финскимъ; 4) топографическими и историческими статьями, какъ вашими собственными, такъ и чужими готовыми. Эту книгу надо будетъ въ мартѣ мѣсяцѣ пустить въ продажу черезъ коммиссіонеровъ: 1) на финскомъ подворьѣ; 2) у станціоннаго смотрителя въ Бѣлоостровкѣ; 3) у книгопродавцевъ с.-петербургскихъ; 4) въ Выборгѣ: на почтѣ, у дѣвицъ съ итальянскимъ именемъ (которое забылъ) и у привратника сада барона Николая; 5) на станціи и въ трактирѣ на Иматрѣ; 6) наконецъ, въ Борго и Гельсингфорсѣ. Главное же—огласить эту книгу разъ пять или болѣе въ русскихъ, нѣмецкихъ и французскихъ газетахъ, какъ необходимое пособіе для путешественниковъ и любителей изящной природы. Моихъ писемъ ни въ какомъ журналѣ нѣтъ. И здѣсь говорили, что В. точно въ желтомъ домѣ. Поклонитесь отъ меня Клинковстрему. Скажите ему, что его согласіе на мой бракъ съ Матильдою я принимаю съ благодарностью, и что если не удастся мнѣ видѣть ее моею женою, надѣюсь, по крайней мѣрѣ, видѣть ее фрейлиною Двора. Я уже пустился интриговать на этотъ счетъ. И письменно, и словесно только и проповѣдую передъ Великими Княжнами о ея достоинствахъ, и что она достойна быть украшеніемъ Двора.

Въ субботу (7 сентября) Оли[1]) съ Александрой Осиповной ѣздила на Каменный островъ къ принцессѣ Ольденбургской и подарила ей изъ Гельсингфорса хрустальную тарелочку, маленькую, съ цвѣткомъ внутри стекла, чѣмъ Ея Свѣтлость была очень довольна и удивлялась, какъ это сдѣлано. Вечеръ я провелъ у Александры Осиповны, которой братъ возвратился и также былъ. Стали было читать у Муравьева: Разсѣянныя черты изъ Россійскаго землеописанія (совѣтую и вамъ это перечитывать), но не кончили. Въ воскресенье (8 сентября), въ прекраснѣйшій день, былъ въѣздъ принцессы Маріи Дармштадтской [2]). Три дня иллюминація съ музыкою въ разныхъ частяхъ города. Я былъ на большомъ выходѣ въ Зимнемъ дворцѣ и видѣлъ принцессу. Вечеромъ, возвратясь домой, нашелъ у себя ваше письмо—и по обыкновенію былъ наисчастливѣйшимъ человѣкомъ.

Сегодня, во вторникъ (10 сентября), въ 9 час., отправился я къ Наслѣднику. Онъ былъ съ полчаса одинъ со мной. Благодарилъ за все, въ томъ числѣ и за стихи Цигнеуса, которые позволилъ напечатать. Проектъ мой рескрипта Его не засталъ въ Эмсѣ, а оттуда пересланъ былъ въ Петергофъ. Государь Ему позволилъ заѣхать изъ Эмса въ Гельсингфорсъ, но Онъ не имѣлъ уже времени. А все-таки Онъ когда-нибудь къ вамъ пріѣдетъ непремѣнно. Отъ Него я сошелъ къ В. К. Ольгѣ Николаевнѣ и тамъ былъ представленъ принцессѣ

[1]) Дочь Петра Алекс., воспитывавшаяся и жившая у А. О. Ишимовой.

[2]) Невѣсты Наслѣдника Великаго Князя Александра Николаевича, будущей Государыни Маріи Александровны.

Маріи. Она мила, какъ и Онѣ. Была со мной любезна, читала по-русски *Вѣрую* и *Отче нашъ*, также нѣсколько русскихъ фразъ сказала и даже пѣла при мнѣ. Возвратясь домой, нашелъ у себя Ѳ. Ѳ. Корфа [1]). Онъ мнѣ заготовилъ для № 1 Современника какую-то статью—продолженіе о Жанъ-Полѣ. Что-то будетъ!

22.

(Гротъ — Плетневу) ***Гфорсъ, вторникъ, 10 сентября 1840.***

Сегодня въ 9 часовъ былъ я уже съ вашимъ письмомъ у Цигнеуса, но не засталъ его дома; однакожъ мы скоро послѣ того встрѣтились. Ваши замѣчанія находитъ онъ умными, но въ одномъ изъ нихъ виноватъ я, а не онъ. Частица *а*, которой вы требуете въ началѣ 3-й строфы, находится въ черновомъ переводѣ стиховъ; но при перепискѣ ихъ, я, по какому-то ослѣпленію, счелъ ее ненужною, и вышла темнота въ смыслѣ.

Хотя отсрочка напечатанія моей статьи была бы для меня очень выгодна, потому что я бы могъ до № 2 Современника 1841 г. отдыхать на лаврахъ, однакожъ, по моему мнѣнію, лучше помѣстить ее въ № 4 1840 г. Вотъ мои причины: 1) ваша и моя статьи составляютъ необходимое дополненіе одна другой и, какъ сродныя, должны быть помѣщены вмѣстѣ, а не разрознены, потому что взаимно увеличиваютъ интересъ. 2) Послѣ новаго года мои *новости* будутъ ужъ слишкомъ *стары* и во многомъ неясны для читателя, если онъ забудетъ вашъ разсказъ. 3) Стихи къ Наслѣднику, напечатанные въ Современникѣ отдѣльно отъ прочихъ новостей, могли бы послужить поводомъ къ недоразумѣнію насчетъ нашихъ намѣреній, тѣмъ болѣе, что ихъ напечатаніе въ финской газетѣ было слѣдствіемъ моихъ стараній и убѣжденій. 4) Бывъ помѣщена *нынѣ*, моя статья покажетъ кому слѣдуетъ, что я не сижу по крайней мѣрѣ совершенно безъ дѣла и не совсѣмъ даромъ получаю деньги. 5) Здѣшнимъ литераторамъ, до которыхъ относится, она болѣе принесетъ удовольствія теперь въ связи съ вашею, нежели послѣ, когда лѣтнія впечатлѣнія во всѣхъ уже ослабѣютъ. Итакъ, къ ненапечатанію ея нынѣ остается одно только основаніе — экономія. Вамъ должно быть лучше извѣстно, нежели мнѣ, достаточно ли противовѣситъ эта причина всѣмъ мною приведеннымъ. Къ № 1 1841 г. получите отъ меня что-нибудь новое, напримѣръ, о Тегнерѣ. Того, что вы говорите о какомъ-то разнообразіи моихъ взглядовъ, я до тѣхъ поръ не могу повѣрить, пока не прочту вновь своей статьи въ печати, потому что о такомъ разнообразіи вовсе не думалъ; ежели оно есть, то произошло случайно, а что Александра Осиповна

[1]) Баронъ Ѳедоръ Ѳедоровичъ, писатель, б. редакт. „Русскаго Инвалида“ († 1853).

никогда такъ не писывала, то причина этому очевидна: Александра Осиповна всегда писала *лучше!* Гдѣ намъ и тянуться за такою сочинительницею? Остатокъ моихъ листовъ, вѣроятно, уже въ вашихъ рукахъ. Маркиза Марія, какъ думаетъ со мной Цигнеусъ, вовсе не будетъ оскорблена обнародованіемъ ея красоты. Хоть она и будетъ, повидимому, сердиться, но — въ сердце загляни сей миленькой дитяти, — „прекрасна", скажетъ, „я: глаза мои въ печати".

Вечеръ субботы у Акіандера, гдѣ я запечаталъ и отдалъ мое послѣднее письмо, былъ проведенъ мною очень пріятно. Между разными добрыми людьми былъ тамъ и профессоръ восточныхъ языковъ Гейтлинъ [1]), прежній лекторъ русскаго языка и авторъ хорошаго русско-шведскаго лексикона. Онъ мнѣ очень нравится своимъ прямымъ и открытымъ обращеніемъ, не говоря объ его умѣ. Жаль, что вы не познакомились съ нимъ; ему очень прискорбно, что онъ не успѣлъ узнать васъ, — жилъ на дачѣ. Мы много толковали о разныхъ законахъ русскаго языка и немного спорили: тутъ было нѣсколько человѣкъ, знающихъ по-русски. Акіандеръ — молодецъ по свѣдѣніямъ въ этомъ отношеніи, а такъ скроменъ, что въ началѣ нашего знакомства не хотѣлъ и говорить по-русски. Между разговорами пили прилежно пуншъ, простой и шампанскій.

Въ воскресенье на бульварѣ встрѣтилъ я родственника Ушаковыхъ Векстрема; онъ поручилъ мнѣ узнать, есть ли въ петербургскомъ монетномъ кабинетѣ (при академіи, что ли?) шведскіе большіе таллеры? Если нѣтъ, то онъ, *можетъ быть*, доставитъ парочку. Имѣя множество знакомыхъ, вы, любезный Петръ Александровичъ, не найдете ли случая велѣть кому-нибудь справиться объ этомъ?

Сдѣлалъ долгій визитъ здѣшнему плацъ-маіору Кольбарсу, женатому на m-lle Вельо изъ Царскаго Села. Самъ имѣлъ потомъ визитъ графа Армфельта и статскаго Вульферта. Послѣдній поручилъ попросить васъ объ исходатайствованіи у Наслѣдника дозволенія напечатать его рескриптъ въ русскихъ и нѣмецкихъ Петербургскихъ Вѣдомостяхъ, чтобы всѣ видѣли, какимъ счастіемъ и благоволеніемъ пользуется здѣшній университетъ. Онъ, Вульфертъ, говорилъ объ этомъ графу Ребиндеру, который отвѣчалъ: дѣлайте, что хотите, но моего имени не вмѣшивайте въ это дѣло; однакожъ указалъ на васъ, какъ на человѣка, могущаго въ этомъ случаѣ оказать услугу. Александръ Астафьевичъ [2]) хотѣлъ доставить мнѣ и нѣмецкій переводъ рескрипта для передачи вамъ. Послѣ обѣда пришелъ ко мнѣ Готлундъ; разговоръ коснулся прежде уже извѣстныхъ мнѣ по слуху его приключеній, и онъ разсказывалъ ихъ мнѣ съ 4-хъ до $7^1/_2$ час. Какой замѣчатель-

[1]) Гавріилъ Гейтлинъ, профессоръ, позже пасторъ, ум. 1871.

[2]) Вульфертъ.

ный человѣкъ и какъ онъ много вытерпѣлъ! Не знаю, слышали ли вы, что, бывъ студентомъ въ Упсалѣ (1823 и около), онъ явился предъ трономъ шведскаго короля защитникомъ угнетенныхъ финновъ, живущихъ въ Швеціи и нашелъ сильную опору въ кронпринцѣ Оскарѣ и въ Франценѣ. Но интриги встревоженныхъ враговъ довели короля до того, что онъ выслалъ его изъ Стокгольма. Возвратясь въ Финляндію, Готлундъ поѣхалъ по частнымъ дѣламъ въ Петербургъ, и тамъ, вслѣдствіе прежнихъ слуховъ изъ Швеціи, взятъ былъ въ полицію и отправленъ на жительство въ Куопіо. Однакожъ кронпринцъ оправдалъ его въ глазахъ нашего правительства, и Готлундъ безъ затрудненія получилъ мѣсто лектора финскаго языка при университетѣ. Вечеромъ пошелъ я къ Пушкинымъ, гдѣ были Валлены, Демидова [1]), Клинковстремъ, баронесса Котенъ, камергеръ Шерналь и племянникъ графа Ребиндера Геденбергъ. Вскорѣ сѣли играть въ карты; графиня не игравшая удержала было меня, но чуть она вышла — я убѣжалъ.

Въ понедѣльникъ утромъ, встрѣтилъ я статскаго совѣтника Вейсенберга [2]), который очень обрадовался этому, потому что могъ узнать ваше имя и отчество: ему Теслевъ поручилъ писать вамъ отвѣтъ. Потомъ провелъ съ Акіандеромъ часокъ у Гейтлина: пили пиво и толковали опять о русской грамотѣ. У Гейтлина видѣлъ я присланную ему Гречемъ брошюру противъ Кенига [3]), которая особенно отличается своимъ непозволительнымъ датскимъ эпиграфомъ. Гейтлинъ, бывъ въ Петербургѣ, являлся къ Гречу. Я доставилъ ему Кенига самого, и получу ту брошюру для чтенія. Акіандеръ разсказывалъ мнѣ, что изъ всѣхъ русскихъ городовъ, кромѣ Петербурга, доставляются въ Александровскій университетъ, согласно съ постановленіемъ, по экземпляру всякой новой книги. Если вы имѣете вліяніе на цензурный комитетъ, то не можете ли устроить, чтобы изъ Петербурга были намъ присылаемы книги? Еще просьба, которой исполненіе вамъ ничего не будетъ стоить. Графъ Ребиндеръ, бывъ здѣсь, два раза обѣщалъ Цигнеусу сдѣлать какую-то бездѣлицу, и уѣхалъ, не сдѣлавъ. Цигнеусъ, чтобы напомнить ему, пишетъ письмо; но для подкрѣпленія его упомяните о немъ съ похвалою, когда будете разговаривать съ графомъ о Финляндіи; скажите, что онъ принадлежитъ къ числу поэтовъ,

[1]) Аврора, рожд. Шерналь (сестра гр. Пушкиной), позже Карамзина.

[2]) Эрнстъ Вейсенбергъ (финляндскій дворянинъ съ 1835) — тогда директоръ канцеляріи генералъ-губернатора, родомъ изъ Прибалтійской губ., ум. 1842 г.

[3]) Книга нѣмецкаго писателя Кенига (о русской литературѣ) была составлена на основаніи разсказовъ Н. А. Мельгунова. Сравни Н. П. Барсукова, Ж. и Т. Погодина, кн. V, 162—3. Н. И. Гречъ издалъ брошюру: Königs literarische Bilder aus Russland in ihrem wahren Lichte dargestellt, aus dem russ. von W. v. Ö (Oertel), Berlin, 1840, съ эпигр.: „Det er en daarlig Fugl som skider in sin egen Rede". Послѣ возраженій Кенига на нее Гречъ написалъ другую брошюру: „König und seine Lügen. Ein Gegenstück zu N. Gretsch und die russ. Literatur in Deutschland, Hamb. 1840.

которыми она должна гордиться и проч. Но, разумѣется, говорите это какъ-будто безъ всякаго намѣренія. Послѣ обѣда хлопоталъ я по хозяйству и за хлопоты свои былъ награжденъ вашимъ прекраснымъ письмомъ. Вечеръ (дождь съ бурею) провелъ дома.

Среда, 10 час., веч. 11 сент., 1840.

Сейчасъ ушли мои гости, и я воображаю, что вы, бывъ въ числѣ ихъ, остались у меня одни. Отъ Армфельта, гдѣ обѣдалъ, пошелъ я гулять и, возвратясь, нашелъ у своихъ дверей Котена, потомъ пришли Кастренъ, Акіандеръ, Рейнъ, капитанъ Тöрне[1]) (долго жившій въ Россіи), Нервандеръ, Цигнеусъ и Гейтлинъ. Разговоръ шелъ хорошо; къ оживленію бесѣды, я, по примѣру другихъ хозяевъ, припасъ канну готоваго пунша, который, вскорѣ послѣ чаю, принесли въ рюмкахъ на подносѣ. По мѣрѣ осушенія рюмокъ, при частыхъ тостахъ съ моей стороны, я подливалъ свѣженькаго; въ то же время дымились сигары и время шло незамѣтно. Такъ обычай, который въ первый разъ такъ поразилъ меня въ Борго у Рунеберга, теперь и для меня ужъ не чужой. Вотъ перевороты времени! Я разсказывалъ Нервандеру о слухѣ насчетъ вашей свадьбы; онъ велѣлъ вамъ сказать, чтобы вы оправдали молву и смѣло сватались: васъ не отвергнутъ. Разсказывалъ я также, что вы позабавили Наслѣдника сообщеніемъ ему о переводѣ рескрипта. Всѣ опять бранили этотъ переводъ, и особенно перифразъ, употребленный для слова: „*сочлены*“. Они говорятъ, что можно было по-шведски сказать „*собратья*“ безъ большого грѣха.

Вчера утромъ получилъ я изъ-за границы (изъ Тріеста) письмо отъ сестры. Она, наконецъ, получила мое описаніе здѣшнихъ праздниковъ и, по просьбѣ одного секретаря посольства, позволила ему напечатать его по-нѣмецки въ Мюнхенскомъ журналѣ. Обѣдалъ въ Соцьететсгузѣ. Вечеръ дома. Пароходъ „Storfursten“ ушелъ въ полдень, но, застигнутый въ 20-ти верстахъ отъ Ревеля мракомъ при сильной бурѣ, возвратился вечеромъ назадъ,—тихохонько, безъ выстрѣловъ, будто стыдясь своей неудачи. Онъ пошелъ сегодня утромъ въ 6 ч. Въ 8 ч. получилъ я приглашеніе отъ графа Армфельта отобѣдать у него. Я нашелъ тамъ обоихъ Вульфертовъ[2]) и директора банка Федерлея. Почтъ-директоръ острилъ очень удачно; хозяинъ былъ по всегдашнему какъ нельзя любезнѣе. На пути туда встрѣтилъ я маркизу Марію, ѣхавшую въ коляскѣ съ своей семьей: она между маленькихъ своихъ сестеръ кажется ихъ маменькой. Стихи къ ней вы, конечно, напечатаете безъ ея фамиліи, т. е. только съ начальными буквами.

[1]) Joh. Ulr. von Törne, инженеръ-капитанъ, позже начальникъ работъ по сооруженію Саймскаго канала, ум. 1870.

[2]) Почтъ-директора и военнаго генерала.

Четвергъ.

Вчера Рейнъ взялъ у меня свой Современникъ. Надобно дать экземпляръ и Гейтлину, особливо за его лексиконъ. Я далъ ему экземпляръ Соловьева, котораго здѣсь еще нѣтъ. Рейнъ намѣренъ благодарить васъ письменно. Сейчасъ кончилъ я принесенную мнѣ вчера Гейтлиномъ брошюру Греча; она написана рѣзко. Защищаться всякій воленъ; но къ чему стараніе поставить книгу Кенига въ дурномъ свѣтѣ передъ правительствомъ и лестію привлечь на свою сторону аристократовъ нашей администраціи? Въ концѣ подписано имя Греча и за нимъ слѣдуетъ длинный титулъ, гдѣ исчислены всѣ его заслуги и званія.

Написать къ Одоевскому и Сологубу все не могу собраться; но есть еще человѣчекъ, который требуетъ напоминанья; ему я пишу часто. Знаете ли, что почти всѣ финны уже доставили мнѣ свои статьи? Кажется, изъ этого предпріятія ничего не будетъ; вы, петербуржцы, слишкомъ развлечены. По крайней мѣрѣ, вы хоть, Петръ Александровичъ, не ударьте лицомъ въ грязь.

Сестра пишетъ, что она пріѣдетъ въ Петербургъ въ началѣ октября. Надобно начать подумывать о поѣздкѣ въ столицу русскаго царства, и прежде всего объ экипажѣ, что̀, впрочемъ, надѣюсь, не причинитъ большихъ затрудненій.

23.

(Плетневъ — Гроту) *Спб. пятн., 13 сент. 1840.*

Историческія лекціи Чепурнова о русской литературѣ совершенно въ гармоніи съ его лекціями о медицинѣ. Дай Богъ, чтобы графъ Ребиндеръ имѣлъ настойчивость осуществить мой проектъ насчетъ преподаванія русской литературы въ Александровскомъ университетѣ. Недурно будетъ, если вы, милый Яковъ Карловичъ, заранѣе пороетесь въ книгахъ, чтобы составить пока хоть идею объ исторіи Сѣвера совокупно съ исторіею Россіи. Мнѣ кажется, это будетъ совершенно новая въ отдѣльности наука и для студентовъ очень интересная, особливо, если оживить ее статистикою, топографіею и правоописаніемъ народовъ, обстоятельствами и природою столько разъ сталкиваемыхъ? Не забудьте увѣдомить меня, когда наконецъ вы получите отправленные мною всѣ 17 экземпляровъ Современника. О Тегнерѣ, говорятъ, уже напечатано вскользь въ Сынѣ Отечества. Но это газетное объявленіе. То, что вы возьмете изъ Францѐна, будетъ для Современника славная статья. Увѣдомьте же меня, не сдѣлаю ли я непріятности вамъ, что въ семъ № не помѣщу вашей статьи. Но это необходимо по разсчетамъ денежнымъ, а болѣе для скорѣйшаго окончанія книжки. Безъ моей предварительной статьи много бы въ вашей неясно было

для нашей публики. Помѣстить же въ этомъ № то и другое — жирно ей будетъ.

То, что вы говорите о жизни, раздѣленной между свѣтской разсѣянностью и учеными бесѣдами, совершенно согласно и съ моимъ характеромъ. Правда, что отъ сего менѣе работаешь, зато въ работѣ очутится болѣе сочнаго. Одна ученость суха. А лучшее (какъ вы справедливо замѣтили), что испарится ипохондрія. О журналахъ вы сбираетесь все подумать. Надобно рѣшиться. Зачѣмъ вамъ ихъ ждать отъ кого-нибудь кромѣ меня? Напротивъ, вы откажитесь отъ подарка Краевскаго. Ужели вы не знаете, что онъ у васъ за это потребуетъ статей. Мнѣ вы можете и совсѣмъ ничего не писать. А если что вздумаете, такъ при свободномъ расположеніи напишите, зная, что журналъ не толстъ, да и выходитъ рѣдко. Обузу на себя брать безъ надобности—лишнее дѣло. Книгу Врангеля для васъ сего же дня отправилъ я въ канцелярію графа Ребиндера. Надѣюсь, что не откажутся ее переслать. Впрочемъ, никогда не пропускайте увѣдомлять меня, что именно вы получаете симъ путемъ. Ваше молчаніе я буду принимать за слѣдствіе ихъ утайки или хищеніе моей собственности. Поклонитесь еще графу Густаву Армфельту, да присовѣтуйте послать Современникъ къ Матильдѣ въ деревню: ей бѣдненькой скучно тамъ. Легкое ли дѣло жить однѣмъ въ глуши до половины октября?

На диспуты не совѣтую вамъ впередъ ходить, чтобы не утратить какого-то уваженія къ университету. Это одинъ изъ тѣхъ остатковъ временъ схоластическихъ, въ которомъ не только нѣтъ никакой поэзіи, но даже и смыслу. Обнимаю Кастрена и Акіандера — и всѣхъ милыхъ финляндцевъ. Пожалуйста, начертите мнѣ планъ той части города, улицу и домъ, въ которомъ вы живете.

Въ среду (11 сентября), отправивъ къ вамъ письмо, я пошелъ на лекцію въ университетъ. Вечеромъ въ среду пріѣхалъ ко мнѣ Путята, послѣ Лангеръ[1]) и братъ Александры Осиповны. Разговоръ весь почти былъ около Гельсингфорса и Финляндіи. Пріѣхалъ, наконецъ, графъ Ребиндеръ. Я еще не былъ у него, чтобы дать ему время успокоиться. Знаю, что въ четвергъ онъ ѣздилъ въ Царское Село являться и съ докладомъ къ Государю.

На другой день (12 сентября) ходилъ я къ Брюлову[2]) просить позволенія привезти къ нему Ватковскую, дочь князя Меншикова, которая желаетъ видѣть его мастерскую и просила меня черезъ Тимоѳея Осиповича[3]). Брюловъ отказалъ, потому что едва-едва напачкалъ абрисъ

[1]) Вал. Плат., писатель и переводчикъ книгъ объ искусствѣ, почетн. вольн. общникъ Имп. Ак. Х., редакторъ Лѣсного журнала, ум. въ 70-хъ гг.

[2]) Извѣстному живописцу, Карлу Павл. († 1852).

[3]) Ишимова.

новой картины *Осада Пскова* и изъ кокетства не хочетъ показать непросвѣтленной картины. Оттуда я прошелъ къ Одоевскимъ. Князь очень въ хлопотахъ по своимъ пріютамъ. Возвратясь домой, принималъ визиты. Былъ у меня сперва графъ Ал. Армфельтъ, отправляющійся въ Гельсингфорсъ по своимъ дѣламъ. Много мнѣ разсказывалъ про Таммерфорсъ, Тегнера и Густава Ш. Онъ очень говорливъ и одушевленъ. Послѣ былъ С. Л. Пушкинъ съ благодарностью за помѣщеніе его статьи [1]).

Въ пятницу (13 сентября) ѣздилъ я въ Царское Село. Принцессу Марію учатъ два священника на нѣмецкомъ языкѣ: Бажановъ [2]) догматамъ, а Пѣвницкій (изъ Штутгарта) [3]) исторіи церкви. В. К. Ольга Николаевна подарила мнѣ бронзовую ручку съ бархатцами для обтирки чернилъ съ перьевъ. Возвратясь домой, ѣздилъ къ Ѳ. Ѳ. Корфу, но не засталъ его дома. Оттуда проѣхалъ къ Смирновой. Она живетъ подлѣ государственнаго контроля, въ собственномъ, новомъ, прекрасномъ домѣ. Вечеръ провелъ у Балабиныхъ, гдѣ былъ Кривцовъ [4]), изъ Рима, надсматривающій надъ нашими артистами, и жена его, урожденная княжна Репнина-Волконская.

24.

(Гротъ — А. О. Ишимовой) [5]) *Гельсингфорсъ, 13 сент.*

...Въ Финляндскомъ Вѣстникѣ одна часть должна быть посвящена собственно извѣстіямъ оффиціальнымъ и неоффиціальнымъ, другая — литературѣ, третья — частнымъ объявленіямъ, собственно для русскихъ, живущихъ въ Финляндіи или пріѣзжающихъ сюда. Такой *Финляндскій Вѣстникъ* находилъ бы очень обильные матеріалы въ журналахъ, газетахъ и всякихъ книгахъ, выходящихъ не только въ Финляндіи, но и во всей Скандинавіи, и такимъ образомъ служилъ бы къ удовлетворенію дѣйствительной потребности; но согласиться участвовать въ немъ (если онъ когда-нибудь состоится) значило бы слишкомъ связать себя. Съ этимъ, конечно, согласитесь и вы, и Петръ Александровичъ.

Вчера, возвратясь изъ купальни, нашелъ я у насъ m-me Kothen, разряженную съ большимъ вкусомъ; она такъ мила, что сдѣлала намъ визитъ, не дожидаясь, чтобъ маменька прежде побывала у нея. Послѣ обѣда пошелъ я на почту съ увѣренностію, что найду письмо отъ

1) „Объ отрывкѣ изъ дневника А. С. Пушкина", въ XIX т. Современн., стр. 102.

2) Вас. Бор., протоіерей (при малой церкви Зимняго дворца).

3) Іоаннъ Мих., позже прот. Зимняго дворца, ум. 1863 г.

4) Пав. Иван., старшій секретарь нашей миссіи въ Римѣ и начальникъ надъ русск. художниками тамъ же.

5) Это отрывокъ письма къ А. О. Ишимовой, но съ припиской къ П. А. Плетневу (вся вторая его часть).

П. А. Такъ и было: одно только и именно отъ него; я вполнѣ умѣю чувствовать пожертвованіе времени, какому онъ такъ постоянно подвергаетъ себя для моего удовольствія.

(Плетневу)

Теперь позвольте сказать нѣсколько словъ ему самому на этомъ же письмѣ. Изъ забранныхъ мною справокъ мнѣ извѣстно, что пересылка книгъ черезъ канцелярію графа Ребиндера не можетъ быть для нея тягостна, потому что пересылаютъ понемногу; графъ самъ видно былъ въ заблужденіи; что касается до его тона, то такова его сухая природа, и обижаться нечѣмъ; особенно когда я былъ у него, онъ долженъ былъ быть не въ духѣ отъ множества дѣлъ и посѣтителей. О комическихъ сценахъ съ здѣшними поселянами я вовсе не намѣренъ былъ писать особой пьесы, а только мимоходомъ гдѣ-нибудь упомянуть. Съ баронессой Котенъ поразговорюсь о васъ. Маркизовъ, не смотря на сосѣдство, вижу рѣдко; не успѣваю. Для книги о Финляндіи я вчера же, по полученіи вашего письма, составилъ планъ; ваша мысль совершенно согласна съ моею; но Богъ вѣсть, можно ли успѣть къ будущему году,—не думаю. О стараніяхъ въ пользу Матильды доведу до свѣдѣнія начальства.

Извѣстія объ Ихъ Высочествахъ какъ нельзя интереснѣе. Сегодня, когда я писалъ начало этого письма, поутру, пришелъ Кастренъ звать меня идти съ нимъ къ Бонсдорфу за городъ (за 3 версты); мы пошли, но не застали его. Возвратясь, я пошелъ обѣдать въ *харчевню*, а оттуда случайно былъ заведенъ въ публичную университетскую библіотеку, откуда на первый случай взялъ русско-шведскій лексиконъ Гейтлина. Тамъ есть и русскія книги, но все въ большомъ безпорядкѣ. Въ 7 часовъ пойду въ концертъ: молодой нѣмецъ будетъ играть на гармоникѣ. Онъ, гуляя изъ дома въ домъ, навязалъ и намъ одинъ билетъ.

25.

(Плетневъ — Гроту) ***Спб., вторникъ, 17 сентября 1840.***

По желанію вашему, милый Яковъ Карловичъ, основанному на неопредѣленныхъ доводахъ, я печатаю вашу статью въ № 4 Современика 1840 г. Невыгода этого новаго распоряженія будетъ состоять только въ томъ, что этотъ № выйдетъ въ свѣтъ недѣлями двумя послѣ сроку. Но я въ этомъ бѣды не вижу, если слѣдующій № явится наканунѣ Новаго года. Вѣдь я болѣе мѣсяца гулялъ. Можно же просрочить полумѣсяцемъ. Заранѣе благодарю васъ за статью о Тегнерѣ. Я увѣренъ, что она будетъ полна интересу. Не разсказывали ли вамъ чего-нибудь о свиданіи Жуковскаго съ Тегнеромъ, или этого не было? Хорошо бы

тутъ прибавить ближайшее къ намъ и новѣйшее. Жаль, что Тегнеръ былъ заклятой врагъ русскихъ. Онъ ихъ не зналъ и питалъ свою антипатію единственно какъ либеральный патріотъ. Теперь, если-бы съ Тегнеромъ не случилось этой бѣды, Франценъ могъ бы сильно подѣйствовать на измѣненіе его образа мыслей и самыхъ чувствованій. Остатокъ статьи вашей дѣйствительно у меня. Само собою разумѣется, что надъ стихами Маркизѣ будетъ только первая буква ея фамиліи.

Какъ досадно, что я не познакомился ни съ Акіандеромъ, ни съ Гейтлиномъ. Старайтесь ихъ сблизить со мною заочно. Надобно только привести ихъ въ такое воззрѣніе на литературу, чтобы никто изъ нихъ, прибывъ въ Петербургъ, не искалъ газетчиковъ, безстыдныхъ хвастуновъ, лжецовъ и невѣждъ, а старался бы узнать Жуковскаго, Арсеньева [1]), Спасскаго [2]) или что-нибудь въ этомъ родѣ, т. е. людей знающихъ и гражданъ честныхъ. Напримѣръ въ Гельсингфорсѣ ужъ конечно полезнѣе узнать Рейна, Лагуса [3]), Цигнеуса и т. п., нежели женатаго Ушакова, если бы онъ издавалъ газету и сочинялъ пошлые романы. О намѣреніи Векстрема поговорю съ Фуссомъ и дамъ знать о послѣдующемъ. Впрочемъ, совѣтую ему и безъ отвѣта моего найти случай, да и послать прямо при письмѣ отъ себя подарокъ съ надписью: *въ Академію Наукъ.* Если онъ пропишетъ, что проситъ увѣдомленія о полученіи, означивъ аккуратно свой адресъ, то Академія пришлетъ ему благодарность, а о пожертвованіи его напечатаетъ въ своемъ бюллетенѣ. Давно ли у васъ плацъ-маіоромъ Кольбарсъ, и не братъ ли его здѣсь въ конной гвардіи? Они изъ Лифляндіи? Скажите Александру Астафьевичу, что рескриптъ Наслѣдника, вѣроятно, будетъ пропущенъ къ напечатанію въ Современникѣ. Тогда не для чего и хлопотать о новомъ дозволеніи. Онъ, посылая въ русскія и нѣмецкія вѣдомости, можетъ прямо сослаться на Современникъ. Исторію о Готлундѣ я уже слышалъ всю, какъ вы разсказывали, отъ Максимовича, которому Готлундъ передавалъ самъ. Это стоитъ описанія хорошенькаго, какъ матеріалъ для его біографіи. Нельзя ли уговорить Теслева, чтобы онъ не безпокоился о письменной благодарности. Скажите, что я непремѣнно еще буду въ Гельсингфорсѣ, — и онъ успѣетъ утолить свою признательность. Внесите въ свое письмо любопытнѣйшіе факты изъ брошюры Кенига противъ Греча. О пересылкѣ печатающихся здѣсь книгъ въ Гельсингфорскій университетъ никакъ нельзя хлопотать:

[1]) К. И. Арсеньевъ, извѣстный ученый (географъ, статистикъ и историкъ), позже академикъ, умеръ 1865 г.

[2]) Вѣроятно Гр. Ив., писатель-археологъ (умеръ 1864 г.).

[3]) Вильгельмъ Гавріилъ, профессоръ-юристъ и проректоръ Александровскаго университета, позднѣе ректоръ, умеръ 1859 г.

во-первыхъ потому, что ихъ печатали очень много, а во-вторыхъ — объ этомъ надобно докладывать Государю.

О Цигнеусѣ я намѣренъ былъ говорить Ребиндеру и безъ вашего напоминанія, ибо надобно же ему разсказать, что я представлялъ Наслѣднику стихи Цигнеуса, которыми онъ остался очень доволенъ и разрѣшилъ мнѣ напечатать ихъ въ Современникѣ. Поклонитесь особенно отъ меня Нервандеру, скажите ему по-русски: „дай Богъ, дескать, Плетневу вашими устами медъ пить!“ Хотѣлъ бы я знать, на какихъ данныхъ основаны его слова: *васъ не отвергнутъ*. Вижу, что онъ дѣйствительно тонкій льстецъ. Хорошо, что ваше описаніе гельсингфорскихъ праздниковъ прочтутъ нѣмцы. Это пройдетъ по всей просвѣщенной Европѣ. Я изъ своихъ писемъ не думаю дѣлать ничего. Они только хороши были для Александры Осиповны. Въ печати все это будетъ какъ-то неумѣстно. Впрочемъ, ужъ довольно обо всемъ этомъ говорено. Пускай Александра Осиповна сбережетъ мои письма для себя. Можетъ быть, она по смерти моей и выберетъ что изъ нихъ, пожелавъ дать понятіе о нѣкоторыхъ случаяхъ моей жизни. Какъ я досадовалъ на „Storfursten“ или лучше на Финскій заливъ. Это плохая шутка, если-бы пришлось мнѣ такъ переѣзжать сюда или отсюда. Что же за обѣды вамъ даетъ мой Армфельтъ? Холостые? Вѣдь онъ пока живетъ à la garçon? Соловьева экземпляры вы можете отдать Гейтлину. А когда понадобится для Соловьева, вы мнѣ напишете. Тогда я буду вамъ всѣхъ экземпляровъ доставлять ровно двадцать. Да не забудьте же когда-нибудь прислать мнѣ обстоятельный реэстръ этихъ 20 лицъ, получающихъ у васъ Современникъ. И Рейну отсовѣтуйте писать благодарность. Какъ мнѣ съ нимъ переписываться? Я его люблю и увѣренъ, что онъ и безъ писемъ будетъ любить меня. Нашли вы, на что гнѣваться, что Гречъ подло отвѣчаетъ Кенигу. Ужели вы ждали чего лучшаго? Объ Одоевскомъ и Сологубѣ заботьтесь, а обо мнѣ перестаньте. Ужъ я свое дѣло сдѣлаю, лишь выйдетъ № 4 Современника Теперь меня онъ давитъ.

Ежели Роза Карловна [1]) въ началѣ октября будетъ здѣсь, то и вы пріѣзжайте въ это же время. Квартиры нигдѣ не берите, а прямо выходите ко мнѣ. Намъ будетъ и просторно и весело. Если я могъ принять Гоголя, то такихъ, какъ вы, подавай мнѣ хоть десятокъ. Слышите ли? Я не шучу. А въ случаѣ ослушанія — на вѣки съ вами раззнакомлюсь. Изъ Гельсингфорса отправляйтесь налегкѣ, хоть въ раткѣ [2]). Отсюда же съ Розой Карловной поѣдете въ моей коляскѣ, что̀ я купилъ у Фуруельма. И безъ того я хотѣлъ просить васъ, чтобы вы позволили ее къ вамъ переслать. У меня негдѣ ее

[1]) Сестра Якова Карловича, переводчица съ шведскаго и сотрудница Современника.

[2]) Чухонской одноколкѣ.

поставить. Притомъ же, намѣреваясь часто ѣздить въ Гельсингфорсъ (отсюда на пароходѣ), я долженъ всегда имѣть экипажъ у васъ для обратнаго отправленія сюда. Итакъ, эта испытанная коляска будетъ для насъ всегдашнимъ орудіемъ сообщенія. Я такъ обрадовался случаю спровадить ее въ надлежащее мѣсто, что у меня теперь какъ гора съ плечъ свалилась. Въ субботу (14 сентября) отправлено къ вамъ письмо; послѣ ко мнѣ пришелъ Корфъ [1]). Я передалъ ему для составленія статьи письма Тургенева [2]) изъ Германіи. Утромъ въ понедѣльникъ (16 сентября) съ Ватковской я ѣздилъ въ Академію художествъ смотрѣть *Послѣдній день Помпеи* Брюлова. Она, голубушка, ничего не видывала, потому что воспитывалась въ Москвѣ. Послѣ отправился было я съ первымъ визитомъ къ Ребиндеру, но не нашелъ его уже дома; онъ пошелъ гулять. Видѣлъ на дорогѣ Фридберга [3]), который сказалъ, что А. Армфельтъ еще не уѣхалъ. Вечеромъ былъ у Александры Осиповны. Она ждетъ отъ васъ письма. Сегодня былъ у В. К. Ольги Николаевны въ Царскомъ Селѣ.

26.

(Гротъ — Плетневу) ***Гфорсъ, среда, 18 сент. 5 ч. п. о. 1840.***

Не удивляйтесь, любезный Петръ Александровичъ, если письмо мое будетъ нескладно: меня трясетъ лихорадка, слѣдствіе какой-то простуды, которую я уже чувствую нѣсколько дней. Притомъ въ двухъ шагахъ отъ меня унтеръ-офицеръ, укладывая мои книги въ ящики, жестоко стучитъ при заколачиваніи ихъ. Завтра мы переѣзжаемъ на новую квартиру, откуда выбрались сегодня прежніе жильцы и гдѣ русскій печникъ оканчиваетъ англійскую плиту, нами заказанную. Мы съ часъ тому назадъ тамъ были, и этотъ русскій человѣкъ сказалъ новую для меня пословицу, когда я предложилъ ему общими силами просвѣщать чухонъ: „природа науки старше". Онъ еще сказалъ, что здѣсь плохо тому, кто испиваетъ: увидятъ на улицѣ пьянаго, такъ тотчасъ возьмутъ въ полицію и положатъ на него штрафъ, а денегъ нѣтъ, такъ ступай въ острогъ.

Всю эту недѣлю здѣшніе жители понемногу перебираются изъ квартиры въ квартиру, почти все безъ лошадей, на солдатахъ. Безпрестанно жильцы посылаютъ другъ къ другу просить, чтобы выѣзжали поскорѣе. Такъ и я дѣлалъ вчера и 3-го дня.

Нашъ предмѣстникъ, генералъ Нюбергъ, послѣ долгаго разговора, спросилъ мою фамилію и отвѣчалъ, что знаетъ ее и — „не отецъ ли, молъ, вашъ переводитъ съ финскаго языка"?

[1]) Ѳ. Ѳ. Корфъ.

[2]) Александра Ивановича (ум. 1845 г.).

[3]) Воен. генерала, служившаго въ Гельсингфорсѣ.

9 ч. вечера.

Сейчасъ ушли отъ меня Акіандеръ, Кастренъ и Брунѐръ, которые пріятно развлекли меня своими разговорами; но мнѣ трудно писать, и я отвѣчу только на одинъ пунктъ вашего письма.

Если бы вы мнѣ сначала сказали, что главная причина отсрочки моей статьи есть необходимый разсчетъ, то я не написалъ бы вамъ того, чтò вы нашли въ моемъ предыдущемъ письмѣ. Теперь, если вы еще не начали печатать, отложите ее пожалуйста, тогда мы перемѣнимъ ея заглавіе и сдѣлаемъ къ январю нужныя объясненія и перемѣны. Не думайте, что я серьезно боленъ; это негодный припадокъ, который, надѣюсь, излѣчится сномъ. Болѣзнямъ лихорадочнаго свойства я никогда не былъ подверженъ. Александрѣ Осиповнѣ столько же поклоновъ, какъ въ прошедшій разъ. Какъ она должна быть необычайно умна, когда уже ребенкомъ изобрѣтала то, что я только теперь выдумалъ. Прощайте.

19-го поутру.

Вчера я сдуру запечаталъ письмо, забывъ, что еще сегодня можно приписать нѣсколько словъ. Мнѣ гораздо лучше. Теперь нѣтъ еще 7 часовъ, а у насъ ужъ 15 чел. солдатъ принялись за переноску мебели. Погода пасмурная и чуть ли не идетъ дождь.

27.

(Плетневъ — Гроту) *Спб., пятн., 20 сент. 1840.*

Въ среду (18 сентября) поутру явился ко мнѣ пасторъ Цантъ съ тезисами и программой Александровскаго университета. Поговоривъ съ нимъ о Гельсингфорсѣ, я отпустилъ его съ увѣреніемъ, что самъ явлюсь къ нему. Только не знаю, когда удастся это исполнить. Вслѣдъ за нимъ я послалъ ему въ даръ Современникъ. По обыкновенію, отправился я на лекцію въ университетъ. Оттуда, какъ недалеко было, зашелъ съ визитомъ къ В. Она была необыкновенно любезна. Явился и мужъ ея, молодой конно-артиллерійскій офицеръ, лѣтъ 24, прекрасный лицомъ, но, говорятъ, большой повѣса. При мнѣ былъ онъ очень скроменъ и говорилъ дѣльное одно. Между прочимъ, онъ разсказалъ мнѣ планъ маневровъ, имѣющихъ происходить три дня сряду, начиная съ сегодня. Пунктъ сближенія непріятеля (шведовъ) съ нашими при взятіи Петропавловской крѣпости. Прогнавъ отъ нея врага, который спасется въ лодкахъ за рѣку на Адмиралтейскую часть, наши будутъ преслѣдовать его и сражаться съ нимъ по дорогѣ до Царскаго Села, гдѣ и кончится война.

Но гораздо интереснѣе не то, что разсказывалъ В., а то, что про него говорила Ал. Ос. Онъ до 14 лѣтъ жилъ и воспитывался у матери въ деревнѣ. Наконецъ, замѣтивъ, что сыну пора оканчивать воспи-

таніе, мать послала его съ дядькою въ Москву, давъ ему 13 тыс. денегъ и тьму рекомендательныхъ писемъ. Молодецъ рѣшился въ Москвѣ никому не показываться, пока не прокутитъ на свободѣ денежекъ. Оставшись безъ нихъ, вспомнилъ о письмахъ и повезъ налегкѣ развозить ихъ. Его помѣстили въ тамошній университетъ. Разъ на балу какая-то дѣвица замѣтила ему, какъ бы онъ при своемъ ростѣ и съ этимъ лицомъ интересенъ былъ, если бы на него надѣли гусарскій мундиръ. Онъ тотчасъ объявилъ матери, что не медля ни мало тотчасъ уѣзжаетъ въ Петербургъ и поступаетъ въ гусары. Сколько ни уговаривала мать, какъ ни проклинала виновницу, которая взбудоражила умъ и сердце ея сына, онъ уѣхалъ. Здѣсь натурально забылъ онъ и ту, которая была причиной его воинственнаго жара, и то, для чего пріѣхалъ. Между тѣмъ сестра его вышла замужъ за полковника конныхъ гвардейскихъ артиллеристовъ. Это рѣшило его опредѣлиться въ батарею къ зятю. Дочь князя М., воспитывавшаяся у своей матери въ Москвѣ, не могла не знать такого оригинала и красавца. Когда ей начали предлагать жениховъ, она рѣшительно объявила, что, кромѣ В., не пойдетъ ни за кого. Это и заставило Великаго Князя Михаила Павловича сказать, что онъ еще не знаетъ ни одного человѣка храбрѣе княжны М., отъ того, что она не боится выйти за столь отчаяннаго повѣсу.

Вечеромъ Ал. Ос. читала намъ въ Отечественныхъ Запискахъ статью на Греча. Убійственно! Мнѣ хотѣлось бы знать, что̀ скажутъ финляндскіе литераторы, прочитавъ ее. Гостей у меня, кромѣ Оли, Ал. Ос. и кузины И. А. Нордстрема, никого не было. Въ 10 час. мы всѣ четверо садимся въ коляску: сперва завозимъ кузину, а тамъ я провожаю на островъ Оли и Ал. Ос. Мы нашли тамъ ваше письмо, отъ котораго по прочтеніи я оторвалъ свою половинку, лишивъ такимъ образомъ Ал. Ос. цѣлой странички, ей принадлежащей [1]).

На возвратномъ пути я выхожу при началѣ Невскаго проспекта изъ экипажа, отпускаю его отъ себя домой, а самъ медленно иду пѣшкомъ. Какъ часто тутъ я думаю о васъ! Какъ бы намъ весело было итти вмѣстѣ при этомъ газовомъ блескѣ фонарей, по этому широкому, сухому и ровному троттуару, въ эту тихую пору, когда нѣтъ ни ѣдущихъ, ни пѣшеходовъ, кромѣ изрѣдка проскальзывающихъ запоздалыхъ весельчаковъ и подругъ ихъ.

Возвратясь домой, сѣлъ опять за свою статью объ юбилеѣ. Четверговое утро (19 сентября) ею же началъ. Но вдругъ явился ко мнѣ человѣкъ съ нѣмецкою рѣчью, незнающій ни по-русски, ни по-французски. Это былъ Лундаль [2]) изъ Гельсингфорса съ подаркомъ сочи-

[1]) Это и есть письмо, напечат. подъ № 24.

[2]) Густавъ Лундаль, профессоръ астрономіи, ум. 1844 г.

нения Сальберга [1]) (моего промотора) о насѣкомыхъ Финляндіи. Сходите къ профессору непремѣнно и отдайте ему тысячу моихъ благодарностей за память обо мнѣ. Я не желаю войти съ нимъ въ переписку, которая бы обоихъ насъ затруднила. Шелъ мелкій осенній дождь, продолжающійся безпрерывно до сего часа. Несмотря на то, я пѣшкомъ отправился въ правленіе университета. Оттуда, чтобы уже порядкомъ нашлепаться, побрелъ къ m-me Максимовичъ, которой мужъ уѣхалъ по должности въ Псковъ. Не нашелъ ее дома; съ молодыми она ускакала въ Павловскъ, гдѣ ея сестра за докторомъ. Возвратясь, опять сѣлъ за свою статью и кончилъ ее.

Въ пятницу (20 сентября) поскакалъ полусонный въ Царское Село. Дорога была заселена пушками и солдатами. На встрѣчу мнѣ проскакалъ изъ Царскаго на маневръ Государь. В. К. Ольга Николаевна продолжала рисовать портретъ съ Окуловой [2]), а я предложилъ ей чтеніе вашей статьи о финской поэзіи. Намъ часто приходилось говорить о васъ и о Финляндіи. Она очень умно замѣтила, что тамъ должно быть что-то особенно привлекательное, потому что кто ни побываетъ въ Финляндіи, всѣ ее до безумія хвалятъ; она въ примѣръ привела Демидову, которая всякій разъ съ умиленіемъ вспоминаетъ о своей родинѣ. Разумѣется, я не поскупился на похвалы нашей матушки чухонщины.

Отъ В. К. отправился я къ Ольгѣ Фредериксъ, которая помолвлена за гусара Никитина, сына извѣстнаго счастливца въ картахъ. Мать невѣсты, другъ Императрицы, очень умная женщина и тонко разсуждающая, разсказывала мнѣ про своихъ сыновей, изъ коихъ одинъ по страсти уѣхалъ на кораблѣ кругомъ свѣта, какъ морской офицеръ, а другой по собственной же охотѣ воюетъ на Кавказѣ. Возвращаясь домой, опять встрѣтилъ Государя и Наслѣдника, ѣдущихъ къ себѣ съ маневровъ. Они были верхомъ — въ грязи, на слякоти, подъ дождемъ.

Послѣ обѣда началъ держать корректуру вашей статьи, изъ которой вышло въ печати около 4 листовъ. Вечеръ началъ съ Пушкиной (которая мнѣ объявила о пріѣздѣ отъ васъ графини сего же имени), а кончилъ у Балабиныхъ. Дома снова сидѣлъ за корректурой и симъ письмомъ. Я очень одобряю намѣреніе Александра Астафьевича издавать по-русски газету въ Гельсингфорсѣ. Вы, не связывая себя, можете при ней служить волонтеромъ.

Что значитъ публичная университетская библіотека? Вѣдь это та, которая достраивается противъ Никольской церкви? Или это особъ статья? Свѣдѣнія о грузинскихъ и персидскихъ финнахъ постараюсь добиться [3]). Если, паче чаянія, о чемъ изъ обѣщаннаго забуду, прошу

[1]) Карлъ Сальбергъ (Sahlberg), д-ръ медиц. и проф. естеств. наукъ, ум. 1860 г.

[2]) Анны Алексѣев., фрейлины, наставницы В. Княженъ (ум. 1861 г.).

[3]) По порученію, данному П. А—чу въ письмѣ къ Ишимовой — для Готлунда.

безъ церемоніи прикрикивать на меня. Въ суматохѣ здѣшней жизни и съ моею безпамятностью немудрено, что и часто буду въ просакъ попадать передъ вами, чего совсѣмъ не желаю. Поклоновъ тысячу всѣмъ моимъ роднымъ финлядцамъ. Исторію Готлунда я разсказалъ В. К. Ольгѣ Николаевнѣ. Она только замѣтила, что кронпринцъ въ Швеціи не пользуется народной любовью.

28.

(Гротъ—Плетневу) ***Гфорсъ, субб., 21 сент. 12½ ч., 1840.***

Первымъ моимъ занятіемъ на новой квартирѣ будетъ письмо къ вамъ, любезный Петръ Александровичъ. Послѣднее было такъ безтолково, что вы, конечно, остались не очень довольны имъ. Когда прибыло ваше письмо съ деньгами, мнѣ сказали на почтѣ, что ко мнѣ нѣтъ ничего, кромѣ письма изъ-за границы; но мнѣ это не вѣрилось: на другое утро я опять пошелъ на почту, и въ самомъ дѣлѣ получилъ ваше письмо, о которомъ наканунѣ еще не узнали. Чепурновъ намедня разсказывалъ Кольбарсу [1]) при мнѣ, что я перевелъ *всѣ саги* Фритіофа и что Фритіофъ прекрасно пишетъ, но я въ своемъ переводѣ превзошелъ даже Фритіофа... При всемъ томъ, я его уважаю и люблю, потому что вижу въ немъ благороднаго и благонамѣреннаго человѣка.

Мысль ваша объ исторіи всего Сѣвера прекрасна, но, къ сожалѣнію, для исполненія ея мало матеріаловъ, т. е. въ отношеніи къ Россіи. Рейнъ, какъ самъ онъ еще прежде говорилъ мнѣ, имѣлъ то же намѣреніе, но жалуется именно на недостатокъ русскихъ книгъ. Мое замѣчаніе по этому предмету, кажется, не такъ понято вами. Для присылки сюда книгъ, выходящихъ въ Петербургѣ, вовсе нѣтъ надобности ходатайствовать у высшаго правительства, потому что повелѣніе присылать сюда книги (см. уставъ Александровскаго университета, § 9-й, стран. 8) [2]) распространяется на всю Россію; но только изъ Петербурга не доставляютъ книгъ. Здѣсь не знаютъ, кто тому виноватъ: цензурный ли комитетъ или статсъ-секретаріатъ. Я слышалъ, будто книги задерживаетъ канцелярія графа, гдѣ онѣ напередъ валяются года два, а потомъ приходятъ сюда въ величайшемъ безпорядкѣ. Усильно дѣйствовать не надобно, а изловчась, вы можете при случаѣ попробовать, нельзя ли эту часть привести въ лучшее устройство. Въ новомъ зданіи библіотеки назначена особая комната для русской библіотеки, но чѣмъ же она будетъ наполняться, если не

[1]) Плацъ-маіоръ въ Гельсингфорсѣ.

[2]) Для облегченія вамъ справокъ въ уставѣ Александровскаго университета, посылаю оглавленіе, которое можете приложить къ уставу. *Примѣч. Я. Г.*

поправится нынѣшнее положеніе дѣла. О журналахъ, которые вы предлагаете, поговоримъ въ Питерѣ. Краевскій посылалъ экземпляръ въ Финляндію не для меня, черезъ котораго онъ только шелъ, а для пользы своей партіи. Графу Армфельту я вашего совѣта не передалъ, потому что замѣтилъ, что онъ самъ читаетъ журналъ и притомъ скоро ожидаетъ своихъ. Теперь мнѣ очень досадно, что моя статья уже въ печати; этому вы сами виноваты; зачѣмъ съ самаго начала не изъяснились толкомъ и привели плѣшивыя причины? И отчего же моя статья причинитъ такую задержку? еще отъ сегодня до конца мѣсяца 10 дней. „Не видѣлся ли Жуковскій съ Тегнеромъ?" А помните ли, что я вамъ читалъ изъ моего предисловія къ Фритіофу? Тегнера не было въ Стокгольмѣ, и скальды не видѣлись. Несчастіе Тегнера и для меня очень прискорбно: я давно мечталъ о томъ, какъ я нѣкогда поймаю его въ Швеціи и представлю ему русскій переводъ Фритіофа; но, какъ будто по предчувствію, я все боялся, что онъ прежде, нежели я окончу свою работу, умретъ. Онъ живъ, но хуже мертваго; однако, можетъ быть, и воскреснетъ! Позвольте при этомъ случаѣ повторить, что ваше предубѣжденіе противъ его таланта ни на чемъ не основано; въ своемъ родѣ онъ не имѣетъ соперника на *цѣломъ* Сѣверѣ; когда-нибудь поговоримъ о немъ на словахъ, поподробнѣе. Кольбарсъ происходитъ отъ лифляндскихъ; но онъ уже 13 лѣтъ въ Финляндіи; до прошлаго года былъ въ Выборгѣ. Теслева отвѣтъ, вѣроятно, уже отправленъ. Кенига сочиненіе не брошюра, а цѣлая книга подъ заглавіемъ „Литературныя картины изъ Россіи"; у васъ есть присланная Вяземскимъ брошюра на французскомъ языкѣ, составляющая извлеченіе изъ этой книги. Новаго ничего Кенигъ не писалъ. Нервандеръ, дѣйствительно, долженъ быть тонкій политикъ: въ библіотекѣ Остроботнійскаго отдѣленія студентовъ былъ его портретъ (съ портретами Францена, Рунеберга, Портана и Гельстрема [1]); но онъ настоялъ, чтобы портретъ этотъ взяли прочь: какъ это объяснять? Или онъ точно *такъ* скроменъ?

Вы предлагаете свою коляску: итакъ, не имѣете надежды продать ее? стоило же покупать здѣсь такой дорогой экипажъ! Впрочемъ, я за предложеніе очень благодарю, тѣмъ болѣе, что до сихъ поръ не могъ отыскать никакого экипажа, который бы отдавали на прокатъ. Маменька очень безпокоилась обо мнѣ и заочно благодаритъ васъ вмѣстѣ со мною за ваше великодушіе, которое вы скрываете подъ видомъ заботы о собственной пользѣ. Но вотъ еще крючекъ: я не знаю, какъ я ее оставлю здѣсь одну, пока у нея хозяйство еще не совсѣмъ въ порядкѣ и знакомыхъ еще такъ мало. Слуги

[1]) Извѣстнаго профессора (физики) и ректора университета сперва въ Або, потомъ въ Гельсингфорсѣ, ум. 1844 г.

занимаютъ здѣсь мѣста не ранѣе 1-го ноября; до того времени едва-ли я рѣшусь ѣхать; нѣтъ, пусть лучше сестра моя поживетъ покуда у Корфовъ [1]). Въ воскресенье былъ я на нѣмецкомъ богослуженіи въ финской казармѣ: шведъ Мелартъ проповѣдывалъ не худо.

Отнесъ Современникъ Ушакову, который, отозвавшись, что не заслужилъ его ничѣмъ, предложилъ возвратить его по прочтеніи, но я убѣдилъ его оставить. Онъ, какъ и другіе, не понимаетъ, какъ можно *дарить* труды свои. Встрѣтилъ Пушкина: жена его уже уѣхала въ воскресенье; я и не простился; при случаѣ скажите, что я (это точно правда) шелъ къ нимъ въ понедѣльникъ, но мнѣ сказали, что всѣ они уѣхали ужъ. Въ Соцьететстгузѣ увидѣлъ вновь прибывшаго петербургскаго знакомаго, германца Тилезіуса, жившаго лѣто въ Ревелѣ и снявшаго много видовъ тамъ и здѣсь. Вечеръ провелъ съ нимъ у милаго профессора Нордстрема (имя вамъ знакомое) [2]). Вотъ еще замѣчательный финляндецъ. Онъ не по-фински прилеженъ; неимовѣрно много работаетъ и пишетъ; нынѣ печатаетъ три толстыя книги „Исторія скандинавскихъ законовъ". Свѣтски образованъ, не только ученъ; перо легкое и изящное; но излишнимъ трудолюбіемъ разстроилъ здоровье, страдаетъ грудью. Послѣ обѣда былъ съ Тилезіусомъ въ университетѣ и въ библіотекѣ: послѣдняя вообще хороша. Вечеръ провели у Кольбарсовыхъ: хорошіе люди!

Въ четвергъ мы къ 7-ми часамъ вечера совсѣмъ уже перебрались, на новую квартиру. Маменька отправляла вещи, а я принималъ, въ свободныя минуты читая старика Крылова (картинное изданіе) съ большимъ наслажденіемъ. Всю пятницу провозились за уборкою при помощи 4-хъ солдатъ. Сегодня кое-какъ устроились, но многое надобно еще исправить. Квартира очень удобна, и если будетъ тепло, то находка. Переборка не помѣшала мнѣ однакожъ сходить вчера на почту за вашимъ письмомъ. Тысячу разъ благодарю за все! Съ почты пошелъ къ Рейну и часа два сидѣлъ у него. Онъ показывалъ мнѣ полученную отъ автора изъ Германіи книгу: „Статистика русской Имперіи" 1840 г., гдѣ много говорится о Финляндіи и о русской литературѣ, но гдѣ ужасно много брани (поименованы, напр., всѣ—и самые темные русскіе сочинители, кто только что-нибудь напечаталъ). Изъ благодарности Рейнъ хочетъ послать въ Виртембергъ свою „Статистику Финляндіи", но не рѣшается сдѣлать это, и на счетъ университета оно обошлось бы въ 30 р. Книгопродавцы здѣшніе ужасно сонливы! не сообщаютъ ничего заграницу. Но пора на почту. Сегодня я уже не чувствую и остатковъ простуды.

[1]) Борона Мод. Андр. (впосл. графа).

[2]) Іог. Як., профессора-юриста въ Алекс. унив., ум. 1874 г.

29.

(Плетневъ — Гроту) *Спб., вторникъ, 24 сентября 1840.*

Слава Богу, что вы, наконецъ, на новой своей прекрасной квартирѣ. Вы гораздо выгоднѣе помѣщаетесь, нежели я. Собственно для васъ двѣ комнаты, это—роскошь, да и только. Въ одной комнатѣ можно принимать людей съ фасонами (какъ выражается о письмахъ моя Оли), а въ другой — безъ фасоновъ. Кто этотъ Брунѐръ, бывшій у васъ съ Акіандеромъ и Кастреномъ? Дѣло о напечатаніи статьи вашей въ № 4 считайте законченнымъ. Я уже подписалъ корректуру. Если почувствуете вы, что послѣ выходящей книжки мы очень насолимъ всѣмъ, безпрестанно говоря только о юбилеѣ, да о промоціяхъ, да о Францѐнѣ, такъ пеняйте на себя. Ни въ какомъ случаѣ (это вы должны запомнить) не рѣшусь я чего-нибудь переиначить, какъ скоро замѣчу, что вамъ этого хочется. А я было располагалъ продлить удовольствіе, если не всеобщее, такъ наше, по крайней мѣрѣ, размѣстивъ воспоминанія въ двухъ книжкахъ. Теперь все стало по-вашему. Воображаю, какъ Булгаринъ нападетъ на эту книжку: во-первыхъ, въ ней Современникъ ставитъ самъ себя выше всѣхъ русскихъ журналовъ; во-вторыхъ, тутъ бранятъ Сѣверную Пчелу на пропалую; въ-третьихъ, разсказываютъ объ обѣдѣ, данномъ для финляндцевъ русскими литераторами, а самый-то коренной изъ нихъ и не попалъ сюда въ сосѣдство къ Францѐну и Рунебергу. Брань свою на насъ Булгаринъ уже запѣлъ. Говоря въ № 213 Сѣверной Пчелы о Рунебергѣ, онъ уже насъ ругнулъ, а въ № 214 (Что такое левъ?)[1] называетъ тѣхъ, которые въ Гельсингфорсъ пріѣхали съ длинными волосами, прямо телятами, разумѣя тутъ, вѣроятно, Сологуба и меня. Но вотъ чего я не понимаю: Булгаринъ говоритъ (№ 213), что въ Борго, къ сожалѣнію, не могъ навѣстить епископа, съ которымъ познакомился въ Гельсингфорсѣ. Это я разумѣю, что онъ познакомился съ Оттелиномъ (впрочемъ, его преосвященству не дѣлаютъ чести такія непотребныя связи). Замѣтьте, что Булгаринъ не назвалъ его по имени. Судите по этому о степени его знанія тѣхъ предметовъ, о которыхъ онъ раздабарываетъ со своими глупенькими подписчиками. Я увѣренъ, что онъ только видѣлъ издали Оттелина, слышалъ его русскій разговоръ, узналъ, что онъ изъ Борго..., вотъ ему и довольно, чтобы клепать на бѣднаго епископа? Нельзя ли поручить Эману все это вывести на чистую воду въ его газетѣ? Но далѣе Булгаринъ упоминаетъ объ архіепископѣ *Сигнеусѣ*, не говоря рѣшительно, гдѣ онъ живетъ и даже о томъ, познакомился ли съ нимъ Булгаринъ. Фраза вотъ какъ

[1]) Фельетонная замѣтка о примѣненіи выр. *левъ* къ человѣку (у разн. народовъ).

связана: „Боргосскій епископъ удивилъ меня своимъ знаніемъ русскаго языка и русской литературы, которыми онъ занялся уже въ *зрѣлыхъ лѣтахъ* (какой вздоръ! Оттелину теперь далеко нѣтъ 50 лѣтъ, а по-русски онъ учился въ 1812 году!!). Архіепископъ Сигнеусъ знаетъ также весьма хорошо по-русски, и *оба начальника финскаго духовенства* (сколько неопредѣленности и неправильности въ дѣлѣ) побуждаютъ юношество, посвящающее себя духовному званію, учиться языку общаго нашего отечества“. Право, это стоитъ, чтобы растеребить по ниточкѣ и доказать финляндцамъ по пальчикамъ, что̀ это за авторъ, старающійся оботечественниться у нихъ.

Въ субботу (21 сентября), отпустивъ съ экзекуторомъ письмо къ вамъ, я пошелъ къ Волконскому, но не засталъ его дома. Я побрелъ отъ него на лекцію въ университетъ. Возвратясь домой, нашелъ у себя письмо отъ Квитки. На будущій годъ онъ отказывается отъ поставки повѣстей въ Современникъ, потому что дворянство, при выборахъ, намѣрено возложить на него какую-то хлопотливую должность. Я не знаю, что мнѣ будетъ и дѣлать безъ него. Откуда взять повѣстей? Развѣ нанять переводчика? Да не будетъ ли гадко перепечатывать французскую водяность и мерзость? Но вотъ что досаднѣе: Квитка у меня проситъ позволенія напечатать въ Маякѣ отрывки изъ своего новаго романа: „Маякъ-де исправно платитъ, а деньги всегда вещь хорошая!“ Какъ это вамъ покажется? Дошла ли до Гельсингфорса — пріятеля нашего и хозяина филятюры Соболевскаго[1]) эпиграмма на Маякъ? Хорошо удивительно!

Просвѣщенія Маякъ
Издаетъ большой дуракъ,
По прозванію Карсакъ;
Помогаетъ дурачекъ,
По прозванью Бурачекъ.

Сколько игры словъ и соотвѣтственности и истины.

Въ воскресенье (22 сентября), утромъ, былъ у меня съ визитомъ Ѳ. Ѳ. Корфъ. Я ему поручилъ составить для Современника статью изъ писемъ Тургенева[2]) о Германіи. Съ нѣмецкими цитатами я бы пропалъ! Даже Ѳ. Ѳ. многаго не понимаетъ. Про одно мѣсто онъ выразился мнѣ такъ, наконецъ: „Дядя моей жены ужъ какой колбасникъ! и тотъ здѣсь не нашелъ смысла!“ Я получилъ благодарственное письмо и отъ Теслева. Скажите, ужели и мнѣ надо писать къ нему о полученіи его письма. Вечеромъ я кончилъ корректуру вашей статьи. Во вторникъ (24 сентября), утромъ, ѣздилъ въ Царское Село, гдѣ кончилъ чтеніе о Вейнемейненѣ. В. К. Ольгѣ Николаевнѣ это все очень понравилось. Сегодня вечеромъ опять былъ у меня Ѳ. Ѳ. Корфъ. Онъ сбирается писать къ вамъ.

[1]) Сергѣя Александровича, извѣстнаго литератора и библіографа.
[2]) Александра Ивановича († 1845 г.).

30.

(Гротъ — Плетневу) *Гфорсъ, среда, 25 сент. 9½ ч. веч., 1840.*

Сейчасъ ушли отъ меня Фуруельмъ [1]) и молодой Валленъ, который принесъ бывшій у него мой экземпляръ Современника. Еще былъ Готлундъ, но онъ убрался ранѣе. Фуруельмъ очень благодаритъ васъ за Современникъ и видимо радуется этому пріобрѣтенію; онъ собирается доставить вамъ статью объ Аландскихъ островахъ, откуда возвратился на-дняхъ. Валленъ спрашивалъ, нѣтъ ли у меня устава Петербургскаго университета, но я, къ стыду моему, никогда и не видывалъ его. Ваше послѣднее письмо такъ интересно, что я прочелъ изъ него нѣсколько мѣстъ вслухъ при моихъ гостяхъ; вчера я то же сдѣлалъ при Цигнеусѣ. Впрочемъ, и всѣ ваши письма для меня равно интересны, но не всѣмъ можно дѣлиться съ другими. Нынѣшній разъ я не могъ пойти за письмами въ понедѣльникъ, дождь и усталость удержали меня дома; съ какимъ нетерпѣніемъ ожидалъ я вторника и считалъ, сколько часовъ остается до 10-го часа этого утра. Наконецъ я на почтѣ, и нахожу четыре письма да еще посылку. Братъ много благодаритъ васъ за совѣтъ, но велитъ напомнить вамъ, что нашъ братъ-чиновникъ живетъ однимъ жалованьемъ, и на разъѣзды нѣтъ у него ни копѣйки. Такъ-то и вашъ покорный слуга, какъ кажется, нынѣшнею осенью въ Питеръ не поѣдетъ, потому что для сестры представляется случай отправиться сюда съ одной почтенной дамой. Жена нашего хозяина Грипенберга [2]) теперь въ Петербургѣ, и мужъ предлагаетъ, чтобы онѣ пріѣхали вмѣстѣ. Поѣздка въ глухую осень, безъ компаніи въ телѣжкѣ, не имѣетъ ничего привлекательнаго, и вы согласитесь, что благоразуміе велитъ пожертвовать на этотъ разъ удовольствіемъ свиданія съ вами, если нѣтъ необходимости ѣхать. Но вы этимъ не лишитесь возможности исполнить свое страстное желаніе переселить сюда на время коляску свою, потому что у m-me Грипенбергъ маленькая бричка на двухъ колесахъ, въ которой двоимъ ѣхать нельзя. Итакъ, до весны! или до лѣта! тогда, можетъ быть, я пріѣду за вами и мы вдвоемъ начнемъ странствовать по Суоміи.

Вчера же былъ я, по порученію вашему, у Сальберга; но онъ еще не возвращался съ дачи; Лундаль [3]), который былъ у васъ, произведенъ лѣтомъ въ доктора; онъ братъ дѣвицы съ замѣчательнымъ поэтическимъ талантомъ, съ которою я познакомилъ князя Одоевскаго на юбилейномъ балѣ; она съ родителями (отецъ—коммерціи совѣтникъ)

[1]) Викторъ И. Фуруельмъ (Furuhjelm), служившій при сенатѣ, потомъ въ выборгскомъ гофгерихтѣ, позже сенаторъ, ум. 1872.

[2]) Содержатель школы и агрономъ, о немъ подробнѣе ниже, п. 38.

[3]) Будущій профессоръ Александровскаго университета.

живетъ въ Таммерфорсѣ, гдѣ я видѣлъ ее два года тому назадъ [1]. Есть здѣсь еще Лундаль [2]), родственникъ этихъ, молодой человѣкъ, служащій и обучающій русскому языку; онъ перевелъ разныя разности на шведскій языкъ. Я съ нимъ еще не знакомъ.

Въ субботу, по отправленіи къ вамъ письма, я возвратился домой и провелъ часа два за чтеніемъ Исторіи Ишимовой. Какой, въ самомъ дѣлѣ, прекрасный даръ у этой госпожи! Какъ она умѣетъ—ужъ не говорю—разсказывать, а оживлять разсказъ такъ, что не только умъ, но непремѣнно и сердце ребенка заинтересовывается. Вотъ съ этимъ авторомъ я бы желалъ быть знакомъ лично! Послѣ—какой переходъ! — читалъ я вслухъ маменькѣ только что взятую у кондитера „Пчелу“: слава Богу, теперь будетъ еще развлеченіе для старушки! Да и для меня эта пустая газета имѣетъ какую-то цѣну, сообщаетъ вѣсти изъ родины; въ Петербургѣ и глядѣть не хочешь на нее, потому что тамъ есть столько другихъ источниковъ вѣстей; а здѣсь совсѣмъ не то.

Почти цѣлое воскресенье провозился я за уборкою своихъ книгъ, къ которымъ состряпалъ родъ каталога по роду сочиненій. Послѣ обѣда пришли ко мнѣ сперва Акіандеръ (за 12-ю частію Карамзина), а потомъ Готлундъ. Въ понедѣльникъ въ исходѣ 7-го часа пріѣхалъ къ намъ старый Клинковстремъ и сидѣлъ до 9-ти ч. Много болтали о всякой всячинѣ, между прочимъ и о васъ; я говорилъ о вашихъ стараніяхъ въ пользу Матильды, на перекоръ злымъ языкамъ. Баронъ желаетъ успѣха.

Четвергъ.

Онъ, какъ Траверсе, также имѣетъ виды на меня и прямо объявилъ, что будетъ иногда присылать своего пріемыша совѣтоваться со мной въ русскомъ языкѣ. Видно, придется мнѣ завести у себя школу русской грамматики.

Во вторникъ встрѣтился съ Кастреномъ и мы уговорились, что онъ будетъ давать мнѣ уроки въ финскомъ языкѣ; я принялся было учиться по книгамъ; но такъ потребовалось бы слишкомъ много времени, да и было бы слишкомъ скучно. Я просилъ было о томъ Акіандера, но онъ отвѣчалъ, что не знаетъ языка грамматически; Кастренъ же большой знатокъ. Онъ знаетъ и древній скандинавскій языкъ. Послѣ обѣда навѣстилъ я не только Сальберга, но и Нервандера, однако, также напрасно: онъ громогласно проповѣдывалъ что-то собравшимся у него ученикамъ: кажется, онъ одинъ изъ учредителей торговой школы (коммерческаго училища).

Вчера рано утромъ принесли мнѣ записку отъ Урсина съ предложеніемъ, не хочу ли я въ 9 ч. присутствовать въ большой залѣ уни-

[1]) Августа Лундаль, финляндская писательница; о ней еще будетъ рѣчь.

[2]) Юлій Лундаль, переводчикъ съ русскаго и на русскій языкъ, см. стр. 86, пр. 2.

верситета на такъ называемой переписи (inscription) студентовъ. Я пошелъ. Противъ дверей на эстрадѣ стоялъ ректоръ въ мундирѣ, а немного вправо секретарь университетской канцеляріи, читавшій вслухъ уставъ благочинія студентовъ (см. уставъ университета). Послѣ чтенія подошли къ ректору всѣ кураторы отдѣленій или націй со сверткомъ въ рукахъ, заключавшимъ списокъ всѣхъ студентовъ каждаго отдѣленія. Ректоръ принялъ изъ рукъ ихъ свертки и вручилъ секретарю, послѣ чего произнесъ хорошо и внятно крошечную рѣчь, въ которой отъ имени графа Ребиндера объявилъ имъ благодарность за доброе поведеніе во время юбилея, снискавшее не только имъ, но и всему ихъ отечеству благосклонность иностранцевъ (какъ здѣсь всегда называютъ всѣхъ пріѣзжихъ, хоть изъ Россіи). Все верхнее полукружіе амфитеатра было занято студентами и немногими изъ профессоровъ.

Вчера былъ достопамятный въ нашемъ домашнемъ быту день. Мы, въ первый разъ въ Финляндіи ѣли свой супъ и порядочно обѣдали дома. Послѣ обѣда пошелъ я въ публичную библіотеку. Такъ вы и не знаете, что университетъ имѣетъ библіотеку въ 60 тыс. томовъ, помѣщающуюся въ сенатскомъ зданіи (см. стат. Рейна, переводъ Соловьева, и ст. Современника: „Гельсингфорсъ", стр. 50). Тамъ каждую среду и каждую субботу отъ 3-хъ до 5-ти ч. можно брать книги, расписавшись только на особой бумагѣ. Къ сожалѣнію, мало порядка; книги стоятъ по росту, и между ними русскія разсѣяны какъ русскіе путешественники по Европѣ; прочія — дома, а онѣ какъ будто въ гостяхъ. Прощенья просимъ.

31.

(Плетневъ — Гроту) ***Спб., пятн., 27 сент., 1840.***

Скажите, что я поздравляю Чепурнова съ славной квартирой, а болѣе съ такимъ чувствомъ въ отношеніи къ сагамъ Фритіофа и къ переводу вашему, заткнувшему за поясъ этого шведа. Дай Богъ вамъ побольше такихъ судей. Не мудрено, что вы его уважаете, какъ благороднаго и благонамѣреннаго человѣка. Насчетъ жалованья надо будетъ вамъ присылать ко мнѣ росписку въ полученіи или спросить о семъ дѣлѣ обстоятельнѣе самого Путяту. Я вамъ совѣтую вступить съ нимъ въ тѣснѣйшую связь и даже регулярную переписку. Во-1-хъ, онъ благороднѣйшій и образованнѣйшій человѣкъ; во-2-хъ, онъ у источника всего, что вамъ нужно знать касательно финляндскихъ дѣлъ. Да былъ ли въ Гельсингфорсѣ на-дняхъ А. Армфельтъ, и видѣлись ли вы съ нимъ, и не говорилъ ли онъ вамъ чего-нибудь обо мнѣ? О пересылкѣ книгъ русскихъ у васъ было сказано (письмо отъ 10-го): „Если вы имѣете вліяніе на цензурный комитетъ, то не можете ли устроить,

чтобы и изъ Петербурга были намъ присылаемы книги". Какъ же мнѣ было догадаться, что Высочайше уже повелѣно ихъ доставлять? И чего смотритъ университетъ, не брякнувъ къ графу Ребиндеру бумагой, что Высочайшее повелѣніе остается безъ исполненія. Теперь пока я поручилъ Волконскому учинить выправку: „Точно ли всѣ книги изъ спб. цензурнаго комитета посылаются въ канцелярію статсъ-секретаря Финляндіи? Кто и въ какіе сроки ихъ отвозитъ и кому сдаетъ на руки, и есть ли росписки въ полученіи тамъ?" Когда удовлетворенъ буду отвѣтами на сіи запросы, то пущусь далѣе, т. е. въ самую канцелярію, чтобы добиться толку. Посовѣтуйте: ѣхать ли мнѣ со вторымъ визитомъ къ Ребиндеру, если я на первую мою карточку не получу его графской карты?

Вы съ Рейномъ напрасно думаете, что въ русскихъ книгахъ найдете матеріалъ для исторіи Сѣвера. Что такое европейскій Сѣверъ? Россія (все готово въ Карамзинѣ), Польша (читай тамошнихъ авторовъ, особенно Потоцкаго), Лифляндія (обратись къ нѣмцамъ), Финляндія, Швеція, Норвегія и Данія (все забери изъ Стокгольма). Вотъ вамъ и исторія Сѣвера. Но главное: сбить эти частности такъ, чтобы навести на исторію Россіи интересныя краски, и математически доказать, какое благо для присоединенныхъ провинцій, что имъ Господь даровалъ этотъ жребій. Тутъ не парадоксы будутъ, а вопіющая истина, слѣдовательно и краснорѣчіе. Вотъ вамъ работа съ Рейномъ. Скажите ему, что я не вандалъ, а разсуждающій о дѣлѣ по его сущности. Одни санкюлоты кричатъ безъ толку противъ завоеваній. Развѣ Польшѣ было лучше до присоединенія ея къ Россіи, да и Финляндіи тоже? Надобно говорить дѣло, а не фразы. Французы въ Англіи губили языкъ и нравы, а мы вездѣ ихъ поддерживаемъ. И если мы желаемъ, чтобы союзники наши знали по-русски, то единственно для того, чтобы они, узнавъ насъ покороче, убѣдились, что мы не людоѣды, какъ многіе думаютъ по невѣжеству.

Пересылку Современника я не намѣренъ ни черезъ кого дѣлать, кромѣ канцеляріи. Итакъ, пусть навсегда останется для васъ число 19; изъ нихъ въ Гельсингфорсѣ 16, а внѣ 3, по вашему послѣднему росписанію, которымъ я очень доволенъ. Кто же, кромѣ васъ, есть въ Финляндіи, кому Краевскій пересылаетъ экземпляры Отечественныхъ Записокъ для пользы партіи своей, т. е. себя самого, ибо теперь онъ весь самъ одинъ?

У меня никакого нѣтъ предубѣжденія противъ таланта Тегнера. А я всегда говорить буду, что пока историки и другіе литераторы, даже самые художники не выведутъ націи на свѣтъ передъ иностранцами, до тѣхъ поръ все слишкомъ національное для послѣднихъ будетъ неясно и, слѣдовательно, не вполнѣ интересно. Такова и поэма Фритіофъ. Отчего намъ Иліада или Іерусалимъ, или даже Рай такъ

занимательны? Оттого, что мы вспомогательными знаніями введены уже въ этотъ міръ, изъ котораго поэтъ представляетъ для насъ сцены. Отчего не многіе умѣютъ наслаждаться чтеніемъ самыхъ лучшихъ книгъ? Оттого, что никто ихъ къ тому не приготовилъ. Такова участь и красотъ Фритіофа. Не принуждены ли вы подъ каждой строкой приводить объясненія? Вотъ почему и надобно намъ прежде всего возвысить въ глазахъ иностранцевъ цѣну языка нашего, вѣры, законовъ, литературы, мѣстности, всего, всего, что̀ связано съ бытіемъ отечества нашего. Безъ этого тысячи Державиныхъ и Пушкиныхъ не получатъ извнѣ того сочувствія, которое вселяетъ къ себѣ послѣдній изъ пошлѣйшихъ французиковъ.

Книгу Кенига я давно знаю, а новаго онъ много написалъ противъ Греча, что̀ уже и здѣсь получено. Объ этомъ-то я и говорилъ съ вами, полагая, что къ вамъ подобныя брошюры могутъ доходить прежде, нежели къ намъ. Что Нервандеръ велѣлъ снять портретъ свой, это произошло, конечно, не отъ скромности, а отъ чувства пристойности, которое у него также не заглушено, какъ и его самолюбіе. Впрочемъ, вы его можете сами узнать по времени. Да и не все ли для насъ равно? Всякъ человѣкъ есть ложь. А намъ съ нимъ не дѣтей крестить.

Имѣю ли я надежду продать коляску? Да зачѣмъ мнѣ продавать ее? Я вамъ ясно сказалъ, что мнѣ нужно же имѣть готовый экипажъ для переѣздовъ въ Гельсингфорсъ или обратно. Ужели вы думаете, что эти 1.200 руб. (асс.), которые за нее заплатилъ я, пошли бы у меня на что-нибудь дѣльное! Деньги всегда должны пропадать по пустякамъ, пока они есть, развѣ подвернется въ минуту ихъ появленія случай хорошій. Тогда — конечно, а въ другое время они идутъ непремѣнно на вздоры. Для Каролины Ивановны теперь молодая Клинковстремша хорошее общество. Впрочемъ, вы лучше увидите, когда вамъ пуститься за сестрицей. Только заблаговременно объ этомъ напишите мнѣ, чтобы я попусту не посылалъ къ вамъ писемъ.

Хорошъ гусь со своимъ сыномъ! [1]) Пусть его самъ попробуетъ учить. Велика вамъ забота! не для того ли онъ объ этомъ думаетъ, что Богъ ему далъ черномазенькую дочь красоточку? У Шаховской я только разъ былъ. Она ни малѣйшаго ни сдѣлала усилія, чтобы привлечь меня въ свой домъ; а я тому и радъ. Если и Пушкина не повѣститъ меня о своемъ пріѣздѣ, не пойду къ ней ни за что. Пускай валандается со своимъ Одоевскимъ. И безъ нихъ скучно! О Нордстремѣ я давно былъ отлично-хорошаго мнѣнія. Не познакомился я съ нимъ, кажется, потому, что онъ ни по-французски, ни по-русски не говоритъ. Бога ради, неослабно воюйте противъ вракъ, которыя

[1]) Т. е. марк. Траверсе.

будутъ попадаться вамъ насчетъ Россіи въ иностранныхъ книгахъ. Есть же истины, по крайней мѣрѣ въ литературѣ, въ которыхъ вы убѣждены. Въ защиту ихъ-то купите желѣзное перо (я однимъ исписалъ уже сто листовъ) и пишите безъ пощады. Сами вы сказали, что въ „Статистикѣ русской Имперіи" 1840 г. много вракъ. Изобличайте ихъ и печатайте либо въ гельсингфорскихъ газетахъ, либо посредствомъ корреспондентовъ въ берлинскихъ. Какъ странно, что ваши книгопродавцы, имѣя возможность быть въ сношеніи съ заграничными безпошлинно, не заведутъ обмѣна книгъ. Ужели нельзя въ комъ-нибудь изъ нихъ пробудить дѣятельности, разсчитавъ имъ, что этотъ обмѣнъ нужно завести и съ русскими? Вотъ чего я вовсе не понимаю: зачѣмъ вы списали для меня оглавленіе устава Александровскаго университета, когда я вмѣстѣ съ вами купилъ весь этотъ уставъ, гдѣ, вѣроятно, и оглавленіе припечатано?

Въ тотъ же день, но вечеромъ поздно. Въ четвергъ (26 сентября) утромъ былъ у Волконскаго, которому и передалъ вопросы объ отсылкѣ книгъ въ гельсингфорскій университетъ. Возвратясь домой, написалъ письмо въ Мюнхенъ къ Маріи Николаевнѣ (Великой Княгинѣ), просилъ ее принять участіе въ производствѣ Матильды во фрейлины. Не знаю, что̀ получу въ отвѣтъ. Также отправилъ ей № 3 Современника. Вечеромъ я поѣхалъ къ Ѳ. Ѳ. Корфу: онъ составляетъ изъ 1.000 письменныхъ листовъ выписку возраженій, сдѣланныхъ прокурорами на сводъ законовъ. Сладостная работа! Вотъ не было печали, да черти накачали! За то онъ получаетъ теперь 9.000 р. жалованья. Ему хочется еще попасть въ старшіе чиновники 2 отдѣленія. Тогда бы возросло жалованье до 12.000 руб. Ѳедору Ѳедоровичу хотѣлось взглянуть на Греча, какую рожу онъ корчитъ послѣ критики Краевскаго. Какъ это былъ четвергъ, я самъ его отвезъ до подъѣзда Греча и, выпустивъ его туда, поѣхалъ на вечеръ къ Смирнихѣ [1]). У нея нашелъ Владиміра Карамзина [2]), стоика по наружности передъ дамами, которыя съ ума сходятъ отъ его неподвижной красоты. Пріѣхавъ домой, читалъ Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія (и вамъ его пришлю съ Современникомъ), гдѣ хвалитъ Менцовъ [3]) вашу статью „Гельсингфорсъ".

Въ пятницу (27 сентября). Узнавъ съ утра, что Императрица и В. К. Ольга Николаевна поѣдутъ сегодня въ Смольный съ визитомъ изъ Царскаго Села, я принялся за продолженіе библіографіи: писалъ, не одѣваясь, до 3-го часу. Былъ у меня Фишеръ, кото-

[1]) А. О. Смирновой.

[2]) Владиміръ Николаевичъ Карамзинъ, сынъ исторіографа, впослѣдствіи сенаторъ.

[3]) Николай Менцовъ состоялъ при редакціи Журнала Министерства народнаго просвѣщенія. См. этотъ журналъ, 1840, т. 27.

рому я передалъ дѣло объ изданіи сочиненій Вяземскаго, просившаго меня принять это на себя. Къ досадѣ моей доложили, что съ визитомъ ко мнѣ пріѣхалъ Ребиндеръ. Неодѣтый, принужденъ велѣть сказать, что меня нѣтъ дома. Вечеромъ я отправился къ Путятѣ. Отъ него узналъ, что А. Армфельтъ не ѣздилъ и не поѣдетъ въ Финляндію, ибо жена очень занемогла. Еще отъ Путяты же узналъ, что цензурный комитетъ очень поздно и неисправно доставляетъ русскія книги въ статсъ-секретаріатъ. Посмотрю, что̀ мнѣ отвѣтитъ Волконскій. Надѣюсь уладить это дѣло. Въ понедѣльникъ поѣду со вторымъ визитомъ къ Ребиндеру. У него еще нѣтъ вечеровъ по пятницамъ за болѣзнью графини. Все я не былъ еще съ визитомъ у Цанта. Ужасно много дѣла. Даже задерживаю корректурные листы. Лишь бы кончить № 4 Современника.

32.

(Гротъ — Плетневу) ***Гфорсъ, воскресенье, 29 сентября 1840.***

Одна изъ моихъ комнатъ (ко двору) уставлена шкафами, и такъ какъ она, говорятъ, холодновата, то останется безъ пользы для пріема посѣтителей. У меня двѣ новыя мебели: прелестный шкафъ *съ душъю*, сдѣланный столяромъ Чепурнова изъ его лѣса, и такъ какъ онъ ему обошелся даромъ, то онъ и съ меня никакъ не хочетъ брать денегъ. Передъ письменнымъ столомъ стоитъ черный деревянный стулъ безъ подушки, такъ что и сѣдалище деревянное. Такіе стулья или, вѣрнѣе, кресла здѣсь въ модѣ и очень полезны для людей, ведущихъ сидящую жизнь. Онъ мнѣ подаренъ Веттергофомъ.

О Брунѐрѣ я ужъ прежде писалъ вамъ: это племянникъ Францѐна, схватившій Соловьева за носъ, и потомъ переведшій въ газ. Борго застольные мои стихи; помѣщенное въ моей статьѣ сужденіе о стихотвореніяхъ Стенбека[1]) также имъ написано. Онъ много обѣщающій юноша, сдѣланъ недавно доцентомъ при университетѣ въ римской словесности и помощникомъ библіотекаря (Пипинга). О выходкѣ Булгарина я ужъ прежде слышалъ отъ Александра Астафьевича и прочелъ ее вслѣдъ за вашимъ письмомъ въ самой Пчелѣ. Какъ я былъ золъ на него и какъ тогда желалъ, чтобы изданіе Финляндскаго Вѣстника состоялось. Тутъ-то мы бы удружили пріятелю. Пришедши домой, я тотчасъ навалялъ планъ Вѣстника, и признаюсь — журналъ этотъ, кажется мнѣ, былъ бы интересенъ, но жертвовать своей свободой и брать на свою шею обузу хлопотъ — на это трудно рѣшиться. Вульфертъ отвѣчалъ, что и онъ не можетъ взять на себя самое изда-

[1]) Stenbäck, молодой шведскій поэтъ, о немъ въ статьѣ „Литературныя новости въ Финляндіи“, стр. 53 и слѣд.

nie, а только согласенъ быть сотрудникомъ. Между тѣмъ, какъ много есть матеріаловъ для такой газеты, и какъ она дѣйствительно нужна. Правда, большую помощь могла бы мнѣ оказывать сестра, но кромѣ ея я здѣсь не знаю никого, кто бы дѣятельно могъ участвовать въ изданіи. Все люди любящіе комфортъ! — Съ почты пошелъ я къ Цигнеусу и прочелъ ему часть вашего письма. Онъ повеселился на счетъ Булгарина, которому Вульфертъ представлялъ его на обѣдѣ: непонятно! Епископъ Цигнеусъ, отецъ нашего, давно умеръ; Булгаринъ познакомился, можетъ быть, съ архіепископомъ Мелартиномъ[1]), знающимъ немного по-русски, и все перемѣшалъ. Я уже написалъ обо всемъ этомъ Эману, съ выпискою изъ вашего письма. Если Булгаринъ нападетъ на Современникъ и особливо на статью о Финляндіи, то я самъ отдѣлаю его въ особой статьѣ, гдѣ переведу, между прочимъ, все, что въ Финляндіи писано противъ него. Эманъ уже не разъ подтрунивалъ на счетъ его въ своей газетѣ. Въ разсужденіи Квитки *много логики*. Жаль! Въ самомъ дѣлѣ, будущность не улыбается Современнику. Если вы предвидите для него безславіе, то лучше воспользуйтесь теперь моментомъ для его прекращенія, по крайней мѣрѣ мы падемъ со славой и съ проклятіемъ врагамъ на устахъ! Но прискорбна была бы такая необходимость; ужели нѣтъ средствъ поддержать наслѣдіе Пушкина? Такова судьба журнала — несогласнаго съ духомъ времени, журнала — анахронизма Вопросъ: долженъ ли такой журналъ упорствовать и являться на зло ослѣпленной публикѣ или съ презрѣніемъ сойти съ арены, окруженной неблагодарною толпой, которая рукоплещетъ площадному фигляру и отвращаетъ взоры отъ благороднаго артиста? Эпиграмма на Маякъ прекрасна, я многихъ потѣшилъ ею. Теслеву, кажется, отвѣчать нѣтъ надобности: я могу сходить къ нему и поблагодарить отъ вашего имени.

Вторникъ, 1 октября.

Вотъ, что я въ торопяхъ написалъ въ воскресенье утромъ, но не отослалъ потому, что на опытѣ узналъ, что людямъ лучше ничего не дѣлать, нежели мало. За *ничего* — ничего и не скажутъ; за *мало* разбранятъ безпощадно. Не такъ ли и вы со мной поступаете въ отношеніи къ нашей перепискѣ? Хоть вы перомъ и молчите, да у меня, милостивый государь, уши-то далеко слышатъ. Опять я однимъ выраженіемъ подалъ поводъ къ недоразумѣнію: слова Чепурнова на счетъ моего перевода я привелъ вовсе не какъ похвалу себѣ, а какъ образчикъ знанія: въ нихъ „*Фритіофъ*“ древній герой принятъ за *автора* какихъ-то *сагъ* (во множественномъ числѣ), а я за *его* переводчика. Voilà le fion de la chose, а вы слона-то, кажется, и не

[1]) Архіепископомъ въ Або, раньше профессоромъ и ректоромъ въ Абоскомъ университетѣ, ум. 1847 г.

примѣтили, и также приняли „*Фритіофа*“ за синонимъ *Тегнера*[1]. За совѣтъ переписываться съ Путятой благодарю: я намѣренъ имъ воспользоваться. Вообще послѣднее письмо ваше чревато истинами, но зато и хандрою; вы писали его въ такомъ же расположеніи, въ какомъ мы съ Александрой Осиповной не разъ видѣли ваше превосходительство, но изъ котораго, къ прискорбію, не всегда удается васъ вывесть. Объ Ал. Армфельтѣ братъ его говорилъ, что онъ въ деревнѣ, не такъ далеко отсюда; но это было еще на прошлой недѣлѣ.

За распоряженіе о справкѣ въ цензурномъ комитетѣ также благодарю; но въ какомъ качествѣ вы даете порученія Волконскому? нечто онъ ниже васъ? Что въ русскихъ книгахъ ничего нѣтъ для исторіи, это я самъ говорилъ Рейну; но все-таки изъ нихъ можно хоть что-нибудь почерпнуть, и при томъ нельзя знать, что̀ выйдетъ со временемъ, а если не будешь получать здѣсь русскихъ книгъ, то и не узнаешь о появленіи хорошаго. Рейнъ читаетъ теперь С а х а р о в а[2]) и Журналъ министерства народнаго просвѣщенія. Экземпляръ Отечественныхъ Записокъ отпускался, съ согласія и потомъ по собственному желанію Краевскаго, мнѣ для отсылки въ Финляндію какому-нибудь дѣльному человѣку. Я доставляю его Фуруельму. На счетъ употребленія денегъ я съ вами не согласенъ: такъ, какъ вы говорите, позволено поступать только безразсудному, а кто уменъ и добръ, всегда можетъ употребить деньги съ пользою, если не для себя, то для другихъ. Я и не вѣрю, чтобы вы такъ поступали; вы сами себя хотите чернить, да не вамъ бы говорить, не мнѣ бы слушать. Вы хорошо дѣлаете, что не гонитесь за знакомствомъ съ знатью; право, толку въ немъ мало, и мнѣ всегда бываетъ скучно у тѣхъ, которые не сравнятъ меня совершенно съ собою; а эти, какъ Олинька выражается, *фасоны* куда какъ несносны! Отчего вы говорите, что есть же, молъ, истины, по крайней мѣрѣ, въ литературѣ, въ которыхъ я убѣжденъ? Да, есть и очень много есть, и не въ одной литературѣ; желѣзнаго пера для защиты ихъ мнѣ не нужно, и гусиное сладитъ, лишь бы удосужиться. Обдумавъ, я усумнился, нужно ли отвѣчать Булгарину, не лучше ли молчать съ презрѣніемъ, и итти своею дорогой? Однакожъ, посмотримъ! Въ завтрашнемъ № Гельсингфорскаго Утренняго Листка будетъ статейка Цигнеуса на счетъ выходки Ѳаддея.

Четвергъ, 3 октября.

Опровергать ложныя извѣстія о Россіи я покуда не намѣренъ: всего вдругъ не сдѣлаешь, да и многіе ли прочтутъ мои опроверже-

[1]) Изъ этого вы видите, что я не могъ принять словъ Ч. за похвалу себѣ: очевидно, что онъ вовсе не читалъ ни оригинала, ни перевода, и такъ его рекомендація не могла имѣть вліянія на мои къ нему чувствованія; но я имѣю факты въ подкрѣпленіе послѣднихъ. *Прим. Я. Г.*

[2]) Ив. Петр., извѣстн. ученаго, этнографа и археолога.

нія? О книгопродавцахъ здѣшнихъ нечего и говорить—они флегмы, и ничего по этой части не будетъ, пока книжная торговля не перейдетъ въ руки какого-нибудь человѣка съ знаніями и съ усердіемъ къ общей пользѣ. Доставка печатаемыхъ здѣсь книгъ въ Швецію затруднительна, ибо соединена съ пошлиною въ 33 процента. Оттого нѣкоторые литераторы намѣрены печатать свои труды въ Стокгольмѣ. Еслибы въ уставѣ университета было *оглавленіе* я бы, конечно, не взялъ труда составлять для васъ новое. Оно мною послано вамъ именно потому, что у васъ *есть* уставъ *безъ* оглавленія отчего справляться въ уставѣ очень неудобно.

Въ сужденіи вашемъ на счетъ *Фритіофа* есть маленькое противорѣчіе. Сами вы говорите, что *историки* и другіе *литераторы*, даже самые *художники* должны *вывести на свѣтъ націю* передъ иностранцами. Но не то ли же я и стараюсь дѣлать въ отношеніи къ скандинавскому Сѣверу, и переводъ Фритіофа не есть ли попытка къ тому, чтобы художническимъ произведеніемъ *вывести на свѣтъ націю?* Сухія диссертаціи и вообще ученые труды никогда не могутъ быть доступны столькимъ читателямъ, какъ *поэма*, хотя *первое* чтеніе ея и можетъ показаться затруднительнымъ; историческія истины, одѣтыя въ поэтическія красоты, конечно, запечатлѣются въ памяти гораздо скорѣе, нежели — будучи изложены ученымъ образомъ; притомъ передъ поэмою напечатано будетъ довольно подробное *приготовительное* вступленіе о бытѣ и религіи скандинавовъ. Я не думаю, чтобы одна малоизвѣстность предмета могла служить поводомъ къ порицанію моего предпріятія, если оно будетъ исполнено какъ должно. Когда я принялся читать „Frithiofs-Saga“ на *нѣмецкомъ* языкѣ, я не имѣлъ *ни малѣйшаго* понятія о скандинавскомъ мірѣ, и однако такъ увлеченъ былъ поэмою, что ея красоты побудили меня изучить его: замѣтьте, что въ нѣмецкомъ переводѣ почти вовсе не было объясненій, и я для всякой малости долженъ былъ рыться въ книгахъ. Если эта поэма имѣла такое дѣйствіе на меня, почему же и мой переводъ не можетъ хоть нѣкоторыхъ русскихъ ознакомить съ скандинавскимъ Сѣверомъ и привлечь ихъ къ изученію его. Вы знаете, какъ это важно для исторіи нашей, и если таково будетъ дѣйствіе моего перевода хоть на двухъ—трехъ человѣкъ, то онъ не напрасенъ. Черезъ нѣсколько недѣль переводъ мой, надѣюсь, будетъ окончательно готовъ. Позвольте мнѣ тогда прислать его вамъ для передачи цензору, съ тѣмъ, чтобы вы напередъ съ добросовѣстнымъ вниманіемъ прочли его, отмѣчая на особой бумагѣ все, что найдете замѣтить, какъ дѣлали съ тетрадью Вяземскаго въ прошломъ году. Хорошо было бы, если-бы время позволило и Александрѣ Осиповнѣ прочесть моего „Фритіофа“.

Теперь обращусь къ журналу моему.

Въ день отправленія къ вамъ послѣдняго письма (четвергъ, 26 сентября) былъ я у Урсина; младшій сынъ его ѣдетъ въ началѣ 1841 года въ Москву на счетъ университета вмѣстѣ съ Валленомъ, Гартманомъ [1]) и Моландеромъ [2]) для изученія русскаго языка. Урсинъ этимъ считаетъ себя обязаннымъ вамъ, ибо вы, молъ, сказали гр. Ребиндеру, что сынъ его говоритъ по-русски. Вечеромъ былъ у Ал. А. Вульферта, который велѣлъ просить васъ, чтобы вы по напечатаніи рескрипта въ Современникѣ переслали прилагаемый нѣмецкій переводъ Ольдекопу [3]) съ просьбой напечатать въ Нѣмецкихъ Вѣдомостяхъ.

Въ субботу утромъ я отдалъ людямъ приказаніе, чтобы всѣмъ приходящимъ говорили, что меня нѣтъ дома, когда ключа нѣтъ въ дверяхъ, иначе безпрестанно мѣшаютъ работать, и я долженъ замыкаться въ своей комнатѣ. Послѣ обѣда просидѣлъ часа 1½ у Нервандера, болтая съ нимъ по-нѣмецки и по-французски. Вечеръ провелъ у Акіандера.

Въ воскресенье послѣ обѣда былъ у Готлунда и Веттергофа, гдѣ ужинали. Нервандеръ, бывъ за границей, видѣлъ тамъ нѣсколько корреспондентовъ нашего министерства просвѣщенія и спрашивалъ, что это за должность. Я не могъ удовлетворить его. Не знаете ли вы? Въ понедѣльникъ утромъ былъ я у генерала Эттера съ Современникомъ. Онъ хотѣлъ самъ отвѣчать вамъ, но я отговорилъ его; мы толковали долго о Булгаринѣ, котораго онъ бранитъ не на животъ, а на смерть; уговариваетъ меня писать противъ него. Послѣ обѣда былъ у Сальберга: милый и разговорчивый старикъ; онъ скоро будетъ Emeritus, и ужъ не читаетъ лекцій; переселится тогда верстъ 60 за Або въ свое имѣніе. Я благодарилъ его отъ васъ и разсказалъ ему о бракѣ Жуковскаго. Вечеромъ были у насъ m-me Кольбарсъ и Чепурнова.

Во вторникъ была чудесная погода; я гулялъ много, но никого не посѣщалъ. Вчера весь день дождь—я только прошелся послѣ обѣда; въ 4 ч. пришелъ Кастренъ учить меня по-фински; это былъ первый урокъ. Съ 6-ти ч. начали приходить и другіе: Готлундъ, Рейнъ, Акіандеръ, Брунèръ, Веттергофъ, Шернваль, еще Шернваль (братъ того) и, наконецъ, позже всѣхъ Цигнеусъ. Съ послѣдними четырьмя остался я по уходѣ прочихъ, и тогда было всего пріятнѣе: когда наберется слишкомъ много, общество развязывается, не смотря на то, что у меня

[1]) Карломъ, однимъ изъ сыновей генералъ-директора медицинской части въ Финляндіи, доктора Карла Дан. фонъ-Гартмана.

[2]) Магистромъ Александровскаго университета.

[3]) Евстафію Ивановичу, писателю, издат. Акад. Вѣд. „St.-Petersburg. Zeitschrift" и составителю карманнаго нѣмецкаго словаря, служившему также по цензурной части въ III отдѣленіи.

таки тѣсненько. Удобнѣе была бы одна большая комната. Мы опять бранили Булгарина; я прочелъ вслухъ его глупое: „Что такое левъ"? и потомъ двѣ эпиграммы Пушкина на него: *Не то бѣда*... и *Фиглярин! вотъ полякъ примѣрный*... Еслибъ онъ слышалъ, какъ финляндцы, друзья, отдѣлываютъ его! Но время летитъ. Надо писать еще къ Модесту Андреевичу Корфу и къ сестрѣ. Къ Эману я снова написалъ съ отправленіемъ № 213 Пчелы.

33.

(Плетневъ — Гроту) ***Спб., вторн., 1 окт. 1840.***

Начну своимъ журналомъ. По обыкновенію, отправивъ къ вамъ письмо субботнее (28 сентября), пошелъ въ университетъ. Возвратясь, легъ передъ обѣдомъ уснуть: ибо много было вечеровъ въ виду. Первый вечеръ до половины 12-го провелъ у Александры Осиповны. На второй вечеръ въ 1-мъ часу пріѣхалъ я къ Одоевскому. Мужчинъ еще засталъ нѣсколько, а изъ дамъ одну нашу графиню Пушкину. Я засидѣлся и заговорился съ нею до 2-хъ часовъ. Она въ этотъ вечеръ была ослѣпительно хороша, чего я не замѣчалъ въ Гельсингфорсѣ. Одоевскій написалъ какую-то повѣсть и ей посвятилъ. Я просилъ было ее для нашей „Финляндіи", но онъ сказалъ, что по содержанію она туда не годится. Однако, онъ еще не отказывается что-нибудь приготовить для насъ. Только когда? вотъ вопросъ!

Мы съ Пушкиной все разговаривали про Гельсингфорсъ. Она изумлена была, сколько я знаю подробностей, безъ меня случившихся. Прощаясь, она позвала Одоевскихъ и меня въ среду пить у нея чай. Если мои гости не засидятся у меня за полночь, то поѣду. Въ воскресенье (29 сентября) первый визитъ мнѣ сдѣлалъ Брутъ [1]) (секретарь университетскаго совѣта) съ чиновникомъ: они прочли со мной весь докладъ совѣту, который будетъ въ понедѣльникъ. Я вамъ писалъ, что вашъ университетъ прислалъ нашему въ даръ свою юбилейскую медаль. Послѣ нихъ явился Никитенко, который не бывалъ у меня болѣе полгода. Онъ очень скученъ и важничаетъ Богъ знаетъ чѣмъ. Вѣроятно, тѣмъ, что онъ цензоръ и единственный издатель Сына Отечества. Всегда толкуетъ о мелочахъ, какъ государственный человѣкъ о политикѣ. Дома я нашелъ письмо отъ васъ и изъ Вологды отъ Иваницкихъ, учившихся здѣсь въ университетѣ, а теперь обучающихъ тамъ въ гимназіи. По просьбѣ ихъ, я послалъ имъ даровой экземпляръ Современника. Если бы вы видѣли, съ какимъ они восхищеніемъ говорили о немъ. Но удивительно, что во всей Вологдѣ ни одинъ человѣкъ не слыхивалъ о моемъ журналѣ, и теперь, по словамъ Иваницкихъ, всѣ читавшіе его желаютъ въ будущемъ году подписаться на него.

[1]) Александръ Ивановичъ.

Въ понедѣльникъ (30 сентября) первый визитъ я получилъ отъ нѣкоего Михайлова, толстаго и краснощекаго мужчины, служащаго въ Думѣ купеческой. Онъ надоѣлъ мнѣ просьбою объ одномъ студентѣ и испортилъ мое расположеніе духа. Несмотря на то, я непремѣнно рѣшилъ ѣхать къ графу Ребиндеру. Дорогою заѣхалъ къ Фишеру, чтобы внести въ свою статью о юбилеѣ имена четырехъ промоторовъ. Наконецъ, я добрался до Ребиндера и началъ моею благодарностью за его письмо ко мнѣ и позволеніе пересылать книги черезъ канцелярію. Обыкновенно первыхъ фразъ не слушаютъ, считая, что онѣ касаются вопроса о здоровьѣ. И такъ онъ мнѣ почти ничего не сказалъ на это, чему я очень обрадовался, боясь, чтобы не вздумалось ему ограничить мои набѣги съ пакетами. Касательно здоровья его, когда мнѣ вздумалось изъяснять ему, что отъ погоды оно зависитъ много, онъ съ улыбкою сострилъ: „Voyez-vous, il est une petite chose, qu'on appelle la vieillesse". Доложили о графѣ А. Армфельтѣ. Приказалъ просить. Вотъ мы трое и пустились въ разговоры. Я объявилъ, что показывалъ Наслѣднику Цигнеусовы стихи, напечатанные въ гельсингфорской газетѣ. Ребиндеръ испугался: онъ видно не читаетъ вашихъ газетъ. Я успокоилъ его, что это напечатано вслѣдъ за рескриптомъ Наслѣдника, что Ему стихи очень нравятся, и что я тоже съ рескриптомъ Его напечатаю ихъ у себя въ Современникѣ. Это его успокоило. Я пустился въ похвалы Цигнеусу. Онъ опять морщится, толкуя, что у него идеи хороши, но выраженіе слишкомъ темно, нѣмецкое. Я не оробѣлъ, начавъ изъяснять, какъ этотъ родъ намъ нравится по оригинальности. Ко мнѣ присталъ Армфельтъ и мы его, кажется, расположили къ Цигнеусу. Я разсказалъ о моемъ свиданіи съ Наслѣдникомъ и Его объявленіи, что Царь позволилъ Ему было заѣхать въ Гельсингфорсъ, но что у Него не стало времени, и что Онъ это намѣренъ исполнить послѣ. Тогда Ребиндеръ открылся, что и онъ это слышалъ отъ Царя. Я началъ мои похвалы вашему университету и студентамъ, доложивъ, какъ и ректоръ ихъ благодарилъ отъ его имени. Онъ прибавилъ, что хотя мудрено удержать студентовъ вообще отъ исторій, но что они стали особенно лучше съ тѣхъ поръ, какъ Царь, бывъ у нихъ, самъ говорилъ съ ними. Я прибавилъ, что недавно Царь то же сдѣлалъ въ Варшавѣ и приказалъ усилить ученіе польскаго языка. Это удивило Ребиндера. Я началъ ему доказывать, что это не только не уменьшитъ распространенія языка русскаго, но ускоритъ, ибо изъ любви легче и скорѣе можно всему выучиться, нежели по принужденію. Онъ сталъ проговариваться, что въ случаѣ преобразованія каѳедры русскаго языка, надѣется и въ Гельсингфорсѣ успѣховъ. Я того и ждалъ, и прицѣпился, чтобы пропѣть вамъ акаѳистъ. Я ему перечелъ по пальцамъ, сколько вы уже знаете языковъ, и еще учитесь по-фински. Это ему видимо было пріятно. Только всѣ замѣтили, что вамъ надобно беречь физическія

свои силы. Разговоръ сталъ откровеннѣе, и тутъ Ребиндеръ сквозь зубы какъ-бы открылся, что уже при докладѣ была рѣчь о семъ преобразованіи, повидимому вслѣдствіе моей записки, и что Наслѣдникъ присутствовалъ при семъ докладѣ и много говорилъ Царю въ вашу пользу—„parce qu'Il a étudié ses oeuvres", прибавилъ Ребиндеръ. Меня это несказанно обрадовало. Видите ли, что у Наслѣдника и при Его дѣлахъ стало памяти для вашего имени! Я перешелъ къ Тегнеру и Францену, разсказавъ о нашемъ планѣ книги и письмѣ Францена. Ему тоже понравилось. Онъ причиною несчастія Тегнера полагаетъ сильное его участіе въ политикѣ, и что въ Швеціи дѣла политическія плохи. Ребиндеръ разсказывалъ мнѣ о праздныхъ каѳедрахъ въ университетѣ по астрономіи и химіи: что на первую готовятъ Лундаля, а для послѣдней пошлютъ одного къ Берцеліусу[1]). Это онъ произнесъ съ осторожностью, но я прибавилъ, что иначе и не должно быть; что Берцеліусъ первый химикъ въ мірѣ, и что даже Жуковскій за долгъ почелъ явиться къ нему. Это его успокоило. Говорили о женитьбѣ Жуковскаго и его тестѣ, безрукомъ живописцѣ, чего Ребиндеръ не зналъ; онъ очень удивлялся этому. Наконецъ, видя, что онъ часто хватается за парикъ и очки, я раскланялся. Онъ прибавилъ: надѣюсь, что вы продолжите свои посѣщенія. Я отвѣчалъ: если позволите. Онъ меня проводилъ до передней.

Удивительная смѣсь учтивости, осторожности и какого-то добродушія! Отобѣдавъ дома, я отправился въ совѣтъ университета: открылъ его благодарностью за честь, что я былъ посланъ депутатомъ; сказалъ нѣсколько словъ о почести, мнѣ воздáнной тамъ и проч. Потомъ объявилъ, что Шульгинъ произведенъ за ректорство въ дѣйствительные статскіе совѣтники. Кончивъ совѣтъ, поѣхалъ къ Ал. Ос.

Въ 12 часу отъ Ал. Ос. заѣхалъ на другой вечеръ къ Порошину[2]), гдѣ были, но уже ушли многіе изъ профессоровъ; тамъ я просидѣлъ до часу, разсказывая обо всемъ гельсингфорскомъ.

Во вторникъ (1-го октября) поѣхалъ въ Царское Село. Читали съ В. К. Ольгой Николаевной мелкія стихотворенія А. Пушкина. Ей-было хотѣлось прочесть что-нибудь изъ Отечественныхъ Записокъ (вѣроятно по рекомендаціи Окуловой). Но когда я перебралъ всѣ статьи книжки, оказалось, что читать ей нечего. Домой пріѣхалъ къ обѣду. Послѣ поѣхалъ на вечеръ къ Быченскимъ. Пришедши домой, нашелъ у себя письмо отъ Розы Карловны. Это меня очень обрадовало сначала, а послѣ опечалило. Итакъ, рѣшительно я васъ не увижу до лѣта.

Скажите В. И. Фуруельму, что мой Современникъ гордиться будетъ,

[1]) Як., знаменитому химику, проф. въ Стокгольмѣ, ум. 1848 г.

[2]) Виктору Степановичу, профессору политической экономіи въ С.-Петербургскомъ университетѣ, ум. 1868 г.

если онъ въ самомъ дѣлѣ доставитъ въ него статью объ Аландскихъ островахъ. Ал. Ос. ужасно сердится на существованіе m-me Грипенбергъ. Безъ нея, говоритъ она, мы непремѣнно увидѣли бы Якова Карловича. Хоть я и не меньше ея прихожу въ отчаяніе отъ перемѣны прежняго вашего плана, но стараюсь утишить ея волненіе, доказывая, что письма еще выгоднѣе личнаго свиданія. Она объ этомъ не хочетъ и слышать. Хорошо ли вы сдѣлали, что сказали Клинковстрему о моихъ стараніяхъ касательно Матильды? Не оскорбится ли аристократическая гордость всей ихъ фамиліи? Совѣтую вамъ при случаѣ поправить это и дать оборотъ, что вы только продолжали шутить на мой счетъ по праву пріязни.

Ради Бога, прикиньтесь, что вы и не подозрѣваете видовъ ни маркиза, ни барона на ваши свѣдѣнія въ русскомъ языкѣ. Вотъ будетъ хорошо, когда вы изъ ихъ пріятеля превратитесь въ школьнаго учителя! Если даже по безсовѣстности кто осмѣлится прямо сказать объ этомъ, вы расхохочитесь и увѣрьте ихъ, что вы только статьи писать умѣете, а о наукѣ языка не понимаете ни въ зубъ колонуть. Охота же вамъ при всякой свалкѣ народа въ университетѣ забѣгать туда! Я бы обошелъ эту улицу по низу въ грязи, лишь бы не попасть на перекличку студентовъ.

Удивляетесь вы, что я не изучаю статистики Рейна. Я врагъ всѣхъ въ мірѣ статистикъ, а ваши статьи, прочитывая въ корректурѣ и занятъ будучи единственно буквами, а не смысломъ, естественно уже во второй разъ безъ особой нужды не перечитываю. Надѣюсь, что, сдѣлавшись ординарнымъ профессоромъ университета, вы отдѣлите русскую библіотеку отъ шведской и приведете ее въ такое состояніе, что она послужитъ образцомъ для всѣхъ въ мірѣ университетскихъ библіотекъ.

Что мнѣ дѣлать: не могу добраться до Цанта; не могу кончить библіографіи; не могу отвѣчать ни на чьи письма. Время такъ и гибнетъ—то въ должности, то въ свѣтскихъ обязанностяхъ. Одна въ будущемъ надежда: я началъ формулировать корректора для Современника и др. моихъ изданій. Это спасетъ у меня много ночныхъ часовъ, которые гибли до сихъ поръ надъ корректурою. Обнимаю васъ.

34.

(Плетневъ — Гроту) *Спб., пятн., 4 окт. 1840.*

Утромъ въ среду (2 октября) отправлены письма: одно къ вамъ, другое къ Максимовичу Павлу. Въ это же утро забѣжалъ ко мнѣ Ѳ. Ѳ. Отъ Греча онъ слышалъ, будто тотъ и не читалъ Краевскаго статьи, а отъ Булгарина только узналъ объ ея существованіи. Но это обыкновенныя враки, когда нечего больше дѣлать. Въ этотъ день было

св. Андрея. Университетскій законоучитель нашъ [1]) звалъ меня къ себѣ на именинный обѣдъ. Съ Устряловымъ условились мы ѣхать туда вмѣстѣ. Вотъ и пріѣхали. Я съ ужасомъ увидѣлъ человѣкъ съ пятьдесятъ монаховъ, поповъ, дамъ, чиновниковъ и проч. Нечего дѣлать. Сѣли. Еще сильнѣйшій ужасъ: всѣ кушанья постныя. Досидѣвъ до конца обѣда, я послѣ него тотчасъ схватилъ шляпу и убѣжалъ. Но какая досада! Вышедъ на улицу, замѣтилъ, что на мнѣ чужой сюртукъ. Воротился и отыскалъ свой. Слава Богу, что никто меня не остановилъ. На вечеръ ко мнѣ явились двое изъ молодыхъ профессоровъ, что̀ учились въ Дерптѣ въ профессорскомъ институтѣ: Савичъ (астрономіи) [2]) и Шиховскій (ботаники) [3]), перешедшій къ намъ изъ Москвы. Въ этотъ же день (какъ вы помните) графиня Эмилія Карловна Пушкина звала меня къ себѣ на чай. Былъ уже двенадцатый часъ (двенадцать происходитъ отъ *двое*, а не отъ *двѣ*, какъ думаютъ многіе), когда мои гости стали уѣзжать. Я сѣлъ въ коляску со своими дамами съ тѣмъ, чтобы онѣ меня завезли въ Галерную къ Пушкиной. Тамъ я нашелъ кн. Шаховскую, Одоевскихъ, Мятлева (поэта русско-французскаго, автора Курдюковой) [4]), кн. Горчакова (лицеиста изъ Пушкинскаго выпуска, собрата вамъ по медали) съ женою и еще какую-то хорошенькую, молоденькую даму. Графъ и графиня были очень внимательны ко мнѣ, особенно онъ. Много было разговоровъ о васъ, о гельсингфорской жизни и проч. Вами всѣ восхищаются. Графиня удивилась многимъ вещамъ, какъ я ихъ знаю, касательно гельсингфорскихъ жителей. Она не забыла сказать мнѣ, что была съ визитомъ у Каролины Ивановны. Я разсказалъ, какъ вы не попали къ нимъ проститься. Наконецъ, въ часъ разъѣхались. Вообразите мою досаду! Былъ дождь, я безъ калошъ и не нашелъ у подъѣзда своей коляски. Потащился пѣшкомъ до Исакіевскаго моста, гдѣ нанялъ извозчика.

Въ четвергъ (3 октября) шелъ дождь цѣлый день. Утромъ пришелъ ко мнѣ одинъ чиновникъ Соколовъ, котораго я учу держать по моему корректуру Современника и Квитки. Эта работа такъ меня одолѣла, что я хочу ее сдать Соколову. Онъ, кажется, хорошо меня понимаетъ. Надобно было ѣхать въ университетское правленіе. Но я за дождемъ, не одѣваясь, остался дома. На вечеръ я поѣхалъ къ Балабинымъ [5]), которые въ тотъ день пріѣзжали къ Ал. Ос. навѣстить

[1]) Андр. Ив. Райковскій, проф. богословія въ университетѣ.

[2]) Алексѣй Николаевичъ, позже академикъ, ум. 1884 г.

[3]) Иванъ Осиповичъ, докторъ медицины и профессоръ ботаники, ум. 1854 г.

[4]) Иванъ Петровичъ М. (ум. 1844 г.), авт. соч.: Сенсаціи и замѣчанія г-жи Курдюковой за границею, дан л'этранже, 3 ч. (вышло 1840—44 гг.).

[5]) Семья Петра Ивановича Балабина, отставного генералъ-лейтенанта, ум. 1855 г. Жена его — Варвара Осиповна, дочь — Марья Петровна, позже замужемъ за докторомъ Вагнеромъ.

Олю. Ал. Ос. теперь всякій день начала ѣздить для уроковъ къ Принцессѣ Ольденбургской. У Балабиныхъ видѣлъ я княгиню Долгорукую, урожденную Сенпри, которой отецъ, перъ Франціи, еще живъ и засѣдаетъ въ Камерѣ.

Въ пятницу (сегодня) ѣздилъ въ Царское Село. Лишь только я началъ чтеніе Пушкина, вошла къ намъ Императрица и осталась слушать наше чтеніе. Я воспользовался случаемъ и началъ Ея Величеству свой разсказъ о пребываніи въ Гельсингфорсѣ. Моя цѣль была задобрить Ее насчетъ Матильды и приготовить къ ходатайству за нее В. К. Маріи Николаевны. Говорилъ я о городѣ, о памятникѣ въ память Ея посѣщенія, о жителяхъ и, наконецъ, о тамошнихъ институткахъ. Когда я назвалъ Матильду, Она сказала, что помнитъ ее. Тутъ я описалъ, какъ она перемѣнилась, похорошѣла, поумнѣла, словомъ, какъ она сдѣлалась блескомъ всего общества въ Гельсингфорсѣ. Императрица шутя замѣтила, что прежде она похожа была на медвѣжонка— и начала показывать руками, какъ медвѣжата кладутъ свои лапы, когда ходятъ. Но я не оробѣлъ. Я сказалъ, что она стараніями матери совсѣмъ преобразилась и всѣхъ изумляетъ своею ловкостью и любезностью. Впечатлѣніе осталось хорошее. Государыня любитъ читать Квитку, только сожалѣетъ, что много мудреныхъ словъ. Обѣдать пріѣхалъ я домой, гдѣ нашелъ письма отъ П. Максимовича и Жуковскаго. Послѣднее такъ мило, что я въ свободное время перепишу его и вамъ доставлю.

35.

(Гротъ — Плетневу) *Гфорсъ, вторн., 8 окт. 1840.*

О полученіи вашимъ университетомъ медали вы мнѣ прежде не писали. Краснощекій Михайловъ—извѣстная мнѣ особа: я видѣлъ его не разъ у Кутузовыхъ; внутренняя личность его мнѣ вовсе неизвѣстна. Вашъ визитъ у графа Ребиндера вы мнѣ такъ живо описали, что я воображаю, будто былъ тамъ вмѣстѣ съ вами. Цигнеусъ уѣзжалъ куда-то дня на три, такъ что я ему еще не сообщилъ той части разговора, которая до него относится. Замѣчаніе о томъ, что нѣкто изучалъ *мои творенія*—уморительно; исполненія извѣстнаго плана я и желаю и боюсь; за будущіе успѣхи учениковъ ручаться нельзя, потому что все ихъ вниманіе обращено на множество предметовъ, которые они по справедливости считаютъ для себя важнѣе русскаго языка. Чѣмъ можетъ быть возбуждена ихъ ревность къ изученію его? Литература еще бѣдна, языкъ труденъ и молодъ; одна любовь могла бы сильно подѣйствовать въ этомъ отношеніи, и вотъ почему русскіе не должны бы ничего упускать, чтобы привлечь къ себѣ сердца здѣшняго юношества. Въ естественномъ ходѣ вещей историческая непріязнь должна жить еще два-три поколѣнія. По этой-то причинѣ предположенная нами книга

важнѣе, нежели многіе изъ насъ думаютъ, и поэтому-то она непремѣнно должна выйти и на шведскомъ языкѣ. Я получилъ сегодня письмо отъ Эмана [1]). Онъ во второй разъ уже предлагаетъ эту идею и ручается, что по крайней мѣрѣ въ Финляндіи книга будетъ покупаться много. По его плану надобно напечатать ее для Россіи только на русскомъ языкѣ, для Финляндіи же — на русскомъ и на шведскомъ; переводъ на шведскій былъ бы порученъ лектору русскаго языка въ Борго Хонгелину. Сверхъ того, Эманъ пишетъ, что хорошо бы изготовить все къ декабрю, когда студенты уѣзжаютъ домой. Онъ и Рунебергъ обѣщаютъ прислать статьи свои въ началѣ ноября по нов. ст. Что касается до другихъ, то я теперь начну торопить всѣхъ лѣнивцевъ и хочу дѣйствительно писать къ сіятельствамъ и къ преосвященству: кажется, они не намѣрены приняться за работу, пока ихъ порядкомъ не толкнутъ. Объясните и вы съ своей стороны первымъ, какъ важно появленіе книги. Но въ вашей статьѣ — въ предисловіи, по моему мнѣнію, лучше бы вовсе не распространяться о нашей сходкѣ, а только сказать, что во время юбилея случайнымъ образомъ сошлось нѣсколько литераторовъ, какъ русскихъ, такъ и финляндскихъ, изъ которыхъ старшимъ былъ Францѐнъ. Время, въ которое это случилось, было такъ замѣчательно для финляндцевъ, что *нѣкоторые* изъ бывшихъ тутъ литераторовъ, хотя многіе изъ нихъ вовсе не принадлежатъ къ числу знаменитыхъ, вздумали, чтобы продлить воспоминаніе объ этомъ времени, написать по статьѣ для книги, которой предме́томъ была бы Финляндія, потомъ приступить къ описанію юбилейныхъ празднествъ и тѣмъ заключить. Я жалѣю, если вы въ Современникѣ вошли въ слишкомъ большія подробности насчетъ нашей сходки; впрочемъ, вы всегда бываете такъ благоразумно-осмотрительны, что, конечно, ничего лишняго не сказали. Булгарина въ одной газетѣ ужъ отхлестали. Цигнеусъ хватилъ *шуточно* ѣдкой статьей (въ Helsing. Morgonblad, Утренній Листокъ) подъ заглавіемъ: *Herr Thaddeus Bulgarin's Trolldom* (Колдовство г. Ѳаддея Булгарина). Онъ острыми шутками доказываетъ, что Булгаринъ не иной кто, какъ колдунъ, который своимъ волшебнымъ жезломъ вызываетъ на свѣтъ событія, какихъ не бывало, а тѣ, которыя случились, мигомъ уничтожаетъ и все перемѣшиваетъ по произволу. Впрочемъ, Цигнеусъ вовсе не касается выходки противъ насъ и ограничивается въ концѣ урокомъ, что „Архіепископъ финскій есть Мелартинъ, а не Цигнеусъ". Эманъ пишетъ, что онъ съ удовольствіемъ выведетъ все на чистую воду и благодаритъ за присылку Пчелы: онъ сбирается махнуть въ будущемъ №. Для книги нашей сбирался я приготовить переводъ разныхъ стихотвореній

[1]) Иванъ Эдуард. Эманъ, лекторъ исторіи въ прогимназіи въ Борго, журналистъ и издатель мѣстнаго Литературнаго Листка (и братъ книгопродавца Эмана).

Францѐна, Рунеберга, Цигнеуса и проч. Въ такомъ случаѣ статья моя почти готова уже. Но теперь раздумываю, не лучше ли написать либо исторію здѣшняго университета, либо очеркъ исторіи знаменитѣйшихъ людей Финляндіи, либо взглядъ на исторію Финляндіи. Предметъ этихъ статей имѣетъ болѣе важное для всѣхъ насъ значеніе, особливо въ настоящемъ случаѣ. Что вы думаете? Усовѣстите Одоевскаго и Сологуба тѣмъ, что вѣдь отъ каждаго требуется всего-то одинъ печатный листишка или хоть меньше. Тегнеру, говорятъ, получше: онъ съ сыномъ поѣхалъ въ Шлезвигъ лѣчиться въ тамошнемъ знаменитомъ учрежденіи для сумасшедшихъ.

Фуруельма я давно не видѣлъ и не могъ еще сказать ему вашего комплимента. Если я сдѣлалъ ошибку, разсказавъ то (знаете!), то пеняйте на себя: сами писали, чтобы я это сдѣлалъ. Но будьте спокойны: я послѣ того имѣлъ знаки прежней милости отъ обоихъ. И аристократическая гордость, какъ все человѣческое, готова поподличать, чтобы выиграть. Но напрасно я такъ выражаюсь: этимъ подтверждается только, что они благородные люди.

На счетъ видовъ на мою помощь въ урокахъ будьте также спокойны: я не только за грошъ, да и за милліоны не продамъ независимости, какою теперь пользуюсь. Что вы не изучаете Рейна и моихъ статей, тому я не удивляюсь, и еще менѣе тѣмъ обижаюсь, но по участію, какое принимаете вы въ Финляндіи, желалъ бы, чтобы вы— изъ этихъ ли, изъ другихъ источниковъ—короче съ нею ознакомились. Жалуетесь вы на недостатокъ времени. Попробуйте дѣлать то, что я началъ: поутру назначать себѣ строго, что̀ въ теченіе дня вы должны дѣлать въ тѣ и тѣ часы. Конечно, много есть непредвидѣнныхъ случаевъ, которые могутъ мѣшать намъ; но тогда надобно не сдѣланное сегодня *непремѣнно* сдѣлать завтра; разумѣется также, что тутъ потребны жертвы: напр., чтобы заняться чѣмъ-нибудь серіозно, надобно поотказаться отъ общества, но скажите: когда же и гдѣ что бы ни было порядочное могло быть сдѣлано безъ жертвъ? Идея ваша образовать корректора для Современника прекрасна: на это занятіе, дѣйствительно, вамъ не должно губить время: пусть его справляетъ тотъ, кому минуты менѣе дороги и кто ихъ не можетъ употребить съ большею пользою.

Дополненіе *къ дѣлу* о Булгаринѣ: написавъ Эману два очень рѣзкихъ письма объ этомъ негодяѣ и много кричавъ о немъ съ друзьями, я потомъ очень раскаивался, что увлекаюсь первыми впечатлѣніями и до такой степени не только унижаю, но и компрометирую себя. Я даже спрашивалъ себя: имѣю ли я право говорить объ его ошибкахъ въ фактахъ: еслибъ кто сталъ строго разбирать мои собственныя мараньа о Финляндіи, то, можетъ быть, также нашелъ бы бездну ошибокъ. Только я немножко потщательнѣе вникаю въ предметы. Но стоитъ ли огорчаться его

выходками и враньемъ? Чтобы отвѣчать, надобно бы увѣреннымъ быть, что насъ прочтутъ столько же человѣкъ, сколько читаютъ его,—иначе напрасно и даже смѣшно терять слова; онъ всегда одолѣетъ насъ, потому что имѣетъ къ тому средства и, слѣдовательно, даже благоразуміе требуетъ молчать. Притомъ надо знать, передъ кѣмъ оправдываешься; но если большая часть слушателей раздѣляетъ мысли и чувствованія пошлеца, то опять смѣшно говорить передъ ними тономъ, котораго они не разумѣютъ. Впрочемъ, *если* Булгаринъ будетъ вести себя слишкомъ непозволительно противъ насъ, то въ письмѣ, которое пришлю вамъ для будущаго Современника (о періодической литературѣ въ Финляндіи въ послѣдніе мѣсяцы), переведу и статьи, напечатанныя здѣсь противъ него,—переведу какъ ни въ чемъ не бывало, безъ желчи и злобы, а какъ вещь относящуюся къ предмету.

Четвергъ, 10 октября.

Продолжаю отвѣчать на второе ваше письмо. Что Пушкины, какъ вы выражаетесь, въ восхищеніи отъ меня, это было бы очень лестно, еслибъ было вѣроятно. Надѣюсь, что вы сами ясно понимаете силу и значеніе словъ такихъ господъ, когда рѣчь идетъ о чемъ-нибудь, что считается ниже ихъ; да еслибъ этого и не было, то все-таки нечѣмъ мнѣ обольстить кого бы ни было, и слышать такіе комплименты, какъ слишкомъ гиперболическіе и загадочные, для меня всегда тяжеловато. Бѣдные вы — на этомъ обѣдѣ и па улицѣ въ дождь безъ коляски и калошъ! Охота вамъ лѣзть изъ кожи вонъ для Матильды! Да полно, всѣмъ ли она такъ понравится, какъ вамъ? Она уже здѣсь съ матерью недѣли полторы, но я ихъ еще не видѣлъ.

Въ прошлую пятницу (4 октября) былъ я поутру съ 9 до 10 час. въ университетѣ на лекціи Рейна: онъ читалъ изъ исторіи Финляндіи эпоху около 1740 года и изображалъ тогдашнее состояніе дѣлъ въ Швеціи. Сначала читалъ онъ вяло, но послѣ оживился, — все по тетради. Студентовъ было около 20-ти. Онъ читалъ не долѣе $^3/_4$ часа. Изъ университета мы вмѣстѣ пошли гулять, на скалѣ обсерваторіи стояли долго и восхищались (вотъ ужъ это не комплиментъ) чудеснымъ видомъ. Въ этотъ день обѣдали у насъ свеаборгскій нашъ родственникъ офицеръ Линкъ [1]) и жена его; они ужъ были поутру, но я, по обыкновенію, сидѣлъ у себя, двери на замокъ. Позже былъ я на почтѣ, но ждалъ, уходилъ и опять ждалъ; отъ худыхъ дорогъ почта стала приходить позже и теперь за письмами надобно ужъ посылать не прежде, какъ на другой день; но въ тотъ разъ я, однакожъ, получилъ ваше письмо. Вечеромъ былъ у меня Лундаль [2]), двоюродный

[1]) Двоюродный братъ Я. К., сынъ дочери пастора Якима Грота.

[2]) Юлій П., чиновникъ (переводчикъ съ русскаго) въ канцеляріи генералъ-губернатора, потомъ при финляндскомъ сенатѣ и, наконецъ, секретарь и начальникъ въ

братъ извѣстнаго вамъ; ему 22 года, онъ учитъ русскому языку у Грипенберга, хотя говоритъ плоховато. Онъ хорошо перевелъ разныя стихотворенія съ русскаго на шведскій языкъ и, между прочимъ, всю пѣснь о Полку Игоревѣ, но мало еще напечаталъ изъ своего перевода. Очень было бы для него полезно, еслибъ онъ могъ прочесть тѣ переложенія, какія у насъ сдѣланы изъ этой поэмы. У васъ есть переложеніе Деларю: если оно лежитъ безъ употребленія, пришлите на короткое время. Путешествіе Врангеля читается съ большимъ наслажденіемъ здѣшними учеными. Съ субботы до вчерашняго дня ходилъ я въ 12 час. въ гимнастическую залу и давалъ себя корчить; но больше — не пойду, надоѣло. Акіандеръ тамъ ежедневно.

Въ воскресенье утромъ получилъ изъ *финскаго литературнаго общества* письмо съ извѣщеніемъ, что я выбранъ въ члены и съ приложеніемъ устава общества. Потомъ былъ у Урсина, о которомъ слышалъ, будто онъ нездоровъ, однакожъ, поправляется. Между тѣмъ, сидѣлъ у насъ графъ Армфельтъ. Послѣ обѣда гулялъ у Синебрюхова[1]), вечеромъ сидѣлъ у баронессы Котенъ; мужъ игралъ въ кабинетѣ въ карты, а она принимала визиты: здѣсь и короткіе визиты дѣлаются преимущественно по вечерамъ, — это превосходно. Между прочимъ, былъ и старый Клинковстремъ, который съ нею обращается очень нѣжно.

Вчера были у меня Котенъ, Кастренъ, Готлундъ и Цигнеусъ, который очень благодаритъ васъ за ваши о немъ отзывы и много кланяется. Говорили, между прочимъ, о несправедливостяхъ, которыя дѣлаются въ консисторіи вслѣдствіе интригъ; замѣтили съ прискорбіемъ, что вездѣ и всегда при университетахъ бываетъ наиболѣе интригъ и профессоры — самый крамольный народъ. Правда ли это по вашимъ опытамъ? Но вотъ ужъ 9 часовъ. Прощайте.

36.

(Плетневъ — Гроту) *Спб., вторникъ, 8 октября 1840.*

Чтобы навсегда отстранить на будущее время всякія между нами недоразумѣнія, скажу вамъ сегодня, нисколько не прикидываясь, что хотя и могу я иногда быть въ дурномъ расположеніи духа, но когда сажусь писать къ вамъ, оно должно пройти и дѣйствительно проходитъ. Причинъ на это три: время, мѣсто и содержимое. Я пишу къ вамъ послѣ 12 часовъ ночи, когда всѣ спятъ, никто не мѣшаетъ мнѣ,

I отдѣленіи въ статсъ-секретаріатѣ финляндскомъ; онъ былъ дѣятельнымъ переводчикомъ съ русскаго на шведскій и съ шведскаго на русскій языки и сотрудникомъ Современника; былъ также нѣкоторое время редакторомъ газеты Helsingfors Tidningar. Много переводовъ изъ русской литературы помѣщалъ въ Helsingfors Morgonblad. 1838 — 1846 гг., ум. 1854 г.

[1]) Н. П., русскаго купца и фабриканта, устроившаго прекрасный большой садъ въ Гельсингфорсѣ.

и я курю сигару въ полномъ удовольствіи. Сажусь я въ залѣ противъ дверей кабинета, который растворяю: это даетъ прекрасную температуру и просторъ моему дыму; а безъ этого прежде я чувствовалъ въ кабинетѣ какую-то сырость и немножко горечи въ воздухѣ. Пишу я къ вамъ, держа всякій разъ передъ собою или ваше письмо, или журналъ свой: тамъ и здѣсь я чувствую ваше присутствіе, гельсингфорскую свободную жизнь и какое-то новое для меня состояніе духа съ тѣхъ поръ, какъ я поставилъ себѣ должностью каждый свой шагъ передавать вамъ, котораго я и люблю и уважаю, и въ кого перваго вѣрую, какъ въ себя. По симъ причинамъ вы на вѣкъ лишены права говорить мнѣ, что мое которое-нибудь письмо отзывается дурнымъ расположеніемъ духа. Не свое ли расположеніе видите вы во мнѣ, какъ въ зеркалѣ? Теперь пущусь отвѣчать.

Жаль, что пропадаетъ комната, нельзя ли устроить въ ней крошечную желѣзную печку? Хвалю за душъ Чепурнова и Веттергофа за кресла; я самъ предпочитаю заниматься на плетёномъ стулѣ: болѣе наработаешь. Брунѐру поклонитесь: я нашелъ въ его критикѣ много эстетическаго чувства и свѣтлаго ума. Переведите ему лучшія изъ моихъ замѣтокъ на книги и вообще на литературу. Онъ сходится со мной. Я то же думаю, что на Булгарина лучше плюнуть, нежели биться съ нимъ. Хорошо бы при случаѣ треснуть его по щекѣ, да и отойти по совѣту Пушкина: „И поучительной лозой зоила хлещетъ мимоходомъ“.

Изданіе русскаго журнала въ Гельсингфорсѣ не предпринимайте пока. Кто на него подпишется? Другое дѣло — листокъ разъ въ недѣлю, гдѣ бы слить новости книжныя съ новостями двора и политики. Для журнала дѣльнаго еще не пришло время тамъ, гдѣ мало знаютъ русскій языкъ. Квиткѣ я написалъ, что онъ можетъ дать въ Маякъ все, что хочетъ, но я отказываюсь быть посредникомъ и отослалъ его въ типографію Фишера, гдѣ лежатъ оригиналы Холявскаго и Столбикова (нόвый романъ его). Отъ Современника не откажусь и безъ Квитки. Ужели вы, Александра Осиповна, да я не наполнимъ чѣмъ-нибудь четырехъ книжекъ. Все равно: подписчиковъ и теперь не было лишнихъ, а 300 авось всегда останется по привычкѣ. Современникъ все будетъ острасткою для негодяевъ-торгашей. Теслеву я уже писалъ давно. Мысль ваша: что̀ значитъ *мало* дѣлать для людей, и что̀ *ничего* — справедлива глубоко. Но въ отношеніи ко мнѣ я ее не понимаю. Что значитъ: *мои уши далеко слышатъ?* Вы воображаете, что я внутренно недоволенъ неисправностью вашихъ отвѣтовъ, хоть и молчу. Совсѣмъ не такъ. Я люблю ваши письма, но всегда предпочту, когда они пишутся по необходимости вашего сердца, а не по обязанности отвѣчать. Если я слишкомъ исправенъ, это больше изъ мелочности и упрямства, что̀ у васъ замѣнено высшею властью души надъ всѣмъ.

Странно, что, не понявъ моей ироніи насчетъ выраженія Чепурнова, вы вообразили, будто я не напалъ на точку его ошибки, т. е. глупости или невѣжества. Перечтите еще мои слова, и вы увидите, что я говорю о томъ же, что̀ вы такъ серіозно мнѣ толкуете. Насчетъ уваженія къ нему я готовъ дѣлить ваши чувствованія, ибо точно считаю его очень честнымъ человѣкомъ.

Волконскій не ниже, а выше меня. Но я просилъ его приватно заставить секретаря цензурнаго комитета учинить для меня справку, коей еще не получалъ. Вы справедливо разсуждаете о деньгахъ. Но у меня недостаетъ терпѣнья, ни смыслу, чтобы съ ними возиться благоразумнѣе, вѣроятно, потому, что я поздно почувствовалъ ихъ избытокъ и вдругъ увидѣлъ себя обезпеченнымъ на все будущее время. Насчетъ знати надобно признаться, что хоть она и неудовлетворительна, но все полезна, ибо ея созерцаніе и близость съ нею пробуждаетъ въ душѣ много идей и помогаетъ къ пріобрѣтенію практическихъ свѣдѣній. Переводите для меня существенное, что о Ѳаддеѣ говорено будетъ въ разныхъ вашихъ листкахъ. О книжной вашей торговлѣ я узналъ отъ Путяты, что она той же подлежитъ цензурѣ, какъ и наша. Не удалось еще мнѣ заглянуть въ уставъ Александровскаго университета. Можетъ и дѣйствительно тамъ нѣтъ оглавленія.

О Фритіофѣ, кажется, нѣтъ у меня противорѣчія. Вы сказали, что я предубѣжденъ противъ этой поэмы. А я говорю — нѣтъ; только нельзя ее читать съ такимъ удовольствіемъ, какъ читаешь Иліаду, гдѣ со всѣмъ знакомъ. Придетъ время, когда шведы превратятъ всѣ преданія ихъ старины въ картины, статуи, повѣсти, трагедіи и проч.; тогда, привыкнувъ на легкомъ, станемъ свободно читать и серіозное. Но это не отнимаетъ нисколько цѣны у вашего труда. Напротивъ, онъ для насъ и будетъ началомъ того, къ чему должны вести насъ шведы сами. Александра Осиповна и я съ истиннымъ удовольствіемъ приготовились перечитывать вашъ переводъ. Очень радъ, что мое слово о сынѣ Урсина пригодилось его сыну. Кланяйтесь имъ, да велите молодымъ вояжерамъ [1]) непремѣнно заѣхать ко мнѣ на домъ. Порученіе Вульферта о рескриптѣ непремѣнно будетъ исполнено. Корреспондентами министерства народнаго просвѣщенія называются путешественники, вызвавшіеся добровольно присылать какія-либо любопытныя свѣдѣнія въ министерство изъ чужихъ краевъ; а званіе корреспондентовъ имъ даетъ доступъ часто туда, куда бы и не заблагоразсудили ихъ впускать, какъ партикулярныхъ людей, напримѣръ, въ музеумъ, библіотеку и проч. Завидую участи, ожидающей Сальберга, но самъ я не въ состояніи бы былъ закупориться въ деревнѣ. Для этого надо быть безстрастнымъ и не втянутымъ въ свѣтъ.

[1]) Молодымъ финляндцамъ, ѣхавшимъ учиться въ Москву.

Суббота (5 октября) прошла по обыкновенному (см. этотъ день въ прежнихъ письмахъ), кромѣ того, что до $4^1/_2$ ч. у меня была ужаснѣйшая головная боль. Утро, воскресенье (6 октября) весело мнѣ было, потому что наканунѣ подписалъ я послѣднюю корректуру Современника, который и вы скоро получите: 27 печатныхъ листовъ, каковъ толстякъ! Утро понедѣльника (7 октября) прошло въ визитахъ: былъ у Вяземскаго. Ему надо уѣхать заграницу. У него еще дочь умираетъ. Онъ непремѣнно хочетъ напечатать собраніе своихъ сочиненій. Былъ у Растопчиной [1]), которая недавно пріѣхала. Послѣ былъ у Норова [2]) и Лекса [3]). Оба скучноваты. Послѣ обѣда писалъ къ Квиткѣ и отправился на вечеръ къ Александрѣ Осиповнѣ. По отъѣздѣ гостей читалъ ваши письма. Ал. Ос. ревнуетъ, зачѣмъ вы ко мнѣ гораздо болѣе пишете, нежели къ ней. Таковы женщины: у нихъ безъ ревности ни на мигъ. Во вторникъ (8 октября) поѣхалъ въ Царское Село. Живописица [4]) немножко надулась, что я опоздалъ къ ней получасомъ. Я тоже капельку надулся. При разговорѣ о Жуковскомъ, про котораго ей вздумалось сказать что-то неблагосклонное, я принялъ смѣлость выразиться такъ: „Люди, какъ здѣсь мы находящіеся, родятся всякій день, а Жуковскіе разъ въ столѣтіе. Кто не цѣнитъ Жуковскаго, тотъ болѣе теряетъ, нежели онъ,— подобно тому, какъ кто, смотря на звѣзду, будетъ говорить: это грязь,— такъ звѣзда ничего не утратитъ, а говорящій затмитъ себя". Такъ и разстались холодненько, прочитавъ нѣсколько мелкихъ пьесъ Пушкина.

37.

(Плетневъ — Гроту) *Спб., суббота, 12 октября 1840.*

Теперь послѣ полудня ровно часъ. Вообразите ужасъ мой, когда я вспомнилъ, что съ вечера не приготовилъ письма къ вамъ, милый Яковъ Карловичъ. Причиною несносная простуда, въ которой я уже больной воротился отъ Балабиныхъ. Не чувствуя себѣ облегченія и сегодня, рѣшился не быть въ университетѣ. Этотъ безпорядокъ въ однообразной жизни отнялъ у меня память — и я только сію минуту почувствовалъ, какой грѣхъ лежитъ на душѣ моей. Надѣюсь, однако же, что мое письмо не опоздаетъ. Середа (9 октября) прошла въ своемъ обыкновенномъ видѣ. По отправленіи къ вамъ письма, былъ въ университетѣ. Обѣдалъ дома съ Оли и Александрою Осиповною. Послѣ

[1]) Графини Евдокіи Петровны, извѣстной поэтессы, ум. 1858.

[2]) Авр. Сергѣевича, писателя, путешественника по востоку, впослѣдствіи (въ 50-хъ гг.) министра народнаго просвѣщенія, ум. 1869 г.

[3]) Михаила Ивановича, директора хозяйственнаго департамента министерства внутреннихъ дѣлъ, потомъ сенатора и товарища министра внутреннихъ дѣлъ, ум. 1856 г.

[4]) В. К. Ольга Николаевна.

обѣда попросилъ читать себѣ вышедшее на-дняхъ путешествіе Норова по Египту и Нубіи. Странный этотъ авторъ Норовъ. Скученъ! Между тѣмъ всѣ его книги напичканы цитатами изъ греческихъ, латинскихъ, англійскихъ, французскихъ и итальянскихъ авторовъ. Но въ собственномъ его слогѣ господствуетъ вялость, какъ и въ его разговорѣ.

Въ четвергъ обѣдалъ я дома одинъ (не упоминаю о старушкахъ [1]), всегдашнихъ моихъ собесѣдницахъ). Вечеромъ поѣхалъ къ Смирновой, куда прибыла и Растопчина. Болтали разное. На послѣднее время вечера отправился-было я къ Балабинымъ, но не засталъ ихъ дома. Тогда я пустился къ Карамзинымъ, гдѣ и оставался до часу. Былъ и Вяземскій; Смирнова тоже пріѣхала. Вы уже знаете, что я нахожу подобіе тамошняго общества съ птичнымъ дворомъ. Всѣ чирикаютъ недвижимо, раздѣлясь на кружки. Въ пятницу (11 октября) въ Царскомъ Селѣ В. К. Ольга Николаевна попросила меня заняться нашимъ чтеніемъ въ кабинетѣ Императрицы, которую я нашелъ за работою: Она рисовала цвѣты на маленькихъ дощечкахъ. Мы принялись за Ярмарку, новую повѣсть Квитки въ № 4 Современника. Много было разныхъ съ моей стороны присказокъ по случаю чтенія. Наконецъ, по истеченіи часа, нахлынули къ намъ Невѣста, Александра Николаевна, и въ заключеніе самъ Царь. Видя, что они готовы болѣе къ завтраку, нежели къ слушанію, я откланялся. Суббота (12 октября) началась чтеніемъ ругательной статьи Булгарина на Соловьева (№ 231 Сѣверной Пчелы), гдѣ даже не забыта исторія взятія за носъ!! [2]) Не знаю, чѣмъ будетъ отвѣчать Соловьевъ на эту выходку. Но соперники другъ друга стоятъ.

38.

(Гротъ — Плетневу) ***Гфорсъ, вторн. 15 окт., 1840.***

Развертывая сегодня утромъ послѣднее письмо ваше, милый Петръ Александровичъ, я по рѣдкости буквъ уже заключилъ, что вы по какой-нибудь причинѣ необыкновенно торопились; но какъ обезпокоило меня извѣстіе, что вы не совсѣмъ здоровы! Видите ли, что и съ желѣзной натурой надобно быть осторожнымъ, а вы слишкомъ мало бережете свое *здоровье*. Воспользуйтесь хоть горестнымъ примѣромъ Протопопова: не даромъ я тревожился о немъ и просилъ васъ провѣдать, что̀ онъ дѣлаетъ (а вы христіанинъ! позабыли о томъ); во все это время онъ страдалъ и, наконецъ, написалъ мнѣ письмо, которое я посылаю вамъ въ подлинникѣ; этотъ человѣкъ прежде не зналъ, что такое болѣзнь и по безкорыстному усердію къ службѣ работалъ въ настоящемъ

[1]) Родственницахъ П. А.; изъ нихъ одна — его тёща, мать первой жены.

[2]) Она вызвана безтактнымъ отношеніемъ С. къ студентамъ; подробностей не знаемъ.

смыслѣ день и ночь,—спалъ часто не болѣе 3-хъ часовъ въ сутки! Я боюсь, что и вамъ ночныя бдѣнія не сойдутъ съ рукъ; лучше ограничьте дневные выѣзды, да ложитесь пораньше спать.

Очень радъ, что мое замѣчаніе на счетъ *ничего* и *мало* оправдалось для меня вдругъ двоякимъ образомъ: вы его подтвердили *словами*, Александра Осиповна *дѣломъ*, посердившись на меня за короткое письмо. Но позвольте, сударыня, замѣтить, что меня тутъ поражаетъ одна странность: если васъ интересуютъ извѣстія обо мнѣ, то почему вамъ не все равно—находите ли вы ихъ въ письмѣ къ другому или къ себѣ? Вѣдь для меня рѣшительно одно и то же, пишу ли я ихъ на этомъ или на томъ листкѣ; но—вы не провели шести недѣль въ Гельсингфорсѣ, вы не знаете всѣхъ здѣшнихъ моихъ знакомыхъ, всѣхъ здѣшнихъ закоулковъ и дѣлишекъ: удивительно ли, что я не вамъ пишу обо всемъ этомъ? а между тѣмъ нельзя же мнѣ всего своего времени посвящать перепискѣ, и каждый разъ могу я писать только *одно* длинное письмо. Чтобы впередъ не обижать ни Петра Александровича, ни Александры Осиповны, я буду всегда писать имъ обоимъ вдругъ. Оно и естественно: если оба читаютъ мои письма, то гораздо же проще обращаться къ обоимъ заразъ, нежели къ каждому особо. У васъ, любезный Петръ Александровичъ, я прошу съ раскаяніемъ извиненія, что хоть немножко огорчилъ васъ предположеніемъ, будто вы писали письмо въ хандрѣ; Ал. Ос. отплатила мнѣ такимъ же сужденіемъ о моихъ послѣднихъ письмахъ,—двойное доказательство, что перо не всегда въ точности можетъ отражать расположеніе духа пишущаго. Можетъ быть, я въ торопяхъ искалъ самыхъ мѣткихъ и простыхъ выраженій, а вамъ, мм. гг., они показались плодомъ „невдухости“. Будемъ же впредь болѣе довѣрять другъ другу и не давать пустымъ признакамъ вводить насъ въ заблужденіе, хотя не опасное для нашего союза, но все-таки лишнее.

Въ моемъ глупомъ выраженіи: „уши мои далеко слышатъ“ виноваты вы, старушка-разсказчица! Ужъ покайтесь: что дѣлать, посплетничали! Оно старушкамъ простительно. Кто писалъ мнѣ, что, молъ, Петръ Александровичъ васъ началъ бранить, когда увидѣлъ, что остальной листокъ—не продолженіе письма? Вотъ, Петръ Александровичъ, на комъ взыщите за мое невѣжество.

На меня есть претензіи и съ другихъ сторонъ: сестра говоритъ, что дамы Корфъ очень сердиты за то, что я имъ вовсе не пишу изъ Финляндіи, но я спрашиваю: если уже люди, которыхъ я назвалъ однажды *необыкновенная женщина*, способны къ слабостямъ такого рода, то какой бы критикѣ подверглись мои письма къ женщинамъ не столь необыкновеннымъ? Тутъ бы нашли недоговорку, тутъ обмолвку, тамъ переговорку, здѣсь притворство, тутъ излишнюю откровенность и т. д. Право ужъ лучше не писать ни строчки, нежели рисковать, что не будешь понятъ.

Радуюсь выходу Современника; но какъ туда попали стихи мои (юбилейные)? вѣдь кажется предполагалось напечатать ихъ въ книгѣ, которую мы готовимъ, при каковомъ случаѣ я намѣренъ былъ вовсе упрятать ихъ подъ спудъ; но что сдѣлано, то сдѣлано, vogue la galère!

Четвергъ, 17 октября.

Никакъ не могу согласиться, что 12 надобно производить отъ *двое*надцать и писать: *две*. Во-1-хъ, какъ могло произойти такое уродливое сокращеніе? укажите примѣръ, гдѣ бы выкинута была буква *о*, да еще тогда, когда на ней удареніе, чтобы уступить сосѣдней гласной безъ ударенія? Какъ могло произойти такое аномальное сокращеніе? Во-2-хъ, почему же не та же форма замѣчается въ 13, 14, 15 и т. д. По вашему выходило бы *трое*надцать, *четверо*надцать, *пятеро*надцать или по сокращеніи: *тре*надцать; но такъ какъ этого нѣтъ, то и въ 12, по всей вѣроятности, употреблена форма *два*, а не *двое*, но *два* въ двойственномъ числѣ средняго рода, т. е. *двѣ*, точно такъ же, какъ въ *двѣстѣ* или *сти*. Въ этомъ я убѣжденъ.

Александра Осиповна пишетъ мнѣ объ успѣхахъ принцессы Ольденбургской въ русскомъ языкѣ и горюетъ, что скоро надо будетъ приняться за склоненія и спряженія; но ужели нельзя съ людьми взрослыми избѣжать необходимости толковать a priori? Прежде лучше пріучить ухо къ звукамъ и къ видоизмѣненіямъ частей рѣчи, а послѣ проходить систематически правила, которыя отъ того сдѣлаются легче. Я слѣдую этой методѣ въ финскомъ и нахожу ее прекрасною.

Желаніе ваше, Петръ Александровичъ, на счетъ Брунѐра трудно исполнить, потому что онъ ни слова не знаетъ по-русски; мои стихи были ему кѣмъ-то переведены слово въ слово; но, можетъ быть, удастся выбрать на это кого-нибудь другого, да жаль: всѣ газеты здѣшнія ужасно коротки и статьи порядочнаго объёма негдѣ напечатать. Но посмотримъ со временемъ.

Вы прекрасно дѣлаете, продолжая Современникъ. Правда ваша: онъ всегда можетъ служить полезною оппозиціей противъ торгашей. Рейнъ вчера говорилъ мнѣ, что онъ названъ въ *Гамбургской газетѣ* въ исчисленіи лучшихъ русскихъ журналовъ. A propos: въ 82 № газеты Борго напечатана убійственная статья: „Нѣчто о Булгаринѣ, какъ писателѣ“. Здѣсь Эманъ сперва исчисляетъ заслуги его, не забывая ни польскаго происхожденія, ни Выжигина и т. п. Потомъ приступаетъ къ защитѣ затронутыхъ и переводитъ оба пошлые отрывка насчетъ великихъ писателей; отдѣлываетъ его вящшимъ образомъ и, наконецъ, хладнокровно заключаетъ: „Еслибъ кому удалось уговорить Булгарина, чтобъ пересталъ писать небылицы о Финляндіи, то этимъ была бы оказана услуга и русскимъ и финнамъ“. Жаль, что довольно большой объёмъ статьи не позволяетъ перевести изъ нея поболѣе: все очень

рѣзко и справедливо. Эманъ сбирается писать о русской литературѣ съ Кёнигомъ въ рукахъ. Но здѣшніе жители вообще не одобряютъ нападокъ на Булгарина, говоря, что они должны быть ему благодарны, хотя онъ и вралъ; въ № Пчелы, гдѣ говорится о Выборгской губерніи, онъ въ своихъ гипотезахъ превзошелъ самого себя: недосягаемый верхъ дерзкаго невѣжества! Въ статьѣ на Соловьева критикъ часто дѣлаетъ промахи хуже автора и показываетъ такое же незнаніе нѣмецкаго языка. Слова ваши, П. А., живописицѣ смѣлы; пожалуйста, будьте впередъ осторожнѣе, чтобы не разсориться съ такою прекрасной ученицею.

Въ четвергъ (10 октября) писалъ я письма къ Францѐну, Ленроту, князю Одоевскому и графу Сологубу о томъ, что надо торопиться. Францѐну разсказалъ мимоходомъ и о женитьбѣ Жуковскаго, какъ контрастѣ съ судьбою его сверстника Тегнера. Одоевскому послалъ письмо въ субботу; письмо къ Сологубу, которое списано съ письма къ Одоевскому слово въ слово, за исключеніемъ мѣстоименія *вы* и *ты*, посылаю вамъ, потому что не знаю — въ Петербургѣ ли Сологубъ; притомъ онъ живетъ отъ васъ недалеко, и вы вѣрно не откажетесь послать ему это письмо. Русскія буквы могутъ быть здѣсь не ранѣе декабря, такъ что нашей книгѣ не выйти никакъ ранѣе января или февраля. При всемъ томъ торопите ихъ. Эманъ и Рунебергъ уже готовы; статья послѣдняго еще въ дорогѣ, а Эманова у меня на столѣ; но такъ какъ она немножко входитъ въ область политики (въ ней говорится объ языкахъ финскомъ, шведскомъ и русскомъ въ Финляндіи подъ заглавіемъ: *воспоминанія и надежды во время юбилея 1840 г.*), то я намѣренъ созвать для обсужденія ея комитетъ изъ Цигнеуса, Кастрена, Готлунда и Рунеберга, который скоро пріѣдетъ на время сюда. Торопите сіяющихъ.

Вечеръ субботы я долженъ былъ удѣлить Вульфертовымъ. Наканунѣ получилъ я приглашеніе крестить у нихъ. Здѣсь призывается къ этому человѣкъ 10, 15 и 20 кавалеровъ и дамъ, вмѣстѣ. Когда собрались въ 5½ часовъ, возлѣ пастора стала генеральша Теслева съ ребенкомъ на рукахъ; направо отъ нея рядъ дамъ, прежде замужнія, послѣ дѣвицы; противъ нихъ кавалеры въ такомъ же порядкѣ, т. е. женатые и холостяки; меня поставили противъ сестры Ц—са, которая настоящее чудо, если она такъ же умна, какъ дурна! По окончаніи очень простой церемоніи, подавали пуншъ, конфекты, чай.

Въ понедѣльникъ рано поутру получилъ зовъ обѣдать у Теслева въ 2 часа,— вотъ какой добрый старикашка: я у него не былъ даже съ визитомъ. Обѣдъ былъ отличный, насъ было человѣкъ 25, все мужчины, кромѣ жены, которой старикъ представилъ меня по-нѣмецки и которая на этомъ же языкѣ говорила со мной: русскій знаетъ плохо. Подъ конецъ, за шампанскимъ, старикъ пилъ по-шведски тостъ за финансы и промышленность Финляндіи: тутъ были два желѣзнозаводчика. Я говорилъ

Теслеву о полученномъ вами письмѣ. Поутру встрѣтилъ Сальберга, который поручилъ увѣдомить васъ, что дипломы докторства еще не отосланы единственно оттого, что еще не рѣшено, на какой гербовой бумагѣ они должны быть написаны; до сихъ поръ бывали только дипломы на магистерство по философскому факультету. Вечеромъ пришли ко мнѣ Акіандеръ, Готлундъ и Кастренъ, послѣдній—для урока, который я потому и принужденъ былъ взять при гостяхъ; разумѣется, не обошлось безъ спору между учителемъ и слушателями, особливо Готлундомъ. Готлундъ приходитъ ко мнѣ рѣшительно всякій почтовый день, чтобы узнавать, нѣтъ ли отвѣта по его порученіямъ. Что же въ самомъ дѣлѣ вы не приведете въ ясность сомнѣнія о персидскихъ финнахъ? Не пріѣхалъ ли Максимовичъ? Напомните ему о просьбѣ Готлунда! Послѣ обѣда пошелъ къ Грипенбергу читать съ нимъ здѣшнія газеты; онъ не видитъ и предложилъ мнѣ читать ему вслухъ, обѣщая поправлять ошибки и чтобъ вмѣстѣ толковать о томъ, о семъ. Я согласился съ удовольствіемъ, но послѣ перваго чтенія Грипенбергъ началъ уже деликатиться, ибо вы, молъ, не извлечете изъ этого никакой пользы, читаете безъ ошибокъ. Однакожъ я радъ продолжать. Онъ отличный человѣкъ: въ немъ нѣтъ ни капли всеобщихъ недостатковъ; онъ прямъ, простъ, добродушенъ и честенъ необыкновенно; однимъ словомъ, человѣкъ совершенно особеннаго рода. Онъ *никуда* не ходитъ; все поприще его дѣятельности ограничивается школой (которой онъ пожертвовалъ самыми блестящими видами и предложеніями правительства) и—сараемъ, гдѣ стоитъ изобрѣтенная имъ машина для обсѣмененія полей. За нею онъ безпрерывно работаетъ и дѣлаетъ вычисленія въ свободные часы съ бумагой и карандашемъ въ рукахъ. Онъ употребляетъ ее въ своей арендѣ уже много лѣтъ и очень доволенъ результатами; онъ ѣздилъ для нея въ Петербургъ, но безъ успѣха. Его не поняли, — не первый примѣръ участи такихъ людей! Всѣ его очень уважаютъ здѣсь и только считаютъ прожектеромъ, о чемъ онъ самъ говоритъ равнодушно и умно. У него болѣе 30-ти дѣтей въ школѣ. Онъ день цѣлый пьетъ воду; нравъ кроткій и любезный, ростъ высокій, сложеніемъ худощавъ и гибокъ; лицо пріятное, склонное къ улыбкѣ; волосы совсѣмъ сѣдые, не смотря на возрастъ, 53 года; одежда—простая и скромная, на головѣ ермолка (иногда); рѣчь спокойная, но ясная, часто шутливая; походка твердая. Женатъ; имѣетъ 3-хъ дочерей, двухъ дома большихъ; 1 сынъ въ фридрихсгамскомъ корпусѣ, другой въ Петербургѣ военный; третій—вообразите!—говорятъ, умеръ на Кавказѣ, куда поѣхалъ драться. Какой ударъ готовится отцу!

Вчера былъ я позванъ съ утра обѣдать у Урсина въ 1 ч. съ ½. Я пришелъ туда *первымъ*, однакоже скоро стали всѣ сходиться: множество студентовъ, нѣкоторые профессора и другіе преподаватели; поводомъ къ обѣду былъ *Korf*, да,— не примите этого за шутку! *Korf* по-шведски

значитъ *колбаса*; ее добрые хозяева дѣлаютъ осенью, обыкновенно изъ рису, и въ первый разъ ѣдятъ съ своими знакомыми. Такой-то колбасный обѣдъ былъ и вчера. Ради Бога, не разсказывайте этого Ѳедору Ѳедоровичу [1]), а то въ цѣломъ семействѣ на меня поднимутся претензіи, что я сочиняю обидныя вещи! Я сидѣлъ между Рейномъ и Акіандеромъ. Какъ при васъ, пили безпрестанно „сколи" [2]), громко вызывая другъ друга; среди обѣда Урсинъ всталъ съ мѣста, подошелъ ко мнѣ и пилъ здоровье *нашего друга Herr Pletneff*: Рейнъ и Акіандеръ присоединились къ намъ. Вскорѣ послѣ стола разошлись. У меня есть полученная для васъ на-дняхъ отъ Урсина же книжечка объ университетскихъ чинахъ и студентахъ. Въ концѣ обѣда пили „сколь" хозяёвъ, при чемъ студенты составили хоръ и пѣли прелестныя пѣсни. Тогда ректоръ провозгласилъ тостъ за *сѣверную поэзію*, или, какъ говорится по-шведски, за *пѣснопѣніе на Сѣверѣ* (Sången i Norden): студенты снова запѣли финскія и шведскія пѣсни; прелесть! Вечеромъ пришли Кастренъ (въ этотъ день я беру урокъ съ 5 до 6, послѣ чего онъ обыкновенно остается), Рейнъ, Готлундъ, Нордстремъ и Векстремъ. Разговоръ былъ очень оживленъ. Векстремъ пришелъ узнать, не можетъ ли академія сама распорядиться, чтобы его талеры были отсюда препровождены въ Петербургъ: напишите, что думаете объ этомъ. Прощайте.

39.

(Плетневъ — Гроту) ***Спб., вторн., 15 окт. 1840.***

Отвѣтъ: Вниманіе умныхъ учениковъ, зная ихъ языкъ и нравы, пользуясь ихъ уваженіемъ и довѣренностью, не трудно обратить на предметы, столь занимательные для всякаго образованнаго человѣка, какъ исторія могущественнѣйшаго народа—политическая и литературная. Ревность можетъ быть возбуждена знаніемъ подробностей. Увлекаться не множествомъ новыхъ разсказовъ, а живостью и отчетливостью одного. Если въ томъ видѣ, какъ у Карамзина выведенъ Грозный или Годуновъ, удастся вамъ, Яковъ Карловичъ, вывести передъ слушателей нѣсколько историческихъ и литературныхъ дѣйствователей съ неизглаживающимися до сихъ поръ памятниками ихъ воли и ума, то безъ сомнѣнія вы привлечете къ лекціямъ своимъ всеобщее вниманіе. Для опыта, пока вы еще человѣкъ незакабаленный, напечатайте по-шведски въ какомъ-нибудь хорошемъ журналѣ двѣ статьи, напримѣръ: изъ Современника Пушкина выписки изъ Кониссотаго — о состояніи Малороссіи подъ властью польскихъ католиковъ, да изъ Державина — оду на воз-

[1]) Корфу.

[2]) Skål значитъ по-шведски — заздравный кубокъ, также *тостъ*; выраженіе это употребляется, когда пьютъ чье-либо здоровье.

вращеніе Зубова изъ Персіи, снабдивъ оба перевода необходимыми приличными дополненіями и объясненіями касательно эпохъ и самыхъ дѣйствующихъ лицъ,— я увѣренъ, что финляндцы, разумѣю — умные и любознательные, запрыгаютъ въ восторгѣ отъ вашихъ статей. Вотъ вамъ образцы, какъ надобно будетъ работать, а не составлять сухіе учебники. Готовьте студентовъ не для безмозглаго экзамена, а для пробужденія въ нихъ энтузіазма къ прекрасному и всему поразительному между нами, о чемъ и не грезилось имъ. Передъ голосомъ таланта замолкнетъ всякая историческая непріязнь, которая на бѣду нашу откармливаема была глупостями и свинствомъ людей въ родѣ пресловутаго С—ва.

Насчетъ изданія книги я согласенъ съ вами, а отъ участія не только не отказываюсь, но обѣщаю скоро исполнить обѣщанное. Только не берусь возиться съ сіятельными. Совѣтую вамъ написать имъ по разу, да сказать, что это-де я дѣлаю впослѣднее: буде исполненія не найдется, дѣло и безъ васъ обойдется. Ужели мы и вдвоемъ не наполнимъ нѣсколькихъ листовъ! Не будетъ только повѣстей: да чортъ ли въ нихъ для Финляндіи? Вѣдь это не наши читатели, для коихъ нѣтъ интереса ни въ поэзіи, ни въ исторіи, ни въ критикѣ. Получивъ Современникъ, вы увидите, какъ я говорилъ о промоціяхъ и обѣдѣ. Только непремѣнно сообщите мнѣ, какъ это покажется вамъ и прочимъ читателямъ между нашими знакомыми. Что ни сбирались вы готовить для этой книги, все прекрасно: и переводы изъ Францѐна, Рунеберга и проч., и исторія университета, и очерки финляндскихъ знаменитостей, и взглядъ на исторію Финляндіи. Можно составить коротенькія разныя статьи для всякаго изъ этихъ предметовъ. У васъ подъ рукой источники и изустная помочь столькихъ пріятелей, знающихъ дѣло. Не достанете ли вы рѣчи Лагуса, которую онъ читалъ въ библейскомъ обществѣ о распространеніи христіанства въ Финляндіи? Говорилъ мнѣ кто-то (кажется, графъ Ребиндеръ), что это прелесть! Если вы рѣшились надѣлить № 1 Современника 1841 г. своею статьею, то поспѣшите ее прислать. Уже семь листовъ набрано его. Я долженъ разсчитать величину статей и число печатаемыхъ листовъ. Нынѣшняго года два послѣдніе №№ меня совсѣмъ разорили. Прежде я хоть расплачивался съ типографіею изъ денегъ подписчиковъ, а нынѣ и того не могъ сдѣлать, единственно потому, что вмѣсто 20 листовъ печаталъ по 25 и 27 листовъ въ книжкѣ.

Изучать Финляндію по статистикѣ Рейна не могу: она суха. По вашимъ статьямъ изучаю, какъ видите изъ отчетовъ моихъ чтеній съ В. К. Ольгой Николаевной. Времени у меня точно мало, ибо есть много должностей. Отказаться отъ посѣщенія общества не намѣренъ, потому что это меня оживляетъ на работу. Изъ послѣдняго письма вы уже видѣли, какъ я считаю для насъ позволеннымъ касаться Булгарина. Богъ съ

Bayerische Staatsbibliothek München

нимъ! Мы люди — не для него рожденные. Для Матильды не грѣхъ лѣзть изъ кожи. А какое мнѣ дѣло, если она не всѣмъ такъ нравится, какъ мнѣ. Нетерпѣливо жду отвѣта изъ Мюнхена. Видно, Рейнъ лучше для кабинета, нежели для каѳедры, если онъ маленькую лекцію принужденъ излагать по тетради. Какъ читывалъ вашъ Шульгинъ—вспомните! Слово о Полку Игоревѣ я вамъ пришлю въ вѣчное владѣніе. И у насъ въ совѣтѣ то же бываетъ, что у васъ въ консисторіи. Это оттого, что изъ профессоровъ рѣдкіе принадлежатъ къ хорошему обществу и пользуются независимымъ состояніемъ. А безъ этихъ условій надобно быть истиннымъ философомъ, чтобы не впасть въ мелочи зависти и интригъ.

Воскресенье (13 октября) прошло по всегдашнему, кромѣ вечера, когда воротился домой, — я не нашелъ отъ васъ письма, и не зналъ изъяснить, что это значитъ. Въ понедѣльникъ (14 октября) вдругъ принесли два письма отъ П. Максимовича, а отъ васъ опять ни одного! Досадно! Но вотъ радость: явился какъ съ неба милый Гартманъ [1]). Я разцѣловалъ его. Перечиталъ съ нимъ и рескриптъ, и Цигнеуса, и свое о юбилеѣ. Онъ ничего не зналъ. Вообразите, что когда я дошелъ у себя до него и Францѐна, онъ заплакалъ, какъ дитя [2]). Отпустивъ его, написалъ рекомендательныя для него письма Шевыреву и Погодину и самъ отнесъ къ нему: онъ живетъ у Шернваля, — и простился съ нимъ на годъ. Въ четвергъ (18 октября) онъ ѣдетъ въ почтовой каретѣ въ Москву — слѣдовательно тамъ будетъ въ субботу (20 октября). Разскажите все это отцу его и поклонитесь ему отъ меня. Гречъ, Кукольникъ и Полевой купили у С. Глинки Русскій Вѣстникъ и будутъ издавать его единственно съ тѣмъ, чтобы убить Современникъ, Отечественныя Записки и Библіотеку для Чтенія.

Во вторникъ (15 октября) въ Царскомъ Селѣ. Читалъ В. К. Ольгѣ Николаевнѣ о юбилеѣ и Аттербомѣ. Она спрашивала, знаю ли я Котенъ; она ее помнитъ и очень ею восхищается. Передайте это баронессѣ съ прибавленіемъ, что и я восхищаюсь. Пріѣхавъ домой, нашелъ ваше письмо. Видно дурныя дороги задержали его лишнихъ два дня.

[1]) Молодой магистръ Карлъ Гартманъ (v. Haartman), сынъ генералъ-директора медицинскаго вѣдомства въ Финляндіи, бывшаго въ первомъ бракѣ женатымъ на Мар. Ел. Розинѣ Францѐнъ, внучкѣ знаменитаго шведскаго поэта, епископа (въ Hernösand'ѣ) Фр. Мих. Францѐна. Молодой Гартманъ, подобно другимъ молодымъ финляндцамъ (см. стр. 77), ѣхалъ въ Москву на счетъ университета для изученія русскаго языка.

[2]) Плетневъ въ своей статьѣ о юбилеѣ (см. его *соч.*, т. I, стр. 439) разсказываетъ, какъ еп. Францѐнъ на юбилеѣ университета, по финляндскому обычаю,— какъ болѣе 50 лѣтъ тому назадъ ставшій магистромъ — былъ снова увѣнчанъ магистер. лавровымъ вѣнкомъ, рядомъ со своимъ *внукомъ* (сыномъ дочери) *Гартманомъ*, получившимъ также магистерство въ этотъ день. О немъ и говоритъ здѣсь П. А.

40.

(Плетневъ — Гроту) ***Спб., пятница, 18 октября 1840.***

Журналъ. Середа (16 октября), прелестнѣйшій день, началась отправленіемъ экзекутора на почту. Онъ долженъ былъ отвезти письмо къ вамъ, милый Яковъ Карловичъ, и въ газетную экспедицію послѣдній за нынѣшній годъ № Современника. 19 экземпляровъ для финляндцевъ уже доставлены симъ же трудолюбивымъ экзекуторомъ въ канцелярію графа Ребиндера. Сверхъ того, отправлена книжка „Слово о Полку Игоревѣ“ въ ваше вѣчное и потомственное владѣніе. Приготовленъ къ отсылкѣ № журнала Министерства народнаго просвѣщенія. Какъ-то вы найдете № 4 Современника 1840 года? Какъ-то его найдутъ добрые мои соотечественники финляндцы? Это важные для меня вопросы, и я увѣренъ, что вы не откажетесь передать мнѣ въ подлинныхъ выраженіяхъ отзывы разныхъ лицъ. Вы тѣмъ меня наичувствительнѣйше обяжете.

Лишь только отпустилъ я экзекутора, какъ явились Заикинъ [1]) и Глазуновъ, купившіе изданіе 9, 10 и 11 томовъ сочиненій А. Пушкина. Просятъ, чтобы я не отказался быть опекуномъ печатанія. Какъ я ни отбивался, а долженъ былъ согласиться хоть мелькомъ взглядывать на ихъ работу. Еще пришелъ нѣкто Петрашевскій [2]), бывшій въ Константинополѣ драгоманомъ, полякъ, ищущій адъюнктскаго въ университетѣ нашемъ мѣста по каѳедрѣ турецкаго и персидскаго языковъ. Вотъ и еще пришелъ Дель [3]) походатайствовать о Форстерѣ [4]), прибывшемъ отъ васъ изъ университета, чтобы ему выдержать у насъ экзаменъ на кандидата. Замѣтьте, что въ половинѣ 11-го часа я долженъ былъ начать лекцію въ университетѣ. Замѣтьте, что наканунѣ я ложусь всегда въ 3—4 часа за полночь. Замѣтьте, что я всякій день брѣюсь и выкуриваю послѣ кофе сигару. Все это нужно замѣтить для того, чтобы судить, въ какихъ я суетахъ принимаю этихъ господъ, и какъ тороплюсь въ университетъ. Возвратясь оттуда домой, я нашелъ свою колонію уже у меня. Мы, т. е. Александра Осиповна, Оли и я читали ваше письмо. За обѣдъ сѣло насъ шесть персонъ. Это меня радовало. Въ другіе дни, съ моими старушками, одинъ я очень бываю пасмуренъ за столомъ. Послѣ обѣда Александра

[1]) М. И. Заикинъ, какъ и Глазуновъ, — с.-петербургскій книгопродавецъ и издатель, ум. 1854 г.

[2]) Петрашевскій, И. В. (изъ Виленскаго университета), былъ съ 1842 г. помощникомъ Мухлинскаго по каѳедрѣ турецкаго языка, а ранѣе состоялъ по дипломатической части въ Турціи; въ С.-Петербургскомъ университетѣ до 1845 г.

[3]) Александръ Франц., правитель канцеляріи Попечителя.

[4]) Нѣмецкомъ студентѣ, занимавшемся въ Гельсингфорсѣ.

Осиповна читала мнѣ критику на сочиненія графини Сарры Толстой [1]). Правду сказать, я слушалъ съ грѣхомъ пополамъ, переходя отъ комода къ столу, отъ стола къ зеленымъ ящикамъ, а отъ нихъ къ моей конторкѣ. Ужасно высокопарно и отвлеченно. Вотъ стали наѣзжать и гости. Пріѣхали Лексовы, послѣ П. Максимовичъ, а наконецъ и князь Вяземскій. Онъ все толкуетъ со мной объ изданіи своихъ сочиненій. Ему хочется достать прямо денегъ, а ихъ-то ни у Фишера, ни у меня и нѣтъ до продажи книгъ. Что будешь отвѣчать на это! Въ 10 часовъ уѣхали Лексовы, а за ними и островскіе. Я, проводивъ дамъ пѣшкомъ, гулялъ долго по Невско-свѣтлому проспекту и все думалъ о васъ и Гельсингфорсѣ. Боже мой! Что бы сдѣлалось съ эспланадой, если бы ее протянуть и обогнуть кругомъ города, да освѣтить газомъ!

Въ четвергъ (17 октября) по дѣламъ службы былъ у Волконскаго. а отъ него пѣшкомъ въ университетъ. День еще прелестнѣе вчерашняго. Маемъ такъ и блещетъ. Тишина. Солнце. Свѣжесть. Изъ правленія зашелъ съ визитомъ къ В. Она для меня то же, что для васъ Котенъ. Ужасно любезна, только по-московски. Послѣ домашняго обѣда ѣздилъ на два предвечерія: къ Владиславлеву и Ѳ. Ѳ. Корфу. У послѣдняго проболталъ до 10 часовъ и поѣхалъ на званый вечеръ къ Устрялову [2]), гдѣ съ профессорами и ужиналъ. Мнѣ эти господа скучненьки. Нѣтъ никакого знанія жизни. Шуточки и остроты книжныя. Въ пятницу (18 октября) былъ въ Царскомъ Селѣ. Читалъ В. К. О. Н. продолженіе мелкихъ стихотвореній Пушкина. Какъ ей полюбилась пьеса „Гробъ юноши". Она сравнивала все съ Віельгорскимъ (Joseph). Какъ она сама была прелестна — не умѣю выразить. Она должна была стоять передъ m-me Робертсонъ, которая ее рисуетъ въ натуральный ростъ. Портретъ чудесный, но когда глядишь на нее — все исчезаетъ.

41.

(Гротъ — Плетневу) ***Вторн., 22 окт. 9¾ веч., 1840.***

Какое несчастіе случилось въ 10-ти миляхъ отсюда на морѣ! Одинъ петербургскій ремесленникъ, женившись нынѣшнее лѣто въ Штеттинѣ, возвращался оттуда къ вамъ съ молодой и прекрасной женой на купеческомъ суднѣ. Въ Финскомъ заливѣ застали ихъ ужасныя бури; ночью корабль разбился о подводные камни; люди, полунагіе, спаслись въ шлюпкѣ и вышли на скалу, окруженную моремъ. Ихъ случайно нашли тамъ уже черезъ сутки; матросы были живы, но оба супруга —

[1]) Гр. Сарра Ѳедоровна Толстая — писательница на иностран. языкахъ (англійскомъ, итальянскомъ, французскомъ, нѣмецкомъ), ум. 1838 г. Критика (От. Зап. т. XII) не Бѣлинскаго (какъ ошибочно думалъ Плетневъ, см. ниже, стр. 109, 159 etc.), а М. Н. Каткова: это — одинъ изъ первыхъ его литературныхъ трудовъ.

[2]) Николаю Герас., профессору, русскому историку, ум. 1870 г.

мертвы. Отъ стужи умеръ сперва онъ, а черезъ нѣсколько часовъ она. Ихъ привезли въ Гельсингфорсъ, гдѣ они будутъ похоронены, и производятъ слѣдствіе. Фамилія несчастныхъ мнѣ неизвѣстна.

Въ воскресенье утромъ, когда я пилъ кофе, принесли мнѣ совсѣмъ неожиданно нѣсколько экземпляровъ Современника. Я скорѣй убѣжалъ съ ними въ свою комнату (отдавъ одинъ № дамамъ) и, возлегши на диванъ, сталъ пожирать по порядку всѣ статьи. Ваша, Петръ Александровичъ, доставила мнѣ большое наслажденіе, но надосадила своею краткостью. Вотъ вамъ по ней слѣдующіе вопросы и замѣчанія: кто бишь сочинялъ отвѣтъ-то здѣшнему университету? Хорошъ! т. е. дѣйствительно хорошъ. На словѣ Францѐнъ всегда надо дѣлать удареніе, а то всѣ скажутъ къ большому уходерію Фра́нценъ. Стр. 11 въ началѣ: Ребиндеръ и Теслевъ шли возлѣ ректора, какъ канцлеръ и вице-канцлеръ университета, а не какъ представители и пр. Зачѣмъ не сказано: изъ чего медаль? Стр. 13. *Промоціи сохраняются едва ли не въ одной Финляндіи.* Странно, что вы могли это сказать, когда въ статьѣ Аттербома подробно изложено, гдѣ эти празднества еще употребительны (см. стр. 73 и 74) и когда вся цѣль статьи его — содѣйствовать къ ихъ сохраненію въ Швеціи. *Тамъ же.* Промоторъ не всходитъ въ шляпѣ, а надѣваетъ ее, когда, прочитавъ рѣчь, начинаетъ самую церемонію возведенія въ степень. 14. Надобно было сказать, что кольцо надѣвается въ знакъ обрученія съ наукой. 15. *У финляндцевъ есть обыкновеніе,* — да, но первоначально и у шведовъ: Францѐнъ два года тому назадъ уже былъ увѣнчанъ вторично, за 50 лѣтъ въ Швеціи; теперь онъ праздновалъ свой юбилей еще разъ, ужъ черезъ 52 года послѣ первой своей промоціи (итакъ, на 16 стр. слова: ровно за 50 лѣтъ— требуютъ поправки). Обѣдъ нашъ описанъ умно, никого не компрометируя; стр. 20 и 21, также какъ и 10, по мнѣ всего лучше.

Среда.

Въ моей статьѣ есть нѣсколько опечатокъ; небольшія перемѣны, вами сдѣланныя, всѣ кстати. Заглавіе „Статистики“ Соловьева выписано невѣрно какъ въ моей статьѣ, такъ и у васъ въ исчисленіи книгъ: вы даже назвали ее *очеркомъ* вмѣсто *обозрѣнія.* Справьтесь. „Званые гости“ [1]) прелесть. Позлятся за нее иные господа. Намедни въ здѣшней газетѣ появилось возраженіе Цигнеусу въ защиту Булгарина, и какъ бы вы думали, кто это писалъ? Рейнъ! Онъ важнымъ тономъ доказываетъ неблагородство нападенія на хвалителя Финляндіи и одного изъ первыхъ русскихъ писателей. Имя его такъ же, какъ и

[1]) Подъ этимъ заглавіемъ появилась въ этомъ № Современника (т. 20, 1840) въ отдѣлѣ „Критика“—шутливая статья по адресу нѣкоторыхъ петербургскихъ изданій, принадлежащая перу Основьяненка (подъ псевдонимомъ: П. А—въ).

Цигнеусово, не выставлено подъ статьею; Цигнеусъ печатаетъ завтра отвѣтъ. Вотъ война изъ пустого. Говорятъ, что Нервандеръ готовитъ грозное возраженіе на статью, явившуюся въ Борго. Кого на стр. 43 Квитка разумѣетъ подъ именемъ „мастера своего дѣла", а на 45 чье упоминается *имя?* Статья мамзель Ишимофъ [1]) по мнѣ вовсе не суха; напротивъ, превосходная вещь и конецъ ея таковъ, какимъ долженъ быть. „Харьковъ" [2]) по скучности своей неудобочитаемъ; да и Ярмарка [3]) скучновата; въ повѣстяхъ Квитка слишкомъ растянутъ, почти всегда; впрочемъ, я изъ Ярмарки еще мало прочелъ. Стихи вообще жидковаты; не знаю, чѣмъ „Бредина" [4]) восхитила Александру Осиповну. Вы извините мои дурацкія сужденія; я говорю, какъ мнѣ кажется. Что эта книжка вышла такъ толста и разорила васъ, тому вы, любезный Петръ Александровичъ, сами виноваты тѣмъ, что не предупредили меня, чтобы я для нея статьи не писалъ; написанное же только сюда и годилось. Для слѣдующей книжки не могу вамъ слишкомъ скоро прислать моей доли, потому что ничего еще не готово. Для книги финляндской я нахожу, что мнѣ не надобно вовсе писать; развѣ на мою часть не довольно будетъ, что я всѣ статьи шведскія переведу на русскій языкъ? Рунебергъ прислалъ мнѣ отрывокъ изъ своей новой поэмы: *Русскій плѣнникъ въ Турціи* (изъ поэмы: „Рождество"); но я намѣренъ потребовать другого, потому что это не соотвѣтствуетъ главному условію.

Кастренъ переписываетъ на бѣло свою статью: „Путешествіе по Лапландіи". Славная статья! Согласно тому, что пишете мнѣ, скажите аристократамъ, что я больше напоминать имъ не буду, и что мы безъ нихъ обойдемся, если они не знаютъ чести. Вчера получилъ я и остальные Современники. Понемногу разношу ихъ; лично вручилъ только Армфельту и Урсину; другихъ не засталъ. Зачѣмъ вы прислали мнѣ „Игореву пѣснь" въ вѣчное владѣніе? Такимъ образомъ мнѣ въ другой разъ нельзя будетъ ничего просить у васъ взаймы, изъ опасенія, чтобы вы не вздумали обратить просимое въ вѣчное мое владѣніе. За это и все присланное, между прочимъ и Журналъ Просвѣщенія, искренне благодарю васъ. Не получаете ли вы Журналъ министерства внутреннихъ дѣлъ, Ученыя Записки казанскаго университета и Bulletin Scientifique? Если получаете и по прочтеніи кладете ихъ подъ спудъ, то сообщайте мнѣ ихъ по временамъ на подержаніе. Если вамъ случится побывать у Цанта, то попросите его сказать своему адъюнкту, взявшемуся брать для меня Отечественныя Записки, чтобы онъ не безпо-

[1]) „Императрица Марія Θеодоровна".

[2]) „Городъ Харьковъ" (статья тамъ же).

[3]) Ярмарка, повѣсть Г. Θ. Основьяненка.

[4]) „Бредина и волны" (Дума), стихотвореніе Лидіи К...вой, посвященное П. А. Плетневу,—помѣщенное въ томъ же № Современника.

коился впередъ, потому что я еще и за сентябрь не получилъ ихъ, тогда какъ случаевъ, конечно, ужъ было много для пересылки. Впрочемъ, такъ какъ трудно устроить это иначе, то лучше не говорите ничего.

Четвергъ, 24 октября.

Прилагаемый листокъ содержитъ въ себѣ исчисленіе книгъ, о которыхъ Кастренъ просилъ меня справиться, можно ли получить ихъ въ Петербургѣ. Потрудитесь при случаѣ поручить кому-нибудь навести эту справку у книгопродавцевъ. Игореву пѣснь я въ самый день полученія ея отдалъ чрезъ Грипенберга Лундалю. Грипенбергъ уже знаетъ о смерти своего сына; на-дняхъ пріѣхалъ сюда другой его сынъ изъ Петербурга съ этою вѣстію; отецъ перенесъ ее твердо, привыкнувъ уже къ несчастіямъ; матери вчера только рѣшились объявить ее: результата еще не знаю. Вчера послѣ обѣда, идучи въ публичную библіотеку, я вдругъ вижу, что къ Соціетету подъѣзжаютъ въ одно время двое дрогъ; мнѣ сказали, что будутъ хоронить тѣхъ самыхъ, которыми я началъ письмое свое. Мужа фамилія — Хаусвальдъ, жены — Витенбургъ; шкиперъ корабля никакъ не хотѣлъ ихъ брать съ собою изъ Штеттина, потому что ему не время было ждать, но они настоятельными просьбами убѣдили ихъ къ тому; мѣсто, гдѣ случилось кораблекрушеніе, называется *Поркала*, въ 50 верстахъ отсюда; тамъ часто случаются бѣды. Мужъ — высокій и плотный человѣкъ, жена — красавица. Матросы грѣли его водкой, и онъ умеръ отъ воспаленія въ груди; они обоихъ ссудили частію своихъ платьевъ. Огня не могли развести. Матросовъ шкиперъ поддерживалъ тѣмъ, что безпрестанно хлесталъ ихъ плетью, и тѣмъ мѣшалъ уснуть на скалѣ.

Вчера было собраніе *Финскаго литературнаго общества*. Я отправился туда съ Акіандеромъ; это въ факультетской залѣ университета. Насъ было человѣкъ 8, изъ вашихъ знакомыхъ Рейнъ, Акіандеръ и Цигнеусъ. Всѣ они благодарятъ за Современникъ, особенно просилъ Акіандеръ поблагодарить васъ. Когда явился предсѣдатель, длинный и худощавый Линсенъ [1]), всѣ усѣлись къ столу, на которомъ горѣло нѣсколько сальныхъ свѣчъ. Секретарь, сидѣвшій возлѣ предсѣдателя, сталъ читать протоколъ прошлаго засѣданія; потомъ, за множествомъ дѣлъ, уступилъ мѣсто на остальную часть года Кастрену и былъ отпущенъ предсѣдателемъ съ благодарственной рѣчью. Потомъ Линсенъ предъявилъ нѣсколько брошюръ, полученныхъ изъ Швеціи и Даніи. Потомъ переливали изъ пустого въ порожнее, пришелъ опоз-

[1]) Linsèn, Joh. Gabr., профессоръ римской словесности, а позже краснорѣчія и стихотворецъ, основатель (1831 г.) и предсѣдатель финскаго литературнаго общества, ум. 1848 г.

давшій Вульфертъ и все кончилось. Оттуда пришли ко мнѣ: Рейнъ, Акіандеръ, Кастренъ, Стольбергъ, Колланъ [1]) (горбатенькій умный человѣчекъ, хорошо пишущій) и еще Готлундъ. Разошлись уже около 9 часовъ, между тѣмъ у дамъ сидѣлъ Фуруельмъ, также благодарящій васъ. Колланъ въ будущемъ году будетъ издателемъ „Утренняго Листка" и просилъ меня доставлять ему матеріалъ для извѣстій о русской литературѣ; тогда можно будетъ воспользоваться прекрасными идеями вашего предпослѣдняго письма.

Отца Гартмана покуда здѣсь нѣтъ. Что это за Русскій Вѣстникъ, о которомъ вы говорите?

Теперь въ немногихъ словахъ „*недѣлепись*": ... Въ пятницу послѣ обѣда ходили къ Чепурнову, гдѣ сидѣли наши дамы и m-lle Траверсе съ сестрой, только что бывшія у насъ напрасно. Маркиза говоритъ не худо по-шведски (отчего мнѣ кажется, что я все это уже писалъ вамъ? не отправилъ ли я вамъ письма въ субботу?) и все читаетъ поэтовъ шведскихъ, особенно Рунеберга. Въ субботу вечеромъ читалъ я послѣдніе стихи Тегнера: что за прелесть! Говорю рѣшительно: въ нашей литературѣ нѣтъ еще такихъ полновѣсныхъ (мыслями) стиховъ, какіе я находилъ въ шведской, у Тегнера, Францѣна, Стагнеліуса [2]) и пр. Цигнеусъ сказалъ мнѣ вчера, что ему возвратили реченную статью, объявивъ, что о Булгаринѣ писать болѣе не позволено! Сочинительницѣ „исторіографинѣ" Императрицы Маріи Ѳеодоровны кланяюсь.

42.

(Плетневъ — Гроту) *Спб., вторникъ, 22 октября 1840.*

Отвѣтъ. Кажется, въ моемъ письмѣ сказано, любезный Яковъ Карловичъ, отчего я писать къ вамъ торопился. Забывъ съ вечера, или лучше сказать, брошенный въ постель прежде обычнаго времени неожиданною болѣзнью, я и утромъ потерялся въ своихъ занятіяхъ, не могъ итти въ университетъ, и вотъ почему только въ часъ, т. е. за часъ ровно до закрытія почтамта, я вспомнилъ, что нѣтъ къ вамъ въ субботу письма, а оттого и началъ торопиться. Сверхъ того, съ самаго пріѣзда, до этого письма служило мнѣ одно чудное бронзовое перо, какихъ я взялъ, къ сожалѣнію, только полдюжины (у Такселя), оно отслужило — и я принужденъ былъ писать гусинымъ, коихъ вообще не терплю за то, что они къ концу страницы становятся гадки, какъ бы ни были хороши въ началѣ. Не гнѣвайтесь на меня за Протопо-

[1]) Магистръ, финскій литераторъ и журналистъ, см. о немъ ниже, письмо Я. К. Грота отъ 5 ноября.

[2]) Извѣстнаго шведскаго поэта, преимущ. лирика, ум. 1838 г. (молодымъ).

пова. Вы забываете, что ему мое посѣщеніе скорѣе будетъ въ тягость, нежели въ отраду. Хоть я его и люблю, но онъ меня естественно дичится, что и доказалъ, прекративъ совершенно всѣ отношенія ко мнѣ. Впрочемъ, я у него непремѣнно побываю.

Двенадцать происходитъ не отъ русскаго простонароднаго двое, а отъ стариннаго, которое значило то же, что у насъ два. Единъ, двое (два), три и проч. перешли въ: одинъ-на-десять, два-на-десять и проч.; а въ сотняхъ: сто, двѣсти, триста и проч. Впрочемъ, что изъ старины выкинуто во многихъ словахъ *о* и *е*, о томъ не стоитъ говорить, напримѣръ, изъ предлога *деля* стало *для*, хотя въ словѣ Бога-дель-ня чувствуется смыслъ *для Бога*. Ваша метода изучать языки такъ понравилась Александрѣ Осиповнѣ, что она изъ вашего письма (съ моего разрѣшенія) сдѣлала для себя выписку. Замѣчаніе ваше, что у васъ газеты коротки, заставило меня вопросъ сдѣлать: не лучше ли вмѣсто русскаго журнала издавать въ Гельсингфорсѣ на шведскомъ языкѣ родъ Современника, только по-мѣсячно, или какъ придется? Это дало бы средство разлить по Финляндіи и по Швеціи пропасть новыхъ идей о Россіи. Вотъ тогда бы оправдалось пророчество Вольтера, что теперь отъ сѣвера разливается свѣтъ знаній. Представьте: сколько бы вы набрали интереснаго въ однихъ старыхъ журналахъ, альманахахъ и другихъ сочиненіяхъ, начиная съ 1800 года. Вы и всѣ ваши друзья работали бы съ жаромъ, по указанію и руководству вашему. Поговорите-ка съ Цигнеусомъ и Эманомъ. Поблагодарите Рейна за его отзывъ, если Современникъ по его рекомендаціи извѣстенъ издателю Гамбургской Газеты; а если нѣтъ, не можетъ ли онъ узнать, кто изъ добрыхъ людей упомянулъ о Современникѣ, и въ Россіи нигдѣ неизвѣстномъ? Я боюсь, чтобы усердіе Эмана не повредило нашему характеру. Мы привыкли высоко стоять надъ Булгаринымъ. Но подробности о его мерзостяхъ могутъ заставить думать, что мы ратуемъ противъ него въ Финляндіи, какъ Мельгуновъ[1]) въ Германіи. Лучше скажите, чтобы Эманъ попросилъ васъ составлять указанія на достойнѣйшее въ русской литературѣ, о гадкихъ же произведеніяхъ Булгарина и ему подобныхъ надобно будетъ упоминать внизу, подъ чертою, какъ о такомъ дѣлѣ, которое показываетъ тщету усилія бездарности. Напримѣръ, составивъ обзоръ Капитанской дочери съ выписками и раскрытіемъ ея валтеръ-скоттовскихъ красотъ, можно сказать, что въ Россіи многіе искали славы на поприщѣ новеллистовъ и романистовъ; но что они, какъ и вездѣ безталантные люди, остаются для одного низшаго круга читателей, напримѣръ: лакеевъ, лавочниковъ, гостинодворцевъ и про-

[1]) Николай Александровичъ, извѣстный литераторъ такъ называемаго западническаго лагеря, по разсказамъ котораго нѣмецкій писатель Кёнигъ составилъ свою книгу о русской литературѣ, см. выше стр. 50. Ум. 1876 г.

винціальныхъ подъячихъ. Таковы, напримѣръ: Иванъ Выжигинъ — Булгарина, Черная женщина — Греча и др. Эту методу можно бы принять за образецъ для обзора всего лучшаго въ нашей литературѣ. Такъ можно бы говорить вверху о Карамзинѣ (историкѣ), а подъ чертою о Полевомъ, вверху о Борисѣ Годуновѣ — Пушкина, а внизу о Дмитріи Пожарскомъ — Кукольника. Я беру теперь зря, а подумавъ, да попримѣривъ, можно изъ этого сдѣлать прелесть — учебную книгу русской словесности для иностранцевъ, которымъ нужно и въ хорошемъ и въ худомъ одно рѣшительное. Сологубъ еще въ дорогѣ сюда изъ Симбирска. Его ждутъ къ 6-му ноября, — и такъ письмо должно его ждать: иначе разъѣдется съ нимъ.

Хорошо, что вы соберете комитетъ для Эмановой статьи. Точно, надо намъ много осмотрительности и такту, чтобы сказать что-нибудь и полезное для двухъ народовъ, и особенно для обоихъ пріятное. Какъ бы намъ Рунеберга втянуть въ наши интересы, т. е. чтобы онъ искалъ переводовъ или васъ заставлялъ подготовлять для него что-нибудь о Россіи или изъ русской литературы — и, такимъ образомъ, полюбивъ наше по сердечному убѣжденію, говорилъ бы потомъ иногда въ своихъ пьесахъ о нашихъ созданіяхъ съ чувствомъ благоволенія и рѣшительной наклонности ставить все хорошее наше на ряду съ европейскимъ! Я вѣрю, что онъ васъ любитъ, а по васъ, конечно, и меня; но надобно ему знать высокость Державина, неподражаемость Крылова, вкусъ и умъ Карамзина, божественность Жуковскаго и художественную прелесть Пушкина.

Я прошу вашихъ дамъ всегда пользоваться моею коляскою [1]), какъ скоро въ ней случится надобность. Лошадей можно нанимать. А въ своемъ экипажѣ выѣзжать имъ пристойнѣе и безопаснѣе. Объ одномъ умолялъ васъ и умоляю: не церемоньтесь со мной и не взводите на меня слово *одолженіе*. Пока живъ, я все буду считать, что не могъ того для васъ сдѣлать, чего желалъ бы. Тутъ нѣтъ ни иперболы, ни комплимента. Вы воскресили мою душу, для которой здѣсь уже окончилось было все. Я только и могу быть счастливъ въ крайностяхъ: съ одной стороны въ апатіи, а съ другой — въ восторгахъ симпатіи.

Что значатъ два ряда при крещеніи — мужчинъ и дамъ? Кумовья съ кумами, или просто картина? Вы увидѣли Армфельтовыхъ, и ни слова не упомянули: ужели и вопроса обо мнѣ не было? Это меня ужасно обижаетъ. Или вы съ намѣреніемъ что-нибудь скрываете? Я не въ помѣшательствѣ, но и не безъ памяти. Скажите Готлунду, что П. Максимовичъ только-что пріѣхалъ. Пустъ онъ не заботится о своемъ порученіи: я не знаю человѣка аккуратнѣе Максимовича, и если онъ ему ничего не от-

[1]) Въ которой тогда пріѣхала въ Гельсингфорсъ изъ Петербурга сестра Якова Карловича — Роза Карловна.

вѣчаетъ, значитъ, что нельзя было добиться отвѣта изъ Кореліи отъ поповъ. Статья о Грипенбергѣ удивительно интересна. Кажется, о немъ вы прежде не извѣщали меня. По крайней мѣрѣ, взглянувъ писемъ на 5, я не встрѣтилъ его имени. Итакъ, увѣдомьте обстоятельнѣе о его званіи и проч., какъ дѣлается въ біографіяхъ. КоѓѓСкій обѣдъ у Урсина очень оригиналенъ и любопытенъ. Поблагодарите этого добраго ректора, что онъ меня помѣстилъ въ число своихъ друзей. Я это цѣню высоко. О комисіяхъ Готлунда касательно финновъ и Векстрема — касательно медалей непремѣнно выправлюсь. До сихъ поръ этого не сдѣлалъ частью оттого, что не находилъ свободнаго времени, частью и оттого, что Фуссъ жилъ въ Павловскѣ. Вообще мнѣ трудно бываетъ справляться съ экстренными дѣлами, пока Дворъ не переѣдетъ въ городъ: изъ недѣли у меня два дня пропадаетъ на переѣзды въ Царское Село.

Журналъ. Суббота (19 октября). Это для васъ, лицейскихъ, и для меня, ихъ друга, памятный день. Говорятъ, что В. К. Михаилъ Павловичъ велѣлъ ученикамъ сыграть въ этотъ день двѣ пьесы: русскую и французскую. Но вотъ что вышло. Мальчики, сдѣлавшись распорядителями и хозяевами лицейскаго праздника, назвали гостей такихъ, какіе имъ нравились. Служащихъ же при лицеѣ пригласили какъ-бы изъ сожалѣнія наканунѣ только на репетицію, опредѣливъ между собою позвать въ самый праздникъ однихъ выслужившихъ при лицеѣ всѣ годы съ основанія лицея. Разумѣется, это многихъ обидѣло; да они и неправы, сами принадлежа лицею съ недѣлю безъ году. Это могли бы сдѣлать ученики 1-го выпуска. Вотъ такъ-то единство лицея разрушается отъ недостатка уваженія другъ къ другу членовъ его. Ко мнѣ съ утра въ субботу явился Ѳ. Ѳ., такъ, поболтать. Мы напились съ нимъ кофе, да и разошлись. Я по дѣламъ службы отправился къ Волконскому, а оттуда въ университетъ. Отобѣдавъ, поѣхалъ я на Васильевскій островъ къ А. О. Тамъ никого изъ постороннихъ, по счастію, не было. Я привезъ имъ переводъ Кота Мурра — и мы начали читать. Надобно признаться, что не безъ терпѣнія приходится восхищаться Гофманомъ. У него такъ много недоговореннаго, съ боку набросаннаго и перепутаннаго съ частностями нѣмечины, что устанешь прежде, нежели выберешься на эту свѣтлую, очаровательную дорогу истинной поэзіи и философіи. Удивительно для меня, отчего такіе изумительные геніи, какъ Ж. Поль и Гофманъ, прибѣгали къ изысканностямъ. Я это не иначе толкую, какъ наростами частной ихъ жизни и воспитанія.

Въ 12-мъ часу пустился я къ Одоевскимъ. Тамъ между прочими нашелъ и Растопчину. Она была прелестна, вся въ бѣломъ. Проболтавъ почти весь вечеръ съ флигель-адъютантомъ Ржевуцкимъ, она пошла, наконецъ, по кабинетамъ Одоевскаго. Какъ женщина и какъ ребенокъ, она вскрикивала, подходя къ разнымъ вещицамъ и пересматривая ихъ.

У Одоевскаго черезъ корридоръ еще устроенъ кабинетецъ для курильщиковъ. Она и туда пошла. Я за нею и Одоевскимъ. Мы не нашли тамъ никого. Она спросила у князя: гдѣ та коробочка, которую она ему подарила? Взявъ ее, она стала ее разсматривать и хвалить; а потомъ прибавила съ дѣтскимъ будто простодушіемъ: „вашей женѣ не нравится моя работа! ваша жена — уродъ“! Признаюсь, хоть я и привыкъ къ глупостямъ свѣтскихъ бабеночекъ, но не желалъ бы стоять на мѣстѣ князя въ эту минуту.

Въ воскресенье (20 октября) я пошелъ на вечеръ къ Карамзинымъ. Признаюсь, одна любознательность и дѣйствительная польза отъ наблюденій въ такихъ обществахъ еще удерживаютъ меня глядѣть на пустошь и слушать пустошь большесвѣтія. Растопчина объявила мнѣ, что она по воскресеньямъ и четвергамъ принимаетъ насъ всѣхъ утромъ съ 11-ти час. до 4-хъ.

Въ понедѣльникъ (21 октября) ѣздилъ утромъ по пансіонамъ. Вечеръ провелъ у Александры Осиповны, гдѣ всѣ занимались итальянскимъ языкомъ. Во вторникъ не ѣздилъ въ Царское Село, ибо Дворъ отправился въ Гатчину. Ѳ. Ѳед. опять явился ко мнѣ съ утра и объявилъ, что онъ ищетъ мѣста — генеральнаго консула въ Арзрумѣ и Требизондѣ. Вотъ безпокойство желаній. Жалованья 18 тыс. руб. (асс.).

43.

(Плетневъ — Гроту) ***Спб., пятн., 25 октября 1840.***

Журналъ. 23 октября. Въ среду утромъ, вмѣстѣ съ письмомъ на почту къ вамъ, любезный Яковъ Карловичъ, отправилъ я съ тѣмъ же экзекуторомъ письмо къ Фуссу, котораго просилъ дать мнѣ разрѣшеніе касательно пересылки медалей изъ Гельсингфорса въ минцъ-кабинетъ академіи наукъ и также сообщить мнѣ свѣдѣнія для Готлунда о финнахъ за Кавказомъ. Когда получу отъ него отвѣтъ, то не премину и васъ о томъ увѣдомить. Кончивъ въ университетѣ лекціи и другія дѣла въ канцеляріи, я отправился дѣлать визиты пѣшкомъ.

Во-первыхъ, чтобы не откладывать вдаль торжественнаго своего вамъ обѣщанія, пошелъ къ Протопопову [1]). Его не нашелъ я дома и оставилъ ему карточку. Отъ него въ трактиръ Демута къ Сергѣю Пушкину (отцу Александра). Совѣстно было мнѣ передъ нимъ, потому что прошло болѣе мѣсяца съ тѣхъ поръ, какъ онъ навѣстилъ меня. Но вообразите мою досаду. Въ этотъ же день утромъ въ 9 часовъ онъ выѣхалъ изъ Петербурга, увезши въ душѣ непріязненное чувство ко мнѣ за мою невѣжливость. Я знаю, какъ въ его глазахъ важны мелочные законы общежитія свѣтскаго. Отъ Пушкина пробрался я къ па-

[1]) Дмитрію Степановичу, о немъ выше.

стору Цанту, котораго тоже не нашелъ дома и долженъ былъ все кончить карточкой. Здѣсь на шведскомъ дворѣ живетъ старушка итальянка Варези, про которую у Балабиныхъ и Карамзиныхъ разсказывали мнѣ, что она прекрасный имѣетъ итальянскій выговоръ и даетъ уроки. Я просилъ Ал. Ос. побывать у нея и условиться съ нею насчетъ уроковъ въ итальянскомъ языкѣ. Отъ Цанта завернулъ къ барону Гроте, котораго дѣти поступили въ университетъ и который преслѣдуетъ меня визитами со всею лифляндскою пышностью и уклончивостью. Его также не было дома. Слава Богу! Домой я воротился въ тотъ самый моментъ, какъ и василеостровская колонія [1]) прибыла съ прогулки. Мы сѣли обѣдать. Послѣ Ал. Ос. опять стала мнѣ читать изъ Бѣлинскаго про сочиненія покойницы графини Сарры Толстой. Въ это время явился ко мнѣ и самъ Протопоповъ. Онъ нисколько не перемѣнился. Я старался всячески показать ему, какое принимаю въ немъ участіе. Онъ, повидимому, разогрѣтъ былъ мною. Я совѣтовалъ было ему поѣхать на короткое хоть время въ Гельсингфорсъ. Только у него совсѣмъ нѣтъ никакого своего постояннаго доходу; притомъ же его все тянетъ въ Москву. Черезъ часъ онъ откланялся, разсказавъ мнѣ, что чувствуетъ необходимую потребность, вслѣдствіе болѣзни своей, освѣжиться воздухомъ и холодною водой. Я забылъ сказать, что, возвратясь сегодня къ обѣду, нашелъ у себя карточку мужа графини Эмиліи Карловны Пушкиной. Онъ человѣка моего просилъ сказать мнѣ, что, бывъ до сихъ поръ боленъ, не могъ въ скорости послѣ моего посѣщенія явиться ко мнѣ. Жена его ждетъ скоро разрѣшенія. Они теперь живутъ на Англійской набережной, въ прелестнѣйшемъ домѣ княгини Репниной, дочери Балабиныхъ.

Въ четвергъ (24 октября) обѣдалъ у меня профессоръ Устряловъ, товарищъ мой по правленію, какъ деканъ. На вечерѣ былъ я у Калмыкова [2]) съ прочими профессорами. Было довольно скучно.

25 октября въ пятницу въ Царскомъ Селѣ сказали мнѣ, что Современникъ мой, отправленный въ Мюнхенъ 1 октября, тамъ не полученъ. Вообразите мой ужасъ, если и письмо мое, въ которомъ я такъ краснорѣчиво описывалъ Матильду, не получено тоже. Я не имѣлъ духу уже и разспрашивать, нѣтъ ли чего касательно моей просьбы въ отвѣтѣ Ея Высочества къ Императрицѣ или къ другимъ особамъ. Пришлось мнѣ ждать еще мѣсяцъ рѣшенія судьбы.

[1]) Т. е. А. О. Ишимова, съ которой жили ея родители и воспитывавшаяся подъ ея наблюденіемъ дочь Петра Александровича, Оля, позже съ своей гувернанткой.

[2]) Петра Давыдовича, профессора С.-Петербургскаго университета по каѳедрѣ энциклопедіи и законовѣдѣнія, ум. 1869 г.

44.

(Гротъ — Плетневу) ***Гфорсъ, пятн., 25 окт. 1840.***

Я забылъ въ прошломъ письмѣ спросить васъ: если мнѣ придется читать студентамъ о русской исторіи или что-нибудь подобное, то, стало быть, чтеніе должно происходить на шведскомъ языкѣ? Вѣдь они на русскомъ ничего не поймутъ. Выписки изъ Конисскаго, конечно, не помѣщены въ Собраніи сочиненій Пушкина, слѣдовательно, я и прочесть теперь этого не могу, не имѣя вовсе Современника стараго. Вы писали, что Кёнигъ напечаталъ отвѣтъ на брошюру Греча. Узнайте заглавіе, чтобъ можно было достать это и здѣсь, выписавъ изъ-за границы.

Суббота.

Вчера Векстремъ (служащій при почтамтѣ) принесъ мнѣ послѣдній № Упсальской газеты. Я нашелъ тамъ, между разными литературными новостями, извѣстіе, что одинъ живущій въ Гельсингфорсѣ русскій надворный совѣтникъ такой-то перевелъ Фритіофа на русскій языкъ и всѣхъ переводчиковъ иностранныхъ заткнулъ за поясъ!

Да, Эманъ немножко подгадилъ дѣло своей статьей. Мы можемъ поправить это не иначе, какъ совершеннымъ молчаніемъ о Булгаринѣ или осторожностію, когда будетъ рѣчь о немъ словесно или печатно. Комитетъ для Эмана статьи я отмѣнилъ по совѣту Цигнеуса, сказавшаго мнѣ, что тотъ обидится, узнавъ, что статья подверглась суду столькихъ людей. Итакъ, я еще разъ одинъ прочиталъ ее и приготовилъ къ Эману письмо, при которомъ возвращу ее вмѣстѣ съ новымъ Современникомъ и вашимъ мнѣніемъ. Рунебергъ не ѣдетъ: жена его все еще не совсѣмъ внѣ опасности. Я говорилъ вамъ, что одна изъ его поэмъ содержитъ въ себѣ повѣсть изъ временъ Екатерины,—доказательство, что онъ уже обратилъ вниманіе на русское. Буду стараться поддерживать это направленіе, но не надѣюсь, чтобы оно когда-либо обнаружилось чѣмъ-нибудь инымъ, какъ поэтическимъ забѣганіемъ въ предѣлы Россіи. Учиться новому и писать статьи онъ, кажется, вовсе не умѣетъ.

Понедѣльникъ, 28 октября.

Впрочемъ, число читающихъ здѣсь очень невелико и статьи, какія бы ни были, не могутъ надѣяться на большую популярность. Отличился Нервандеръ! третьяго дня явилась въ Гельсингфорской газетѣ предлинная статья его (безъ подписи), въ которой онъ, изъ злости на Цигнеуса (не знаю за что), превозноситъ Булгарина до небесъ, а Цигнеуса и газету Борго въ пухъ уничтожаетъ. Написана остро и хорошо, но низко. О русской литературѣ судитъ онъ вкривь и вкось, между прочимъ, утверждая, что въ ней двѣ партіи, которыхъ несогласіе основано на ороографіи и сверхъ того, какъ всегда, на худож-

нической зависти. Прежде онъ самъ на словахъ бранилъ Булгарина! При этомъ случаѣ мнѣ разсказывали про него много негодностей. Рейну Цигнеусъ отвѣчалъ въ газетѣ довольно мирными строками и Рейнъ приходилъ къ нему мириться.

6 часовъ послѣ обѣда. Я обѣдалъ сегодня у Армфельта, бывъ вчера приглашенъ m-me Армфельтъ, которую встрѣтилъ вмѣстѣ съ дочерями на нашей улицѣ. Я говорилъ съ несравненной Матильдой о васъ. Она очень жаловалась на то, что мы обманули ее, не пріѣхавъ къ нимъ въ Оминне (Aminne, имя дачи) и сердита на васъ за то, что вы, обѣщавъ ей написать что-нибудь и вручить маркизѣ, не сдержали слова. Я сказалъ, что вы сбирались сдѣлать это. То-то (молъ) онъ все сбирается, да ничего не дѣлаетъ. — Онъ, я говорю, въ будущемъ году пріѣдетъ. — Ну, такъ ужъ тогда вы должны съ нимъ пріѣхать къ намъ на дачу, потому-де я рано уѣду отсюда. — А прежде еще сказала: вѣдь онъ былъ мой учитель, такъ я и требовала по праву, чтобъ онъ мнѣ что-нибудь написалъ. — При прежнихъ свиданіяхъ я не успѣвалъ говорить о васъ, да притомъ и осторожность не позволяла: prudenter agas! Не зналъ, будетъ ли это пріятно послѣ извѣстныхъ слуховъ. Баронессѣ Котенъ также сказалъ, что̀ вы поручили; изволили отозваться (когда я подъ ручку велъ ихъ кокетство отъ стола), что очень жалѣютъ, что вы лѣтомъ не хотѣли познакомиться съ ними, и надѣются имѣть это счастіе въ будущее лѣто: слышали, что вы очень distingué.

Не помню, писалъ ли я вамъ, что здѣсь съ будущаго года, какъ-будто по вашему совѣту, общество литераторовъ дѣйствительно хочетъ издавать родъ Современника, журналъ, который будетъ появляться каждые два мѣсяца. Каждую книжку долженъ поочереди поставлять одинъ изъ сотоварищей; между ними и Кастренъ.

Вторникъ вечеръ.

Написавъ это вчера, я отправился въ театръ. Давали оперу Донъ-Жуанъ, и я съ утра уже взялъ цѣлую ложу для своихъ дамъ, для Чепурновой, Эттеровой и Колбасовой (т. е. Кольбарсъ); въ ложѣ 7 мѣстъ, которыя продаются и отдѣльно по 2 рубля каждое. Здѣсь уже недѣли три находится нѣмецкая труппа изъ Ревеля; въ ней есть нѣсколько хорошихъ сюжетовъ, между прочимъ, двѣ дѣвицы Рейтмейеръ, хорошо поющія и — первая вещь! — хорошенькія. Донъ-Жуанъ шелъ, для провинціи, совсѣмъ не худо; оркестръ порядочный; костюмы прекрасные. Театръ былъ полнешенекъ, какъ бываетъ почти всякій разъ.

Вульфертъ спрашивалъ меня, послали ли вы уже его переводъ рескрипта Ольдекопу: не забудьте же. Письма я всегда читаю у окошка на самой почтѣ, потому что не могу донести до дому своего нетерпѣнія. Итакъ, Протопоповъ наконецъ былъ у васъ! (но его письмо писано прежде того). Пожалуйста, старайтесь привлечь его къ себѣ; онъ неоцѣненный человѣкъ, но надобно его приласкать; онъ принадлежитъ

къ числу тѣхъ людей, которыхъ Рунебергъ въ одномъ стихотвореніи сравниваетъ съ шиповникомъ: пока онъ покрытъ льдомъ и шипами, его презираютъ и ненавидятъ, но отъ дыханія весны онъ одѣвается въ розы и становится прелестнымъ растеніемъ. Такъ есть и люди, которымъ нуженъ только взглядъ любви, чтобы сдѣлаться отрадою всѣхъ. Къ тому же у Протопопова въ Петербургѣ такъ мало знакомыхъ, а при его пылкомъ характерѣ, необходимо, чтобы онъ былъ удерживаемъ отъ слишкомъ одностороннихъ направленій участіемъ и бесѣдою такого человѣка, какъ вы. Отъ усердія къ службѣ, онъ сдѣлался было такимъ сумасброднымъ, что ничего не читалъ, кромѣ должностныхъ бумагъ, да вдобавокъ разстроилъ здоровье. Теперь онъ исправляется. Если можно, ссужайте его иногда своимъ экземпляромъ Современника.

Сужденій о Современникѣ я никакихъ не могу сообщить: здѣшніе читатели, кажется, очень медлительны, да и вижусь я съ ними рѣдко, больше потому, что по утрамъ хожу только гулять и за дѣлами (кромѣ рѣдкихъ исключеній), а вечеромъ рѣдко кого застаю дома.

Для чего вы такъ хлопочете объ итальянскомъ языкѣ? мнѣ кажется, это будетъ потеряннымъ временемъ. Въ Италіи вашимъ дамамъ едва-ли когда придется быть, а если придется, такъ тогда и выучатся. Въ Петербургѣ не съ кѣмъ говорить по итальянски; читать почти нечего. Еслибы у нихъ было лишнее время, я бы не сказалъ ни слова; но этого нѣтъ. Зная англійскій и нѣмецкій языки, никогда не будешь чувствовать нужды въ самомъ сочномъ чтеніи, напротивъ, еще не успѣешь перечитать всего хорошаго; къ чему служитъ хватать понемножку изо всего? Лучше мало, да хорошо. Страсть нашего вѣка распространяться *въ ширину* виновата тому, что ничего не создается *глубокаго* и *прочнаго*; вода, разлитая на большой поверхности, мелка и скоро сохнетъ, а сосредоточенная въ глубокомъ мѣстѣ живетъ. Если на счетъ итальянскаго языка вы возразите мнѣ надобностію его для пѣнія, то я скажу, что въ такомъ случаѣ довольно выучиться читать по итальянски,—смыслъ итальянскихъ арій такъ ничтоженъ, что понимать ихъ вовсе не нужно. Нѣтъ, лучше поставьте свою дочку на французскомъ, нѣмецкомъ и англійскомъ языкѣ, такъ, чтобы она была, что называется, ferrée à glace, по-русски: „скушала собачку“. Не можете ли впредь въ своемъ журналѣ (т. е. въ письмахъ) прибавлять извѣстіе о томъ, когда ложитесь спать и когда встаете? Вы касательно итальянскаго языка, можетъ, еще возразите, что я говорю противъ самого себя. Но я учился языкамъ въ такую эпоху жизни, когда разумъ молчалъ предъ увлеченіемъ наклонностей. Теперь же учусь имъ по особенной надобности и цѣли.

Четвергъ 31 октября.

Вы не привели мнѣ примѣра, гдѣ бы *о* середи слова выкидывалось. Не слышали вы еще чего нибудь о лицейскихъ?

Пушкина отцу напишите нѣсколько извинительныхъ строкъ.

Вчера, въ среду были у меня: Кастренъ (послѣ урока), Норденстамъ (отставной подполковникъ, довольно умный и знающій), Акіандеръ, Готлундъ и Грипенбергъ — сынъ. Послѣдняго, скоро уѣзжающаго, просилъ я взять отсюда часть вашего конверсаціоннаго лексикона, но онъ боится и всѣ гости завѣрили меня, что никто не рѣшится брать этой книги. Что прикажете дѣлать? Въ прошлый четвергъ, идучи на почту, встрѣтилъ я Соловьева; но онъ у меня не былъ, а я не считаю нужнымъ являться къ нему первымъ. Акіандеръ говорилъ, что онъ, Соловьевъ, пишетъ отвѣтъ Булгарину для помѣщенія въ Отечественныхъ Запискахъ. Скажите дѣвицѣ Ишимовой, что, получивъ ея письмо, когда сіе уже было начато, я не счелъ удобнымъ отвѣчать имъ на этихъ же листкахъ, и буду писать особо на будущей недѣлѣ. Сію минуту получилъ я письмо отъ Эмана, который проситъ того № Пчелы, гдѣ Булгаринъ возражалъ на статью, помѣщенную здѣсь въ прошломъ году, объ его прогулкахъ.

45.

(Плетневъ — Гроту) ***Спб., понедѣльникъ, 8 октября 1840.***

Введеніе. Вы очень хорошо сдѣлаете, если въ отчетливости корреспонденціи станете держаться моей методы. Я изъ писемъ къ вамъ сдѣлалъ для себя священнѣйшую должность. Она выполняется мною съ любовью, съ душевнымъ наслажденіемъ и по неизмѣняющимся никогда правиламъ. Садясь съ перомъ передъ чистою бумагой, на которой хочу писать къ вамъ, я кладу передъ собою двѣ бумаги, уже прежде написанныя: онѣ служатъ мнѣ матеріаломъ и планомъ письма къ вамъ; одна изъ этихъ бумагъ есть полученное отъ васъ письмо, а другая веденный мною журналъ съ отправленія къ вамъ послѣдняго письма. Изъ двухъ разовъ въ недѣлю только однажды приходится мнѣ видѣть первую бумагу при письмѣ моемъ къ вамъ. Я не пропускаю въ вашемъ письмѣ ни одной фразы, чтобы не откликнуться на нее своею мыслію или чувствомъ. И это, мнѣ кажется, необходимо, когда уже мы рѣшились жить общеніемъ думъ и ощущеній. И этого-то недостаетъ иногда въ вашихъ письмахъ. Вы отвѣчаете мнѣ наизустъ, а память часто измѣняетъ намъ. Въ журналѣ моемъ, который составляется не изъ оконченныхъ фразъ, а только изъ половинчатыхъ словъ, иногда существительныхъ именъ, иногда изъ глаголовъ, служащихъ необходимою помощью памяти, изложены бываютъ всѣ событія со мною хронологичесик, — и такимъ образомъ для васъ ничто не бываетъ потеряно въ моей жизни. Признаюсь, мнѣ очень хочется довести и васъ до пристрастія къ моей системѣ, потому что она только одна даетъ возможность писать и такъ часто, и такъ много, и удовлетворять ожиданію человѣка, который какъ бы сжился уже съ этимъ воздухомъ дружескихъ извѣстій.

Отвѣтъ. Судьба Хаусвальдъ и Виттенбергъ ужасна. Будто злобный духъ подущалъ ихъ проситься на корабль, когда самъ шкиперъ не принималъ ихъ. Недаромъ я былъ всегда противъ морскихъ путешествій. Пòркала не то же ли значитъ, что и Пергала, т. е. чортъ? Въ названіи этого гибельнаго мѣста вѣрно есть и характеристика его. Перейдемъ къ вашей критикѣ. Моя статья коротка: желалъ бы я знать, какъ ее растянуть, не превративъ въ газетное описаніе. Что значитъ восклицаніе: хорошъ! послѣ вопроса: кто-бишь сочинялъ отвѣтъ? Конечно, я; но въ оффиціальныхъ бумагахъ имя автора не выставляется. Если же слово „хорошъ!"—другое что значитъ, такъ объяснитесь. Надъ Францѐномъ не ставлю ударенія потому же, почему Жуковскій не любитъ означать, откуда онъ что переводитъ. Знающіе и сами догадаются, а для незнающихъ совершенно все равно. Ребиндера и Теслева подлѣ Урсина я съ намѣреніемъ назвалъ представителями двухъ властей, чтобы показать, что университетъ, въ мнѣніи и обычаяхъ просвѣщенной Финляндіи, поставленъ наверху всего земного.—Изъ чего медаль? Каждой медали (какъ всякому извѣстно) дѣлаютъ для Царской фамиліи нѣсколько экземпляровъ золотыхъ, для людей частныхъ, но высшаго круга—серебрянныя, а для прочихъ—бронзовыя. „Обряды промоцій сохранились едва-ли не въ одной Финляндіи"—сказано вслѣдствіе рѣчи Оттербома: онъ вынужденъ ихъ отстаивать; слѣдовательно, ихъ обстригаютъ,—и кто знаетъ, не обстригли ли въ тотъ моментъ, когда я писалъ это? Мелочная придирка—„не входить въ шляпѣ", а надѣвать послѣ. Дѣло въ картинѣ, а не въ минутѣ. О кольцѣ у меня сказано: надѣваетъ кольцо въ знакъ того, что они пріобщены къ сословію избранныхъ. Не то же ли, что обручены съ наукой? Обыкновеніе есть и у шведевъ, но я разсказываю про финляндцевъ. Вмѣсто 52 у меня 50. Стоитъ это, чтобы изъ такой бездѣлицы поправлять! Заглавіе перевода Соловьева списано съ печатной книги: потрудитесь туда сами заглянуть и вы прочтете: „Статистическій очеркъ" и проч. На 43 страницѣ разумѣлъ Квитка *Греча.* На 45-й подразувамѣетъ онъ *Никитенко.* „Харьковъ" напечатанъ былъ тогда, когда нечего было еще послать въ типографію. Безъ балласта не пускаются въ море. Стихи Тютчева и Растопчиной искупаютъ блѣдность прочихъ.

Рейнъ и Нервандеръ—настоящіе профессоры. У нихъ тотъ и великъ, кто много пишетъ. Я, впрочемъ, не удивляюсь ихъ безвкусію въ литературѣ, но не понимаю отсутствія моральнаго чувства. Писать въ защиту Булгарина—все равно, что защищать своденъ, шпіоновъ и паясовъ. Нашли же они вкусъ въ панегерикахъ п.....а и невѣжи. Мнѣ только ужасно досадно на мелочь порицаній противъ этого болтуна, который, опершись на замѣтное къ нему недоброжелательство, успѣлъ и въ Гельсингфорсѣ найти себѣ покровителей, запретившихъ писать

противъ него. Что за привычка шутить надъ негодяемъ. О немъ надобно упоминать вскользь, какъ я вамъ уже толковалъ, а не дѣлать его героемъ, противъ котораго ведутъ войну. Изъясните мой планъ Цигнеусу и Эману. Но теперь долго не надо произносить этого п........ имени. Пусть они лучше примутся говоритъ о хорошемъ. Избалованный м........ взбѣшенъ будетъ и тѣмъ, когда имя его вездѣ станутъ пропускать, разбирая полезные труды честныхъ людей. Вы меня должны теперь наставить, что̀ приличнѣе написать для книги „Финляндія". О праздникѣ, кажется, уже скучно будетъ начинать снова. Объ аристократахъ вы справедливо разсуждаете. „Игоря" потому я вамъ передаю, что не стоитъ хлопотать такую бездѣлку вновь сюда пересылать. То же разумѣйте и о другихъ журналахъ, если мнѣ нѣкоторые изъ нихъ переслать удастся. Я бросаю же даромъ эти вещи, а вы все считаетесь со мной. Повѣрьте, что я и самъ себя не обижу: очень я туговатъ на дѣйствительныя пожертвованія. Если по списку Кастрена что-либо найдется у книжниковъ, надобно ли будетъ это купить да переслать и на чей счетъ? Радъ, что въ финскомъ литературномъ обществѣ такая была скука: это отобьетъ у васъ охоту терять время на пустыя засѣданія съ профессорами. Я ничего не знаю о Колланѣ. Да откликнитесь чѣмъ-нибудь на мои планы касательно журнала и учебной книги о русской литературѣ. Русскій Вѣстникъ издавался лѣтъ за 25 Сергѣемъ Глинкою. Право изданія его перекупили поименованные.

Адресъ Матильды я помню лучше васъ. Его просила прислать Оля, но у васъ, а не у меня. Ваше же дѣло тутъ состояло въ томъ, чтобы сказать при удобномъ случаѣ Матильдѣ: „дошло-де до моего свѣдѣнія, будто Олинька сбирается къ вамъ писать — люди баютъ, може лгутъ". Насчетъ того, что у насъ нѣтъ такихъ полновѣсныхъ поэтовъ, каковы у шведовъ, не могу спорить. Думаю, однакоже, что одинъ Пушкинъ потянетъ довольно! Ярмарка едва-ли не лучшая повѣсть Квитки.

Журналъ. Суббота (26 октября). Фуссъ прислалъ мнѣ отвѣтъ. Онъ говоритъ, что Векстремъ можетъ переслать свой подарокъ по почтѣ на имя академіи наукъ, при письмѣ, безъ платежа вѣсовыхъ денегъ. А Готлунду Шегренъ вамъ приписалъ вотъ что: „По моему мнѣнію, нынѣ уже совершенно тщетно искать въ Украйнѣ потомковъ тѣхъ финновъ, коихъ Карлъ XII тамъ нашелъ, ибо они, безъ всякаго сомнѣнія, давно совсѣмъ обрусѣли. Да и вообще не слыхать, чтобы въ южной Россіи жили гдѣ настоящіе финны. Покойный Раскъ [1]) видѣлъ по Волгѣ не финскія колоніи, а черемисовъ, чувашей и мордвы, и то въ волжскихъ губерніяхъ, а отнюдь не около персидской границы, и еще менѣе въ самой Персіи. Такъ вѣрно и Раскъ говорилъ, но Гот-

[1]) Датскій ученый — филологъ и путешественникъ (по Россіи и Азіи).

*

лундъ его не совсѣмъ понялъ. Въ 1833 г. библіи потребованы были для отправленія на Кавказъ для нѣкоторыхъ солдатъ изъ природныхъ финновъ и эстляндцевъ, о чемъ я прежде, кажется, и увѣдомилъ самого Готлунда. Слѣдовательно, нечего хлопотать". Обѣдалъ я у П. Максимовича, который убѣдительно проситъ Готлунда не безпокоиться насчетъ корелы: онъ хорошо помнитъ коммиссію, а не исполнилъ ея потому, что не было возможности.

46.

(Плетневъ — Гроту) ***Спб., пятн., 1 ноября, 1840.***

Письмо Жуковскаго ко мнѣ въ отвѣтъ на мое поздравленіе его съ помолвкою [1]. „Я сбирался писать къ вамъ, мой добрый, мой любезный П. А., но вы предупредили меня, и я спѣшу отвѣчать на ваше письмо, которое тронуло меня до слезъ. Благодарю, благодарю васъ за то, что мое счастіе такъ вѣрно отозвалось въ вашемъ дружескомъ сердцѣ: душа въ этомъ случаѣ похожа на кокетку; ей любо смотрѣться въ чужую душу, какъ въ зеркало, и любоваться въ ней своимъ счастіемъ, которое можно назвать граціею души. Она можетъ пробыть на землѣ и безъ счастія, но когда до него доберется, то всегда похорошѣетъ. И тогда очень для нея бываетъ пріятно, когда попадется ей вѣрное зеркало, въ которомъ эта благопріобрѣтенная красота не обращается въ уродство, а отражается такою, какова она есть. Моя душа, если не похорошѣла, то помолодѣла съ той минуты, какъ этотъ добрый ангелъ налетѣлъ на нее и шепнулъ ей: пойдемъ со мной. Подлинно добрый ангелъ, посланный мнѣ Провидѣніемъ, которое здѣсь все устроило, безъ моего вѣдома, такъ ясно и чисто, что я безъ всякаго сомнѣнія позволилъ себѣ поднять руку, чтобы взять то благо, которое само далось мнѣ, и котораго бы я себѣ самъ ни надѣяться, ни искать не позволилъ. Это благо кажется мнѣ приготовленнымъ и даннымъ свыше. А все-таки страхъ находитъ на душу. Что Богъ даетъ намъ и какъ даетъ, мы не знаемъ; иногда самое лучшее добро, которое кажется такъ вѣрнымъ, есть не иное что, какъ поводъ къ испытанію; дается, чтобы быть взятымъ; а ты стой прямо и гляди въ глаза несчастію, чтобы не попасть подъ его свинцовыя ноги [2]. Какъ ни велика участь побѣды надъ самимъ собою, но да пройдетъ мимо эта чаша и да сохранитъ мнѣ Богъ то, что Самъ благоволилъ даровать и что теперь даетъ иное значеніе, иную прелесть жизни. Мнѣ будетъ

[1]) Хоть это письмо и напечатано въ Сочиненіяхъ (перепискѣ) Петра Александровича Плетнева, изд. Я. Грота, т. III, стр. 537, мы, однакожъ, его не выпускаемъ здѣсь — въ виду его интереса и сужденія о немъ Плетнева.

[2]) Любимая аллегорія Жуковскаго: онъ всегда представляетъ несчастіе великаномъ со свинцовыми ногами. Кто прямо глядитъ ему въ глаза, у того просвѣтлѣютъ и его глаза; а кто согнется, того растопчутъ свинцовыя ноги чудовища. *Прим. П. П.*

пріятно разсказать вамъ, какъ все это случилось со мною. Теперь не буду входить въ подробности. Два мѣсяца пролетѣли для меня здѣсь, какъ мигъ съ приводящею въ изумленіе быстротою. Черезъ десять дней пускаюсь въ дорогу; она продолжится, вѣроятно, недѣли три; а тамъ мы и увидимся. Что Богъ велитъ потомъ — не знаю. О многомъ не загадываю. Очень будетъ мнѣ весело увидѣть моихъ добрыхъ друзей, принимающихъ въ судьбѣ моей живое участіе, и особенно васъ, мой безцѣнный Петръ Александровичъ. Въ ожиданіи личнаго свиданія скажите Александрѣ Осиповнѣ [1]), что я ее отъ всей души обнимаю: она болѣе другихъ знаетъ, какое сокровище мнѣ досталось. Я къ ней писалъ и радуюсь мыслію, что увижу ее, и что моя Елизавета ей знакома. До свиданія!" — Не правда ли, Яковъ Карловичъ, какъ тутъ весь Жуковскій съ его религіозною, но младенческою душою, съ его поэзіею и наклонностью къ буффонству, съ его философіею и слѣпотою насчетъ всего житейскаго?

Въ послѣднемъ письмѣ къ вамъ не успѣлъ я попросить васъ, хотя думалъ объ этомъ, извѣстить меня обстоятельно о теперешней домашней жизни вашей. Присутствіе Розы Карловны должно оживить у васъ безмолвіе и серіозность, столь естественныя съ одной стороны охлажденнымъ лѣтамъ и заботливости, съ другой ученымъ занятіямъ и непосѣдчивости пылкой крови. Она представляется мнѣ завѣтомъ союза между землею и высью небесной. Мнѣ очень хочется знать весь порядокъ каждаго изъ вашихъ дней въ продолженіе недѣли. Никогда я не жалѣлъ такъ, что навалили на меня ректорскую должность, эту цѣпь, т. е. собачью веревку, какъ теперь. Въ моемъ прежнемъ положеніи я какъ-нибудь успѣлъ бы выканючить себѣ недѣли двѣ свободы и безъ каникулъ, чтобы побывать у васъ. А при этой должности я даже не увѣренъ, отпустятъ ли меня къ вамъ и въ каникулы. Но утѣшаться надобно одною мыслью, что нѣтъ ни одного событія въ жизни, за которымъ бы не крылось оправданіе плановъ Провидѣнія. Я столько разъ уже убѣждался въ этомъ, что рѣдко теперь огорчаюсь чѣмъ-нибудь. По крайней мѣрѣ, вы вводите меня чаще въ нѣдра своей семейной жизни, чтобы я могъ и отсюда чувствовать, когда мнѣ протягивать руку съ веселымъ видомъ, когда съ участіемъ.

Я никакъ еще не могу успокоиться, что неумѣстная запальчивость Эмана и Цигнеуса такъ обидно остановила раскрытіе литературныхъ истинъ. На счетъ жалкаго адвокатства со стороны Рейна и Нервандера я почти успокоился. Чего ждать можно по части морально-эстетическихъ движеній души отъ людей, изъ которыхъ одинъ во всякомъ запыленномъ и безграмотномъ „квелленѣ" [2]) видитъ сладостную

[1]) Смирновой, урожд. Россети, которая знакома съ его невѣстой. *Прим. П. П.*

[2]) Съ нѣмецкаго (Quellen) для обозначенія педанта, объясненіе см. ниже въ письмѣ Плетнева отъ 12 ноября.

пищу для молеобразной души своей, а другой готовъ раздражаться отъ малѣйшаго сотрясенія, отъ легчайшаго звука таланта, если это произошло безъ его вѣдома, безъ вѣдома вѣнценоснаго поэта-физика, котораго осыпали пудрою казенныхъ похвалъ Стокгольмская академія и Петербургская! Но вы непремѣнно должны это испорченное дѣло поправить.

Надобно на нѣсколько мѣсяцевъ остановить всякое нападеніе. Говорить же въ это время можно о замѣчательнѣйшихъ явленіяхъ русской журналистики, какъ вы говорили о новостяхъ литературы въ Финляндіи. Упомянувъ слегка о томъ, о семъ, и для образца составивъ выдержки изъ нѣкоторыхъ статей Отечественныхъ Записокъ, Современника или что попадется другое, наконецъ, обратиться къ статьѣ: „Званые гости". Конечно, вся Финляндія отдастъ справедливость остроумію и драматизму автора, если переводчикъ снабдитъ поясненіями каждое мѣсто, біографическими и критическими замѣтками объ изданіяхъ и издателяхъ.

Вотъ тутъ будетъ мѣсто мимоходомъ замѣтить, какими глазами въ Россіи смотрятъ на шарлатановъ, лавочниковъ и невѣждъ, издающихъ Сѣверную Пчелу, Библіотеку для чтенія и Сына Отечества. Этого не можетъ запретить гельсингфорская цензура, потому что пропущено нашею. Повѣрьте, тогда Рейны и Нервандеры со стыдомъ уползутъ съ арены. Зато вслѣдствіе петербургскихъ отзывовъ, позволительнѣе уже будетъ и финляндскіе пускать въ оборотъ. Сперва должно безъ шуму и осторожно низвести къ самой черни узурпатора, а тамъ чернь и сама его покоритъ, чего никакъ не посмѣетъ сдѣлать, пока онъ сидитъ надъ нею такъ высоко. Въ тонкостяхъ вкуса и творчества Рейнъ — чернь, а Нервандеръ — завистникъ и хитрецъ. Я начинаю лишь теперь чувствовать слѣдствія литературнаго обѣда, на которомъ были Эманъ и Цигнеусъ, а Нервандера не было, тогда какъ онъ себя считаетъ чуть-ли не финскимъ Гёте.

Вообразите, что̀ теперь сдѣлалъ Булгаринъ. Передъ эпохою собиранія новой подписки на газетишку свою, онъ вьется точно угрь или змѣя. Почувствовавъ, что никто не вѣритъ уже его возгласамъ, онъ для убѣжденія публики въ безпристрастіи своемъ напечаталъ такую похвалу роману Лермонтова, какой никто не писывалъ ни Шекспиру, ни Гомеру. Бранивъ прежде Лермонтова при всякомъ удобномъ случаѣ, онъ думаетъ вдругъ привлечь къ себѣ похвалы всѣхъ за справедливость, любовь къ истинѣ и самоотверженіе. Въ одномъ изъ №№ Сѣверной Пчелы вы найдете еще описаніе лицейскаго праздника со стихами (весьма ничтожными) сына Рафаила Зотова [1]). Въ статьѣ выведенъ на сцену Энгельгардтъ [2]), а о Гольтгойерѣ ни слова.

[1]) Рафаила Михайловича, драматурга и беллетриста.

[2]) Егоръ Антоновичъ, первый директоръ Императорскаго Царскосельскаго лицея, ум. 1862 г.

Какая оскорбительная неблагодарность! Можно ли такъ глупо и мучительно оскорблять человѣка заживо и почти невинно? Онъ дѣлалъ, чего требовали. Говорятъ, что новая система тамошнихъ преобразованій состоитъ въ оборотѣ къ методѣ Энгельгардта. 20 октября въ залѣ Дворянскаго собранія данъ былъ еще обѣдъ лицейскими, куда приглашены были и нѣкоторые профессора, напр., Георгіевскій [1]), Шульгинъ [2]). Но Оболенскаго [3]) не пригласили! Еще несообразность. Онъ и профессоръ и инспекторъ. Можно критиковать его, но безъ осужденія наказывать публично — этого не должно допускать въ благоустроенномъ обществѣ. Вотъ каковы у насъ награды за службу!

А давно ли на юбилеѣ Гольтгойера и директоръ и инспекторъ были чествуемы, какъ благотворители воспитывающагося юношества? Вѣтеръ подулъ съ другой стороны и все перемѣнилось. Признаюсь, это наводитъ на меня грусть. Я не партизанъ ни того изъ нихъ, ни другого; но очень понимаю, каково переносить столь явныя и публичныя оскорбленія отъ тѣхъ, кто судитъ, не размышляя! Вѣрно, между всѣми учредителями сихъ праздниковъ ни одной не было головы, спокойно и здраво мыслящей. Что вы объ этомъ думаете? Журналъ Министерства внутреннихъ дѣлъ (шесть №№) посланъ и опять въ вѣчное владѣніе.

47.

(Плетневъ — Гроту) ***Спб., воскр., 3 ноября, 1840.***

Журналъ. Среда (30 октября). Вы помните, Яковъ Карловичъ, Штукенберга [4]), который у Одоевскаго говаривалъ преимущественно о томъ, гдѣ Волга мелѣетъ? Вотъ оный-то Штукенбергъ уже давно просилъ меня доставить ему съ вашею помощью нѣкоторыя свѣдѣнія о путяхъ водяного сообщенія въ Финляндіи. Я ничего напередъ не обѣщалъ ему, сказавши, что спрошу-де у васъ, какъ вы объ этомъ думаете. Между тѣмъ, разъ въ субботу Одоевскій отдалъ мнѣ отъ Штукенберга записочку и когда я пошелъ въ дальнюю комнату спросить у него лично, что̀ надобно сдѣлать по этой записочкѣ, то уже не нашелъ Штукенберга. Но я догадываюсь, что онъ выписалъ для васъ пособія, изъ которыхъ вы можете почерпнуть необходимыя для него свѣдѣнія. Навѣрное, не умѣю сказать. По крайней мѣрѣ, увѣдомьте меня, найдете ли вы въ Гельсингфорсѣ книги, на которыя онъ ссылается. Вотъ какая его записка: „Connaissance détaillée hydrographique, nautique et statistique des ports, hâvres, ancrages et mouillages de

[1]) Петръ Егоровичъ, профессоръ латинской и русской словесности въ Александровскомъ лицеѣ, ум. 1852 г.

[2]) Иванъ Петровичъ, профессоръ всеобщей исторіи и писатель, ум. 1869 г.

[3]) Андрея Филипповича, старшаго наставника Александровскаго лицея, ум. 1871 г.

[4]) Ивана Өедоровича, географа (автора „Русской Гидрографіи“), ум. 1856 г.

Finlande (y comprises les iles d'Aland), depuis Wibourg jusqu'à Torneo". Можетъ быть, онъ желаетъ единственно, чтобы вы только надоумили его, куда и чьимъ посредствомъ онъ долженъ обратиться, чтобы снабдить себя извѣстіями по части предмета, здѣсь изложеннаго. Не забудьте въ отвѣтѣ ко мнѣ сказать что-нибудь насчетъ этого любопытства водописателя. Да еще я жду отъ васъ отвѣта на запросъ о зырянскихъ, черемисскихъ, чувашскихъ и вотякскихъ грамматикахъ: нужно ли ихъ покупать, или только справиться о существованіи ихъ, которое, кажется, не подвержено сомнѣнію, если можно было даже въ Гельсингфорсѣ составить каталогъ ихъ?

Кончилъ лекціи въ университетѣ и отправился съ визитомъ къ графинѣ Пушкиной. Мужъ ея въ послѣднее воскресенье, видѣвшись со мной у Карамзиныхъ, намекнулъ мнѣ о Современникѣ, который-де въ Гельсингфорсѣ лежитъ на столѣ у каждаго порядочнаго гражданина. Догадавшись, чего ему хочется, я въ понедѣльникъ же отправилъ экземпляръ и письмо къ графинѣ, гдѣ сказалъ, что Современникъ, по милости Якова Карловича Грота, весь наполненъ Финляндіей и особенно Гельсингфорсомъ. По этому и судить о немъ предлежитъ только вашему сіятельству. Вотъ мнѣ въ среду и захотѣлось послушать, не скажетъ ли она чего о трудахъ нашихъ. Но ни мужа, ни жены не было дома. Я отправился домой, гдѣ нашелъ всю свою колонію за итальянскимъ урокомъ у Вареси.

Послѣ обѣда я уговорилъ Ал. Ос. отправиться со мной за кузиной. Возвратясь домой, мы нашли у насъ Протопопова, который показался мнѣ гораздо въ лучшемъ здоровьѣ, нежели въ прошлую среду. Пришелъ и Ѳ. Ѳ., а за нимъ Панаевъ [1]) съ Бѣлинскимъ. Бѣлинскій скрываетъ свое неудовольствіе за статьи Квитки, но оно просвѣчиваетъ, а что-то онъ и Краевскій скажутъ, прочитавъ въ № 1-мъ, 1840 года „Записки Евстратія Мякушкина" [2])? Будетъ горе мнѣ!

Четвергъ (31 октября). Другой день идетъ мокрый грязный снѣгъ. Я, однако-же, потащился пѣшкомъ въ правленіе, а оттуда онымъ же методомъ домой.

Пятница (1 ноября). Погода такъ была дурна, что я запретилъ себя будить и не поѣхалъ въ Царское Село. На обѣдъ отправился къ Растопчиной. Тамъ былъ и Одоевскій и Фиглеръ [3]). Толковали объ изданіи ея стихотвореній. Вечеръ провелъ у Балабиныхъ.

Суббота (2 ноября). Опять понапрасну изъ университета заходилъ къ Модесту Андреевичу. Ни его, ни баронессы не сказываютъ дома.

[1]) Иванъ Ивановичъ, извѣстный литераторъ, впослѣдствіи редакторъ Современника.

[2]) См. „Мемуары Евстратія Мякушкина" въ отдѣлѣ критики Современника, т. XXI, 1841 г.

[3]) Книгопродавецъ-издатель.

За то нашелъ дома графа Пушкина. Онъ со мной необыкновенно любезенъ: много разсказывалъ про свое холостое житье въ Гельсингфорсѣ, про Закревскаго [1]) и проч. Онъ очень совѣтуетъ мнѣ на святки ѣхать къ вамъ и увѣряетъ, что мнѣ гораздо будетъ у васъ веселѣе, нежели я могу надѣяться. И безъ его совѣтовъ не утерпѣлъ бы я, еслибъ не проклятое ректорство.

Въ воскресенье (3 ноября) развели мостъ — и моя Оля не попала ко мнѣ. Визиты мои были: къ Ребиндеру, коего не засталъ; къ Делю [2]) тоже; къ Краевскому — съ нимъ кое о чемъ поболталъ; наконецъ — къ Армфельтовымъ — нашелъ всю семью картинно и парадно расположившуюся въ гостиной. Графиня (мать) необыкновенно любезна была со мной. Графъ разсказалъ о важномъ переворотѣ въ Швеціи, по коему дворянство отказалось отъ своихъ преимуществъ, и съ прочими классами народа будетъ составлять одну палату. Также говорилъ о глупостяхъ защитниковъ Булгарина въ газетѣ вашей: но важнѣйшее открылъ, что мой планъ насчетъ усиленія ученія русскаго языка въ вашемъ университетѣ понравился Его Высочеству и, вѣроятно, будетъ приведенъ въ исполненіе. Гедвига и Маріанна [3]) сидѣли на низенькой пунцовой софѣ. Первая изумительно была хороша, но именно потому, что не стояла и не говорила: иначе ея сутуловатость и переднiе некрасивые зубы испортили бы эту восхитительную картину. Я, глядя на нее, думалъ о Цигнеусѣ и соглашался, что Гедвига — красота небесная. Маріанну спрашивалъ я, пишетъ ли она къ Матильдѣ и, получивъ утвердительный отвѣтъ, посовѣтовалъ для практики писать по-русски. Пожалуйста, передайте это Матильдѣ. Я за нее поручился, что она не откажется отвѣчать по-русски. Обѣдалъ дома, а вечеръ (за болѣзнію Быченской) провелъ у Карамзиныхъ. Жуковскій уже въ Царскомъ Селѣ, но я еще не видалъ его.

Отвѣтъ на письмо отъ 25, 26, 27, 28, 29 и 30 октября.

Ежели состоится планъ, то вамъ не прежде достанется читать лекціи, какъ года черезъ два, т. е., пока лекторы и экстраординарные профессоры успѣютъ наготовить вамъ достойныхъ слушателей. Но въ эти два года вы будете работать вліяніемъ своимъ на прочихъ преподавателей и приготовите матеріалъ для своихъ лекцій. О брошюрѣ Кёнига справлюсь. Поздравляю васъ съ блестящимъ именемъ въ Швеціи. Изъ послѣдняго моего письма вы уже видѣли, какъ я, до улики Нервандера въ негодностяхъ, разгадалъ его: у меня много инстинктивной проницательности.

[1]) Графа Арсенія Андреевича, бывшаго генералъ-губернатора финляндскаго съ 1823 по 1831 г. (когда назначенъ Меньшиковъ), ум. 1865 г.

[2]) Александру Францовичу, правителю канцеляріи попечителя С.-Петербургскаго учебнаго округа.

[3]) Дочери графа А. Армфельта.

Попросите Матильду, чтобы она ни за что на меня не сердилась. Скажите, онъ-де не только стиховъ, да и себя не полѣнится прислать къ вамъ, буде — на что понадобится. Предпріятіе Литературнаго журнала мнѣ очень нравится, а особенно то, что за каждую книжку будетъ отвѣчать особый издатель. Такъ непремѣнно пойдетъ, а иначе разойдется онъ. Переводъ рескрипта (какъ я уже писалъ) напечатанъ. Сравненіе Протопопова, по Рунебергу, прелестно. Онъ со мной очень сходится. Выписки изъ Конисскаго напечатаны на 208 стран. VIII тома сочиненій А. Пушкина.

Не отговаривайте учиться итальянскому. Въ этомъ возрастѣ только и можно учиться языкамъ. А что и на что пригодится — объ этомъ никто правды не скажетъ. Знаніе не тяготитъ, а время и такъ пропадетъ же, какъ деньги.

Спать я не ложусь раньше 3 часовъ, а встаю въ 9 часовъ. О пересылкѣ лексикона попросите Урсина, чтобы онъ по нѣскольку тетрадей пересылалъ въ канцелярію Ребиндера, на имя ректора С.-Петербургскаго университета. Ужели и этого нельзя? Въ противномъ случаѣ, оставьте его до моей или вашей поѣздки. Я воображаю, какъ умно Соловьевъ напишетъ отвѣтъ. Вѣрно и анекдотъ приплететъ (въ отмщеніе), что близъ Дерпта студенты поколотили одного русскаго литератора. Не забывайте поддерживать меня подъ часокъ въ памяти m-me Вульфертъ.[1]) Я ее очень люблю. Завтра ѣду въ Царское Село въ послѣдній разъ. Вечеромъ 6 ноября Дворъ переѣдетъ въ городъ. Ледъ на Невѣ, между тѣмъ, вѣроятно, остановится. Сообщеніе на саняхъ сократитъ время переѣздовъ. Все это даетъ мнѣ надежду оправдаться передъ вами, милый Яковъ Карловичъ. До сихъ поръ я ничего не написалъ для книги нашей. Это не значитъ, что я отнѣкиваюсь. Но, признаюсь, желалъ бы отъ васъ пообстоятельнѣе услышать, можно ли мнѣ во второй разъ писать о юбилеѣ и проч.

Не укажете ли вы мнѣ новаго предмета? Не взять ли за сюжетъ общество или бытъ финляндцевъ? Правда, что я видѣлъ и наблюдалъ не много. Однимъ словомъ, мнѣ очень нужно ваше содѣйствіе. Я каждую вашу идею обсуживаю и передаю вамъ результаты. Будьте и вы ко мнѣ тѣмъ же. Наша переписка стоитъ того, чтобы для нея иное-прочее и сократить.

48.

(Изъ письма Грота къ Ишимовой). ***Гфорсъ, 4 ноября 1840.***

...Въ четвергъ утромъ съ почты пошелъ къ Чепурнову попросить у него Пчелы за весь годъ, чтобы по желанію Эмана доставить ему нѣ-

[1]) Жены почтъ-директора А. Вульферта.

которые №№. Вообразите же, что я услышалъ отъ генерала: что онъ велѣлъ племяннику своему Концову перевести (низкую) статью Нервандера и, поправивъ ее, пошлетъ Булгарину. Я остолбенѣлъ, но немножко утѣшился, подумавъ, каковъ будетъ переводъ. Война изъ-за этого пустяка продолжается; пока ждутъ здѣсь какой-то статьи въ защиту Цигнеуса; Эманъ опять тиснулъ славный панегирикъ Булгарину. Надобно признаться, что у него перо, какъ перочинный ножичекъ: красиво и рѣзко.

Наконецъ, и я рѣшился положить гирьку на правую вѣсовую чашку, и написалъ статью, разумѣется, не полемическую, а только излагающую спокойно и безъ ѣдкостей настоящее положеніе дѣла. Въ ней не упоминается ничьего имени и только говорится о вещахъ, причемъ употреблены и любимыя идеи Петра Александровича, что о дурныхъ писателяхъ вовсе не нужно распространяться и чтобы стараться дать финляндцамъ истинное понятіе о русской литературѣ и русскихъ. Что я сочинитель этой статьи — останется тайной, если (что, впрочемъ, трудно) сами не догадаются. Я сперва написалъ ее по-русски, а теперь самъ перевожу по-шведски. Къ счастію, я въ то же время нашелъ въ лейпцигскомъ, здѣсь получаемомъ журналѣ „Blätter für literarische Unterhaltung" превосходную статью о русской литературѣ, написанную, повидимому, съ разсказа какого-нибудь москвича. Въ ней отдается полная справедливость пріятелю финляндцевъ съ братіей; извлеченіе изъ нея составитъ продолженіе моей статьи. Между прочимъ, въ нѣмецкой статьѣ упомянуто и о томъ, что въ Современникѣ, издаваемомъ *профессоромъ Плетневымъ*, появляются „interessante Studien" о литературѣ шведовъ, какъ доказательство, что русскіе съ любовію изучаютъ всѣ европейскія литературы.

Четвергъ. Изъ этой нѣмецкой статьи сдѣлаю я для одной здѣшней газеты извлеченіе по-шведски, — она будетъ сильной опорой для убѣжденія народа въ истинѣ.

Въ прошлый четвергъ вечеромъ пробылъ я съ часъ у Чепурнова, которому поутру обѣщалъ притти, чтобы отвязаться, а оттуда отправился къ Траверсе, зашедъ напередъ къ молодому Валлену, пріѣзжавшему послѣ обѣда предложить мнѣ это по зову m-lle Спафарьевой [1]), бель-сёры маркиза, заступающей въ его домѣ хозяйку. Марія была особенно хороша. У ней изъ-за пояса торчали, блѣдныя отъ зависти, почти всѣ гельсингфорскія барышни. Исключить надобно графиню, которая только въ умѣ и образованіи уступаетъ маркизѣ, и развѣ еще двѣ-три, о которыхъ, по крайней мѣрѣ, нельзя говорить съ пренебреженіемъ. Я снесъ маркизѣ часть стихотвореній Францѐна и одну рукопись Рунеберга. Былъ я еще съ Цигнеусомъ у нѣкоего статскаго

[1]) Екат. Леонт., сестры покойной жены маркиза Траверсе.

совѣтника Тёрнквиста [1]), служащаго въ сенатѣ и имѣющаго главный надзоръ надъ цензурою. Цигнеусъ уговорилъ меня познакомиться съ нимъ для общей пользы; но я сожалѣлъ, что пошелъ. Тёрнквистъ показался вовсе не интересенъ: говорили о пустякахъ и раскланялись. Онъ видимо старался не допустить разговора до чего-нибудь серіознаго. Въ воскресенье былъ я у Армфельтовъ и братьевъ Гартмановъ. Мать съ дочерью ѣхали со двора, однакожъ, уговорили посидѣть съ ними. У Гартмана „лавровая" дочь [2]) сидѣла за фортепіано. Всѣ думаютъ, что братъ его (тайный худощавый совѣтникъ) замѣнитъ со временемъ графа Ребиндера. Вечеромъ читалъ я вслухъ у Грипенберга шведскія газеты.

49.

(Гротъ — Плетневу) ***Гфорсъ, вторн., 5 ноября, 1840.***

Въ отношеніи къ способу самаго составленія писемъ позвольте съ вами поспорить. Зачѣмъ безъ нужды стѣснять свободу въ своихъ изліяніяхъ! Зачѣмъ не писать въ разные пріёмы: когда и какъ захочется? Правда, письмо ваше тогда не лежитъ передо мною, и я отвѣчаю на-обумъ; но мое письмо никогда не запечатывается прежде, какъ когда я посмотрю въ вашемъ, не забылъ ли я чего-нибудь. Если же и тогда не на все отвѣчаю, то или потому, что сбираюсь сдѣлать это въ другой разъ при болѣе удобномъ случаѣ, или что не нахожу надобности распространяться.

Рѣчь Лагуса (онъ родственникъ Гейтлину) не напечатана и прочесть ее негдѣ; идея ваша о томъ, какъ говорить про русскихъ писателей сама въ себѣ носитъ уже отвѣтъ мой.

Хотя мистическое ваше предположеніе на счетъ Пōркало и заключаетъ въ себѣ много поэзіи, оно не оправдывается на дѣлѣ, ибо слово это означаетъ *мѣсто* какого-то *рыболовнаго* снаряда. Замѣчаніе о краткости статьи вашей не упрекъ, а простительное сожалѣніе. Восклицаніе: „хорошъ"! пояснено слѣдующимъ за нимъ выраженіемъ: „дѣйствительно хорошъ"; лучше нельзя было ничего написать.

Что касается до Булгарина, то я пишу объ этомъ Ал. Осип. По участію вашему въ правомъ дѣлѣ, разскажу вкратцѣ планъ приготовляемой мною статьи: „Всегда и вездѣ было два рода писателей: характеристика хорошихъ истинныхъ, характеристика самозванцевъ-надувалъ; естественная борьба между тѣми и другими; эта противоположность существуетъ и въ русской литературѣ, причемъ по-

[1]) Pehr Jon. Törnquist, бывшій секретаремъ въ сенатѣ, потомъ членомъ въ юстицъ-департаментѣ сената, позже сенаторомъ, ум. 1870 г.

[2]) Розина, игравшая роль на магистр. промоціяхъ (на универс. юбилеѣ). Она, рядомъ съ Матильдой Армфельтъ и маркизой М. А. Траверсе, принадлежала къ числу красавицъ Гельсингфорса; ея имя въ дальнѣйшей перепискѣ встрѣчается часто.

слѣдній разрядъ подраздѣляется на множество вѣтвей, ибо въ царствѣ лжи свирѣпствуютъ междоусобія. Не то ли и въ Финляндіи? Вообще здѣсь писатели добросовѣстные — публику трудно надуть. Но не могъ ли бы обмануть ее заморскій наѣздникъ? Отвѣчали бы рѣшительнымъ отрицаніемъ, еслибъ не послѣдняя война. Между одномыслящими повсюду родство, но не ему надо приписать это странное явленіе, ибо очевидно судили безъ знанія дѣла; чему же? не наше дѣло. Это пятно для финской журналистики; однакожъ дѣло имѣетъ и полезную сторону — начало знакомства съ русскою литературою. Если финляндцы хотятъ заниматься ею, то пусть обратятъ вниманіе на ея свѣтлую сторону, вотъ чѣмъ докажутъ благодарность хвалителямъ ее. Стыдно, что финляндцы еще не знаютъ Россіи, когда ее уже изучаютъ нѣмцы. Ссылка на нѣмецкія статьи о русской литературѣ. — Шведы, финны, русскіе должны въ литературѣ составлять только одинъ народъ".

Среда. Въ такомъ видѣ была статья моя вчера: сегодня поутру я нашелъ средство сдѣлать ее короче и живѣе, перемѣнивъ вовсе первую половину. Но объ этомъ въ другой разъ. Вчера вечеромъ принесли мнѣ письмо отъ Эмана; онъ очень благодаритъ за совѣтъ прекратить полемику и замѣчанія на его статью для нашей книги. Онъ проситъ на будущій годъ моей помощи для распространенія свѣдѣній о русской литературѣ; хочетъ сдѣлать извлеченіе изъ „Званыхъ гостей" и „Маріи Ѳедоровны", вслѣдствіе чего я наваляль къ нему предюжее письмо, сообщивъ ваши мысли. Кажется, пойдетъ дѣло на ладъ. Наша „Финляндія" что-то не клеится: никто не сообщаетъ статей! Если Франценъ не пришлетъ ничего, придется отказаться отъ благой мысли. Книги, о которыхъ проситъ Кастренъ, вѣроятно не составятъ большой суммы: въ такомъ случаѣ велите купить ихъ.

Напрасно вы съ такимъ презрѣніемъ говорите о профессорахъ: есть же между ними и хорошіе люди. Во всякомъ званіи болѣе дурныхъ, нежели годныхъ; развѣ *чиновникъ* лучше? Колланъ—горбатенькій магистръ; то, что въ моей статьѣ говорится о лирическихъ пѣсняхъ по случаю *Кантелетаръ* — взято изъ его статьи. Онъ будетъ издавать въ будущемъ году *Гельсингфорскій утренній Листокъ*, основанный Рунебергомъ въ 1833 г., и получать за то 800 руб. въ годъ отъ книгопродавца Френкеля. Листокъ выходитъ 2 раза въ недѣлю по полулисту. Векстрему и Готлунду сообщилъ я присланныя вами свѣдѣнія; послѣдній, которому я не называлъ Шегрена, остался не вполнѣ удовлетворенъ.

Послѣ гостей. У дамъ были молодой Клинковстремъ съ женой, маркизъ Траверсе и сынъ Грипенберга, а у меня Кастренъ (послѣ урока), Готлундъ и Колланъ. Я кочевалъ отъ однихъ къ другимъ. Колланъ сказалъ мнѣ, что онъ перевелъ для нынѣшняго „Утренняго Листка" изъ моей статьи то, что относится до Ленрота и Цигнеуса.

Маркизъ увѣряетъ, что по вѣрнымъ слухамъ Модестъ Андреевичъ [1]) сдѣланъ министромъ юстиціи. Правда ли?

Благодарю за письмо Жуковскаго; въ самомъ дѣлѣ, изъ него и тотъ, кто не знаетъ этой души, можетъ получить о ней ясное понятіе. Не много такихъ. Когда вы его ожидаете?

Домашняя жизнь наша теперь спокойна и свѣтла. Только что мы поселились на порядочной квартирѣ, хозяйство устроилось и все пошло по старому — душевное спокойствіе маменьки возстановилось. Она уже почти сознается сама, что нынѣшнее наше житье лучше петербургскаго и всегда бываетъ довольна. Сестра также какъ я счастлива, когда можетъ спокойно сидѣть за своею книгою; я предлагаю обѣимъ свои услуги для комиссій въ городѣ, и когда нужно провожаю ихъ. Что до меня, то я встаю между 4-мя и 6-ю часами; въ 8-мъ пьемъ кофе, въ 10-мъ или въ 10 ухожу со двора по какому-нибудь дѣлу и, возвратясь, занимаюсь до второго часа; опять ухожу для гулянья. Въ 2 часа мы обѣдаемъ; вскорѣ послѣ обѣда, если погода дурна, я сажусь читать газеты; если хороша — иду гулять или по дѣлу; для посѣщеній у меня одно только время — вечеръ отъ $6^1/_2$ или 7 часовъ. Поутру я учусь и пишу, послѣ обѣда читаю, вечеромъ разговариваю; гуляю, какъ вы видѣли, во всякое время дня. Вашу мысль объ участіи Провидѣнія въ нашей судьбѣ я вполнѣ раздѣляю; по крайней мѣрѣ и меня, какъ васъ, ведетъ къ этому убѣжденію наблюденіе всѣхъ обстоятельствъ *моей* жизни.

Что за слово „квелленъ"? Изъ извѣстія о послѣднемъ ратованіи Эмана вы видите, что запрещеніе писать въ этомъ духѣ не слишкомъ важно. Во всякомъ случаѣ, при содѣйствіи Эмана, Коллана и Кастрена, я надѣюсь разлить здѣсь постепенно довольно много свѣдѣній о русской литературѣ.

Четвергъ 7 ноября.

У насъ уже нѣсколько дней препорядочно морозитъ; теперь до 10°, такъ что я уже щеголяю въ шубѣ.

Образчикъ здѣшнихъ сплетней: на балу, что давался въ *харчевнѣ*, я плясалъ между прочимъ съ m-lle Б... Вотъ какой-то армейскій бездѣльникъ и распустилъ слухъ, что я женихъ ея! Мнѣ изъ Свеаборга писали, что тамъ въ одномъ обществѣ пресеріозно разсуждали (взвѣшивая доходы жениха и невѣсты), что я дѣлаю большую глупость. А я и въ домѣ Б. не бывалъ ни разу, а знаю мать съ дочерьми по встрѣчамъ въ саду и на водахъ. Что лицейскіе поступили очень неполитически, я согласенъ съ вами; но впрочемъ, если на обѣдѣ въ Дворянское собраніе были приглашены только немногіе избранные, то на этотъ разъ бѣда не такъ велика. Важнѣе то невниманіе, которое оказали Гольтгойеру, не пригласивъ его въ лицей на спектакль. Кто же пиро-

[1]) Баронъ Модестъ Андреевичъ Корфъ.

валъ въ Дворянскомъ собраніи, т. е. какіе курсы? Не слышали ли вы, гдѣ сбирался нашъ шестой курсъ? За журналы, которыхъ я еще не получилъ, благодарю. Объ этомъ я вижу, съ вами распространяться нечего.

50.

(Плетневъ — Гроту) ***Спб., пятн., 5 ч. веч., 8 ноября 1840.***

Журналъ. Вторникъ (5 ноября). Былъ въ Царскомъ Селѣ. Прежде чтенія Великая Княжна Ольга Николаевна разсказывала мнѣ все про Жуковскаго и его невѣсту. Теперь и Она на его сторонѣ. Невѣста, какъ они узнали по ея письму къ кому-то, не только влюблена въ Жуковскаго, но считаетъ себя недостойной этого счастья, которое послалъ ей Богъ. За два года передъ симъ у Жуковскаго мелькнула мысль, когда онъ смотрѣлъ на нее, что только одна она могла бы составить его счастье, какъ жена. Послѣ никогда онъ объ этомъ не думалъ. Въ нынѣшнее пребываніе его въ Дюссельдорфѣ, отецъ и мать ея первые замѣтили, что онъ что-то думаетъ про ихъ дочь. Наконецъ, онъ имъ рѣшился сказать. Они не противились, но опредѣлили, чтобы онъ самъ переговорилъ съ нею. Два мѣсяца не было у него духу приступить къ этому. Однажды, гуляя съ нею въ саду, онъ вынулъ маленькіе часы и, показывая ей, сказалъ: видите вы эти часы? Они измѣряютъ время, слѣдовательно и жизнь. Хотите ли вы ихъ принять отъ меня, а съ ними и время и жизнь мою? — Вмѣсто отвѣта она повисла на его шеѣ и уже цѣловала его. Видно, какъ ея душа была готова къ принятію этой поэтической души 60-ти-лѣтняго юноши. Разъ, шутя, онъ, бывъ только съ ея матерью и съ нею, сказалъ, что для чужихъ будетъ первую выдавать за жену свою, а вторую за дочь,—невѣста такъ разсердилась, что онъ насилу выпросилъ у нея прощеніе. Если она ведетъ себя умно, онъ зоветъ ее Эльзой; когда она шалитъ, онъ уже называетъ ее Бетси, — а когда она задурачится, онъ кричитъ только: Bête. Такихъ мелочей я много наслышался отъ милой живописицы, не перестававшей маслить черкеса. Мы потомъ продолжали чтеніе мелкихъ пьесъ Пушкина.

Пріѣхавъ домой, я обѣдалъ у себя. Вечеромъ (такъ какъ Жуковскій былъ уже въ городѣ) я рѣшился отыскать его. Для этого думалъ околесить Растопчину, Смирнову и Карамзиныхъ, въ увѣренности, что отъ кого-нибудь узнаю, гдѣ онъ проведетъ вечеръ. У Растопчиной нашелъ я Мятлева, князя Мещерскаго (зять Карамзиной) и Владиміра Карамзина (льва петербургскаго). Мещерскій мнѣ сказалъ, что Жуковскій обѣдалъ у нихъ, рѣшась и вечеръ провести у нихъ же. Пообѣдавъ съ ними, послушавъ пустяковъ Мятлева и милыхъ новыхъ стиховъ Растопчиной, я рѣшился до начала моднаго вечера заѣхать къ Ѳ. Ѳ. Корфу. Его засталъ я на отъѣздѣ съ женой и ея братомъ (не Андр. Егоров.) тоже съ женой — въ гости. Дѣло объ опредѣленіи Ѳ. Ѳ.

генеральнымъ консуломъ идетъ (по секрету отъ родныхъ) хорошо. Министерство располагалось послать въ Арзрумъ Кодинца[1]), который на свое мѣсто рекомендовалъ Корфа. Итакъ, онъ, будучи вызываемъ, имѣетъ право предлагать условія. Онъ жалованья хочетъ 16 тыс. руб. асс., на проѣздъ столько же, да тамъ квартиру съ освѣщеніемъ, отопленіемъ и проч. Сверхъ того, казна должна платить за всѣ празднества, которыя онъ сочтетъ нужными. Вотъ каковъ! Только со мной онъ неисправенъ. Обѣщаетъ затопить Современникъ изъ Арзрума статьями, а теперь строки не могъ приготовить изъ писемъ Тургенева [2]), которыя держитъ у себя два мѣсяца.

Отъ него отправился я къ Карамзинымъ. Вошелъ я въ ту минуту, когда Жуковскій кончилъ разсказъ о своемъ сватовствѣ. Зная уже многое отъ Великой Княжны Ольги Николаевны, я не хотѣлъ упрашивать его повторять. Онъ привезъ и портретъ невѣсты, писанный въ Дюссельдорфѣ знаменитымъ Зономъ. Вообразите идеалъ нѣмки. Бѣлокурая, лицо самое правильное; потупленные глаза, съ крестикомъ на золотомъ шнуркѣ; видна спереди изъ-подъ платья рубашечка; края лифа у платья на плечахъ обшиты тоже чѣмъ-то въ родѣ золотого узенькаго галуна; невыразимое спокойствіе, мысль, умъ, невинность, чувство — все отразилось на этомъ портретѣ, который я назвалъ не портретомъ, а образомъ. Точно можно на нее молиться. Самая форма картины, вверху округленной, съ голубымъ fond — все производитъ невыразимое впечатлѣніе. Весь вечеръ мы любовались на этотъ образъ. Я говорилъ Жуковскому о томъ, что ему надобно писать благодарственное письмо въ Гельсингфорсъ. Онъ готовъ былъ все взвалить на меня. Ни я, ни онъ — мы по-латыни написать не сможемъ. Не знаю, какъ быть? Я рѣшился посовѣтоваться съ вами. Намъ приходится писать по-русски. Развѣ не уговорить ли его отвѣчать по-нѣмецки? Но во всякомъ случаѣ нужно знать форму отвѣта церемоннаго: адресовать ли его къ ректору, или въ факультетъ, или въ консисторію. Милый Яковъ Карловичъ! Выводите Жуковскаго изъ затрудненія. Пришлите заготовленный совсѣмъ отвѣтъ по-нѣмецки. Я дамъ ему подписать, запечатаю, да и отошлю къ вамъ, а вы передадите по принадлежности. Отъ Карамзиныхъ мы возвращались въ его каретѣ. Я еще нѣсколько разспрашивалъ его о невѣстѣ. Она не мечтательница; у нея совсѣмъ ясный умъ; росту она немножко ниже Жуковскаго, слѣдовательно съ меня. Портретъ ея писали тогда, когда Жуковскій ей читалъ книгу. На картинѣ лицо взято въ профиль, оттого ея глазъ совсѣмъ не видать. Они темно-сѣрые. Цвѣтъ лица чистый, бѣлый. Черты большія. Линія отъ подбородка идетъ ко лбу,

[1]) Дм. Федор. Кодинецъ, состоявшій въ вѣд. Азіатскаго д-та.

[2]) См. письмо отъ 27 сентября.

образуя тупой уголъ, что придаетъ лицу выраженіе умное и интересное. Жуковскій здѣсь проживетъ шесть мѣсяцевъ и, кончивъ дѣла свои, уѣдетъ въ Германію на два года. Послѣ уже, какъ онъ думаетъ, переселится въ Россію. Я ему разсказывалъ о Рунеберговомъ сравненіи закрытаго человѣка съ шиповникомъ; онъ его нашелъ прелестнымъ. Возвратясь домой, я нашелъ карточку Константина Карловича Грота. Она меня обрадовала и опечалила. Вообразите: онъ не надписалъ на ней, гдѣ его найти. Тутъ же я нашелъ № Журнала для кадетъ. Писалъ ли я вамъ, что въ этомъ журналѣ изъ Современника перепечатана вся ваша статья „Гельсингфорсъ" и съ подписью имени? Въ мною названномъ увидѣлъ я окончаніе сей статьи.

Среда (6 ноября). Съ воскресенья до нынѣшняго дня не было сообщенія съ Васильевскимъ островомъ. Сегодня начали люди перебираться по мосткамъ. Я получилъ письмо отъ Квитки съ III частью „Столбикова" (романъ его). Кажется, мои отзывы насчетъ журнальной братіи подѣйствовали на него. Онъ навсегда и рѣшительно отказался отъ всякаго сношенія съ этими господами, желая видѣть себя или въ отдѣльномъ изданіи, или въ Современникѣ. Впрочемъ, избранный въ предсѣдатели уголовной палаты, онъ не можетъ попрежнему писать много. Такъ какъ сегодня не явился еще экзекуторъ съ Острова, то я самъ отправился на почту, чтобы отдать къ вамъ письмо. Оттуда я зашелъ къ Вяземскому, чтобы посовѣтоваться насчетъ одного мѣста въ письмахъ Тургенева, гдѣ разсказывается о смерти Коцебу [1]). Если не забуду и не вытребуютъ у меня этихъ писемъ, то я намѣренъ это мѣсто переписать для васъ.

Вяземскій много, умно и откровенно говорилъ со мной о Пушкинѣ-покойникѣ. Отдавая всю справедливость его уму и таланту, онъ находитъ, что ни первая молодость его, ни жизнь вообще не представляютъ того, что̀ бы внушало къ нему истинное уваженіе и участіе. Виною — обстоятельства, родители, знакомства и духъ времени. Но Лермонтовъ, поэтъ, за дуэль съ сыномъ Баранта сосланный изъ Гусарскаго полка на Кавказъ, конечно, еще менѣе Пушкина заслуживаетъ соучастія къ судьбѣ своей, потому что Пушкинъ дѣйствовалъ не въ подражаніе кому-либо, а по несчастному стеченію обстоятельствъ, соблазнившихъ его; Лермонтовъ же гонится за извѣстностью въ роли Пушкина, — и тѣмъ смѣшонъ; таково о немъ мнѣніе Вяземскаго же. На вечерѣ у меня никого не было, кромѣ Лангера и Вишнякова [2]) (молодаго чиновника изъ министерства военнаго, который мнѣ знакомъ по Павловскому корпусу). Скука была смертная. Бывъ у Александры Осиповны, я прочелъ ей и Олѣ ваше послѣднее письмо. И онѣ сердятся, что вы нападаете на

[1]) Коцебу, Августа, извѣстнаго писателя-драматурга (ум. 1819 г.).

[2]) Алексѣя Александровича, служившаго въ комиссаріатскомъ департаментѣ.

итальянскій языкъ; вы воображаете, что дѣвушку можно учить серьезно. Это она сама можетъ сдѣлать, когда ее перестанутъ учить. А теперь будетъ съ нея и того, что она получитъ первыя данныя къ будущей работѣ. Начинать труднѣе послѣ, такъ какъ теперь ей невозможно „скушать собачку".

Четвергъ (7 ноября). Цѣлое утро убилъ я съ „книжниками" (какъ называетъ мой Григорій — Фишера, Глазунова и Заикина). Все совѣтуются со мной объ изданіи Растопчиной и А. Пушкина. Кстати о Лермонтовѣ: не перевести ли вамъ на шведскій языкъ его романъ: „Герой нашего времени"? Онъ не великъ. А вѣдь прелесть. Это подняло бы порядочные таланты въ мнѣніи Финляндцевъ и уронило бы Булгарина. Подумайте-ка, да не забудьте отвѣтить на это.

Пятница (8 ноября). Отправилъ къ вамъ № 7 Журнала Министерства внутреннихъ дѣлъ и №№ I и II Казанскихъ Ученыхъ Записокъ. Передъ обѣдомъ былъ у Жуковскаго. Онъ мнѣ читалъ письмо къ нему новаго Короля Прусскаго! Прелесть! Государь говоритъ частному лицу: „Надѣюсь, что никогда васъ не заставлю краснѣть при мысли, зачѣмъ вы обнимали меня, какъ друга. Знаю, что, посылая вамъ орденъ, я мѣшаю васъ съ толпою, но я свято исполняю узаконеніе отца моего" и проч. Жуковскій и всѣ въ восторгѣ отъ него. Дай Богъ!

51.

(Плетневъ — Гроту) ***Спб., вторн., 12 ч. ночи, 12 нояб. 1840.***

Отвѣтъ: „Идея ваша о томъ, какъ говорить про русскихъ писателей, сама въ себѣ носитъ уже отвѣтъ мой". Не значитъ ли это, что вы, Яковъ Карловичъ, одного со мною мнѣнія? Зачѣмъ же не сказано это прямѣе? Еще загадка: „Не наше дѣло судить, отчего явилась война между одномыслящими въ Финляндіи головами". Пожалуйста, изъясняйтесь рѣшительнѣе. Планъ вашей статьи (которую на другой день вы передѣлали), по моему мнѣнію, былъ очень хорошъ. Впрочемъ, въ такихъ дѣлахъ все зависитъ отъ самаго исполненія плана. Я такъ увѣренъ въ вашемъ умѣньѣ, что, какъ бы вы ни приступили къ этому дѣлу, оно будетъ исполнено достойнымъ образомъ. Объ изданіи *Финляндіи* нельзя отчаяваться: Сологубъ (котораго свадьба завтра) не прочь отъ участія. Къ 1 декабря обѣщаетъ навалять статью. Я тоже: только жду вашихъ совѣтовъ, да и Одоевскій не отказался еще. За Францѐна поручиться нельзя. Онъ далеко и старъ больно. Впрочемъ, его собственная персона даетъ каждому изъ насъ предметъ для статьи. Для Кастрена книги куплю, если найду въ продажѣ. Я не говорю, что чиновникъ лучше профессора, только послѣдній (въ которомъ бы должно быть все хорошо по его ремеслу) чаще бываетъ несносенъ— отъ избытка знаній и отъ недостатка умственнаго пищеваренія. На-

прасно Готлунду не назвали вы Шегрена. Это не тайна. Готлундъ, кажется, болѣе мечтатель, нежели историкъ. Шегренъ въ отвѣтѣ ко мнѣ подписался авторомъ по всей формѣ. Министромъ юстиціи графъ Панинъ, а Модестъ Андреевичъ на прежнемъ своемъ мѣстѣ. У насъ и слуху не было о перемѣщеніи его. Душевно радуюсь, что ваша домашняя жизнь такъ хорошо устроилась. *Квелленъ* (извѣстное вамъ нѣмецкое слово) у насъ употребляется, какъ техническое для обозначенія педанта, который не вѣруетъ ни въ какой успѣхъ, если онъ не основанъ на справкахъ съ подлинными *источниками*.

Мы пользуемся настоящею зимою болѣе 10 дней. Сегодня утвердили даже Исаакіевскій мостъ по закрытіи Невы. Шубы, какъ вамъ извѣстно, я не люблю и щеголяю въ легонькомъ сюртучкѣ на ватѣ. Оттого рѣдко подверженъ ревматизмамъ и простудѣ. На сплетни касательно женитьбы не сердитесь. Я такъ привыкъ къ этому, что и не вывожу изъ заблужденія вопрошающихъ. Моя женитьба на Матильдѣ разгуливаетъ по городу во всемъ блескѣ. Наконецъ, молва эта дошла и до Ольги Θедоровны [1]). Я ее оставилъ въ полусомнѣніи. Въ самомъ дѣлѣ, что тутъ худого, если и всѣ такъ будутъ думать? Про отдѣльный праздникъ VI выпуска лицейскихъ ни отъ кого я не могъ узнать ничего. Модестъ Андреевичъ обѣдалъ въ Дворянскомъ собраніи и сказалъ только, что тамъ было много и изъ другихъ выпусковъ. Кажется, что поэзія этихъ праздниковъ кончилась со смертью одного поэта [2]) и съ отбытіемъ въ Финляндію другого. Тотъ, кто велѣлъ заготовить для русскаго журнала статью Нервандера и Булгарина, недостоинъ, чтобы мы упоминали о немъ въ письмахъ. Жить въ Финляндіи и сохранить въ душѣ такую наклонность къ мерзостямъ — есть верхъ с..... Мнѣ совсѣмъ неутѣшительно, что Эманъ еще-таки тиснулъ статью о Булгаринѣ. Это и сомнѣвающихся, наконецъ, убѣдитъ, что въ Булгаринѣ есть что-то стоющее вниманія. Кажется, Эманъ только горячъ, а не глубокомысленъ. Мелкая работа — щелкать пустоголововъ. Нѣтъ, убей ихъ вознесеніемъ праведниковъ! Вѣдь для финляндцевъ не то одно ново, что сегодня у насъ является. Для нихъ такая же была бы новость, если бы онъ имъ разсказалъ и про Крылова, и про Новикова, и про Мусина-Пушкина (графа Алексѣя Ивановича [3]), чуть ли не отца нашего пріятеля? все забываю его спросить!) и про М. Н. Муравьева [4]) и т. д. Вотъ, что вы написали по-шведски, да еще пере-

[1]) Корфъ.

[2]) Пушкина.

[3]) Президента академіи художествъ, ум. 1817 г. Дѣйствительно, онъ былъ отецъ служившаго чиновникомъ особыхъ порученій при Министерствѣ финансовъ гр. Владиміра Алексѣевича Мусина-Пушкина, мужа графини Эмиліи Карловны, урожд. Шернваль.

[4]) Михаила Никитича, извѣстнаго дѣятеля и писателя, воспитателя Великихъ Князей Александра и Константина Павловичей, ум. 1807 г.

*

вели изъ нѣмецкой газеты — это по моему. Только помните, что все надобно снабжать поясненіями, кто когда жилъ, въ какомъ духѣ писалъ и какую лепту истинной образованности внесъ въ общій для человѣчества капиталъ знаній. Это важно.

Это что за сарказмъ, будто графиня въ умѣ и образованіи уступаетъ маркизѣ? Прошу такихъ неправдъ не распространять! Онѣ обѣ женщины, — а женскаго ума и женскаго образованія у графини право поболѣе маркизы. Ежели Цигнеусъ рекомендовалъ вамъ Тёрнквиста, значитъ, что въ немъ есть какая-нибудь хорошая сторона. Нельзя ли ею воспользоваться, чтобы перетянуть его въ ряды здравомыслящихъ и благопріятствующихъ правдѣ? Ужели вы лавроносной Гартманъ и ея сестрѣ до сихъ поръ не перевели изъ Современника тѣхъ строкъ, на которыя братъ ихъ пролилъ столь сладкія для меня слезы? Знаете ли, что изустное распространеніе здравомыслія и участія въ трудахъ честныхъ гораздо дѣйствительнѣе газетныхъ перебранокъ, которыя читаются только двумя лицами; *кто* пишетъ и на *кого* пишутъ? Я, право, начинаю быть недоволенъ вашею политикою. Жить въ Гельсингфорсѣ, быть уважаему и любиму перлами общества, говорить по-шведски и не овладѣть умами по желаемому направленію,—это непростительно. Введите въ моду презирать кулачныхъ бойцовъ и уважать людей comme il faut. Не вѣрится мнѣ, чтобы умный, тонкій, честолюбивый и сильный связями здѣсь, милый мой графъ Александръ Андреевичъ Армфельтъ уступилъ сухому Гартману Ребиндерово мѣсто, уже и потому принадлежащее ему, что онъ давно товарищъ министра. Поклонитесь Августу Андреевичу Рамсаю и скажите, что я только и во снѣ вижу, какъ бы когда-нибудь познакомиться съ его семействомъ. Протопоповъ, посѣтивъ меня въ двѣ среды сряду, пока еще не былъ въ третью. Напишите ему, что стыдно считаться со мною визитами. Онъ одинокъ, а у меня семья, да и назначенный день. Чтожъ мнѣ за радость кидать ему карточки? Довольно, что я началъ и употреблялъ все, чтобы показать мое участіе въ его судьбѣ. Изъ любви къ вамъ я готовъ на все; только и вы найдете пустымъ препровожденіемъ времени тщетныя мои прогулки отъ башни на конецъ Галерной улицы.

Журналъ. Окончаніе пятницы (8 ноября). Это былъ день имянинъ Великаго Князя Михаила Павловича. Въ Зимнемъ дворцѣ былъ большой балъ. Отъ Жуковскаго я возвратился домой обѣдать. Въ 7 часовъ вечера, прежде Балабиныхъ, рѣшился я навѣстить кой-кого. Растопчина куда-то сбиралась. Смирнова больна, а мужъ одѣвался во дворецъ. Новое положеніе: придворные балы начинаются въ 7½, а оканчиваются въ 12 часовъ. Заѣхалъ было къ Н. Пушкиной [1]): она отправилась на хоры посмотрѣть, какъ будетъ танцовать ея сестра-фрейлина.

[1]) Вдовѣ поэта.

Въ *субботу (9 ноября)*, отправивъ вамъ письмо, пошелъ въ университетъ. Студентовъ, по случаю не очень хорошей переправы по мосткамъ, никого не было. Побродивъ по пустому университету, я нашелъ, что онъ дурно расположенъ и, если Государь захочетъ осмотрѣть его въ подробности, то не останется имъ доволенъ. Оттуда пустился я съ визитами, тѣмъ болѣе необходимыми, что тетка графа Сологуба, Васильчикова, пріѣхала къ нему на свадьбу и письмомъ приглашала меня на свиданіе. Молодого Сологуба не нашелъ въ его квартирѣ. У матери его я съ нимъ увидѣлся, гдѣ онъ и далъ мнѣ слово написать для васъ статью. Оттуда заѣхалъ къ Никитенко по университетскимъ дѣламъ.

Воскресенье (10 ноября). Пріѣхала Оли съ Ал. Ос. У меня сидѣли: П. Максимовичъ, Арсеньевъ и Тепляковъ, братъ извѣстнаго поэта [1]), который нынѣ въ Парижѣ изучаетъ Западъ, изучивъ прежде Востокъ. Эти Тепляковы презадорные оригиналы.

Вторникъ (12 ноября). У Великой Княгини Ольги Николаевны читалъ прелестную Ярмарку Квитки. Былъ у Шишкиной [2]). Она почти кончила „Ляпунова". Вотъ ея романы хороши для перевода иностранцамъ. Опять заѣхалъ къ Жуковскому. Я написалъ у него для него письмо къ Урсину. Онъ мнѣ говорилъ, что хочетъ изъ Ивангое сдѣлать поэму въ стихахъ.

52.

(Гротъ — Плетневу) ***Гфорсъ, среда, 13 ноября, 1840.***

По комиссіи Штукенберга нужно бы имѣть точнѣйшее свѣдѣніе: чего именно онъ хочетъ; до сихъ поръ я еще не успѣлъ узнать, существуетъ ли дѣйствительно такое сочиненіе, какъ вы выписали. Что будетъ въ запискахъ Мякушкина? Что вы не скучали бы здѣсь о Святкахъ, въ томъ я согласенъ съ Пушкинымъ, но объ этомъ, какъ видно, и думать нечего. Цигнеусъ былъ въ восторгѣ отъ вашего разсказа о Гедвигѣ. Матильдѣ я еще не имѣлъ случая передать, какъ вы за нее поручились. О брошюрѣ Кёнига не забывайте. На Нервандера всѣ въ негодованіи за его статью; говорятъ, что онъ намѣревался послать ее самъ Булгарину. Цигнеусъ, по добротѣ сердца, надняхъ помирился съ нимъ въ гостяхъ у одного профессора, но, разумѣется, не можетъ вполнѣ забыть обиды предъ всею публикою. Нервандеръ подстрекалъ его написать возраженіе, чтобы не стоять одному такъ низко. Не читаю я пока русскихъ твореній потому, что время мое слишкомъ наполнено занятіями другого направленія: лучше вовсе не приниматься за дѣло, нежели дѣлать мимоходомъ. Подробности о

[1]) Поэтъ и авторъ „Писемъ изъ Болгаріи" (1833 г.)—Викторъ Григорьевичъ, а его братъ Алексѣй.

[2]) Олимпіады Петровны, писательницы, фрейлины Императрицы Александры Θеодоровны, ум. 1854 г.

Жуковскомъ необычайно интересны. Въ его выборѣ ясно видѣнъ перстъ Провидѣнія. Какой князь Мещерскій зять Карамзиной? Не лицейскій ли, другъ Реймерса и мой? A propos: не видѣлись ли вы, гдѣ нибудь съ Реймерсомъ [1]); для меня непонятна флегма такихъ людей, которые убѣгаютъ всѣхъ безъ разбора, или онъ являлся къ вамъ? Не думаю, чтобъ исполненіе желанія Ѳ. Ѳ. сдѣлало его счастливѣе, потому что онъ весь живетъ во внѣшности, а внѣшность никогда не можетъ вполнѣ удовлетворять. Что до его лѣности въ приготовленіи для Современника статьи, то я и самъ немного причастенъ такому грѣху. Впрочемъ, я принялся уже за статью, она будетъ состоять изъ двухъ-трехъ писемъ, но изготовить ее не надѣюсь ранѣе, какъ къ 10-му декабря. Напишите, сколько листовъ печатныхъ à peu près должно въ ней заключаться. Медленность въ писаніи ея происходитъ отъ того, что у меня въ то же время довольно и другихъ занятій, особливо Фритіофъ, который, приближаясь къ концу, болѣе прежняго увлекаетъ меня. Вся поэма уже переписана, но я еще просмотрю ее; довольно дѣла еще остается за примѣчаніями и вступленіемъ. Послѣднее я совершенно передѣлаю, давъ ему форму популярную, такъ, чтобъ и всякая дѣвочка могла понимать Фритіофа. Такую форму я уже придумалъ и приступилъ къ дѣлу. Въ двухъ послѣднихъ №№ Утренняго листка здѣшняго помѣщена Колланомъ статья: „Финскіе литераторы, обсуженные въ русскомъ журналѣ“. Онъ сперва излагаетъ содержаніе вашей статьи, называя васъ по чину, имени и фамиліи, а потомъ переходитъ къ моей и, сдѣлавъ то же въ отношеніи къ ней, выписываетъ по-шведски мои слова о Цигнеусѣ, Ленротѣ и Нервандерѣ, подслащивая свои извлеченія отзывами о нихъ (извлеченіяхъ). За сужденіе о Цигнеусѣ я отъ многихъ слышалъ комплименты.

Какъ буду я писать проектъ отвѣта Жуковскаго университету? Это значило бы отнять у университета половину чести, какою онъ можетъ воспользоваться; пусть Жуковскій просто съ плеча напишетъ самъ по-русски нѣсколько строкъ на почтовомъ листѣ. Вотъ что, дѣйствительно, будетъ драгоцѣнно для университета. Ужели когда дѣло идетъ о такомъ человѣкѣ и съ такимъ именемъ, какъ Жуковскій, можетъ быть рѣчь о формѣ? Да никакой формы для подобныхъ писемъ и нѣтъ. Одно только, по совѣту нѣкоторыхъ, надобно соблюсти, именно: адресовать отвѣтъ къ *философскому факультету*. Приготовленное такимъ образомъ письмо пришлите ко мнѣ. Вы такъ описали невѣсту по ея *образу*, что, встрѣтясь съ нею со временемъ, вообразишь, будто видишь старую знакомую. Что это за журналъ для кадетъ? Кѣмъ онъ издается и чѣмъ наполняется? За извѣстіе о

[1]) Александромъ Астафьевичемъ, служившемъ въ Министерствѣ Финансовъ (департаментѣ государственнаго казначейства), лицейскимъ товарищемъ Я. К. Грота.

смерти Коцебу впередъ ужъ благодарю. Былъ ли Вяземскій коротко знакомъ съ Пушкинымъ и съ давнихъ ли лѣтъ? Въ Лермонтовѣ я также подозрѣвалъ *подражаніе*. Если это правда, то какая глуподерзкая и грѣховная игра съ судьбою.

Предлагаете вы переводить *Героя*. Нельзя ли полезнѣе употребить времени? Впрочемъ, я объ этомъ подумаю. Стало быть, однакожъ, похвалы Булгарина были не слишкомъ преувеличены; но въ тонѣ своей рецензіи онъ не измѣнилъ самому себѣ.

Журналъ. Въ *четвергъ*, *7 ноября*, продолжалъ я писать шведскія статьи относительно русской литературы. Между прочимъ, написалъ одну комическую. Вечеромъ пришелъ Цигнеусъ, а я ему читалъ написанное, а когда онъ ушелъ—Грипенбергу. Получилъ одобреніе обоихъ; въ языкѣ не было ни одной значительной ошибки, и духъ его схваченъ, говорили они, очень вѣрно. Теперь я смѣлѣе буду, въ случаѣ надобности, писать по-шведски. Употребленіемъ статей своихъ въ дѣло я пріостановился: комическая немного ѣдка, а серіозная всегда будетъ кстати. Въ пятницу ходилъ я поутру на Скаттуденъ [1]) любоваться чудеснымъ зимнимъ видомъ на море и скалы. Я стоялъ на вершинѣ скалы съ $^1/_2$ часа.

Вечеромъ, когда я сидѣлъ у Грипенберга, пришелъ ко мнѣ и велѣлъ позвать меня племянникъ Францѐна [2]) и что же онъ принесъ мнѣ? Присланную Францѐномъ тетрадь съ большимъ стихотвореніемъ для книги нашей. Оно называется: *Путешествіе на юбилей 1840 г.*, и содержитъ въ себѣ много прекрасныхъ мѣстъ. Написано бѣлыми хореическими стихами. Теперь надобно собраться съ силами и, не медля, всѣмъ намъ приняться за работу. Прилагаемую цидулу прочтите Одоевскому и Сологубу. Сверхъ того, поговорите съ ними о заглавіи книги, и о составленіи общими силами капитала для напечатанія ея.

Вчера былъ я на званомъ обѣдѣ, у хозяина нашего старшаго пастора Кронса. Множество гостей: профессоры, пасторы и проч. Долгіе тосты. Одинъ изъ нихъ былъ за меня, какъ остатокъ бывшихъ здѣсь лѣтомъ русскихъ литераторовъ. Бонсдорфъ чудно пѣлъ (пьяный) шведскія пѣсни. Вечеромъ были у меня: профессоръ Тенгстремъ, Валленъ, Готлундъ, Акіандеръ и Брунѐръ. Послѣ нихъ я началъ это письмо. Сегодня поутру продолжалъ его и по причинѣ наступившаго времени закрытія почты, долженъ, къ сожалѣнію моему, добрѣйшій Петръ Александровичъ, поспѣшно окончить его.

[1]) Часть Гельсингфорса (выдающійся мысъ со стороны гавани, гдѣ нынѣ русская церковь).

[2]) Пав. Генр. Эдельгеймъ, служ. въ сенатѣ (проток. секр.), ум. 1855.

53.

(Плетневъ — Гроту) ***Спб., пятн., 12 ч. ночи, 15 нояб. 1840.***

Въ одномъ изъ прежнихъ моихъ писемъ къ вамъ, любезный Яковъ Карловичъ, я обѣщалъ вамъ доставить разсказъ Тургенева о смерти Коцебу [1]). Теперь исполняю обѣщаніе. „Іена, 25 іюля (6 августа). Я жалѣю, что не навелъ разговора съ Люденомъ на происшествіе, бѣдственное для Германіи и едва ли не для всей Европы въ нѣкоторомъ отношеніи, коего онъ былъ главнѣйшимъ виновникомъ. Я хочу говорить объ убійствѣ Коцебу Зандомъ. Вы помните, что Коцебу далъ одному здѣшнему писцу Коху, довольно безграмотному, переписать свои донесенія Императору о нѣмецкихъ университетахъ. Кохъ, не разобравъ его рукописи, показалъ нѣкоторыя мѣста Линдлю, жившему съ нимъ въ одномъ домѣ. Этотъ Линдль былъ одинъ изъ соглядатаевъ Германіи и служилъ двумъ господамъ, или правительствамъ. Замѣтивъ, что въ бумагахъ Коцебу много важнаго, онъ удержалъ ихъ подъ предлогомъ лучшаго прочтенія неразобранныхъ Кохомъ мѣстъ, списалъ ихъ и передалъ французскому повѣренному въ дѣлахъ St. Agnan, коего я знавалъ въ Парижѣ. Онъ показалъ ихъ и Людену, который тогда либеральничалъ и издавалъ Немезиду (die Nemesis). Въ ней участвовалъ и тогдашній кронпринцъ (нынѣшній король Баваріи). Люденъ удержалъ рапорты Коцебу и напечаталъ ихъ въ Немезидѣ! Хотя Линдль, замѣтивъ промахъ свой, требовалъ ихъ назадъ, но Люденъ отказалъ ему, сказавъ, что такія бумаги, кои могутъ имѣть пагубныя для Германіи слѣдствія, принадлежатъ публикѣ, гласности; что рапорты его Сентъ-Аньяну онъ готовъ сжечь въ его присутствіи, но что рапорты Коцебу ему возвращены не будутъ. Линдль такъ обрадовался возвращенію своихъ рапортовъ, что уступилъ Людену бумаги Коцебу. Зандъ прочелъ ихъ въ Немезидѣ: голова нѣмецкаго студента загорѣлась—и въ Мангеймѣ, гдѣ совершилось злодѣяніе, вы видите двѣ могилы: студента-фанатика и жертвы его; надъ первымъ нѣтъ памятника. Сіи подробности разсказывалъ самъ Люденъ моему пріятелю. Я бы не желалъ быть на его мѣстѣ. Сколько послѣдствій и отголосковъ имѣлъ выстрѣлъ *(извѣстно, что кинжалъ)* Занда! Я помню это время, ибо читалъ Немезиду и всѣ статьи журналовъ о семъ происшествіи. Виландъ, сынъ поэта, издавалъ въ то же время Oppositions-Blatt, въ коемъ помѣщались сильнѣйшіе отзывы тогдашнихъ либераловъ. И Виландъ пострадалъ отъ сего. Знаменитый богословъ Dewette, написавшій къ матери Занда письмо, лишился въ Берлинѣ каѳедры и нашелъ убѣжище въ Швейцаріи. Во всей Германіи, въ Европѣ отозвалось это происшествіе;

[1]) Напечатанъ сокращенно въ ст. „Хроника Русскаго въ Германіи“, Соврем. 1840, т. XXI.

кабинеты призадумались; обскуранты всей Европы воспользовались злодѣяніемъ частнымъ, минутнымъ изступленіемъ сумасшедшаго, чтобы устрашить правительства: не одно прусское приняло мѣры къ обузданію такъ называемаго свободомыслія въ университетахъ,... и все это загорѣлось отъ одной необдуманной брошюры въ Ахенѣ, во время конгресса напечатанной. Я просидѣлъ у Людена до самаго обѣда, послѣ коего уже не могъ собраться на его лекцію и возвратился въ Веймаръ; провелъ вечеръ у Гр. Фредро; бродилъ въ здѣшнемъ паркѣ, читалъ на скамьѣ, подходилъ не разъ къ домику Гёте, гдѣ все было такъ тихо и уединенно! взошла луна..."— Я съ намѣреніемъ переписалъ для васъ окончаніе, которое, повидимому, не имѣетъ отношенія къ началу. Но для меня оно прелестно. Имя Гете и явленіе луны надъ его опустѣвшимъ домикомъ, говорятъ краснорѣчиво и воображенію и уму. Что въ самомъ дѣлѣ значатъ эти суетныя волненія, эти страсти, сумасбродство и даже обольстительный успѣхъ умовъ мелкихъ, водимыхъ либо корыстью, либо тщеславіемъ — передъ ровнымъ, благотворнымъ, вѣчно тихимъ и вѣчно негаснущимъ свѣтомъ истиннаго генія и небеснаго свѣтила! Надобно предаться всей душою любви къ истинѣ, къ совершенству и прямой пользѣ человѣчества, оставивъ, какъ недостойное высокаго самочувствія, все мелкое, зыбкое и мгновенное!

Вообразите, милый другъ, до чего можетъ довести безуміе духа партій: Бурачекъ [1]), силясь отнять у Краевскаго опору истины похвалъ его Пушкину, не устыдился напечатать въ Маякѣ, что въ сочиненіяхъ Пушкина, отъ того только, что онъ не посвятилъ себя непосредственно прославленію имени Бога, Іисуса Христа и святой Руси, нѣтъ ничего достойнаго вниманія, все — ничтожное одно, унижающее поэзію и т. п. Посреди такихъ людей повернется ли языкъ, чтобы съ ними говорить о чемъ либо? А Гречъ въ Сѣверной Пчелѣ (№ 258, стр. 1032, столб. 1, подъ цифр. 5) какимъ тономъ отзывается о трудахъ вашихъ, Квитки и Невѣдомскаго [2])? И мы бы захотѣли соперничествовать съ ними? Нѣтъ, пусть они обрѣтаются навѣкъ въ достойномъ ихъ кругу Нервандеровъ и Чепурновыхъ! Мы не для нихъ существуемъ. Три года я выдержалъ свой характеръ въ журналѣ — надѣюсь не измѣнить и до могилы.

Журналъ. Среда (13 ноября). Я забылъ вчера упомянуть, что графъ Александръ Армфельтъ приходилъ ко мнѣ и, не заставъ меня дома, оставилъ карточку. Сегодня, возвращаясь изъ университета, встрѣтился я на Невскомъ проспектѣ съ графомъ Ребиндеромъ. Онъ остановился, но мы размѣнялись только уличными фразами, потому что шелъ мокрый снѣгъ. До Жуковскаго давно дошла сплетня о моей женитьбѣ на

[1]) Степанъ Онисимовичъ, генералъ, издатель „Маяка“, писатель, ум. 1876 г.

[2]) Николая Васильевича, писателя и стихотворца, ум. 1853 г.

Матильдѣ. Онъ ее помнитъ и выразился такъ: „вѣдь это та, которая такъ поразила меня своимъ итальянскимъ лицомъ? Она прекрасна". Много новыхъ подробностей разсказывалъ онъ о своемъ предопредѣленіи насчетъ его женитьбы на Рейтернъ. Слушая его, дѣйствительно начинаешь вѣрить, что она ему предназначена свыше. Ея тайная, глубокая любовь къ нему — для меня что-то неизъяснимое. Даже ея знакомые согласны, что она только съ нимъ и можетъ быть счастлива. Ни отецъ, ни мать не имѣли никакого вліянія на рѣшимость ея. Она таила отъ всѣхъ любовь свою и открылась ему мгновенно, не давъ ему докончить объясненія.

Сегодня была свадьба Сологуба. Подробностей не знаю. Встрѣтилъ только Соболевскаго, который шелъ закупать фруктовъ для новобрачныхъ. Возвратясь передъ обѣдомъ къ себѣ, я нашелъ колонію за урокомъ Вареси. Послѣ обѣда продолжалось чтеніе Героя нашего времени. Начало было лучше второй половины. Много претензіи на умъ, да мало истины и простоты, безъ чего я не понимаю совершенства въ твореніи. Чтеніе вашего письма доставило намъ полное удовольствіе. Среда была сегодня многолюднѣе другихъ. Послѣдними явились на вечеръ: Панаевъ и Бѣлинскій. Панаевъ читалъ намъ преуморительную сцену изъ комедіи Кони, гдѣ выведенъ Булгаринъ.

54.

(Плетневъ — Гроту) ***Спб., вторникъ, 19 ноября, 5 веч. 1840.***

Отвѣтъ на письмо отъ 13 ноября. Кто вамъ, Яковъ Карловичъ, писалъ о Мякушкинѣ? Въ его *мемуарахъ* шуточки на орѳографію и языкъ нашихъ современныхъ журналистовъ: Краевскаго, Сенковскаго, Бѣлинскаго и др. Это частности, которыя не могутъ имѣть интереса для иностранцевъ и даже для русскаго потомства. Кажется, что съ Матильдою вы рѣже всѣхъ видаетесь въ Гельсингфорсѣ, а мнѣ этого жаль! Даже не дали вѣсти, какъ она приняла письмо отъ Оли и намѣрена ли отвѣчать на него. Брошюры Кёнига не могу добиться. Да, впрочемъ, напередъ можно знать, что въ ней новая брань на тѣхъ, кои не стоютъ не только серіозной брани, да и шутихи пощечины: руку замараешь! Вотъ кстати старая, на этотъ случай, эпиграмма А. Пушкина:

Къ Смирдину какъ ни зайдешь —
Ничего не купишь:
Иль Сенковскаго найдешь,
Иль въ Булгарина наступишь.

Я не осуждаю Цигнеуса, что онъ помирился съ Нервандеромъ; только это не избавляетъ его отъ обязанности честнаго гражданина презирать душевно генія-ползуна. Мещерскій не лицейскій; это пле-

мянникъ князя Петра Сергѣевича[1]), котораго (помните?) чуть не убили въ Строгановскомъ саду. Онъ сперва женатъ былъ на дочери (побочной) графа Сергѣя Петровича Румянцева[2]), умершаго холостякомъ. А теперь, еще при жизни Румянцева, онъ женился на Катеринѣ Карамзиной. Вы дивитесь Реймерсу, а я уже пересталъ. Лучше, если-бы ваша статья для Современника поспѣла недѣлею раньше 10 декабря. Довольно, если въ ней будетъ листа 3 или 2½ печатныхъ. Все, что вы пишете о Фритіофѣ и предисловіи къ нему, радуетъ меня несказанно. Жуковскаго отвѣтъ вашему университету, я думаю, уже получили тамъ. Журналъ для кадетъ, не продающійся, издается, подъ надзоромъ Ростовцева[3]), Глѣбовымъ[4]), коего я не знаю. Тамъ печатаютъ выборки отовсюду, изъ новаго и изъ стараго, лишь бы что нашлось чтомаго для юношества. Вяземскій зналъ Пушкина коротко съ дѣтства его. *Герой*, коего мы читаемъ, становится скученъ. Прелесть — одна Бела, что напечатана была въ Отечественныхъ Запискахъ. Развѣ перевесть вамъ ее одну? Булгарина похвалы я осуждаю не въ томъ отношеніи, что онѣ преувеличены, — а что онѣ вытекли изъ гнуснаго источника. Если Булгаринъ на годъ и добродѣтельнымъ сдѣлается, все-таки эта добродѣтель въ его сердцѣ равна будетъ мерзости порока, ибо она будетъ гнуснымъ лицемѣріемъ и ханжествомъ. Я очень радъ, что вы овладѣли шведскимъ языкомъ и для письма. Это намъ пригодится на всякій случай. По-шведски умныхъ людей читаетъ больше, нежели по-русски.

Франценъ очень милъ, что сдержалъ свое слово. Я въ воскресенье же протоколъ вашъ отдалъ Одоевскому съ тѣмъ, чтобы онъ сообщилъ его и Сологубу. Какъ досадно, что на мои многократные вопросы касательно темы для меня ни полслова не скажете, какъ-будто это и не стоитъ отвѣта. Заглавіе придумайте сами; отсюда ничего не добьетесь, тѣмъ менѣе капиталу. Ужели хоть для Францена ни одинъ вашъ типографщикъ не напечатаетъ книги въ долгъ, чтобы выбрать себѣ деньги изъ продажи первыхъ экземпляровъ? Да это и у насъ дѣлаютъ.

Журналъ. Прибавленіе къ четвергу (14 ноября). Уваровъ прибылъ. Отправясь въ правленіе, я къ нему заѣхалъ. Но онъ боленъ и не принимаетъ. Обѣдалъ дома. Вечеромъ я отправился было къ статистику Арсеньеву; но какъ онъ собирался въ гости, то я съ отчаянія и пустился къ Быченской.

Пятница (15 ноября). Чтеніе Ярмарки у В. К. Ольги Николаевны.

[1]) Петръ Сергѣевичъ Мещерскій, кн., оберъ-прокуроръ Св. Синода, сенаторъ, ум. 1856 г. Подъ „лицейскимъ“ же разумѣетя А. В. Мещерскій, восп. 5-го выпуска (служ. въ Варшавѣ)

[2]) Послѣдняго въ родѣ графовъ Румянцевыхъ.

[3]) Якова Ивановича, нач. шт. В. К. Михаила Павловича, по управл. военно-учебн. завед.

[4]) Штабсъ-капитанъ Порфирій Никол. Глѣбовъ, адъютантъ В. К. Михаила Павловича.

Тутъ присутствовала и Государыня. Я Ее смѣшилъ, разсказывая про Квитку, какъ онъ окривѣлъ (ему нянька вздумала выдавить ячмень на глазу); какъ заставили его отказаться отъ 1.000 душъ крестьянъ въ пользу старшаго брата, который продулъ обѣ тысячи; какъ съ горя кривой пошелъ въ монахи и какъ послушникъ принужденъ былъ привезти монастырскія бочки на рынокъ для продажи; какъ его всѣ узнали и заукали, а онъ со стыда бросилъ бочки и монастырь; какъ онъ основалъ Харьковскій дѣвичій институтъ и женился на классной его дамѣ и проч. Чтеніе шло очень весело. Что за прелесть угольная комната В. К. Ольги Николаевны въ Зимнемъ дворцѣ! Изъ дворца поѣхалъ я съ визитами: къ Теплякову, къ Лидіи Корсаковой (автору „Бредины", дочери цензора), къ Армфельтовымъ. Возвратясь домой, нашелъ просьбу профессора исторіи М. К—и, который жаловался на грубость студента. Хорошъ профессоръ! Со мной въ 27 лѣтъ этого ни разу не случалось.

Суббота (16 ноября). Отправился къ Волконскому, чтобы представить просьбу профессора. Условились съѣхаться въ университетѣ, куда я и поѣхалъ. Рѣшили, чтобы завтра быть вмѣстѣ у министра. Я пошелъ обѣдать къ Максимовичу Павлу. Отъ него отправился я къ Александрѣ Осиповнѣ. Никого изъ постороннихъ не было. Мы учились поитальянски, какъ вдругъ явился Кольцовъ [1]) (о которомъ я забылъ сказать, что въ середу и онъ былъ у меня). Съ нимъ можно безъ скуки говорить, когда онъ разговорится. У него есть и смыслъ и вкусъ, хотя послѣдній подъ замѣтнымъ вліяніемъ Бѣлинскаго, его друга.

Воскресенье (17 ноября). У Волконскаго нашелъ я К—у, который соглашался простить студента, лишь бы попросилъ тотъ прощенія. Слава Богу, сладили дѣло. Студентъ обвинялъ профессора въ пристрастіи ко всему иноземному и въ униженіи всего русскаго. Изъ этого могло бы возникнуть многое, и для ректора вредное. Съ Волконскимъ пріѣхали къ Уварову. Пріемная была набита народомъ, жаждавшимъ приглашенія въ кабинетъ министра. Булгаринъ терся тутъ же. Мы съ Волконскимъ впущены были первые. Уваровъ очень ласковъ былъ со мной и поручилъ помыть голову К—ѣ. Отъ него вдвоемъ же пустились мы къ Дондукову [2]), тоже воротившемуся. Онъ растолстѣлъ еще болѣе. Оставивъ свѣтлость съ сіятельствомъ, я пѣшкомъ пробрался къ Константину Карловичу. Еще передъ обѣдомъ получилъ я ваше письмо, а вечеромъ нашелъ у себя отъ Сальберга патентъ и диссертацію адъюнкта Касторскаго о Славянской миѳологіи.

Понедѣльникъ (18 ноября). До обѣда все читалъ скучнаго Касторс-

[1]) Алексѣй Васильевичъ, поэтъ († 1842).

[2]) Князю Михаилу Александровичу, попечителю Спб. учебн. округа и университета.

скаго. Послѣ обѣда въ совѣтѣ, оттуда къ Александрѣ Осиповнѣ, а въ полночь на ужинъ къ Степану Куторгѣ, брату историка. Домой воротился въ 3 часа ночи.

Вторникъ (19 ноября). Этотъ день началъ я чтеніемъ съ Великой Княжной Ольгой Николаевной не въ ея комнатѣ, а въ Императрициной, которая, желая слушать Ярмарку, полѣнилась сойти внизъ. Всѣ придворныя дамы были въ черномъ, въ воспоминаніе кончины Императора Александра. Государыня тоже. Она рисовала цвѣты (кажется махровыя гвоздики) съ натуры. Ея комната ослѣпительна по великолѣпію и роскоши. Мы занимались сряду 2 часа. Она не перемѣнила ни на минуту ни вниманія, ни занятія своего. Изъ дворца поѣхалъ я въ университетъ, куда прибылъ Дондуковъ, чтобы вступить въ должность, а съ нимъ и Волконскій. Дома послѣ обѣда я началъ это къ вамъ письмо, но за четверть до семи долженъ былъ его прекратить, потому что пришелъ Грипенбергъ [1]). Онъ мнѣ очень понравился. Я показалъ ему оставленныя сегодня у меня въ мое отсутствіе карточки Александра Армфельта и Otton de Schulten. Про послѣдняго онъ мнѣ сказалъ, что это первый секретарь въ статсъ-секретаріатѣ. Досадно мнѣ было, что они пріѣзжали безъ меня. Вѣрно началось что-нибудь въ разсужденіи моей бумаги у Ребиндера. Поспѣшу съѣздить къ Армфельту. Грипенбергъ разсказывалъ мнѣ, какъ онъ озабоченъ, что не знаетъ, къ кому обратиться насчетъ машины отца его. Я сказалъ, что у меня есть обстоятельное отъ васъ ея описаніе и что я буду говорить о семъ дѣлѣ съ Одоевскимъ. Все это его очень тронуло. Мы разстались почти друзьями.

Поклонъ Урсину за брошюру.

55.

(Гротъ — Плетневу) ***Гфорсъ, вторн., 19 ноября 1840.***

Замѣтили ли вы, Петръ Александровичъ, въ послѣднемъ моемъ письмѣ какую-то сухость и холодность? Я былъ разстроенъ духомъ,— недоволенъ самъ собой и потому не расположенъ писать. Какъ мнѣ отъ внѣшняго трудно потерять свое внутреннее равновѣсіе, такъ это бываетъ легко отъ собственной моей вины, когда душа уступитъ власть своему законному рабу и послѣ стыдится своего униженія. Но скоро все прошло и я жалѣлъ, что тогда не могъ писать вамъ.

Внѣшняя жизнь въ послѣднее время была для меня очень скудна перемѣнами, но внутренняя тѣмъ сильнѣе и разнообразнѣе. Я почти никого не посѣщалъ и дѣлилъ время только между занятіями, прогулкой и бесѣдой съ Грипенбергомъ, у котораго проводилъ каждый

[1]) Молодой (сынъ), офицеръ.

вечеръ. Какое различіе нашелъ я между этимъ плодотворнымъ уединеніемъ и тою, хоть свѣтлою пустотою, какую чувствуешь въ душѣ, бѣгая по чужимъ дворамъ и питаясь празднословіемъ! Да, что ни говорите, празднословіе неразлучно съ обществомъ, а за празднословіемъ идетъ скука. Я согласенъ, что по временамъ можно и должно бросаться въ этотъ мутный потокъ, чтобъ выкупать и освѣжить душу, усталую отъ зноя собственныхъ мыслей и ощущеній. Но какое наслажденіе стать послѣ опять на свою родную стихію, опять дышать въ родной атмосферѣ и грѣться на солнцѣ. Вы помните, какъ лѣтомъ, намъ пріятно было, послѣ купанья, возвращаться въ городъ? Такъ же пріятно мнѣ, вышедъ изъ соленой воды общества, наслаждаться уединеніемъ — до слѣдующаго купанья. Такъ уединеніе должно занимать въ жизни цѣлые дни, а общество — только немногіе часы, и то въ нѣкоторыя только эпохи.

Оттого я въ послѣднее время имѣлъ возможность обдумать многое и, между прочимъ, убѣдился глубоко, что наши недавнія заботы, въ которыя разбойнически вкралось имя Булгарина, были, къ несчастію, не что иное, какъ дань суетѣ. Но заблужденія — вѣрнѣйшій, хоть и не кратчайшій путь къ истинѣ, и я за себя ручаюсь, что если не сдѣлаюсь негодяемъ, то въ первый и въ послѣдній разъ поднялъ такую отвратительно-грязную перчатку. Пусть вся Финляндія сольется въ хвалебный гимнъ издателямъ Пчелы: клянусь, къ разувѣренію ея я не вымолвлю ни одного слова. Ужели мы безразсудно захотимъ передѣлывать человѣчество? Развѣ это новость, что толпѣ пошлое нравится лучше высокаго, а толпа вездѣ одна и та же. Ясно, что въ литературѣ, какъ и во всякомъ искусствѣ, истина можетъ быть доступна только немногимъ; хотѣть въ ней убѣдить всѣхъ — есть безуміе, потому что для этого надобно бы напередъ перелить въ нихъ все свое образованіе, всѣ свои убѣжденія, но это образованіе, эти убѣжденія — плодъ столькихъ размышленій и усилій, столькихъ сопряженій природныхъ силъ и обстоятельствъ, что смѣшно требовать, чтобъ тотъ же плодъ вдругъ созрѣлъ въ другихъ при одномъ вѣяніи нашихъ мыслей.

Среда, 20 ноября.

О распространеніи истиннаго понятія о хорошей сторонѣ русской литературы, какъ и Россіи вообще, конечно, мы должны стараться, но тутъ никакой поспѣшности не нужно. Суетится только тотъ, кто безпокоенъ, а увѣренному въ правотѣ предпринятаго безпокоиться нечего. Время же — такой помощникъ, которымъ пренебрегать не должно. Желаніе заставить другихъ вѣрно думать о нашей литературѣ не должно отвлекать отъ другихъ, болѣе существенныхъ, болѣе положительныхъ занятій: ибо первое условіе, чтобы литература была уважаема за-границей, есть все-таки ея внутреннее достоинство, а не увѣренія объ этомъ достоинствѣ.

Все это я счелъ нужнымъ изложить вамъ, чтобы не имѣть надобности прямо опровергать то, что вы говорите о моей мнимой недѣйственности. „Не овладѣть умами по желаемому направленію!“ Помилуйте, честное ли это стремленіе биться изъ того, чтобы людей съ особыми понятіями и правилами (какъ вездѣ) преобразовать въ одномъ и весьма не важномъ предметѣ. Еслибъ это и удалось, не напрасенъ ли трудъ, когда онъ можетъ быть уничтоженъ однимъ наглымъ возгласомъ, одною пошлой остротой газетчиковъ? Впередъ вся моя тактика въ обществѣ — молчаніе на счетъ литературныхъ дѣлъ, ибо какъ говорить съ людьми, которые смотрятъ на предметы совсѣмъ съ другой точки, нежели мы? Вѣрнѣе всего можно дѣйствовать на мнѣніе общимъ своимъ поведеніемъ, совокупностью своихъ трудовъ, а не словами, которыя могутъ быть ложно толкуемы. Если я въ чемъ виноватъ, такъ въ томъ, что я вообще мало ищу знакомствъ и мало посѣщаю знакомыхъ. Но мнѣ такъ трудно убѣдить себя пойти искать наслажденія извнѣ, когда я нахожу его внутри, когда могу провести время дома пріятно или въ исполненіи какой-нибудь домашней обязанности. Когда я знаю навѣрное, что могу пріятно проболтать или прочитать часа два съ Грипенбергомъ, чтò можетъ меня заставить итти туда, гдѣ я даже не увѣренъ, что застану дома хозяевъ, а не только что весело проведу время. А между тѣмъ одѣвайся, можетъ быть напрасно, и еще готовься зѣвать отъ скуки. Притомъ, чѣмъ больше будешь визитничать, тѣмъ вѣрнѣе попадешь послѣ Рождества на всѣ балы, гдѣ поневолѣ сиди до двухъ часовъ ночи. Впрочемъ, я согласенъ, что тутъ надобно искать благоразумной середины, чтобы не отчудиться совершенно отъ общества и не заставить смотрѣть на себя, какъ на звѣря.

Вы требуете моего совѣта насчетъ статьи для книги нашей. Кажется, относительно Финляндіи вамъ нечего писать; подумайте, не найдете ли какого предмета въ Россіи или въ нравственномъ мірѣ. Готлунду не назвалъ я Шегрена, чтобы справкѣ вашей придать больше силы [1]); какъ вездѣ, такъ и здѣсь, литераторы раздѣляются на партіи, и Готлундъ не повѣритъ Шегрену; это тѣмъ болѣе ясно, что онъ ужъ прежде слышалъ отъ послѣдняго эти свѣдѣнія и, однако же, не удовольствовался ими. На сплетни смотрю я, право, очень равнодушно и только для курьёзу вамъ разсказываю ихъ.

Переведшій статью Нервандера [2]) дѣйствуетъ не по правиламъ, а какъ вздумается; какъ средство, я его все-таки буду держать въ рукахъ. Эманъ теперь рѣшительно положилъ оружіе, возвративъ мнѣ всѣ №№ Пчелы. Война утихла. Не знаю, печатать ли мнѣ мою статью.

[1]) См. письма № 45 (№ р. 115) и 49 (стр. 125).

[2]) Т. е. ген. Чепурновъ, поручившій это своему племяннику (см. стр. 123).

Во всякомъ случаѣ я не считаю времени, на это дѣло употребленнаго, потеряннымъ. Я чувствовалъ потребность вылить свои идеи на бумагу, а вмѣстѣ съ ними вылились до капли всѣ нечистые соки, накопившіеся въ крови отъ прикосновенія къ грязной ядовитой перчаткѣ. Вообще, я нынче часто записываю свои помышленія и нахожу, что это имѣетъ большую практическую пользу,—гораздо полезнѣе, нежели мертвое записываніе фактовъ прожитого дня, мало перемѣняющихся, и нужное развѣ только для памяти. Но вникать въ *духъ* своихъ поступковъ, мыслей и занятій и записывать результаты своихъ наблюденій — вотъ это дѣло! При этомъ я замѣтилъ, что главная бѣда почти всѣхъ людей состоитъ не въ недостаткѣ ума, а въ непривычкѣ напрягать его такъ, чтобы не случай, не минутныя впечатлѣнія и движенія опредѣляли наши дѣйствія, а чтобы онъ, разумъ, просвѣтленный образованіемъ, былъ всесоразмѣряющимъ, всерасполагающимъ, всевзвѣшивающимъ началомъ нашихъ поступковъ. Тогда и только тогда можетъ быть между ними тѣнь той гармоніи, которую Творецъ — Высшій Разумъ — разливъ въ своемъ твореніи, поставилъ намъ вѣчнымъ образцомъ. И мы всѣ творцы въ маломъ видѣ: наши творенія — дѣла наши.

Четвергъ, 5 1/2 часовъ.

Положивъ въ печку дрова и затопивъ ее, продолжаю писать. Изъ послѣдняго посѣщенія Протопопова вы сами могли убѣдиться, что онъ не считается визитами. Конечно, вы уже ему растолковали, почему не ходите къ нему, что очень благоразумно. Жуковскій съ своими передѣлками романовъ въ поэмы мнѣ страненъ: ужели вся разность между этими двумя родами состоитъ въ формѣ? Исторія литературы осудитъ его за это. Комиссія „Штукенмахера“ мало-по-малу приводится въ исполненіе, мнѣ обѣщали выписать заглавіе одной имѣющейся по его предмету французской книги. Какъ интересенъ отрывокъ изъ письма Тургенева! Въ сцѣпленіи мелкихъ обстоятельствъ, приготовившихъ убійство Занда, виденъ карающій рокъ.

У меня теперь также рукописныя письма въ рукахъ. Бывъ въ Вѣнѣ, сестра выписала многое изъ тетради писемъ Сперанскаго [1]) къ его дочери (нынѣ Багрѣевой и живущей въ Вѣнѣ), писанныхъ имъ изъ Пензы и Сибири. Они показываютъ, что о Сперанскомъ, какъ человѣкѣ, судили ложно, что у него была душа, исполненная религіи и непритворной чувствительности. Письма эти изобилуютъ прекрасными и высокими мыслями, выраженными съ необыкновенной пріятностью. Когда вы пріѣдете сюда, мы прочтемъ ихъ вмѣстѣ. Теперь сообщу вамъ только то, что онъ говоритъ о Жуковскомъ, по случаю первой встрѣчи съ нимъ дочери Сперанскаго: „Какъ живо чувствую всѣ не-

[1]) Графа Михаила Михайловича, извѣстнаго государственнаго дѣятеля († 1839).

удобства его положенія, всю страдательность его жизни. Я слишкомъ близко видѣлъ сей родъ неволи, чтобы не сострадать, и что всего хуже — нѣтъ почти средства пособить ему; одна болѣзнь можетъ поправить, но и въ болѣзни не дадутъ ему выбрать ни лекаря, ни лекарства". Какъ прелестно стоитъ въ вашемъ письмѣ домикъ Гёте, освѣщенный двойнымъ свѣтомъ — луны и вашей мысли! Какъ вы здѣсь краснорѣчиво опровергли то, что сами написали въ прошломъ письмѣ! Мнѣ бы совсѣмъ не нужно и касаться первой тирады, а только сослаться на вторую, потому она убѣдительнѣе всякихъ доказательствъ. Да, прочтите это сами еще разъ у меня: „Что, въ самомъ дѣлѣ, значатъ эти суетныя волненія, эти страсти, сумасбродства и даже обольстительный успѣхъ умовъ мелкихъ, водимыхъ либо корыстію, либо тщеславіемъ, передъ ровнымъ, благотворнымъ, вѣчно тихимъ и вѣчно негаснущимъ свѣтомъ истиннаго генія и небеснаго свѣтила! *Надобно предаться всей душою любви къ истинѣ, къ совершенству и прямой пользѣ человѣчества, оставивъ какъ недостойное высокаго самочувствія, все мелкое, зыбкое и мгновенное*". Пошлите это скорѣй въ типографію Фишера, чтобъ оно не пропало между нами.

И какой быстрый переходъ отъ этихъ словъ къ Бурачку, который ядомъ своей злости на Краевскаго обливаетъ трудъ поэта. Пчелу и ея отзывы оставимъ въ покоѣ. К. писалъ сестрѣ моей, что Ребиндеръ сказалъ ему, что я непремѣнно получу каѳедру. Онъ (К.) важничаетъ со мною все еще по начальнически: ни строчки не отвѣчалъ на мое письмо къ нему, гдѣ я просилъ позволенія писать ему и впредь, и все только мажетъ меня по губамъ, хваля письмо самъ и черезъ жену. Впрочемъ, онъ правъ: между нами ничего общаго и нѣтъ.

Я приготовилъ для Современника статью: „Жизнь Тегнера, описанная Францѐномъ" и вскорѣ пришлю вамъ ее. Она составитъ отъ 2½ до до 3-хъ печатныхъ листовъ. Вчера было засѣданіе финскаго литературнаго общества. Собрались въ 6 часовъ, а я по назначенію пошелъ въ 5. Болѣе не буду ходить. Между тѣмъ ко мнѣ приходили гости и не застали меня. Послѣ пришелъ Рейнъ и я съ нимъ съ глаза на глазъ провелъ часа два.

56.

(Плетневъ — Гроту) ***Спб., пятн., 21 ноября, 1840.***

Журналъ: (20 ноября) среда. Цѣлое утро я провелъ, продолжая читать Касторскаго Славянскую Миѳологію. Положительнаго ничего нѣтъ. Все догадки, основанныя на глупой этимологіи. Въ диссертаціи нѣтъ ни тезисовъ, ни системы, ни интересу.

Отобѣдавъ, мы принялись дочитывать „Героя нашего времени". Признаюсь, никогда не ожидалъ я, чтобы человѣкъ съ талантомъ, какъ Лермонтовъ, былъ до такой степени утомителенъ и даже несносенъ,

какъ онъ въ своей княжнѣ Мери. Всѣ тутъ лица ни на что не похожи, — изъ рукъ вонъ, какъ говорится. И все это сдѣлано для того, что Лермонтовъ почитаетъ за верхъ ума презрѣніе къ женитьбѣ.

На сегодняшній вечеръ прибылъ Павелъ Максимовичъ съ женою. За нимъ явились Ѳ. Ѳ. Корфъ и Кодинецъ. Напрасно подступалъ я, чтобы Ѳ. Ѳ. возвратилъ мнѣ Тургенева письма. Онъ вмѣсто нихъ предложилъ мнѣ какіе-то „нравы и характеры". Желая чѣмъ-нибудь попользоваться отъ него, я просилъ хоть это на другой день прислать мнѣ. Все тщетно! Дни проходятъ, а онъ не думаетъ ничего доставлять. Извольте издавать журналъ съ такими людьми.

Между тѣмъ стороной слышу я, что онъ съ Башуцкимъ [1]) печатаетъ что-то въ родѣ „Французовъ, самими ими описанныхъ", и долженъ будетъ порисковать значительною издержкою. Плохая афера съ Башуцкимъ, который столько же разъ банкротился, сколько разъ предпринималъ что-нибудь. Какое смѣшное и жалкое вѣроломство. Я совсѣмъ не сержусь на него, но не могу довольно надивиться безразсчетливости и какой-то скрытливости. Еще прибылъ сверхъ ожиданія моего Бенедиктовъ [2]). Онъ привезъ для Современника стихи подъ названіемъ „Вальсъ". При этомъ разсказалъ онъ, что и Шахова [3]) приготовила для меня почти на эту же тему стихи, а именно „Галопадъ". Всѣхъ позже прибылъ Порошинъ. Онъ долѣе всѣхъ просидѣлъ со мной. Впрочемъ, я совсѣмъ его не понимаю. Всегда онъ будтоноситъ тайну за зубами, а ничего отъ него замѣчательнаго не услышишь. Онъ пожимается, да кой-что проговоритъ, а особеннаго ничего.

Четвергъ (21 ноября). Съ утра я отдалъ экзекутору для отсылки къ вамъ: 1) Журналъ министерства народнаго просвѣщенія; 2) Лермонтова стихотворенія и 3) романъ его: Герой нашего времени. Я думаю, что все-таки изъ нашихъ новостей это замѣчательнѣе прочаго. Вы можете, какъ я говорилъ, перевести Белу. Максимъ Максимовичъ также прелестенъ. Даже Тамань и Фаталистъ не безъ интересу. Всѣхъ хуже Мери. Изъ его стиховъ попробуйте хоть прозой передать что-нибудь шведамъ. Но я предпочелъ бы какія-нибудь мелкія стихотворенія Пушкина, напримѣръ: изъ сонетовъ, Мадонну, Поэтъ и проч. Еще разъ навсегда повторяю — отправленнаго къ вамъ не возвращайте ко мнѣ. Иначе мы всю корреспонденцію, теперь столь удобную, испортимъ. Я собрался на цѣлое утро съ визитами. Сперва поѣхалъ по обѣщанію къ Одоевскому, чтобы говорить о грипенберговой машинѣ. Это было 12 часовъ. Мнѣ сказали, что княгиня уѣхала, а князь почиваетъ. Я приказалъ сказать ему, что готовъ сидѣть на его постели — и меня впустили.

[1]) Александромъ Павловичемъ, писателемъ, ум. 1876 г.

[2]) Владиміръ Григорьевичъ, поэтъ, ум. 1873 г.

[3]) Елизавета Шахова, писательница (нынѣ монахиня).

Дѣйствительно, онъ валялся въ подушкахъ со своимъ котомъ. Я просилъ его принять офицера Грипенберга, чтобы отъ него узнать подробности о машинѣ. Онъ согласился его видѣть въ понедѣльникъ въ 9 часовъ вечера. Тогда я поѣхалъ къ Грипенбергу. Къ счастію, нашелъ его дома и разсказалъ, куда, къ кому и когда онъ долженъ явиться.

Изъ-за Аничкина моста, отъ одной шведской колоніи пустился въ другую, къ Армфельту. Нѣтъ его дома. Я бросился въ статсъ-секретаріатъ узнать квартиру Шультѐна[1]). Швейцаръ Ребиндера сказалъ мнѣ, что Армфельтъ и Шультѐнъ, оба здѣсь въ канцеляріи. Я къ нимъ и тамъ еще нашелъ Путяту. Шультѐнъ, невысокій ростомъ человѣчекъ, крѣпкій, очень манерно-вѣжливый, немножко плѣшивенькій, лѣтъ 48, рекомендовался мнѣ по-французски. Армфельтъ по секрету сказалъ мнѣ, что Ребиндеръ дѣлалъ запросъ въ университетъ насчетъ русскаго языка, откуда отвѣчали весьма неопредѣленно, выказывая одно желаніе отдѣлаться отъ Соловьева. Теперь есть еще бумаги по сему предмету, которыхъ Армфельтъ еще не видалъ. Онъ ждетъ, что графъ сдѣлаетъ совѣщаніе съ ними, а послѣ, вѣроятно, пригласитъ и меня. Совѣтники намѣрены настоять по крайней мѣрѣ на томъ, чтобы надъ Акіандеромъ и Соловьевымъ назначить васъ ординарнымъ профессоромъ. Пока ничего не знаю, чѣмъ это у нихъ рѣшено. Я успѣлъ замѣтить, что въ первые три или два года ваша работа будетъ болѣе распредѣленіе трудовъ между лекторомъ и экстраординарнымъ профессоромъ, пока не дойдутъ до верхняго курса студенты, которые могли бы ужъ понимать ваши лекціи на русскомъ языкѣ.

Пятница (22 ноября). Отъ Великой Княжны Ольги Николаевны, гдѣ читали: Чернь и Родословную Езерскаго (обѣ очень понравились), ѣздилъ я къ Дондукову. У К—и опять вышли глупости: такъ за одною слѣдуетъ другая! Видѣлъ у Ватковской Комовскаго[2]): ваши праздновали 19 октября особо по прежнему.

57.

(Гротъ — Плетневу) ***Гфорсъ, воскресенье, 24 ноября, 1840.***

Въ пятницу, вмѣстѣ съ вашимъ письмомъ, о, надежнѣйшій изъ чадъ земли! получилъ я письмо отъ Францѐна, которое здѣсь сообщу вамъ въ переводѣ. Только, чтобъ не сдѣлать его смѣшнымъ, я вездѣ титулъ надворнаго совѣтника буду замѣнять простымъ *вы*, кромѣ перваго раза: „Высокоблагородный г. надворный совѣтникъ! Прежде нежели

[1]) Отто Рейнъ Шультѐнъ (Friherre af Schultén), служившій первымъ секретаремъ экспедиціи и начальникомъ II-го отдѣленія статсъ-секретаріата.

[2]) Александръ Дмитр., старшій чиновникъ въ военно-походной по флоту канцеляріи (у кн. Меньшикова), лицейскій товарищъ Я—а К—а.

*

я имѣлъ честь получить ваше письмо, я уже отправилъ къ племяннику моему, протокольному секретарю П. Эдельгейму манускриптъ, который вы, вѣроятно, получили вскорѣ послѣ отправленія вашего письма. Заслуживаетъ ли онъ войти въ предположенный сборникъ, въ этомъ я сомнѣваюсь, потому что онъ едва-ли понятенъ для кого-либо, кромѣ тѣхъ, кому извѣстны подразумѣваемыя въ немъ обстоятельства.

„Изъ русскихъ литераторовъ и ученыхъ, съ которыми мнѣ пріятно было познакомиться въ Гельсингфорсѣ, вы въ воспоминаніи моемъ занимаете первое мѣсто, не только потому, что знаете нашъ языкъ и нашу литературу, но и по вашему открытому и привлекательному обращенію (каковъ старинушка? не разучился дѣлать комплименты?). Живо чувствую благосклонность всѣхъ, но въ особенности оказанную мнѣ переводчикомъ Фритіофа (еще милѣе!).

„Васъ и всѣхъ любителей музы Тегнера могу обрадовать извѣстіемъ, что его путешествіе въ Шлезвигъ и тамошнее пребываніе уже возстановили въ немъ равновѣсіе воображенія и прочихъ силъ душевныхъ. Все заставляетъ надѣяться, что онъ скоро совершено исцѣлится и тѣломъ и духомъ. Съ отличнымъ почтеніемъ имѣю честь быть Ф.“.

Все письмо написано собственноручно, но почеркъ Францѐна хуже блудовскаго; я раза четыре прочелъ письмо, пока всѣ слова стали мнѣ ясны. Любопытна ошибка въ концѣ: вмѣсто „Херкесанда“ поставлено: „Гельзингфорсъ“. Въ отвѣтѣ своемъ я хочу, въ свою очередь, подписать: *Херкесандъ*. На пакетѣ адресъ французскій. А пропо̀: я имѣю основаніе думать, что письма наши не всегда читаются одними нами. Печать бываетъ что-то слишкомъ тускла и неявственна.

Среда, 27 ноября послѣ ухода гостей.

Впрочемъ, послѣднее обстоятельство можетъ также происходить отъ тренія писемъ одно о другое. Можетъ быть, подозрѣніе и несправедливо, но другія навели меня на него. Извѣстіе о Тегнерѣ помѣстилъ я въ сегодня вышедшемъ № Гельсингфорской газеты. Пусть всѣ знаютъ это. Кстати долженъ я вамъ сказать, что въ моемъ послѣднемъ письмѣ я ошибся, говоря о величинѣ моей статьи. Къ несчастію, или къ счастію въ ней никакъ не болѣе $1^1/_2$ печатныхъ листовъ. Кажется, я вамъ впередъ плохой сотрудникъ. Я такъ отсталъ во многихъ предметахъ, особливо въ русской литературѣ, что мнѣ послѣ напечатанія Фритіофа и финляндской книги придется посвятить все время на то, чтобы не осрамить собою того званія, къ которому меня назначаютъ. Писаніе мелочей только раздробляетъ и время и силы, которыя можно употребить болѣе полезнымъ образомъ. Притомъ, здоровье мое непремѣнно требуетъ, если не совершеннаго отдыха, то, по крайней мѣрѣ, продолжительнаго воздержанія отъ усиленныхъ напряженій. Впрочемъ, есть у меня въ виду предметы для разныхъ статей

и, не смотря на сказанное, я не ручаюсь, что старая привычка не возьметъ верха надъ благоразуміемъ. Я не знаю, какъ васъ благодадарить за сочиненія Лермонтова, присланнаго мнѣ вмѣстѣ съ Журналомъ Просвѣщенія. Я получилъ ихъ вчера и тогда же принялся читать „Героя“ вслухъ моимъ дамамъ. „Бела“ точно прелестна. Я прежде не читалъ ея. Что касается до перевода ея, то это вещь сомнительная. Гдѣ бы его помѣстить? Журналъ, который начнется съ Новаго года, будетъ исключительно посвященъ предметамъ, относящимся до Финляндіи.

Цигнеусъ не можетъ никогда простить своего злодѣя, хотя и помирился съ нимъ. Реймерса мы напрасно винимъ. Я узналъ на дняхъ, что его жена въ рѣшительной чахоткѣ и почти не встаетъ. Жуковскаго отвѣтъ полученъ здѣсь, но я его не видѣлъ.

Мнѣніе мое о томъ, что̀ вамъ писать для финляндской книги вы уже знаете: возьмитесь за что-нибудь русское, могущее интересовать и русскихъ, и финляндцевъ. Напримѣръ, составьте обзоръ всего, что въ послѣдніе годы сдѣлано для училищъ въ Россіи, или напишите о нынѣшнемъ состояніи русской литературы, или о русскихъ народныхъ пѣсняхъ и пословицахъ, о матеріалахъ для узнанія русской старины и т. п. Статьи такого содержанія были бы тѣмъ особенно занимательны, что служили бы какъ-будто параллелью статьямъ финляндскимъ. Съ послѣднею почтой получилъ я и отъ Ленрота письмо съ тетратью подъ заглавіемъ: „О нынѣшней народной поэзіи финскихъ крестьянъ“. Статья презабавная и преоригинальная. Какъ бы прекрасно было, еслибы и русскія статьи были подъ стать этимъ. Сообщите мою мысль Одоевскому и Сологубу: они вѣрно еще не начали писать. Еслибы кто-нибудь написалъ даже умно о русскомъ языкѣ, то и это было бы чудесное дѣло. Надобно помнить, что все будетъ переведено по-шведски и будетъ читано въ Швеціи. Книгу съ стихотвореніемъ Францѐна съ радостію будутъ тамъ расхватывать. Намъ надобно стараться воспользоваться этимъ единственнымъ случаемъ, чтобы хоть нѣсколько поправить понятіе шведовъ о Россіи. Предпріятіе наше въ послѣдствіяхъ своихъ можетъ быть важнымъ явленіемъ. Все это непремѣнно растолкуйте Одоевскому и Сологубу. О выборѣ типографщика говорить нечего. Поговорю, впрочемъ. Скажите еще Сологубу, что его повѣсти въ Отечественныхъ Запискахъ составляютъ теперь модное чтеніе въ здѣшнемъ высшемъ кругу. Я не зналъ, что Квитка кривой. Его біографія должна быть очень интересна. „*Мы учились* по-итальянски“ доказываетъ, что и вы принялись за уроки. Поздравляю и желаю успѣха. Съ моей статьей, которая пойдетъ отсюда, кажется, съ будущей почтой черезъ ректорскую канцелярію, я пошлю для Александры Осиповны тетрадь объ итальянскихъ глаголахъ, которую я написалъ еще въ лицеѣ. Не требую, чтобы ее всю прочли, а можетъ быть

она пригодится для соображенія. За ласковый пріемъ Грипенбергу и хлопоты о немъ я и отецъ его очень благодарны вамъ. Ваше благодарственное письмо къ факультету [1]) отдалъ я Урсину еще въ прошлую пятницу на улицѣ, идучи къ нему. Шультена я знаю и говорилъ съ нимъ, но визитами не обмѣнивался. Изъ вашихъ словъ видно, что дѣло о профессурѣ подвигается. Хорошо бы, еслибы мнѣ скорѣй дали какое-нибудь званіе, а то хоть жить на свободѣ по теперешнему и очень пріятно, но не благовидно. Богъ знаетъ, что обо мнѣ могутъ подумать злые люди.

Въ субботу послѣ обѣда былъ я у больного Кастрена и бралъ финскій урокъ. А что книжки, требуемыя Кастреномъ? Потомъ пошелъ я къ сосѣду Грипенбергу. У насъ былъ разговоръ о неправдѣ, составляющей основу взаимнаго обращенія людей въ обществѣ. Онъ на нее въ негодованіи и говоритъ, что въ Финляндіи *комплименты* вещь очень рѣдкая между людьми достойными уваженія. Все это было по случаю лестныхъ для меня словъ Францѐна, которыя я принялъ было за комплименты, а Грипенбергъ защищалъ, какъ выраженіе дѣйствительнаго мнѣнія Францѐна. Грипенбергъ просилъ меня доставить ему какихъ-нибудь свѣдѣній о нынѣшнемъ состояніи земледѣлія въ Англіи. Если увидите кого-нибудь свѣдущаго въ этомъ предметѣ, попросите указать, гдѣ бы найти подобныхъ извѣстій. Не знаетъ ли Одоевскій?

Виноватъ, я пропустилъ пятницу. Вечеръ этого дня мы, по зову, провели у Клинковстрема стараго. Тамъ были Армфельты, Федерлеи, сенаторша Ерне [2]), молодые Клинковстремы и еще кое-кто мнѣ неизвѣстные. Я, первый разъ въ Финляндіи сыгралъ партію въ шахматы съ Федерлеемъ. Играли часа $1\frac{1}{2}$. Я проигралъ. Послѣ вздумали идти прогуляться. Кромѣ карточнаго стола и старыхъ дамъ, все общество пустилось пѣшкомъ при прекрасной морозной лунной ночи. У дома Траверсе мы шумѣли и шалили, но никого, кромѣ Спафарьевой [3]) не было дома. Спустясь по нашей бывшей улицѣ, мы загнули въ университетскую, потомъ мимо площади пробрались къ Маріа-Гатанъ и черезъ нее домой. Я шелъ возлѣ Матильды почти все время и болталъ съ ней о разныхъ разностяхъ. Приближаясь къ дому, заговорили мы о васъ (не помню, по какому случаю), что̀ продолжалось еще и дома. Сама графиня мать очень выхваляла васъ, говоря, что съ перваго взгляда въ васъ можно узнать un homme de coeur, и приказала много кланяться. Это же порученіе получилъ я и отъ Матильды; не смотря на ваше обѣщаніе сюда, она требуетъ, чтобы вы написали ей

[1]) Безъ сомнѣнія за присланный П—у А—у докторскій дипломъ.

[2]) Жена сенатора Густава Ерне (Hjärne).

[3]) Екатерины Леонт., дочери генер.-лейт. Леонт. Вас. Спафарьева (свояченицы м. Траверсе).

что-нибудь и прислали въ письмѣ ко мнѣ. Поужинавъ, разъѣхались. Въ воскресенье чувствовалъ я необходимость освѣжиться ходьбою и бездѣльемъ, почему и посвятилъ весь день симъ двумъ спасительнымъ предметамъ. Вашъ уединенный философъ (всякъ человѣкъ есть ложь!) пустился съ визитами къ Эттеру, Теслеву, ген. Рамсаю (которому отнесъ два старыхъ №№ Современника съ Марусей[1]) и ст. „Литературн. утраты“ [2]), Валлену молодому и другимъ, вамъ неизвѣстнымъ. На вечеръ были мы званы къ Траверсе по случаю именинъ Спафарьевой, Катерины. Прежде отъѣзда забѣжалъ я къ Грипенбергу и разговорился съ нимъ о томъ, можно ли принять умъ и глупость наслѣдственными отъ родителей къ дѣтямъ. Рѣшено, что по большей части. У Траверсе былъ балъ по формѣ. Я тотчасъ по пріѣздѣ аганжировалъ трехъ дамъ: прежде всего, разумѣется, маркизу, потомъ графиню и, наконецъ, Рамсайку. Больше никого. Вечеръ былъ очень живой и веселый, что надо приписать знакомству всѣхъ между собой. Танцующими кавалерами были почти все моряки.

Въ понедѣльникъ вечеромъ читалъ я съ Цигнеусомъ у него статью Ленрота. Во вторникъ прогулялся на кладбище, а вечеръ по лунѣ, вечерничалъ у профессора Нордстрема. Вчера были у меня: Кастренъ, Готлундъ, Акіандеръ, Брунѐръ, Колланъ, Лундаль.

58.

(Плетневъ — Гроту) ***Спб., вторн., 26 нояб., 1840.***

Отвѣтъ на письмо отъ 19 ноября. Ваше замѣчаніе, любезный Яковъ Карловичъ, насчетъ вліянія внѣшней жизни на расположеніе духа отчасти справедливо, а отчасти и нѣтъ. Это предметъ, еще не разрѣшенный ни въ одной изъ наукъ, изъясняющихъ отношенія духовнаго существа человѣка къ существамъ внѣшнимъ вообще. Я, для успокоенія совѣсти, чтобы не остаться безъ какого-нибудь философскаго вѣрованія, опредѣлилъ это отношеніе слѣдующимъ образомъ. Въ душѣ человѣка, по существу ея божественнаго происхожденія, могутъ возникать, независимо отъ внѣшности, собственныя ея идеи и образоваться самобытныя созданія по общему однако же образцу естественнаго; потому что сама душа не внѣ естественнаго. Между тѣмъ и внѣшнее, по отношенію къ душѣ, какъ міру принадлежащей, и по могуществу надъ органами чувствъ, чудесно связанными съ душою, въ свою очередь сильно дѣйствуетъ на душу и становится источникомъ тоже идей и созданій души. Слѣдовательно, по моему лучше поль-

[1]) Повѣстью Квитки (Основьяненко), т. IX, 1.

[2]) Статья Плетнева въ Соврем. т. IX, 27, въ которой заключаются общія размышленія о литературныхъ утратахъ и въ частности по поводу смерти Карамзина, Дмитріева, Пушкина.

зоваться и тѣмъ и другимъ источникомъ для доставленія работы душѣ, нежели ограничиться чѣмъ-нибудь однимъ, неполнымъ и даже, по существу нашему, одностороннимъ. Вотъ что и заставляетъ меня искать впечатлѣній, а въ другую пору предаваться уединенію. Я совѣтовалъ бы и вамъ держаться этой системы. Впрочемъ, тутъ совѣты ничего не значатъ. У всякаго изъ насъ, смотря по потребностямъ души, слѣдовательно, въ разныя эпохи, столько есть чуднаго, неодолимаго инстинкта, что, вопреки всѣхъ теорій и увѣщаній, неиспорченный человѣкъ въ отношеніи къ себѣ есть мудрѣйшее существо. Вы въ продолженіе ноября почувствовали потребность въ уединеніи. Я полагаю, что это состояніе духа у васъ продлится и въ декабрѣ. Мы съ вами, люди, столь близкіе къ чистой природѣ, связаны духовно съ ея феноменами. Никогда природа на сѣверѣ не бываетъ такъ безжизненна и безпріютна, какъ въ эти два мѣсяца. Что намъ дѣлать въ обществѣ? думаемъ мы, а настоящая причина этого затворничества — отсутствіе голубого неба, привлекательнаго свѣта, соблазнительнаго воздуха, чѣмъ наслаждаемся мы, не думая о томъ, — пробираясь въ общество, какъ бы находя все удовольствіе въ немъ. Сказанное вами о ничтожествѣ усилій надъ умами людей, мыслящихъ не по нашему, я вполнѣ раздѣляю съ вами, какъ вы сами замѣтили въ моихъ письмахъ. Итакъ, этотъ споръ въ сторону. Богъ съ ними, съ этими газетчиками, журналистами и ихъ читателями. Намъ не до нихъ. Наши собесѣдники — мы сами, питающіеся божественною пищею высокихъ талантовъ. Если совѣтовалъ я вамъ и теперь совѣтую переводить съ русскаго на шведскій, у меня намѣреніе тутъ не то, чтобы разувѣрять въ чемъ-нибудь финляндцевъ или низвергать поднявшіеся на ходули истуканы, а чтобы по человѣчеству разливать все прекрасное, общее душамъ благорожденнымъ. Точно также я просилъ бы и со шведскаго переводить на русскій, еслибы вы тамъ нашли что равносильное указанному мною. Переведите напримѣръ: „Дочь станціоннаго смотрителя“ Пушкина или его же „Пиковую даму“ и проч.; я увѣренъ, что это будетъ прекрасный подарокъ всѣмъ, читающимъ по-шведски.

Совѣта вашего я просилъ насчетъ выбора мнѣ предмета для книги о Финляндіи потому, что умъ хорошо, а два лучше. Впрочемъ, надобно ждать счастливаго въ душѣ откровенія. Насильно туда ничего не втолкнешь. Вы хотите въ рукахъ держать переведшаго статью Нервандера — какъ средство. Не понимаю, на какую потребу это средство или статья? По убѣжденію ли въ ничтожествѣ спора Эманъ кончилъ его, или по чьему-либо приказанію? О своей статьѣ [1]) вы лучше судить можете. Будь она общеполезная не для доказатель-

[1]) Написанной по поводу финляндскихъ газетныхъ толковъ о Булгаринѣ, о которой рѣчь въ п. 48 и 49 (стр. 123 — 124)

ства односторонняго, а вообще дополненіе къ теоріи искусства, тогда печатайте. Не отвергайте пользы и журнала внѣшней жизни; это факты, изъ которыхъ возникаютъ соображенія вѣрныя. Идеи очень полезны, какъ теорія, а дѣла еще полезнѣе, какъ практика. Вы прекрасно назвали людей творцами. Постараемся же оставить творенія достойныя божественности души нашей.

О Протопоповѣ вы уже знаете, какъ онъ со мной сблизился. Жуковскаго не надо осуждать за передѣлку романовъ въ поэмы. Онъ думаетъ о человѣчествѣ, а не о себѣ. Для перваго все истинное, прекрасное должно переходить изъ образа въ образъ. Раздѣленія наши родовъ поэзіи суетны и мелки. Что ни сдѣлаетъ истинный поэтъ — все будетъ даръ искусству, т. е. міру. Благодарю васъ за отрывокъ изъ письма Сперанскаго. Я всегда радуюсь, когда къ рѣденькой кучкѣ избранныхъ небомъ прибавляется еще одинъ. Мои слова, которыя вы велѣли напечатать, лучше оставить для нашихъ трудовъ общимъ эпиграфомъ. Это будетъ для нихъ высочайшимъ назначеніемъ. Передайте ихъ и тѣмъ, кого сочтете достойными быть въ нашемъ обществѣ, напримѣръ, Цигнеусу или Кастрену. Благодарю за статью для Современника. Только, ради Бога, съ первой же почтой отправьте ее ко мнѣ. Слава Богу, что вы почувствовали ничтожество литературныхъ сборищъ, называемыхъ учеными обществами.

Журналъ. Въ *субботу (23 ноября)*, по отправленіи къ вамъ письма, я провелъ время въ университетѣ до 4 часовъ. Но тамъ, слава Богу, новыхъ глупостей не было.

Воскресенье (24 ноября). Ѣздилъ съ визитами по причинѣ Екатеринина дня: къ Карамзинымъ, въ Екатерининскій институтъ и къ Ремеръ (сестрѣ Быченской). Въ 1-мъ часу поѣхалъ въ университетъ на промоцію въ магистры. Ихъ диссертаціи послалъ я въ библіотеку вашего университета. Онѣ замѣчательны очень. Одинъ предлагаетъ основать классификацію животныхъ по различію ногъ; другой открываетъ тайны развитія цвѣтка. Но оппоненты (К — а, зоологъ и Ш — ій, ботаникъ) были ужасно пусты. Тутъ я убѣдился, что наука не даетъ ума.

Во *вторникъ (26 ноября)* у Великой Княжны Ольги Николаевны читали Пиковую даму. Эффектъ чудесный. Въ Екатерининъ день вся Царская Фамилія при родственникахъ воспитанницъ была въ Екатерининскомъ институтѣ. Вечеръ я провелъ въ концертѣ Пасты. Старушка поетъ чудесно. Видѣлъ Гедвигу съ отцомъ. Прелесть! (скажите Цигнеусу). Сологубъ былъ съ молодою женой. Прекрасна! Онъ непремѣнно вышлетъ статью вамъ. Царская фамилія тоже была вся. Со мной сидѣли Пушкины (поэта) и смѣшной Мятлевъ, который звалъ меня къ себѣ на обѣдъ — слушать Пасту на дому.

59.

(Плетневъ — Гроту) *Спб., четвергъ, 28 нояб., 1840.*

Журналъ. Въ *среду (27 ноября)* по отправленіи къ вамъ письма, пошелъ я въ университетъ. Морозы у насъ начались сильные. Сію минуту на моемъ термометрѣ 16 градусовъ. И я даже вечеромъ надѣвалъ свою шубу, хоть не люблю этого платья и другимъ не рекомендую, боясь, чтобы не сдѣлались всѣ похожи на Никитенко, который прѣетъ въ шубѣ и въ великій постъ. Возвратясь изъ университета передъ обѣдомъ домой, я нашелъ Мятлева карточку и его стихи. Онъ прославился у насъ Курдюковой. Эта героиня, русская помѣщица, путешествуетъ по Европѣ, разсказываетъ каррикатурно обо всемъ, что видитъ, и мѣшаетъ, какъ Быченская, русскія фразы съ французскими. Мѣстами смѣшно уморительно. Мятлевъ читаетъ ее всѣмъ наизусть по нѣскольку тысячъ стиховъ. Онъ даже добрался до чтенія Государю, который много смѣялся. Мятлевъ, мужчина лѣтъ за 47; женатъ; но его жена живетъ въ Италіи, гдѣ и онъ долго пробылъ. Мы сидѣли съ нимъ въ концертѣ Пасты рядомъ подлѣ Пушкиной (поэта) — и онъ восхищался то ею, то Великою Княжною Ольгою Николаевною, бывшей въ голубомъ платьѣ. „Завернулась въ кусочекъ неба, да и смотритъ, какъ ангелъ“, сказалъ о ней мнѣ Мятлевъ. Я прибавилъ: вотъ и тема для стиховъ. Поэтому-то онъ съ утра и привезъ мнѣ свои стихи. Я развернулъ и прочелъ слѣдующее:

Что я видѣлъ вчера.

Россіи ангелъ облачился
Въ кусочекъ неба и смотрѣлъ
Въ концертъ, гдѣ русскихъ рой толпился,
И гдѣ Итальи геній пѣлъ.
И я смотрѣлъ на то видѣнье,
На тотъ небесный, дивный ликъ,
И чудное гремѣло пѣнье,
И взоромъ въ небо я проникъ.
Осуществилась мысль поэта [1]):
Душа святыней обдалась;
Но пѣснь чудесная допѣта,
И ангелъ вдругъ исчезъ изъ глазъ.
Такъ недосказанной умчалась
Святая тайна въ небеса!
Но ангела въ душѣ осталась
Залогомъ дивная краса.
Въ ней вижу рая обѣщанье,
Награду жизни скорбныхъ дней:
И благодать и упованье
Теперь живутъ въ душѣ моей.

[1]) Здѣсь онъ разумѣетъ Жуковскаго Минвану въ Эоловой арфѣ: „Младая Минвана красой озаряла родительскій домъ: какъ зыби тумана“ и проч.

На вечерѣ у меня было немного: Вишняковъ, Савичъ (профессоръ астрономіи), Шиховскій (ботаники) и Краевскій. Послѣдній, по отбытіи первыхъ, долго толковалъ, что въ Москвѣ профессора дѣльнѣе, нежели здѣсь. А я про себя думалъ: „Славны бубны за горами". Наконецъ, всѣ провалились, и я сбирался спать, какъ пріѣхалъ Корфъ. Онъ засидѣлся до половины перваго. Видно, что его предпріятіе съ Башуцкимъ не идетъ на ладъ: онъ мнѣ обѣщаетъ листовъ на 9 въ Современникъ: Характеровъ и нравовъ. Отрывокъ обѣщалъ даже завтра. Видно, изъ тургеневщины не успѣлъ, или не умѣлъ ничего приготовить.

Въ *четвергъ (28 ноября)* опять побрелъ я въ университетъ, какъ въ правленіе, такъ и на экзаменъ гувернантокъ и гувернеровъ. Вообразите, каковъ историкъ К — а: онъ еще не былъ ни разу въ томъ курсѣ, гдѣ на его исторіи случилась съ нимъ исторія. Развѣ можно отлынять? Изъ университета поѣхалъ я съ визитомъ къ Мятлеву. Онъ водилъ меня къ старушкѣ своей матери, урожд. Салтыковой. Домъ ихъ самый аристократическій и наполненъ картинами, статуями и разными рѣдкостями Италіи. Знаменское, что̀ Государь купилъ для Императрицы дачу, подлѣ Александріи, было ихъ. Въ понедѣльникъ у нихъ будетъ пѣть на дому Паста — и я приглашенъ обѣдать къ нимъ по этому случаю.

Ѳ. Ѳ. *Корфъ* прислалъ мнѣ отрывокъ: „Пріѣзжіе изъ провинціи". Послѣ обѣда я запасся билетомъ во французскій театръ на завтра. Le roi de 15 ans и La leçon des journalistes, бенефисъ Брессана. Въ первой играетъ очень хорошо Луиза Мейеръ, свѣженькая изъ французскихъ актрисъ, а 2-я изъ запрещенныхъ пьесъ въ Парижѣ. Съ визитами попусту объѣхалъ я многихъ: Смирновой, Балабиной и Карамзиной не засталъ. Нашелъ Пушкину (поэта), которая мнѣ объявила, что вчера землячка наша Э. К. Мусина-Пушкина разрѣшилась дочерью: поздравьте Valленовыхъ и Гельсингфорсъ.

Пятница, 2 ноября, ½ 1 ч. за полночь. Поутру поѣхалъ къ Великой Княжнѣ Ольгѣ Николаевнѣ. Императрица присутствовала при чтеніи Ярмарки, которой мы безъ нея и не читаемъ. Къ концу чтенія вошли В. К. Александра Николаевна и В. К. Марія Александровна (такъ будетъ названа послѣ мѵропомазанія Невѣста Наслѣдника). Я спросилъ у послѣдней по-русски: здорова ли она и не поѣдетъ ли вечеромъ въ театръ? Окулова за нее отвѣчала, что ей нѣкогда, потому что она готовится къ обряду мѵропомазанія, которое должно совершиться въ слѣдующую пятницу (наканунѣ Николина дня).

Одоевскій сказалъ мнѣ, что у него готова для васъ статья, и онъ только ждетъ Сологуба.

60.

(Плетневъ — Гроту) *Спб., вторн., 5 ч. веч., 3 дек., 1840.*

Отвѣтъ на письмо отъ 24 ноября. Благодарю васъ, милый Яковъ Карловичъ, за письмо Францѐна: оно равно прекрасно для автора и для того, къ кому писано. Хоть я не согласенъ съ Грипенбергомъ, чтобы Францѐнъ, какъ финляндецъ, чуждъ былъ искусства комплиментовъ; но въ отношенiи къ вамъ онъ точно говорилъ по чувствамъ. Вы недавно стали думать, что любопытство къ интересной перепискѣ нашей влечетъ къ ней взоры не однихъ насъ; а я такъ давно увѣренъ былъ въ этомъ. Дай Богъ, чтобы это участiе благомыслящихъ людей не ослабѣвало! Душевно преданы будучи общему благу, чести, добродѣтели и высокому долгу исторiи, мы, раскрывая не только взаимно другъ для друга, но и для прочихъ своихъ читателей истины святыя и, можетъ быть, для нихъ еще неясныя, разольемъ по землѣ болѣе свѣта, знанiй и чистыхъ идей, нежели сколько бы въ этомъ успѣли, высказываясь единственно другъ передъ другомъ. Слава Богу, что Тегнеръ поправился. Не забудьте это вставить въ свою статью, отмѣтивъ, что извѣстiе сiе заимствовано изъ Францѐнова къ вамъ письма. Никакъ я не буду васъ уговаривать продолжать участiе въ Современникѣ, потому что ваше здоровье гораздо мнѣ дороже интереса статей. Если моя статья для книги юбилея не поспѣетъ къ 15 декабря, то вы оправдайте меня передъ членами комитета многосложностью моихъ занятiй, и увѣрьте ихъ, что, пока прочiя статьи будутъ печататься, моя подоспѣетъ еще не не-во̀-время. Одоевскаго я никогда теперь не увижу, потому что онъ ко мнѣ не придетъ, а я по субботамъ остаюсь съ Олей и Александрой Осиповной. Еще менѣе мнѣ надежды говорить съ Сологубомъ; потому что, женившись, онъ уже на вѣкъ утонулъ въ пѣнѣ большого свѣта. О профессурѣ дѣло позамолкло. Съ концерта Пасты я не видалъ Армфельта, хоть и обѣщалъ онъ скоро прислать за мной. По-итальянски не учусь, а толкаюсь тамъ, гдѣ другiе учатся. Александра Осиповна заранѣе благодаритъ васъ за тетрадь глаголовъ. Вы боитесь навлечь на себя дурную славу, не нося какого-нибудь званiя. Не безпокойтесь: видна птица по полету.

Лѣтомъ сами обѣщали Вы, и я прибавилъ къ этому совѣтъ мой — начать безъ меня изученiе мотивовъ, которыми управляются у васъ иныя прочiя особы и вслѣдствiе оныхъ такъ или иначе говорятъ, судятъ и дѣйствуютъ. Посвятите когда-нибудь на свободѣ этому интересному предмету листка два-три. Я люблю изучать сердце человѣческое. Это для меня интереснѣйшая часть въ занятiяхъ мыслящаго существа. Вотъ почему я и не могу отказаться отъ общества, особенно высшаго. Тамъ всегда есть и страсти, и умъ, и игра ихъ. Много ли на свѣтѣ

всѣхъ Армфельтовъ и кто они? Любопытство это родилось у меня отъ жены двоюроднаго губернаторскаго брата. Книжекъ Кастрену и книгопродавцы еще не могли нигдѣ отыскать: видно это рѣдкіе звѣрьки. О земледѣліи въ Англіи ничего я не знаю, а Грипенбергу доставитъ о томъ свѣдѣнія сынъ его, который успѣлъ познакомиться съ англичаниномъ, свѣдующимъ по этой части. Не знаю ни Федерлеевъ, ни Ерне: есть ли тутъ кто интересный? Скажите Матильдѣ, что я непремѣнно пришлю ей стихи, если только напишу что-нибудь хоть нѣсколько достойное ея. Хотѣлъ бы я знать, какъ она всегдашній проводитъ день? Музыкой не занимается, вѣрно и хозяйствомъ тоже нѣтъ. Читаетъ ли она что̀, кромѣ романовъ? Вѣрно много хлопочетъ надъ вещами для своего туалета. Каковы ея маленькія сестры? Есть ли у нихъ въ домѣ кто-нибудь не безъ поэзіи? За отзывъ матери обо мнѣ очень благодаренъ. Зачѣмъ Рамсаю понадобилось „о литературныхъ утратахъ" и что онъ сказалъ объ этомъ? Заключеніе ваше съ Грипенбергомъ о наслѣдственномъ умѣ и глупости весьма неосновательно. Во всей исторіи нѣтъ примѣра, чтобы отецъ и сынъ были два равные генія, даже хотя бы въ разныхъ родахъ. У Пушкина отецъ не болѣе, какъ пустой старичишка, а у Наполеона сынъ дурной мальчишка. Въ наслѣдство переходятъ одни аристократическія или демократическія привычки, не свидѣтельствующія объ умѣ, а объ одной сторонѣ животности.

Журналъ. Суббота (30 ноября). Начиная съ этого дня, ежедневно я бываю въ университетѣ и поочереди захожу слушать лекціи всѣхъ профессоровъ. Это, я вижу, необходимо. По уставу ректоръ обязанъ наблюдать за духомъ преподаванія. При мнѣ и студенты чиннѣе, да и профессоры осмотрительнѣе. Въ случаѣ же дурныхъ толковъ про университетъ, я, не краснѣя, могу защищать его, сказавъ, что самъ слушаю, что̀ съ каѳедръ говорится.

Воскресенье (1 декабря). Я получилъ отъ Гоголя письмо, гдѣ онъ жалуется и на здоровье свое и на безденежье. Но что я могу для него сдѣлать? Я совѣтовалъ ему рѣшиться что-нибудь напечатать. Утро провелъ я у Балабиныхъ. Какъ интересны и мать и дочь! Онѣ живое берутъ участіе въ Гоголѣ; но пособить ему тоже не могутъ.

Понедѣльникъ (2 декабря). Вотъ что Путята мнѣ сообщилъ въ разсужденіи чина вашего: „Хотя для финляндскихъ чиновниковъ не положено собственно выслуги лѣтъ и чины даются только съ мѣстомъ или за отличіе, но графъ Ребиндеръ, не желая, чтобы г. Гротъ терялъ по службѣ переходомъ своимъ въ его вѣдомство, обѣщалъ при первомъ представленіи исходатайствовать ему прямо слѣдующій чинъ въ уваженіе прослуженнаго имъ срока въ настоящемъ чинѣ. Въ успѣхѣ, кажется, нельзя сомнѣваться".

Въ этотъ день, какъ вы изъ прежняго письма помните, я былъ званъ обѣдать къ Мятлеву на Пасту. Она была дѣйстви-

тельно тамъ и послѣ обѣда пѣла. Ея голосъ, хоть мѣстами свидѣтельствуетъ о томъ, что ей идетъ пятый десятокъ, только это рѣдко слышно, а вообще изумительная сила, полнота и обработанность, особенно въ нотахъ высшихъ и среднихъ. Метода же ея пѣнія превышаетъ всякое описаніе. Мы уговорили и Михаила Глинку [1]), который тоже обѣдалъ тамъ, спѣть что-нибудь для Пасты. Онъ не только доставилъ ей удовольствіе, какъ маэстро въ музыкѣ, но и увлекъ ее къ большему пѣнію. Она пѣла арію изъ Отелло подъ аккомпаниментъ Глинки. Мятлевъ уговорилъ меня еще обѣдать у него въ четвергъ, чтобы слушать m-me Бишопъ. „Это, говоритъ, было шампанское, а тогда мы попробуемъ бишофу".

Вторникъ (3 декабря). Императрица два часа высидѣла за чтеніемъ Ярмарки. Она очень охотно и внимательно слушала всѣ мои поясненія идей и выраженій автора. Мы простились на недѣлю. 5-го будетъ мvропомазаніе, 6-го обрученіе, 7-го поздравленія отъ всѣхъ первыхъ пяти классовъ. Вечеръ я провелъ отъ 7 до 9½ у Лекса, до 11 у Быченскихъ, а до 2 у Карамзиныхъ. Здѣсь много читали стиховъ Лермонтова. Sophie Карамзина [2]) безъ ума отъ его таланта. Была тутъ и Растопчина, которая завтра назначила мнѣ у нея обѣдать. Я послѣдніе 6 столбцевъ этого письма наваляль — воротясь отъ Карамзиныхъ. Теперь ½ 4 ч. утра. Иду спать.

61.

(Гротъ — Плетневу) ***Гфорсъ, среда, 4 декабря, 1840.***

Въ понедѣльникъ я не получилъ отъ васъ письма. Это было для меня непонятно и немного безпокоило меня, пока нетерпѣливо жданная слѣдующая почта не привезла мнѣ отъ васъ двухъ писемъ вдругъ. Отчего бы это случилось? Вѣрно первое письмо опоздало немного на почту.

Отвѣтъ. Ваши мысли о двойномъ источникѣ душевныхъ впечатлѣній и необходимости пользоваться и тѣмъ и другимъ кажутся мнѣ очень справедливыми. Но не раздѣляю я вашего мнѣнія, будто къ уединенію побуждаетъ насъ только сонъ природы. Когда я его ищу, то напротивъ, часто болѣе, чѣмъ когда-либо наслаждаюсь природою, гуляю много, а въ гости не хочется. Не знаю — особенность ли это здѣшняго края, или общее съ Петербургомъ исключеніе, только въ нынѣшнюю зиму здѣсь по большей части стоитъ необыкновенно хорошая погода. „Морозъ и солнце, день чудесный". Этотъ стихъ Пушкина можно повторять почти ежедневно. Небо чисто и сине какъ въ Италіи, воздухъ освѣжительный. Я все это время часто всходилъ на скалы въ

[1]) Знаменитаго композитора († 1857).

[2]) Софья Николаевна Карамзина, дочь исторіографа.

разныхъ частяхъ города и вездѣ любовался самыми очаровательными видами. Но что никакія системы ни къ чему не служатъ, въ этомъ вы опять совершенно правы. Дѣлая ихъ, мы забываемъ, что съ каждымъ утромъ какъ бы снова родимся, и гдѣ намъ, близорукимъ, предвидѣть тѣ новые потребности и инстинкты, которые вѣчно движущейся природѣ вздумается завтра пробудить въ нашемъ духѣ? Что касается до переводовъ, то я не ручаюсь, что буду продолжать подвизаться на этомъ поприщѣ, на которомъ надобно слишкомъ отрекаться отъ самого себя. Пока переводится, значитъ, что переводить должно; но когда къ этому занятію родится сильная неохота и есть въ виду другія, которыя болѣе могутъ способствовать къ развитію души и въ которыхъ болѣе чувствуешь потребности, то выборъ нетруденъ. Я слышалъ надняхъ, что „Ледяной домъ" Лажечникова переведенъ въ Петербургѣ на шведскій языкъ и еще какой-то романъ. Наведу справку. Эманъ остановился по моимъ неоднократнымъ совѣтамъ, за которые послѣ очень благодарилъ меня. Предположенныя имъ статьи о русской литературѣ замедлились по недостатку времени; но здѣсь Колланъ уже занялся переводомъ нѣмецкой статьи, о которой я вамъ писалъ. Эманъ, какъ я слышалъ, распорядился, чтобы я въ нынѣшнемъ году получалъ *даровой* экземпляръ его газеты. Надо будетъ за это отплатить ему статейкой.

А что книги Кастрена? Я прочелъ въ Отечественныхъ Запискахъ статью о Саррѣ Толстой. Сперва дивился я, отчего вы не отдали ей должной справедливости, но послѣ легко отыскалъ причину этого въ томъ, что вамъ статью эту читали вслухъ. Когда языкъ и слухъ должны останавливаться на широкихъ подробностяхъ Бѣлинскаго, онѣ утомительны, но когда глазъ можетъ слегка скользить по нимъ, умъ выбираетъ сокъ изъ его статей, и онѣ занимательны. Нельзя отрицать, что онъ глядитъ на предметы вѣрно. Диссертаціи ваши принесли мнѣ сегодня утромъ съ запиской отъ Урсина, предлагающаго отправить къ вамъ нѣсколько здѣшнихъ брошюръ и что еще есть. Разумѣется, что диссертаціи ваши будутъ возвращены Урсину. Наука не даетъ ума, это правда, но гдѣ онъ есть, тамъ отъ науки онъ неимовѣрно возвышается. И у насъ были всю прошлую недѣлю сильные морозы, они доходили до 20° Р. Мысль Мятлева, сказанная имъ на концертѣ Пасты, очень мила, но распространеніе ея въ куплетахъ натянуто и по моему никуда не годится. Называть ангелами высокихъ особъ чрезвычайно легко, и потому, когда это дѣлаемъ, такъ надобно, по крайней мѣрѣ, чтобы прелесть выраженія придавала предмету благовидность, которой у него нѣтъ. Слышали вы о трагической смерти матери Юсуповой? Ужасно! О новой Марьѣ Александровнѣ [1])

[1]) Невѣстѣ Наслѣдника, будущей Государынѣ Императрицѣ.

я вчера объявилъ торжественно здѣшней ея тёзкѣ (такъ точно зовутъ маркизу).

Журналъ. Въ четвергъ послѣ обѣда былъ я у Акіандера. Мы сообщали другъ другу нѣкоторыя замѣчанія насчетъ русскаго языка. Акіандеръ много занимался имъ и додумался въ немъ до многаго, такъ что иныя изъ его мыслей для меня новы. Я говорилъ вамъ, что онъ написалъ краткую Грамматику. У него есть еще въ рукописи нѣсколько статей по этому предмету. Сверхъ того онъ составляетъ по-шведски краткую русскую исторію по Карамзину и Устрялову. Этого человѣка я начинаю очень уважать, какъ за познанія его, такъ и за правила. Сколько могу судить, онъ самый благородный и практически умный изъ всей извѣстной мнѣ здѣсь ученой *братіи*[1]). Говорятъ, что Соловьевъ, по собственнымъ словамъ его, собирается оставить университетъ. Вечеръ четверга провелъ я у Лауреля[2]), женатаго профессора, у котораго это jour fixe! Мужъ игралъ въ карты, жена сидѣла у дивана въ кружкѣ дамъ и кавалеровъ; сама она молоденькая, но, какъ видно, не очень привыкла къ обществу; гости, особливо кавалеры, какъ-будто по обязанности играли въ молчанку; къ счастію, тутъ была умная и еще прекрасная, хоть ужъ немолодая, Армфельтъ (извѣстная подъ именемъ *Вава*[3]), съ которой я могъ разговаривать. Я убрался въ 9 часовъ, просидѣвъ съ часъ. Вава пѣла за фортепіано финскія пѣсни, но плоховато; еще пѣла сестра профессорши дѣвица К. также не отлично. Да, скучноваты профессорскія семейства; тамъ имѣютъ объ обществѣ совершенно ложное понятіе и боятся уронить себя, что ли, разговоромъ свободнымъ.

Въ субботу отнесъ я къ Урсину пакетъ на имя Путяты съ роспискою на полученіе жалованья и статьею для Современника. Къ сожалѣнію, я въ этой статьѣ долженъ былъ пропустить занимательное мѣсто: какъ Тегнеръ съ студентами въ Лундѣ участвовалъ поневолѣ въ бунтѣ противъ ректора и кричалъ: Pereat Rector! Я выразился глухо, говоря, что онъ былъ вовлеченъ въ шалость. Замѣчаніе въ концѣ — о состояніи здоровья Тегнера — вы можете по произволу измѣнить. Имени моего подъ статьею *не* печатайте.

Въ воскресенье утромъ былъ я у старика Валлена[4]) съ его сыномъ, котораго просилъ представить меня отцу. Онъ принялъ меня очень ласково, а во вторникъ уже отплатилъ визитъ, но меня не было

[1]) Слово въ употребленіи котораго я сомнѣваюсь, хотя и встрѣчалъ его въ книгахъ. Есть ли оно? Напишите. *Примѣч. Я. Г.*

[2]) Лаурель (Laurell Axel Adolf), докторъ богословія и профессоръ богословской догматики въ Александровскомъ университетѣ, ум. 1852 г.

[3]) Аделаида, дочь (усыновл.) Густава Морица Армфельда отъ принцессы *де Саганъ*.

[4]) Карла Іоганна, сенатора, тайнаго совѣтника, доктора правъ. Сынъ его (т. е. усыновл. имъ сынъ Шерндаля) Шерндаль-Валленъ о которомъ выше, стр. 28 и др.

дома (ибо онъ былъ поутру). Онъ въ воскресенье спрашивалъ меня, не хочу ли я со временемъ заняться переводомъ на русскій языкъ Свода законовъ Финляндіи, который ему порученъ. Не желая столь сладостной пищи, я отвѣчалъ, что едва-ли другія занятія оставятъ мнѣ на это довольно времени.

62.

(Плетневъ — Гроту) *Спб., пятн., 8 ч. веч., 6 дек. 1840.*

Журналъ. Среда (4 декабря). Я въ университетѣ, кончивъ свои лекціи, зашелъ на лекцію Куторги и былъ ею доволенъ. У него много запасовъ изъ разныхъ сочиненій, но говоритъ онъ очень тихо и, какъ мы всѣ русскіе, безъ жару и даже съ примѣтнымъ замѣшательствомъ. Возвратясь домой, я пашелъ отъ васъ пакетъ съ жизнію Тегнера и при стихахъ къ Ал. Ос. итальянскіе глаголы. За все благодарю васъ, милый Яковъ Карловичъ! Тегнеръ улетѣлъ въ типографію, а глаголы и стихи тутъ же отданы Ал. Ос.

Мнѣ пришла охота напечатать ваши стихи къ ней въ Современникѣ. Они очень граціозны. Буде успѣете, пришлите мнѣ отвѣтъ: сдѣлать это, или вы не желаете, и съ именемъ ли вашимъ напечатать или безъ,— что̀ нужно узнать и о Тегнерѣ, ибо тамъ вы не подписались. Я наканунѣ получилъ приглашеніе обѣдать у Растопчиной. Кромѣ ея братьевъ, тамъ никого не было. Она мнѣ читала много новыхъ стиховъ изъ рукописной книги своей — и я, признаюсь, пораженъ былъ, какъ часто ея стихи доходятъ до истинной, глубокой поэзіи. Она мнѣ сказывала, что, бывъ у графини Пушкиной, которая въ субботу встанетъ послѣ родовъ съ постели, узнала отъ нея, будто и я находился въ числѣ ея гельсингфорскихъ обожателей. Какъ иногда женщины странно судятъ о нашемъ почтеніи и вниманіи къ нимъ. Для Кастрена, наконецъ, нашли здѣсь зырянскую грамматику, которую съ Журналомъ Мин. внутр. дѣлъ я къ вамъ сегодня и посылаю; а за прочими для него книгами отправлено требованіе въ Москву. Лишь только оттуда получится что, все будетъ препровождено мною къ вамъ.

Четвергъ (5 декабря). Три дня, какъ я писалъ, назначены для съѣздовъ во дворецъ. Я рѣшился ѣхать туда только въ послѣдній день, когда подходить будутъ съ поздравленіемъ къ новообрученнымъ. Итакъ, по обыкновенію, пошелъ я въ университетъ присутствовать въ правленіи. Оттуда я долженъ былъ заѣхать къ генеральшѣ Леонтьевой [1]). Меня съ нею познакомилъ Вяземскій. Она внучка Суворова и долго жила въ чужихъ краяхъ. Ей хочется отдать въ университетъ сына. Домой зашелъ я только переодѣться, потому что, какъ писалъ уже, обѣдать долженъ былъ опять у Мятлева, куда приглашена была

[1]) Любовь Николаевна, рожд. граф. Зубова, ум. 22 ноября 1894 г. (93 лѣтъ отъ роду).

и знаменитая пѣвица англичанка Бишопъ. Опять за столомъ собралось не очень большое общество. Блюда приготовлены были à l'anglaise. Я сидѣлъ vis-à-vis пѣвицы. Это совершенная противоположность съ Паста. Бишопъ еще молода. Ей лѣтъ 26. Очень жива. Глаза у нея черные, прекрасные, исполненные страсти и выразительности. Волосы черные же. Носъ нѣсколько вздёрнутый, какъ у англичанокъ на картинкахъ въ альбомахъ. По-французски она говоритъ свободно и пріятно. Послѣ обѣда, чтобы сдѣлать ее болѣе способною къ пѣнію, подали чай. Она дебютировала намъ шотландской балладой „Jons". Я не могу описать вамъ, сколько прелести, граціи, поэзіи и меланхоліи въ музыкѣ этой баллады. Каждая строфа содержитъ два голоса: одинъ по сю сторону горы, другой по ту. Послѣдній едва слышишь. Онъ отдается, какъ звукъ далекаго эхо. Вслѣдъ за тѣмъ она пропѣла еще двѣ баллады, тоже шотландскія. Но онѣ уже походили на аріи итальянскія. Въ разговорахъ и шуткахъ пѣвица была такъ жива и увлекательна, что едва глазамъ вѣришь, видя передъ собой англичанку. Наконецъ, она такъ развеселилась, что вызвалась намъ представить сцену изъ оперы: Somnambule. Мы увидѣли ее выходящую изъ другой комнаты, со свѣчей, съ глазами мутными, вперенными въ одну точку. Она машинально поставила свѣчку и начала пѣть. Всѣ тоны, и сладостные, и раздирающіе душу, перебрала она во время этого пѣнія. Никогда въ театрѣ, въ лучшихъ операхъ, такъ не наслаждался я пѣніемъ, какъ здѣсь. Кончивъ сцену, она предложила другую изъ Borgia. Снова очарованіе и восторгъ. Мы не хотѣли уже отпустить ее, пока она во второй разъ не пропоетъ намъ „Jons". Такимъ образомъ эта баллада, которою начался вечеръ, пришлась намъ и pour la bonne bouche.

Отъ Мятлевыхъ пустился я къ Пушкиной (поэта). Поболтавъ тамъ, отправился кончить вечеръ къ Смирновой. Владиміръ Карамзинъ пришелъ туда же. Они рѣзались весь вечеръ въ пикетъ.

63.

(Плетневъ — Гроту) ***Спб., вторн., 10 дек. 1 пополудни, 1840.***

Отвѣтъ на письмо отъ 4 декабря. Получивъ въ одинъ день два мои письма и взглянувъ на числа, когда они писаны, вы могли въ ту же минуту увѣриться, что въ этомъ безпорядкѣ я нисколько не виноватъ, а тотъ, кто относитъ письма на почту. Сонъ природы побуждаетъ насъ не къ уединенію (вы меня иногда ложно толкуете), а внушаетъ что-то особенное въ душу нашу, вводитъ насъ въ новый кругъ дѣятельности сравнительно съ той эпохой, когда все въ природѣ движется и дѣйствуетъ. Но вслѣдъ за симъ вы произнесли истину великую, достойную памяти вѣковъ: „мы съ каждымъ утромъ какъ бы снова рождаемся". Точно, каждый день жизни есть полный, независимый

и многозначительный вѣкъ для дѣятельности души, которая способна въ одно мгновенье создать столько, сколько не истратить вѣкамъ въ продолженіе долгаго ихъ бытія.

4 часа пополудни. О переводахъ я не совсѣмъ согласенъ съ вами. Жуковскій цѣлую жизнь переводитъ. Это не значитъ, что онъ не дѣйствуетъ по своему призванію. Онъ сходится въ ощущеніяхъ съ другимъ — и переживаетъ самъ то, что было жизнію другого. Конечно, вы въ другомъ отношеніи; потому что переводили бы не на родной, а на иностранный языкъ. За то васъ будетъ радовать мысль, что благое, принадлежащее вашей націи, вы повторяете для тысячи людей, которые безъ васъ не вкусили бы этого благого. „Ледяного дома" я не читывалъ, но „Послѣдній Новикъ" люблю. Для газеты Эмана, кажется, нѣтъ вамъ обязанности трудиться противъ желанія. Вообще я врагъ всѣхъ газетъ. Это въ жизни то же, что сплетни. Люди посвящаютъ лучшія блага свои минутному удовлетворенію, праздности и любопытства. Статью о Саррѣ мы не кончили, потому что въ экземплярѣ, мнѣ присланномъ, не доставало цѣлаго печатнаго листа. О Бѣлинскомъ я всегда говорилъ, что онъ полонъ истинныхъ мыслей и знанія искусства.

1 часъ пополуночи. Пожалуйста всякій разъ благодарите Урсина за брошюры. Мятлева стихи я послалъ вамъ не за образецъ поэзіи, а какъ шутку, что̀ должно разумѣть и о всѣхъ его произведеніяхъ. Скажите Акіандеру, что стыдно составлять учебную книгу Русской исторіи, безъ пособія исторіи Ишимовой. Устряловъ не доставитъ ему столько фактовъ и притомъ свѣжихъ, интересныхъ, собранныхъ съ умомъ и переданныхъ со вкусомъ, какъ она. А теперь, когда и 6 часть кончена, еще болѣе. Слово *братія* (какъ толпа) употребительно въ слогѣ монастырскомъ. Соловьевъ очень умно сдѣлаетъ, если догадается выйти. Онъ принесетъ тѣмъ большую пользу распространенію русскаго языка въ Финляндіи. Не вижу нужды никакой дѣлать перемѣны въ строкахъ о выздоровленіи Тегнера. Дѣльно, что вы отказались отъ труда, который предлагалъ вамъ Валленъ.

Высшее ваше общество ничѣмъ не разнится отъ нашего; а среднія сословія вездѣ бываютъ самыя скучныя и слѣдовательно самыя несносныя. Лишенныя бесцеремонности простыхъ людей, они не замѣняютъ этотъ недостатокъ ни умомъ, ни свободою. Между людьми я мало находилъ разницы повсюду, по крайней мѣрѣ въ Европѣ. О Лермонтовѣ вы судите совершенно согласно со мной. Онъ запоздалый Пушкинъ по претензіямъ, безъ его ума и таланта [1]).

Примите въ даръ новую Утреннюю Зарю.

Журналъ, суббота (7 декабря). Какъ вамъ уже извѣстно, вмѣсто

[1]) Все это — отзывъ Плетнева на сужденіе, заключающееся вѣроятно въ письмѣ Я. К. къ Ишимовой.

*

университета поѣхалъ я во дворецъ на поздравленіе обрученныхъ. Народу въ залахъ было не менѣе 1.500 человѣкъ. Каждый поцѣловалъ ручку В. К. Маріи Александровны. Мы сошлись тамъ трое финляндцевъ: я, Сологубъ и Ребиндеръ. Послѣдній сказалъ, что какъ-будто опять въ Гельсингфорсѣ. О васъ говорилъ, что непремѣнно устроитъ васъ на каѳедрѣ. Его только приводитъ въ отчаяніе Соловьевъ. Но вообразите, прибавилъ онъ, что скажутъ, что я, финляндецъ, выгналъ русскаго изъ Финляндіи? Какъ бы его одолжилъ Соловьевъ, если бы добровольно убрался оттуда! В. К. Марія Александровна стояла величественно и и граціозно. Женихъ подлѣ нея во всей прелести своихъ лѣтъ и сана. При моемъ приближеніи, она, едва замѣтно для другихъ, но сладостно для меня улыбнулась. Обѣдалъ я дома. Вечеръ просидѣлъ до 11 час. у Александры Осиповны. Послѣ поѣхалъ къ Одоевскому, гдѣ засталъ дамъ и кавалеровъ около Джустиніани [1]). Сологубъ серіозно сказалъ мнѣ, что разсердится, если я не пріѣду познакомиться съ его женой.

Воскресенье (8 декабря). Я отправился къ Волконскому, который получилъ мѣсто вице-президента въ комисіи народнаго просвѣщенія въ Варшавѣ. Не заставъ его, отправился я къ Сологубу. Онъ прочиталъ мнѣ свою статью для нашей книги. Я доволенъ и нѣтъ. Первое потому, что много въ ней правды насчетъ уваженія науки у финляндцевъ, а второе потому, что онъ передъ иностранцами слишкомъ бранитъ русскихъ, конечно, разумѣя здѣсь такихъ, каковы Булгаринъ, Гречъ и имъ подобные, но этого не станутъ различать читатели. Вошла его жена [2]), приготовившаяся ѣхать съ визитами. Она вся была въ бѣломъ, точно чистый ангелъ. Въ ея физіономіи, рѣчи и во всемъ, на что я только обращалъ вниманіе, выражалась что-то совершенно небесное. Я очарованъ ею. Это роза, сорванная въ тѣни, куда не доходили ни палящіе лучи солнца, ни дерзкіе взгляды... Я обѣщалъ ей бывать у нея чаще, чтобы читать съ нею по-русски. Она приняла это съ чувствомъ искреннѣйшей благодарности и не подозрѣвая въ моемъ предложеніи свѣтской учтивости, о которой мы забываемъ, произнесши ее. Въ 11 час. вечера поѣхалъ къ Карамзинымъ. Тамъ было все, что только есть прекраснѣйшаго между дамами въ Петербургѣ, начиная съ Пушкиной (поэта) до молодой Сологубъ. Я опять съ нею заговорился. Она еще болѣе очаровала меня и когда она собралась домой, я не хотѣлъ уже здѣсь оставаться. У нихъ будутъ середы. Не знаю, успѣю ли я отъ своихъ попасть на ихъ. Вторникъ (10 декабря) кончилъ чтеніе Ярмарки. Государыня была очень довольна. Я спросилъ, читала ли она Марусю. И когда

[1]) Импровизаторъ, извѣстный въ Европѣ и имѣвшій успѣхъ въ Петербургѣ, род. изъ Имолы, съ 1851 до 1859 г. лекторъ итальянскаго языка въ Спб. университетѣ.

[2]) Софья Михайловна, рожд. гр. Вьельгорская.

узналъ, что нѣтъ, то предложилъ со слѣдующаго раза ею заняться. Мнѣ хочется разнѣжить ея вкусъ чтеніемъ русскихъ и сдѣлать для нея выборъ изъ всего, что у насъ есть лучшаго.

64.

(Гротъ — Плетневу) *Гфорсъ, среда, 11 декабря 1840.*

Прежде всего долженъ я поблагодарить васъ, неоцѣненный Петръ Александровичъ, за Пана Халявскаго, который въ воскресенье утромъ такъ неожиданно упалъ въ мои руки. Я глубоко почувствовалъ въ ту минуту вашу заботливость обо мнѣ, и вы не должны запрещать мнѣ благодарить васъ. Имѣя пока другое чтеніе, я въ то же утро отнесъ книгу къ Эттеру, которому много обязанъ за его любезность до насъ. У насъ завелось и французское чтеніе: здѣсь составилось общество, котораго каждый членъ платитъ по 15 руб. въ зиму за полученіе по-очереди извѣстнаго числа выписанныхъ отъ Гауера книгъ, большею частью романовъ. Впрочемъ, и я и дамы наши мало читаемъ эти книги. Халявскаго онѣ уже знаютъ.

Отвѣтъ. Изученіе пружинъ дѣйствій и словъ есть дѣло, требующее много времени, и потому я еще не успѣлъ вовсе въ этомъ предметѣ. Тому долженъ благопріятствовать случай, котораго я до сихъ поръ еще не находилъ. Другихъ Армфельтовъ, кромѣ упомянутыхъ, я не знаю. Федерлей (директоръ банка), повидимому, добрый и неглупый малый. Матильда оттого не отвѣчаетъ, что отецъ ея скоро поѣдетъ въ Петербургъ и тогда лично доставитъ вамъ записку къ Олѣ. Она говоритъ, что все, что вы ни напишете, будетъ слишкомъ для нея хорошо. День проводятъ въ этомъ домѣ по большей части не въ домѣ,—разъѣзжаютъ или съ визитами, или въ лавки, или для прогулки. Читаетъ теперь Матильда Voyage d'Anacharsis, полученный отъ Маріи. Изъ сестеръ ея до сихъ поръ ни одна многаго не обѣщаетъ. Съ поэзіею мнѣ тамъ сходиться не случалось; впрочемъ, я вѣдь тамъ рѣдко бываю. „Литературныя Утраты" попались къ Рамсаю по случаю желанія его имѣть русскія книги.

Говоря о ненаслѣдственности ума, вы забыли, что вмѣстѣ съ отцомъ обыкновенно у насъ бываетъ и мать, почему исторія ничего не доказываетъ. Притомъ нѣтъ правилъ безъ исключеній. Какова была мать Пушкина? Странно, что Гоголь самъ не догадается напечатать книгу; кажется, ему нельзя сомнѣваться въ сбытѣ ея, или онъ излѣнился? По вашей дружбѣ къ Балабинымъ, вѣрю, что онѣ интересны и чувствую къ нимъ участіе.

Ахъ, какъ жаль и досадно, что вы все ложитесь такъ поздно! Видя это, нельзя не вздохнуть о неисправимой слабости человѣческой природы. Вѣдь такъ ясно разумъ говоритъ: *безнаказанно не останется*

ни одно отступленіе отъ законовъ природы, и чѣмъ оно значительнѣе, тѣмъ послѣдствія будутъ гибельнѣе. Такъ нѣтъ! не стаетъ у человѣка воображенія, чтобы въ мысляхъ перескочить черезъ какой-нибудь десятокъ лѣтъ и ясно взглянуть въ лицо тому злу, которое онъ приметъ въ свои уже отверзтыя объятія, если онъ не исправится тотчасъ! Стихи мои, пожалуй, напечатайте, только не подписывая иного, кромѣ развѣ буквы *Г.*, такъ же, какъ и подъ переводомъ. Хорошо ли Растопчина читаетъ стихи, или такъ же, какъ я? А что Протопоповъ? ужъ усталъ ходить къ вамъ? видно опять прихворнулъ.

Четвергъ, 12 декабря.

Журналъ. Въ пятницу 6 декабря графъ Армфельтъ давалъ балъ въ Соціететъ-гузѣ, потому что Теслевъ, который ежегодно праздновалъ этотъ день баломъ у себя, нынче не совсѣмъ здоровъ. Полагаютъ, впрочемъ, что у него не болѣе, какъ febris pritvarialis („притворялисъ“ — царскосельское выраженіе). Графъ разослалъ приглашенія на печатныхъ карточкахъ. До бала я пошелъ къ Грипенбергу и началъ читать ему вслухъ на шведскомъ языкѣ Фритіофа: этимъ способомъ я хочу довершить изученіе поэмы, пока переводъ еще въ моихъ рукахъ. Въ началѣ 9-го часа я уже былъ въ „залѣ благороднаго собранія“, однимъ изъ первыхъ. Мало-по-малу, но довольно тихо, собралось до 300 чел. По величинѣ залы — было просторно; въ ней дальнѣйшая отъ двери половина была отдѣлена отъ ближайшей скамьями и назначена для карточной игры. У стѣны противъ входа стоялъ бюстъ Императора, украшенный зеленью. Начали плясать не прежде, какъ послѣ 9-ти часовъ. Съ маркизой или правильнѣе Маркизой (ибо она царица, куда ни явится) я — вообразите — не могъ танцовать, потому что ее, позже всѣхъ пріѣхавшую, уже въ сѣняхъ заангажировали ярые моряки. Она почти всегда окружена бываетъ толпою обожателей; между ними иные примѣтно вздыхаютъ о ней не на шутку. Что до меня, то я только благоговѣю скромно передъ ея достоинствами и менѣе удивляюсь *ей*, нежели природѣ и воспитанію, какое можно было дать только въ провинціи и для котораго притомъ требовались въ родителяхъ необыкновенныя качества. Она до сихъ поръ по душѣ совершенный ребенокъ; такой непорочности въ дѣвушкѣ я, живя въ столицѣ, вовсе не могъ себѣ и вообразить. Во время мазурки я разговаривалъ съ Спафарьевой; за ужиномъ она объявила Клинковстрему, что я ей понравился.

Въ два часа стали ужинать, кавалеры въ другой комнатѣ, стоя за большимъ столомъ, а дамы въ самой залѣ, сидя за внесенными туда небольшими столами. Графъ, ставъ среди залы, сталъ возглашать тосты по-французски, избравъ такимъ образомъ середину между шведскимъ, котораго многіе не поняли бы, и русскимъ, котораго самъ онъ

хорошенько не знаетъ. Съ началомъ ужина загремѣло *Боже Царя.* Жена графа была необычайно пышна. Во время ужина, графиня и маркиза подарили мнѣ изъ своихъ букетовъ по цвѣточку. Я уѣхалъ около 3-хъ часовъ; уѣхалъ, а не ушелъ, потому что, къ счастію, на крикъ, въ шутку пущенный мной у подъѣзда — „извозчикъ", мнѣ откликнулись: „Здѣсь! куда съ вами"?

Въ субботу я всталъ въ седьмомъ часу, провозился до пяти послѣ обѣда за просьбой къ Великому Князю Михаилу, которую сынъ Грипценберга просилъ меня приготовить отцу его. Я съ наслажденіемъ исполнялъ ихъ желаніе въ надеждѣ, что труды мои авось принесутъ пользу отцу. Отнеся письмо на почту, я взялъ финскій урокъ съ Кастреномъ и до вечера сидѣлъ дома. Въ воскресенье, чувствуя потребность въ воздухѣ, проходилъ цѣлое утро по прекрасной погодѣ. Я былъ сперва у статскаго совѣтника Мерлина, старичка, прежде служившаго въ генералъ-губернаторской канцеляріи, много занимающагося чтеніемъ, особливо русскихъ книгъ. Отъ него идучи встрѣтилъ я другого 68-лѣтняго старичка Эльвинга, также статскаго совѣтника и также служившаго прежде въ генералъ-губернаторской канцеляріи и также любящаго русскій языкъ. Это онъ находитъ мои переводы изъ Францѐна наравнѣ или, кажется, выше подлинника. Онъ большой охотникъ гулять и мы согласились, что я иногда буду приходить за нимъ, о чемъ давно уже думалъ: онъ живетъ на нашей же улицѣ. Обѣдать былъ я званъ къ Якову Тенгстрему, который въ этотъ день (20 декабря н. с.) праздновалъ свои именины. Онъ съ Рунебергомъ женатъ на родныхъ сестрахъ (также Тенгстремъ). По здѣшнему календарю празднуютъ 18 числа Авраама, 19 — Исаака, а 20 — Іоакова. Обѣдъ былъ хорошъ и гостей довольно много, болѣе все профессора. Къ концу хозяинъ провозгласилъ тостъ и сказалъ предлинную рѣчь, которой вотъ сущность: „Это обѣдъ патріархальный, ибо профессоры суть Patres, да еще и потому, что сегодня одинъ изъ дней патріарховъ. Но старшаго Авраама Урсина здѣсь нѣтъ, еще кого нѣтъ; но есть такой-то и такой-то надворный совѣтникъ"! Тогда вообразите! Весь столъ пилъ мое здоровье: мнѣ было очень совѣстно откланиваться на всѣ стороны. Я бы желалъ отвѣчать рѣчью же, да не стало смѣлости, и такъ я тотчасъ послѣ обѣда подошелъ къ Тенгстрему и широко благодарилъ его за честь, мнѣ оказанную. За столомъ я сидѣлъ между тремя сосѣдями (справа, слѣва и vis-à-vis), съ которыми могъ говорить на всѣхъ языкахъ, сколько ихъ знаю: консулъ Боргстремъ говоритъ по-англійски и по-нѣмецки, офицеръ Тёрне по-русски, а лекторъ гимнастики Отто — итальянецъ.

Возвратясь домой, я колебался, идти ли мнѣ къ Чепурнову, куда поѣхали дамы, или къ Грипенбергу читать Фритіофа. Избралъ послѣднее и былъ доволенъ.

Въ понедѣльникъ, 9 декабря, поутру были у насъ Спафарьева съ Маріей Траверсе. Онѣ пріѣхали звать насъ къ принятію участія въ назначенномъ на другой день обѣдѣ въ Социтетѣ: чтобы каждый платилъ за себя, а оттуда желающіе поѣхали бы въ Свеаборгъ кататься на льду. Сегодня же Спафарьева пригласила насъ пить у нея чай. Она прислала за нами экипажъ; я пошелъ пѣшкомъ, не терпя ѣзды безъ крайней необходимости. Тамъ читалъ я вслухъ отрывокъ изъ вашего письма, только-что передъ тѣмъ полученнаго, о Бишопѣ и кусочекъ изъ письма Алекс. Осип. объ окончаніи ея исторіи. Потомъ читалъ изъ Отечественныхъ Записокъ статью о С. Толстой. Тутъ я убѣдился, что мое мнѣніе о чтеніи этой статьи справедливо: вслухъ ее невозможно читать; я долженъ былъ дѣлать безпрестанно огромные скачки, да и то тяжело было читать и слушать. Найдете продолженіе въ письмѣ къ Александрѣ Осиповнѣ [1]).

65.

(Плетневъ — Гроту) ***Спб., четв., 12 дек., 3 ч. пополун., 1840.***

Журналъ. Вчера (какъ странно писать *вчера*, не ложившись еще спать съ середы на четвергъ)! утромъ я отправилъ къ вамъ, Яковъ Карловичъ, письмо и Утреннюю Зарю. Затѣмъ пустился въ университетъ, гдѣ опоздалъ на лекцію цѣлымъ часомъ и принужденъ былъ читать только полчаса. Изъ университета вздумалось мнѣ сдѣлать визитъ родильницѣ, Эмиліи Пушкиной, о которой отъ Растопчиной я слышалъ, что она уже съ постели встала. Ея квартира въ домѣ княгини Репниной (дочери Балабиной), рядомъ съ Балабиными. Идучи туда, увидѣлъ я Marie Балабину, гуляющую съ матерью. Какъ онѣ умны и интересны! Marie не можетъ понять, отчего я думаю, что богатые и знатные должны быть (т. е. суть) воспитаны лучше простыхъ и бѣдныхъ. Она думаетъ, напротивъ, что первые ничего не знаютъ и не понимаютъ. Въ ея замѣчаніяхъ есть какое-то постоянное презрѣніе къ нимъ.

Послѣ обѣда я далъ Ал. Ос. прочитать изъ Дмитріева „Посланіе къ Арбутноту“ и Ювеналову сатиру. Отъ первой я всегда прихожу въ восхищеніе. И ей это очень понравилось, тѣмъ болѣе, что она ни Дмитріева, ни вообще сатиръ не читывала. Потомъ мы начали было читать изъ Зари „Психею“ Кукольника; только пришли Шенинъ [2]) и Вишняковъ. За ними явились Кодинецъ и графъ Сансе [3]). Разговоръ по большей части вертѣлся около журналовъ и ихъ издателей. Хоть я

[1]) Въ немъ должны быть описаніе обѣда и катанья по льду etc.

[2]) Александръ Ѳедоровичъ, инспекторъ Павловскаго кадетскаго корпуса, одинъ изъ издателей Энциклопедическаго Лексикона.

[3]) Графъ Эдуардъ Александровичъ, редакторъ журнала „Journ. de St. Petersb.“, чиновникъ особыхъ порученій при Мин. Императорскаго Двора.

замѣтилъ, что Сансе, упоминая о Гречѣ, не иначе именовалъ его, какъ Николай Ивановичъ, но я далъ волю своему негодованію и брякнулъ: „Какъ пріятно, что въ нынѣшней Зарѣ нѣтъ ни одного п........ имени, ни Греча, ни Булгарина, ни Сенковскаго, ни Полеваго!“ Мы уже курили, напившись чаю, какъ явился Панаевъ. Онъ что-то жалуетъ ко мнѣ. Можетъ быть и для пищи литературному комеражеству.

Въ половинѣ двѣнадцатаго часа я проводилъ всѣхъ моихъ гостей и бросился на вечеръ къ Сологубу. Его жены уже не засталъ; она, привыкнувъ рано вставать, отправилась въ постель. Сидѣли тамъ: тесть Сологуба, Жуковскій, Одоевскій, Враскій, Путята, Веневитиновъ [1]) и т. д. Сологубъ опять читалъ свою статью съ прибавленіемъ мыслей о литературной совѣстливости. Послѣднее всѣ похвалили; но брань на русскую литературу не одобрили, — такъ что, по общему мнѣнію, ему надобно будетъ или половину статьи бросить, или всю передѣлать. По уходѣ многихъ толковали объ устройствѣ его середы, т. е. нужно ли допускать дамъ, подавать ли ужинъ, заниматься ли музыкой и кѣмъ ограничить общество? Хотятъ каждый разъ приносить что-нибудь прочитывать вновь написанное, напримѣръ: первый прочтетъ письмо (главу изъ романа); другой въ слѣдующій разъ отвѣтъ на него — и такъ всякое лицо приметъ на себя роль въ этомъ романѣ. Мнѣ сдается, что это одно предположеніе, а исполненія не воспослѣдуетъ. Но я принужденъ закрыть свои середы для гостей и назначить другой день, — иначе не могу участвовать въ середахъ Сологуба, что было бы для меня досадно. Завтра я обѣщалъ часу въ третьемъ заѣхать къ Сологубу, чтобы посидѣть съ его женой. Теперь скоро 4 часа, и я ложусь спать.

Опять не ложась пишу уже въ пятницу; ибо теперь ½ 2 часа пополуночи; а по порядку неудобно сказать: *четвергъ* (12 декабря). Кончивъ дѣла въ университетѣ, я спѣшилъ заѣхать домой и исполнить обѣщанное Сологубу. Его не нашелъ я дома, но Софья Михайловна (жена нашего пріятеля), кажется, дожидалась меня. Я привезъ ей почитать старую англійскую повѣсть: Вильчерскій Священникъ (что̀, вѣроятно, служило для Гольдсмида основою романа: Векфильдскій Священникъ). Чтеніе продолжалось около часа. Мы были вдвоемъ. Она отвѣчала удивительнымъ участіемъ на каждое трогательное мѣсто въ повѣсти, которыхъ въ ней такъ много! Не было однако же времени кончить. Я сказалъ ей, что завтра въ это же время забѣгу къ ней и, если найду ее свободною, то буду продолжать. На вечеръ поѣхалъ я къ Карамзинымъ, гдѣ нашелъ Жуковскаго. Тамъ поболтали о разныхъ пустякахъ. Въ 12 часу Жуковскій собрался домой. Я сказалъ, что поѣду съ нимъ и къ нему, желая посидѣть съ

[1]) Алексѣй Владиміровичъ, впослѣдствіи сенаторъ.

нимъ наединѣ до его сна. Дорогою разговаривали о несчастномъ Вяземскомъ, у котораго умерла за границей еще дочь, лѣтъ 18-ти дѣвушка. Дома Жуковскій особенно выпытывалъ, не располагаюсь ли я въ самомъ дѣлѣ жениться, ибо сказка о Матильдѣ преслѣдуетъ и его, какъ дѣйствительно что-то возможное. Я ему убѣдительно доказалъ, что во всѣхъ отношеніяхъ было бы неблагоразумно въ моемъ положеніи думать о женитьбѣ, а особенно на дѣвушкѣ, которая мнѣ столько же не пара, какъ и я ей. Это Жуковскій все одобрилъ и успокоился. Пріѣхавъ въ часъ домой, я рѣшился для васъ и сегодняшній день описать, что симъ и исполнилъ. До завтра.

NB. Вчера Одоевскій сказалъ, что отправивъ къ вамъ свою пьесу, онъ еще прибавилъ для юбилейной книги стихи Растопчиной. Будутъ ли они кстати? Многіе полагали, что нѣтъ, а я прибавилъ, что еще можно успѣть отсовѣтовать вамъ печатать ихъ. Но у васъ въ этомъ случаѣ чутье приличія лучше всѣхъ насъ.

Пятница (13 декабря). 1/2 7 пополудни. Утромъ у Великой Княжны Ольги Николаевны, которую опять начала рисовать во весь ростъ m-me Robertson (ибо первый ея портретъ, за несходствомъ, уничтоженъ), я началъ чтеніе Капитанской Дочери. Оттуда въ университетъ, гдѣ присутствовалъ на лекціяхъ Калмыкова, М. Куторги и Порошина. Послѣдній — отъ застѣнчивости ли, или отъ неловкости всегдашней — читалъ очень странно, не только безъ энергіи и твердости, но и сбивчиво, прокашливаясь ежеминутно, какъ ученикъ, незнающій твердо урока. Воротясь домой, отправился къ Сологубу. Онъ былъ дома и прочиталъ мнѣ поправки свои: теперь вся брань на русскую литературу пала на Европу вообще. Мужъ уѣхалъ, а я остался съ Софьей Михайловной продолжать Вильчерскаго Священника. Изъ его кабинета мы перешли въ ея кабинетъ, прелестнѣйшую комнату. Я спросилъ, могу ли еще бывать у нея *между волкомъ и собакою,* и прибавилъ объясненіе, что волкъ значитъ гость, жаждущій обѣда, а собака— другъ, раздѣляющій съ нами вечерніе досуги. Она сказала, что это одна изъ лучшихъ поръ.

66.

(Гротъ — Плетневу) ***Гфорсъ, 14 дек., 1840.***

Податель сего, любезнѣйшій Петръ Александровичъ, есть знакомый уже вамъ младшій сынъ нашего добраго и милаго ректора [1]). Пожалуйста, снабдите его рекомендательными письмами въ Москву, гдѣ у него вовсе нѣтъ никого знакомаго. Съ нимъ пріѣдетъ въ Петербургъ еще магистръ Моландеръ; и этого не лишите своихъ ласкъ. Но къ чему я васъ прошу объ этомъ? Какъ будто не само собой

1) Урсина.

разумѣется, что вы ихъ примете самымъ радушнымъ образомъ? Молодой Урсинъ ѣдетъ не прямо въ Петербургъ, и потому я больше ничего не буду писать вамъ чрезъ него, а хочу сегодня же писнуть вамъ еще по почтѣ.

Былъ ли у васъ уже Мелартинъ, сынъ архіепископа [1]). Онъ поѣхалъ служить подъ начальствомъ графа и желалъ очень познакомиться съ вами. Скажите Путятѣ, чтобы онъ его прислалъ къ вамъ. Видно, онъ думаетъ, что ему безъ рекомендаціи неловко къ вамъ явиться. Прощайте!

67.

(Гротъ — Плетневу) ***Гфорсъ, суб., 14 дек., 1840.***

Сегодня пишу къ вамъ не въ очередь и потому отступаю отъ обыкновенной формы. Получилъ я вчера отъ Одоевскаго статью (которой еще не успѣлъ прочесть) при весьма любезномъ письмѣ. Онъ обѣщаетъ съ будущею почтой доставить *непремѣнно* стихи Растопчиной для нашей книги. Это будетъ не дурно, только подталкивайте его въ этомъ добромъ намѣреніи, а что же графъ Сологубъ медлитъ присылкою своей статьи? Жаль, что онъ въ ней бранитъ даже и негодяевъ; нельзя ли это смягчить или выкинуть вовсе? Вообразите, какое непріятное извѣстіе я слышалъ сегодня: Рунебергъ опасно заболѣлъ. У него сильное кровотеченіе изъ горла. Онъ всегда страдалъ грудью и, бывъ студентомъ, уже харкалъ иногда кровью. Къ нему поѣхалъ вчера первый здѣшній врачъ Шёманъ [2]). Между тѣмъ, жена его все еще не совсѣмъ оправляется послѣ трудной болѣзни. Надо же такимъ людямъ быть несчастными! Надо же, чтобы если не собственное, то чужое горе смущало наши радости. А я всѣ эти дни проводилъ такъ беззаботно и весело. Весь четвергъ проводилъ я за подаркомъ для Матильды [3]). Отправивъ къ вамъ письмо, пошелъ искать чего-нибудь для вложенія ленты, и купилъ крошечный башмачекъ. Въ него положилъ я обвернутые тесьмой стихи, къ которымъ прибавилъ еще строфу: „Чтобы принести пользу прекраснымъ ручкамъ, лучше всего было бы употребить *перчатки* (такъ обыкновенно и водится), но не все лучшее дѣйствительно бываетъ и я долженъ хоть съ прискорбіемъ послать вамъ крошечный *башмачекъ*. Онъ съ лентой падаетъ, какъ будто корзина съ цвѣтами, къ нѣжнымъ ногамъ (какъ это дурно порусски)! и хочетъ остаться возлѣ нихъ, если не можетъ одѣть ихъ,

[1]) Эрлиха Гавріила Мелартина, ранѣе профессора богословія, а потомъ архіепископа въ Або.

[2]) Sjöman, Sten Edv., очень извѣстный и популярный въ Финляндіи докторъ; былъ адъюнктомъ въ универс., ум. 1848 г.

[3]) Въ Финляндіи наканунѣ Рождества, вечеромъ, подкидываютъ другъ другу тайно затѣйливые подарки (julklapp), и виновника не всегда удается открыть.

ибо для этого онъ не доросъ". Лента предлинным кускомъ выходила изъ башмачка изъ бѣлой бонбоньерки, въ которую онъ былъ положенъ подъ конфекты. Все это было разъ двадцать обвернуто въ разные и разноцвѣтные пакеты, изъ которыхъ каждый перевязывался той лентой; по временамъ на пакетахъ надписывалъ я придуманные мною девизы — русскіе и особливо французскіе стихи, штукъ по 8 въ каждомъ девизѣ. На верхнемъ пакетѣ былъ адресъ и опять французскіе стихи. Послѣ обѣда отвезъ я это къ молодому Клинковстрему. Маркиза говорила мнѣ, что подаркомъ моимъ остались довольны и всѣ девизы, вырѣзавъ, сшили вмѣстѣ. Мы сами были званы на этотъ вечеръ къ Грипенбергу и Вульферту: особливо послѣдній, по добротѣ своей, очень настаивалъ, чтобы мы пріѣхали къ нему. Но мы обѣщали уже прежде въ Свеаборгъ къ родственнику и въ 6 час. поѣхали туда. Тамъ, какъ здѣсь водится, ужинали *свинину* и *рисовую кашу*.

Возвратясь, нашли у себя подарки: маменька — два плато; сестра — зрительную трубку, а я — essuie-plume, но главное — свертокъ, который очень долго развертывался и, наконецъ, открылъ прелестную малиново-серебрянную бонбоньерку и въ ней *перо*, котораго описаніе найдете въ приложенныхъ здѣсь стихахъ. Эта аттенція такъ меня тронула, что я *такимъ* образомъ старался возблагодарить неизвѣстнаго доброжелателя. Кто онъ — никакъ не могу отыскать. Только это явно дама, и не шведка. Адресъ былъ по-французски, рука — женская; въ шведскомъ стихѣ поправлены двѣ ошибки. Если стихи сносны, напечатайте ихъ въ Современникѣ [1]): хочу, чтобы даритель или — дарительница хоть тамъ прочитали ихъ. Статью о подписи фамиліи рѣшите сами по своему усмотрѣнію. Экземпляръ, чисто написанный подареннымъ перомъ, я ношу все въ карманѣ, чтобы тотчасъ вручить тому, кто окажется виновникомъ. Вчера погода была здѣсь такъ восхитительна, что я почти весь день гулялъ, то одинъ, то съ сестрой — и сочинялъ эти стихи. Зима здѣсь совсѣмъ не то, что въ сыромъ Петербургѣ. Ясныхъ лучезарно-голубыхъ дней несравненно болѣе, нежели пасмурныхъ. Часа въ 3 послѣ обѣда небо, широко раскинутое надъ бѣлоснѣжными, ослѣпительными заливами и утесами, принимаетъ самые нѣжные оттѣнки самыхъ яркихъ цвѣтовъ: голубого, розоваго и лиловаго. Сестра признается, что это небо такъ же прекрасно, какъ въ Женевѣ. Между тѣмъ, у васъ, вѣроятно, сѣрая пелена не сходитъ съ горизонта, и вы, бѣдные, рѣдко наслаждаетесь взорами краснаго солнышка. Пріятно поражаетъ разнообразіе и часто изящество здѣшнихъ саней. Многія достаточны только-только для одного человѣка и сдѣланы, какъ иныя лѣтнія каріолки, въ видѣ крошечной лодочки. На

[1]) Извѣстное стихотвореніе Якова Карловича „Перо" напечатано въ Современникѣ 1841 г., т. XXI, стр. 222.

сѣдалище большихъ саней кладется часто медвѣжій мѣхъ или коверъ, котораго часть виситъ сзади. Это считается роскошью; напротивъ, полости мало употребительны. Всѣ, не исключая извозчиковъ, а исключая только знать, ѣздятъ съ колокольчиками или бубенчиками: это для того, что здѣсь нѣтъ обыкновенія кричать, а на снѣгу экипажа не слышно. Впрочемъ, и крикъ иногда слышится. При этомъ безпрерывномъ звонѣ улицы зимой представляютъ большую живость, особливо по вечерамъ, когда темнота, окружающая этотъ звонъ, придаетъ ему что-то поэтическое. О студентахъ въ другой разъ.

Въ день здѣшняго Рождества вечеромъ пошелъ я было къ Вульфертовымъ, но не засталъ ихъ дома и вмѣсто того провелъ, послѣ долгаго времени, часокъ у Чепурнова. Онъ видимо оскорбленъ рѣдкостью моихъ посѣщеній. Вчера утромъ былъ я съ двумя визитами: у Тенгстрема — благодарить за обѣдъ и въ тѣхъ же предѣлахъ у Траверсе — узнать, не Матильда ли прислала юльклапъ; но ничего не узналъ, только маркиза сконфузилась, когда я заговорилъ о немъ. Вечеромъ былъ я съ сестрой по зову у Клинковстрема, и Спафарьева призналась сестрѣ, что перо прислано ею, стихи же (или по крайней мѣрѣ пьеса, откуда они взяты) придуманы Маріею. Тотчасъ вручилъ я Катеринѣ Леонтьевнѣ стихи мои, которые прочелъ вслухъ, и всѣ были ими очень довольны. Послѣ мы болтали и немножко плясали, частію съ завязанными глазами, частію съ разными фарсами; сверхъ того немножко пѣли, для дурачества. Послѣ всего маркиза просила меня распорядиться, чтобы начали играть въ какой-нибудь jeu d'esprit, напримѣръ, въ вопросы и отвѣты. Принесли бумагу, но въ то же время явился и ужинъ. Это, однакожъ, не сконфузило Маріи: она предложила мнѣ задавать другъ другу письменно вопросы и отвѣты за ужиномъ. Такъ и было: мы ѣли и писали. Она задала мнѣ вопросъ пошведски: „Что такое поэтъ?“ а послѣ риѳмы: *садъ*, *водопадъ*, *слеза*, *небеса*, которыя я склеилъ вотъ какъ:

Поэзіею дышетъ благовонный садъ
И темный лѣсъ, и громкій водопадъ,
Но мнѣ дороже ихъ — сердечная слеза;
Мнѣ въ ней одной понятны небеса.

Послѣ этого начали разъѣзжаться.

Въ то время, какъ я писалъ вчера это письмо, принесли мнѣ отъ васъ Журналъ Министерства внутреннихъ дѣлъ, зырянскую грамматику и Утреннюю Зарю. Благодарю васъ, добрѣйшій, добрѣйшій, добрѣйшій Петръ Александровичъ. Передъ тѣмъ отослалъ я къ молодому Урсину записку для васъ: онъ сегодня ѣдетъ въ Петербургъ, но еще заѣдетъ куда-то въ дорогѣ. Когда онъ пріѣдетъ, велите ему представить вамъ и Моландера: я о немъ слышалъ много добра.

Отвѣтъ. Снова рождаемся мы не только съ каждымъ днемъ, но

съ каждымъ мгновеньемъ, и каждое мгновенье умираемъ. Еслибы мы всегда ясно понимали это, то намъ легко было бы отрываться отъ своихъ дурныхъ наклонностей, но намъ по привычкѣ трудно бываетъ раздѣлить будто бездною настоящее отъ прошедшаго и начать новую жизнь. Намъ все кажется, что что̀ было, то и опять должно быть. Ты не доволенъ собой? О чемъ же ты печалишься? Что мѣшаетъ тебѣ съ этой минуты поступать такъ, чтобы быть собой довольнымъ? Одна привычка!

Жуковскій, переводя, поступаетъ умно, потому что выполняетъ тѣмъ свою потребность; онъ переводитъ не по принужденію. Но не знаю, правъ ли бы былъ тотъ, кто, чувствуя въ себѣ потребность самобытнаго творчества, рѣшился подавить въ себѣ это побужденіе для того, чтобы переводить! Я тутъ вовсе не разумѣю себя, но говорю только истину. О газетахъ я давно уже думаю такъ же, какъ вы. Какъ пріятно, когда вдругъ свою мысль находишь въ другомъ; у обоихъ она возникла въ разное время, независимо, слѣдовательно, въ ней есть правда, и съ этой минуты она надъ нами пріобрѣтаетъ новую власть. Мятлева стихи я принялъ за то, чѣмъ очевидно вы и сами считали ихъ, больше ничего. Я вовсе не думалъ, что вы видите въ нихъ что-нибудь хорошее. Акіандеру я уже прежде говорилъ объ *Исторіи Ишимовой*, но ссудить его ею не могу, потому что обѣщалъ ее младшимъ сестрамъ Маріи Траверсе. A propos: Спафарьева пригласила меня обѣдать у нихъ сегодня.

15 декабря. Мнѣ сегодня 28 лѣтъ. Когда день вашего рожденія?

68.

(Плетневъ — Гроту) ***Спб., вторн. 17 дек., 3 ч. пополудни, 1840.***

Отвѣтъ на письмо отъ 11 декабря. Напрасно вы думаете, что ваши дамы знаютъ того Халявскаго, котораго я прислалъ. Въ немъ 10 печатныхъ листовъ вновь только-что отпечатано (часть II), и ваши дамы не могли еще этого нигдѣ прочитать.

Мать Пушкина [1]) была совершенно равна своему мужу умомъ и прочими моральными качествами, хоть и урожденная Ганнибалова. Гоголь не печатаетъ совсѣмъ не потому, что не увѣренъ въ сбытѣ или не догадается на это пуститься, а потому, что онъ упрямъ, какъ малороссійскій быкъ и самолюбивъ, яко сатана. Ему померещилось, что для довершенія славы его не нужно при жизни его печатать ни строчки: вотъ онъ и умираетъ съ голоду, а *черезъ законъ свой* не переступаетъ подобно Матренѣ Семеновнѣ въ Ярмаркѣ.

Ложиться спать во-время я только тогда буду, когда перестану

[1]) Поэта, см. стр. 165.

издавать Современникъ, или выйду въ отставку изъ университета: иначе невозможно управиться съ дѣлами. Стихи на отъѣздъ Маріи [1]), тоже съ одною буквою Г., я напечатаю въ Современникѣ. Они вполнѣ достойны ея, слѣдовательно прелестны. Не только можно ихъ показать по принадлежности, но и должно. Растопчина читаетъ стихи просто, но хорошо, какъ и вы. Скажите доброму старику Клинковстрему, что я видѣлся съ Великой Княжной Маріей Михаиловной, которая (равно и всѣ онѣ) въ восхищеніи отъ его любезности и восхищаются имъ подобно мнѣ. Бѣдный Теслевъ! Сколько разъ въ году онъ страдать долженъ a febri pritvariali. Не много еще радости, что Спафарьева объявила о своей благосклонности къ вамъ; когда объявитъ это же Марія? Вотъ вопросъ, рѣшеніе котораго занимаетъ наши умы. Своякъ Рунеберга умный малый, что, за отсутствіемъ Авраама, предложилъ пить здоровье Іакова, да еще какого — Грота!

„На челѣ крылья жизни и свободы"! Какъ это хорошо! Настоящій Меркурій! въ одно слово сказалъ я съ Александрой Осиповной. „Я здоровъ, *если не тѣломъ*, то духомъ". Вотъ это ужъ не такъ хорошо, какъ вышеприведенное. Милый, постарайтесь и тѣло вогнать въ здоровье. Овладѣвъ такъ благородно утромъ, ужели вы не въ состояніи кончить благовременно всѣхъ своихъ предпріятій и найти довольно времени для доставленія тѣлу необходимой лѣни? Радуюсь, что вы, просидѣвъ обѣдъ, какъ въ раю, между Маріей и Матильдой, стали, наконецъ, уважать и послѣднюю. Въ ея слабостяхъ многое не ей принадлежитъ — и тѣмъ болѣе она достойна уваженія, что, при всѣхъ искушеніяхъ, сохранила еще вуаль поэзіи на пылкой душѣ своей. Катанье по льду должно быть интереснѣе, нежели у насъ съ горъ, чего я не люблю. Какъ милы ваши стихи Матильдѣ на ленту или тесьму. Скажите ей, что теперь надолго эта тесьма связала мнѣ руки. Что я послѣ того скажу ей хоть сколько-нибудь занимательнаго! Нѣтъ, вы у меня похитили одну изъ пріятнѣйшихъ надеждъ [2]).

Журналъ. Въ *понедѣльникъ (16 декабря)* вечеромъ у Александры Осиповны дочитали повѣсть Кукольника „Психея". Пружинъ и предметовъ много, а интересу мало, потому что нѣтъ главнаго — истины.

Во *вторникъ (17 декабря)*, у Великой Княжны Ольги Николаевны, гдѣ присутствовала Императрица, началъ чтеніе „Маруси". Пріѣхавъ домой, легъ спать, чтобы ночью долѣе сидѣть. До обѣда началъ это письмо къ вамъ. Прислали Сологубы, чтобы пришелъ къ нимъ. Тамъ я дочиталъ Софьѣ Михайловнѣ Вильчерскаго Священника. Она была

[1]) Маркизъ Траверсе собирался въ Петербургъ съ дочерью и сыномъ для отдачи его въ лицей.

[2]) Послѣднія строки со словъ „На челѣ крылья жизни"... составляютъ отвѣтъ на продолженіе письма Якова Карловича отъ 11-го — въ письмѣ къ А. О. Ишимовой.

растрогана до слезъ и благодарила меня, какъ только ангелы умѣютъ благодарить — рукопожатіемъ и взглядомъ. Отъ Сологуба я взялъ его статью для финляндской книги и посылаю ее къ вамъ. У Теплякова былъ на вечерѣ, гдѣ дѣти играли и танцовали. Тамъ былъ и Краевскій.

69.

(Плетневъ — Гроту) ***Спб., четв., 19 декаб., ½ 1 за полн., 1840.***

Пишу это письмо наудачу. Если завтра уже не застану Константина Карловича, который наконецъ отправляется къ вамъ, то не пошлю его по почтѣ: начинаю въ самомъ дѣлѣ опасаться придирокъ за самыя невинныя шутки. Жуковскій мнѣ разсказалъ странный и самый огорчительный случай. Одинъ чиновникъ, женатый, написалъ куда-то къ своему отцу о нелѣпомъ слухѣ, здѣсь носившемся, и о чемъ, наконецъ, принуждены были напечатать въ Сѣверной Пчелѣ для прекращенія толковъ, будто у Синяго моста будочникъ убилъ человѣка. На почтѣ прочитали это и объявили графу Бенкендорфу, что вотъ человѣкъ, распространяющій повсюду дурные слухи на правительство. Этому чиновнику приказали выѣхать изъ Петербурга и не въѣзжать въ обѣ столицы. Мудрено ли, что и за другую самую невинную вѣсть нападутъ и отравятъ жизнь навсегда? Пожалуйста, увѣдомьте меня о предыдущемъ письмѣ отъ 17 декабря, что вы его *получили въ исправности и въ обыкновенное время.* Не болѣе. Это будетъ знакъ, что покамѣстъ ничего еще не готовится.

Отвѣтъ на письмо отъ 14 декабря. Одоевскій совсѣмъ не прочь, чтобы прислать вамъ стихи Растопчиной, — и какъ этого и вы желаете, то я и поощрялъ его, хоть прежде надъ этимъ смѣялся; ибо не понималъ, какъ вы соедините ея стихи съ главною идеей предисловія къ книгѣ объ юбилеѣ. Сологубову статью вѣрно вы уже прочитали и замѣтили, что въ ней говорится о негодяяхъ во всей Европѣ, а о нашихъ — какъ ученикахъ или ихъ обезьянахъ. Не забывайте въ каждомъ своемъ письмѣ давать мнѣ Bulletin о состояніи здоровья Рунеберга, пока онъ не выйдетъ изъ опасности. Я въ отчаяніи отъ его болѣзни. Ужели мнѣ суждено пережить двухъ Дельвиговъ? Все, что вы сдѣлали для подарка Матильдѣ, прелестно. Она должна быть къ вамъ неравнодушна.

Стихи *Перо* уже въ типографіи. Они, какъ и двѣ другія ваши пьесы, прелестны. Въ нихъ наиграціознѣйшимъ образомъ выразилась чистѣйшая и самая святая и самая высокая мысль. Я вамъ писалъ, что стихи къ маркизѣ Маріи тоже непремѣнно напечатаю. Они невинны и не могутъ возмутить самаго дѣвственнаго, самаго младенческаго чувства стыдливости. Итакъ, въ № 1 будетъ вашихъ три стихотворенія. Во избѣжаніе всякихъ толковъ, подъ ними поставится только *Г.*

на память знакомымъ. Вы хвалите свою зиму. Наша тоже хороша. Только я ничѣмъ не пользуюсь, потому что издаю Современникъ и служу въ университетѣ. Впрочемъ, не имѣя товарища по-сердцу, мало жалѣю о томъ, что жизнь гибнетъ безъ наслажденій, любимыхъ мною. Лучше не замѣчать ихъ, нежели чувствовать возможность счастія и не быть счастливымъ. Когда-то пріѣдетъ сюда Марія и увижу ли я ее въ той прелести, въ какой она блистала для васъ! У Одоевскаго или Пушкиной она потемнѣетъ въ дыму свѣтскости. Какъ мило четырехстишіе на ея риѳмы! Жду Урсина и Моландера. Акіандеру вы можете на срокъ давать по одному тому Исторіи Ал. Ос., чтобы онъ только могъ съ удобностію выбирать тѣ изъ интересныхъ подробностей, которыхъ нѣтъ въ Устряловѣ.

Журналъ (18 декабря). Среда. Чѣмъ неожиданнѣе радость, тѣмъ живѣе чувствуешь ее. Всегда я вдвойнѣ наслаждаюсь вашими письмами. Сперва читаю ихъ одинъ, а послѣ, буде ничего не нахожу въ нихъ секретнаго, прошу Ал. Ос. вслухъ для меня перечитывать ихъ. Для нея это наслажденіе также, и потому я не хочу ее лишать его. Но теперь я отложилъ второе чтеніе до послѣобѣда. Отпивъ чай, я попросилъ Ал. Ос. прочитать Записки Долгорукой (урожденной Шереметевой), которая рѣшилась лучше раздѣлить изгнаніе съ мужемъ, нежели отказаться отъ супружества съ нимъ и жить во всемъ блескѣ двора и свѣта. Эти Записки напечатаны въ только что вышедшей книгѣ: *Сказанія о родѣ кн. Долгорукихъ*, изданной молодымъ княземъ Долгорукимъ[1]) (воспитаннымъ въ Москвѣ, у котораго ноги немножко колесомъ). Со временемъ я вамъ перешлю эту интересную книгу. Всѣ растроганы были чтеніемъ. Даже у Оли, которая сидѣла наклонившись въ тѣни, капали съ лица слезы. Отпустивъ гостей домой, я пошелъ къ молодымъ Сологубовымъ. Сперва мы были почти одни. Я познакомился со старшею сестрой графини (еще дѣвицей), столь же милой и умной, хоть не такъ прекрасной. Наконецъ, собралось довольно много. Послѣ чаю пошли въ кабинетъ графа курить, а Софья Михайловна отправилась спать. Она упросила меня придти къ ней въ пятницу (завтра) послѣ 12 часовъ. Сестра ея также изъявила желаніе приходить, когда мы съ нею будемъ читать. Литераторы, собравшись въ кабинетѣ, толковали, толковали, и все о В. Гюго, да другихъ французахъ. Ничего нѣтъ чисто патріотическаго. Одоевскій вынулъ главу изъ романа и прочелъ ее. Главное содержаніе — *мостъ*, переѣзжая черезъ который, герой чуть было не утонулъ. Сдѣлали послѣ лотерею и вышло, что продолженіе будетъ писать Павловъ (изъ Москвы сюда пріѣхавшій). Не знаю, чѣмъ это все кончится. Послѣ заставили какого-то Цехановѣцкаго прочесть его французскіе стихи. Наконецъ я ушелъ отъ жару и нѣкоторой скуки.

[1]) Петромъ Владиміровичемъ, см. о немъ ниже, письмо 21-е. 1841 г.

70.

(Гротъ — Плетневу) ***Гфорсъ, пятн., 20 дек. 1840 (2 янв.) 1841.***

Относительно вашего и Балабиной разговора о богатыхъ и бѣдныхъ, я думаю, что первые гораздо болѣе знаютъ и понимаютъ, почему они для общежитія несравненно годнѣе, но послѣдніе лучше, т. е. менѣе развращены въ сердцѣ, добродѣтельнѣе и потому полезнѣе для общества. Посланіе къ Арбутноту и я, по примѣру вашему, перечиталъ вчера. Въ немъ много истины, но особенно понравилось мнѣ мѣсто, такъ начинающееся: „А добрый, милый *Гэ* пусть остается мой!“ [1])

Повѣсть Одоевскаго въ Зарѣ [2]) плоховата; не говорю ужъ о промахахъ противъ фактовъ, искаженіяхъ именъ собственныхъ и т. п., но мнѣ кажется и въ самомъ разсказѣ нѣтъ никакого интереса, въ содержаніи никакой жизни. Правда ли? Быль же, присланная Одоевскимъ для финляндской книги, хоть также ничтожна по содержанію, но оригинальна и очень хорошо разсказана [3]). Молодая Сологубъ, по вашимъ описаніямъ, большая милашка, а все-таки я полагаю, что наша Траверсе помилѣе ея. Отецъ ея сбирается непремѣнно навѣстить васъ; пожалуйста постарайтесь, чтобы онъ разъ провелъ у васъ вечеръ вмѣстѣ съ дочерью, да чтобы и Александра Осиповна тутъ была. Обратите тогда хорошенько вниманіе на Марie и скажите, какъ она вамъ покажется. Что Сологуба заставили передѣлать статью его, этому я очень радъ. Какъ можно въ книгу, которая сама назначается какъ-бы служить знаменемъ мира, допускать статьи съ бранью, и еще на кого? Это была бы великая глупость. Стихотвореніе Растопчиной, если хорошо, не можетъ быть не кстати: что за дѣло, обѣдала ли она съ нами или нѣтъ? Своимъ участіемъ въ общемъ трудѣ она къ намъ присоединяется духовнѣе, нежели застольничествомъ. Скажите Одоевскому, что мы всѣ очень благодаримъ его за присланную тетрадь, но что я самъ не пишу за недостаткомъ времени. Кастренъ благодаритъ его сверхъ того за участіе и при случаѣ я непремѣнно пришлю нѣсколько экземпляровъ его брошюры.

Журналъ. Въ воскресенье, какъ вы помните, былъ я званъ обѣдать къ Траверсе. Я пошелъ туда въ 3 часа и засталъ нѣсколько моряковъ, изъ которыхъ одинъ читалъ вслухъ мои стихи: *Перо.* Спафарьева цѣлый день не выпускала ихъ изъ рукъ. Послѣ обѣда приходило нѣ-

[1]) См. это мѣсто въ *Дополненіяхъ.*

[2]) Въ „Утренней Зарѣ“ (альм. Владиславлева) на 1841 годъ: „Южный берегъ Финляндіи въ началѣ XVIII ст.“

[3]) Повѣсть „Необойденный домъ“.

сколько мальчишекъ въ бѣлыхъ рубашкахъ и другихъ костюмахъ и съ огромною звѣздою Христа славить. Они ломали преуморительно комедь по-шведски. На стулѣ сидѣлъ Иродъ съ деревяннымъ мечемъ, а прочіе стояли вокругъ него.

6-го января Marie будетъ на дворянскомъ балѣ. Эмиль Шерн-валь [1]), который здѣсь, уже ангажировалъ ее на 3-ю кадриль. За обѣдомъ лилось шампанское. Я принимаю за добрый знакъ, что я въ Финляндіи и первые именины и первое рожденіе провелъ весело и притомъ съ шампанскимъ за столомъ и съ тостами за мое здоровье, хоть никто не зналъ, что это мой праздникъ. Понедѣльникъ почти весь былъ дома и работалъ. Во вторникъ поутру явился ко мнѣ Вассеніусъ за бумагой, которую я на русскомъ языкѣ изготовилъ ему для поднесенія Уварову вновь издаваемой ландкарты Финляндіи. Вассеніусъ предлагалъ мнѣ взяться за исправленіе *Живописнаго Міра* (на русскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ). Я отказался. Онъ просилъ подумать, не знаю ли я кого-нибудь, кому бы можно было поручить этотъ трудъ. Не укажете ли вы кого? Вассеніуса смѣнилъ генералъ Рамсай, который тутъ только услышалъ, что я говорю по-шведски. Послѣ обѣда молодой Цигнеусъ привезъ изъ Петербурга ноябрьскую книжку Отечественныхъ Записокъ, гдѣ я съ удовольствіемъ прочелъ статью о Давыдовѣ [2]) и похвальное слово себѣ вмѣстѣ съ Соловьевымъ [3]). Еще Валленъ пріѣзжалъ прощаться. Вечеромъ пошелъ къ Веттергофу, гдѣ нашелъ пріѣхавшаго къ Рождеству зятя его, барона Меллина [4]), который во время поѣздки моей по Финляндіи, очень радушно принялъ меня въ своемъ имѣніи близъ Таммерфорса. Какъ вы, и я середы принужденъ былъ отмѣнить, чтобы попадать иногда къ Армфельтамъ; я въ эту обѣщалъ Спафарьевой притти къ нимъ читать Фритіофа. Ко мнѣ будутъ приходить по пятницамъ. У Траверсе чужихъ кромѣ Валлена никого не было, но зато присутствовалъ и самъ маркизъ цѣлый вечеръ. Я прочелъ предисловіе еще не совсѣмъ конченное и 5 пѣсенъ и за все получилъ большое одобреніе. Впрочемъ, тутъ juge compétent была одна только Marie, которая въ поэзіи имѣетъ удивительное чутье. Она прочла Жуковскаго отъ доски до доски и не учивъ, знаетъ многое наизустъ.

Суббота, 21 декабря. На четвергъ, канунъ новаго года по нов. ст., были мы званы на вечеръ къ нашимъ сосѣдямъ Рамсаевымъ. Ве-

[1]) Карлъ Эмиль Шернваль-Валленъ.

[2]) Денисѣ Васильевичѣ, извѣстномъ поэтѣ.

[3]) Рецензія на переводъ Соловьева — книги *Рейна* „Статистическій очеркъ В. К. Финляндскаго" съ лестнымъ отзывомъ о статьяхъ Я. К. Грота въ Современникѣ.

[4]) Карлъ Рейнгольдъ Меллинъ, баронъ, окружной судья въ Satakunta ок. Таммерфорса, ум. 1869.

*

черъ этотъ проводится во многихъ домахъ по праздничному, въ кругу гостей. Въ 8 часовъ отправился я туда съ сестрой. Гостей было человѣкъ 80. Въ танцахъ не было большой живости, и это происходило, конечно, отъ того, что тутъ не было добрыхъ моряковъ, которые пляшутъ преусердно. Я почти всѣ танцы плясалъ. Я сдѣлаюсь здѣсь большимъ плясуномъ, потому что всѣ дамы — знакомыя и съ ними можно поболтать, но въ вашей столицѣ во всякомъ салонѣ новыя лица. Я танцовалъ между прочимъ съ прелестною графиней. Она вамъ кланяется и за ужиномъ пила со мной ваше здоровье, что сдѣлала и въ тотъ день, какъ мы обѣдали артелью въ Соціететѣ, — я забылъ сказать вамъ. Стихи мои съ башмачкомъ произвели весьма благопріятное для меня дѣйствіе; остатокъ застѣнчивости, который все еще былъ въ ея обращеніи съ человѣкомъ мало ей знакомымъ, теперь исчезъ совершенно. И отъ другихъ я слышалъ много комплиментовъ по случаю этихъ стиховъ. Матильда говорила мнѣ, что въ Патріотическомъ институтѣ дѣвицы очень сердиты на М—ча за то, что онъ васъ смѣнилъ.

На счетъ статьи о Давыдовѣ вразумите меня: 1) въ какомъ это велемудромъ журналѣ напечатано, къ сраму нашихъ дней, сужденіе о стихахъ и прозѣ, помѣщенное у Бѣлинскаго въ выноскѣ? 2) Кто растолковалъ три славы Давыдова, какъ онъ въ концѣ статьи объясняетъ? 3) Кого онъ разумѣетъ подъ часто употребляемымъ словомъ китайцы?

На балѣ у Рамсая братъ его, генералъ, позвалъ меня къ себѣ обѣдать на вчера. Поутру люди праздные безпрестанно приходили и присылали къ намъ карточки: здѣсь собственно водится, что мужчинамъ *посылаютъ* карточки передъ обѣдомъ, а дамамъ послѣ. Но я, какъ иностранецъ, рѣшился ни одной душѣ ни носить, ни посылать картъ. Надѣюсь, что вы это одобрите. У Рамсая собрались къ обѣду въ 3 часа его родственники Меллины и еще нѣсколько чужихъ. Столъ былъ очень хорошій, хозяева и гости любезны и я провелъ тамъ пріятно часа два. Когда возвратился домой ко мнѣ пришелъ Кастренъ и пилъ у меня чай. И онъ и я благодаримъ за трудъ по его грамматикамъ.

Прощайте, милый Петръ Александровичъ, и любите меня по прежнему, да поклонитесь добренькой Олѣ и ея наставницѣ.

1) Какой пружинѣ приписать неумѣренныя похвалы „Пчелы“ Лермонтову [1])?

2) Говорятъ, что въ одной изъ здѣшнихъ газетъ задѣли меня за мои статьи о Финляндіи. Это ни мало не дѣйствуетъ на меня и даже забавляетъ.

[1]) Статья Булгарина о „Героѣ нашего времени“, *Сѣв. Пчела*, 1840 г., № 246 (20 окт.).

71.

(Гротъ — Плетневу) ***Гфорсъ, субб., 21 декабря, 1840.***

Какъ счастливъ я! Какъ счастливъ я!
Чѣмъ ни полна душа моя,
Чѣмъ я случайно ни взволнованъ,
Иль огорченъ, иль очарованъ,
Я на летучіе листы
Тотчасъ кладу мои мечты,
Заботы, чувства, помышленья,
Мои дѣла и похожденья;
Потомъ я исповѣдь свою
Вѣтрамъ послушнымъ предаю,
И мыслю: легкія тѣ строки
Домчатся скоро въ край далекій,
Гдѣ ихъ уже съ любовью ждутъ,
Гдѣ все, что скрыто въ нихъ, поймутъ,
И все, что прожилъ я душою,
Переживутъ опять со мною.
Потомъ — немного дней пройдетъ —
Послушный вѣтеръ ужъ несетъ
Мнѣ откликъ на мои замѣты,
И чувствомъ родственнымъ согрѣты,
Подъ охлажденнымъ сургучомъ,
Всѣ, всѣ слова въ отвѣтѣ томъ.
Тогда я вижу: въ утѣшенье
Земныхъ печалей — Провидѣнье
Земное Небомъ мнѣ дано.
Но чтожъ такое, чтожъ оно?
О, я то Провидѣнье знаю!
Его я *дружбой* называю,
И весела душа моя:
Какъ счастливъ я, какъ счастливъ я!

Эти стихи сочинилъ я вчера утромъ, еще лежа въ постелѣ, вздумавъ, что настаетъ почтовый день. Примите ихъ за то, что они есть: неискусное выраженіе истиннаго чувства.

Сегодня утромъ Валленъ долженъ былъ ѣхать въ Петербургъ и взялъ письмо для васъ; но по неожиданному пріѣзду Демидовой, онъ остался, а письмо полетѣло съ курьеромъ графа Ребиндера. Обратите на это вниманіе, чтобъ оно не залежалось въ сумкѣ почтеннаго гонца. Въ этомъ письмѣ я забылъ сказать вамъ, что въ тотъ вечеръ, кото-

рый мы проводили у стараго Клинковстрема, онъ, проведя меня въ свой кабинетъ, сталъ распространяться о вашей послѣдней статьѣ въ Современникѣ, о которой будто много слышалъ, и изъявилъ желаніе видѣть ее въ переводѣ. Часть ея я дѣйствительно намѣренъ перевести. Къ 10 часамъ я, наконецъ, получилъ ваше письмо и вспрыгнулъ отъ радости.

Отвѣтъ. Съ письмомъ къ вамъ пошла и записка Матильды къ Олѣ: на это рѣшились оттого, что графъ отложилъ до другого времени свою поѣздку; тогда напишутъ опять. За обѣдомъ у Рамсая жена сенатора Р. спросила меня, знаю ли я Булгарина. По неожиданности вопроса, я сказалъ съ живостью то, что было на душѣ: „Нѣтъ, между нами нѣтъ ничего общаго: онъ живетъ ложью, а мы живемъ правдою“. Она отвѣчала значительно: гм! vous avez de différentes manières de voir. Тутъ я его немножко погладилъ,— только противъ шерсти! Если хотите печатать стихи на отъѣздъ Маріи, то поставьте въ заглавіи только *Къ М. М. Т.*, а подъ стихами только *Г.*; я думаю то же сдѣлать бы и подъ *Перомъ.* Иное подписывать, иное нѣтъ — не годится. Давно ли я читаю стихи хорошо? Нѣтъ, зачѣмъ отступать отъ правды? Я читаю ихъ худо.

Васъ интригуетъ, благосклонна ли ко мнѣ моя вдохновительница. Но ужели вы думаете, что я претендую на какое-нибудь особенное ко мнѣ вниманіе съ ея стороны. Какъ стихоплета, она меня даже слишкомъ уважаетъ; это происходитъ отъ младенческой несвѣдущности въ литературѣ. Впрочемъ, вы скоро сами будете имѣть случай увѣриться въ ея мнѣніи обо мнѣ. За что вы меня пожаловали въ Меркурія? Правда, вѣдь онъ не только летучій торгашъ, но и величайшій витія, а я бы хотѣлъ быть хорошимъ ораторомъ. Итакъ, за это спорить не буду. Тѣломъ я не боленъ, но многолѣтній образъ жизни сообщилъ мнѣ кое-какія хроническіе, хоть и слабые, недуги, для уничтоженія которыхъ также нужны годы и главное флегма, которой у меня нѣтъ. Когда я работаю или даже гуляю, я постоянно бываю въ искусственно лихорадочномъ состояніи, отъ волненія крови, встревоженной работою ума или по крайней мѣрѣ души. Оттого простуды и другія бѣды. Занимаюсь же я собственно съ умѣренностію и рѣдко сижу черезчуръ. Да, Матильда въ самомъ дѣлѣ заслуживаетъ удивленія за свою candeur и простоту.

Часъ тому назадъ я получилъ статью Сологуба. Онъ ошибочно думаетъ, что Рунебергъ пасторъ, хоть и носитъ *крагенчикъ.* Скажите, что я въ его статьѣ долженъ исправить какъ это, такъ и другія ошибочки противъ фактовъ, но впрочемъ очень благодарю. Вмѣсто пасторъ надо будетъ поставить: поэтъ. Статья прекрасная. Теперь и вы примитесь за дѣло. Вступленіе я напишу, пора! Прощайте!

72.

(Плетневъ — Гроту) *Спб., середа, 25 дек. Р. X., 12 ч. 1840.*

Сію минуту принесли мнѣ ваше письмо, любезный Яковъ Карловичъ. Такъ какъ экзекуторъ явится сейчасъ за этимъ письмомъ, чтобы его нести на почту, то я и не сохраню въ немъ нашихъ обыкновенныхъ формъ, тѣмъ болѣе, что у меня есть письмо, вчера отъ В. К. Маріи Николаевны изъ Мюнхена полученное, которое такъ интересно, что я долгомъ считаю для васъ его переписать. Не знаю, успѣю ли переписать все; по крайней мѣрѣ начну. Что касается до своего журнала и отвѣта на ваше письмо, займусь этимъ въ другой разъ, когда буду одинъ и посвободнѣе. Итакъ, вотъ *копія:*

„Мюнхенъ, 20 ноября 1840.

Быть по сему! Рады стараться! По Высочайшему приказанію добраго вашего сердца, любезный Петръ Александровичъ, похлопотала ...о чемъ вы знаете; а *что* будетъ, не знаю!“ (NB. Все это, какъ вы видите, относится къ моей просьбѣ о возведеніи Матильды во фрейлины). „Благодарю васъ и за письма и за книги, въ которыхъ есть много интереснаго. Начала *нашимъ* Современникомъ [1]), а именно статьей о Финляндіи. Мнѣ это крайне любопытно. Ничего или мало про нее знала, и то только по глупымъ рожамъ, бѣлымъ волосамъ и вѣчному: „хивапейва, юмаланда“, напоминающимъ юныя лѣта въ благодатномъ краю — въ Петергофѣ. О Боже! даже грязные люди могутъ напоминать счастливые годы, райскія минуты. Сколько незабвенныхъ дней вдругъ вспомню при словѣ „хивапейва“. Слышать „хивапейва“ другому покажется незвучнымъ, а мнѣ... и родина, и родители, все, что сердцу мило, вдругъ въ ясныхъ краскахъ является!.. Прочла нѣсколько стихотвореній: Растопчиной „*Въ Москву!*“ [2]) мнѣ вовсе не понравилось: это неблагодарно съ ея стороны не любить Москву. Потомъ *Женщина и Балъ* [3]) заключаетъ большую правду. Весело, очень весело быть на балѣ; а еще лучше сидѣть дома, въ семействѣ, у чайнаго столика, съ куличемъ и сухарями, болтать, что въ голову попадетъ, и не бояться смять платье. Кто такой Эм...въ? *Художника* [4]) нахожу... какъ сказать?.. нѣмецкимъ; а вы какъ судите? *Осенній вечеръ*, Т...ва [5]), прекрасно! И точно такъ: я наслаждалась передъ болѣзнію въ Тегернзе осенними вечерами. Какое прелестное мѣстоположеніе Тегернзе! на берегу озера, окруженнаго высокими горами;

[1]) 1840 г., т. XIX—XX.

[2]) Стих. „Въ Москву!“ XX, стр. 300.

[3]) Стих. Е. Н. Шаховой, т. XIX, стр. 183.

[4]) Стих. Эм...ва (Милькѣева) „Художникъ“, тамъ же, стр. 174.

[5]) Ѳ. И. Тютчева, тамъ же.

однѣ покрыты снѣгомъ, другія лѣсами; или только голыя скалы. Какъ уже лежала больна, то могла все это видѣть съ постели. Никогда не забуду одинъ вечеръ: была очень слаба, и нервы были точно ненастроенныя струны; захотѣлось взглянуть на бѣлый свѣтъ; подняли занавѣсъ... Какое явленіе! Горы, лѣса, небо и озеро казались вызолоченными; а солнца уже не видать. Это сдѣлало на меня грустное впечатлѣніе; я закрыла глаза, и слезы потекли; казалось, что и я скоро увяну, что скоро меня на свѣтѣ не станетъ... А жить такъ хотѣлось! Милосердый Богъ спасъ меня; я живу еще счастливѣе прежняго, и жизнь люблю: все въ ней такъ улыбается мнѣ! все почти кажется прекраснымъ; трудно повѣрить, что есть злые люди! Куда ни погляжу, вездѣ счастіе (ибо вездѣ вижу мужа и дитя, родину, родителей, или новое семейство, меня полюбившее, балующее больше того). А какъ я недостойна всего этого неслыханнаго счастья.

Читала я съ истиннымъ наслажденіемъ повѣсть „Панна Сотниковна“ [1]). Какъ это мило! просто, трогательно разсказано. Ну ужъ ура Основьяненко“.

„22/1. Вездѣ хорошо, а дома лучше. Это правда. Но точно я здѣсь была принята съ такою любовью и ко мнѣ такъ снисходительны, что иной разъ стыдно имѣть тоску по родинѣ; а есть иногда тоска, особливо когда получаю письма, полныя ежедневныхъ обычайныхъ занятій или увеселеній моего домашняго рая; тогда *тянетъ* домой. И мужу даже наша матушка-Россія такъ полюбилась, что вздыхаетъ — и радуется своему возвращенію. Это благодаря вамъ всѣмъ за братскій пріемъ. Нѣтъ, Петръ Александровичъ, какой милый мужъ мой Мах! Вы его такъ мало знаете! а онъ достоинъ вашей дружбы. Погодите, какъ будетъ готовъ нашъ домъ у Синяго моста, увидите, какъ онъ умѣетъ угощать друзей, а вы въ ихъ числѣ“.

„3/15 декабря. Долго не могла писать: времени не ставало. Я прочла почти всего Современника. Другая повѣсть Основьяненки — „Ложныя Понятія“ [1]), едва-ли не лучше первой. Я смѣялась во все горло. Читала въ Сѣверной Пчелѣ объ изданіи новаго литературнаго журнала (кажется Русскій Вѣстникъ). Стоитъ ли абонироваться? Въ другомъ № Современника съ большимъ удовольствіемъ видѣла, что много издано новыхъ хорошихъ книгъ. Не худо нѣкоторыя изъ нихъ купить для моей библіотеки, напримѣръ: Записки Желябужскаго, Убіеніе царевича Димитрія, Исторія Чингизъ-Хана, Архитекторъ XIX стол., Котъ Муръ (по-нѣмецки принималась читать, но дурно понимаю). Впрочемъ, лучше, какъ вы придумаете... Возвращаюсь къ описанію Мюнхена. Городъ ни то, ни сё. Есть прекрасныя зданія, но, исключая Людвигъ-

[1]) Повѣсть Г. Ѳ. Основьяненки, тамъ же (XIX т.).

[2]) Современникъ, тамъ же (XIX т.).

Штрассе, нѣтъ никакой связи: все разбросано по городу. Даже дворецъ съ трехъ сторонъ представляетъ одинъ фасадъ, а четвертая сторона ужъ просто стыдъ и срамъ. Большой и маленькій театръ, а посреди церковь и манежъ. Внутри такъ скучно, единообразно, — не стоитъ того, чтобы и говорить про него долго.

„12/24 декабря. Прощайте, П. А., никакъ нельзя больше писать. Куча писемъ ждетъ отвѣта. Кланяйтесь отъ меня Mrs. Henriette и дочери.

Марія".

Кончаю списывать. Боюсь, что письмо опоздаетъ на почту. Васъ Александра Осиповна велѣла поздравить съ Новымъ годомъ. Когда я доканчиваю это послѣднее слово, мнѣ подъ носъ положили еще отъ васъ письмо съ почты. О радость!

73.

(Плетневъ — Гроту) ***Спб., пятн., 27 дек., 1840.***

Отвѣтъ на письмо отъ 20 декабря. Я не читалъ еще Одоевскаго статьи въ Утренней Зарѣ. У него преобладаетъ во всемъ фантасмогорія. Эпитетъ „большая милашка" совсѣмъ не идетъ къ молодой Соллогубъ. Она большой, милый, добрый ребенокъ. Для нея все еще ново. Она, какъ евангелію, вѣритъ всякому слову человѣка, котораго любитъ или уважаетъ. Ваша Марія по крайней мѣрѣ нынѣшнимъ лѣтомъ потолкалась въ большомъ свѣтѣ, а Софья Михайловна не видывала его, и живетъ теперь съ мужемъ, какъ живали въ старинныхъ романахъ добрыя героини. Я также не прочь, чтобы маркизъ съ дочерью увидѣли Александру Осиповну, только не знаю, исполнится ли это. Петербургъ — не Гельсингфорсъ. Здѣсь ихъ замучатъ то Пушкины, то Шаховскіе, то Одоевскіе и пр. и пр. О стихахъ Растопчиной уже говорилъ я, что согласенъ на помѣщеніе ихъ въ финской книгѣ. Только сдержитъ ли слово Одоевскій и пришлетъ ли ихъ? На балѣ 6 января, вѣроятно, я не буду, потому что, не танцуя, довольно утомительно такъ долго глазѣть на другихъ. То ли дѣло вечеръ у Балабиныхъ, гдѣ всѣ, стѣснившись около одного стола, говорятъ или слушаютъ чтеніе. Хорошо, что вы отказались отъ *Живописнаго Міра.* Эта подёнщина не по насъ. Я не знаю никого, кто бы могъ взяться за такую работу. Если дѣйствительно у Marie есть чутье къ поэзіи, вы должны вдвоемъ съ ней прочитать всего Пушкина, чтобы уничтожить въ ней всякое поползновеніе къ чему-нибудь въ поэзіи посредственному. Какъ вы изъяснили: зачѣмъ она громко засмѣялась, когда вы прочли стихи мои къ ней? Что вы сдѣлаетесь большимъ плясуномъ—это хорошо, лишь бы грудь отъ того не надрывалась.

Все, что о Давыдовѣ цитируется срамного изъ журнала китайцевъ, относите къ Маяку, издаваемому Корсаковымъ и Бурачкомъ.

Отвѣтъ на письмо отъ 21 декабря. Цѣлую васъ за стихи ко мнѣ. Они прелестны, потому что вылились изъ вашей души. Мнѣ любопытно знать, кто и что передалъ Клинковстрему изъ моей статьи. Вѣдь съ Спафарьевой мы старые знакомые. Напомните, что во время оно мы видывались съ ней у Молчанова [1]). Отвѣтъ баронессы Меллиной о Булгаринѣ показываетъ, что я угадалъ ея характеристику. Много ли надо смыслу и такту, чтобы, разъ поговоривъ съ Булгаринымъ, начать презирать его? Инымъ и въ этомъ Господь отказалъ.

Стихи къ Маріи я напечатаю точно съ такимъ заглавіемъ, какъ въ Утренней Зарѣ мои къ ней напечатаны уже. Ея особа не компрометируется, а все-таки немножко пробирается молва о ней къ потомству, на что она имѣетъ всѣ права. Смиреніе паче гордости; будто предметъ, достойнѣйшій вдохновительницы вашей—не вы. Дѣло только въ томъ: что за симъ послѣдуетъ въ будущемъ? Обоимъ вамъ фортуна дала на долю небесное, правда съ избыткомъ, но какъ размѣнять эту монету на землѣ? Вотъ вопросъ.

Для уничтоженія наклонности къ простудамъ употребляйте души, что вы дѣлали прежде. Для укрѣпленія тѣла я ничего не находилъ благодѣтельнѣе холодной воды. Посовѣтуйтесь съ докторами, которые поумнѣе, да только изъ разныхъ партій.

Сологубъ говоритъ, что, уничтоживъ слово *пасторъ*, надо будетъ и многія мѣста переформовать. Не выкинуть ли имя „Рунебергъ", замѣнивъ его словомъ пасторъ? Это, кажется, легче. Впрочемъ, вы въ корректурѣ все увидите. О своей статьѣ я уже сказалъ, что она во-время явится.

Журналъ. Пятница (20 декабря). У Великой Княжны Ольги Николаевны, которую рисовала m-me Робертсонъ, продолжалъ читать Капитанскую дочку (ибо Императрица не приходила къ намъ). Вечеромъ зашелъ къ гр. Пушкиной (Эмиліи), которую послѣ родовъ ея видѣлъ въ первый разъ. Она стала еще милѣе прежняго. Мнѣ поручила она упросить васъ непремѣнно прислать ваши шведскіе стихи. Ей очень хочется читать ихъ. Отъ нея отправился къ Балабинымъ. Тамъ между гостями нашелъ и Ал. Ос., которую Балабины безъ ума полюбили. Послѣ чаю я прочиталъ имъ (не въ первый уже разъ) Бахчисарайскій фонтанъ, но эффектъ этой прелести всегда, какъ отъ перваго разу.

Воскресенье (22 декабря). Утро провелъ дома. На вечеръ отправился я къ Карамзинымъ. По обыкновенію, тамъ было живо и разнообразно. Изъ финляндцевъ тамъ нашелъ я Фридберга.

Вторникъ (24 декабря). На обѣдъ я приглашенъ былъ къ Растоп-

[1]) Петра Степановича, ст.-секр. при Александрѣ I, управляющаго дѣлами комитета министровъ, ум. 1831 г. (въ отставкѣ, потерявъ зрѣніе).

чиной, которой я объявилъ, чтобы для меня въ общество на подобные случаи приглашали Андрея Карамзина. Итакъ, мы провели время втроемъ. Карамзинъ давно собирался мнѣ прочитать стихи Растопчиной, напечатанные безъ ея имени въ Пантеонѣ подъ названіемъ „Въ Испаніи". Это не что иное, какъ монологи одной женщины въ замѣчательнѣйшіе моменты ея любви. Оригинально и интересно. Отъ Растопчиной зашелъ я къ молодой Сологубъ. Мы съ нею читаемъ Онѣгина. Натурально, что это ее восхищаетъ. Но она и восхищается какъ-то по-своему, моральнѣе нашего.

Среда (Рождество Христово, 25 декабря). Обѣдали съ Жуковскимъ у Віельгорскихъ.

Четвергъ (26 декабря). Съ визитомъ былъ у Наслѣдника и Ребиндера. Послѣдній едва оправляется послѣ болѣзни. Звалъ меня къ себѣ по пятницамъ на вечера. Вечеръ провелъ у Карамзиныхъ, отказавъ своимъ гостямъ.

74.

(Гротъ — Плетневу) ***Гфорсъ, понед., 30 декабря, 1840.***

Ваше безпокойство насчетъ нашей переписки, кажется, напрасно; но хоть весь свѣтъ могъ бы читать наши письма, всетаки надобно, конечно, быть осторожными, чтобы нельзя было привязаться къ чему-нибудь. Рунебергу гораздо лучше. Кровотеченіе изъ горла совершенно прекратилось, лихорадка прошла и ему предписано пользоваться свѣжимъ воздухомъ. Я не писалъ вамъ ничего о немъ въ двухъ послѣднихъ письмахъ, потому что самъ ничего не могъ добиться; вчера я видѣлъ и его доктора, къ которому онъ самъ писалъ. Сегодня я увижу его. Братъ мой уже ѣдетъ (въ часъ), и я отправлюсь съ нимъ до Борго, гдѣ намѣренъ провести дней пять. Въ четвергъ прикатитъ туда мимоѣздомъ маркизъ со свитою. Я надѣюсь не прозѣвать ихъ, тѣмъ болѣе, что хочу съ маркизомъ послать вамъ рукопись Фритіофа. Вчера, наконецъ, я совершенно дописалъ его въ часъ пополудни, и отнесъ къ переплетчику, чтобы онъ все сшилъ въ одну тетрадь. Я бы могъ послать вамъ это уже съ братомъ моимъ, но мнѣ хочется въ Борго почитать оттуда кое-что Эману и еще просмотрѣть иное. Когда получите, постарайтесь, добрый Петръ Александровичъ, прочесть мое дитя безъ большой задержки, потомъ съ таковою же просьбою отдать тетрадь цензору и, наконецъ, прислать мнѣ ее при первой оказіи, чтобы я могъ тотчасъ же приступить къ печатанію и издать Фритіофа если не къ Святой, то вскорѣ послѣ. Надѣюсь, что и Александра Осиповна не откажется отъ прочтенія всего съ вами. Она должна знать, что письма, составляющія предисловіе, мысленно были обращены къ ней, почему я и говорилъ нѣсколько разъ, что готовлю ей огромное письмо. Когда приметесь за чтеніе, пожалуйста не заб-

гайте впередъ, пока не прочтете все въ порядкѣ: читайте все сряду, иначе взятое изъ середки (даже въ письмахъ), не будучи для васъ на своемъ мѣстѣ, можетъ съ перваго разу показаться вамъ непонятнымъ, и уже послѣ не поправить этого впечатлѣнія. Между тѣмъ, окончивъ одно дѣло, примусь я за другое, т. е. за финляндскую книгу и ужъ теперь серіозно. Русскія статьи Цигнеусъ обѣщалъ перевести на шведскій. Въ Борго возьму я съ собой все шведское, что у меня есть, и тамъ начну переводить это понемногу. Сверхъ того, у меня у самого составился планъ пьесы для нашей книги; если буду расположенъ, займусь и этимъ въ Борго. Не знаю, будетъ ли это проза или стихи. Теперь прошу и васъ не откладывать долѣе приготовленія своей статьи: пора!

Только-что Фритіофъ отпечатается, я, не теряя времени, отдамъ въ печать „Финляндію", чтобы и это вышло къ веснѣ или къ лѣту: въ то время безпрестанныя поѣздки сюда обѣщаютъ книгѣ лучшій сбытъ и въ Россіи и здѣсь. Но какъ назвать ее? Поговорю объ этомъ въ Борго. Покажу Рунебергу и шведскіе стихи, которые написалъ Матильдѣ, и другіе на заданныя Маріей шведскія риѳмы, но послѣдняго продукта я не отдалъ по принадлежности, потому что риѳмы были такія романическія, что пьеса вышла слишкомъ романическая. Риѳмы были въ переводѣ: роща, вѣрный, рана, слеза, надежда, происшествіе, разлука, желаніе.

Мысли, принятой на литературныхъ вечерахъ Сологуба, я вовсе не могу объяснить себѣ: въ чьей отуманенной башкѣ могла она родиться? Писать повѣсть общими силами въ круговую, какъ пить брагу изъ одного ковша, подпуская каждый разъ слюней сосѣду,—что можетъ быть уродливѣе и нелѣпѣе этого? Тьфу, я плюю при одной этой мысли! Видно, нечего дѣлать, когда и такое препровожденіе времени считаютъ дѣломъ. Сердечно благодарю васъ за копію съ письма В. К. Маріи Николаевны: я буду хранить это, какъ одно изъ утѣшительнѣйшихъ опроверженій испорченности сердца человѣческаго. На такой высотѣ носить такое сердце, и столько ума, и столько простодушія, и столько безъискуственнаго искусства,—это для меня верхъ торжества человѣческой души. Послѣ этого я благоговѣю передъ Государемъ, потому что отецъ такой дочери долженъ и самъ быть таковъ. Въ другомъ случаѣ это заключеніе могло бы быть невѣрно, но у Трона оно необходимо.

Журналъ. Братъ пріѣхалъ въ воскресенье за недѣлю, когда мы только-что встали изъ-за стола. Я отъ его пріѣзда такъ развеселился, что началъ шумѣть и пить съ нимъ пуншъ, причемъ разбилъ въ дребезги одну рюмку. Вы никогда не видѣли меня въ такомъ веселомъ расположеніи духа, которое въ моей природѣ, но послѣ дѣтскихъ лѣтъ возвращалось рѣдко подъ тягостью обстоятельствъ. Вече-

ромъ хотѣлъ я къ Вульфертамъ, но предпочелъ идти продолжать чтеніе Фритіофа къ Траверсе; тамъ, однакожъ, засталъ гостей. Въ этотъ вечеръ меня особенно поразила одна черта наивности. Послѣ танца нѣсколько человѣкъ разсматривали платокъ Маrіе съ крупнымъ вензелемъ, ею вышитымъ. Всѣ восхищались работой. Я тутъ спросилъ: „но знаете ли, почему собственно это такъ прекрасно?“—Знаю. „Ну, почему?“ — Потому, что я сама работала это. „Какъ же вы это знаете?“—Оттого, что я очень догадлива! отвѣчала она убѣгая.

Въ понедѣльникъ послѣ обѣда началъ работать надъ двумя юлклапами (чтобы подбросить ихъ наканунѣ нашего Рождества), изъ которыхъ однимъ хотѣлъ отплатить за перо, а въ другомъ поднести стихи на отъѣздъ. Въ стихотвореніи „Вечеръ на Рождество“ есть два стиха: „*Мать рѣжетъ хлѣбъ и для дѣтей; но хлѣбъ все цѣлъ, да цѣлъ у ней*“. Я купилъ финскій хлѣбъ съ дырой и на немъ написалъ эти два стиха, да еще оттуда же: *Благословенъ убогихъ даръ*. Потомъ, какъ водится, завернулъ это въ бездну бумагъ и надписалъ ихъ девизами, которые составляли, вмѣстѣ взятые, цѣльное небольшое стихотвореніе о „*Старомъ и Новомъ годѣ*“, которое вы когда-нибудь прочтете. Потомъ четверостишіе:

„У нѣжныхъ чадъ ихъ радость — мать скончалась;
Но съ ней не умерла ея любовь
И въ образѣ другомъ при нихъ осталась —
И мать жива межъ ними вновь“.

А передъ тѣмъ стихотвореніемъ:

Блаженна та страна, гдѣ дважды
Въ году родится Іисусъ,
Гдѣ изъ обоихъ разъ я въ каждый
Могу съ благословеньемъ Музъ
Кому хочу Юлклапъ доставить
И глупость сдѣланную въ *юль* (швед. *jul*: Рождество).
Объ *Рождествѣ* поправить.
Но вамъ дарю я круглый *нуль* (ибо хлѣбъ круглъ).

Юлклапъ Маріи состоялъ въ крошечной бонбоньеркѣ, куда вложена была гравюра (очень простая), изображающая арфу, а на оборотѣ ея стихи:

Какъ ничтожна жертва эта!
Но таковъ удѣлъ поэта:
Нѣтъ на свѣтѣ у него,
Кромѣ арфы, ничего,
И ее онъ вамъ подноситъ
И въ возвратъ смиренно проситъ
Снисхожденья одного.

По обыкновенію и надъ этимъ было множество бумагъ и надъ ними на маленькой бумажкѣ по четырехстишію: изъ стиховъ, печатаемыхъ въ Современникѣ. Между ними въ одномъ мѣстѣ была гра-

вюра, изображающая корабль съ двумя стихами изъ Рунеберга, которыхъ вотъ переводъ:

„Въ дальній край корабль стремится:
Богъ вѣсть, скоро-ль возвратится".

Потомъ еще два ничтожные девиза.

Во вторникъ ходилъ и ѣздилъ я съ братомъ по визитамъ, но мы почти никого не застали. Вечеромъ надѣлъ вашъ *тулупъ* и отнесъ самъ свои юлклапы (у маркиза была ёлка). Здѣсь таковъ обычай: часто приноситъ подарки неизвѣстный человѣкъ, одѣтый въ мѣхъ или другимъ смѣшнымъ образомъ (онъ называется julbock, рождественскій козелъ). Въ вашемъ тулупѣ я сперва забросилъ одинъ юлклапъ, а послѣ другой. Какъ этотъ тулупъ грѣетъ: мнѣ было ужасно жарко. Возвратясь домой, я, бывъ уже въ постели, самъ получилъ отъ Грипенберга юлклапъ, состоявшій въ большомъ (мѣховомъ) башмакѣ подъ ноги при сидѣніи, съ шведскими стихами. Я по рукѣ узналъ, что это отъ Грипенберга.

Въ среду были мы на балу въ Свеаборгѣ. Скука страшная! Въ воскресенье вечеромъ я съ братомъ отправился на балъ въ Соціететъ. Людей было очень мало, тѣмъ меньше, что царицы всѣхъ нашихъ баловъ тутъ не было; но по крайней мѣрѣ если не было *солнца*, была *луна* — была Матильда.

Въ субботу я читалъ гостямъ нашимъ письмо Великой Княгини Маріи Николаевны, всѣ были отъ него въ восхищеніи. Матильда, провѣдавъ это, просила и ей прочесть его. Почему же нѣтъ? Еще разсматривали вашъ альманахъ „Утреннюю Зарю". Меня удивляетъ, отчего вы не послали его скорѣе маркизѣ, такъ какъ тамъ есть стихи къ ней[1]), почему ей бы по праву принадлежалъ экземпляръ альманаха, какъ виновницѣ одной изъ лучшихъ страницъ его. Еслибы не законы приличія, я бы непремѣнно отдалъ ей свой экземпляръ. Я вамъ вскорѣ доставлю „Утреннюю Зарю" обратно: что мнѣ съ нею дѣлать? Она у меня только заваляется въ пыли; тогда вы ее пожалуйста отдайте отъ себя маркизѣ, какъ вещь, ей отъ издателей назначенную по всей справедливости. Я знаю, что это доставитъ ей много удовольствія.

[1]) Стихотвореніе Петра Александровича Плетнева: „Маркизѣ М. А. де Т...се". *Утренняя Заря*, Альманахъ, издаваемый Владиславлевымъ, на 1841 г.

1841.

1.

(Плетневъ — Гроту) *Спб., 1 января 1841.*

Вы, конечно, не будете удивляться, добрый и милый Яковъ Карловичъ, отчего сегодняшнее письмо будетъ коротенько, когда вспомните, что съ вечера мы должны были вчера просидѣть у Одоевскаго часу до пятаго, должны были ужинать, а послѣ варить да и пить жженку. Итакъ, я всталъ сегодня очень поздно да и съ головною болью, а между тѣмъ экзекуторъ уже дожидается, чтобы это письмо везти на почту. Все, однако же, мнѣ хочется бросить здѣсь нѣсколько фактовъ изъ моихъ событій, начиная съ прошлой субботы (28 декабря 1840 г.). Въ субботу я получилъ приглашеніе отъ Ребиндера на обѣдъ къ нему въ слѣдующій понедѣльникъ въ 5 ч. Это меня удивило тѣмъ болѣе, что я считалъ его совсѣмъ больнымъ. *30 декабря.* На обѣдѣ у Ребиндера были Штевенъ [1]) (Пушкина товарищъ, выборгской губерніи), Ал. Армфельтъ, Шультенъ, Путята и еще нѣсколько, человѣкъ 15. Сервировано было чудесно. Я сидѣлъ между графиней и ея воспитанницей. Забылъ было Эттера. Вообще мнѣ было очень пріятно. *31 декабря.* Утромъ поѣхалъ я во дворецъ, чтобы отдать В. К. Ольгѣ Николаевнѣ письмо мое для отсылки въ Мюнхенъ съ благодарностію. Великая Княжна была нездорова, но просила у нея остаться. Мы читали Капитанскую дочь. Принесли отъ Волконскаго [2]) бумаги для каждой особы, — и я получилъ отъ В. К. Ольги Николаевны нѣсколько листковъ, изъ которыхъ на одномъ и пишу къ вамъ. Часть вечера пробылъ у Балабиныхъ, а Новый годъ встрѣтилъ у Одоевскаго. Тамъ были Жуковскій, Віельгорскій [3]), Крыловъ и проч. Удивляюсь, что не только въ воскресенье не было, да и сегодня нѣтъ письма отъ васъ.

[1]) Стевенъ, выборгскій губернаторъ, см. о немъ ниже, п. Плетнева отъ 28 марта.

[2]) Кн. Петра Мих., министра Имп. двора, ум. 1852 г.

[3]) Графъ Михаилъ Юрьевичъ, гофмейстеръ, композиторъ, ум. 1856 г.

2.

(Гротъ — Плетневу) *Борго, четвергъ, 2 января 1841.*

Утро. Всѣ еще спятъ. Я сижу въ небольшой комнаткѣ въ гастгеберствѣ, гдѣ остановился, но гдѣ только ночую, потому что почти весь день провожу у Рунеберга. Онъ теперь совершенно здоровъ; дай Богъ, чтобы его припадки не возвращались болѣе. На другой день послѣ отъѣзда брата (во вторникъ) былъ я ужъ въ десятомъ часу на завтракѣ у Эмана; тамъ было еще два проѣзжихъ финляндца. Оттуда пошелъ къ Рунебергу и вдвоемъ съ нимъ обѣдалъ (жена его все не совсѣмъ здорова). Дѣти его чрезвычайно полюбили меня, особливо за конфекты, которыя я прошлаго года послалъ имъ, и называютъ *дядя Гротъ* — „fàrbrurъ Г.“ (у него трое мальчиковъ). Послѣ обѣда читалъ Рунебергу стихотвореніе Францèна для нашей книги, и былъ очень обрадованъ тѣмъ, что оно ему такъ же нравится, какъ мнѣ, тогда какъ прозаисты находятъ его слабымъ (я разумѣю Кастрена). Потомъ перевелъ я Рунебергу на словахъ письмо В. К. Маріи Николаевны. Онъ такъ восхитился имъ, что просилъ продиктовать его по-шведски; я согласился съ тѣмъ, что онъ этой бумаги не выпустить изъ рукъ; мы общими силами сдѣлали переводъ, и вышло прелестно. Въ то самое время, какъ мы этимъ занимались, принесли мнѣ ваше письмо, которое Вульфертъ, по моей просьбѣ, ѣдучи въ Петербургъ, завезъ мнѣ. Прерываю свой разсказъ, чтобы отвѣчать вамъ.

Желалъ бы я посмотрѣть поближе на молодую графиню Сологубъ: вы ее описываете такъ привлекательно. Маркизъ вѣрно съ удовольствіемъ посвятитъ вамъ хоть одинъ вечеръ, ибо очень уважаетъ васъ. Напрасно вы приписываете мнѣ „смиреніе паче гордости“: съ вами говоришь отъ сердца, а вы видите хитрость. Смѣшно для меня было-бы и подумать, что *я* жду благосклонности *М. Т.* Еще смѣшнѣе, что вы толкуете о какомъ-то будущемъ! Пусть ея будущностью завладѣетъ кто-нибудь изъ безчисленныхъ ея вздыхателей (ибо она на всѣхъ производитъ одинаковое дѣйствіе, только принимающее различный видъ смотря по личности созерцателя). Будучи надѣленъ искоркою поэтическаго чувства, я не могу не восхищаться счастливымъ соединеніемъ всего, что дорого поэту; если даже красоты мертвой природы, скалы и озера въ сіяніи солнца могутъ меня съ вами радовать и приводить въ восторгъ, то не естественно ли, что та же красота, когда она облекаетъ живую и прекрасную душу, должна дѣйствовать на насъ несравненно сильнѣе! Тамъ я вижу только печать руки Божіей, тутъ я вижу участіе, отраженіе Его Духа, преисполненнаго любви и благости. Но восторга человѣка, одареннаго эстетическимъ чувствомъ, не надобно смѣшивать съ страстью влюбленнаго. Можетъ быть я

ошибаюсь въ понятіи, которое составилъ себѣ о Маріи, но мнѣ до этого дѣла нѣтъ; я счастливъ, какъ художникъ, который на полотнѣ выразилъ свою идею. Если я найду, что ошибся, можетъ быть, я горько вздохну, можетъ быть пролью нѣсколько горькихъ слезъ; но на счастье моей жизни это не будетъ имѣть вліянія. Вы спрашиваете объясненія смѣха: приближаясь къ святынѣ красоты, я всегда бросаю анатомическій ножъ къ чорту, и потому не умѣю объяснять того, что нахожу милымъ.

Если графинѣ Пушкиной угодно читать мои стихи къ Матильдѣ, то не признаетъ ли она удобнѣйшимъ адресоваться къ самой Матильдѣ? Во вторникъ вечеромъ пришли къ Рунебергу два-три человѣка (Эманъ въ томъ числѣ), пили пуншъ, болтали, потомъ ужинали и пили шампанское. Рунебергъ кончилъ совсѣмъ поэму „Надежда" и на-дняхъ повезетъ ее въ Гельсингфорсъ; мы пили здоровье *Надежды.* Потомъ пили здоровье *Фритіофа.* Вчера я поутру былъ не надолго у Эмана съ Фритіофомъ, а потомъ весь день у Рунеберга. Съ нимъ я не наговорюсь; какъ жаль, что его нѣтъ въ Гельсингфорсѣ! Я тамъ никого не знаю, кто бы стоилъ его.

Статья, касавшаяся до меня въ здѣшнихъ газетахъ, была помѣщена въ Листкѣ, издаваемомъ Вассеніусомъ. Тамъ отзывались съ пренебреженіемъ о той, которая, какъ вамъ извѣстно, была напечатана въ другой газетѣ, и особенно о Цигнеусѣ говорили насмѣшливо. Потомъ прибавлено, что хотя въ моихъ статьяхъ и признаютъ много великихъ достоинствъ, но не могутъ согласиться съ похвалою моему безпристрастію, знанію дѣла и языка. Далѣе упрекаютъ косвенно, что я слегка только коснулся Готлунда и оканчиваютъ переводомъ того, что у меня о немъ сказано. Вѣроятно, все это плодъ стараній щекотливаго Готлунда.

Рунебергъ въ старые годы читалъ Выжигина въ переводѣ и судитъ объ немъ очень справедливо. „Это,— говоритъ онъ,— родъ исчисленія всякихъ мерзостей, не проникнутаго ни искоркою поэзіи и приданнаго лицамъ, не отличеннымъ ни малѣйшею индивидуальностью. Это полная клевета на своихъ соотечественниковъ".

Эманъ просилъ меня выписать ему новое сочиненіе Михайловскаго-Данилевскаго о финляндской войнѣ [1]). Если можно, велите купить эту книгу, любезный Петръ Александровичъ, и доставьте мнѣ либо обыкновеннымъ путемъ, либо черезъ кого-нибудь изъ имѣющихъ ѣхать сюда. Не забудьте увѣдомить о цѣнѣ. Прежде, нежели отдамъ ее Эману, пробѣгу самъ.

Ѣхать отсюда намѣренъ я послѣзавтра, въ субботу; насъ будетъ порядочное общество: Рунебергъ съ женой, докторъ Шёманъ и я.

[1]) „Описаніе Финляндской войны на сухомъ пути и на морѣ, въ 1808 и 1809 гг." etc., Спб. 1841 г.

3.

(Плетневъ — Гроту) *Спб., субб., 4 янв., 11 ч. утра, 1841.*

Отвѣтъ на письмо отъ 14 декабря. Вчера безъ меня былъ Урсинъ съ Моландеромъ. Они записались на томъ же листѣ, гдѣ и приходившіе поздравлять съ новымъ годомъ, только отмѣтивъ противъ своихъ именъ: „у Гомштейна". Вѣроятно, это ихъ жительство. Но я пока не умѣю ихъ отыскать. Надѣюсь, что они побываютъ еще у меня. Рекомендовать ихъ въ Москву письмами я готовъ отъ всей души. Скажите это ректору.

Отвѣтъ на письмо отъ 30 декабря. Мелартинъ у меня еще не былъ. Странно, что на обѣдѣ у графа никто мнѣ о немъ не сказалъ ни слова. Милый Яковъ Карловичъ! Читать Фритіофа мы рады. Только не обойдется безъ нѣкоторой задержки: во-первыхъ, у меня не всегда свободное время; во-вторыхъ, Ал. Ос. живетъ отъ меня далеко,— такъ что я, кромѣ извѣстныхъ вамъ дней, не могу съ нею видѣться. Я съ вами согласенъ насчетъ повѣсти, которую хотятъ сообща написать на вечерахъ Сологуба. Отрадно было читать мнѣ, какъ хорошо и вѣрно оцѣнили вы письмо изъ Мюнхена. Оно дѣйствительно не письмо, а лепетъ женской доброй, живой и любящей души. Я очень смѣялся, воображая, какъ вы шумѣли, пили и колотили рюмки съ великой радости, что пріѣхалъ къ вамъ братъ. Но я не желаю, чтобы вы забуянили такъ при моемъ пріѣздѣ въ Гельсингфорсъ. Мнѣ страшно будетъ подойти къ этакому озорнику. Странно, что теперь у васъ, куда вы не заглянете, всѣ и вездѣ пляшутъ. Я начинаю подумывать, что мнѣ бы никакъ нельзя было ужиться въ этакомъ городѣ; ибо я, не имѣя охоты плясать, остался бы совсѣмъ безъ партіи.

Способъ, который вы открыли въ моей шубѣ для подкидыванія юлклаповъ, прелестно забавенъ. Но зачѣмъ вы выбираете такіе юлклапы, которые натурально васъ изобличатъ? Ужъ никто же въ Гельсингфорсѣ не станетъ возиться со стихами, кромѣ васъ.

Вы можете Марію называть царицей, но никакъ нейдетъ, сравнивая ее съ Матильдой, величать ее солнцемъ, а графиню луной. Матильда вся изъ огня, слѣдовательно она болѣе маркизы похожа на солнце. „Утреннюю Зарю" послалъ я вамъ потому, что ничья радость и ничья тоска въ Гельсингфорсѣ такъ не касается близко къ моему сердцу, какъ ваша. Но вы, конечно, уже вольны передать книгу тому, кто въ ней болѣе имѣетъ нужды. А я такъ думалъ, что странно будетъ русскому литератору не получить столь соблазнительной новости. И отчего я долженъ передать книгу маркизѣ, а не вы? Что за околичности? Мнѣ все кажется, что я не увижусь здѣсь

ни съ нею, ни съ отцомъ ея. Если же и увидимся, то все между нами кончится поклономъ и парою казенныхъ фразъ о здоровьѣ.

На первое изъ литературныхъ вашихъ замѣчаній отвѣчаю: „Бабушка Лермонтова, сокрушающаяся объ его отсутствіи, вообразила въ простотѣ души, что преклонитъ всѣ сердца въ пользу своего внука, если заставитъ хвалить его всѣхъ и повсюду; вообразивъ это, рѣшилась поднести, въ простотѣ же души, 500 руб. асс. Ѳад. Бенед. Булгарину. Ну тотъ, какъ неподкупный судья, и бросилъ въ Пчелу двѣ хвалебныя статейки, показавъ тѣмъ, что не омакиваетъ пера въ чернильницу менѣе, какъ за 250 руб. ас. Это узналъ я у Карамзиныхъ [1]), которые, особенно Софья Николаевна, очень интересуются судьбою Лермонтова". О второмъ замѣчаніи жду отвѣта отъ васъ. Ужели статьи ваши о Финляндіи могли кому-нибудь не понравиться изъ финляндцевъ? О Булгарины! вы разсѣяны повсюду! „И отъ судебъ защиты нѣтъ!"

Журналъ. Среда (1 января). Отправивъ къ вамъ письмецо, я пошелъ гулять пѣшкомъ (визитовъ ни одного не рѣшился дѣлать), чтобы освѣжить голову, которая ужасно трещала отъ вакханаліи княжеской. Было холодно и особенно вѣтрено. Я подставлялъ всего себя буйству аквилона. Зашелъ къ Софьѣ Михайловнѣ [2]). Рѣшились дочитать 8-ую главу Евгенія Онѣгина. Позвали Аполлинарію (старшую ея сестру) и засѣли въ маленькомъ кабинетѣ графини. Когда дочиталъ я до того мѣста, гдѣ Онѣгинъ приходитъ въ послѣдній разъ къ Татьянѣ и видитъ ее одну съ письмомъ въ рукѣ — у Аполлинаріи показались на глазахъ крупныя слезы: такъ она вошла въ положеніе и душу Татьяны. Обѣдалъ я дома со всѣми своими. Мы съ Ал. Ос., получили недоставленный прежде листъ въ статьѣ о Саррѣ Толстой, наконецъ, дочитали ее. Кажется, что поэзія Сарры была только болѣзнь, т. е. безпрерывное магнетическое состояніе, въ которомъ находится большая часть людей, подверженныхъ потерѣ равновѣсія между тѣломъ и душою.

Въ четвергъ (2 января) былъ пріемъ у нашего министра. Вечеромъ сидѣли у меня Ѳ. Ѳ. Корфъ и Кодинецъ, какъ вдругъ обрадовалъ своимъ появленіемъ и Константинъ Карловичъ. Я бросился обнимать его. Весь вечеръ посвященъ былъ распросамъ. У Великой Княжны Ольги Николаевны, которая все еще возлежитъ отъ слабости и кашля, читали Капитанскую дочь. Вечеромъ я нигдѣ никого не нашелъ дома, потому что у Канкрина былъ первый въ его жизни балъ.

[1]) Семьи исторіографа.

[2]) Графинѣ Сологубъ.

*

4.

(Гротъ — Плетневу) ***Борго, пятн., 3 янв., 1841.***

Вчера маркизъ пріѣхалъ сюда въ 8 ч. вечера. За мной пришли къ Рунебергу. Они пили здѣсь чай на станціи, пробыли часа два и отправились далѣе. Послѣ ихъ отъѣзда я опять пошелъ къ Рунебергу и возвратился на станцію въ 11 часовъ.

Третьяго дня я съ Рунебергомъ читалъ Уланда, котораго онъ любитъ. Вчера мы много толковали объ экзаметрѣ, и я узналъ кое-что новое для меня, согласно съ чѣмъ ужъ и сдѣлалъ въ моихъ экзаметрахъ разныя перемѣны.

Не знаю, довольно ли чисто переписаны письма; не знаю также, годится ли для печати послѣднее, 11-е письмо; писавъ его, я больше имѣлъ въ виду друзей, нежели публику, для которой, можетъ быть, всѣ эти подробности совершенно не нужны. Обратите на это вниманіе. Прочтите также повнимательнѣе мои экзаметры и скажите, каковы они. Какъ я уже просилъ, отмѣчайте на особомъ листѣ все, что, по вашему мнѣнію, требуетъ измѣненія, дополненія или сокращенія. Въ поэмѣ замѣчайте, все ли находитъ въ предисловіи или въ выноскахъ достаточное истолкованіе, и если найдете что-нибудь необъясненнымъ, запишите. Какому цензору предполагаете отдать Фритіофа! Изберите такого, который не былъ бы слишкомъ взыскателенъ за помарки. Если найдете случай, спросите мимоходомъ графа Ребиндера (изъ предосторожности): точно ли русская книга, напечатанная въ Финляндіи, можетъ безпрепятственно быть продаваема въ Россіи. Впрочемъ, какъ можетъ это быть подвержено сомнѣнію, когда даже иностранныя книги, буде онѣ не запрещены, впускаются въ Россію?

5.

(Плетневъ — Гроту) ***Спб., среда, 8 янв., 1841.***

Журналъ. Суббота (4 января). Послѣ обѣда у Павла Максимовича мы начали по маленьку собираться всѣ на вечеръ въ патріотическій институтъ, гдѣ назначенъ былъ для тамошнихъ воспитанницъ маскарадъ. Это единственный день въ году, въ который позволяютъ имъ нарядиться въ собственныя платья, надѣть браслеты, броши, цѣпочки и прочія женскія украшенія. Не надѣвая масокъ, онѣ имѣютъ право выдумывать себѣ костюмы. Въ 8 час. мы уже были тамъ. Александра Осиповна съ Олей еще прежде насъ пріѣхали туда же. Сначала танцовали однѣ воспитанницы разные характерные танцы. Потомъ съ ними стали мѣшаться и гости. Но мужчины не танцуютъ. Въ числѣ дамъ, прибывшихъ на вечеръ, я увидѣлъ графиню Ребиндеръ, къ которой и подошелъ. Она обошлась со мной, какъ съ знакомымъ, и ска-

зала мнѣ, что ни одного года не пропускаетъ, чтобы не присутствовать здѣсь, потому что у нея всегда здѣсь есть знакомыя финляндки, которыхъ она протежируетъ.

Воскресенье (5 января). Рано явился ко мнѣ Ѳ. Ѳ. Корфъ. Я чувствовалъ себя не очень здоровымъ. Мы съ нимъ пошли прогуляться. Дошли до Модеста Андреевича. Послѣднiй, на вопросъ мой, каковъ былъ у Канкрина балъ, прочиталъ мнѣ объ этомъ листокъ изъ ежедневныхъ своихъ записокъ. Онъ изобразилъ Канкрина въ видѣ мѣщанина въ дворянствѣ, вѣрно, справедливо, но каррикатурно и зло. У Модеста Андреевича съ Панинымъ [1]) бываютъ въ совѣтѣ отчаянныя схватки. Кажется, Панинъ не умѣетъ держаться, какъ слѣдуетъ министру. Онъ еще молодъ и неопытенъ. Вечеромъ Александра Осиповна читала для меня въ рукописи новую повѣсть Квитки — *Ѳенюша.* Это очень трогательно.

Понедѣльникъ (6 января). Я попробовалъ рано встать. Но что же? Утромъ, пока я брился, никого не было. А лишь только хотѣлъ приняться за дѣло, одинъ за другимъ начали приходить — и дѣло пошло къ чорту. Вижу, что за полночь только и можно сдѣлать что-нибудь Между прочими сошлись Арсеньевъ и Павелъ Максимовичъ. Арсеньевъ, правду сказать, всегда интересенъ. Онъ полонъ фактовъ. Его разсказъ объ оброчныхъ государственныхъ статьяхъ удивителенъ. Вообразите. Сперанскій выпросилъ у императора Александра одну оброчную статью, дававшую казнѣ 1.000 руб. доходу. Это имѣнiе приносило ему 40.000 рублей. Итакъ, еслибы Киселевъ былъ знатокъ дѣла, онъ могъ для государства, вмѣсто 3.000.000 руб. съ оброчныхъ статей сдѣлать доходу 120.000.000 рублей.

Вторникъ (7 января). Дочиталъ Капитанскую дочку съ Великой Княжной Ольгой Николаевной. Она все больна, кашляетъ ужасно. Отъ нея поѣхалъ я къ принцессѣ Ольденбургской, у которой въ субботу Оля была утромъ въ гостяхъ. Принцъ показывалъ мнѣ свои улучшенiя въ домѣ. Послѣ я поѣхалъ къ В. А. Муравьевой, которая мнѣ показала простую женщину, сочиняющую стихи безъ всякихъ правилъ.

6.

(Гротъ — Плетневу) ***Гфорсъ, четв., 9 (21) янв., 1841.***

Въ воскресенье, возвратясь въ 6 часу изъ Борго, нашелъ я у себя ваше маленькое, но живописное письмо. Аккуратность, съ которою вы, добрый Петръ Александровичъ, пишете мнѣ, часто трогаетъ меня, и каждое письмо ваше для меня небесная манна. При всемъ томъ я уже нѣсколько разъ сбирался, но забывалъ просить васъ, чтобы вы,

[1]) Гр. Викторомъ Никитичемъ, министромъ юстицiи.

на перекоръ своей чувствительной душѣ и совѣсти, освобождали себя отъ писанія ко мнѣ, когда что бы ни было затрудняетъ васъ въ этомъ. Иначе будетъ бремя на моей совѣсти, а вѣдь и она не желѣзная.

Отвѣтъ. Вѣроятно, Валленъ уже явился къ вамъ съ Фритіофомъ и письмомъ отъ меня. Вы не желаете, чтобы я забуянилъ при вашемъ пріѣздѣ сюда; буду стараться не испугать васъ, но право не ручаюсь, чтобы радость моя и тогда не выразилась чѣмъ нибудь подобнымъ. Ужели лучше связать ей крылья, нежели дать волю, хотя бы она въ послѣднемъ случаѣ и спугнула въ васъ свою чинную сестрицу?

Пляшутъ у насъ не такъ много, какъ вы думаете, да и на пляскахъ всегда есть нѣсколько праздныхъ людей; но ужились ли бы вы здѣсь при недостаткѣ разнообразія въ обществѣ, это и для меня дѣло сомнительное. Не всегда же будутъ цвѣсть Марія и Матильда, чтобы собой прикрывать безцвѣтность всего остальнаго. Сравненіе ихъ съ солнцемъ и луною справедливо, собственно, въ отношеніи ко мнѣ, — справедливѣе, нежели я самъ думалъ, когда писалъ это. Въ отношеніи къ вамъ моя планетная система можетъ не годиться: отъ васъ зависитъ переворотить ее, но мнѣ вы предоставьте также свободу вѣрить въ ея безошибочность. Юлклапы съ стихами я выбралъ потому, что они оригинальнѣе, да, я думаю — и пріятнѣе. За „Утреннюю Зарю“ я вамъ крайне благодаренъ, но вамъ не нужно было присылать мнѣ ее въ полное владѣніе, а могли бы на время сообщить свой экземпляръ, когда бы онъ завалялся у васъ. Въ такую книгу заглянешь разъ-два, можетъ быть, и прочтешь въ ней что-нибудь, но всего читать невозможно: я принимался и за Кукольника, и за Гребенку, и за Одоевскаго — не могу! Урсина я вижу очень рѣдко, хожу къ нему только по надобности, потому что, хоть онъ очень милъ, учтивъ и уменъ, но какъ-то съ нимъ не о чемъ говорить.

Журналъ. Прощаніемъ съ Валленомъ окончилъ я въ Борго пятницу, которую опять почти всю провелъ у Рунеберга. Вотъ нѣсколько строкъ изъ дневника, тамъ веденнаго мною: „Онъ (Рунебергъ) дѣлитъ отъ сердца со своимъ гостемъ все, что у него есть, но ни себя, ни его не затрудняетъ вынужденнымъ изобиліемъ. Оттого я не совѣщусь вовсе обѣдать и ужинать у него ежедневно. Единственная роскошь, какую онъ позволяетъ себѣ, есть пуншъ и вино, которыми онъ всегда потчуетъ и за столомъ и не за столомъ...

Не одно наблюденіе его въ домашнемъ быту, но и самые разговоры его поучительны. Кажется, нѣтъ предмета, о которомъ бы онъ не думалъ; стоитъ слегка только чего-нибудь коснуться, Рунебергъ тотчасъ ухватится за предметъ и почти всегда разовьетъ какую-нибудь новую разительную мысль, заставитъ взглянуть на предметъ съ совершенно новой точки зрѣнія. Какъ умно сравнивалъ онъ сегодня аристократію и среднее сословіе, — первую съ кораблемъ, гордо плыву-

щимъ на парусахъ, но безсильнымъ противъ прихотей погоды, а другое — съ пароходомъ, который съ виду ничего не обѣщаетъ, но изнутри развиваетъ неодолимую силу".

О чемъ-то мы не переговорили съ нимъ въ эту недѣлю! Часто болтали часовъ по пяти сряду, и разговоръ не томился. Вотъ что значитъ, когда съ обѣихъ сторонъ равное участіе къ общимъ предметамъ, равная откровенность и равное желаніе поддержать разговоръ. Особенно почтененъ для меня Рунебергъ тѣмъ, что я не могу никакъ отыскать въ немъ и малѣйшей тѣни суетности.

„Съ участьемъ ты объемлешь все земное,
„Но въ мысль твою не входитъ суета!"

сказано о немъ очень справедливо.

Въ пятницу я перевелъ одно стихотвореніе изъ Уланда и началъ свое, гуляя вечеромъ, подъ названіемъ: „Борго" [1]); я хотѣлъ было уже послать его къ вамъ для прочтенія — съ нынѣшней почтой, но хочу прибавить нѣсколько стиховъ; а ихъ уже болѣе 100.

Это пребываніе въ Борго навсегда останется пріятнымъ воспоминаніемъ въ моей финляндской обновленной жизни. Въ воскресенье утромъ былъ я съ Эманомъ въ церкви и обѣщалъ ему написать небольшую статью съ краткимъ исчисленіемъ существенныхъ достоинствъ извѣстнѣйшихъ и лучшихъ изъ новыхъ русскихъ литераторовъ. Это сдѣлаю я съ Кёнигомъ въ рукахъ. Позавтракавъ у Рунеберга, мы поѣхали, — онъ съ женой въ кибиткѣ, а я въ крестьянскихъ длинныхъ и легкихъ саняхъ. Былъ славный день, единственный, какого долго не было прежде, да и послѣ не было еще. По дорогѣ ничего особеннаго не случилось, кромѣ развѣ того, что одинъ изъ извозчиковъ, когда Рунебергъ захотѣлъ самъ править, закапризился. Поэтъ нашъ, у котораго природа легко воспламенимая, столкнулъ упрямца съ козелъ и, стоя, сталъ править, но тотъ все еще не выпускалъ вожжей изъ рукъ. Тогда Рунебергъ въ пылу кликнулъ мнѣ, ѣхавшему впереди, чтобы я былъ свидѣтелемъ дерзости ямщика; тотъ, струхнувъ, бросилъ вожжи и въ безмолвіи остался одинъ середи дороги. Счастливый ему путь, а отъ станціи уже проѣхали верстъ 7! Въ Гельсингфорсъ прибыли мы въ 6-мъ часу, и у заставы простились.

Вчера, въ среду поутру, ходилъ я, чтобы позвать къ себѣ обѣдать сегодня Рунеберга, *Тенгстрема* [2]), Кастрена и Цигнеуса. Рунебергъ такой лѣнтяй (онъ и бережется послѣ болѣзни), что иначе не заманишь его, какъ зовомъ. Притомъ онъ столько разъ и такъ радушно меня угощалъ, что мнѣ особенно хотѣлось хоть однажды угостить и его.

[1]) Это стихотвореніе было напечатано въ Современникѣ 1841, т. XXII, стр. 176.

[2]) Іогана Якова, профессора философіи въ Алекс. унив. († 1858), свояка Рунеберга, см. о немъ стр. 167.

Послѣ обѣда я не ждалъ никого, какъ въ 6 ч. пришелъ Акіандеръ; послѣ чаю я объявилъ ему, что пойду къ Армфельту, но между тѣмъ нагрянулъ и Рейнъ. И ихъ я позвалъ на сегодня обѣдать. Читалъ я имъ письмо В. К. Маріи Николаевны въ переводѣ; они, особливо Рейнъ, были восхищены. Въ 7½ час. я отправился къ графу. У Армфельта засталъ я много гостей, между прочимъ и Гартмана съ дочерьми. Онѣ, даже лавроносица [1]), которой Матильда, по моей просьбѣ, представила меня, не сдѣлали на меня никакого впечатлѣнія ни наружностію, ни обращеніемъ или разговоромъ. Матильда, какъ всегда, была чрезвычайно мила и даже предложила мнѣ рѣшить картами, есть-ли между нами, т. е. ею и мной, симпатія. Вышло, что есть и, не смотря на то, — о неблагодарность! — я холоденъ, какъ ледъ; но чтожъ дѣлать: лунѣ не суждено согрѣвать; моя планетная система оправдывается. Съ благодарностью за присланные мнѣ №№ журналовъ Внутреннихъ Дѣлъ и Ученыхъ Записокъ, я долженъ просить васъ, любезный Петръ Александровичъ, прекратить ихъ присылку, потому что мнѣ не время читать много. Если вы ужъ такъ добры, что хотите по временамъ присылать мнѣ что-нибудь, то доставляйте вещи, которыя бы мнѣ помогли основательно приготовиться къ исполненію должности профессора. Я долженъ прочесть все, что только есть порядочнаго въ русской литературѣ,—все, относящееся до быта, нравовъ, народной поэзіи, исторіи русскихъ и т. п., а у меня по этимъ предметамъ нѣтъ никакихъ источниковъ. Иное я могу доставать и въ здѣшней библіотекѣ, но я еще не успѣлъ хорошенько освѣдомиться по этому предмету. Чтеніе же журналовъ и газетъ представляется мнѣ такимъ ничтожнымъ, что я намѣренъ довольствоваться только бѣглымъ въ нихъ заглядываніемъ, чтобы не совсѣмъ отстать отъ хода нашей современной литературы. Вчера я былъ въ типографіи; буквы уже отлиты, но еще не доставлены; онѣ будутъ стоить 1.270 руб. Я боюсь, чтобы типографія не посягнула выместить это на мнѣ. За то они мнѣ обѣщали напечатать Фритіофа какъ можно изящнѣе, чтобы можно было похвастать имъ и привлечь другихъ русскихъ литераторовъ къ печатанію здѣсь своихъ трудовъ. Скажите Одоевскому и Сологубу, что ихъ статьи отданы въ переводъ — одна Цигнеусу, другая Акіандеру (я ввелъ его въ секретъ). Самъ перевожу стихи Францѣна.

7.

(Плетневъ — Гроту) ***Спб., пятница, 10 января, 1841.***

Отвѣтъ на письмо изъ Борго отъ 2 января. По всему, что вы разсказываете мнѣ о Рунебергѣ, видно, что онъ въ высшей степени ода-

[1]) Розина, о которой выше, см. стр. 124.

ренъ эстетическимъ чувствомъ и, кажется, болѣе, нежели всѣ факультеты Александровскаго университета. Кастренъ не хвалилъ францеповыхъ стиховъ, вѣроятно, потому, что они безъ риѳмъ и, можетъ быть, такъ просты, какъ Пушкина послѣднее стихотвореніе, написанное въ деревнѣ: „Опять“ и проч. Успѣли ли вы перевести Рунебергу все письмо изъ Мюнхена? Онъ даже и здѣсь умѣлъ проникнуть въ эту оригинальность скороговорки и отличить отъ холоднаго сочиненія. Но ничто меня такъ не поразило, какъ точность въ его отзывѣ о романѣ Булгарина, этого олицетвореннаго Выжигина, этого оскототвореннаго Чайльдъ-Гарольда. Всѣ мы давно чувствовали, что семейство Выжигиныхъ (т. е. отецъ Ѳаддей и его дѣти) — дрянь. Но никто не умѣлъ изъ насъ въ короткихъ словахъ опредѣлить со всею истиною, чего недостаетъ Булгарину. Рунебергъ это выразилъ такъ легко и ясно, какъ-будто сдѣлалъ изъ ариѳметики задачу на сложеніе. Надобно непремѣнно потомству передать эти слова съ именемъ произнесшаго ихъ. Когда при случаѣ вы станете говорить о русскихъ писателяхъ и вамъ придется нужда произнести имя Булгарина, то не забудьте въ выноскѣ поставить отзывъ о немъ Рунеберга. Я при удобномъ случаѣ то же сдѣлаю здѣсь — и такъ эти златыя словеса не прейдутъ мимо вѣка сего. Вы восхищаетесь заочно Софіей Михайловной; а я, въ трехъ шагахъ отъ нея живущій, не видалъ ее уже болѣе недѣли. Я замѣчаю, что нѣкоторыя предположенія мои и даже шутки вамъ не по сердцу. Это все не надобно принимать за серіозное. Поздравьте отъ меня Рунеберга съ воплощенною *Надеждой*. Что это за поэма? Ужъ не въ родѣ ли (избави Богъ!) Делилевыхъ [1]? Я не ожидаю ни описательной, ни дидактической; да и не люблю ихъ. Дайте же мнѣ объ этомъ предметѣ понятіе. По статьѣ у Вассеніуса противъ васъ я чувствую, что записные литераторы вездѣ одинаковы. Если это ерошится Готлундъ, то хорошъ онъ гусь! Сочиненіе „о финляндской войнѣ“ существуетъ только въ публикаціи, а не въ натурѣ: такъ обыкновенно *геніи*, подобные автору сей книги, изобрѣтаютъ способы вытягивать изъ провинцій деньги, чтобы не издерживать наличныхъ денегъ на изданія (особенно, когда собственные доходы не свыше 150 тыс. руб.!). По выходѣ ея непремѣнно пришлю. А нынѣ покамѣстъ примите обѣщанное *Сказаніе о родѣ князей Долгоруковыхъ*. Увѣренъ, что не только вы, но и дамы ваши будутъ это читать съ удовольствіемъ. Не считаю нужнымъ спрашивать у Ребиндера о правѣ продавать въ Россіи книгу, напечатанную въ Гельсингфорсѣ. Главное — цензоръ здѣшній. Уланда и я очень люблю. Послѣ Шиллера, изъ новѣйшихъ нѣмцевъ, это лучшій поэтъ.

[1]) *Делиль* — извѣстный французскій стихотворецъ (Jacques Delille) XVIII в., членъ французской академіи, обладавшій описательнымъ талантомъ и стихотворнымъ искусствомъ, но лишенный истиннаго поэтическаго дара (ум. 1815 г.).

Отвѣтъ на записку, вложенную во Фритіофа. Для печати и для цензора переписано слишкомъ даже хорошо. До 11-го письма еще не дошли. Замѣтки будутъ сдѣланы по желанію, если о чемъ нужно покажется переговорить Цензора еще не выбралъ. Да они всѣ хороши, чтобы читать такую благочестивую поэму!

Журналъ. Среда (8 января). Послѣ обѣда я сбирался ѣхать къ Оли, какъ вдругъ нагрянули ко мнѣ финляндцы наши: Валленъ, Урсинъ и Моландеръ. Вотъ я и ну съ ними толковать. Они передали мнѣ письмо и Фритіофа. Я обѣщалъ имъ дать рекомендательныя письма къ Шевыреву и Погодину. По уходѣ ихъ, я пустился на островъ, даже не распечатавъ вашихъ пакетовъ, а только забравъ ихъ съ собой. Мы начали чтеніе вашей рукописи и прочли болѣе половины писемъ. Пока все идетъ интересно и не нужно было ничего отмѣчать. Въ 10 часовъ я отправился къ Балабинымъ. Тамъ нашелъ Фишера[1] (меншиковскаго), который у Ребиндера тоже обѣдалъ. Въ немъ я замѣтилъ много предубѣжденія противъ финляндцевъ. Онъ удивлялся, какъ я могъ въ короткое время познакомиться такъ тѣсно со многими изъ жителей Гельсингфорса. „Они-де насъ, русскихъ, не жалуютъ". Еще онъ шутилъ надъ Чепурновымъ и хвалилъ его. „Это-де человѣкъ примиритель, къ чему много способствуетъ то, что онъ женатъ на шведкѣ". Вотъ ужъ ни душой, ни тѣломъ не виновата! Такъ-то обо всемъ за глазами судятъ, не знавши дѣла по *квелленамъ* (любимая шутка Никитенки!).

Въ *четвергъ (9 января)* изъ гостей прибылъ Протопоповъ. Я до него заготовилъ рекомендательныя письма, которыя намѣренъ былъ самъ доставить Валлену. Но какъ выѣзжать мнѣ было невозможно, то я и разсказалъ Протопопову, гдѣ найти завтра Валлена, чтобы ему вручить мои письма. Я писалъ о всѣхъ троихъ. Они въ субботу (11 января) поѣдутъ непремѣнно въ дилижансѣ, который наняли собственно для себя. Передайте это немедленно Урсиновымъ и Валленовымъ. Съ Протоповымъ мы еще перечитали ваши послѣднія письма и многое изъ новаго Современника еще не переплетеннаго.

Въ *пятницу (10 января)* пріѣхалъ ко мнѣ съ визитомъ Клинковстремъ. Я былъ ему очень радъ. Между прочимъ онъ защищаетъ Нервандера, говоря, что онъ правъ, совѣтуя не вносить въ Финляндію дрязговъ русскихъ, т. е. споровъ о той литературѣ, которой никто у нихъ не знаетъ. О маркизѣ не имѣю еще извѣстія, кромѣ того, что онъ здѣсь и что дочь не очень здорова съ дороги.

[1]) Константина Ивановича, чиновника особыхъ порученій при начальникѣ главнаго морского штаба (князѣ А. С. Меншиковѣ) и директора департамента желѣзныхъ дорогъ, впослѣдствіи сенатора.

8.

(Плетневъ — Гроту) *Спб., 15 января, 1841.*

Отвѣтъ на письмо отъ 9-го. — 12 янв. (воскресенье). Не думайте, что я принуждаю себя, такъ исправно поддерживая свою корреспонденцію. Это, какъ и вамъ, доставляетъ мнѣ истинное удовольствіе, котораго я не понималъ прежде. Не могу въ точности опредѣлить, когда пріѣхалъ маркизъ. У меня онъ былъ въ субботу. Если бы лѣтомъ опять отпустили меня къ вамъ, я уже и на то согласился бы, чтобъ вы забуянили. Недостатокъ разнообразія въ обществѣ не испугалъ бы меня. Но мнѣ нужно существенное: вы и два-три свѣтскихъ образованныхъ дома. Насчетъ справедливости вашей въ опредѣленіи солнечной системы уступаю. Утренней Зарей я хотѣлъ вамъ дать случай занять вечеръ гельсингфорскихъ красавицъ. Вѣдь онѣ охотницы до картинокъ. Вотъ вы и ихъ повеселили. Теперь положите книжку на полку. Авось иногда вздумаете туда взглянуть. Объ Урсинѣ согласенъ, равно и о всемъ ученомъ мірѣ, безъ отношенія ко свѣту живущемъ. Они похожи на меня: когда былъ я мальчикомъ, то думалъ, что въ мірѣ нѣтъ труднѣе и выше сочиненія, какъ диссертація, а что повѣсть или драматическое сочиненіе самое легкое. Такъ они думаютъ о себѣ и о свѣтскихъ людяхъ. Вашъ дневникъ въ Борго, и жизнь ваша тамъ, и характеристика Рунеберга, и поѣздка съ нимъ, и пребываніе въ Гельсингфорсѣ все прелесть! Восхищаюсь при мысли, что вы займетесь для Эмана характеристикою писателей русскихъ, только не во всемъ слѣпо вѣрьте Кёнигу. Этотъ москвичъ [1]) высоко думаетъ о своемъ приходѣ. Въ случаѣ, если по совѣсти вы не будете въ чемъ увѣрены, предлагайте вопросы мнѣ. Я довольно наторѣлъ въ этомъ.

Странно, что Гартмановы на меня также дѣйствовали. У нихъ нѣтъ ни живости, ни дѣтства, которое дѣвушкѣ всегда придаетъ грацію. Можетъ быть, онѣ выѣзжаютъ рѣдко въ свѣтъ, и потому такъ въ немъ выглядятъ, какъ чужія. Что же вамъ нужно для русской исторіи? Послѣдуйте моему совѣту: я съ помощію почти только Карамзина составилъ передъ своимъ профессорствомъ всѣ тѣ записки, которыя вы читали и изъ которыхъ многое даже выписали. Надо умѣть только за дѣло взяться: ведите разысканіе по каждой статьѣ отдѣльно черезъ всѣ томы: 1) о законахъ, 2) о правленіи, 3) о торговлѣ, 4) о внѣшнихъ сношеніяхъ и т. д. Всего болѣе старайтесь выяснить, отчего сѣверъ прежде сближенный (Варяги, Новгородъ, Ганза и проч.) мало-по-малу расклеился и одичалъ? Тутъ великій можете сдѣлать выводъ, что для блага сѣвера нужно ему опять сцѣпленіе. Есть ли у васъ книга митрополита Евгенія: О духовныхъ писателяхъ? Ежели нѣтъ, то вышлю.

[1]) Т. е. Н. А. Мельгуновъ, устный источникъ книги Кенига, срв. стр. 50.

Она очень полезна. Это словарь. Въ немъ много и пустяковъ и вракъ, но нигдѣ зато нѣтъ такихъ и подробностей о старинѣ нашей.

Суббота. Я лежалъ въ шлафрокѣ, когда вошелъ ко мнѣ маркизъ. Онъ довольно долго говорилъ со мной, какъ, наконецъ, признался, что въ саняхъ оставилъ сына. Мы за нимъ отправили Григорья. Я угощалъ маркиза стихами: „Перо" и „На отъѣздъ его дочери". Онъ восхищался всѣмъ. Разсказалъ мнѣ, что вчера были они въ театрѣ, а послѣ у Ребиндера, гдѣ Магіе танцовала. Они ужъ перебывали у Пушкиной, Шаховской, а завтра къ Одоевской. Въ его разговорахъ я чувствовалъ много легковѣснаго и какъ-бы сказать офицерскаго. Прощаясь, онъ нагнулся надъ непереплетенными листками Современника, какъ-бы снова прочитывая стихи. Я понялъ, что ему хотѣлось ихъ свезти къ Магіе и пожертвовалъ ей экземпляромъ, пославъ тѣ листы, гдѣ эти стихи. Путята прислалъ мнѣ записку, что вы уже произведены въ „полковники" [1]), съ чѣмъ и имѣю честь поздравить ваше высокородіе.

Вторникъ (14 января) .Отъ переплетчика принесли нѣсколько экземпляровъ Современника. Я съ нимъ пустился къ В. К. Ольгѣ Николаевнѣ. Разсказалъ ей множество подробностей объ юлклапѣ (между прочимъ объ оленьей шубѣ, дважды выворачиваемой) и прочиталъ „Перо" и „Къ маркизѣ". Стихи ей очень понравилось. Въ часъ у попечителя собраны были всѣ издатели журналовъ: съ нихъ взяли подписку, что они добросовѣстно будутъ содѣйствовать видамъ цензуры. Все это вышло изъ-за Сенковскаго, который напечаталъ, что по программѣ С.-Петербургскаго дворянскаго собранія, цѣль его состоитъ въ *совокупленіи* обоихъ половъ. Послѣ обѣда опять у Оли. Мы съ Александрой Осиповной продолжали Фритіофа и дошли до 12 пѣсни. Стихи вездѣ очень хороши, такъ что я вотще грызъ карандашъ для веденія отмѣтокъ. Я желалъ бы только видѣть подъ каждымъ письмомъ коротенькое заглавіе для удобства въ справкахъ. Это бы можно и въ оглавленіи поставить. Но общій эффектъ — чудо хорошъ!

9.

(Гротъ — Плетневу) ***Гфорсъ, среда, 15 января, 1841.***

Остается часъ до нашего обѣда (въ 2 ч.), и я хочу сегодня употребить его на лучшее и отраднѣйшее для меня занятіе.

Отвѣтъ. Ваше нездоровье происходитъ, безъ всякаго сомнѣнія, отъ ночныхъ вашихъ бдѣній. Не вѣрю я, чтобы вы не могли, при твердой волѣ, воспользоваться частію дня для своихъ занятій, не захватывая такъ много изъ законнаго владѣнія ночи. Зачѣмъ вы велите пускать къ себѣ людей во всякое время? Когда есть дѣло, при-

[1]) Т. е. въ коллежскіе совѣтники.

кажите всѣмъ празднoшатающимся отказывать; ограничьте немного свои выходы и выѣзды, и вы выиграете много часовъ. Право, ваше упорство начинаетъ меня безпокоить. Такой образъ жизни, какъ вашъ, можетъ разстроить и гранитное здоровье: gutta cavat lapidem.

Повѣсть „Фенюша“ для Современника? Если такъ, то Квитка благородно отступаетъ отъ своей угрозы: „Ура, Основьяненко“! или это еще старое? Что это за простая поэтка, которую вамъ показывалъ Муравьева? Если стоитъ, распространитесь о ней. Радъ я, что вы справедливо цѣните Рунеберга; чѣмъ больше бываешь съ нимъ, тѣмъ больше убѣждаешься въ глубокости его натуры. Я еще сегодня (за полчаса) говорилъ Рунебергу, какъ вамъ понравился отзывъ его о Выжигинѣ, и объявилъ о намѣреніи тиснуть его при случаѣ. „Ну, сказалъ онъ шутя, теперь-то Булгаринъ нападетъ на меня“. Какъ вы можете подозрѣвать въ Рунебергѣ что-нибудь Делилевское? Охотно помогу вашей памяти въ отношеніи къ „Надеждѣ“. Это имя героини (Nadeschda) поэмы [1]), прелестнѣйшей крѣпостной дѣвушки. Дѣйствіе около Москвы въ царствованіе Екатерины. Надежда становится предметомъ распри двухъ молодыхъ князей, изъ которыхъ одинъ тайно женится на ней. За это его очерняютъ въ глазахъ Государыни, но при одномъ торжественномъ случаѣ ей является сама Надежда, и супруги находятъ предъ нею милость. Какъ Екатерина, такъ и Потемкинъ выходятъ на сцену, и, сколько я могъ замѣтить при бѣгломъ слушаніи поэмы, очерчены вѣрно. Всего 9 пѣсенъ; каждая написана особымъ размѣромъ, всѣ бѣлыми стихами. Рунебергъ находитъ, что въ большихъ поэтическихъ трудахъ риѳма совершенно излишня въ тѣхъ языкахъ, гдѣ самый размѣръ довольно рѣзко опредѣляетъ стихи, такъ что безъ риѳмъ можно придать имъ еще болѣе метрическаго разнообразія. Впрочемъ, и между мелкими его сочиненіями много бѣлыхъ стиховъ. *Сказаніе о Долгорукихъ* получу, вѣроятно, въ пятницу. Заранѣе благодарю сердечно! Хорошо бы, еслибы при чтеніи Фритіофа вы послѣ каждой пѣсни отмѣчали въ двухъ словахъ, какое она впечатлѣніе на васъ произвела, это для меня было бы очень и полезно, и любопытно.

Фишеръ хвалитъ Чепурнова [2]), а тотъ, напротивъ, ругаетъ своего доброжелателя на чемъ свѣтъ стоитъ. Вотъ взаимность, которой примѣры встрѣчаются нерѣдко. Отчего Современникъ такъ запоздалъ? Вы обѣщали его публично именно къ 1-му января! Что съ вами дѣлать?

Въ 1/2 6 час. Идея Клинковстрема, можетъ быть, справедлива, но

[1]) См. о ней въ ст. Якова Карловича: „Надежда, поэма Рунеберга“, Современникъ 1841 г., XXIV.

[2]) См. письмо отъ 10 января, стр. 202.

она нисколько не оправдываетъ Нервандера. Его статья есть именно примѣръ и даже образецъ ожесточенной полемики въ защиту предмета, котораго пишущій вовсе не знаетъ.

Журналъ. Въ четвергъ всѣ позванные къ обѣду явились, кромѣ Цигнеуса, котораго флюсъ удержалъ дома. Около 3-хъ часовъ пошли мы въ залу, гдѣ былъ среди комнаты накрытъ большой круглый столъ, а у стѣнки другой маленькій съ водкой и соленостями. На первомъ столѣ была канна портвейна, разрѣшенная въ 3 бутылки, и двѣ рейнвейну, ради Рунеберга, не смѣющаго пить крѣпкихъ винъ. Возлѣ меня сидѣли Тенгстремъ и Акіандеръ, далѣе Рейнъ, Рунебергъ и Кастренъ (три сряду съ очками, какъ я замѣтилъ, когда сѣли); много подливалось вина и пились безпрестанно *сколи*, отчего живость разговора и смѣхъ не прерывались. Передъ 5-мъ и послѣднимъ блюдомъ камерьера внесла двѣ бутылки шампанскаго, приготовленныя для достойнаго чествованія столь дорогихъ и особливо одного дорогого гостя. (Это было нѣсколько дней послѣ полученія жалованья,— эпоха, въ которую, по замѣчанію стариковъ, человѣкъ бываетъ необыкновенно щедръ). Шампанскимъ пилъ я здоровье сперва Рунеберга со словами: „Пью твое здоровье, Рунебергъ. Живи много лѣтъ для тройной славы, соединенной съ твоею жизнію: славы Финляндіи, шведской литературы и твоей собственной“. Послѣ пилъ я поочереди здоровье Тенгстрема, Рейна, Акіандера и Кастрена. Для каждаго было у меня въ умѣ много замысловатыхъ привѣтствій, но я ихъ проглотилъ вмѣстѣ съ шампанскимъ, потому что какъ-то боялся осрамиться. Потомъ пили мы здоровье Цигнеуса, какъ заочно принадлежавшаго къ нашему кружку, и Плетнева съ словами: „Теперь выпьемъ здоровье человѣка, который, хотя его здѣсь нѣтъ, принимаетъ живѣйшее участіе во всѣхъ нашихъ радостяхъ и печаляхъ“. Наконецъ, придравшись къ заглавію Надежды, какъ имени нарицательному, я предложилъ тостъ за поэму, съ тѣмъ, чтобы въ то же время всякій взялъ имя ея лозунгомъ для всѣхъ своихъ предпріятій. Рунебергъ отвѣчалъ желаніемъ, чтобы Frithiof на ней посватался: *fria*—значитъ *сватать.* Послѣ обѣда было опять очень живо; вошли ко мнѣ, пили кофе, курили и болтали; я прочелъ вслухъ письмо Великой Княгини Маріи Николаевны, которое на всѣхъ производитъ одно и то же дѣйствіе и всѣхъ наполняетъ благоговѣніемъ къ нашему Двору. Еще показывалъ я нѣкоторые силуэты, въ томъ числѣ и вашъ; его всѣ нашли сходнымъ; я его и прежде уже показывалъ кой-кому, въ томъ числѣ и маркизѣ Маріи. Слѣдующій день прошелъ очень спокойно. Вечеромъ навѣстилъ я ненадолго Рунеберга.

Въ субботу былъ я званъ на балъ къ пѣвцу Бельмана, Бонсдорфу, къ которому осенью ходилъ съ Кастреномъ на дачу, но не заставалъ дома. Я отправился прежде къ Кастрену, живущему въ его домѣ. У Бонсдорфа была вся знать; квартира не мала, но комнаты тѣсноваты.

Пробывъ тамъ съ часъ, пошли мы съ Кастреномъ къ Цигнеусу, зазвавшему Рунеберга и другихъ; здѣсь была тоска, потому что не было связи между присутствующими. Попивъ пуншу, я опять пошелъ на балъ и плясалъ.

Въ субботу же получилъ я письма отъ васъ, А. О. и Протопопова. Буде его увидите, скажите, что еще не успѣлъ отвѣчать, потому что его письмо требуетъ обстоятельнаго отвѣта. Меня радуетъ, что онъ теперь вполнѣ васъ понимаетъ и пишетъ: „Въ глазахъ моихъ интересенъ не дѣйствительный статскій совѣтникъ, профессоръ и ректоръ, а Петръ Александровичъ. Его тихій, плавный разговоръ, его взглядъ на вещи, его аналитическій разборъ всѣхъ дѣлъ мірскихъ — вотъ что меня привлекаетъ“. А прежде еще: „я люблю Плетнева; кромѣ всего прочаго, и то уже ручается за него, что онъ съ вами такъ искренно, такъ необыкновенно друженъ. Но, признаюсь, посѣщенія его по четвергамъ не сблизятъ меня съ нимъ; тутъ не удается сказать ему и десяти словъ; то ли дѣло я помню бесѣду съ нимъ наединѣ. Я никогда не забуду трехъ вечеровъ, проведенныхъ мной у него съ вами“. Все это на 100 миль приблизило бы ко мнѣ Протопопова, еслибъ онъ и такъ уже не былъ мнѣ очень, очень близокъ. Какъ жаль, что и его жизнь, какъ бывало моя, такъ мало соотвѣтствуетъ его душевнымъ потребностямъ; но еще болѣе жаль, что у него, какъ кажется, нѣтъ опредѣленнаго направленія, нѣтъ цѣли, которая бы всего его влекла къ себѣ. Оттого онъ впадаетъ въ горестныя сомнѣнія. Примите въ немъ участіе, котораго онъ достоинъ.

Въ понедѣльникъ, послѣ обѣда, Рунебергъ, къ которому я пошелъ, поѣхалъ вмѣстѣ со мной въ типографію, гдѣ и я буду печатать; тамъ онъ оставилъ начало своего манускрипта. Послѣ заѣхалъ онъ ко мнѣ, я прочелъ ему стихи, написанные въ Борго, которые посылаю вамъ, прося откровеннаго отзыва. Я хотѣлъ, какъ говорилъ вамъ, сдѣлать въ нихъ прибавку, но не нашелъ къ тому расположенія.

Стихи возвратите, по прочтеніи ихъ.

10.

(Плетневъ — Гроту) ***Спб., пятн., 17 января, 1841.***

Журналъ. Среда (15 января). Я спокойно сидѣлъ дома. Вдругъ ѣздовой отъ В. К. Елены Павловны, что дескать въ 2 часа Великая Княгиня проситъ васъ къ себѣ. Она мнѣ объявила, что какъ дочери нынѣшній годъ по-русски будутъ учиться русской исторіи сверхъ закона Божія и какъ много у нихъ прибавилось противъ прежняго новыхъ предметовъ, то она и полагаетъ, что со мной русскую литературу лучше будетъ начать въ слѣдующемъ году, когда кончатся уроки ариѳметики и географіи. Я остался въ восхищеніи, что на годъ освобожденъ отъ уроковъ. Идучи мимо Софьи Михайловны, рѣшился

къ ней зайти невидавши ее двѣ недѣли. Сологубъ и графиня прибавили мнѣ, что Maгіе на балѣ Сухозанета [1]) произвела на всѣхъ самое благопріятное впечатлѣніе; что сегодня вечеромъ у нихъ будетъ музыка, и что Maгіе съ отцомъ, графиня Пушкина съ мужемъ, Клинковстремъ и множество другихъ къ нимъ съѣдутся: почему и требовали настоятельно, чтобы я тоже къ нимъ пришелъ. Не видѣвъ еще ни разу Maгіе, рѣшился я на это. Между тѣмъ, за отсутствіемъ Апполинаріи, мы съ Софіей прочитали только Сальери и Моцарта. Въ 6 часовъ я отправился къ Оли, а оттуда пустился къ Сологубу. Народу дамскаго и мужского много было, но желаемая не явилась. Въ этотъ вечеръ балъ былъ у Левашова [2])—и она вѣрно рѣшилась прямо туда ѣхать, хотя многія дамы уже отсюда пустились къ Левашову. Прежде музыки, извѣстный нѣмецкій декламаторъ Кизеветеръ (котораго я слыхалъ у Наслѣдника еще лѣтъ за семь) декламировилъ подъ аккорды піано сцены изъ Фауста. Потомъ начали квартетъ. Я сидѣлъ долго съ Клинковстремомъ и болталъ о разномъ. Пріятнѣйшимъ для меня извѣстіемъ было то, что Государь приказалъ Наслѣднику вступить въ управленіе дѣлами вашего университета. Послѣ ужина литераторы предположили читать свои письма, въ которыхъ содержится продолженіе разноцвѣтнаго романа. Я ускользнулъ домой прежде, нежели встали всѣ изъ-за ужина. Сологубъ утромъ читалъ мнѣ свою долю: его письмо живо и интересно. Онъ бросилъ абрисъ тона петербургскихъ модныхъ дамъ и литераторовъ вообще. Одоевскій втянулъ за собою къ Сологубу Краевскаго и Сахарова [3]), которые странно выглядѣли въ этой свѣтской толпѣ.

Четвергъ (16 января). Одоевская прислала мнѣ записку, которою проситъ завтра у нея обѣдать со всѣми гельсингфорскими. Непремѣнно поѣду. Но пора въ правленіе университета. На вечерѣ у меня были Панаевъ, Протопоповъ и другіе. Болтали все пустяки. Панаевъ все представлялъ Кукольника. По уходѣ ихъ я легъ только въ $^1/_2$ 3 часа. Однако, въ 5 проснулся. Во снѣ привидѣлось мнѣ, будто Наслѣдникъ гдѣ-то зашелъ въ мою комнату. Я уже предполагалъ сходить къ нему поздравить его съ новыми дѣлами. Сонъ подалъ мнѣ мысль ввести его нѣсколько въ идеи о краѣ. Я, не сходя съ постели, началъ для него записку, въ которой изложилъ ему различіе въ нравахъ, образованности и моральной силѣ жителей Финляндіи, раздѣливъ ихъ на шведовъ, финляндцевъ и финновъ, далѣе показалъ ему важность тамошняго университета и объ отношеніи къ нему каж-

[1]) Генерала отъ артиллеріи Ивана Онуфріевича Сухозанета, предсѣдателя совѣта и директора Императорской военной академіи.

[2]) Графа Василія Васильевича, предсѣдателя государственнаго совѣта и комитета министровъ, ум. 1848.

[3]) Ивана Петровича.

даго изъ показанныхъ племенъ. Послѣ изобразилъ, какъ распространеніе русскаго языка въ племени такъ называемыхъ финляндцевъ можетъ не только въ университетѣ, но и повсюду дѣйствовать на сближеніе Финляндіи съ Россіею. Наконецъ, изложилъ ему представленіе Соловьева съ хорошей стороны и объяснилъ права его на удержаніе всѣхъ окладовъ его, какъ можно извлечь изъ него пользу, присоединивъ его къ археографической комиссіи, передавъ всѣ мѣры распространенія русскаго языка въ университетѣ въ руки Грота. Даже указалъ, что по дѣламъ его нынѣшнихъ занятій онъ можетъ употреблять Путяту въ видѣ своего чиновника. Воткнувъ эту записку въ финляндскій адресъ-календарь, купленный мною съ вами въ Гельсингфорсѣ, я въ 9 часовъ отвезъ ему все это въ видѣ подарка. Онъ поблагодарилъ, принялъ это все, но не знаю, когда займется чтеніемъ, ибо шелъ тогда къ докладу у Его Величества. Между тѣмъ успѣлъ онъ сказать мнѣ:—„И я видѣлъ вашу гельсингфорскую красавицу".—„Вѣрно вы говорите о Магіе Траверсе?" спросилъ я.—„Да. Какъ ее зовутъ?" прибавилъ онъ.—„Очень пріятнымъ для васъ именемъ, отвѣчалъ я: Марья Александровна".—Онъ весело раскланялся со мной и пошелъ, отдавъ книгу и записку мою адъютанту своему Паткулю [1]). Я тому еще толковалъ, чтобы въ свободную минуту онъ непремѣнно прочелъ бумагу Наслѣднику. Великій Князь видѣлъ Магіе наканунѣ у графа Воронцова-Дашкова [2]) на балѣ. Кто знаетъ: можетъ она и сама подымется и отца вывезетъ. Ее всѣ замѣчаютъ. Даже Государь о ней спрашивалъ. У Великой Княжны Ольги Николаевны тоже разговоры о Магіе. Баранова [3]) мнѣ сказала: „Я написала къ Марьѣ Николаевнѣ—Траверсе такъ хороша, что и Плетневъ ей стихи писалъ". Въ пять часовъ былъ я уже у Одоевскаго, гдѣ нашелъ и Магіе съ отцомъ ея. Первые поклоны наши были свѣтски-холодные. Но мало-по-малу мы сблизились и разговаривали такъ, какъ будто мы все жили вмѣстѣ. Она вздумала, наконецъ, отдать мнѣ поклонъ отъ васъ. Я ей столько ввертывалъ подробностей о жизни гельсингфорской, что она и сама мнѣ стала хвастать: „Я всѣ ваши письма читала". За столомъ мы сѣли рядомъ. По другую ея сторону сидѣлъ Одоевскій. За нимъ Пушкина, Одоевская, Пушкинъ, Клинковстремъ, Сологубъ, отецъ Маріи, наконецъ, съ другой стороны, подлѣ меня, сестра Одоевской. Я разсказалъ отцу и ей, что о ней говорилъ со мной Наслѣдникъ. Отецъ былъ въ видимомъ восхищеніи и скоро

[1]) Александру Владиміровичу, впослѣдствіи генералъ-адъютанту, ум. 1877 г. За него и вышла замужъ маркиза М. А. Траверсе, о которой идетъ здѣсь рѣчь.

[2]) Графа Ивана Илларіоновича, члена государственнаго совѣта, оберъ-церемоніймейстера, ум. 1854 г.

[3]) Графиня Юлія Ѳедоровна, воспитательница дочерей императора Николая I, гофмейстерина, ум. 1864 г.

передалъ это Клинковстрему и Пушкину. Ей предстоитъ еще много баловъ. Она со всей простотой вздумала меня спрашивать: буду ли я на балѣ тамъ-то и у тѣхъ-то. Я отвѣтилъ, что на балы не ѣзжу. Она кажется, не вполнѣ поняла, что Петербургъ — не Гельсингфорсъ. Не понимаю, чѣмъ кончится судьба ея. Кажется отецъ изъ того и бьется, чтобъ ее втянуть въ большой свѣтъ.

11.

(Плетневъ — Гроту) ***Спб., вторникъ, 21 января 1841.***

Отвѣтъ на письмо отъ 15 января. Мнѣ очень пріятно было узнать, что воспоминанія дѣтства не теряютъ власти надъ сердцемъ графини Матильды. По всему можно заключить, что она еще неизбалованное дитя. Что-то сдѣлаетъ съ нею Петербургъ, куда она (какъ я слышалъ) уже 24 января (5 февраля) отправится, чтобы потанцовать хоть двѣ послѣднія недѣли? Я и за Marie болѣе не отвѣчаю, судя по тому, какъ въ сердце ея спѣшатъ налить яду свѣтскихъ удовольствій. Боже мой! зачѣмъ ѣдутъ сюда! Танцовать, да танцовать! Петербургъ не та же ли для Гельсингфорса Москва — ярмарка невѣстъ? И это называется родительскою попечительностію! И послѣ этого удивляются, что нѣтъ счастливыхъ браковъ! Не все ли это равно, что дружескій союзъ, заключенный въ пьяномъ образѣ? Благодарю васъ за все, что вы придумываете для сохраненія моего здоровья. Повѣрьте, что я ничѣмъ не пренебрегу, что только будетъ въ моей возможности.

Основьяненко готовитъ даже что-то въ родѣ украинскаго Донъ-Кихота, не только Фенюшку! Не знаю только, для меня ли, или для полнаго изданія своихъ сочиненій. Простая поэтка вотъ чѣмъ замѣчательна. Ея мужъ, мужикъ злой, билъ ее. Она его бросила, рѣшившись жить странницей, скитаясь изъ монастыря въ монастырь. Когда она въ отчаяніи сидя изливала жалобы на горе свое, то почувствовала, что слова ея образуютъ стихи, т. е. строки, оканчивающіяся риѳмами. Она стала продолжать эти сердечныя изліянія, обращая ихъ уже на прославленіе Бога и другихъ высокихъ предметовъ. Потомъ она выучилась писать, чтобы умѣть сберегать свои произведенія. Но какъ увѣряетъ она, никогда ничего свѣтскаго не читала. У нея такая память, что если теперь запишетъ первыхъ стиха 4 изъ самаго длиннаго своего стихотворенія, то прочее уже и такъ запомнитъ. Но если не удается ей первыхъ стиховъ записать, то на другой день она даже не узнаетъ своего сочиненія, хоть бы ей кто и читалъ его. Послѣднему я не вѣрю, хоть въ этомъ она божилась мнѣ. Но, кажется, въ иномъ она и прикидывается. Стихи ея — смѣсь правильныхъ стихотворныхъ строкъ съ неправильными, но всегда съ риѳмами. У нея языкъ перебитъ, гдѣ обветшалое, усѣченное, ложно ударяемое сталкивается съ

новымъ и хорошимъ. Есть изобрѣтательность мыслей, образы и картины, хотя все это въ странномъ и жалкомъ видѣ. Читаетъ она съ одушевленіемъ, не можетъ сидѣть въ это время, стоитъ, размахиваетъ руками, даже ходитъ и кричитъ. Словомъ, нельзя безъ сожалѣнія видѣть, какъ талантъ, погрязшій въ невѣжествѣ, ханжествѣ и упорствѣ какого-то святошества, гибнетъ и, конечно, никогда не блеснетъ ничѣмъ истинно прекраснымъ.

Скажите Рунебергу, что я въ мысляхъ только постращалъ Булгарина отзывомъ его: стоитъ ли онъ, чтобы поэтъ Рунебергъ даже бранилъ его? Очень радъ, что Надежда—героиня. Только, ради Бога, не проглядите вы вдвоемъ чего-нибудь несогласнаго съ нравами и другими условіями мѣстности и эпохи. Рунебергъ не бывалъ въ Россіи. Онъ можетъ надѣлать промаховъ. Вы теперь получили *О Долгорукихъ.* Разскажите ему про молодую княжну Меншикову [1]), вышедшую за царскаго любимца, прожившую вѣкъ свой въ Сибири и умершую въ Кіевѣ монахиней. Вотъ предметъ, достойный Рунеберга! Это ужъ будетъ не водица Козлова-покойника. Заготовьте для Рунеберга красокъ изъ записокъ же героини. Прибавьте о Сибири и проч. и проч. Я увѣренъ, что все это увлечетъ его. Фритіофъ конченъ и посланъ весь къ Никитенкѣ. Я не дѣлалъ такихъ замѣтокъ, какъ вы желаете, во-первыхъ потому, что еще до письма вашего рукопись была препровождена къ цензору; во-вторыхъ, важность не въ названіи особыхъ впечатлѣній, а въ результатѣ: побѣдилъ или нѣтъ? И отвѣчаю: побѣдилъ! Вотъ и рецензія между друзьями. Въ противномъ случаѣ, конечно, я былъ бы принужденъ выписывать стихи, пѣсни и тому подобные, чтобы требовать отъ васъ измѣненій. Но къ чему теперь, когда все меня удовлетворило.

Современникъ преимущественно запоздалъ отъ того, что у меня недостало стариннаго здоровья и даже пьесъ. Мое мнѣніе и послѣ отзыва Клинковстрема нисколько не перемѣнилось о Нервандерѣ, который даже потому не долженъ былъ вступаться за Булгарина, что въ Гельсингфорсѣ ни одинъ честный и знающій дѣло человѣкъ не хотѣлъ съ нимъ войти ни въ какія сношенія. Старикъ сенаторъ, какъ я замѣтилъ, всегда любитъ роль примирителя. Оно и дѣльно. Чѣмъ разжигать страсти юношества, лучше укрощать ихъ. Но въ этомъ виднѣе умный придворный, нежели пылкій гражданинъ. О Траверсе ни слуху, ни духу. Я никакъ не располагаю звать ихъ къ себѣ на вечеръ. Во 1-хъ имъ некогда. Во 2-хъ мои старухи [2]) — худая компанія для маркизы. Да и не замѣтилъя въ нихъ ни малѣйшаго желанія сблизиться со мною. Перейдемъ къ нашему, т. е. болѣе вѣрному намъ. Какъ прелестно описали вы обѣдъ, который былъ у

[1]) Плетневъ ошибся: это была гр. Нат. Бор. Шереметева, оставившая „Записки“.

[2]) Родственницы, жившія у Плетнева.

*

васъ въ четвергъ! Зачѣмъ не было и меня въ этомъ мирномъ счастливомъ кружкѣ? По крайней мѣрѣ, я со слезами благодарности читалъ, что и въ мое отсутствіе благороднѣйшіе люди дружески именовали меня и желали мнѣ здоровья. Скажите всѣмъ имъ, что никогда не перестану я гордиться ихъ дружествомъ и вездѣ буду говорить, что я понялъ прямое счастіе только въ Гельсингфорсѣ, почему и старикъ Клинковстремъ иначе не зоветъ меня, какъ нашъ добрый финляндецъ. И зъ прежняго вы видѣли, что мы съ Протопоповымъ стали видаться чаще. Но, какъ вы справедливо замѣчаете, отсутствіе въ немъ цѣли и сосредоточенной дѣятельности всегда будетъ оставлять межъ нами какую-то пустоту. Странно, что Спафарьева могла увлечься Лермонтовымъ. Ужели она сознаетъ въ душѣ возможность такихъ низостей, какими унизалъ авторъ княжну и ея мать? Вашими стихами въ Борго я очень доволенъ. Въ нихъ отзывается тѣми же чувствами довольства, спокойствія и созерцательности, которыя такъ поражаютъ меня всякій разъ, когда я читаю послѣдніе стихи Пушкина въ деревнѣ. Но окончаніе ваше, прелестное и истиною дышущее, для печати нейдетъ. Или нужно прибавить примѣчаніе. Зачѣмъ бы и ихъ не напечатать въ № 2 Современника? [1]).

Въ понедѣльникъ (20 января) принесли ваше письмо. Пошелъ къ графинѣ Пушкиной отдать ваши стихи. Тамъ встрѣтилъ Шернваля, Клинковстрема и Армфельта (его жена почти безъ надежды больна). Графиня съ Армфельтомъ восхищены были вашею шведской поэзіей. Послѣ обѣда въ совѣтъ, а оттуда съ Порошинымъ къ Александрѣ Осиповнѣ. Читали интереснѣйшее изъ вашихъ писемъ и новые журналы.

12.

(Гротъ — Плетневу) ***Гфорсъ, среда, 22 января 1841.***

Прежде всего скажу вамъ то, что уже въ двухъ письмахъ сбирался помѣстить, но забывалъ. Первое — поклонъ отъ Рунеберга; второе — говорилъ ли вамъ братъ, что мы съ нимъ въ соцьететѣ и у Рунеберга пили ваше здоровье? Третье — спросите у кого-нибудь при случаѣ, есть ли уже въ Петербургѣ сдѣланный въ Германіи нѣмецкій переводъ нѣкоторыхъ стихотвореній Пушкина; я бы хотѣлъ подарить ихъ Рунебергу. Четвертое — вотъ цѣны здѣшней типографіи (Симеліуса): если печатать 500 экземпляровъ, то листъ обойдется въ 27 р. асс. съ бумагою, если 1000, то 49 р. асс. За одну печать платятъ съ листа 14 р. 40 к.; бумага (хорошая) стоитъ 16 руб. стопа. Какъ вы находите эти цѣны?

Отвѣтъ. Ваше мнѣніе о маркизѣ согласно съ моимъ. О ходатай-

[1]) Были напечатаны въ Современникѣ 1841 г., т. XXII.

ствѣ за Матильду узнали здѣсь отъ кам.-юнк. Шернваля, брата Пушкиной, который былъ здѣсь въ концѣ года. Завтра или послѣ завтра графъ съ Матильдой ѣдутъ въ Петербургъ. Видите, какъ я отгадалъ, что Матильда — луна въ сравненіи къ Маріи: чувствуетъ, что не можетъ свѣтить безъ своего солнца и спѣшитъ опять попасть въ его систему. „Утренняя Заря“ теперь у генеральши Рамсай. Она очень ласкова ко мнѣ, равно какъ и мужъ, который гораздо живѣе и участливѣе своего брата-сенатора.

Объ Урсинѣ я отозвался намедни слишкомъ строго; онъ тѣмъ гораздо выше своихъ собратій, что умѣетъ вести себя въ обществѣ и изобрѣтателенъ въ предметахъ разговора. Я сказалъ, что съ нимъ не о чемъ говорить; читай: съ нимъ не разговоришься о любимыхъ предметахъ,— можетъ быть, потому, что я къ нему не довольно близокъ, но участіе въ немъ есть ко многому, и его въ число *квелленовъ* ставить несправедливо. Для статьи, обѣщанной Эману, я и такъ сбирался просить вашихъ совѣтовъ, но не знаю, когда примусь за нее, потому что теперь занятъ очень многимъ, а больше ничѣмъ. Книги Евгенія у меня нѣтъ, но я васъ прошу, если вы любите меня, не присылайте мнѣ ея; вы совсѣмъ разоритесь, если будете присылать мнѣ такъ много книгъ; это же не какая-нибудь маленькая книжка. Я самъ могу современемъ выписать ее, а покуда мнѣ и Карамзина довольно. Вы очень догадливо поступили, давъ маркизу стихи изъ Современника. Магіе черезъ тётку велѣла мнѣ сказать, что, возвратясь съ одного бала, гдѣ была осыпана восторгами, принялась читать мои къ ней стихи, чтобы защититься отъ суеты. Благодарю за поздравленіе съ чиномъ; я радъ ему особенно изъ-за маменьки, которой прежде не вѣрилось, чтобы и въ Финляндіи я могъ сподобиться такого счастія; я отъ этого немножко выросъ въ ея глазахъ. Хорошъ Сенковскій со своимъ *совокупленіемъ*; ай-да столица!

Къ Фритіофу: совѣтъ, чтобы надъ письмами дѣлалъ заголовки, я исполню тѣмъ болѣе, что имѣлъ самъ ту же мысль. Не нашли ли вы стиховъ въ концѣ писемъ немножко дерзкими? И вообще, довольны ли вы идеею ихъ? Подробности 11-го письма не показались ли вамъ лишними? Повторяю, что авторское мое самолюбіе готово на всякое пожертвованіе въ пользу лучшаго.

Каково-то теперь ваше здоровье? Милый Петръ Александровичъ, пожалуйста, берегите свое здоровье и не будьте легкомысленны въ этомъ отношеніи! Записка, поданная Наслѣднику вслѣдствіе сна, есть дѣло, за которое вся Финляндія должна быть благодарна вамъ. Дай Богъ, чтобы эта записка возбудила въ Его Высочествѣ участіе къ краю; говорятъ, что многимъ жителямъ очень было больно, что онъ лѣтомъ не удостоилъ ихъ своего посѣщенія. Какъ я живо воображаю себѣ ваши разговоры съ Магіе у Одоевскаго за обѣдомъ. Васъ съ удивле-

ніемъ спросили, ужели болѣе не увидятся съ вами, потому что ожидали, что вы и къ себѣ когда-нибудь позовете, а вы, кажется, вовсе не намѣрены; они такъ долго останутся въ Петербургѣ, что и на это имѣли бы время.

Четвергъ, 23 января.

Журналъ. Въ четвергъ поутру (16-го) былъ у меня молодой венгерецъ Рѐгули [1]), который въ прошломъ году пріѣхалъ сюда для изученія финскаго языка въ сравненіи съ мадьярскимъ (такъ должно выговаривать). Онъ былъ послѣ того въ сѣверныхъ частяхъ Финляндіи и недавно возвратился въ Гельсингфорсъ, откуда мѣсяца черезъ два собирается въ Петербургъ для изученія и русскаго языка. Въ финскомъ онъ уже сдѣлалъ большіе успѣхи. Ему 22 года, онъ красавчикъ изъ себя и пріятенъ въ разговорѣ, очень скроменъ; говоритъ по-шведски порядочно. Въ субботу мы отправились къ m-me Клинковстремъ. Тамъ застали Армфельтовъ. Случай привелъ меня къ тому, что я снялъ на тѣни силуэты Матильды, матери ея и брата; отца еще не успѣлъ. Они вошли также въ мою коллекцію; я еще вчера вечеромъ перебиралъ ее и любовался необыкновеннымъ сходствомъ вашего силуэта. Въ воскресенье былъ у Ерне (старухи-поэта съ мужемъ-сенаторомъ). Они позвали меня на балъ въ субботу, но я не пойду: что я за рыцарь паркетовъ?

Въ понедѣльникъ, день рожденія сына Армфельта, былъ у нихъ пиръ. Тутъ въ первый разъ послѣ траура плясали и обѣ Гартманъ; красавица была неимовѣрно любезна до меня и даже сама подходила ко мнѣ разговаривать со мной по-шведски; генералъ Рамсай просилъ меня тутъ написать ему карандашемъ четыре стиха, которые были въ юлклапѣ къ Спафарьевой *(см. стр. 189)*, и, вообразите, чуть не заплакалъ отъ нихъ. Въ 11 часовъ я съ сестрой былъ уже дома. Во вторникъ былъ званъ къ генералу Рамсаю съ просьбой почитать что-нибудь. Читалъ письмо Великой Княгини Маріи Николаевны, потомъ по требованію свои стихи изъ Современника (Спафарьева привезла его) и еще немного изъ французской книги. Самъ Рамсай такъ разчувствовался, что просилъ выписать ему Современникъ, ибо считаетъ грѣхомъ противъ русской литературы не имѣть такого журнала. Не дать ли ему одинъ изъ имѣющихся экземпляровъ, отнявъ его, напримѣръ, у Ушакова *(купца)*, котораго я рѣшительно никогда не вижу, и который едва ли гутируетъ его.

13.

(Плетневъ — Гроту) *Спб., пятн. 24 янв. 1841.*

Журналъ. Среда (22 января). Вчера вечеромъ Муравьевой не засталъ я дома. Мы было собирались прочитать вмѣстѣ Жуковскаго

[1]) Знаменитый впослѣдствіи мадьярскій ученый филологъ, изслѣдов. финск. языковъ.

„Элегію на смерть королевы Виртембергской.“ Христіанская поэзія едва-ли произвела что выше этого созданія.

Отправился къ Оли, гдѣ перебирали новые журналы. Правду сказать: ни одинъ особенно не интересенъ. Погодина вышелъ № 1 Москвитянина. Все это претензіи — и болѣе ничего. Особенно взбѣсила меня статья Бѣлинскаго въ № 1 Отечественныхъ Записокъ „Взглядъ на литературу русскую въ 1840 г.“ Такой вздоръ, такая односторонность, такой произволъ, такое пристрастіе, что гадко! Сегодня утромъ былъ на лекціи въ университетѣ. Инспекторъ объявилъ мнѣ, что студентамъ хочется заказать сдѣлать для нихъ мой портретъ. Они воображаютъ, что это меня соблазнитъ. Вотъ ужъ не умѣю убѣдиться, чтобы кому-нибудь изъ нихъ дѣйствительно хотѣлось этого отъ сердца. Кажется, мнѣ съ юнымъ поколѣніемъ ни въ чемъ не сойтись. Я и оно какъ-то идемъ въ разныя стороны. Это еще болѣе разочаровываетъ меня на счетъ искренности предложенія ихъ. Вечеромъ отправился къ Карамзинымъ. Шутя васъ побраниваютъ дамы, что вы весь Петербургъ принесли въ жертву красотѣ Marie [1]).

Четвергъ (23 января). Сегодня въ саняхъ пустился къ министру. Мы въ совѣтѣ выбрали въ почетные члены: Наслѣдника, В. К. Михаила Павловича, герцога Лейхтенбергскаго и принца Ольденбургскаго. Итакъ, нужно было предупредить министра. Онъ одобрилъ. Много толковалъ, какъ обыкновенно, о мерзости журналистовъ, противъ которыхъ не находитъ усмирительныхъ мѣръ. Кажется, ошибить бы крылья только Сенковскому — такъ и всѣ бы пріутихли. Бѣда, что внутренно министръ признаетъ его нужнымъ для нѣкоторыхъ своихъ цѣлей. Разумѣется, что при такомъ убѣжденіи ничего онъ и съ прочими не сдѣлаетъ. Отъ него поѣхалъ къ Дондукову съ тѣмъ же. Хорошо еще, что тотъ не разсердился, зачѣмъ я выступилъ изъ колеи субординаціи, поведя дѣло это противъ порядка законнаго. Отъ Дондукова отправился въ правленіе, во время котораго производится въ особой комнатѣ и экзаменъ гувернеровъ и гувернантокъ.

Пятница (24 января). Былъ утромъ у Великой Княжны Ольги Николаевны. Съ визитомъ приходилъ къ ней Наслѣдникъ. Я ему объявилъ объ избраніи въ члены университета. Онъ пошутилъ и отправился. Великая Княжна Ольга Николаевна все повторяетъ ваши два стиха:

„И чрезъ бѣлыя дороги
Возвратите намъ — *себя*“.

Это ей очень нравится. Мы съ нею прочитали *Жизнь Тегнера.* Она была очень внимательна и всѣмъ чтеніемъ осталась очень довольна, о чемъ я нарочно ее спросилъ. Возвратясь домой, я пошелъ навѣстить Софью Михайловну Сологубъ, съ которой не видѣлся болѣе недѣли.

[1]) См. стихи Якова Карловича къ м. М. Т., Современникъ, 1841, т. XXI.

Хотѣли-было у Аполлинаріи Михайловны читать Бориса Годунова, да намъ помѣшали — и мы ушли къ Софьѣ Михайловнѣ въ ея кабинетъ, гдѣ я и прочиталъ ей Скупого Рыцаря. Эту пьесу я нашелъ совершеннѣйшимъ произведеніемъ между отрывками Пушкина. Въ 9 часовъ поѣхалъ къ Балабинымъ на вечеръ. Тамъ читали Гоголя Коляску, которая, впрочемъ, болѣе мелочно-смѣшна, нежели проникнута какимъ-нибудь знаніемъ сердца.

NB. Забылъ я сказать, что *во вторникъ (21 января)* на послѣднее время вечера поѣхалъ я къ Nataliе Пушкиной. Мы просидѣли одни. Она очень интересна. Я шутя спросилъ ее: скоро ли она опять выйдетъ замужъ? Она шутя же отвѣчала, что во-1-хъ, не пойдетъ замужъ, во-2-хъ, никто не возьметъ ее. Я ей совѣтовалъ на такой вопросъ всегда отвѣчать что-нибудь одно, ибо при двухъ такихъ отвѣтахъ рождается подозрѣніе въ неискренности, и совѣтовалъ держаться второго. Такъ нѣтъ — лучше хочетъ твердить первое, а въ случаѣ отступленія сказать, что ужъ такъ судьба захотѣла.

14.

(Гротъ — Плетневу) ***Гфорсъ, воскр., 26 янв. 1841.***

Начну это письмо съ самаго важнаго для насъ обоихъ предмета. Вы благодарите за мои совѣты насчетъ вашего здоровья и обѣщаете ими воспользоваться. Но этого мало; изъ послѣднихъ писемъ вашихъ я съ прискорбіемъ вижу, что вы то тамъ, то здѣсь не бываете за нездоровьемъ. Этого прежде не бывало: вамъ надобно серіозно лѣчиться. Петръ Александровичъ, другъ ли я вамъ, или нѣтъ? Другъ! Итакъ, я именемъ дружбы нашей, именемъ Оленьки, именемъ покойной Степаниды Александровны [1]), именемъ всего, что есть для васъ святого, приказываю вамъ: по полученіи этого письма, извольте наискорѣе устроить дѣла, требующія вашего выѣзда (если такія есть), и послѣ того пошлите за тѣмъ докторомъ, къ которому имѣете наиболѣе довѣренности, причемъ дайте самому себѣ слѣдующую клятву: „клянусь строжайше исполнять всѣ его совѣты и не считать никакой жертвы трудной для моего здоровья. Оно принадлежитъ не мнѣ одному; я за него отвѣчаю дочери, дружбѣ и отечеству. Какъ слѣпо и непростительно поступалъ я до сихъ поръ, позволяя себѣ образъ жизни, который прямо и неминуемо ведетъ къ разрушенію здоровья. Питье соды, ночное постоянное бдѣніе и прочее — все это убійственно, а я не могъ побѣдить себя, когда благоразуміе и во мнѣ самомъ и извнѣ твердило мнѣ, что я долженъ перемѣнить свое поведеніе. Наконецъ, оно начало отзываться на моемъ здоровьѣ; теперь вредъ этого образа жизни оче-

[1]) Первой жены Петра Александровича Плетнева, рожд. Раевской.

виденъ, теперь было бы еще непростительнѣе не приняться за разумъ. Къ счастію, время еще не ушло; при моей крѣпкой натурѣ, мнѣ стоитъ только пособить ей искусствомъ, и мое здоровье возстановлено. Клянусь: со всею твердостію, какую должно мнѣ внушать размышленіе, я буду исполнять малѣйшіе совѣты врача, и когда съ помощію Божіею поправлюсь совершенно, то уже не возвращусь къ прежнему образу жизни, а буду остороженъ и буду жить согласно съ природой; днемъ работать, а ночью спать". Вы *должны* пренебречь всѣми вашими дѣлами и занятіями, если это нужно для вашего лѣченія, *должны* даже бросить, если нужно, изданіе Современника. Никакія искушенія не должны васъ отвлекать отъ предпринятаго лѣченія, и кто бы васъ ни пригласилъ, что бы ни влекло васъ изъ дому,— если вамъ велятъ оставаться дома, то да будетъ вамъ стыдно, въ случаѣ непослушанія. Во всякомъ такомъ случаѣ я буду съ горькимъ упрекомъ носиться духомъ около васъ; и если вы услышите голосъ своей совѣсти, знайте, что это мой голосъ. Если же мнѣ напишутъ, что вы по непонятной слабости и послѣ этого письма продолжаете жить по-прежнему, то вы принудите меня къ самому непріятному для меня дѣлу,— принудите пріѣхать въ Петербургъ и стать вашей нянькою, чтобы, какъ ребенку, напоминать то, что вы въ ваши лѣта слишкомъ хорошо должны знать сами. Дайте мнѣ мысленно руку съ обѣщаніемъ, что исполните все, чего я требую.

Какая горькая истина въ вашихъ строчкахъ о Петербургѣ, какъ ярмаркѣ невѣстъ, и въ вашемъ сравненіи тамошнихъ браковъ съ братованіемъ въ пьяномъ видѣ! Ахъ, увижу ли еще когда-нибудь Marie и Матильду, или сюда возвратятся однѣ тѣни ихъ, одни скелеты, обглоданные петербургской суетой? Любопытна характеристика самородной поэтки, но чтеніе трудовъ ея не должно доставлять большого удовольствія. Вы совѣтуете смотрѣть, чтобы въ поэмѣ Рунеберга не проскользнуло какихъ промаховъ; онъ въ ней очень мало касается мѣстности и характеровъ, да и потеряется ли поэтическое достоинство труда отъ какой-нибудь фактической неточности? Притомъ, кто въ состояніи замѣтить такую ошибку? Я со вниманіемъ не имѣлъ случая прочесть *Надежды:* сперва потому, что она была вчернѣ, а послѣ потому, что попала въ руки цензора мимо моихъ. Книгу о Долгорукихъ я еще не принимался читать. Что почерпну изъ чтенія, передамъ при случаѣ Рунебергу. Вашъ отзывъ о Фритіофѣ касается только достоинства *перевода*, но какое впечатлѣніе сдѣлала на васъ самая поэма, объ этомъ вы не говорите ни слова.

Я прочелъ въ новомъ Современникѣ [1]) то, что наиболѣе меня интересовало: „Хронику" [2]), въ которой много занимательнаго; „Клепи-

[1]) Т. XXI, 1841 г.

[2]) Хроника Русскаго въ Германіи *(А. И. Тургенева).*

кова“ [1]), котораго, конечно, писали вы сами, и гдѣ мысль сочеталась съ теплотою къ искусству и пользѣ; новыя книги, гдѣ въ особенности хороша статья объ Одиссеѣ (вся, но преимущественно, конецъ); „Мемуары Евстратія“, надъ которыми нельзя не хохотать, за исключеніемъ мѣстъ, гдѣ, какъ часто у Основьяненки, пересолено. Повѣстей я не читалъ, потому что чтеніе повѣстей, даже отличнѣйшихъ, есть для меня трудъ тяжкій, для котораго я долженъ всегда побѣдить природное къ нимъ нерасположеніе. Въ стихотвореніяхъ хороши *Звѣзды* [2]); недурно *Къ Рейну* [3]) (котораго содержаніе только не довольно сочно); *Галопадъ* [4]) хорошо написано, но немножко нелѣпо; смѣшонъ особенно *рѣзвоскачущій* (!) *цвѣтникъ*. Поэзія Кольцова [5]) мнѣ не понутру. *Русскій штыкъ* [6]) есть слабое подражаніе Пушкину, ничтожное по идеѣ и по многимъ стихамъ и вообще показывающее нетвердые шаги ученика. *Вальсъ* — натянутый отвѣтъ на болѣе удачный *Галопадъ*. Эти два произведенія невольно заставляютъ меня рисовать въ мысляхъ уродливую танцующую чету *mauvais genre*, т. е. изъ довольно низкаго слоя общества, старающуюся по своему говорить взаимныя любезности. Конецъ Галопада смѣшонъ въ высшей степени. Въ *Боюсь* [7]) есть истина. *Свиданіе* [8]) нѣчто не полное. *Риѳма* [9]) заключаетъ въ себѣ идею и странную и невѣрную: такъ не говоритъ истинный поэтъ. Въ послѣднихъ стихотвореніяхъ Баратынскаго, кажется, отражается досада на равнодушіе публики; онъ забылъ сонетъ Пушкина: *Поэтъ, не дорожи любовію народной*. О *Перѣ* и *Къ м. М. Т.* (Траверсе) [10]) предоставляю судить другимъ.

Мѣсто письма вашего объ обѣдѣ у меня читалъ я вслухъ Рейну и Акіандеру. Они были тронуты такъ же, какъ и я. Отзывъ вашъ о стихахъ „Борго“ лестенъ для меня; буду съ бо́льшей смѣлостью продолжать свои стихотворныя шалости. Въ послѣднее время рѣдко проходилъ день, чтобъ я не скропалъ чего-нибудь или не запасся новою поэтическою мыслію. Но многое изъ этого будетъ уничтожено, какъ и прежніе опыты. Стиховъ „Борго“ не печатайте въ Современникѣ. Если они годятся для печати, я бы лучше помѣстилъ ихъ въ финляндской нашей книгѣ. Какъ вы думаете? Для Современника я, можетъ быть, доставлю вамъ нѣкоторыя другія мелочи въ стихахъ, или не нужно?

[1]) „Медальённый рѣзчикъ Клепиковъ“.

[2]) „Звѣзды полуночи“ графини Е. П. Растопчиной.

[3]) Стихотвореніе Н. М. Языкова.

[4]) Стих. Е. Н. Шаховой; слѣдующій ниже „Вальсъ“—В. Г. Бенедиктова.

[5]) Стихотвореніе „Примиренье“.

[6]) К. М. Айбулата (б. Розена).

[7]) Графини Растопчиной.

[8]) Эм. . ва (Милькѣева).

[9]) Е. А. Баратынскаго.

[10]) Стихотворенія самого Я. К. Грота, о которыхъ уже была рѣчь.

Въ пятницу вечеромъ былъ у меня, кромѣ Рейна и Акіандера, Кастренъ, Регули и Лундаль. Послѣднему далъ я четвертую часть Пушкина, по его желанію—перевесть нѣсколько мелкихъ стихотвореній Пушкина; Кастрену заплатилъ я за уроки 35 руб. Онъ никакъ не хотѣлъ брать, наконецъ я уговорилъ его. Урокъ считается здѣсь по 2 рубля асс. за часъ. Теперь буду самъ продолжать по немножку занятіе финскимъ.

Вчера, въ субботу, былъ балъ у Ерне. Я, не смотря на то, что писалъ вамъ, пошелъ туда, потому что меня увѣрили, что противное было бы величайшимъ *affront*. Не плясалъ потому, что всѣ дамы были аганжированы, когда я пришелъ, да и съ кѣмъ теперь танцовать? Впрочемъ, старшая Гартманъ была прелестна и опять очень любезна: она, кажется, наконецъ побѣдитъ и насильно станетъ въ нашу планетную систему, но еще нельзя рѣшить, какая это планета.

15.

(Плетневъ — Гроту) ***Спб., воскресенье, 26 янв., 9 ч., 1841.***

Отвѣтъ на письмо отъ 22-го января. И мой поклонъ Рунебергу. О переводѣ Пушкина сдѣлаю справку (это я пишу, получивъ только сейчасъ ваше письмо). Типографскія цѣны очень выгодны — вдвое дешевле противъ здѣшняго. Печатать совѣтую только 500 экземпляровъ. Лучше видѣть второе исправленное изданіе, нежели залежавшееся первое. Книги нынче идутъ дурно до невѣроятности. Халявскаго купили только 400 экземпляровъ. На Современникъ денежныхъ подписчиковъ только 160, въ томъ числѣ сто въ долгъ. О книгахъ, мною пересылаемыхъ, прошу перестать такъ говорить. Ваше дѣло только извѣстіе давать, что̀ получено, дабы не приключилось плутенъ отъ пересыльщиковъ. Какъ мила Маrie, если она отъ души дѣлаетъ то съ вашими стихами, что писала тёткѣ. Радуюсь, что вы согласны со мною насчетъ поправокъ во Фритіофѣ. Цензора̀ теперь остервенились. Они даже названія должностей гражданскихъ не пропускаютъ въ романахъ. Вмѣсто *предводитель* велятъ печатать: *новое лицо*, или *старикъ*, или *толстякъ* и т. п. Я уже писалъ, что 11 письмо, стихи при немъ, и все вообще прелестно.

Понедѣльникъ 27 января 5 ч. послѣ обѣда. Вслѣдствіе сновидѣнія и послѣдовавшей за нимъ безсонницы составленная записка едва-ли произвела какое дѣйствіе; даже едва-ли прочитана: ибо при нашемъ свиданіи у Великой Княжны Ольги Николаевны не было и помину о ней, хоть немного прошло времени отъ ея представленія; но, кажется, я поступилъ, какъ слѣдуетъ наставнику - гражданину. Прошлое лѣто Наслѣдникъ желалъ быть у васъ и Государь ему разрѣшилъ это, но времени дѣйствительно не достало. Еслибы нынѣшнее лѣто не свадьба

его, навѣрное можно сказать—онъ пріѣхалъ бы къ вамъ: теперь что-то сомнительно, какъ всякій можетъ видѣть. Ежели Регули говоритъ не по-русски, а хоть по-французски, то дайте ему писульку, съ которою онъ могъ бы явиться и ко мнѣ, буде это ему нужно и буде онъ не хамъ. Увѣдомьте меня, какъ теперь Урсинъ сносится съ канцлеромъ: черезъ Ребиндера, или пишетъ прямо. Въ послѣднемъ случаѣ, кто же секретаремъ у Наслѣдника по университетскимъ дѣламъ? Въ моей вышеозначенной запискѣ я просилъ обратить вниманіе на достойнаго Путяту. Удались ли силуэты? Познакомьтесь поближе съ Гартмановыми, да составьте для меня характеристику каждой изъ нихъ, прописавъ ихъ собственныя имена. Я желаю, чтобы вы изъ моей статьи о юбилеѣ перевели имъ то мѣсто, гдѣ говорится о ихъ святомъ семействѣ. Какъ они это примутъ? Не забудьте же!

Журналъ. Суббота (25 января). Поѣхалъ въ университетъ, оттуда по обѣщанію сбирался было заѣхать къ Маріе Балабиной читать „Носъ“ Гоголя; но Великая Княгиня Елена Павловна приказала въ 2 часа быть у нея. Она желаетъ (старая мысль) познакомиться покороче со статистикой и исторіей Россіи. И такъ, спрашиваетъ, кого я ей для этого рекомендую. Я отвѣчалъ, что вполнѣ знающій такое дѣло у насъ одинъ человѣкъ — Арсеньевъ. Тамъ встрѣтилъ я Блудова. Онъ изъ Государственнаго Совѣта прискакалъ къ ней, чтобы поднести въ рукописи стихи Хомякова на Наполеона, напечатанные въ № 1 Москвитянина. Не подумайте, чтобы это было что-либо блистательное. Такъ! чтобы поймать только оказію — подвернуться къ Ея Высочеству. Вотъ заслуга, достойная министра! Какъ у нихъ много свободнаго времени! Отбиваютъ хлѣбъ у бѣдныхъ учителей русской словесности.

Воскресенье (26 января). Въ 10 часовъ поѣхалъ на сговоръ историка Куторги съ сестрой Устрялова-историка. На этомъ сговорѣ танцовали все почти профессоры. Вы можете вообразить, какъ это шло очаровательно, особенно, когда въ залѣ кромѣ 7 стеаринокъ ни одной не было лампы. Въ заключеніе ужинали — и я легъ спать въ три часа за полночь.

Вторникъ (28 января). Въ 10 ч. утра явился къ Великой Княжнѣ Ольгѣ Николаевнѣ. Она почти совершенно здорова. Мы перечитали съ нею Мемуары Мякушкина, что ее очень забавляло. Послѣ начали чтеніе прекрасныхъ Очерковъ Испаніи. Она очень гутируетъ дѣльныя статьи. Баранова объявила мнѣ, что изъ Мюнхена въ послѣднюю субботу прибылъ курьеръ. Въ письмѣ къ ней Великая Княгиня Марія Николаевна велѣла сказать мнѣ, что дѣло, о которомъ у меня идутъ переговоры съ Ея Высочествомъ, исполнено будетъ, только позже нежели я назначалъ. И то хорошо! Изъ дворца поѣхалъ я къ Дондукову рекомендовать въ учители его дочери Чистякова, который оказывается почище брата своего, столь перепачкавшагося отъ чтенія

„Библіотекъ для чтенія“ [1]). Вечеромъ былъ у Оли, гдѣ Александра Осиповна кой-что читала мнѣ изъ новыхъ журналовъ. Ее привела въ ужасъ ругательная статья Сенковскаго на Квитку въ № 1 Библіотеки для чтенія. Но я этого ожидалъ послѣ портрета журнала сего въ *Званыхъ гостяхъ*.

Лѣтомъ вы обѣщали изучать отношенія, правила, нравы и т. п., между обитателями Гельсингфорса, раздѣленными на партіи. Я, однакожъ, до сихъ поръ ничего не читалъ отъ васъ касательно сего предмета. Не дурно сдѣлаете, если что-нибудь повѣрнѣе подмѣченное сообщите мнѣ для назидательнаго чтенія.

16.

(Гротъ—Плетневу) ***Гфорсъ, четв., 30 янв. 1841.***

Отвѣтъ. Стихотвореніе Жуковскаго на смерть королевы Виртембергской прочелъ я вновь въ самый вечеръ полученія вашего письма: пьеса прекрасная, но всего вашего восторга не раздѣляю; для васъ она имѣетъ особенный интересъ отъ того, что вамъ коротко знакомы всѣ обстоятельства, сопровождавшія ея происхожденіе. Какъ я жалѣю о васъ, что вы должны читать все въ русскихъ журналахъ. Однакожъ всякій разъ, когда найдете гдѣ какую замѣчательную статью, увѣдомляйте о ней вкратцѣ, а впредь и о томъ, что̀ будетъ печататься о моихъ трудахъ, ибо никакая брань не можетъ оскорбить меня, а можетъ иногда навести на новую мысль. Насчетъ чтенія я сдѣлалъ себѣ такое правило: на языкахъ, которые я знаю, есть столько твореній безсмертно-хорошихъ, что, если я ограничусь только ими, то и тогда едва-ли станетъ жизни моей, чтобы прочесть все то отличное, какое мнѣ доступно, тѣмъ болѣе, что многіе, напримѣръ, поэты требуютъ не чтенія, а изученія. Не глупо ли бы послѣ этого было терять время или на сомнительное, или на рѣшительно дурное, только для удовлетворенія пустого любопытства? Любопытство, жажда новизны — суетныя дѣти душевной пустоты! — совершенно замѣнили въ нашъ вѣкъ страсть къ прекрасному, и стараго, будь оно распрекрасно, знать уже не хотятъ. Эту истину чувствовалъ я уже много лѣтъ тому назадъ, но въ Петербургѣ меня увлекъ примѣръ другихъ (иногда смѣявшихся надо мной, какъ баронъ Корфъ) совсѣмъ въ другую сторону; теперь размышленіе заступило мнѣ мѣсто примѣра, и не легко сомнительная книга, а тѣмъ болѣе журналъ или газета (плодъ власти разсчетливаго крикунства надъ слабыми умами толпы) приманитъ меня къ прочтенію. Я нынѣ съ большимъ наслажденіемъ штудирую критически и сравни-

[1]) Плетневъ разумѣетъ Михаила Борис. Чистякова, извѣстнаго педагога, тогда преподавателя 1-й Спб. гимназіи и Павловскаго кадетскаго корпуса, писателя (по дѣтской литературѣ) и переводчика, ум. 1885 г. Братъ его Василій — служилъ въ провинціи. Тутъ повидимому, рѣчь еще объ одномъ братѣ.

тельно шведскихъ поэтовъ. Любопытно будетъ сдѣлать со временемъ то же и съ поэтами другихъ націй, вникая въ духъ и направленія каждаго. Тутъ много отпадетъ школьническаго удивленія, но за то останется много важныхъ результатовъ. Теперь читаю я особенно Стагнеліуса [1]); онъ былъ бы великъ, еслибъ время и обстоятельства позволили ему созрѣть. Поздравляю васъ съ портретомъ. Зачѣмъ же вы думаете, что студенты не искренни въ этомъ случаѣ? Ваше нерасположеніе къ юному поколѣнію я понимаю, но понимаю также, что ваши питомцы могутъ сердечно любить и уважать васъ. Кажется, въ эти годы сердце еще не можетъ быть такъ развращено, чтобы въ немъ не оставалось довольно чисто-природнаго чутья для отличія съ любовью всего истинно добраго. Какъ бы ни было, люблю студентовъ за эту идею и желаю, чтобы она скорѣе осуществилась. Не однѣ Карамзины и Корфы бранятъ меня за то, что я, какъ выражаются, *разругалъ* Петербургъ въ стихахъ моихъ. Я и прежде зналъ, что это скажутъ, но это еще цвѣточки, а будутъ со временемъ и ягодки. Къ кому Тургеневъ адресуетъ свои письма (хронику)? Изъ двухъ отвѣтовъ Пушкиной, и я бы предпочелъ тотъ, который она выбрала; но изъ ея разговора я съ грустью вижу, что въ сердцѣ ея рана уже зажила! Боже! что же есть прочнаго на землѣ?

Журналъ. Въ воскресенье по отправленіи къ вамъ письма, я гулялъ часа три сряду, такъ какъ погода была чудесна, не смотря на холодъ въ 20°. Во время моего отсутствія былъ у меня Теслевъ и оставилъ карточку. Онъ еще на балѣ у Ерне, благодаря за Современникъ сказалъ, что давно сбирается ко мнѣ. Вечеромъ читалъ я съ Грипенбергомъ шведскую книгу и напечатанный въ оффиціальной газетѣ рескриптъ Наслѣдника къ университету. Не знаете ли, кто это писалъ? Написано очень хорошо и произвело отличное впечатлѣніе и на весь университетъ и на публику. Если эта бумага вамъ неизвѣстна, пришлю копію.

Въ понедѣльникъ мятель. Я вышелъ только вечеромъ. Былъ у Цигнеуса, который подалъ мнѣ бишофу, и мы вмѣстѣ пили ваше здоровье. Онъ, какъ и всѣ прочіе, сердечно благодаритъ за Современникъ.

Во вторникъ утромъ явился ко мнѣ студентъ Эманъ, братъ журналиста, и сказалъ, что онъ желаетъ поселиться на время въ Россіи, въ Москвѣ или Новгородѣ, для изученія русскаго языка, о чемъ уже подана и просьба Наслѣднику. Онъ хотѣлъ бы жить въ Новгородѣ у кого-нибудь на хлѣбахъ и просилъ рекомендаціи въ Петербургъ, гдѣ бы ему кто-нибудь далъ нужныя указанія. Но все это теперь еще рано, потому что Богъ знаетъ, какъ просьба его будетъ принята. Юноша съ виду бойкій, рослый и много обѣщающій; я слышалъ,

[1]) Шведскій поэтъ, см. выше, стр. 104.

что онъ очень прилеженъ, предпріимчивъ и стоекъ, но, сидя на мѣстѣ, онъ не можетъ много заниматься, потому что у него глаза ослабли.

Вчера послѣ обѣда принялся я читать вслухъ Долгоруковыхъ: какъ занимательно! Трудно разставаться съ книгой.

Вспоминаю вдругъ, что здѣсь на прошлой недѣлѣ, въ 9-мъ часу, близъ университета, два человѣка напали на студента, повалили его, взяли у него рублей 150 денегъ и шубу, да еще такъ приколотили, что онъ въ опасности. Подобныхъ случаевъ было нѣсколько въ эту зиму.

17.

(Плетневъ — Гроту) ***Спб., пятница, 31 января, 1841.***

Отвѣтъ на письмо отъ 26 января. Не нужно говорить вамъ, добрый другъ мой Яковъ Карловичъ, съ какимъ чувствомъ я принимаю все, что вы придумываете для охраненія моего здоровья отъ малѣйшей опасности. Но увѣряю васъ искренно, что со мною не произошло ничего такого, почему бы я долженъ былъ чего-нибудь опасаться. Что касается до регулярной жизни, я и самъ ее люблю и всегда сберегаю себя отъ бдѣнія ночного, лишь только это бываетъ въ моей возможности. Никто такъ о своемъ здоровьѣ не хлопочетъ, какъ всякій самъ по себѣ. Будто кому хочется умереть преждевременно! Иногда, конечно, пересидишь долѣе; но я умѣю это и вознаграждать. Я всегда былъ глубокимъ политикомъ насчетъ равновѣсія между трудомъ и отдыхомъ. Но мнѣ досадно, что вы потревожены безъ важной причины. Вамъ ѣхать сюда для меня? Это ни на что не похоже. Когда будетъ возможность, мы конечно увидимся, но не по пустякамъ же. Вы желаете знать, какое вообще впечатлѣніе осталось по прочтеніи Фритіофа. Я всегда затрудняюсь отвѣчать на подобные вопросы, пока не изучу книги по печатному экземпляру. Для этого мнѣ нужно одному изучить сочиненіе. Теперь же я могу только сказать, что интересъ возрастаетъ по мѣрѣ чтенія, что оно живо переноситъ въ тотъ вѣкъ, который описывается, и что отъ поэмы такъ и вѣетъ новостію сюжета и свѣжестію красокъ. Есть много, особенно въ концѣ, какого-то меланхолическаго чувства. Но о подробностяхъ буду говорить тогда, когда получу печатный экземпляръ.

Соглашаясь съ вашимъ отзывомъ о Современникѣ, не раздѣляю только мнѣнія, будто „Вальсъ“ хуже „Галопада“. Оба слабы, но первый все болѣе содержитъ поэтическаго. Что касается до „Риѳмы“ Баратынскаго, ее надобно почитать символомъ поэтическихъ ощущеній, которыя дѣйствительно сами по себѣ только и служатъ возмездіемъ поэту за его никому не радостныя усилія. Стихи *Борго* еще не посылаю, потому что еще не переписала ихъ Александра Осиповна. Конечно, ихъ кстати напечатать въ финляндской книгѣ. Для Совре-

менника вы можете прислать и другое что. Константинъ Карловичъ доставилъ мнѣ нѣсколько латинскихъ брошюръ, не сказавъ, что это для Одоевскаго. Я ихъ и раздарилъ въ университетѣ. Да это и приличнѣе. Одоевскій разсѣянъ, ничего бы изъ нихъ не сдѣлалъ, не зная самъ по-латыни.

Журналъ. Середа (29 января). Два дня сряду не выѣзжалъ. Утромъ, читая Полицейскую Газету, вдругъ увидѣлъ, что скончалась графиня Армфельтъ [1]), жена Александра. Черезъ пять минутъ явился ко мнѣ съ визитомъ и графъ Густавъ Армфельтъ. Каково положеніе Матильды! Всѣ балы и маскарады она видѣла какъ во снѣ. Но вотъ что въ ней всѣмъ нравится: она такъ спокойно и безропотно покорилась судьбѣ, какъ будто и не мечтала объ удовольствіяхъ Петербурга. Принесли отъ васъ письмо.

Четвергъ (30 января). До вечера провелъ время за разными пустяками. Стали собираться посѣтители. Первый прибылъ Панаевъ, потомъ Грипенбергъ, Бѣлинскій, Константинъ Карловичъ, Кодинецъ, Ѳ. Ѳ. Корфъ и одинъ помѣщикъ Родичевъ. Сей-то послѣдній мужъ овладѣлъ всею бесѣдой. Онъ разобидѣлся, когда мы вздумали-было потѣшить его статьею Корфа о провинціалахъ. Онъ началъ доказывать, что авторы ничего не знаютъ о провинціи, напавъ прямо на Панаева, который оказался несвѣдущимъ, въ какихъ уѣздахъ и въ какой губерніи досталось ему новое наслѣдство. Это очень тѣшило всѣхъ.

Пятница (31 января). Отправился къ В. К. Ольгѣ Николаевнѣ. Дочитали объ Испаніи, выбирали интереснѣйшее изъ хроники въ Германіи. Я разсказалъ Великой Княжнѣ о несчастіи Матильды. Она очень сожалѣетъ о ней. Воротясь домой, поѣхалъ къ графу Густаву [2]) съ визитомъ. Не засталъ дома. Отъ него къ графинѣ Пушкиной. Какъ я послѣ узналъ, Матильды не была дома, то графиня не приняла меня, приказавъ просить сегодня же на чай. Засталъ тамъ кучу: Демидову, трехъ старухъ сестеръ графа, съ дочерьми и сыновьями, Мунка [3]) съ женой, Сологуба-отца [4]) и проч. и проч. Матильда обошлась со мной очень мило и умно. Безъ приторныхъ восклицаній и безъ обидной холодности. Разсказывали, что вчера въ маскарадѣ Наслѣдникъ танцовалъ съ Marie.

[1]) Рожденная Оксеншерна — дочь шведскаго министра при датскомъ дворѣ. Вторично гр. Александръ Армфельтъ женился (1843 года) на Александрѣ Николаевнѣ (Aline) Демидовой, дочери генералъ-маіора Николая Ивановича Демидова, впослѣдствіи генералъ-адъютанта и сенатора.

[2]) Армфельту.

[3]) Іоганъ Рейнг. Мункъ (Munck), тогда генералъ-маіоръ, командиръ л.-гвард. Преображенскаго полка, впослѣдствіи вице-канцлеръ Александровскаго университета (ум. 1865 г.).

[4]) Графъ Александръ Ивановичъ, тайн. сов., отецъ писателя, ум. 1844 г.

18.

(Гротъ — Плетневу) *Гфорсъ, воскр., 2 февр., 5 ч. утра 1841.*

Отвѣтъ. Фритіофа, какъ и вы полагаете, буду печатать только 500 экземпляровъ. Я забылъ спросить васъ: когда вы читали поэму, часто ли вамъ встрѣчалась надобность справляться съ письмами, или вы довольно хорошо помнили все нужное? Это мнѣ нужно знать для окончательныхъ соображеній. Малочисленность подписчиковъ на Современникъ вовсе не утѣшительна. Непонятно, отчего онъ такъ несчастливъ. Когда меня здѣсь спрашиваютъ о немъ, я, между прочимъ, всегда употребляю параболу: когда-де на улицѣ два человѣка бранятся или дерутся, всѣ прохожіе останавливаются и смотрятъ; а когда на улицѣ же двое разговариваютъ мирно и тихо, всѣ идутъ мимо, вовсе не обращая на нихъ вниманія. Современникъ — тихо разговаривающій господинъ, а публика — прохожіе. Остальные журналы — бранящіеся на улицѣ люди.

Если Никитенко продержитъ Фритіофа долѣе крайняго по уставу срока, напомните ему о моей рукописи; пора печатать. Надѣюсь, что вы послѣ моего послѣдняго письма взялись за разумъ и лѣчитесь не на шутку. Если нѣтъ, то я вамъ болѣе не корреспондентъ; переписывайтесь съ кѣмъ хотите, а я буду писать только къ Александрѣ Осиповнѣ. Какова бы ни была участь вашей записки, вы не можете никогда сожалѣть, что подали ее. Доводы ваши для неприглашенія Траверсе, доказываютъ только необдуманную строгость вашу въ сужденіи о 18-тилѣтней дѣвушкѣ. Если даже мы съ вами (по крайней мѣрѣ я; можетъ быть, вы — святой), живя постоянно въ такой атмосферѣ, гдѣ все къ тому направлено, чтобы вести насъ къ величайшему благоразумію въ дѣйствіяхъ: мы читаемъ, мыслимъ, разговариваемъ о предметахъ серіозныхъ, сами пишемъ, — если и при такихъ занятіяхъ и при нашихъ лѣтахъ мы подвержены вліянію обстоятельствъ и часто впадаемъ, сами того не замѣчая, въ пошлую суетность, то простительно ли намъ требовать стоической твердости или даже мудрости отъ ребенка, окруженнаго чадомъ свѣтскихъ удовольствій?

Ваша строгость въ этомъ случаѣ такъ противорѣчитъ вашему обыкновенно мягкому характеру. Быть въ дружбѣ очень похвально, но ставить въ ничто всѣхъ, не имѣющихъ счастья принадлежать къ святому союзу, это уже слишкомъ не по христіански. Гдѣ же тотъ патентъ, по которому мы вправѣ считать себя привиллегированными жителями Божіей Имперіи? Счастливы мы, если намъ удалось раздуть въ себѣ искру, Богомъ въ насъ положенную, но мы не должны забывать, что та же искра таится и въ груди всякаго человѣка, и чѣмъ

отвергать другихъ, должны не упускать ничего, чтобы словомъ или дѣломъ на нихъ дѣйствовать.

Говоря о Регули, вы употребили слово *хамъ*; что оно значитъ? Когда увижу Урсина, подробно разспрошу его, какъ онъ сносится съ канцлеромъ, а покуда имѣю основаніе думать, что черезъ графа, за которымъ осталась обязанность посредника или руководителя. Силуэты графскіе похожи; копіи сданы въ семейство, подлинники у меня, о чемъ извѣстно и оригиналамъ. Изъ Борго я забылъ написать вамъ, что Брунѐръ, внукъ Францѐна, перевелъ для своего дяди статью вашу изъ Современника и, вѣроятно, уже послалъ ее съ отрывками изъ моей. Постараюсь достать этотъ переводъ для Гартмановыхъ.

Вы опять начали помѣщать въ письмахъ своихъ вещи, которыхъ, помните, вы рѣшили было не помѣщать на случай, когда письма читаются не одними нами. Хорошо сдѣлаете, если будете держаться этого правила. Я разумѣю то мѣсто, гдѣ рѣчь о Хомяковѣ. Чистяковъ — это тотъ, который, если не ошибаюсь, сюда просился? Въ чемъ сущность брани Сенковскаго на Основьяненко? Объ отношеніяхъ здѣшнихъ не спрашивайте: или я не гожусь для такихъ наблюденій, или не довольно трусь въ кругу самихъ дѣйствующихъ (ибо рѣдко съ ними разговариваю), или время было еще слишкомъ коротко, только до сихъ поръ я не умѣю удовлетворить вашего любопытства, котораго (къ стыду моему) и не раздѣляю.

Журналъ вкратцѣ. Въ четвергъ нигдѣ не былъ, кромѣ улицъ: послѣ обѣда восхищался снова захожденіемъ солнца, послѣ — чтеніемъ „Долгорукихъ“ вслухъ. Какой увлекательный разсказъ, какія трогательныя черты величія души въ жизни Якова Ѳедоровича! Читая вслухъ, я едва не плакалъ, и голосъ мой былъ не твердъ. Въ пятницу тоже были у меня: Тенгстремъ, Акіандеръ, Норденстамъ [1]). Акіандеръ уже перевелъ статью Сологуба, о чемъ объявите съ поклономъ отъ меня. Сбираемся вмѣстѣ прочесть переводъ. *Вопросы*: гдѣ напечатаны стихи Пушкина *Въ деревнѣ?* Какой Долгоруковъ — авторъ книги?

19.

(Плетневъ — Гроту) ***Спб., вторн., 4 февр., 11¾ ч. веч. 1841.***

Отвѣтъ на письмо отъ 30 января. Вотъ нѣкоторыя обстоятельства, необходимыя для уразумѣнія стихотворенія Жуковскаго на смерть Екатерины Павловны. Три первыя строфы изъ Мессинской невѣсты Шиллера: „Кого спѣшишь ты, прелесть молодая“, и проч. относится къ императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ, у которой онъ сидѣлъ въ кабинетѣ, когда императоръ Николай Павловичъ постучался, чтобы ее

[1]) Отставной подполковникъ, о которомъ выше, стр. 113.

вызвать и объявить о смерти королевы Виртембергской; „Судьба смѣяться любитъ намъ“ и проч. говорится о томъ, что, когда въ городѣ и во дворцѣ всѣ знали объ этой смерти, Марія Θеодоровна одна не знала, ибо никто не имѣлъ духу ей объявить. Она даже болѣе обыкновеннаго была успокоена на счетъ больной дочери, которая не задолго до смерти своей написала къ ней; что ей лучше. „Ты, знавшая житейское страданье“ и проч. обращено къ императрицѣ Елизаветѣ Алексѣевнѣ, которая тогда, бывъ за-границей, ѣхала по назначенію обѣдать къ Екатеринѣ Павловнѣ въ день, въ которой пришлось ей умереть. „Чего чы ждешь?“ и проч. говорится къ мужу королевы, и послѣ ея смерти невѣрившему своему несчастію, сидѣвшему надъ мертвою и ждавшему, что она очнется. Но и безъ этихъ частностей вчитайтесь въ такія, напримѣръ, строфы: „И вотъ сія минутная царица!“ или: „Что ей дерзнетъ сказать языкъ земной?“ или „Несчастье нашъ учитель, а не врагъ“ или: „Святой символъ“ и проч. Короче: попробуйте это все теперь читать съ кѣмъ-нибудь—тогда увидите эффектъ. Но читайте немножко съ музыкой, а не такъ, какъ иногда вы любите профанировать стихи. Насчетъ чтенія журналовъ, газетъ, новостей и пошлыхъ книгъ я давно вамъ проповѣдывалъ то, до чего вы, наконецъ, дошли собственнымъ убѣжденіемъ. Поздравляю васъ! Точно, довольно изучать одно великое и безсмертное. Все читать, значитъ—любить комеражничество. Когда я въ первый разъ читалъ Шекспира, у меня даже родилась мысль: не затвориться ли съ однимъ имъ на цѣлую жизнь. Вѣдь онъ разрѣшилъ всѣ вопросы и философіи, и краснорѣчія, и поэзіи: зачѣмъ же искать того у другихъ, когда онъ обо всемъ сказалъ и полнѣе и глубже? Но вамъ, дѣйствительно, совѣстно губить время на мелочи, когда передъ вами всѣ европейскіе первоклассные геніи раскрыты. Правда, примѣры другихъ и ежедневная болтовня о мелкой современности легко могутъ потрясти самую твердую рѣшимость. Но пора быть мужемъ въ существеннѣйшемъ дѣлѣ для блага жизни.

Письма Тургенева адресованы по большей части къ Вяземскому. Впрочемъ, ему все равно — лишь бы писать, т. е. болтать. Не обвиняйте Пушкину. Право, она святѣе и долѣе питаетъ меланхолическое чувство, нежели бы сдѣлали это многія другія. Съ другой стороны въ этомъ и видна верховная премудрость и благость въ отношеніи къ смертнымъ, что они способны одно впечатлѣніе замѣнить, наконецъ, другимъ. Безъ этого невозможно было бы жить на землѣ. Пожалуйста, пришлите и непремѣнно копію съ рескрипта Наслѣдника. Я не знаю, кто писалъ, да и не слыхалъ до васъ объ этомъ. Цигнеусъ съ вами пилъ мое здоровье, вѣрно по предчувствію, что я ему посвятилъ свою пьесу. Думаю, что для финляндцевъ, въ хорошемъ переводѣ, она будетъ любопытна. По-русски, конечно, она смѣшна потому,

*

что все это мы уже знаемъ наизусть. Но я полагаю, что распространеніе въ Финляндіи хорошихъ мыслей о нашей литературѣ надобно было начать именно тѣмъ, что̀ ихъ невольно привлечетъ предметомъ, о которомъ нельзя же будетъ имъ не прочесть чего-нибудь. Что за мысль Эману жить въ Новгородѣ, гдѣ и говорятъ-то по-новгородски все на́ *о*? Ужъ лучше пусть остается въ Петербургѣ, да ходитъ ко мнѣ. Тотчасъ заговоритъ по-русски: обѣгалъ бы шведовъ, да высшаго круга! Какіе ужасы водворяются у васъ: людей грабятъ, да еще и бьютъ. Дойдетъ, наконецъ, и до смертоубійства. Ужели голодъ причиной или распространяющійся развратъ? Объ этомъ Теслеву, и особенно барону (полицеймейстеру) надобно подумать посеріознѣе. Хорошо пресѣчь зло въ началѣ, иначе оно укоренится.

Журналъ. Передъ обѣдомъ въ *субботу* у Максимовича я заѣхалъ къ Балабинымъ *(1 февраля).* Вчера была свадьба ихъ старшаго сына съ дочерью Уварова (министра). Я тамъ нашелъ молодыхъ. Отецъ и мать стали собираться къ обѣду у министра. Я остался съ Marie. Она очень худѣетъ. Боюсь, но думаю, что она уже не здѣшняя.

Воскресенье (2 февраля). Я получилъ письмо отъ жены покойнаго Свиньина [1]), которая мнѣ жалуется, что Краевскій не платитъ ей 9 тыс. асс., по условію съ мужемъ, назвавшимъ меня съ Дубельтомъ [2]) и Вл. Панаевымъ третейскимъ судьею. Ходилъ совѣщаться съ Дубельтомъ, но не засталъ; за то нашелъ Панаева: условились завтра сойтись у Дубельта.

Понедѣльникъ (3 февраля). Къ Дубельту положили призвать Краевскаго и пока остановить въ почтамтѣ выдачу ему денегъ. А онъ и никому не думаетъ платить. Квиткѣ тоже не отдаетъ 700 руб. За прошлогодній Современникъ мнѣ не платитъ же рублей съ 200 съ чѣмъ-то. Ильина сидѣльца прогналъ безъ денегъ, а съ какимъ-то ничтожнымъ векселемъ. Вотъ благородные представители нашего мыслящаго общества! *A propos:* выпишите мнѣ (да не забудьте) заглавія французскихъ книгъ, въ коихъ есть любопытныя подробности о скандинавахъ, ихъ исторіи, жизни, религіи, и проч. Съ Александрой Осиповной читали еще Бѣлинскаго статью о поэзіи Лермонтова. Ужъ надоѣлъ съ своимъ широковѣщаніемъ, а паче съ возгласами о міровой геніальности Лермонтова. Вотъ дается же человѣку потѣха!

Вторникъ (4 февраля). Читалъ съ Великой Княжной Ольгой Николаевной окончаніе хроники. Но болѣе болтали. Она божественно терпѣлива и выслушиваетъ самыя тяжелыя замѣчанія насчетъ жизни и

[1]) Павла Петровича, члена Россійской академіи, основателя „Отечественныхъ Записокъ“, ум. 1839 г.

[2]) Леонтіемъ Васильевичемъ, генераломъ, управляющимъ III Отдѣленіемъ Собственной Его Величества Канцеляріи, ум. 1862 г.

истины. Пришелъ Наслѣдникъ. Я попенялъ, что онъ печатаетъ свои сочиненія, не показывая мнѣ. Шутили. Онъ въ восхищеніи отъ Marie Траверсе. Я сказалъ: не даромъ съ нею и танцовалъ онъ. Удивляется, какъ я все знаю. Я сказалъ, что у меня вездѣ за нею ходятъ шпіоны. Разсказалъ я и о бѣдѣ съ прибитымъ и ограбленнымъ студентомъ. Но онъ не подумалъ открыть мнѣ, кто писалъ напечатанный рескриптъ. Передъ обѣдомъ писали съ меня портретъ.

20.

(Гротъ — Плетневу) *Гфорсъ, среда, 5 февраля 1841.*

Смѣсь. На-дняхъ сдѣлалъ я весьма важное открытіе: самыя имена наши указываютъ мѣста, гдѣ мы должны жить: *Петръ П*летневъ живетъ въ *Пет*ербургѣ, *Г*ротъ въ *Г*ельсингфорсѣ, а *О*сиповна и *О*ли на *О*стровѣ.

Отвѣтъ. Ваши философствованія на тему, что всякій самъ лучше всѣхъ знаетъ свое здоровье и печется о немъ, суть прямые софизмы. Не безпрестанно ли видимъ мы, что люди, заглушая голосъ благоразумія, сами себѣ приносятъ величайшій вредъ, являются своими собственными врагами, губятъ себя? Это неопровержимо. Горько, что мои совѣты произвели такъ мало дѣйствія. Если надъ вами безуспѣшны приказанія, я готовъ просить, умолять васъ, даже на колѣняхъ, чтобы вы только не пренебрегали тѣмъ голосомъ, который глухо внутри васъ самихъ говоритъ, что вы неправы.

Генералу Рамсаю отдалъ я экземпляръ Современника, назначенный для Ленрота. Этотъ чухонецъ все шатается, и ему не время читать насъ. Еще и прошлогоднія книжки ему не доставлены, но онъ въ одномъ письмѣ просилъ сердечно благодарить васъ съ поклономъ отъ него. Я тогда забылъ это. Наслѣдникъ протанцовалъ съ Marie Траверсе только одну туру въ мазуркѣ, что сдѣлалъ очень милымъ образомъ. Она сама писала о томъ тёткѣ и m-lle Haartman: послѣднюю опять увѣряла, что *всегда* по вечерамъ читаетъ мои стихи. Ужъ вѣрно приврала.

Журналъ. Въ понедѣльникъ, между утренними занятіями, принялся я готовиться къ статьѣ, обѣщанной Эману; къ несчастію у меня, кромѣ Кёнига, не было къ тому почти никакихъ матеріаловъ. Теперь есть у меня и словарь Евгенія. Эта статья представляетъ для меня удобный случай ознакомиться получше съ исторіей русской литературы; я буду читать и наблюдать не спѣша, а послѣ извлеку эссенцію для Эмана съ вашею помощію. Послѣ обѣда, со скалы, гдѣ любовался закатомъ солнца, побѣжалъ на почту и получилъ письма; во время чтенія ихъ пришелъ Акіандеръ повѣрять статью Сологуба; онъ, какъ аккуратный прозаикъ, слишкомъ строго придерживается словъ, слиш-

комъ робокъ и рабъ. Цигнеусъ послѣ пересмотритъ и переправитъ переводъ. Вечеромъ пошелъ къ Рамсаю-генералу съ Современникомъ. Болтали непринужденно, между прочимъ, ругали отъ сердца Дершау [1]) за его статьи въ „Пчелѣ“ о Финляндіи. На него ужасно злы здѣсь, и признаюсь, есть за что; лучше ему больше не пріѣзжать сюда. Вчера, вышедъ изъ дому, встрѣтилъ я Урсина. Онъ сказалъ мнѣ, что пакеты адресуются прямо на имя Наслѣдника, у котораго секретаремъ Шультѣнъ, но неизвѣстно, самъ ли Наслѣдникъ распечатываетъ ихъ. Во время обѣда принесли книги и статью отъ васъ [2]). Благодарить я не буду, потому что не умѣю. Статья ваша изумила меня самымъ пріятнымъ образомъ. Какой добрый геній и въ какую минуту шепнулъ вамъ такую счастливую мысль? Лучшаго предмета нельзя было выбрать,— и вы занимательностію статьи своей, особливо для финляндцевъ, займете въ книгѣ первое мѣсто. Тотчасъ послѣ обѣда, я прочелъ съ жадностью тетрадь вашу. Прекрасно; только не оставайтесь въ заблужденіи, что сказанное вами обо мнѣ будетъ напечатано. Чтобъ похвала мнѣ прошла черезъ мои руки? Помилуйте, это будетъ похоже на издателей Пчелы! Имя съ эпитетами будетъ замѣнено однимъ глаголомъ въ третьемъ лицѣ множественнаго числа. Скажите и Сологубу, что его выраженіе: „благодаря вашему трудолюбивому гостю“ будетъ пропущено. Не старайтесь разувѣрять меня: тщетный трудъ; внутреннее чувство тутъ совѣтуетъ всего вѣрнѣе. У Сологуба, сверхъ того, должны быть выпущены, или нѣсколько измѣнены, и другія выраженія, гдѣ онъ слишкомъ восхваляетъ финляндцевъ. Это было бы смѣшно; въ этомъ онъ можетъ смѣло положиться на насъ, видящихъ все вблизи; его статья ничего не потеряетъ отъ этого. Вы у себя кажется выпустили изъ виду ошибку, которую Баратынскій и Батюшковъ дѣлаютъ, говоря объ *Одиновыхъ* сынахъ и т. п. въ Финляндіи. Это надобно оговорить.

Батюшкова картина Финляндіи здѣсь вовсе не пользуется репутаціей *вѣрности*, напротивъ! Притомъ она уже извѣстна финляндцамъ, и вы о ней много не распространяйтесь. Извѣстны ли вамъ письма князя Гагарина (кажется) изъ Финляндіи, подъ заглавіемъ: *Тринадцать дней въ Финляндіи*. Пробѣгите ее: можетъ быть, что-нибудь выпишете. Сверхъ того, обратите вниманіе на Путешествіе Императора Александра въ Каяну, описанное Грипенбергомъ (братомъ нашего): любопытная вещь. Ее стоитъ прочесть даже для удовольствія. Далѣе вспомните статью, которая была напечатана въ Литературной Газетѣ

[1]) Ѳ. Дершау, авторъ незначительныхъ статеекъ о Финляндіи, книжки „Финляндія и финляндцы“ (см. Современ. XXVI 1842 г., стр. 40) и позже основатель журнала „Финскій Вѣстникъ“.

[2]) Статья „Финляндія въ русской поэзіи“, написанная Плетневымъ для задуманнаго юбилейнаго альманаха, гдѣ и была напечатана, см. Соч. Плетнева, т. I, стр. 445.

чуть-ли не Сомовымъ о поѣздкѣ на Иматру. Это дастъ вамъ возможность сказать слова два о Дельвигѣ, о томъ, что онъ былъ сынъ шведа, что его фамилія есть и въ шведской литературѣ (не знаменитый авторъ) и что въ его газетѣ не разъ помѣщались статьи о шведской литературѣ. Упомяните также о статьѣ Одоевскаго и, если найдете что достойнымъ выписки, выпишите: это здѣсь будетъ любопытно. Мимоходомъ гдѣ-нибудь замѣтьте, что многіе ошибочно подъ водопадомъ Державина разумѣютъ Иматру [1]). Имя Булгарина желалъ бы я исключить изъ вашей статьи (вы говорите, что эпиграмма Пушкина была противъ него). Впрочемъ — какъ думаете. Вчера былъ я на балѣ у Меллиныхъ: очень блистательно. Я плясалъ довольно много. Гартманы и вторая Траверсе по мнѣ всего милѣе. Отецъ первыхъ ѣдетъ на-дняхъ въ Петербургъ. Цигнеусъ еще не знаетъ о вашемъ посвященіи; хочу еще сегодня побывать у него.

Четвергъ. Чуть было не забылъ сказать вамъ, что въ самый день полученія книгъ вашихъ, написалъ я по-шведски экзаметры для надписанія на нѣмецкомъ Пушкинѣ. Переведу ихъ и доставлю вамъ. Пушкина отдамъ въ переплетъ. Вчера былъ у Цигнеуса, но не засталъ его дома; оставилъ у него начало вашей статьи.

21.

(Плетневъ — Гроту) ***Спб., суб., 8 февр. 1841.***

Отвѣтъ на письмо отъ 2 февраля. При чтеніи поэмы *(Фритіофа)* совсѣмъ почти не было нужды заглядывать въ письма: но это оттого, что мы съ большимъ вниманіемъ перечитали напередъ письма. Во исполненіе сильныхъ убѣжденій вашихъ, я было поспѣшилъ Матильдѣ и Магіе предложить вечеръ у Ал. Ос., ибо Оли не можетъ пока ѣздить ко мнѣ; но, какъ увидите изъ журнала, это дѣло не могло устроиться по неистощимому запасу интереснѣйшихъ развлеченій, ежедневно приготовляемыхъ здѣсь для модной красавицы. Слово „хамъ“ есть техническое и соотвѣтствуетъ въ моемъ употребленіи слову: „пошлый“ или, какъ говорится въ свѣтѣ, un homme tout à fait ordinaire. Развѣ Брунèръ такъ хорошо знаетъ по-русски, что можетъ изъ Современника переводить? О стихахъ Хомякова и ихъ поднесеніи считаю себя въ правѣ говорить вездѣ: зачѣмъ не называть вещей ихъ собственнымъ именемъ? Не этотъ Чистяковъ искалъ мѣста въ Гельсингфорсѣ, а братъ его, нынѣ служащій въ Полоцкѣ [2]). Сей же извѣстенъ переводомъ статей

[1]) Впрочемъ, я забылъ, что у васъ рѣчь идетъ только о поэтахъ, слѣдовательно все это было бы неумѣстно. *Прим. Я. Г.*

[2]) Василій Борисовичъ, помощникъ инспектора классовъ въ Полотскомъ кадетскомъ корпусѣ, позже инспекторъ классовъ Брестскаго кадетскаго корпуса.

изъ итальянскаго для Прибавленій къ Русскому Инвалиду. Сенковскій о Квиткѣ говоритъ, что его сочиненія есть mauvais genre; что у него нѣтъ слога и подлый языкъ; что его сцены никого не интересуютъ, ибо касаются пороковъ и недостатковъ провинціальныхъ и частныхъ. Словомъ въ обвиненіи что̀ буква, то противорѣчіе здравому смыслу и теоріи искусства. Стихи Пушкина, въ послѣдній разъ написанные имъ въ деревнѣ, напечатаны въ Современникѣ того года, который издавали его пріятели. Теперь готовятся еще два тома его сочиненій, не вошедшихъ въ прежніе восемь,— гдѣ, впрочемъ, много и ничтожнаго, особливо такъ называемыхъ лицейскихъ стиховъ — тамъ будутъ и эти стихи. Я вамъ пришлю изданіе, когда выйдетъ. Авторъ — Долгоруковъ есть Петръ [1]), молодой человѣкъ, называемый *ноги колесомъ*, изъ камеръ-пажей, теперь штатскій.

Журналъ. Среда (5 февраля). Былъ въ университетѣ. У Оли провелъ вечеръ. Читали ваше письмо и глупую статью Бѣлинскаго о стихотвореніяхъ Лермонтова. У меня еще были поэты Франціи XIX вѣка въ компактномъ изданіи. Мы читали Андрэ Шенье и Мильвуа.

Въ *четвергъ* въ 12 часовъ пустился къ Матильдѣ поручить ей просить Marie на вечеръ къ Оли и Ал. Ос. Тамъ уже были: графиня Гедвига съ меньшою сестрой и графиня Ребиндеръ съ воспитанницей. Я безъ церемоніи растолковалъ Матильдѣ, что ей и Marie нужно побывать у Ал. Ос. и короче познакомиться съ нею, ибо-де Яковъ Карловичъ очень ее уважаетъ, и такъ намъ всѣмъ, для интересу корреспонденціи, нужно знать другъ друга. Она меня скоро поняла и назначила сама субботу, зная, что и Marie свободна до Одоевскаго вечера. Но окончательное слово обѣщала сегодня же въ маскарадѣ Дворянскаго собранія. Я поѣхалъ къ Ал. Ос. удивить ее будущимъ счастьемъ, что у нея съѣдутся *луна* и *солнце*. Въ 12 часовъ былъ я уже въ маскарадѣ. Я засталъ еще конецъ бала. Marie танцовала во всемъ блескѣ и торжествѣ. Наслѣдникъ и прочая молодежь восхищались ею и танцовали съ нею. Увидѣвъ отца, изъ учтивости я началъ изъяснять ему, какъ онъ одолжитъ всѣхъ насъ, если позволитъ дочери ѣхать часа на полтора, avant la soirée, къ m-lle Ischimoff. Съ трудомъ растолковалъ я — что̀ за отношенія мои и Marie къ таковой дѣвицѣ. Но онъ объявилъ, что, какъ балы не позволили имъ часто бывать въ театрѣ, то они и рѣшились въ субботу туда ѣхать. Я его и оставилъ съ симъ. Наконецъ, маскарадъ начался. Ко мнѣ подошли три маски и сдали одну на руки. Это была Матильда. Я долго ходилъ съ нею,

[1]) Князь Петръ Владиміровичъ, извѣстный составитель „Россійскаго родословнаго сборника“, потомъ эмигрантъ и писатель (тоже и на французскомъ языкѣ), умеръ 1868 г.; его „Сказанія о родѣ князей Долгоруковыхъ“, изд. въ 1840 г., Спб., 2-е изд. въ 1842 году.

ища Магіе для нашихъ общихъ переговоровъ. Наконецъ, мы увидѣли ее. Мятлевъ и Паткуль такъ и теребили ее. Мы съ Матильдой отозвали Магіе въ сторону. Буффонъ Мятлевъ, взявъ со столика два ножа, подалъ мнѣ одинъ въ знакъ, что моя короткость съ Магіе должна кончиться уничтоженіемъ одного изъ насъ. Погримасничавъ надъ этой штукой, я началъ опять толковать Магіе о нашемъ планѣ. Она объявила, что они отозваны къ кому-то на вечеръ, — и такъ нельзя перемѣнить ужъ ничего. Я взялъ Матильду и пошелъ гулять по залѣ. Наконецъ, чувствуя монотонность сценъ, передалъ ее Шернвалю, а самъ готовился домой. Но меня подхватила маска. Не знаю, навѣрное, кто это былъ; а думаю, что сестра княгини Шаховской, княгиня Оболенская изъ Москвы. Мы еще видѣли съ нею Магіе и Паткуля. Господинъ, про котораго въ прошломъ письмѣ я говорилъ, что восхищался Магіе, и которому я замѣтилъ: оттого-то и танцуетъ онъ съ нею, подошелъ въ маскарадѣ ко мнѣ и сказалъ: „посмотрите, какъ вся публика собралась и любуется на вашу protegée. Это пріятно, прибавилъ онъ, что русскіе умѣютъ цѣнить красоту. Если бы я теперь былъ въ Италіи, то составилъ бы партію и мы всѣ пошли бы ей апплодировать. Тамъ такой обычай, а здѣсь нельзя." Я убрался до 2-хъ часовъ домой.

Въ *пятницу* съѣзжались къ Дубельту. Краевскій упросилъ предложить Свиньиной въ уплату 100 билетовъ на Отечественныя Записки. Каковъ!

22.

(Гротъ — Плетневу) ***Гфорсъ, суббота, 8 февр. 1841.***

Съ удовольствіемъ увидѣлъ въ началѣ письма вашего, любезный Петръ Александровичъ, что оно писано *до полуночи;* но все-таки 11³/₄ уже не законный часъ: въ 11 вы должны быть уже въ постели. Надѣюсь, что вы въ послѣдній разъ позволили себѣ такое отступленіе. Не забывайте никогда отмѣчать въ точности часъ, когда пишете ко мнѣ. День довольно долгъ для нашихъ земныхъ дѣлъ и не умѣть распоряжаться имъ — грѣхъ. Не понимаю, какъ человѣкъ, столько уважающій природу, какъ вы, можетъ такъ оскорблять ее. Вотъ ваши столицы! Жизнь ихъ приводитъ и самыхъ благоразумныхъ къ смѣшнымъ и унизительнымъ противорѣчіямъ. Ниже я васъ еще разъ обличу въ этомъ.

За объясненія къ стихамъ Жуковскаго на смерть Виртембергской королевы я вамъ очень обязанъ, но признаюсь, что хотя отъ нихъ пьеса и сдѣлалась занимательнѣе, а все-таки она только мѣстами производитъ болѣе сильное впечатлѣніе. Вообще въ ней преобладаетъ декламація; какая разница съ чувствами — предъ гробомъ императрицы Маріи Ѳеодоровны! Parlez moi de ça! Тутъ видно, что стихи лились

отъ души, а въ первой сочинитель тянулъ ихъ, цѣпляясь за риѳмы. Вы совѣтуете для бо̀льшаго эффекта прочесть стихотвореніе вслухъ; нѣтъ — музыка стиха должна быть дѣломъ придаточнымъ, а основѣ стихотворенія не надобно ничего заимствовать отъ нея для эффекта. Когда пьеса исполнена достоинства, я всего лучше оцѣню ее, прочитавъ наединѣ, про себя. Тогда, если она мнѣ очень понравится, прочту ее вслухъ и наслажусь еще болѣе. Гдѣ умерла В. К. Екатерина Павловна? Къ убѣжденію въ безполезности чтенія журналовъ и т. п., мнѣ нуженъ былъ собственный опытъ, потому что: 1) для человѣка мыслящаго всякій совѣтъ требуетъ испытанія на дѣлѣ, а 2) въ этомъ случаѣ есть и нѣсколько contra-уваженій: читая журналы, хочешь слѣдить за движеніемъ современныхъ людей, за состояніемъ современной словесности въ отечествѣ, словомъ, какъ говорится по-французски, être au courant de tout и притомъ хочешь имѣть чтеніе разнообразное. Этого, можетъ быть, и достаточно для тѣхъ, которые не ищутъ знаній полныхъ и систематическихъ по извѣстнымъ предметамъ, а довольствуются клочками, или не имѣютъ книгъ другого рода; но я уже нѣсколько лѣтъ всегда былъ въ раздорѣ съ самимъ собой, когда бралъ журналъ въ руки, и прежде, нежели принимался читать что-либо оттуда, всегда разсуждалъ: да не лучше ли бы, чѣмъ убивать время на чтеніе безсвязныхъ статеечекъ, прочесть одно что-нибудь большое и цѣльное? Однакоже, примѣръ соблазнялъ меня: „надобно же знать, что дѣлается и пишется въ мірѣ“, думалъ я, и такимъ образомъ читалъ журналы, но безъ удовольствія, слѣдовательно, какъ бы ничего не читалъ. Теперь меня уже не надуютъ ни Краевскіе, ни Полевые и т. п. Но объясните мнѣ: какъ вы, столько лѣтъ бывъ уже убѣждены въ этомъ, и стараясь убѣдить другихъ, сами все продолжаете читать журналы и искать въ нихъ отрады, хватаясь за статьи вовсе вамъ неизвѣстныя и убивая надъ ними бездну часовъ??

Копія. Господину исправляющему должность вице-канцлера Александровскаго университета и консисторіи онаго.

Государю Императору благоугодно было при восшествіи на престолъ Всемилостивѣйше передать мнѣ званіе Канцлера Александровскаго университета, которое Его Величество изволилъ Самъ носить до того въ продолженіе болѣе 10-ти лѣтъ. Нынѣ, съ Высочайшаго Его Величества соизволенія, я вступаю по сему званію въ дѣйствительное управленіе университетомъ и при этомъ случаѣ почитаю пріятнымъ долгомъ сообщить консисторіи, что, руководимый высокимъ примѣромъ Его Величества и теплою любовію къ наукамъ, я буду имѣть неусыпное попеченіе о благосостояніи сего учебнаго заведенія, которое мирными, положительными успѣхами на поприщѣ наукъ и истиннаго просвѣщенія пріобрѣло себѣ извѣстность и, вмѣстѣ съ тѣмъ, способствовало благоденствію и процвѣтанію Финляндіи. Съ сими чувствами и

полнымъ увѣреніемъ на ревностное содѣйствіе консисторіи въ достиженіи общей намъ цѣли, пребываю съ постояннымъ къ вамъ доброжелательствомъ

Канцлеръ Александровскаго университета.

Спб., 16 (28) января 1841.

Постарайтесь узнать, кто сочинялъ, не Шультенъ ли? Цигнеусъ въ такомъ же, какъ я, восхищеніи отъ предмета вашей статьи. И онъ находитъ, что она будетъ лучшимъ украшеніемъ книги, и уже не въ первый разъ говоритъ, что вы умнѣе всѣхъ насъ. Мы рѣшили склонить къ переводу уже извѣстнаго вамъ Лундаля, но съ тѣмъ, чтобы онъ стихи перелагалъ стихами же, не употребляя однако же риѳмъ. И по-русски статья эта для большого числа читателей будетъ любопытна. Эманъ хочетъ жить въ Новгородѣ особливо потому, что надѣется найти тамъ бо̀льшую дешевизну, нежели въ Москвѣ или Петербургѣ; притомъ, страдая глазами, онъ заниматься много не можетъ и хочетъ дѣлать поѣздки для изученія нравовъ и обычаевъ вмѣстѣ съ языкомъ. Въ Петербургѣ онъ не имѣетъ средствъ жить, да и что̀ бы сталъ онъ дѣлать тамъ безъ занятія; однако же, это условіе вездѣ затруднитъ его жизнь; впрочемъ, онъ долженъ только остерегаться слишкомъ усильныхъ занятій. Что вы посовѣтуете?

Трудно рѣшить, что было поводомъ къ ограбленію студента. Теперь онъ уже здоровъ. Не знаю, хорошо ли вы сдѣлали, разсказавъ этотъ случай Наслѣднику. Можетъ быть, дѣло хотѣли скрыть отъ него. Злодѣи не отысканы; полиція плоха. Отчего, по жалобѣ на Краевскаго, вы сперва не переговорили съ нимъ самимъ? Матильда, говорятъ, пляшетъ себѣ, какъ ни въ чемъ не бывало.

Для кого или для чего нужно вамъ знать французскія книги о скандинавщинѣ? Ихъ немного. Вотъ какія я знаю: 1) Littérature et Voyages, par Ampère, 2 vol. 2) Lettres sur l'Islande, de Marmier, 1 vol. 3) Edda, traduction de Mallet, 4) Trois poèmes de l'Edda, par Bergmann. Послѣднія два сочиненія ученыя и сухія; два первыя легки и могутъ пріятно занять. Кто пишетъ портретъ вашъ?

Журналъ. Въ *четвергъ* въ 1-мъ часу поѣхалъ съ сестрой въ Свеаборгъ къ Линку; по дорогѣ уже въ крѣпости остановились у горъ; тамъ устроены на двухъ мѣстахъ горы; въ извѣстные часы играетъ музыка, многіе пріѣзжаютъ изъ Гельсингфорса, и люди веселятся. Мы возвратились въ 5 час. Въ 6 пришелъ Акіандеръ съ статьею Сологуба; но я объявилъ, что въ $6^1/_2$ долженъ уйти, потому что надо было сдѣлать визитъ у Ерне и поблагодарить за балъ: здѣсь всякій обѣдъ, балъ и т. п. влечетъ за собой благодарственный визитъ. Оттуда пошелъ по зову къ Гартману; взялъ съ собой Современникъ, но засталъ тамъ много гостей; болтались и болтали; однако же, не скучали;

я много бесѣдовалъ съ обѣими дочерями; старшую зовутъ Розиной, имени второй не знаю [1]). Обѣ очень милыя дѣвушки; старшая такъ кротка и добра, но какъ будто немного застѣнчива; на лицѣ ея, особливо во рту, какое-то полустрадальческое выраженіе; въ этой чертѣ что-то невыгодное для ея красоты. Она рѣдко оживляется, хотя показываетъ способность къ живости. У младшей много живости въ улыбкѣ и въ глазахъ; разговоръ также болѣе живъ; у ней кажется болѣе быстрыя способности. Ихъ всѣхъ 10 дѣтей: одинъ сынъ въ Або; дома три дочери большія (3-я также обѣщаетъ много), 3 сына отъ 7-ми до 4-хъ лѣтъ, и двое крошекъ близнецовъ. Розина совершенно замѣнила имъ мать и, какъ мать, любитъ ихъ. Весь домъ на ея рукахъ. Отецъ былъ чрезвычайно любезенъ; показывалъ мнѣ письмо Францѐна, который жалуется, что никто не увѣдомилъ его, получилъ ли я стихи его; я понадѣялся на его родственника. Пишу завтра. Дѣло кончилось ужиномъ въ 12 часовъ. Вчера *(пятница)* вечеромъ отправился на балъ къ сосѣду-Рамсаю. Собралось 260 человѣкъ. Тѣснота ужасная; насилу можно было танцовать. При всемъ томъ я плясалъ усердно.

Урсинъ, бывшій тутъ же, сказалъ, что онъ вынулъ изъ пакета вашего то, что было для университета, и упомянулъ Пушкина. Скажите, сколько его частей было: я получилъ только двѣ; боюсь, не отдѣлилъ ли Урсинъ по ошибкѣ себѣ часть Пушкина, назначеннаго Рунебергу. Издатели журнала „*Суомія*“ прислали мнѣ билетъ въ возвратъ за Современникъ (Рейнъ издаетъ первую книжку, вторую Кастренъ). Сегодня, въ субботу, былъ обѣдъ у Теслева; все больше военные изъ Свеаборга; всѣхъ 45 человѣкъ.

Сегодня, въ воскресенье, я съ сестрой обѣдаю на блинахъ у Спафарьевой. Я забылъ разсказать вамъ, что вчера, въ субботу, послѣ теслевскаго обѣда, Гейтлинъ приносилъ мнѣ для поправки бумагу отъ университета въ отвѣтъ Наслѣднику. На шведскомъ она сочинена Линсѐномъ, очень хорошо; переведена Соловьевымъ. Я многое перемѣнилъ въ этомъ переводѣ. Гейтлинъ очень благодаритъ за Современникъ.

23.

(Плетневъ — Гроту) ***Спб., среда, 12 февр. 1841.***

Отвѣтъ на письмо отъ 5 февраля. Замѣчаніе ваше, гдѣ кому должно жить изъ насъ, смотря по начальнымъ буквамъ, свидѣтельствуетъ и о вашемъ остроуміи, и о веселомъ расположеніи вашего духа. Послѣднее стоитъ перваго. Что касается до спора о моемъ здоровьѣ, кажется, его можно оставить за давностію времени, тѣмъ болѣе, что нынѣ и

[1]) *Найма*, какъ ее потомъ зовутъ въ письмахъ (Naëma Aurora), была за мужемъ въ 1-мъ бракѣ за А. Гартманомъ (въ Або), во 2-мъ за Оттономъ Шультѐномъ.

ложусь я рано, и въ свѣтѣ почти не бываю, что вы и сами уже замѣтили по моему дневнику.

Предостерегаю васъ еще единожды, что Евгеній не руководитель въ мнѣніяхъ о писателяхъ. У него берите однѣ цифры и ничего болѣе. Ужели вы не запаслись хоть краткою исторіею литературы Греча? Хоть она и бездушная книжонка, но все-таки въ ней есть порядокъ появленія разныхъ сочиненій. Приговоръ произносить надобно по собственному убѣжденію, прочитавъ книгу. Для того и требуйте отъ меня поболѣе книгъ, да читайте ихъ на досугѣ. Не нашедъ пристойнымъ, а тѣмъ менѣе полезнымъ получать и терять время на чтеніе Сѣверной Пчелы, я слава Богу не знаю, что и какъ пишетъ Дершау. Думаю, что онъ хамъ, если уже не постыдился ткнуться головою въ этотъ н.....ъ.

У Наслѣдника откомандированный изъ Ребиндеровой канцеляріи чиновникъ есть — Шернваль [1]), какъ мнѣ сказывалъ самъ графъ, а о Шультенѣ я ничего не слыхалъ. Что касается до перемѣнъ въ моей статьѣ и Сологубовой, вы безъ церемоніи должны дѣлать самовластно, потому что со стороны всегда виднѣе, что кстати и что не кстати сказано. Для истины моего приговора о Батюшковой картинѣ Финляндіи можно прибавить, что она такъ уважается особенно по литературнымъ совершенствамъ. Впрочемъ, еще разъ говорю, что все въ моей статьѣ предоставляю на вашу волю. Вы справедливо замѣтили, что я, ограничась выписками изъ поэтовъ, не могу говорить ни о брошюрѣ Гагарина, ни о книгѣ Грипенберга и проч. Развѣ, въ концѣ выписокъ изъ Державина, не прибавить ли слѣдующее: „Есть еще у Державина стихотвореніе: *Жилище Богини Фриги*. Онъ описываетъ въ немъ скандинавскую богиню премудрости *Фригію*; генія поэтовъ, или Аполлона, *Браге*; богиню вреда, молніи и грома, *Скаду*; главнаго бога, Юпитера скандинавовъ, *Одина;* бога ада, или Плутона, *Локке; Валкалу*, чертогъ блаженствъ, или рай храбрыхъ — и *Валкъ* въ видѣ музъ. Но я не выписываю этого стихотворенія, потому что оно чисто аллегорическое, будучи посвящено изображенію добродѣтелей Императрицы Маріи Ѳеодоровны и ея лѣтняго мѣстопребыванія—Павловска“. О Сомовѣ не стоитъ упоминать. О Дельвигѣ когда-нибудь надо сказать въ особой статьѣ, равно и объ Языковѣ. Дельвигова фамилія изъ Лифляндіи; Одоевскій не поэтъ, да притомъ же онъ и не штудировалъ такъ Финляндіи, чтобы на него ссылаться.

Журналъ. Суббота (8 февраля). Въ 11 часу поѣхалъ къ Одоевскимъ. Тамъ нашелъ и Матильду, но Магіе не было. Я все время просидѣлъ

[1]) Тотъ-же Шернваль-Валленъ (Карлъ Эмиль Кнутъ), впослѣдствіи самъ министръ статсъ-секретарь Финляндіи, ум. 1890 г., о которомъ не разъ уже была рѣчь.

съ Матильдой. Показалъ ей Лермонтова, который пріѣхалъ въ отпускъ съ Кавказа. Карамзина нашла физіономію Матильды съ большимъ выраженіемъ характера.

Въ воскресенье (9 февраля) передъ обѣдомъ я поѣхалъ къ Ал. Армфельту. Тамъ нашелъ Ребиндера, Матильду и отца ея. Ребиндеръ сказалъ, что получилъ ваше письмо. У него я спрашивалъ о занятіяхъ Наслѣдника. Онъ сказалъ, что еще не было важныхъ докладовъ и что Шернваль откомандированъ къ нему. Проболтали до 4-хъ часовъ.

Понедѣльникъ (10 февраля). Просидѣлъ дома до вечера. Послѣ въ совѣтъ, а оттуда съ Порошинымъ къ Ал. Ос. Читали уморительно-глупыя драмы Великопольскаго [1]), псевдонимомъ называвшагося *Ивельевымъ.*

Во вторникъ (11 февраля) читалъ съ Великой Княжной Ольгой Николаевной *Бориса Годунова.* Она подарила Ал. Ос. брошь съ вензелемъ своимъ за послѣднюю часть Исторіи. Былъ у Армфельтовъ. Ѣдутъ въ пятницу.

24.

(Гротъ — Плетневу) ***Гфорсъ, среда, 12 февр. 1841.***

Отвѣтъ. Что диссертаціи попали къ профессорамъ, конечно, не бѣда, напротивъ! Говорятъ, что Брунѐръ можетъ читать по-русски, самъ скромничаетъ; я былъ у него на-дняхъ, но не засталъ. Я вижу, что критика Сенковскаго на Квитку не такъ-то совсѣмъ пуста; слогъ у него, конечно, есть и очень самостоятельный; но правда, что онъ слишкомъ уже самовластно поступаетъ съ грамматикою и позволяетъ себѣ на бумагѣ безпрестанно такія неправильности, которыя и въ разговорѣ колятъ ухо. Много у него таланта и изобрѣтательности; въ картинахъ и сценахъ чрезвычайно много истины, но много и такого, что — если не теперь, — такъ черезъ 10 лѣтъ, заставитъ сказать: „еслибъ не то и не то — такъ Основьяненко былъ бы отличный писатель". И въ книгѣ Долгорукова не безъ грѣховъ. У автора есть нѣсколько любимыхъ выраженій, которыми онъ сыплетъ при восхваленіи каждаго изъ своихъ предковъ. Да притомъ, онъ не всегда изъясняется грамотно и едва-ли безпристрастенъ. Что сказали объ его книгѣ въ журналахъ? Я получилъ все, въ послѣднемъ листкѣ вашемъ отмѣченное и сверхъ того Устрялова.

Вотъ нѣсколько замѣчаній: 1) объ окончаніи вашей статьи: вы упустили изъ виду, что финскій міръ искони, во всѣ эпохи, былъ совершенно отдѣленъ и отличенъ отъ скандинавскаго. Перенося Скандинавію въ Финляндію, наши поэты дѣлаютъ смѣшную ошибку. Вы это выразили, только не довольно опредѣленно: вы говорите о неразгра-

[1]) Иванъ Ермолаевичъ, маіоръ, писатель, ум. 1868 г.

ниченіи эпохъ и красотъ, а между тѣмъ кругъ ихъ заблужденій гораздо обширнѣе. Далѣе говорите вы, что у Батюшкова видны плоды кабинетныхъ изслѣдованій—къ сожалѣнію, нѣтъ! Какъ онъ, такъ и Баратынскій, Жуковскій и Державинъ показываютъ совершенно недостаточное и ложное понятіе о скандинавскомъ мірѣ. У нихъ и представленія и названія невѣрны; повидимому, они всѣ свои свѣдѣнія по этому предмету почерпнули (весьма ошибочно) изъ Оссіана. Это непремѣнно должно быть оговорено въ вашей статьѣ: не забудьте, что ее будутъ читать и въ Швеціи, и въ Даніи. Я съ удивленіемъ нашелъ у васъ выраженіе: „древней *вашей* Валгаллы"—„*вашимъ* древнимъ соплеменникамъ". Ужъ будто вы не знаете, что Цигнеусъ *финнъ*, и что скандинавы такъ же въ родствѣ съ финнами, какъ русскіе съ германцами? *Вейнемейненъ* и *Одинъ*—какіе диссонансы! Упоминая о пьесахъ, относящихся къ міру скандинавскому, вы забыли одну довольно замѣчательную, именно Языкова пѣснь Регнера, т. е. Рагнара. По важности и народности источника ея, преданія о Рагнарѣ Лодброкѣ на всемъ скандинавскомъ сѣверѣ,—не слѣдуетъ оставлять этой пьесы безъ вниманія. Не знаю только ея настоящаго заглавія. При всемъ томъ ваша статья не теряетъ нисколько своего высокаго достоинства, только необходимо сдѣлать въ ней кое-какія перемѣны.

2) Просивъ у васъ *Исторію* Данилевскаго по желанію Эмана, я никакъ не могу принять ее отъ васъ для себя и, прочитавъ, поспѣшу препроводить въ Борго, какъ было условлено. Считайте, что мы должники ваши.

3) Записки Казанскаго университета приняты къ храненію до дальнѣйшаго распоряженія. Онѣ напомнили мнѣ о Журналѣ Просвѣщенія. Его, если по прежнему имѣете два экземпляра, присылайте мнѣ. Какова статья Никитенки въ Сынѣ Отечества о Лермонтовѣ? Я о существованіи ея знаю изъ Нѣмецкихъ Вѣдомостей, гдѣ помѣщенъ краткій обзоръ всѣхъ русскихъ журналовъ. Авторъ, повидимому, человѣкъ съ чрезвычайно добрымъ сердцемъ, ибо всѣхъ и все хвалитъ. И насъ не забываетъ въ статьѣ о Современникѣ (№ 28). По всему видно, что туманы ваши уже произвели свое дѣйствіе. Я уже и отпѣлъ Magie. Посылаю вамъ для прочтенія стихотвореньице [1]), но съ тѣмъ, чтобы вы *никому*, кромѣ Александры Осиповны, *не* показывали его: при знаменитости вашей красавицы — какъ разъ сдѣлаешься предметомъ толковъ. Шернваль, слышалъ я, назначенъ къ особѣ Наслѣдника по дѣламъ Александровскаго университета. Радуюсь, что похвалы, публично (въ Современникѣ) возданныя мною Magie, оправдываются; стало быть, она дѣйствительно солнце, если на всѣхъ производитъ одинаковое дѣйствіе; это я вамъ уже прежде писалъ. Замѣчанія *Го-*

[1]) Это стихотвореніе („Смерть Надежды") не было напечатано.

сподина мнѣ очень нравятся: они доказываютъ, что и самъ онъ умѣетъ цѣнить красоту. Велика для Свиньиной польза отъ 100 билетовъ на Отечественныя Записки! Братъ писалъ, что даже Государь отозвался, что теперь въ Петербургѣ двѣ красавицы выше всѣхъ: Траверсе и какая-то Булгакова.

Журналъ. Въ воскресенье, какъ писалъ, обѣдалъ я съ сестрой у Спафарьевой; тамъ были всѣ дѣти Гартманъ. Я сидѣлъ возлѣ второй дочери и много съ нею разговаривалъ. Старшая была vis-à-vis. Послѣ обѣда вырѣзывалъ я бумажныя куклы для маленькой 4-хъ-лѣтней сестры Marie; ее зовутъ Netty. Чудо ребенокъ! Она еще тѣмъ милѣе, что всѣмъ говоритъ *ты;* привыкла говорить по-нѣмецки—отъ няньки. Вечеръ провелъ у Грипенберга, отъ котораго уѣзжала на другой день его племянница, дѣвица Шульцъ, финляндская пѣвица. Я далъ ей рекомендательныя письма къ Одоевскому, Сологубу и къ Александрѣ Осиповнѣ. Проститъ ли она мнѣ это? Но я не хотѣлъ, чтобы финляндская знаменитость мелькнула въ Петербургѣ мимо Александры Осиповны и васъ. Вѣдь вы ничѣмъ въ отношенiи къ ней не обязаны, а можете дать ей добрый совѣтъ. О ея пѣвческомъ достоинствѣ, впрочемъ, я не слишкомъ высокаго мнѣнiя.

Въ *понедѣльникъ* писалъ я къ Францѣну—длинное письмо! Послѣ обѣда читалъ маменькѣ вслухъ Халявскаго—много смѣялись. Въ одномъ мѣстѣ вспомнилъ о васъ. На стр. 27 есть выраженiе: *въ головѣ стола*. Въ прошломъ году вы съ Александрой Осиповной на меня напали за употребленiе въ письмѣ этого выраженiя, а стало быть оно не совсѣмъ чуждо русскому языку. Вечеромъ былъ у Цигнеуса. Онъ читаетъ присланнаго вами Пушкина. Ему въ переводѣ не нравится Онѣгинъ. И не удивительно: какъ это перевести? Онъ перевелъ пьеску *Воронъ къ ворону летитъ*, но отъ двойного превращенiя она много потеряла.

Во *вторникъ* была нѣмецкая масляница. До обѣда катаются порядочные люди, послѣ обѣда слуги и особливо служанки, частiю въ хозяйскихъ экипажахъ. Вечеромъ въ 7 час., мы по условiю поѣхали къ Спафарьевой, и оттуда пустились въ Свеаборгъ на горы. Моряки въ складчину угощали позванныхъ изъ Гельсингфорса и Свеаборга. Горы были прекрасно освѣщены фонарями. Моряки катали дамъ съ горъ. И я катался довольно много, но одинъ. Днемъ былъ я у Акiандера: кончили просмотръ статьи Сологуба. Трудно было переводить ее. Подлинникъ написанъ довольно небрежно и ученически: столько неясныхъ идей, неточныхъ выраженiй! Какъ ни есть, дѣло сдѣлано. Вчера просматривалъ Фритiофа, сдѣлалъ заголовки къ письмамъ. Потомъ пошелъ въ типографiю. Тамъ нѣтъ бумаги такого формата, какъ я желалъ; а есть меньше—приблизительно въ величину книжки Нервандера. Нечего дѣлать. Бумага хороша. Согласились на счетъ буквъ; листъ будетъ стоить по 24 руб. 50 коп. асс., еще дешевле, чѣмъ я писалъ прежде. Сегодня ото-

шлю манускриптъ совсѣмъ, благословите! Послѣ обѣда вчера пошелъ я къ Грипенбергу; заговорили о книгѣ Данилевскаго. Грипенбергъ — сынъ прославившагося въ эту войну со стороны шведовъ генерала, и разсказывалъ мнѣ много подробностей изъ тогдашнихъ дѣйствій. Самъ онъ служилъ тогда въ штабѣ, и былъ въ семи сраженіяхъ. Вечеръ провелъ я у Армфельтовъ. Тамъ было много гостей, между прочимъ, прелестная графиня Аминова (молоденькая, жена отставнаго полковника въ русской службѣ, хотя финляндца [1]), и онъ молодецъ), и обѣ Гартманъ.

Дополненіе къ статьѣ о вашей статьѣ. Державинъ говоритъ о Рюрикѣ: „Потрясъ войною твердость парижскихъ стѣнъ“. Какое къ этимъ словамъ основаніе? Прощайте, добрый.

25.

(Плетневъ — Гроту) ***Спб., четвергъ, 13 февраля ¾ 10 ут. 1841.***

Отвѣтъ на письмо отъ 8 февраля. Напрасно думаете вы, любезный Яковъ Карловичъ, что всегда можно сдѣлать днемъ требующее непремѣннаго исполненія. Утромъ къ должностному человѣку приходятъ посѣтители, которыхъ я не могу не принимать, пока ношу на себѣ должность. Послѣ надобно быть въ университетѣ или во дворцѣ. До обѣда остается часикъ, въ который прогуляешься, иногда завернешь съ визитомъ. Послѣ обѣда ко мнѣ приносятъ всякій день бумаги — иныя для подписанія, иныя для опредѣленія резолюціи. Тутъ я всякій день ѣзжу теперь къ больной дочери, а отъ нея иногда домой, иногда къ кому-нибудь на вечеръ. Итакъ, все-таки одинъ срокъ для писемъ—часикъ передъ сномъ, часикъ вѣрный, ничѣмъ не возмущаемый. Удивляюсь, что вы такъ обратно чувствуете силу двухъ стихотвореній Жуковскаго. Но видно, это дѣло оставить до личной повѣрки. В. К. Екатерина Павловна умерла въ Штутгардтѣ, и тамъ же похоронена. Не обвиняйте меня напрасно въ потерѣ времени надъ чтеніемъ газетъ и журналовъ. Я ихъ только перелистываю, и то не всѣ. Рескриптъ дѣйствительно написанъ хорошо. Но какъ узнать, кто писалъ? Спрошу развѣ у Александра Армфельта. Я очень радъ, что Цигнеусъ одобряетъ выборъ предмета статьи моей. Что касается до его комплимента, кланяюсь за него до земли. Если и есть у меня частица того, что называетъ онъ умомъ, такъ развѣ капелька такту, да двѣ капельки опытности. Но все это нуль передъ разнообразными свѣдѣніями и блестящими талантами тѣхъ, съ кѣмъ ему угодно было меня сравнивать. Я сомнѣваюсь, чтобы, при такой краткости времени, при такой безднѣ стиховъ и при такомъ различіи языковъ, Лундаль успѣлъ равносильно переложить мои

[1]) См. ниже письма Якова Карловича отъ 15 и 22 февраля сего года.

выписки стихами же на шведскій языкъ. Мой совѣтъ — перевести прозою, какъ вы цигнеусовы стихи перевели на русскій. Всякому изъ иностранцевъ любопытно будетъ увидѣть малѣйшіе оттѣнки нашихъ поэтическихъ красотъ. Вспомните, что Лундаль не Жуковскій. Онъ переложитъ въ шведскіе стихи одинъ русскій смыслъ, а не краски, не тонъ, не душу поэта. Впрочемъ, это мое только мнѣніе. На мѣстѣ вы лучше будете видѣть все.

Скажите Эману, что въ Россіи гораздо дороже жить въ провинціальныхъ городахъ, нежели въ столицахъ. Если ему все равно, куда бы ни ѣхать, я совѣтую ему отправиться въ Одессу. Во-первыхъ, онъ дорогою взглянетъ на всю Россію; во-вторыхъ, онъ будетъ жить въ европейскомъ городѣ, гдѣ есть лицей, театръ, опера, газеты, общество и русскій языкъ; въ-третьихъ, тамъ такъ же дешево, какъ въ Гельсингфорсѣ, ибо это городъ портофранко; въ-четвертыхъ, тамъ климатъ прелесть. Или пусть ѣдетъ въ Харьковъ: только тамъ языкъ хохлацкій. Въ Казань не стоитъ ни почему. Въ Москвѣ бы или у насъ лучше всего. Съ Краевскимъ предварительно я потому не объяснялся, что онъ не терпитъ никакихъ объясненій. Впрочемъ, бѣды ему пока нѣтъ. Онъ вызвался уплачивать долгъ сей билетами на полученіе Отечественныхъ Записокъ; на это согласился и Дубельтъ. Только не знаемъ, что скажетъ m-me Svignine.

На Матильду у васъ клевещутъ. Она цѣлые дни проводитъ у своихъ кузинъ. Въ послѣднее воскресенье свезли ее на балъ къ графу Воронцову-Дашкову единственно потому, что тамъ представился случай видѣть Императрицу, которая дѣйствительно тамъ была и говорила съ Матильдой.

Про скандинавщину желаетъ знать фонъ-Лизандеръ [1]), студентъ Московскаго университета, втянувшій меня въ переписку съ собой. По письмамъ кажется, что онъ хочетъ учиться всему дѣльно. Что Мятлевъ написалъ противъ васъ стихи, это я знаю и даже, помнится, писалъ къ вамъ объ этомъ! Онъ просилъ меня напечатать ихъ въ Современникѣ. Но въ мятлевскихъ стихахъ за одинъ хорошій надо проглотить дюжину дурныхъ. Имени артиста, который пишетъ мой портретъ, я не знаю. Онъ не важный художникъ. По Сенькѣ и шапка. Портретъ будетъ литографированъ — и вѣрно изъ этого выйдетъ что-нибудь каррикатурное. Благодарю за портреты дочерей Гартмана. Мнѣ очень пріятно было бы, еслибы я здѣсь увидѣлся съ ихъ отцомъ. Удивляюсь, что у васъ за мода звать на балы по 260 человѣкъ. Это ужасъ! Нѣтъ, вижу, что я не рожденъ для общежитія, даже въ Гельсингфорсѣ. Проклинаю толпу. Гдѣ же вечера, куда бы приходили по числу грацій или не болѣе числа музъ? Пушкина переводовъ только и было двѣ

[1]) Д. К. фонъ-Лизандеръ — молодой писатель и поэтъ, сотрудникъ Современника.

части. Но вы какъ-нибудь замѣтьте Урсину, чтобы онъ мои подарки получалъ изъ вашихъ рукъ, а не отрывалъ бы ихъ самъ въ пакетахъ адресованныхъ на ваше имя. Что-то интереснаго будетъ въ „Суоміі"?

Я не довольно подробно разсказалъ вамъ о В. К. Ольгѣ Николаевнѣ. Принявъ отъ меня книгу и письмо Александры Осиповны, она развернула послѣднія страницы исторіи о смерти Императора Александра. Читая ихъ нѣсколько разъ восклицала: c'est délicieux. Кончивъ, распечатала письмо и стала читать про себя. Я смотрѣлъ на ея рѣсницы, подъ которыми зашевелились слезки, ею скрываемыя. Чтобы оправиться, она при одномъ мѣстѣ воскликнула съ улыбкою: ого! Окулова, послѣ ея чтенія, попросила меня прочитать вслухъ это письмо. Я началъ. В. К. Ольга Николаевна нѣсколько разъ восклицала: délicieux! У меня дрожалъ голосъ. Я едва удерживался отъ слезъ. Наконецъ, когда мы остались одни, Ея Высочество подала мнѣ boite, я спросилъ: можно взглянуть,—и лишь открылъ, такъ и залился. Никогда я не ожидалъ такого прекраснаго вниманія. Она нарочно заказывала для Александры Осиповны брошку. Она просила ее отдать въ отвѣтъ на письмо. Много мы говорили. Великая княжна сказала: „я не тому радуюсь, что кончилась книга, на которой останется мое имя; но тому, сколько пользы отъ нея будетъ всѣмъ обучающимся". Еще она относилась ко мнѣ, что вся честь, ей приписываемая за покровительство автору, принадлежитъ мнѣ, потому что я умѣлъ такъ представить ей первыя тетради и объяснить ихъ достоинства, что она согласилась на посвященіе. Вы можете видѣть, сколько въ этой душѣ чудныхъ движеній. Прерываю. Пріѣзжалъ вашъ губернаторъ объявить, что въ ночь на пятницу они ѣдутъ. Это письмо отвезу имъ.

26.

(Плетневъ — Гроту) *Спб., пятн., 3/4 7 у. 4 февр. 1841.*

Хоть я въ послѣднихъ обоихъ письмахъ начиналъ вамъ излагать журналъ свой, чувствую однакоже, что онъ и безпорядоченъ и неполонъ. Мнѣ все мѣшали доканчивать его.

Вторникъ (11 февраля). Послѣ сценъ обоюдной чувствительности [1], описанныхъ мною въ письмѣ, которое везетъ губернаторъ, мы принялись читать Бориса Годунова Пушкина, пропущеннаго нами при первоначальномъ чтеніи сего поэта, потому что пьеса показалась мнѣ для тогдашняго возраста слишкомъ серіозною. Между тѣмъ явился къ намъ и В. К. Александръ Николаевичъ. Натурально, что разговоръ упалъ на послѣдній день баловъ. Онъ танцовалъ съ Матильдой въ мазуркѣ. Но маркиза по прежнему торжествуетъ въ его отзывахъ. Говорятъ, что отецъ немедленно, возвратясь изъ С.-Петербурга, на-

[1]) У В. К. Ольги Николаевны.

*

мѣренъ предпринять путешествіе съ дочерью въ Парижъ, чтобы тамъ представить ее родственникамъ покойнаго министра, отца своего, и, вѣроятно, собрать дань красотѣ дочери своей съ гордыхъ парижанъ. Отъ Великой Княжны пустился я прямо къ Александрѣ Осиповнѣ, чтобы обрадовать ее подаркомъ. Но она съ Олей уѣхала кататься. Не дожидаясь ихъ, зашелъ по сосѣдству къ Балабинымъ. Я предложилъ имъ прочитать „Носъ“ Гоголя, на что они охотно согласились, хотя и знали уже его. Вошелъ и Петръ Ивановичъ (отецъ Магіе), который прежде доказывалъ мнѣ, что онъ, читая съ наслажденіемъ все гоголевское, не можетъ однако же терпѣть „Носа“, какъ пьесы безтолковой. Но такова сила генія, что и онъ заслушался, и досыта нахохотался. Пріѣхала m-me Мердеръ [1]). Во время разговоровъ я показалъ имъ В. К. Ольги Николаевны подарокъ Александрѣ Осиповнѣ. Мердеръ сказала, что она знакома съ талантомъ сочинительницы: ибо нынѣшнимъ лѣтомъ въ Царскомъ Селѣ кто-то давалъ ей читать ея Исторію. Вотъ наша метода образованія себя и дѣтей. А у нея куча маленькихъ дѣтей. Однакожъ ей не почувствовалось нужды имѣть эту книгу въ ея библіотекѣ. Отсюда отправился я къ Александру Армфельту. Я уже описывалъ вамъ свою тамъ встрѣчу съ Ребиндеромъ и разговоръ съ нимъ. Послѣ узналъ я, что хотя Шернваль и состоитъ при Наслѣдникѣ по дѣламъ университетскимъ, но онъ болѣе чиновникъ для случайныхъ порученій, нежели оффиціальный секретарь отъ университета. Эта должность все еще лежитъ на Шультенѣ, хотя сей послѣдній и не будетъ приближенъ къ особѣ Наслѣдника столько, сколько бы его званіе требовало. Я предполагаю, что незнаніе русскаго языка воспрепятствуетъ Шультену воспользоваться этимъ мѣстомъ. Александру Армфельту хотѣлось бы Путяту сдѣлать секретаремъ, съ оставленіемъ Шерналя въ чиновникахъ и съ пріобщеніемъ одного юриста-финляндца въ качествѣ синдика. Но Ребиндеръ не хочетъ этого, находя страннымъ сдѣлать секретаремъ отъ финляндскаго университета не-финляндца, каковъ Путята. Но тутъ Ребиндеръ неправъ. Путята былъ бы прекрасный посредникъ, зная хорошо Финляндію и имѣя благороднѣйшій характеръ. Половину вечера провелъ я у Оли, другую у Балабиныхъ. Нѣкто Великопольскій (какъ уже я писалъ), подъ псевдонимомъ Ивельева, издалъ трагедію *Янетерскій* и драму *Любовь и честь* [2]). Это все такъ смѣшно и небывало, что я, вырывая на удачу сцены изъ него, чуть не уморилъ Петра Ивановича, который не умѣетъ смѣяться слегка, а заливается до упаду.

Среда (12 февраля). Былъ въ университетѣ. Половину вечера провелъ у Оли, гдѣ читалъ полученное сегодня ваше письмо, а другую

[1]) Кажется, вдова генералъ-адъютанта К. К. Мердера, ум. 1834 г.

[2]) *Янетерскій*, траг. въ 5 д. П. 1841 г.; *Любовь и честь*, драма въ 5 д. П. 1841 г.

у Сологуба. Тамъ Краевскій, по товариществу съ Одоевскимъ, прочелъ программу предпріятія несбыточнаго, чтобы собрать извѣстія всѣхъ писателей, упоминавшихъ о Россіи, начиная съ арабскихъ и включительно до шведскихъ, изъ всѣхъ вѣковъ. Вопросъ: чѣмъ подняться на это изданіе, и гдѣ собрать работниковъ? Толковали цѣлый вечеръ. Хотятъ печатать даже и подлинники и переводы. Эти люди вѣчно въ предпріятіяхъ и долгахъ.

Четвергъ (13 февраля). Не принимая никогда къ себѣ гостей вечеромъ, я просилъ меня навѣщать въ четвергъ поутру. Первый прибылъ ко мнѣ губернаторъ съ объясненіемъ, что въ ночь ѣдетъ. Вечеръ началъ я съ Оли. Отъ нея къ Александру Армфельту. Тамъ былъ Тиссъ. Я узналъ, что рескриптъ написанъ по-шведски Шультеномъ, но передѣланъ на русскій Путятою. Тегнеръ, прибывъ въ Швецію, написалъ прекрасные стихи, которые прошу васъ въ переводѣ мнѣ прислать. Простясь съ губернаторомъ и его дочерью, поѣхалъ къ Мердеръ. Сынъ Мердеръ (Преображенскій офицеръ) сказалъ мнѣ, что сегодня Маrie Траверсе въ Кронштадтѣ, и что Паткуль измучилъ нѣсколько троекъ, гоняясь за нею.

27.

(Гротъ — Плетневу) ***Гфорсъ, суббота, 15 февр. 1841.***

Отвѣтъ. Не надѣйтесь, что дѣло о здоровьѣ такъ тотчасъ и оставятъ; сердитесь или нѣтъ, а за вами все будутъ присматривать и, въ случаѣ неблагоразумія, не будутъ давать покою.

Перебирая ваши старыя письма, я замѣтилъ, что вы прежде мѣстоименіе *вы* писали съ маленькимъ *в;* отчего такая перемѣна? Угадываю! оттого, что я пишу большое; но вѣдь я дѣлаю это не всегда, а какъ случится; ужъ если нужно однообразіе, станемъ лучше писать постоянно *вы*. Греча книга о русской литературѣ у меня есть, я буду ею пользоваться. Извѣстное дѣло, что приговоры всякій мыслящій человѣкъ долженъ произносить по собственному убѣжденію. Предложеніемъ книгъ буду пользоваться такъ же безсовѣстно, какъ доселѣ. Только не могу понять, за что мнѣ такое счастіе. Графъ Аминовъ (финляндецъ), отставной русскій полковникъ, женатый на богатѣйшей въ Финляндіи наслѣдницѣ — Бьёркенгеймъ; прелестная молодая чета живетъ только изрѣдка въ городѣ. Баронъ Аминовъ — родственникъ предыдущаго, образованный юноша. Не ошиблись вы въ мнѣніи о Дершау и его статьяхъ; „Пчелу“ я получаю, но только для дамъ.

Журналъ. Отдавъ на почтѣ письмо въ четвергъ, встрѣтилъ я Сальберга (профессора ботаники), бывшаго у меня напрасно на прошлой недѣлѣ. Онъ сказалъ: „Удивляюсь (шведизмъ, значитъ: я желалъ бы знать), не купитъ ли у меня Пербургскій университетъ собраніе разныхъ брошюръ финляндскаго и шведскихъ университетовъ. Ихъ у

меня до 10.000; я прошу за нихъ 200 руб. сер., которые университетъ можетъ уплатить хоть въ два года. Онѣ на латинскомъ и на шведскомъ языкахъ. Вы въ перепискѣ съ ректоромъ, дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ Плетневымъ. Предложите ему". Такова была сумма разговора моего съ Сальбергомъ. Отъ васъ зависитъ принять или отвергнуть предложеніе.

Въ пятницу, вчера, продолжалъ я начатую уже давно статью для Современника. Постараюсь, чтобы было листа 3; доставлю въ мартѣ. Предметъ—поэмы Рунеберга. Вечеромъ въ 6 ч. получилъ письма отъ васъ и Александры Осиповны, а послѣ 7-ми час. пришли сперва Кастренъ, потомъ Колланъ, а наконецъ, Цигнеусъ. Кастренъ все помышляетъ о путешествіи въ Лапландію или Сибирь; хочетъ подать просьбу Наслѣднику о пособіи и для хлопотъ по этому дѣлу самъ ѣдетъ въ Петербургъ; но прежде хочетъ окончить печатаніе своего перевода Калевалы: вся 1 часть уже напечатана, остается 2-я. Прикажите справиться, можно ли купить въ Петербургѣ недавно вышедшую (чуть ли не въ Германіи) зырянскую грамматику. Всего лучше можете узнать это отъ ученыхъ гостей Одоевскаго. Прощайте, милый Петръ Александровичъ!

28.

(Плетневъ — Гроту) ***Спб., вторн., 18 февр., $3^{1}/_{4}$ ч. дня, 1841.***

Отвѣтъ на письмо отъ 12 февраля. Мнѣ очень странно, что вы нашли толкъ въ критикѣ Сенковскаго на Квитку. Я еще прощаю Сенковскому, что онъ не смыслитъ различить въ авторѣ слогъ отъ языка. Но какъ же увѣрять, что черты смѣшного потому не смѣшны, что ихъ авторъ подмѣтилъ не въ столицѣ, а въ провинціи? Что касается до вашего замѣчанія, будто Квитка позволяетъ себѣ многое въ письмѣ, чего и въ разговорѣ не всегда удается слышать, то вы говорите о Квиткѣ, какъ объ авторѣ журнальной статьи. А онъ написалъ огромныхъ двѣнадцать томовъ и въ нихъ не отъ себя говоритъ, а заставляетъ дѣйствовать другія лица. Какъ же вамъ не стыдно подмѣчать въ немъ то, о чемъ и не говорится при оцѣнкѣ столь оригинальнаго и неистощимаго писателя? Если онъ создалъ столько характеровъ, столько положеній, столько сценъ; если онъ раскрылъ передъ нами столько разнообразныхъ, незаимствованныхъ, самыхъ неподдѣльныхъ красотъ въ жизни человѣка и въ его душѣ,— такъ можно ли критиковать, зачѣмъ онъ въ одной повѣсти началъ фразу словомъ *тьфу!* Вѣдь вы знаете причину, по которой Сенковскій напалъ съ такимъ остервененіемъ на Квитку. Во-1-хъ, что Квитка со мной друженъ. А этого для Сенковскаго достаточно, чтобы ругать автора. Такъ онъ ругалъ

[1]) См. ниже, письмо отъ 22 февраля.

„Исторію“ Ал. Ос.; во-2-хъ, что Квитка никому не присылаетъ повѣстей, кромѣ редактора Современника; въ 3-хъ, Сенковскій думаетъ, что въ „Званыхъ Гостяхъ“ Квитка вывелъ его такъ вѣрно и до зарѣзу остро. О Долгорукихъ книгу писалъ мальчишка, очень довольный собой; но, подобно всѣмъ молоденькимъ геніямъ нашимъ, не имѣющій понятія о точности и другихъ совершенствахъ языка. О такихъ книгахъ журналы говорятъ общими мѣстами, радуясь, что и не читавъ, многое наскaзать можно.

Я не упустилъ изъ виду, что финскій и скандинавскій два міра различные. Но если Данія, Норвегія, Швеція, Финляндія и даже Лапландія столько лѣтъ разумѣлись у нашихъ прозаиковъ и поэтовъ подъ именемъ Скандинавіи, такъ что же мнѣ тутъ перемѣнять? Довольно, что я оговорился, а вы можете наставить оговорокъ еще болѣе. Вы не поняли слова: *кабинетный*[1]). Оно противополагается слову: осязательный, наглядный. Одинъ у профессора, другой у путешественника. О пѣсни Регнера я не забылъ. Но мнѣ показалось, что и пѣсни Гаральда достаточно будетъ. Но будь по вашему. Итакъ, послѣ Пушкина прибавьте слѣдующее новое отдѣленіе: „Нѣсколько позже Пушкина и Баратынскаго явился у насъ поэтъ *Николай Михайловичъ Языковъ*. Его муза, воспитанная въ Аѳинахъ Эстоніи, воспѣла геройскіе подвиги рыцарей той стороны, ученыя и разгульныя бдѣнія дерптскаго юношества, славныя событія нашей старины, живущія въ памяти народа и все разнообразно-поэтическое въ исторіи студента. Его стихъ воленъ, крѣпокъ, звученъ и самобытенъ, какъ поэтъ его. У Языкова я возьму для тебя: Пѣсню короля Регнера: „Мы бились мечами на чуждыхъ поляхъ“... Прошу васъ, Яковъ Карловичъ, докончить выписку, если имѣется въ Гельсингфорсѣ. Буде нѣтъ его, такъ увѣдомьте меня; я дошлю. О пересылкѣ Данилевскаго не помышляйте, какъ я уже объявилъ это вамъ разъ навсегда. Вы теперь въ ряду ученыхъ. Вамъ даже и для мебели книги вещь нужная, а тѣмъ паче исторія войны русскихъ въ Финляндіи. Журналъ Просвѣщенія будетъ высланъ, какъ только получится. Никитенко по мнѣ пишетъ такъ витіевато и скучно, что я никогда его не читаю и не могу. Стихотвореніе ваше прекрасно. Только не думаю, чтобы оно понравилось Магіе, Я совсѣмъ потерялъ ее изъ виду. Ал. Ос. рада познакомиться съ Шульцъ, только не скучно ли будетъ артисткѣ у автора? Я радъ, что нужда переводить статью Сологуба вразумила васъ вникнуть и понять ясно, что̀ такое дурной, неопредѣленный, школьническій языкъ. Вотъ такимъ-то языкомъ теперь почти всѣ у насъ пишутъ — и Растопчина, и Одоевскій, и Никитенко и проч. Они воображаютъ, что надъ словами думать нечего:

[1]) Рѣчь о томъ, что Плетневъ (въ своей статьѣ) находитъ у Батюшкова „плоды кабинетныхъ изслѣдованій“.

чѣмъ страннѣе, тѣмъ лучше и оригинальнѣе; а попробуйте перевести. Богъ васъ благословитъ на печатаніе *(Фритіофа)*. Только будьте осмотрительнѣе съ корректурой. Наблюдайте граціозность, симметрію и гармонію во всемъ, что касается до заглавія, страницъ и проч. На фактора не полагайтесь. Кто же эти Аминовы, а особенно прелестная графиня? Изъ какой фамиліи, и что они дѣлаютъ у васъ? Державинъ говоритъ о Рюрикѣ, что онъ потрясъ парижскихъ твердость стѣнъ—въ общемъ смыслѣ, т. е. что скандинавы приводили въ ужасъ Францію.

Журналъ. Пятница (14 февраля). Съ Великой Княжной Ольгой Николаевной продолжаемъ Бориса. Отъ нея домой, а вечеромъ къ Оли. Начали съ Ал. Ос. продолжать чтеніе Иліады. Какъ все это хорошо. Что мы теперь значимъ съ глупыми иперболами нашими?

Суббота (15 февраля). Вчера безъ меня заѣзжалъ ко мнѣ гр. Ал. Армфельтъ. Въ *понедѣльникъ* въ комитетъ: какъ позволятъ чтеніе публичныхъ лекцій? *Вторникъ (18 февраля).* Кончилъ съ Великой Княжной Ольгой Николаевной Бориса. Спросилъ я: правда ли, что Паткуль женится на Магіе Траверсе. Отвѣчали: нѣтъ.

29.

(Гротъ — Плетневу) ***Гфорсъ, среда, 19 февр. 1841.***

Отвѣтъ. Понимаю, что иногда вы, любезный Петръ Александровичъ, можете не успѣть сдѣлать всѣхъ дѣлъ днемъ, но все же вы должны постоянно стремиться къ этому. Удивляюсь, что вы такъ обратно чувствуете силу двухъ стихотвореній Жуковскаго: но, видно, это дѣло оставить до личной повѣрки. Цигнеусъ и я согласны съ вашею мыслію о переводѣ и стиховъ изъ статьи вашей прозою. Все же это поручится Лундалю. Участіе, какое вы принимаете въ Эманѣ-студентѣ, очень радуетъ меня; но едва-ли онъ можетъ воспользоваться вашими совѣтами, подавъ уже просьбу. Стихи Мятлева я уже имѣю; есть двѣ, три натяжки. Вторую Гартманъ зовутъ страннымъ именемъ Наймой, или, правильнѣе, Наимой. Дядя ихъ, тайный совѣтникъ Гартманъ, на-дняхъ также поѣхалъ въ Петербургъ. Многіе полагаютъ, что онъ современемъ замѣнитъ графа Ребиндера. Дивитесь вы, что я пляшу въ толпѣ. Это я дѣлаю обдуманно. Не танцуя, я бы долженъ былъ не дѣлать ничего, ergo — скучать. О чемъ говорить четыре или 5 часовъ сряду съ людьми, которыхъ мысли обращаются въ сферѣ весьма ограниченной! Только съ *барышнями* и можно болтать, потому что красота и молодость замѣняютъ въ нихъ недостатокъ дѣльности, и съ ними не совѣстно говорить о пустякахъ, особливо, когда разговоръ безпрестанно прерывается. Сверхъ того пляска — хорошій моціонъ. Вотъ отчего я и пляшу. Конечно, вы бы не нашлись въ этомъ обществѣ, не играя въ карты и не говоря по-шведски, но видѣться часто намъ ничто бы не мѣшало, потому что тогда я бы охотнѣе прово-

дилъ свои вечера съ вами. Первая книжка *Суомiи* вышла. Она (не толстая) вся занята статьею Рейна объ источникахъ финляндской исторiи,— очень любопытною для занимающихся этимъ предметомъ. За подробности сцены у Великой Княжны Ольги Николаевны благодарю. Кто такое Окулова? Жалѣю о Краевскомъ и Одоевскомъ съ ихъ предпрiятiями. Стихи Тегнера при возвращенiи въ Швецiю ничтожны, оттого я вамъ и не говорилъ о нихъ, но неудивительно, что они нравятся многимъ, для которыхъ довольно подписаннаго имени или удобопонятности.

Журналъ. Отнеся въ *субботу* письмо ваше на почту, читалъ вслухъ Халявскаго. Въ 7 ч. прiѣхала Спафарьева съ стихами Мятлева.

Въ *воскресенье* занимался все утро статьею для Современника. Обѣдалъ по приглашенiю у Валлена, созвавшаго человѣкъ 15 мужчинъ. Послѣ обѣда онъ многихъ позвалъ и на вечеръ. Ваша статья уже послана Францѐну, но злодѣй не оставилъ у себя копiи, такъ что я Гартманамъ могу только словесно перевесть кое-что оттуда. Вечеромъ я засталъ нѣсколько дамъ вокругъ m-me Walleen, очень почтенной и милой старушки. Гостей заняли книжками съ гравюрами разнаго рода. Я разсматривалъ ихъ вмѣстѣ съ Розиной и много бесѣдовалъ съ нею; теперь я уже не замѣчаю въ ней недостатка въ живости; она уже не такъ застѣнчива и, кажется, глубоко чувствуетъ суету свѣтскую. Толковалъ я много и съ самимъ Валленомъ, особливо о шведѣ Бельманѣ и французѣ Беранже.

Въ *понедѣльникъ* поутру получилъ первую корректуру 1-го листа Фритiофа. Наборщикъ знаетъ только русскiя буквы; при всемъ томъ ошибокъ надѣлалъ по крайней мѣрѣ не болѣе вашихъ петербургскихъ наборщиковъ. Онъ удивительно аккуратенъ, а мой почеркъ, къ счастью, довольно четокъ. Когда онъ печатаетъ шведскiя вещи, то часто поправляетъ даже слогъ оригиналовъ и споритъ съ авторами. Это лучшiй наборщикъ въ Финляндiи. При печатанiи „Суомiи“, онъ много спорилъ съ Рейномъ изъ-за одного германизма, но тотъ остался при своемъ. Поэтому самолюбiе его очень страждетъ при печатанiи Фритiофа, и онъ все напоминаетъ мнѣ, что не знаетъ по-русски. А то иногда съ первой корректуры можно уже и печатать. При назначенiи формъ для печатанiя я отчасти соображался съ Современникомъ, куда часто заглядывалъ.

Во *вторникъ* послѣ обѣда былъ я у Г—га, котораго нашелъ въ отчаянiи. Надобно вамъ знать, что дѣла его въ самомъ жалкомъ положенiи. У него пропасть долговъ и единственнымъ для него спасенiемъ отъ нищеты оставалось пособiе отъ правительства. Графъ обѣщалъ выпросить для него 8 тыс. руб., и старикъ долго жилъ надеждою, тѣмъ болѣе, что и весь Сенатъ призналъ его достойнымъ поддержанiя. Вдругъ сынъ пишетъ, что графъ не рѣшается доложить Государю,

потому что Меншиковъ не согласенъ на вспоможенiе. Горе такъ ослѣпило Г—га, что онъ возложилъ было всю надежду на меня, и думалъ, что я могу писать графу, чтобы изложить ему несчастное его положенiе. Когда я объяснилъ ему нелѣпость этой надежды, онъ уцѣпился за васъ и сказалъ, что пусть онъ будетъ надѣяться напрасно, но ему нужна надежда! Единственно, что вы могли бы, можетъ быть, сдѣлать, было бы: при свиданiи съ Ребиндеромъ, сказать ему, что вы получили отъ меня извѣстiе, раздирающее душу, въ какомъ ужасномъ положенiи находится человѣкъ, котораго дѣла я очень хорошо знаю. Эту ночь я видѣлъ сонъ: встрѣчаю въ какомъ-то корридорѣ у дверей Цанта *(пастора)* и разсказываю ему о дѣлахъ Г — га. Онъ спрашиваетъ: писали ли вы объ этомъ Плетневу?—Писалъ, но къ чему это поможетъ?—Какъ къ чему? Это прекрасно! Скажите Г — гу, чтобы не безпокоился; мы вдвоемъ уладимъ это дѣло; я самъ поѣду увѣщевать графа; хорошо, что могу опереться на Плетнева.—Въ эту самую минуту изъ дверей, у которыхъ мы стояли, вышелъ графъ Ребиндеръ и, поклонившись мнѣ очень ласково, сказалъ: „Благодарю васъ", и пошелъ далѣе. Этотъ сонъ такъ ясно остался въ моей памяти и такъ поразилъ меня, что я рѣшился разсказать вамъ его. Можетъ быть, онъ и не безъ значенiя. Разскажите его сыну Г — га и изберите свободный часъ для посѣщенiя Цанта; скажите это и ему или пусть Г — гъ ему это разскажетъ.

Вечеромъ во вторникъ былъ я во многихъ мѣстахъ, но никого не заставалъ дома, и кончилъ Цигнеусомъ, гдѣ сидѣлъ съ часъ и читалъ изъ вашихъ писемъ отрывки. Я сообщилъ ему планъ статьи, на которомъ окончательно остановился: она будетъ введенiемъ къ стихамъ Францѐна (которые я уже перевелъ стихами же) и будетъ содержать краткую исторiю Александровскаго университета и извѣстiя о знаменитѣйшихъ людяхъ, вышедшихъ изъ него въ теченiе 200 лѣтъ. Этимъ начнется книга. Еще спрашивалъ я Цигнеуса, что̀ онъ думаетъ о моей идеѣ посвятить книгу Наслѣднику, какъ Канцлеру университета. Цигнеусъ пришелъ въ восторгъ отъ этой идеи, но совѣтовалъ испросить напередъ согласiе Францѐна, въ которомъ почти нельзя сомнѣваться. Одобряете ли вы нашъ планъ? Вечеромъ былъ я съ сестрой у графа Армфельта. Матильда много разсказывала мнѣ о своемъ пребыванiи въ Петербургѣ, объ Олѣ и Александрѣ Осиповнѣ. Васъ надобно побранить: какъ можете вы, лежа, писать ко мнѣ? Въ такомъ положенiи засталъ васъ графъ. Вотъ, какъ вы заботитесь о здоровьѣ. Весь мiръ знаетъ, что для глазъ ничего нѣтъ вреднѣе такого положенiя. Вотъ ваша мудрость: „всякiй лучше всѣхъ знаетъ, что для его здоровья нужно"! а я повторяю: всякъ человѣкъ есть ложь, и мудрецъ по виду не что иное, какъ подобный всѣмъ ребенокъ. Въ пятницу будутъ играть комедiю у сенатора Ерне: одну шведскую и

одну русскую пьесу. Я тамъ буду; посмотримъ, какъ-то отличатся, какъ-то сыграетъ Розина.

Для вырѣзки Александрѣ Осиповнѣ. Благодарю васъ за списанное письмо [1]), преподобная Александра Осиповна! Чтеніе его доставило мнѣ много удовольствія, но отгадывать, чьи какія выраженія, не берусь, ибо не имѣю довольно проницательности. Лучше сами напишите мнѣ, что прибавилъ Петръ Александровичъ и надъ какою фразою произнесено было: *ого!* Конечно, лексиконъ доставитъ вамъ много пользы при справкахъ. По моему опыту дѣланіе при чтеніи замѣтокъ не такъ полезно, какъ повтореніе чтенія нѣсколько разъ; тогда забытое поражаетъ съ особенною силою, и никогда уже не забудется. Впрочемъ, у васъ дѣло другое: вы при сочиненіи можете воспользоваться замѣтками. Но, пожалуйста, бросьте негодную привычку спѣшить, съ которою никогда не сдѣлаете болѣе половины того, что *можете* сдѣлать. Поспѣшность противна достоинству творящаго ума. Что еслибъ Іегова вмѣсто 7 дней посвятилъ только одинъ на сотвореніе міра? Тогда бы произошла „eine verpfuschte Welt“. Кажется, 4-я часть ваша несчастнѣе прочихъ; въ 5-й я уже встрѣчаю очень мало промаховъ, да и тѣ такіе ничтожные, что нечего отмѣчать. Продолженіе отмѣтокъ 4-й скоро пришлю. Знаете ли, что въ шведской литературѣ есть сочиненіе, нѣсколько напоминающее ваше? Это —„Разсказы изъ исторіи шведской“ Фрюкселя,—книга очень уважаемая. Она состоитъ въ краткихъ или лучше раздѣльныхъ разсказахъ о лицахъ и событіяхъ. Когда короче узнаю эту книгу, подробно разскажу вамъ планъ и составъ ея. Но она назначена для всякихъ вообще читателей, а не собственно для дѣтей. Впрочемъ, и ваша дѣтская только въ нѣкоторомъ отношеніи. Я бы даже осмѣлился упрекнуть васъ, что иногда вы свои выраженія не довольно примѣняете къ дѣтскимъ понятіямъ; впрочемъ, конечно, дѣло зависитъ отъ возраста и степени понятливости и образованности дѣтей. Прощайте, ваше святое имя уже сіяетъ въ печати надъ главою Фритіофа.

30.

(Плетневъ — Гроту) ***Спб., пятн., $1^1/_2$ пп ночи 21 февр. 1841.***

Отвѣтъ на письмо отъ 15 февраля. Дѣло о здоровьѣ кончилось само собою, потому что я теперь не чувствую никакого недуга. Кстати наткнулись вы на мѣстоименіе съ большою буквою. Оно между нами давно казалось мнѣ смѣшно. Велика бѣда, что не удалось намъ выпить по рюмкѣ вина за истребленіе этого гадкаго *вы.* Развѣ у Сологуба

[1]) Разумѣется письмо А. О. Ишимовой В. К. Ольгѣ Николаевнѣ (при поднесеніи своей книги).

отъ этой церемоніи сердце подалось ближе къ вашему? Нѣтъ, мой другъ! Это вздоръ. Или я заочно, а вы съ Цигнеусомъ вмѣстѣ немедленно пейте по бутылкѣ на брата Larose для потопленія въ немъ ненавистнаго *вы* въ нашемъ тройственномъ союзѣ. Къ Цигнеусу, хоть одно я писалъ письмо, уже употреблено мною поэтическое *ты*, а съ сей минуты на вѣкъ начинается и къ *ТЕБѢ*. Надѣюсь, что ты не замедлишь отплатить мнѣ безъ отлагательства тою же монетою. И такъ, да здравствуете три *ты!*

По описанію твоему графъ и графиня Аминовы представляются мнѣ какими-то идеальными существами. Постарайся сблизиться съ ними. Не найдешь ли въ ихъ душѣ и чувствахъ и жизни столько же поэзіи, сколько ты представилъ ея въ ихъ наружности и независимости отъ общества? Объясни, пожалуйста, поделикатнѣе Сальбергу, что въ нашемъ университетѣ по-шведски никто не разумѣетъ, кромѣ библіотекаря (и то потому, что онъ отъ природы шведъ — Рутъ), а что-де латинскій языкъ у насъ весьма не усиленъ по молодости университета и по независимости нашихъ законовъ отъ римскаго права. По симъ причинамъ попечитель (единственная особа, опредѣляющая выдачу денегъ за что бы то ни было) никакъ не разрѣшитъ пріобрѣтеніе брошюръ его. За статью, приготовляемую въ Современникъ, благодарю заранѣе тебя, душа моя, и цѣлую твои скоропишущія ручки. Помнится, что Кастренъ понимаетъ русскій разговоръ. Не знаю только, можетъ ли что отвѣчать по-русски? А мнѣ бы радостно было здѣсь обнять его. Александра Осиповна просила и къ ней привезти его. О зырянской грамматикѣ не успѣлъ еще справиться — да и не надѣюсь найти ее. Давно уже поручено отъ меня всѣмъ книгопродавцамъ доставить мнѣ всѣ таковыя грамматики по первымъ твоимъ письмамъ; однакоже, ничего до сихъ не могутъ отыскать они. Ученые гости Одоевскаго хорошо знаютъ только, въ которомъ ящикѣ у князя какой сортъ сигаръ сохраняется.

Журналъ. Среда (19 февраля). Поѣхалъ въ университетъ, а оттуда къ принцессѣ Ольденбургской. Она въ этотъ день Александрѣ Осиповнѣ приказала привезти къ себѣ Олю. Я нашелъ ихъ уже на возвращеніи въ швейцарской. Принцесса просила, чтобы я пошелъ дождаться ее у Принца. Тамъ сдѣлала она мнѣ свои замѣчанія насчетъ здоровья Оли. Она очень довольна была всѣмъ и осматривала ее съ головы до ногъ, какъ гувернанта en chef. Дома нашелъ я твое письмо и еще отъ Квитки. Онъ такъ малодушенъ, что, пораженный злобнымъ отзывомъ Сенковскаго, велѣлъ прекратить совершенно отдѣльное изданіе своихъ сочиненій и уничтожить все, что до сихъ поръ напечатали изъ „Столбикова". Вотъ, что значитъ великій талантъ, но безъ полнаго сознанія своей дестинаціи. Онъ привыкъ думать, что за сочиненія надобно ждать только или похвалъ, или денегъ.

А о высокой цѣли творчества и не помыслилъ. Онъ прислалъ для Современника еще повѣсть: *Герой Очаковскихъ временъ*. Это родъ Донъ Кихота Малороссіи. Вечеромъ съ Александрой Осиповной мы начали чтеніе его. Это смѣшно до умору. Даже Оли не хочетъ ложиться спать, если мы при ней не перестанемъ читать.

Пятница (*21 февраля*). У В. К. Ольги Николаевны читали коечто. Она завтра въ часъ назначила Александрѣ Осиповнѣ къ себѣ пріѣхать. Обѣдалъ у генеральши Леонтьевой, внуки Суворова, которая объявила мнѣ о бывшей помолвкѣ стараго Клинковстрема съ Краузе. Я чувствовалъ при этомъ что-то похожее на грусть и сожалѣніе о ничтожномъ человѣчествѣ. Вечеръ первый у Александры Осиповны съ Квиткою, второй у Балабиныхъ.

31.

(Гротъ — Плетневу) ***Гфорсъ, суббота, 22 февр. 1841.***

Не читавъ критики Сенковскаго, я не могу ее защищать, да и совершенно увѣренъ въ ея пошлости. Изъ вашихъ словъ я только заключилъ, что онъ между прочимъ нападаетъ на языкъ Основьяненки, который и по мнѣ слишкомъ небреженъ. Конечно, это нисколько не унижаетъ великихъ достоинствъ повѣстей Основьяненки, но согласитесь, что онѣ были бы еще выше, еслибы и въ этомъ отношеніи стояли на ряду съ образцовыми твореньями русской словесности. Взгляните на какого генія угодно: есть ли хоть одинъ, у котораго языкъ не былъ бы равенъ внутреннему достоинству: гомеровы экзаметры — типъ совершенства, шекспировы стихи также безукоризненны, вальтеръ-скоттова проза прекрасна. У Основьяненки языкъ чрезвычайно небреженъ и тогда, когда онъ говоритъ отъ себя, а не отъ лицъ. Къ извѣстнымъ людямъ я не снисходителенъ, но и не довольно увлеченъ негодованіемъ, чтобы не соглашаться съ ними, когда случайно въ ихъ сужденія вкрадется истина. Что Сенковскій ругалъ и Исторію Ишимовой, это для меня новость. Основьяненко отдѣлалъ его не только въ „Званыхъ гостяхъ“, но и въ „Халявскомъ“ (см. стр. 150 1-й части). Александра Осиповна пишетъ, что Основьяненко чрезвычайно озабоченъ нападками на него и переписывается съ вами объ этомъ. Вотъ чего я не понимаю! Вы требуете, чтобы я оставилъ у себя „Исторію“ Данилевскаго. Но какъ же мнѣ быть съ Эманомъ? Онъ съ нетерпѣніемъ ожидаетъ своего экземпляра. Пошлю ему этотъ, а вы мнѣ когда-нибудь доставите другой. Цѣна, говорятъ, *три цѣлковыхъ*. Но повторяю вамъ, я очень хорошо могу обойтись безъ этой книги: она, вѣрно, будетъ въ университетской библіотекѣ. Стихи „Смерть Надежды“ [1]) я вовсе не назначалъ для возбудившей ихъ и никакъ не

[1]) По адресу маркизы Маріи Траверсе.

покажу ей; я пишу для живыхъ, а не для тѣней. Къ концу прибавилъ я еще 4 стиха:

Скинь нарядъ свой ярко-бѣлый;
Въ розы, въ жемчугъ не рядись,
И, какъ другъ осиротѣлый,
Лучше въ трауръ облекись!

Вы нигдѣ не бываете по своей mauvaise humeur. Какъ это грустно слышать! Отчего же происходитъ ваша хандра? Ужели вы, въ которомъ мнѣ казалось такъ много благоразумія, не можете .такъ овладѣть собою, чтобы духъ былъ всегда въ равновѣсіи. Люди негодны, слѣдовательно — они не стоятъ того, чтобы изъ-за нихъ мы теряли свое равнодушіе, и мы противорѣчимъ себѣ, если, презирая ихъ, принимаемъ къ сердцу ихъ поступки. Если вы стоите высоко надъ ними, не довольно ли вамъ этого для своего утѣшенія? Развѣ это не особенное счастье, которое дороже всѣхъ возможныхъ благъ? Необходимое посылается свыше; какъ же не мириться съ нимъ? Но я боюсь, что корень вашей хандры въ тѣлесномъ разстройствѣ. Графъ Армфельтъ и Матильда говорятъ, что вы блѣдны и похудѣли. Стыдно вамъ, Петръ Александровичъ, что вы такъ упорствуете и еще сердитесь за участіе тѣхъ, которымъ всего дороже ваше здоровье. Съ какимъ нетерпѣніемъ я ожидаю лѣта! тогда, пріѣхавъ къ намъ, вы конечно поздоровѣете, — если только не будете, какъ въ прошломъ году, поступать на перекоръ природѣ и напр. входить разгоряченнымъ въ холодное море [1]).

И до перевода статьи Сологуба я очень хорошо понималъ дурной слогъ; изъ немногаго, что самъ я написалъ, вы могли замѣтить, какъ я стараюсь избѣгать слога нынѣшнихъ модныхъ писателей. Сколько умѣю, смотрю за красивостью печати Фритіофа.

Аминовы, которыхъ здѣсь множество во всѣхъ высшихъ званіяхъ (есть и профессоры), — потомки русскаго семейства, переселившагося въ Финляндію еще при Петрѣ; но они теперь лютеранскаго закона и русскаго въ нихъ ничего не осталось, кромѣ фамиліи. Графъ съ женой живетъ круглый годъ на мызѣ и пріѣзжаетъ въ городъ только погостить. Она — урожденная Бьёркенгеймъ. Братъ вчера увѣдомилъ о смерти Володи Корфъ [2]). Горе со всѣхъ сторонъ! Но нѣтъ, все это не горе въ настоящемъ смыслѣ; только наша ограниченность видитъ бѣдствія въ земныхъ событіяхъ; одно только горе возможно — нравственное униженіе. По всѣмъ примѣтамъ вы угадали молодого Клинковстрема. Чѣмъ-то вы рѣшите дѣло о публичныхъ лекціяхъ?

[1]) Но до лѣта еще долго; вы должны теперь же взяться за разумъ. Я не перестану твердить вамъ это. *Прим. Я. Г.*

[2]) Сына барона Модеста Андреевича Корфа.

Не забудьте увѣдомить, разсказавъ и поводъ. Растопчиной поэма не въ Современникъ ли готовится, хоть отрывками? Я забылъ въ послѣднемъ письмѣ сказать вамъ, что у меня есть еще кое-что для Современника. Я выпросилъ у сестры двѣ главы, переведенныя ею съ итальянскаго изъ романа Манзони „Обрученные". Если весь романъ не переведенъ уже на русскій языкъ, то эти двѣ главы стоитъ напечатать.

Журналъ. Вечеръ четверга провелъ я у Котенъ, только часа $1^1/_2$; была дома одна баронесса; насъ было трое гостей, кавалеровъ. Разговоръ былъ оживленный, философскій. Вчера въ 6 час. послѣ обѣда отправился къ Ерне. Скоро собрались всѣ гости. Въ началѣ 8-го пошли въ особую комнату, уже при постройкѣ дома назначенную для театра. Не велика, но удобна. Передъ сценою 5 рядовъ скамей, амфитеатромъ. Начали шведскою пьесою, переводомъ изъ Коцебу, въ 4-хъ дѣйствіяхъ. Играло 4 кавалера и 2 дамы, между ними Розина. Вообще играли очень хорошо, а двое даже отлично; дамы тоже: у Розины была роль тихая, благородная, и она ее исполнила прелестно,— только жаль, что ее такъ безпощадно нарумянили. Русская пьеса была: *Таинственный гость,* водевиль, но безъ пѣнія. Играли: дочь сосѣда Рамсая, хозяйская дочь, Концовъ и еще одинъ офицеръ, Эрнротъ. Лучше всѣхъ была первая и послѣдній. Послѣ въ 10-мъ начали танцовать подъ фортепьяно. Въ $12^1/_2$ час. сѣли ужинать. Я усѣлся между Розиной и Наймой и просидѣлъ тамъ до конца. Сегодня началъ день 2-ю корректурой 2-го листа Фритіофа. Двѣ главы изъ Манзони составляютъ 87 стр. довольно тѣсной печати въ обыкновенномъ форматѣ романовъ. Прощайте, другъ, не пеняйте на краткость письма; оно писано тѣсно и можетъ составить полный листъ другого почерка. Не найдете ли вы Протопопова достойнымъ свести его когда-нибудь къ Александрѣ Осиповнѣ?

32.

(Плетневъ — Гроту) ***Спб., пон., 24 февр., $^1/_2$ 1 ч. дня, 1841.***

Отвѣтъ на письмо отъ 19 февраля. Къ моей статьѣ можно бы еще сдѣлать прибавку. Ты помнишь прекрасный эпизодъ у Пушкина въ Русланѣ и Людмилѣ о Финнѣ и его возлюбленной Наинѣ (не во гнѣвъ будь сказано сестрѣ Розины). Конечно, это не описаніе Финляндіи, не преданіе народное, не мнѣніе ученое: это блажь, забава юношескаго воображенія, но заимствованная изъ темныхъ, стародавнихъ разсказовъ, будто финны всегда славились колдовствомъ и — опять все не русскаго народа и его писателей—будто финляндцы жили одною жизнію съ прочими скандинавцами. Прочти это мѣсто изъ Руслана съ Цигнеусомъ, и вмѣстѣ рѣшите: стоитъ ли оно того, чтобы прибавить его къ моей статьѣ, или достаточно, при разборѣ моемъ Пушкина,

упомянуть только въ ремаркѣ объ этомъ эпизодѣ, или наконецъ совсѣмъ о немъ не говорить, какъ о вещи, явно неидущей къ моему дѣлу. Все это рѣшительно передаю на судъ обоихъ васъ. Ты очень снисходительно судишь о стихахъ Мятлева, ограничивая недостатки ихъ двумя тремя натяжками. И вся его поэзія не одна ли натяжка или, въ мужскомъ родѣ, натугъ?

Развѣ Урсинъ почитаетъ нужнымъ перлюстрировать мои пакеты къ тебѣ? „Суомія" не можетъ много найти читателей, если по одной статьѣ, и такой „квелленской", помѣщать станутъ въ каждой ея книжкѣ. Окулова — старая русская барышня, да еще и московка. Слѣдовательно, она защищаетъ на французскомъ діалектѣ все русское, особенно языкъ, на которомъ не можетъ сказать фразы безъ грамматической ошибки. Жалѣю, что Дершау такъ оскорбительно огласилъ Р — ну въ Сѣверной Пчелѣ. Сравни съ этимъ мой о ней отзывъ въ статьѣ, посланной Францѣну. Тутъ невольно забудешь скромность и скажешь: слава Богу, что я не такой дуракъ! Въ печати заглавныхъ листовъ и прочаго въ Фритіофѣ избѣгай особенно пестроты и оставляй болѣе бѣлыхъ промежутковъ.

Журналъ. Суббота (22 февраля). Вечеръ провелъ у Оли. Читали новую повѣсть Квитки: „Герой Очаковскихъ временъ". Уморительно смѣшная. Герой — родъ Донъ-Кихота Малороссіи, со всѣми предразсудками и глупостями края.

Воскресенье (23 февраля). Былъ у меня сынъ Г—га. По вашему письму я предложилъ ему итти вмѣстѣ къ Цанту. Онъ не захотѣлъ, зная, что пасторъ не имѣетъ никакого вліянія на Ребиндера. Я попросилъ, чтобы онъ мнѣ прислалъ написанную мною для Михаила Павловича бумагу, гдѣ вся исторія его отца. Взявъ твое письмо и бумагу Г—га, я поѣхалъ къ Армфельту. Не засталъ дома.

Понедѣльникъ (24 февраля). Послѣ обѣда опять поѣхалъ къ Армфельту. Тамъ узналъ горестную вѣсть, что сегодня въ 6 час. 20 мин. послѣ обѣда скончался графъ Ребиндеръ. Я успѣлъ разсказать, однако, о дѣлѣ Г—гу. Графъ мнѣ объявилъ, что у Ребиндера была мысль помочь Г—гу изъ особой суммы, находящейся въ его распоряженіи. Но что теперь не надобно ничего предпринимать, пока не назначенъ будетъ новый преемникъ Ребиндеру. Гартманъ уже здѣсь. Графъ Ребиндеръ все надѣялся увидѣться съ Государемъ, чтобы упросить его передать всѣ дѣла Армфельту. Теперь Богъ знаетъ, кто будетъ министромъ. Князь Меншиковъ не согласенъ просить у Государя 8 тыс. Г—гу, не находя къ тому законной причины. Армфельтъ не совѣтовалъ мнѣ ничего предпринимать, чтобы не испортить дѣла. Дѣла финляндскія обыкновенно идутъ законнымъ порядкомъ, и всякое внѣшнее вмѣшательство только ихъ портитъ. Я принимаю истинное, живое участіе въ бѣдствіяхъ Г—га, но теперь не знаю, на что рѣшиться, пока не на-

значенъ министръ. Какъ меня огорчаетъ потеря Ребиндера! Это былъ первый для меня человѣкъ, въ которомъ, не смотря на его высокій санъ, я нашелъ доступнаго вельможу.

Болѣе всего меня тревожитъ неизвѣстность о твоей судьбѣ. Вѣдь тебя *онъ* только оцѣнилъ и держалъ для будущихъ своихъ видовъ. Я тебѣ совѣтую отнестись письмами къ Армфельту и Путятѣ, чтобы они выяснили тебѣ твое положеніе. Неизвѣстно также, кто будетъ по университету сноситься съ Наслѣдникомъ. Меня одно утѣшаетъ, что Государь и Наслѣдникъ столько слышали о тебѣ хорошаго отъ Ребиндера. Изъ письма къ тебѣ Ал. Ос. ты узнаешь объ ея свиданіи съ Великой Княжной Ольгой Николаевной, которая также съ участіемъ о тебѣ разспрашивала. Авось Богъ дастъ, что тебя употребятъ по достоинству.

Твоя мысль — посвятить книгу Наслѣднику — и мнѣ нравится. Надобно только это сдѣлать пооффиціальнѣе, черезъ новаго статсъ-секретаря, чтобы дѣло болѣе имѣло вѣсу.

Вторникъ (25 февраля). Поздравлялъ В. К. Марью Михайловну съ ея рожденіемъ. Оттуда къ Великой Княжнѣ Ольгѣ Николаевнѣ. Я разсказалъ, что Оли, получивъ отъ Ал. Ос. поцѣлуй, данный ей Ея Высочествомъ при прощаніи, раздѣлила его намъ всѣмъ въ видѣ винограда и конфектъ. Это понравилось Великой Княжнѣ.

33.

(Гротъ — Плетневу) ***Гфорсъ, четв., 27 февр. 1841.***

Я предложеньемъ вашимъ тронутъ,
И *васъ* ужъ больше не любя,
Теперь начну любить *тебя.*
Будь такъ! Пусть *вы* и *вашъ* потонутъ
Въ струяхъ пурпурнаго вина.
А *ты* и *твой* всплывутъ со дна!
Съ твоимъ Ларозомъ грѣты въ чашѣ,
Они теплы, какъ сердце наше.

Въ понедѣльникъ, тотчасъ по полученіи письма твоего, отправился я къ Цигнеусу, и непремѣнно бы пошелъ съ нимъ для вышереченнаго потопленія, но не засталъ его дома. Однако, ce qui est différé, n'est pas perdu, и хоть это по твоимъ словамъ вздоръ, но такъ какъ по нашему иной вздоръ во сто разъ лучше иного важнаго дѣла, то мы и этого вздора не хотимъ уступить. Съ Аминовыми я не познакомился короче потому, что они на-дняхъ уже уѣзжаютъ, если уже не уѣхали, на свою мызу. Я не былъ у нихъ по той причинѣ и съ визитомъ. Сальбергу, по моему мнѣнію, лучше сказать, что теперь денегъ нѣтъ; если же со временемъ окажется въ нихъ избытокъ, то подумаютъ и объ его брошюрахъ (онъ и такъ пойметъ, что надѣяться

нечего). У Кастрена на рукахъ больной, навязанный ему хозяиномъ дома, и я уже давно не видѣлъ его. По-русски онъ понимаетъ плохо, по-нѣмецки можетъ кое-какъ объясняться. Зырянская грамматика, о которой я въ послѣднiй разъ писалъ, есть сочиненiе новое; итакъ, ее подъ категорiю прежнихъ ставить нельзя. Говорятъ, что графъ Ребиндеръ опасно боленъ; это очень горестно для всей Финляндiи. Какъ страненъ Квитка! Ужели ты не старался перемѣнить его безразсудную рѣшимость? Не понимаю, какъ возможно, чтобы онъ болѣе вѣрилъ Сенковскому, нежели своему собственному чувству и столькимъ другимъ отзывамъ! Или это отъ старости? Жалокъ онъ, и жаль, что онъ лишаетъ нашу публику такого драгоцѣннаго чтенiя, каковы его повѣсти. Я подхожу къ концу „Халявскаго“. Сколько тамъ уморительно-смѣшного! Читая вслухъ, часто долженъ я останавливаться изъ-за смѣха. Видя такое глубокое знанiе человѣческой природы, невольно вспоминаю лучшее, что въ этомъ родѣ есть въ другихъ литературахъ: Свифта, Лесажа, Сервантеса. Нетерпѣливо жду „Героя Очаковскихъ временъ“. О женитьбѣ старика Клинковстрема и здѣсь носится слухъ; онъ возвратился на прошлой недѣлѣ, но я его еще не видѣлъ. Это подражанiе Жуковскому, но неудачное, какъ всѣ подражанiя. Ему, кажется, 64 года.

Журналъ. Въ понедѣльникъ на прогулкѣ къ Спафарьевой и послѣ къ Цигнеусу простудился, и на другой день всталъ съ больнымъ бокомъ и ознобомъ. Почти ничего не могъ дѣлать, и читалъ только весь день Исторiю Ал. Осип. На вечеръ былъ я званъ на годовую пирушку студентовъ карельскаго отдѣленiя, въ которомъ, между прочимъ, Урсинъ и Колланъ съ братьями. Послалъ отказъ. Послалъ также просить доктора Шёмана, чтобы, если будетъ въ нашей сторонѣ, заѣхалъ и ко мнѣ. Я съ нимъ познакомился въ домахъ, гдѣ мы сходились, и онъ очень понравился мнѣ. Онъ считается здѣсь лучшимъ докторомъ, а между тѣмъ такъ скроменъ и простъ въ обхожденiи. Прежнiй мой докторъ умеръ, пока я былъ въ Борго, и теперь я пригласилъ этого на цѣлый годъ. Онъ обѣщалъ поправить вообще мое здоровье, увѣряя, что источникъ его разстройства въ слишкомъ большомъ жарѣ крови при сидячей жизни. Онъ прiѣхалъ вечеромъ; мнѣ было уже лучше; однако же, я вчера въ среду опять не выходилъ, а сегодня всталъ совсѣмъ здоровъ. Вчера передъ обѣдомъ былъ у меня Цигнеусъ. Послѣ его ухода принялся я переводить шведскiе экзаметры, назначенные для надписи на Пушкинѣ и очень похваленные имъ. Переводъ прилагаю для в... (чуть было не ошибся) тебя. Я прочелъ ему часть моего письма. Мы согласились при первой окказiи произвести реченное потопленiе... ты видишь, что твоя идея намъ очень понравилась, — даромъ, что ты эту церемонiю называешь вздоромъ.

34.

(Плетневъ — Гроту) *Спб., пятн., 12 1/2 ч. д., 28 февр. 1841.*

Отвѣтъ на письмо отъ 22 февраля. Исторія объ исторіи Данилевскаго состоитъ только въ томъ, что я не могу согласиться на возвращеніе ко мнѣ книгъ, разъ уже отправленныхъ мною къ тебѣ. А у Эмана ли книги будутъ, или возвратятся къ тебѣ — это не мое дѣло. Дѣло о стихахъ къ Надеждѣ я, признаться, не понялъ. Мнѣ представилось, что ты ихъ послалъ сюда. Какова теперь Марія-надежда? Благополучно ли она возвратилась? Я жду подробныхъ извѣстій о ея появленіи въ Гельсингфорсѣ и ея отношеніяхъ къ прежнимъ друзьямъ. Теперь я, какъ ты увидишь, опять понемногу кое-гдѣ бываю. Такова жизнь: приливъ и отливъ ощущеній. Армфельтовы правы: во все время ихъ пребыванія здѣсь я не хорошо себя чувствовалъ. Твои мечты о свиданіи лѣтомъ пробудили во мнѣ много сладостныхъ воспоминаній. Но еще не знаю, что успѣю сдѣлать изъ нынѣшняго лѣта. Я радъ, что ты одинаково со мною мыслишь насчетъ слога нынѣшнихъ писателей. Исторія дѣла о публичныхъ лекціяхъ: Полевой мимо Уварова просилъ Бенкендорфа позволить ему читать лекціи. Бенкендорфъ переслалъ эту бумагу къ Уварову, который написалъ, что не отвѣчаетъ за Полевого, какъ уже подвергнувшагося разъ запрещенію издавать журналъ. Бенкендорфъ отказалъ Полевому. Но Уваровъ, желая на будущее время дать подобнымъ продѣлкамъ законное направленіе, предложилъ университету составить правила. Мы раздѣлили ищущихъ подобнаго права на три разряда: аттестуемыхъ самою ихъ должностію, извѣстныхъ сочиненіями и — не имѣющихъ совсѣмъ ручательства за себя. Положили отъ двухъ первыхъ требовать только программъ; а послѣднихъ подвергать въ университетѣ предварительному экзамену. Проектъ нашъ еще у насъ — и не знаю, утвердитъ ли его министръ. Поэма Растопчиной будетъ напечатана особо въ пользу ея пріюта для дѣтей. Благодарю Розу Карловну за статью. Александра Осиповна очень желаетъ, чтобы я пригласилъ Протопопова. Исполню.

Журналъ. Среда (26 февраля). Послѣ университета оставался дома. Вечеромъ, нетерпѣливо желая знать, кто заступаетъ мѣсто Ребиндера, поѣхалъ къ Путятѣ. Онъ мнѣ сказалъ, что хотя не послѣдовало объ этомъ указа, но что сего же дня Ал. Армфельтъ, по приказанію Государя, былъ у него съ докладомъ. Его Величество, занявшись съ нимъ дѣлами, распорядился, когда графъ долженъ къ нему пріѣзжать, когда присылать доклады, и даже приказалъ, въ случаѣ надобности, просить у него аудіенціи не въ срочное время. Это мнѣ даетъ надежду, что мѣсто статсъ-секретаря останется за Армфельтомъ, чему я радуюсь несказанно. Пожалуйста, передай все это графу Густаву, кото-

рый, конечно, болѣе всѣхъ долженъ интересоваться въ этомъ дѣлѣ. Отъ Путяты, успокоившаго меня и на твой счетъ (ибо объ опредѣленіи тебя ординарнымъ профессоромъ докладъ заготовленъ еще Ребиндеромъ), я поѣхалъ къ поэту Пушкиной. Она всегда принимаетъ меня съ участіемъ сестры. Я проболталъ съ нею и ея сестрой до 9-го часу. Пріѣхалъ еще Александръ Карамзинъ [1]), авторъ Ульина. Онъ большой буффонъ, но не скучный.

Четверг (27 февраля). Утромъ прислала за мною В. К. Елена Павловна. Рѣчь идетъ объ Арсеньевѣ (статистикѣ). Ей хочется прослушать у него любопытнѣйшее изъ нашей исторіи, статистики и законоположенія. Между прочимъ, приказала она Алекс. Ос. пріѣхать къ ней въ слѣдующій вторникъ въ 12 часовъ. Отъ Великой Княгини пошелъ я въ правленіе, откуда пустился къ Арсеньеву. Его не обрадовала эта вѣсть. Онъ терпѣть не можетъ педагогическихъ занятій. Но какъ отговориться не ловко, то и надобно покориться судьбѣ. Дома узналъ я, что Великая Княжна Ольга Николаевна завтра не будетъ заниматься. Причиной то, что сегодня въ Екатерининскомъ институтѣ выпускъ, — и потому завтра съ Императрицей она поѣдетъ въ институтъ смотрѣть, какъ институтки воротятся на другой день выпуска съ визитомъ институту. Послѣ обѣда пустился я къ Смирновой (урожденной Россети). Она взяла къ себѣ жить изъ института сестру (по матери), по отцу Арнольди. Миленькая дѣвочка. Смирнова теперь живетъ въ собственномъ домѣ, убранномъ съ царскою пышностію. Но таковы слѣдствія пресыщенія, что на все она смотритъ съ холодностію, даже обиднымъ для мужа пренебреженіемъ.

Начали съ Ал. Ос. чтеніе логики и курса русской литературы, сочиненнаго Зеленецкимъ, адъюнктомъ Одесскаго лицея. Уваровъ предписалъ мнѣ подать мнѣніе о сей рукописи. Скука! Въ 11 часовъ тряхнулъ я стариной — и поѣхалъ къ Карамзинымъ, гдѣ не бывалъ болѣе мѣсяца. Карамзина встрѣтила меня словомъ: Revenant! Тамъ нашлось все, чтò есть прелестнѣйшаго у насъ: Пушкина-поэтъ, Смирнова, Растопчина и проч. Лермонтовъ былъ тоже. Онъ пріѣхалъ въ отпускъ съ Кавказа. Послѣ чаю молодежь играла въ горѣлки, а тамъ пустились въ танцы. Я пріѣхалъ домой въ 1 часъ.

Пятница (28 февраля). Лежатъ передо мной на завтра къ обѣду двѣ записки: отъ Мятлева и Велички [2]). Еще и самъ не знаю, гдѣ буду. Лучше бы нигдѣ. Прощай, душа! Пиши обо всемъ, что возвратившіяся говорятъ о насъ.

[1]) Александръ Николаевичъ, авторъ повѣсти въ стихахъ „Борисъ Ульинъ“ (1839 г.).

[2]) Александра Павловича, члена совѣта министерства внутреннихъ дѣлъ и члена статистическаго отдѣла.

35.

(Гротъ — Плетневу) ***Гфорсъ, субб., 1 марта 1841.***

О смерти Ребиндера узналъ я за 1/2 часа до полученія твоего письма отъ Грипенберга, который самъ пришелъ ко мнѣ съ этою горестною вѣстью. Это ударъ, который отзовется на всей Финляндіи. Человѣкъ, котораго уже при жизни умѣли оцѣнить, долженъ имѣть необыкновенныя достоинства. Что до меня лично, ожидаю спокойно рѣшенія моей участи. Во всякомъ случаѣ она едва-ли можетъ быть хуже того, что я терпѣлъ до переселенія сюда. Будь ты здоровъ и веселъ и пиши мнѣ все такъ же часто, какъ доселѣ,—я буду умѣть помириться со всякой судьбой. Ты совѣтуешь писать къ графу Армфельту и Путятѣ; но не лучше ли сдѣлать это не прежде, какъ когда назначатъ новаго министра? Теперь же они не могутъ отвѣчать мнѣ ничего рѣшительнаго и вѣрно сказали бы, что надобно подождать. Спроси при случаѣ у Путяты, изъ какой суммы я получалъ жалованье, — вѣроятно, изъ тѣхъ 100 тыс. руб., которые предоставлены министру на особые расходы. Теперь я вижу, что сонъ мой (привидѣвшійся мнѣ послѣ того самаго дня, какъ Ребиндеръ заболѣлъ) былъ точно не безъ значенія, но я тогда его не такъ понялъ. Въ присутствіи пастора графъ явился и тотчасъ исчезъ! Это смерть въ присутствіи религіи. И въ его умильномъ поклонѣ мнѣ было прощаніе. Я мало, т. е. не долго его зналъ, а любилъ и уважалъ много. Теперь плачу по немъ. Хорошо ли или худо мнѣ будетъ послѣ, я все же считаю счастіемъ, что вырвался изъ канцеляріи и изъ Петербурга, и этимъ я обязанъ былъ Ребиндеру. Кто другой на его мѣстѣ взялъ бы меня безъ настоятельной надобности?

Отвѣтъ. Хотя я съ Цигнеусомъ не успѣлъ еще прочитать упоминаемаго тобой отрывка изъ Руслана и Людмилы, но увѣренъ, что онъ будетъ моего мнѣнія,—что это составитъ презанимательное дополненіе къ твоей статьѣ. Тутъ менѣе исторической невѣрности, нежели во всѣхъ другихъ стихахъ нашихъ поэтовъ о финнахъ и скандинавахъ: преданіе о колдовствѣ финновъ до сихъ поръ живетъ и даже имѣетъ основаніе въ тѣхъ слѣдахъ колдовства, которые еще и теперь существуютъ; притомъ береговые финны были и мореходцами и пускались иногда на грабежи. Слѣдовательно, не ожидая моего совѣщанія съ Цигнеусомъ, смѣло пришли прибавленіе къ статьѣ. Урсина я самъ просилъ развязывать пакеты ко мнѣ, чтобы мнѣ не нужно было таскаться къ нему, когда есть что на имя университета; только запечатаннаго онъ не имѣетъ права трогать. „Суомія“ имѣетъ теперь 150 подписчиковъ; въ слѣдующей книжкѣ будетъ больше разнообразія. О твоемъ отзывѣ насчетъ Розины, въ сравненіи (но нѣтъ, тутъ нельзя

сравнивать), я еще за часъ до полученія письма твоего разсуждалъ на улицѣ съ Цигнеусомъ.

Не находишь ли и ты, что конецъ „Халявскаго“ недостоинъ прочаго? мнѣ еще осталось 20 стр., но предшествующее имъ совсѣмъ не походитъ на Основьяненко; сестра справедливо замѣтила: кажется, будто это не онъ самъ писалъ. Спасибо тебѣ за участіе, которое ты принимаешь въ бѣдствіи Г—га; мы оба имъ тронуты. Я ходилъ къ нему съ письмомъ твоимъ, котораго и онъ ожидалъ съ особеннымъ нетерпѣніемъ. Не слышалъ ли ты, справедливо ли, что Государь былъ у Ребиндера во время его болѣзни? Еще не пишу графу Армфельту и потому, что собственно, по всей справедливости, должно подразумѣваться или оставленіе мое на прежнихъ правахъ, или предоставленіе мнѣ того мѣста, котораго обѣщаніе склонило меня оставить другую выгоднѣйшую службу. Противное тому было бы рѣшительнымъ деспотизмомъ. Я въ этомъ случаѣ имѣю право требовать, и неисполненіе требованія будетъ несправедливостью.

Журналъ. Въ четвергъ была хорошая погода, и я много гулялъ. На вечеръ былъ званъ съ сестрой къ Котену. Мы застали тамъ много гостей. Вскорѣ послѣ насъ пріѣхала, кто бы вы думали? побѣдительница Ингерманландіи, окруженная трофеями, воспѣтая П. Плетневымъ и Я. Гротомъ царица баловъ,. маркиза Марія Траверсе съ компаніей. Она возвратилась наканунѣ, о чемъ я еще поутру узналъ случайно. Я видѣлъ ея вступленіе въ этотъ тѣсненькій міръ; на лицѣ видно было немного смущенія, а красоты втрое болѣе прежняго. Съ этимъ всѣ согласны. Я подошелъ къ ней съ холоднымъ поклономъ и таковымъ же былъ встрѣченъ, но вскорѣ вступилъ съ ней въ болѣе живой разговоръ. Вы всѣ на нее клеветали, и я вижу, что сдѣлалъ тяжкій грѣхъ, похоронивъ живую. Однакоже, это еще нельзя такъ скоро рѣшить; только въ разговорѣ ея никакой не замѣтно перемѣны. Но танцуетъ она какъ будто съ большею претензіей и вообще какъ будто поземнѣла въ избыткѣ красоты и полноты, а какъ стала хороша! Здѣсь я въ первый разъ увидѣлъ ее рядомъ съ Розиной. Два противоположные полюса, Сѣверъ и Югъ. Тамъ все такъ нѣжно, нерѣшительно, задумчиво,—а здѣсь ярко, рѣзко, положительно. Двѣ красавицы немного дуются другъ на друга; Розина подозрѣваетъ, что Marie сдѣлалась свѣтскою и чуждается ея, а та за это сердится, т. е. все это шутя. Я ихъ еще больше разсорилъ. Розина сказала мнѣ: elle est si belle, si belle, que je l'admire! А я отвѣчалъ: comme c'est modeste: c'est Franzén qui admire Tegnér! Послѣдовала скрытая улыбка. Такъ какъ ни на одну французскую у меня не было дамы, я началъ интриговать, чтобы протанцовали шведскую, и ангажировалъ новопріѣзжую; мои происки удались, и я танцовалъ съ нею. Она мнѣ подробно разсказывала главные пассажи изъ своего путешествія, особливо о

Наслѣдникѣ и стихахъ, которые говорила и наизустъ. Мятлевъ ей написалъ 4 разныя пьесы, да одну ея дядя молодой. Видно, что то и другое радуетъ ее, какъ дитя; со всѣми разговоръ ея тотчасъ заводится объ этомъ. За то еще бранить нельзя; развѣ лучше бы было принужденно удерживаться?

№В. Если напечатаешь въ Современникѣ стихи Мятлева: „Ужель ты вѣришь наговорамъ", то нельзя ли вслѣдъ за ними помѣстить подъ заглавіемъ „Экспромтъ" и тѣ, которые слѣдуютъ ниже?

Въ пятницу я послѣ обѣда вмѣстѣ съ Цигнеусомъ пошелъ къ Лундалю; мы отнесли ему твою статью, гдѣ я сдѣлалъ по твоимъ указаніямъ нѣкоторыя дополненія. Когда я читалъ еще твое письмо, пришелъ Гейтлинъ; онъ принесъ мнѣ, въ подарокъ за Современникъ, свой русско-шведскій лексиконъ въ переплетѣ. Это слѣдовало бы тебѣ, а не мнѣ. Послѣ пришли Кастренъ, Норденстамъ и Колланъ. Мы пили пуншъ.

Вчера, въ субботу, я имѣлъ пріятнѣйшій сюрпризъ. Поутру, около 12-ти час., когда я работалъ, слышу вдругъ въ сѣняхъ чей-то голосъ. Люди уже было отказали ему, по обыкновенію, какъ вдругъ я въ этомъ голосѣ узналъ Рунеберга; тотчасъ я выбѣжалъ и увидѣлъ его съ Цигнеусомъ. Онъ пріѣхалъ *для блезиру* 3-го дня и останется до завтра. Скоро я вручилъ ему Пушкина, уже переплетеннаго и съ моею надписью; это доставило ему много удовольствія. Потомъ я велѣлъ подать пуншу, и мы всѣ трое пили, перекинувъ руку черезъ руку, братство съ тобою. Еще съ часъ болтали мы о шведской литературѣ, потомъ они уѣхали. Рунебергъ отъ имени Тенгстрема позвалъ насъ обѣдать у него сегодня. И Рунебергъ и Цигнеусъ велѣли тебѣ кланяться. Вечеромъ дамы поѣхали къ Чепурнову, а я, окончивъ предыдущую страницу, къ Рамсаю. Тамъ были Магіе и Матильда; Магіе опять толковала о стихахъ и читала ихъ наизустъ. Мятлевъ ей написалъ одни, гдѣ доказываетъ, что здѣсь умѣютъ бить масло и ѣсть фильбунку *(простоквашу)*, но не любить. Она говоритъ, что и меня разумѣетъ въ числѣ финновъ. На это я сказалъ экспромтъ:

Чухонецъ я — согласенъ въ томъ съ поэтомъ;
Но, если правъ онъ въ этомъ,
То долженъ звать чухонкою и ту,
Чью воспѣваетъ красоту.

При посылкѣ Рунебергу стихотвореній Пушкина въ нѣмецкомъ переводѣ (переведено со шведскаго самимъ авторомъ):

Что за живой разговоръ огласилъ небесные долы?
Въ край тотъ прибылъ усопшій пѣвецъ, и вотъ его встрѣтилъ
Братъ по душѣ, — четыре ужъ года прожившій тамъ Пушкинъ,
Съ быстрымъ вопросомъ: „Что на землѣ происходитъ въ томъ мірѣ,
Коего свѣтъ озаряетъ насъ всѣхъ небожителей ярко,

Но изъ земныхъ лишь немногимъ мелькаетъ въ отблескѣ тускломъ?
Къ міру тому, еще въ смертной одеждѣ причлися мы оба,
Онъ зовется поэзіей!“ — „Братъ мой!“ пришлецъ отвѣчаетъ:
„Новость одну я принесъ. Средь финскихъ угрюмыхъ утесовъ
Есть благородный поэтъ; его ты любилъ бы отъ сердца,
Еслибъ тѣлеснымъ слухомъ однажды внялъ его пѣснямъ.
Нынѣ съ лирой въ рукахъ устремилъ орлиные взоры
Онъ на отчизну твою въ блестящіе годы Фелицы.
О, какъ сладко поетъ онъ любовь россіянки *Надежды*!
Самъ, съ земли возлетая, вдали я слышалъ тѣ звуки“.
Смолкъ. Тогда съ нетерпѣньемъ спросилъ восторженный Пушкинъ:
„Можешь ли ты мнѣ сказать: знакомъ онъ съ музой моею?“
— „Имя твое онъ знаетъ“, пришлецъ отвѣтствовалъ тихо,
„Но не музу: увы! языкъ твой ему непонятенъ!“
Снова началъ Пушкинъ со вздохомъ и вмѣстѣ съ улыбкой:
„Слышно муза моя гулять пустилась по свѣту
Въ платьѣ нѣмецкомъ; устрою, чтобъ финновъ пѣвецъ благородный
Въ фижмахъ ее хоть увидѣлъ, когда ужь нельзя въ сарафанѣ!
Тотчасъ письмо напишу въ Россію; день нынѣ почтовый!“

Плетневъ, къ которому письмо было адресовано, спѣшитъ черезъ пріятеля, живущаго въ Финляндіи, исполнить желаніе Пушкина.

36.

(Плетневъ — Гроту) ***Спб., понед., 1/2 1 ч. н. 3 марта 1841.***

Отвѣтъ на письмо отъ 27 февраля. Въ эту позднюю пору хочу только начать письмо къ тебѣ, чтобы легче продолжать его завтра. Надобно пользоваться каждою минутою, когда приливъ дѣлъ такъ великъ и безпрерывенъ. Не отвѣчаю на милые стихи твои тою же монетою, потому что я пишу стихами очень продолжительно. Но тѣмъ не менѣе благодарю тебя за это тепло-поэтическое привѣтствіе. Не забудь же въ подробности описать, какъ ты съ Цигнеусомъ утопилъ въ Ларозѣ гадкое *Вы*, и какъ привѣтствовали вы милое *Ты*. Съ Сальбергомъ объяснись, какъ придумаешь лучше. Для меня, разумѣется, все равно. Видно мнѣ съ Кастреномъ никакъ нельзя будетъ объясниться, если онъ съ собою не захватитъ ко мнѣ толмача. Съ Квиткой не могу сладить. Онъ, какъ говорится, на стѣну лѣзетъ въ бреду отчаянія. Вижу я, что талантъ и характеръ двѣ вещи совсѣмъ разныя. Онъ привыкъ только лакомиться литературою; а въ ней надобно многое перестрадать и выстрадать невозмущаемое спокойствіе ума и чести. Шерналь — директоръ какого-то банка? Но Аврора [1]), Эмилія [2]) и Эмиль [3]) вѣдь ту же носятъ фамилію по отцу? или есть оттѣнокъ въ

[1]) Демидова, позже Карамзина, рожд. Шернваль.

[2]) Графиня Мусина-Пушкина, рожд. Шернваль.

[3]) Шернваль-Валленъ, о которомъ не разъ была рѣчь.

правописаніи? Развѣ карельское отдѣленіе довольно многочисленно? А Урсинъ тоже изъ карелъ? или участвуетъ въ пирушкѣ по званію ректора? Шёмана я помню. Онъ съ нами былъ на вечеринкѣ у Ушакова. Твои стихи Рунебергу и мнѣ очень нравятся. Только лучше было бы, если бы пришедшая тѣнь къ Пушкину принадлежала тоже исторіи. Встрѣча еще показалась бы живѣе и правдоподобнѣе. Впрочемъ, хорошо и по теперешнему.

4 марта, вторникъ.

Журналъ. Суббота (1 марта). Сходивъ въ университетъ, возвратился домой. Величкѣ отказалъ и предпочелъ обѣдъ Мятлева, какъ менѣе опасный для желудка. У Велички, правда, слободнѣе, да послѣ бываетъ накладно. Гостей у Мятлева было немного: графъ Паленъ и Оленинъ (члены Государственнаго Совѣта), Крыловъ и я, Бишопъ [1]) со своимъ Боксою [2]) и родные Мятлева. Обѣдъ былъ англійскій въ честь Бишопъ. Я сидѣлъ подлѣ нея. Она уже разговаривала со мной, какъ съ старымъ пріятелемъ, хоть я видѣлъ ее только разъ. Удивительно веселая и пріятная женщина. Глаза у нея, какъ огонь. Молода и вообще недурна. Пѣніе любитъ страстно и никогда не ждетъ, чтобы ее упрашивали пѣть. Сама начинаетъ. Она выучилась по-русски пѣть — *Лучина лучинушка.* Съ роду я не чувствовалъ такого восторга, какъ при этомъ пѣніи. Бокса сдѣлалъ для нея три варіаціи на эту національную нашу тему. Онъ знаменитый музыкантъ. Родился въ Богеміи, воспитанъ въ Парижѣ пансіонеромъ Наполеона. Въ Лондонѣ основалъ онъ музыкальную академію. Бишопъ узналъ онъ въ ея дѣтствѣ. Теперь она ему принадлежитъ душой и тѣломъ. У Мятлевыхъ сдѣланъ въ залѣ домашній театръ. Бишопъ на этой сценѣ сыграла намъ, т. е. пропѣла изъ l'Ambassadrice прелестное мѣсто, гдѣ примадонна у себя разглаживаетъ шемизетку и между тѣмъ получаетъ письмо отъ одного посланника, предлагающаго ей руку. У насъ эта пьеса не допущена на театръ, потому что написана на графиню Росси (урожденную Зонтагъ). Потомъ еще разъ сыграла сцену изъ Sonambola и пропѣла очаровательную балладу *Джонъ.* Давно я такъ не наслаждался пѣніемъ, какъ въ этотъ вечеръ, тѣмъ болѣе, что не было тутъ ни чинности, ни давки, что̀ разрушаетъ для меня очарованіе всѣхъ искусствъ. Бишопъ ѣздила пѣть въ Ригу и Дерптъ. Теперь ѣдетъ въ Москву. Я ей совѣтовалъ на театрѣ пропѣть Лучину — и предсказалъ энтузіазмъ цѣлой Москвы. На лѣто она отправится въ Европу, а на зиму опять къ намъ пріѣдетъ. Отъ Мятлева пустился я въ концертъ Озеровой, гдѣ было скучновато. Чай пилъ у Балабиныхъ.

Воскресенье (2 марта). Я еще не успѣлъ одѣться, а ко мнѣ явился

[1]) Пѣвица-англичанка, о которой выше, стр. 162.

[2]) Очень извѣстный тогда музыкантъ, родомъ изъ Чехіи.

живописецъ, чтобы наложить на портретѣ у меня кресты. Я отговаривался, но онъ настоялъ на своемъ. Итакъ, я надѣлъ на халатъ владимірскій крестъ и сѣлъ передъ нимъ. Въ этомъ положеніи засталъ меня Константинъ Карловичъ, котораго я такъ давно не видалъ. Я вручилъ ему прочесть всѣ твои письма, которыхъ онъ не читалъ еще. Довольно долго толковали мы о разномъ. Онъ не увѣренъ, воротится ли въ Митаву, потому что прежнее его мѣсто было временное. Я предложилъ ему, не хочетъ ли онъ, взявъ Протопопова, пріѣхать когда-нибудь вечеромъ къ Александрѣ Осиповнѣ. Онъ согласился.

Понедѣльникъ (3 марта). День былъ прекрасный — и тѣмъ для меня пріятнѣйшій, что я совсѣмъ свободенъ, ровно какъ и по пятницамъ, ибо В. К. Ольга Николаевна выпросила у меня мой часъ, чтобы учиться физикѣ у Ленца. Я отправился въ 11 часовъ къ В. К. Еленѣ Павловнѣ съ рапортомъ, что объявилъ ея волю Арсеньеву. Послѣ пошелъ гулять. Встрѣтилъ на прогулкѣ Карамзину съ меньшою дочерью. Это мнѣ понравилось, что и свѣтскія дамы наслаждаются прелестію утра яснаго и свѣжаго. Когда я возвратился домой, ко мнѣ съ визитомъ пришелъ Нервандеръ. Я обошелся съ нимъ учтиво и не почелъ за нужное объясняться о его заступничествѣ за Булгарина. Онъ съ Шультеномъ [1]) (профессоромъ) представлялся Наслѣднику, какъ Канцлеру, который принялъ ихъ ласково. Нервандеръ переходитъ въ Дерптъ, не надѣясь дожить до отставки гельсингфорскаго ординарнаго профессора физики. Онъ мнѣ объявилъ, что на отпѣваніи тѣла графа Ребиндера присутствовалъ и Наслѣдникъ, что мнѣ очень понравилось. Я за университетской лекціей въ субботу не могъ тамъ быть. Вечеромъ былъ я въ совѣтѣ, а оттуда съ Порошинымъ у Александры Осиповны мы читали глупѣйшій отзывъ Сенковскаго о новомъ романѣ Ѳ. Ѳ. Корфа и тоже объ Утренней Зарѣ, напечатанный въ № 3.

Вторникъ (4 марта). У В. К. Ольги Николаевны читалъ Хомякова Дмитрія Самозванца. Послѣ Пушкина все дрянь. В. К. заставила меня купить билетъ въ Патріотическій концертъ (15 р. асс.). Передъ обѣдомъ былъ у меня съ визитомъ нашъ попечитель.

37.

(Гротъ — Плетневу) ***Гфорсъ, четв., 6 марта 1841.***

Статья для Современника почти готова. Я пошлю ее послѣ завтра съ молодымъ графомъ Армфельтомъ. Вѣрнѣе будетъ, если ты самъ пошлешь за ней къ графу Александру.

Отвѣтъ. Само собою разумѣется, что совершенно отъ тебя зави-

[1]) Шультѣнъ (Nathanaël-Gerhard), профессоръ математики въ Александровскомъ университетѣ, ум. 1860 г.

ситъ, когда напечатать статью, переведенную нами изъ Манзони. Очень пріятно было мнѣ извѣстіе, что графъ Армфельтъ вступилъ въ должность покойнаго; всѣ радуются этому. Онъ самъ написалъ съ послѣднею почтой нѣсколько словъ брату. Дай Богъ, чтобы онъ своимъ привлекательнымъ обращеніемъ рѣшилъ Государя утвердить его министромъ. Вчера встрѣтился я съ Соловьевымъ въ лавкѣ Вассеніуса. Онъ, кажется, былъ въ сомнѣніи, замѣтить ли меня или нѣтъ; однакоже я тотчасъ рѣшилъ это сомнѣніе, поздоровавшись съ нимъ. Мы вмѣстѣ пошли домой. Онъ что-то очень присмирѣлъ и говорилъ порядочно, желаетъ также графа Армфельта. Одолжилъ ты Арсеньева, нечего сказать, удружилъ!

Журналъ. Поутру былъ у стараго Клинковстрема. Я поздравилъ его съ женитьбою (это уже не секретъ), но онъ, видно самъ совѣстясь, что сдѣлалъ глупость, отвѣчалъ вопросомъ: „suis je donc devenu duc ou pair?“. Въ воскресенье обѣдалъ у Тенгстрема. У Тенгстрема обѣдали все тѣ же, которыхъ и я приглашалъ для Рунеберга, да еще человѣка два. Цигнеусъ опять не былъ, занимаясь рѣчью для произнесенія въ Библейскомъ обществѣ. Было очень непринужденно и весело. Послѣ обѣда еще сидѣли часа два въ кабинетѣ, за трубками. Вдругъ мимо оконъ проѣхала Marie Траверсе. Слышавъ объ ея торжествахъ, тотчасъ заговорили о ней. Я разсказалъ разныя подробности. Рунебергъ тутъ сошелся со мной въ одной идеѣ, которую я уже прежде имѣлъ. Онъ шутя совѣтовалъ написать теперь стихи въ похвалу Петербургу за то, что онъ умѣлъ оцѣнить нашу красавицу. На другое утро я написалъ:

Нѣтъ, нѣтъ, я болѣе не стану
Ихъ пышный городъ порицать;
Я вижу, вопреки туману,
Которымъ ихъ удѣлъ дышать,
Въ нихъ чувство есть, вкусъ вѣрный, тонкій,
Имъ красоту дано цѣнить,
И будь богиня хоть чухонкой,
Они готовы ей вручить
Сердца свои, простясь съ измѣной,
И всѣ — за новою Еленой
Весной въ походъ на финновъ плыть.

Возвратясь домой, я съ сестрой поѣхалъ къ Траверсе. Тамъ было нѣсколько моряковъ. Marie читала вслухъ, не знаю ужъ въ который разъ, стихи, написанные къ ней въ Петербургѣ, но она дѣлала это такъ скромно и мило, что ее и за то нельзя осуждать. Тогда я написалъ ей карандашомъ тѣ 4 стиха, которые вы уже знаете, съ добавленіемъ:

....Ты долженъ звать чухонкою и ту,
Чью воспѣваешь красоту.
Я ей землякъ; она подобно розѣ

На финскихъ льдахъ цвѣтетъ, какъ въ парникѣ,
А я готовъ въ стихахъ и прозѣ
Писать на всякомъ языкѣ
О рѣдкомъ сѣверномъ цвѣткѣ.

Во вторникъ, въ 5 часовъ послѣ обѣда, было собраніе Финскаго литературнаго общества по случаю окончанія перваго 10-ти-лѣтія его существованія. Кастренъ, какъ секретарь, читалъ отчетъ. Еще до того президентъ Линсѐнъ сказалъ маленькую рѣчь, но ужасно сонную: онъ уже такъ слабъ, что едва говоритъ, и духомъ убитъ совершенно. Послѣ рѣчи онъ объявилъ, что уже не можетъ, по слабости, быть президентомъ и долженъ только думать о покоѣ и приготовляться къ послѣднему успокоенію. Какъ его ни упрашивали остаться, онъ не согласился (онъ былъ безсмѣннымъ въ теченіе 10 лѣтъ). Тогда нарѣзали бумажекъ и приступили къ избранію новаго. Большинство голосовъ осталось за Рейномъ, бывшимъ тутъ же. Тенгстремъ въ то же время избранъ вице-президентомъ. Наконецъ, Линсѐнъ сказалъ прощальную рѣчьку. Грустно и трогательно было видѣть человѣка, совершенно уже отчаявшагося въ жизни, но въ то же время не показывающаго мужественной готовности къ смерти. Это тѣнь въ полномъ смыслѣ слова. Видъ его страшенъ [1]).

Вечеромъ пошелъ я къ Чепурнову, зная, что тамъ будутъ играть два петербургскихъ артиста — Сусманъ и Шубертъ, первый на флейтѣ, второй на віолончели, и будутъ всѣ Траверсе. Были и немногіе другіе гости. Я много разговаривалъ съ Магіе и тутъ узналъ вполнѣ ея достоинство. Я въ такомъ ничтожномъ видѣ представилъ ей ея торжества въ Петербургѣ и весь тамошній міръ, что другая не захотѣла бы говорить со мной. Но она ни мало не разсердилась и только осталась при прежнемъ мнѣніи, что ей было тамъ такъ весело, что веселѣе быть не можетъ. Ужели мы станемъ обвинять ее за это? Чего же требовать отъ 18-ти-лѣтней красавицы! Нѣтъ, это-то откровенное наслажденіе радостями ея возраста и служитъ величайшею ей похвалою. Не слышалъ ли ты, каковъ тотъ, котораго молва называетъ женихомъ нашей красавицы, именно Паткуль?

P. S. Тороплюсь и пишу менѣе, потому что долженъ очень дорожить временемъ, чтобы успѣть приготовить къ лѣту финляндскую книгу. Статья въ Современникъ также была бы и длиннѣе, и лучше, еслибъ не это обстоятельство. Фритіофа печатаю 5-й листъ, съ котораго начался самый текстъ. Корректура беретъ ужасно много времени.

[1]) Проф. Линсенъ умеръ въ 1848 году — 62-хъ лѣтъ отъ роду.

38.

(Плетневъ — Гроту) *Спб., пятн., 7 марта, 11 ч. н. 1841.*

Отвѣтъ на письмо отъ 1 марта. Все, что ты говоришь о Ребиндерѣ, очень справедливо и дѣлаетъ честь твоимъ чувствованіямъ. Ты мнѣ велѣлъ списать отрывокъ изъ Руслана. Развѣ его нѣтъ у тебя? Впрочемъ, я это сдѣлаю. Перемѣну въ строкахъ, предшествующихъ выпискѣ, ужъ я на тебя возлагаю: имѣя привычку писать прозой безъ черноваго, я не оставляю у себя прозаическихъ подлинниковъ. Объ окончаніи „Халявскаго" ничего не могу сказать, потому что забылъ его, а пересмотрѣть не удалось. Я нашелъ у себя карточку и профессора Шультена. Не успѣлъ только еще отдать визитовъ вашимъ обоимъ профессорамъ. Если они уѣдутъ прежде моего посѣщенія ихъ, пожалуйста нарочно сходи къ каждому изъ нихъ и скажи, что я къ нимъ пріѣзжалъ тогда, когда уже они отправились во свояси. Не люблю я ни передъ кѣмъ быть виноватымъ. Сколько я знаю, Государь не былъ у Ребиндера во время болѣзни. Да и некогда было.

Въ четвергъ (когда слегъ Ребиндеръ) Государь его ждалъ къ себѣ. Пятницу, субботу и воскресенье больной провелъ, хотя дурно, но не такъ, чтобы слухъ объ этомъ встревожилъ кого, а въ понедѣльникъ онъ умеръ. На похоронахъ (т. е. отпѣваніи тѣла) присутствовалъ, какъ я уже писалъ, Наслѣдникъ. Читалъ ли ты что-нибудь изъ того перевода Пушкина, который подарилъ Рунебергу? Говорятъ, что тамъ совсѣмъ нѣтъ пушкинскаго духу. Жаль: Рунебергъ превратно будетъ думать о нашемъ поэтѣ. Надобно бы его предупредить. Какъ я радовался за тебя, что онъ опять пріѣхалъ въ Гельсингфорсъ! Ты прекрасно уподобилъ Розину богинѣ сѣвернаго сіянія. Пожалуйста, переложи эту идею въ стихи, да пришли въ Современникъ. Я становлюсь большимъ поклонникомъ этой Розины и желалъ бы, чтобы твои стихи къ ней были еще лучше, нежели къ Магіе.

Журналъ. Среда (5 марта). Этотъ день былъ для меня довольно важнымъ. За нѣсколько времени передъ симъ я имѣлъ характеръ вымолвить моимъ старушкамъ [1]), что располагаюсь ихъ отпустить въ ихъ собственную квартиру (отъ которой онѣ и не отказывались, разсчитывая справедливо, что у меня только гостятъ). Я имъ объявилъ, что рѣшился не имѣть дома постояннаго хозяйства, рѣдко обѣдая и никогда не пія дома чаю. Онѣ нашли мои соображенія законными и стали собираться къ себѣ. Оставшись одинъ, я, правда, почувствовалъ тягостную пустоту. Но это очень естественно, хотя и ничего не говоритъ противъ моей рѣшимости. Въ слѣдующіе дни я уже чувствовалъ себя лучше. Какъ я устроился прекрасно! О, если бы ты взглянулъ,

[1]) Двумъ родственницамъ, жившимъ съ Петромъ Александровичемъ Плетневымъ, о которыхъ выше упоминалось.

какъ бы ты нашелъ меня роскошествующимъ. Изъ своей прежней комнатки я сдѣлалъ парадную пріемную, а самъ переселился совершенно въ ихъ спальню, комнату огромную, сухую, свѣтлую и теплую. Вечеръ среды провелъ я у Сологуба. Тамъ былъ музыкальный міръ.

Четвергъ (6 марта). Въ 11-мъ часу съѣздилъ навѣстить старушекъ и свезъ имъ въ подарокъ свѣжей икры, да варенья. Обѣдать я былъ званъ къ Вьельгорскому[1]) (тестю Сологуба). Тамъ нашелъ и Одоевскаго. Обѣдъ былъ, какъ и все у Вьельгорскаго, прелестный. Этотъ человѣкъ, старикъ, многообъятнѣйшаго образованія и удивительной еще юности. Онъ во всей полнотѣ обнялъ всѣ науки, всѣ искусства и даже ремесла. Онъ блистательнѣйшій придворный, первый въ Россіи знатокъ музыки, и готовъ прогулять цѣлую ночь съ молодежью. Вечеръ у Ал. Ос. Тамъ были Константинъ Карловичъ, Протопоповъ. Кажется, наши собранія тамъ устроятся. Всѣмъ было весело, читали твои письма. Протопоповъ говоритъ, что онъ даже и не подозрѣвалъ въ тебѣ столько живости и успѣховъ въ общежитіи. *Борго*, стихи твои, повторены и всѣмъ очень понравились.

Пятница (7 марта). Весь день убирался въ комнатахъ. Вечеромъ былъ въ Патріотическомъ концертѣ. Росси превзошла сама себя. Императрица, торжественно подозвавъ ее къ себѣ, благодарила ее. Она пѣла подъ конецъ „Душа моя душенька“, „Соловей“. Восхитительно до невыразимости! Публика изъ себя выходила отъ хлопанья. Львовъ игралъ соло на скрипкѣ. Тоже невыразимо хорошо. Мятлевъ, лазя между рядами женщинъ, буффонилъ и молился на хорошенькихъ, какъ на образа. Скажи это Маріе.

39.

(Гротъ — Плетневу) ***Гфорсъ, суббота, 8 марта 1841.***

Отвѣтъ. Теперь ты уже знаешь, что и на днѣ пунша можно отыскать точно такое же *ты*, какъ на днѣ Лароза; при всемъ томъ, такъ какъ пуншъ здѣсь пьется холодный, а мы хотимъ теплаго *ты*, то дѣло все-таки не можетъ обойтись безъ Лароза. Представь, Александрѣ Осиповнѣ это *ты* деретъ уши. Вотъ женщина! Для нихъ въ формѣ столько же важности, какъ и въ существенности. Ей кажется, что отношенія между людьми не могутъ быть независимы отъ употребленія *ты* или *вы*.

Ты правъ, что никакого дѣла не должно никогда откладывать, чтобы не затруднить себя еще болѣе; я часто повторяю себѣ это, но также часто поступаю противъ этого мудраго правила, особливо, если принять слово *откладывать* въ собственномъ смыслѣ, потому что у меня всѣ книги, бумаги и другія вещи всегда валяются въ безпорядкѣ единственно отъ неоткладыванія ихъ во-время куда слѣдуетъ. Шернваля,

[1]) Графу Михаилу Юрьевичу.

директора банка, отецъ былъ роднымъ братомъ перваго мужа m-me Walleen[1]). Карельское отдѣленіе, какъ и всякое другое, довольно многочисленно· Урсины—карелы, но вѣрно отецъ присутствовалъ бы на годовомъ праздникѣ и какъ ректоръ. Въ стихахъ къ Рунебергу трудно было бы ввести историческую тѣнь, не убивъ напередъ какого-нибудь изъ живущихъ нынѣ извѣстныхъ поэтовъ; а дѣйствіе, конечно, было бы лучше отъ такой перемѣны.

Все, что ты пишешь объ обѣдѣ Мятлева, чрезвычайно занимательно; я почти всю тираду прочелъ вслухъ моимъ дамамъ. Что ты не посовѣтовалъ дѣвицѣ Бишопъ пріѣхать въ Гельсингфорсъ? Ужъ если она была въ Дерптѣ и Ригѣ, то могла бы побывать и здѣсь; у насъ хорошо принимаютъ хорошихъ артистовъ. Ты очень умно поступилъ, не сказавъ Нервандеру ни слова объ его прошломъ поведеніи. Что сказалъ Сенковскій о романѣ Ѳ. Ѳ. Корфа и Утренней Зарѣ?

Журналъ. Въ четвергъ въ 3 часа отправился къ маркизу. Тамъ было человѣкъ 5 военныхъ, между прочимъ изъ Петербурга адъютантъ Меншикова Нордманъ[2]), флигель-адъютантъ Бринъ[3]) и еще капитанъ корабля Моллеръ[4]). Я сидѣлъ между маркизомъ и Бриномъ и не имѣлъ случая много говорить. Красавица сидѣла наискосокъ и все болтала съ Нордманомъ. На балъ къ Клинковстрему я съ сестрой пріѣхалъ въ экипажѣ Чепурновыхъ уже послѣ 9-ти час. Давка: названо было 250 человѣкъ. Дамы очень нарядны. Магіе была въ бѣломъ платьѣ (кажется) и имѣла на головѣ большой вѣнокъ изъ крупныхъ розовыхъ розъ, а Матильда—маленькій изъ мелкихъ бѣлыхъ розъ и въ розовомъ платьѣ. Маркиза была великолѣпна, но и горда. Гартманы были одѣты просто, у каждой по цвѣтку на головѣ, и у всѣхъ цвѣты еще въ рукахъ. Я плясалъ съ тремя послѣдними. Съ Розиной Гартманъ мы имѣли длинный разговоръ о Магіе и, къ сожалѣнію, оба согласны:

Она была какъ Радость весела
И какъ Младенчество игрива;
Теперь она по прежнему мила,
Но какъ Побѣда горделива,
И какъ Увѣренность — смѣла.

[1]) Эва Густава Валленъ, рожд. Willebrand (дочь генералъ-маіора), была въ первомъ бракѣ за Карломъ Іоганномъ Шернвалемъ, выборгскимъ губернаторомъ, котораго дѣти отъ этого брака были: Карлъ Эмиль Кнутъ Шернваль (имя его уже не разъ упоминалось въ перепискѣ), и дочери Аврора и Эмилія, а во второмъ бракѣ (съ 1816 г.) за Карломъ Іог. Валленомъ, тогда сенаторомъ и тайн. совѣтникомъ, усыновившимъ своего пасынка, получившаго фамилію Шернваль-Валлена. Шернваль—директоръ банка былъ дядей послѣдняго и сестеръ его.

[2]) Борисъ Давыдовичъ, впослѣдствіи адмиралъ, ум. 1877 г.

[3]) Фонъ-Бринъ, Сергѣй Франц., полковникъ л.-г. Семен. полка.

[4]) Вѣроятно Павелъ Ант. ф.-Моллеръ, капитанъ 1-го ранга, флиг.-адъютантъ (при главн. морск. штабѣ).

Вотъ послѣдніе стихи мои, въ которыхъ она будетъ играть роль. Прочти въ стихотвореніяхъ Жуковскаго (6-я часть) пьесу *Идиллія* („Когда она была пастушкою простой"). Это бы иной и въ Гельсингфорсѣ могъ сказать нашей *Алинѣ* (странно, что у ней дѣйствительно есть сестра Алина, это 2-я). Не знаешь ли, откуда переведена *Идиллія?* Еще не знаешь ли, не основывается ли пьеса Пушкина „Воронъ къ ворону летитъ" на какой-нибудь народной пѣсни русской или иноземной? На балу у Клинковстрема Розина была предметомъ моего поклоненія, отчасти и Найма. Мы уѣхали уже въ 12 час. Другіе плясали до 3 час. Вчера поутру кончилъ я статью для Современника. Ее повезетъ завтра Армфельтъ; не забудь послать за ней къ графу Александру. Пришлю къ ней еще *прибавленіе*, которое напечатаешь подъ нею, поставивъ звѣздочки или черту. Въ этомъ прибавленіи будутъ здѣшнія литературныя новости. Еще пришлю, можетъ быть, также съ Армфельтомъ, нѣсколько пьесъ въ стихахъ. Можешь выбрать изъ нихъ часть для слѣдующаго Современника, или всѣ напечатать, или всѣ бросить въ огонь: ad libitum. Если напечатаешь нѣсколько, то нельзя ли помѣстить ихъ рядомъ и съ общею какою-нибудь подписью.

Сегодня я разсматривалъ экзаметры Жуковскаго и Гнѣдича. Не почти меня пристрастнымъ, когда я скажу, что у обоихъ экзаметръ доказываетъ недостатокъ знанія тонкостей его. Они оба только рубятъ дактилями, не наблюдая никакихъ условій гармоніи ни въ разнообразіи стопъ, ни въ цезурѣ. А этотъ стихъ для высшей степени красоты требуетъ многаго. У Жуковскаго я нашелъ даже пяти- и семистопные экзаметры въ ряду правильныхъ. Жаль, не могу взглянуть на Дельвиговскіе. Мой Дельвигъ у нашей петербургской барышни [1]).

40.

(Плетневъ — Гроту) ***Спб., вторн., 11 марта 1841.***

Отвѣтъ на письмо отъ 6 марта. Ты спрашиваешь по обыкновенію: „что стоитъ Зырянская грамматика"? Желалъ бы я знать, что намѣренъ ты сдѣлать, если я въ отвѣтъ скажу, напримѣръ, 20 к. сер. или 80 к. ассигн. Если уже вещь достигла своего назначенія: ты доставилъ удовольствіе и, можетъ быть, пользу человѣку, котораго любишь, какъ добраго товарища — вотъ уже этимъ однимъ дѣло и должно между нами кончиться. Я никакъ не могу пріучить тебя къ своей методѣ жизни. За статьею твоей не посылалъ я къ Армфельту, потому что самому хочется съѣздить, — да не успѣлъ еще. Скажи Цигнеусу, что это совсѣмъ не согласно съ моими правилами: заниматься составленіемъ рѣчи во время дружескаго обѣда и читать ее такъ тихо, что можно бы для этого и ничего не сочинять, а не только ли-

[1]) Маркизы Траверсе.

шать себя общества и обѣда. Все, что ни разсказываешь ты про Линсѐна, меня очень трогаетъ. Какъ могъ ты осуждать его, что онъ не показываетъ мужественной готовности къ смерти? Гдѣ найдешь ты такого храбреца? А между тѣмъ, Линсѐнъ, будучи еще молодъ, нѣсколько лѣтъ смотритъ на свое разрушеніе — и съ каждымъ годомъ чувствуетъ, что онъ дѣйствительно ближе сталъ къ смерти. Нѣтъ, что ни говори, а это ужасно. Я радъ, что Рейнъ выбранъ въ президенты. Онъ можетъ пробудить въ обществѣ благотворную и славную дѣятельность. Я очень хотѣлъ бы, чтобы наконецъ когда-нибудь Историческое гельсингфорское общество дружески сносилось съ какимъ-нибудь Историческимъ обществомъ въ Россіи. Скажи Рейну, что въ Москвѣ и Одессѣ у насъ есть такія же общества. Но важнѣе будетъ, если онъ сблизится (разумѣется, письменно) съ археографическою коммисіею при департаментѣ Министра народнаго просвѣщенія. Замѣчаешь ли ты, что я спутался, забывъ, что у васъ не Историческое, а Литературное Общество? Итакъ, я даже думаю, что Рейнъ не на своемъ мѣстѣ. Тутъ полезнѣе былъ бы Рунебергъ, Ленротъ, даже юный поэтъ Цигнеусъ. Для успѣховъ Литературнаго Общества непремѣнно нужно присутствіе, кромѣ ученыхъ людей, людей съ талантами.

Отвѣтъ на письмо отъ 8 марта. Профессоръ и академикъ физики Ленцъ увѣрялъ меня, что вашъ университетъ не отпуститъ Нервандера, и какъ вся его претензія въ увеличеніи ему жалованья, то и сдѣлаютъ для него это. Развѣ ни одинъ человѣкъ въ Гельсингфорсѣ не получаетъ „Библіотеки для чтенія", что ты спрашиваешь меня объ отзывѣ Сенковскаго о Ѳ. Ѳ. *(Корфъ)*? Онъ сказалъ, что пока Ѳ. Ѳ. печаталъ свои статьи въ „Библіотекѣ", до тѣхъ поръ выражался какъ слѣдуетъ джентельмену; но лишь перешелъ въ другой журналъ, то и заговорилъ дикимъ языкомъ *Сихъ* и *Оныхъ*. Жуковскаго идиллію я знаю. Помнится, это съ французскаго переводъ изъ Мильвуа или изъ Парни. Пушкина пьеса „Воронъ къ ворону" есть тоже переводъ шотландской народной пѣсни. Объ экзаметрахъ ты судишь довольно неосновательно — что касается до Гнѣдича. Онъ такъ изучилъ всѣ оттѣнки этого метра, что невозможно было найти въ Иліадѣ стиха, котораго особенности не разсматривалъ бы онъ со всѣмъ вниманіемъ знатока. А что онъ отъ природы не получилъ нѣжнаго слуха для мелодической версификаціи, это не вина незнанія. Жуковскій, напротивъ, не изучавъ законовъ экзаметра, какъ и Дельвигъ, дошелъ до музыки его инстинктомъ. Я вѣрю, что у Жуковскаго есть въ 5 и 7 стопъ экзаметры. Онъ пишетъ безъ оглядки. Но у Дельвига этого нѣтъ, потому что онъ еще болѣе Жуковскаго отъ природы получилъ чутья къ музыкальнымъ размѣрамъ. Петербургская барышня не могла бы читать Дельвига и тогда, когда бы не ѣздила танцовать. Онъ поэтъ избранныхъ, и то между мужчинами.

Журналъ. Суббота (8 марта). Сегодня съ попечителемъ пріѣзжаетъ

Тиссъ осматривать университетъ и слушать мою лекцію. Странно! У меня есть къ нему антипатія, какъ у всякаго русскаго къ поляку, прикидывающемуся русскимъ патріотомъ.

Воскресенье (9 марта). Сколько перебывало у меня съ визитами: старшій Куторга (натуралистъ); Ѳ. Ѳ. Корфъ — для объясненія, почему онъ не поѣдетъ въ Арзрумъ: тамъ генеральный консулъ болѣе не нуженъ, а простой, что̀ не согласно съ его видами; Шульгинъ для объясненія о пенсіи; Путята съ письмомъ отъ Дельвиговой жены, вышедшей замужъ за Баратынскаго, брата поэта. Путята сообщилъ мнѣ радостную вещь, что послѣдовалъ указъ о назначеніи Александра Армфельта исправляющимъ должность министра. О поступленіи твоемъ въ чиновники министра по особымъ порученіямъ есть Высочайшій указъ.

Понедѣльникъ (10 марта). Съ визитомъ пріѣзжало много, между прочимъ, вашъ Гартманъ. Мой Григорій вздумалъ ему сказать, что меня нѣтъ дома. Между тѣмъ, пока не выздоровлю, не могу у него быть; онъ даже можетъ и уѣхать. Въ послѣднемъ случаѣ опять тебѣ хлопоты дать этому дѣлу настоящій оборотъ, сваливъ все на лакея.

41.

(Гротъ — Плетневу) ***Гфорсъ, вторн., 11 марта 1841.***

Позволь мнѣ начать сегодня журналъ, чтобы до четверга не забыть главныхъ фактовъ. Въ субботу, отнеся письмо на почту, пошелъ я къ Кастрену, и, поговоривъ съ нимъ слова два насчетъ моей статьи для Современника, отнесъ ее къ графу Армфельту и былъ принятъ самимъ, всегда милымъ, губернаторомъ. Въ воскресенье, пробывъ почти весь день у себя, вечеромъ пошелъ къ Чепурновымъ. Но они всѣ сбирались на вечеринку къ Ерне (я не былъ званъ, потому что, вѣроятно, какъ-нибудь провинился въ отплатѣ благодарственнаго визита; тутъ прекуріозныя тонкости). Въ воскресенье поутру, гуляя, встрѣтился я съ Кастреномъ, и мы вмѣстѣ пошли не надолго къ Рейну; я взялъ у него нѣсколько старыхъ финляндскихъ газетъ для прісканія матеріаловъ къ моей статьѣ. Вчера послѣ обѣда принялся я обдумывать ее, и также началъ посвященіе Наслѣднику, причемъ привязался къ его имени, которое университетъ носитъ. Не знаю только, какъ тутъ поступить. Тогда ли, когда все уже будетъ готово, требовать исходатайствованія позволенія поднести книгу и въ то же время представить посвященіе, или напередъ просить позволенія и не представлять предварительно посвященія?

Среда, 12 марта.

Пожалуйста, наставь меня по этому предмету. Въ понедѣльникъ послѣ обѣда, въ 7-мъ часу, только что я успѣлъ прочесть твое

письмо, пришелъ Кастренъ съ Регули и еще съ однимъ живущимъ здѣсь нѣмецкимъ студентомъ Форстеромъ, съ которымъ онъ недавно познакомился. Этотъ Форстеръ, 20-ти лѣтъ, поѣхалъ въ Грецію, а оттуда въ Сицилію, гдѣ одинъ финскій шкиперъ уговорилъ его отправиться съ нимъ въ Финляндію, и вотъ онъ здѣсь мѣсяца 4, но по скромности и неопытности своей пріобрѣлъ еще очень мало знакомыхъ, однако даетъ уроки. Онъ знаетъ очень много языковъ, между прочимъ и шведскій, вообще — малый, кажется, дѣльный; я обѣщалъ ссужать его книгами, особливо итальянскими. Онъ намѣренъ ѣхать отсюда въ Петербургъ на время, а осенью назадъ въ Мюнхенъ. Во вторникъ, вчера, я только-что всталъ, какъ принялся обдумывать стихи на наше *Сѣверное Сіяніе*. Продуктъ этого обдумыванія найдешь ты на одномъ изъ прилагаемыхъ листковъ, подъ заглавіемъ „Герда". Къ исполненію твоей идеи я такъ былъ готовъ, что еще накануне вечеромъ приступилъ бы къ ея исполненію, еслибы мнѣ не помѣшали; но когда бы ты не толкнулъ меня, то я увѣренъ, что никогда бы не написалъ этого, потому что мнѣ такъ трудно приняться за стихи, когда меня заботитъ какое-нибудь дѣло, какъ теперь нашъ Альманахъ. Послѣ обѣда пошелъ я къ переплетчику, велѣлъ наклеить вновь вышедшую карту Финляндіи, оттуда къ Сальбергу, котораго не засталъ дома, и назадъ. Вечеромъ отправился къ Фридбергу: они всѣ сегодня поѣхали въ Петербургъ для младшаго сына, ѣдущаго драться на Кавказъ, и по этому случаю туда набралось вчера множество знакомыхъ. Между ними были и Гартманы: вообрази, по странной игрѣ случая, нарядъ Розины вполнѣ соотвѣтствовалъ моимъ стихамъ, поутру написаннымъ: платье самаго нѣжнаго розоваго цвѣта прекрасно выражало сѣверное сіяніе (и вмѣстѣ имя ея), а сверху большой черный платокъ означалъ зимнюю ночь. Я и сообщилъ ей эту идею. Когда она въ переводѣ прочтетъ мои стихи, то будетъ увѣрена, что они были написаны послѣ этого вечера. Прочти, пожалуйста, все со вниманіемъ и скажи свое мнѣніе. Шестое стихотвореніе посвящено Веттергофу, потому что онъ подарилъ мнѣ Стагнеліуса и прочелъ вслухъ это стихотвореніе по-шведски, а девятое потому, что Веттергофъ строитъ себѣ домъ, который еще не готовъ. Онъ ничего не знаетъ объ этомъ посвященіи: пусть прочтетъ въ своемъ экземплярѣ Современника.

Отвѣтъ. Я не говорилъ, чтобы ты списалъ отрывокъ изъ Руслана (потому что у меня есть Пушкинъ), а только чтобы ты прибавилъ его къ своей статьѣ, то-есть сказалъ что-нибудь о немъ. Остальное готовъ по твоему желанію сдѣлать. Пушкина въ переводѣ я почти не читалъ, но судя по дѣйствію Онѣгина на Цигнеуса и по пьесѣ *Полководецъ*, гдѣ форма совершенно измѣнена, надобно полагать, что переводчикъ не мастеръ своего дѣла. Поздравляю тебя съ новымъ

устройствомъ дома; я очень понимаю побудившія тебя къ тому причины. Совсѣмъ ли ты пересталъ теперь тяготиться одиночествомъ? Вьельгорскій-старикъ — настоящее чудо; я ужъ прежде слышалъ о немъ, но теперь слышу еще больше. Сужденіе Протопопова обо мнѣ показываетъ силу вліянія обстоятельствъ на человѣка и великую трудность узнавать и тѣхъ, съ которыми мы всего короче. Я никого не могъ убѣдить, что нахожусь въ ложномъ положеніи, и, какъ ни ясно самъ чувствовалъ это, но все же, видя такую недовѣрчивость другихъ ко мнѣ, былъ и самъ слишкомъ ужъ недовѣрчивъ къ себѣ.

Смѣсь. У меня есть отъ Урсина нѣсколько брошюръ для тебя, но я не посылаю ихъ пока, потому что онѣ на шведскомъ діалектѣ. Скажи Александрѣ Осиповнѣ, что я до сихъ поръ не могъ приняться за чтеніе 2-й части Исторіи, потому что она была у солнцевыхъ сестеръ [1]); вчера я получилъ ее, но боюсь, что необходимость приняться хорошенько за Альманахъ, при печатаніи Фритіофа, не позволитъ мнѣ удѣлить довольно времени на это чтеніе. Но пусть не винятъ меня въ несостоятельности; воля есть добрая, но обстоятельства подрѣзываютъ ея крылья. Моя помощь не есть необходимость для Александры Осиповны; а Альманахъ нашъ, какъ дѣло начатое, *необходимо* требуетъ окончанія.

42.

(Плетневъ — Гроту) ***Спб., пятн., 14 марта 1841.***

Журналъ. Среда (12 марта). Начиная съ воскресенья (9 марта), до сихъ поръ я еще не покидалъ комнаты. У меня вся правая сторона головы, даже прочихъ частей тѣла, находится въ страдательномъ положеніи. Сегодня, однакожъ (разумѣю въ среду), я одѣлся въ сюртукъ въ ожиданіи прибытія моихъ пансіонерокъ съ острова. Мы читали сперва твое письмо, а послѣ Квитки, который, наконецъ, одумался. Онъ, какъ я тебѣ сказалъ, не хотѣлъ было совсѣмъ писать для публики, развѣ только изрѣдка въ Современникѣ. Я въ трехъ къ нему письмахъ былъ истиннымъ его бичемъ. Конечно, это не хорошо съ моей стороны; но я не умѣю быть снисходительнымъ тамъ, гдѣ вижу ложныя понятія или неуваженіе святой истины. Онъ не сознается, что мои убѣжденія подѣйствовали. Онъ говоритъ, что былъ боленъ — и всѣ мрачныя мысли его произошли отъ болѣзни. Даже прибавляетъ онъ, что еслибы мои письма застали его въ этомъ страдательномъ положеніи, они уморили бы его. Но что онъ вылѣчился и теперь ясно видитъ справедливость моихъ настояній. Опять согласился онъ на продолженіе своихъ сочиненій, ихъ изданіе и участіе въ Современникѣ. Я послалъ ему одобрительно-увѣщательный отзывъ.

[1]) Сестеръ маркизы Маріи Траверсе.

Четвергъ (13 марта). Попечитель уѣхалъ въ Москву, и Дель явился ко мнѣ, какъ исправляющему должность начальника округа. По крайней мѣрѣ, это мнѣ дало возможность законно посадить Ивановскаго [1]) на предсѣдательство въ совѣтѣ, правленіи и испытательномъ комитетѣ. Передъ обѣдомъ зашелъ ко мнѣ Константинъ Карловичъ. На вечеръ, по его приказанію, явились ко мнѣ Ѳ. Ѳ. *(Корфъ)* и Протопоповъ. Скоро присоединился къ намъ и гвардеецъ Грипенбергъ. Ѳ. Ѳ. принесъ для Современника выборъ мыслей изъ Жанъ-Поля. Какъ въ оригиналѣ много мудрыхъ терминовъ, то Ѳ. Ѳ. пошелъ въ кабинетъ мой съ Протопоповымъ провѣрять переводъ. Я въ залѣ у рояля остался съ гвардейцемъ. Увидя на моемъ столѣ карточку Гартмана, онъ растолковалъ мнѣ, что титулъ Général Directeur соотвѣтствуетъ нашему *генералъ-штабъ-доктору.* Итакъ, въ понедѣльникъ пріѣзжалъ ко мнѣ не финляндскій Канкринъ [2]), а Гаевскій вашъ [3]). Какъ же ты не предувѣдомилъ меня, что отецъ Розины поѣхалъ сюда? Онъ желалъ, вѣроятно, поблагодарить меня за ласки къ его сыну. О, какъ досадно, что я боленъ! Я бы въ тотъ же день отправился къ нему съ контръ-визитомъ. Отецъ Розины и Наймы! Зять Францена! чувствуешь ли ты, сколько тутъ поэзіи?

Пятница (14 марта). Александра Осиповна, ѣдучи къ принцессѣ, завезла ко мнѣ Олю съ гувернантой, чтобы онѣ музыкой разгоняли мое горе. Доложили о пріѣздѣ Гартмана. Я ждалъ нашего, а явился Абовскій [4]). Вообрази: со всею любезностью, на русскомъ языкѣ, довольно ломанномъ, привѣтствуетъ меня камарадомъ (по докторству, вѣроятно) и садится со мною бесѣдовать, ослѣпляя меня двумя своими звѣздами. Я узналъ, что онъ, по волѣ Государя, не возвратится въ Або, а у насъ въ Гельсингфорсѣ останется. Нечего дѣлать: надо тебѣ съ нимъ сойтись. Завтра онъ уѣзжаетъ. И ему и брату его я не отдамъ визитовъ. Пожалуйста, поработай, чтобы въ этой почтенной фамиліи имя мое не сдѣлалось синонимомъ готентоту. Онъ объявилъ, что братъ его у меня былъ и благодарилъ за племянника. Въ подобныхъ случаяхъ я глупъ, какъ Гнѣдичъ: расчувствовался и чуть не заплакалъ, вспоминая, какъ былъ самъ я счастливъ у нихъ. Послѣдній визитъ засвѣтло сдѣлалъ мнѣ Принцъ Петръ Егоровичъ Ольденбургскій. Ты удивляешься и я удивлялся. Онъ готовитъ Принцессѣ 5 апрѣля (день рожденія) сюрпризъ: купилъ за 45 тыс. домъ, завелъ школу для бѣд-

[1]) Игнатія Акинѳіевича, профессора международнаго права, проректора и декана юридическаго факультета С.-Петербургскаго университета, ум. 1886 г.

[2]) Такъ называетъ Плетневъ — т. е. Гартмана, сенатора (департамента экономіи) и начальника финансовой экспедиціи, брата генералъ-директора медицины.

[3]) Гаевскій Семенъ Ѳедоровичъ, былъ тогда директоромъ медицинскаго департамента и генералъ-штабъ-докторъ.

[4]) Т. е. вышеназванный сенаторъ (тайн. сов.), тогда еще жившій въ Або.

ныхъ дѣвушекъ и введетъ ее, какъ попечительницу школы. Итакъ, онъ пріѣхалъ со мной (узнавъ, что я не выѣзжаю) посовѣтоваться по учебной части. Будутъ двѣ дамы: начальница и ея помощница. Но онѣ обязаны замѣнять и учителей. На иждивеніи Принцессы будетъ 10 дѣвочекъ; пансіонерками сими могутъ быть оберъ-офицерскія дочери наибѣднѣйшія. Если родители пожелаютъ сами туда отдавать, то платить должны въ годъ 300 руб. асс. Все это и трогательно и прекрасно.

43.

(Гротъ — Плетневу) ***Гфорсъ, субб., 15 марта 1841.***

Отвѣтъ. Слова твои передалъ я Цигнеусу вчера же, вскорѣ по полученіи письма, когда онъ былъ у меня. Онъ посмѣялся, но исправиться не обѣщалъ. Дѣло въ томъ, что онъ такъ долго отлагалъ сочиненіе рѣчи, что, наконецъ, нечего было уже отлагать. Линсѣна, конечно, осуждать нельзя; онъ только въ высшей степени жалокъ; но ты напрасно думаешь, что онъ молодъ; онъ одной промоціи съ Франценомъ. Ты говоришь о нашемъ литературномъ обществѣ, какъ будто оно имѣетъ какое-нибудь самобытное существованіе; это общество — нищій, и я боюсь, что оно въ одинаковомъ положеніи съ своимъ бывшимъ президентомъ. Изъ членовъ очень немногіе заботятся объ его цѣли; большая часть не платитъ положенныхъ за вступленіе денегъ; чѣмъ же ему существовать? Къ тому же это общество не имѣетъ Высочайше конфирмованныхъ статутовъ, а какъ-бы только допускается. Покойный графъ часто обѣщалъ исходатайствовать утвержденіе статутовъ, но все откладывалъ, — по трусости, какъ полагаютъ. Его вообще осуждали здѣсь въ томъ, что онъ боялся подать мысль, будто хочетъ поддерживать все національное, хотя и дѣйствительно желалъ этого. Литературное назначеніе нашего общества не мѣшаетъ ему быть въ сношеніяхъ съ историческими, напротивъ! Но повторяю, для успѣха, хоть посредственнаго, оно не можетъ обойтись безъ поддержки свыше. Вѣроятно, „Библіотека для чтенія" получается въ Гельсингфорсѣ и болѣе, нежели однимъ; но между моими знакомыми я не знаю такихъ читателей, да и вовсе не желаю встрѣчаться съ „Библіотекой". Слишкомъ считаю себя счастливымъ, что уже меня теперь не развлекаютъ книжицы этого рода. Только мои дамы не совсѣмъ раздѣляютъ мой вкусъ. Отгадалъ же Рунебергъ, что *Воронъ къ ворону*—народная пѣснь.

Объ экзаметрахъ распространяться не буду, потому что это завлекло бы меня слишкомъ далеко; но желалъ бы я знать, гдѣ бы ты на дѣлѣ нашелъ подтвержденіе своихъ словъ, когда экзаметры Гнѣдича, напротивъ, показываютъ самое одностороннее и младенческое понятіе объ этомъ метрѣ. Одно изъ главныхъ его преимуществъ есть разнообразіе или, такъ сказать, обиліе формъ въ единствѣ формы.

Разбери же ты экзаметры Гнѣдича, и увидишь, что всѣ они почти на одинъ покрой, такъ же, какъ и Жуковскаго, и притомъ не всегда избѣгается одинъ изъ самыхъ существенныхъ недостатковъ экзаметра — раздѣленіе стиха на двѣ совершенно равныя половины. Жаль, что лакей твой отпотчивалъ отца *Герды;* онъ премилый человѣкъ; да ты его, вѣдь, знаешь. Все еще я не вручилъ Гердѣ стиховъ о ней.

Журналъ. Въ четвергъ передъ обѣдомъ пошелъ я отплатить визитъ графу Магнусу Армфельту [1]), который наканунѣ былъ въ 1-й разъ у меня, но напрасно. Онъ помѣшался на джентльменствѣ, былъ въ Парижѣ: держитъ французскаго поваренка оттуда и т. п. Родственникъ друзьямъ нашимъ. Я не засталъ его. Вечеромъ былъ въ клубѣ, гдѣ давали балъ въ пользу бѣдныхъ. Тамъ не было ни *Солнца* [2]), ни *Сіянія* [3]), а была только *Луна* [4]). Вчера послѣ обѣда былъ у меня епископъ Оттелинъ изъ Борго, съ Кронсомъ [5]); я его видѣлъ въ первый разъ; много говорилъ объ его грамматикѣ, и говоритъ отчасти по-русски. Онъ съ удовольствіемъ вспоминалъ о знакомствѣ съ тобою; Кронсъ при мнѣ сдѣлалъ ему неловкій вопросъ: получаетъ ли и онъ экземпляръ Современника? Онъ бѣдный отвѣчалъ, что нѣтъ. Послѣ былъ у меня Сальбергъ. Онъ велѣлъ сказать тебѣ, что университетъ твой можетъ платить ему, какъ хочетъ, хоть по 100 руб. асс. въ годъ — только бы купилъ диссертаціи. Шведскихъ между ними мало. Вечеромъ пришли Кастренъ и Цигнеусъ.

44.

(Плетневъ — Гроту) ***Спб., понед., 17 марта 1841.***

Отвѣтъ на письмо отъ 11 марта. Поговоримъ о стихахъ твоихъ. Я былъ бы самъ себѣ гадокъ и другимъ смѣшонъ, еслибы вздумалъ лицемѣрить передъ тобою въ этомъ дѣлѣ. Большею частію присланныхъ тобою стиховъ я не очень доволенъ. Пьеса маленькая уже дурна, если въ ней хоть одинъ стихъ съ натяжкой, или мысль не трепещетъ новостью, остротой, живостью или чѣмъ-нибудь тому подобнымъ. Опять приходится мнѣ браниться съ тобой, что ты мало изучаешь трехъ русскихъ поэтовъ, возвысившихъ русскій стихъ по самому механизму его до nec plus ultra. Возьми какую угодно антологическую пьесу Пушкина, Батюшкова и Жуковскаго, да и сравни ее

[1]) Младшій братъ нюландскаго губернатора, служившій въ шведской военной службѣ до 1841 г., когда вышелъ въ отставку и переселился въ Финляндію. Потомъ былъ въ русской военной службѣ, ум. 1878 г.

[2]) Марія Траверсе.

[3]) Розина Гартманъ.

[4]) Гр. Матильда Армфельтъ.

[5]) Пасторомъ — хозяиномъ дома, гдѣ жилъ Яковъ Карловичъ.

со своими: тогда ты пораженъ будешь, какъ ихъ пьесы печатлѣются въ головѣ, а твои не поражаютъ совсѣмъ читателя. Ты скажешь: у тебя свой слогъ. Такъ, но есть для антологіи общія красоты. Греки, римляне, нѣмцы и французы въ антологическомъ родѣ всѣ равны, когда кто изъ ихъ писателей достигалъ совершенства. Повѣрь, что въ моемъ энтузіазмѣ къ Пушкину или Жуковскому нѣтъ пристрастія, а одна штудировка ихъ, которая раскрыла передо мной всѣ стороны ихъ изумительныхъ совершенствъ. Я увѣренъ, что ты ихъ пьесы едва по содержанію помнишь, а я знаю до малѣйшаго оттѣнка всякій въ нихъ эпитетъ или другое что. Имъ-то я обязанъ, могу смѣло сказать, рѣдкимъ чутьемъ замѣчать въ чужихъ и своихъ стихотвореніяхъ всѣ тонкости красотъ и слабыхъ мѣстъ, всѣ уклоненія отъ надлежащей потребности стиха и всѣ приближенія къ его достоинству. Изученіе ихъ образуетъ не только умъ, но самый слухъ. Для меня, какъ для меломана, все важно въ стихѣ, и кто этого не понимаетъ или кто считаетъ это лишнимъ, тотъ по мнѣ не совсѣмъ поэтъ. Вотъ отчего часто сержусь я на Растопчину и другихъ въ юномъ поколѣніи. Разберемъ для примѣра что-нибудь изъ тебя. Стихотвореніе 1-е [1]): „Прекрасенъ неба сводъ, *когда*“. Послѣднее слово портитъ музыкальное теченіе стиха. „Но *по закатѣ иногда*“, кромѣ беззвучности риѳмы, тутъ и недомолвка: по закатѣ солнца. „Что утро міру встанетъ снова“ — изысканное выраженіе. „Прекрасенъ *ликъ людской, когда*“, выраженіе неточное и непоэтическое. „Улыбка кроткая *тогда*“; не *тогда* бы слѣдовало сказать, а *иногда*. „Что *утро* жизни *встанетъ* снова ему“. Никакъ нельзя допустить подобныхъ оборотовъ. Эта прекрасная мысль требовала 6 — 8 стиховъ, но сочныхъ и стройныхъ. Прочти у Пушкина: „*Рѣдѣетъ облаковъ летучая гряда*“. Вотъ антологическая пьеса. 2-е стих. [2]) все прекрасно. 3-е [3]) было бы прекрасно, если бы выправить такіе стихи: „Ткалъ бѣду изъ нити дѣлъ“; „Въ жизни чадъ его“; „Дань вѣчныхъ мукъ платить“. 4-е [4]) поправлю — потому что не хорошо только *дѣвічьихъ*, а надо непремѣнно *дѣвичьихъ*. Остальное прелесть. 5-е [5]) очень хорошо; но есть трудности въ теченіи рѣчи при переносѣ словъ изъ стиха въ стихъ. 6-е [6]) — вотъ истинная прелесть антологической поэзіи — и мысль и стихи. 7-е [7]) очень хорошо; 8-е [8]) хорошо, но могла бы быть еще гра-

[1]) Не было въ свое время напечатано, см. *Дополненія*.

[2]) „Опасеніе“, напеч. въ Современникѣ 1841, т. XXII, стр. 190.

[3]) „Жребій“, см. тамъ-же, т. XXII, стр. 166.

[4]) „Паукъ“, см. тамъ-же, 1843, т. XXIX, стр. 268.

[5]) „Вопросъ“, тамъ-же, т. XXIII, стр. 177.

[6]) „Приговоръ“, тамъ-же, т. XXII, стр. 186.

[7]) „Новый домъ“, тамъ-же, т. XXIV, стр. 70.

[8]) „Красавица“ (изъ Рунеберга): не было въ свое время напечатано, см. *Дополненія*.

ціознѣе — что̀ и есть, безъ сомнѣнія, въ подлинникѣ; 9-е [1]) по мысли очень хорошо. Я этой пьесой такъ дорожу, что прошу тебя передѣлать ее совершенно. Зачѣмъ такъ растягивать одну милую, самую поэтическую идею, но все-таки одну? Другое дѣло: ужели ты не чувствуешь, что безъ цезуры на второй стопѣ пятистопный стихъ всегда тяжелъ, какъ возъ? Наконецъ, какъ тебя угораздило хорей писать въ 5 стопъ? Это все старыя правила, скажешь ты. Да вѣдь ихъ почерпнули изъ опытовъ. Одна только цезура и могла бы спасти эти стихи. Для примѣра прочти у Батюшкова шестистопный хорей, зато въ перемежку съ 3-хстопнымъ, что и приводитъ ухо отъ двухъ строчекъ какъ-будто къ раздѣльнымъ тремъ: *На смерть супруги Ѳ. Ѳ. Кокошкина.*

Вотъ, душа моя, Яковъ Карловичъ, какъ я понимаю и критикую стихи. Напиши же, доволенъ ли ты мною съ этой стороны? По крайней мѣрѣ, ты не найдешь судьи искреннѣе меня. У Наслѣдника испросить позволеніе надобно заблаговременно. Напиши отъ себя письмо къ Алекс. Армфельту, гдѣ объясни поводъ къ изданію, назови имена авторовъ и заглавія пьесъ, приложи текстъ самаго посвященія; но лучше не натягивать этимологіи именъ Его и университета: это не понравится, потому что чужою оглашенною собственностью никому не пріятно пользоваться публично. Главнаго довольно, что Онъ — Канцлеръ того университета, котораго юбилей далъ существованіе книгѣ. Можешь сказать, что идея о посвященіи была общая у всѣхъ участниковъ и родилась съ идеею о книгѣ, а что ты, какъ центральный членъ, притомъ средовикъ между Русью и Финляндіею, уполномоченъ былъ отъ насъ осуществить обѣ сіи идеи.

Вотъ что надо вставить въ статью о Пушкинѣ, но самъ пріищи мѣсто, ибо я не помню порядка мыслей въ отосланномъ къ тебѣ. „Еще ученикомъ въ Царскосельскомъ лицеѣ Пушкинъ замыслилъ написать поэму, для которой народныя русскія сказки служили бы основою и содержаніемъ. Это первое созданіе музы его, игривое, разнообразное и граціозное, плѣнительное самою смѣсью національныхъ красокъ съ аріостовскими пріемами и чертами. Поэма называется: Русланъ и Людмила. Между дѣйствующими лицами выведенъ финнъ, *духовъ могучій повелитель*, какъ говоритъ о немъ Пушкинъ. Эпизодъ, гдѣ разсказываетъ финнъ о любви своей къ пастушкѣ Наинѣ, оригиналенъ и полонъ интереса. Я привожу его, какъ опытъ описанія жизни древнихъ финновъ; говорю опытъ, потому что не такъ озарилъ бы Пушкинъ эту живую картину, еслибы удалось ему взглянуть собственными глазами, а не однимъ воображеніемъ на Финляндію“. За этимъ слѣдуетъ сдѣлать выписки (по изданію 1838 года) съ половины 15 стр. до конца 24-ой.

[1]) „Герда“, (не было напеч.) въ передѣланномъ видѣ подъ заглавіемъ „Сѣверное сіяніе“ печатается нынѣ съ другими стихотвореніями (въ особомъ изданіи).

Журналъ. Понедѣльникъ (17 марта). Университетскія власти. Я, какъ исправляющій должность попечителя, раздаю имъ разныя повелѣнія.

Вторникъ (18 марта). По моей болѣзни Цензурный комитетъ собирался въ моемъ кабинетѣ. Передъ вечеромъ былъ у меня князь Вяземскій, а вечеромъ сидѣлъ Жуковскій, воротившійся изъ Москвы. Онъ мнѣ все говорилъ о своемъ будущемъ. Оно страшитъ его, потому что много внезапностей. Между тѣмъ и увѣренность, что жизнь не случай, а опредѣленіе высшее, успокоиваетъ.

45.

(Гротъ — Плетневу) *Гфорсъ, среда, 19 марта 1841.*

Отвѣтъ. Начало твоей болѣзни не что иное, какъ та неосторожность, съ какою ты лѣтомъ входилъ горячій въ холодное море и которая безпрестанно заставляетъ тебя, надѣясь на твою крѣпость, дѣлать непростительныя вещи. Слава Богу, что Квитка выздоровѣлъ! Экій упрямецъ! Хорошо, что ты его безъ церемоніи пугнулъ, — это подѣйствовало, какъ всякое рѣшительное средство. Старый Г—гъ глубоко чувствуетъ твое истинно дружеское участіе. Онъ нѣсколько разъ повторялъ, что ты долженъ быть необыкновенный человѣкъ, заботясь такъ о незнакомомъ и, признаюсь, я столько-же, какъ онъ, благоговѣю къ тебѣ за твое сердце. Ты забылъ, но я писалъ тебѣ о поѣздкѣ отца Розины въ Петербургъ, послѣ послѣдняго вечера, который я провелъ у нихъ. Ты спрашиваешь, чувствую ли я, сколько поэзіи соединяется вокругъ имени Гартмановъ, а я восхищаюсь, что ты однимъ чутьемъ, не зная Розины и не читая Францѐна, заочно такъ понимаешь это. Розина точно воплощенная муза Францѐна; она совершенно выражаетъ своимъ ensemble характеръ его поэзіи. Любопытенъ я знать, какъ тебѣ показались мои стихи „Герда". Я, бывъ въ первыя минуты доволенъ ими, теперь нахожу, что они не годятся, особливо для печати. Кто не знаетъ, что за смыслъ подъ ними скрывается, тому все въ нихъ покажется дико. Да и въ другихъ присланныхъ тебѣ стихахъ мало хорошаго: я сожалѣю, что не сдѣлалъ болѣе тщательнаго выбора изъ своихъ ничтожныхъ твореній. Нашелъ ли ты тутъ что-нибудь достойное печати? Что касается до Розины, то я, въ какую-нибудь счастливую минуту, напишу ей другіе стихи. Какъ мнѣ было досадно, что я не могъ быть ни въ субботу у Рамсая, ни въ воскресенье у Траверсе: она, какъ обѣщала, была тамъ, и я бы могъ ей вручить приготовленные для нея книгу и листокъ, которые все еще у меня.

Четвергъ 20 марта. (У насъ сегодня 1-е апрѣля). Послѣ такихъ визитовъ, каковы Принца Ольденбургскаго, страшно будетъ когда-нибудь

войти къ тебѣ. Ты ужасно лѣзешь въ знать. Вчера вечеромъ пошелъ къ графу Армфельту. Людей было тамъ немного. Я говорилъ много о тебѣ съ самимъ Густавомъ, съ Матильдой, съ Клинковстремомъ старымъ. Они очень сожалѣли о твоей болѣзни и радовались посѣщенію Ольденбургскаго. Клинковстремъ зоветъ тебя на лѣто къ себѣ на мызу, обѣщаетъ поить сливками вдоволь и позволяетъ даже строить куры женѣ его. Графъ разсказывалъ мнѣ, что въ четвергъ вечеромъ провезли здѣсь тайно для цѣлаго города, и даже для него, тѣла графа Ребиндера и жены графа Александра въ ихъ имѣнія. Въ Выборгѣ, гдѣ напередъ узнали о такомъ провозѣ, съ честію провожали тѣло графа. Въ одной изъ здѣшнихъ газетъ есть очень хорошій некрологъ его, написанный рукой знающей, и я уже началъ было переводить его для Современника. Но меня вчера озадачилъ А. А. Вульфертъ вопросомъ, не испросимъ ли мы на это позволенія Меншикова, и посовѣтовалъ поговорить съ Котеномъ. Онъ, Вульфертъ, въ такихъ дѣлахъ — человѣкъ знающій, такъ что нужна въ самомъ дѣлѣ осторожность; я освѣдомлюсь.

Изъ Фритіофа напечатано уже 9 листовъ: остается еще 7 съ небольшимъ, или даже 8. Скоро придется думать о хлопотахъ для сбытія его съ рукъ. Посовѣтуй, какъ мнѣ здѣсь уговориться съ Вассеніусомъ для продажи его; я полагаю удержать экземпляровъ 100, и часть изъ нихъ отдать въ продажу, а другіе раздарить. Кажется, безъ послѣдней мѣры обойтись нельзя. Нельзя же не поднести экземпляра Теслеву, Эттеру, Чепурнову, Спафарьевой, Рамсаямъ и т. п. Надѣюсь, что ты поможешь мнѣ сговориться съ какимъ-нибудь петербургскимъ книгопродавцемъ, но не знаю, какъ послать экземпляры отсюда. Цѣну полагаю назначить пониже: рубля 2 или $2^1/_2$ за экземпляръ. Согласенъ ли ты съ этимъ?

46.

(Плетневъ — Гроту) ***Спб., пятн., 21 марта 1841.***

Отвѣтъ на письмо отъ 15 марта. Все, что говоришь ты объ экзаметрахъ Гнѣдича и Жуковскаго, несправедливо потому, что встрѣтилось тебѣ въ нѣсколькихъ стихахъ, а судить надобно по большинству и по ихъ личнымъ доктринамъ. Повторяю, что Жуковскій постигъ тайну поэтическимъ инстинктомъ. Прочти у него: Цеиксъ и Гальціона. Тамъ увидишь исполненными всѣ свои требованія. Гнѣдичъ же нарушалъ тонкости не по невѣдѣнію, а по грубости уха, что у него было врожденное. Я такъ долго и такъ коротко этихъ людей знаю, что ихъ теоріи мнѣ вполнѣ извѣстны. Заключенія твои начались съ того времени, какъ ты съ Рунебергомъ серіозно поговорилъ объ экзаметрѣ. Въ Петербургѣ ни съ кѣмъ не удалось тебѣ потолковать объ этомъ предметѣ. Ты и вообразилъ, что для русскихъ экзаметръ еще тайна. Меня раздражаетъ такая несправедливость.

Я только укажу тебѣ на книгу Востокова: „О стихосложеніи“. Она не миновала, конечно, ни рукъ Жуковскаго, ни рукъ Гнѣдича. А въ ней собрано все, что только можно сказать объ экзаметрѣ, и что только на мысль всходило когда-нибудь не только Рунебергу, но и Фоссамъ и всѣмъ европейскимъ ученымъ. Когда я тебя въ чемъ разувѣряю, такъ совсѣмъ не на-обумъ, а по убѣжденію неотразимому.

Мнѣ сказывали, что Шульгинъ занемогъ опасно отъ простуды. Боже избави! Этакому толстяку мудрено ли вмигъ сгибнуть! Объ отцѣ Герды не могу вспомнить безъ досады на дуралея-лакея. Знаешь ли, какъ онъ докладывалъ мнѣ о Гартманѣ (старшемъ)? *Карпова*! А когда Константинъ Карловичъ разъ пришелъ да спросилъ: кто у меня? онъ вмѣсто Студицкій передѣлалъ: Студентскій. Не забудь же моей просьбы защитить честь мою передъ отцомъ Герды, передъ Шультеномъ и Нервандеромъ. Меня очень потревожило, что Оттелинъ считаетъ себя въ обидѣ за недоставленіе ему Современника. Ужели ты забылъ, что экземпляръ Рунеберга назначенъ преимущественно для чтенія епископа? Съ первою же почтой объясни это Оттелину и разскажи Рунебергу, какъ необходимо, чтобы онъ свой экземпляръ передавалъ для прочтенія его преосвященству. Безъ этого мы наживемъ себѣ недоброжелателей и по причинамъ очень законнымъ. Всѣ вѣдь знаютъ, сколько присылается экземпляровъ Современника въ Гельсингфорсъ—и вдругъ нѣтъ экземпляра тому, кто въ Борго учитъ русскому языку. Постарайся отвлекать Сальберга отъ разговора о брошюрахъ. Куда ихъ намъ? Да и денегъ нѣтъ копѣйки лишней. Если ужъ шведскіе университеты не могутъ у него купить этого сокровища, то куда русскимъ?

Журналъ. Среда, 19 марта. Болѣзнь моя видимо проходитъ. Она мнѣ принесла большую пользу: просидѣвъ безвыходно одинъ двѣ недѣли въ комнатѣ, я убѣдился, что одиночество не большая бѣда; что прогулка по комнатамъ (а у меня теперь чудная амфилада) не менѣе пріятна, какъ и по проспекту; что порядокъ и занятія могутъ незамѣтно наполнить пустоту уединенія. Сегодня былъ у меня Эмиль Шернваль по порученію графа Александра Армфельта. Онъ прочелъ мнѣ бумагу, заготовленную къ Наслѣднику насчетъ преобразованія ученія русскаго языка въ Александровскомъ университетѣ. Въ проэктѣ сказано было, что сверхъ экстраординарнаго профессора и лектора, нужно имѣть *старшаго* профессора для надзора, руководства обоихъ прежнихъ для преподаванія литературы и исторіи Россіи, съ производствомъ ему 1.000 руб. серебромъ и съ назначеніемъ 500 руб. серебромъ на покупку по его усмотрѣнію всѣхъ русскихъ книгъ ежегодно для университетской библіотеки. Я спросилъ у Шернваля, почему профессоръ названъ старшимъ, а не ординарнымъ. Онъ сказалъ: для избавленія его отъ должностей ректорской и деканской. Но я склонилъ

его этого не бояться: ибо при законной причинѣ, заставляющей ординарнаго профессора отказываться отъ сихъ должностей, никто на него ихъ не возложитъ. А цѣль моя была — доставить возможность русскому профессору засѣдать въ консисторіи и сравнять его въ жалованіи со всѣми ординарными профессорами, кои, кажется, болѣе получаютъ, нежели 1.000 руб. сер. Князь Меншиковъ тоже хочетъ, чтобы профессоръ русской словесности назывался ординарнымъ. Итакъ, это повидимому устроено. Шернваль спрашивалъ: не нужно ли, прежде представленія сей бумаги Наслѣднику, списаться съ тобой, чтобы ты не отказался отъ сего мѣста? Я сказалъ, что не нужно, и что я за тебя отвѣчаю. Это я сдѣлалъ, чтобы не затягивать дѣла. Одобряешь ли ты мою рѣшительность? Итакъ, съ этою бумагою пойдетъ и о тебѣ представленіе.

Что касается до мѣста экзаменатора по русской части во всей Финляндіи, оно тоже тебѣ будетъ предоставлено съ особымъ жалованьемъ. Ты успѣешь все сдѣлать, во-1-хъ, потому, что много у васъ времени каникулярнаго; во-2-хъ, что работа твоя въ университетѣ пока болѣе административная, нежели учебная. Налегай сильнѣй на подчиненныхъ тебѣ, а они еще когда-то подготовятъ тебѣ слушателей, могущихъ слѣдовать за тобой по части высшей литературы и исторіи Россіи. Помни только, что Карамзинъ тебѣ готовый матеріалъ для всего. Не вдавайся въ пустыя мечтанія: рѣжь одно чистое дѣло, какъ облупленное яйцо. На иностранномъ языкѣ смѣшно томить слушателей гадательными мнѣніями; нѣтъ, имъ подавай все чистое и положительно интересное. Даже о древней нашей исторіи и литературѣ говори быстрѣе и спѣши къ цвѣтущимъ временамъ нашей прозы, поэзіи и дипломатики. Вечеромъ въ среду же были у меня островскія. Къ чаю пришелъ Савичъ, профессоръ астрономіи. Онъ соблазнилъ дамъ обсерваторіею, и онѣ уговорились сдѣлать съ нимъ туда два восхожденія: одно для усмотрѣнія пятенъ на солнцѣ и другое для созерцанія луны и звѣздъ.

Четвергъ (20 марта). Вообрази, какъ почта ваша ходитъ плохо. Сегодня только принесли мнѣ твое письмо. Благодарю тебя, милый, за исправное доставленіе окончанія статьи. Все это чрезвычайно интересно, по крайней мѣрѣ, для меня, — а о другихъ я не хочу и думать. Я однимъ духомъ прочелъ доставленное теперь тобою. Съ визитомъ у меня была извѣстная тебѣ племянница моей жены. Гораздо интереснѣе послѣ былъ визитъ Натальи Николаевны Пушкиной (жены поэта) съ ея сестрою. Пушкина всегда трогаетъ меня до глубины души своею ко мнѣ привязанностью. Конечно, она это дѣлаетъ по одной учтивости. Но уже и то много, что она старается меня (не имѣя большой нужды) увѣрить, какъ цѣнитъ дружбу мужа ко мнѣ. Послѣ былъ Константинъ Карловичъ. Вечеромъ пріѣз-

жалъ отъ Принца Ольденбургскаго Шванебахъ [1]) съ письмомъ о позволеніи открыть школу его жены (не забывай, что я пока попечитель).

Пятница (21 марта). Выѣхалъ я для нѣкоихъ указаній въ отдѣлывающейся моей университетской квартирѣ; оттуда къ министру, а послѣ къ Ольденбургскимъ. Принцесса трогательно мила своею простотою. Остатокъ дня и вечеръ просидѣлъ одинъ.

47.

(Гротъ — Плетневу) *Гфорсъ, суббота, 22 марта 1841.*

Журналъ. Четвергъ. Былъ я у Котена. Онъ сказалъ мнѣ откровенно свое мнѣніе о некрологѣ графа Ребиндера и указалъ въ немъ разныя мѣста, не совсѣмъ согласныя съ истиной, и одно, гдѣ будто бы въ намекѣ осуждается Гартманъ. Вообще, изъ его словъ легко было замѣтить, что статья эта не по сердцу одной изъ здѣшнихъ партій; поэтому ты со мной согласишься, что намъ неприлично переводить ее въ журналѣ, который здѣсь читаютъ такъ многіе, хотя по личнымъ моимъ чувствамъ я бы желалъ этого. Въ нѣкоторыхъ пунктахъ, однакожъ, сочинитель некролога явно пристрастенъ, напр., говоря о блистательной наружности и любезности покойнаго. Вечеромъ пріѣхала къ намъ Спафарьева съ Маріе и Матильдой. Всѣ были очень въ духѣ. Вскорѣ послѣ пріѣзда я по какому-то случаю предложилъ имъ зайти въ мою комнату. Двѣ красавицы долго стояли передъ моимъ столомъ и съ дѣтскимъ любопытствомъ разсматривали каждую бездѣлицу. Потомъ онѣ разсматривали мой шкафъ съ книгами и обѣ выпросили себѣ по одной части Пушкина. Между тѣмъ, экземпляръ нѣмецкаго перевода его доставилъ я на просмотръ Розинѣ. Любовались также малиновымъ футляромъ, гдѣ, подъ стекломъ, видится подаренное мнѣ стоящее перо и за нимъ бонбоньерка, и который виситъ у меня на стѣнѣ. Послѣ Луна и Солнце разсматривали (уже въ гостинной) мой альбомъ и, наконецъ, нѣкоторые силуэты. Матильда тотчасъ узнала твой и Александры Осиповны. Маріе еще намедня просила снять силуэтъ и съ нея; это я сдѣлалъ вчера; вышелъ похожъ. Она желаетъ имѣть его въ маленькомъ видѣ, чтобы послать тёткѣ въ Петербургъ. Матильдѣ читалъ я по-шведски письмо Великой Княгини Маріи Николаевны къ тебѣ. Она сама напомнила объ этомъ. Вчерашній вечеръ былъ проведенъ пріятно, и я на этотъ разъ равно доволенъ обоими свѣтилами; даже упрекалъ себя въ несправедливости къ одному изъ нихъ. „Герда“ никакъ не можетъ быть напечатана. Матильда просила сдѣлать ей твой силуэтъ въ маленькомъ видѣ.

[1]) Христіанъ Антоновичъ, секретарь Принца Петра Георгіевича Ольденбургскаго.

Суббота, 11 ч. утра. Сейчасъ получилъ я письмо твое и буду отвѣчать теперь же, потому что послѣ обѣда званъ на похороны къ Ветергофу, потерявшему тещу m-me Шернваль. Перейдемъ къ стихамъ. Разумѣется, болѣе, нежели смѣшно было бы, еслибы ты сталъ мнѣ комплименты дѣлать, когда недоволенъ моими пустяками; да и къ чему? Убѣдись разъ навсегда, что ничье въ мірѣ мнѣніе, ни мнѣніе цѣлаго міра о моихъ произведеніяхъ не можетъ сдѣлать меня ни счастливѣе, ни несчастнѣе. Я дѣлаю, что могу и какъ могу — по своимъ способностямъ, своему воспитанію, своимъ склонностямъ и духовнымъ потребностямъ; а что мнѣ за нужда, какъ оцѣнятъ это другіе. Твоимъ мнѣніемъ я очень дорожу, но каково оно въ отношеніи къ моимъ стихамъ, дѣло довольно маловажное, хотя я и очень вѣрю ему. Я самъ очень чувствую, какъ ничтожны мои стихи въ сравненіи со стихами Жуковскаго или Пушкина; но какъ же мнѣ и думать стать съ ними когда-нибудь наравнѣ?

У иныхъ вся поэзія часто заключается въ формѣ, въ которой они и достигли высшей степени искусства, а я ищу ее (хотя и не достигаю) въ содержаніи. Право, когда основа, внутренняя часть стихотворенія овладѣетъ душою, то читателю некогда замѣчать, не лучше ли бы было замѣнить одно слово другимъ, и ввести на такомъ-то слогѣ цезуру. Впрочемъ, я не принадлежу къ тѣмъ, которые позволяютъ себѣ въ формѣ стиховъ небрежность; я только не хочу, чтобы строгость доходила до мелочной взыскательности. Я слѣдую въ этомъ правиламъ, какія время установило во всѣхъ наиболѣе зрѣлыхъ литературахъ; и въ нихъ была эпоха, когда отъ формы требовали всего; но мало-по-малу увѣрились, что иногда можно быть снисходительнѣе въ этомъ отношеніи. Такъ прежде и нѣмцы и шведы (англичане никогда) требовали цезуры на 2-й стопѣ въ 5-тистопныхъ ямбахъ; но потомъ нашли, что это дѣлаетъ только стихъ однообразнымъ, напрасно затрудняя поэта. Ты читаешь стихи на распѣвъ, потому что у тебя очень музыкальное ухо, но это не есть необходимое для всѣхъ условіе и вообще болѣе недостатокъ, нежели достоинство. 5-тистопный хорей есть размѣръ очень употребительный у нѣмцевъ и у шведовъ. Державинъ также съ успѣхомъ употреблялъ его нѣсколько разъ; такъ, въ *Жилищѣ богини Фриги*. Признаюсь, я чрезвычайно люблю этотъ размѣръ и удивляюсь, что онъ тебѣ такъ не нравится. У шведовъ (напримѣръ, у Рунеберга) есть цѣлыя поэмы этимъ размѣромъ написанныя; стихотвореніе Францѐна для финляндскаго альманаха также написано имъ и мною переведено этимъ размѣромъ. Ты въ своей критикѣ означаешь мои стихотворенія цифрами, но я вѣдь выписалъ ихъ не подрядъ, а потому не знаю часто, о которыхъ идетъ рѣчь. Пожалуйста, напиши мнѣ ихъ заглавія съ нумерами, чтобы я могъ вездѣ знать, къ чему относить твои мнѣнія. 1-е стихотвореніе написано было мною еще въ 1837 г., но тогдашняя форма такъ не нравилась мнѣ,

что я нынче два раза передѣлалъ его. Въ томъ видѣ, въ какомъ оно прислано тебѣ, оно было дѣломъ нѣсколькихъ минутъ. Болѣе перерабатывать его я не въ состояніи. Вообще я замѣтилъ, что если мнѣ стихотвореніе съ перваго разу не удалось, то никакія поправки и передѣлки не сдѣлаютъ изъ него что-нибудь годное. Что я не совсѣмъ владѣю формою, происходитъ отъ предыдущихъ обстоятельствъ моей жизни, мѣшавшихъ мнѣ пріобрѣсти навыкъ въ развитіи собственныхъ моихъ идей и въ изученіи чужихъ образцовъ. Смѣю думать, что еслибы еще въ лицеѣ и въ послѣдовавшіе затѣмъ годы занятія мы получили другое направленіе, то я достигъ бы гораздо большаго совершенства въ стихотворствѣ. Но теперь мнѣ остается довольствоваться тѣмъ, чтобы изъ 10-ти стихотвореній написать одно хорошее [1]). Радъ бы я былъ и совсѣмъ не писать ихъ, да чтожъ дѣлать, когда чувствую иногда необходимость въ этомъ? Что разумѣешь ты, собственно, подъ антологическимъ стихотвореніемъ? Кажется, ты даешь этому слову болѣе обширное значеніе, нежели какое я привыкъ соединять съ нимъ. Но пора кончить эту статью. Искренне благодарю тебя за всѣ твои замѣчанія и надѣюсь, что ты и впередъ съ такою же откровенностію будешь говорить мнѣ обо всемъ, что я напишу, потому что цѣль моя — не похвала, а достиженіе, по *моимъ* способамъ, высшей точки совершенства во всемъ, что дѣлаю. Вѣдь ужъ какъ ни силься, а никакъ не сдѣлаешь болѣе того, что *можешь* сдѣлать; да больше того никто и не обязанъ сдѣлать. Главное, чтобы занятіе было по сердцу и исполнялось со всѣмъ возможнымъ тщаніемъ, а все прочее можно бросить на вѣтеръ. Совѣтъ твой объ испрошеніи позволенія на книгу исполню тогда, когда всѣ статьи будутъ въ моихъ рукахъ. Посвященіе напередъ доставлю къ тебѣ на просмотръ. Очень радуетъ меня, что братъ мой тебѣ нравится; я очень завидую его счастливой организаціи. Не удивляюсь, что Жуковскій труситъ будущности; я думаю, и Клинковстремъ въ томъ же положеніи.

Журналъ. Вчера, вскорѣ послѣ обѣда, пришли ко мнѣ Готлундъ и Регули; они пробыли до 7-ми часовъ, а послѣ пришли Цигнеусъ, Кастренъ, Форстеръ, Вульфертъ съ женой и Шёманъ. Много разсуждали и пили пуншъ. Эстонское общество точно въ Дерптѣ. Предоставляю тебѣ самому рѣшить, нужно ли выставлять мое имя подъ статьею, или нѣтъ. Если изъ стиховъ что-нибудь напечатаешь, подпиши только *Г.*

Прибавленіе. Въ критикѣ словъ ты иногда слишкомъ строгъ. *Когда* въ концѣ стиха въ такомъ только случаѣ не годится, если принять, что въ чтеніи хорошо отдѣлять замѣтно одинъ стихъ отъ другого. Напротивъ, ихъ должно читать совсѣмъ иначе.

[1]) Заняться же хорошенько изученіемъ стихотворства препятствуетъ мнѣ необходимость учиться столь многимъ другимъ предметамъ, чего я не могъ по обстоятельствамъ сдѣлать прежде. *Примѣч. Я. Г.*

Почему *иногда* беззвучная риѳма? Этого я не понимаю.

Закатъ послѣ себя, кажется, не требуетъ слова *солнца*,—больше ни о чемъ не говорятъ: *закатъ*.

Почему *ликъ людской* неточное и непоэтичное выраженіе? не понимаю. Улыбка кроткая *тогда*, т. е. по смерти. Почему же здѣсь вмѣсто *тогда* должно бы быть *иногда?*

Дательный падежъ послѣ встанетъ, можетъ быть, германизмъ, но помнится я встрѣчалъ подобныя выраженія у Жуковскаго.

„Дѣвичьихъ“ не хорошо; а кто сказалъ:

Когда слыла въ селѣ дѣвичьей красотой? (См. *Идиллія* Жуковскаго).

Такъ-то намъ во всемъ нужны авторитеты!

Итакъ, хотя я и не защищаю достоинства своихъ стихотвореній, потому что самъ очень чувствую слабость ихъ, но думаю, что твоя критика о стихахъ, не здѣсь только, но и вообще, не совсѣмъ чужда излишней строгости къ внѣшней сторонѣ.

Это *(прибавленіе)* написано $1^1/_2$ часа послѣ окончанія письма моего, когда мнѣ вздумалось повѣрить съ самимъ собой твои сужденія, независимо отъ того, кто ихъ произнесъ.

48.

(Плетневъ — Гроту) ***Спб., вторникъ, 25 марта 1841.***

Отвѣтъ на письмо отъ 19 марта. Мое здоровье поправляется. Я начинаю выходить. Только времени свободнаго мало. Выходъ Современника всегда для меня мука.

Послѣ начала этого письма и теперешнимъ продолженіемъ, былъ я у Александры Осиповны, гдѣ и читали мы твои послѣднія два письма. Возвращаясь оттуда, я забылъ тамъ твои письма. А наизусть отвѣчать я не мастеръ. Что упомню, на то скажу свое мнѣніе, а что пропущу, на то порядочнѣе буду отвѣчать въ великую субботу. Твое мнѣніе о стихахъ твоихъ удивительно какъ сошлось съ моимъ, что уже ты почувствовалъ, прочитавъ послѣднее мое письмо. Отправивъ его, я было боялся, не слишкомъ ли былъ я взыскателенъ. Но прочитавъ собственный судъ твой, увидѣлъ, что надобно намъ всегда говорить другъ другу истину, чтобы послѣ не отказываться отъ собственныхъ словъ. Какую меланхолію навели на меня строки твои, гдѣ ты разсказываешь, что покойнаго графа Ребиндера и графиню Армфельтъ провезли чрезъ Гельсингфорсъ, не сказавъ объ этомъ никому. Конечно, это лучше. Но вообрази, что̀ значитъ человѣкъ угасшій для свѣта. Лѣтомъ, въ этомъ самомъ городѣ, сколько поклоненій и ѳиміаму воздавали повсюду тому, который теперь проѣхалъ никѣмъ не встрѣченный и никому не нужный. Мнѣ очень хочется напечатать біографію Ребиндера. Съ разрѣшенія Меншикова, или какъ-нибудь, только

пожалуйста доставь мнѣ о немъ умненькую и интересную статью. Заплатимъ ему хоть этимъ за то дружелюбіе, которое оказалъ онъ намъ, уваживъ въ насъ одно титло: *человѣка*.

Сдѣлай милость, поблагодари отъ меня семейство губернатора за участіе въ моемъ здоровьѣ. Между тѣмъ какъ-нибудь замѣть имъ, сколько я желалъ бы видѣть иногда у себя молодого графа [1], сюда переѣхавшаго и который до сихъ поръ не побывалъ у меня. Особенно благодаренъ я барону Клинковстрему за всѣ его предложенія, полныя благороднѣйшаго гостепріимства и самой свѣтской любезности. Передай, между прочимъ, ему отвѣтъ мой на послѣднюю его любезность, т. е., что онъ мнѣ позволилъ строить куры его женѣ. Не удивительно дескать: онъ самъ передъ дамами такъ превосходитъ всѣхъ насъ живостью ума своего, игривостью остротъ и веселонравіемъ, что свободно можетъ, никогда ничего не опасаясь, позволять намъ расточать тщетныя усилія наши нравиться. Отзывъ твой о Магіе и Матильдѣ (которыхъ ты въ одну внесъ категорію) кажется самый вѣрный и безпристрастный. Онѣ милыя, добрыя, но слишкомъ себѣ невѣрныя дѣвушки, и сами сегодня не знаютъ, что изъ нихъ выйдетъ завтра. Да какъ и требовать отъ нихъ, чтобы онѣ трудились спускаться на темное дно человѣческаго сердца? Одни несчастія или особенное предназначеніе природы влагаетъ въ душу человѣка это любовѣдѣніе тайнъ сердечныхъ и размышленіе о нихъ. И мы сами не часто ли на нихъ же похожи? Итакъ, да благоденствуютъ онѣ въ своей естественной, слѣдовательно законной сферѣ.

Я радуюсь, что твой Фритіофъ такъ скоро печатается. Мнѣ кажется, его продавать нельзя менѣе 5 руб. асс., если не разумѣлъ ты 2 руб. сер., что также не слишкомъ высокая здѣсь цѣна. Надобно сообразить: эта книга для немногихъ; слѣдовательно, издержки ея и должны быть выручены продажею 100 или много 150 экземпляровъ. На остальное считать мудрено. Мнѣ тоже кажется, что безъ подарковъ ты не можешь отдѣлаться отъ гельсингфорскихъ своихъ знакомыхъ. Изъ здѣшнихъ книгопродавцевъ умнѣе и дѣльнѣе всѣхъ пока Юнгмейстеръ, торгующій единственно русскими книгами. Если Вассеніусъ съ нимъ еще не въ сношеніи, перешли ты самъ съ оказіею всѣ свои экземпляры ко мнѣ, я ихъ отдамъ на коммисію Юнгмейстеру — и, по мѣрѣ продажи, буду пересылать тебѣ деньги. Оказіи же сыскать не мудрено. Это не запрещенная книга.

Журналъ. Суббота (22 марта). Спозаранку начались ко мнѣ скучные визиты. Инспекторъ студентовъ Фицтумъ [2]) заѣхалъ навѣстить меня въ болѣзни. Никитенко явился побесѣдовать, т. е. напустить въ ком-

[1]) Сына графа Густава Армфельта и брата Матильды.

[2]) Александръ Ивановичъ Фицтумъ фонъ-Экстедтъ.

нату тоски. Онъ хотѣлъ у меня выпросить Погодина журналъ Москвитянинъ, но я его не далъ. Вотъ что во 2-мъ его № Шевыревъ, разбирая повѣсть Одоевскаго въ Сѣверныхъ Цвѣтахъ [1]), сказалъ о тебѣ (это и мнѣ очень понравилось): „Кн. В. Одоевскій, въ своей прекрасной повѣсти: *Южный берегъ Финляндіи* переноситъ насъ въ міръ поэзіи, совершенно новый и недавно открытый г-мъ Гротомъ по сосѣдству отъ Петербурга: это міръ финскій. На каждомъ шагу, въ нашей обширной русской жизни и въ замѣчательнѣйшихъ произведеніяхъ словесности, мы встрѣчаемся съ сокровищами еще непочатыми, съ рудниками неизслѣдованными и проч.". Растопчина прислала мнѣ записку и стихи Мятлева въ похвалу игры Львова на скрипкѣ. Обѣдалъ одинъ; навѣстилъ послѣ Шульгина, который такъ боленъ, что нельзя и говорить съ нимъ; кажется однако же, что изъ опасности вытащили его. Отъ Шульгина зашелъ къ Растопчиной, а вечеръ провелъ у себя съ Кодинцомъ.

Воскресенье (23 марта). Утро просидѣлъ дома, опять принимая разнаго сорта людей. Въ три часа пошелъ къ Жуковскому, съ которымъ приглашенъ былъ обѣдать у Мятлева. Тамъ же были: Крыловъ и старый Вьельгорскій. Безъ миленькой Бишопъ обѣдъ показался мнѣ очень скученъ. Я сидѣлъ рядомъ съ Мятлевымъ, который сказалъ мнѣ, что читалъ уже твой ему отвѣтъ въ защиту чухонщины, т. е. „чухонкою и ту, чью воспѣваетъ красоту". Я спросилъ, кто ему показалъ эти стихи. Онъ назвалъ Паткуля, изъ чего я заключилъ, что сношенія между домомъ Траверсе и Паткулемъ продолжаются. Не знаю только, кто въ перепискѣ — отецъ или дочь. Послѣ обѣда читали собственноручныя письма Екатерины II къ Салтыкову [2]), отцу Мятлевой-матери.

Понедѣльникъ (24 марта). У Александры Осиповны была съ визитомъ Маврина, а мужъ [3]) у меня еще вчера. Суматоха отъ посѣщенія меня Принцемъ Ольденбургскимъ. Весь день просидѣлъ дома, а вечеръ у Мавриныхъ.

Вторникъ (25 марта). Былъ у меня Протопоповъ. Тоже думаетъ искать мѣста инспектора по учебной части. Чиновничество надоѣло.

49.

(Гротъ — Плетневу) ***Гфорсъ, вторн., 25 марта, 9½ ч. в. 1841.***

Пріѣхавъ сейчасъ домой и поѣвши, хочу окончить день съ тобою, мой распремилый Петръ Александровичъ. Письмо твое получилъ

[1]) Ошибка: въ „Утренней Зарѣ" Владиславлева.

[2]) Графу Ивану Петровичу, генералъ-фельдмаршалу († 1805).

[3]) Сенаторъ, Семенъ Филипповичъ, ум. 1850 г.

я только сегодня въ 11-мъ часу; такъ дороги задерживаютъ почту. Споръ объ экзаметрѣ лучше оставимъ. Скажу только, что прежде, нежели я принялся писать къ тебѣ о немъ, пересмотрѣлъ я у Жуковскаго и Гнѣдича довольно много стиховъ изъ разныхъ пьесъ и пѣсенъ; разбиралъ экзаметры Гете и многихъ шведскихъ поэтовъ; прочелъ у Востокова по нѣскольку разъ каждое слово, относящееся къ этому размѣру и все это сообразилъ съ тѣмъ, что переговорилъ съ Рунебергомъ. Я намѣренъ когда-нибудь написать подробную статью, а, можетъ быть, и книгу обо всѣхъ употребительныхъ въ новѣйшихъ языкахъ размѣрахъ, и тогда увидимъ, можно ли было сказать объ экзаметрѣ что-нибудь новое послѣ Востокова и согласны ли экзаметры нашихъ поэтовъ — положимъ — не съ требованіями этого метра, но съ тѣмъ, что о немъ давно рѣшено въ западной Европѣ. Что Жуковскій и Гнѣдичъ знали и думали — о томъ не можетъ быть рѣчи; вопросъ только о томъ, что̀ они сдѣлали. Что касается до Цеикса и Гальціоны на которыхъ ты указываешь, какъ на образецъ, осмѣлюсь замѣтить, что 1-й недостатокъ экзаметра здѣсь — почти исключительно употребленіе дактиля; 2-й — нѣкоторыя отступленія отъ правилъ, гармоніею требуемыхъ, напр.:

„Путь выбираешь дальнѣйшій; я ужъ милѣй въ отдаленьи“.

Греки, римляне, нѣмцы, шведы и пр. считаютъ дурнымъ тотъ экзаметръ, котораго обѣ половины, отдѣляемыя смысломъ, или хоть только словомъ, совершенно равны между собою. Таковъ приведенный стихъ, а ему подобныхъ нѣсколько, напримѣръ:

„Свѣтлымъ клянусь возвратиться, если допуститъ судьбина“.

Чувствуешь ли ты, какъ такіе стихи измѣняютъ существенному характеру экзаметра? умалчиваю о другихъ недостаткахъ. Въ книгѣ Востокова статья объ экзаметрѣ самая поверхностная.

Не слышалъ ли ты чего о здоровьѣ Шульгина? Очень обязалъ бы ты меня, еслибы позволилъ съ Нервандеромъ и Шультеномъ объясниться при случаѣ, а нарочно къ нимъ не ходить. Еще къ послѣднему я скорѣй готовъ итти, а что мнѣ говорить съ первымъ; онъ же и самъ, будучи свободенъ отъ предразсудковъ, не считается визитами и мнѣ никогда моихъ не отдавалъ, слѣдовательно и съ тебя не можетъ взыскивать. Что до отца Розинина, то я, *такъ и быть*, пойду къ нему только-что онъ пріѣдетъ, чтобы исполнить твое желаніе. Его ждутъ къ Пасхѣ. Оттелинъ не обидѣлся, а не читаетъ Современника вѣроятно потому, что ничего не читаетъ; впрочемъ, я Рунебергу сообщу твое приказаніе. Сальбергъ уже сдѣлался *эмеритомъ*, и ѣдетъ скоро жить всегда на мызѣ; вѣроятно, ужъ мнѣ не скоро съ нимъ сойтись. Ты правъ, что и одиночество имѣетъ свою сладость; вотъ почему слегка похворать иногда очень полезно; тутъ свѣтлымъ взглядомъ обозрѣваешь прошедшее и составляешь благія намѣренія на бу-

дущее. Подробности разговора съ Шернвалемъ меня очень обрадовали; жду съ нетерпѣніемъ должности, не смотря на пріятность моего положенія; тягостно получать деньги даромъ и не умѣть отвѣчать на вопросы другихъ о моемъ назначеніи. Если меня назовутъ *ординарнымъ*, какая же у меня будетъ законная причина для непринятія должностей ректора и декана? Возможность засѣдать въ консисторіи,— хотя она для благовидности, конечно, нужна, — не веселитъ меня. Едва-ли ординарные здѣсь получаютъ болѣе 1 тыс. руб. сер. Очень хорошо, что ты отклонилъ Шернваля отъ переписки со мною; это было бы только потеряннымъ временемъ. Я прочелъ это мѣсто письма твоего маменькѣ: оно ее очень утѣшило, потому что она все еще безпокоилась на мой счетъ. Конечно, времени будетъ у меня довольно и для экзаменаторской должности. Я совершенно какъ ты думаю въ разсужденіи того, что читать должно одно дѣло и вовсе не касаться предметовъ тёмныхъ и даже сухихъ.

Среда, марта 26. Сегодня встрѣтился я съ Цигнеусомъ; мы долго гуляли вмѣстѣ, толковали о Францѣнѣ, о его стихахъ и потомъ перешли къ метрикѣ. Цигнеусъ, не зная вовсе о моемъ намѣреніи, совѣтовалъ мнѣ написать что-нибудь подробное о стихосложеніи, потому что я, зная иностранныя литературы, могу сказать кое-что новое по этому предмету. Исторія какой-нибудь части въ литературахъ иностранныхъ, чужой примѣръ можетъ быть очень полезенъ для нашей собственной литературы; это неоспоримо. Съ моей стороны никакой нѣтъ заслуги, что я, благодаря обстоятельствамъ, вижу болѣе, чѣмъ можно видѣть, не изучивъ чужихъ литературъ; но нельзя отрицать пользы такого знанія. О пятистопномъ хореѣ прочти у Востокова 50 страницу. Относительно слишкомъ частаго употребленія дактилей въ экзаметрахъ Востоковъ то же говоритъ, что я (стр. 59 и 60); изъ его же словъ видно, что Гнѣдичъ ошибочно думалъ противное. Отчего ты говоришь: „на *иностранномъ* языкѣ смѣшно томить слушателей“? да развѣ я долженъ буду читать свой предметъ по-шведски? Насчетъ прибавленія къ *Стрѣлкамъ* [1]), посовѣтуйся съ кѣмъ-нибудь постороннимъ, стоитъ ли печатать это; для того дай ему прочесть эти извѣстія.

Журналъ. Въ субботу въ 4 часа отправился я на похороны (m-me Шернваль). Гробъ былъ уже на кладбищѣ въ часовнѣ; гости же съѣхались въ домъ родственниковъ покойницы: всѣ стулья, столы и зеркала были покрыты бѣлою матеріей: въ задней комнатѣ сидѣла хозяйка, одна, на диванѣ, въ глубокомъ траурѣ, т. е. черномъ платьѣ, бѣломъ головномъ уборѣ въ родѣ чепчика, и широкой бѣлой косынкой,

[1]) Рѣчь идетъ о статьѣ, посвященной поэмѣ Рунеберга „Стрѣлки оленей“ (напечатанной въ Современникѣ 1841 г., т. XXII, стр. 49).

которая покрываетъ всю спину, грудь и плечи и соединяется съ бѣлымъ же длиннымъ передникомъ. У домашнихъ мужчинъ на воротникѣ фрака бѣлый откидной воротникъ и надъ жилетомъ бѣлая манишка. Гости долго сбирались; между тѣмъ разносили кофе; когда явились и Валленъ, и Рамсай, и Теслевъ, всѣ разсѣлись по экипажамъ и поплыли на кладбище. Хотя у меня были сани, я для компанства сѣлъ съ Кронсомъ, а сани поѣхали за нами пустые. Послѣ краткой молитвы въ освѣщенной часовнѣ, 6 сыновей покойной подняли гробъ, на перевязяхъ и сами отнесли и опустили его въ могилу. Поѣхали обратно. Началось подчиванiе пуншемъ, яблоками, конфектами; наконецъ, является чай съ огромными кренделями (похоронными), изъ которыхъ по одному каждый гость уноситъ домой; но я, не дождавшись чаю, улизнулъ.

Въ воскресенье принялся я снова за статью для нашей книги; я очень доволенъ ходомъ ея; она будетъ содержать въ себѣ много новыхъ подробностей, за то и труда много стоитъ. Потомъ писалъ письмо къ Францѣну; испрашиваю его согласiя на посвященiе книги Наслѣднику; исчисляю ему заглавiя всѣхъ статей. Послѣ обѣда принялся вырѣзывать въ миніатюрѣ силуэтъ Marie, по ея просьбѣ—для посылки тёткѣ, и совершенно неожиданно изобрѣлъ способъ для безошибочнаго уменьшенiя всякаго силуэта. Посылаю нѣсколько образчиковъ моего изобрѣтенiя. Первоначальные же миніатюрные силуэты — на которыхъ прочiе вырѣзаны — самые похожiе остались у меня. Я мало-по-малу уменьшу такъ всѣ силуэты, какiе у меня есть; да еще новыхъ надѣлаю. Теперь все, что есть въ Гельсингфорсѣ примѣчательнаго, будетъ въ моемъ альбомѣ [1]).

Четвергъ 27 марта. Матильда нашла твой силуэтъ очень похожимъ, графъ также. Мать велѣла сказать тебѣ, что она просто съ тобой разсорится, если ты будущiй годъ опять не посѣтишь ихъ на дачѣ. Спрашивали о твоемъ здоровьѣ. Матильда велѣла кланяться и тебѣ и Олѣ.

50.

(Плетневъ — Гроту) ***Спб., пятница, 28 марта 1841.***

Отвѣтъ (частiю) на письмо отъ 19 марта и на письмо отъ 22 марта. Я и прежде слышалъ, что въ Выборгѣ отпѣвали въ церкви тѣло покойнаго Ребиндера. Давно мнѣ хотѣлось порекомендовать тебѣ тамошняго губернатора. Одинъ разъ я писалъ къ тебѣ о немъ. Онъ товарищъ по лицею Пушкину и показался мнѣ очень интереснымъ. Его родной братъ живетъ на мызѣ въ 10 верстахъ отъ Выборга, куда

[1]) Большая часть этихъ силуэтовъ сохранилась въ бумагахъ Якова Карловича. Къ сожалѣнiю не всѣ они съ именами изображенныхъ.

губернаторъ каждое воскресенье ѣздитъ обѣдать. Губернаторъ былъ женатъ, но овдовѣлъ. Его брату, женившемуся на послѣдней отрасли графовъ Штейнгелей, передано покойнымъ Императоромъ Александромъ графство и къ его собственной фамиліи присоединена фамилія Штейнгель. У графа Стевена-Штейнгеля, котораго дочь воспитывалась въ патріотическомъ институтѣ, я бывалъ прежде въ проѣздъ на Иматру. Если опять поѣду по Финляндіи, то непремѣнно заверну теперь и къ выборгскому губернатору. Тебѣ же совѣтую, при первомъ съ нимъ свиданіи, объявить себя однокашникомъ его и ввести его прямо въ кругъ нашихъ съ тобою отношеній. Ты справедливо говоришь, что перевести статью о Ребиндерѣ, въ которой многое не совсѣмъ справедливо, намъ неприлично. Но я разумѣлъ, что на основаніи точныхъ данныхъ можно составить особую біографію и тѣмъ избѣжать упрека, что мы держимся какой-то партіи. Впрочемъ, признаюсь, хвалить Ребиндера не значитъ быть на лѣвой сторонѣ: онъ былъ министръ. Оставляю все твоему благоразумію.

Посѣщеніе Маріею и Матильдою твоей комнаты очень интересно. Развѣ ты нѣмецкаго Пушкина не всего отдалъ Рунебергу, что у тебя нашелся томъ его и для Розины? Какая возня тебѣ съ силуэтами! Развѣ такъ легко превращать ихъ изъ большого формата въ миніатюрный съ удержаніемъ сходства? Если это такъ, я желалъ бы Матильдѣ отплатить тою же любезностью за ея ко мнѣ любезность, т. е. просить тебя переслать мнѣ въ письмѣ ея миніатюрный силуэтъ.

Въ отвѣтъ на мои замѣчанія касательно твоихъ стиховъ ты говоришь, что можно и не заботясь объ отдѣлкѣ стиха, сказать въ немъ интересную мысль или истину. Это несправедливое мнѣніе я опровергаю уже нѣсколько лѣтъ. Мысль или истина содержитъ рядъ понятій и представленій, которыя не могутъ быть замѣнены другими, или вовсе исключены изъ этого ряда безъ чувствительнаго измѣненія силы либо красоты мысли. Для представленій есть уже слова. Мы даже не въ состояніи взять въ голову и самыхъ представленій безъ этихъ словъ. Итакъ, хорошій стихъ есть тотъ, въ которомъ мысль и ея неотвратимая, единственная ей принадлежность — слова тождественны между собою. Но утверждать, что здѣсь хороша мысль, а выраженіе неудачно — значитъ думать, что и слова безъ связи могутъ быть хороши, и мысль безъ словъ возможна и пр. и пр. Какъ отзывается парадоксомъ, напримѣръ, эта фраза: „Право, когда основа, внутренняя часть стихотворенія, владѣетъ душою, то читателю некогда замѣчать, не лучше ли бы было замѣнить одно слово другимъ?“ Какъ ты отдѣлишь въ стихѣ его внутреннюю часть отъ слова? Въ человѣкѣ еще можно разсматривать отдѣльно наружность и характеръ и умъ. А въ языкѣ духовное не отдѣляется отъ звука, ему присвоеннаго; при перемѣнѣ звука выходитъ на сцену и духовное новое.

Что касается до стихотворныхъ размѣровъ, это дѣло другое. Я ихъ одобрялъ или осуждалъ вслѣдствіе личнаго моего музыкальнаго чутья. Замѣчаніями моими, плодомъ литературныхъ долговременныхъ занятій, я желалъ съ тобою подѣлиться при семъ случаѣ, увѣренный, что тебѣ это все пригодится со временемъ. Въ драматическомъ пятистопномъ стихѣ цезура послѣ 2-хъ стопъ не нужна. Это у насъ принято на Руси. Но ты забываешь разницу стиха антологическаго, который, какъ цвѣтокъ, весь дышетъ прелестью даже формы стихотворной. Стихи Державина: *Жилище богини Фрги*—самые негармоническіе. Писать пятистопнымъ хореемъ поэту можно, такъ какъ пятистопнымъ ямбомъ пишутъ драмы. Въ этихъ сочиненіяхъ по разнообразію содержанія можно разнообразить и теченіе стиха, обходясь съ его частями, какъ въ прозаической строкѣ. На этомъ основаніи то, что хорошо въ большомъ сочиненіи, дѣлается странно и даже дурно въ маленькомъ. Вотъ тебѣ первыя слова стихотвореній твоихъ, соотвѣтственно ихъ №№: 1. „Прекрасенъ неба сводъ". 2. Опасеніе. 3. Жребій. 4. Паукъ. 5. Вопросъ. 6. Приговоръ. 7. Новый домъ. 8. Красавица (изъ Рунеберга). 9. Герда. Слово *антологическій* я отношу ко всякому стихотворенію, въ которомъ обработана окончательно одна мысль или одно чувство, или одна картина.

На твои возраженія не соглашаюсь пока. Обо всякомъ свѣтилѣ физическомъ и нравственномъ говорятъ слово *закатъ*: слѣдовательно, оно требуетъ послѣ себя поясненій. Можно ли спрашивать почему дурно: *ликъ людской*? Людской означаетъ принадлежность человѣческую, а человѣчество не имѣетъ общаго лика, который свойственъ одному только человѣку. Дѣвица и дѣвица такъ же различаются, какъ: une jeune personne и mademoiselle. Что приписывается какъ родовое свойство этому возрасту и полу, то дѣвичье, а дѣвичье и не говорятъ. Вотъ почему и комната для дѣвушекъ названа дѣвичья. Ошибка же Жуковскаго для тебя не оправданіе. Въ Іоаннѣ сказано про шлемъ: Не дѣвичьей назначенъ головѣ. Жуковскому въ его идилліи надлежало бы сказать не *дѣвичей* красотой (что безъ смыслу), а *дѣвицей-красавицей* (вотъ выраженіе, до котораго онъ не добился и испортилъ свой стихъ!). Я могу сказать про мужчину: онъ слыветъ *красавцемъ*, а нельзя: онъ слыветъ *мужской красотой*.

Журналъ. Среда (28 марта). Я забылъ тебѣ сказать о книгѣ Сахарова [1]), которую отъ меня ты получилъ. Мнѣ показалось, что для тебя, какъ будущаго профессора, это кладъ. Тутъ все есть, что можно и должно знать ученому о нашей старинѣ. Въ будущихъ же томахъ цѣлая библіотека старины. Ты даже можешь сдѣлать для финляндцевъ интересную статью о трудахъ Сахарова и сравнить его съ

[1]) Сказанія русскаго народа, собранныя И. Сахаровымъ, т. I.

Ленротомъ: оба доктора медицины; оба чудаки и неуклюжіе работники, плюнувшіе на свѣтъ для своихъ патріотическихъ цѣлей. Сахаровъ завелъ и типографію свою. Былъ опять у Шульгина. Опасность прошла и ему лучше. Былъ въ церкви. Говѣю. Вчера былъ у меня Никитинъ, а сегодня Рѣзановъ, вологодскій помѣщикъ. Принесли письмо отъ Растопчиной и отъ тебя. Первая посылаетъ стихи въ Современникъ.

Четвергъ (*27 марта*). День ужаснѣйшій: и снѣгъ, и дождь, и вѣтеръ. Ѣздилъ причащаться въ церковь Павловскаго корпуса.

Вечеромъ пришелъ ко мнѣ молодой Грипенбергъ. Онъ игралъ на фортепіано и пѣлъ. Мы вмѣстѣ пили чай и курили. Ему хочется получить мѣсто преподавателя въ корпусѣ по части математики. Я ему совѣтовалъ познакомиться съ Шенинымъ.

51.

(Гротъ — Плетневу) ***Гфорсъ, субб., 2½ ч. д., 29 марта 1841.***

Отвѣтъ. Выходъ Современника для тебя мука. Чтожъ дѣлать: это муки рожденія; отъ нихъ никакое въ мірѣ творящее существо не изъято. Ты радуешься, что мое мнѣніе о моемъ рожденіи (т. е. моихъ дѣтяхъ-стихахъ) сошлося съ твоимъ, а что-то ты сказалъ, прочитавъ слѣдующее мое письмо; но и тутъ скажу: чтожъ дѣлать? это любовь материнская; она никакому въ мірѣ творящему существу не чужда. Вѣдь и Богъ любитъ даже грѣшныхъ и слабыхъ своихъ дѣтей; такъ какъ же намъ не слѣдовать Его примѣру? Ахъ, *люди*, *людишки!* смѣшны вы съ своимъ самолюбіемъ: напорятъ чепухи и защищаютъ ее, потому что своя! И опять: ахъ, люди, людишки! Какъ вы низки! Живетъ сильный человѣкъ — вы ему кланяетесь, а умеръ — вамъ и дѣла нѣтъ, жилъ ли онъ когда-нибудь. Это размышленіе относится къ твоему замѣчанію, поразительно справедливому, по случаю провоза здѣсь извѣстныхъ тѣлъ.

Біографію того, кто въ одномъ изъ нихъ жилъ, я уже не успѣю составить для будущаго Современника. Къ тому же по плану моей статьи объ *Александровскомъ Университетѣ* [1]) извѣстіе о его жизни должно войти туда; такъ лучше не повторять себя. Въ статьѣ моей будутъ извѣстія о всѣхъ достопамятныхъ мужахъ университета. Не высока ли цѣна, которую ты назначаешь Фритіофу? я разумѣлъ 2 р. асс., основываясь на томъ, что чѣмъ дешевле книга, тѣмъ болѣе ее покупаютъ, или это ложно? Если такъ, то я согласенъ на твою цѣну; только во всякомъ случаѣ *здѣсь*, *въ Финляндіи*, должно ее понизить, и брать рубля 2½ асс., или 75 коп. сер., а не то — никто здѣсь не купитъ

[1]) Статья эта явилась въ Альманахѣ подъ заглавіемъ „Воспоминанія Александровскаго Университета“.

Фритіофа. Я намѣренъ послать нѣсколько экземпляровъ и въ Або, и въ Выборгъ, и въ Борго, т. е. предоставить это Вассеніусу. Раздарить придется мнѣ здѣсь около 20 экземпляровъ, да это совсѣмъ немного, и я, пожалуй, прибавилъ бы еще 20. Спасибо за предложеніе сдѣлаться съ Юнгмейстеромъ. Во время печататанія Фритіофа мнѣ нѣсколько приходила на умъ, или лучше, на сердце мысль, что я бы долженъ былъ изъ благодарности посвятить Фритіофа М. А. К—у. Напиши мнѣ: считаешь ли ты эту мысль пустою фантазіей или заслуживающею вниманія? Если идея моя стоитъ одобренія, то исполнить ее еще время; что письма надписаны именемъ Александры Осиповны, не можетъ мѣшать этому. Жду твоего отвѣта. Что Шевыревъ отозвался обо мнѣ, какъ о нѣкоемъ литературномъ Колумбѣ, за это ему спасибо, но что онъ сказалъ о самой повѣсти нашего князька? Съ твоимъ письмомъ получилъ я сегодня письма и отъ Протопопова и Максимовича; первый все еще тоскуетъ: дай ему Богъ найти возможность переселиться въ Москву; у него рѣшительно mal du pays: онъ птица съ юга, залетѣвшая на сѣверъ для весны, но тамъ попавшаяся въ клѣтку; бѣдный!

Журналъ. Эти дни, какъ само собой разумѣется, я въ гостяхъ нигдѣ не былъ и ходилъ только гулять. Вчера поутру напало много снѣгу, и улицы совершенно наводнились. Почти весь городъ былъ въ церкви. Я, отправивъ, какъ умѣлъ, богослуженіе свое дома, зашелъ только въ церковь изъ любопытства, какой она видъ имѣетъ здѣсь въ такіе дни. Она была полнешенька. Вечеромъ былъ аматерскій концертъ въ *харчевнѣ*; я о немъ совершенно забылъ и вспомнилъ только, когда пошелъ гулять и увидѣлъ стекающійся туда народъ. Было уже поздно, чтобы поправить ошибку, да признаться и не хотѣлось. Я просидѣлъ вечеръ за переводомъ статьи Ленрота къ нашей книгѣ. Скажи, какъ называется по-русски *Matricula*, книга, въ которую записываются имена студентовъ? Я забылъ написать тебѣ съ послѣдней почтой, что получилъ Журналъ мин. просвѣщенія.

Посылаю тебѣ два силуэта: неизвѣстный тебѣ отдай молодому Грипенбергу; это его отецъ; дай ему угадать — кто это? а другой — оставь себѣ; надѣюсь, ты его узнаешь.

52.

(Плетневъ — Гроту) ***Спб., среда, 2 апрѣля 1841.***

Сегодня отъ меня ничего ты не получишь. Я весь погибъ въ приготовленіи годичнаго отчета, который надо завтра читать мнѣ на публичномъ актѣ въ университетѣ. Зато въ субботу много напишу тебѣ интереснаго. Сегодня не хотѣлъ только привести тебя въ недоумѣніе и даже въ безпокойство, ничего не пославъ тебѣ по обыкновенію.

Спб., пятн., 4 апрѣля 1841.

Отвѣтъ на письма отъ 25 и 29 марта. „Что Жуковскій и Гнѣдичъ знали и думали о томъ, не можетъ быть рѣчи; вопросъ только о томъ, что они сдѣлали“. Эта фраза заставляетъ меня думать, что ты совсѣмъ не вошелъ въ смыслъ перваго письма моего, когда я началъ съ тобой разговоръ объ экзаметрѣ *героическомъ* (необходимый эпитетъ, ибо безъ него всякіе шестистопные стихи, хореическіе или ямбическіе, анапестическіе или дактилическіе, должны называться экзаметрами, т. е. стихами въ 6 стопъ — ни болѣе, ни менѣе). Жуковскій писалъ и пишетъ размѣромъ древнихъ по чутью, не учась. Оттого и легко найдешь ты у него разваливающіеся на двое стихи, какіе приводишь въ письмѣ. Но повторяю: это не особая система ученія, а отсутствіе его. Не смотря на эту неправильность, чтеніе стиховъ его, въ которыхъ теорія подмѣчаетъ явныя ошибки, поэтическому уху и эстетическому вкусу гораздо болѣе нравятся, нежели Мерзлякова и прочихъ ученыхъ, знавшихъ всю подноготную о древнемъ метрѣ. Разореніе Трои, Цеиксъ и Гальціона, Аббадона, при всей огромности своей и ошибкахъ переводчика противъ законовъ древняго экзаметра, могутъ быть прочитаны однимъ духомъ съ начала до конца. Правильные же стихи иного ученаго никакъ не вынесешь и на полстраницѣ. У Гнѣдича другое дѣло. Онъ былъ человѣкъ безъ музыкальнаго чутья и совсѣмъ неумѣвшій ладить со словами въ стихѣ. Мудрено ли, что все вычитавъ о правильности и разнообразіи древняго экзаметра, онъ не умѣлъ въ свой экзаметръ внести ни того, ни другого, борясь со словами и смысломъ и радуясь, если удавалось ему помирить ихъ какъ-нибудь. Но дѣйствительно, довольно о пустякахъ. Баратынскій съ роду не учился ни хореямъ, ни ямбамъ,— а посмотри, кто нѣжнѣе его формируетъ ихъ. Востоковъ въ изученіи метровъ собаку съѣлъ — настоящій нѣмецъ; а что у него за безвкусные стихи по самымъ метрамъ! Итакъ, прости Господи, все это изученіе только навести можетъ на мысль въ искусствѣ, а мастерства не даетъ; и мы будь свѣдущѣе гетингенскаго профессора, ничего не напишемъ даже сноснаго, когда свое чутье не шевелится въ груди.

Шульгинъ былъ въ сильной горячкѣ. Теперь внѣ всякой опасности; уже гулять позволено.

Причиною для отталкиванія отъ себя скучныхъ университетскихъ должностей я полагаю экзаменаторскую должность во всей Финляндіи. Но право засѣдать въ консисторіи — нужно въ такомъ государствѣ, какова Финляндія, гдѣ обо всемъ судятъ по законнымъ формамъ. Надѣюсь, что книга Сахарова и тебѣ показалась кладомъ при вступленіи твоемъ въ профессорство. Конечно, ты не будешь распространяться о старыхъ памятникахъ русской словесности. Надо, однако, ихъ пересмотрѣть и знать, чтобы вообще о нихъ сказать что-нибудь опредѣлен-

ное и интересное. Хотя сочиненіе о метрахъ можно сдѣлать очень занимательнымъ, только я не думаю, чтобы оно было для публики книгою жадно-чтомою. Сушь и терминологія. Не оставить ли его до твоихъ преклонныхъ лѣтъ? Лучше заготовляй для твоихъ студентовъ сокращенія и разборы геніальныхъ произведеній нашей словесности въ такомъ видѣ, какъ ты сдѣлалъ для насъ изъ Рунеберговыхъ *Стрѣлковъ*. Это лучшая метода завлечь слушателей къ собственному ихъ знакомству съ языкомъ и литературой русской. Востокова нѣтъ у меня подъ рукой. Вѣрю, что онъ говоритъ о хореѣ согласно съ тобой. Только попробуй стихъ за стихомъ читать изъ твоей Герды и изъ Батюшковой „Нѣтъ прелестной Лилы!" Практика убѣдительнѣе теоріи. Гнѣдичъ же (повторяю даже противъ Востокова) ошибочно не думалъ о древнемъ экзаметрѣ: ибо всѣ изложенныя тобой правила, требованія и тонкости касательно метра сего я собственными ушами нѣсколько разъ слышалъ изъ устъ Гнѣдича. Но отчего онъ говорилъ иначе, нежели проповѣдывалъ,—я уже объяснилъ причину и толковалъ тебѣ объ этомъ нѣсколько разъ. Ты читать будешь *по-русски;* слѣдовательно, для слушателей твоихъ финляндцевъ — на *иностранномъ* языкѣ, — вотъ какъ понимать должно мои слова.

Прибавленіе къ *Стрѣлкамъ* все напечатано безъ поправокъ и безъ совѣщаній. Я знаю самъ и безъ указки другого, что все тутъ интересно. Развѣ ты забылъ, что̀ сказалъ Квитка въ Званыхъ Гостяхъ о Современникѣ? „Онъ все печатаетъ только для собственнаго удовольствія, не помышляя о прочихъ читателяхъ". Вѣдь это не пустая фраза, а глубокая истина въ отношеніи ко мнѣ. Буду я добиваться мнѣнія другихъ, когда мой судъ рѣшилъ, что это хорошо. Картина похоронной вашей церемоніи перенесла меня въ Китай. И тамъ въ траурѣ бѣлый цвѣтъ преобладаетъ надъ чернымъ. Очень жду твоей статьи въ финляндскомъ альманахѣ. Должна быть преинтересная. Ты, братъ, самихъ финляндцевъ много поучишь касательно ихъ исторіи даже, особливо біографій. Я и всѣ благодаримъ тебя за силуэты. Можно сказать, что ты молодецъ на всѣ руки. Мысль о посвященіи Фритіофа Модесту Андреевичу странна. Онъ не только неизвѣстенъ какъ любитель поэзіи, но и какъ благосклонствующій литературѣ. Что за отношеніе шведской національной поэмы къ человѣку, дышущему канцелярскимъ формалитетомъ. Я даже краснѣю, когда посвящаютъ книги инымъ попечителямъ, хотя они ближе къ литературѣ. Въ печати менѣе всего надо думать о семейныхъ отношеніяхъ. Помнишь, какъ смѣшонъ былъ Назарычъ Муравьевъ [1]), посвятивъ свои отдохновенія женѣ? Есть непремѣнныя качества въ томъ, кому посвя-

[1]) Николай Назаровичъ, статсъ-секретарь Императора Николая I, писатель-археологъ, ум. 1845 г.

щаютъ — извѣстная любовь къ литературѣ, знаніе въ ней или что-нибудь подобное. А посвятить безъ этихъ условій—значитъ и себя и его подвергнуть шуточкамъ. Пожалуйста, прими это къ сердцу и поразмысли хорошенько: вѣдь ты не Квитка, не деревенщина, который посвятилъ Лонгинову Халявскаго. Шевыревъ очень хвалитъ князя [1]. И не мудрено: они пріятели. Странно читать, что у васъ еще снѣгъ. Здѣсь солнце такъ и жаритъ. Улицы сухи. О саняхъ болѣе мѣсяца и помину нѣтъ. Для Matricula нѣтъ у насъ термина. Зовутъ просто книга для вписыванія именъ, а иногда *альбумъ*. И еще благодарю за силуэтъ. Чудо какъ ты работаешь!

Журналъ. Суббота (29 марта). Такъ какъ я никуда еще не выхожу изъ дому, то принужденъ выдерживать натискъ визитовъ. Притащился и молодой Сологубъ, издатель своихъ повѣстей подъ названіемъ: „На сонъ грядущій" (вмѣсто *ихъ*). Вечеръ мы провели пріятно съ Константиномъ Карловичемъ. Но ночь я помучился. Вообрази, у меня проклятая безсонница — да какая! до пятаго часу не уснешь.

Свѣтлое Воскресенье (30 марта). Христосъ Воскресе! душа моя, Яковъ Карловичъ! Вотъ такъ: поцѣлуемся — оно лучше, и по-христіански, и по-дружески. Съ визитами повалили. Но я велѣлъ пускать только короткихъ. Обѣдать ко мнѣ пріѣхала Оли не только со штатомъ большихъ, но и маленькихъ.

Понедѣльникъ (31 марта). Ночь опять промучился. Однако, по солнцу утромъ вышелъ на воздухъ. Опять пошли визитчики. Шернваль привезъ опять показать мнѣ бумагу, уже переписанную для Государя, гдѣ и ты поименованъ. Титулъ *ординарнаго* данъ. Жалованья 1.000 руб. сер. (ибо прочіе профессора получаютъ только по 3.000 р. асс.). Тебѣ поручается заготовить инструкцію прочимъ преподавателямъ. Для сего думаю попросить, чтобы Путята выслалъ тебѣ копію съ моей бумаги для Ребиндера, писанной въ Гельсингфорсѣ. Не то, чтобы ее употребить, а только на нее взглянуть. Не дастъ ли она какихъ идей? Шернваль сказалъ мнѣ, что мѣсто экзаменатора уже утверждено за тобой съ 1.000 руб. с. жалованья. Итакъ, ты очутится съ 7.000 руб. асс., да 3 тыс. (асс.) маменькиныхъ — это просто роскошь. Послѣ Шернваля еще была толпа людей, большею частью не знакомыхъ тебѣ. Но вотъ явился графъ Ал. Армфельтъ со всею любезностію; я ему объявилъ о Шернвалѣ. Графъ сказалъ, что завтра не представитъ Царю этой бумаги: она слишкомъ серіозна для разгульныхъ дней. Но въ слѣдующій затѣмъ докладъ онъ ее поднесетъ и увѣренъ въ успѣхѣ. Вечеромъ, наконецъ, принесли и письмо твое отъ 25 марта. Ночь опять дурно провелъ.

Вторникъ (1 апрѣля). Утро заняли визитчики, въ числѣ коихъ

[1] Одоевскаго.

явился и добрый Цантъ. Надобно сказать тебѣ, что въ четвергъ (3 апрѣля) у насъ назначено торжественное собраніе, гдѣ я долженъ буду читать отчетъ по университету за истекшій годъ. По обыкновенію всѣхъ лѣнивыхъ, отдѣлку отчета я откладывалъ до-нельзя. Теперь и мучусь съ нимъ. То же было со мною при составленіи статьи для финляндскаго альманаха. Правда, эти насилія очень вредны. Если не мучишься физически, такъ морально. Мысль, что надо кончить дѣло, уже тревожитъ воображеніе и дѣйствуетъ на самую организацію. Вотъ чему я приписываю дурныя свои теперь ночи. Ложусь я рано, а пользы никакой. Мы въ университетѣ избрали почетными членами: Наслѣдника, В. К. Михаила Павловича, Герцога Лейхтенбергскаго и Принца Ольденбургскаго. Завтра нужно было ихъ пригласить къ четвергу. Работая дома и недомогая, надѣялся я эту обязанность взвалить на попечителя. А онъ вздумалъ ее перенести на проректора — что̀ ни на что не похоже. Я рѣшился завтра ѣхать самъ. Вечеромъ у меня пилъ чай Константинъ Карловичъ. Но вообрази: всю ночь я не могъ глазъ сомкнуть. Между тѣмъ, въ 8 часовъ утра поѣхалъ по своимъ почетнымъ членамъ.

Это была *среда (2 апрѣля)*. Когда увидѣла меня Принцесса, то ужаснулась, что̀ у меня за лицо. Воротясь домой и въ ожиданіи прибытія островитянокъ, легъ заснуть. Отправивъ ихъ домой поранѣе, я легъ спать съ тѣмъ, чтобы отчетъ (цѣлую половину) кончить утромъ, и для того всталъ въ 4 часа.

Это былъ *четвергъ (3 апрѣля)*. Я подготовлялъ вчернѣ, а писарь гналъ за мной начисто. И дѣйствительно, все было готово ко времени. Въ слѣдующемъ письмѣ я сдѣлаю тебѣ выписку того, что̀ мною торжественно произнесено было въ С.-Петербургскомъ университетѣ. Читали еще: Никитенко — о современной нашей литературѣ (пустячки!) и Шиховскій — о ботаническихъ садахъ (скучновато!). Послѣ обѣда былъ еще у Шульгина. Онъ очень поправляется.

Суббота (5 апрѣля). Ѣду къ Принцессѣ, чтобы вмѣстѣ открыть ея школу. Сегодня ея рожденіе.

53.

(Гротъ — Плетневу) ***Гфорсъ, среда, 2 апрѣля, 9 ч. веч., 1841.***

Свѣтлый праздникъ подарилъ насъ, какъ вѣроятно и васъ, самою свѣтлою погодой. Въ 9-мъ часу утра вышелъ я и встрѣтилъ весь здѣшній генералитетъ и вообще офицерщину, ѣдущихъ изъ русской церкви завтракать къ Теслеву, о чемъ ужъ прежде слышалъ. Тутъ были также Вульфертъ (почтъ-директоръ), Соловьевъ, Ушаковъ и другіе русскіе. Справивъ свои дѣла, и я пошелъ къ Теслеву, занеся напередъ по дорогѣ карточку къ Чепурнову. Отъ Теслева всѣ отправлялись уже и попались мнѣ на лѣстницѣ. Добрый старецъ встрѣтилъ меня въ

передней и повелъ завтракать; самъ налилъ водки, подалъ стулъ, нарѣзалъ телятины и т. п. Поѣвши, я откланялся и, по разнымъ соображеніямъ, вслѣдъ за прочею толпою, между тѣмъ, позавтракавшею вторично у Чепурнова, пошелъ къ Вульферту, коменданту. Тамъ опять огромный столъ съ жирнымъ завтракомъ. Я возвратился домой— здѣшніе коренные жители въ этотъ день не посѣщаютъ другъ друга изъ церемоніи.

Въ 3 часа, по уговору, пріѣхали отъ Спафарьевой дрожки за сестрою и мною. Чужихъ тамъ почти не было: вся свеаборгщина перебывала у нихъ поутру. Marie занята была черченіемъ рисунковъ на красныхъ яйцахъ, вырѣзала для сестры моей шараду Rose Grot, т. е. цвѣтокъ розу съ одной стороны, а съ другой пещеру. Работа очень искусная, наслѣдованная отъ матери. Послѣ обѣда ходилъ я къ Гартману, не засталъ; послѣ игралъ въ шахматы съ маркизомъ и 3 раза обыгралъ его; онъ досадовалъ и закаялся играть со мной. Вечеромъ явилась Матильда съ сестрами и гувернанткой. Я много бесѣдовалъ съ обѣими пріятельницами и говорилъ имъ разныя истины; Матильда молчала, но другая разсуждала много, просила не разочаровывать ее, говорила, что, когда настоящее прекрасно, то должно, ни о чемъ не думая, вполнѣ предаваться наслажденію, что она теперь живетъ только прошедшимъ и будущимъ, настоящаго у нея нѣтъ и т. п. Дала мнѣ читать романъ Gabrielle, отъ котораго она въ восхищеніи.

Въ понедѣльникъ послѣ обѣда была у насъ Спафарьева съ Marie. Я обѣщалъ бытъ у нихъ вечеромъ и немного заняться англійскимъ съ нею и съ Гартмановыми. Нашелъ всѣхъ въ большомъ нетерпѣніи; я заставилъ ихъ поковеркать языки надъ буквами и тѣмъ кончилъ лекцію. Онѣ всѣ запаслись тетрадями и думаютъ, что много научатся, забывая, что скоро всѣ разъѣдутся по мызамъ, и тогда прощай и бесѣды и уроки.

Вчера, во вторникъ, поутру въ 9 часовъ былъ я у Цигнеуса. Онъ поѣхалъ въ Борго на свадьбу. Кастренъ также. И я собирался было, но не хотѣлъ потерять времени, нужнаго на наше предпріятіе. Сегодня гулялъ поутру, а послѣ обѣда рѣшился, не смотря на то, что писалъ тебѣ, навѣстить Нервандера — по политическимъ соображеніямъ: но его не было дома, оставилъ карточку; потомъ пошелъ къ Коллану. Мы изъ окошка зазвали русскаго мужика, который въ ящикѣ изъ лубковъ разноситъ картины и русскія книги. Онъ изъ Владиміра на Клязьмѣ, покупаетъ товаръ въ Москвѣ и пріѣзжаетъ сюда съ двумя товарищами. По двѣ недѣли гостятъ они въ Выборгѣ, здѣсь и въ Або; въ другихъ городахъ по нѣскольку дней; главная продажа въ Свеаборгѣ. И книги и картины дрянь. Изъ жалости мы купили два рисунка. Мужикъ, прежде угрюмый до того, что разбранилъ вашъ

Петербургъ, сталъ совсѣмъ другимъ, когда услышалъ отъ меня имя своей родимой Клязьмы и увидѣлъ, что я кое-что знаю о тѣхъ мѣстахъ. Надобно было видѣть, какъ вдругъ зарумянилось и просіяло нахмуренное лицо его при магическомъ имени. Улыбаясь, онъ спросилъ: „А вы нечто бывали тамъ?“ Я почувствовалъ, какъ на чужбинѣ, гдѣ не понимаешь общаго языка, радостна встрѣча съ землякомъ. Отъ Коллана пошелъ я домой, гдѣ и нашелъ Клинковстрема. Всѣ эти походы замедлили сегодня мою работу надъ статьею. Теперь трудъ состоитъ преимущественно въ чтеніи и отмѣткахъ. Я читаю все, что только есть объ университетѣ, всѣ старыя газеты и даже латинскіе диспуты и диссертаціи. Чтеніе послѣднихъ сперва казалось мнѣ трудно, но теперь я ужъ читаю ихъ довольно свободно.

Отвѣтъ. Четвергъ. Выборгскаго губернатора [1]) я видывалъ у барона Модеста *(Корфа)*, и онъ меня немного знаетъ; сблизиться при случаѣ будетъ не трудно. Онъ всегда нравился мнѣ своею скромностью. „*Пушкинъ*“, находящійся теперь у Розины, есть новый экземпляръ, присланный мнѣ братомъ и назначаемый въ даръ Веттергофу. Дѣлать миніатюрные силуэты не такъ-то легко, но я употребляю на это время, когда plenus venter non studet libenter, т. е. тотчасъ послѣ обѣда, и только, когда расположенъ къ тому. Съ мнѣніемъ твоимъ насчетъ необходимаго въ поэзіи соотвѣтствія мысли и выраженія, чтобъ достигнуть возможнаго совершенства, я всегда былъ отчасти согласенъ, но что оно требуетъ нѣкоторой модификаціи, доказываютъ твои собственныя слова о 1-мъ изъ моихъ стихотвореній, котораго мысль ты назвалъ *прекрасною*. Напротивъ, осмѣливаюсь не раздѣлять мысли: „для представленій есть уже слова; мы даже не въ состояніи взять въ голову и самыхъ представленій безъ этихъ словъ“. Отчего же выраженіе мысли, ясной и разительной, иногда стоитъ намъ такого долгаго, и все-таки безуспѣшнаго труда? Отчего же такая разница между изобрѣтеніемъ и исполненіемъ? Отчего много есть скрытыхъ для міра поэтовъ потому только, что они своихъ поэтическихъ помысловъ не въ состояніи выражать. Гдѣ же тождественность мысли и слова? Мнѣ кажется, что видѣть въ самомъ себѣ дѣйствія души и дѣлать ихъ видимыми для другихъ — требуетъ двухъ совершенно разныхъ способностей, которыя рѣдко бываютъ соединены. Слова въ отношеніи къ мыслямъ поэта не то же ли, что̀ краски и черты въ отношеніи къ мыслямъ живописца? Далѣе говоришь ты: „но утверждать, что здѣсь хороша мысль, а выраженіе неудачно, значитъ думать, что и слова безъ связи могутъ быть хороши“. Ссылаюсь опять на твое же сужденіе о первой моей пьесѣ. Что она ничтожна въ художественномъ отношеніи, это я самъ чувствую и чувствовалъ прежде. А такъ

[1]) Стевена.

какъ безъ этого условія произведеніе искусства не имѣетъ никакой цѣны, то ясно, что она годится только для печки вмѣстѣ со многими изъ братьевъ и сестеръ своихъ. Передѣлывать я не въ состояніи, а лучше прежде нежели принимаешься писать, взвѣсить построже вопросъ: *быть или не быть?* Стоитъ ли увеличивать безчисленное множество дѣтищъ человѣческой фантазіи новымъ существомъ, или можно ожидать только урода на мѣсто красавца и потому лучше, не разрѣшаться отъ бремени? Слово *людской*, по поэтической вольности, можетъ, кажется, замѣнять иногда *человѣческій*. Слова *дѣвичья красота* взяты у Жуковскаго, кажется, въ смыслѣ какъ будто прозвища. Какъ произносятъ имя аптечнаго товара: *дѣвичья кожа?* Очень благодарю за Сахарова. Я и то сбирался спросить тебя, не вышло ли новыхъ частей этой книги. Двѣ первыя части ея были у меня. Я (по полученіи твоей присылки) подарилъ ихъ библіотекѣ Финскаго литературнаго общества, такъ же, какъ годъ Казанскихъ ученыхъ записокъ и 8 или 9 книжекъ Журнала Министерства внутреннихъ дѣлъ. Я говорилъ съ Колланомъ о томъ, чтобы со временемъ написать статейку о Сахаровѣ. Нѣтъ ли какой-нибудь сколько-нибудь удовлетворительной книжки о славянской миѳологіи? У Сахарова почти ничего нѣтъ объ этомъ; какова книга Касторскаго? Поздравляю съ причастіемъ. Христосъ воскресъ!

Какъ покажутся тебѣ эти двѣ пьесы изъ Францѐна [1]). Онѣ назначены для нашей книги, гдѣ прозаическія статьи намѣренъ я пересыпать стихами изъ Рунеберга и Францѐна.

54.

(Гротъ — Плетневу) *Гфорсъ, 6 апрѣля 1841.*

Спасибо тебѣ, добрѣйшій, что ты не хотѣлъ оставить меня въ недоумѣніи и написалъ хоть нѣсколько строкъ.

Журналъ. Въ четвергъ вечеромъ я былъ съ сестрой у m-me Kohlbars, а потомъ поѣхалъ къ профессору Лаурелю (богослову), отличному и очень ученому человѣку, учредителю лицея; но онъ былъ на похоронахъ, и я посидѣлъ съ его женой. Вчера гулялъ почти цѣлое утро; въ 7-мъ часу пріѣхалъ ко мнѣ Лаурель, потомъ пришли: Кастренъ, Колланъ, Готлундъ. Разговоръ былъ очень оживленъ, подстрекаемый отчасти пуншемъ. Кастренъ и Цигнеусъ не слишкомъ веселились въ Борго, и я не жалѣлъ, что не поѣхалъ. Гости мои разсказали мнѣ, что на просьбу студента Эмана о позволеніи ѣхать въ Москву учиться

[1]) Пьесы эти „Звѣзды“ и „Зеркало“ напечатаны были въ книжкѣ „Литературные опыты“ Якова Грота (Гфорсъ, 1848 г.) и перепечатаны въ книгѣ „Стихи и проза для дѣтей“, Спб. 1890 г.

русскому языку, послѣдовалъ отказъ, да еще очень рѣзкій и вовсе неободрительный. Узнай при случаѣ отъ Путяты, что бы это значило. Прощай.

55.

(Плетневъ — Гроту) ***Спб., среда, 9 апрѣля 1841.***

Выписка изъ моего отчета о дѣйствіяхъ С.-Петербургскаго университета. „Университетъ ежегодно любителямъ просвѣщенія представляетъ публичный отчетъ о своихъ дѣйствіяхъ. Конечно, и для самыхъ благосклонныхъ посѣтителей немного найдется любопытнаго въ изложеніи занятій одного года; но самъ университетъ каждый разъ много пріобрѣтаетъ отъ обозрѣнія всѣхъ отраслей дѣятельности своей. Повѣряя себя въ торжественномъ собраніи, каждый разъ онъ живѣе начинаетъ чувствовать и степень развитія своего и потребность новыхъ усилій. Особенно для университета новаго, юнаго, каковъ нашъ, важно сознаніе собственныхъ успѣховъ и недостатковъ. Водвореніе лучшихъ, болѣе плодотворныхъ началъ и правилъ пріобрѣтается новыми опытами и постояннымъ размышленіемъ. Въ университетѣ, какъ въ государствѣ, должна господствовать нравственная сила, т. е. всеобщее въ немъ стремленіе къ достиженію одной цѣли, всеобщее убѣжденіе въ истинѣ и пользѣ, въ неприкосновенности и, такъ сказать, святости основной его идеи. Долголѣтіе приноситъ университету, какъ и государству, то окончательное совершенство организаціи, при которомъ всѣ части, всѣ пособія, всѣ постановленія и самая форма дѣйствій представляются въ полнотѣ, въ незыблемости и въ какомъ-то величіи. Наиболѣе собственная его исторія доставляетъ ему это прекрасное, счастливое состояніе, — и исторія со своимъ медленнымъ, но всегда дѣйствительнымъ движеніемъ, съ своими быстрыми, но всегда благотворными эпохами.

„Нынѣшній годъ въ качествѣ депутата отъ почтенныхъ сочленовъ моихъ, я видѣлъ сосѣдственный намъ университетъ, который праздновалъ двѣсти лѣтъ своего существованія. Въ нѣдрахъ этого древняго святилища наукъ, я вполнѣ чувствовалъ чѣмъ университетъ можетъ быть обязанъ своей исторіи. Перемѣщенный изъ Або въ Гельсингфорсъ послѣ бѣдственнаго пожара, во всѣхъ частяхъ обновленный, и уже въ число преподавателей принявшій много молодыхъ людей, образовавшихся на его новой родинѣ, Александровскій университетъ вполнѣ сохраняетъ весь величественный характеръ своей древности. Его внутренняя жизнь, развившаяся и укрѣпленная опытами, приводитъ въ изумленіе равновѣсіемъ силъ, сосредоточенностью мнѣній, ровностію движенія частей, точностью порядка, достойнымъ уваженіемъ долга и необыкновенною торжественностію формъ въ ученыхъ промоціяхъ. Въ отношеніи къ цѣлому краю Александровскій универ-

ситетъ остается въ томъ патріархальномъ значеніи, по которому всѣ сословія и всѣ чины гражданства ему одному считаютъ себя обязанными духовною и свѣтскою мудростію. Таковы плоды долголѣтней его исторіи“ [1]).

Отвѣтъ на письмо отъ 2 апрѣля. Магіе просила тебя не разочаровывать ее. Конечно, въ эту минуту, какъ я пишу, и ты уже знаешь смыслъ этихъ словъ: она невѣста Паткуля. Кажется, твои уроки англійскаго языка не начавшись кончились.

Работая такъ добросовѣстно надъ своею статьей и погружаясь въ чтеніе старыхъ латинскихъ диспутовъ, ты неожиданно обогатилъ себя тѣмъ, что теперь тебѣ такъ необходимо. И эту новость, конечно, еще до письма моего узналъ ты: ты ординарный профессоръ по указу Его Императорскаго Величества отъ 3 апрѣля 1841 г. Можешь ли ты свой силуэтъ сдѣлать для меня и Александры Осиповны? Рунеберговъ очень похожъ.

Въ спорѣ нашемъ разноголосица происходитъ отъ смѣшенія названій. Помни, что *мысль* еще не *стихъ;* что *размѣръ* не *форма мысли,* а одна сторона формы; что слово, заставляющее догадываться о томъ, что хотѣлъ выразить авторъ, дѣйствительно, портитъ не только фразу, но самую мысль въ художническомъ смыслѣ, гдѣ нѣтъ подразумѣваемаго, а все дѣйствительное. Ты *слово* сравниваешь съ красками и чертами. А я тебѣ именно сказалъ, что это ложное уподобленіе. Слово тождественно съ понятіемъ, какъ предложеніе тождественно съ сужденіемъ или мыслью. Краски и черты можно по нуждѣ перемѣнять, а для понятія только одно и существуетъ слово. Если я на него не наткнулся въ моемъ выраженіи, будетъ фальшь для критика, истинно понимающаго дѣло. Да что объ этомъ столько толковать. Нельзя же, чтобъ ты меня совсѣмъ не понималъ. А если понимаешь, то и спорить не о чемъ. Защищать и плодить споръ можно до безконечности даже въ парадоксахъ. Но истина вездѣ одна, особенно въ такомъ положительномъ дѣлѣ, какъ фразеологія. Еще бы пріятно было спорить о впечатлѣніяхъ, остающихся въ душѣ отъ созерцанія красоты въ природѣ и искусствахъ, а то мы споримъ о томъ: можно ли киверъ по нуждѣ назвать каскою или шлемомъ? О славянской миѳологіи теперь печатается диссертація нашего адъюнкта Касторскаго на полученіе степени доктора. Кажется, она подѣльнѣе всего, что было прежде. Я тебѣ вышлю ее. Только иногда напоминай мнѣ объ этомъ. У меня совсѣмъ нѣтъ памяти для храненія вещей, не принадлежащихъ къ текущимъ дѣламъ. Ты, кажется, не довольно взвѣсилъ необъятность и пользу предпріятія Сахарова. Онъ стоитъ не статейки, а статьи;

[1]) См. Отчеты о состояніи Имп. С.-Петербургскаго Университета, составленные ректоромъ его П. Плетневымъ, Спб. 1845.

*

книга же его стоитъ цѣлой диссертаціи. Вотъ какъ. Стихи, приписанные тобою въ послѣднемъ письмѣ и назначенные для нашего финляндскаго альманаха, очень хороши.

Журналъ. Пятница (4 апрѣля). Я уже писалъ тебѣ, какъ провелъ этотъ день до обѣда. Вечеромъ отправился я къ молодымъ Сологубъ. Онъ собирался на репетицію. У Блудова готовится домашній спектакль. Поэтому вся юная знать (а въ числѣ ея и литераторъ нашъ) разобрала роли. Но жена, благодаря воспитанію, не пріучившему ее къ свѣту, оставалась дома, не желая играть комедіи. Мы съ ней остались въ его кабинетѣ. Аполлинарія, кажется, чѣмъ-то у себя занята была. По крайней мѣрѣ, къ намъ не явилась. Разговаривая съ Софьей Михайловной, я машинально перевертывалъ листы книжки, которая въ большомъ числѣ экземпляровъ вездѣ валялась передъ нами. Это собраніе повѣстей Сологуба, которое онъ вздумалъ назвать: *На сонъ грядущій.* И тутъ не хотѣлъ спросить у кого-нибудь, чтобы не соврать — и лучше совралъ. Графиня хотѣла отъ меня узнать, что̀ мнѣ особенно нравится въ сочиненіяхъ ея мужа. Этотъ вопросъ былъ для меня затруднителенъ, потому что хотя собранныя здѣсь повѣсти всѣ были гдѣ-нибудь въ журналахъ напечатаны, но я совсѣмъ не такъ изучалъ графа, чтобы помнить въ немъ лучшія мѣста. Между тѣмъ, добрая графиня искренно вѣрила, что у ея мужа взглядъ на жизнь самый точный и очень глубокій. Такъ переходя отъ предмета къ предмету, я просидѣлъ съ нею до 11-го часу. Въ это время приходилъ къ намъ Долгорукій, тотъ самый, что издалъ исторію однофамильцевъ своихъ. Нѣкоторые говорятъ гадательно, будто онъ женится на Аполлинаріи. Мнѣ эта мысль не нравится. Я въ немъ вижу еще что-то ребяческое, а она совершенство мысли и чувства!

Суббота (5 апрѣля). Сегодня день рожденія Принцессы Терезы Ольденбургской. Рано ко мнѣ прислали отъ нея, что вмѣсто 12 ч. она проситъ къ ней въ 11 ч. Общество, которое собрала она присутствовать при открытіи школы ея, было маленькое: мужъ ея, адъютантъ его, ея фрейлина, ихъ докторъ, гофмейстеръ и я. Мы позавтракали, выпивъ шампанскаго за здоровье ея свѣтлости. Привели дѣвочекъ, которыхъ и одѣвали у Принцессы въ комнатахъ. Домъ для школы купленъ на Каменноостровскомъ проспектѣ. Такъ какъ Нева прошла еще вчера, то для переправы нашей въ школу приготовлены были лодки. Дѣвочки сѣли въ одну съ камеръ-юнгферами Принцессы, а мы всѣ въ другую лодку. Переѣхали отъ Мраморнаго въ крѣпость. Тамъ ждала Принцессу ея карета парою, заранѣе посланная на дачу про случай вскрытія рѣки. Въ экипажъ сѣла Принцесса съ фрейлиной. Всѣ прочіе пошли пѣшкомъ. Однако, скоро Принцъ поймалъ извозчика и сѣлъ на дрожки. Я скоро его примѣру послѣдовалъ, поймавъ другого. По прибытіи всѣхъ въ домъ, отслужили молебенъ съ водосвятіемъ, а послѣ

посадили малютокъ обѣдать. Когда онѣ кончили, Принцесса сама каждую подвела къ кровати и указала, гдѣ онѣ будутъ спать. Распорядясь такъ, она и мы всѣ отправились по домамъ. Я нашелъ у себя карточку Путяты съ припиской на ней карандашемъ, что ты утвержденъ профессоромъ по предназначенію. Отобѣдавъ у Смирновой, я поспѣшилъ къ Путятѣ. Онъ мнѣ объявилъ, что въ среду не было совсѣмъ доклада, а въ четвергъ Государь позвалъ къ себѣ графа Ал. Армфельта. При докладѣ Государь спросилъ: „Хорошо ли у тебя учатся по-русски?“ Армфельтъ воспользовался случаемъ и объявилъ, что у Наслѣдника есть бумага о преобразованіи этой части. Принесли — и Его Величество подписалъ. Вотъ и поздравляю. Опиши мнѣ подробности, какъ принято это въ университетѣ, какъ тебя пригласили туда и что Соловьевъ? Я поручилъ уже Путятѣ переслать тебѣ бумагу мою для прочтенія о распредѣленіи занятій между профессорами. Путята же первый сказалъ, что Маrie невѣста. Конецъ вечера я провелъ у Н. Пушкиной съ Вяземскимъ. Между тѣмъ vis-à-vis de moi у Блудова съѣхался цѣлый міръ на комедію.

Вторникъ (8 апрѣля). У Великой Княжны Ольги Николаевны продолжаемъ Хомякова *Самозванца.* Рѣшительное извѣстіе о Маrie — невѣста. Оттуда въ принцессину школу и съ визитами къ Оли. Обѣдъ у Смирновой. Начало вечера у Н. Пушкиной, конецъ у Балабиныхъ. Не забудь мнѣ разсказать, какъ Маrie тебѣ объявила о своей помолвкѣ.

56.

(Гротъ — Плетневу) ***Гфорсъ, среда 9 апрѣля, 7 ч. веч. 1841.***

Ты цѣлыя ночи не можешь заснуть. Ахъ, еслибъ ты зналъ, какъ твое нездоровье отзывается на тѣхъ, которые тебя любятъ! Сваливъ съ плечъ 2 № Современника, понѣжься хорошенько, чтобы оправиться скорѣе отъ такихъ напряженій, а потомъ пріѣзжай сюда, но напередъ *непремѣнно* поговори съ хорошимъ докторомъ, точно ли тебѣ полезно купаться въ морѣ; вѣдь и это нѣкоторымъ приноситъ вредъ, вмѣсто пользы.

Сегодня поутру ректоръ, встрѣтясь со мной на улицѣ, совершенно неожиданно поздравилъ меня, какъ профессора. Бумага подписана въ тотъ самый день, какъ ты мнѣ писалъ письмо, — 4 апрѣля. Но не странно ли? Въ этотъ самый день въ прошедшемъ году рѣшено было мое опредѣленіе въ статсъ-секретаріатъ и переселеніе въ Финляндію. Я изъ любопытства раскрылъ сегодня свой прошлогодній журналъ, и вотъ первыя слова его на 1-й страницѣ: „4 апрѣля. Сегодня рѣшился... и т. д.“. Вотъ замѣчательная для меня игра случая. Извѣстіе Урсина, какъ ты можешь вообразить, очень меня обрадовало, и онъ показалъ то же, объявивъ, чтобы я изъ сената досталъ указъ о моемъ производ-

ствѣ (опять вгонять въ сотенку, другую), послѣ чего, явясь къ присягѣ, могу засѣдать въ консисторіи. Потомъ всѣ встрѣчавшіеся мнѣ знакомые поздравляли меня, такъ что новость эта разошлась по городу прежде, нежели я самъ зналъ ее. Послѣ обѣда былъ я у Урсина, читалъ рескриптъ. Спрашивается: не долженъ ли я съ будущаго же термина начать свои лекціи, не ожидая, чтобы Соловьевъ и Акіандеръ подготовили мнѣ слушателей, потому что, если до сихъ поръ у нихъ не учились, то никакая инструкція и надзоръ не помогутъ. Въ рескриптѣ же названъ я между прочимъ и профессоромъ русскаго языка. Впрочемъ, я сказалъ Урсину, что считаю нужнымъ ждать, чтобы Соловьевъ и Акіандеръ напередъ приготовили студентовъ; онъ отвѣчалъ, что тогда долго придется ждать; еще замѣтилъ, что хорошо было бы отмѣнить плату, которую русскій экстраординарный профессоръ получаетъ за частныя лекціи, потому что неравенство платы, смотря по средствамъ студента, вредно дѣйствуетъ и на уроки и на выдачу аттестатовъ. Установленная вновь выдача стипендій очень нравится ректору. Я думаю, не худо было бы мнѣ пойти разъ на лекцію Соловьева, чтобы сообразиться при составленіи инструкціи; но его это взбѣситъ. Что касается до Акіандера, то онъ ужъ 8-ую недѣлю хвораетъ; у него родъ изнурительной лихорадки (fièvre lente), и доктора начинаютъ безпокоиться. Жаль было бы потерять такого надежнаго и прекраснаго человѣка.

Проэктъ, который ты написалъ лѣтомъ, очень пригодился бы мнѣ, и потому не попросишь ли Путяту, чтобы онъ велѣлъ снять съ него копію для меня? Не знаю, не нужно ли мнѣ писать къ графу Армфельту; но для этого, я думаю, лучше подождать, пока мнѣ объявятъ и объ экзаменаторской должности, чего, по твоему письму, надобно ожидать въ скоромъ времени. Назначеніе 500 р. сер. на книги,— вещь прекрасная; но пока библіотеки не переведутъ въ новое зданіе (въ 1843 г.), до тѣхъ поръ нельзя надѣяться, что по этой части введется порядокъ. Въ теперешней библіотекѣ хранится въ ящикахъ множество книгъ, которыя никѣмъ еще и не разобраны. Я хочу при вступленіи въ свою должность изъявить требованіе, чтобы теперь же всѣ русскія книги, какія есть въ библіотекѣ, отдѣлили, потому что онѣ такъ перемѣшаны съ другими, что ихъ часто и не отыщешь; множество ихъ не внесено еще и въ каталоги.

За Сахарова опять благодарю; объясни мнѣ, какія же онъ еще пѣсни издаетъ маленькими книжками; отчего и ихъ нельзя было внести въ это же изданіе? Ты совѣтуешь отложить книгу о метрахъ до преклонныхъ лѣтъ; я и самъ писалъ тебѣ, что намѣренъ приняться за нее *когда-нибудь*. Статьи о русскихъ поэтахъ для финновъ буду готовить мало-по-малу. Пятистопный ямбъ годится только для пьесъ меланхолическихъ, или элегическихъ, и я нахожу, что въ этомъ отно-

шеніи онъ имѣетъ преимущество передъ тѣмъ, какой употребленъ Батюшковымъ въ пьесѣ: *Нѣтъ прелестной Лилы*, который слишкомъ скачущъ и игривъ. Когда я писалъ „Герду", самое расположеніе духа указало мнѣ пятистопный хорей; всякій другой размѣръ тогда не выразилъ бы душевнаго настроенія. Я очень люблю легкіе хореи, но могу употреблять ихъ только въ веселой или легкой пьесѣ. Моя статья на бумагѣ еще вовсе не подвигается, но въ головѣ яснѣе и яснѣе образуется; самая работа хоть чрезвычайное испытаніе для терпѣнія, въ результатахъ своихъ очень интересна. Насчетъ посвященія Фритіофа, я очень охотно отступаю отъ своей мысли, но не могу совершенно согласиться съ тобой, чтобы М. К—ъ былъ вовсе чуждъ литературы. Когда я писалъ Фритіофа, онъ очень часто интересовался ходомъ работы, что со стороны начальника довольно мило и рѣдко.

Море у насъ все еще покрыто льдомъ, хотя ужъ и не *ѣздятъ* въ Свеаборгъ. Я такъ же, какъ ты, откладываю обыкновенно работу до послѣдняго срока; такъ и теперь съ моею статьею объ Александровскомъ университетѣ. Какъ было бы хорошо, еслибъ книга могла выйти къ 3 (15) іюля, дню юбилея прошлогодняго; но надежды мало! Изъ Фритіофа я читаю уже корректуру предпослѣдняго листа; жду отъ тебя отвѣта на мои вопросы; нельзя ли просто предварить Никитенку, чтобы онъ послѣ не привязался? Я хочу послать одинъ экземпляръ и Тегнеру при письмѣ. Кажется, я долженъ также доставить экземпляръ и Армфельту.

Журналъ. Въ *воскресенье* послѣ обѣда былъ я у Клинковстрема и передалъ ему твои слова, которыя очень были для него пріятны. Потомъ отправился къ Траверсе, тамъ были и Гартманы. Я снялъ ихъ силуэты въ большомъ видѣ. Вечеръ понедѣльника мы провели у Грипенберга. Хорошо было бы, еслибъ какой-нибудь добрый геній шепнулъ Наслѣднику, чтобы онъ, при раздачѣ разныхъ милостей въ день его бракосочетанія, не забылъ и Г—га.

Во вторникъ послѣ обѣда, въ 6-мъ часу, пошелъ я къ Траверсе, для свиданія, по условію, съ моими прекрасными ученицами англійскаго языка. Какъ онѣ старательны и какую важную вещь дѣлаютъ изъ своего ученія! Я шутя сказалъ въ воскресенье, что, если хоть одного слова кто-нибудь не будетъ знать, то я совсѣмъ потеряю духъ. Онѣ, особливо Розина, приняли эти слова въ настоящемъ смыслѣ, и какъ маленькіе школьники боялись моихъ вопросовъ. Всѣ какъ раки раскраснѣлись отъ усилій памяти и отъ безпокойства. Тутъ для наблюдателя чрезвычайно много забавнаго; нѣкоторые звуки чрезвычайно смѣшатъ ихъ; но всѣхъ смѣшливѣе Маріе; иногда при какой-нибудь невинной двусмысленности она хохочетъ до слезъ, а Розина едва-едва улыбается. Матильда упрекаетъ, что ей не дали знать о нашемъ собраніи, и говоритъ, что, не смотря на скорый отъѣздъ, хотѣла бы уча-

ствовать въ нашихъ бесѣдахъ. Во вторникъ, поутру, радость отъ твоего письма и работа. Вчера поутру встрѣча съ ректоромъ; послѣ обѣда собраніе нѣмцевъ-лютеранъ въ церкви для совѣщанія о новомъ пасторѣ. Оттуда къ ректору; потомъ къ Акіандеру, который все чрезвычайно слабъ: лицо, какъ у мертвеца! Я забылъ сказать, что поутру я былъ у профессора Тенгстрема и имѣлъ съ нимъ долгое и интересное совѣщаніе объ исторіи университета.

Еще забылъ сказать, что вчера же послѣ обѣда былъ у меня Лундаль и принесъ почти всю твою статью переведенною, — кажется, удачно.

57.

(Плетневъ — Гроту) ***Спб., пятн., 11 апрѣля 1841.***

Отвѣтъ на письмо отъ 6 апрѣля. Мнѣ кажется, что я помню Лауреля: онъ молодъ, круглолицъ, свѣтловолосъ и одѣвается для парадныхъ случаевъ въ пасторское платье. Охота была Цигнеусу и Кастрену скакать 50 верстъ, чтобы видѣть свадьбу. Я спрашивалъ у Путяты объ отказѣ студенту Эману. Путята и не слыхалъ даже объ этомъ дѣлѣ. По университету всѣ дѣла графъ Армфельтъ передаетъ Шультену, а послѣ Шернвалю. Такимъ образомъ Путята можетъ совсѣмъ не имѣть понятія о томъ, что̀ рѣшено или предположено въ отношеніи университетскихъ лицъ? Я изъясняю отказъ вотъ какъ: просьба пришла въ то время, когда дѣло о преобразованіи ученія русскому языку въ гельсингфорскомъ университетѣ было въ ходу. Вѣроятно, графъ Армфельтъ и докладывалъ въ такомъ видѣ, чтобы не отпускать болѣе студентовъ — для доказательства правительству, что новыхъ мѣръ достаточно для распространенія русскаго языка въ Финляндіи. А что въ самой редакціи отказа есть жесткость, это могло произойти отъ неумѣнія выражаться лучше. А можетъ, только вамъ всѣмъ показалось такъ.

Журналъ. Среда (9 апрѣля). Встаю нынче рано; зато и ложусь тоже. Бывало по средамъ и субботамъ не только что не успѣешь нигдѣ побывать до университета, да и туда опоздаешь каждый разъ. Сегодня я поѣхалъ въ 1/4 10 къ Принцессѣ Ольденбургской, чтобы отдать ей книги, купленныя мною для ея школы. Оттуда пустился къ попечителю. Но онъ пустился на дачу свою за Ораніенбаумомъ. Погода была прелестная. Я отпустилъ экипажъ и пошелъ въ университетъ пѣшкомъ. Тамъ произвелъ осмотръ отстраивающагося для ректора дома; указалъ, гдѣ сдѣлать каминъ и гдѣ устроить ванну въ комнатахъ. Послѣ лекцій пошелъ пѣшкомъ же къ Оли. Она со своими воспитательницами вышла на улицу слушать музыку, сопровождавшую погребеніе Гамильтона адмирала. На морскихъ теперь моръ. И Шишковъ, наконецъ, скончался. Любопытно, кто-то будетъ президентомъ въ

Россійской академіи. На вечеръ пошелъ къ Сологубу, тамъ нашелъ большое общество, составленное изъ литераторовъ-аристократовъ и прелестнѣйшихъ дамъ, между коими были Мамоновы, двѣ сестры фрейлины Великой Княгини Елены Павловны, Елена Сологубъ, кузина Владиміра, княжна Барятинская, Баратынская (рожд. Абамелекъ). Были Жуковскій, Одоевскій, переводчикъ Пушкина [1]), тебѣ доставленнаго, который познакомился со мной, и многіе другіе. Происходило чтеніе повѣсти графа Толстого [2]), молодого человѣка, котораго мать рожд. Перовская. Мужъ не живетъ съ нею. Онъ братъ царскосельскаго полиціймейстера. Повѣсть — *Вампиръ*. Я не люблю этого рода, а особливо не люблю салонныхъ чтеній. Послѣ первой части пили чай. Одна изъ Мамоновыхъ играла на фортепіано. Эмилія Пушкина и Путята съ женой были тоже. Освѣщеніе, убранство, услуга и тонъ общества прелестны. Послѣ чая начали чтеніе второй части. Я ушелъ домой.

Четвергъ (10 апрѣля). Я поѣхалъ сперва къ Растопчиной. Отъ нея къ Принцессѣ. Далѣе заѣхалъ къ Васильчиковой (женѣ отставного сенатора, рожд. Архаровой), родной тёткѣ Сологуба. Она изъ Москвы привезла дочь къ свадьбѣ Наслѣдника. Со мной вмѣстѣ туда же пріѣхалъ и бывшій твой начальникъ князь Ларіонъ Васильевичъ Васильчиковъ [3]). Александра Ивановна *(Васильчикова)* не преминула отрекомендовать ему меня, какъ феникса. Но онъ видалъ такихъ на вѣку своемъ. Съ острова поѣхалъ къ попечителю, который мнѣ объявилъ, что намѣренъ въ 1842 г. выйти изъ службы по управленію учебнымъ округомъ. Домой пріѣхалъ я уже въ 5 часовъ, а въ 7 часовъ началъ одѣваться въ аматерскій концертъ, который давали въ пользу дѣтской больницы. Тамъ была вся Императорская фамилія, кромѣ Государя и В. К. Михаила Павловича, вѣроятно, ожидавшихъ пріѣзда прусскаго принца на свадьбу, назначенную уже 16 апрѣля. Пѣла опять графиня Росси. Нѣтъ выраженій для описанія прелести ея звуковъ.

Пятница (11 апрѣля). Нынѣшній цѣлый день никуда я не выходилъ. Завтра тоже просижу. Поутру явился ко мнѣ съ рекомендательнымъ письмомъ отъ Жуковскаго какой-то мальчикъ-литераторъ, по фамиліи Ремерсъ. Жуковскій хочетъ, чтобы я ему протежировалъ. Авторъ обѣщалъ мнѣ принести опыты своихъ сочиненій. Онъ учился въ человѣколюбивомъ Обществѣ и не знаетъ ни одного иностраннаго языка. Посмотрю, что къ нему приворожило добряка Жуковскаго. Церемоніалъ свадьбы и праздниковъ напечатанъ уже въ полицейской газетѣ. Посылаю тебѣ № 10 Журнала Министерства внутреннихъ дѣлъ.

[1]) Робертъ Липпертъ, издавшій въ 1840 г.: Alexander Puskin's Dichtungen. Aus dem Russ. übersetzt von D-r Rob. Lippert, 2 B. Leipzig.

[2]) Графа Алексѣя Константиновича — поэта.

[3]) Предсѣдатель Государственнаго Совѣта, ум. 1847 г.

Былъ еще у меня Кодинецъ. Онъ объявилъ, что завтра пріѣдетъ ко мнѣ на чай съ Левшинымъ [1]), бывшимъ градоначальникомъ Одессы.

58.

(Гротъ — Плетневу) ***Гфорсъ, суббота, 12 апрѣля 1841.***

Отвѣтъ. Благодарю за выписку изъ отчета; въ ней неоспоримая истина убѣдительно выражена и кстати подкрѣплена примѣромъ университета, котораго духъ ты такъ хорошо понялъ [2]). Но моимъ назначеніемъ нарушены отчасти древнія учрежденія его; сколько я замѣчаю, старики были чрезвычайно изумлены этою новостію; ихъ возмущаетъ не только совершенное въ этомъ случаѣ отстраненіе того тяжкаго пути, какимъ они всѣ достигли той же степени, но и то, что для одного, и еще не очень милаго имъ предмета, учреждены двѣ каѳедры и 3 преподавателя. Почтенный и добрый Нордстремъ замѣтилъ мнѣ, что въ исполненіи рескрипта встрѣтятся нѣкоторыя затрудненія и обѣщалъ дружески потолковать со мной объ этомъ. Я сегодня же пойду къ нему. Соловьевъ удивительно покоренъ и привѣтливъ; предоставляетъ все на мою волю и всю вину своего неуспѣха въ ученіи русскаго языка слагаетъ на то, что у него руки были связаны. Сестрѣ моей Спафарьева сообщила по секрету, что Марiе невѣста, но я ихъ еще не поздравлялъ; завтра же поздравлю. *Gabrielle* романъ m-me Ancelot, который я читаю съ удовольствіемъ, потому что въ немъ виденъ талантъ и знаніе свѣта. Уроки мои въ англійскомъ продолжаются и шли бы еще лучше, если бы я согласился повторять ихъ такъ часто, какъ этого желаютъ мои ученицы; но мнѣ некогда. Помолвка Марiе должна еще болѣе усилить ея желаніе пріобрѣсти языкъ, такъ уважаемый при Дворѣ, и я радъ быть посредникомъ между имъ и столькими прелестными ртами. Жаль *солнца*, которое теперь такъ скоро зайдетъ у насъ; надобно подъ конецъ еще попользоваться яснымъ вечеромъ.

Нѣтъ, Сахарова труды я цѣню, какъ должно, о чемъ могли бы засвидѣтельствовать финны, которымъ я говорилъ о немъ; про *статейку* же я говорилъ тебѣ, какъ о дѣлѣ *ad interim*, потому что большая статья, какой заслуживаетъ книга, требуетъ большаго труда и долгаго времени. Какъ занимателенъ твой разсказъ объ открытіи новаго училища, и какъ почтенны Принцъ и Принцесса, избѣгающіе блеска и шума въ такомъ святомъ предпріятіи!

[1]) Алексѣемъ Ираклiевичемъ, впослѣдствіи членомъ государственнаго совѣта, авторомъ сочиненій: „Описаніе киргизъ-кайсацкихъ ордъ“, „Прогулка русскаго въ Помпеѣ“ и проч., ум. 1879 г.

[2]) Не будетъ ли твой отчетъ напечатанъ? Тогда хорошо бы было помѣстить изъ него выписанный отрывокъ въ здѣшнихъ газетахъ. *Прим. Я. Г.*

Журналъ. Вчера поутру, идучи къ Акіандеру, встрѣтился съ Соловьевымъ, который меня поздравилъ и сталъ косвенно извиняться, что еще не былъ у меня. Пошелъ вмѣстѣ со мной къ Акіандеру, о болѣзни котораго и не зналъ вовсе. Акіандеръ очень слабъ, но голова здорова, и онъ разговаривалъ даже о нашемъ общемъ предметѣ, но при Соловьевѣ ничего дѣльнаго нельзя было сказать. Изъ его разговора ничего дѣльнаго не добился я о степени знанія русскаго языка и потребностяхъ въ этомъ отношеніи. Но сегодня поутру былъ опять у Акіандера, говорилъ съ нимъ и самъ размышлялъ по этому предмету. Всѣ мысли и соображенія, сюда относящіяся, началъ записывать въ особую тетрадь. Акіандеръ согласно со мной думаетъ, что мнѣ для возбужденія интереса не худо будетъ начать лекціи сперва на шведскомъ языкѣ о литературѣ. Я полагаю, что сверхъ того должно будетъ приняться за составленіе также по-шведски *практическихъ* учебныхъ книгъ русскаго языка, какихъ здѣсь вовсе почти нѣтъ. Но самому преподавать *языкъ* чуть-ли не будетъ странно, когда есть два другихъ преподавателя. Въ то же время нужно заняться разборомъ и приведеніемъ въ порядокъ русскихъ книгъ въ библіотекѣ, чтобы знать, какія изъ прежде изданныхъ остается выписать. Акіандеръ навелъ меня на особую мысль: при указѣ обо мнѣ долженъ былъ состояться и регламентъ о новой должности, для введенія его въ университетскій уставъ. Еще не знаю, сдѣлано ли это [1]). Сверхъ того: до сихъ поръ Рейнъ преподавалъ, между прочимъ, и исторію русскую; спрашивается, долженъ ли онъ теперь совсѣмъ оставить ее?

Воскресенье, 13 апрѣля. Вчера, написавъ это, пошелъ я къ Рейну, чтобы еще нынче написать тебѣ, что̀ было въ консисторіи вчерашняго дня. Когда я Рейну рекомендовался, какъ новый его товарищъ (съ приличною скромностію), то онъ сказалъ, что собственно моей персонѣ всѣ они рады, но боятся, что слишкомъ усиленное ученіе русскаго языка повредитъ ихъ древней національной образованности. Я увѣрилъ его, что моею цѣлію будетъ сколько можно согласить оба интереса и что вообще польза университета и края для меня столько же дороги, какъ и для всякаго изъ нихъ. Рейнъ развеселился. Русской исторіи онъ не преподаетъ; она и прежде была въ вѣдѣніи профессора русскаго языка. Послѣ я предложилъ ему вмѣстѣ идти къ Нордстрему. Я скоро навелъ его на предметъ, который, видимо, занималъ его. Его главное опасеніе въ томъ состояло, чтобы мое присутствіе въ философскомъ факультетѣ не повлекло за собою необходимости для каждаго студента знать русскій языкъ и въ философскомъ экзаменѣ, въ которомъ испытываются люди, готовящіеся собственно къ ученому званію, и безъ того уже имѣющіе 11 предметовъ. Онъ объяснилъ мнѣ, какъ

[1]) Не можетъ быть сдѣлано до представленія инструкціи. *Прим. Я. Г.*

это могло бы вредно подѣйствовать на ходъ другихъ наукъ. Мы еще много толковали по этому предмету и разошлись довольные другъ другомъ.

Въ консисторію могу я явиться не прежде, какъ выкупивъ грамоту изъ Сената, а для этого долженъ прежде получить жалованье за исходящую треть, и такъ какъ меня Урсинъ торопитъ насчетъ грамоты, то я долженъ буду просить выдачи части жалованья впередъ, какъ за прошедшее, такъ и за будущее время, о чемъ сегодня же напишу Путятѣ. Сверхъ того, хочу просить у него свѣдѣнія о теперешнемъ состояніи ученія русскаго языка въ низшихъ училищахъ Финляндіи; это для меня необходимо при составленіи инструкціи.

Странно, что меня не увѣдомляютъ о другой моей должности, если она уже утверждена. Сегодня поутру хочу я отправиться съ визитами ко всѣмъ профессорамъ, у которыхъ еще не былъ, и къ Теслеву. Къ нему я еще не ходилъ потому, что мы въ четвергъ цѣловались на улицѣ. Онъ даетъ балъ въ день рожденія Наслѣдника. Въ пятницу вечеромъ шелъ дождь, и у меня былъ одинъ только Готлундъ, съ которымъ я просидѣлъ 3 часа; снялъ его силуэтъ и при немъ же уменьшилъ. Вчера, возвратясь отъ Нордстрема, я нашелъ у насъ графа Густава Армфельта: онъ болталъ часа 1$^1/_2$; послѣ въ 9 часовъ отправился я къ сосѣду Рамсаю, который былъ чрезвычайно милъ; хозяева и гости меня поздравляли радушно; внѣ университета всѣ показываютъ большую радость моему назначенію. Урсинъ не объявлялъ мнѣ о немъ до нашей встрѣчи, потому что былъ увѣренъ, что я увѣдомленъ о томъ частнымъ образомъ. Прощай.

Вмѣстѣ съ твоимъ письмомъ получилъ я письмо отъ Эмана; онъ между прочимъ уже поздравляетъ меня съ новымъ званіемъ и посылаетъ для просмотра шведскій переводъ въ стихахъ моей пьесы *Перо*, доставленный ему кѣмъ-то для его газеты. Переводъ мѣстами плоховатъ и, кажется, для печати не годенъ.

59.

(Плетневъ — Гроту) ***Спб., воскр., 13 апрѣля 1841.***

Отвѣтъ на письмо отъ 9 апрѣля. Ты думаешь, что № 2 Современника уже готовъ. Меня ужасно обманулъ Квитка. Онъ еще въ началѣ года сказалъ, что мемуаровъ его станетъ на каждый №. Я и жду все этой статьи, а ея нѣтъ до сихъ поръ. Такъ досадно! О поѣздкѣ къ вамъ еще рано загадывать. Надо прежде курсы кончить, потомъ экзамены сдѣлать, а тогда уже и думать о чемъ-нибудь веселомъ. Еще разъ поздравляю тебя съ профессорствомъ. „4-е апрѣля“ ты теперь долженъ поставить для себя эрой. Я не думаю, чтобы опредѣленіе въ должность влекло за собою издержки, какъ полученіе новаго чина.

Вопросъ твой, не должно ли тебѣ самому начать лекціи,—только ты и рѣшить можешь, да и рѣшить, сочинивъ инструкцію. Развѣ, пока не отобрать ли тебѣ изъ всѣхъ курсовъ знатоковъ русскаго языка, да и не начать ли съ ними исторію Россіи? Прочіе, будучи подстрекаемы интересомъ твоихъ лекцій и стипендіями, будутъ проворнѣе готовиться, чтобы попасть отъ Соловьева къ тебѣ. По моему плану исторія русской литературы должна входить въ видѣ пополненія въ каждый періодъ политической нашей исторіи. Можно славно сжать то и другое. Развернуться только на сношеніяхъ нашихъ съ сѣверо-западомъ. Видно, что Урсину хочется проворнѣе тебя запрячь. Но ты не поддавайся. И администрація твоя надъ Соловьевымъ и Акіандеромъ не шутка. Тутъ надо много сообразить и устроить все на славу. Тебѣ достался случай блеснуть остроуміемъ и глубокомысліемъ. О моемъ проэктѣ, заготовленномъ для Ребиндера еще лѣтомъ, я уже давно сказалъ Путятѣ, чтобы онъ переслалъ тебѣ его въ копіи. Нечего дожидаться тебѣ опредѣленія въ экзаменаторы. Еще когда это будетъ! Шернваль тогда сказывалъ мнѣ, что объ этомъ рѣшили уже, однако исполненія нѣтъ и по сію пору.

За русскую библіотеку примись обѣими руками. Иначе нельзя и покупать новаго, пока не узнаешь, что̀ есть стараго. Деньги же данныя и ежегодно отпускаемыя на книги, старайся распредѣлять такъ, чтобы ты всегда былъ въ возможности пріобрѣсти для университета самыя важныя пособія. Маленькія книжки пѣсенъ Сахарова (думаю) вошли или войдутъ въ это компактное его изданіе; не оттого ли онъ и назвалъ его *третьимъ?* Я совѣтую тебѣ не только подарить экземпляръ Фритіофа Александру Армфельту, но и просить его поднести другой Наслѣднику. Для того переплети въ сафьянъ два экземпляра да и пошли ихъ къ Армфельту. Еще подари Путятѣ и Шернвалю. Даже графинѣ Пушкиной нужно. Все это люди съ претензіями на литературу и съ нѣкоторымъ вліяніемъ на мнѣніе,—особенно касательно Гельсингфорса. Тегнеру—какъ хочешь. Францѐну тоже.

Случай поблагопріятствовалъ мнѣ исполнить одно изъ твоихъ порученій. 15 апрѣля (вторникъ) я выбралъ днемъ для поднесенія дипломовъ тремъ почетнымъ членамъ нашего университета: Наслѣднику, В. К. Михаилу Павловичу и Принцу Ольденбургскому. Это было около 10 часовъ. Государь, В. К. Михаилъ Павловичъ и Принцъ Ольденбургскій поѣхали на похороны Шишкова (наконецъ, разстался съ Академіей Россійской). Итакъ я не засталъ двоихъ послѣднихъ. Наслѣдника на похороны не пустили, потому что завтра его свадьба. Я нашелъ его одного. Это важно и рѣдко. Поблагодарилъ его за тебя. Онъ разсказалъ, какъ хлопоталъ онъ, чтобы тебѣ засѣдать въ консисторіи. Потомъ поговорили о Маріи. Онъ ее называетъ миленькою и доброю. Наконецъ, я рѣшился говорить о Г—гѣ. Онъ не помнитъ, чтобы докладывали о немъ. Я просилъ не забыть это имя и—

сколько можно было — передалъ ему нѣкоторыя обстоятельства изъ его жизни. Не знаю, подѣйствуетъ ли на него мое краснорѣчіе. Я боюсь разсѣянности во время свадьбы и поѣздки въ Москву (сейчасъ послѣ свадьбы).

NB. Въ это-то время Паткуль пустится къ вамъ, къ своей Марьѣ Александровнѣ. Прощаясь съ Наслѣдникомъ я еще повторилъ: „не забудьте только имени Г—га, а за сердце ваше я спокоенъ". Твои ученицы хоть и съ большою ревностью принялись за уроки, но, кажется, скоро разрознятся.

Журналъ. Суббота (12 апрѣля). Поутру написалъ къ Жуковскому о томъ, что вечеромъ будетъ у меня Левшинъ, и звалъ его ко мнѣ чай пить. Обѣщалъ. Между тѣмъ извѣщаетъ, что собирается въ Россійскую Академію по случаю кончины Шишкова, надѣясь со мною тамъ видѣться, въ увѣренности, что и я членъ ихъ Академіи. Въ половинѣ 9-го прибыли Кодинецъ и Левшинъ. Жуковскій явился только въ 9. Онъ былъ въ духѣ. Много болтали о чужихъ краяхъ, гдѣ видались Жуковскій и Левшинъ. Послѣ чаю Жуковскій отправился къ Карамзинымъ на проводы Лермонтова, который снова ѣдетъ на Кавказъ по миновеніи срока отпуска своего. Левшинъ также собрался домой, полагая, что жена его затащитъ къ себѣ гостей изъ театра. Мы остались съ Кодинцомъ. Я его очень люблю. Онъ человѣкъ безъ претензій, но интересный и надежный. Сегодня приходили ко мнѣ отъ молодого Соллогуба звать къ нему завтра обѣдать. Я согласился.

Воскресенье (13 апрѣля). Утромъ между прочими посѣтителями былъ у меня и переводчикъ Пушкина, который, по моему указанію, хочетъ искать мѣсто библіотекаря въ нашемъ университетѣ. Такихъ искателей набралось уже человѣкъ десять. Не знаю, какъ мы и перебаллотируемъ ихъ въ совѣтѣ. По обѣщанію отправился я къ Сологубу. Чужихъ тамъ никого не было, кромѣ меня. Изъ родныхъ обѣдали: мужъ и жена Васильчиковы, отецъ Сологуба и сестра Софьи Михайловны, Аполлинарія. Принесли билетъ отъ жены Шишкова съ приглашеніемъ на похороны. Говорятъ, что покойникъ приказалъ не хоронить себя прежде истеченія шести дней. Странная предосторожность въ 90 или чуть ли не въ 100 лѣтъ.

Вторникъ (15 апрѣля). Я велѣлъ разбудить себя въ 6 часовъ. Выбрившись, дожидался экзекутора съ дипломами. Онъ ихъ привезъ въ $9^3/_4$ часа. Нельзя уже было начать съ Наслѣдника. Но, какъ я сказалъ выше, не засталъ дома и другихъ; а напротивъ тотъ, кого не чаялъ найти, и былъ дома. Я наряженъ былъ въ мундиръ. Въ этомъ нарядѣ отъ Наслѣдника я отправился къ Великой Княжнѣ Ольгѣ Николаевнѣ.

Съ нею все читаемъ еще Хомякова *Самозванца*. Стихи очень хороши, но не у мѣста и не къ лицу. Кончивъ чтеніе, еще имѣлъ удовольствіе видѣть тутъ же Наслѣдника съ невѣстою.

60.

(Гротъ — Плетневу) *Гфорсъ, среда, 15 апрѣля 1841.*

Ты Лауреля описалъ вѣрно; это онъ, только что у него черные волосы. Отказъ Эману послѣдовалъ, можетъ быть, по причинѣ нѣкоторыхъ смѣлыхъ и можетъ быть дурно выраженныхъ условій его поѣздки; такъ думаютъ иные.

A propos de переводчикъ Пушкина. Рунебергъ писалъ мнѣ на-дняхъ и прислалъ переводъ пьесы: *Воронъ къ ворону летитъ* съ нѣмецкаго; отъ русскаго довольно далеко, но идетъ. Онъ прислалъ (такъ же, какъ и Эманъ) статью для книги — о Шекспировомъ Макбетѣ; вещь замѣчательная по глубинѣ мыслей и ясности сжатаго изложенія. Онъ посылаетъ тебѣ „тысячу поклоновъ" и зоветъ къ намъ на лѣто. Сбирается послать тебѣ экземпляръ „Надежды". Онъ просилъ петербургскаго графа Армфельта о мѣрахъ къ предупрежденію перепечатанія его трудовъ въ Швеціи. Здѣсь пишутъ для него просьбу, которая будетъ подписана нашими литераторами. Это велѣлъ сдѣлать графъ Армфельтъ Рунебергу для дѣйствованія послѣ черезъ Министерство иностранныхъ дѣлъ. Рунебергъ обратился къ Нордстрему для составленія этой просьбы. Не знаю, ясно ли я выразился; да такъ мало времени, что долженъ спѣшить. Что твоя проклятая болѣзнь? Будешь ли ты сюда лѣтомъ? Пора подумать объ этомъ. Я бы тебѣ заблаговременно и въ нашемъ сосѣдствѣ отыскалъ квартиру. Каковы стихи Ремерса?

Журналъ. Въ *воскресенье* утромъ былъ я у профессоровъ, начавъ съ Шультена; еще былъ у Тенгстрема, Лауреля, Гельстрема, Линсена и пр. Почти всѣми былъ принятъ довольно холодно и какъ-будто съ нѣкоторою недовѣрчивостью, кромѣ, однакоже, прежнихъ знакомыхъ Тенгстрема, Лауреля — или лучше: почти всѣми былъ принятъ хорошо, кромѣ двухъ, показавшихъ болѣе холодности. Сильны старые предразсудки: они вообразили, что правительство хочетъ вдругъ насильно навязать имъ русскій языкъ. Я всѣмъ повторялъ, что̀ я чувствую, какъ стою ниже ихъ въ опытности, знаніяхъ, способностяхъ и пр., но надѣюсь усердіемъ къ общей пользѣ вознаградить эти недостатки и прошу совѣтовъ. Всѣ эти разговоры, какъ само собою разумѣется, навели меня на нѣсколько идей по моему предмету. Послѣ обѣда былъ я у профессора Гейтлина и 1½ часа игралъ съ нимъ *одну* игру въ шахматы, которую, наконецъ, проигралъ. Вечеръ провелъ у Траверсе. Поздравилъ ихъ, и послѣ почти все время толковалъ съ Marie. Никого чужого кромѣ насъ не было. Marie, между прочимъ (уже не въ 1-й разъ) изъявила сожалѣніе, что рѣдко видѣла тебя въ Петербургѣ.

Въ *понедѣльникъ* опять былъ у нѣкоторыхъ профессоровъ; многихъ

не засталъ дома. Вчера, во *вторникъ*, я много плакалъ. Поутру встрѣтилъ я одного изъ профессоровъ, моего пріятеля и *брата* Лилле [1]), очень хорошаго человѣка. Онъ повторилъ мнѣ, что я нахожусь въ весьма затруднительномъ положеніи по обязанности засѣдать въ консисторіи и факультетѣ, что это — необыкновенное и оскорбительное нарушеніе ихъ формъ, и что, наконецъ, на меня смотрятъ съ неудовольствіемъ и даже съ подозрѣніемъ. Онъ прибавилъ, что мнѣ по незнанію здѣшняго дѣлопроизводства и законовъ чрезвычайно трудно будетъ участвовать въ разсужденіяхъ консисторіи. Я пошелъ къ Цигнеусу и тутъ, не смотря на присутствіе его брата, не могъ совладать съ собой и далъ волю слезамъ, едва удержаннымъ на улицѣ. Добрый Цигнеусъ утѣшалъ меня, какъ могъ; но слово *подозрѣніе* жгло мою внутренность. Отъ него я пошелъ, чтобы посовѣтоваться къ Тенгстрему — не засталъ его; потомъ къ Рейну; тутъ опять плакалъ долго; онъ подтвердилъ слова Лилле, но самъ отдавалъ мнѣ справедливость и совѣтовалъ требовать въ консисторіи назначенія комитета для сочиненія инструкціи. Я успокоился. Послѣ обѣда въ 4 часа пошелъ къ Тенгстрему; и онъ изъявилъ ко мнѣ много довѣренности. Вечеръ провелъ я съ моими ученицами: Матильды, отозванной куда-то, опять не было; въ обществѣ красоты и непорочности я, хотя съ грустными мыслями и языкомъ несловоохотнымъ, пріятно провелъ часа три. Сколько я въ этотъ день передумалъ и перечувствовалъ! Еще до свиданія съ Тенгстремомъ я уже собственно не имѣлъ болѣе надобности въ утѣшеніи. Бывъ у Цигнеуса, я Богъ знаетъ на что рѣшался, и чего хотѣлъ требовать; но когда первое волненіе отъ неожиданнаго опыта прошло, я увидѣлъ свое малодушіе, мнѣ стало стыдно самого себя, и печаль превратилась въ гордое презрѣніе. Между тѣмъ Теслевъ письменно просилъ меня написать что-нибудь, по случаю сегодняшняго празднества, для бала, который онъ дастъ завтра. Вотъ, что я сочинилъ, бѣгая изъ дому и домой. Сообщаю это только для куріоза:

Намъ Александра и Маріи
Давно священны имена;
Союзъ ихъ памятенъ Россіи,
Благословляетъ ихъ она:
Ахъ, звукъ ихъ сердцу знаменуетъ
И миръ, и благость, и любовь!
Пускай же нынѣ Русь ликуетъ:
Ихъ сочетало небо вновь
Предъ свѣтлымъ трономъ Николая,

[1]) Лилле (Bengt Lille), доцентъ богословія и съ 1840 проф. церковной исторіи въ Александровскомъ университетѣ, ум. 1875 г.

Какъ будто въ сладкій намъ залогъ,
Что охранять родного края
Ввѣкъ не устанутъ Царь и Богъ!

И вы пируйте съ нами, финны!
Васъ любятъ русскіе Цари,
Храня обычай вашъ старинный
И вашихъ предковъ алтари.
Помолимся о Царскомъ Сынѣ,
Покровѣ древнихъ вашихъ Музъ,
И о младой Его Княгинѣ, —
Да процвѣтетъ святой союзъ!
Мужай, мужай, Петра потомокъ,
И дѣтямъ нашимъ возсіяй
Равно могущъ и славой громокъ
И мудръ, и благъ, какъ Николай!

Четвергъ.

Вчера поутру былъ у Акіандера. Все плохъ, но самъ не сомнѣвается въ скоромъ выздоровленіи. Доктора думаютъ, что у него ракъ въ животѣ и исцѣленія нѣтъ.

Послѣ обѣда былъ я у ректора и просилъ у него совѣта (разсказавъ, какіе слухи дошли до меня). Онъ, какъ всегда, былъ очень милъ и ласковъ, и сказалъ, что виною всего необыкновенность хода этого дѣла, но что послѣ первыхъ впечатлѣній все забудется, и дѣло пойдетъ на ладъ; что въ консисторіи и факультетѣ я *долженъ* засѣдать, но отъ переходящихъ должностей могу отказываться; что на философскомъ экзаменѣ мнѣ можно будетъ экзаменовать по-шведски, хотя всѣ экзаменуютъ по-латынѣ, что впрочемъ и къ послѣднему легко было бы привыкнуть; что право мѣста и голоса въ консисторіи и факультетѣ нужно для сравненія русской литературы и исторіи съ другими предметами въ глазахъ и преподавателей и студентовъ; что въ инструкціи преподаватель русскаго языка долженъ будетъ единственно ограничиться опредѣленіемъ обязанностей экстраординарнаго профессора и лектора; что мнѣ, дабы не унизить своей каѳедры, должно будетъ читать только литературу и исторію, разумѣется, по-шведски, почему и при экзаменѣ философическомъ можетъ быть рѣчь только объ этихъ предметахъ, а не объ языкѣ русскомъ; что вообще всѣ правила, до преподаванія его относящіяся, остаются неизмѣнными, и что на ученіе русскаго языка должно быть обращено сперва преимущественное вниманіе въ школахъ,—тогда онъ при университетѣ пойдетъ хорошо, а съ университета начинать неудобно (т. е. налегать слишкомъ).

Я съ своей стороны замѣтилъ, что, если долженъ буду читать по-шведски, то еще не могу начать съ будущаго курса; онъ отвѣчалъ, что отъ меня зависитъ испросить на то разрѣшенія канцлера. Ты помнишь, что сказанное ректоромъ при первомъ моемъ свиданіи съ нимъ было не совсѣмъ согласно съ этимъ, и вотъ откуда произошло общее недоразумѣніе объ инструкціи и усиленіи ученія собственно языка третьимъ преподавателемъ; виноваты слова постановленія, гдѣ я названъ и профессоромъ русскаго *языка*. Съ будущей недѣли я принужденъ буду опять писать тебѣ не болѣе одного письма въ недѣлю, потому что у меня такъ мало остается времени на работу по финляндскому альманаху. Фритіофъ завтра будетъ совсѣмъ отпечатанъ и отдастся въ брошюровку.

61.

(Плетневъ — Гроту) ***Спб., пятн., 18 апрѣля 1841.***

Отвѣтъ на письмо отъ 12 апрѣля. Нашъ университетскій актъ весь печатается и я тебѣ его пришлю. Изумленіе профессоровъ вашихъ я ожидалъ. Однакожъ, они напрасно въ этомъ видятъ начало паденія ихъ учености. Напротивъ, къ ихъ многосторонности прибавится еще отрасль юная, но прекрасная — исторія политическая и литературная замѣчательнѣйшей нынѣ націи въ мірѣ. Я вижу, что они поступали въ отношеніи къ намъ не столь добросовѣстно, какъ мы съ тобой привыкли ожидать отъ нихъ. Какъ можно, принадлежа Россіи, пренебрегать ея исторіею. Это простительно въ Упсалѣ, а не въ Гельсингфорсѣ. Деликатность вещь прекрасная; но теперь она должна пойти въ сторону, когда мы вступаемся за истину, кумиръ всѣхъ націй.

Я не совѣтую тебѣ оставлять ихъ возраженія безъ отвѣта, когда убѣжденъ ты, что они говорятъ только по чувству оскорбленнаго самолюбія, а не по убѣжденію въ истинѣ. Разумѣется, сохрани тонъ умѣренности и вниманія; но мысль должна быть не угодливость, а правда, изъ-за которой ты нѣкогда спаривалъ и со мной почти до брани. Уже-ли же ты теперь, чувствуя себя правымъ, станешь принимать видъ жертвы политическихъ разсчетовъ? Это не только будетъ противно политикѣ, но и справедливости. Прекрасно ты дѣлаешь, что записываешь всѣ мысли, которыя приходятъ въ голову касательно русскаго языка. Ты, конечно, ничего не добьешься отъ Соловьева. Ему надобно отдѣлить положительную часть, да и требовать, чтобы онъ ее приводилъ непремѣнно въ исполненіе. Совѣтоваться съ нимъ не о чемъ. Другое дѣло съ Акіандеромъ. Онъ, во-1-хъ, финляндецъ, слѣдовательно, чувствуетъ лучше способы распространенія нашего языка; во 2-хъ, мыслящій человѣкъ, слѣдовательно способенъ вмѣстѣ додумываться до лучшихъ средствъ въ распредѣленіи вашихъ занятій.

Прислалъ ли Путята мою записку? Повторяю: по ней нельзя располо-

жить занятій, но она можетъ навести на другія идеи. Я не согласенъ съ Акіандеромъ, чтобы начать тебѣ по-шведски исторію литературы. Начни пожалуй и по-шведски, но исторію политической Россіи, да и вставляй въ періоды послѣ событій обзоръ литературныхъ памятниковъ. Разсказывай содержаніе особенно тѣхъ, кои повѣствуютъ о происшествіяхъ или людяхъ того времени. Вотъ тутъ-то книга Сахарова и полезна тебѣ. Приводи въ переводѣ цѣлыя главы или отрывки интереснѣйшихъ мѣстъ. Тогда сами студенты со всѣхъ факультетовъ будутъ прибѣгать слушать твои новости. Ты можешь подорвать цѣну старыхъ профессоровъ, которыхъ уважаютъ на-слово, по преданію. Ты молодъ, живъ, съ новыми фактами. Будь только всегда съ запасомъ интересной вещи, хоть на 1/4 часа заготовь любопытненькое. Во время преподаванія на шведскомъ, мѣшай русскія фразы, сравнивай языки, указывай на преимущества нашего и проч. и проч. Дѣйствуй, какъ умный, тонкій и дальновидный политикъ. Вѣдь мы, стремясь выучить финляндцевъ по-русски, не гнетемъ ихъ, не дурачимъ, а добавляемъ интересъ ихъ. Въ самомъ дѣлѣ ужели мы и не стоимъ ихъ изученія?

Составленіе практическихъ учебныхъ книгъ вещь медленная. Она можетъ идти своимъ чередомъ. А для теперешней нужды пока нельзя ли тебѣ выписать отсюда всѣ подобныя книги, начиная съ опыта Шлейснера[1]) до Гуро[2]) и Эртеля[3])? Это все издано для нѣмцевъ и французовъ. Слѣдственно, въ однѣхъ книгахъ текстъ по-русски, а указанія и словарики по-нѣмецки и французски. Въ другихъ наоборотъ. Студенты пока и этими пособіями могутъ пользоваться, а между тѣмъ ты съ помощію Акіандера, Цигнеуса, Эмана и др. порядочныхъ людей, будешь составлять лучшія пособія со шведскимъ языкомъ. Что тебѣ заботиться о новомъ параграфѣ въ уставѣ университета? Ты дѣлай, что велятъ и что находишь полезнымъ, а дополненіе устава придетъ само въ свое время.

Вѣрно, и тебя это поразило, что Рейнъ считался между прочимъ и профессоромъ русской исторіи, а самъ не преподавалъ ея. Вотъ чего я имъ не прощаю; это простительно въ Европѣ, которая не имѣетъ обязанности знать насъ, а не въ Финляндіи, которая при случаѣ раболѣпствуетъ предъ нашимъ правительствомъ. Тутъ есть что-то (къ ужасу моему!) безнравственное. Смѣшно толковать, что они утратятъ древнюю ученость отъ русскаго языка. Это не ружье, не барабанъ, а такой же предметъ изученія, какъ и языки финскіе, за которыми они же сами просятся въ Сибирь. Какъ люди полны противо-

[1]) Авторъ руководствъ по языкамъ.

[2]) Степанъ Андреевичъ, извѣстный педагогъ, авторъ учебниковъ новыхъ языковъ.

[3]) Авторъ нѣмецкой грамматики, библіотекарь Императорской Публичной библіотеки.

*

рѣчій! Студентамъ, готовящимся въ ученое званіе, совсѣмъ не лишнее знать русскій языкъ. „У нихъ на экзаменѣ 11 предметовъ". Да вѣдь учатся они въ продолженіи 4-хъ лѣтъ и въ разныхъ курсахъ. У насъ иногда экзаменуются и изъ 13 предметовъ. Это ничего не значитъ. А ученому финляндцу, который говоритъ по-латынѣ, стыдно будетъ не выучиться по-русски, когда Гротъ профессоръ. Ты, пожалуйста, всѣ положенія Рейновъ, Нордстремовъ и др. не принимай слѣпо, а обсуживай безпристрастно. Не надо съ ними жить à la Соловьевъ, но не умно будетъ и слушать ихъ à la poisson, безгласно и покорно. Помни, что тебѣ должность посылаетъ Богъ, отечество и здравый смыслъ: всѣхъ удовлетвори. Ежели и самъ ты замѣтилъ, что внѣ университета всѣ радуются твоему назначенію, а въ университетѣ начинаютъ только исчислять неудобства и затрудненія, то не ясно ли, что отъ тебя требуется теперь сила характера, умъ и высокое уваженіе къ долгу?

Журналъ. Среда (16 апрѣля). Сегодня свадьба Наслѣдника. Я остаюсь дома. *Четвергъ (17 апрѣля).* Сегодня день рожденія Наслѣдника. Во дворцѣ выходъ. Я опять дома. Послѣ обѣда поѣхалъ къ Оли и выманилъ ихъ кататься на острова. Вообрази, что уже прелестно можно было гулять по Елагину.

Пятница (18 апрѣля). День для поздравленія Молодыхъ. Я не утерпѣлъ — поѣхалъ во дворецъ. Мой экипажъ былъ у Оли, и я упросилъ заѣхать за мной Жуковскаго. Онъ — тайный совѣтникъ, получилъ пособія 10 тыс. сер., табакерку съ вензелемъ Государя, всѣ свои оклады (28 тыс. асс.), службу при Наслѣдникѣ и жить, гдѣ хочетъ. Во дворцѣ я долго говорилъ съ А. Армфельтомъ. Онъ разсказалъ мнѣ, какъ Наслѣдникъ ему доказывалъ, что ты долженъ засѣдать въ консисторіи и имѣть право на ректора и декана. Армфельтъ представляетъ, что ты, вѣрно, не свободно владѣешь латинскимъ языкомъ, а Наслѣдникъ говорилъ, что неправда, ибо ты учился въ лицеѣ, гдѣ многіе хорошо знаютъ по-латынѣ. Я разсказалъ Армфельту о томъ, что я просилъ Наслѣдника о Грипенбергѣ, чему графъ обрадовался и обѣщалъ при удобномъ случаѣ напомнить Наслѣднику о моей просьбѣ. Съ Шернвалемъ я тоже объ этомъ говорилъ. Пакеты, на имя Наслѣдника адресуемые, распечатываетъ Олсуфьевъ [1]), при немъ гофмейстеръ, котораго я совсѣмъ не знаю. Потому-то я и просилъ всѣхъ, кто найдетъ случай, напомнить Наслѣднику.

62.

(Гротъ — Плетневу) ***Гфорсъ, пятн., 18 апрѣля 1841.***

Журналъ. Вчера въ 12-мъ часу пошелъ я къ Теслеву. Наканунѣ (о чемъ я забылъ писать) я поутру отнесъ ему мои стихи, но не за-

[1]) Василій Дмитріевичъ, гофмаршалъ, впослѣдствіи графъ, ум. 1858 г.

сталъ его, и онъ послѣ обѣда самъ пріѣхалъ благодарить меня и даже позвалъ на свой балъ маменьку и сестру, которыя никогда у нихъ не бывали. Все это черезъ служанку, меня не было дома. Университетскіе являлись къ нему вчера уже въ 10 часовъ, но я, какъ еще не введенный въ консисторію и безмундирный, не былъ и повѣщенъ о томъ. Отъ Теслева пошелъ къ Гартманамъ. Старшій братъ (тайный совѣтникъ) уѣзжалъ со двора и изъявилъ сожалѣніе, что не можетъ остаться, хотя особенно желалъ бы поговорить со мной. Съ младшимъ я долго бесѣдовалъ. Онъ сказалъ мнѣ, что былъ у тебя цѣлыхъ три раза; но два изъ нихъ словесно объяснялся съ Григоріемъ (ужъ я зато и разсыпался въ твою защиту). Наконецъ, онъ спросилъ меня, люблю ли я медиковъ, и на отвѣтъ, что по крайней мѣрѣ очень ихъ уважаю, попросилъ къ себѣ обѣдать съ медиками, объявивъ, что никого, кромѣ нихъ, не будетъ, даже дочерей. Въ 2 часа я ихъ нашелъ 7 человѣкъ, и одинъ былъ профаномъ. За столомъ много толковали о случаяхъ самоубійства; я сидѣлъ возлѣ хозяина направо. Послѣ обѣда курили.

Послѣ чаю поспѣлъ я къ 9-ти часамъ на балъ къ Теслеву. Городъ былъ иллюминованъ, у всѣхъ оконъ по двѣ свѣчки. У Теслева уже плясали польскій, зала полна людей; на одной стѣнѣ нарисованъ вензель *А. М.* подъ короной, а пониже висѣли два маленькіе портрета Ихъ Высочествъ. Послѣ первыхъ танцевъ Теслевъ сталъ раздавать печатные экземпляры шведскихъ стиховъ Лилле. Потомъ и мои стихи явились въ печатныхъ экземплярахъ. Послѣ мазурки стали разносить бутерброты и шампанское. Самъ Теслевъ сталъ среди комнаты у стола и началъ провозглашать тосты, сопровождая каждый *маленькою рѣчью*. Наконецъ, пѣли шведскіе стихи, написанные на мелодію Боже Царя храни. Генералъ думалъ потомъ, что и мои можно спѣть подъ ту же музыку и уже всѣхъ пригласилъ начинать, но ему доложили, что это не пойдетъ; тогда онъ изъявилъ желаніе, чтобы ихъ продекламировали; я совѣтовалъ обратиться къ Соловьеву. Тотъ и прочелъ. Вслѣдъ за нимъ подошла Розина съ шампанскимъ и сказала, что пока читали мои стихи, она пила мое здоровье. Вотъ какія у насъ добрыя красавицы! У меня было въ рукахъ шампанское, и я отвѣчалъ. Отъ множества людей жара была нестерпимая; между прочимъ, были всѣ профессоры и адъюнкты въ мундирахъ; изъ нихъ никто не танцуетъ. Съ немногими изъ нихъ я переговорилъ нѣсколько словъ; они все время стояли на противоположномъ краю комнаты, какъ бы отдѣленные отъ общества. Шультенъ, такъ-же какъ и жена его, дѣлаютъ исключеніе, — они очень порядочные люди, также и Лаурели. Я возвратился домой въ $2^1/_2$ часа.

Суббота.

Но еще долго не спалъ... Вчера, въ пятницу вечеромъ, были у меня Кастренъ, Лаурель, Тенгстремъ и Рейнъ. Я снялъ ихъ силуэты. Они всѣ были очень милы, и мы разговаривали пріятно, попивая пуншъ. Кастренъ принесъ мнѣ шведскій переводъ (хореическими стихами 4-хстопными) пѣсенъ Кирши Данилова, сдѣланный съ нѣмецкаго въ Стокгольмѣ. Сегодня поутру получилъ я на улицѣ письма отъ тебя и отъ брата.

Знай же, что Фритіофъ, еще до отсылки въ Петербургъ манускрипта, былъ посвященъ *тебѣ* и еще со стихами; но я и это счелъ излишнимъ; вообще, я дошелъ до твоей мысли, что въ посвященіи, собственно, нѣтъ никакого смысла. Въ 12 часовъ пошелъ я по зову къ Кронсу на завтракъ. Тамъ были всѣ профессора и другія лица. Я сидѣлъ между Цигнеусомъ и Нервандеромъ. Съ Цигнеусомъ пилъ я шампанскимъ братство съ тобой. Это еще лучше Ларозу. Нервандеръ былъ очень милъ (еще до обѣда) и разспрашивалъ о тебѣ; онъ получилъ 250 руб. сер. прибавочныхъ. Всѣ профессора были сегодня очень милы до меня; если я не ошибаюсь, они начинаютъ мириться съ обидою, какая въ моемъ лицѣ нанесена имъ.

Поутру былъ у меня старый и столько мною уважаемый Гельстремъ, но меня не было дома; всѣ мало-по-малу отплачиваютъ свои визиты. Кронсъ сдѣлалъ маленькую глупость. Провозгласивъ первый тостъ за Царя, онъ прибавилъ, что Имъ недавно оказана новая милость университету назначеніемъ новаго профессора и просилъ пить мое здоровье, что̀ и было всѣми сдѣлано. Ты можешь вообразить мое положеніе, но, повторяю, со мною всѣ обходились какъ нельзя лучше. Завтракъ былъ по случаю 1-го мая. Это здѣсь начало года для пасторовъ; кто умретъ въ этотъ день, того наслѣдники или кредиторы имѣютъ право на все его годовое жалованье. Вечеромъ сегодня обѣщалъ я быть у Траверсе для англійскаго языка.

Отвѣтъ. Ты воображаешь, что въ университетѣ здѣшнемъ есть студенты, способные слушать русскія лекціи. Далеко до этого! Мысль твоя о соединеніи исторіи политической съ литературною хороша; думаю, что воспользуюсь ею. Говорятъ, что Акіандеръ начинаетъ поправляться; дай Богъ! Относительно Фритіофа поступлю — какъ совѣтуешь. Ты боишься за мои уроки англійскаго, а я еще сегодня отправляюсь для этого къ Траверсе. — Кто Левшинъ?

Посылаю два печатныхъ экземпляра стиховъ моихъ: одинъ тебѣ, другой Александрѣ Осиповнѣ. Цигнеусъ кланяется; онъ очень доволенъ переводомъ твоей статьи Лундалемъ. Пришли же стихи Языкова: „Пѣснь Регнера“. Я раздумываю: посвящать ли финляндскій альманахъ Наслѣднику? Пожалуй, новые мои товарищи припишутъ это искательству, а я такъ далекъ отъ него!

63.

(Плетневъ — Гроту) ***Спб., понед., 21 апрѣля 1841.***

Отвѣтъ на письмо отъ 15 апрѣля. Я очень радъ получить отъ Рунеберга экземпляръ „Надежды". Заранѣе благодарю его. Мнѣ молодой Грипенбергъ будетъ словесно переводить, когда случится у меня, чѣмъ ему даромъ сидѣть. Мнѣ кажется, прекращеніе контрафакціи въ Стокгольмѣ не трудная вещь, и, конечно, Министерство иностранныхъ дѣлъ это легко устроитъ. О пріѣздѣ моемъ къ тебѣ нельзя ничего сказать вѣрнаго. Квартиры нанимать пока не нужно для меня. Если пріѣду, могу на первый разъ остановиться въ знаменитой *харчевнѣ*. Послѣ, буде останусь, найдемъ; а вѣрнѣе, что я поѣду съ тобою далѣе, къ Або, въ Оминне напр., и глазѣть на другія мѣста Финляндіи. Маленькаго Ремерса и самого не видалъ съ тѣхъ поръ, не только стиховъ его не читалъ. Не могу понять, что за охота Жуковскому возиться съ самородными поэтами. Впрочемъ, онъ на мнѣ выѣзжаетъ, когда дѣло завяжется серіозно.

Странный тонъ, принятый съ тобою нѣкоторыми профессорами, разочаровываетъ меня насчетъ самой Финляндіи. Пожалуйста, объяви имъ шутя отъ меня, что если они тебя и меня подозрѣваютъ въ неблагородныхъ намѣреніяхъ относительно ихъ края, то тѣмъ могутъ они поднять въ нашемъ мнѣніи Соловьева. Мы теперь въ правѣ думать, что Соловьевъ ими доведенъ былъ до такого тона, который, конечно, сперва намъ былъ противенъ, но можетъ теперь показаться необходимымъ, если все такъ они будутъ смотрѣть на людей, любящихъ ихъ и думающихъ только о процвѣтаніи ихъ края. *Навязать имъ русскій языкъ!* Что за бѣда? Не имъ старикамъ, а студентамъ это нужно, которые добровольно уѣзжали же въ Москву за этимъ языкомъ. Разскажи мнѣ, какъ Чепурновъ философствуетъ насчетъ профессорства твоего. Твой пріятель и *братъ* Лилле наговорилъ тебѣ вздору и смѣшалъ вещи разнородныя. Онъ считаетъ оскорбленіемъ и нарушеніемъ ихъ формъ, что ты будешь засѣдать въ консисторіи и факультетѣ. Но это не отъ тебя произошло, а отъ воли правительства. Слѣдовательно ни имъ всѣмъ, ни тебѣ тутъ умничать нечего. Но въ чемъ *подозрѣніе?* Въ проискѣ или въ другомъ чемъ? Ты можешь все уничтожить искреннимъ разсказомъ, какъ Ребиндеръ упросилъ меня написать мнѣніе объ усиленіи успѣховъ русскаго языка и что нынѣшнее назначеніе есть слѣдствіе желанія Ребиндера и, можетъ быть, моей къ нему бумаги. Наконецъ, законодательство края для члена консисторіи и факультета совсѣмъ не нужно, ибо ректоръ, секретарь и синдикъ въ отвѣтѣ за все, а члены подаютъ голоса и вступаются за свой предметъ. Я удивляюсь, какъ Цигнеусъ не растолкуетъ тебѣ, что все это броженіе умовъ есть обыкновенное толмачество безсилія и празднословія.

Видно, что ты еще не засѣдалъ въ совѣтахъ, конференціяхъ и консисторіяхъ, что не знаешь, до какой степени члены ихъ ничтожны въ своихъ толкахъ. Можешь еще совѣтоваться съ ректоромъ, а на прочихъ или плюнь, или лучше расхохочись. Вотъ каковы друзья! Годъ восхищались въ тебѣ всѣмъ, а теперь нахмурились. Да что же въ самомъ дѣлѣ: развѣ и вправду ты второй Соловьевъ имъ достался? Держись, милый, строго моихъ совѣтовъ: дѣйствуй для блага наукъ и людей, а на глупыя сплетни не гляди. Браниться ни съ кѣмъ не хорошо. А можно молчать, учтивствовать и дѣйствовать по своему. Хорошо, что ты уже отплакалъ. Теперь ты начнешь дѣйствовать. Помнишь, какъ ты плакалъ и передъ переѣздомъ въ Гельсингфорсъ? Но послѣ ты дѣйствовалъ спокойно и умно. Пожалуйста, безъ нужды перестань ходить къ профессорамъ, какъ я это дѣлаю. Ужъ право у Теслева пріятнѣе будетъ просидѣть вечеръ, нежели у этого холоднаго Р—а, который не умѣетъ тебя оцѣнить. Какая глупость—комитетъ для инструкціи! Тутъ частное дѣло о размѣщеніи занятій между тобою, Соловьевымъ и Акіандеромъ; какое дѣло другимъ? и что они въ этомъ знаютъ? Какъ отрадно видѣть въ душѣ твоей переходъ отъ малодушія къ сознанію собственнаго достоинства! Будь всегда таковъ, мой другъ! Не сердись, но уважай всякое благо, а оно — предметъ и цѣль нашихъ съ тобою плановъ. Что послѣ этого требованіе глупыхъ формъ, или голосъ оскорбленнаго самолюбія эгоистовъ и стариковъ?

„Будь твердъ—а *здѣсь* тебѣ не измѣнятъ...
О, милый! *здѣсь* не будетъ безотвѣтно
Ничто, ничто: ни мысль, ни вздохъ, ни взглядъ!“ [1])

То, что ты написалъ для Теслева, очень мило. Если бы это было здѣсь, Сѣверная Пчела напечатала бы это, облизавъ ручки. Видѣлъ ты въ Пчелѣ стихи Мятлева въ похвалу Львову-скрипачу? Мнѣніе докторовъ объ Акіандерѣ—вѣроятно вздоръ, если самъ онъ предчувствуетъ близость выздоровленія своего. Вѣдь одни чахоточные не предчувствуютъ своей смерти, а въ прочихъ болѣзняхъ она чувствительнѣе. Въ совѣтахъ ректора есть много дѣльнаго, а иное несправедливо. Слухи и впечатлѣнія теперешнія точно забудутся. Засѣдать ты обязанъ по предписанію и званію, а отъ должностей отказываться можешь не по совѣту ректора, а по тому же указу, коимъ назначенъ въ профессоры. Экзаменовать не по-латынѣ можешь потому, что бывали сего примѣры и въ Або, и въ Упсалѣ (какъ доказалъ здѣшній Шультенъ графу Армфельту). Названіе, данное тебѣ—профессора русскаго языка, исторіи Россіи и ея литературы,—показываетъ только, что каѳедра всѣхъ этихъ предметовъ предоставлена лично тебѣ, а ты можешь по произволу отдѣлять отъ себя нѣкоторыя части Соловьеву и

[1]) Изъ стихотворенія Жуковскаго „Голосъ съ того свѣта“ (изъ Шиллера).

Акіандеру, какъ рѣшительно подчиненнымъ тебѣ, чего, можетъ быть, у другихъ профессоровъ нѣтъ. Но тѣмъ ты и выше ихъ и долженъ поддержать довѣренность правительства. Отказаться же отъ русскаго языка и по-шведски проходить исторію политическую и литературную нашего отечества будетъ противно видамъ правительства. Требуй, чтобы нѣкогда всѣ студенты готовы были слушать по-русски; теперь-де изъ снисхожденія ты пока будешь помогать имъ объясненіемъ по-шведски; но чтобы они не надѣялись всегда эти предметы слушать по-шведски. Иначе за что бы тебя и возносить такъ вдругъ? Нѣтъ, ты это твердо помни, что тебя сдѣлали апостоломъ русскаго языка въ чухонской землѣ. Исторію я выбралъ — какъ соблазнъ, какъ приманку для любознательности студентовъ. Но главная цѣль — разлитіе русскаго языка. Возьми указъ или опредѣленіе, да и читай внимательнѣе: ты самъ увидишь, что̀ тебѣ назначено. Повторяю: приманивать можешь по-шведски, но твердить безпрестанно, что это, дескать, не надолго, — начнется все по-русски.

Журналъ. Суббота (19 апрѣля). Просидѣлъ почти весь день дома. *Вторникъ (22 апрѣля).* Былъ у Великой Княжны Ольги Николаевны. Продолжали „Самозванца“ Хомякова. Пообѣдавъ дома, отправился въ совѣтъ. Оттуда (не заставъ Балабину и Н. Пушкину) зашелъ къ Путятѣ. Онъ пишетъ къ тебѣ и посылаетъ жалованье и копію съ моей бумаги Ребиндеру. Пришелъ домой, нашелъ твое письмо отъ 18 апрѣля. Какъ оно утѣшило меня! Отвѣчать на него буду въ субботу. Но прошу не отмѣнять мысли о посвященіи Наслѣднику. Посылаю Языкова стихи.

64.

(Гротъ — Плетневу) ***Гфорсъ, понед. 21 апр., 4 ч. пос. об., 1841.***

Въ субботу, послѣ письма, пошелъ я къ библіотекарю, бывшему профессору Пиппингу (коллежскому совѣтнику). Онъ сказалъ мнѣ, что въ нынѣшней библіотекѣ рѣшительно нѣтъ болѣе мѣста, такъ что онъ даже не можетъ разбирать множества книгъ, которыя находятся въ ящикахъ. Такимъ образомъ, до 1843 г., срока переведенія библіотеки въ новое зданіе, я не могу узнать, какія русскія книги уже есть у насъ. Останется до тѣхъ поръ только выписывать вновь выходящіе книги и журналы, потому что, хотя по одному экземпляру всякой книги и велѣно присылать сюда, но это исполняется неисправно. Въ новомъ зданіи библіотеки опредѣлена особая комната для русскихъ книгъ. Пиппингъ — человѣкъ чрезвычайно аккуратный и рожденный для своего дѣла; онъ съ дѣтства чувствовалъ страсть къ размѣщенію книгъ.

Вечеромъ читалъ Растопчину. Какъ я удивляюсь ея таланту! Взявъ книгу ея въ руки, трудно оторваться отъ чтенія. Вотъ поэтъ не по однимъ стихамъ. Скажи: который ей годъ и какова ея наружность?

Любопытно было бы покороче ее узнать: феноменъ въ женщинахъ! Вчера, въ воскресенье поутру, доканчивалъ я визиты къ профессорамъ; почти никого не засталъ дома.

Сегодня было маленькое торжество въ университетѣ. Въ 10 часовъ всѣ университетскіе отъ Теслева пошли въ процессіи къ зданію университета: всѣ въ мундирахъ, ректоръ въ своей мантіи. Когда собрались въ большой залѣ, на хорахъ запѣли, а послѣ профессоръ Лагусъ говорилъ рѣчь на латинскомъ языкѣ въ честь Великаго Князя Александра Николаевича и Великой Княгини Маріи Александровны. Было множество людей, и я (въ качествѣ партикулярнаго зрителя) съ сестрой.

Отвѣтъ. 23 апрѣля, среда. Новое положеніе мое давно уже не затрудняетъ меня, и опасенія твои, что я слѣпо довѣряю рѣчамъ извѣстныхъ лицъ, напрасны. Но толковать и спорить съ ними я считаю лишнимъ, тѣмъ болѣе, что они, не бывъ безпристрастны, могли бы только раздражиться отъ этого. Постараюсь, чтобъ дѣйствія мои были убѣдительнѣе словъ. Акіандера судьба все еще не совсѣмъ рѣшена. Путята не шлетъ мнѣ ни твоей записки, ни денегъ. Жду съ будущей почтой. Твоя мысль о чтеніи русской исторіи вмѣстѣ съ литературной исторіей мнѣ очень нравится, такъ какъ и всѣ твои замѣчанія по этому предмету; я ими непремѣнно воспользуюсь; но мало надѣюсь, чтобы мои лекціи, даже если онѣ и будутъ интересны, привлекли большое число студентовъ. Назови мнѣ всѣ учебныя книги о русскомъ языкѣ на иностранныхъ языкахъ, которыя надо выписать. Скажи мнѣ твое мнѣніе о выпискѣ мною книгъ русскихъ: на чемъ мнѣ основываться въ выборѣ; какъ выписывать и черезъ какого книгопродавца? Также, какіе русскіе журналы должно завести? Ибо теперь мнѣ необходимо слѣдовать и за журнальною литературой, чтобы знать вновь выходящія книги и т. п.

Журналъ. Передъ сномъ опять читалъ Растопчину, и опять восхищался: какіе глубокіе аккорды въ ея пѣніи! Никого нѣтъ другого, у кого бы всякое стихотвореніе было такъ густо по внутреннему содержанію и составляло такую поэтическую необходимость или безусловность, абсолютность, какъ у нея. Только внѣшняя отдѣлка составляетъ ея слабую сторону; это простительно нетерпѣнію женщины. Вчера поутру, во вторникъ, былъ съ Tack-för-sist'омъ (благодарственнымъ визитомъ) у Гартмана; брата его опять не было дома. Вечеромъ была у насъ Marie съ тёткой. Я давалъ Marie читать нѣсколько стихотвореній Растопчиной, между прочимъ о Карамзиныхъ домѣ (вѣроятно). Она сбирается много читать замужемъ; я увѣряю ее, что это несбыточныя мечты, и привожу ей въ доказательство извѣстные стихи Францѐна: „Дитя будетъ кричать, люлька качаться, а фортепьяно — отдыхать“. Передъ тѣмъ я былъ у Валлена. Прекрасный, умнѣйшій старикъ; мы много разговаривали. Онъ изъявилъ желаніе навѣщать

меня и спросилъ, когда бываю дома. На прошлой недѣлѣ отправилъ я въ цензуру четыре шведскія статьи для нашей финляндской книги. Скоро пришлю и нѣсколько русскихъ къ тебѣ для передачи цензору. Заглавія все еще не придумаю книгѣ или альманаху. Не остановиться ли на этомъ: *Труды въ воспоминаніе празднества Финляндіи въ 1840 году?*

Нѣтъ, это не годится. Лучше дать заглавіе самое коротенькое и изъяснить цѣль изданія въ предисловіи, напримѣръ: *Финляндскій альманахъ, Финляндская незабудка, Сѣверные цвѣты въ Финляндіи,* или что-нибудь подобное.

Четвергъ. Вчера принялся я было писать письмо къ Армфельту; но кромѣ „спасибо, радъ стараться“ нечего сказать, и отложилъ эту обузу до посылки Фритіофа графу. Не правда-ли: и Одоевскому, и Сологубу надобно послать экземпляръ? но, можетъ быть, въ такомъ случаѣ, по связи съ Одоевскимъ, нельзя миновать и Краевскаго, хотя онъ, какъ журналистъ, и не стоитъ этого? Когда я вышлю тебѣ всѣ экземпляры, не нужно ли будетъ напечатать объявленіе о выходѣ книги отдѣльно или въ Петербургскихъ Вѣдомостяхъ, какъ обыкновенно дѣлается?

Вчера поутру былъ я съ дамами моими у Теслева съ благодареніемъ — не было никого дома. Послѣ обѣда былъ у Урсина; хотѣлъ просить объ отправленіи пакета черезъ университетъ; да у него былъ гость, профессоръ, при которомъ я не хотѣлъ говорить объ этомъ, не зная, хочетъ ли Урсинъ, чтобы это знали. Потомъ былъ я у Грипенберга, только-что пріѣхавшаго. Оттуда пошелъ къ Траверсе для англійскаго. Темою урока я взялъ изъ твоей статьи объ юбилеѣ мѣсто, которое ты давно поручилъ мнѣ перевесть Гартмана дочерямъ. Мы перевели его по-англійски, и оно у всѣхъ учепицъ записано въ тетрадяхъ. За чаемъ была рѣчь о скорой свадьбѣ Магіе, можетъ быть, въ Ревелѣ. Она и Розина въ большой дружбѣ; мысль, что можетъ быть Магіе ужъ не возвратится въ Гельсингфорсъ, такъ опечалила Розину, что она за чаемъ, долго крѣпившись, наконецъ, закрыла лицо и убѣжала въ другую комнату. Тамъ онѣ долго цѣловались и, какъ слышно было изъ нѣкоторыхъ отрывочныхъ словъ, давали другъ другу обѣты никогда не измѣняться и вести переписку. Какая у насъ сдѣлается пустота! Сжалься же надо мною; пріѣзжай сюда непремѣнно. Впрочемъ, у меня еще остается много возни съ альманахомъ. Я намѣренъ вскорѣ присѣсть недѣли на три хорошенько, чтобы запоемъ все кончить. Жуковскому надобно поднести Фритіофа въ сафьяновомъ переплетѣ. Такъ ли?

65.

(Плетневъ — Гроту) *Спб., 24 апрѣля 1841.*

Отвѣтъ на письмо отъ 18 апрѣля. Спасибо Теслеву, что онъ такой добрый. Ты не сказалъ, были ли у него на балѣ Каролина Ивановна и Роза Карловна. На такой зовъ грѣхъ было не поѣхать. Ты, я думаю, не обижаешься, что университетскіе безъ тебя мундирничали. Въ этихъ случаяхъ пускай они всегда обходятся безъ тебя. Что касается до старшаго Гартмана — хорошо, что самъ онъ начинаетъ съ тобою любезничать. Мы ни съ кѣмъ на войну не выходимъ. Теперь онъ — гельсингфорскій житель.

Теслева балъ я живо воображаю, помня обѣдъ его и тосты при подобномъ случаѣ. Только не забудь написать мнѣ — по-шведски, или по-русски онъ декламировалъ свои рѣчи? Но Розина со своимъ здоровьемъ и шампанскимъ можетъ примирить хоть кого со всѣмъ свѣтомъ. Скажи ей, что за это движеніе дѣвственной души ея на томъ свѣтѣ лучшій изъ ангеловъ поцѣлуетъ ее три раза лишнихъ. Удивительно, что и у васъ профессора любятъ въ собраніяхъ стоять отдѣльно отъ всего общества. Я думалъ, что это дѣлается только въ Россіи. Но тебѣ не совѣтую нисколько перемѣняться въ своихъ отношеніяхъ къ обществу, хотя бы ты былъ ректоръ, не только профессоръ.

Я думаю, что въ шведскомъ переводѣ Кирши Данилова и тѣни не осталось простоты и народности русской. Но каковы нѣмцы? Не зная по-русски, находятъ способъ переводить — и что же? почти непереводимое. Ты прекрасно сказалъ, что не видишь смыслу въ посвященіяхъ. Между нами, въ нашихъ отношеніяхъ, что значитъ эта гласность дружбы? Другое дѣло, когда Пушкинъ посвящаетъ мнѣ Онѣгина: это никѣмъ неожиданное выраженіе тайнаго сочувствія между геніемъ и простымъ человѣкомъ, симпатизирующимъ съ нимъ. Однимъ словомъ: посвящать надобно тогда, когда это что-нибудь неожиданное, тайное разрѣшаетъ для исторіи литературы. Какъ меня порадовало братство, которое ты съ Цигнеусомъ отпраздновалъ шампанскимъ! Если Кронсъ провозгласилъ твое здоровье безъ дурного умысла, а просто любя тебя, чтожъ тутъ худого? И всѣ мало-по-малу будутъ радоваться твоему назначенію.

Пожалуйста, выбери изъ моихъ писемъ всѣ мысли, какія бросилъ я насчетъ преподаванія твоего. Сообрази все хорошенько и ничѣмъ не пренебрегай: я говорю всегда по опыту. Особенно не забывай, что я сказалъ насчетъ интереса каждой лекціи. Будь она коротка, но въ ней должно быть зерно мысли. Опредѣлительность предмета, ясность мнѣній и новость взгляда или самаго сюжета — вотъ секретъ быть любимымъ профессоромъ. Не понимаю: какъ казна выдаетъ за годъ все жалованье наслѣдникамъ или кредиторамъ, если кто умретъ 1 мая? Вѣдь жалованье дается за службу и по окончаніи трети; а кто умеръ,

не заслуживъ жалованья, за того казначей не смѣетъ расплачиваться безъ особаго разрѣшенія высшаго начальства. Левшинъ былъ въ Одессѣ градоначальникомъ. Я его видѣлъ у Гнѣдича. Онъ написалъ нѣсколько сочиненій статистическихъ: О киргизахъ и донскихъ казакахъ. Теперь не у дѣлъ. Ему самому почему-то захотѣлось быть у меня. Вѣрно наговорилъ Кодинецъ. Кланяйся и отъ меня Цигнеусу. Скажи, что я его очень люблю.

Еще разъ прошу, не отдумывай посвящать альманаха Наслѣднику. Это единственный случай сдѣлать ему пріятную вещь въ законной формѣ. Вспомни, что о юбилеѣ онъ самъ писалъ въ университетъ. Я даже полагаю, что въ проэктѣ посвященія можно что-нибудь цитировать оттуда, и это будетъ прекрасно. Это возобновитъ впечатлѣніе, произведенное его рескриптомъ, — и свяжетъ эпоху появленія книги съ эпохою рожденія мысли о ней. Пожалуйста, попробуй это осуществить. Да не пришлешь ли проэкта предварительно ко мнѣ, чтобы я сдѣлалъ на него свои замѣчанія? Получилъ ли ты отвѣтъ отъ Францѣна? Впрочемъ, если бы онъ и не успѣлъ отвѣчать, ты уже передъ нимъ правъ. Да и старость его можетъ мѣшать, чтобы онъ аккуратно успѣлъ на все присылать отвѣты.

Журналъ. Суббота (26 апрѣля). Забылъ сказать, что вчера, ѣхавъ по Тучкову мосту на Петровскій, встрѣтилъ Молодыхъ. Великій Князь со своей супругой возвращался уже съ прогулки. Онъ очень ласково поздоровался съ нами. Какъ я люблю эту прелесть простоты въ уединенной прогулкѣ. Они ѣхали парой въ маленькой коляскѣ, безъ лакея.

66.

(Гротъ — Плетневу) ***Гфорсъ, суббота, 26 апрѣля 1841.***

Кромѣ твоего письма, я вчера получилъ письма отъ Путяты, Францѣна и Реймерса. Записку твою графу я прочелъ, и еще прочту внимательнѣе. Францѣнъ съ всегдашнею любезностію отвѣчаетъ, что ничего не имѣетъ противъ нашего намѣренія посвятить книгу Наслѣднику. Теперь можно будетъ соединить поднесеніе Фритіофа съ испрошеніемъ дозволенія Его Высочества. Только я боюсь, чтобы онъ не подумалъ, будто я, по примѣру столькихъ писакъ, желаю Фритіофомъ выманить у него какую-нибудь милостыню. Какъ бы тутъ поступить поделикатнѣе? Вовсе не желалъ бы я, чтобы мнѣ послѣ черезъ Пчелу объявлена была *совершенная благодарность*. Впрочемъ, я надѣюсь, что этого не будетъ, потому что тутъ дѣло частное между подчиненнымъ и начальствомъ. Теперь у меня будетъ о чемъ написать Армфельту. Твоего письма ожидалъ я со страхомъ; думалъ, что ты меня разбранишь за мое минутное малодушіе. Но ты такъ добръ, что не хотѣлъ меня вновь огорчить. Я и самъ уже довольно себя упрекалъ въ томъ,

что такъ покоряюсь силѣ впечатлѣній. Впрочемъ, эти слезы и все, что я тогда испыталъ, было благодѣтельно и, можетъ быть, нужно. Теперь я такъ твердо сталъ, что въ этомъ дѣлѣ меня уже ничто не поколеблетъ. Можешь ли ты представить себѣ, какъ я, плакавъ отъ несправедливости людей, которыхъ прежде уважалъ, теперь внутренно торжествую надъ ними и могу выдержать спокойно всякое ихъ нападеніе? Я и объявилъ Лилле на балѣ у Теслева, за рюмкой шампанскаго (когда онъ жалѣлъ о дѣйствіи, какое на меня произвели слова его), чтобы онъ не ожидалъ продолженія этого дѣйствія, потому что, если въ первую минуту я умѣлъ опечалиться ложнымъ мнѣніемъ, то теперь буду умѣть презирать всякую подобную клевету.

Отвѣтъ. Какъ бы славно было, если бы твое предположеніе ѣхать со мной въ Оминне и проч., могло сбыться. Мнѣ еще вчера напоминали объ этомъ графиня и дочь ея. Матильда именно велѣла тебѣ написать, что она надѣется увидѣть насъ въ Оминне. Чепурновъ изъявлялъ свою радость, что я профессоръ и между прочимъ дѣлалъ комплименты насчетъ моей *персональности* (его выраженіе).

Законы нужно знать при подачѣ голоса по дѣламъ консисторіи, тѣмъ болѣе, что всѣ сужденія будутъ начинаться съ меня, какъ съ младшаго по времени поступленія. Изъ профессоровъ буду я навѣщать только истинно достойныхъ уваженія. На Рейна не нападай; онъ односторененъ, какъ всѣ его братья, но честенъ и искрененъ. Рейнъ совѣтовалъ требовать комитета, потому что онъ, какъ и всѣ, какъ и самъ я, не вникли сперва въ смыслъ инструкціи и думали, что она должна относиться вообще до ученія языка въ университетѣ. Благодарю тебя за твои дружескіе и высокіе совѣты; они никогда не лишни, и въ минуты унынія или искушенія могутъ оказать великую пользу.

Читалъ я стихи Мятлева и говорилъ о нихъ съ Магіе; въ нихъ есть и хорошее и дурное. И здѣсь газетчикъ не утерпѣлъ, чтобы не напечатать у себя и моихъ и шведскихъ стиховъ при краткомъ описаніи бала [1]). Акіандеръ помаленьку выходитъ изъ опасности. Мнѣніе твое о неудобствѣ проходить русскую литературу и исторію по-шведски, кажется, преувеличено. По моему, это гораздо лучше, нежели читать по-русски и быть худо понятымъ. Невозможнаго требовать нельзя; этимъ только вооружишь людей и противъ себя и противъ высшихъ. Если уже дознано, что къ русскому языку здѣсь очень нерасположены, то надобно дѣйствовать медленно, но вѣрно, и прежде представить въ настоящемъ свѣтѣ Россію и ея литературу. Какъ могутъ меня назвать шведомъ за то, что я буду объясняться на языкѣ общепонятномъ, говоря о Россіи? Мнѣ, конечно, гораздо легче было бы читать по-русски, но что въ томъ будетъ пользы? Какъ ты думаешь: нужно ли мнѣ про-

[1]) У А. П. Теслева.

сить на будущій осенній курсъ освобожденія отъ лекцій, чтобы приготовиться читать по-шведски? Ты велишь не отступать отъ мысли посвятить альманахъ Наслѣднику? Разумѣется, что и это было только минутною фантазіей. Какъ бы сдѣлать, чтобы никогда не колебаться и въ трудныя минуты?

Журналъ. Въ четвергъ былъ въ Свеаборгѣ балъ у Вальронта (адмирала). Я тамъ не знакомъ. Я гулялъ, а остатокъ вечера провелъ у Вульфертовъ. Были очень милы. Онъ спрашивалъ у меня, кто писалъ въ Пчелѣ статью о графѣ Ребиндерѣ? Ты не знаешь ли? Ужъ не Путята ли? Она плоховата. Послѣ обѣда пошелъ я прощаться къ Армфельтамъ — ѣдутъ въ понедѣльникъ; встрѣтилъ ихъ верхомъ съ Магіе. Вечеромъ были у меня Кастренъ, Готлундъ и профессоръ Гюльдѐнъ [1]). Въ 8 ч. я пошелъ гулять съ Кастреномъ, проводивъ другихъ. Бѣдный Кастренъ! Его дѣла очень плохи: въ долгу, какъ въ шелку, жить нечѣмъ, если не броситъ литературы и не отправится куда-нибудь въ глушь. Всѣ экземпляры моего Фритіофа уже у переплетчика. Вчера мнѣ вздумалось: не требуетъ ли приличіе, чтобы я и Меншикову [2]) поднесъ экземпляръ Фритіофа и потомъ альманаха? Пожалуй, сдѣлаешь промахъ. Впрочемъ, онъ лично меня вовсе не знаетъ.

Изъ разсказа Пушкина о Наинѣ сдѣлалъ я только извлеченіе съ объясненіями въ прозѣ, чтобы не слишкомъ затруднить Лундаля.

67.

(Плетневъ — Гроту) ***Спб., 29 апрѣля, 1841.***

Отвѣтъ на письмо отъ 21 апрѣля. Пиппинга я очень помню. Ты хочешь выписывать всѣ вновь выходящія книги поинтереснѣе и получше, не смотря на то, что по указу Государя и даромъ ихъ послѣ вы получите. Это не такъ должно быть, — и я надѣюсь, что ты моего совѣта послушаешь. На выдаваемыя тебѣ деньги можно много добра сдѣлать; а бросать ихъ на книги, которыя при нѣкоторомъ усиліи дойдутъ до васъ и даромъ, совсѣмъ неблагоразумно. Пожалуйста, начни это дѣло и веди такъ: во-1-хъ, черезъ Пиппинга или ректора возьми копію съ указа, по коему повелѣно всякій экземпляръ русской книги доставлять гельсингфорскому университету. Во-2-хъ, справься, съ котораго года точность въ исполненіи стала ослабѣвать замѣтно (ибо не правдоподобно, чтобъ указъ Государя съ перваго года почувствовалъ ослабленіе въ силѣ своей). Въ 3-хъ, развѣдай — черезъ сколько времени, примѣрно, книга по выходѣ своемъ достигаетъ Гельсингфорса. Или не

[1]) Gyldèn, Nils Abraham, адъюнктъ и потомъ профессоръ римской литературы въ Александровскомъ университетѣ, ум. 1888 г.

[2]) Князю Александру Сергѣевичу, Финляндскому генералъ-губернатору.

разъ ли въ году всѣ книги присылаютъ вамъ вдругъ? Точно таковую же, въ 4-хъ, составь выправку и о журналахъ. Приведши все сіе въ ясность и опредѣленность, подай въ консисторію бумагу, гдѣ, изложивъ нынѣшній ходъ полученія русскихъ книгъ, проси представленія Канцлеру, да измѣнитъ онъ сіе дѣло своимъ вліяніемъ на цензуру. Если же хочешь быть еще осторожнѣе, то всѣ сіи обстоятельства передай партикулярно и амикально Александру Армфельту, да и спроси его, онъ ли желаетъ переговорить объ этомъ съ попечителемъ, или начать формальное дѣло. По окончаніи всего этого уже можно будетъ рѣшительнѣе опредѣлить, что̀ покупать и чего дожидаться. Не забудь, что сумма, на твой предметъ ассигнованная, можетъ пригодиться на печатаніе новыхъ руководствъ, на выписку дорогихъ старинныхъ изданій и даже на пріобрѣтеніе изъ чужихъ краевъ всего, что соприкосновенно съ литературой или исторіей сѣвера, а особенно скандинавскаго и финскаго (въ послѣднемъ образовалась и Россія). Прежде вопроса: какъ выписывать книги? надо рѣшить вопросъ: кого сдѣлать изъ книгопродавцевъ корреспондентомъ вашимъ? Думаю, что Юнгмейстера. Если ты согласенъ, я съ нимъ поговорю — и онъ мнѣ объявитъ, по каталожнымъ ли цѣнамъ будетъ поставлять книги, или съ уступкою нѣсколькихъ процентовъ, — по почтѣ, или черезъ комиссіонеровъ какихъ? Все это требуетъ системы и времени.

Растопчина еще въ лучшихъ лѣтахъ. Думаю, что ей нѣтъ и тридцати, даже 28. Она прекрасной южной наружности. Черные, удивительно-блестящіе глаза; черные, чудные волосы; блѣдная физіономія; много набожности и дружелюбія; чувствительна къ удовольствіямъ свѣта; не очень гармоническаго супружества; у нея двѣ маленькія дочери и еще менѣе ихъ сынъ. Надѣюсь прочитать ей твой отзывъ, хотя онъ, кажется, глядитъ въ иперболу. Она могла бы *сдѣлаться* чуднымъ поэтомъ. Но ей никто не умѣлъ и идеи внушить, что такое совершенства поэтическія. Невольно оглянешься на нашъ вѣкъ. Какъ тогда школили писателей! Нынѣ не понимаютъ этого ремесла ни тѣ, которые выдаютъ себя за авторовъ, ни тѣ, которые за критиковъ.

Не теперь начинать курсъ. Теперь все подготовлять. Ужасно не люблю бросать или не любить то, что самъ купилъ. Семь разъ примѣрь, а одинъ разъ отрѣжь. Вотъ мудрое правило насчетъ покупокъ, особенно въ такомъ многосложномъ и новомъ предпріятіи. Надобно будетъ обязать Юнгмейстера: подавать предварительно списокъ новостей съ означеніемъ цѣнъ (кромѣ подробностей библіографическихъ). Но кому подавать? тебѣ ли посылать въ Гельсингфорсъ, или только мнѣ здѣсь? За твое знакомство (intime) съ Валленомъ я очень радуюсь. Тебѣ, особенно теперь, надобно стоять въ глазахъ всего города на первомъ планѣ. Какъ несносно, что ты принужденъ будешь посылать сюда русскія статьи для цензированія въ финляндскій альманахъ! За-

чѣмъ ты объ этомъ не предупредилъ меня: я бы лучше ихъ передавалъ тебѣ уже процензированныя. Какъ? между вашими цензорами нѣтъ умѣющаго прочесть и подписать русскую книгу? А кто же цензировалъ Соловьева статистику? Если можно, устрой безъ этой гадкой возни взадъ и впередъ. Я съ ужасомъ объ этомъ думаю. Мелочи меня могутъ убить. Заглавіе нашей книги должно быть и просто и точно, безъ метафоръ, и потому вотъ какъ да зовется книга: *Въ память юбилея 1840 года.*

На другой осьмушкѣ слѣдуетъ коротенькое предисловіе, объясняющее причину, лица и прочія обстоятельства. Ради Бога, кромѣ Наслѣдника, никому не переплетай ни въ корешокъ, ни въ сафьянъ. Это mauvais genre. Вѣдь ты ни въ комъ не ищешь. Да притомъ у всякаго есть свой порядокъ въ переплетѣ. Итакъ, Жуковскій и графиня Пушкина должны получить наравнѣ съ нами, если только они получатъ, ибо къ тому времени эти лица уѣдутъ за-границу.

68.

(Гротъ — Плетневу) *Свеаборгъ, 30 апр., въ 5 ч. п. об., 1841.*

Пишу въ гостяхъ, потому что иначе не успѣлъ бы: отсюда, возвратясь въ городъ, долженъ отправиться на чай къ Рамсаю (генералу).

Отвѣтъ. Рѣчи на балу у Теслева говорены были по-русски. Какъ я совладалъ съ собою и удержался отъ смертельнаго хохота — самъ теперь не понимаю. Довольно сказать, что Марія Александровна была превращаема каждый разъ въ Марію Ѳедоровну, что всѣмъ намъ желали и ликовать и торжествовать, и всему россійскому народу блаженствовать подъ мудрымъ управленіемъ во всегдашнія времена. Стихи мои были въ рукахъ и часто слегка приближаемы, яко бы для совѣта. Хоть я и видѣлъ Розину черезъ полчаса послѣ твоего письма, однако не сказалъ ей о наградѣ, ожидающей ее на томъ свѣтѣ; она и безъ того такъ робка и застѣнчива, а узнавъ, что иногда ея дѣйствія описываются другимъ, (не понимая нашихъ отношеній) станетъ еще боязливѣе. Разумѣется, я ни на волосъ не перемѣню своего поведенія въ обществѣ. Есть ли какая-нибудь разумная связь между исполненіемъ должности и часами отдохновенія? Профессоръ я только на каѳедрѣ и въ консисторіи; а внѣ ихъ только человѣкъ, и притомъ человѣкъ безъ предразсудковъ. Кронсъ пилъ мое здоровье съ чистѣйшею пріязнію, но смѣшно то, что онъ, провозгласивъ тостъ за Царя, вдругъ перешелъ ко мнѣ, и выпилъ его за мое здоровье. Совѣты твои выписывать нѣтъ надобности; они, какъ и все въ твоихъ письмахъ, глубоко запечатлѣваются и потомъ разрабатываются въ моей головѣ. Выдача годового жалованья послѣ покойника есть милость; годъ этотъ и называется по-шведски *жалованнымъ*. Съ будущей почтой пришлю

тебѣ проэктъ посвященія Наслѣднику. Онъ былъ уже написанъ, когда я получилъ письмо твое; но я таки воспользовался прекрасною твоею идеей прибавить кое-что изъ рескрипта. Также еще до твоего письма я сбирался сообщить тебѣ предварительно проэктъ посвященія.

Гельсингфорсъ, 1 мая.

Журналъ. Въ понедѣльникъ поутру былъ у меня Вульфертъ. Разспрашивая о Фритіофѣ, сталъ онъ доказывать, что я непремѣнно долженъ послать по экземпляру всѣмъ журналистамъ, говоря, что это не что иное, какъ необходимая форма учтивости, и сравнивая съ поклономъ, дѣлаемымъ каждому на улицѣ или въ обществѣ. Я сначала спорилъ, но послѣ для прекращенія толка сказалъ, что подумаю. Вечеромъ былъ англійскій урокъ у Траверсе. Говорили наизусть переводъ твоихъ строкъ о Францѐнѣ и проч. Найма лучше всѣхъ знала урокъ.

Во вторникъ былъ я у тайнаго совѣтника Гартмана и, наконецъ, засталъ его дома. Онъ сдѣланъ предсѣдателемъ въ экономическомъ департаментѣ сената, вмѣсто Ерне, который пожалованъ въ бароны. Старый Клинковстремъ произведенъ въ генералъ-лейтенанты съ мундиромъ! Библіотекарь, бывшій профессоръ, Пиппингъ — членъ сената. Гартманъ, повидимому, очень недоволенъ своимъ новымъ назначеніемъ. Воздухъ Гельсингфорса вреденъ его здоровью, да и зачѣмъ же было удалять Ерне? Гартманъ самъ завелъ рѣчь о моей новой должности, разсказывая, что многіе профессора толковали съ нимъ объ этомъ и какъ-будто безпокоятся, что, по неопредѣленности рескрипта, я возьму слишкомъ много власти въ отношеніи къ русскому языку. Поэтому онъ, Гартманъ, во избѣжаніе какихъ-нибудь непріятныхъ толковъ въ консисторіи, совѣтовалъ не являться туда вовсе и не предъявлять патента, пока я не составлю инструкціи и не переговорю лично съ графомъ Армфельтомъ, который будетъ сюда лѣтомъ. Хоть, можетъ быть, это и лишняя предосторожность, но такъ какъ совѣтъ этотъ для меня очень пріятенъ, то я и принялъ его съ благодарностію. Вчера сказалъ о томъ Урсину на улицѣ; онъ вовсе не находитъ неопредѣлительности въ рескриптѣ, и также считаетъ эту мѣру не необходимою, однакожъ предоставляетъ все на мою волю. Гартманъ далъ мнѣ порученіе. Его теперешній чиновникъ, родъ секретаря (братъ Цигнеуса), переселяется въ Петербургъ; на мѣсто его нуженъ Гартману кто-нибудь изъ Петербурга, кто бы хорошо зналъ русскій языкъ, французскій и нѣмецкій для перевода и сочиненія бумагъ и веденія переписки. Работы иногда много, иногда вовсе нѣтъ. Передай это брату моему, чтобы онъ или между своими знакомыми поискалъ какого человѣка, или самъ сообразилъ, не взять ли ему эту должность.

69.

(Плетневъ — Гроту) *Спб., 3 мая 1841.*

Отвѣтъ на письмо отъ 26 апрѣля. Въ письмѣ Ал. Армфельту ты можешь сказать откровенно, что подносишь Наслѣднику Фритіофа единственно какъ служащій подъ его начальствомъ и не желаешь никакой формальной благодарности, чѣмъ и предупредишь печатный отзывъ о поднесеніи и полученіи за него *совершенной благодарности.* Приведенные мною прекрасные три стиха отыщи у Жуковскаго въ стихотвореніи: „Голосъ съ того свѣта". Это написалъ Шиллеръ, предполагая, что такъ могла Текла, улетѣвшая на небо, утѣшать Макса, оставшагося здѣсь. Но я тебѣ и еще приведу стишки (если не ошибаюсь, изъ Гёте), которые недавно совѣтовалъ я запомнить Великой Княжнѣ Ольгѣ Николаевнѣ. Вотъ они въ переводѣ Жуковскаго же, который, однако, ихъ не внесъ въ свое собраніе.

„Кто слезъ на хлѣбъ свой не ронялъ,
Кто близь одра, какъ близь могилы,
Въ ночи безсонный не рыдалъ;
Тотъ васъ не знаетъ, Вышни Силы!
На жизнь мы брошены отъ васъ —
И вы-жъ, давъ знаться намъ съ Виною,
Страданью выдаете насъ:
Вину преслѣдуете мздою"...

Два экземпляра твоихъ стиховъ для Теслева бала я отдалъ Великой Княжнѣ Ольгѣ Николаевнѣ, — одинъ для нея, другой для Наслѣдника. Ей они очень понравились. Его не видалъ. Какъ я угадалъ касательно Акіандера! Я не перестаю думать, что ты не долженъ по-шведски читать своихъ лекцій безъ чьего-нибудь разрѣшенія: будетъ ли это самого Канцлера, или консисторіи, или даже факультета; потому что опредѣленъ ты для усиленія успѣховъ русскаго языка. Итакъ, надобно, чтобы какая-нибудь власть разрѣшила тебѣ итти къ цѣли правительства путемъ необыкновеннымъ, могущимъ съ перваго разу показаться противоположнымъ настоящему. Впрочемъ, и я твое мнѣніе раздѣляю, что къ цѣли надобно итти вѣрнѣе, хотя и медленнѣе. Да въ службѣ на все есть условленныя формы. Если ты не начнешь съ будущаго осенняго курса, такъ когда же это будетъ? Развѣ по вашему со второго семестра также можно начать курсъ? А отложить на годъ далеко. Но вѣдь можно, конечно, въ распредѣленіи занятій по части русскаго языка такъ оговорить, что Соловьевъ и Акіандеръ начнутъ осенью свои лекціи, а ты въ теченіе года будешь только имъ содѣйствовать, распоряжаясь практическими занятіями студентовъ, дабы съ будущаго года навѣрное имѣть нѣкоторое число студентовъ, которымъ можно будетъ читать исторію по-русски. Если же все это пустыя предположенія и еще долго не наберется десятка студентовъ изъ всѣхъ

факультетовъ, готовыхъ тебя слушать, то, конечно, лучше начать по-шведски, но все-таки не безъ разрѣшенія чьего-либо.

Я не знаю, кто писалъ статью о Ребиндерѣ для Пчелы. Полагаю, что кто-нибудь изъ лицъ, которыя были коротки въ домѣ графа, ибо въ статьѣ есть предметы, которыхъ никто не могъ знать, не бывъ введенъ въ семейную жизнь графа. Но не Путята. Впрочемъ, я ничего не замѣтилъ, почему бы статью должно назвать плохою. Можетъ быть, она плоха по сравненію съ гельсингфорскою. Я забылъ, отчего ты отдумалъ украсить Современникъ біографіею Ребиндера?

Не могу надивиться, какъ надѣлалъ долговъ Кастренъ? Это что-то по-петербургски. Ухъ, какъ я не люблю, кто рискуетъ и забирается чужими деньгами! Вся мудрость въ одномъ: *не начинай* долговъ дѣлать. Вотъ отчего я тоже бѣшусь, если узнаю, что кто-нибудь беретъ жалованье свое до срока: это тоже родъ займа, который навсегда поставитъ въ необходимость спѣшить забирать или занимать деньги. При посылкѣ экземпляровъ Ал. Армфельту для него и Наслѣдника *непремѣнно* приложи экземпляръ для Меншикова. Онъ тоже держалъ твою сторону, когда разсуждали, какъ тебя наименовать: ординарнымъ профессоромъ, или просто старшимъ. Альманахъ тоже поднеси Меншикову. Онъ очень образованъ и притомъ скупъ: двѣ причины дарить ему книги. Хорошо, что ты сократилъ Пушкина „Наину". Я не прислалъ тебѣ стиховъ твоихъ „Борго" потому, что они давно напечатаны въ № 2 Современника и скоро ты ихъ получишь въ своемъ экземплярѣ. Другіе же (шуточные отъ лица наборщика) стихи я не считалъ нужнымъ тебѣ пересылать [1]).

Журналъ. Пятница (2 мая). Отъ Жуковскаго записка: притти вечеромъ въ 10 ч. проститься: онъ уѣзжаетъ. Утромъ я самъ экзаменовалъ въ университетѣ. У Жуковскаго были: старый Вьельгорскій, молодой Сологубъ, Одоевскій, Вяземскій, и я надолго простился со старикомъ. А Клинковстремъ въ мундирѣ?

70.

(Гротъ — Плетневу) *Гфорсъ, 3 мая, суббота, 1841.*

Благодарю за совѣты насчетъ выписыванія книгъ. Они превосходны и приняты мною къ свѣдѣнію. Ты совершенно правъ, находя, что мои замѣчанія о Растопчиной глядятъ въ иперболу. Это я еще при отправленіи письма самъ нашелъ. Но что дѣлать? Всегда я слишкомъ увлекаюсь свѣжими впечатлѣніями и часто отъ этого дѣлаю и говорю глупости. Спроси Протопопова. Сдѣлай милость, не показывай Растопчиной моего сужденія; зачѣмъ вводить ее въ искушеніе — считать себя совершенствомъ? Откровенно говоря, постановляемое тобой загла-

[1]) Стихотвореніе это см. въ „*Дополненіяхъ*".

віе не совсѣмъ нравится мнѣ. Но слово *юбилей* и *память юбилея* такъ отзываются свѣтскою пошлостью обыкновенныхъ празднествъ этого рода, что мнѣ бы хотѣлось чего-нибудь или пооригинальнѣе или, по крайней мѣрѣ, поопредѣлительнѣе; послѣ *юбилей* прибавить хоть: Александровскаго университета и сказать: Финляндскаго юбилея, или какъ-нибудь иначе. Посылаю проэктъ посвященія. Цигнеусъ, которому я его читалъ, очень похвалилъ его. Поговоривъ съ нимъ, я отдумалъ печатать въ нашей книгѣ стихи „Борго". Сотрудникамъ хвалить другъ друга не совсѣмъ прилично; до времени я вовсе не буду печатать этой пьесы. Мы усомнились также, помѣстить ли между статьями русской части переводы кое-какихъ стихотвореній Францѐна и Рунеберга. Сообщи свое мнѣніе. Надѣюсь переслать всего Фритіофа въ Петербургъ съ пароходомъ.

Журналъ. Въ четвергъ былъ я въ гостяхъ у Лауреля: было тамъ человѣкъ 6 или 7 университетскихъ; но несносное молчаніе только минутами прерывалось, и я ушелъ рано. Отправился я туда, чтобы отплатить за двѣ пятницы. Вчера были у меня Вульфертъ, Бонсдорфъ (пѣвецъ Бельмана), Кастренъ, Ильмони (профессоръ) [1]) и Пиппингъ. Ильмони, который показался мнѣ было дурно расположеннымъ ко мнѣ, теперь оказывается по крайней мѣрѣ очень любезнымъ и живымъ человѣкомъ. Кастренъ принесъ мнѣ письмо отъ Финскаго литературнаго общества съ чрезвычайно вѣжливымъ благодареніемъ за подаренныя книги и за статьи о Финляндіи. Сегодня поутру пріѣхала къ намъ Магіе Траверсе вся заплаканная: у нея тётка въ Ревелѣ (незамужняя, лѣтъ 26) умерла. Магіе и Спафарьева отправляются послѣ завтра въ Ревель на первомъ пароходѣ.

71.

(Плетневъ — Гроту) ***Царское Село, Камер. кол., 6 мая, 1841.***

Отвѣтъ на письмо отъ 30 апрѣля. Ты слишкомъ надѣешься на свою память, увѣряя, что изъ моихъ писемъ все остается у тебя въ головѣ. Есть замѣчанія, которыя и мнѣ пришли въ голову случайно; слѣдовательно тѣмъ незамѣтнѣе улетятъ изъ твоей. Впрочемъ, лишь бы я не забылъ посовѣтовать, а ужъ твоя забота — воспользоваться или нѣтъ. Насчетъ посылки журналистамъ по экземпляру Фритіофа я не скажу ни pour, ни contre. Самъ я не посылаю имъ ничего — за что и пью горькую чашу убытковъ. Тебѣ, однако же, я не желалъ бы подобной участи. Слѣдовательно, можетъ быть, Вульфертъ и правѣе насъ. Какъ принимать пожалованіе Ерне въ бароны и отклоненіе отъ президентства — за награду, или какъ немилость? Пиппингъ — членъ сената!

[1]) Эмануилъ Ильмони, профессоръ теоретической и практической медицины, ум. 1856 г.

Это замѣчательно. У васъ старыхъ профессоровъ не считаютъ видно за обезьянъ. Искалъ ли онъ самъ этого, или его нашли? И почему на него упалъ такой счастливый жребій? Не могу понять, отчего профессорамъ (не понимающимъ ни слова по-русски) непріятно, что русскій языкъ отданъ въ твое полное завѣдываніе? Вѣдь они были же недовольны, что Соловьевъ — безполезный членъ университета? Графъ Александръ Армфельтъ черезъ двѣ недѣли будетъ у васъ. Хорошо, что недолго тебѣ ждать его пріѣзда. Въ противномъ случаѣ, я не посовѣтовалъ бы тебѣ уклоняться отъ вступленія въ должность.

Передалъ Константину Карловичу порученіе твое касательно мѣста при Гартманѣ. Не знаю, какъ тебѣ, а мнѣ очень нравится мысль, чтобы всѣ опять соединились въ одномъ городѣ. Онъ же сбирается опять въ свою Митаву.

Журналъ. Воскресенье (4 апрѣля). Посѣтилъ меня Константинъ Карловичъ, котораго тоже я не видалъ давно. Мы долго съ нимъ болтали. Онъ нѣсколько разъ собирался уйти; но я все останавливалъ его до тѣхъ поръ, пока, наконецъ, пріѣхалъ ко мнѣ графъ Александръ Армфельтъ. Они между собою уже были знакомы. Мы опять сѣли всѣ толковать. Наконецъ, Константинъ Карловичъ ушелъ. Армфельтъ мнѣ объявилъ, что онъ знаетъ все, бывшее между профессорами по случаю твоего назначенія. Онъ очень недоволенъ ими и разсуждалъ весьма основательно. Форма производства тебя въ доктора до профессорства не могла имѣть тутъ мѣста, какъ онъ объяснялъ основательно. Кто бы сталъ экзаменовать тебя по русской литературѣ въ ихъ университетѣ? Притомъ же и въ Швеціи короли назначали иногда профессоровъ безъ формы. Я привелъ ему въ примѣръ Тегнера. Армфельту болѣе всего это потому досадно, что профессора должны бы подавать хорошій примѣръ студентамъ; и они могутъ ихъ встревожить. Графъ согласился совершенно со мною, что тебѣ не нужно просить позволенія ни лекціи читать по-шведски, ни отлагать ихъ на семестръ. Ты всегда можешь, предложивъ тему лекціи на русскомъ, объяснять ее по-шведски, вводя по временамъ русскія фразы. Готовиться же тебѣ можно и начавъ чтенія съ сентября; ибо отъ тебя зависитъ назначить себѣ одну лекцію въ недѣлю. Все это придумано очень дружелюбно и умно: пожалуйста, ни на волосъ не отступай отъ его и моихъ совѣтовъ.

Вторникъ (6 апрѣля). Рано поѣхалъ къ Великой Княжнѣ Ольгѣ Николаевнѣ въ Царское, откуда и пишу тебѣ. Сегодня Государь отправляется въ Москву черезъ Рыбинскъ, а Наслѣдникъ и его супруга скоро за нимъ же.

72.

(Гротъ — Плетневу) ***Гфорсъ, вторн., 10 ч. веч., 6 мая 1841.***

Отвѣтъ. За твои хлопоты о скорѣйшемъ отправленіи Фритіофа я болѣе нежели благодаренъ, не столько по успѣшному результату, а потому, что я въ этомъ вижу твою трогательную и незаслуженную заботливость обо мнѣ. То же показываетъ мнѣ твой поступокъ съ моими стихами на свадьбу Наслѣдника, такъ что я и не могу рѣшиться бранить тебя за это, хоть ты бы немножко и стоилъ. Но увѣренъ ли ты, что такое поднесеніе дѣйствительно пріятно, и похвала Великой Княжны Ольги Николаевны искренняя? Спасибо за выписку двухъ строфъ изъ Жуковскаго, которыя ты еще въ Петербургѣ раза два говорилъ мнѣ. Въ нихъ есть что-то ужасающее. Что совѣтуешь о лекціяхъ, исполню; начну говорить о томъ въ консисторіи, когда придетъ время. Краткое извѣстіе о жизни графа Ребиндера будетъ помѣщено въ моей статьѣ въ финляндскомъ альманахѣ. Теперь у меня уже и предисловіе готово; я прочту его тебѣ, когда ты сюда пріѣдешь, ибо не могу представить себѣ, чтобы ты мнѣ сыгралъ такую шутку и не пріѣхалъ къ намъ. Тогда мнѣ на профессорскую каѳедру не входить, я умру съ тоски. Дивишься ты людямъ, дѣлающимъ долги! Въ этомъ сужденіи слишкомъ много строгости; когда нужда сидитъ у тебя на плечахъ, поневолѣ принужденъ будешь взять кусокъ хлѣба въ долгъ. Я увѣренъ, что Кастренъ никогда ничего лишняго не позволялъ себѣ; онъ самый умѣренный и порядочный человѣкъ; но эти свойства денегъ не замѣнятъ. Если стихи „Борго“ напечатаны, то значитъ такъ имъ на роду было написано. Все равно.

Журналъ. Въ *субботу* у меня около часу сидѣлъ графъ Армфельтъ; дамы были у Чепурнова; позже вечеромъ и я пошелъ туда.

Въ *воскресенье* цѣлый день грусть, тягость одиночества, безпокойство, невозможность заниматься. Послѣ обѣда пошелъ я шататься и близь дома встрѣтилъ Гартмана (Франценовскаго). Мы, по его предложенію, пошли вмѣстѣ къ сосѣду Рамсаю, потомъ къ Ерне — не застали. По дорогѣ онъ разспрашивалъ о моихъ планахъ на лѣто и очень звалъ къ себѣ на мызу съ тобою; прекрасное мѣсто, въ 12 верстахъ отъ Або; обѣщалъ на пароходѣ показать намъ всѣ окрестности. Имя мызы — Радельма. Ужъ я прежде Розинѣ и Наймѣ обѣщалъ посѣтить ихъ. Послѣ сидѣли мы вмѣстѣ у Теслева, откуда Гартманъ пошелъ играть въ карты къ Ерне, а я домой.

Въ *понедѣльникъ* Спафарьева и Магіе поплыли въ Ревель на похороны *(сестры Спафарьевой)*, ожидая туда и Паткуля. Послѣ обѣда я былъ обрадованъ письмомъ твоимъ. Вечеромъ пришелъ Готлундъ; чтобы не сидѣть взаперти, я повлекъ его въ баталіонный садъ, гдѣ

мы и погуляли съ часъ. Сегодня поутру доставилъ по 10-ти экземпляровъ Фритіофа въ обѣ здѣшнія книжныя лавки (поручивъ 5 отправить въ Або); поручилъ объявить въ газетахъ; разнесъ нѣсколько экземпляровъ.

NB. Спроси (да не забудь) князя Одоевскаго: можно ли всю его фамилію помѣстить подъ его статьею въ альманахѣ? У него выписаны только начальныя буквы; но это не хорошо, потому что всѣ другія фамиліи выставлены вполнѣ.

Четвергъ. Вчера поутру былъ у генерала Рамсая съ экземпляромъ. Потомъ въ книжныхъ лавкахъ и пустилъ Фритіофа въ продажу по 1 руб. сер. Книгопродавцы здѣсь берутъ по 15 проц. за коммисію. А въ Петербургѣ сколько? Вечеромъ назначенъ былъ послѣдній англійскій урокъ у Траверсе по случаю скораго отъѣзда Гартмановыхъ. Прежде я зашелъ къ тайному совѣтнику: онъ ѣхалъ со двора, и я въ передней вручилъ ему экземпляръ, который онъ принялъ милостиво. Потомъ гулялъ я въ саду и по скаламъ, но съ тоскою, что тебя нѣтъ со мной. Странно, что иногда невозможно бываетъ ни въ чемъ находить удовольствія одному. Зимой я не чувствовалъ этого, по крайней мѣрѣ, такъ живо. Оттуда пошелъ къ Траверсе. Ученицы были погружены въ лексиконы для сочиненія мнѣ благодарственныхъ записокъ. Только Розины еще не было. Она пріѣхала попозже и, имѣя ужъ мало времени, принялась писать мнѣ по-французски. Не хотѣла дать чернового и работала часа два. Между тѣмъ, другія ужъ отдали мнѣ свои англійскія записки, и мы прочли ихъ наверху. Наконецъ, и Розина явилась снизу съ своей запиской, но едва согласилась отдать мнѣ ее и очень боялась цѣлый вечеръ, что дурно написала. Потомъ ужъ мы не учились, а играли на фортепіано, разговаривали и балагурили до полуночи. Въ 1-мъ часу подали ужинать. Мы — англійскій классъ — и ужинали особо и много выпили *здоровій.* Наконецъ, простились съ обѣщаніемъ помнить англійскіе уроки и лѣтомъ сдѣлать повтореніе въ Радельмѣ.

73.

(Плетневъ — Гроту) ***Спб., 9 мая, 1841.***

Отвѣтъ на письмо отъ 3 мая. Ты все говоришь, что трудно устроить аккуратную высылку русскихъ книгъ изъ статсъ-секретаріата. Я же думаю напротивъ, только при личномъ свиданіи убѣдительнѣе проси графа Александра Армфельта поручить это дѣло особому чиновнику, напримѣръ Путятѣ, или кому другому, кто бы сдѣлался отвѣтственнымъ лицомъ. У Растопчиной я сегодня обѣдаю. Разумѣется, я не покажу ей всѣхъ твоихъ похвалъ, а порадую ее, разсказавъ, что въ Финляндіи ею болѣе восхищаются, нежели въ Ингерманландіи. Что касается до моего заглавія для альманаха, я не вижу тутъ свѣтской

пошлости, а одну простоту и точность — качества, которыя одни и нравятся мнѣ во всемъ. Годъ 1840 избавляетъ отъ прибавки словъ: Александровскаго университета, и отъ присоединенія: въ Финляндіи, потому что въ 1840 году нигдѣ въ Европѣ не праздновали юбилея. Впрочемъ, всѣ дополнительныя понятія объяснены будутъ въ предисловіи, безъ котораго эта книга не можетъ явиться въ свѣтъ. Но лучшее, по моему, заглавіе ея было бы просто: *Финляндія*. Это отвѣчаетъ и содержанію книги, и случаю изданія, и прелестно по краткости и понравится всему краю. Пожалуйста, рѣшись на послѣднее: въ предисловіи же все будетъ объяснено. Но ежели ты никакъ этого не примешь, то вотъ послѣдній мой проэктъ. Назови: *Герда*. Это во вкусѣ Пушкина. Онъ любилъ титулы книгъ, ничего не говорящіе. Этотъ между тѣмъ и ничего не говоритъ, и много намекаетъ. Это лучше *Сѣверныхъ цвѣтовъ*. Оно характеризуетъ край и въ смыслѣ физическомъ и въ смыслѣ моральномъ (по части миѳологіи края). Проэктъ посвященія возвращаю. Прелесть! Я замѣнилъ *обыкновенія — обрядами*, потому что послѣднее точнѣе и не относится единственно къ религіи, а ко всему, основанному на установленныхъ церемоніяхъ.

Стихи „Борго", какъ уже тебѣ извѣстно, напечатаны во № 2 Современника. Буде можно обойтись безъ стиховъ Рунеберга и Францѐна, писанныхъ не по сему случаю, и переведенныхъ на русскій языкъ, то оставь ихъ до другого случая. Какъ всѣ ваши университетскія собранія по гостинымъ скучны! Это еще побужденіе держаться болѣе свѣта, нежели университета для жизни. Ты съ сегодняшнею почтою долженъ чрезъ Урсина получить отъ меня одинъ № Журнала Министерства народнаго просвѣщенія и два экземпляра того, что у насъ было читано на актѣ, гдѣ между прочимъ и мой отчетъ. Конечно, ты нахохочешься, полюбуясь, какими опечатками г. Никитенко украсилъ эту бѣдную брошюру. Самъ онъ упросилъ меня позволить ему заняться по изданію — и отдѣлалъ всѣхъ, начиная съ себя, проглядѣвъ даже выпечатать драгоцѣнное имя свое передъ своею диссертаціею, которую въ оглавленіи чудесно характеризуетъ всю прелестная опечатка: О *не*правленіи современной русской литературы. Этимъ сказано все о нашей теперешней литературѣ: въ ней истинное *не*правленіе, анархія, безчинство, потому что дураки, овладѣвъ мнѣніемъ, согнали съ престоловъ всѣхъ законныхъ властителей. Вообрази, что у Краевскаго въ журналѣ (по случаю новаго изданія Душеньки) разруганъ Богдановичъ, точно такъ, какъ бы они ругали Полевого или Булгарина, точно какъ бы онъ еще былъ живъ и дѣлалъ мерзости наравнѣ съ ихъ врагами. Развѣ этотъ духъ непризнанія никакой власти таланта и историческаго значенія не есть анархія, неправленіе! Итакъ, vivat Nikitenko!

74.

(Гротъ — Плетневу) *Гфорсъ, субб., 10 мая 1841.*

Повѣрь, что я никакъ не оставлю твоихъ писемъ безъ извлеченія изъ нихъ всей возможной пользы и, если замѣчу, что памяти моей недостаточно, тотчасъ прибѣгну къ тексту; и даже, когда время придетъ, составлю выписку. Но теперь я не тѣмъ занятъ. О твоихъ словахъ насчетъ разсылки Фритіофа я много думалъ. Къ тому побудили меня разныя обстоятельства, безъ которыхъ, конечно, не могло бы быть никакого сомнѣнія, какъ поступить. Въ нынѣшнемъ положеніи моемъ, кажется, я не долженъ пренебрегать ничѣмъ, что можетъ имѣть вліяніе на общественное здѣсь мнѣніе обо мнѣ [1]). Нѣкоторые русскіе журналы имѣютъ здѣсь довольно обширный кругъ читателей: если я въ нихъ буду обсуженъ дурно, то моя авторская слава здѣсь или довѣренность къ моему авторскому таланту погибла [2]), а отъ нея много зависѣть будетъ мой успѣхъ на каѳедрѣ. Наконецъ, повредивъ сбыту книги, лишило бы меня необходимаго въ нынѣшнее время пособія [3]). Напротивъ, хорошій успѣхъ ея обѣщаетъ мнѣ со временемъ большую выгоду, ибо одни приложенія къ Фритіофу, сверхъ того ноты и рисунки представляютъ обширное поле дѣятельности при 2-мъ изданіи Фритіофа. Вотъ почему Вульфертовъ совѣтъ, который я сперва отвергнулъ было рѣшительно, теперь кажется мнѣ стоющимъ вниманія. Я старался всячески выяснить себѣ, есть ли въ исполненіи что-нибудь низкое или нѣтъ, и ежели есть, то ни за что не хотѣлъ исполнять его. Но я нашелъ, что если мы каждый день принуждаемъ себя изъ благоразумія быть вѣжливыми и любезными съ людьми, не стоющими иногда уваженія, то то же самое благоразуміе должно предписывать намъ соблюденіе того же правила во всѣхъ вѣтвяхъ нашей дѣятельности. Иначе будетъ противорѣчіе: ибо не для общественнаго ли мнѣнія играемъ мы комедію въ ежедневномъ быту? Почему же должны мы дорожить болѣе мнѣніемъ невѣждъ, когда оно выражается изустно, нежели когда объявляется письменно во всенародное вѣдѣніе? Все-же я жду, для окончательнаго рѣшенія вопроса, твоего мнѣнія, и надѣюсь, что во всякомъ случаѣ посылка книги журналистамъ можетъ обойтись безъ всякаго приложенія къ тому пера моего, кромѣ какъ на пакетахъ.

Учениц̆ъ моихъ уже нѣтъ здѣсь; я живу въ надеждѣ, что лѣтомъ, въ твоемъ собственномъ присутствіи, удастся мнѣ исполнить

[1]) Не только для самого себя, но и для русскаго имени. *Примѣч. Я. Г.*

[2]) Это я знаю по множеству безпрестанно слышимыхъ цитатъ изъ Пчелы. *Примѣч. Я. Г.*

[3]) Печатаніе стоило ровно 700 руб. асс., ибо 17 листовъ. *Примѣч. Я. Г.*

твое порученіе въ Радельмѣ. Пожалованіе Ерне было слѣдствіемъ надобности въ Гартманѣ; Пиппингъ выбранъ имъ и хорошо извѣстенъ ему, потому что нѣкогда былъ учителемъ въ его домѣ. Гельсингфорсъ съ трехъ сторонъ окруженъ моремъ, и оттого здѣсь климатъ суровѣе, нежели въ Або. По правиламъ университета, только взявъ патентъ изъ сената, бываешь принужденъ явиться въ консисторію, а къ этому никто не торопитъ. Я не могу повѣрить, чтобы ты серіозно колебался, ѣхать ли тебѣ сюда лѣтомъ. Ежели есть въ тебѣ желаніе къ тому, ничто не можетъ удержать тебя. Опасеніе разлуки съ Оли, съ позволенія сказать, непозволительно, когда она въ такихъ прекрасныхъ рукахъ, и когда ты можешь ограничить свою поѣздку хоть мѣсяцемъ или тремя недѣлями. Нѣтъ, не пріѣхать сюда тебѣ просто невозможно; ты непремѣнно долженъ пріѣхать, обязанъ пріѣхать и пріѣдешь. Весь Фритіофъ въ разныхъ видахъ лежитъ у меня въ шкафу; маркизъ обѣщалъ при первой возможности отправить 400 экземпляровъ въ Питеръ на казенномъ суднѣ. Если посылка экземпляровъ журналистамъ состоится, назови мнѣ тѣхъ, кому надобно ихъ доставить. Не знаю, не здѣсь ли вручить Армфельту экземпляры для него, Меншикова и Наслѣдника. Кажется, дѣло о моемъ назначеніи по выборгскимъ школамъ заснуло. Вульфертъ говорилъ мнѣ, что постановленіе о самыхъ школахъ уже состоялось. Не слышалъ ли ты? Не знаешь ли, какъ до Армфельта дошло извѣстіе о ропотѣ профессоровъ изъ-за моего назначенія? Что значитъ: *предложивъ тему по-русски, объяснять ее по-шведски?* сколько я понимаю, это будетъ неудобно.

Журналъ. Въ четвергъ былъ у меня Теслевъ, вѣроятно, съ благодарностію за Фритіофа, но меня не было дома; послѣ Гартманъ — также съ благодарностію за уроки дочерямъ и за Фритіофа, котораго я ему подарилъ, какъ брату того, кого нельзя было обойти, какъ отцу студента, учащагося по-русски въ Москвѣ, какъ отцу Сѣвернаго Сіянія, о которомъ такъ часто упоминается и въ Фритіофѣ, и, наконецъ, какъ зятю Тегнерова друга и жизнеописателя. Я въ первый разъ услышалъ отъ Гартмана, что онъ до самаго 1837 г. былъ профессоромъ медицины при университетѣ. Говорилъ онъ много о той стѣнѣ, которая здѣсь раздѣляетъ всѣхъ университетскихъ — и профессоровъ и студентовъ — отъ общества. Студентамъ нельзя по дороговизнѣ посѣщать его много; профессоры, можетъ быть, находятъ, что имъ въ гостиныхъ не довольно оказывается уваженія. Не такъ было въ Або; тамъ всѣ лучшіе профессора, между прочимъ Францѐнъ и отецъ Гартмана, были всюду вхожи. Еще кстати разсказалъ онъ, что здѣсь весною многихъ постигаетъ особая душевная болѣзнь — весенняя тоска; я подумалъ: не отъ нея ли и я теперь страдаю? Но нѣтъ, мое расположеніе изнутри происходитъ, а не извнѣ. Въ этотъ день я много гулялъ.

Съ четверга прекраснѣйшая лѣтняя погода, и я часто, оставя работу, иду безъ шляпы, въ утреннемъ сюртукѣ, бродить около дома, по двору или у воротъ. Наша улица почти не застроена, не мощена и безлюдна. Близь нашего дома скалы отдѣляютъ ее отъ широкаго, нагого, каменистаго поля, которое съ одной стороны ведетъ къ кладбищу, а съ другой къ русскимъ казармамъ. Тамъ люблю я въ тихую погоду бродить безъ цѣли, никого не встрѣчая и иногда любуясь издали моремъ. Но противоположность неба и воздуха съ землею часто наводитъ на меня унынiе; воздухъ вѣетъ весенней нѣгой, небо такъ улыбается, а у земли здѣсь нѣтъ отвѣта на ласки природы. Нѣтъ зелени на неблагодарныхъ камняхъ, кромѣ вѣчно одинаковой сосны; между тѣмъ чувства, разнѣженныя весеннимъ дыханiемъ, жаждутъ всей роскоши природы; пробуждается тоска по густымъ березамъ, по зеленымъ лугамъ, по душистымъ розамъ. Напрасно. Глядя на эти безчувственные камни и неизмѣнныя сосны, я невольно сравниваю ихъ съ двумя сортами людей: однихъ никакая поэзiя, ничто прекрасное не расшевелитъ, не выведетъ изъ ихъ счастливаго равнодушiя, а другiе и въ зиму и въ весну, и въ вёдро и въ ненастье вѣчно равны самимъ себѣ, т. е. зелены, но не даютъ ни цвѣта, ни плода.

Въ пятницу послѣ обѣда прежде всѣхъ пришелъ Гейтлинъ. Главная цѣль визита была—спросить, одобряю ли я его учебныя книги русскаго языка, и узнать, стоитъ ли ему готовить 2-е изданiе, также не буду ли я вмѣстѣ съ нимъ трудиться надъ лексиконами и т. п. Я ничего рѣшительнаго не могъ сказать. Потомъ явились Колланъ и Лундаль. Лундаль готовитъ статью о моемъ Фритiофѣ. Онъ очень доволенъ моимъ переводомъ, который прочиталъ вмѣстѣ съ подлинникомъ. Между прочимъ, замѣтилъ онъ (знаю, что это преувеличено), будто на русскомъ языкѣ еще не читалъ такихъ экзаметровъ, потому что... но что съ тобой говорить объ этомъ? Довольно ужъ мы спорили объ экзаметрахъ, и я охотно на все соглашаюсь. Стихи, которыми я кончилъ письма, Лундаль перевелъ на шведскiй языкъ и напечатаетъ ихъ. Во второмъ часу пошелъ къ пароходу встрѣчать Спафарьеву съ Магiе. Прибыла одна первая съ отцомъ. Идя по одному закоулку, услышалъ въ верхнемъ этажѣ какого-то дома громкое пѣнiе студентовъ. При моемъ приближенiи замолкло, и я вдругъ услышалъ въ комнатѣ нѣсколько голосовъ, которые по-шведски говорили: „Гротъ идетъ", повторяя это нѣсколько разъ. Тотчасъ многiя головы высунулись изъ оконъ, другiя громче прежняго заорали, а я, будто ничего не вижу, медленнымъ шагомъ прошелъ мимо.

Поутру одинъ чиновникъ, у котораго я требовалъ свидѣтельства для посылки книгъ въ Петербургъ, спросивъ наконецъ мою фамилiю, выпучилъ глаза и долго не могъ надивиться, что я такъ молодъ! Онъ нѣсколько разъ повторялъ: „Яссо (Ja så)! а я все думалъ, что это пожилой человѣкъ", и сталъ очень учтивъ.

75.

(Плетневъ — Гроту) *Спб., воскресенье, 11 мая 1841.*

Отвѣтъ на письмо отъ 6 мая. Что касается до похвалы Великой Княжны Ольги Николаевны твоимъ стихамъ, будь увѣренъ, что она искренняя. Да это и не могло быть иначе. Не я авторъ. Слѣдственно всегда можно бы ей было хоть шутя покритиковать стихи, еслибы они не понравились. Простота и точность, которыми эта пьеса особенно отличается, дѣлаетъ ее доступною понятію всякаго не литератора. Хотя твое защищеніе долговъ и основательно, все-таки я остаюсь при своемъ мнѣніи, что бываютъ во всякомъ положеніи какія-нибудь средства не забираться далеко въ эту пропасть. Словомъ: это моя антипатія. Вчера подписалъ я къ печатанію послѣдніе листы № 2 Современника. Итакъ, на нынѣшней недѣлѣ онъ въ концѣ ея долженъ явиться. Къ вамъ прибудетъ, вѣроятно, не прежде будущей недѣли. Для № 3 есть нѣсколько статей, напр.: Ал. Ос. изъ Шекспира *Тимонъ* (т. е. разборъ его), Ломоносова о провинціи *Пара*, Невѣдомскаго о Гверильясахъ, Квитки повѣсть. Но если и ты намѣренъ приложить къ этому капиталу свою лепту, я буду тебѣ очень благодаренъ. Одно условіе: надобно какъ можно скорѣе прислать, ибо изъ означенныхъ пьесъ одинъ Невѣдомскій не набранъ, а все прочее уже напечатано. Съ № 3 Современника я спѣшу за тѣмъ, чтобы онъ не остановилъ моего отъѣзда къ тебѣ, буде это выйдетъ возможнымъ. Мнѣ хочется выпустить его при себѣ. Поэтому я совѣтую тебѣ прислать что-нибудь готовое, хотя не обширное. А въ случаѣ неимѣнія — не хлопочи напрасно. Разумѣется, что мой переѣздъ не остановитъ и не попортитъ переписки нашей. Я вѣрно позабылъ написать тебѣ, что Жуковскій уѣхалъ. Но твой экземпляръ Фритіофа уже я обѣщалъ еще здѣсь переслать ему въ Дюссельдорфъ. Графинѣ Э. К. Пушкиной не присылай сюда. Она и сестра ея (Демидова) скоро пріѣдутъ къ вамъ въ Гельсингфорсъ: и ты будешь имѣть возможность имъ поднести экземпляры лично. Совѣтую тебѣ постараться ближе сойтись съ этими дамами. Ихъ всѣ очень хвалятъ, особенно Великая Княжна Ольга Николаевна. Отчего въ прошлое воскресенье такъ одолѣвала тебя грусть? Радельма и Оминне должны быть на разстояніи между собою не болѣе 50 верстъ. Если бы дѣйствительно могли мы тамъ подышать свободою и чистымъ счастіемъ! Не знаю. Лучше хочу внезапно вкусить это счастіе, нежели мечтать о немъ и отказаться отъ него. У Одоевскаго нечего и спрашивать: выпечатай все его имя. Это необходимо; потому что Наслѣднику надобно же видѣть, кто изъ русскихъ участвовалъ.

Журналъ. Суббота (10 мая). Утро провелъ въ университетѣ на экзаменахъ. Послѣ ѣздилъ отдать прощальный визитъ Ал. Армфельту.

Не засталъ его дома. Послѣ обѣда съѣздилъ въ школу Принцессы, которая навалила на меня тамъ должность инспектора. Вечеръ провелъ у Одоевскаго, не бывавъ тамъ всю зиму.

Вторникъ (13 мая). Былъ въ Царскомъ Селѣ у Великой Княжны Ольги Николаевны. Читали Вронченки [1]) Гамлета; очень ее интересуетъ. Учились на Дѣтскомъ островѣ. Великая Княжна сама готовила для завтрака яичницу, къ которой и я былъ приглашенъ.

P. S. Книгопродавцы здѣсь берутъ по 20 процентовъ.

76.

(Гротъ — Плетневу) ***Гфорсъ, среда, $6^1/_2$ ч., 14 мая 1841.***

Отвѣтъ. Да, съ графомъ Армфельтомъ мнѣ надобно о разномъ переговорить; для чего я и составилъ себѣ особую записочку. Насчетъ заглавія нашей книги, я нахожу лучшимъ первый твой проэктъ, если только юбилей означить хоть словомъ *Финляндіи.* Назвать просто *Финляндія* потому неудобно, что въ книгѣ будутъ и статьи, вовсе не относящіяся къ Финляндіи, особливо Одоевскаго. Притомъ, какъ замѣтилъ Кастренъ и другіе здѣшніе, это бы давало идею, что содержаніе книги— описательное или ученое, касательно Финляндіи. Миѳологическое названіе совсѣмъ не дурно было бы, но тогда бы ужъ надобно было взять финское божество, а не скандинавское. Названіе *Вейнемейненъ* было бы во всѣхъ отношеніяхъ прилично, но бѣда та, что никто не пойметъ его, если не объяснить въ предисловіи. Впрочемъ, то же было бы и съ *Гердой.* Слово *обряды* — вмѣсто *обыкновенія,* мнѣ самому пришло на умъ по отправленіи бумаги. Твой отчетъ прочиталъ я съ большимъ удовольствіемъ, не смотря на гнусныя опечатки. И статья Никитенки не пуста; хоть ты его и побраниваешь, а онъ, кажись, не совсѣмъ д....ъ. Опечатка: *неправленіе* есть chef-d'oeuvre наборщика, который этимъ однимъ твореніемъ заслужилъ полную Демидовскую премію или, по крайней мѣрѣ, пополамъ съ Никитенко.

Журналъ. Въ воскресенье возился я много съ укладкой книгъ въ ящики. Потомъ былъ у Лундаля для прочтенія, по его просьбѣ, перевода моихъ стиховъ къ Фритіофу. Переводъ хорошъ. Званъ обѣдать къ Траверсе, потому-де, что пріѣзжіе изъ Ревеля желаютъ со мной познакомиться. Тамъ нашелъ старца Спафарьева [2]), который, уже дряхлый, сказалъ мнѣ, что часто видывалъ тебя у Молчанова [3]), еще

[1]) Михаила Павловича, генералъ-маіора, писателя-переводчика (Шекспира, Байрона, Гёте), ум. 1859 г.

[2]) Леонтія Васильевича, генералъ-лейтенанта, автора „Описанія маяковъ финскаго и рижскаго заливовъ", ум. 1847 г., отца Е. Л. Спафарьевой, о которой часто рѣчь въ письмахъ.

[3]) Петра Степановича, о которомъ выше.

графиню Гейденъ и баронессу Шлиппенбахъ. Добрыя и неспѣсивыя, повидимому, барыни. Послѣ обѣда поплыли мы въ огромной шлюпкѣ съ 12-ю гребцами въ Свеаборгъ. Погода была божественная и я очень пожуировалъ этимъ плаваніемъ.

Четвергъ.

Въ воскресенье вечеромъ, возвратясь изъ Свеаборга, гулялъ я одинъ по Ботаническому саду, а послѣ возвратился къ Траверсе. Въ понедѣльникъ поутру былъ у меня опять Теслевъ, благодарилъ за Фритіофа; но главная цѣль была другая. Старика пугало, что я не хожу въ консисторію, и что вдругъ изъ Петербурга отъ Наслѣдника придетъ запросъ: что подѣлываетъ новый профессоръ? Такъ вице-канцлеръ предлагалъ мнѣ, нельзя ли хоть одинъ разочекъ еще до осени посидѣть въ консисторіи. Однакожъ, я объяснилъ, что графу Армфельту черезъ тебя все извѣстно, что теперь при концѣ курса начинать не стоитъ, и его превосходительство совершенно былъ доволенъ. Во вторникъ рано поутру Траверсе съ гостями своими пустился въ Ревель, откуда въ субботу воротится сюда съ дочерью и Паткулемъ. Въ этотъ день я много сидѣлъ и читалъ на нашемъ дворѣ; совершенная дача: лѣтомъ будетъ и садъ, который Грипенбергъ нанялъ у Рамсая. Иногда играю я съ его маленькими школьниками, и живо вспоминаю старые годы; тутъ я вижу, что время въ существѣ моемъ не сдѣлало никакой перемѣны, потому что я съ тѣмъ же удовольствіемъ, какъ бывало, могу бѣгать, пятнать мячикомъ и т. п.

Во вторникъ послѣ обѣда сидѣлъ я съ часъ у Пиппинга, а вечеръ провелъ дома. Вчера былъ на экзаменѣ въ здѣшней Ланкастерской школѣ; она мнѣ живо напомнила заведеніе Биллерши; такія же крошки, и то же дѣлаютъ, только ручонками бьютъ по колѣнямъ все въ одномъ направленіи, сидя. Послѣ экзамена профессоръ Тенгстремъ сказалъ небольшую умную рѣчь.

Вечеромъ я съ маменькой пошелъ къ Траверсе. Старикъ Спафарьевъ читаетъ съ восхищеніемъ *Столбикова* и говоритъ, что Современникъ затмитъ Библіотеку для чтенія. Опять вспоминалъ тебя. Послѣ чаю я съ дочерьми такъ много бѣгалъ по двору и даже по улицѣ, что грудь заболѣла.

77.

(Плетневъ — Гроту) *Спб., пятн., 16 мая 1841.*

Отвѣтъ на письмо отъ 10 мая. Хоть я совершенно согласенъ съ тобой, что надобно журналистамъ послать по экземпляру Фритіофа; хоть я къ сожалѣнію слишкомъ убѣжденъ, что ихъ безсмысленный голосъ служитъ оракуломъ для публики, т. е. черни и невѣждъ, однако не могу пропустить безъ замѣчанія нѣкоторыхъ ложныхъ по-

бужденій, подстрекающихъ тебя къ этому ужъ, конечно, непріятному поступку. Разберемъ главное и единственное побужденіе, которымъ прочія должны уничтожаться,, по крайней мѣрѣ я того желаю. Ты издержалъ 700 руб., издавъ книгу. Безразсудно было бы на безденежьи дразнить еще тѣхъ, которыя лаемъ своимъ, навѣрно, отгонятъ покупщиковъ отъ товара и тѣмъ нанесутъ намъ существенный вредъ, говоря по житейскому. Вотъ одно простительное и даже законное побужденіе въ твоихъ обстоятельствахъ не итти на драку. Я — другое дѣло. Пока есть средства, я и отъ денегъ отказываюсь, потому что въ силахъ еще злить этихъ господъ и терпѣливо переламывать общественное мнѣніе — въ чемъ нахожу нѣкоторую отраду, понятную только сердцу литератора.

Но ты связываешь съ отзывами журналистовъ успѣхъ во мнѣніи имѣющихъ слушать тебя: этого не должно быть. Ты пришелъ на свѣжую почву со всѣми сокровищами знаній и вкуса. Тѣмъ начни обращеніе новокрестящихся, что заставь ихъ дунуть и плюнуть на діавола и весь адъ его. Потомъ представь имъ вѣрную и живую картину рая и обрѣтающихся въ немъ. Я не хочу обманывать тебя, что ты тотчасъ и цѣли достигнешь,—нѣтъ: но ты передъ совѣстью и достойнѣйшими изъ слушателей будешь ужъ правъ, слѣдовательно, будешь спокоенъ. Еще: судьба привела тебя въ небольшой городокъ и прямо въ избранный его кругъ. Тамъ ты можешь всѣхъ приготовить къ неизбѣжной судьбѣ всякаго изъ нашихъ лучшихъ писателей, т. е., что уже непремѣнно собаки на него залаютъ, лишь выйдетъ онъ въ свѣтъ. И здѣсь умнѣйшіе перейдутъ на твою сторону еще до появленія глупыхъ газетныхъ толковъ. О невѣрующихъ и заботиться не стоитъ. А отъ единовѣрцевъ твоихъ перепадетъ многое въ среднія и даже нижнія сословія. Вотъ уже ты и стоишь неколебимъ, а главное въ мірѣ съ своимъ внутреннимъ судьей. Этими правилами я всю жизнь руководствовался — и не имѣлъ причины сожалѣть. Повѣришь ли, въ Россіи только три человѣка меня во что-нибудь цѣнятъ: это ты, Александра Осиповна и Квитка. Съ меня этого такъ довольно, что еще въ голову не приходило мнѣ желаній, какъ прибавить четвертаго!

Пока ты еще ничего важнаго не сдѣлалъ ни въ жизни, ни въ литературѣ, до тѣхъ поръ могъ по внутренней несознательности отшучиваться то веселымъ словцомъ, то улыбочкой, то (чаще всего) молчаніемъ на всѣ выходки окружающихъ противъ письменныхъ людей. Но тебя, наконецъ, правительство торжественно возвело на одну изъ первыхъ степеней въ сословіи, избранномъ тобою; но тебя цѣлый иностранный городъ, и въ отечествѣ лучшая половина законныхъ судей, облекли уваженіемъ нелицепріятнымъ; но ты совершилъ трудъ и тягостный и прекрасный: послѣ всего этого тебѣ непростительно продолжать *дѣлать маленькій ротикъ* и не рѣшиться однажды навсегда (впрочемъ,

протяжно, холодно и внятно) сказать, что не для газетчиковъ и глупцовъ трудишься ты, а для внутренняго судьи и по призванію Бога. Можно имъ растолковать, что, не помѣстясь въ цехъ торгашей, ты напередъ знаешь, какъ они на тебя кричать будутъ: однако же, ты не потревожишься отъ сего, приглашая въ сѣнь благороднаго пребыванія своего и тѣхъ, кто тебя любитъ, отъ нихъ же первыми должны явиться твои домашніе. Вотъ какъ надобно тебѣ обезопасить себя отъ гнусности клеветы и насмѣшливости литературныхъ враговъ, которыхъ (предупреждаю) не всѣхъ закупишь и поклонами, какъ называетъ Вульфертъ посылку экземпляровъ. Это я тебѣ долженъ былъ сказать; потому что не всякій же разъ новыя выдумывать намъ средства къ предотвращенію непріятностей отъ глупцовъ. Поставивъ такъ себя однажды, весело глядѣть на жизнь и знать, гдѣ что меня ждетъ, и не измѣняться. Не считаю нужнымъ именовать тебѣ журналистовъ, коимъ пошлется Фритіофъ, я этимъ распоряжусь лучше тебя — и послѣ только увѣдомлю, кому послано.

Дѣло о выборгскихъ школахъ рѣшено; но прежде года не приведется въ исполненіе. Вотъ еще тебѣ доказательство, что я умѣю многое предвидѣть въ житейскихъ дѣлахъ. Армфельтъ не сказалъ мнѣ, кто его извѣщаетъ о случающемся въ Гельсингфорсѣ, — а мнѣ было не деликатно спрашивать его о томъ. *Тема по-русски* значитъ главное содержаніе лекціи, за которымъ идутъ объясненія и подробности по-шведски. Натурально, что студентовъ экзаменовать будешь ты, какъ профессоръ, отъ котораго они идутъ уже не къ другому профессору, а на службу. Разсказъ Гартмана объ абовскомъ профессорѣ доказываетъ, что истинные таланты между профессорами вездѣ принимаемы были съ должнымъ имъ уваженіемъ. Хорошо, что съ Гейтлиномъ ты не рѣшился работать.

Журналъ. Пятница (16 мая). Весь день просидѣлъ дома. № 3 Современника идетъ быстро. Твоя статья ужъ не поспѣетъ. Готовь для № 4 о *Надеждѣ* Рунеберга. Вечеромъ былъ у Оли. Послѣ читали № 2 Современника; Александра Осиповна велѣла поздравить тебя съ моимъ отзывомъ о Фритіофѣ, а я жду себѣ отъ тебя дружескаго выговора. Что дѣлать? Сердце не утерпѣло.

78.

(Гротъ — Плетневу) ***Гфорсъ, субб., 4 ч. п. об., 17 мая 1841.***

Все, что я могу прислать для № 3 Современника, есть отрывокъ изъ романа Манцони, переведенный сестрой моей. Докончивъ просмотръ, пришлю это на будущей недѣлѣ. Самъ и думать не могу написать что-нибудь. Статья объ Александровскомъ университетѣ совершенно поглотила мои рабочіе часы. Я расположилъ ее по такому обширному плану,

что она потребовала неимовѣрную бездну труда, особливо, если взять, что я тутъ же долженъ былъ и учиться латинскому языку. Теперь, когда уже около 9 листовъ написано на чисто, я начинаю статью снова по такому плану, чтобы она была и *коротка* и *полна*, сколько нужно для общаго интереса. Терпѣть не могу ученыхъ статей, а никакъ не могу съ перваго разу писать такъ, какъ послѣ желаю. Всѣ статьи мои, которыя доселѣ тебѣ извѣстны, стоили мнѣ, относительно, такого же труда и такъ же перерабатывались нѣсколько разъ. Письма къ Александрѣ Осиповнѣ передъ Фритіофомъ тогда уже образовались, когда я напередъ то же самое *три раза* написалъ въ ученомъ видѣ. Это происходитъ отъ того, что я пишу о предметахъ, для меня самого новыхъ. Первыя работы не что иное, какъ ученіе; а результатъ выходитъ ужъ изъ нихъ. Вотъ мой теперешній планъ. Я пишу: *Воспоминанія Александровскаго университета.* Весь предметъ раздѣляю я на нѣсколько главныхъ воспоминаній, изъ которыхъ каждое получаетъ въ заглавіе: или имя *главнаго дѣйствователя* въ извѣстную эпоху, или *какой-нибудь годъ,* или *названіе событія.* Вокругъ каждаго такого туза будутъ группироваться примыкающія къ нему лица и событія. При выборѣ одного главнаго и существеннаго, это будетъ гораздо интереснѣе, нежели тотъ порядокъ, который я принялъ прежде: именно систематическое изображеніе исторіи сперва внѣшней, а потомъ внутренней жизни университета съ краткимъ напередъ описаніемъ судьбы Финляндіи вообще въ отношеніи къ образованности до основанія университета. Мнѣ кажется, что планъ, придуманный мною теперь, можетъ годиться мнѣ и впередъ при обрабатываніи русской исторіи, какъ политической, такъ и литературной. Онъ имѣетъ преимущество живости и разнообразія.

Конечно, еслибы я былъ поприлежнѣе, я бы успѣвалъ дѣлать и другое. Но внутренній источникъ дѣятельности во мнѣ изсякъ или, по крайней мѣрѣ, дремлетъ. Тому виноватъ весь мой теперешній образъ жизни и самое мѣсто, гдѣ живу. Для возбужденія дѣятельности нужны препятствія: у меня ихъ теперь почти нѣтъ. Къ тому же міръ, который я здѣсь вижу вокругъ себя, нравится мнѣ и не заставляетъ меня убѣгать совершенно въ самого себя и искать вознагражденія дѣйствительности. Когда я могу, ничего не дѣлая или лѣниво перебирая страницы, сидѣть или тихо прохаживаться на солнцѣ или въ тѣни, я такъ доволенъ своимъ положеніемъ, что ничего другого не хочу, а особливо книгъ съ кабинетнымъ воздухомъ. Правда, иногда овладѣваютъ мною грусть, безпокойство и т. п., но и въ нихъ есть своя пріятность. Признаюсь, я много счастія отъ нашихъ поѣздокъ въ Оминне и Радельму не ожидаю, здѣсь и тамъ по разнымъ причинамъ, потому что это два мѣста весьма разнохарактерныя; но, по крайней мѣрѣ, я нѣсколько времени вмѣстѣ съ тобою наслажусь

свободой, природой и душевнымъ сообщеніемъ, въ которомъ такъ нуждаюсь, ибо здѣсь его не имѣю. Ни единой нѣтъ здѣсь души, съ которой бы я могъ говорить, какъ съ существомъ, меня понимающимъ. Все чужіе!

Журналъ. Поутру были у меня Эманъ и Гонгелинъ [1]) изъ Борго. Эманъ напечаталъ въ своей газетѣ извлеченіе изъ статьи Александры Осиповны о Маріи Ѳедоровнѣ, съ замѣчаніемъ о сочинительницѣ. Это было въ среду напечатано, а въ четвергъ вышелъ здѣсь № Helsingfors-газеты, гдѣ подъ статьею о моемъ Фритіофѣ есть такое же примѣчаніе о „Fröken Alexandra Ischimoff“. О Фритіофѣ отозвались очень лестно. Послѣ хвалебнаго вступленія слѣдуетъ разсказъ содержанія всѣхъ писемъ по порядку съ двумя замѣчаніями, гдѣ рецензентъ не совсѣмъ раздѣляетъ мои мнѣнія. Далѣе изъявленіе удивленія быстротѣ, съ какою изученъ языкъ и сдѣланъ первый проэктъ перевода, отданный Жуковскому; потомъ, что любовь къ труду и работа не остались безплодными; наконецъ, хвалятъ соединеніе *вѣрности* съ *поэтической красотою.* Противъ первой говорятъ есть 2—3 промаха въ подробностяхъ, а въ отношеніи къ послѣдней особливо одобряютъ пѣсни: 7, 10, 15, 19 и 23; наконецъ, похвальное слово экзаметрамъ. Въ заключеніе говорятъ, что я „доказалъ основательное знаніе шведскаго языка и вообще германскаго просвѣщенія, что̀, если взять въ соображеніе новую его должность при Александровскомъ университетѣ, должно почитаться чрезвычайно важнымъ и многозначущимъ обстоятельствомъ“. Послѣ всего слѣдуетъ переводъ моихъ стиховъ, которымъ всѣ очень довольны. Я намѣренъ послать Тегнеру экземпляръ съ этимъ № газеты. Въ четвергъ вечеромъ гулялъ я съ Цигнеусомъ и Тенгстремомъ — были на городской башнѣ, любовались видомъ. Потомъ у Котена. Въ пятницу вечеромъ были у меня Кастренъ и Колланъ; послѣ гуляли вмѣстѣ съ попавшимся на встрѣчу Лилле.

Сегодня утромъ сдѣлалъ я выписку изъ твоихъ писемъ.

79.

(Плетневъ — Гроту) *Спб., среда, 21 мая 1841.*

Отвѣтъ на письмо отъ 14 мая. Чтобы разомъ кончить совѣщанія наши о заглавіи книги, вотъ оно, неизмѣнное въ словахъ и даже формѣ: *Юбилей Александровскаго университета въ 1840 году.*

Что бы мы ни написали въ заглавіи, нельзя обойтись безъ объясненій въ предисловіи. Тамъ будетъ все сказано, какъ составилась книга, служащая воспоминаніемъ событія, взятаго нами въ самое названіе книги. Статья Никитенки потому не нравится мнѣ, что ли-

[1]) Лекторъ русскаго языка.

*

шена совершенно колорита своей матеріи. Надобно бы хоть на какія-нибудь современныя сочиненія взглянуть. Въ ней однѣ надутыя фразы, и прочитавши все, не составишь въ головѣ никакого понятія о современной литературѣ. Въ ней только одна общая идея, что писатели заносчивы, ничего не смысля сами.

Я нахожу, что опасеніе Теслева не безъ основанія. Нетерпѣливо желаю, чтобы ты, наконецъ, во всемъ объяснился съ Армфельтомъ. Хорошо, что ты заготовилъ записку насчетъ всего, о чемъ переговорить съ нимъ нужно. Я увѣренъ, что Канцлеръ воображаетъ тебя уже дѣйствительно на каѳедрѣ. Ему и на мысль не придутъ какія-нибудь преткновенія. Смѣшно сужденіе Спафарьева, что Современникъ затмитъ Библіотеку, что какъ будто есть что-либо общаго между ними. Скажи старику Спафарьеву, если когда еще его увидишь, что и я очень помню его и часто думаю о томъ времени, которое вмѣстѣ проводили мы у незабвеннаго Молчанова.

Журналъ. Суббота (17 мая). Утромъ былъ въ университетѣ на экзаменахъ. Оттуда проѣхалъ къ Дубельту — снова трактовать о дѣлѣ между Краевскимъ и Свиньиною, которая непремѣнно хочетъ получить свои деньги за право, переданное ея мужемъ издавать Отечественныя Записки. Этотъ судъ похожъ на Шемякинъ. Дубельтъ защищаетъ Краевскаго тѣмъ, что у него мало подписчиковъ. Въ условіи же просто говорится, что онъ будетъ платить, сколько бы ихъ ни было. Поэтому и за вексель можно не платить, когда у меня мало денегъ. Дубельтъ, чтобы поставить Краевскаго въ возможность уплатить долгъ, вызвался отъ себя разослать билеты на подписку Отечественныхъ Записокъ по губернаторамъ. Это услуга дружеская, но въ то же время и несправедливая мѣра. Собирать деньги по предложенію, похожему на требованіе, въ пользу плохого журнала — не очень морально, хотя и услужливо. Вечеръ я провелъ у Оли. Тамъ ждали было графиню Бержицкую, урожденную Долгорукую, сестру издателя „Сказаній“. Она замужемъ за полякомъ, но любитъ русскія книги и познакомилась съ Александрой Осиповной единственно по ея *Исторіи.* Однакожъ она не пріѣхала.

Воскресенье (18 мая). Былъ у меня Ѳ. Ѳ. *(Корфъ).* Я приготовилъ его къ полученію Фритіофа въ простой оберткѣ. Онъ очень много этому смѣялся. Еще былъ у меня Липпертъ (переводчикъ Пушкина). Ему хочется для Германіи составить статью о Современникѣ. Я ему подарилъ экземпляръ его. Обѣдалъ я одинъ. Послѣ пріѣхала Оли съ Ал. Ос. Мы отправились на дачу. Туда же изъ театральной школы привезли воспитанницъ, числомъ 83. Онѣ разбрелись по саду, разъѣхались на лодкахъ и такъ оживили Беклешова дачу, какъ бы это было что-нибудь путное. Гуляя въ саду, мы встрѣтили Никитенко съ семействомъ. Тамъ же видѣлъ я Карла Брюлова. Никогда не встрѣ-

чаюсь я съ нимъ безъ горести и досады: видишь его Богъ знаетъ въ какомъ обществѣ и въ какомъ туалетѣ. Нѣтъ ни въ чемъ и тѣни принадлежащаго столь высокому генію. Боже мой! Какъ не похожъ былъ на него Пушкинъ! Мы пили чай у меня на дачѣ. Для театралокъ Беклешовъ тоже велѣлъ приготовить чай.

Понедѣльникъ (19 мая). Отправился къ Балабинымъ. Маrie сдѣлала мнѣ удивительно тонкое замѣчаніе на твои стихи *Приговоръ*,—замѣчаніе, которое и мнѣ приходило въ голову. Вотъ оно: если пишешь стихи въ такомъ состояніи души, когда льются горячія слёзы, то могутъ ли онѣ кому показаться холодными до такой степени, чтобы произнести этотъ *Приговоръ?* Я отдѣлался, замѣтивъ, что есть люди, которые не умѣютъ отличать стиховъ, написанныхъ съ чувствомъ, отъ обыкновенныхъ. *Вторникъ (20 мая).* Съ В. К. Ольгой Николаевной продолжали на Дѣтскомъ острову Гамлета.

80.

(Гротъ — Плетневу) ***Гфорсъ, среда, 8 ч. в., 21 мая 1841.***

Отвѣтъ. Мнѣ не совсѣмъ ясно, отчего позволительнѣе заботиться о томъ, чтобы негодные не повредили карману, нежели о томъ, чтобы они не повредили доброму имени, особенно, когда оно такъ важно, какъ здѣсь въ моемъ положеніи не только для меня, но и для успѣшнѣйшаго исполненія воли правительства [1]). Повѣрь, что я не хуже всякаго другого сумѣю плюнуть на всякіе толки, но не вижу, почему не должно благоразуміемъ сколько можно отвращать отъ себя брань, если только это не соединено съ униженіемъ. Разувѣрить людей въ такомъ дѣлѣ, гдѣ они могутъ предполагать пристрастіе, — не легко, какъ ты долженъ знать по опыту. Бранить людей, которые насъ осуждаютъ, такъ обыкновенно, что добросовѣстности моей никто не повѣритъ, когда я буду нападать на моихъ порицателей. Напротивъ, если псы меня не укусятъ, то я могу гораздо свободнѣе отзываться о нихъ. Мнѣ кажется, это ясно, какъ день. Я и теперь почти никогда не говорю о негодныхъ, потому что напередъ знаю, какой толкъ дадутъ словамъ моимъ тѣ, которые нерѣдко ссылаются на сужденія извѣстныхъ газетъ, какъ на Библію. Впрочемъ, если ты думаешь, что я чьихъ бы ни было сужденій боюсь, то очень ошибаешься; встрѣча съ разбойникомъ не испугаетъ смѣлаго, но все-таки ему бы пріятнѣе было избѣгнуть этой встрѣчи: однакожъ, это не трусость.

Что тебя въ Россіи уважаютъ только три человѣка — есть самая гиперболическая гипербола. Я, знающій такое малое число твоихъ

[1]) Не забывай, что я не домогаюсь похвалъ, а только не желаю и площадной брани. *Прим. Я. Г.*

знакомыхъ, тотчасъ бы могъ насчитать человѣкъ 50 твоихъ поклонниковъ. Графъ Армфельтъ уже въ Финляндіи, но еще сегодня его родственница говорила мнѣ, что едва ли онъ будетъ сюда. Слова: *тема по-русски* я понимаю, но мнѣ не ясно, въ чемъ можетъ быть цѣль такой методы. Одобряешь ли ты мою мысль насчетъ будущихъ лекцій: я полагаю, что всего лучше будетъ читать подробно только о такихъ эпохахъ и событіяхъ, и въ исторіи и въ литературѣ, которыя дѣйствительно достопамятны, важны, исполнены занимательности и жизни; прочее же означать только бѣгло въ видѣ перехода отъ одного предмета къ другому. По крайней мѣрѣ, на 1-й случай эта метода, кажется, лучшая. Память не будетъ затрудняема скучными подробностями, и вниманіе не будетъ утомляться.

Ящики съ Фритіофомъ пошли вчера на пароходѣ *Ижоръ*. Обѣщано, безъ всякихъ хлопотъ, доставить ихъ прямо къ тебѣ. Для 4 № Современника я и такъ предполагалъ написать о „Надеждѣ", но едва-ли статья будетъ велика. Чтожъ ты не прислалъ мнѣ № 2? Какъ могло тебѣ вздуматься писать, и еще такъ рано, о Фритіофѣ? Хоть я и очень умѣю цѣнить твою дружбу, но этого не могу одобрить. Я все сбирался, но не считалъ нужнымъ спѣшить написать тебѣ, чтобы ты отнюдь ничего не говорилъ о Фритіофѣ, кромѣ простого извѣщенія, что онъ вышелъ. А ты ужъ и успѣлъ уничтожить мое намѣреніе! Поздравленіе Александры Осиповны, хотя и не знаю съ чѣмъ, ибо не читалъ еще № 2, принимаю съ благодарностью.

Журналъ. Въ субботу, въ 8-мъ часу, пошелъ я въ садъ публичный. Что за дивный вечеръ! Въ воздухѣ лѣтняя теплота и спокойствіе совершенное; видъ на заливы при понижающемся солнцѣ божественный; отъ молодыхъ черемухъ и березъ ароматъ восхитительный. Я едва вѣрилъ, что я въ той же Финляндіи, на которую начиналъ ужъ сердиться за вѣчныя скалы. Долго не могъ я разстаться съ такими прелестями. Наконецъ, когда солнце сѣло и я вдоволь наглядѣлся со всѣхъ пунктовъ сада, я пошелъ къ Траверсе. Тамъ тотчасъ невѣста представила меня жениху [1]), который встрѣтилъ меня очень ласково. Почти первыми его словами было то, что онъ всѣ мои стихи знаетъ наизусть и что съ ними связаны для него лучшія воспоминанія.

Въ воскресенье послѣ обѣда, или, лучше, подъ вечеръ, я съ обѣими своими дамами пошелъ опять въ публичный садъ. Опять чудесная погода, но все же вечеръ уступалъ вчерашнему; гуляющихъ множество. Вчера же — я забылъ это — къ наслажденію еще способствовало то, что между деревьями студенты прелестно пѣли хоромъ. Въ этотъ день, какъ и вообще послѣ моего послѣдняго письма, я былъ очень, даже черезчуръ прилеженъ, такъ что кромѣ вечеровъ почти цѣлые дни, но не все въ

[1]) А. В. Паткулю.

комнатѣ, сидѣлъ за книгами. Какое вѣчное движеніе и разнообразіе состояній въ духѣ человѣческомъ! Что сегодня противно ему, то завтра влечетъ его неодолимой силой! Точно море, безпрестанно измѣняющееся въ видѣ, цвѣтѣ и оттѣнкахъ. Въ понедѣльникъ пошелъ я съ сестрой опять туда же, а оттуда, по ея желанію, къ Траверсе. Отецъ съ будущими скоро пріѣхалъ съ верховой прогулки. Женихъ былъ въ восторгѣ отъ смѣлости невѣсты. Онъ былъ очень веселъ, но посмирнѣе, нежели намедни, и понравился мнѣ болѣе. Видывалъ ли ты его? Вчера, во вторникъ, пошелъ я часовъ въ 6 къ Коллану звать его гулять; мы вмѣстѣ пошли и за Цигнеусомъ. Отправились къ водамъ: гуляли тамъ, пили чай и пуншъ. Долго сидѣли на извѣстной тебѣ высокой скалѣ. Намъ было весело: я много рѣзвился, скакалъ и лазилъ по утесамъ. Ленротъ здѣсь, но я его еще не видѣлъ. *Calembour* финляндскій: „С—ву почти въ одинъ день дали Владиміра *въ петлицу*, а Грота *на шею*“. Если увидишь Протопопова, поклонись ему. Я получилъ отъ него записку.

Узнай, пожалуйста, при случаѣ, получилъ ли Одоевскій и Сологубъ свои экземпляры Фритіофа, посланные имъ черезъ Регули.

81.

(Плетневъ — Гроту) ***Спб., суббота, 24 мая 1841.***

Отвѣтъ на письмо отъ 17 мая. Я уже писалъ, что для № 3 ничего не нужно мнѣ. Пожалуйста, обработай Рунебергову „Надежду“ въ такомъ же видѣ, какъ ты сдѣлалъ это со „Стрѣлками“ его. Твой планъ статьи объ Александровскомъ университетѣ — превосходный. Возьми его за образецъ для всего, что будешь писать историческаго. Это и у меня было всегда любимою идеей. Надобно изъ каждаго періода, въ политической ли исторіи, или въ исторіи литературы, образовать отдѣльную, ясную сферу и въ ея средоточіи ставить характерное, сильное лицо — двигателя всѣхъ пружинъ его эпохи.

Въ самомъ дѣлѣ, что такое исторія, какъ не объясненіе, кто вліяніемъ ума своего, или вкуса, или мощнаго характера приводилъ въ движеніе всѣ силы подчиненныя? Особенно этотъ планъ возвыситъ твои лекціи какъ политической исторіи Россіи, такъ и ея литературы. Не пропадетъ тогда ни одна лекція для твоихъ слушателей. Они выйдутъ отъ тебя съ пріобрѣтеніемъ опредѣлительнымъ и драгоцѣннымъ — съ понятіемъ главнымъ, разлившимъ свѣтъ на все его окружающее.

Разсказъ твой о томъ, какъ ты работаешь надъ статьями, служитъ убѣжденіемъ, что ты взыскателенъ къ самому себѣ, но что ты еще не довольно привыкъ побѣждать упорство труда. Послѣднее должно притти скоро, а первое ручается за успѣхъ. Насчетъ изъ-

ясненія — отчего теперь у тебя менѣе энергіи въ дѣятельности, нежели было прежде — я согласенъ: безъ препятствій слабѣетъ стремленіе. Не надобно, однако же, оправдывать себя этимъ. Напротивъ, надо бы ввести себя въ эту новую сферу жизни и все въ ней такъ устроить, чтобы дѣятельность не была борьбою съ препятствіями, а естественною потребностью бытія. У меня эта мысль, если не ошибаюсь, изложена въ отчетѣ моемъ о стихотвореніяхъ Растопчиной, про которую я сказалъ, что для нея поэзія то же, что для живого существа воздухъ. И мнѣ кажется, что привычка и любовь къ дѣлу могутъ его превратить для насъ въ стихію жизни — разумѣю дѣятельность созерцательную и эстетическую. Твоя не прямо выражаетъ утрату, а частію зависитъ отъ разстроившагося порядка, въ которомъ ты любилъ встрѣчать всѣ дни свои и всѣхъ людей, любимыхъ тобою. Къ тому явленіе весны обыкновенно томитъ сердце, Богъ знаетъ чего жаждущее.

Само собой разумѣется, что въ поѣздкахъ нашихъ лучше всего будетъ душевное сообщеніе, а не увеселенія въ гостяхъ. Что касается до теперешняго одиночества твоего, это состояніе не можетъ нигдѣ измѣниться. Еще мы счастливѣе всѣхъ. Мы два раза въ недѣлю сообщаемъ другъ другу все перечувствованное и передуманное. А сколько есть людей, которые никогда этого не имѣли да и не получатъ! Для экземпляра Пушкиной найду мѣсто: вѣроятно, я подарю его Великой Княжнѣ Ольгѣ Николаевнѣ. Мнѣ очень было пріятно, что Эманъ сдѣлалъ начало давнишнему нашему плану. Пора ему говорить о порядочныхъ людяхъ въ нашей литературѣ. Укажи ему на стихи „Абалакъ" Милькѣева [1]; пусть онъ прочтетъ мою статью: „Путешествіе Жуковскаго по Россіи", и оттуда извлечетъ любопытныя подробности объ этомъ поэтѣ-самоучкѣ. Да и другихъ сколько лицъ — въ Современникѣ, напримѣръ Невѣдомскій, Растопчина и проч.

Прекрасно разобрали твой переводъ. Непремѣнно пошли къ Тегнеру статью эту и свою книгу.

Журналъ. Среда (21 мая). Былъ утромъ въ университетѣ на экзаменѣ у Ивановскаго. Оли съ Ал. Ос. ѣздили на Каменный островъ къ Принцу Ольденбургскому съ поздравленіемъ его маленькой дочери (день рожденія). Я приглашенъ былъ чрезъ нарочнаго обѣдать у Принца. Мы всѣ (Принцъ съ Ея Свѣтлостью, фрейлина, гофмейстерина и я) осматривали собранныхъ у Принца въ саду дѣвочекъ изъ ихъ школы, числомъ уже 50. Послѣ ѣздили всѣ въ школу.

Пятница (23 мая). Утромъ былъ у Уварова: онъ представилъ сына своего [2]), опредѣляющагося въ университетъ.

[1]) Его поэма „Абалакъ" помѣщена въ Современникѣ, XXII т., 1841 г., стр. 146.

[2]) Гр. Алексѣй Сергѣевичъ, будущій ученый — археологъ.

82.

(Гротъ — Плетневу) ***Гфорсъ, субб., 24 мая, 1/2 4 п. об., 1841.***

Отвѣтъ. Пожалуй, пусть заглавіе будетъ по твоему. Теперь я уже могу съ радостію сказать: *берегъ! берегъ!* Я совершенно согласился самъ съ собою насчетъ плана, и дѣло, приближаясь къ концу, идетъ, какъ сыръ по̀ маслу. Въ заключеніи будутъ стихи, уже готовые. Ты прочтешь ихъ здѣсь. Только, не смотря на то,—чѣмъ иду далѣе, тѣмъ труднѣе писать, т. е. не отъ самаго предмета, а отъ избытка сочувствія съ нимъ. Написавъ страницу, прихожу въ такое волненіе, что долженъ встать и ходить нѣсколько времени. Ты правъ насчетъ статьи Никитенки, упрекая ее въ недостаткѣ фактовъ; но мнѣ кажется, что общія черты схвачены вѣрно. Можетъ быть, теперь книги мои ужъ у тебя. Для Жуковскаго пришлю послѣ. Вчера отъ Вассеніуса опять приходили требовать новыхъ экземпляровъ; продано 25, я далъ еще 15. Армфельтъ, какъ кажется, не будетъ сюда. Только что услышу, что онъ пустился назадъ, начну писать ему. Если Канцлеръ ошибается насчетъ моего вступленія въ должность, то легко разувѣрится въ томъ, когда случай потребуетъ объясненія. Понятно, что въ концѣ курса смѣшно новому профессору начинать курсъ. Какой добрый Шемяка, такъ трогательно пекущійся объ Андреѣ Александровичѣ! Александру Осиповну поздравь отъ меня съ *почетнымъ отзывомъ,* о которомъ возжужжала Пчела. Замѣчаніе Маріе Балабиной на мои стихи неосновательно. Писанное слово само по себѣ, какъ оно ни прекрасно въ сущности, такъ мертво, что для пріобрѣтенія значенія требуетъ полнаго сочувствія между читателемъ и творцомъ. Что, кромѣ воспріемлемости, догадливости въ первомъ можетъ его ввести въ сферу чувствъ послѣдняго и дать ему возможность постигнуть написанное слово во всей его полнотѣ? Нѣтъ явныхъ знаковъ того расположенія, въ какомъ оно написано, нѣтъ смѣху или улыбки, чтобы показать радость, нѣтъ слезъ, чтобы показать печаль или умиленіе. Даже между совершенно симпатизирующими людьми — сколько настоящаго смысла теряется въ перепискѣ! Ни ты моихъ, ни я твоихъ писемъ часто не понимаемъ, хотя и не воображаемъ этого! Одинъ малѣйшій оттѣнокъ разницы въ расположеніи, въ образѣ мыслей производитъ величайшую разницу въ образѣ постиженія написаннаго. Чего же ожидать между чуждыми другъ другу людьми, особливо совершенно разнородными? И не подтверждается ли это безпрестанно на опытѣ? Развѣ нѣтъ людей, которые прочтутъ холодно самое нѣжное стихотвореніе Жуковскаго или Пушкина и, пожавъ плечами, скажутъ: „Ничего особеннаго нѣтъ“! Если возьмешь сверхъ того въ соображеніе, что я, пиша о себѣ, долженъ былъ предполагать слабость и неискус-

стность *моихъ* словъ въ сравненіи съ тѣмъ, что хотѣлъ сказать, то, конечно, согласишься, что въ извѣстныхъ стихахъ истина не нарушена [1]). Что такое „Абалакъ“ и гдѣ помѣщенъ?

Журналъ. Въ четвергъ былъ прилеженъ. Читалъ сочиненія Муравьева и Цицерона „*О должностяхъ*“ въ подлинникѣ; благодаря диссертаціямъ, начинаю читать по-латыни легко. Вечеромъ много гулялъ и былъ съ дамами у Траверсе. Поутру вся семья съ женихомъ была у насъ; прощались, уѣзжая сегодня въ Ревель. Женихъ звалъ меня къ себѣ, когда буду въ Петербургѣ, что̀ повторилъ и вечеромъ. Читалъ наизусть стихи мои, жалуясь, что самъ не можетъ сочинять стиховъ изъ-за проклятой риѳмы. Вечеромъ поднесъ я невѣстѣ Фритіофа, чѣмъ она *показала себя быть* очень довольною (извини латинизмъ!).

Въ пятницу утромъ былъ у меня на-дняхъ пріѣхавшій Ленротъ. Когда и ты пріѣдешь сюда, разскажу его похожденія; онъ здѣсь пробудетъ съ мѣсяцъ. Я его накормилъ завтракомъ, напоилъ водкой и пуншемъ. Послѣ обѣда пріѣхалъ приказчикъ Вассеніуса спросить, признаю ли Гейтлина учебную книгу годною? онъ ее продаетъ (т. е. право изданія) Вассеніусу. Я взялъ экземпляръ для просмотра. Еще былъ хозяинъ дома Кронсъ съ извѣстіемъ, что хочетъ отдать нашъ домикъ внаймы родственнику, который вскорѣ пріѣдетъ сюда. Я стараюсь уговорить его, чтобы онъ отложилъ эту идею и предложилъ ему помощь свою въ исканіи квартиры для пріѣзжаго. Дѣло еще не совсѣмъ рѣшено. Не хотѣлось бы мнѣ разстаться съ этимъ домикомъ. Впрочемъ, времени на исканіе квартиры еще 4 мѣсяца. Вечеромъ никто не былъ у меня; я много гулялъ и посидѣлъ у Акіандера; онъ же поправляется тихо.

Твой отчетъ (2-й экземпляръ) пойдетъ въ университетскую библіотеку.

83.

(Гротъ — Плетневу) ***Гфорсъ, понед., 10 ч. в., 26 мая 1841.***

Отвѣтъ. „Надежду“ получишь, могу тебя *обнадежить.* Планъ статьи объ Александровскомъ университетѣ, тебѣ описанный, не могъ вполнѣ осуществиться, потому что предметъ не довольно обиленъ фактами; ты увидишь, что принятый теперь въ этомъ случаѣ удобнѣе. Въ государственной исторіи тотъ планъ долженъ также подвергаться частымъ модификаціямъ: напримѣръ, въ исторіи Петра Великаго имя его никакъ не можетъ служить общею заголовкою всѣхъ событій. Я началъ уже составлять планъ своихъ лекцій и нахожу, что ни одинъ изъ принятыхъ нашими историками не можетъ годиться при чтеніи предмета людямъ, вовсе съ нимъ незнакомымъ. Надобно всегда ставить себя

[1]) Объясни все это Маріе Балабиной. *Прим. Я. Г.*

въ положеніе слушателей, чтобы испытывать, будетъ ли въ ихъ понятіяхъ ясно развиваться составляемая картина. Такъ напримѣръ, раздѣленіе исторіи въ началѣ курса *на періоды* нахожу я совершенно лишнимъ и даже вреднымъ; оно можетъ быть усвоено только памятью и не можетъ быть занимательно для человѣка, чуждаго подробностямъ событій. Оно есть результатъ знанія всей исторіи: слѣдовательно, нелѣпо ставить его прежде нея. Не естественнѣе ли прямо начать разсказывать дѣло и, дойдя до извѣстнаго пункта, сказать, что здѣсь кончается первый періодъ, ибо послѣ этого начинается новый порядокъ вещей, такой-то? Впрочемъ, пожалуй, можно напередъ обозначить разные характеры исторіи, но только въ самыхъ общихъ чертахъ, безъ означенія годовъ и т. п. Такъ же точно считаю я неудобнымъ въ началѣ говорить объ источникахъ; лучше упоминать о нихъ или въ самой исторіи, напримѣръ о Несторѣ въ XI стол. (причемъ и случай распространиться о лѣтописяхъ вообще), или въ концѣ періода. Сегодня настрочилъ я вступленіе къ 1-й лекціи.

Сказанное мною о недѣятельности моей теперь уже не имѣетъ примѣненія; погода, слава Богу, испортилась, и я работаю прилежно. Впрочемъ и прежде я не былъ въ настоящемъ смыслѣ лѣнивъ; а только не довольно разнообразилъ занятія и не легко принимался за дѣло. Такъ всегда бываетъ со мною, когда одно какое-нибудь занятіе, и притомъ сухое, скучное (какъ приготовленія къ моей статьѣ), требуетъ всей моей заботливости. Теперь работа стала увлекательнѣе, и я опять прилеженъ. Но никогда не могу я совсѣмъ охладѣвать къ ученію; только бѣда, когда хоть немного дать воли фантазіи или сердцу; тотчасъ сдѣлаешься ребенкомъ. Отчего я не получаю Современника? подозрѣваю, что виноватъ университетскій разносчикъ. Какъ бы ни было, а „я жду тебя“ съ нетерпѣніемъ, а также и поѣздки нашей. Могу сказать тебѣ, что Матильда со вчерашняго дня гоститъ въ Радельмѣ. Отецъ ея съ обоими Гартманами прибылъ вчера вечеромъ на пароходѣ и по дорогѣ оставилъ ее въ Радельмѣ у Розины и Наймы.

Я часто благодарю судьбу за переписку нашу; конечно, не послѣднее счастье еженедѣльно получать два пріятнѣйшихъ подарка, не вещественныхъ, не суетныхъ, а чисто духовныхъ и полновѣсныхъ, хотя невѣсомыхъ. Они теперь замѣняютъ мнѣ всякое общество. Ты, вѣроятно, замѣтилъ изъ моихъ писемъ, что я уже нѣсколько недѣль никуда въ гости не хожу. Лѣтомъ надобно быть свободнымъ отъ пустыхъ общественныхъ заботъ; иначе совѣстно передъ природой. Вѣдь на экземплярѣ гр. Пушкиной выставлена ея фамилія. Радъ буду, если одинъ изъ моихъ экземпляровъ очутится въ такихъ рукахъ, какъ Великой Княжны Ольги Николаевны. Эману мы должны быть очень обязаны за его извлеченіе изъ статьи Александры Осиповны. Онъ далъ

вѣрное понятіе о Маріи Ѳеодоровнѣ. Сосѣдъ мой Грипенбергъ съ восторгомъ узналъ въ первый разъ объ ея ангелоподобіи. Но мало надежды, чтобы Эманъ продолжалъ, потому что такой трудъ для него, при плохомъ знаніи русскаго языка, тягостенъ. Развѣ послать ему выписку изъ твоего письма?

Вторникъ, 27 мая.

Журналъ твой черезчуръ коротковатъ; а къ тому же, осмѣлюсь замѣтить, многія запросныя статьи изъ моихъ писемъ въ послѣднее время оставались безъ отвѣта, напримѣръ, куда дѣвался отвѣтъ на вопросъ насчетъ конфискаціи финляндской газеты, гдѣ была напечатана біографія графа Ребиндера и др.?

Четвергъ, 29 мая, 9 ч. утра.

„Странная вещь, непонятная вещь"! Сейчасъ приходитъ человѣкъ Грипенберга и спрашиваетъ, нѣтъ ли у меня писемъ для отнесенія на почту. Я былъ увѣренъ, что сегодня еще только среда и не приготовилъ письма. Къ счастью, большая половина его уже написана. Остается — *Журналъ*. Въ субботу вечеромъ пошелъ позову къ двумъ братьямъ Норденгеймамъ [1]), чиновникамъ, очень образованнымъ и знающимъ хорошо по-русски. Тамъ была пирушка по случаю отъѣзда одного пріятеля. Весь вечеръ разносили пуншъ и мороженое и, наконецъ, ужинали. Такъ какъ тамъ было много знающихъ по-русски, то я наслышался много преувеличенныхъ похвалъ за Фритіофа. Пріѣхавшій всѣхъ позже Котенъ привезъ вѣсть, что графъ Армфельтъ изъ Петербурга въ Гельсингфорсѣ. На другое утро я въ 1/2 9 часа былъ уже у него. Онъ принялъ меня какъ нельзя ласковѣе и даже при прощаніи намекнулъ, что навѣститъ меня, чего однако же, какъ и требовало приличіе, не сдѣлалъ. Насчетъ пересылки русскихъ книгъ, онъ велѣлъ мнѣ войти къ нему съ формальнымъ отношеніемъ. Насчетъ размѣщенія здѣсь русскихъ книгъ, я предложилъ, нельзя ли нанять, изъ суммы на покупку книгъ, 2—3 комнаты, гдѣ приведеніе русскихъ книгъ въ порядокъ возложить на троихъ преподавателей русскаго языка. Съ этимъ велѣлъ графъ обратиться въ консисторію. Совѣтовалъ начать преподаваніе тотчасъ при открытіи осенняго курса. Сообщилъ я ему мое желаніе насчетъ поднесенія Наслѣднику Фритіофа съ извѣстною клаузой: обѣщалъ. Потомъ разсказалъ содержаніе книги нашей и на другой день отнесъ (но не засталъ графа) *Посвященіе* съ оглавленіемъ статей. Наканунѣ графъ спросилъ, отчего Нервандеръ не участвуетъ. Я, не обдумавъ, сослался на

[1]) Норденгеймы, Морицъ Вильгельмъ и Клаэсъ (Claës) Гавріилъ — служили при сенатѣ: первый начальникомъ I экспедиціи (впослѣдствіи сенаторъ) и второй — „протокольнымъ секретаремъ" въ департаментѣ юстиціи.

трудность имѣть много соучастниковъ и лѣность ихъ писать; но ты при случаѣ объясни ему: 1) что въ этой книгѣ участвуютъ только сошедшіеся случайно лѣтомъ; 2) книга эта есть, согласно съ посвященіемъ, дань благодарности университету; какъ же могли въ ней участвовать самые хозяева пиршествъ? Эту идею выразилъ я и въ предисловіи, которое, не смотря на сказанное въ послѣднемъ письмѣ, нашелъ нужнымъ написать. Сверхъ того растолкуй графу, отчего моя статья въ оглавленіи стоитъ первою. Какъ вступленіе къ стихамъ Францѐна и вообще по своему предмету, она другого мѣста естественно не можетъ занимать. Я надѣялся самъ объяснить это графу, но не видѣлъ его болѣе. Въ понедѣльникъ былъ я у ректора — не засталъ. Вечеромъ видѣлъ чудеснѣйшую картину природы: надъ городомъ однѣ тучи, дождь, а на западѣ, на краю горизонта — солнце во всемъ блескѣ заходитъ. Я пошелъ на скалы необыкновенными путями: лазилъ съ одного хребта скалъ на другой, и, наконецъ, насладился неописуемымъ зрѣлищемъ: надъ городомъ стояла огромная радуга.

Во вторникъ писалъ рекомендательныя письма для Форстера[1]), о которомъ упомянуто въ Современникѣ; онъ ѣдетъ къ вамъ; я далъ ему письма: къ Александрѣ Осиповнѣ, Одоевскому и др. Къ тебѣ велѣлъ итти безъ письма. Вчера, наконецъ, принесли мнѣ Современникъ, для котораго я 3—4 раза былъ у ректора напрасно. Видно, что твоя статья о Фритіофѣ написана сердцемъ, а не умомъ. Форма, какую ты принялъ въ этой книжкѣ для разбора русскихъ книгъ, мнѣ очень понравилась. „Абалакъ"—прекрасная вещь. О другомъ не успѣваю говорить.

84.

(Плетневъ — Гроту) ***Спб., среда, 28 мая 1841.***

Отвѣтъ на письмо отъ 21 мая. Цѣль изложенія темы на русскомъ, а ея объясненія на шведскомъ состоитъ въ томъ, чтобы ты могъ, по возможности, поставить себя правымъ предъ правительствомъ, назначившимъ тебя для преподаванія исторіи по-русски, и удовлетворить необходимости, говоря людямъ, худо понимающимъ не природный свой языкъ. Не принимай, впрочемъ, этихъ словъ слишкомъ буквально. Они только значатъ, что можно пользоваться по мѣрѣ нужды при лекціяхъ обоими языками. Я уже сообщилъ тебѣ мое мнѣніе о превосходно избранномъ тобою планѣ лекцій — группировать все второстепенное около одного колоссальнаго лица или событія: теперь повторяю мое подтвержденіе. Благодарю тебя за обѣщаніе прислать статью о „Надеждѣ". Я не говорилъ, что она должна быть большая: я только желалъ, чтобы ты за образецъ ея составленія взялъ свою же статью о „Стрѣлкахъ" Рунеберга.

[1]) О немъ см. стр. 275.

О Фритіофѣ я долженъ былъ сказать, чтобы предувѣдомить публику и отчасти предупредить толки нашихъ критиковъ. Впрочемъ, какъ ты самъ видѣлъ, мой отзывъ самый умѣренный, какъ всѣ мои статьи. Одоевскаго и Сологуба не вижу: первый живетъ на Черной рѣчкѣ, а другой въ Павловскѣ. Полагаю, что Регули имъ отдалъ твои экземпляры, по крайней мѣрѣ, для того, чтобы имѣть предлогъ явиться къ нимъ. Ты пишешь, что начиналъ сердиться на вѣчныя скалы Финляндіи. Это нехорошее чувство. Помни, что скалы для тебя были пристанищемъ отъ бури или безвѣтрія чиновнической жизни. И у насъ лѣто началось теплое и постоянное. Къ общему изумленію май проходитъ безъ холоду и снѣгу. Спрашиваешь: видалъ ли я Паткуля? Странное дѣло: развѣ ты не знаешь, что онъ воспитывался съ Наслѣдникомъ и покойнымъ Іосифомъ (сыномъ Вьельгорскаго) [1])? Всѣ трое они предъ моими глазами въ одной учебной комнатѣ выросли. Какъ мальчика, я даже любилъ Паткуля, и теперь люблю его за доброе сердце, — но онъ изъ числа офицеровъ тысячами видимыхъ.

Журналъ. Суббота (24 мая). Былъ въ университетѣ на экзаменѣ у Устрялова.

Воскресенье (25 мая). Обѣдалъ одинъ. Поѣхалъ за Оли и всѣ пустились на мою дачу. Тамъ на воздухѣ въ нашемъ садикѣ пили чай и читали новую повѣсть Квитки, только что присланную: „Достовѣрное преданіе“.

Понедѣльникъ. Утромъ былъ у попечителя, который насъ при концѣ текущаго года покинетъ. Вечеромъ въ совѣтѣ, откуда съ Порошинымъ и Савичемъ пошли чай пить къ Александрѣ Осиповнѣ. Порошинъ еще не читывалъ исторіи Александры Осиповны.

Вторникъ (27 мая). Въ Петергофѣ былъ въ 12 ч. Вся Императорская фамилія отправилась къ Красной Горкѣ на пароходѣ встрѣчать Великую Княгиню Марію Николаевну. Заѣзжалъ по дорогѣ къ Краевскому. Онъ злится, зачѣмъ я хвалилъ Растопчину.

85.

(Гротъ — Плетневу) ***Гфорсъ, суббота, 31 мая 1841.***

Отвѣтъ. Твой отзывъ о Фритіофѣ очень выгоденъ для меня и, правда, написанъ въ духѣ умѣренности (хотя въ сущности вовсе не умѣренъ), но онъ не совсѣмъ на мѣстѣ, стоя почти рядомъ съ моею статьею. Впрочемъ, что за дѣло до людскихъ толковъ? Если я и сос-

[1]) Іосифъ Михайловичъ, старшій сынъ Михаила Юрьевича, избранный императоромъ Николаемъ въ товарищи Цесаревичу по воспитанію и обученію, умеръ въ Римѣ въ 1839 году.

рился со скалами финляндскими, то никогда не думалъ забывать, чѣмъ обязанъ имъ; но моя благодарность не придастъ имъ жизни, и я не ручаюсь, что и впредь не буду иногда вздыхать по другой природѣ. Впрочемъ, промѣнявъ болото на скалы, я чувствую, что все остаюсь на землѣ, и что всѣ пункты ея равновѣсятъ между собою въ отношеніи къ горестямъ. Отчего Краевскому досадно, что ты хвалилъ Растопчину? Развѣ онъ ей врагъ, или ему не нравятся ея стихи?

Журналъ. Вчера послѣ обѣда былъ я въ библіотекѣ и у ректора. Послѣдній насчетъ приведенія въ порядокъ русскихъ книгъ считаетъ удобнѣйшимъ въ самой библіотекѣ отдѣлить, если можно, особую комнату для нихъ. Онъ обѣщалъ поговорить объ этомъ съ Пиппингомъ. Онъ сказалъ мнѣ, что я не могу читать менѣе 4-хъ часовъ въ недѣлю, ибо противное подало бы видъ, что уклоняюсь отъ должности. Вечеромъ были у меня Рейнъ, Готлундъ и подъ конецъ Ленротъ, который сталъ рыться въ лексиконѣ Рейфа, потомъ игралъ на кантелѣ и читалъ вслухъ, по уходѣ другихъ, Современникъ,—не забудь, что теперь, по случаю его пріѣзда, надобно доставить для него и 1-й № нынѣшняго года. День заключилъ я прогулкой съ Ленротомъ въ Синебрюховомъ саду.

Сегодня на бульварѣ видѣлъ я медика Гартмана, котораго почти первый вопросъ былъ: пріѣдешь ли ты сюда? Къ счастію я могъ отвѣчать утвердительно. Онъ, Гартманъ, на-дняхъ пріѣхалъ изъ Радельмы съ своимъ братомъ, который опять ужъ уѣхалъ для разъѣздовъ по разнымъ городамъ.

Прошлый разъ забылъ я сказать тебѣ, что графъ Армфельтъ разсказывалъ мнѣ многое о новыхъ школахъ; о должности экзаменатора еще представится въ сенатъ, который назначитъ по ней жалованье. До свиданья.

86.

(Плетневъ — Гроту) ***Спб., суббота, 31 мая 1841***

Отвѣтъ на письмо отъ 24 мая. Поздравляю тебя, что, наконецъ, увидѣлъ ты вожделѣнный берегъ въ своей статьѣ. Напередъ восхищаюсь ею, видя, какъ добросовѣстно и съ какою любовію трудишься ты надъ нею. О твоихъ книгахъ вчера только я получилъ увѣдомленіе. Сегодня послалъ за ними. Я рѣшился ихъ сдать на комиссію въ двѣ лавки: Юнгмейстера и управляющаго лавкою Ксенофонта Полевого, который открылъ здѣсь книжный магазинъ. Такимъ образомъ увижу, кто изъ нихъ добросовѣстнѣе. Это пригодится для выбора коммиссіонера вашему университету. Въ Москву непремѣнно пошлютъ часть твоихъ книгъ, даже въ Нижній на Макарьевскую. Армфельта, вѣроятно, ты уже видѣлъ. Путята мнѣ сказывалъ, что они послали графу бумаги въ Гельсингфорсъ. Не согласенъ, чтобы въ замѣчаніи Балаби-

ной не было истины. Стихи — не то, что письмо. Они вызываются чувствомъ, — и на нихъ по необходимости остается его печать. Впрочемъ, я только хотѣлъ показать тебѣ, какая мыслящая у нея душа. „Абалакъ" — Милькѣева во 2 № Современника. Я радъ, что Муравьевъ (Михайло Никитичъ?) у тебя на одной линіи съ Цицерономъ. Да! онъ для понимающаго цѣну ума и искусства равенъ древнимъ классикамъ. Ты успѣхами въ латынѣ скоро заткнешь за поясъ гельсингфорскихъ профессоровъ, которые не болѣе, какъ педанты. Для нихъ у древнихъ одни слова — а для тебя жизнь. Поклонись отъ меня Ленроту. Долго ли онъ прогоститъ у васъ? Непріятно, что ты принужденъ будешь снова искать квартиру.

Журналъ. Среда (28 мая). Утромъ былъ въ университетѣ на экзаменѣ у Устрялова и Ивановскаго. Вечеромъ отправился въ собраніе совѣта, который въ понедѣльникъ не состоялся по недостаточному числу собравшихся членовъ. Уставъ требуетъ, чтобы дѣла рѣшались не иначе, какъ по приговору двухъ третей профессоровъ. Весь совѣтъ у насъ состоитъ изъ 29 членовъ.

Четвергъ (29 мая). Утромъ былъ въ правленіи университета и на экзаменѣ гувернантокъ и гувернеровъ. Воротясь домой и наскоро отобѣдавъ, пустился къ Оли, чтобы всѣхъ ихъ забрать на дачу пить чай. Мы ѣхали черезъ Черную рѣчку. На этой дорогѣ живетъ и Путята; я зашелъ къ нему, предложивъ женѣ его притти съ мужемъ къ намъ чай пить. Они такъ и сдѣлали. Время было прелестное. Мы расположились съ самоваромъ въ моемъ садикѣ на открытомъ воздухѣ. Путяты сказывали, будто князь Мещерскій (зять Карамзиной) сбирается на лѣто въ Гельсингфорсъ. А я слышалъ, что и Ростовцевъ съ семействомъ ѣдетъ къ вамъ же. Сама Карамзина съ дочерьми незамужними уже въ Ревелѣ. Marie Балабина съ матерью тамъ же будутъ. Послѣ чаю мы всѣ обошли Беклешевскій садъ. Наконецъ, въ 11-мъ часу мы пустились до дому. Поднялся такой туманъ, что ничего нельзя было видѣть за нѣсколько саженъ.

Пятница (30 мая). Я былъ въ университетѣ на собственномъ экзаменѣ до 3 часовъ. Послѣ обѣда сдѣлалъ три тщетныхъ визита: къ Оли, къ Одоевскому (на Черную рѣчку) и къ Устрялову (на Крестовскій островъ). Вечеръ провелъ на Каменномъ островѣ у Толстой (гувернантка Михайловскихъ Великихъ Княженъ). Тамъ былъ лицеистъ — ея сынъ, и Фишеръ — типографщикъ, большой ея другъ.

87.

(Гротъ — Плетневу) ***Гфорсъ, среда, 4 іюня, 5 ч. п. об., 1841.***

Отвѣтъ. Моя статья была бы втрое лучше, еслибъ я не былъ принужденъ стѣсняться мѣстомъ, и стоила бы менѣе труда, еслибъ я

имѣлъ болѣе опытности въ подобной работѣ. Впередъ буду умнѣе; дѣло въ томъ, что я ни одной строчки не могъ написать отъ себя, а долженъ былъ излагать одни голые факты, почерпая ихъ изъ 1.000 источниковъ, и приводить ихъ въ органическій порядокъ. Кажется, нынѣшнее время, т. е. лѣто, самая невыгодная пора для продажи книгъ, и я хотѣлъ спросить тебя, не лучше ли отложить выпускъ Фритіофа до осени, но пусть будетъ, какъ ты разсудилъ за благо. Благодарю за аттенцію въ присылкѣ мнѣ нѣсколькихъ экземпляровъ „Стрѣлковъ". Какъ тебѣ могла придти такая мысль? не знаю; но не голова ея мѣсторожденіе. У меня остается еще экземпляровъ 30 „Гельсингфорса". Знаешь ли, что я съ ними сдѣлалъ? Отдалъ 25 штукъ вскорѣ послѣ Фритіофа къ Вассеніусу въ лавку; пусть ваши земляки разоряются на мои творенія. Скажи брату, что я такимъ образомъ исполнилъ его зимній совѣтъ.

Замѣчаніе Балабиной справедливо только тогда, если подъ словомъ *иной* въ послѣднемъ куплетѣ подразумѣвать слова: *человѣкъ, умѣющій мыслить и чувствовать*, но я не знаю, почему такъ ограничивать мою мысль и предполагать, что между моими читателями не можетъ быть собакъ. Да, Михайло Никитичъ (т. е. Муравьевъ). Но его знанія и понятія часто отзываются вѣкомъ, который отъ нашего во многомъ уже поотсталъ. Цицеронъ меня очень занимаетъ оригинальнымъ выраженіемъ простыхъ и здравыхъ мыслей. Такъ то, можетъ быть, опять случай навелъ меня на сокровищницу новыхъ духовныхъ богатствъ, т. е. римскаго міра, котораго я совсѣмъ почти не зналъ. Ленротъ будетъ здѣсь до 15-го іюня или à peu près. Я не ищу квартиры: пусть хозяинъ распоряжается, какъ ему угодно.

Журналъ. Въ воскресенье въ 12 часу вышелъ въ городъ и увидѣлъ, безъ намѣренія, прибытіе парохода. Нашелъ на немъ знакомыхъ: коллежскаго совѣтника Реймерса[1]), который обрадовалъ меня, сказавъ, что видѣлъ тебя и что ты не перемѣнился въ лицѣ, но опечалилъ, прибавивъ, что ты еще сомнѣваешься, будешь ли сюда нынѣшнее лѣто. Напиши, правда ли это, чтобы я по полученіи твоего письма зналъ, точно ли мнѣ пора заказать себѣ гробъ. Реймерсъ остановился у меня, но я, гуляя и разговаривая съ нимъ, все только чувствую, что онъ не ты.

Вторникъ. Обѣдали съ Реймерсомъ въ харчевнѣ, гдѣ было еще нѣсколько кавалеровъ. Живыя воспоминанія о тебѣ и тайные вздохи. Послѣ былъ я у больного Кастрена и у старушки Валленъ, которой мужъ на мызѣ. У старушки сидѣлъ 83-хъ-лѣтній Эренстремъ[2]), презамѣчательный старикъ здѣшній. Я провелъ время пріятно съ этими двумя развалинами.

[1]) Алексѣя Астафьевича, лицейскаго товарища Я. К. Грота, о которомъ выше.

[2]) Эренстремъ (Joh. Albr. Ehrenström), род. 1762 г. (слѣдовательно 79 лѣтъ), состоялъ въ шведской службѣ (въ кабинетѣ иностранныхъ дѣлъ); былъ тамъ замѣшанъ въ

88.

(Плетневъ — Гроту) ***Спб., 4 іюня 1841.***

Отвѣтъ на письмо отъ 2 іюня. Модификація плана исторіи необходима, какъ само собою разумѣется — и ты въ этомъ совершенно правъ. Ты напомнилъ мнѣ Пушкина, обрадовавшись, что погода испортилась, — и ты снова засѣлъ за работу. Экземпляръ Пушкиной отданъ у нея въ домѣ, гдѣ сказали, что отнесутъ его къ Аврорѣ Демидовой. А Великой Княжнѣ Ольгѣ Николаевнѣ я подарилъ простой, необрѣзанный экземпляръ, которымъ она была очень довольна. Эману надобно внушить ревность къ изученію русскаго языка. Польза будетъ большая и для него, и для читателей его газеты. Ты самъ видишь, какъ одна статья, хорошо обработанная, подѣйствовала благотворно. Изъ котораго письма моего хочешь ты послать Эману выписку? Мой журналъ по той же причинѣ коротковатъ, по которой и у тебя менѣе описаній жизни внѣшней: и я лѣтомъ почти не посѣщаю никого. О какой конфискаціи финляндской газеты, гдѣ была напечатана біографія графа Ребиндера, говоришь ты — не помню совсѣмъ. О пріемѣ графа Армфельта я былъ увѣренъ, что другого и сдѣлать тебѣ не могъ. Какъ ты щекотливо заботишься изъяснить, даже отчего твоя статья въ оглавленіи стоитъ первая! Это все дѣлаетъ честь твоему сердцу и твоей скромности, но въ то же время показываетъ, что ты людямъ болѣе приписываешь вниманія къ чужимъ дѣламъ, нежели сколько ихъ эгоизмъ позволяетъ имъ имѣть его. Форстера до сихъ поръ я еще не видалъ. Моя статья о Фритіофѣ написана такъ, какъ я всегда говорю о вещахъ, меня радующихъ. На что тебѣ уставъ нашего университета?

Журналъ. Суббота (31 мая). Лишь только я отправилъ къ тебѣ письмо, принесли ко мнѣ твои экземпляры Фритіофа. Я ихъ тотчасъ распредѣлилъ по назначенію. Юнгмейстеру на коммисію 150 экземпляровъ; въ лавку Полевого 150 экземпляровъ, приказавъ часть отправить въ Москву и на Макарьевскую. Прочая раздача слѣдующая: 5 экземпляровъ цензурному комитету, 3 Армфельту, 3 Константину Карловичу, 6 журналистамъ: Гречу, Булгарину, Очкину [1]), Сенковскому, Краевскому и Никитенкѣ, 6 Корфамъ, 2 себѣ и Александрѣ Осиповнѣ, 2 Шернвалю и Пушкиной (графинѣ), 1 Путятѣ, 1 Кутузовой. Сверхъ того, далъ по экземпляру обоимъ братьямъ Макси-

Армфельдовскомъ процессѣ (въ государственной измѣнѣ), приговоренъ къ пожизненному заключенію въ крѣпости (1794 г.), но освобожденъ и возстановленъ въ дворянствѣ въ 1800 г.; въ 1811 г. переселился въ Финляндію и продолжалъ здѣсь дѣятельность, былъ сенаторомъ, ум. 1847 г.

[1]) Амплію Николаевичу, редактору С.-Петербургскихъ Вѣдомостей и переводчику, ум. 1865 г.

мовичамъ на память Гельсингфорса. Да послалъ въ Парижъ Тургеневу [1]) и въ Дюссельдорфъ Жуковскому по экземпляру; наконецъ, Шульгину и Великой Княжнѣ Ольгѣ Николаевнѣ.

Понедѣльникъ (2 іюня). Первый день работалъ для № 3 Современника. Вечеромъ ѣздилъ съ Оли и прочими дамами на Елагинъ, гдѣ видѣлъ катающихся верхомъ дочерей Великой Княгини Елены Павловны. Вечеръ былъ божественный.

Вторникъ (3 іюня). Поѣхалъ въ Петергофъ. Великая Княжна Ольга Николаевна дочитала со мной Гамлета и была имъ очень довольна. Послѣ мы начали Фритіофа. Она тебя очень знаетъ — и стихами была восхищена, особенно по новости картинъ. Она мнѣ объявила, что Великая Княгиня Марія Николаевна приказала мнѣ пріѣхать къ ней въ Сергіевское (дача ея въ 3 верстахъ отъ Петергофа). Я пустился туда. Вошедъ въ комнату, засталъ Великую Княгиню Марію Николаевну за фортепіаномъ. Свиданіе очаровательное. Она была совершенно одна; повела меня по всѣмъ своимъ комнатамъ, по балконамъ, спальнямъ, уборнымъ и даже въ дѣтскую, гдѣ спала Княжна. Мы потомъ сѣли въ ея кабинетѣ. Она отъ Великой Княжны Ольги Николаевны слышала о маркизѣ и ея помолвкѣ, чему (писала ей О. Н.) я все былъ причиною. Наконецъ, пришли: фрейлина, Вьельгорскій (Матвѣй) [2]), Крюднерша и Герцогъ, обошедшійся со мной, какъ со знакомымъ, но котораго онъ съ перваго раза не узналъ. Завтракали. Послѣ всѣ пошли пѣшкомъ по саду, чтобы его показать мнѣ. Осматривали строющійся ихъ домъ. Герцогъ курилъ сигару и предложилъ мнѣ воспользоваться подобною же. Я изъ вѣжливости отказался, но послѣ жалѣлъ, что на память не взялъ его сигары. Наконецъ, въ 3 часа я ихъ оставилъ. Герцогъ изъ дворца выбѣжалъ ко мнѣ, чтобы проститься. Ѣдучи домой, я заворотилъ къ Корфамъ, которыхъ всѣхъ нашелъ вмѣстѣ. Они въ восторгѣ отъ твоего Фритіофа.

89.

(Гротъ — Плетневу) ***Гфорсъ, субб., 7 іюня, 3 ч. п. об., 1841.***

Отвѣтъ. По послѣднему изъ моихъ плановъ я намѣренъ сперва прочитать исторію и политическую и литературную очень кратко, только, чтобы дать понятіе объ общемъ ходѣ развитія русскаго народа; послѣ же, избирая важнѣйшія эпохи, буду читать о нихъ со всею подробностію; не замѣчательныя же части исторіи буду оставлять безъ дальнѣйшаго разсмотрѣнія.

Реймерсъ подалъ мнѣ хорошую идею: имѣть на лекціяхъ висящую

[1]) Александру Ивановичу.

[2]) Матвѣй Юрьевичъ, оберъ-гофмейстеръ, извѣстный музыкантъ, ум. 1856 г.

*

большую карту для показанія мѣстъ, что будетъ способствовать къ облегченію памяти. Въ самомъ дѣлѣ, исторія въ такой тѣсной связи съ географіей, что послѣднею никакъ не должно пренебрегать. Только не знаю, есть ли такая карта, гдѣ бы явственно въ большихъ размѣрахъ были показаны всѣ примѣчательнѣйшія мѣста; узнай это при случаѣ. Если нѣтъ, то со временемъ надобно будетъ позаботиться объ изготовленіи такой карты. Эманъ былъ у меня самъ черезъ часъ послѣ прихода твоего письма. Я говорилъ съ нимъ о статьяхъ по русскимъ литературнымъ дѣламъ; онъ согласенъ, и я обѣщалъ доставить ему матеріалы. Онъ ѣдетъ на два мѣсяца въ Швецію и беретъ Фритіофа съ письмомъ къ Тегнеру, который пьетъ воды у моря въ одномъ городѣ въ Швеціи.

Говорятъ, что графъ Армфельтъ особенно высоко цѣнитъ Нервандера. Правда, что эгоизмъ отвлекаетъ вниманіе людей отъ чужихъ дѣлъ, но только отъ хорошихъ; когда же въ нихъ есть поводъ къ обвиненію, то они съ жадностью ловятъ случай повредить ближнему, какъ будто вредъ другого есть также наслажденіе для самолюбія. Вотъ на чемъ основывалось мое изъясненіе, почему моя статья стоитъ первою. Для сравненія нуженъ мнѣ уставъ вашего университета. За всѣ твои распоряженія для Фритіофа сердечно благодарю тебя. Продолжай сообщать мнѣ сужденія о Фритіофѣ, хотя бы и невыгодныя. Поздравляю съ пріѣздомъ германской корреспондентки [1]). Когда увидишь Форстера, разспроси его, какъ бывало Герцогъ въ Мюнхенѣ разгуливалъ съ нимъ по городу.

Журналъ. Вечеромъ пошелъ я съ Реймерсомъ въ типографію, гдѣ отдалъ на первый случай 200 руб. за печатаніе Фритіофа, а послѣ къ Ленроту, который кое-какъ по-русски и порядочно по-нѣмецки объяснялся съ Реймерсомъ. Потомъ тихимъ шагомъ пошли мы за заставу Петербургскую и непримѣтно дошли до Чепурнова, котораго новая мыза на 5-й верстѣ.

Вчера я много занимался, а вечеромъ былъ у меня только Готлундъ; въ 10-мъ часу пошли мы съ Реймерсомъ провожать его; только что воротились, грянулъ ужаснѣйшій громъ и дождь. Одинъ ударъ грома былъ такъ силенъ, что разбудилъ весь нашъ уже уснувшій домъ. Сегодня поутру въ 11 часовъ пришелъ Эманъ, прибывшій изъ Борго на пароходѣ вмѣстѣ съ Рунебергомъ. Онъ везетъ въ Стокгольмъ 12 экземпляровъ „Надежды". Послѣ былъ братъ Цигнеуса, который перевелъ статью Одоевскаго и будетъ также переводить мою. Ея первую половину получитъ онъ уже завтра. Онъ намѣренъ года черезъ 2 ѣхать въ Москву; ему 22 года. Я долженъ еще писать брату и Тегнеру.

[1]) Великой Княгини Маріи Николаевны.

90.

(Плетневъ — Гроту) ***Спб., субб., 7 іюня 1841.***

Отвѣтъ на письмо отъ 31 мая. Краевскій и Растопчина, не знаю, по какой причинѣ, другъ друга не любятъ. Конечно, и съ русскими книгами лучше распоряжаться въ особой комнатѣ библіотеки, нежели на наемной квартирѣ. Ректоръ правъ — и ты долженъ читать дѣйствительно 4 часа въ недѣлю. По нашему же уставу, отъ всякаго требуютъ 8 часовъ. Экземпляръ Современника для Ленрота я отправлю сегодня же. Ты увѣрилъ Гартмана, что я непремѣнно къ вамъ пріѣду. Итакъ, чтобы тебя не скомпрометировать, рѣшено: прочитавъ эти слова, отправляйся по сосѣдству искать комнатку, гдѣ бы я могъ жить, съ прислугою отъ хозяевъ, т. е. чтобы мнѣ чистили платье, сапоги, мыли бѣлье и давали постельный и чайный приборъ. Болѣе ничего. Ходъ долженъ быть удобный. Наемъ продлится мѣсяца два слишкомъ. Доволенъ ли ты мною? Извини, что мало пишу. Ужасно много дѣлъ. Надобно все передъ отъѣздомъ устроить.

91.

(Гротъ — Плетневу) ***Гфорсъ, воскр., 7 ч. веч., 10 авг. 1841*** [1].

Ты теперь на дорогѣ въ Ловизу; а я сижу одинъ-одинехонекъ дома. Передо мной раскрыты разныя книги; но я, признаюсь, думаю о тебѣ и плачу. Меня трогаетъ не только наша разлука, но и мысль, что я, слишкомъ много занимаясь при тебѣ, можетъ быть, сдѣлалъ твое пребываніе здѣсь менѣе пріятнымъ, нежели могъ, и даже, можетъ быть, доставилъ тебѣ много скучныхъ минутъ, тогда какъ ты пріѣхалъ для меня.

Вторникъ, 12 августа. Въ понедѣльникъ въ 11 ч. утра пошли мы всѣ съ Реймерсомъ на пароходъ, тамъ простились со множествомъ пріѣзжихъ.

Сегодня поутру былъ у меня ректоръ; онъ принесъ инструкцію, въ которой почти все одобрилъ; два дѣльныхъ замѣчанія я принялъ; другія два сдѣлалъ я, и онъ принялъ. Разрѣшилъ мнѣ выписывать книги на первый случай прямо отъ меня. Почему я и прошу тебя, когда будешь въ городѣ, уговориться съ надежнымъ книгопродавцемъ. Лекціи буду читать, вѣроятно, послѣ обѣда.

Среда. Въ воскресенье мнѣ досадно было на того молодца, кото-

[1] Послѣ двухъ-мѣсячнаго лѣтняго пребыванія П. А. Плетнева съ Я. К. Гротомъ въ Гельсингфорсѣ и въ помѣстьяхъ ихъ знакомыхъ: графа Армфельта (*Оминне*) и Гартмана (*Радельма*).

рый на станціи нарушилъ наше единство при прощаніи. Я его въ мысляхъ гналъ за 1.000 верстъ отъ той станціи.

Я эти дни много занимался исторіею; читалъ Карамзина, Полевого, Булгарина, Устрялова и вывелъ заключеніе, что мнѣ болѣе ничего не остается дѣлать, какъ пока переводить Устрялова. Составлять никакъ не время, потому что я долженъ *писать* лекціи; *говорить* (по-шведски), по сдѣланнымъ опытамъ, оказывается пока слишкомъ труднымъ. А написать въ недѣлю на четыре часа чтенія — не легкое дѣло. Запрягли же меня! Но, взявшись за гужъ, не говори, что не дюжъ.

92.

(Плетневъ — Гроту) *Спб., вторн., 2 августа, 1841.*

Ты, вѣрно, удивишься, милый мой Яковъ Карловичъ, что я такъ быстро очутился здѣсь, да еще и написать успѣлъ къ тебѣ. Я летѣлъ, нигдѣ не останавливаясь. Меня въ дорогѣ утѣшилъ одинъ чухонецъ. Онъ гналъ лошадей, какъ русскіе ямщики съ фельдъегерями. Взлетѣвъ на какую-нибудь гору, онъ обыкновенно съ улыбкой ко мнѣ оглядывался и говорилъ: *любишь?* Это было уморительно смѣшно. Передъ Ловизой привязался къ намъ пьяный, который непремѣнно хотѣлъ сѣсть съ моимъ кучеромъ. Тотъ его оттолкнулъ, а онъ схватился за шлею, да такъ, что три мужика съ четверть часа бились, чтобы разжать его пальцы. Между Краснымъ Селомъ и Пампалой на гору меня не могли взвести лошади. Это было ночью, часу во второмъ. Мой кучеръ, взявъ одну лошадь, отправился на станцію за свѣжею лошадью, а я остался одинъ караулить другую его лошадь и коляску. Такъ я четверти три простоялъ на часахъ. Но что за ночи были! Что за звѣзды! Особенно Венера передъ утромъ: она сверкала и такъ была велика, что въ первый разъ я принялъ ее за ущербленную луну. Таможенныхъ (которые вообще со мной были необыкновенно учтивы и деликатны) привели въ замѣшательство мои тавастгусскія сигары. Долго размышляли они, что съ ними дѣлать. Наконецъ, со вздохомъ пропустили. Я пріѣхалъ къ себѣ на дачу въ 1-мъ часу пополудни, во вторникъ. Еслибы не пьяный, да не гора, да не таможня — навѣрное я совершилъ бы всю эту дорогу въ 48 часовъ. Завтра ѣду рано къ Оли. Будь здоровъ.

93.

(Гротъ — Плетневу) *Гфорсъ, пятн., 15 (27) авг. веч. 1841.*

Я имѣлъ маленькую надежду, что получу отъ тебя письмо сегодня, но не смѣлъ ей предаваться: представь же себѣ, какъ я обрадовался, когда, по возвращеніи изъ купальни, нашелъ твое письмо. Честь и

слава тебѣ! Мнѣ оно казалось невѣроятностью,— такъ ты скоро съѣздилъ. Какъ и я хохоталъ, узнавъ о добромъ чухнѣ съ его *любишь!* Теперь желаю тебѣ здоровья и продолженія прежняго счастья. Какъ-то на тебя подѣйствовало извѣстіе о сырости новой квартиры, о чемъ я узналъ изъ интереснаго и, какъ всегда, прелестнаго письма Александры Осиповны?

Вчера утромъ позвалъ я къ себѣ Грипенберга и прочелъ ему свою первую лекцію. Онъ увѣряетъ, что я не только доставилъ ему величайшее наслажденіе, но привелъ его въ изумленіе, и обѣщаетъ блистательный успѣхъ. Его похвалы моему шведскому слогу ободрили меня. Послѣдняя половина лекціи есть вольный переводъ изъ Устрялова. Послѣ того я придумалъ разные способы къ облегченію себя. Систематическія чтенія объ исторіи намѣренъ я смѣнять иногда переводными извлеченіями и толкованіями изъ Карамзина или другихъ русскихъ историческихъ сочиненій, съ замѣчаніями объ авторахъ и прикосновенныхъ къ нимъ частяхъ литературной исторіи. Отъ историческихъ сочиненій перейду къ сочиненіямъ другого рода, и такимъ образомъ пройду главное изъ литературы, такъ что ея исторія будетъ извлекаема изъ знакомства съ самими авторами и, наконецъ, дополнена отвлеченнымъ изложеніемъ менѣе занимательнаго. Систематическія лекціи я писать буду только сначала; вскорѣ же надѣюсь пріобрѣсти легкость объясняться по-шведски, и тогда буду читать по самымъ краткимъ замѣткамъ.

Завтра послѣ обѣда придетъ Грипенбергъ выслушать пробную лекцію, полуимпровизированную такимъ образомъ. Сегодня утромъ отнесъ я въ консисторію свою инструкцію и прилагаемую у сего записку для *Index Praelectionum* [1]). Послѣдняя фраза въ ней значитъ, что я не намѣренъ читать приватныхъ лекцій; въ противномъ случаѣ, предметъ ихъ точно означается. Цензурный здѣшній комитетъ рѣшилъ, что мои русскія статьи надобно отправить въ Петербургъ, что̀ онъ самъ вызывается сдѣлать, адресовавшись къ вашему цензурному комитету. По полученіи тамъ моихъ статей, распорядись, чтобы ихъ *тотчасъ* отправили къ Никитенкѣ, а онъ *тотчасъ* же по прочтеніи возвратилъ сюда.

Поздравляю Александру Осиповну съ благоволеніемъ нидерландской королевы [2]). Я забылъ сдѣлать это раньше. Читалъ я въ Русскомъ Инвалидѣ критику на Фритіофа. Тамъ не бранятъ моего перевода, но предпочитаютъ прозу.

[1]) „Jacobus Grot, *Historiae, Literaturae et Linquae Russicae Professor Ordinarius, Consiliarius Collegiorum*, lectionibus publicis hora · pomeridiana V in Auditorio... habendis historiam et literaturam Russicam tractabit, privatam suam operam desideriis HH. Commilitonum accomodaturus".

[2]) Бывшая В. К. Анна Павловна.

94.

(Плетневъ — Гроту) *Спасск. мыза, пятн., 15 авг. 1841.*

Это письмо пойдетъ къ тебѣ завтра утромъ, и потому я пишу его съ вечера. Въ среду, отправивъ первое къ тебѣ посланіе свое по пріѣздѣ изъ Гельсингфорса, я поѣхалъ въ городъ къ попечителю. Онъ изумленъ былъ моею аккуратностью и очень благодарилъ меня. Между прочимъ онъ разсказывалъ мнѣ нѣкоторыя подробности о дуэли Лермонтова, на которой убитъ поэтъ. Видно, что этотъ человѣкъ не дорожилъ жизнію и не нашелъ въ ней источника высшей дѣятельности. Богъ знаетъ: молодость ли тому причиной, или неясность идеи высокаго назначенія человѣка? Потомъ я былъ у министра, который также былъ со мною очень любезенъ. Его сынъ поступаетъ къ намъ въ университетъ и на пріёмномъ экзаменѣ оказался лучшимъ изъ прочихъ молодыхъ людей. Далѣе отправился я въ университетъ, гдѣ предстали мнѣ всѣ дрязги административной моей должности. Квартира моя еще не готова. Въ ней оказалась сырость. Архитекторъ увѣряетъ, что это пройдетъ. Но я принужденъ буду прожить съ мѣсяцъ на дачѣ. Это, впрочемъ, не мѣшаетъ, чтобы ты, по нашему условію, адресовалъ свои письма ко мнѣ въ университетъ. Наконецъ я отправился къ Оли. Она меня встрѣтила съ трогательнымъ восхищеніемъ. Послѣ обѣда мы поѣхали къ Кологривовой [1]). Тамъ нашли между прочимъ князя Петра Сергѣевича Мещерскаго (бывшаго оберъ-прокурора Сунода). Къ чаю ожидали князя А. Н. Голицына [2]). Онъ пріѣхалъ, но такъ худо видитъ, что надобно было ему каждаго назвать изъ насъ. Онъ носитъ на глазахъ зонтикъ. Между тѣмъ, непостижимое его искусство разсказывать интереснѣйшіе анекдоты нисколько не уменьшилось въ немъ.

На другой день, т. е. въ четвергъ, я послалъ коляску за Александрой Осиповной. Она читала для меня полученныя мною наканунѣ письма А. Тургенева, изъ которыхъ выписки я помѣщу въ Современникѣ. Онъ извѣщаетъ, что получилъ Фритіофа и такъ плѣнился имъ, что много стиховъ помнитъ наизустъ. Отъ Жуковскаго онъ имѣетъ уже извѣстіе о совершившемся *небесномъ* его счастіи. Цѣлое утро четверга я былъ свободенъ и все употребилъ на чтеніе нѣкоторыхъ статей въ № 8 Отечественныхъ Записокъ. Точно, что у Бѣлинскаго много души и энтузіазма. Прогляди его разборы: Переводы римскихъ элегій Гёте и стихотвореній В. Гюго; въ этомъ же № говорится и о твоемъ Фритіофѣ.

[1]) Вѣроятно Екатеринѣ Александровнѣ, вдовѣ генерала-отъ-кавалеріи А. С. Кологривова.

[2]) Князь Александръ Николаевичъ, членъ Государственнаго Совѣта (бывшій министромъ народнаго просвѣщенія), ум. 1844 г.

Какъ здѣсь, такъ и въ Библіотекѣ для чтенія (№ 6) обращено болѣе вниманія на скандинавскую поэзію вообще, нежели на самую книгу. Онъ хвалитъ и переводъ, но какъ-то сквозь зубы — отъ того, что во-1-хъ, переводчикъ не изъ ихъ друзей, а во-2-хъ, что они не могутъ никакихъ указаній сдѣлать на подлинникъ. Итакъ, тебѣ изъ ихъ замѣчаній ровно нечѣмъ воспользоваться.

95.

(Гротъ — Плетневу) ***Гфорсъ, воскр., 17 авг., 9½ ч. веч., 1841.***

На вчерашней репетиціи я былъ недоволенъ своею лекціей, потому что дурно приготовился и худо составилъ pro memoria. Сегодня придумалъ другой способъ записыванія, который, надѣюсь, будетъ лучше. Что-то Никитенко долго возится съ моими рукописями. Ужъ не труситъ-ли?

18 августа, 9 часовъ вечера. Сегодня всталъ въ 4 часа; до 12-го не выходилъ и занимался исторіею. Послѣ обѣда, въ 5 часовъ, пришелъ ко мнѣ Грипенбергъ и слушалъ опять репетицію; шло гораздо лучше. Ужъ мнѣ теперь будущія лекціи не кажутся страшными; я изобрѣлъ секретъ чтенія по краткимъ запискамъ. Но еще много осталось придумать. Ходилъ гулять къ кладбищу, куда Грипенбергъ ѣздилъ на чью-то могилу.

Отвѣтъ. Правда, что Лермонтовъ, судя по нѣкоторымъ его пьесамъ, странно смотритъ на жизнь; въ одномъ мѣстѣ онъ называлъ ее *глупою шуткой.* Журналисты отъ того меня не хвалятъ, что они всѣ чувствуютъ отношеніе къ нимъ нѣкоторыхъ стиховъ въ пьесѣ, приложенной къ предисловію, гдѣ между прочимъ, говорится о *царствѣ лжи и брани,* и о *нѣкоемъ яромъ витязѣ.* Всякій думаетъ: „онъ, каналья, не меня ли тутъ разумѣетъ?“

19 августа, 9½ час. вечера. Вчера узналъ отъ Грипенберга, что Александръ Армфельтъ здѣсь. Въ 10 часовъ мы вмѣстѣ поѣхали къ нему, но не застали дома. Я возвратился послѣ обѣда въ 6 часовъ и былъ принятъ. Графъ много спрашивалъ о тебѣ и жалѣлъ, что ты ужъ уѣхалъ. Я говорилъ съ нимъ о лексиконѣ [1]); онъ обѣщалъ испросить у Государя сумму для продолжателя лексикона. Соловьевъ хотѣлъ выйти, но, кажется, остается. Я сообщилъ содержаніе инструкціи.

20 августа. Сегодня была едва стерпимая жара. Я прогулялся поутру до купальни и назадъ. Приходилъ одинъ студентъ спрашивать, правда ли, что и на магистрскомъ экзаменѣ будутъ требовать знанія русскаго языка. Онъ былъ очень встревоженъ. Я его успокоилъ. Послѣ обѣда въ 5 часовъ опять пришелъ Грипенбергъ. Я ему разсказалъ

[1]) Рѣчь идетъ повидимому о начатомъ изданіи шведско-русскаго словаря.

княженія Рюрика и Олега. Я вспомнилъ объ Александрѣ Осиповнѣ; внесла ли она въ свое новое изданіе два стихотворенія Пушкина: *Щитъ Олеговъ* и другое объ его смерти, да изъ Языкова: *Кудесникъ*. (Кажется, такъ, а можетъ быть я и вру)? Вечеромъ я гулялъ и встрѣтилъ графа Армфельта на двумѣстныхъ извощичьихъ дрожкахъ. У него, кажется, есть кто-то въ виду на мѣсто Соловьева. Потомъ встрѣтилъ я Урсина, который сказалъ, что онъ вчера и сегодня водилъ графа по всѣмъ принадлежностямъ университета.

96.

(Плетневъ — Гроту) ***Спб., вторн., 9 авг. 1841.***

Въ субботу былъ на старой квартирѣ, откуда ничего еще не перевезено и гдѣ царствуетъ невыносимый для меня безпорядокъ. Послѣ навѣстилъ я университетъ и новую квартиру, подвигающуюся весьма незамѣтно къ окончательной своей отдѣлкѣ. Еще вечеромъ на дачѣ получилъ я увѣдомленіе, что министръ завтра утромъ назначилъ мнѣ свиданіе съ нимъ поутру въ городѣ. Это совсѣмъ портило мои планы насчетъ препровожденія воскресенья. Но нечего было дѣлать. У министра въ домѣ отслушалъ обѣдню, а послѣ имѣлъ съ нимъ аудіенцію, которая касалась увольненія изъ университета двухъ студентовъ за одинъ непристойный поступокъ съ женщиной на Невскомъ проспектѣ, чему былъ свидѣтель министръ самъ. Дома я нашелъ уже дамъ и Олю. Мы обѣдали одни. На другой день я остался одинъ. Меня цѣлый день мучила корреспонденція. Столько накопилось полуоффиціальныхъ и партикулярныхъ писемъ, на кои нужно было отвѣчать! Ко мнѣ приходилъ Путята. Я у него спрашивалъ объ отношеніяхъ графа Александра ко Двору, кои находятся въ отличномъ состояніи. Вечеромъ вздумалось мнѣ показаться Одоевскому. Я отвезъ ему и Калевалы оба экземпляра. Въ 7 часовъ я засталъ его еще за обѣдомъ. Отъ него проѣхалъ я на Каменный островъ на музыку, гдѣ меня поймалъ твой Устряловъ и затащилъ къ себѣ чай пить. Онъ оканчиваетъ свою исторію, намѣреваясь дотянуть ее до соединенія уніатовъ съ православными. Богъ знаетъ, что за исторія выйдетъ! Печатаетъ онъ и Курбскаго 2-мъ изданіемъ со множествомъ поправокъ. Ты, по моимъ упоминаніямъ о книгахъ, веди въ особой тетради реэстрикъ, дополняя его по Современнику и другимъ журналамъ, чтобы на виду имѣть матеріалъ, изъ котораго будешь выбирать книги для выписки университету. Предсѣдательствуя въ цензурномъ комитетѣ, видѣлъ твою статью подписанную, и какъ это было послѣ 2 часовъ, то приказалъ отправить ее непремѣнно въ субботу. Никитенко отказался отъ Сына Отечества. Доканчивать годъ будетъ Сенковскій, а съ новаго года Смирдинъ для изданія Сына Отечества подрядилъ Краевскаго, который такъ

и лѣзеть въ Сенковскіе. Послѣ обѣда мы съ Олей катались до Одоевскаго. Онъ на Черной рѣчкѣ. Подлѣ него живетъ cousin его жены, генералъ Ланской[1]), женатый на извѣстной Полетикѣ, урожденной Масловой. Мы съ Олей сунулись было къ Одоевскому, но онъ выскочилъ отъ Ланскихъ и затащилъ насъ туда. Смирдинъ его просилъ дать статью въ сборникъ, издаваемый для поправленія дѣлъ разорившагося книгопродавца. Князь не только даетъ, но и всѣхъ уговариваетъ участвовать, говоря, что непристойно отказываться отъ подачи милостыни. Не торопи меня выборомъ книгопродавца-корреспондента. Надо мнѣ прежде переѣхать въ городъ. Потребовавъ отчетъ въ продажѣ Фритіофа, я отчасти обнаружу ихъ добросовѣстность и расторопность.

97.

(Гротъ—Плетневу) ***Гфорсъ, четв., 2 авг. 1841.***

Ты обѣщалъ мнѣ составленный тобою списокъ всѣхъ писателей русскихъ. Пришли при первой возможности. Я разбираю каталоги нашей библіотеки (русскіе) и вижу, что она чрезвычайно бѣдна; а для помѣщенія новыхъ книгъ нѣтъ мѣста. Сегодня у меня родилась мысль распредѣлить свои 4 часа въ университетѣ такимъ образомъ (каждый въ особый день): 2 часа — русская исторія на шведскомъ языкѣ; 1 часъ — русская литература для понимающихъ по-русски — на русскомъ языкѣ, и 1 часъ — русская литература для непонимающихъ по-русски — на шведскомъ языкѣ, причемъ будутъ разсматриваемы и переводимы замѣчательныя сочиненія; а для русскихъ будетъ читаться настоящая исторія литературы. Кажется, это лучше, нежели все валять одну исторію.

Послѣ обѣда сегодня былъ у меня Веттергофъ, очень жалѣвшій, что мало съ тобой видѣлся. Онъ привезъ мнѣ въ подарокъ одну шведскую исторію въ 4-хъ толстыхъ томахъ (авторъ — Рюсъ, нѣмецъ).

Пятница, 22 августа. Важнѣйшее событіе утра — неожиданный визитъ графа Армфельта (Александра). Онъ сидѣлъ около $^1/_2$ часа и былъ чрезвычайно любезенъ. Онъ одобрилъ мой проэктъ чтенія лекцій; далъ нѣсколько умныхъ совѣтовъ на случай, если встрѣчу неохоту учиться и посѣщать мои лекціи, — главное: молчать, но на экзаменѣ никому не спускать. Открылъ, что и здѣсь въ университетѣ двѣ взаимно ожесточенныя партіи — старики и молодые. Добра отъ этого не предсказываетъ. Онъ все ѣздитъ на двумѣстныхъ дрожкахъ, въ фуражкѣ, и всѣхъ принимаетъ. Молодецъ! Послѣ обѣда я проводилъ дамъ на свеаборгскій пароходъ, а самъ зашелъ въ библіотеку, гдѣ досталъ

[1]) Павелъ Петровичъ, генералъ-лейтенантъ, начальникъ I-ой гвардейской кавалерійской дивизіи († 1873).

одну часть старой Библіотеки для чтенія и Исторію литературы Максимовича. Дома принесли мнѣ твое письмо.

Отвѣтъ. Насчетъ книгопродавца я бы не торопилъ тебя, еслибъ не находился въ затруднительномъ положеніи; изъ воздуха невозможно почерпать свѣдѣній, а въ здѣшней библіотекѣ нѣтъ никакихъ книгъ, нужныхъ для распространенія моей учености и сдѣланія чего-нибудь путнаго изъ лекцій. По крайней, мѣрѣ на первый случай укажи мнѣ всѣ источники, какими можно воспользоваться для составленія какой-нибудь исторіи русской литературы.

NB. Разбирая каталоги здѣшней библіотеки, нахожу въ нихъ *Смирдинскіе* реэстры. Итакъ, беру назадъ свою просьбу. Армфельтъ воротится въ Петербургъ около 5-го сентября.

23 августа, суббота. Сегодня утромъ читалъ тетради, переписанныя съ твоихъ записокъ объ исторіи литературы. Сравнивая ихъ съ твоею программою (по педагогическому институту), я вспомнилъ съ сожалѣніемъ, что у меня начало или вступленіе не переписано. Грипенбергъ пришелъ звать обѣдать къ себѣ. Рамсай, тайн. сов., пріѣхавъ изъ Петербурга, будучи здѣсь безъ семейства, обѣдаетъ у Грипенберга. Въ 2 часа я засталъ уже его и Кронса. Рамсай посылалъ къ тебѣ узнать, пріѣхалъ ли ты, сказали — нѣтъ. Мы обѣдали въ саду. Между тѣмъ, пришли звать меня къ Валлену обѣдать завтра въ 3 часа. Блудовъ [1]) здѣсь, и, вѣроятно, обѣдъ для него.

98.

(Плетневъ — Гроту) ***Спб., пятн., 22 авг. 1841.***

Не надписывай болѣе на письмахъ: *Въ Михайловскую улицу*, а на Васильевскій островъ, въ университетъ. Здоровье мое здѣсь на дачѣ очень поправилось. Я могу много ходить и не чувствую отъ того усталости. Извѣстіе о сырости квартиры меня не испугало во-1-хъ, потому, что оно преувеличено, а во-2-хъ, я нынче ни отчего не тревожусь. Мнѣніе Грипенберга насчетъ твоихъ лекцій я вполнѣ раздѣляю. Чѣмъ далѣе развиваешь ты свой планъ, тѣмъ болѣе они выигрываютъ. Только не увѣренъ я, вполнѣ ли ты соберешь русскія книги, въ которыхъ заключаются матеріалы нашей исторіи? Добудь Языкова переводъ Шлёцерова „Нестора". Если нѣтъ его въ вашей библіотекѣ, то выпиши хоть отъ Смирдина, объявивъ, что деньги онъ получитъ, означивъ цѣну книги съ пересылкою. Тамъ есть взглядъ на всѣ наши историческія сочиненія, какія только до Шлёцера и при немъ существовали. О послѣдующихъ уже не трудно будетъ дополнить списокъ. Но Шлёцеръ тебѣ необходимъ и въ другомъ отношеніи: онъ былъ истинный про-

[1]) Графъ Дмитрій Николаевичъ.

фессоръ русской исторіи и ты можешь научиться у него, какъ надобно защищать свои мнѣнія. Я уже предварилъ Никитенко о присылкѣ всей твоей статьи. Онъ ее не задержитъ. Только пока не начать ли тебѣ наборъ, если у тебя останется копія? Боюсь, что и къ Новому году книга не выйдетъ.

Въ среду часу въ 11-мъ ночи заѣхалъ къ Одоевскому. На дворѣ было 17 гр. тепла. Тамъ еще только собирались пить чай. Одоевскій мнѣ разсказывалъ, что онъ сочиняетъ руководства: грамматики, логики и риторики. Издалъ пока одну таблицу складовъ. Я уѣхалъ домой въ 12 часу и сопровождаемъ былъ дивною грозою.

Утро четверга провелъ за разборомъ матеріаловъ для № 4 Современника. Обѣдалъ у Путяты. Онъ мнѣ разсказывалъ, будто совѣтывалъ графу Александру Армфельту удержать въ твою пользу одну изъ 3 тыс. прежняго твоего жалованія; но, будто, тотъ сказалъ, что тебѣ будетъ выгоднѣе получить мѣсто инспектора выборгскихъ училищъ, что непремѣнно будетъ.

99.

(Гротъ — Плетневу) ***Гфорсъ, воскр., 24 авг., 9½ ч. в., 1841.***

Вчера, въ исходѣ 3-го, отправился къ Валлену. Демидова, Пушкина, Армфельты — братья, Шернваль, Манергеймъ, Котенъ, и проч. Наконецъ, является Блудовъ съ дочерью. Великолѣпный и нескончаемый столъ. Сосѣдъ мой — Шернваль, — и много болтаемъ, Блудовъ сыплетъ французскими рѣчами, особливо анекдотами. Онъ между Демидовой и Пушкиной. Съ этими дамами я передъ и послѣ обѣда заговаривалъ, но онѣ, казалось, очень развлечены чѣмъ-то. Гартманъ (звѣздоносный) шутя объявилъ, что имѣетъ противъ насъ зубъ, зачѣмъ не навѣстили его; стало, молъ, проѣхали въ Радельму только для хорошенькихъ дѣвочекъ!

Сегодня (чуть не забылъ) день именинъ твоихъ. Не даромъ я пилъ шампанское. Уже года два такъ случается, что для меня день рожденія или именинъ моихъ (нынче и твоихъ) ознаменовывается какимъ-нибудь пиромъ или другимъ событіемъ и всегда случайно. Будь здоровъ и счастливъ и никакъ не переѣзжай на новую квартиру, если она не совсѣмъ высохнетъ къ осени. „Береги здоровье и веселость“, говорю я тебѣ такъ, какъ ты въ минуту нашего разставанія сказалъ мнѣ слова, которыхъ я никогда не забуду: „Береги платье съ нова, а честь съ молода“.

Въ понедѣльникъ послѣ обѣда читалъ все на воздухѣ шведскую книгу о Варягахъ. *Отвѣтъ.* Очень радуюсь поправленію твоего здоровья; будь же остороженъ и не иди на перекоръ природѣ, а пуще всего ложись рано. Языкова Шлёцеръ у насъ есть. Я выписываю изъ каталоговъ библіотеки все, что поинтереснѣе. Она бѣдна,

но не такъ, какъ я воображалъ. Надѣюсь, что къ Новому году слажу съ книгой, по крайней мѣрѣ, русскою частью.

Я позвалъ Грипенберга, и началъ проповѣдывать. Онъ находилъ, что я читаю слишкомъ подробно. Сегодня былъ опытъ болѣе краткаго изложенія. Точно, кажется, такъ лучше. Два первые дня (по часу) можно кратко излагать, а въ 3-й излагать подробно, или читать изъ Карамзина происшествія и характеры, прибавляя все, что нужно для обозрѣнія вновь хода событій. Это будетъ облегченіе для памяти. Послѣ лекціи гулялъ по бульвару.

27 августа. Сегодня и вчера я былъ лѣнивъ. И духъ, и тѣло, послѣ необыкновеннаго напряженія $1^1/_2$ недѣль, требовали отдыха, и я опустилъ рукава. Еще, кажется, полѣнюсь, — дѣло не идетъ на ладъ. Поутру взялъ патентъ изъ сената, а изъ университета жалованье съ мая мѣсяца.

100.

(Плетневъ — Гроту) ***Спб., вторн., 26 авг. 1841.***

Насчетъ лекцій твоихъ я спокоенъ. Репетиція не то, что самое исполненіе, гдѣ присутствіе слушателей одушевляетъ дѣйствователя. Не вѣрится, чтобы графъ Александръ Армфельтъ заготовлялъ уже кого на мѣсто Соловьева. И отчего бы отъ тебя объ этомъ секретничать? Вѣдь у тебя нѣтъ ни соперника, ни посягательства на его жалованье. Выписывая отъ Смирдина книги, прибавь, чтобы въ ихъ число непремѣнно прислалъ онъ и каталогъ свой алфавитный со всѣми къ нему прибавленіями за какую хочетъ цѣну. Буде нѣтъ, ты ничего не проиграешь; а мнѣ съ нимъ непристойно возобновлять знакомство, послѣ грубостей, кои онъ смѣлъ мнѣ оказать.

Журналъ. Въ субботу утромъ (23 августа) я отправился въ университетъ, чтобы сначала присутствовать при молебнѣ, коимъ открывался академическій нашъ курсъ, а послѣ и самому въ залѣ произнесть маленькую предику, какъ вновь вступающимъ студентамъ, такъ и старымъ. Оттуда я поѣхалъ къ Оли и взялъ ее съ Фуксъ *(гувернанткой)* на дачу. Съ нами обѣдалъ нѣкто Филиповъ, бывшій прежде инспекторомъ въ нашемъ университетѣ, а теперь директоръ гимназіи въ Варшавѣ.

Во вторникъ я былъ приглашенъ Одоевскими на пикникъ. Утромъ, отправясь въ цензурный комитетъ, заѣхалъ ихъ увѣдомить, что прежде 4-хъ часовъ не буду съ ними. Завернулъ до собранія цензурнаго комитета къ Оли, тамъ и завтракалъ. Изъ цензурнаго комитета пустился прямо на мѣсто пикника (близъ Коломягъ въ лѣсу). Были тамъ: генералъ Ланской съ женой и ея кузиной, графъ Сухтеленъ (генералъ)[1],

[1]) Графъ Константинъ Петровичъ, генералъ-маіоръ (въ свитѣ Его Величества).

графъ Грифи (итальянецъ изъ неаполитанской миссіи), Путята съ женой и братомъ и Одоевскіе. Обѣдали на лугу и возвратились пѣшкомъ. Было довольно невесело. Домой прибылъ я въ 9 часовъ.

101.

(Гротъ — Плетневу) ***Гфорсъ, пятн., 29 авг., 6$^1/_2$ ч. у. 1841.***

Вчера, выходя со двора, былъ встрѣченъ запискою Вульферта: „дай-де экземпляръ Фритіофа Блудову, онъ сейчасъ ѣдетъ"! Беру экземпляръ у Вассеніуса, встрѣчаю Вульферта, и по его убѣжденію, хоть въ сюртукѣ, иду съ нимъ къ Блудову, который-де очень желалъ имѣть книгу, да не нашелъ въ книжныхъ лавкахъ. Блудовъ принимаетъ очень любезно, представляетъ дочери, пускается въ финляндскую литературу, разспрашиваетъ о Ленротѣ, Рунебергѣ, Калевалѣ, которую „я слышалъ, что вы также переводите". Жалѣлъ, что еще не читалъ моихъ статей въ Современникѣ, и спрашивалъ о тебѣ, слышавъ, что ты былъ здѣсь лѣтомъ. Потомъ перешелъ къ моимъ будущимъ лекціямъ и желалъ всякаго успѣха. Тутъ явилась Пушкина съ Шернвалемъ, и я откланялся. Зашелъ въ университетъ и велѣлъ выписать Москвитянина и Отечественныя Записки за этотъ годъ. Дома нашелъ младшаго Цигнеуса, которому отдалъ его переводъ для сдѣланія въ немъ разныхъ перемѣнъ. Забавная идея Вульферта: настаиваетъ, чтобы я для здѣшняго общества читалъ въ университетской залѣ на французскомъ языкѣ лекціи о русской литературѣ. Я отвѣчалъ, что теперь и думать нечего объ этомъ, а современемъ посмотримъ. Вечеромъ проповѣдывалъ предъ Грипенбергомъ и отправился къ Ольхинымъ [1]) — въ 9 ч. Засталъ тамъ большое общество дамъ и кавалеровъ, между коими Армфельтовыхъ, Гартмана радельмійскаго, Котена и др. Стали играть въ *petits jeux.* Графъ Александръ Армфельтъ былъ исполненъ аттенцій ко мнѣ и по окончаніи игры требовалъ, чтобы я продекламировалъ что-нибудь изъ Фритіофа. Однакожъ, я это отклонилъ. Послѣ, когда одни ужъ разошлись, а другіе сѣли въ карты, онъ опять просилъ читать что-нибудь по-французски для m-me Ольхиной. Взяли книги — и то я, то самъ онъ читали вслухъ. Онъ прекрасно читаетъ и, какъ видно, знаетъ французскую литературу, особливо прежнюю, наизустъ. Такъ мы досидѣли до 12$^1/_2$ часовъ, послѣ чего гурьбою отправились по домамъ. Вава *(Армфельтъ)* позвала меня на сегодняшній вечеръ къ себѣ.

Обыкновенно въ исторіи Устрялова хвалятъ особенно удѣльную систему, а я нахожу, что это въ его книгѣ пребезтолковая часть. Вмѣсто исторіи характеровъ и событій, я нахожу въ ней почти только одни имена (номенклатуру). На-дняхъ, приведя въ порядокъ Журналъ

[1]) Семейство Маріи Сергѣевны Ольхиной, нынѣ начальницы Маріинскаго института.

Министерства народнаго просвѣщенія, нашелъ я, что у меня есть слѣдующія его книжки *(слѣдуетъ списокъ)*. Такъ какъ въ этомъ журналѣ много историческихъ матеріаловъ и извѣстій о славянскихъ литературахъ, то я бы желалъ имѣть и недостающіе №№. Если можешь даромъ и безъ хлопотъ достать въ Министерствѣ, обяжешь меня.

Суббота, 4 ч. послѣ обѣда. Послѣ твоего письма принесли мнѣ вчера первый корректурный листъ *Арфы* [1]), ошибокъ тьма тьмущая. Послѣ прогулки, отправляясь къ Вавѣ, взялъ этотъ листъ съ собой, чтобы показать графу Александру, который принимаетъ большое участіе въ этомъ изданіи. Тамъ засталъ я Ольхиныхъ, Армфельтовыхъ, m-me Klinköwström, m-me Federley съ дочкой и еще нѣкоторыхъ. Дамы пѣли. Графъ также, онъ прекрасный пѣвунъ и комедіантъ, вообще сокровище въ обществѣ. Какъ веселъ, живъ, разговорчивъ и ни малѣйшей тѣни превосходительности! Послѣ мы опять играли въ *petits jeux*, въ вопросы и отвѣты и въ мнѣнія, т. е. одному сидящему среди комнаты другой докладываетъ всѣ сдѣланныя о немъ (первомъ) и вторымъ собранныя замѣчанія. Прежде графъ мнѣ докладывалъ сужденія обо мнѣ, а послѣ я ему о немъ. Сидящій отгадываетъ, чье — злѣйшее замѣчаніе: вотъ въ чемъ дѣло. Разошлись въ 11½ ч. Графъ съ участіемъ разсматривалъ корректурный листъ.

102.

(Плетневъ — Гроту) ***Спас. мыза, пятница, 29 авг. 1841.***

Списокъ русскихъ писателей я тебѣ пришлю, переѣхавши въ городъ. Въ немъ есть ошибки касательно рожденія и смерти авторовъ. Наизустъ же поправить я не могу. Надобно пріискать источники, которые теперь свалены въ кучу. Да ты — пока, пользуясь программою моею для педагогическаго института, можешь пробавиться и безъ этого списка. Твоя мысль о распредѣленіи лекцій своихъ на особые 4 урока очень хороша, какъ по пользѣ для слушателей, такъ и для собственнаго твоего облегченія, а *паче* для исполненія долга передъ правительствомъ. Радуюсь сердечно, что графъ Александръ Армфельтъ такъ милъ. Нечего тебѣ торопить меня книгопродавцемъ. Просто адресуйся со спискомъ необходимыхъ книгъ въ магазинъ Смирдина, прикажи ихъ выслать по первой почтѣ, а по полученіи отправь по его счету деньги. Вотъ и вся исторія. Разумѣется, нѣтъ магазина полнѣе книгами, какъ Смирдина, не смотря на его разстройство, которое не позволяетъ только *впередъ* ему препровождать деньги. Исторіи русской литературы, кромѣ книги Греча, нѣтъ, — и то старайся (хоть подороже посули) купить 1-е изданіе.

[1]) Такъ (именно „Сѣверной Арфой") Гротъ и Плетневъ, при личномъ свиданіи предположили назвать свой финляндскій альманахъ.

Журналъ. Въ среду (27 августа) ѣдучи въ университетъ, заѣхалъ въ типографію, отдалъ за № 3 деньги и статью одного изъ бывшихъ моихъ студентовъ Барановскаго [1]) о Нибелунгахъ для № 4. Послѣ университетской лекціи заѣхалъ въ школу Принцессы Ольденбургской и нашелъ много внѣшнихъ украшеній. Вечеромъ началъ чтеніе въ „Библіотекѣ для чтенія“ статьи о Данилевскаго книгѣ: Исторія походовъ въ Финляндію 1808—1809 г.

Въ четвергъ (28 августа). Все утро читалъ: окончилъ эту статью и прочелъ сцены изъ романа Кукольника: пропасть начитанности, а интересу ни на грошъ.

Въ пятницу (29 августа). Отправился по ошибкѣ въ Царское Село (ибо мой день вторникъ, коихъ я два пропустилъ по причинѣ праздниковъ по пятницамъ). Великая Княжна Ольга Николаевна сказала мнѣ, что всего Фритіофа она прочитала съ наслажденіемъ; что она давно не встрѣчала ничего столь свѣжаго и интереснаго, какъ эта поэзія; что переводъ очень граціозенъ. Я ей подарилъ подушечку и удостоенъ былъ поцѣловать ручку. Наслѣднику отдалъ ножичекъ и для Цесаревны ножницы, получивъ за это гривенникъ. Онъ былъ очень милъ, ждетъ завтра молодыхъ и спрашивалъ о Маріе. Остался ножикъ разрѣзывать книги для Великой Княгини Маріи Николаевны. Она не очень здорова. У Смирновой читалъ Жуковскаго письмо къ Императрицѣ о свадьбѣ его. Прелестно! Къ Наслѣднику онъ наваляль 8 страницъ, да такъ, что никому и не разобрать: бумага протекла, а буквы каракули.

103.

(Гротъ — Плетневу) ***Гфорсъ, воскр., 31 авг., 10 ч. веч. 1841.***

Все утро провелъ дома. Послѣ обѣда почиталъ у Грипенберга переводъ изъ Карамзина съ русскаго на шведскій.

Понедѣльникъ. 1 сентября 9 час. вечера. Утро дома. Узналъ, что пасторъ въ Кюро, старый Фрибергъ [2]), умеръ. Думаешь ли ты, что сверхъ Москвитянина и Отечественныхъ Записокъ, надобно бы имѣть здѣсь и Библіотеку для чтенія. Вообще, какіе журналы считаешь нужными? Хороша твоя разсѣянность съ пятницами! Великая Княжна Ольга Николаевна сама поднесла тебѣ ручку для поцѣлованія?

Вторникъ, 2 сентября. Въ планѣ своихъ лекцій сдѣлалъ я небольшую перемѣну: 3-й часъ хочу употребить на историческія подробности изъ Карамзина и другихъ источниковъ; самую же исторію читать короче. 4-й же часъ, для русскихъ, буду я проходить исторію же, но

[1]) Степана Ивановича, будущаго профессора русскаго языка въ Александровскомъ университетѣ (вмѣсто Соловьева).

[2]) Эрикъ Іоганъ (Friberg), старшій пасторъ въ Tavastkyrö въ Финляндіи.

только въ сокращенномъ видѣ, чтобы тѣ, которымъ русскій языкъ доступенъ, узнали на немъ главные предметы русской жизни, географіи и старины: иначе они, слушая по-шведски, не могли бы знать по-русски и самыхъ обыкновенныхъ названій, цитатъ и т. п. Это было бы нелѣпо. Сегодня подписалъ я къ напечатанію первый листъ „Сѣверной Арфы".

Среда, 3 сентября. Въ 1/2 11-го по увѣдомленію секретаря университетскаго отправился къ засѣданію консисторіи. Прождавъ 1/2 часа въ канцеляріи, былъ позванъ въ залу засѣданія. По сдѣланному мнѣ прежде наставленію, я сталъ къ концу стола, гдѣ была открытая Библія. Послѣ краткаго приглашенія ректора, я положилъ на нее два пальца, а секретарь, стоявшій поодаль отъ меня направо, сталъ читать присягу, которая начиналась словомъ *jag* (я). Тотчасъ послѣ этого слова я произнесъ *Jacob Grot*, и за этимъ опять читалъ секретарь до самаго конца, гдѣ послѣднюю фразу (въ чемъ да поможетъ мнѣ Милосердый нашъ Господь) я повторилъ вслѣдъ за нимъ. Потомъ, опять по приглашенію ректора, я сѣлъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ присягалъ, между Бломквистомъ[1]) и Лилле, которые оба при этомъ пожали мнѣ руку. Всѣхъ было на лицо 12 человѣкъ. Всѣ были привѣтливы ко мнѣ, особливо же тотъ, кого нельзя не уважать выше всѣхъ, старый (69 лѣтъ) и почтенный Гельстремъ. Засѣданіе продолжалось до 1/2 1-го. Послѣ него я написалъ объявленіе о начатіи моихъ лекцій съ понедѣльника, которое завтра вывѣсится въ университетѣ у дверей.

Послѣ обѣда въ 4 часа пошли мы въ садъ на кофе къ Грипенбергу. Погода все чудесная, и ты, конечно, много наслаждаешься ею въ своемъ *Трескенде*[2]). Въ 6 1/2 часовъ пришелъ ко мнѣ Грипенбергъ, и я кончилъ ему переводъ изустный одной главы изъ Александры Осиповны (Александръ Невскій). Теперь я ложусь, кончая бесѣду съ тобой. Не знаю, такъ ли же часто я у тебя, какъ ты у меня въ мысляхъ, милый Петръ Александровичъ! ты со мной безпрестанно.

Чѣмъ подъ рядъ переводить большія поэмы, какъ Евгенія Онѣгина для „Сѣверныхъ Арфъ", не лучше ли переводить только главныя мѣста, а прочее разсказывать, какъ въ статьѣ „Стрѣлки оленей"?

Еще вопросъ: не нужно ли въ заглавіи нашего альманаха помѣстить имена участвующихъ въ немъ, или, по крайней мѣрѣ, издателя. Безъ всякаго же имени неудобно будетъ при объявленіи о книгѣ: *Сѣверная Арфа...* У всякаго тотчасъ возникнетъ вопросъ: да кто же издалъ это, и что это? одно ли сочиненіе или сборникъ? Итакъ, надобно бы или такъ: *Сѣверная Арфа. Въ память юбилея составили такіе-то,* или: *Сѣверная арфа — въ память юбилея издалъ такой-то.*

[1]) Александръ, профессоръ исторіи наукъ, позже и библіотекарь, ум. 1848 г.

[2]) Такъ называется имѣнье Шернвалевъ, гдѣ былъ лѣтомъ и Плетневъ.

104.

(Плетневъ — Гроту) *Спасск. мыза, вторн., 2 сент. 1841.*

Не могу изъяснить, отъ чего внезапно перемѣнились такъ сестры, урожденныя Шернваль. Да, хорошо бы русскую часть Сѣверной Арфы выпустить передъ Рождествомъ. Твои приготовленія къ лекціямъ съ Грипенбергомъ — образецъ терпѣнія. За то, дѣйствительно, все совершенствуется у тебя.

Журналъ. Суббота (30 августа). По причинѣ праздника оставался на дачѣ. Утромъ въ *воскресенье (31 августа)* были у обѣдни. Читали большею частію статьи изъ Библіотеки, за неимѣніемъ здѣсь другихъ книгъ. Передъ обѣдомъ гуляли въ саду. Послѣ обѣда отправились въ экипажѣ въ Коломяги и на Елагинъ.

Въ *Понедѣльникъ* утромъ *(1 сентября)* заставилъ Оли прочитать со мной Сида въ переводѣ Жуковскаго. Объяснилъ ей, что̀ она можетъ понять. Во время прогулки заставилъ ее разсказать все утреннее чтеніе. Послѣ обѣда отпустилъ ихъ въ городъ. Вечеромъ, на прогулкѣ встрѣтилъ Путятъ и узналъ, что Ланскіе и Одоевскіе переѣхали уже въ городъ. Стыдно имъ. Погода божественная.

Вторникъ (2 сентября). Ѣздилъ въ Царское Село. Великая Княжна Ольга Николаевна сказала мнѣ, что Паткули возвратились сюда, и что самъ онъ уже въ Царскомъ Селѣ, а она въ Петербургѣ. Я прочиталъ Великой Княжнѣ всѣ свои письма изъ путешествія, начиная съ Борго до Трескенде. Ее все интересовало. Государь въ ея именины подарилъ ей чудную брилліантовую діадему для русскаго бальнаго костюма. Былъ у Великой Княгини Маріи Николаевны и отдалъ подарокъ свой. Очень довольна. Она ждется на-дняхъ. Былъ у Паткуля; но и онъ уѣхалъ въ Петербургъ. Возвратясь на дачу, получилъ письмо отъ Зонтагъ [1]) (кузины Жуковскаго). Она приготовила къ печати три комедіи для дѣтскаго чтенія.

105.

(Гротъ — Плетневу) *Гфорсъ, четв., 4 сент., 9 ч. веч., 1841.*

Отнесъ въ типографію корректуру 2-го листа.

5 сентября. Утромъ ходилъ въ типографію и къ Рейну, котораго разспрашивалъ о всякой всячинѣ. Онъ былъ у тебя въ Петербургѣ; ты былъ въ городѣ, но не дома. Послѣ обѣда пошелъ къ Цигнеусу, съ которымъ говорилъ объ его новой книжкѣ. Онъ предлагаетъ въ нашъ альманахъ какіе-то стихи (свои), относящіеся къ Грипсгольму.

[1]) Анны Петровны, извѣстной писательницы для дѣтей, ум. 1861 г.

Еще не читалъ ихъ. *Отвѣтъ.* Сестры, урожденныя Шернваль, испорчены ложными и обманчивыми знаками обожанія. Согласись всѣ показывать имъ по-менѣе подобострастія, — исправятся. Правда, что я въ это время сдѣлалъ кое-какіе успѣхи, но зато и повредилъ себѣ: глаза, отъ излишняго напряженія, стали побаливать. Нечего дѣлать, надобно умѣриться. Божественная и здѣсь была погода, но сегодня небо сѣрое и довольно свѣжо, хоть тихо.

Вмѣстѣ съ твоимъ письмомъ получилъ я маменькино отъ 10 августа 1839 г. Слѣдовательно, оно 2 года слишкомъ пролежало на почтѣ. Найдено вслѣдствіе сдѣланной здѣсь въ почтамтѣ ревизіи (домашней). Послѣ былъ Грипенбергъ и остался особенно доволенъ моимъ чтеніемъ.

Суббота, послѣ обѣда, 4 часа. Сегодня все утро проработалъ надъ изложеніемъ новыхъ идей для первой лекціи. Такъ ушло время, и больше ничего не успѣю написать тебѣ. Если увидишь гр. Армфельта, скажи ему, что для отвѣта на его давнишнее письмо, я жду прибытія Гейтлина, на-дняхъ ожидаемаго.

106.

(Плетневъ — Гроту) ***Спасск. мыза, пятн., 5 сент. 1841.***

Я радъ, что ты такъ пріятно познакомился съ Блудовымъ. Онъ все-таки изъ лучшихъ судей литературнаго труда. Думаю, что, кромѣ Москвитянина и Отечественныхъ Записокъ, на будущій годъ не худо и прочіе литературные журналы тебѣ выписывать для университета. Конечно, въ нихъ иногда нечего читать; да нельзя же профессору не проглядывать, о чемъ и какъ толкуетъ народъ по его части? Я согласенъ съ Вульфертомъ насчетъ чтенія лекцій о русской литературѣ на французскомъ языкѣ, только въ томъ предположеніи, что это послужитъ къ возбужденію охоты учиться по-русски. Да едва-ли ты найдешь на это время? Развѣ станешь, вмѣсто лекцій, читать свои переводы для Сѣверной Арфы? А что? Останется только прибавить коротенькія характеристики авторовъ и замѣчанія о пьесахъ. Въ дополненіе можно переводить и то, что будетъ въ университетѣ читано на лекціяхъ. Дѣло не въ системѣ и не въ теоріи, а въ интересѣ чтеній. Вечеръ у Ольхиной былъ милъ, а графъ Александръ Армфельтъ еще милѣе. Онъ видно въ тебѣ любуется собственнымъ созданіемъ. О Журналѣ Министерства народнаго просвѣщенія теперь ничего не могу сказать. Напомни, когда переѣду въ городъ.

Журналъ. Среда (3 сентября). Я посылалъ экзекутора въ книжныя лавки Полевого и Юнгмейстера узнать о продажѣ Фритіофа. Въ первомъ мѣстѣ продалось такъ мало, что не стоило и счета сводить. Во второй же лавкѣ продалось 29 экземпляровъ, т. е. на 116 руб., кои мнѣ и доставлены. Какъ ты присовѣтуешь, посылать ли ихъ по сот-

нямъ, или копить побольше? Юнгмейстеръ надѣется, что въ осенніе мѣсяцы продажа пойдетъ лучше. Обѣдалъ одинъ на дачѣ у себя. Читалъ № вновь вышедшихъ Отечественныхъ Записокъ. Опять у Бѣлинскаго много и хорошаго и вздору. Онъ вертится около двухъ-трехъ идей и все повторяетъ себя.

Четвергъ (4 сентября). Былъ сперва у попечителя, а послѣ въ правленіи. Чай пилъ у m-me Никитенко, еще не переѣхавшей отсюда.

Пятница (5 сентября). Ѣздилъ съ визитомъ къ принцессѣ Ольденбургской. Она уѣхала въ Царское Село. Вообрази, что Блудовъ успѣлъ днемъ прежде меня у нея записаться.

107.

(Гротъ — Плетневу) ***Гфорсъ, воскр., 7 (19) сент., 9½ ч. в. 1841.***

Вчера вечеромъ былъ я у Валлена, который принялъ меня со всегдашнею любезностію и много говорилъ о пользѣ, которую ему принесло питье воды (обыкновенной). Сегодня я доканчивалъ свое вступленіе къ лекціямъ, которое съ Божіею помощью кончилъ послѣ обѣда. Оно все займетъ завтрашній часъ. Вотъ его основной планъ: Сближенныя сношенія Россіи и Финляндіи сдѣлали для финляндцевъ изученіе первой *необходимымъ*. Изученіе это имѣетъ, сверхъ того, свою *занимательность*: Огромность и разнообразіе Россіи; выписка объ этомъ изъ Карамзина; способность русскихъ; русскій языкъ; народныя свойства, характеръ и народная литература; вліяніе монголовъ; набожность, вѣротерпимость и благоговѣніе къ Монарху; русская литература и ея особенности. Взглядъ на особенный ходъ русской исторіи; Петръ и Александръ. Александръ въ отношеніи къ Финляндіи; Россія — особый міръ. Переходъ къ моему назначенію. Изложеніе моего взгляда на образъ преподаванія. Планъ его. Надежда на юношей.

Послѣ обѣда, окончивъ статью, ходилъ я къ Веттергофу и Вавѣ, но не засталъ ихъ. Встрѣтилъ Цигнеуса, который обѣщалъ притти завтра на мою лекцію. Поутру былъ у меня Акіандеръ, который принесъ второй листъ Альманаха; онъ держитъ вторую корректуру. Въ 8 часовъ пошелъ я опять къ Грипенбергу, откуда онъ явился ко мнѣ и прослушалъ написанное мною.

Кончаю послѣдній день моей бездолжностной жизни. Завтра я профессоръ. Не странно ли, что 8-го же сентября, ровно 9 лѣтъ тому назадъ, я въ первый разъ по выходѣ изъ лицея явился на службу въ комитетъ министровъ?

Понедѣльникъ, 8 сентября, 7¼ послѣ обѣда. Часъ слишкомъ тому назадъ вышелъ я изъ университета съ тріумфомъ. Я пошелъ туда около 5 часовъ, зашелъ къ Шёману отдать книгу и еще погулялъ вокругъ; вездѣ встрѣчалъ студентовъ, которые спѣшили въ универ-

ситетъ. Когда я вошелъ въ залу факультета, она была уже совершенно полна любопытныхъ. Всѣ встали и поклонились мнѣ. Снявъ шинель и отложивъ шляпу, я взошелъ на каѳедру безъ малѣйшей робости и также бодро и громко началъ читать. Было безъ 10 минутъ 6 часовъ, когда я кончилъ. При выходѣ мнѣ опять всѣ поклонились и, сколько я могъ судить, стоя въ сѣняхъ, по минамъ и взглядамъ, мною были довольны. Цигнеусъ, котораго я обождалъ, встрѣтилъ меня комплиментами.

Отвѣтъ. 9½ часовъ. Нынче еще не время думать о чтеніи французскихъ лекцій, а что будетъ впредь, посмотримъ. Напоминаю о журналѣ Министерства народнаго просвѣщенія. Поутру сегодня были у меня 2 студента освѣдомляться о ходѣ будущаго чтенія. Вечеромъ пришелъ Лундаль. Онъ посылаетъ въ Петербургъ по оказіи статью твою для цензуры; ты самъ ее получишь для передачи Никитенкѣ. Лундаль говоритъ, что рѣчь моя произвела очень хорошее впечатлѣніе, и многіе хотятъ продолжать слушать. Онъ самъ присутствовалъ и дивится *глубокому* знанію шведскаго языка, однакожъ, говоритъ, что я бы долженъ былъ немного потише читать и болѣе декламировать. Согласенъ съ нимъ.

108.

(Плетневъ — Гроту) ***Спасск. мыза, вторн., 9 сент. 1841.***

Жаль добраго старика Фриберга. Хорошо, еслибы мѣсто современемъ досталось его доброму сыну [1]). По второму изданію Греча не всѣ можно найти подробности о жизни писателей. Пользуйся Евгеніемъ. Библіотеку для чтенія выписывать не нужно. Библіографія полнѣйшая въ Отечественныхъ Запискахъ, а лучшая критика въ Москвитянинѣ. Конечно, Ея Высочество сама жалуетъ ручку. У нихъ не просятъ этого. Все славно, что ты придумываешь для лекцій. Ужъ, конечно, ты столько же у меня въ мысляхъ, какъ и я у тебя.

Журналъ. Понедѣльникъ (8 сентября). Былъ у меня Путята. Я ему прочиталъ форму твоего вступленія въ консисторію. Онъ велѣлъ тебѣ кланяться. Переѣзжаетъ въ городъ.

Вторникъ (9 сентября). Въ Царскомъ Селѣ съ Великой Княжной Ольгой Николаевной дочиталъ журналъ нашего путешествія и началъ читать переводъ „Надежды“ по твоей рукописи. Она уже видѣла жену Паткуля — и въ восхищеніи отъ ея красоты.

NB. Въ утвержденномъ нами сообща планѣ переводовъ [2]) ничего не перемѣняй. Все переводи подрядъ.

[1]) Фрибергу, Іоганну Гавріилу, магистру философіи, впослѣдствіи лектору римской словесности въ Вазской гимназіи, ум. 1888 г.

[2]) Рѣчь идетъ, кажется, о планѣ переводить сѣверныхъ поэтовъ на французскій языкъ (прозой), см. ниже п. 14-ое 1842 г.

109.

(Гротъ — Плетневу) ***Гфорсъ, вторн., 9½ ч. в., 9 сент. 1841.***

Сегодня поутру пошелъ я покупать пакли для двойныхъ рамъ и встрѣтилъ Цигнеуса. Онъ не согласенъ съ Лундалемъ, потому что шведы-де, правда, декламируютъ на распѣвъ, но это никуда не годится. Все утро готовился къ лекціи, чтобы у карты сдѣлать краткое географическое обозрѣніе Россіи. Карту въ большомъ размѣрѣ далъ Грипенбергъ, и его же человѣкъ снесъ ее въ университетъ. Слушателей опять было столько же; объявивъ свое намѣреніе и цѣль, я подошелъ къ картѣ, висѣвшей на черной доскѣ, и, не вынимая изъ кармана приготовленныхъ замѣтокъ, началъ свое обозрѣніе. Но вышло довольно не полно и сухо, потому что я терялъ нить изложенія. Послѣ этого я опять началъ по тетради читать съ каѳедры. Вскорѣ пришелъ Теслевъ и сѣлъ близъ каѳедры. Я читалъ о славянахъ. По окончаніи лекціи онъ подошелъ ко мнѣ и послѣ разныхъ комплиментовъ и увѣренія, что вчера уже пришелъ бы, еслибы не сенатъ, объявилъ, что желаетъ поговорить со мной кое-о-чемъ и чтобы я пришелъ къ нему завтра поутру, потому что-де графъ Армфельтъ передъ отъѣздомъ сказалъ, чтобы онъ непремѣнно устроилъ дѣло о назначеніи меня въ экзаменаторы.

Четвергъ. 5 ч. утра. Вчера былъ у Теслева. Обѣщалъ ему навести точную справку по этому дѣлу. Потомъ все утро готовился читать сегодня о Карамзинѣ и его исторіи. Послѣ обѣда былъ въ библіотекѣ, гдѣ къ удивленію нашелъ семь №№ Москвитянина, присылаемаго безъ выписки регулярно. Итакъ, надобно выписать Библіотеку для чтенія вмѣсто этого. Еще узналъ, что университетъ выписываетъ разные англійскіе журналы, изъ которыхъ и взялъ Quarterly Review. Взялъ „Шлёцера“ Языкова. Писалъ длинное письмо къ Армфельту, котораго, между прочимъ, благодарю, при русскомъ отношеніи, по дѣлу о лексиконѣ. Когда вечеромъ пришелъ къ Грипенбергу на репетицію, онъ сказалъ, что у него сейчасъ былъ одинъ богословскій магистръ, который говоритъ, что мои двѣ лекціи возбудили во всѣхъ живое участіе. Одни едва вѣрятъ, что рѣчь написана мною самимъ, а еслибы услышали, какъ я въ послѣдніе два дня съ плеча отвалялъ ее, то прямо назвали бы меня лгуномъ. Нечего дѣлать, надобно терпѣніе. Сегодня всталъ съ распухшей щекой. Вотъ некстати!

Первую свою лекцію, я, по совѣщаніи съ Цигнеусомъ, который согласенъ со мной, намѣренъ напечатать въ газетахъ здѣшнихъ. Послѣ обѣда встрѣтилъ Лагуса (профессора), который старался меня увѣрить, что *одно любопытство* доставляетъ мнѣ столько слушателей, — боясь, что я самъ этого не пойму.

110.

(Гротъ — Плетневу) ***Гфорсъ, четв., 11 сент., 10½ ч. в. 1841.***

Поутру ходилъ къ Урсину и въ университетъ для отправленія пакета къ графу Армфельту, потомъ къ Теслеву, которому объяснилъ дѣло объ экзаменаторѣ: здѣсь можетъ только окладъ быть назначенъ ему. Все утро готовился къ лекціи о Карамзинѣ и развитіи языка до него. Не смотря на раздутую щеку, пошелъ въ университетъ; опять множество слушателей, но уже поменьше. Вскорѣ пришелъ сенаторъ Котенъ съ другимъ чиновникомъ. Передо мной была маленькая тетрадка съ краткими замѣтками и недописанными фразами. Я читалъ тихо, однакожъ складно; и еслибъ догадливые студенты не стали пошаркивать ногами, я бы просидѣлъ еще долго; посмотрѣвъ на часы, увидѣлъ, что 6 часовъ уже прошло. Баронъ Котенъ (отецъ извѣстнаго), съ которымъ я не былъ знакомъ, по выходѣ началъ со мной разговаривать и дѣлать комплименты за „изящный языкъ". Я прочелъ почти все, что слѣдуетъ знать о Карамзинѣ и о предшествовавшихъ ему двигателяхъ языка. Самое приготовленіе и рытье въ книгахъ за матеріалами чрезвычайно занимаетъ меня. Сегодня нѣкоторые студенты записывали. Вечеромъ пріѣхали къ намъ Траверсе, всѣ. Послѣ нихъ читалъ я старые №№ Москвитянина. Сколько тамъ интереснаго!

NB. Тебѣ бы для Современника принять такъ же методу: означать оглавленіе на задней половинѣ обертки: не портя книги, можно ее отрѣзать всякій разъ и такимъ образомъ составлять за цѣлый годъ содержаніе журнала — вещь очень полезная для справокъ. Такъ сдѣлалъ я съ Журналомъ Министерства народнаго просвѣщенія за всѣ годы.

Пятница, 12 сентября. Утромъ немного готовился къ *русской* лекціи, да и немного занимался, потому что все-таки мысль о предстоящемъ опытѣ развлекала. Въ университетѣ опять большая аудидорія, и Теслевъ уже тамъ. Я сталъ опять читать обозрѣніе Россіи. Карта была на доскѣ; теперь я читалъ гораздо подробнѣе и все наизустъ. Увидѣлъ разницу говорить на своемъ языкѣ; но, кажется, я бы могъ такъ-же легко говорить и по-шведски, только неувѣренность въ себѣ еще удерживаетъ. Передъ лекціею Котенъ прислалъ Русскій Вѣстникъ съ критикою Кукольника на Фритіофа. Онъ всю поэму поднялъ на смѣхъ; въ сужденіяхъ о переводѣ есть противорѣчія. Прочти. Изъ Борго получилъ я остальную часть перевода и письмо отъ Рунеберга при переводѣ *Посвященія.* Какъ прелестно онъ перевелъ (по моему словесному, т. е. точному переводу)! Онъ пишетъ: „Приписка Плетнева въ письмѣ твоемъ изъ Таммерфорса сердечно меня обрадовала. Кланяйся и поблагодари его за эти строки, какъ и за частую при-

сылку Современника. Досадно, что мое незнаніе языковъ лишаетъ меня радости сообщаться съ нимъ. Но такъ бываетъ въ свѣтѣ; безъ словъ и языка бываешь отчужденъ отъ людей, съ которыми бы хотѣлъ сблизиться, и остаешься неподвиженъ, какъ пароходъ съ изломанными колесами, въ которомъ напрасно и котелъ кипитъ и машина работаетъ".

Вечеромъ я былъ во *французскомъ* спектаклѣ. Прибывшая изъ Франціи черезъ Швецію труппа давала второе представленіе. M-r и m-me Armand чудесные сюжеты. Театръ оба раза былъ полнехонекъ.

Суббота, *13 сентября. Отвѣтъ.* Въ Евгеніи немногое найдешь о свѣтскихъ писателяхъ. Нѣтъ, переводить съ разборомъ лучше, нежели цѣлое подрядъ. А на другой вопросъ рядомъ съ этимъ ты мнѣ не отвѣчалъ — насчетъ „Арфы"-то русско-шведской.

Сегодня въ 10 часовъ я побѣжалъ въ консисторію, на которую вчера былъ приглашенъ повѣсткою. Тамъ и вице-канцлеръ (Теслевъ) присутствовалъ, но безъ голоса. Рейнъ и нѣкоторые другіе (безъ моей просьбы) настояли, чтобы мнѣ имѣть право выписывать книги прямо черезъ библіотекаря, какъ соблюдается относительно книгъ на другихъ языкахъ.

Смѣсь. 1) экземпляръ шведско-русской Сѣверной Арфы непремѣнно надобно будетъ поднести университету, въ роскошномъ видѣ, отъ лица всѣхъ участниковъ, но *мнѣ*, кажется, это будетъ неловко сдѣлать, какъ члену этого сословія. Правда, книга составлялась прежде. Разрѣши это сомнѣніе. Не лучше ли тебѣ, какъ участнику особаго характера (депутату и ректору другого университета) сдѣлать это въ видѣ старшаго представителя прочихъ, при учтивомъ письмѣ? Это будетъ нашему университету вдесятеро пріятнѣе, нежели получить книгу отъ меня. И кому поднести ее: ректору или вице-канцлеру, или обоимъ?

2) Нельзя ли велѣть книгопродавцу выслать сюда при первомъ случаѣ (на кораблѣ) экземпляровъ 50 Фритіофа? Здѣсь его безпрестанно спрашиваютъ, а нѣтъ ни одного экземпляра. Если я узнаю, что отсюда идетъ корабль въ Питеръ, я шкипера пришлю къ тебѣ.

111.

(Плетневъ — Гроту) ***Спасск. мыза, пятн., 12 сент. 1841.***

Начинаю это письмо тѣмъ, чѣмъ кончилъ предыдущее. Ничего не перемѣняй въ планѣ переводовъ, принятомъ нами вмѣстѣ. Ты будешь издавать книги, а не №№ журналовъ; слѣдовательно, не статьи нужны, а цѣльныя творенія. Кто ищетъ выписокъ, сокращеній и критикъ, тотъ останется при чтеніи журналовъ, а кому нужны цѣльныя произведенія поэтовъ, тотъ вознегодуетъ на такой трудъ и отвергнетъ его.

Я, по крайней мѣрѣ, предпочитаю двадцати выбраннымъ изъ пьесы стихамъ — четыре, составляющіе полную пьесу. Здѣсь я узнаю автора, а тамъ коментатора его. При Сѣверной Арфѣ (объ этомъ пропустилъ я сказать въ прежнемъ письмѣ), по окончаніи всего ея титула поставь точку, а потомъ тутъ же напечатай: *Издалъ Александровскаго университета ординарный профессоръ исторіи Россіи и литературы, Яковъ Гротъ.* О сотрудникахъ здѣсь не нужно упоминать, ибо ихъ имена выставлены будутъ при статьяхъ и въ оглавленіи ихъ. Хотя Цигнеуса стихи не относятся по прямой линіи къ нашему сборнику, но если они очень хороши, то зачѣмъ и ихъ тутъ не тиснуть? Можно даже для русскихъ сказать, что въ такомъ-то томѣ Современника Жуковскій писалъ тоже о Грипсгольмѣ. Это дастъ вѣсъ Цигнеусу и подружитъ двѣ литературы. Глазами, пожалуйста, не шути. Я, напримѣръ, уже ничего не вижу вечеромъ читать, да и днемъ плохо. Не желаю тебѣ такой судьбы.

Журналъ. Четвергъ (11 сентября). Былъ въ правленіи, когда попечитель и министръ наши явились въ университетъ смотрѣть новопринятыхъ студентовъ. Протаскался съ ними въ университетѣ до 3-хъ часовъ. Заѣхалъ къ моимъ дамамъ и взялъ ихъ на дачу. Возвратясь домой, написалъ серіозное письмо m-me Зонтагъ. Она, лишась мужа и оставшись въ бѣдности съ дочерью, для которой сочинила прелестныя свои повѣсти и св. исторію, спрашиваетъ, чѣмъ ей заняться. Совѣтовалъ ей писать или біографіи изъ всѣхъ вѣковъ и народовъ для чтенія дѣтскаго, или разсказы изъ геніальныхъ твореній тоже всемірныхъ и для такой же цѣли.

Пятница (12 сентября). Съ дамами, которыя проживутъ у меня до понедѣльника, гулялъ и послѣ завтрака возилъ кататься. Чай пили у Кологривовой, гдѣ я читалъ какъ новость стихотворенія Жуковскаго. Вотъ Русь-матушка!

112.

(Гротъ — Плетневу) ***Гфорсъ, воскр., 9½ ч. в., 14 сент. 1841.***

Читалъ первые №№ Москвитянина: много интереснаго. Погодинъ иногда хвастливо заносчивъ, Шевыревъ скромнѣе. Сдѣлалъ себѣ алфавитную книгу для внесенія предметовъ, по которымъ разсѣяны статьи въ разныхъ книгахъ, чтобы могла служить для справокъ. Вечеромъ былъ Грипенбергъ и немного послушалъ меня.

Понедѣльникъ. 15 сент. Утро не выходилъ и готовился къ лекціи. Въ 5 ч. пошелъ въ университетъ, и уже почти наизусть читалъ лекцію, т. е. изрѣдка только заглядывалъ въ самыя краткія замѣчанія.

Отвѣтъ. Малыя стихотворенія непремѣнно должны быть переводимы цѣликомъ, а въ большихъ поэмахъ, кажется, не худо иное излагать только; все не можетъ быть равно хорошо и занимательно, на-

противъ, въ прозаическомъ переводѣ можетъ утомить. Въ заглавіи „Арфы“ неудобно, кажется, выставить мое профессорство, потому что книгу эту издаю я еще въ прежнемъ качествѣ гостя университетскаго. Итакъ, если нужно мое имя, какъ издателя, то безъ прибавки званія. Глаза мои поправились. Боль ихъ, какъ видно, была простудная. Не знаешь ли ты, много ли у Москвитянина подписчиковъ, т. е. расходится ли онъ?

Вторникъ. 16 сент. Утро занимался и гулялъ, послѣ обѣда былъ въ университетѣ,— по возвращеніи подписалъ въ первый разъ присланныя бумаги консисторіи, гулялъ, читалъ, держалъ корректуру, былъ у Грипенберга. Въ Москвитянинѣ Шевыревъ славно разобралъ Чтенія Греча. Вотъ вывелъ на чистую воду.

Среда. 17 сент. Послѣ обѣда взялъ въ библіотекѣ три новые для меня №№ Журнала Министерства народнаго просвѣщенія. У меня за нынѣшній годъ еще только 3 первыя книжки. Вечеромъ заказалъ мундиръ, который будетъ мнѣ нуженъ 14 октября (новаго стиля) по случаю поминанія графа Ребиндера въ университетѣ. Сегодня я подписалъ въ числѣ другихъ профессоровъ письмо пригласительное къ графинѣ, вдовѣ Ребиндера. До будущей недѣли я вольный казакъ. По случаю срока переѣзда на новыя квартиры, лекцій два дня не будетъ. Только ты этого не разглашай: что городъ, то норовъ. Иное наше можетъ вамъ казаться страннымъ и излишнимъ, но оно въ нравахъ и обычаяхъ. Я забылъ сказать Александрѣ Осиповнѣ Ишимовой, что я о ея исторіи уже на 2-й лекціи громогласно возвѣстилъ финскимъ студентамъ при исчисленіи русскихъ историческихъ сочиненій. Вчера сообщилъ я имъ на доскѣ изобрѣтенный мною легкій способъ рисовать карту Россіи. Надобно сдѣлать паралеллограмъ, а потомъ кое-гдѣ на сторонахъ сдѣлать моря, а послѣ рѣки. Настоящія границы провести не трудно.

Пожалуйста, торопи цензора, чтобы скорѣе выслалъ статьи для нашей „Арфы“, особливо же твою. Вскорѣ пришлю еще графа Сологуба статью (въ которой очень многое подвергается критикѣ) и Эмана, которую я недавно перевелъ.

P. S. Надѣюсь, что ты, ангелъ Петръ Александровичъ, уже въ городѣ на новой квартирѣ. Напиши подробно, какъ устроился. Скажи, каково твое здоровье. Дѣлаешь ли моціонъ?

113.

(Плетневъ — Гроту) ***Спасск. мыза, вторн., 16 сент. 1841.***

Содержаніе твоей первой лекціи очень богато и занимательно. Только я думаю, что не болѣе одного разу въ недѣлю надобно объ этомъ говорить. Въ другіе три часа преподавай языкъ и самую исторію

на русскомъ. Такимъ образомъ ты всегда на шведскую профессорскую лекцію будешь имѣть непремѣнно занимательный предметъ и не обременишь себя работами. Да и слушатели не утомятся отъ одного раза въ недѣлю, разумѣю слушателей вольныхъ, приходящихъ единственно изъ уваженія къ твоей репутаціи. Очень радъ, что ты такъ хорошо выдержалъ первую лекцію. Вторая пусть будетъ тебѣ урокомъ не слишкомъ надѣяться на память свою. Журналъ Министерства народнаго просвѣщенія можешь прямо изъ его редакціи выписать для библіотеки университета. О Фритіофѣ велю сдѣлать объявленіе. Между декламаціею шведовъ и скороговоркою французовъ совѣтую для каѳедры выбрать тонъ яснаго, нѣсколько останавливающагося разговора. Это безъ претензіи и удобно. Хорошо, что наклевывается для тебя экзаменаторское мѣсто. Я радъ, что ты напечатаешь свою первую лекцію. Не худо, если прибавишь, въ какой день и часъ намѣренъ предлагать публикѣ эти прелести. Лагусъ, конечно, съ нѣкоторой стороны правъ; но ты можешь перевернуть этотъ листъ, заставивъ пришедшихъ изъ одного любопытства остаться при тебѣ навсегда по интересу лекцій.

Журналъ. Воскресенье (14 сентября). Дамы пошли утромъ къ обѣднѣ, а у меня и здѣсь все дѣла по университету. Однако же, я, отправивъ ихъ, успѣлъ въ церковь къ панихидѣ, которую въ этотъ день смерти убитаго на дуэли Новосильцева [1]) ежегодно по немъ съ торжественностью здѣсь отправляютъ — на мѣстѣ его паденія, гдѣ и церковь.

114.

(Гротъ — Плетневу) ***Гфорсъ, четв., 18 сент., 9½ ч. в. 1841.***

Читалъ Москвитянина и занимался статьями для Сѣверной Арфы. Поутру Акіандеръ принесъ статью Сологуба. Въ ней мы согласились многое выкинуть, иное перемѣнить. Когда я пришлю ее для цензуры, потрудись прочитать ее. Въ ней, даже и при упоминаніи нашихъ книжныхъ гостинодворцевъ, должно быть соблюдено чрезвычайное приличіе въ словахъ и тонѣ. Не надобно забывать, чье имя выставлено въ началѣ книги. Вечеромъ пришелъ Цигнеусъ для чтенія перевода моей статьи и совѣщанія о разныхъ въ немъ мѣстахъ. Потомъ явился Лундаль съ остальными двумя главами изъ этой же статьи. По уходѣ Цигнеуса я занялся съ Лундалемъ разборомъ того, что онъ перевелъ. Уходя, онъ взялъ Пушкина для перевода въ твою статью эпизода о Наинѣ.

Пятница, 19 сент. Все утро шелъ ужаснѣйшій дождь съ вѣтромъ. Когда прошелъ, я отправился гулять: былъ у моря и видѣлъ чудесный видъ бурно-осенняго моря.

[1]) Флигель-адъютанта, дравшагося съ л.-гв. семеновск. п. поручикомъ Черновымъ 10 сентября 1825 г. См. записку о томъ К. Ѳ. Рылѣева, напеч. въ „Девятнадцатомъ Вѣкѣ", см. также въ „Сочиненіяхъ" Рылѣева (изд. Сѣвера) 1893, стр. 125.

Отвѣтъ. Напрасно ты думаешь, что моя первая лекція должна какъ бы служить программою для слѣдующихъ; ея назначеніе было самостоятельное: показать съ разныхъ сторонъ занимательность изученія русской литературы и исторіи. Предметомъ же постоянныхъ лекцій остается исторія въ связи съ литературою. Это уже твердо опредѣлено и не подлежитъ измѣненію, такъ же, какъ и самый порядокъ лекцій: двѣ — чисто историческія, одна — литературныя прибавленія къ исторіи, и одна — очеркъ предыдущаго на русскомъ языкѣ, тогда какъ три первыя по-шведски.

Суббота, 20 сент. Не забудь, только-что получишь свою статью („Финляндія въ русской поэзіи"), препроводи ее къ цензору, такъ же, какъ статьи Эмана и Сологуба, которыя, надѣюсь, сегодня пойдутъ подъ печатью здѣшняго цензурнаго комитета на твое имя.

115.

(Плетневъ — Гроту) ***Спасск. мыза, пятн., 19 сент. 1841.***

У тебя въ началѣ письма сказано: „Теслеву объяснилъ дѣло объ экзаменаторѣ. Здѣсь можетъ только окладъ быть назначенъ ему". Тѣмъ лучше. Если уже назначатъ окладъ полный, то графъ Армфельтъ, представляя тебя на это мѣсто, можетъ прибавить только: съ назначеннымъ по сему мѣсту окладомъ. „Слушателей по-меньше": очень естественно — и Лагусъ не совсѣмъ неправъ. Помни только мое предписаніе: всякій разъ для шведской лекціи имѣй въ запасѣ новость интересную и полную. Я радъ, что тебѣ пришла крайность рыться въ русскихъ книгахъ. Ты увидишь много занимательнаго. Выпиши „Опытъ русской библіографіи" Сопикова (неконченный трудъ, но замѣчательный). Не могу въ Современникѣ оглавленіе помѣщать на оберткѣ подобно другимъ журналистамъ: у нихъ по два, по три и даже по четыре №№ составляютъ, наконецъ, томъ или часть годового изданія, а у меня въ каждомъ № цѣлый томъ. Русскій Вѣстникъ для меня не существуетъ: я его не видывалъ и не буду читать. Кукольникъ — извѣстный враль и назойникъ. Еслибы ты, хоть не выставляя своего имени, отхлесталъ его похладнокровнѣе да подѣльнѣе, я бы помѣстилъ у себя съ радостію защиту европейскаго Тегнера. Строки Рунеберга ко мнѣ удивительно милы. Кажется, что движеніе парохода у него любимая картина. У Евгенія есть начало и другого лексикона „О свѣтскихъ писателяхъ". Вышло, не помню, двѣ или одна часть. О переводѣ съ разборами и выпусками повторяю то же, что писалъ прежде. Иностранцу нужна цѣлая книга, а не твои на нее замѣчанія. Когда отпечатана и переплетена будетъ „Арфа", я пришлю письмо на имя вашей консисторіи. Ты и то и другое представишь въ засѣданіе. Итакъ, ни ректоръ, ни вице-канцлеръ не будутъ обойдены, а между тѣмъ книга

не достанется частному лицу, а передастся въ библіотеку университета.

Журналъ (17 сентября). Среда. Съ дамами ходилъ въ ново-открываемый Новосильцевою домъ призрѣнія. Видѣли ея портретъ и убитаго ея сына.

116.

(Гротъ — Плетневу) ***Гфорсъ, воскр. 21 сент., 10½ ч. в. 1841.***

Вчера, вскорѣ по отправленіи письма къ тебѣ, пришелъ, какъ обѣщалъ, Цигнеусъ. Мы продолжали читать переводъ моей статьи; послѣ явился неожиданно еще учитель русскаго языка изъ Борго, Гонгелинъ, который перевелъ большую часть той же статьи.

Понедѣльникъ, 22 сентября. Все утро, кромѣ прогулки, готовился къ лекціи; послѣ обѣда гулялъ и въ головѣ читалъ лекцію. Потомъ на каѳедрѣ; слушали со вниманіемъ. Послѣ къ генералу Рамсаю; онъ говоритъ, что желаетъ слушать иногда мои лекціи и другихъ склоняетъ къ тому для поднятія русскаго ученія. Профессоры-де все еще ворчатъ, что не-университетскаго ученаго сдѣлали ихъ товарищемъ. Вотъ, что называется послѣ ужина горчица. Дома нашелъ письма.

Отвѣтъ. Отвѣчать Кукольнику ни съ именемъ, ни безъ имени я не намѣренъ, потому что считаю такіе отвѣты 1) потерею времени, 2) унизительными для дѣлающаго ихъ. Я хотѣлъ было, независимо отъ сужденія о переводѣ и поэмѣ, написать только статейку противъ нелѣпаго увѣренія, что нельзя переводить въ стихахъ, но эта идея по настоящему такъ глупа, что опровергать ее не стòитъ. Кто ею увлечется, будетъ осломъ, котораго и разувѣрять нечего. У меня есть и свѣтскій лексиконъ Евгенія (одна часть) отъ тебя же. Все, что предъявляется въ засѣданіи консисторіи, выходитъ изъ устъ ректора; надобно напередъ докладывать ему обо всемъ. Слѣдовательно, и „Арфу“ надобно будетъ на имя консисторіи вручить ему.

Среда, 24 сентября. 9½ часовъ вечера. Вчера ходилъ къ Лундалю, просилъ, чтобы онъ написалъ въ Петербургъ о доставленіи тебѣ статьи. Въ университетѣ говорилъ все время наизусть; теперь я ужъ храбръ и говорю свободно; только это требуетъ большаго приготовленія. Сегодня утромъ читалъ я, между прочимъ, Шлёцерова „Нестора“. Многія мысли, которыя теперь въ журналахъ выдаются за новыя, ему принадлежатъ. Притомъ, какая метода, точность, полнота и ясность въ изложеніи!

117.

(Плетневъ — Гроту) ***Спб., вторн., 23 сент. 1841.***

Погодинъ для меня загадка. Когда съ нимъ лично говоришь, онъ и скроменъ, и честенъ, и благороденъ. На бумагѣ же въ печати — онъ

родъ Полевого. Конечно, Шевыревъ человѣчнѣе товарища своего. Алфавитная книга для отысканія матерій — умное и необходимое дѣло. Профессорства можешь и не ставить на „Арфѣ", хотя годъ появленія книги не противорѣчитъ оному факту. О подписчикахъ Москвитянина гдѣ мнѣ знать, когда я не знаю ихъ и при Современникѣ. Ты угадалъ, что я уже въ городѣ. Переѣхалъ 21 сентября, въ воскресенье [1]). До сихъ поръ не могу устроиться. Комнатъ множество, и такъ можно роскошно расположиться, что теряюсь въ обиліи плановъ. Главное: если ты и Константинъ Карловичъ и даже еще кто пріѣдетъ, всѣмъ есть особыя комнаты съ особымъ входомъ. Оли радуется: ты ей обѣщалъ пріѣхать сюда зимой. То-то веселье у насъ будетъ!

Журналъ. Воскресенье (21 сентября). Послѣ обѣда пошелъ я сѣсть въ дрожки и пустился въ городъ, куда люди мои отправились до меня. Я встрѣченъ былъ въ новой квартирѣ моей экзекуторомъ, унтеръ-офицеромъ и двумя солдатами. Комнаты были прибраны и освѣщены,— это мнѣ понравилось. Я ушелъ скоро пить чай къ Оли. Тамъ мы прочли сегодняшнее письмо твое.

Понедѣльникъ (22 сентября). Вообрази мою радость: съ 7-го часу до 2-го солнце сіяетъ въ моихъ комнатахъ,— итакъ я цѣлый годъ не разлучусь съ весной: тепло и ярко. Всякій день отъ 5 до 8 вечера я занимаюсь: читаю, пишу и спускаю съ рукъ казенныя бумаги.

Вторникъ (23 сентября). Въ Царскомъ Селѣ читали Мѣдный Всадникъ. Въ восхищеніи отъ этой поэмы. Послѣ зашелъ къ Магіе Паткуль. Мужъ ея уѣхалъ на парадъ въ Петербургъ. Она меня приняла дружески. Разсказывала, какъ представлялась во дворецъ. Отъ ласкъ Императрицы и другихъ Особъ тронута почти до слезъ. Цесаревна сказала, что она уже давно нетерпѣливо желала познакомиться съ нею. Въ городѣ, разъ воротясь изъ гостей, Магіе съ мужемъ изловила у дверей квартиры своей троихъ воровъ — и очень гордится присутствіемъ духа. Вечеръ провелъ я дома за корректурами и книгами.

118.

(Гротъ — Плетневу) ***Гфорсъ, пятн., 26 сент., 10 ч. в. 1841.***

Вчера началась здѣсь ярмарка. Сегодня опять большую часть утра провелъ у Акіандера. Онъ и другіе сотрудники находятъ заглавіе *„Сѣверная Арфа"* не совсѣмъ приличнымъ, потому что въ книгѣ почти вовсе не будетъ стиховъ. Такъ какъ и моя собственная совѣсть не совсѣмъ одобряетъ это названіе, то уже не лучше ли превратить его въ слѣдующее:

[1]) Въ казенную квартиру въ зданіи университета.

Альманахъ въ память двухсотлѣтняго юбилея Александровскаго университета, изданный Я. Гротомъ.

Просто, и никто привязаться не можетъ.

Послѣ обѣда бродилъ я въ полѣ за нашимъ домомъ: тамъ теперь конная продажа. Движеніе, волненіе, шумъ, суета, многолюдство: точно маневры, только вмѣсто мундировъ чухонскія куртки, да мекки.

Отвѣтъ. Шевыревъ нѣсколько упалъ въ моихъ глазахъ отъ 1) отвѣта Булгарину, 2) разбора книги *На сонъ грядущій.* Поздравляю съ новосельемъ и съ embarras de richesse. Посмотрѣть на это я бы очень желалъ, но обѣщать не обѣщалъ, а только сказалъ въ такомъ видѣ, что молъ чѣмъ чортъ не шутитъ? какъ знать, чего не знаешь? А затрудненій много. Твоя радость солнцу въ твоихъ комнатахъ и меня обрадовала. Дай Богъ, чтобы оно проникало и въ душу твою. Занимаешься отъ 5-ти до 8-ми: за это можно сказать тебѣ *пай.* То, что пишешь о m-me Patkul, разскажу ея отцу, чтобы его осчастливить.

Увѣдомь, есть ли, кромѣ глупаго *Азбучнаго списка* и проч., какой-нибудь ключъ къ *Исторіи Карамзина,* или что-либо подобное, гдѣ бы по алфавиту можно было найти все, о чемъ упоминается въ Исторіи Карамзина. Кажется, Строевъ издалъ такой Указатель. Есть ли и, буде есть, каковъ?

119.

(Плетневъ — Гроту) ***Спб., субб., 27 сент. 1841.***

Насчетъ статьи Сологуба согласенъ съ тобою. Непремѣнно надобно тебѣ съ Акіандеромъ, какъ судьею, знающимъ и свѣжимъ, сгладить въ ней шероховатости нашихъ современныхъ мнѣній и выраженій. Только объ этомъ никому ни гугу. Напечатавъ и отправивъ экземпляръ къ нему, слегка упомяни, что цензура немножко почеркала-де въ вашей прелестной статьѣ. Я съ удовольствіемъ бы и самъ приложилъ руку свою къ вашимъ двумъ, но у меня теперь нѣтъ и минуты свободной. Не только хлопоты по образованію новаго быта въ новой квартирѣ и хлопоты по службѣ давятъ меня, но накачалось неисцѣлимое зло — близость моего пребыванія ко всѣмъ чинамъ университета, которые ни заснуть, ни встать спокойно мнѣ не даютъ. Всякаго выслушивай и удовлетворяй. Я получилъ и твою статью и Сологуба, препроводилъ ихъ въ тотъ же мигъ съ самымъ убѣдительнымъ письмомъ къ Никитенкѣ, да не замедлитъ отправленіемъ ихъ обратно къ тебѣ. Не помню, чтобы я назвалъ первую твою лекцію программою всего твоего курса. И распредѣленія твоего, столь умнаго и интереснаго, никто не оспаривалъ. Я только напоминаю о необходимости дать всякой лекціи, выборомъ для нея предмета, *опредѣлительность* и *занимательность,* чего не умѣютъ обыкновенно дѣлать одряхлѣвшіе профессоры. Торопить-то я тороплю членовъ цензурнаго комитета, да не

все-то они дѣлаютъ, о чемъ просишь: это народъ все заносчивый и необщежительный. Впрочемъ, не теряю надежды на Никитенку.

Журналъ. Среда (24 сентября). Утромъ, спровадивъ просителей и другихъ лицъ, осаждавшихъ меня чуть еще не въ постелѣ, пошелъ читать лекціи, а послѣ занимался въ канцеляріи. Обѣдалъ и весь вечеръ провелъ дома.

Четвергъ (25 сентября). Обыкновенная мука съ должностными посѣтителями. Обѣдать утащилъ меня къ себѣ Ѳедоръ Ѳедоровичъ *(Корфъ).* Онъ пишетъ текстъ для картинокъ къ Исторіи Петра I. Не видавъ еще Ростовцевыхъ, отправился къ нимъ на вечеръ. Тамъ былъ Хмѣльницкій [1]), нашъ прежній комикъ. Судилъ удивительно заднимъ числомъ.

Пятница (26 сентября). Поутру отправился въ школу Принцессы, гдѣ не бывалъ съ пріѣзда, хотя Ея Свѣтлость на меня возложила инспекцію надъ заведеніемъ. Тамъ проѣздомъ былъ и Принцъ. Изъ школы проѣхалъ къ самой Принцессѣ, которая въ знакъ особеннаго благоволенія изволила жаловать ручку. Вечеръ у Балабиныхъ. Онѣ послѣ меня съ Блудовыми еще разъ были въ Гельсингфорсѣ.

120.

(Гротъ — Плетневу) ***Гфорсъ, воскр., 10$^1/_2$ ч., 28 сент. 1841.***

Вчера вечеромъ былъ я у Цигнеуса и отъ него хотѣлъ къ профессору Тенгстрему, но, узнавъ, что тамъ званые гости, пошелъ къ Урсину. Сидѣлъ у него съ часъ и болѣе. Онъ, замѣтивъ, что я пришелъ не по дѣлу, а въ гости, сталъ особенно разговорчивъ и любезенъ. Говорилъ, между прочимъ, о необходимости, чтобы ректоръ имѣлъ способы достойно представлять университетъ своими отношеніями къ обществу, къ товарищамъ и къ пріѣзжимъ, для чего намѣренъ, при сложеніи своей должности, сдѣлать представленіе объ увеличеніи окладовъ ректора. Насчетъ выписки русскихъ книгъ сказалъ, что я могу самъ адресоваться къ книгопродавцу, приказавъ ему высылать книги по какому-нибудь случаю, потому что университетъ не имѣетъ права безплатно *получать* пакеты.

29 сентября. Сегодня поутру были у меня 2 студента и желали учиться у меня писать по-русски. Я сказалъ, что это дѣло Соловьева, какъ и прежде уже говорилъ нѣкоторымъ, изъявлявшимъ то же желаніе. Въ противномъ случаѣ у меня бы оставалось слишкомъ мало времени для моей собственной части. Притомъ это противно инструкціи.

30 сентября. Вторникъ. Вчера я цѣлый вечеръ прокопался за корректурой, такъ что не успѣлъ и приписать ничего къ письму.

[1]) Николай Ивановичъ, писатель-драматургъ († 1846).

Отвѣтъ. Въ статьѣ Сологуба, кажется, все сглажено; все-таки жаль, что ты не успѣешь прочесть ее. По моему ты можешь легко избѣгнуть безпрестанныхъ нашествій докучныхъ лицъ, назначивъ для пріема только извѣстные дни и часы. Никитенко написалъ мнѣ чрезвычайно благосклонное письмо, въ которомъ превозноситъ и переводъ мой (Фритіофа) и всѣ мои занятія! Вотъ неожиданная милость! Но вообрази, онъ живетъ въ убѣжденіи, что почта изъ Петербурга сюда ходитъ только разъ въ недѣлю. Стараюсь постоянно давать своимъ лекціямъ цѣлость и интересъ. Теперь я уже читаю вовсе безъ бумажнаго пособія, которое, хотя и пишу для памяти, но оставляю въ карманѣ. Сегодня я былъ доволенъ (т. е. разумѣется, относительно къ моимъ *теперешнимъ* средствамъ, а не абсолютно). Всю удѣльную систему я отвалялъ въ одинъ часъ, потому что взялъ предметомъ только общее ея содержаніе, главныя событія и главные характеры. За то и готовился я безъ отдыха отъ 6-ти часовъ утра до самой лекціи. Теперь буду по Карамзину возвращаться къ занимательнѣйшимъ фактамъ пройденныхъ 380 лѣтъ. Для чьей Исторіи Петра Великаго работаетъ Ѳ. Ѳ.? Вечеръ сегодняшній провелъ я у профессора Тенгстрема, и очень пріятно.

1 октября. Начало утра у Акіандера, потомъ въ консисторіи, гдѣ сидѣли съ 10 часовъ до $1^1/_4$. Такъ пропала лучшая часть дня. Послѣ обѣда читалъ газеты, ходилъ къ портному, торопилъ, чтобъ мундиръ былъ готовъ къ завтрашнему печальному торжеству (память графа Ребиндера).

Сегодня получилъ отъ Никитенки 4 статьи; остались еще только двѣ послѣднія.

121.

(Плетневъ — Гроту) ***Спб., вторникъ, 30 сент. 1841.***

Первый пунктъ, о которомъ я теперь буду писать, требуетъ, чтобы ты его удовлетворительно разрѣшилъ съ первою же почтой. Въ общемъ уставѣ нашихъ университетовъ въ § 94 сказано: „Студентъ, начавшій лекціи въ одномъ изъ русскихъ университетовъ, можетъ окончить оныя въ другомъ, съ зачетомъ времени пребыванія въ первомъ въ число лѣтъ, опредѣленныхъ для окончанія полнаго курса, и проч.“ Изъ нашего университета теперь одинъ небогатый студентъ вышелъ, чтобы продолжать свое ученіе въ другомъ университетѣ, гдѣ жить дешевле. Онъ избираетъ Гельсингфорскій. Здѣсь онъ находился по юридическому факультету во 2-мъ курсѣ, т. е. ему оставалось учиться безъ малаго 3 года. Спрашивается: примутъ ли его у васъ безъ экзамена во 2-й же курсъ юридическаго факультета по нашему свидѣтельству, какъ это мы дѣлаемъ съ приходящими изъ всѣхъ русскихъ университетовъ и представляющими законныя свидѣтельства? Если у васъ

найдутъ къ тому затрудненіе, то, увѣдомивъ меня о семъ, предложи, между тѣмъ, дѣло въ консисторіи для будущихъ подобнаго рода случаевъ.

Генералъ Рамсай говоритъ, какъ прямой русскій генералъ. Про Кукольника ты говоришь дѣло — и я бы такъ-же поступилъ. Да бѣда, что на этомъ-то они и выѣзжаютъ въ знаменитости. Нужды нѣтъ, что нашу книгу долженъ въ консисторію представить ректоръ (это и у насъ дѣлается): все-же книга принадлежать будетъ сословію университета, а не лицу, называемому Урсинъ. Да и на что она ему? Развѣ для дѣтей? Впрочемъ, не бѣда и пожертвовать однимъ экземпляромъ. Я вполнѣ удовлетворенъ тобою за оцѣнку Шлёцера. Это мой идеалъ въ профессорскомъ ремеслѣ. Давай его сообща хвалить вездѣ и при всякомъ случаѣ.

Журналъ. Воскресенье (28 сентября). Утромъ къ министру по его требованію. Онъ мнѣ толковалъ о внутреннемъ устроеніи университета и совѣтовалъ приказать деканамъ посѣщать аудиторію во время лекцій для наблюденія, вполнѣ ли выполняются профессорами ихъ программы. Оттуда къ Одоевскому — живетъ на Литейной; звалъ непремѣнно посѣщать его субботы. Сологубъ здѣсь же и уже была у него середа. Я его не видалъ еще. Отъ Одоевскаго къ Александрѣ Осиповнѣ. Взялъ ихъ прокатиться по Петровскому острову, а оттуда обѣдать ко мнѣ. Всѣ были въ восхищеніи отъ моей квартиры. На вечеръ пришелъ Краевскій, который также любовался, сколько ни мѣшали это дѣлать его важность и эпиграфъ на лбу: nil admirari. Онъ редакторствуетъ первою частью книги, издаваемой въ пользу Смирдина. Признаюсь: меня не трогаетъ несчастіе послѣдняго. Я не вѣрю тутъ ни чему. Все барышничество и обаяніе легкомыслія. А О—ій съ своей филантропіей — простофиля и Чванкинъ.

Вторникъ (30 сентября). Читалъ съ Великой Княжной Ольгой Николаевной 9 томъ Пушкина. Много говорили. Она день ото дня божественнѣе. Пришла къ Окуловой Великая Княгиня Марія Александровна (Цесаревна), брала урокъ. Я присутствовалъ. Она переводила Пиковую даму Пушкина. Очень хорошо произноситъ и легко-таки понимаетъ. Пріѣхавъ изъ Царскаго писалъ это письмо. Чай пить поѣхалъ къ Балабинымъ.

122.

(Гротъ — Плетневу) ***Гфорсъ, четв., 10 ч. в., 2 окт. 1841.***

Поутру готовился къ лекціи о древнихъ славянахъ и особенно ихъ миѳологіи. Въ 10-мъ часу принесли мой мундиръ. Нарядившись, отправился въ университетъ. Всѣ профессора сбирались въ консисторіи. Вскорѣ изъ сената двинулись ряды мундировъ. Послѣ нихъ мы вошли въ залу. Тамъ уже было множество людей, между прочимъ, и дамъ.

Каѳедра и канделябры покрыты были чернымъ. Видъ очень печально-торжественный. Съ хоровъ запѣли кавалеры и дамы. Потомъ Линсѣнъ началъ читать по-шведски рѣчь о достоинствахъ графа Ребиндера. Хорошо, но чтеніе плохое. Черезъ часъ (½ 12) всѣ, послѣ вторичнаго пѣнія стали выходить. Тутъ я услышалъ, что сегодня лекцій нѣтъ. Остальную часть дня провозился за корректурой и поправкою переводовъ у Акіандера. Изъ библіотеки взялъ краткія исторіи: Кайданова и Погодина, у Акіандера — сокращеніе Устрялова, — все изъ любопытства.

Пятница. Лекцію читалъ по-русски, и сюжетомъ избралъ анализъ Варяжскаго періода (до смерти Ярослава), т. е. внѣшнія сношенія Россіи: 1) съ Скандинавіей; 2) съ Греціей; 3) съ дикими народами; 4) съ Западною Европою, и слѣдствія ихъ всѣхъ. Потомъ разборъ главныхъ дѣятелей и т. п. Было человѣкъ 20, и слушали, кажется, очень внимательно. Послѣ того собрался философскій факультетъ, въ которомъ въ первый разъ засѣдалъ.

Отвѣтъ. Студентъ твой безъ шведскаго языка не далеко уйдетъ при здѣшнемъ университетѣ; всѣ лекціи читаются по-шведски. Ты забываешь, что у насъ никакихъ курсовъ нѣтъ; время ученія не назначено; пробудь хоть только мѣсяцъ, но выдержи экзаменъ и дѣло съ концомъ. Опредѣлиться же здѣсь очень легко; только отъ другого университета представить ректору аттестатъ, экзамена не нужно. Такъ сказано въ статутѣ (см. § 98). Сверхъ того (такъ какъ у насъ студенты раздѣлены по отдѣленіямъ), надобно имѣть отъ куратора какого-нибудь отдѣленія свидѣтельство, что препятствія къ принятію въ то отдѣленіе нѣтъ. Все это прекрасно, но языкъ? Альманахъ я намѣренъ представить только: Наслѣднику (русскій), графу Армфельту (русскій и шведскій), князю Меншикову (русскій), университету (русскій и шведскій), Финскому литературному обществу (русскій и шведскій) и по одному экземпляру всѣмъ участвовавшимъ въ составленіи писателямъ и переводчикамъ, т. е. всего 23 экземпляра, больше никому. Пью мысленно холодный пуншъ за здоровье Шлёцера и за твое новоселье въ твоихъ чертогахъ. На лбу „nil admirari“ хорошо.

Суббота. Пожалуйста, вели надежному человѣку навести справку: какія есть разнаго рода карты Россіи? Я чувствую большую потребность: 1) въ хорошей, полной генеральной картѣ нынѣшней Россіи; 2) въ древней картѣ или картахъ Россіи; сверхъ того, какія есть разнаго рода таблицы (родословныя и тому подобныя), относящіяся къ русской исторіи?

123.

(Плетневъ — Гроту) *Спб., пятн., 3 окт. 1841.*

Не можешь ли ты, милый другъ, изъ предоставленныхъ тебѣ денегъ на пособіе по литературѣ отдѣлить часть и прямо на имя уни-

верситета выписывать хоть по одному лучшему литературному журналу изъ Англіи, Германіи и Франціи? Извѣстно, что совершенствованіе русской или другой какой литературы зависитъ отъ совокупности лучшихъ идей мыслящаго міра, который не принадлежитъ одной націи, а протяженъ по всей Европѣ. На первый разъ я укажу тебѣ на Revue des deux Mondes, гдѣ множество самыхъ зрѣлыхъ и занимательныхъ статей. Передо мной теперь лежитъ его іюльская книжка текущаго года. Сколько матеріаловъ для науки и вообще словесности, матеріаловъ не сырыхъ, но прекрасно обработанныхъ! Мнѣ хочется изъ него взять что-нибудь для Современника. Только боюсь, что могу встрѣтиться съ другими журналистами, коихъ изданія выходятъ ранѣе моего. Но къ тебѣ доставлялись бы №№ прежде, нежели придутъ въ Петербургъ. А если и въ одно время,—такъ ты, работая съ необыкновеннымъ проворствомъ, всегда бы упреждалъ здѣшнихъ журналистовъ, которые только меня могутъ обгонять, тѣмъ болѣе, что я получаю иностранные журналы въ разрядѣ прочихъ профессоровъ, слѣдовательно, очень поздно.

Я не прочь отъ перемѣны названія. Конечно, *Альманахъ* будетъ и скромно и точно. Намъ же „*Сѣверная Арфа*" пригодится въ другомъ мѣстѣ. Шевыревъ еще не такъ старъ, какъ я, и потому воображаетъ, что война съ Булгаринымъ походитъ на дѣло. Что до лести Сологубу, это неизбѣжно, когда не захочешь разорвать дружескихъ связей. При томъ же Сологубъ не безъ дарованія, — такъ это еще сносно. А ужъ возня съ Булгаринымъ никуда не годится. Ты не ошибся, что солнце проникло мнѣ въ душу. Я началъ совсѣмъ новую жизнь. Встаю постоянно въ 7 часовъ каждый день, и каждый день въ 9 часовъ обхожу аудиторіи университета, слушаю лекціи, подписываю бумаги тамъ же. Въ 11 часовъ прихожу къ себѣ пить чай, курить сигару и читать новости. Но разъ уже одѣвшись, до сна не раздѣваюсь, чтò очень полезно — бодритъ духъ. Въ 12 часовъ опять отправляюсь въ аудиторіи, гдѣ остаюсь до 3-хъ часовъ, то сидя на лекціяхъ, то заканчивая канцелярскія бумаги. 4-й часъ провожу въ столовой студентовъ. Въ 5-мъ обѣдаю у себя. 6, 7 и 8 остаюсь въ кабинетѣ: то читаю, то пишу, то принимаю доклады по университету. Въ 8 отправляюсь куда-нибудь на вечеръ. Въ 11 дома, гдѣ до 12 опять работаю и иногда надъ корректурою, иногда надъ лекціями. Итакъ, никогда болѣе 7 часовъ не сплю. Прогулку замѣняютъ переходы изъ дому въ университетъ и визитація аудиторій. Иногда впрочемъ, если соблазнительная погода, выбѣгаю и на свою набережную. Чудо, что за мѣстоположеніе! Съ постели смотрю на Неву, за нею на бульваръ, а тамъ на баснословный Исаакій. Вообрази: куполъ весь облитъ золотомъ, а надъ нимъ башенка, гдѣ также все залито закатомъ. Въ лунную ночь это все блеститъ, какъ осыпанное бриллiан-

тами. Для Карамзина точно Строевъ выдалъ Указатель. Ты долженъ выписать его, хоть черезъ Юнгмейстера.

Журналъ. Четвергъ (2 октября). Въ университетѣ, въ правленіи и на экзаменѣ гувернантокъ. Дома обѣдъ. Вечеръ у Смирновой. Пріѣхала уже и Растопчина, но я не видалъ ея.

Пятница (3 октября). Утромъ слушалъ лекціи Рожественскаго — объ учрежденіяхъ благочинія и М. Куторгу — о Греціи и Римѣ по его книжкѣ: О колѣнахъ. За обѣдомъ студентовъ сдѣлалъ разныя замѣчанія насчетъ порядка и пристойности. Инспекторъ немножко надулся. Но онъ простой и добрый малый (изъ военныхъ): пройдетъ все. Вечеромъ думаю быть у Балабиныхъ.

124.

(Гротъ — Плетневу) ***Гфорсъ, воскр., 10 ч. в., 5 окт. 1841.***

Вчера Спафарьева, гуляя и не входя къ намъ, тихонько всунула прелестный букетъ свѣжихъ цвѣтовъ въ мою визитъ-лоду *(ящикъ для писемъ).*

Въ 11 часовъ утра пошелъ съ визитомъ къ Армфельтамъ. Сошелся съ Спафарьевой и дѣтьми Траверсе, съ которыми и добрелъ до графскаго дома. Послѣ обѣда проливной дождь. Въ 8-мъ часу я пошелъ къ Лагусу, съ которымъ до $9^1/_2$ болталъ. Онъ очень интересовался русскою литературою и исторіей, разспрашивалъ и самъ толковалъ много.

Вторникъ. Вчера не успѣлъ ни строчки написать тебѣ. Съ 6-ти ч. утра до 5-ти послѣ обѣда былъ *безпрерывно* занятъ приготовленіемъ къ лекціи; потомъ гулялъ, пилъ чай у m-me Kolbars, а по возвращеніи держалъ корректуру 7-го листа моей статьи.

Отвѣтъ. Лучшіе иностранные журналы (можетъ быть, и *Revue des deux mondes)* выписываются, но, вѣроятно, мнѣ еще долго нельзя будетъ не только дѣлать изъ нихъ какія-нибудь извлеченія, но и читать ихъ,— такъ я занятъ. Теперь исторіи, исторіи, исторіи, и больше ничего. Въ твоемъ образѣ жизни я бы желалъ только той перемѣны, чтобы ты хоть часомъ раньше ложился спать. Ты скажешь: старая исторія; но я все-таки правъ, потому что истина не старѣетъ. Отъ Никитенки я уже все получилъ; поблагодари его, пока я самъ не отпишу. Посылать ли ему экземпляръ Альманаха? Много ли у тебя казенныхъ студентовъ? Сколько времени продолжается всякая лекція?

Получилъ премилое письмо (оффиціальное, по-русски) отъ графа Армфельта, который въ отвѣтъ на мое такое же (т. е. оффиціальное, а не милое) увѣдомляетъ, что при послѣднемъ докладѣ Царь пожаловалъ мнѣ 1 тыс. руб. прибавочнаго жалованья, начиная съ января 1842 г. до той поры, какъ я въ свою очередь получу таковое при уни-

верситетѣ. Вотъ какъ графъ милостивъ до меня! Сегодня опять съ 6-ти утра до 5-ти занимался крѣпко: нельзя иначе, когда говоришь совершенно безъ бумаги, но впредь начну готовиться уже заранѣе, а не по примѣру говорящихъ: „еще успѣю"! Это тяжело обходится. Вечеромъ сидѣлъ я у Валленовыхъ, гдѣ видѣлъ Спафарьеву и Пушкину. Послѣдняя до сихъ поръ еще не принимала, убирая свою квартиру. Тамъ услышалъ я, что Шёманъ вчера имѣлъ несчастіе: извощичьи дрожки, на которыхъ онъ ѣхалъ, опрокинулись, и онъ попалъ подъ нихъ; ему повредило грудь, такъ что онъ потерялъ много крови черезъ горло. Сегодня получше.

Среда. Осень ужъ въ исходѣ: приказалъ ли ты книгопродавцу напечатать объявленіе о Фритіофѣ, какъ я просилъ тебя? Сегодня занятія не шли; чувствовалъ потребность въ отдыхѣ, и много ходилъ. Однакожъ, составлялъ и программу завтрашней лекціи. Задумалъ: на первый случай издать въ пособіе студентамъ программу курса русской исторіи, гдѣ, слѣдуя принятому порядку, показать всѣ важнѣйшія имена мѣстъ и лицъ и главнѣйшія событія съ хронологіей — на шведскомъ языкѣ. Сочиненіе подробнаго курса заняло бы слишкомъ много времени и отняло бы слушателей, а это очень облегчитъ память и можетъ привлечь слушателей, возбудивъ любопытство. Къ тому же можетъ скоро быть готово.

Вечеромъ у насъ сегодня чай пилъ графъ Армфельтъ. Онъ много спрашивалъ о тебѣ.

125.

(Плетневъ — Гроту) ***Спб., вторн., 7 окт. 1841.***

Полагаю, что Юнгмейстеръ будетъ хорошій коммиссіонеръ. Онъ молодъ и рвется заслужить общую довѣренность. Студенты желали у тебя учиться писать, т. е., дѣлать сочиненія? не каллиграфіи же учить ихъ? Назначить день и часъ — много найдутъ важности. При томъ же тогда невольникъ будешь этого дня и часовъ — а теперь въ твоей волѣ и дома не сказаться. Н. — малороссіянинъ: онъ бьетъ на обѣ руки. Ты замѣчаешь, какъ онъ улаживаетъ и съ Полевымъ, и съ Краевскимъ, и съ Сенковскимъ, и съ Булгаринымъ. Радуюсь твоимъ успѣхамъ въ профессіи. Не останавливайся, однако, на первыхъ удачахъ. Безпрестанно твори въ наукѣ новыя чудеса. Это убѣдитъ всѣхъ, что невозможно на твоихъ лекціяхъ удовольствоваться пустымъ любопытствомъ нѣсколькихъ; что тебя надобно слушать всякій разъ. Отъ Ѳ. Ѳ. узналъ я, что онъ нисколько не участвуетъ въ сочиненіи текста для картинокъ къ Исторіи Петра Великаго, но что его родственникъ (Ротъ) бухнулъ въ это предпріятіе 15 тыс. руб., и потому Ѳ. Ѳ. хлопочетъ, чтобы въ журналахъ ничего не говорили противъ этого начинанія.

Журналъ. Суббота (4 октября). Сегодня, возвратясь изъ университета въ два часа, нашелъ карточку А. Армфельта. Не знаю, когда удастся ему отплатить визитъ. Ужасно трудно выѣзжать въ часы, назначенные для визитовъ. Демидова здѣсь. Кажется, я не сдѣлаю большой невѣжливости, ежели не навѣщу ее?

Въ 10 ч. отправился къ Одоевскому. Тамъ отъ Смирновой узналъ, что утромъ сего числа (4 октября) Великая Княгиня Марія Николаевна разрѣшилась маленькою Маріею же. Даль[1]) переѣхалъ жить въ С.-Петербургъ.

Воскресенье (5 октября). Былъ въ университетѣ у обѣдни. Попъ почтилъ меня просфорой. День былъ божественный.

Понедѣльникъ (6 октября). Утромъ былъ у попечителя. Его произвели въ тайные совѣтники. Кажется, онъ немножко уколотъ, что я слишкомъ много забираю распорядительности въ университетѣ. Вечеромъ совѣтъ. Всѣ члены послѣ были мною приглашены на чай ко мнѣ.

Вторникъ (7 октября). Съ Великой Княжной Ольгой Николаевной пробѣжалъ 9 т. Пушкина. Возвратившись изъ Царскаго Села въ 6-мъ часу, вдругъ вижу вошедшаго ко мнѣ Гоголя. Онъ прибылъ на житье и, напечатавъ здѣсь Мертвыя души, переселится въ Москву, куда прибудетъ лѣтомъ и Н. Языковъ[2]).

126.

(Гротъ — Плетневу) ***Гфорсъ, четв., 10 ч. в., 9 окт. 1841.***

Занимался умѣренно, ибо началъ ужъ вчера готовиться къ лекціи. Сегодня была литературно-историко-критическая. Читалъ изъ Карамзина, изъ одного сочиненія Францѐна о происхожденіи Россіи и о славянской миѳологіи. Русалки и домовые очень забавляли молодыхъ финновъ. Вечеромъ былъ у Шультена, профессора математики, брата петербургскаго. Разговаривалъ съ нимъ все о математикѣ. Онъ жаловался, что русскіе университеты не присылаютъ къ намъ ни программъ своихъ, ни прочаго другого. Въ самомъ дѣлѣ, хоть ты бы присылалъ свое: вѣдь Урсинъ подъ этимъ условіемъ вызвался доставлять тебѣ здѣшнія бумаги. Пришли на первый случай списокъ всѣхъ учащихъ и другихъ чиновъ университета (два экземпляра, 1 для меня) и уставъ, а впредь присылай и всѣ диссертаціи, программы, словомъ — все, что выходитъ по университету изъ печати для всеобщаго вѣдѣнія.

У меня есть проэктъ, котораго исполненіе обѣщаетъ значительную пользу. Тѣ изъ студентовъ, которые уже знаютъ по-русски и желаютъ

[1]) Владиміръ Ивановичъ, извѣстный писатель („Казакъ Луганскій“) и лексикографъ, ум. 1872 г.

[2]) Николай Михайловичъ, извѣстный поэтъ (ум. 1846).

усовершенствоваться, могли бы подъ моимъ руководствомъ переводить для русскихъ журналовъ интересныя статьи со шведскаго. Студенты черезъ то учились бы писать по-русски, а русскіе читатели расширяли бы кругъ своихъ знаній. Но для поощренія такихъ занятій, надобно соединить съ ними денежную выгоду, особенно важную для студентовъ, по большей части бѣдныхъ. И потому я хочу сдѣлать русскимъ журналистамъ вызовъ: кто изъ нихъ хочетъ платить порядочно за высылаемыя мною такія-то статьи — труды студентовъ подъ моимъ руководствомъ? Согласись, что это исполнимо. Тутъ дѣла нѣтъ до личныхъ свойствъ журналистовъ, лишь бы цѣль хорошая была достигнута. Акіандеръ далъ мнѣ на просмотръ рукопись русской исторіи, составленную имъ отчасти изъ напечатанной уже по-шведски учебной книги, отчасти изъ своихъ прибавленій. Онъ просилъ моего покровительства къ напечатанію ея на казенный счетъ. Я ею недоволенъ: она совершенно несогласна съ моимъ взглядомъ на учебную книгу, на методу и вообще на предметъ. Между тѣмъ, я желалъ бы ему оказать помощь тѣмъ болѣе, что онъ за этимъ много трудился и мнѣ много помогалъ при Альманахѣ. Притомъ, надо поощрять такія предпріятія. Итакъ — я могу, кажется, безъ зазрѣнія исполнить его желаніе, но сказавъ откровенно мое мнѣніе.

Суббота. 11 октября. Вчера вечеромъ были у меня Рейнъ, Колланъ и нѣмецкій пасторъ изъ Курляндіи, а у дамъ Спафарьева съ цыплятами. Письмо твое получилъ только сегодня.

Отвѣчаю. Разумѣется. Да, да. Ага! Воп. Всеконечно. Напротивъ, успѣхъ только можетъ служить мнѣ поощреніемъ, или aiguillon къ дальнѣйшимъ стараніямъ, потому что цѣль моя еще далека. Кто же видѣлъ, чтобы человѣкъ, имѣя опредѣленную цѣль, остановился на первыхъ шагахъ къ ней — потому только, что дорога гладка? Такъ поступаютъ только неимѣющіе цѣли. Добрый графъ Армфельтъ, вѣрно, хотѣлъ разсказать тебѣ о своемъ подвигѣ, зная, какое ты участіе берешь во мнѣ. Ты у него еще не былъ? Отъ навѣщенія Демидовой освобождаю тебя. Вчера былъ я у ея сестрицы [1]), но не засталъ.

Письмо твое читалъ я въ консисторіи (т. е. про себя), которой засѣданіе длилось $3^1/_2$ часа. Къ концу присутствовалъ Теслевъ.

127.

(Плетневъ — Гроту) *Спб., пятн., 10 окт. 1841.*

Павелъ Максимовичъ, уѣзжая изъ Гельсингфорса, оставилъ у Васеніуса 5 экземпляровъ своей книги: „Другъ дѣтей“. Деньги за нихъ онъ тогда же получилъ. Но мучитъ его авторское любопытство: пошли

[1]) Графини Мусиной-Пушкиной.

ли въ продажу эти книги, или еще лежатъ въ лавкѣ? Зайди, узнай и непремѣнно увѣдомь меня. Студентъ мой думалъ, что у васъ читаютъ лекціи по-нѣмецки, а я забылъ его объ этомъ предупредить въ первое наше сообщеніе. Теперь онъ думаетъ отправиться въ Москву. Какъ ни распредѣляй теперь раздачу Альманаха, а все послѣ многимъ не откажемъ въ немъ, и не только въ Гельсингфорсѣ, да и въ Петербургѣ. Посылаю заглавія картъ, нужныхъ тебѣ. Выпиши ихъ по почтѣ отъ книгопродавца, какого хочешь. Только меня не проси хлопотать о книгахъ. Я по горло въ дѣлѣ.

1) Подробный учебный атласъ Россійской Имперіи, *Проскурякова* и *Семенова*. 1841 г. Спб., 14 большихъ листовъ.

2) Атласъ для изученія русской Исторіи, приспособленный къ сочиненію Карамзина, составленъ *Ахматовымъ*. Въ двухъ частяхъ.

3) Родословная Россійскихъ Государей. Составлена *В. Лихачевымъ*. На двухъ большихъ листахъ.

Журналъ. Среда (8 октября). Утро въ университетѣ. Обѣдалъ у Владиславлева, гдѣ былъ и Гребенка. Скучновато, да нечего дѣлать. Заѣхалъ было къ Сологубамъ; но они еще не возвратились съ какого-то обѣда.

Пятница (10 октября). Утромъ занимался дома. Проклятый разборъ новыхъ книгъ ужасно много требуетъ возни. Въ $^1/_2$ 2 поѣхалъ къ Армфельту. Онъ меня привелъ въ восхищеніе разсказомъ, какъ Государь интересуется судьбою русскаго языка въ Гельсингфорсѣ и тобою. Прибавка къ твоему жалованью изъ Его собственной кассы, право, историческая вещь. Обнимаю тебя и поздравляю. Смотри же, братъ, поддержи это дѣло. Графъ ожидаетъ на-дняхъ пріѣзда своихъ дочерей. Онъ мнѣ сказалъ, что Демидова черезъ 4 дня отсюда уѣдетъ къ вамъ. Я по этому случаю рѣшилъ сдѣлать ей визитъ. Не засталъ дома, оставилъ карточку. Пустился къ Растопчиной. Больна и лежитъ въ постелѣ. Оставилъ ей два №№ старыхъ Современника. Заѣхалъ къ Сологубамъ. Софья Михайловна беременна. Она выговаривала мнѣ, зачѣмъ до сихъ поръ не покажу ей Оли. До 8 часовъ, не вставая, работалъ надъ Современникомъ.

128.

(Гротъ — Плетневу) ***Гфорсъ, воскр., 12 окт., 10$^1/_2$ ч. 1841.***

Сегодня былъ у Спафарьевой, которая упрекаетъ, что я нынче рѣже хожу и сталъ не такъ добръ, оттого-де, что старшая маркиза уѣхала. Но я вину кладу на профессорство. Сегодня здѣсь первый балъ (у неизвѣстнаго тебѣ сенатора) и въ соціететѣ. Завтра тамъ же концертъ.

Вторникъ, 14 октября. Вчера вечеромъ былъ у барона Клинковстрема молодого, гдѣ засталъ четырехъ молодыхъ графинь Армфельтъ, т. е. Гедвигу съ Оминскими.

Отвѣтъ. О „Дѣтской дружбѣ“ спрошу завтра. Семья Гартмана все еще въ Радельмѣ, только онъ здѣсь.

Среда. „Дружба дѣтская“ вся распродана. Пусть авторъ шлетъ новыхъ экземпляровъ. Въ то же время мнѣ у Вассеніуса сообщили требованіе на 1 экземпляръ Фритіофа изъ-за Кавказа (Абхазіи), о чемъ я сообщу Юнгмейстеру. Я былъ у Гартмана, отнесъ ему письмо, мною надписанное. Мы съ нимъ бранили здѣшнее общество. Вечеромъ собирался философическій факультетъ, читали планы путешествій, поданные разными лицами, вступающими въ конкурренцію на полученіе суммы, черезъ каждые 4 года выдаваемой въ пособіе одному изъ молодыхъ литераторовъ для заграничнаго путешествія. Консисторія рѣшитъ потомъ, кто достоинъ. Нынче между просящими находятся Кастренъ и Цигнеусъ. Всѣхъ 6 человѣкъ. Сегодня начали печатать въ Альманахѣ твою статью. Франценовы стихи уже напечатаны.

Я получилъ черезъ Путяту разрѣшеніе графа на пересылку книгъ черезъ статсъ-секретаріатъ. Пишу къ Юнгмейстеру.

129.

(Плетневъ — Гроту) ***Спб., вторн., 14 окт. 1841.***

Мнѣ кажется, что много найдется людей, которымъ необходимѣе будетъ послать Альманахъ, нежели Никитенкѣ. Казенныхъ студентовъ и живущихъ съ ними пансіонеровъ наберется до 100 человѣкъ и немножко поболѣе. Всякая лекція продолжается $1^1/_2$ часа, изъ чего 10 минутъ дается на сборы и переходы. Пожалуйста, нарочно побывай у Шёмана и отъ меня объяви, какое участіе я принимаю въ его бѣдѣ. Книгопродавцамъ приказано публиковать о Фритіофѣ, что̀ и исполнено. Пойду къ Цанту узнать объ оказіи, какъ выслать тебѣ Фритіофа. Мысль объ изданіи программы хороша. Письмо Шульгину отдалъ лично. Опять онъ вступилъ въ лицей на мѣсто Кайданова. Кстати: лицеисты прислали мнѣ билетъ на спектакль свой, который дадутъ 19 октября. Пожалуйста, кланяйся всѣмъ, кто обо мнѣ спрашиваетъ, особенно Армфельтовымъ. Поблагодари Матильду за память обо мнѣ и скажи, что я въ воображеніи не могу еще покинуть Оминне. Шульгинъ живетъ въ Пажескомъ корпусѣ.

Журналъ. Суббота (11 октября). Утро, обѣдъ и первую часть вечера провелъ дома. Вода подымалась ужасно высоко. Конецъ вечера у Александры Осиповны. Тамъ былъ Савичъ. Онъ обѣщалъ привести ко мнѣ Лундаля, брата Августы. Съ будущей субботы Савичъ намѣренъ нашимъ дамамъ читать введеніе въ естественныя науки и астрономію.

Воскресенье (12 октября). Утро на освященіи церкви въ 1-й гимназіи, тамъ и обѣдъ. У меня же обѣдалъ Гоголь (сегодня уѣхавшій въ Москву и далѣе). Вечеромъ у меня былъ Савичъ.

Понедѣльникъ (13 октября). Работалъ надъ Современникомъ до обѣда. Обѣдалъ и вечеръ провелъ у Балабиныхъ, гдѣ былъ и Гоголь.

Вторникъ (14 октября). Въ Царскомъ Селѣ. По причинѣ воспоминанія кончины [1]) Императрицы Маріи Θеодоровны Дворъ въ траурѣ. Панихида въ Павловскѣ. Завтра крестины у Великой Княгини Маріи Николаевны. Цесаревна будетъ крестная мать. Я поднесъ сегодня Герцогу Лейхтенбергскому дипломъ отъ университета на званіе почетнаго члена. Онъ былъ очень милъ и смѣялся, что у него уже двое дѣтей.

130.

(Плетневъ — Гроту) *Спб., пятн., 17 окт. 1841.*

Чтобы русскіе университеты вошли въ сношеніе съ вашимъ и прислали бы свои программы, диссертаціи и проч., для этого надобно вамъ начать то дѣлать. Отчего намъ отовсюду это присылаютъ? Оттого, что мы платимъ тою жемонетою. Научи ректора своего, чтобы онъ надписывалъ всѣ такого рода пакеты: *Въ совѣтъ Императорскаго такого-то университета.* Вы увидите, что васъ завалятъ программами и диссертаціями. Отъ насъ впрочемъ, кажется, всегда посылали уже. Едва-ли ты найдешь у журналистовъ ожидаемый отзывъ на свой вызовъ. Они всѣ не только с....., но и обманщики, такъ что, если и попросятъ тебя высылать, то денегъ никогда отъ нихъ не добьешься. Доказательствомъ Квитка, которому Краевскій два года не отдаетъ обѣщаннаго. Касательно Исторіи Акіандера будь честенъ и правдивъ. Лучше наединѣ доказать ему Исторіею Ал. Ос., Устрялова и другими, что онъ отсталъ отъ вѣка. А то ему не одолженіе будетъ, если ты промолчишь, а истина откроется съ убійственнымъ для него блескомъ. Пускай же онъ лучше передѣлаетъ то, что несогласно съ нынѣшнимъ состояніемъ науки, или даже это все броситъ, а напишетъ подъ твоимъ руководствомъ. Помни, что ты за русскую исторію отвѣтственное лицо передъ правительствомъ.

Журналъ. Среда (15 октября). Во вторникъ — къ Карамзинымъ (въ первый разъ послѣ ихъ прибытія). Было очень живо. Растопчина была тамъ и очень мила. Утро среды въ университетѣ. Отъ 7 до 9 вечера у попечителя для совѣщанія о гимназіяхъ. Дома нашелъ Невѣдомскаго. Онъ выигралъ процессъ болѣе нежели въ 200 тыс.

Четвергъ (16 октября). Ужасная слякоть цѣлый день. Но я долженъ былъ ѣхать обѣдать къ Растопчиной. Читала изъ своего вновь написаннаго.

А propos. Сегодня утромъ Фрейгангъ [2]) съ ума сошелъ: не хо-

[1]) Это — ошибка: 14 октября — не день кончины (24 октября 1828 г.), а день рожденія Императрицы.

[2]) Андрей Ивановичъ, цензоръ.

четъ пропустить „Надежды“ твоей, потому что въ ней говорится о крѣпостномъ состоянiи. Этотъ № Современника фатальный. Уже прежде цензура запретила одну повѣсть Квитки въ 5 печатныхъ листовъ, которая была совсѣмъ набрана. Теперь еще 3 листа набранныхъ отнимаютъ. Понимаешь, сколько долженъ опоздать журналъ при такихъ разбояхъ. Насилу уговорилъ я этого д....., чтобы онъ подлинныя, опасныя (по его смыслу) выраженiя замѣнилъ разсказомъ одного содержанiя отъ третьяго лица. Не знаю, чѣмъ это все кончится. Отъ Растопчиной къ Никитенкѣ на чай и ужинъ, гдѣ вся была профессура его артели.

131.

(Гротъ — Плетневу) ***Гфорсъ, пятн., 17 окт., 10 ч. веч. 1841.***

Вчера была сквернѣйшая погода и небо сѣрехонько; сегодня выпалъ снѣгъ, тихо, всѣ ѣздятъ въ саняхъ, небо ясно и луна: прелесть! Сегодня вечеромъ былъ у Чепурнова, но не засталъ и посидѣлъ у Акiандера, все еще слабаго. У меня были Цигнеусъ и Тенгстремъ, видно помня *пятницу;* надобно будетъ ее возстановить; Цигнеуса я встрѣтилъ у воротъ, и мы вмѣстѣ пошли.

Суббота. Послѣ обѣда читалъ въ Москвитянинѣ статью Шевырева о Пушкинѣ. Вечеромъ у насъ была m-me Кольбарсъ, и я сидѣлъ съ дамами. На дворѣ все та же прелесть; сейчасъ (9 ч. веч.) пойду гулять.

Вторникъ, 21 октября.

Въ *воскресенье* я *писалъ* будущую свою лекцiю; на это рѣшился потому, что трудно становится весь часъ говорить изъ памяти въ предметѣ еще мало знакомомъ и на языкѣ, еще новомъ: приготовленiе требуетъ слишкомъ большого напряженiя. Теперь я записываю всѣ пассажи, которые труднѣе и для памяти и для выраженiя: остальное же по сдѣланному на полѣ знаку разсказываю наизусть. Такъ соединяется двоякое преподаванiе и получается середина, — а извѣстно, что medio tutissimus ibis. Въ самомъ дѣлѣ, въ понедѣльникъ я нашелъ это очень удобнымъ; успѣлъ прочесть только половину написаннаго, потому что многое дополнялъ изустно, слѣдовательно, приготовленiе къ такому чтенiю гораздо легче.

Вчера, въ понедѣльникъ, былъ я вечеромъ у Вавы Армфельтъ. Передъ тѣмъ читалъ корректуру *„Финляндiи въ русской поэзiи“*. Эта статья, сколько разъ я ни читаю ее, всегда производитъ на меня какое-то особенно прiятное впечатлѣнiе. Самое начало уже нравится своимъ спокойнымъ и еще (не могу выразить) тономъ, и какою-то благородною простотою, которая мнѣ напоминаетъ всегда Сервантеса, Лесажа и т. п. Это не комплиментъ, а субъективная истина.

Сегодня получилъ также 5 экземпляровъ Фритiофа, и благодарю

за догадливую аттенцію. Жаль, что давно мы объ этомъ пути не вспоминали.

Среда. Отвѣчаю. 1) Зайду къ Шёману отъ твоего имени; онъ уже выѣзжаетъ. Не ѣздилъ ли ты въ лицей на театръ? видно твое имя въ его лѣтописяхъ живетъ вмѣстѣ съ именами 1-го курса. A propos объ m-lle Lundahl. Мы все хлопотали о доставленіи ей для изученія русской грамоты шведскихъ пособій, забывъ, что она знаетъ столько другихъ языковъ и что ее можно гораздо болѣе одолжить, доставивъ ей руководство на французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ. 2) Нашъ университетъ высылаетъ вамъ всѣ свои драгоцѣнности черезъ меня, и ты ихъ получаешь мало-по-малу. Если нельзя получать отъ журнала денегъ за студентскіе переводы, то все же я постараюсь уладить это дѣло на основаніи чести. Все, что я могу сказать Акіандеру отрицательнаго,— то, что я его исторіи не могу рекомендовать студентамъ въ руководство. О передѣлкѣ же не можетъ быть рѣчи, потому что онъ надъ ней ужъ такъ много трудился, да къ иному взгляду и не способенъ. Фрейгангъ, вѣрно, для оправданія своего имени (frey), не хочетъ допускать въ печати крѣпостного состоянія, а между тѣмъ самъ тѣснитъ въ ней свободу! Надежда непремѣнно должна попасть въ 4 № Современника, ибо на нее есть уже напечатанная ссылка подъ твоею статьею, гдѣ ты о ней упоминаешь. Ужели повѣсть Основьяненки такъ и пропадетъ?

Вчера вечеромъ сидѣлъ я у Бонсдорфа, съ которымъ пріятно потолковалъ. Сегодня мы у Вульферта.

132.

(Плетневъ — Гроту) ***Спб., вторн., 21 окт. 1841.***

Рапортъ твой о визитахъ хорошъ, но недовольно подробенъ. Зачѣмъ Спафарьевой не сказать было: вы имѣете резонъ, сударыня? Что отдѣлываться профессорствомъ? Пріѣхали ли Радельмскія пустынницы? Когда еще ждутъ Лавоніуса [1])? Если ты не читалъ письма Розины ко мнѣ, то скажи — и я тебѣ доставлю копію съ него. Тамъ она говоритъ про тебя мнѣ: *votre charmant ami.* Не умѣю разгадать: кто ей подарилъ бумагу, на которой она писала? Эту бумагу князь Волконскій обыкновенно даритъ только членамъ Императорской фамиліи наканунѣ Новаго года. На заголовкахъ разрисованные виды дворцовъ и т. п. Здѣсь, что̀ прислала ко мнѣ Розина, нарисованъ домъ Марли изъ Петергофа. (Кстати: отсюда явилось прозваніе Марлинскаго, употребленное имъ за нѣсколько лѣтъ до роковой исторіи, потому что онъ, служа въ конныхъ гренадерахъ, жилъ въ Петергофѣ). Ты, вѣроятно, полу-

[1]) Александра Абрамовича, русскаго консула въ Стокгольмѣ, жениха Розины Гартманъ.

чилъ уже черезъ ректора своего отъ меня 5 экземпляровъ Фритіофа. Я ихъ велѣлъ взять у Полевого, гдѣ худо продаются, и переслать тебѣ.

Отъ Финна до Абхаза,
Тебя читаютъ всѣ,
Хоть не Булгаринъ ты пролаза,
Не лѣпишься на колесѣ.

Поздравляю съ этимъ успѣхомъ. За что съ Гартманомъ бранили вы гельсингфорское общество? Ужели Гартманъ ничего не сообщилъ тебѣ о своемъ пріѣздѣ въ Радельму и о чтеніи письма моего дѣвочками? Я очень огорченъ, что ни Найма, ни Фанни не прибавили словца отъ себя въ письмѣ Розины. Она пишетъ отъ 20 октября нов. ст. (я получилъ ея письмо 20 же октября ст. ст.), что за недѣлю уѣхалъ отъ нихъ отецъ и что онѣ скоро намѣрены переѣхать въ Гельсингфорсъ; что одно удовольствіе быть съ отцемъ туда ихъ призываетъ; а впрочемъ, имъ и осенью весело было въ Радельмѣ, не смотря на желтые листья и безпрерывные дожди. Я полагаю, что Кастренъ болѣе другихъ извлекъ бы пользы изъ путешествія по Европѣ. Цигнеусъ можетъ остаться поэтомъ и въ Финляндіи: другого онъ ничего не сдѣлаетъ. Знаешь ли ты, что кончено уже печатаніе второго изданія Исторіи Александры Осиповны. Совѣтую тебѣ заглянуть въ статью, подъ названіемъ: *Финляндія* (въ царствованіе Александра I). Изъ этой статьи многое надо прочитать тебѣ своимъ финляндцамъ. Они порадуются, какъ русская дама говоритъ о ихъ краѣ, о Рунебергѣ и ихъ Гротѣ.

Журналъ. Суббота (18 октября). Всталъ рано. День божественный. Одѣлся и пошелъ въ Зимній дворецъ взглянуть на Мѣднаго Змія, картину Бруни. Сочиненіе и исполненіе очень умное и поразительное. Но содержаніе не понравилось мнѣ. Слишкомъ пахнетъ новомодною литературой. Все страждущіе, умирающіе или умершіе. А Моисей и прочіе жрецы на второмъ планѣ. Едва отыщешь ихъ въ тѣни [1]). Оттуда пустился въ академію художествъ смотрѣть новую картину Моллера [2]), сына бывшаго морского министра [3]), отдавшагося живописи и живущаго въ Римѣ. Чудное созданіе. Это изъ Пушкина баллады: Русалка и Монахъ. Рафаэль теперь не иначе бы сдѣлалъ, какъ онъ. Сколько простоты, оконченности и безъэффектности! Подумаешь, что картинѣ уже сто лѣтъ. Такъ она выстоялась и окрѣпла. Ни одного усилія, ни натяжки. Чудо! Воротясь, пошелъ на лекцію въ университетъ. До обѣда и послѣ работалъ дома. Вечеръ провелъ у Оли, гдѣ былъ и Савичъ.

Воскресенье (19 октября). Не поѣхалъ въ лицей, куда приглашали

[1]) Можно сравнить изъ любопытства подобный же отзывъ объ этой картинѣ А. В. Никитенки въ его „Дневникѣ“, отъ 27 октября, 1841 г. (т. I, стр. 423).

[2]) Ѳедора Антоновича, профессора исторической живописи Императорской академіи художествъ, ум. 1874 г.

[3]) Антона Васильевича, адмирала, члена государственнаго совѣта, ум. 1848 г.

въ спектакль. Былъ у обѣдни въ университетѣ. Послѣ, немного поработавъ, пошелъ къ дамамъ, куда и коляска пріѣхала. Отправились на прогулку за городъ. У меня обѣдали: прибылъ и Невѣдомскій. На вечеръ пришелъ и Савичъ.

Понедѣльникъ (20 октября). Цѣлое утро работалъ. Передъ обѣдомъ явилась ко мнѣ Балабина съ Marie и Огаревой (миленькой и очень образованной дѣвушкой, дочерью сенатора). Пошли опять къ Русалкѣ Моллера, оттуда въ atelier Клодта [1]), отлившаго первыхъ въ мірѣ четырехъ коней для новаго Аничкина моста. Потомъ въ Atelier Зауервейда [2]) взглянуть на огромную картину Сраженія при Фершампенуазѣ. Наконецъ, въ atelier Маркова [3]), котораго не застали.

Вторникъ (21 октября). Весь день не выходилъ со двора, сидя за Современникомъ, письмами и другими текущими дѣлами. Дворъ въ Гатчинѣ. Тамъ домашній театръ: играли „Ложу 1-го яруса“.

133.

(Гротъ — Плетневу) ***Гфорсъ, 22 окт., 3½ ч. п. об. 1841.***

Мнѣ нужно поподробнѣе поговорить съ тобой о курсѣ исторіи русской литературы. Не можешь ли ты исчислить мнѣ всѣ источники, какими я могу пользоваться для изложенія довольно подробной литературы съ XVI и XVII столѣтій, до которыхъ она доведена у тебя? Впрочемъ, вѣроятно, матеріалы такого изложенія разбросаны, по большей части, въ періодическихъ изданіяхъ, и вотъ почему идея Быстрова [4]), независимо отъ ея исполненія, мнѣ очень нравится. Если она найдетъ порядочнаго исполнителя, какъ облегчатся труды изслѣдователей по части русской исторіи и литературы! Съ помощію такого указателя и твоего списка, можно бы составить кое-что довольно сносное по этому предмету. Я по твоимъ тетрадямъ прошелъ уже первый періодъ или первыя три столѣтія литературы. Хотя всѣ матеріалы, очевидно, извлечены у тебя (иногда слово въ слово) изъ Карамзина и Евгенія, однакожъ ты умѣлъ оживить (въ общемъ ихъ соединеніи) ихъ своею мыслію и своимъ взглядомъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, мнѣ кажется. Вотъ почему я бы и желалъ имѣть также твое вступленіе. Оно бы, конечно, доставило мнѣ богатые матеріалы для ознакомленія моихъ слушателей съ внутреннимъ состояніемъ новѣйшей Россіи. Найди, пожалуйста, писаря и вели переписать первыя свои тетради. Я чрез-

[1]) Барона Петра Карловича, профессора скульптуры Императорской академіи художествъ, ум. 1867 г.

[2]) Александра Ивановича, профессора батальной живописи Императорской академіи художествъ, ум. 1844 г.

[3]) Алексѣя Тарасовича, профессора по исторической живописи, ум. 1878 г.

[4]) Ивана Павловича, библіографа, ум. 1850 г. (его Опытъ Указателя къ русск. періодическимъ изданіямъ).

вычайно самому себѣ благодаренъ за идею еще въ Петербургѣ взять копію съ твоего курса. Параллельно съ нимъ я каждый разъ, въ русскомъ классѣ, читалъ извлеченія изъ называемыхъ писателей, когда гдѣ-либо могъ достать такія извлеченія. Къ несчастію, „Памятниковъ XII столѣтія“ я все еще не могу добиться: кто-то взялъ ихъ изъ библіотеки; вообще въ русскихъ книгахъ ея большой безпорядокъ, а исправленія нельзя ожидать, пока она не будетъ переведена въ новое зданіе. Между тѣмъ, это много замедляетъ мои собственные успѣхи въ моемъ предметѣ.

Вчера былъ я званъ обѣдать къ Спафарьевой, на ея рожденіе Но я забылъ еще сказать о четвергѣ. Поутру я вмѣстѣ съ другими членами университета отправился поздравлять Теслева, у котораго былъ большой выходъ, съ ординарцами. Потомъ я обѣдалъ у него (въ мундирѣ); было 70 человѣкъ, сидѣвшихъ за тремя столами. Я сидѣлъ близъ нѣкоторыхъ другихъ профессоровъ, удостоенныхъ той же чести. Обѣдъ былъ хорошъ и даже очень. У Спафарьевой засталъ я Армфельта съ Матильдой, Гартмана съ дочерьми. Сѣли въ *bunte Reihe*; я расположился между Алиной (младшей сестрой m-me Паткуль) и Розиной, которая была чудесно прекрасна, какъ я никогда еще ея не видѣлъ (въ бѣломъ платьѣ). Когда я ей сказалъ о намѣреніи перевести по твоему желанію стихи Жуковскаго, она непритворно обрадовалась и стала придумывать какъ бы это скорѣй устроить. Въ концѣ стола пили здоровье ея и жениха [1]) (а я уже прежде съ ней пилъ это здоровье); потомъ она со мною пила твое здоровье, къ чему присоединились Матильда и Найма.

Прямо изъ-за стола (въ 5 часовъ) я уѣхалъ на дрожкахъ Траверсе съ Гартманомъ, онъ — въ комитетъ медиковъ, а я — на лекцію (два предыдущіе раза я манкировалъ: 1) за засѣданіемъ факультета, 2) за праздникомъ). Воодушевленный шампанскимъ и пріятною бесѣдою, я говорилъ лучше обыкновеннаго (по-русски). Оттуда домой, гдѣ велѣлъ отказывать пятничникамъ (одинъ только и былъ Шультенъ), а потомъ назадъ къ Траверсе. Тамъ сначала играли въ шарады, въ которыхъ и я много участвовалъ. Наконецъ, немного танцовали; по предложенію Розины, всѣ стали гадать, бросая яблочную кожу за голову на полъ и смотря, какую букву она на полу образуетъ. Буква эта — начало имени будущей или будущаго. Въ заключеніе Спафарьева и генеральша Клинковстремъ пѣли. Мужъ послѣдней въ a parte много говорилъ со мной о мѣстѣ переводчика, но я, напередъ обдумавъ хорошенько дѣло, опять изъявилъ несогласіе. Это должность подвергла бы меня новой зависимости, перемѣнила бы мое доложеніе и мѣшала бы главной цѣли и исполненію видовъ прави-

[1]) Александра Абрамовича Лавоніуса.

тельства въ моемъ профессорствѣ. Сегодня была консисторія. Рѣшено дѣло о назначеніи стипендіи въ 7 тыс. руб. для путешествія: ее получаетъ находящійся въ Петербургѣ магистръ Валлинъ, сбирающійся въ Египетъ и Аравію. Всѣ отдаютъ справедливость его отличнымъ способностямъ, упорству въ трудѣ и знаніямъ. Мухлинскій выдалъ ему блестящее свидѣтельство (до времени не разсказывай, чтобы онъ прежде оффиціальное получилъ увѣдомленіе). За Валлина было 7 голосовъ, за Кастрена 5, за Цигнеуса 3 (въ томъ числѣ и мой: я на то имѣлъ причины). Вотъ тебѣ и субботнее письмо. Сегодня было о чемъ писать. Почта изъ Петербурга пришла только въ часъ.

134.

(Гротъ — Плетневу) ***Гфорсъ, пятн., 4 окт. 1841.***

Сегодня поутру я перечитывалъ твои записки о русскомъ языкѣ и литературѣ. Онѣ у меня кончаются словами: 2) *Писатели, занимавшіеся преимущественно богословскими предметами*, что слѣдуетъ вскорѣ послѣ заглавія: IV. *Русская литература XVI и XVII столѣтія.* Напиши, нѣтъ ли у тебя чего далѣе; что же ты не шлешь мнѣ обѣщаннаго списка писателей и ихъ сочиненій?

Суббота, 25 октября.

Въ четвергъ вечеромъ былъ у насъ въ гостяхъ Эттеръ съ женой. Онъ курилъ и долго сидѣлъ со мной tête à tête, разговаривая усердно. Спрашивалъ о тебѣ и кланяется тебѣ. Сегодня поутру пришелъ студентъ, знающій по-русски и прилежно меня слушающій, котораго я просилъ зайти. Его зовутъ Тальгренъ (его отецъ кистеръ при финской церкви въ Петербургѣ). Онъ уже 8 лѣтъ при университетѣ, и даетъ уроки русскаго языка, получая за часъ и иногда даже за $1^1/_2$ ч. по *1 рублю!* Имѣетъ часовъ по 6-ти въ день. Онъ взялся перевести мнѣ для пробы статью о Бельманѣ, которую я ему далъ, и поискать между студентами и другихъ, способныхъ къ этому занятію. Если это удастся, то ежегодно будетъ выходить въ Гельсингфорсѣ родъ переводнаго альманаха, въ которомъ будутъ помѣщаться интереснѣйшія прозаическія статьи и отрывки изъ большихъ сочиненій (особливо историческихъ) всей Скандинавіи, древнихъ и новыхъ, переводимые студентами Александровскаго университета подъ руководствомъ Я. Г. Впрочемъ, я боюсь, что это мечта, потому что едва-ли здѣсь найдется довольно такихъ искусниковъ; однакожъ, я ужъ имѣю въ виду человѣка четыре. Тальгренъ готовится въ учители при гимназіи, откуда намѣренъ перейти въ пасторы.

Идучи въ консисторію, взялъ на почтѣ твое письмо, — теперь ты самъ начинаешь выражаться темно, напримѣръ: „Зачѣмъ Спафарьевой не сказать было: вы имѣете резонъ?“ Пустынницы наши, наконецъ,

возвратились нѣсколько дней тому назадъ, но я еще не видѣлъ ихъ. Когда ждутъ Лавоніуса — я спрошу. Чѣмъ присылать копію съ письма Розины, пришли оригиналъ, я возвращу его съ будущей почтой. Оно было уже въ моихъ рукахъ, и я глупо сдѣлалъ, что не распечаталъ, не вложилъ просто въ мой пакетъ. Догадываюсь, что бумагу ей подарилъ женихъ, который можетъ получать ее при посольствѣ шведскомъ, куда можетъ быть ее посылаютъ, какъ драгоцѣнность. Если не затруднительно, пришли еще черезъ канцелярію нѣсколько экземпляровъ Фритіофа. Сегодня требуютъ изъ Выборга 10 экземпляровъ. Вели хоть черезъ Цанта отправить ихъ туда цѣлыхъ двадцать подъ адресомъ: *Книгопродавцу Седерваллеру въ Выборгъ.* Изъ Петербурга безпрестанно ѣздятъ туда возвращающіеся фурманы, и это сдѣлать не трудно. При случаѣ вели сказать Юнгмейстеру, чтобы, кромѣ назначенныхъ ему книгъ, онъ выслалъ: „Исторію" А. О. Ишимовой, новое изданіе, и „Библіографію" Сопикова. Съ будущей почтой пришлю для него длинный реэстръ. 18 октября ты переходилъ всѣ возможныя мастерскія. Завидная прогулка (эстетическое путешествіе на Васильевскій островъ?). Виватъ Моллеръ!

По окончаніи консисторіи, генералъ Теслевъ, присутствовавшій тамъ, отвелъ меня въ сторону и, разсказавъ, что его сына приняли въ лицей на *казенный счетъ*, просилъ совѣта о его приготовленіи и пр. При свиданіи съ Шульгинымъ спроси у него: какой порядокъ соблюдается съ кандидатами: даетъ ли лицей знать, когда придетъ очередь всякаго, или надобно навѣдываться? Сыну Теслева 10 лѣтъ.

135.

(Плетневъ — Гроту) ***Спб., пятн., 24 окт. 1841.***

Что это значитъ: я не получилъ въ нынѣшнюю среду отъ тебя письма? Ужели оно пропало на почтѣ? Или ты уже такъ захлопотался со своими лекціями, что у тебя нѣтъ времени? Между тѣмъ, я все пишу библіографическія замѣтки для Современника. Тутъ я вижу, какъ много прекрасныхъ сочиненій выходитъ у насъ, особливо собственно ученыхъ! Даже между переводами есть презамѣчательные. Ты непремѣнно долженъ теперь съ большимъ вниманіемъ отмѣчать карандашемъ всѣ книги, которыя положительно я ставлю на видъ читателямъ. Иногда можно рѣшиться и выписать иную — что̀ нужды, если это и не литературная собственно книга? По части юриспруденціи, естествознанія и медицины множество такихъ явленій, отъ которыхъ порадовались бы ваши профессоры. Да ты для полноты своихъ собственныхъ обозрѣній можешь съ карандашемъ пробѣжать и прежніе годы. По крайней мѣрѣ, тебѣ будетъ чѣмъ похвалиться передъ этими господами. А они думаютъ, что и свѣту только, что въ Стокгольмѣ.

Я нарочно у себя въ канцеляріи справлялся и узналъ, что отъ насъ всѣ программы, акты и другія брошюры посылаемы были въ вашъ университетъ. Но какъ это не по-латыни, то разумѣется, никто и не заглядываетъ въ нихъ. Отъ Рунеберга я получилъ премилое латинское письмо. Онъ мнѣ рекомендуетъ одного молодого человѣка, ищущаго мѣсто учителя исторіи въ Выборгѣ. Какъ я жалѣю, что не привыкъ писать по-латынѣ. Ты однако передай Рунебергу, какъ я восхищенъ его письмомъ и какъ тебя просилъ за себя отвѣчать ему.

Журналъ. Четвергъ и пятница (23 и 24 октября) проведены мною дома. Я не очень хорошо себя чувствую; почему и радъ сидѣть за Современникомъ. Завтра тоже никуда не пойду, развѣ вечеромъ къ Александрѣ Осиповнѣ.

136.

(Гротъ — Плетневу) ***Гфорсъ, вторн., 28 окт., 10 ч. в. 1841.***

Въ субботу, послѣ письма къ тебѣ, пошелъ я къ Калоніусу, секретарю въ канцеляріи гельсингфорскаго губернатора; онъ перевелъ часть моей статьи объ университетѣ. Такъ какъ онъ изъявлялъ желаніе усовершенствоваться въ русскомъ языкѣ, то я предложилъ ему участіе въ переводахъ. Онъ радъ. Живетъ въ закоулкѣ за скалою. Когда я пошелъ домой, было темнешенько; на дворѣ мнѣ сказали, что лучше итти по скалѣ, нежели низомъ. Но не видя ни зги, я на камняхъ оступился и упалъ въ какую-то бугристую яму, содралъ себѣ въ разныхъ мѣстахъ кожу на рукахъ и ногахъ, да вдобавокъ еще разорвалъ платье. Однакожъ былъ радехонекъ, что расплатился такъ дешево. Теперь все ужъ зажило. Въ воскресенье утромъ былъ у меня еще студентъ Бѣляевъ (купеческій сынъ) за работой для перевода. Вчера вечеромъ послѣ долгаго времени былъ у Чепурнова вмѣстѣ съ дамами. Тамъ были оба Вульферта и Эттеръ. Хозяинъ былъ необыкновенно грустенъ и молчаливъ. Эттеръ по всегдашнему веселъ и разсказчивъ. Игралъ на фортепіано танецъ, сочиненный однимъ финскимъ мужикомъ. Вчера прочелъ я въ Отечественныхъ Запискахъ, которыя получилъ отъ Теслева, отзывъ о Фритіофѣ, довольно милостивый, и въ Пчелѣ объявленіе Модеста Андреевича *(Корфа)* о спекуляціи Заикина на его имя.

Отвѣтъ. Ты добрѣе меня: ибо пишешь и тогда, когда отъ меня нѣтъ письма; впрочемъ и я бы написалъ, не получивъ отъ тебя, еслибъ былъ тогда богаче матеріалами разсказа. Я непремѣнно буду пользоваться Современникомъ для выписки книгъ. Ваши печатныя бумаги пропадаютъ въ библіотекѣ посреди бездны нечитаемаго добра; да и кому читать ихъ здѣсь? Напиши Рунебергу нѣсколько строкъ по-русски и положи въ мое письмо. Я на той же бумажкѣ переведу ихъ и пошлю ее къ нему: это его обрадуетъ. Чѣмъ ты страдаешь? *Регулярная*

жизнь; умѣренность въ пищѣ; вода, движеніе; ранній отходъ ко сну. Вотъ тебѣ рецептъ отъ твоей болѣзни. Кстати, я, встрѣтивъ Шёмана, передалъ ему твое порученіе. Онъ велѣлъ благодарить и сказать, что все прошло.

Сегодняшній вечеръ сидѣлъ я у Теслева. Опять и Эттеръ тамъ съ женой. У Теслева француженка гувернантка, уже давно живущая въ Финляндіи, получаетъ 2,000 руб. въ годъ (ассигн.).

Четвергъ, 30 октября. Вчера обѣдалъ я по зову, сдѣланному (третьяго дня) у Теслева. Тамъ было человѣкъ 15 разныхъ званій; изъ твоихъ знакомыхъ только Котенъ, Пиппингъ, да Шультенъ. Я забылъ давно сказать тебѣ, что Шультенъ доставилъ мнѣ для тебя и для университета по экземпляру Актовъ Ученаго Общества, тетрадь 2-я.

137.

(Плетневъ — Гроту) ***Спб., вторн., 28 окт. 1841.***

Намъ еще долго, повидимому, ждать санной дороги. Напротивъ, вчера былъ совершенно весенній теплый день. За субъективную истину цѣлую тебя. Похвала истиннаго друга для меня есть высшая награда. Я надѣюсь, что ты, принуждаемъ будучи должностію читать теперь не для того только, чтобы заниматься, а чтобы питаться соками чтенія, будешь на многое смотрѣть по новому. Не понимаю, отчего два письма, розно посланныя, явились къ тебѣ въ одинъ день. Это, впрочемъ, не оправданіе, что ты пропустилъ ихъ почту. Только безотвѣтность на три письма можетъ дать право пріостановиться, да и то для того, чтобы собирать свѣдѣнія о молчальникѣ изъ другихъ источниковъ. Твоя правда, что для Августы *(Лундалъ)* можно найти иностранное пособіе. Я помню прекрасную грамматику Рейфа по-французски. Не знаю, какъ уладишь ты дѣло о журнальныхъ статьяхъ на основаніи чести — съ безчестными людьми. „Надежда" уже напечатана въ № 4, но съ большими измѣненіями Фрейганга. Статья Основьяненки уже пропала.

Журналъ. Суббота (25 октября). Никуда не выходилъ. Оканчивалъ разборъ новыхъ книгъ для Современника.

Понедѣльникъ (27 октября). Съ Оли ѣздилъ съ визитомъ къ графинѣ С. М. Соллогубъ. Вечеръ у Балабиныхъ, которые завтра (въ среду) всѣ пріѣдутъ ко мнѣ на чай.

Вторникъ (28 октября). Въ Царскомъ Селѣ читалъ Пушкина „Арапа". Возвратясь домой, занимался новыми бумагами. Россійская академія, въ видѣ 3-го отдѣленія, присоединена къ академіи наукъ. Всѣ прежніе члены обращены въ почетныхъ. Новыхъ будетъ только 16 (дѣйствительныхъ членовъ). Уваровъ пишетъ мнѣ, что 19 октября по его личному докладу меня утвердили ординарнымъ академикомъ академіи наукъ въ отдѣленіи русскаго языка и словесности. Прочихъ 15 еще не знаю. Это очень вѣжливо со стороны министра.

138.

(Гротъ — Плетневу) *Гфорсъ, пятн., 31 окт. 1841.*

Вчера вечеромъ былъ у меня нашъ общій знакомый съ водопада Кюро — магистръ Фрибергъ. Онъ ужъ съ мѣсяцъ въ городѣ. Въ траурѣ послѣ отца. Подумываетъ, не начать ли учиться русскому языку, чтобы съ будущею очередью ѣхать въ Москву и посмотрѣть на Россію. Я старался поддержать намѣреніе. Сегодня всталъ я съ жестокою зубною болью, которая всю ночь тревожила меня. Я почти не могъ заниматься, и поневолѣ *diem perdidi, amici!* Вечеромъ пришелъ Лундаль съ переводомъ, все еще не совсѣмъ конченнымъ, твоей статьи, которая въ русской печати заняла три листа съ небольшимъ. Онъ на Рождество сбирается въ Таммерфорсъ.

Суббота, 1 ноября. Сегодня опять была консисторія. По возвращеніи я нашелъ твое письмо. Что-то ты скажешь, если я съ будущей недѣли совсѣмъ прекращу субботнія письма? Разстояніе отъ четверга до субботы такъ коротко, что изъ полуторы страницы нечего хлопотать. Между тѣмъ, это только прерываетъ мои занятія въ такой день, когда консисторія и безъ того уноситъ четыре лучшіе часа утра. При теперешнемъ однообразіи моей жизни переписка наша ничего не потеряетъ отъ этой перемѣны. Надѣюсь, что ты въ „Надеждѣ“ не допустилъ безтолковыхъ измѣненій. Поздравляю съ новымъ титуломъ. Я радуюсь этому въ надеждѣ, что ты своимъ вліяніемъ можешь подѣйствовать на оживленіе академіи въ ея русскомъ отдѣленіи. Какъ академіи вообще ни ничтожны, всѣ другія въ Европѣ сдѣлали гораздо больше ея. Ты сдѣланъ академикомъ 19 октября въ день основанія лицея, воспѣтый твоимъ покойнымъ другомъ. Дай кому-нибудь случай воспѣть его и какъ день твоего назначенія въ академію.

139.

(Плетневъ — Гроту) *Спб., пятн., 31 окт. 1841.*

Въ моихъ запискахъ исторіи русской литературы далѣе того, о чемъ ты говоришь, ничего нѣтъ. Я съ этого мѣста началъ уже разсказывать изустно, придерживаясь коротенькаго оглавленія именъ, приготовляемаго единственно на лекціи. Обѣщанный списокъ писателей непремѣнно вышлю. Остановка за однимъ: тамъ есть неправильности въ годахъ рожденія и смерти. Мнѣ хочется, по какому-нибудь вѣрному источнику, исправить это для тебя. Но ты не думай, что мой списокъ въ чемъ-нибудь поможетъ тебѣ для лекцій. У тебя важны общіе взгляды, а не мелочныя подробности. Твой альманахъ Скандинавіи въ переводѣ не потому мечта, что мало найдется переводчиковъ,

а потому, что продажа его не будетъ окупать издержекъ печатанія. Подумай, какъ бы устроить это, чтобы университетъ или сенатъ или статсъ-секретаріатъ вызвался покрывать своею суммою издержки печатанія такихъ книгъ. Безъ сего нельзя ничего и предпринять. Разъ ужъ видѣлъ ты опытъ на Фритіофѣ, а въ другой разъ увидишь на юбилейномъ альманахѣ. Растолкуй Ал. Армфельту, что для рѣшительнаго сближенія финляндской и русской литературы необходимо изданіе книгъ, на которое требуются хоть небольшія, да все деньги, и что ими рисковать всего приличнѣе казнѣ.

„Вы имѣете резонъ“ — извѣстный отвѣтъ Третьяковскаго предсѣдателю академіи, когда первый, жалуясь на Сумарокова, будто онъ ударилъ его по правой щекѣ, держалъ между тѣмъ рукой лѣвую. Предсѣдатель это ему замѣтилъ, а тотъ, спокойно перемѣнивъ положеніе руки, сказалъ по-русски: Vous avez raison (вы имѣете резонъ). Развѣ не могъ ты на замѣчаніе Спафарьевой отвѣчать: Vous avez raison? Посылаю здѣсь и письмо Розины, съ тѣмъ, однако, чтобы непремѣнно ты его возвратилъ по слѣдующей же почтѣ. Фритіофа 5 экземпляровъ еще ты получишь. Въ Выборгъ къ Седерваллеру черезъ Цанта я велѣлъ послать 20 экземпляровъ. Юнгмейстеру велѣно выслать тебѣ Сопикова и Ишимовой новое изданіе.

Шульгинъ, (И. П.) объявилъ, что черезъ „Вѣдомости“ кандидатовъ [1]) всегда вызывается болѣе, нежели сколько имѣютъ поступить, на случай, что иные не выдержатъ экзамена. Но вѣдь кандидатовъ очень много. Не прошли бы лѣта, пока позовутъ. Присовѣтуй Александру Петровичу *(Теслеву)* отнестись письмомъ къ генералу Броневскому (директору лицея), дабы онъ научилъ его, какъ тутъ быть.

Журналъ. Среда (29 октября). На лекціи въ университетъ. Домой. Ко мнѣ на квартиру заѣхалъ попечитель. На вечеръ ко мнѣ пріѣхали Балабины: Marie съ братомъ, матерью и отцемъ. Было очень живо: разговоры, музыка, чтеніе, чай и фрукты. Прощаясь, Marie спросила: ужели я еще не позову ихъ?

Четвергъ (30 октября). Послѣ чаю поѣхалъ къ министру благодарить за академическія кресла. Очень былъ любезенъ и по обыкновенію ужасно разговорчивъ. Оттуда на экзаменъ гувернантокъ. Обѣдалъ дома. Въ головѣ чувствовалъ простуду. Между тѣмъ, я далъ слово на письмо Паткуль у него сегодня чай пить. Больной, а отправился съ острова въ Грязную. Сперва мы были втроемъ. Она и онъ мнѣ очень понравились тономъ взаимнаго обращенія. Много дружества и непринужденности. Пріѣхалъ Мятлевъ, а еще послѣ и Мердеръ (сынъ покойнаго). Мятлевъ цѣлый вечеръ читалъ все изъ своихъ новыхъ стихотвореній. Разъѣхались въ 1/2 12. Скажи маркизу, что молодые очень мило живутъ.

[1]) На поступленіе въ лицей.

Пятница (31 октября). Изъ дому ни шагу. Ужасная ревматическая боль въ головѣ, такъ что слеза не сходитъ съ праваго глаза. Получилъ отъ князя Ширинскаго-Шахматова [1]) отношеніе, что онъ — Предсѣдательствующій на 2 года въ русскомъ отдѣленіи академіи наукъ. Графъ Пушкинъ уѣхалъ къ вамъ (это я увидѣлъ изъ газетъ). Скажи ему, какъ я жалѣю, что не видѣлъ его здѣсь.

140.

(Гротъ — Плетневу) ***Гфорсъ, понед., 3 ноября, 9 ч. в. 1841.***

Вчера вечеромъ были у Траверсе, куда насъ нарочно звали. Тамъ нашли мы Матильду; мать ея, Аделаида и Гедвига поѣхали въ соціететъ плясать, а она предпочла добрыхъ знакомыхъ; я сообщилъ ей твой поклонъ. Въ $^1/_2$ 9 пріѣхали, сдѣлавъ въ вечеръ 30 визитовъ (заставъ только троихъ), Розина и Найма; Фанни [2]) была уже прежде. Розина публично повела меня къ лампѣ смотрѣть твою брошку, которая была на ней; послѣ публично же и при Матильдѣ начала разсказывать, какъ онѣ получили твою посылку, какъ мило твое письмо, и какъ она, наконецъ, отвѣчала. Брошка ей очень нравится. Переѣздъ въ Швецію ее пугаетъ, съ сомнѣніемъ говоритъ о своей будущей судьбѣ. Marie Traversay (Patkul) только недавно писала ей въ первый разъ. Въ концѣ письма, написанномъ по-шведски, видна прежняя, но въ наначалѣ придворная. Сегодня, когда я шелъ на лекцію, была адская мятель; я насилу шелъ и за снѣгомъ едва могъ видѣть дорогу. Это было одно-характерно съ предметомъ моей лекціи — Іоанномъ Грознымъ. Когда я шелъ назадъ, я почти бѣжалъ — такъ вѣтеръ толкалъ меня сзади; затылокъ, ноги, сапоги и платье — все вымокло отъ мокраго снѣга, который чуть не по колѣна. До сихъ поръ вѣтеръ такъ и реветъ.

Вторникъ, 4 (16 ноября). Послѣ вчерашнихъ ужасовъ оттепель и на улицахъ море; я возвратился домой съ мокрыми ногами.

Отвѣтъ. Смотри же, списка русскимъ писателямъ не клади въ долгій ящикъ. Продажей мои книги мало-по-малу будутъ окупаться, потому что число экземпляровъ не велико. Черезъ нѣсколько времени, вѣрно, выйдутъ изъ продажи. Насчетъ новаго предпріятія я согласенъ, что надо просить помощи свыше. Впрочемъ, еще открывается путь для студенческихъ статей. Масальскій [3]) сбираясь издавать Сынъ Отечества, проситъ моего участія. Я только и могу снабжать его этими переводами. (NB. Если онъ будетъ высылать деньги; не то — печатать отдѣльно).

[1]) Князя Платона Александровича, товарища министра народнаго просвѣщенія, управляющаго департаментомъ народнаго просвѣщенія.

[2]) Третья дочь Гартмана.

[3]) Константинъ Петровичъ, журналистъ, ум. 1861 г.

Ты толкуешь мнѣ смыслъ словъ: „имѣете резонъ“, которыя понятны; я только не знаю, для чего ты совѣтовалъ употребить ихъ. Впрочемъ, освобождаю тебя отъ дальнѣйшихъ объясненій. Однако, во всемъ есть польза; благодаря этому случаю, я узналъ литературный анекдотъ объ отцахъ Булгарина и ему подобныхъ (мысль Шевырева: производить литераторовъ отъ двухъ разныхъ родоначальниковъ — Ломоносова и Сумарокова). Воображаю, какъ бѣдная Розина потѣла надъ письмомъ къ тебѣ. Не знаю, выслалъ ли уже Юнгмейстеръ хоть что-нибудь въ нашу библіотеку изъ того, что я требовалъ. Если ты иногда видишься съ нимъ, поразспроси, согласенъ ли онъ и послалъ ли 1 экземпляръ Фритіофа въ Абхазію.

Ахъ, Александра Осиповна, какая добрая! Совершенно такая же, какъ во всякомъ разсказѣ. Когда я читаю ихъ, мнѣ кажется — она родилась, чтобъ писать ихъ, и еслибъ не написала, не исполнила бы своего назначенія. Желаю знать, что̀ ей подало къ тому первую мысль; вѣрно, сама природа. Не хорошо, что ты все прихварываешь. Кто-то тебя испортилъ! Не слишкомъ ли ты напряженно занимаешься, т. е. не слишкомъ ли долго сряду, и не оттого ли течетъ слеза? Желаю чтобы у m-me Паткуль были такія же милыя дѣтки, какъ ея младшая сестричка, да братишка! Что за прелесть — дѣти!

Среда. Вчера я кончилъ день чтеніемъ „римскихъ элегій“ Гёте по поводу статьи въ Отечественныхъ Запискахъ. Какъ безсовѣстно Струговщикъ [1]) ихъ испортилъ, не только въ содержаніи, но и въ формѣ, а у насъ православные критики такъ слѣпы, что не видятъ этого. Почти ни одного нѣтъ вѣрнаго экзаметра, а Богъ знаетъ, что за чудовищные стихи! Пентаметры вовсе исчезли. Впрочемъ, кажется, и въ Современникѣ этотъ переводъ былъ похваленъ. Надѣюсь, Стагнеліусовъ „Паукъ“ будетъ напечатанъ въ слѣдующемъ № [2]).

141.

(Плетневъ — Гроту) *Спб., вторн., 4 нояб. 1841.*

У тебя ни одной зимы не проходитъ безъ приключеній: то отморозишь носъ и уши, то самъ сдерешь съ нихъ кожу, попавшись въ яму. Идучи за-свѣтло въ первый разъ къ Калоніусу, зачѣмъ ты не позаботился, чтобы примѣтить, гдѣ лучше воротиться? Смѣшно и досадно. Что за причина грусти и молчаливости Чепурнова? То ли дѣло Эттеръ! Отечественныя Записки о насъ (тебѣ, Квиткѣ, Александрѣ Осиповнѣ и мнѣ) отзываются сквозь зубы, не-хотя, и рады-рады бываютъ, когда могутъ къ неохотной похвалѣ приклеить косвенную при-

[1]) Струговщиковъ, Александръ Николаевичъ, поэтъ и переводчикъ, ум. 1878 г.

[2]) Стихотвореніе Якова Карловича, см. Современникъ, 1843 г., т. XXIX, стр. 268.

бранку. Чортъ съ ними со всѣми! Они отъ Сенковскаго до Краевскаго всѣ на одинъ покрой. Кто не лѣзетъ въ драку повсюду, чтобы отколотить для нихъ у другого лишній грошъ, тотъ у нихъ и не хорошъ. Куда смѣшонъ М. А., выводя на чистую воду книгопродавца. Ужъ коли быть рыцаремъ чести, такъ онъ бы напалъ на кого посильнѣе. Не наша вина, что бумаги наши у васъ гніютъ въ библіотекѣ. По крайней мѣрѣ, ты и Лагусъ напрасно жалуетесь, что отсюда ничего не пересылаютъ къ вамъ. На будущее время ты можешь въ консисторіи предложить мѣры держать эти присылки гдѣ-нибудь на виду для себя, студентовъ и прочихъ охотниковъ. Записку Рунебергу здѣсь прилагаю. Ты на ней же напиши переводъ, и такъ ему отошли съ оригиналомъ. Теслевъ расшибся жалованьемъ гувернантки, этакъ и здѣсь не всѣ платятъ. Акты ученаго Общества при случаѣ пришли. Скажи Урсину, что это имѣетъ онъ право послать на имя нашего совѣта за казенною печатью. Вѣдь мы посылаемъ же такъ всѣ письма въ другіе университеты. У насъ тоже теперь дурная погода. На острову мы сидимъ, какъ въ клѣткѣ. Мосты съ воскресенья разведены. Идетъ все ладожскій ледъ. Я къ тебѣ пишу, а самъ еще не увѣренъ, найдетъ ли возможность Трофимовъ отправить на почту это письмо, равно и списокъ авторовъ, который наконецъ я для тебя приготовилъ. Продолжай на послѣдней страницѣ вносить имена вновь умирающихъ писателей. А послѣ моей смерти, противъ имени моего, прибавь: *Сочинитель сего реэстра.* При случаѣ намекни Демидовой, какъ я сожалѣлъ, что не могъ найти ее дома въ бытность ея въ Петербургѣ. Что же, видѣлся ли ты, наконецъ, съ Радельмскими пустынницами? Пожалуйста, подробно опиши это первое свиданіе и разговоры и воспоминанія и проч. и проч. Изъ числа требуемыхъ тобою книгъ я одну вычеркнулъ: *Опытъ алфавитнаго указателя къ русскимъ періодическимъ изданіямъ.* Это дрянь. Ни правды, ни полноты. Вся роспись только и указываетъ на Сѣверный Архивъ. Видно, этотъ Быстровъ какой-нибудь холопъ Булгарина.

Журналъ. Суббота (1 ноября). Оставался безвыходно дома. Читалъ новыя Отечественныя Записки. Тамъ есть въ статьѣ „О народной поэзіи“ и для тебя нѣчто полезное. Кончилъ редакцію № 4 Современника. Ты скоро его получишь.

142.

(Гротъ — Плетневу) ***Гфорсъ, субб., 8 нояб. 1841.***

„Года 41, 8 (20) дня ноября мѣсяца, былъ я приведенъ къ почтенному господину, который пожелалъ, чтобъ я написалъ въ эту памятную книгу дружбы. Я пришелъ, какъ незнакомый, но былъ принятъ, какъ другъ, за что не могу возблагодарить такъ, какъ бы долженъ былъ. Пусть Богъ любви, мудрости и святости пошлетъ хозяину

этой книги высшее блаженство здѣсь и на томъ свѣтѣ („въ области смерти") въ полнѣйшей мѣрѣ.

Этого желаетъ пребывающій нынѣ и навсегда почтеннаго господина покорнѣйшій слуга К. Патури изъ прихода Янаккала, деревни Туренги".

Это написалъ мнѣ по-фински въ альбомъ сегодня поутру финскій крестьянинъ изъ внутренней Финляндіи, котораго привелъ ко мнѣ Готлундъ. Сначала онъ пѣлъ довольно мило разныя пѣсни, отчасти своего сочиненія; потомъ я напоилъ его чаемъ, потому что онъ не пьетъ ни кофе, ни водки. Въ то же время были у меня два студента, которые пришли за работой. Финнъ этотъ пріѣхалъ сюда съ мукой, которую и продалъ; въ обращеніи его большая естественность и порядочность не крестьянская. Онъ никогда еще не видѣлъ альбома, а только слышалъ о нихъ, и просилъ извиненія, что не хорошо написалъ, а между тѣмъ и почеркъ преческій и прямой. Въ его приходѣ многіе сочиняютъ, и Готлундъ хочетъ напечатать ихъ сочиненія. Это было въ 9 часовъ утра.

Почта еще не пришла, вѣроятно, за Невою. Послѣ обѣда ходилъ я въ библіотеку. Въ 6 часовъ пришелъ ко мнѣ Брунèръ, котораго я на-дняхъ уговорилъ заниматься со мной 2 раза въ недѣлю упражненіями въ латинскомъ языкѣ, потому что онъ мнѣ необходимъ не только на экзаменахъ, но и въ другихъ случаяхъ. Сначала онъ совѣстился и совѣтовалъ обратиться къ профессору Линсену, однакожъ, я убѣдилъ, обѣщавъ, что дѣло останется между нами. Мы переводили съ шведскаго и послѣ говорили по-латыни, изъ чего я увидѣлъ, что мнѣ легко будетъ сравняться вскорѣ съ товарищами. Вчера послѣ лекціи былъ я въ засѣданіи философскаго факультета, а оттуда пришли ко мнѣ Рейнъ и Гейтлинъ, послѣ Веттергофъ и Нервандеръ. Они изъ газетъ уже знали о твоемъ новомъ званіи и спрашивали меня о подробностяхъ, которыхъ я не знаю. Между прочимъ: соединено ли съ званіемъ ординарнаго члена жалованье? и сколько? Напиши. На-дняхъ пріѣхалъ Нордстремъ.

Вторникъ, 11 нояб., 7 ч. в.

Воскресенье. Поутру въ 12 часовъ пошелъ я къ Пушкинымъ. Тамъ засталъ и Демидову. Графъ принялъ меня очень любезно, разсуждалъ, отведя меня въ сторону, объ ученіи русскаго языка, о Фритіофѣ и славянской Библіи, которую хочетъ достать для сына. Тамъ же засталъ я Гартмана, который, уведя меня въ другую комнату, позвалъ къ себѣ обѣдать въ 2 часа. Я нашелъ тамъ барона Виллебранта, офицера въ здѣшнемъ стрѣлковомъ батальонѣ, котораго старый отецъ важное лицо [1]). Онъ высокъ ростомъ и хорошо сложенъ, но ни обращеніе его,

[1]) Friherre Ad. Fred. v. Willebrand, въ отставкѣ финляндскій сановникъ царствованія Александра I, ум. 1845 г.

ни выраженіе его лица не нравятся мнѣ. Я такъ распространяюсь о немъ, потому что, сколько я могъ замѣтить, между нимъ и Н—ой отношенія не одного простого знакомства. Я давно уже слышалъ, что онъ женихъ ея; теперь увѣренъ въ томъ. Отецъ самъ сказалъ, что онъ въ домѣ, какъ сынъ. Я принесъ съ собой альбомъ свой, чтобы показать написанное мужикомъ, что̀ всѣхъ очень заняло; разсматриваніе альбома было развлеченіемъ и передъ и послѣ обѣда. Розина спрашивала о тебѣ; на столѣ отца ея видѣлъ я много рѣдкостной бумаги, en question; я ей указалъ знакомый тебѣ рисунокъ; она дивилась, какъ я знаю его, и объяснила, что выбрала его по сходству съ Радельмой. Передъ обѣдомъ мы ѣли устрицы, подаренныя Гартману, какъ самъ онъ откровенно сознался, однимъ больнымъ.

Почта пришла только вчера, но отъ тебя ни строчки. Сначала я обезпокоился, но вспомнилъ, что вѣрно Нева виною этой необыкновенности. Вчера послѣ обѣда вдругъ прилетаетъ къ намъ Матильда звать къ себѣ на вечеръ, по случаю рожденія Гедвиги. Она пріѣхала въ саняхъ въ дождикъ (добрая!), потому что посланный съ запиской надѣлалъ конфузію. Я отправился въ 8-мъ часу въ исходѣ. Нашелъ тамъ цвѣтъ гельсингфорской молодежи. Танцовалъ: 1) съ Гедвигой; она не очень разговорчива, но мила; 2) съ Матильдой: разсказывала, что Ольга [1]) не разъ вспоминала наше пребываніе въ Оминне и говорила, что съ нами было весело, что мы много съ ней разговаривали и добрые малые; 3) съ графиней: жалѣла, что люди здѣсь не подписываются изъ скупости на соціететскіе балы, отчего они пустѣютъ; 4) съ Розиной: сказала, что не первый разъ уже танцуетъ со мной шведскій кадриль и еще много разъ надѣется танцовать и что съ нетерпѣніемъ ждетъ, чтобы ея женихъ со мной познакомился: я бы возгордился этимъ комплиментомъ, еслибъ былъ его достоинъ. Вообще мнѣ было весело, потому что долговременное сидѣніе сдѣлало для меня необходимостью разгуляться немного и попрыгать.

143.

(Плетневъ — Гроту) *Спб., пятн., 7 нояб. 1841.*

Какіе же замыслы у Фриберга? Зачѣмъ особенно хочетъ онъ выучиться по-русски? Развѣ по Выборгской губерніи намѣренъ служить въ ученомъ званіи? Вѣдь, помнится, онъ магистръ философіи и не расположенъ сдѣлаться пасторомъ? Гдѣ же теперь его семья, мать, сестры и братья? Долго ли по законамъ они вправѣ прожить на отцовской папиллѣ [2])? Дастъ ли правительство какую пенсію вдовѣ, чтобы она съ дѣтьми не умерла съ голода? Пожалуйста, узнай это все пообстоя-

[1]) Сестра Матильды Армфельтъ.

[2]) Такъ называются пасторскія усадьбы (имѣнья).

тельнѣе и передай мнѣ. Меня очень интересуютъ подобные предметы финляндскихъ узаконеній. Моя статья не кончена въ переводѣ? Когда-жъ навѣрное Альманахъ выйдетъ въ свѣтъ? и который ранѣе: русскій или шведскій? Или оба разомъ? Я писалъ тебѣ о грамматикѣ русскаго языка, составленной по-французски Рейфомъ. Это не большая Гречева грамматика, а извлеченіе изъ нея, напечатанное гораздо прежде большой. Хорошо бы, если бы ты заставилъ Юнгмейстера ее отыскать и тебѣ переслать.

Вотъ цѣлая почти недѣля, что островъ безъ сообщенія съ городомъ. Сегодня, наконецъ, въ 3/4 12 утра передъ моими окнами ледъ на Невѣ остановился. Не знаю, удастся ли завтра это письмо переправить на почту. Полагаю, что завтра цѣлый день проваландаются съ мостками. Итакъ, навѣрное, прежде воскресенья никому нельзя будетъ попасть на ту сторону. Слѣдовательно, по всей вѣроятности, это письмо пойдетъ къ тебѣ только въ среду, а ты его получишь въ субботу или рано-рано въ пятницу, т. е. 14 ноября. Вотъ, каково жить не въ самомъ городѣ. Ты прекращаешь субботнія письма? Что-то не вѣрится. Вѣдь наша переписка не есть слѣдствіе необходимыхъ дѣлъ. Но въ ней есть необходимость сердца. Такъ что за дѣло, что отъ четверга до субботы у тебя не накопится довольно матеріаловъ? Ихъ всегда много въ сердцѣ. А мысли? а предположенія? а вся внутренняя жизнь? Ихъ и не въ два дня, а въ два часа иногда столько накопится, что на листѣ не упишешь. Нѣтъ, не вѣрю я, чтобы ты сдержалъ слово, вырвавшееся въ 40 град. душевнаго мороза. Взойдетъ солнце сердца — и ты опять за письмомъ въ субботу.

Ужели вы каждую субботу ходите въ консисторію? Мы по уставу не обязаны болѣе 2-хъ разъ въ мѣсяцъ. Въ „Надеждѣ“ я долженъ былъ пропустить все, чего желалъ Фрейгангъ. А онъ желалъ, чтобы все было для него безопасно. Можешь напередъ представить, что вышло изъ цензуры этой трусости олицетворенной. Я не думаю, чтобы можно было сдѣлать что-нибудь въ академіи. Вѣдь литература — не химія и не математика. Тутъ усердіемъ и сидѣньемъ не возьмешь ничего. Развѣ много-много, что подготовишь статью въ лексиконъ и грамматику; а я и не считаю этого за дѣло, и не люблю этимъ заниматься. Конечно, черная работа есть настоящая цѣль всѣхъ академій, кромѣ, однакожъ, академіи литературы и художествъ. Странно, что послѣдняя у насъ уничтожена и предоставлено въ ней свободно заниматься однимъ талантамъ, — а изъ русской академіи, въ эту же эпоху, захотѣли сдѣлать рабочую языка. Да вѣдь языкъ творится не въ кузницѣ, а въ созданіяхъ людей геніальныхъ. Итакъ, лучше бы или совсѣмъ уничтожить и русскую академію, предоставивъ всѣмъ заниматься каждому про себя, или опредѣлить быть ея членами однимъ геніальнымъ писателямъ, какъ Крыловъ, Жу-

ковскій, отдавъ эту почесть ихъ талантамъ, подобно тому, какъ для придворныхъ высшихъ должностей не избираются способные люди, а знатные и богатые.

Журналъ. Четвергъ (6 ноября). День былъ прекрасный. Въ первый разъ я рѣшился выѣхать послѣ ревматизмовъ. Заѣхалъ въ саняхъ за Оли и взялъ ее кататься. Сперва одинъ я былъ въ школѣ у Принцессы. Обѣдалъ я у себя одинъ. Вечеромъ ходилъ къ Ростовцеву, гдѣ опять не засталъ его жены.

Пятница (7 ноября). Утро провелъ дома за работою. Я заходилъ къ Крылову (баснописцу) въ первый разъ на его новую квартиру въ 1 линіи. Обѣщалъ ему притти на вечеръ, что и исполнилъ. Онъ очень постарѣлъ, но все еще очень уменъ и интересенъ. Онъ сравниваетъ книги басенъ своихъ съ сапогами, которые покупаютъ отъ того, что они дерутся безпрестанно.

144.

(Плетневъ — Гроту) ***Спб., втор., 11 ноября 1841.***

Зачѣмъ же не прибавилъ ты, какъ Матильда приняла мой поклонъ? Я начинаю опасаться, не разсердилась ли она за что-нибудь на меня. Ужъ не повредила ли мнѣ брошка? Вѣрно, Матильда столько благоразумна, что чувствуетъ различіе своей фортуны и Розининой. А Розина молодецъ! Только, пожалуйста, не забудь при случаѣ изъяснить ей аллегорически значеніе *Мотылька* [1]). Это-де по нашему не символъ непостоянства, а безсмертія, какъ было и у грековъ. Видно-де чувства уваженія и преданности къ вамъ въ душѣ его пребудутъ вѣчно. И потомъ переведи Розинѣ и Наймѣ Жуковскаго стихи: „Цвѣты и Мотылекъ“, которые начинаются такъ:

Поляны мирной украшеніе,
Благоуханные цвѣты!
Минутное изображеніе
Земной, минутной красоты!

Поэтъ въ пьесѣ всѣ цвѣты бранитъ и говоритъ, что по-дѣломъ мотылекъ имъ измѣняетъ. Но послѣ онъ хвалитъ два цвѣтка: *Незабудку* и *Pensée*. Вотъ эти-де два цвѣточка вы собою и изображаете. Розина первый, а Найма второй. Словомъ, тутъ примѣняется многое и къ брошкѣ и къ нимъ, душенькамъ. Отчего Розина недовѣрчиво переѣзжаетъ въ Швецію [2])? Развѣ она не довольно хорошо знаетъ жениха? А что же Найма и Фанни? Ужели онѣ съ тобою ничего не говорили о нашемъ у нихъ пребываніи? Я, право, завидую тебѣ, что ты можешь почти каждый вечеръ быть въ этомъ поэтическомъ кругу.

[1]) Подарка Петра Александровича.

[2]) Гдѣ служилъ ея женихъ Лавоніусъ.

Теперь ужъ, вѣрно, получилъ ты мой списокъ русскихъ писателей. Съ Масальскимъ иначе не связывайся, какъ при строжайшемъ съ его стороны исполненіи денежныхъ условій. Помни, что онъ не изъ любви къ литературѣ издаетъ журналъ, а открылъ табачную лавочку и за право торговать въ ней внесъ деньги. Чего же ты ждешь отъ этихъ спекулянтовъ? И смѣетъ думать, что ты сдѣлаешься ему сотрудникомъ въ журналъ, какъ былъ со мною? Вотъ, какъ они понимаютъ дѣло! Имъ кажется, что свѣтъ цѣлый похожъ на нихъ.

Прежде еще Шевырева я всегда производилъ писателей, ихъ книги и журналы отъ этихъ двухъ колѣнъ: Ломоносова и Сумарокова. Теперь нужно прибавить третье колѣно: отъ Ѳедора Эмина[1]) (чистаго Булгарина екатерининскихъ временъ!). Что же не возвращаешь ты мнѣ письма Розины? Пожалуйста, не считай за большой грѣхъ ошибки во французскихъ письмахъ. Оставимъ эту легкую критику русскимъ барынямъ, которыя, безошибочно пиша по-французски, не умѣютъ правильно слова сказать ни по каковски. Съ Юнгмейстеромъ не видѣлся за Невою. Отчего ты вдругъ восклицаешь: Ахъ, Александра Осиповна, какая добрая! Вѣрно, что она обидѣлась, зачѣмъ у Юнгмейстера ты просишь ея исторію, не дождавшись отъ нея? Съ Шульгинымъ я не люблю имѣть дѣло. Онъ холодно-спѣсивъ ужъ и со мною. Пиши къ нему самъ: въ *Пажескій корпусъ*, гдѣ онъ живетъ. О переводѣ элегій римскихъ въ Современникѣ сказано: „Мы привели образецъ для того, чтобы читатели могли судить сами о прелести оригинала и о *достоинствѣ* перевода". Вотъ и все. Гдѣ же тутъ похвала? Въ 4 № Современника будетъ „Новый Домъ", а не „Паукъ", который отложенъ до № 1 1842 г.[2]).

Журналъ. Суббота (8 ноября). Обѣдалъ у Максимовича, а вечеръ у Александры Осиповны, гдѣ были Савичъ и Порошинъ. Читали преинтересные (письменные) отвѣты Павскаго[3]) на критики Филарета его двухъ книжекъ (для Наслѣдника писанныхъ). Вотъ діалектически-умный отпоръ!

Воскресенье (9 ноября). Съ Оли и Александрой Осиповной сдѣлали большой кругъ въ саняхъ по островамъ. У меня обѣдали и вечеръ провели. Былъ и Савичъ.

Вторникъ (11 ноября). Никуда не выходилъ. Владиміръ Филимоновъ[4]) прислалъ мнѣ престранный романъ своего сочиненія, какъ одна дама любила при мужѣ другого мужчину съ вѣдома мужа и какъ всѣ трое были идеально-прекрасны и трогательно-несчастны.

[1]) Ѳедора Александровича, извѣстнаго писателя, переводчика и издателя 18-го вѣка († 1770).

[2]) Былъ напечатанъ позже, въ 1843 г.

[3]) Герасима Петровича, извѣстнаго филолога, ум. 1863 г.

[4]) Владиміръ Сергѣевичъ, литераторъ, ум. 1858 г.

145.

(Гротъ— Плетневу) ***Гфорсъ, пятн., 14 нояб. 10½ ч. в. 1841.***

Въ среду были мы приглашены къ Чепурнову, на именины и рожденіе его. Передъ тѣмъ былъ у меня Брунѐръ для второго латинскаго урока. Я очень радъ былъ, что началъ съ нимъ заниматься, потому что въ тотъ же день поутру получилъ цѣлую кучу латинскихъ студенческихъ сочиненій, о которыхъ, о каждомъ особо, каждый профессоръ долженъ подать свое мнѣніе. Здѣсь знаніе латинскаго языка необходимо. На первый случай Брунѐръ помогъ мнѣ отыскать и достоинства и недостатки. У Чепурнова я просидѣлъ 2 часа въ компаніи генераловъ Теслева, Вульферта, Рамсая и проч. Вчера, въ четвергъ, былъ я удивленъ, заставъ въ аудиторіи баронессу Котенъ и m-me Норденшельдъ, ея родственницу, съ мужемъ, начальникомъ горной части. Лекція была не очень для нихъ интересна (исторія самостоятельности Новгорода), но я былъ хорошо приготовленъ, и Норденшельдъ при выходѣ увѣрялъ, что я не сдѣлалъ ни одной ошибки въ языкѣ. На вечеръ поѣхалъ по приглашенію къ генералу Клинковстрему. Тамъ было огромное общество. Поутру этого дня Грипенбергъ противъ обыкновенія не прислалъ своего слугу за письмами, а я такъ углубился въ исторію, что совсѣмъ забылъ про письмо, хотя вставъ и думалъ о немъ. Сегодня на лекціи былъ у меня Траверсе. Оттуда онъ отвезъ меня къ Веттергофу, гдѣ я крестилъ со многими другими его новорожденнаго сына Александра. Воспріемницею была *сама* Демидова, родственница Ветергофа. Тамъ были и Клинковстремъ, Валленъ, графиня Пушкина и проч. Оттуда пошелъ я къ Рейну: много съ нимъ толковалъ объ университетскихъ дѣлахъ и потомъ ужиналъ съ нимъ. Онъ просилъ содѣйствовать ему въ собираніи матеріаловъ для 2-го изданія Статистики Россіи, напечатанной имъ 1836—1838 гг.; обѣщалъ. Послѣднее письмо твое получилъ я только вчера; такъ-то проказитъ ваша Нева.

Отвѣчаю. Записку твою переведу для Рунеберга на латинскій языкъ и назову его *Runomontanus*. Я не понимаю, отчего ректоръ нашъ не любитъ посылать за казенною печатью; вѣрно, бережетъ секретаря руки. Твой списокъ авторовъ я получилъ; онъ былъ мнѣ очень пріятнымъ подаркомъ, во-1-хъ, самъ по себѣ, во-2-хъ, потому, что отъ тебя и что на немъ еще надписалъ *Я. К. Гроту*. Благодарю безконечно Александру Осиповну за 2-е изданіе Исторіи и Священную Исторію. Оно очень красиво. На первый случай я не доволенъ главою о Финляндіи. Она тамъ говоритъ о путешествіи Рунеберга, который никогда не путешествовалъ, говоритъ о Современникѣ, который будто бы лучшій журнaлъ и о томъ, что я всего только перевожу Рунеберга, какъ

будто мои собственныя статьи вовсе не касаются Финляндіи. Но 1-е и 3-е пустяки въ сравненіи со 2-мъ. Съ какой тутъ стати преувеличенная похвала Современнику? Еслибы онъ и былъ лучшій журналъ, то не сотрудникамъ говорить это. Онъ свое превосходство долженъ доказывать дѣломъ, а не словами, чѣмъ только можетъ разозлить своихъ противниковъ. Въ строкахъ Лундаля опять та же высокопарная безтолковщина. Можетъ быть, это было бы сносно на его родномъ языкѣ, но несносно на такомъ, которымъ онъ, очевидно, не умѣетъ владѣть. Пожалуйста, доставь мнѣ отъ Юнгмейстера какой-нибудь отвѣтъ; онъ книгъ не шлетъ и ни слова не говоритъ. Такъ нельзя поступать съ казенными коммиссіями. Не онъ одинъ книгопродавецъ. Узнай у него или у кого-нибудь другого, есть ли на русскомъ сносная статистика Россіи и какая? Сегодня поутру началъ я писать письмо къ Александрѣ Осиповнѣ съ строгою критикою ея книгъ. Потомъ былъ въ университетѣ, гдѣ адъюнктъ Тенгстремъ [1] (сынъ архіепископа) защищалъ по-латыни рѣчь свою на званіе профессора ботаники и зоологіи.

146.

(Плетневъ — Гроту) ***Спб., пятн., 14 нояб. 1841.***

Журналъ. Среда (12 ноября). Долго читалъ я Филимонова „Непостижимую" (романъ). Наконецъ-таки, дочиталъ. Литературныхъ достоинствъ тутъ нѣтъ. Мысли, рѣчи, нравы, все, чѣмъ характеризуется собственно жизнь — все это не отзывается нисколько жизнію, а видишь одно пошлое сочиненіе. У меня, въ литературномъ судѣ, нѣтъ слова унизительнѣе, какъ слово: *сочиненіе*. Оно выражаетъ, что талантъ ни малѣйшаго не показалъ содѣйствія въ работѣ автора; талантъ есть извѣстная степень художнической воспроизводительности, а сочиненіе есть почти механическая работа, составленіе неорганическихъ частей, безъ теплоты, не только безъ жизни. Но происшествіе, разсказанное Филимоновымъ, поразительно. Вѣроятно его основа схвачена изъ дѣйствительнаго событія. Только я увѣренъ, что авторъ въ сотую долю не то видѣлъ въ немъ, что сотворилъ капризъ натуры. Всѣхъ менѣе правдоподобенъ мужъ, до того любящій жену, что содѣйствуетъ ея интригѣ съ своимъ другомъ, въ котораго она влюбилась, — мужъ, не теряющій и во время явной ихъ беззаконной связи, ни дружества къ любовнику, ни любви къ женѣ своей. Я бы назвалъ романъ этотъ: *Непостижимый* Германъ (имя мужа). Если же Филимоновъ выдумалъ этотъ сюжетъ, то онъ только доказалъ, какъ неистовствуетъ и въ ста-

[1]) Іоганъ Магнусъ (Tengström), съ 1842 г. профессоръ зоологіи и ботаники Александровскаго университета.

рости воображеніе у истершагося волокиты, подстрекаемаго современною жаждою къ деньгамъ и новости предмета. Какъ бы то ни было, но по натурѣ содержанія встрѣчались мѣста, по которымъ глазъ и воображеніе съ полною быстротою мчались въ желанную даль. Когда мы послѣ обѣда усѣлись въ Salon около лампы съ шерстями и книгами, явился ко мнѣ, наконецъ, Юнгмейстеръ: 1) Я ему отдалъ твою записку о высылкѣ книгъ, вычеркнувъ оттуда „Указатель" Быстрова и Абевегу русскихъ суевѣрій, какъ книги ничтожныя. Про старину и суевѣрія ни у кого такъ хорошо не писано, какъ у Сахарова. А онъ у тебя весь будетъ. 2) Велѣлъ, чтобы Юнгмейстеръ предварительно всегда мнѣ показывалъ записку книгъ, по которой соберется что послать тебѣ. 3) Велѣлъ ему явиться къ графу Александру Армфельту и искать его протекціи въ общеполезномъ дѣлѣ. 4) Совѣтовалъ познакомиться съ Цантомъ для узнаванія оказій, чтобы иногда отправлять что и громоздкое. 5) Узналъ, что въ Абхазію Фритіофъ давно отосланъ. На томъ и разстались. Къ чаю явился Порошинъ.

Четвергъ (13 ноября). Былъ у попечителя и просилъ освободить Современникъ отъ цензора Очкина (издателя Академическихъ Вѣдомостей). Согласился. Но черезъ нѣсколько часовъ явился ко мнѣ и Очкинъ, показывая видъ, будто онъ не видался съ княземъ и стараясь любезничать. Я смолчалъ. Главная моя досада произошла отъ того, что по злобѣ на меня не хотѣлъ въ Вѣдомостяхъ помѣстить объявленія о книгахъ Александры Осиповны. Но онъ, понявъ это, какъ бы нарочно пришелъ успокоить меня, отчего до сихъ поръ онъ не успѣлъ этого сдѣлать. Я опять смолчалъ, довольный побѣдою надъ нимъ. Вечеръ я провелъ у Савича, гдѣ много было академиковъ и профессоровъ.

Пятница (14 ноября). Все утро работалъ. Передъ обѣдомъ пошелъ гулять. Встрѣтился Трофимовъ [1]) и объявилъ, что Александрѣ Осиповнѣ вышло отъ Государя разрѣшеніе издавать дѣтскій журналъ, о чемъ она было проболталась тебѣ, но послѣ замяла открытіе до времени. Я пошелъ къ ней объявить эту радость. Имя журнала: *Звѣздочка.* Посвящается воспитанницамъ государыниныхъ институтовъ. Двѣ части въ №: одна для самыхъ маленькихъ, другая для дѣтей повзрослѣе. Старайся въ Гельсингфорсѣ, гдѣ только по-русски говорятъ, собирать подписку. Программу скоро получишь. Я напечатаю въ числѣ ея сотрудниковъ Анну Зонтагъ, Одоевскаго, тебя и себя. Не сердись. Это нужно для публики. Каждый мѣсяцъ выйдетъ № въ 4 печатныхъ листа. Сегодня я перечиталъ свою статью въ т. IX Современника о путешествіи Наслѣдника по Россіи. Мнѣ это такъ понравилось, какъ рѣдко что. Право! Перечитай и ты внимательно одинъ. Не перевести

[1]) Владиміръ Діомидовичъ, экзекуторъ университета.

ли это на шведскій хоть для Рунеберга, или для какой газеты? Вѣдь имя Наслѣдника важно для Финляндіи. Ты имѣешь право назвать меня и сказать даже, что послѣднія строки ко мнѣ писаны.

147.

(Плетневъ — Гроту) ***Спб., субб., 15 нояб. 1841.***

Сегодня, лишь только успѣлъ я отправить къ тебѣ обыкновенное письмо свое, заключающее трехдневный журналъ, какъ сталъ читать № 130 Литературной газеты. Первая тамъ статья называется: „Очеркъ постепеннаго развитія просвѣщенія въ великомъ княжествѣ Финляндскомъ". Въ ремаркѣ къ ней прибавлено: изъ большого сочиненія Ѳ. К. Дершау „Исторія Финляндіи". Проглядывая мелькомъ статью, я увидѣлъ, что она наполнена ошибками, напримѣръ: Финляндія нынѣ сдѣлалась *какъ-бы* уѣздомъ сѣверной столицы. Для обученія русскому языку, по новому уставу, при университетѣ находится экстраординарный профессоръ. Ни слова о лекторѣ — и никакого примѣчанія объ ординарномъ нынѣ профессорѣ русской исторіи и литературы русской. Нѣмецкій языкъ хотя и схожъ съ шведскимъ, но и по-нѣмецки рѣдко кто изъ ученыхъ финляндцевъ знаетъ основательно. Вассеніусъ печатаетъ русскія книги — и въ примѣръ: Живописный Міръ Кони, и ни слова о Фритіофѣ. Имена: Коланіусъ вмѣсто Калоніусъ; Портано вмѣсто Портанъ. Между поэтами, образовавшимися въ университетѣ, не названъ ни Рунебергъ, ни Цигнеусъ, ни Нервандеръ, а есть: Чельгренъ и Клевбергъ, и проч. Если ты со вниманіемъ это прочтешь, то вѣрно, придешь въ негодованіе отъ поверхностныхъ и невѣрныхъ показаній автора. Надобно непремѣнно наскоро для № 1 Современника набросать статью: о невѣрности источниковъ, замѣченныхъ въ „Исторіи" Дершау. Это и для финляндцевъ и для русскихъ необходимо. Одни успокоятся, другіе не попадутъ въ обманъ.

Пожалуйста, что-нибудь придумай. Или тисните тамъ о семъ предметѣ.

148.

(Гротъ — Плетневу) ***Гфорсъ, вторн., 10½ ч. 18 нояб. 1841.***

Прочелъ я вновь Жуковскаго стихи „Мотылекъ и цвѣты". Прелесть, но не знаю, когда удастся прочесть ихъ живымъ цвѣтамъ. Я думаю, что Розина пріобрѣтаетъ очень надежнаго мужа, который пользуется отличною славой и очень мнѣ понравился, когда я два-три года тому назадъ видѣлъ его здѣсь. Но, разумѣется, покидать родную сторону и родныхъ страшно во всякомъ случаѣ. Въ твоемъ спискѣ писателей есть предъ именами знаки * и +: что они значатъ? Ошибки въ языкѣ французскомъ я охотно прощаю, когда не видно претензій на щеголь-

ство; но у Августы *(Лундаль)* признаюсь меня сердитъ напыщенность безъ искусства и знанія языка. Твой отзывъ (въ Современникѣ) „о Римскихъ элегіяхъ“ хуже несправедливой хвалы, потому что онъ не говоритъ ничего и говоритъ на двое. Если это нечаянно — то предосудительная неясность выраженія; если дипломатія — еще хуже: ея въ литературѣ не нужно.

Альманахъ на русскомъ языкѣ выйдетъ, надѣюсь, къ Новому году (стараго стиля); на шведскомъ не ранѣе февраля, тихо печатаютъ. Я прекращаю только *посылку* субботнихъ писемъ; заготовлять же буду по прежнему, но по краткости ихъ не стоитъ отправлять отдѣльно. Засѣданіе консисторіи зависитъ отъ ректора; при нынѣшнемъ они обыкновенно бываютъ каждыя двѣ недѣли, но случается и чаще и рѣже. Если „Надежду“ слишкомъ исказили, слѣдовало, по крайней мѣрѣ, не печатать подъ нею моего имени, которое я не намѣренъ ставить подъ чужими произведеніями. Если еще время не ушло, пожалуйста, сдѣлай это; за что же мнѣ брать на свою шею обузу чужой глупости? Въ сужденіи объ академіи ты, кажется, смѣшиваешь идеи: созиданія языка съ изслѣдованіемъ его законовъ. Отличные писатели могутъ подвигать языкъ впередъ, но рѣдко займутся обработкою того, что уже есть. Въ русскомъ языкѣ еще многое не изслѣдовано, и отъ кого же ожидать этого труда, если не отъ ученыхъ? Грамматики другихъ языковъ, напримѣръ, французскаго и шведскаго много обязаны академіямъ, лексиконы также.

Журналъ. Вчера, въ понедѣльникъ, у насъ были Вульферты (почтовые), Цигнеусъ и Лундаль. Я позвалъ 2-хъ послѣднихъ для компаніи 1-му, который въ пятницу не засталъ меня, бывшаго у Веттергофа на крестинахъ. У Веттергофа видѣлъ я въ одномъ № шведской газеты статью о русской литературѣ, которая въ прошломъ году была напечатана здѣсь изъ одного нѣмецкаго журнала. Тамъ достается Булгарину съ братіей. Говорятъ съ похвалою о Современникѣ, называютъ тебя и мои статьи о шведской литературѣ. Сегодня, вмѣсто лекціи, былъ я на засѣданіи философскаго факультета, для присужденія разныхъ засвидѣтельствованій за латинскія (коротенькія) сочиненія студентовъ. Всякій членъ по спросу декана говорилъ, какую степень даетъ онъ каждому сочиненію, т. е.: improbatur, admittitur, approbatur, app. cum laude, или laudatur. По окончаніи этого деканъ позвонилъ, и вошла куча студентовъ (всѣхъ факультетовъ), которымъ деканъ прочелъ вслухъ рѣшеніе. Поутру получилъ я послѣднія письма твои и Александры Осиповны. Отвѣты завтра. Сегодня у насъ ужаснѣйшая погода: такъ мокро, что я не могъ даже сходить въ университетъ пѣшкомъ.

Среда. 19 ноября. Указатель Быстрова я все-же бы желалъ, потому что онъ можетъ заключать хоть нѣкоторыя для меня полезныя вещи

при собираніи матеріаловъ. На Абевегу желалъ бы также хоть взглянуть. Благодарю за приказанія Юнгмейстеру. Когда я буду свободнѣе, перечту твою статью о путешествіи Наслѣдника. Я радёхонекъ былъ бы перевести ее, еслибы было время. Можетъ быть, со временемъ. Удивляюсь твоей заботѣ объ исправленіи вранья Дершау. Много будетъ дѣла, если захотимъ обличать всѣ печатныя лжи; будемъ сами говорить и распространять правду, оставляя другихъ въ покоѣ. Кто прочтетъ нашъ Альманахъ, увидитъ ложь; притомъ никакая ложь долго не можетъ носить маски.

Сегодня поутру получилъ приглашеніе обѣдать завтра у Теслева; послѣ обѣда, пока я ходилъ въ библіотеку, онъ самъ былъ у меня. Вечеромъ я зашелъ къ нему и узналъ цѣль визита: въ сенатѣ открывается вакансія переводчика съ 3.500 руб. жалованья. Рѣшили предложить мнѣ это мѣсто. Я объявилъ, что хоть очень желалъ бы, но время не будетъ мнѣ позволять успѣшно заниматься двумя должностями: по переводческой иногда бываетъ много дѣла. Итакъ, отказываю; однакожъ, видя сильное желаніе Теслева, обѣщалъ ему подумать еще; но, разумѣется, не перемѣню рѣшенія. Я даже нахожу, что ординарному профессору неприлично быть переводчикомъ. Притомъ это бы совсѣмъ удалило меня отъ цѣли. Былъ у Армфельта и засталъ тамъ много гостей. Поговорилъ съ Матильдой и Розиной. Пробывъ тамъ всего минутъ 10, пошелъ къ Пушкинымъ, которые присылали звать. Графиня разсказывала много страшныхъ исторій. Послѣ пришелъ и графъ Армфельтъ. Наконецъ, пріѣхала въ 10 часовъ Демидова. Она и Пушкина изъявили желаніе побывать на моихъ лекціяхъ.

149.

(Плетневъ — Гроту) ***Спб. вторн. 18 нояб. 1841.***

Журналъ. Суббота (15 ноября). Утро провелъ дома, за разными письменными дѣлами. На вечеръ отправился я къ Александрѣ Осиповнѣ. Тамъ были Савичъ и Порошинъ. Мы просидѣли долго, занимаясь разными спорами, до которыхъ Порошинъ охотникъ большой. Домой мы шли всѣ трое, продолжая философствовать. Вечеръ сдѣлался прекрасный. Мы долго еще гуляли.

Воскресенье (16 ноября). Я писалъ цѣлое утро: все работалъ надъ программою для дѣтскаго журнала. Когда пріѣхали дамы, я поручилъ имъ переводить программу: Александрѣ Осиповнѣ — на французскій, а Фуксъ — на нѣмецкій языки, а самъ пошелъ прогуляться. До обѣда и послѣ во весь вечеръ мои дамы потѣли надъ переводомъ. Никого у насъ не было.

Понедѣльникъ (17 ноября). До 3-го часу работалъ. Послѣ пошелъ для прогулки съ визитами. Мятлева и Путяту не засталъ. Встрѣтилъ

Балабиныхъ, которые позвали меня къ себѣ обѣдать. У нихъ послѣ обѣда я читалъ повѣсть Пушкина: Дубровскій. Возвращаясь отъ Балабиныхъ, нашелъ мостки черезъ Неву испортившимися — и уже на островъ не пропускали. Съ однимъ знакомымъ пошли мы въ 12-мъ часу на другіе мостки, что̀ ведутъ черезъ крѣпость. Тамъ прошли. Пустились домой пѣшкомъ черезъ Петербургскую сторону, на Тучковъ мостъ. Шли часа съ два. Ночь была прелесть: ясна, тепла (2 град. холода) и небо — какъ въ Италіи. Съ роду я такъ пріятно не гулялъ.

Вторникъ (18 ноября). Въ 10-мъ часу пѣшкомъ отправился черезъ мостки въ Зимній дворецъ. Великая Княжна Ольга Николаевна прислала мнѣ сказать, что мы будемъ заниматься въ кабинетѣ у Императрицы. Я взялъ съ собою Пушкина, да „Св. Исторію“ Александры Осиповны и прошелъ туда. Государыня и Великая Княжна обѣ рисовали, а я читалъ. Императрица была удивительно добра и мила. Пришли къ ней внучки: дочери Маріи Николаевны. Меньшую, разумѣется, принесли въ пеленкахъ. Государыня положила ее къ себѣ на колѣни и сказала мнѣ, чтобы я полюбовался, какъ дитя прелестно. Я признался, что не умѣю отыскивать сходства съ кѣмъ-нибудь въ дѣтяхъ, и спросилъ, на кого она походитъ. „Какъ двѣ капли на мать“, отвѣчала Государыня. Мы такъ провели два часа. Малютку кормилица тутъ же кормила грудью. Опять положили ее на колѣни Бабушки, гдѣ она и заснула. Государыня тутъ любовалась на новые красивые башмаки кормилицы. Между тѣмъ, я продолжалъ читать „Арапа“ Пушкина. Это очень занимало слушательницъ. Я переходилъ и къ другимъ пьесамъ. Изъ Современника прочиталъ „Вечеръ“ Языкова, давая замѣтить, что послѣ Пушкина никто такъ не пишетъ стиховъ, какъ Языковъ. Еще я прочиталъ извѣстное тебѣ предисловіе къ „Св. Исторіи“ Александры Осиповны, что̀ привело въ восхищеніе Государыню какъ слогомъ, такъ и тономъ. Къ 12-ти часамъ стали являться прочія дѣти: Великій Князь Николай съ Михаиломъ, Константинъ, Александра и, наконецъ, граціозная Цесаревна. Я откланялся и пошелъ сдѣлать визитъ Наслѣднику, который принялъ меня очень милостиво. У Императрицы былъ разговоръ про Паткулей,— я разсказывалъ, какъ у нихъ былъ въ гостяхъ; Государыня спрашивала, кто еще былъ. Я хвалилъ ихъ обоихъ, и особенно Маrіе, прибавивъ, что знаю ее давно. Императрица отвѣчала: да, это уже мнѣ извѣстно. Отъ Наслѣдника пошелъ къ Великой Княгинѣ Маріи Николаевнѣ. Не заставъ ее дома, отдалъ Герцогу самому экземпляръ Св. Исторіи, посвященной его дочери. Онъ очень обрадовался и спросилъ объ авторѣ. Побывавъ дома, пошелъ къ попечителю, чтобы выхлопотать позволеніе посвятить дѣтскій журналъ воспитанницамъ заведеній Государыни, о чемъ и Императрицу утромъ я предувѣдомилъ. Князь ничего не рѣшилъ. Я къ министру, который и обѣщалъ сдѣлать. Обѣдалъ дома. На два часа вечеромъ ходилъ къ Ростовцеву. Видѣлъ его жену и самого его. Послѣ писалъ это письмо.

150.

(Плетневъ — Гроту) ***Спб., пятн., 21 нояб. 1841.***

Всѣ твои послѣднія извѣстія очень интересны; потому интересны, что подробны и вѣрно схвачены съ натуры. Нѣкогда обвинялъ я тебя въ томъ, что ты по какому-то упрямству, отказываясь отвѣчать мнѣ на письма мысль въ мысль, предложеніе въ предложеніе (какъ я это дѣлаю, смотря на оригиналъ), пропускаешь многое и оставляешь меня въ затрудненіи. И до сихъ поръ это продолжается. Конечно, многое, во̀-время спрошенное, и забудется, если не отвѣтятъ во̀-время же. А я такъ даю тебѣ отвѣтъ на всякое слово. Подробностей о производствѣ въ академики особенныхъ и не было. Жалованья намъ, членамъ русскаго отдѣленія, не положено, а будутъ давать вознагражденіе по мѣрѣ годичныхъ трудовъ по засвидѣтельствованію предсѣдательствующаго, которымъ назначенъ Шихматовъ. Собранія за распутицей еще ни одного не было. Уваровъ мнѣ говорилъ, что ему хочется здѣшнимъ академикамъ поручить составленіе лексикона, а московскимъ грамматики

Какъ мило исчислилъ ты и обхарактеризовалъ всѣхъ особъ, съ которыми танцовалъ у губернатора! Повторю слова Пушкина, послѣднія слова его въ сей жизни, обращенныя къ Александрѣ Осиповнѣ: „вотъ какъ писать надобно!" Напрасно сюжетъ о самобытности Новгорода считаешь ты не интереснымъ. А я думаю, для иностранцевъ это интереснѣйшія страницы въ нашей исторіи. О Шульгинѣ я писалъ. Не хочу принимать никакихъ комиссій. Пиши къ нему прямо самъ. О статистикѣ Россіи справлюсь.

Журналъ. Среда (19 ноября). Утромъ работалъ дома. Пріѣхали къ обѣду дамы. Послѣ занимались разными вещами, относящимися къ изданію Звѣздочки. Къ чаю пріѣхалъ Энгельгардъ (директоръ лицея стараго) съ женой. Онъ очень забавлялъ общество своимъ балагурствомъ. Александра Осиповна въ восторгѣ отъ него, а я нѣтъ: потому что подозрѣваю неискренность его разсказовъ. Савичъ тоже пришелъ къ чаю.

Четвергъ (20 ноября). Я ѣздилъ съ визитомъ къ князю Вяземскому, который мнѣ читалъ много новыхъ своихъ стиховъ — и прелестныхъ, особенно: *Осень въ Царскомъ Селѣ.* На вечеръ поѣхалъ къ Никитенкѣ. Онъ спрашивалъ, не вышелъ ли твой Альманахъ.

151.

(Гротъ — Плетневу) ***Гфорсъ, среда, 26 нояб. 1841.***

Какова повѣсть: Дубровскій? Позволено ли, наконецъ, рѣшительно посвятить *Звѣздочку* извѣстнымъ воспитанницамъ? Отвѣчая тебѣ, я всегда имѣю передъ собой твое письмо, или письма, пришедшія послѣ отправленія послѣдняго отсюда. Но на многое, какъ оно ни интересно,

нечего отвѣчать; принимаешь къ свѣдѣнію съ участіемъ или радостью и молчишь. Когда не отвѣчаю на что-нибудь, требующее отвѣта, то храню въ памяти или записной книжкѣ. Такъ о пенсіяхъ вдовамъ пасторовъ могу теперь отвѣтить слѣдующее. Отъ смерти до слѣдующаго 1-го мая вдова получаетъ жалованіе мужа; потомъ остается на папиллѣ одинъ годъ *непремѣнно*, а иногда и два (рѣдко три, что зависитъ отъ Высочайшей милости); эти годы называются жалованными. Въ продолженіе ихъ семейство пользуется всѣми доходами съ папиллы, и содержитъ на свой счетъ (по взаимному условію) пастора для прихода. Такъ какъ пасторскій годъ идетъ съ 1-го мая (почему это число и празднуется въ Финляндіи всѣми пасторами), то, ежели пасторъ умретъ наканунѣ этого дня, вдова уже не получаетъ его жалованья за остальную часть года. Оттого случается, что смерть умершаго за нѣсколько дней прежде 1-го мая, утаиваютъ до этого дня, чтобы воспользоваться, кромѣ жалованныхъ лѣтъ, жалованьемъ его за цѣлый годъ. Это относится и къ учебному вѣдомству.

Обвиняя меня за неточность въ перепискѣ, ты одно выпускаешь изъ виду: что новая должность моя, когда я бываю дома, поглощаетъ всѣ мои силы и всѣ другія заботы. Конечно, другому трудно представить, какихъ напряженій она мнѣ стоитъ, которыя еще усиливаются отъ моего заботливаго характера. Но если ты вспомнишь, что я мыслящимъ молодымъ людямъ на ихъ, новомъ для меня, языкѣ долженъ преподавать науку, которою до сихъ поръ почти не занимался и для которой мало имѣю учебныхъ пособій, то можешь понять, сколько я долженъ дорожить временемъ и что мысли мои легко могутъ быть отвлекаемы отъ переписки съ невзыскательными друзьями, — особливо, когда въ жизни моей не бываетъ ничего достойнаго ихъ вниманія. Когда же случается что-либо болѣе интересное, я тотчасъ сообщаю: оттого и два послѣднія письма мои сочнѣе; жизнь была разнообразнѣе. Знаю, что исторія Новгорода чрезвычайно интересна для посвященныхъ; но я разумѣлъ дамъ, не знающихъ того, что для связи необходимо знать. Ты сбирался черезъ канцелярію графа еще прислать мнѣ 5 экземпляровъ Фритіофа; но до сихъ поръ не приходятъ. Я твоего же мнѣнія объ Энгельгардѣ.

Въ субботу съ Брунèромъ занимался латынью.

Въ понедѣльникъ поутру получилъ приглашеніе къ Урсину на чай и буттербротъ. На лекціи своей опять нашелъ m-me Котенъ и Норденшельда съ женой. Читалъ объ уніи и Годуновѣ. Студентовъ набѣжала бездна. Оттуда къ Спафарьевой, именинницѣ, съ извиненіемъ, что не могу у ней провести вечеръ. Въ 8 часовъ къ Урсину. Тамъ были всѣ профессора, множество университетскихъ и другихъ и нѣсколько студентовъ. Одни играли въ карты, другіе разговаривали. Очень оживлялось общество (кромѣ пунша) пѣніемъ студентовъ. Здѣсь

во всякомъ отдѣленіи студентовъ есть особый хоръ, и надобно отдать справедливость — они прекрасно поютъ. И выборъ пѣсенъ (шведскихъ, нѣмецкихъ, финскихъ, даже французскихъ) и исполненіе прекрасны. Поютъ ли у васъ при университетѣ? И я, и всѣ слушатели были въ восторгѣ. Сынъ ректора спрашивалъ о тебѣ и велѣлъ кланяться. Вчера я послѣ лекціи пошелъ къ Теслеву съ рѣшительнымъ отказомъ переводческаго мѣста, но не вошелъ, потому что тамъ были гости. Сегодня поутру не засталъ его.

Четвергъ, 27 ноября.

Сынъ ректора еще спрашивалъ, преподаютъ ли въ с.-петербургскомъ университетѣ философію вообще и особенно Гегеля. Я не умѣлъ хорошенько просвѣтить его. Увѣдомь меня по этому предмету и доставь, пожалуйста, экземпляръ 1) книжечки о преподаваніи и 2) устава. Вчера послѣ обѣда и этого письма былъ я опять у Теслева. Мой отказъ замѣтно огорчилъ его: онъ спрашивалъ объ Акіандерѣ, но тотъ все еще не оправляется. Потомъ развязывали мы пакетъ, который я нашелъ у него въ передней и на который указалъ ему, какъ на подозрѣваемый мною въ содержаніи русскихъ книгъ. Такъ и было: Юнгмейстеръ прислалъ Историческіе Акты и Исторію А. О. Ишимовой, но странно, что въ послѣдней недостаетъ 2-й части. Потомъ А. П. Теслевъ объявилъ мнѣ еще просьбу: чтобы я иногда поправлялъ его русскія письма, когда нуженъ особенно хорошій слогъ. На это я согласился съ учтивствомъ. Еще былъ у Рейна. На послѣдней консисторіи онъ, Ильмони и я сдѣлали предложеніе, чтобы имѣющуюся въ запасѣ сумму 2.000 руб., назначенную на литературное пособіе, отдали Кастрену для его путешествія въ Россію и Сибирь. Никто насъ не поддержалъ (можетъ быть потому, что не были приготовлены), однакожъ это мнѣніе войдетъ въ протоколъ и достигнетъ Канцлера. Поэтому-то мы собственно толковали съ Рейномъ, гадая, не обратитъ ли Наслѣдникъ вниманія на путешествіе, котораго цѣль такъ важна для русской этнографіи и исторіи. Если это не удастся, мы рѣшились со временемъ обратиться къ вашей академіи, и тогда будемъ просить твоего покровительства. Досадно, что Кастренъ со своею неутомимою странническою дѣятельностью не можетъ найти участія къ своимъ предпріятіямъ. Нынче онъ съ Ленротомъ у самоѣдовъ.

152.

(Плетневъ — Гроту) *Спб., вторн., 25 ноября 1841.*

Не умѣю дать себѣ отчету, почему, — но дѣйствительно, я принимаю живое участіе въ судьбѣ Матильды. Она была для меня въ Финляндіи, разумѣется послѣ тебя, первое существо, какъ бы родное, которое видимо наслаждалось моимъ тамъ появленіемъ. Она со всѣмъ

радушіемъ приняла насъ въ Оминне и — сколько умѣла — оживила тамъ часы нашего пребыванія.

Знакомъ ┼ опредѣлялъ я, что писатель имѣлъ вліяніе на духовную у насъ литературу, а * — на свѣтскую; иной же на обѣ: тогда передъ нимъ сходились оба знака. Я знаю, что въ литературѣ дипломатія предосудительна — но, къ несчастію, она и неизбѣжна. Таковъ удѣлъ общежительности. Вспомни самъ, что ты мнѣ толковалъ со словъ Вульферта о поклонахъ журналистамъ.

Ты предостерегаешь меня отъ помѣщенія имени твоего подъ „Надеждой"; а она уже, вѣроятно, и къ тебѣ доставлена прежде, нежели я получилъ твое письмо. Если академія и издала грамматики и лексиконы, такъ все-же ихъ по частямъ составлялъ ктонибудь одинъ; а иной молодецъ, какъ Рейфъ или Востоковъ, и весь трудъ совершитъ одинъ, да еще совершеннѣе, нежели академія. Впрочемъ, тутъ можно исписать томы pro и contra. Пусть будетъ, что есть. Вѣрно такъ должно быть. Хорошо бы узнать, кто передалъ въ нѣмецкій журналъ отзывъ о Булгаринѣ и Современникѣ. Это любопытно; самъ я не умѣю и придумать, кому бы вздумалось рыцарствовать за правое дѣло. Не Эманъ ли? Удивляюсь, какъ много важности и труда придаетъ вашъ университетъ латинскимъ сочиненіямъ: точно будто въ средніе вѣка. Пора переубѣдиться, что съ одною латынью не сдѣлаться ни астрономомъ, ни даже пасторомъ отличнымъ.

Я тебѣ сказалъ, что у Быстрова всѣ до одного указанія касаются только Сѣвернаго Архива. Такъ ужъ лучше — выпиши этотъ журналъ. Вели Юнгмейстеру отыскать его за полцѣны, на что онъ охотно согласится. На Абевегу и глядѣть не стоитъ. Ужели ты не понимаешь, что ужъ если я отговариваю, такъ по причинамъ уважительнымъ, а не по капризу? Наслѣдникъ прислалъ мнѣ черезъ Юрьевича два экземпляра бронзовой медали, выбитой по повелѣнію папы Григорія XVI на память его пребыванія въ 1839 г. въ Римѣ, — одинъ для университета, другой для меня. При свиданіи попрошу, чтобы онъ и свой университетъ не забылъ. Это будетъ вашимъ очень пріятно. Если ты не хочешь возиться съ Дершау, такъ Богъ съ тобой. Отказъ твой быть переводчикомъ при сенатѣ очень благороденъ. Конечно, иной поинтриговалъ бы тутъ, т. е. нельзя ли жалованье то брать, а дѣло дѣлать спустя рукава. Но зная тебя, ничего не смѣю совѣтывать. Ожидаю съ нетерпѣніемъ, когда Демидова и Пушкина побываютъ на лекціи твоей и что скажутъ.

Журналъ. Суббота (22 ноября). До 3-хъ часовъ работалъ дома (скоро мѣсяцъ, какъ за Невой лекціи университета прекращены). Пошелъ съ визитомъ къ профессору философіи Фишеру [1]). Онъ вос-

[1]) Адаму Андреевичу, профессору С.-Петербургскаго университета

питанникъ іезуитовъ и очень тонокъ въ смыслѣ физическомъ и моральномъ. Обѣдалъ дома. На вечеръ къ Александрѣ Осиповнѣ, гдѣ нашелъ Савича, толкующаго съ ними о физикѣ, что онъ дѣлаетъ каждую субботу. Разговоры и музыка. Савичъ довелъ меня до дому. Онъ замѣтилъ, что хандра часто навѣщаетъ меня и — добрый! — предложилъ услуги заходить за мною для прогулокъ. Точно, чѣмъ лучше теперь мое положеніе, тѣмъ чаще я обладаемъ бываю какою-то тяжкою, неизъяснимою тоскою, или Богъ знаетъ чѣмъ. Я думаю отъ того, что желать и ожидать нечего. Безъ меня былъ у меня съ визитомъ Ростовцевъ.

Воскресенье (23 ноября). Былъ у обѣдни. Пошелъ пѣшкомъ къ Вяземскому. Пришелъ Путята, который сказалъ, что отправляетъ къ тебѣ книги, вѣроятно, Юнгмейстера. Хлопоты все о Звѣздочкѣ.

Понедѣльникъ (24 ноября). Обѣдалъ и вечеромъ дома. Послѣднюю часть вечера провелъ у инспектора университетскихъ студентовъ Фицтума.

Вторникъ (25 ноября). До 2 ч. работалъ. Гулялъ до обѣда по скверной погодѣ. Между вечеріемъ занимался. Вечеромъ сидѣлъ у Нервандерова пріятеля — академика физики Ленца.

153.

(Гротъ — Плетневу) ***Гфорсъ, четв., 27 нояб. 1841.***

Сегодня некого было послать на почту, и я самъ пошелъ съ письмами. Обстоятельство это оказалось важнымъ. Подъ сенатскими воротами я встрѣтилъ тайнаго совѣтника Гартмана. Онъ остановилъ меня, спросилъ: все ли я еще сопротивляюсь, и сталъ уговаривать, чтобъ я принялъ предложеніе. Онъ сказалъ, что я буду, пожалуй, получать только главныя бумаги (идущія къ Царю) для перевода на русскій языкъ, что мнѣ въ сенатъ вовсе не нужно будетъ ходить, что спѣшная работа бываетъ рѣдко и т. п., и что я буду за это получать двѣ тысячи рублей; наконецъ, онъ заставилъ меня обѣщать, что я еще подумаю; принявъ же должность, могу, когда захочу отказаться отъ нея. Утро провелъ я въ приготовленіи къ исторической лекціи; но, пришедши въ университетъ, засталъ тамъ одного только человѣка; дѣло въ томъ, что всѣ профессоры уже кончили свои лекціи, по случаю приближающагося мѣсячнаго отдыха; я хотѣлъ кончить сегодня, но студенты меня уже не ждали, почему я, не читая, и возвратился домой. Былъ у Веттергофа и совѣтовался съ нимъ по предложенію; онъ безусловно уговариваетъ взять предлагаемую должность или занятіе.

Понедѣльникъ, 1 декабря, 9½ утра.

Въ пятницу поутру получилъ письменное предложеніе къ обѣду отъ графа Армфельта. Обѣдъ былъ для помѣщика Линдера, кромѣ

котораго я нашелъ тамъ Лильенбруна [1]), Бергенгейма [2]), какого-то чиновника и Гедвигу. Я сидѣлъ возлѣ послѣдней, а велъ Матильду. На нашемъ концѣ было очень живо, что продолжалось и послѣ обѣда. Вечеромъ были у меня Готлундъ, Фрибергъ, Лундаль здѣшній и таммерфорскій [3]) и Колланъ. Фрибергъ на Рождество ѣдетъ къ своей матери; я ему передалъ твой поклонъ. Въ субботу была консисторія, которая продолжалась до $2^1/_2$ часовъ — необыкновенно долгое засѣданіе: задержало дѣло о новомъ назначеніи стипендій по случаю окончанія года. Послѣ обѣда я написалъ управителю типографіи письмо съ жалобами на медленность печатанія шведской части, отъ неисправности наборщика. Въ то же время заплатилъ остатокъ долга за Фритіофа, такъ что онъ ужъ совсѣмъ съ плечъ долой.

Совсѣмъ не одно и то же — въ житейскихъ отношеніяхъ ладить съ дурными литераторами и даже въ литературныхъ дѣлахъ поступать съ ними учтиво, и — неискренне выражать свое мнѣніе во всеуслышаніе. Мнѣ кажется, тутъ можетъ быть одна только альтернатива: или *молчать* о книгѣ или говорить по *убѣжденію*; но говорить противъ истины непростительно. Я очень буду недоволенъ, если подъ именемъ своимъ увижу статью, за которую долженъ буду краснѣть. Ты мнѣ отвѣчаешь за честь мою. Статья о русской литературѣ въ германскомъ (лейпцигскомъ) журналѣ была напечатана еще въ прошломъ году, по извѣстіямъ, какъ видно, москвичей. Большое извлеченіе этой статьи, по моимъ стараніямъ, было въ началѣ кончающагося года помѣщено въ Гельсингфорскомъ Листкѣ, а отсюда нынѣ перепечатано въ Стокгольмѣ. Тамъ вообще перепечатываютъ нынче изъ здѣшней одной газеты все, что касается русской литературы, даже переводы изъ Пушкина (Лундаля). Латынь при другихъ знаніяхъ совсѣмъ не излишня; я ее очень люблю и всегда любилъ, только не имѣлъ времени узнать, какъ бы желалъ.

Послѣ твоего письма сдѣлалъ я визитъ Демидовой и былъ принятъ. Обращеніе было *галантерейное*, какимъ вообще оказывается здѣсь. Я сообщилъ твое сожалѣніе, что ты ее не засталъ въ Петербургѣ, на что изъявлено было какъ будто самое глубокое сожалѣніе же. Обѣдалъ съ сестрой у стараго Клинковстрема. Были тамъ жена тайнаго совѣтника Гартмана, еще дама и радельмійскій Гарт-

[1]) Карла Адамовича, отставного полковника, ум. 1868 г.

[2]) Jon. Ferd. Bergenheim, отставной полковникъ, потомъ, въ гражданской службѣ, губернаторъ въ Вазѣ (1845 г.), ум. 1847 г.

[3]) Два брата Лундаля: объ одномъ — Юліи уже была рѣчь выше (1840 г. № 35). Другой — младшій Адамъ Биргеръ Лундаль былъ студентомъ университета въ 1841 г. и „копистомъ“ въ канцеляріи генералъ-губернатора, потомъ служилъ въ судѣ въ Або, переводчикомъ съ русскаго въ сенатѣ, ум. 1890 г.

манъ. Гартманъ о тебѣ спрашивалъ и сказалъ, что сынъ его на обратномъ пути сюда скоро, по всей вѣроятности, навѣститъ тебя. Мы имѣли съ нимъ нравственно-религіозный разговоръ. Онъ жаловался, что часто бываетъ недоволенъ собой; о *Подражаніи Христу* онъ вовсе не зналъ; я обѣщалъ ему доставить эту божественную книжечку, здѣсь очень мало извѣстную. Онъ въ концѣ разговора съ чувствомъ взялъ меня за руку и сказалъ: „Я вижу, что вы глубоко думали". (Потому что наши мысли сходились). Отъ Клинковстрема я пошелъ къ другому Гартману сказать, что я, обдумавъ его предложенія, согласенъ *попробовать* исполненіе. Онъ очень былъ радъ и такъ же, какъ Теслевъ, прямо сказалъ, какую я могу оказать имъ услугу. Условились, что я буду переводить только главныя бумаги, занимаясь всегда дома и получая 2.000 рублей, а только-что найду это неудобнымъ, откажусь. Остальная часть жалованья, 1.500 руб., остается за нынѣшнимъ переводчикомъ. Оттуда къ Теслеву, которому то же объявилъ. Сегодня послѣ обѣда я былъ въ библіотекѣ; взялъ тамъ „Русскую Исторію" Глинки и разныя книги, относящіяся до времени самозванцевъ, до которыхъ я уже дошелъ въ своемъ курсѣ.

Дивлюсь, какъ умный человѣкъ можетъ хандрить. При умѣ можно всегда имѣть занятія, а при занятіяхъ невозможно хандрить. Ни лѣта, ни улучшеніе состоянія не должны уничтожать въ насъ стремленія трудиться на пользу общую и свою; конечно, ты не можешь сказать въ отношеніи къ обществу, что *сдѣлалъ уже все* и что болѣе тебѣ не для чего *дѣйствовать;* въ отношеніи же къ себѣ ты, вѣроятно, также еще не достигъ высшей для человѣка степени совершенства. Слѣдовательно, труда тебѣ довольно; какъ-же тутъ вкралась хандра? не понимаю, особливо, когда соображу, что у тебя дочь съ такими дарованіями, какъ Олинька, слѣдовательно еще свѣжій цвѣтокъ надежды, лучшей приправы жизни. Я думаю, ты немножко рукава поопустилъ, вотъ чѣмъ только могу объяснить хандру твою. Она бы прошла, еслибы ты посильнѣе натянулъ струны души своей, т. е. придалъ себѣ энергіи въ дѣйствіи. Или ты влюбленъ? C'est une autre chose!

Или можетъ быть, причины хандры есть какое-нибудь разстройство въ здоровьи? надо пить минеральныя воды.

Отвѣтъ на письмо отъ 28 ноября, полученное сегодня, во вторникъ 2 декабря вечеромъ [1]).

Я самъ нашелъ, что древнюю исторію нашей литературы надобно иностранцамъ читать какъ можно короче. Но чтобы самому поучиться и въ ожиданіи матеріаловъ для новой исторіи, читалъ подробно, почти по твоимъ тетрадямъ. До Ломоносова дойти не трудно; но тутъ-то и затрудненіе; гдѣ найти матеріалы для біографическихъ извѣстій о

[1]) Отвѣтъ на нижеслѣдующее письмо П. А. Плетнева.

сочинителяхъ? А безъ нихъ слишкомъ сухи критическія замѣчанія о произведеніяхъ. Программа твоя есть у меня, но по ней я не дойду до самаго содержанія первыхъ твоихъ тетрадей, котораго не знаю въ подробностяхъ. Теслева поздравляли съ восшествіемъ на престолъ 20 ноября. Мухлинскій, какъ профессоръ турецкаго языка, могъ выдать Валлину свидѣтельство въ знаніи его, и выдалъ. Импровизаціи Джустіанини и я знаю,— сестра ихъ выписала. У насъ и безъ льда университетъ теперь отдыхаетъ мѣсяцъ; это вещь прекрасная. Это отдыхъ, который ни студентамъ, ни преподавателямъ не мѣшаетъ заниматься усерднѣе прежняго, только нѣтъ лекцій, а онѣ — только одинъ изъ способовъ свободнаго университетскаго ученія. Учиться про себя такъ же нужно и для студентовъ и для профессоровъ. Я пользуюсь этимъ временемъ для подготовленія лекцій на будущій семестръ. Сегодня писалъ о Мининѣ и Пожарскомъ. Весь день шелъ дождь; вечеромъ я погулялъ немного съ фонаремъ; былъ у Веттергофа, но не засталъ.

Въ субботу 6-го у Теслева балъ.

154.

(Плетневъ — Гроту) *Спб., пятн., 28 нояб. 1841.*

Ты справедливо замѣтилъ, что въ древней исторіи литературы я наиболѣе пользовался Карамзинымъ и Евгеніемъ. Они всѣхъ обстоятельнѣе изложили дѣло и все черпали изъ самыхъ источниковъ. При томъ же до XVIII в. у насъ большая часть писателей все духовные, которыхъ Евгеній одинъ зналъ хорошо. У меня въ свое время собрано было все, но я нигдѣ не нашелъ вѣрнѣе и удовлетворительнѣе руководства, какъ у означенныхъ писателей. Конечно, у Греча приведено все въ нѣкоторую систему; но онъ компиляторъ и самый сухой. Ты, впрочемъ, напрасно хочешь останавливаться на подробностяхъ древней литературы. Она можетъ интересовать русскихъ, какъ исторія языка. Иностранцамъ тутъ нечего слушать. Если ты по Карамзину изложишь имъ содержаніе Русской Правды, Мономаховой Духовной, одну или двѣ проповѣди хоть изъ Памятниковъ XII в., Слова о Полку Игоревѣ, Нестора, Степенной Книги и т. п. — такъ и за-глаза. Прочитай имъ побольше и даже всего Курбскаго. Вотъ первый у насъ европейскій писатель. Перейди потомъ къ ученымъ монахамъ, попольски, напримѣръ: къ Ѳеофану Прокоповичу. На то у тебя и мой указатель, чтобы выбирать лица. А настоящій нашъ первый литераторъ Кантемиръ. Отъ него махни прямо къ Ломоносову и его современникамъ. Вотъ и выберешься на ровную дорогу. Объ Указателѣ, по заглавію Быстрова, и думать нечего. Такого нѣтъ. Лучшій указатель — каталогъ Смирдина. Вотъ источникъ для справокъ и работъ. Мое вступленіе въ литературу у тебя есть, а именно: программа курса

моего въ главномъ педагогическомъ институтѣ. Тамъ въ полномъ объемѣ изложены не только предметы, о коихъ я говорилъ, но и самое ихъ раздробленіе. Все это вещь произвольная, ни на чьей идеѣ не основанная. Я по мечтѣ моей говорилъ о томъ, что̂, казалось мнѣ, содѣйствуетъ успѣхамъ литературы, или останавливаетъ ихъ. Тутъ все вошло: филологія, исторія, географія, статистика, дипломація, естественная исторія и проч. Ежели ты потерялъ эту программу, я въ другомъ письмѣ выпишу тебѣ порядокъ предметовъ и содержаніе каждаго. Всего же списывать нѣтъ нужды. Ты самъ тогда увидишь, что по моему всякій говорить можетъ — и все, что ни захочетъ. Юнгмейстеръ, вѣрно, уже выслалъ тебѣ и Памятники XII вѣка. Съ чѣмъ вы поздравляли Теслева? Съ именинами? По какому праву Мухлинскій выдалъ свидѣтельство Валлину?

Журналъ. Среда (26 ноября). До двухъ часовъ не выходилъ изъ дому. Работалъ. До обѣда прогуливался. Мы послѣ обѣда усѣлись въ маленькой гостинной, которую я устроилъ съ другой стороны кабинета моего, между имъ и библіотекою. Эта комнатка человѣкъ для шести. Дамы мои усѣлись работать. У меня была новая книжка: „Импровизаціи Джустиніани“ на итальянскомъ языкѣ, переведе́нныя то на русскій, то на французскій, то на нѣмецкій, то на англійскій, то на польскій языки. Я ихъ заставлялъ читать поочереди и переводить себѣ то, чего не понималъ въ подлинникѣ или въ печатномъ переводѣ. Чай мы пили въ моемъ кабинетѣ. Послѣ перешли въ большую гостинную (съ другой стороны кабинета, между имъ и переднею комнатою. А съ третьей стороны кабинета (онъ центръ) моя спальня, угольная комнатка. Занялись музыкою. Кончивъ дѣтскій вечеръ, я отпустилъ своихъ спать, а самъ поѣхалъ къ Сологубу. На дорогѣ оборвался пазъ у коляски. Дошелъ пѣшкомъ. Тамъ много было всякаго сброду. Послѣ 12 ч. началъ Даль чтеніе какой-то повѣсти. Я сейчасъ же убрался домой. Не могу терпѣть публичныхъ чтеній.

Четвергъ (27 ноября). Получилъ отъ Дондукова печатное приглашеніе pour une soirée, въ субботу. Это у него первый балъ для большого свѣта. Дочь уже на выданьѣ.

Пятница (28 ноября). До 1 часу дома. На экзаменѣ въ педагогическомъ институтѣ, гдѣ былъ и Уваровъ для русской исторіи. Экзаменаторъ Устряловъ — по своей книжкѣ. Обѣдалъ дома. Пошелъ на вечеръ къ Балабинымъ. Былъ мостъ, а въ 10 ч. его развели. Показалось на рѣкѣ сало. Итакъ, мѣсяца два мы будемъ безъ лекцій. Вотъ тебѣ и курсъ университетскій. Переѣхалъ на лодкѣ [1]).

[1]) Отвѣтъ на это письмо въ предыдущемъ письмѣ Грота, см. стр. 445.

155.

(Плетневъ — Гроту) *Спб., вторн., 2 дек. 1841.*

Дубровскій — прелестная повѣсть. Она, кажется, была помѣщена въ Современникѣ 1837 г., а теперь въ одномъ изъ 3 томовъ, изданныхъ въ дополненіе прежнихъ 8 томовъ сочиненій Пушкина. О посвященіи „Звѣздочки“ еще нѣтъ разрѣшенія на бумагѣ. Ужасная досада. Затянется публикація. Но самый журналъ уже набирается и печатается. Благодарю за подробное извѣстіе о пенсіяхъ пасторскимъ вдовамъ. Вижу, что и у васъ, наконецъ, онѣ могутъ быть принуждены остаться безъ пропитанія. Это не должно навсегда такъ остаться, какъ здѣсь, такъ и въ Финляндіи. Вѣдомство духовное само, или правительство, должно нѣкогда ассигновать опредѣленную сумму для помощи этимъ несчастнымъ вдовамъ и сиротамъ. Ихъ мужья и отцы также служатъ для пользы отечества, какъ мы и военные или врачи. Ужели ты думаешь, что, выговаривая тебѣ за неточность въ отвѣтахъ, я не представляю, какъ ты дѣйствительно обремененъ нужнѣйшими дѣлами? Да вѣдь желаніе обо всемъ узнать твое мнѣніе такъ во мнѣ сильно, что перевѣшиваетъ жалость и размышленіе. Понимаешь ли ты это?

Не думаю, чтобъ ты собрался къ Фуруельму въ деревню. Ужъ лучше же ко мнѣ. Весь проѣздъ и гощеніе возьмутъ не болѣе двухъ недѣль. Видишь, что исторія Новгорода понравилась и дамамъ, когда онѣ пришли къ тебѣ въ другой разъ. Вотъ объ уніи, если ты довелъ ея исторію до настоящаго времени, я думаю, не такъ-то рѣшительно приняли онѣ твои заключенія. Что студентовъ начинаетъ набѣгать къ тебѣ много — это меня очень радуетъ. Я это предвидѣлъ и, вѣроятно, предсказывалъ тебѣ. Продолжай только возрастать въ развитіи интереснаго — еще не то увидишь. Ты войдешь въ моду для всего Гельсингфорса. Подымутся и изъ Або, чтобы побывать у тебя. Такова сила яркой истины надъ умами здравомыслящими.

У насъ студенты не поютъ при профессорахъ, потому что нигдѣ не сходятся въ большомъ количествѣ. Но думаю, когда они одни гдѣ собираются, то поютъ: это потребность ихъ возраста и веселія. Кланяйся и отъ меня всякаго вида Урсинамъ и Урсинятамъ. Скажи вопрошавшему о философіи Гегеля, что у насъ читаетъ философію благочестивый католикъ Фишеръ (австріецъ) и ужъ, конечно, не вдается въ свободомысліе протестанское. Да и не кстати бы было. Для Гегелевой философіи надобно много приготовительныхъ предметовъ, начиная съ языка, который, не бывъ снабженъ вѣрными терминами новой философіи, выразилъ бы одну смѣшную ея сторону, а сущности не исчерпалъ бы. Книжечки о преподаваніи скоро будутъ вамъ при-

сланы: оканчиваются тисненіемъ. Устава не могу прислать теперь, потому что всѣ печатные экземпляры его вышли, а къ новому изданію не приступлено. Да и любопытнаго тамъ совсѣмъ ничего нѣтъ. Голо и сухо. Однѣ формы, частію уже довольно тебѣ извѣстныя. Хорошо, что тебѣ удалось развязаться съ переводчествомъ. Уходило бы оно тебя. Пожалуйста, о неисправномъ доставленіи книгъ Юнгмейстеромъ пиши строже къ нему самому; стращай его вычетомъ денегъ, — а не надѣйся, чтобы я вступился тутъ. Старайтесь, чтобы 2.000 рублей достались Кастрену. Нечего надѣяться ни на статсъ-секретаріатъ, ни на академію наукъ. Вездѣ господствуетъ скупость и недовѣрчивость. А ужъ коли есть деньги, такъ ихъ и тяните. Еслибы ты частное убѣдительное письмо послалъ къ А. Армфельту насчетъ путешествія Кастрена, можно сказать навѣрное, что это произвело бы желаемое вами дѣйствіе. Графъ до слабости любитъ тебя и вѣруетъ во все, что ты ни скажешь.

Журналъ. Суббота (29 ноября). До 3-хъ часовъ работалъ въ кабинетѣ. Пошелъ обѣдать къ П. Максимовичу. Отъ него къ Александрѣ Осиповнѣ. Былъ и Порошинъ. Послѣ чаю, въ 11-мъ часу, я увезъ Порошина, чтобы, заѣхавъ домой, одѣться на балъ къ князю Дондукову-Корсакову; между тѣмъ моста не было. Но я рѣшился во что бы то ни стало быть тамъ. Такъ какъ, кромѣ бѣлаго галстуха, никакихъ не послѣдовало нововведеній въ моемъ туалетѣ, то и не трудно было исполнить предпріятіе это.

Мы съ Григорьемъ вдвоемъ переѣхали на лодкѣ и сѣли смиренно на одного извощика. За нѣсколько шаговъ отъ пылавшаго въ огняхъ дома я сошелъ съ дрожекъ, чтобы чванный швейцаръ не вздумалъ прогнать меня отъ подъѣзда. На лѣстницѣ встрѣтилъ я уже уѣзжающихъ (это было 12 часовъ) Нессельрода, Полетику и Дегая. Въ первой комнатѣ попался мнѣ Юрьевичъ (отъ него узналъ, что и къ вамъ медаль отправлена), съ которымъ и пошелъ между гостей. Входя въ танцовальную залу, почти въ дверяхъ, увидѣлъ знакомую мнѣ даму, Свистунову, урожденную графиню Сологубъ (бывшую фрейлину Елены Павловны). Едва успѣлъ я раскланяться съ ней, оборачиваю глаза на говорившаго съ нею кавалера въ мундирѣ — и вижу Михаила Павловича. Балъ былъ очень оживленъ и со вкусомъ устроенъ. Хозяинъ съ Анненской лентой по жилету. Всѣ почти послы и наши министры тутъ были. Звано 400 человѣкъ. Сначала я рѣшился было досидѣть до ужина, но стало скучновато, — и въ 3-мъ часу я опять по прежнему манеру отправился съ Григорьемъ же домой. Видѣлъ тамъ Модеста Андреевича, которому разсказалъ пресмѣшной анекдотъ про мужа Леонтьевой. Онъ, разговорясь со мной тутъ о Гельсингфорсѣ, замѣтилъ, какъ хорошо, что ты *сочинилъ* поэму изъ національнаго въ Финляндіи сюжета. Это, прибавилъ онъ, заставитъ ихъ твои стихи перевести на

шведскій языкъ. Баронъ очень смѣялся. Графъ Александръ Армфельтъ тоже былъ здѣсь. Онъ меня вздумалъ увѣрять, что ты непремѣнно зимой сюда будешь,—и не могъ понять, когда я увѣрялъ его въ противномъ, зачѣмъ тебѣ не пріѣхать сюда? Твои предположенія насчетъ преподаванія русскаго языка (чего я не понялъ, признаться) утверждены Канцлеромъ — и вѣрно получены въ консисторіи. Тамъ же былъ и Шернваль. Мы долго съ нимъ разсматривали танцующихъ дамъ, и въ одинъ голосъ рѣшили, что еслибы тутъ поставить Розину нашу, она бы всѣхъ затмила своею красотой.

Воскресенье (30 ноября). День былъ сухой и навели мостъ. Пославъ карету за моими дамами, самъ я, до ихъ прибытія, отправился гулять и дѣлать визиты пѣшкомъ. Зашелъ къ Растопчиной. Она была очень мила со мною. Наболтала мнѣ кучу новостей и взяла слово, что я назначу день обѣдать у нея.

Понедѣльникъ (1 декабря). Всталъ въ 10 часовъ и оттого чувствовалъ себя желѣзно-здоровымъ. Проработалъ въ своемъ кабинетѣ до 5 часовъ. Обѣдалъ и вечеръ провелъ у Балабиныхъ. Опять читали Дубровскаго. Всѣ въ восхищеніи.

Вторникъ (2 декабря). Все утро дома и обѣдалъ тоже. Виноватъ опять: былъ до 12 часовъ у В. К. Ольги Николаевны. Читали „Лѣтопись села Горохина" Пушкина. Прелесть! Вечеромъ выѣзжалъ съ короткими визитами: къ Пушкиной, Вяземскому и Карамзинымъ. Сегодня балъ у Канкрина, завтра у Воронцова-Дашкова.

Спб., суббота, 6 дек. 1841.

Журналъ. Среда (3 декабря). Утромъ былъ на лекціи. Послѣ работалъ въ канцеляріи. Воротясь, дожидался своихъ дамъ. Они пріѣхали — и мы сѣли обѣдать. Передвечеріе провели въ моемъ Эрмитажѣ (маленькая новая гостинная). Александра Осиповна читала Бѣлинскаго статью о народной поэзіи, а я курилъ. Вдругъ принесли пакетъ отъ Комовскаго [1]), директора канцеляріи Министерства народнаго просвѣщенія, въ коемъ онъ извѣщаетъ Александру Осиповну, что разрѣшено посвятить. Вотъ переполошились: начали разсылать курьеровъ по типографіямъ, книжнымъ лавкамъ, цензорамъ и проч., и проч.

Четвергъ (5 декабря). Утромъ работалъ и немножко прогуливался. Встрѣтилъ Гартмана (брата Розины) [2]), которому обрадовался. Завтра онъ придетъ ко мнѣ. Вообрази: онъ очень хорошо и свободно говоритъ по-русски, даже чисто выговариваетъ. Отобѣдавъ у Балабиныхъ (именины матери), и вечеръ провелъ у нихъ. Былъ графъ Местръ [3]), сочинитель: „Откуда ты, эѳира житель?".

[1]) Василія Дмитріевича, ум. 1851 г.

[2]) Вернувшагося изъ Москвы.

[3]) Ксаверій, извѣстный французскій писатель и художникъ, русскій генер.-маіоръ, ум. 1852 г., см. о немъ ниже письмо Петра Александровича отъ 19 декабря (п. 162).

Пятница (5 декабря). Гартманъ у меня былъ съ другимъ магистромъ, коего фамилію я забылъ. Я имъ все наше путешествіе описалъ. Они хотѣли утромъ въ воскресенье уѣхать домой, но я упросилъ ихъ у меня отобѣдать. Послѣ нихъ написалъ письмо къ Александру Армфельту, прося его, нельзя ли ихъ представить Канцлеру, если это не было сдѣлано.

156.

(Гротъ — Плетневу) ***Гфорсъ, субб., 4 ч. п. об., 6 дек. 1841.***

Въ четвергъ послѣ обѣда читалъ я Грипенбергу составленныя на шведскомъ языкѣ записки будущихъ лекцій. Избраніе Михаила Романовича очень заинтересовало его. Возвратясь домой, принялся я разбирать и приводить въ порядокъ всѣ свои бумаги. Мнѣ давно уже не нравился безпорядокъ ихъ, который часто принуждалъ терять много времени на исканіе. Наконецъ, я рѣшился положить этому конецъ. Раздѣлилъ всѣ свои бумаги на разряды, каждый разрядъ отдѣлилъ и положилъ въ особое мѣсто, а между тѣмъ, многое уничтожилъ. Для будущихъ бумагъ заведу, по примѣру Грипенберга, реэстры, по которымъ легко будетъ отыскать что бы ни было. Конечно, легче было бы не сохранять ни одной бумаги, все уничтожать тотчасъ по полученіи; но это такъ-же было бы хорошо, какъ еслибы во всѣхъ архивахъ и другихъ мѣстахъ сжечь всѣ документы и ничего не оставить для исторіи. Я нахожу, что храненіе дружескихъ писемъ, своихъ журналовъ, замѣтокъ и всякихъ бумагъ, напоминающихъ какое-нибудь обстоятельство изъ нашей жизни, чрезвычайно полезно. Послѣ, черезъ много лѣтъ, эти слѣды прошедшаго живо возобновляютъ прежнія положенія, чувства, мысли, даютъ возможность сравнивать ихъ съ настоящимъ, повѣрять свои нынѣшнія ощущенія, и тѣмъ обогащаютъ опытность и сердце. Я это особенно ясно понималъ, разбирая нынче всѣ мои старыя бумаги, изъ которыхъ нѣкоторыя восходятъ за время оставленія материнскаго дома. Сколько лицъ, обстоятельствъ, чувствъ, мыслей и плановъ они воскресили въ душѣ моей!

Я провелъ за этимъ дѣломъ весь вечеръ четверга и утро пятницы до 12 часовъ. Тутъ пришелъ ко мнѣ Рейнъ и нашелъ весь мой полъ усѣяннымъ выброшенными лоскутьями. Онъ приходилъ узнать, далеко ли я просмотрѣлъ его Статистику. Это напомнило мнѣ, что ты обѣщалъ освѣдомиться, есть ли какая-нибудь новая и хорошая Статистика Россіи. Онъ сказалъ мнѣ, что инструкція объ ученіи русскаго языка возвратилась отъ Наслѣдника утвержденною (вотъ чего ты не понялъ) съ прибавленіемъ, что Соловьевъ уже не читаетъ *публичныхъ* лекцій, а я преподаю и русскую статистику. Любопытно бы узнать, на какомъ соображеніи основано первое. Еще прежде Рейна принесли мнѣ 7 экземпляровъ Современника. Без-

толковость „Надежды“ въ теперешнемъ ея видѣ превзошла мои ожиданія. Не только основная глубокая идея пропала, но и всякій вообще смыслъ, а слѣдовательно и занимательность. Еслибы *ты* не былъ такъ близокъ къ редактору Современника, я бы на него взбѣсился. Однакожъ, позволь, любезный другъ, откровенно замѣтить, что ты изъ уваженія къ себѣ и своему журналу не долженъ былъ печатать въ немъ статьи, которая, кромѣ своей нелѣпости и скуки, такова, что можетъ бросить ложный свѣтъ и на Рунеберга и на его переводчика. Ты долженъ былъ или вовсе не помѣщать этой статьи, или, сказавъ отъ себя нѣсколько словъ о „Надеждѣ“, напечатать нѣкоторыя отдѣльныя мѣста, до которыхъ не коснулось варварское оружіе цензора. А что скажетъ потомокъ, который, зная шведскій языкъ, сравнитъ переводъ съ подлинникомъ и не найдетъ комментарій, которыя бы объяснили ему дѣло? *Здѣсь* я однакожъ не намѣренъ никому разсказывать объ этомъ знаменитомъ фактѣ. Кто писалъ о Нибелунгахъ? Кто авторъ романа *Ермакъ?*

Въ пятницу послѣ обѣда занялся я, по желанію Розины, силуэтомъ ея отца, т. е. уменьшилъ его. Онъ труденъ, и я очень боялся за несходство; вышло напротивъ, и я такъ обрадовался, что тотчасъ же и пошелъ туда, но у дверей меня встрѣтила роковая *лода* [1]), и я возвратился домой. Пришелъ профессоръ исторіи литературы и эстетики Бломквистъ, издатель здѣшней политической газеты. Умный и пріятный малый (уже не молодой), съ большими свѣдѣніями въ языкахъ. Наединѣ мы съ нимъ пріятно протолковали весь вечеръ. Вчера поутру ходили поздравлять Теслева ради 6 декабря, но я остался дома. Вечеромъ въ 9 ч. пошелъ я туда на балъ — и, по общему примѣру, въ мундирѣ съ шпагой Акіандера. Было до 350 человѣкъ, очень тѣсно и жарко. Плясали польскій. Послѣ танцовалъ я: 1) съ Алиной Траверсе. M-me Паткуль вчера была во дворцѣ на выходѣ въ кокошникѣ; 2) съ Матильдой. Я передалъ ей, какъ ты о ней разспрашивалъ; 3) съ Розиной. Братъ ея уже въ Петербургѣ, другой изъ Або здѣсь. Она радуется Рождеству. Не хотѣла вѣрить мнѣ, когда я разсказывалъ ей о хитростяхъ петербургскихъ дамъ на балахъ, которыя онѣ употребляютъ для танцованія съ желаемыми кавалерами. Потомъ я игралъ (въ отдаленной комнатѣ) съ Наймой въ дурачки. Ужинали въ разсыпную. Я сидѣлъ за ломбернымъ столомъ съ Розиною, Матильдою, Спафарьевой, Лильебруномъ и отцомъ Розины. Въ 2 часа и я былъ дома.

Сегодня всталъ въ 9-мъ часу, голова немного болѣла; гулялъ; въ 3 часа пошелъ обѣдать (по утреннему зову) къ Демидовой, гдѣ

[1]) Выдвижной ящикъ у наружныхъ дверей для карточекъ и проч., который выдвигается наружу, когда хозяева не дома.

было нѣсколько неизвѣстныхъ тебѣ господъ (у ней обѣды каждое воскресенье) и гр. Пушкина, которая спрашивала о тебѣ. Хозяйка была любезна, обѣдъ прекрасенъ, но все отзывается какою-то грустною холодностью посреди этихъ золоченыхъ лампъ, серебряныхъ блюдъ и пестрыхъ холопьевъ. Оттуда пошелъ я отдать визитъ Фуруельму. Передъ нимъ лежала новая поэма Рунеберга: *Вечеръ на Рождество*, въ трехъ пѣсняхъ, экзаметромъ. Мы ее тутъ же прочли вмѣстѣ; превосходная вещь, гдѣ, по моему, нѣкоторыя мѣста выше всего, что Рунебергъ до сихъ поръ написалъ. Совершенно національная поэма. Старый инвалидъ идетъ изъ хижины своей праздновать вечеръ наканунѣ Рождества въ господскій домъ, гдѣ живетъ капитанша, которой мужъ отправленъ въ турецкій походъ; съ нею же живутъ отецъ и мать мужа и сестра ея (Августа, поэтическое созданіе, вѣроятно, идеализированная копія съ Августы Лундаль). Они получили извѣстіе о побѣдѣ турокъ и въ опасеніяхъ за родного грустно проводятъ вечеръ. Вдругъ совершенно неожиданно капитанъ пріѣзжаетъ изъ похода — въ этотъ же вечеръ. Надобно было сказать, что сынъ инвалида отправился въ кампанію вмѣстѣ съ капитаномъ. Узнавъ о пріѣздѣ послѣдняго, старикъ съ нетерпѣніемъ идетъ въ сѣни, чтобы узнать свою участь. Его останавливаютъ и объявляютъ, что сынъ его съ честью палъ въ Турціи. Старикъ твердо переноситъ несчастіе. Подробности прекрасны и часто трогательны, такъ что трудно не прослезиться. Какъ національная, поэма эта въ переводѣ потеряла бы цѣну.

Дома нашелъ я Грипенберговыхъ; послѣ пришли Чепурнова и Эттеры. Генералъ сидѣлъ у меня и въ разговорахъ сообщилъ мнѣ много любопытнаго. Обѣщалъ выписать „Исторію въ разсказахъ". Совѣстился, что даромъ получаетъ Современникъ.

Отвѣтъ. Если не черезъ статсъ-секретаріатъ, то вели воспользоваться другою окказіею, чтобы прислать мнѣ экземпляровъ 30 Фритіофа. При продажѣ здѣсь Альманаха надо опять пустить въ ходъ Фритіофа, да къ тому же лѣтомъ понадобится. Досадно, что осенью его здѣсь не было, когда въ книжныхъ лавкахъ часто его спрашивали. Не могу ѣхать въ Петербургъ: 1) потому что не хочу прервать печатанія Альманаха, которое безъ меня пошло бы безтолково; 2) не могу спокойно оставить здѣсь своихъ дамъ, которыя безъ меня совсѣмъ пропали бы отъ скуки. Я предлагалъ маменькѣ ѣхать всѣмъ троимъ, но она не хочетъ; 3) я долженъ подготовлять лекціи свои; 4) принялъ новую должность, которой исполненіе, вѣроятно, скоро начнется. Лекціи мои до тѣхъ поръ не могутъ быть вполнѣ интересны, пока я не овладѣю предметомъ такъ, чтобъ могъ разсказывать исторію, какъ давно знакомую сказку. До тѣхъ поръ все — только книга и безжизненность. Леонтьева идея [1]) богатѣйшая!

[1]) См. стр. 449.

Вторникъ, 9 декабря, 10 часовъ вечера. Почта все еще не пришла. Вчера я много сидѣлъ дома и занимался. Между прочимъ, читалъ Карамзина о Самозванцѣ и Пушкина Бориса Годунова. Вечеромъ былъ у Цигнеуса и не засталъ.

Стихъ изъ Бориса Годунова:

Могу ль, забывъ свой родъ и стыдъ *дѣвичій*...

(это такъ, мимоходомъ).

Четвергъ. 11 декабря. Почта понедѣльничная все еще не пришла. У меня опять щека пухнетъ. Я велѣлъ позвать сегодня *рвача* или *зубодера*.

157.

(Плетневъ — Гроту) ***Спб., вторн., 9 дек. 1841.***

Все еще нѣтъ отъ тебя писемъ. Полагаю, что причиною необыкновенная вездѣ распутица. Представь, что въ субботу, черезъ нѣсколько минутъ послѣ того, какъ я отправилъ къ тебѣ письмо, пошелъ ледъ, развели мосты и вскорѣ невозможно было переѣзжать на лодкахъ. Множество народу захвачено было внезапно внѣ домовъ — и всѣ принуждены были съ субботы до вторника искать пристанища кое-гдѣ. Ледъ шелъ безпрерывно и самый густой. Наконецъ, въ 12 часовъ ночью, на вторникъ, ледъ остановился, а къ 12 часамъ полудня сегодня наложили мостки для переходу пѣшимъ. Такимъ образомъ не состоялся мой обѣдъ въ воскресенье съ вашими магистрами, которые захвачены были на той сторонѣ и, вѣроятно, до сихъ поръ въ тоскѣ проводятъ здѣсь время: ибо съ поклажею негдѣ перебраться на Выборгскую сторону. А я было приготовился ихъ попотчивать дружески, столъ былъ накрытъ въ библіотекѣ подъ прелестною Тибовскою висячею лампою. Дамъ было столько же, сколько и кавалеровъ. Я уже мечталъ, какъ Оли пойдетъ съ Карломъ Гартманомъ, Фуксъ *(гувернантка)* съ другимъ магистромъ, а я со „Звѣздочкой". Каждый кавалеръ сидѣлъ бы подлѣ своей дамы — и повелъ бы ее послѣ обѣда прямо въ „эрмитажъ". Все было бы прелестно. Но Нева иначе разсудила. Помнится, я извѣщалъ тебя, что я просилъ Александра Армфельта представить магистровъ Канцлеру. До сихъ поръ не знаю о судьбѣ этого письма: дошло ли оно по адресу, и какое по нему послѣдовало рѣшеніе? Никого я въ эти дни не могъ видѣть. До ½ 4 въ субботу (6 декабря) я оставался за работою.

Воскресенье (7 декабря). Цѣлое утро и весь день не выходилъ изъ дому. Дамы мои пріѣхали къ обѣду — и мы одни наслаждались и блескомъ бросавшей свѣтъ на насъ лампы Тибо, и веселымъ видомъ книгъ въ ясеневыхъ шкапахъ. Въ эрмитажѣ занимались чтеніемъ статьи Мармье о состояніи училищъ въ Швеціи и Даніи. Avant soirée кончился почти въ 8 часовъ. Порошинъ пришелъ къ чаю. Я теперь работаю надъ библіографіею для № 1 Современника 1842 г.

Вторникъ (9 декабря). Сансе въ 376 № Journal de St. Pétersbourg напечаталъ программу „Звѣздочки“. Прочитай. Да при Отечественныхъ Запискахъ № 12 она по-русски должна быть разослана. Сыщи. Вечеръ сидѣлъ у Смирновой.

158.

(Гротъ — Плетневу) ***Гфорсъ, пятн., 10½ ч. в. 12 (24) дек. 1841.***

Наконецъ, вчера вечеромъ пришла почта, и я сегодня поутру получилъ письмо твое. Поздравляю Александру Осиповну съ желаннымъ разрѣшеніемъ. Желалъ бы я знать, отчего такъ медлили дать его. Не знаю, стоитъ ли подъ моими статьями для Дѣтскаго журнала выставлять мое имя. Если вы ими не совсѣмъ довольны, скажи издательницѣ, чтобы ставила только *Я. Г.* или *Г.* Мнѣ еще неизвѣстно, пріѣхалъ ли уже молодой Гартманъ. Въ какомъ качествѣ графъ Местръ въ Петербургѣ и постоянно ли тамъ? написалъ ли онъ еще что-нибудь, кромѣ *Жителя Эфира!* Я забылъ написать тебѣ, что въ среду я студенту Тальгрену, по его просьбѣ проэкзаменовавъ его, выдалъ свидѣтельство о знаніи русскаго языка; онъ хочетъ искать мѣсто учителя при гимназіи въ Або: давно уже преподаетъ здѣсь языкъ и знаетъ его хорошо, выговоръ очень чистъ. Это частное свидѣтельство, впрочемъ, — исключеніе, сдѣланное для человѣка, въ которомъ я вижу много основательности. Послѣ я самъ занесъ ему свидѣтельство и видѣлъ, какъ онъ, при своей бѣдности, хорошо устроился: 2 чистенькія комнаты, фортепіано и хорошенькая библіотека. Вчера, въ четвергъ, въ 12 ч. утра, пришелъ рвачъ Пильфриттъ. Онъ обрадовался, увидѣвъ у меня кантелу: финнъ и другъ Ленрота. Зубъ выдернулъ онъ мнѣ съ большимъ искусствомъ, какое и у васъ, столичныхъ, рѣдко. Остальную часть дня я просидѣлъ дома. Занимался исторіею и латынью. Сегодня, канунъ Рождества, первый здѣсь праздникъ въ году, былъ и для меня льготный день. Поутру я, не смотря на дождь и вѣтеръ, шлялся по домашнимъ дѣламъ, занимался мало. Послѣ обѣда устраивалъ юлклапы (если помнишь, подарки на Рождество). Въ 8-мъ часу послалъ слѣдующіе:

1) *Грипенбергу* — новую поэму Рунеберга „*Вечеръ на Рождество*“, съ шведскою надписью въ стихахъ: „Пусть вечеръ твоей жизни будетъ такъ же прекрасенъ и радостенъ, какъ сталъ тотъ, который поэтъ описываетъ, когда милый и оплакиваемый *гость* нежданно явился къ семьѣ своей. Твоимъ нежданнымъ гостемъ пусть будетъ счастіе“. На пакетѣ надпись: *изъ Борго.*

2) *Веттергофу* — двѣ новыя поэмы Францѐна въ красивомъ переплетѣ съ надписью на пакетѣ: *изъ Швеціи.*

3) *Гартману* радельмійскому — *Подражаніе Іисусу,* (которое онъ у меня просилъ на прочтеніе) на шведскомъ языкѣ въ красивомъ же

переплетѣ съ надписью шведскими стихами: „Переплетъ дуренъ, бумага еще хуже (въ самомъ дѣлѣ преплохая), но книга та самая, какой ты желалъ. Она славитъ Господа Бога, учитъ любить добро и истину и, я увѣренъ, полюбится тебѣ".

Ему же я другимъ путемъ послалъ записку, гдѣ разсказалъ изъ твоего письма все, что касается до его сына,—зная, какъ это будетъ ему пріятно, особливо, если сынъ еще не пріѣхалъ.

4) *Спафарьевой*—крошечный горшечикъ съ искусственными цвѣтами подъ колпакомъ изъ слюды, съ французскими стихами:

J'aurais voulu pour vous montrer mon zèle,
Vous envoyer un beau bouquet de fleurs;
Mais c'est en vain,— croyez, Mademoiselle —
Que j'ai tâché d'en trouver de meilleurs.
Ah, recevez donc cette bagatelle,
Non comme *un don* (ce n'est que trop *un rien*),
Mais comme un gâge de mon coeur fidèle.
Il ne voudra jamais briser le lien
Qui le rattache á Vous, Mademoiselle!

Я хотѣлъ ей отплатить за прошлогоднюю ея любезность; стихи— все минутныя шалости, слѣдовательно, времени отняли немного.

5) Малюткѣ *Нетти* (Anette) *Траверсе* коробочку съ конфектными игрушечками.

6) Братцу ея, Сашѣ, такую же коробочку и, сверхъ того, *дѣтскую Священную Исторію* Александры Осиповны. Я надѣюсь, она не осудитъ за это употребленіе ея подарка, который все-таки не уйдетъ отъ меня.

Потомъ пошелъ я къ кондитеру и купилъ три коробки съ конфектами для дочерей Грипненберга. Возвратясь, надѣлъ навыворотъ свою шубу и, въ видѣ медвѣдя, отправился къ сосѣдямъ. Тамъ я плясалъ, всячески корчился и ревѣлъ, катая, между тѣмъ, по полу конфектныя коробки. Разумѣется, догадывались, что это я. Раздѣвшись дома, я опять пошелъ туда, будто узнавъ отъ сестры, что тамъ косматый гость. У нихъ стоялъ столъ, гдѣ были разные подарки отъ другихъ постороннихъ (по дѣтямъ, которыя у нихъ учатся). Они знали, какіе подарки отъ меня, однакожъ мое притворство очень ихъ позабавило. Между тѣмъ самъ я получилъ коробочку съ вышитымъ по канвѣ вѐрхомъ и съ надписью на пакетѣ: „Профессору Гроту. Даръ любви". Вѣроятно, это отъ Грипенберговыхъ. Булочникъ прислалъ намъ огромную сладкую лепеху (въ даръ). Вотъ, какъ мы даримъ другъ друга въ этотъ Рождественскій вечеръ. Еще я приготовилъ въ даръ работнику Грипенберга пакетъ старыхъ сапоговъ и платья, но еще не отдалъ; его не было дома.

Суббота, день Рождества (н. с.) 1841.

Сегодня утромъ гулялъ я и занимался латынью. Въ первомъ часу явился ко мнѣ отецъ Розины благодарить за вчерашнее. Когда моя записка пришла, онъ былъ на семейномъ вечерѣ у брата; сына еще не было; возвращаясь домой, онъ у подъѣзда увидѣлъ телѣжку, изъ которой вдругъ выскочилъ только-что пріѣхавшій сынъ его. Записку мою онъ послѣ нашелъ у себя. Они опять отправились къ брату. Молодой Гартманъ весь вымокъ, и всѣ вещицы, какія онъ везъ, испортились. Нева ему помѣшала обѣдать у тебя. Отецъ былъ растроганъ, говоря о своей и сыновней благодарности за твои ласки. Онъ говоритъ, что дѣло его сына впослѣдствіи доказать тебѣ свою признательность. По рукѣ онъ узналъ, что книжечка отъ меня. Онъ пробылъ у меня съ часъ. Я показывалъ ему почти уже отпечатанный Альманахъ нашъ на русскомъ (остается не болѣе $1^1/_2$ листа).

На-дняхъ получилъ я очень дружеское письмо отъ Форстера изъ Улеаборга, откуда онъ отправляется въ Лапландію. Я отвѣчалъ ему и послалъ письмецо Александры Осиповны.

159.

(Плетневъ — Гроту) *Спб., пятн., 12 декабря 1841.*

Наконецъ я дождался письма отъ тебя. Только сегодня подали его — и то вечеромъ. На первой его строкѣ прочелъ я: *27 ноября.* т. е. его ты началъ писать до сегодня ровно за двѣ недѣли, а это значитъ за 4 моихъ письма. Я не тому радъ, что тебя уломали принять переводчество, но тому, что ты гласно произнесъ послѣдній уговоръ — тотчасъ выйти вонъ, лишь мѣсто начнетъ тебѣ не нравиться. Это условіе нужнѣе было всего. Ты порядочно меня щелкаешь за все въ этомъ своемъ письмѣ: за библіографію, за цензуру и за хандру. Къ сожалѣнію, во всемъ этомъ столько вещей, надъ которыми нѣтъ у насъ власти, что, проглотивъ пилюлю, оставишь многое опять такъ, какъ оно доселѣ шло. Впрочемъ, не подумай, что нѣтъ у меня стремленія къ самосовершенствованію. Но всегда ли достаетъ моральныхъ силъ строго держаться избраннаго пути? Твои, впрочемъ, дружескія указанія на мои недостатки мнѣ уже много принесли пользы. Я — незамѣтно отчего и какъ, а видимо становлюсь довольнѣе собою. Ты меня хранишь отъ пути нечестивыхъ. Я чаще, нежели прежде, остаюсь у себя, занимаюсь съ любовію и гляжу на жизнь не съ прежнимъ презрѣніемъ.

Обращеніе съ тобою радельмскаго Гартмана доказываетъ, что онъ полонъ идей и чувства; что ты ему тамъ всѣхъ нужнѣе и что васъ крѣпко свяжетъ узелъ ума и сердца. Видно, что посреди разсѣянія

онъ тревожимъ внутреннимъ призваніемъ къ чему-то высшему. Я понимаю, какъ въ тебѣ онъ обрѣтетъ то, что нашелъ я.

Біографій авторовъ, начиная съ Ломоносова, достать негдѣ, да ихъ у насъ и не будетъ никогда. Цензура не позволитъ никакихъ интересныхъ частностей, въ которыхъ бы отразился особенный складъ ума, мнѣній и жизни. Старайся вчитываться въ полныя собранія сочиненій — и извлекай тѣни образовъ. Такъ я дѣлалъ съ Державинымъ для Наслѣдника. Замѣчай всѣ біографическіе случаи въ стихахъ — и составляй особыя замѣтки. Другого средства нѣтъ. Вноси въ разсказъ повѣствованія о людяхъ и дѣлахъ, ими воспѣтыхъ. Это придастъ интересъ критикѣ. Общество современное понемногу воскреснетъ — и литература достигнетъ своего назначенія. Въ ней краски исторіи.

Журналъ. Среда (10 декабря). Отправивъ къ тебѣ письмо на почту, получилъ нѣсколько программъ Звѣздочки, кои и послалъ къ тебѣ тогда же. Росписаніе лекцій нашихъ пошло къ вамъ въ 2 экземплярахъ: одинъ для консисторіи, другой для тебя. Былъ у попечителя по дѣламъ. Онъ не говорилъ о своей отставкѣ, а всѣ толкуютъ. Отъ А. Армфельта принесли отвѣтъ на мое къ нему письмо. Онъ извѣщаетъ, что магистры были представлены Канцлеру, который восхищенъ и даже изумленъ былъ ихъ успѣхами въ русскомъ языкѣ. Мы послѣ обѣда читали въ „эрмитажѣ“ статью: Объ организаціи насѣкомыхъ. Пришелъ опять Энгельгардтъ и засыпалъ насъ анекдотами о старинѣ. Еще были: Савичъ и Граве [1]).

Четвергъ (11 декабря). Я получилъ русское письмо изъ Борго отъ Оттелина. Онъ спрашиваетъ, по какимъ книгамъ у насъ учатъ въ гимназіяхъ: исторіи, географіи и статистикѣ. Отвѣчалъ ему сегодня же. Вечеръ провелъ я у Путяты.

Пятница (12 декабря). Утро провелъ дома. Вечеръ я былъ у Балабиныхъ. Дочь Уварова [2]) начала поправляться. Гомеопатія торжествуетъ. Маrіе хочетъ для Гейера по-шведски учиться.

160.

(Плетневъ — Гроту) ***Спб., вторн., 16 дек. 1841.***

Касательно статистики, мнѣ помнится, я уже писалъ тебѣ, что на русскомъ языкѣ еще нѣтъ такой книги. Недавно былъ у меня Арсеньевъ. Я уговаривалъ его напечатать хоть извлеченіе изъ огромныхъ его матеріаловъ. Но въ такія лѣта, какими мы съ нимъ пользуемся, съ трудомъ рѣшаются на предпріятіе, которое молодости стоитъ

[1]) Молодой человѣкъ изъ окончившихъ въ 1838 г. курсъ студентовъ (юридич. отдѣленія).

[2]) Наталья Сергѣевна Балабина была серіозно больна послѣ родовъ.

одного слова. Объ инструкціи, возвратившейся утвержденною, я имѣлъ случай даже сегодня разговаривать съ Александромъ Армфельтомъ у Княжевича, гдѣ мы сошлись оба. Для статистики я тебѣ совѣтую только сформировать поновѣе и поостроумнѣе планъ, какъ и что обнять любопытнѣе въ государствѣ; а самые матеріалы частію будешь брать изъ географіи, частію изъ исторіи и т. п. Объ измѣненіи Рунеберговой „Надежды" я предупреждалъ тебя. Но спасти ее и у меня не доставало возможности. Ее началъ цензоръ коверкать послѣ того, какъ я въ первомъ ея образѣ подписалъ всѣ набранные листы къ печатанію. Притомъ же изъ этого № цензура заставила меня выкинуть также всю набранную въ 5 листовъ величиной повѣсть. Слѣдственно, ни нравственной, ни физической возможности не оставили мнѣ опомниться и поправиться. Я зналъ, что ты меня проклянешь. Но живутъ люди не только подъ проклятіемъ, да и подъ землею (въ Нерчинскѣ). О Нибелунгахъ написалъ псковскій учитель, бывшій нашъ студентъ [1]). Трагедію „Ермакъ" написалъ Хомяковъ, а романъ не знаю. Развѣ до сихъ поръ ты не завелся собственною шпагою, что берешь у Акіандера?

Я уже никогда не осмѣлюсь болѣе предложить тебѣ разсказать новую поэму Рунеберга послѣ нынѣшней несчастной исторіи. Завидую однако же, что ты изъ насъ двоихъ одинъ знаешь такую прелестную вещь, какъ „Вечеръ на Рождество". Какое у тебя обиліе въ причинахъ, по которымъ не ѣдешь сюда!

Журналъ. Воскресенье (14 декабря). Все утро мое убили посѣтители: Арсеньевъ, Ѳ. Ѳ. Корфъ и другіе. Съ полчаса погулялъ передъ обѣдомъ. Съ дамами въ эрмитажѣ чтеніе изъ Утренней Зари. Ничего, хорошо.

Понедѣльникъ (15 декабря). Въ университетѣ утромъ, гдѣ былъ попечитель. Вечеръ — совѣтъ. Чай дома съ Савичемъ, который ѣдетъ жениться на курляндкѣ Ребиндеръ.

Вторникъ (16 декабря). Съ Великой Княжной Ольгой Николаевной чтеніе у Императрицы. Очень нравится Дубровскій. Присутствовала и Марія Николаевна, а подъ конецъ и Александра Николаевна. По простотѣ и искренности точно частное семейство. Послѣ обѣда работалъ до 9 часовъ.

161.

(Гротъ — Плетневу) *Гфорсъ, четв., 18 дек. 6 ч. ут. 1841.*

Я думаю, тебѣ таки досадно было, что твои приготовленія къ обѣду, по распоряженію Невы, оказались совсѣмъ напрасны. Кто писалъ французскую программу Звѣздочки для Journal de S. Pétersbourg?

[1]) С. И. Барановскій, см. стр. 385.

Въ воскресенье цѣлый день занимался латынью. Вечеромъ пошелъ къ Траверсе, а оттуда къ Клинковстремамъ, куда насъ звали. Тамъ было гостей немного и потому весело. Ужинали, и я пришелъ домой въ 12 часовъ.

Въ понедѣльникъ утро опять дома. Къ обѣду званъ былъ къ Меллинымъ и пилъ тамъ шампанское. Подъ вечеръ пріѣхалъ молодой Гартманъ. Я, по привычкѣ, заговорилъ было по-шведски, но вскорѣ опомнился. Онъ мнѣ очень понравился и отчетливо отвѣчалъ на всѣ мои разспросы. Жалѣлъ, что не успѣлъ прочесть „Героя нашего времени“, и получилъ его отъ меня. Еще болѣе жалѣлъ, что не могъ обѣдать у тебя и особенно, что не могъ познакомиться съ твоей дочкой. Этого я поправить не могъ. На вечеръ ѣхалъ онъ къ П., куда я званъ не былъ, потому что въ визитахъ очень неакуратенъ. Меня, признаться, вовсе и не тянетъ ни туда, ни къ Д. Тутъ всего лучше научаешься презирать богатство и знатность, видя, что ихъ неразлучная спутница — *скука*. Вотъ полезная сторона знакомства съ подобными домами. Говорятъ, и въ понедѣльникъ тамъ была жестокая скука.

Во вторникъ утромъ написалъ я 4 первыя таблицы предпринятой мною на шведскомъ языкѣ *русской исторіи, представленной въ таблицахъ*. Это я считаю полезнѣйшимъ и для себя (при будущихъ лекціяхъ) и для студентовъ. Каждая таблица (на полулистѣ, въ ширину его) обнимаетъ что-нибудь цѣлое — что̀ и выражается стоящимъ надъ графа̀ми заглавіемъ съ годомъ или годами. Напримѣръ:

Походы русскихъ въ Константинополь.

(866 — 944)

	Означеніе времени.	Факты.	Означеніе мѣстъ.	Частности и объясненія.
...Норманно-Греч. періодъ...	*866*	*Аскольдъ и Диръ и т. д.*		

Такъ какъ каждый фактъ случился во времени и въ пространствѣ, то каждое главное событіе и стоитъ между *годомъ* и *мѣстомъ*. Потомъ слѣдуютъ важнѣйшія подробности или намеки на внутреннія отношенія и т. п. Наконецъ, впереди годовъ, въ узенькой графѣ означено названіе періода съ годами же и главный его характеръ. Точки (....) означаютъ, что періодъ не на этой таблицѣ начинается и кончится.

Я хотѣлъ было въ особой графѣ въ концѣ присоединить еще: *Литературныя явленія;* но нашелъ, что обширность этого предмета сбивала бы память и требуетъ особыхъ таблицъ.

Вечеромъ во вторникъ былъ у Веттергофа и читалъ съ нимъ шведскіе стихи. Скажи Маріе Балабиной, что Гейера, какъ прозаика (онъ мало написалъ стиховъ), можно читать и въ переводѣ, а шведскій языкъ не худо знать для поэтовъ шведскихъ, для романиста

Альмквиста (который не переведенъ), для Фрюкселя и множества отличныхъ писательницъ, словомъ для всей шведской литературы, которая въ цѣлости своей очень интересна по оригинальности своего особаго міра.

162.

(Плетневъ — Гроту) *Спб., пятн., 19 дек. 1841.*

Никто не медлилъ дать разрѣшенія, а такова дорога всѣхъ представленій къ Высочайшимъ особамъ. Вотъ названія инстанцій, кои дѣло проходитъ сперва вверхъ, а послѣ внизъ: 1) цензурный комитетъ; 2) попечитель; 3) министръ; 4) Шамбо [1]); 5) Вилламовъ [2]) и 6) Императрица. Если по одному дню пробудетъ дѣло въ каждомъ мытарствѣ, уже двѣнадцать дней и пройдетъ. Подъ нѣкоторыми, болѣе интересными статьями и въ Дѣтскомъ Журналѣ почему не поставить имени? Графъ Местръ живетъ здѣсь какъ партикулярный человѣкъ. Онъ женатъ на русской, а именно на родной тёткѣ жены А. Пушкина (Загряжской). И прежде, лѣтъ за 20, онъ всегда жилъ въ Петербургѣ, со времени всеобщей эмиграціи аристократовъ. Заграницу онъ уѣзжалъ только для свиданія съ родными и для поправленія здоровья. Весь свѣтъ знаетъ его слѣдующія сочиненія: 1) Путешествіе по моей комнатѣ; 2) Прокаженный города Аоста; 3) Кавказская повѣсть. Черкешенка; 4) Сибирячка и пр. Онъ одинъ изъ лучшихъ въ Европѣ живописцевъ, химиковъ и физиковъ. Словомъ, изумительный старикъ. Теперь ему болѣе 80 л., а онъ не лишенъ ни одного изъ пяти чувствъ.

Описаніе твоихъ юлклаповъ очень интересно. Ты рожденъ для любезностей, когда только пожелаешь быть любезнымъ. Но я ни терпѣнія, ни охоты не нашелъ бы въ себѣ отъ подобнаго дѣла. Я не знаю, почему отецъ Гартманъ думаетъ, что я болѣе что-нибудь сдѣлалъ для его сына, нежели всѣ они для насъ съ тобою. Это, кажется, одна свѣтская вѣжливость. Съ нетерпѣніемъ жду Альманаха. Но вотъ бѣда: выпустятъ ли его безъ разрѣшенія здѣшней цензуры? Если нѣтъ, по крайней мѣрѣ постарайся, чтобы вашъ цензурный комитетъ самъ доставилъ сюда 5 экземпляровъ книги и требовалъ возвращенія выпуска. Это будетъ кончено скорѣе, нежели по частной перепискѣ. Какъ-то ты пришлешь намъ сюда свои экземпляры? Ужели ректоръ не приметъ на себя и этой коммисіи? Надо будетъ искать опять окказіи.

Журналъ. Среда (17 декабря). Утромъ на лекціи въ университетѣ.

[1]) Иванъ Павловичъ, секретарь Ея Императорскаго Величества, управляющій Собственною Ея Императорскаго Величества канцеляріей.

[2]) Григорій Ивановичъ, статсъ-секретарь по учрежденіямъ Императрицы Маріи и членъ государственнаго совѣта, ум. 1842 г.

Послѣ съ визитами: къ Леонтьевой (урожд. графинѣ Зубовой, внукѣ Суворова), оттуда къ Маврину, который не пересталъ бодяжничать, хотя дочь и фрейлина. Но дѣвочки, особенно меньшая, весьма серіозничаютъ. Мои дамы пріѣхали къ обѣду. Въ „эрмитажѣ" чтеніе окончанія статьи Бѣлинскаго: О народной русской поэзіи; тутъ много фактовъ, — и потому не дурно и тебѣ прочесть въ 9, 10, 11 и 12 кн. Отечественныхъ Записокъ. Былъ Савичъ съ Сомовымъ (адъюнктомъ нашимъ, математикомъ) [1]), избраннымъ изъ московскихъ учителей за рѣшеніе задачи какой-то.

Четвергъ (18 декабря). Утро въ правленіи и на экзаменѣ гувернантокъ. Обѣдалъ у Смирновой. Надо было туда привезти и Олю, но болѣзнь ея помѣшала. Тамъ дѣти были въ танцъ-классѣ: двѣ дѣвочки Смирновой, да четверо дѣтей А. Пушкина (2 сына и 2 дочери), да двѣ дѣвочки Дондукова-Корсакова. Вечеръ провелъ у Балабиныхъ, гдѣ съѣхались не по обыкновенному много дамъ. Уварова дочь, что за сыномъ Балабина, уже выздоравливаетъ, чего никто не надѣялся, тѣмъ болѣе, что ее лечитъ Жаль (гомеопатъ).

Пятница (19 декабря). Получилъ повѣстку, что завтра будетъ первое засѣданіе академіи наукъ въ новомъ ея составѣ. Слава Богу, что не въ мундирахъ пригласили. Пріѣхалъ изъ Москвы молодой Валленъ, который и явился ко мнѣ съ письмомъ отъ Шевырева. Послѣдній въ негодованіи отъ Отечественныхъ Записокъ и говоритъ, что одинъ Современникъ напоминаетъ ему, что въ Петербургѣ есть литература. Валленъ проживетъ здѣсь праздники Рождества. Передай это въ его семействѣ. Онъ такъ преждевременно прибылъ по случаю болѣзни матери; но какъ она поправилась, то онъ и остается пока здѣсь. Онъ очень милый молодой человѣкъ и говоритъ по-русски, какъ русскій. Ѣздилъ съ визитомъ къ княгинѣ Долгорукой (урожд. Сенъ-При), невѣсткѣ Бержинской. Она очень желаетъ чаще видѣться со мною для разговоровъ о литературѣ русской. Сегодня въ 12 ч. ночи у васъ начался новый годъ. Обнимаю и поздравляю. Передай это всѣмъ.

163.

(Гротъ — Плетневу) ***Гфорсъ, 20 дек. (1 янв.), 4 1/2 ч. п. об. 1841.***

Извини, что я прилагаю здѣсь письмо съ просьбою отослать его къ Дмитрію Степановичу Протопопову. Но дѣло въ томъ, что онъ ужъ 3 мѣсяца слишкомъ не отвѣчаетъ на мое письмо. Слѣдовательно, Богъ знаетъ, въ Петербургѣ ли и не перемѣнилъ ли квартиры.

По крайней мѣрѣ, имени моего не слѣдовало выставлять подъ тво-

[1]) Осипъ Ивановичъ, впослѣдствіи профессоръ и академикъ, ум. 1876 г.

ренiемъ Фрейганга [1]). Я не навязывалъ другимъ своего, но и не желаю, чтобы мнѣ приписывали чужое.

Шпагу поневолѣ занимаю, когда въ цѣломъ городѣ ни одной продажной не могу найти. Охотно бы я разсказалъ содержанiе „Вечера на Рождество", еслибъ обязанность не налагала на меня другихъ обширнѣйшихъ занятiй, которыя требуютъ всего моего времени и все-таки еще долго не будутъ удовлетворительно исполняемы. *Можетъ быть* я по отпечатанiи Альманаха (русскаго) рѣшусь на *нѣсколько дней* прiѣхать въ Петербургъ. Цѣль, кромѣ свиданiя съ вами, — порыться въ книжныхъ лавкахъ для прiобрѣтенiя пособiй къ моимъ лекцiямъ. Охота тебѣ принимать людей, когда есть дѣло. Такъ, разумѣется, ничего путнаго не сдѣлаешь.

164.

(Плетневъ — Гроту) ***Спб., вторн., 23 дек. 1841.***

Въ *воскресенье (21 декабря)* я получилъ твое письмо, посланное 18 декабря, а сегодня и другое отъ тебя же подали, отправленное 20 декабря. Французскую программу перевела Александра Осиповна съ русской, написанной мною. Есть и нѣмецкiй переводъ Фуксъ, напечатанный въ Академическихъ Нѣмецкихъ Вѣдомостяхъ, что можешь и отыскать, если будешь любопытенъ. Поздравляю тебя съ прошедшимъ днемъ твоего рожденiя. Думаю, что со временемъ общество молодого Гартмана очень будетъ тебѣ прiятно. Итакъ, общество, о которомъ пишешь, не для насъ однихъ скучновато. Крайне сожалѣю. Это обстоятельство бросаетъ тѣнь на поэтическую натуру Финляндiи. Значитъ, что она не вся гранитъ. Есть и ледяныя въ ней сосульки, которыя таютъ и каплютъ отъ дѣйствiя на нихъ петербургскаго пѐкла (слово малороссiйское: значитъ адъ, гдѣ жарятъ грѣшниковъ). Въ самомъ дѣлѣ, ты большую получишь помощь отъ такихъ прекрасныхъ таблицъ, а студенты тѣмъ паче.

У насъ такъ нѣтъ еще санной дороги. Вотъ какъ пословица права: „Рано пташечка запѣла, чтобы кошечка не съѣла"! Помнишь, когда еще я писалъ, что у насъ прекрасная санная дорога. Все исчезло. Привозы провизiи удивительно затруднительны — и потому въ съѣстныхъ припасахъ дороговизна неслыханная. По полтинѣ (асс.) платимъ за фунтъ говядины, а за пару рябчиковъ по 2 рубля. Вчера былъ я у Maгie Балабиной, да только забылъ твое порученiе касательно шведской литературы. Въ другой разъ исполню. Письмо твое къ Протопопову сiю же минуту по полученiи послалъ къ нему, далъ наставленiе справиться о его пребыванiи и жительствѣ. Пока еще не принесли мнѣ отвѣта. Если не сегодня, то въ слѣдующемъ письмѣ ты

[1]) Цензора, исказившаго статью о „Надеждѣ" Рунеберга.

узнаешь отъ меня обо всемъ, до него касающемся. Твое обѣщаніе пріѣхать сюда на нѣскольке дней я буду хранить въ величайшей тайнѣ отъ дамъ, чтобы поразить ихъ сюрпризомъ. Только помни, что надо тебѣ на почтовой же повозкѣ ѣхать прямо на Васильевскій островъ въ университетъ, гдѣ ожидаетъ тебя твоя комната.

Журналъ. Суббота (20 декабря). Первое собраніе въ общей конференціи академіи наукъ было полное. Уваровъ прочиталъ маленькую рѣчь о цѣли соединенія. Филаретъ [1]) присутствовалъ тоже. Прочія бумаги были дѣловыя.

Вторникъ (23 декабря). Былъ я у В. К. Ольги Николаевны. Оттуда въ старую Россійскую академію, гдѣ было первое собраніе отдѣленія русскаго языка и словесности. Шихматовъ прочиталъ распространеніе мысли, что мы должны заниматься словаремъ, грамматикою и исторіею русской словесности. Послѣ читаны дѣловыя старыя бумаги. Теперь на вечеръ отправлюсь къ князю Вяземскому.

Спб., пятн., 26 дек. 1841.

Журналъ. Среда (24 декабря). По окончаніи къ тебѣ письма, какъ ты помнишь, я отправился къ князю Вяземскому. Но прежде, по дорогѣ, заѣхалъ къ Natalie Пушкиной, у которой давно не бывалъ. Она хлопочетъ съ своимъ сыномъ [2]), которому 7 лѣтъ и который записанъ въ пажи. Я присовѣтовалъ ей не занимать его съ учителями, а просто самой разговорами и чтеніемъ развивать только его мыслящую способность. Она сегодня была въ англійскомъ магазинѣ (канунъ ёлки передъ Рождествомъ) и встрѣтилась тамъ съ Государемъ, обыкновенно въ этотъ день пріѣзжающимъ въ англійскій магазинъ покупать для ёлки своимъ дѣтямъ. Его Величество очень милостиво изволилъ разговаривать съ Пушкиной. Это было въ первый разъ послѣ ужасной катастрофы ея мужа. На вечеръ она съ сестрою поѣхала туда же, куда ѣхалъ и я. Тамъ мы нашли Валуеву [3]) (которая кланяется графинѣ Эмиліи Карловнѣ Пушкиной, скажи пожалуйста), дочь князя Вяземскаго, мою Смирнову и графа Грифео, chargé d'affaires неаполитанскаго. Послѣ чаю остались мы одни, вмѣстѣ пріѣхавшіе. Вяземскій съ моими попутчицами и Валуевой сталъ играть отъ бездѣлья въ карты, а я отъ бездѣлья разговаривалъ съ княгиней [4]). Она — женщина не молодая и не авантажной наружности, но умная и бойкая, особенно въ дѣлахъ большого свѣта. Въ часъ ровно я воротился къ себѣ.

Четвергъ (25 декабря). Былъ въ университетской церкви у обѣдни. Ѣздилъ къ Принцу Ольденбургскому и попечителю съ визитомъ. До

[1]) Митрополитъ московскій и коломенскій.

[2]) Старшимъ, Александромъ Александровичемъ (нынѣ военный генералъ).

[3]) Марію Петровну.

[4]) Вѣрой Ѳедоровной.

половины 5-го оставался дома, а тутъ отправился къ Балабинымъ, гдѣ было по семейному и тихо, и весело. На вечеръ я пошелъ къ Александрѣ Осиповнѣ (день ея рожденія). Великая Княгиня Марія Николаевна прислала Александрѣ Осиповнѣ вчера подарокъ за Св. Исторію — крестъ съ золотой цѣпочкой. Былъ и молчаливый Порошинъ, который даже танцовалъ за недостаткомъ кавалеровъ. Возвратились мы съ нимъ домой въ часъ.

165.

(Гротъ — Плетневу) ***Гфорсъ, пон., 22 дек., 10½ ч. в. 1841.***

Въ прошлый четвергъ поутру приходили ко мнѣ гр. Пушкинъ и Шернваль, но меня не было дома. Въ пятницу вечеромъ были мы позваны къ Клинковстрему. Старикъ игралъ въ карты. Кромѣ насъ, у жены никого не было, и я скоро, соскучась, отправился домой; но, зная, что намѣрены встрѣтить Новый годъ, возвратился въ 12-мъ часу. Уже отужинали. Въ 12 часовъ принесли въ залу миску бишофа. Старикъ розлилъ по рюмкамъ, и всѣ другъ друга поздравили.

Въ субботу (Новый годъ) я началъ день спискомъ знакомыхъ, по мѣсту жительства, для разсылки билетовъ (которыхъ разослалъ около 80-ти, между прочимъ, ко всѣмъ профессорамъ). Между тѣмъ, и ко мнѣ отовсюду носили билеты. Вечеромъ были у насъ — Грипенберги; на другое утро навѣстилъ меня добрый Акіандеръ. Не смотря на то, что я ему нѣсколько времени тому назадъ откровенно высказалъ свое мнѣніе объ его Исторіи, онъ по прежнему исполненъ любезности. Потомъ былъ у меня, во время моего отсутствія, старый Валленъ. Сегодня поутру былъ я въ типографіи и въ другихъ мѣстахъ по дѣламъ, сбираюсь на будущей недѣлѣ съѣздить къ вамъ. Знаю, что мнѣ много предстоитъ непріятнаго въ Петербургѣ (разъѣзды къ разнымъ людямъ), но желаніе повидаться съ вами и поискать ученыхъ пособій преодолѣваетъ кое-какія опасенія. Все-же я вѣрнаго ничего еще не говорю. Между тѣмъ, пріѣзжалъ ко мнѣ Теслевъ. Послѣ обѣда я отплатилъ ему визитъ; онъ разсказалъ мнѣ множество прелюбопытныхъ воспоминаній изъ его походовъ и другихъ сношеній съ Императоромъ Александромъ. Передъ тѣмъ я взялъ на почтѣ твое письмо.

A propos de физикъ и химикъ (графа Местра), у меня сегодня поутру долго сидѣлъ почтенный старичекъ Гельстремъ. Между прочимъ, я показывалъ ему свои силуэты: онъ почти всѣ узналъ и очень оживился послѣ этого. Я попросилъ позволенія снять когда-нибудь и его силуэтъ. Онъ этому обрадовался для дѣтей своихъ. Терпѣнія для такихъ любезностей, какъ юлклапы, мнѣ вовсе не нужно: я предпринимаю такія вещи только вслѣдствіе внезапной сильной охоты, которая на то время дѣлаетъ для меня невозможнымъ всякое другое

занятіе, — точно такъ же, какъ пріятное серіозное занятіе въ свою пору дѣлаетъ для меня невозможными подобныя балагурства.

Если мой планъ на Петербургъ исполнится, то всѣ твои опасенія въ отношеніи къ Альманаху пропадутъ: я возьму его съ собой. Валленъ уже знаетъ о пріѣздѣ сына его въ Петербургъ. Я былъ у него сегодня утромъ.

Четвергъ, 25 декабря, 8 часовъ утра. Поздравляю съ праздникомъ. Вчера и третьяго дня я все хлопоталъ по своей поѣздкѣ въ Петербургъ, которая теперь уже рѣшена. Ѣду въ воскресенье и даже съ сестрой. Сначала я хотѣлъ ѣхать одинъ, но, видя сильное ея желаніе, рѣшился взять ее. Вчера вечеромъ провелъ я нѣсколько часовъ у Гартмана радельмійскаго. Тамъ была вся наша знать, даже двѣ *высокія*[1]). У Розины болѣли уши, которыя потому и были подвязаны. Мы гадали. Потомъ играли. До свиданья.

Я пробуду у васъ ни больше, ни меньше... да къ чему назначать? Ужъ во всякомъ случаѣ, не больше дней 6-ти или 7-ми.

[1]) Такъ въ шутку звалъ Яковъ Карловичъ гр. Мусину-Пушкину и Демидову.

1842.

1.

(Плетневъ — Гроту) *Спб., вторн., 13 янв. 1842.* [1])

Опять я принялся за любимую работу. Смѣйся, братъ! а я люблю къ тебѣ писать. Это время я прохожу внимательно прошедшіе три-четыре дня и сужу себя поневолѣ. Безъ этого отчета проходило бы все и навсегда — не обсуженное, не замѣченное, никому не сообщенное. А тутъ есть вторичная жизнь. Итакъ, съ твоею помощью я каждую недѣлю проживаю по 14 дней. Въ эту минуту, какъ я пишу, $^3/_4$12 вечера: вы должны находиться на ночлегѣ въ Борго. Завтра вы будете обѣдать съ Каролиной Ивановной. Поцѣлуй ей за меня ручку и разскажи, какъ она обрадовалась вашему возвращенію. Не забудь передать и все любопытное, что происходило на пути. Ты это все можешь сообщить мнѣ 17 же числа.

Журналъ. Воскресѣнье (11 января). Возвратясь къ дамамъ, я нашелъ ихъ въ грустно-молчаливомъ расположеніи духа. Чтобы какъ-нибудь разсѣять всѣхъ, я поспѣшилъ начать ранѣе вечеръ. Вышедъ въ Salon, мы бродили, какъ тѣни. Наконецъ, пріѣхали къ намъ m-r Татариновъ и m-lle Копьева. Вотъ мы съ ними отпили чай и уже думали разъѣзжаться въ $^1/_2$10 часа, какъ еще пріѣхалъ старинный пріятель мой, горный полковникъ Меньшенинъ [2]), нѣкогда переводчикъ Aimé-Martin. Я однако же поспѣшилъ отправить Олю съ дамами, а съ ними отбыли и другіе. Остался со мною Меньшенинъ одинъ. Онъ много разсказывалъ мнѣ о горномъ управленіи и разныхъ штукахъ на Уральскомъ хребтѣ, гдѣ онъ былъ начальникомъ. Наконецъ, въ 12-мъ часу, и онъ уѣхалъ. Я остался одинъ и почувствовалъ около себя страшную пустоту.

Понедѣльникъ (12 января). Вставши въ 8 часовъ, я тотчасъ одѣлся.

[1]) По возвращеніи Я. К. Грота въ Гельсингфорсъ.

[2]) Дмитрій Степановичъ, горный инженеръ, преподаватель въ Горномъ корпусѣ.

*

Подали кофе. Опять тоска. Я сходилъ въ твои комнаты. Все лежало, какъ ты оставилъ. Но никто не пошевелился въ задней комнаткѣ... День былъ морозный и чистый. Я пошелъ прогуляться. Возвратясь, сталъ принимать по должности. Между прочими явился и студентъ Джаксонъ. Онъ объявилъ мнѣ пріятную вѣсть, которую спѣшу передать тебѣ и всѣмъ вашимъ. Алексѣю Астафьевичу *(Реймерсу)* гораздо лучше стало. Онъ покинулъ постель и проситъ занятій. Вотъ почему Джаксонъ пришелъ за твоими книгами, чтобы передать ихъ Реймерсу. Обѣдать поѣхалъ я, какъ былъ еще при тебѣ званъ, къ Вердеревскому [1]). Тамъ нашелъ и Давыдова [2]), который открылся мнѣ, что спѣшитъ въ Москву *къ невѣстѣ*. Она воспитывалась въ московскомъ Екатерининскомъ институтѣ подъ его надзоромъ (гдѣ онъ инспекторомъ).

Вторникъ (13 января). Поѣхалъ въ Зимній дворецъ. Чтеніе происходило въ кабинетѣ Государыни. Были онѣ только двѣ; я предложилъ имъ прочитать твою исторію Александровскаго университета. Очень понравилась. Дошли до главы: *Абовская ученость.* Во время чтенія приходилъ дважды вашъ Канцлеръ, я спросилъ: понравился ли ему ты? „Да, очень, отвѣчалъ онъ, и кажется, я его уже прежде видалъ". Рескриптъ по-французски (Канцлера Николая) я предложилъ Великой Княжнѣ Ольгѣ Николаевнѣ прочитать для Императрицы вслухъ на французскомъ языкѣ. Съ большимъ принято удовольствіемъ.

Спб., пятница, 16 января 1842.

Журналъ. Замѣтилъ ли ты въ послѣднемъ моемъ письмѣ двѣ-три строки внутри конверта? Я, между прочимъ, сказалъ тамъ, что Императрица передъ моимъ уходомъ, спросила, часто ли я вижу m-me Паткуль. Она очень рѣдка, отвѣчалъ я, и чтобы шутку сдѣлать понятнѣе, повторилъ это по-французски: elle est bien rare. „Тѣмъ лучше, замѣтила Государыня; у нихъ небольшое состояніе". На томъ мы и разстались.

Среда (14 января). Утро я провелъ на лекціи, а до ½ 5 занимался дома. Обѣдать я былъ отозванъ къ Долгорукой (урожденной Сенъ-При). Къ обѣду Долгорукихъ прибыли: Полетика [3]), братъ мужа хозяйки, полтавскій генералъ-губернаторъ князь Николай Долгорукій съ сыномъ, который учился у насъ въ университетѣ, сестра Долгорукихъ, графиня Бержинская съ мужемъ (полякомъ) — и всѣ тутъ. Обѣдъ былъ самый утонченный. Вообще все было умно и натурально, что я страхъ какъ люблю. Послѣ обѣда хозяйка меня попросила изъ Лермонтова

[1]) Вѣроятно Александру, поэту и сотруднику Современника.

[2]) Ивана Ивановича, извѣстнаго ученаго, профессора, позже предсѣдателя II Отдѣленія Академіи Наукъ († 1863).

[3]) Петръ Ивановичъ, сенаторъ, ум. 1849 г.

прочесть сказку о купцѣ Калашниковѣ. Я исполнилъ съ удовольствіемъ. На чай отправился я къ Балабинымъ, гдѣ читалъ главы три изъ Ундины.

Четвергъ (15 января). Вставши пошелъ прогуляться. Послѣ въ правленіе и на экзаменъ гувернантокъ. Такъ какъ обѣдать я былъ званъ къ графу Местру въ 5 часовъ, то осталось время и заниматься дома. Наконецъ, я отправился къ Балабинымъ, чтобы ѣхать вмѣстѣ съ ними на обѣдъ. Графъ и графиня живутъ одни, двое умныхъ и живыхъ стариковъ. Нельзя изобразить, какъ интересно видѣть 80-тилѣтняго гр. Местра со всею готовностію души участвовать въ умственныхъ занятіяхъ. До сихъ поръ онъ пишетъ брошюры по части физики и отсылаетъ ихъ въ Парижъ. Еще за два года онъ написалъ нѣсколько картинъ масляными красками. У него зрѣніе и слухъ вполнѣ сохранились до этихъ лѣтъ. Обѣдъ былъ самый роскошный. Графиня говоритъ, что въ ея положеніи это одно удовольствіе ей осталось. Она родная тетка жены А. Пушкина и была по отцѣ Загряжская. У нихъ была воспитанница Иванова, которая теперь замужемъ въ чужихъ краяхъ и которой въ альбомъ нѣкогда Жуковскій написалъ одну изъ лучшихъ своихъ пьесъ: *Поляны мирной украшенье* [1]). На вечеръ я поѣхалъ къ Александрѣ Осиповнѣ.

Пятница (16 января). Лишь всталъ, поѣхалъ на освященіе церкви въ школу Принцессы, гдѣ была, кромѣ Александры Осиповны, и княгиня Оболенская, сестра вашего графа Мусина-Пушкина. Церковь маленькая, какъ самое заведеніе. Но усердіе Принца и Принцессы очень умилительны. Возвратясь домой, нашелъ карточку маркиза А. И. Траверсе. Весь вечеръ я никуда не выѣзжалъ. У меня простуда. Какъ-то доѣхалъ ты? Что сталъ дѣлать и какія привезъ отсюда воспоминанія? Нетерпѣливо жду твоего письма. Александъ Армфельтъ уже попросилъ у меня письменно привиллегій нашихъ профессоровъ.

2.

(Гротъ — Плетневу) *Гфорсъ, $8^1/_2$ ч. утра, 15 января 1842.*

Мы прибыли домой вчера въ 6 ч. послѣ обѣда. Третьяго дня въ 7 час. пріѣхали мы въ Борго; по случаю ярмарки, которая тамъ началась вчера, ни на станціи, ни у мадамъ Астеніусъ (въ гостиницѣ) не было комнатъ. Къ счастію, у сестры есть тамъ знакомыя дамы (родня Грипенбергъ), которыя приняли ее. Я же отправился къ Эману и очень радъ былъ его предложенію ночевать у него. Въ этотъ день къ вечеру мнѣ очень нездоровилось и даже я чувствовалъ сильную лихорадку. Но близъ Гельсингфорса нездоровье начало проходить.

[1]) „Мотылекъ и цвѣты", срв. соч. Жуковскаго, изданіе Ефремова, т. II, стр. 389.

Двѣ первыя ночи мы ѣхали сплошь. Дорога, особливо до Фридрихсгама, чрезвычайно поката съ обѣихъ сторонъ, и мы часто были въ опасности опрокинуться. Два раза это и случилось въ половину, да одинъ разъ вполнѣ. Въ Выборгѣ видѣлся я съ книгопродавцемъ. Онъ далъ мнѣ деньги за 10 проданныхъ имъ экземпляровъ Фритіофа. Я вручилъ ему 4 экземпляра „Исторіи" Александры Осиповны и 10 экземпляровъ маленькой Священной Исторіи съ тѣмъ, чтобы онъ продавалъ ихъ по той же цѣнѣ, какъ въ Петербургѣ. Онъ надѣется распродать ихъ. Дома нашелъ письма отъ тебя, отъ брата и отъ Форстера, который въ восхищеніи отъ письма Александры Осиповны. Этотъ человѣкъ изъявляетъ мнѣ всякій разъ свою дружбу въ такихъ преувеличенныхъ выраженіяхъ, что я совсѣмъ не знаю, какъ понимать его. Мы очень мало другъ друга знаемъ и рѣдко видимся въ Гельсингфорсѣ. Еще нашелъ я дома, при отношеніи вашего совѣта, диссертаціи и проч., которыя ты прислалъ мнѣ.

Маменька ждала насъ съ нетерпѣніемъ и очень обрадовалась пріѣзду нашему. Спасибо знакомымъ нашимъ, что они ее такъ усердно посѣщали.

Еще разъ благодарю тебя и дамъ твоихъ за ваши ласки ко мнѣ, изъ-за которыхъ воспоминаніе объ этихъ 10 дняхъ, проведенныхъ въ Петербургѣ, всегда останется мнѣ драгоцѣннымъ.

Весело было мнѣ войти съ дороги въ мою комнатку, гдѣ всѣ предметы будто старые друзья мои, но при мысли, что въ нее не войдетъ ни одинъ живой другъ, стало мнѣ немного грустно. Прощай.

Отосланы ли экземпляры Альманаха въ книжныя лавки? Наблюди, пожалуйста, чтобы сдѣланы были объявленія. Да нельзя ли ихъ убѣдить, чтобы они малую толику и Альманаха и Фритіофа послали въ Москву. Тогда, по крайней мѣрѣ, хоть нѣсколько экземпляровъ продалось бы и тамъ.

3.

(Гротъ — Плетневу) ***Гфорсъ субб., 4 ч. послѣ об., 17 янв., 1842.***

И я люблю писать къ тебѣ, и по той же причинѣ, но иногда нужнѣйшее дѣло злодѣйски препятствуетъ перепискѣ. Къ подробностямъ нашего пути могу прибавить, что смотрителю таможни въ Бѣлоостровѣ я, остановясь для предъявленія подорожной, послалъ экземпляръ Альманаха. Онъ, не смотря на холодъ, самъ въ халатѣ вынесъ подорожную, благодарилъ за книгу и пожелалъ счастливаго пути, прибавивъ, что „любопытно будетъ прочитать". На станціи Хегфорсъ у водопада) намъ прислуживала такая чудесная дѣвочка (лѣтъ 15), что можно было влюбиться. Въ Борго я жилъ въ комнатѣ Эмановой тёщи, уѣхавшей въ Петербургъ, и въ ротъ ничего не взялъ, кромѣ 2-хъ стакановъ гогель-могелю. Извѣстіе о чтеніи Альманаха мнѣ было очень

неожиданно и пріятно. Посмотримъ, станетъ ли терпѣнія прочесть весь Альманахъ. Кажется, всѣ статьи должны бы заинтересовать. Потрудись еще послать къ Кутузовой (Голенищевой) [1]) Надеждѣ Никитичнѣ одинъ экземпляръ, если ея имени не было на моей запискѣ.

До сихъ поръ я еще никуда не выходилъ, даже не былъ ни у Теслева, ни у ректора, а обоихъ увѣдомилъ письменно. Это нужно было потому, что слѣды простуды опять было показались въ безпрестанномъ кашлѣ, и проч. Теперь, наконецъ, я здоровъ совершенно и завтра ѣду или иду съ визитами.

4.

(Гротъ — Плетневу) ***Гфорсъ, понед., 9½ ч. в. 19 янв., 1842.***

Въ субботу вечеромъ я былъ у Акіандера, а вчера поутру пошелъ дѣлать визиты. Сперва былъ у Теслева, который сказалъ мнѣ, что готовился ѣхать ко мнѣ. Онъ нашелъ, что я почти въ урочный *часъ*, а не только день пріѣхалъ. Я далъ ему экземпляръ Альманаха. Потомъ былъ я у Цигнеуса, у Армфельтовыхъ, у Пушкиной, у Демидовой, у Клинковстремовыхъ (старикъ все подагрой страдаетъ) и у обоихъ Гартмановыхъ (обоихъ не засталъ). Всѣ спрашивали о тебѣ. Послѣ обѣда Матильда прислала мнѣ собственноручную записочку съ просьбою написать ей *des vers bien drôles*, которые бы она могла завтра сказать брату для его рожденія. Я отвѣчалъ, что, имѣя много дѣла, написалъ бы что-нибудь слишкомъ плоское и тяжелое, и потому лучше не приниматься. Остальную часть дня я не выходилъ изъ комнаты.

Сегодня также весь день сидѣлъ дома, потому что горло все еще болитъ. Поутру были у меня Валленъ и Моландеръ [2]). Валленъ ужасно подурнѣлъ. Просилъ поправлять ему упражненія въ русскомъ: пожалуй. Я далъ обоимъ русскихъ книгъ. Валленъ выпросилъ Современникъ. Онъ сказалъ мнѣ, что Погодинъ просилъ у нихъ статей о Финляндіи; тогда Валленъ потребовалъ у него Современникъ, который оказался даже не разрѣзаннымъ. Вотъ, говоритъ, какъ онъ интересуется Финляндіей, а проситъ статей. Моландеръ перевелъ Шевыреву статью, здѣсь напечатанную о моемъ Фритіофѣ. Шевыревъ хотѣлъ ее помѣстить въ Москвитянинѣ съ своими прибавленіями. Сегодня отправилъ я къ Кронсу пакетецъ для Александры Осиповны, т. е. для „Звѣздочки". Кронсъ, пасторъ старшій, ѣдетъ завтра въ Петербургъ и хотѣлъ тебя навѣстить.

Отвѣтъ. Замѣтилъ я приписку твою внутри пакета. Вотъ какъ ты часто простужаешься, а все хвалишься. Лучше одѣвайся потеплѣе, да

[1]) Н. Н. Голенищева-Кутузова, жена генералъ-лейтенанта Логина Ивановича, рожд. Коведяева, ум. 1848 г.

[2]) Молодые люди, бывшіе въ Москвѣ для занятій русскимъ языкомъ.

будь осторожнѣе. Для петербургскаго климата и образа жизни нѣтъ крѣпкихъ натуръ; они всякую сломятъ. Ты спрашиваешь, что я сталъ дѣлать. 1) готовлюсь къ лекціямъ: пишу ихъ по-шведски и читаю историческіе учебники и книги; 2) читаю всякую всячину (однакожъ, не безъ выбора); 3) держу корректуру шведскаго Альманаха, въ которомъ кончается первая статья; 4) пишу для „Звѣздочки" и письма. Сегодня я послалъ въ книжную лавку нѣсколько экземпляровъ Альманаха и дѣтскихъ „Исторій". Хорошо, что ты далъ Балабинымъ экземпляръ. Можешь давать, кому угодно. Что имъ въ лавкѣ лежать! Мнѣ кажется, что этой книгѣ суждено сгнить въ лавкахъ. Ужъ не раздѣлить ли прочіе экземпляры между остальными книгопродавцами въ Петербургѣ на Божію волю?

Вчера я весь день просидѣлъ дома. Поутру былъ у меня часа два Веттергофъ. Онъ чрезвычайно доволенъ стихами, въ концѣ моей статьи объ университетѣ, хотя и знаетъ ихъ только въ переводѣ.

Жизнь, которую я началъ вести съ однѣми книгами, такъ мнѣ нравится, что я серіозно намѣренъ гораздо рѣже выходить въ свѣтъ, который послѣ этихъ занятій кажется такъ пустъ и скученъ. Сегодня послѣ обѣда я былъ въ книжныхъ лавкахъ и у Урсина. Послѣ пошелъ я къ Эттеру, гдѣ была маменька. У генерала голова болѣла. Мнѣ стало тамъ такъ скучно, что я черезъ ¼ часа уѣхалъ домой.

Говорятъ, что Лавоніусъ пріѣхалъ, но я его еще не видѣлъ.

Четвергъ. Сегодня я начну свои лекціи.

5.

(Плетневъ — Гроту) ***Спб., вторн., 20 янв. 1842.***

Отвѣтъ на письмо отъ 15 января. Всѣ экземпляры Альманаха отосланы по росписанію твоему. У экзекутора заведена книжка, въ которую онъ вписываетъ все, до книгъ твоихъ касающееся.

Отвѣтъ на письмо отъ 17 января. Какъ финляндская почта поправилась. Вообрази: первое твое письмо я получилъ въ субботу, а второе во вторникъ, тогда какъ прежде по воскресеньямъ и средамъ насилу бывало дождешься. Ты много слишкомъ вообразилъ, что будемъ читать весь Альманахъ по вторникамъ. И первую-то статью я выбралъ на рискъ. Не надобно во зло употреблять терпѣніе такихъ дамъ. Имъ нужно выбирать чтеніе самое легкое и увлекающее, чего нельзя сообщить слишкомъ дѣльнымъ историческимъ и топографическимъ пьесамъ.

Журналъ. Суббота (17 января). Утромъ я былъ на лекціи. Чувствовалъ остатокъ простуды. Между тѣмъ, будучи званъ на обѣдъ къ Лонгиновой въ 4 часа, боялся прогнѣвить сію особу, и безъ того частенько на меня дующуюся, велѣлъ заложить карету, и поѣхалъ туда. Изъ

твоихъ знакомыхъ тамъ обѣдалъ Гофманъ [1]), который уже, кажется, вошелъ во всѣ дѣла Вилламова [2]), ибо сей, разбитый мгновенно параличемъ, вдругъ утратилъ возможность продолжать свою дѣятельность. Даже если онъ и не умретъ, все уже не возвратится къ должности, будучи лишенъ употребленія всѣхъ членовъ правой стороны.

Воскресенье (18 января). День былъ божественный. Но я не сдѣлалъ ни шагу со двора, стараясь укрѣпиться въ здоровьѣ и занимаясь на свободѣ своимъ дѣломъ. Вечеромъ ко мнѣ прибылъ Савичъ и Панаевъ молодой. Мы пили втроемъ у меня чай и болтали.

Понедѣльникъ (19 января). Опять день прелестный. Я утромъ прогулялся. Послѣ принялся за дѣло. Вечеромъ я былъ въ совѣтѣ. Порошинъ просится на годъ за-границу, представивъ планъ путешествія. Совѣтъ одобрилъ. На чай съ Порошинымъ и Савичемъ я поѣхалъ къ Александрѣ Осиповнѣ. Она была очень весела.

Вторникъ (20 января). Для Государыни я продолжалъ Дубровскаго, который ей ужасно нравится. Послѣ ѣздилъ съ визитами.

Спб., пятн., 23 янв. 1842.

Журналъ. Среда (21 января). Утро провелъ я на лекціи въ университетѣ. Видѣвшись тамъ съ Никитенкой, узналъ отъ него, что вечеромъ сегодня онъ будетъ въ маскарадѣ Дворянскаго собранія. Ему хотѣлось, чтобы и я съ нимъ сошелся тамъ. Не обѣщавъ этого навѣрное, я однако же остался при мысли: зачѣмъ не сдѣлать такого дурачества? Предполагая впрочемъ, не забѣжитъ ли кто ко мнѣ по случаю среды, я приказалъ освѣтить салонъ и расположился тамъ за чтеніемъ. Дѣйствительно, навѣяло ко мнѣ Егора Энгельгардта. Онъ, по обыкновенію, наговорилъ мнѣ кучу новостей о старинѣ—и мы съ нимъ вдвоемъ пили чай: я китайскій, а онъ невскій. По уходѣ Энгельгардта я до ½ 12 одинъ еще занимался. Тутъ вдругъ надѣлъ черный фракъ да бѣлыя перчатки — и пѣшкомъ отправился въ Дворянское собраніе. Народу было множество. Изъ Императорской фамиліи, кромѣ Наслѣдника и Принца Ольденбургскаго, всѣ особы мужскаго пола. Наша финляндка Насакина [3]), опять тутъ блестѣла. Она пріѣхала надолго гостить у баронессы Мункъ. Не смотря на пестроту и безчисленность собранныхъ людей, я все-таки чувствовалъ себя довольно одинокимъ. Нѣсколько масокъ принимались тормошить меня, но немного выжали. Скажи Матильдѣ: я цѣлый вечеръ думалъ про маскарадъ прошлаго года; тогда мнѣ было очень пріятно, хотя и не интриговали меня.

[1]) Андрей Логиновичъ, статсъ-секретарь по дѣламъ управленія учрежденій Императрицы Маріи.

[2]) Григорія Ивановича, предшественника Гофмана, о немъ выше стр. 461.

[3]) Дочь генералъ-маіора Насакина (собст. Nassokin), впослѣд. замужемъ за губернаторомъ Абовскимъ генераломъ Кронстедтомъ.

Четвергъ (22 января). Я всталъ не рано и отправился въ правленіе. Еще во вторникъ писала ко мнѣ Смирнова, чтобы я пріѣхалъ къ ней обѣдать для совѣщанія о бѣдѣ Гоголя, котораго романъ (Мертвыя души) не пропускаетъ московская цензура. Я было сегодня ей назначилъ это свиданіе, но вчера ея мужъ, въ маскарадѣ, объявилъ, чтобы я обѣдалъ у нихъ въ пятницу. Итакъ, сегодня остался я обѣдать у себя. Въ 7 часовъ поѣхалъ съ отвѣтомъ объ одномъ университетскомъ дѣлѣ къ Энгельгардту, и отъ него на чай къ *звѣздочкѣ* [1]).

Пятница (23 января). Утро былъ дома и занимался то университетскими, то своими дѣлами. Меня навѣстилъ графъ Мусинъ-Пушкинъ, вашъ землякъ. Смирнова показала мнѣ письма Гоголя: одно къ ней, другое къ старому цензору Ревизора [2]). Послѣднее написано съ большимъ чувствомъ и съ полнымъ достоинствомъ. Мы условились передать его Великой Княгинѣ Маріи Николаевнѣ, для врученія по адресу. Не знаемъ, какой это возьметъ оборотъ. Что-то скажетъ министръ, если ему будетъ передано?

6.

(Гротъ — Плетневу) ***Гфорсъ, четв., 22 янв., 1842.***

Сегодня поутру мнѣ сильно нездоровилось: все еще слѣды петербургской простуды. Однакожъ, послѣ кофею въ 11-мъ часу сдѣлался кризисъ и я пошелъ гулять. Въ 5 ч. пошелъ я въ первый разъ на лекцію: аудиторія была многочисленна, я читалъ о Дмитріи Самозванцѣ, и, кажется, было довольно интересно: я собралъ всѣ подробности. По выходѣ молодой Валленъ, бывшій тамъ же, проводилъ меня до половины дороги. Вечеромъ продолжалъ я чтеніе романа одной шведской дѣвицы (Бремеръ). Прелесть (сцена въ Норвегіи).

Суббота (24 января). Вчера утромъ былъ въ типографіи. Гулялъ и готовился къ русской лекціи. Читалъ о „Словѣ о Полку Игоревѣ“. Было человѣкъ 25, и слушали внимательно. Выходя, увидѣлъ я Цигнеуса, который радъ былъ, что такъ кстати пришелъ. Онъ собственно пришелъ поосмотрѣться, потому что сегодня начинаетъ публичныя лекціи о новѣйшей исторіи. Ихъ будетъ до 15-ти; платятъ по 3 руб. сер. Чтеніе будетъ въ философской аудиторіи по вторникамъ и субботамъ. Онъ хотѣлъ, чтобы я даромъ ходилъ, но, разумѣется, я возьму билетъ. Онъ бѣденъ и всегда нуждается. Это здѣсь первый примѣръ такихъ чтеній; посмотримъ, какое-то они найдутъ поощреніе. Потомъ мы вмѣстѣ гуляли. Вечеромъ были у меня: Фрибергъ (нашъ пріятель изъ Кюро), Готлундъ, Клинковстремъ молодой и Лундаль.

Передъ тѣмъ получилъ 2 ваши письма. Далъ ли ты экзекутору экземпляръ Альманаха, какъ я просилъ? Когда будешь у Александры

[1]) Т. е. А. О. Ишимовой.

[2]) Государю Николаю Павловичу.

Осиповны, пошли оттуда экземпляръ Петерсону[1]), живущему недалеко въ 4-й линіи, да другой Эйлеру, Якову Леонтьевичу[2]). Второпяхъ я всѣхъ ихъ позабылъ. Не забудь также послать экземпляръ Жуковскому, или обождать его пріѣзда? Думаю, что отрывки изъ твоей статьи „Финляндія въ русской поэзіи", и Ленротовой „О мужикахъ-поэтахъ" могли бы понравиться высокимъ слушательницамъ, впрочемъ, не думай, что я ищу этого чтенія; напротивъ, вѣрнѣе не читать. Если мой Альманахъ засядетъ въ книжныхъ лавкахъ, я найду для него хорошее употребленіе: буду дарить студентамъ, дѣлающимъ успѣхи въ русскомъ языкѣ, тогда они чрезъ сравненіе съ шведскою частію могутъ еще далѣе подвигаться. У тебя была простуда, а ты, чтобы не прогнѣвить ничтожной особы, пренебрегъ простудой. Какъ умно! Вотъ суета, похожая на столицу! Къ чему лѣта и опытность, когда съ пребываніемъ ихъ не смѣешь ихъ слушаться! Я не вѣрю, чтобы нельзя было пріобрѣсти нѣкоторой независимости, — разумѣется, пожертвовавъ нѣкоторыми выгодами, которыя въ сущности одна суета!

Сегодня поутру приходилъ студентъ экзаменоваться въ русскомъ языкѣ для принятія званія учителя исторіи и географіи въ Кексгольмѣ. За отсутствіемъ Соловьева, я выдалъ ему свидѣтельство. Хорошій, много обѣщающій. Я подарилъ ему Альманахъ.

7.

(Плетневъ — Гроту) ***Спб., вторн., 27 янв. 1842.***

Отвѣтъ. Богъ знаетъ, что̀ это за почты въ Финляндіи или, вѣрнѣе, въ Россіи, приходящія изъ Финляндіи. Четверговое твое письмо разъ привезутъ въ субботу, а въ другой разъ и до понедѣльника жди. По Погодину, который не разрѣзываетъ не свой журналъ, можешь судить, какова любознательность всѣхъ нашихъ журналистовъ, занимающихся всемірною библіографіею. Шевыреву отправлены Фритіофъ и Альманахъ. Кронсъ у меня не былъ. Да и лучше: на какомъ діалектѣ я бы сталъ съ нимъ разговаривать?

Альманахъ я далъ многимъ: Великой Княжнѣ Ольгѣ Николаевнѣ, обоимъ Максимовичамъ, и проч. Всѣ имена велѣлъ вписать въ расходную Альманаха книгу. Твоя рѣшимость жить съ книгами — хороша, если не превратится въ крайность. Я полагаю, что для нашихъ успѣховъ въ самой учености необходимо нужно освѣжаться развлеченіемъ хорошаго общества, подобно тому, какъ послѣ комнатнаго самаго чис-

[1]) Карлу Александровичу, служившему въ государственномъ совѣтѣ, сотрудничавшему и въ Современникѣ.

[2]) Служившему въ артиллерійскомъ департаментѣ, товарищу дѣтства Я. К. Грота.

таго воздуха, все-же нуженъ открытый. Ты получишь только 3 экземпляра Современника по условію нашему: 1 для тебя, 1 для Акіандера и 1 въ Борго. А все-таки отрапортуй, что посланные-де экземпляры Современника получены. Буде крайне кому понадобятся — напиши: можно и еще выслать.

Журналъ. Суббота (24 января). Утро въ университетѣ на лекціяхъ. До обѣда въ кабинетѣ съ дѣлами по должности. Обѣдъ у П. Максимовича. Отъ него зашелъ къ Савичу познакомиться съ молодою.

Воскресенье (25 января). Былъ у Маврина, который наканунѣ ко мнѣ приходилъ съ визитомъ; не засталъ дома, какъ онъ меня. Былъ у Растопчиной, которая все больна, почему и тебя не могла принять, о чемъ вспоминала съ сожалѣніемъ. Обѣдали и вечеръ провели у меня мы одни.

Вторникъ (27 января). Утро провелъ частію въ кабинетѣ, частію въ университетѣ. Великая Княжна Ольга Николаевна не занималась по причинѣ экзамена въ Смольномъ монастырѣ. Вечеръ провелъ у Балабиныхъ.

8.

(Гротъ — Плетневу) ***Гфорсъ, среда, 28 янв. 1842.***

Въ послѣднемъ письмѣ твоемъ удивило меня, что въ немъ нѣтъ *отвѣта*, тогда какъ, мнѣ кажется, я не пропустилъ еще ни одной почты. Можетъ быть, я ошибаюсь: изъ послѣдующаго письма ты вѣрно уже знаешь, всѣ ли исправно дошли до тебя. Твое присутствіе въ Дворянскомъ собраніи доказываетъ, что ты пока мудрецъ только по теоріи, а не на практикѣ (по крайней мѣрѣ, не всегда). Матильдѣ я уже разсказалъ, какъ ты ее вспоминалъ на маскарадѣ. Посмотримъ, какъ-то рѣшится судьба „Мертвыхъ душъ". Въ прошлую субботу я пошелъ на первое чтеніе Цигнеуса. Набралось множество слушателей, но между ними не мало даровыхъ, особливо студентовъ. Были и дамы, даже Аврора Демидова, Матильда съ матерью и другія. Однакожъ, ораторъ не очень-то насъ удовлетворилъ. Много кудрявыхъ фразъ и вообще больше словъ, чѣмъ дѣла. Было, впрочемъ, одно вступленіе. По выходѣ изъ залы, я поймалъ Цигнеуса и на прогулкѣ съ нимъ сказалъ ему откровенно нѣсколько замѣчаній, съ которыми онъ согласился.

Въ воскресенье утромъ сдѣлалъ я два-три визита и радёшенекъ былъ, что никого не засталъ. Ко мнѣ приходили: молодой Гартманъ и потомъ Валленъ (магистръ) съ приглашеніемъ къ Демидовой для совѣщанія по случаю сюрприза для сестры ея [1]), уѣхавшей на нѣсколько дней въ Або къ вдовствующей графинѣ Ребиндеръ. У Демидовой было

[1]) Графини Мусиной-Пушкиной.

отборное общество. Не знаю, чѣмъ я успѣлъ внушить ей большую довѣренность къ своему умѣнію, но только она все со мной совѣтовалась. Принята ея мысль: сыграть нѣсколько сценъ изъ дѣтства ея сестры, потомъ дѣти ея представятъ небольшую комедію на нѣмецкомъ, а наконецъ явится сцена изъ будущаго графини — изъ ея старости. При этомъ я долженъ быть чародѣемъ, вызывающимъ всѣ эти сцены. Я было не соглашался, но уговорили: да такъ и быть, труда тутъ мнѣ не много, а слишкомъ разсыпаться я не намѣренъ. Передъ тѣмъ былъ у меня женихъ Розины, Лавоніусъ, который мнѣ опять понравился. Но онъ какъ-то очень необщителенъ, по-русски говоритъ хорошо, но не совсѣмъ правильно. Очень желаетъ со временемъ и даже вскорѣ переселиться въ Финляндію, что̀, вѣроятно, и удастся ему. Въ понедѣльникъ былъ вечеръ у тайнаго совѣтника Гартмана, куда и меня позвали. Тамъ немного плясали подъ фортепіано. Находили, что я ужасно похудѣлъ; это я и самъ замѣчаю. Простуда моя совсѣмъ прошла, но при большихъ занятіяхъ не пополнѣешь. Обращеніе жениха и невѣсты мнѣ очень понравилось. Они совсѣмъ не играютъ роль *inséparables* и вовсе не чуждаются людей постороннихъ. На невѣстѣ была твоя брошка. Она много разспрашивала о тебѣ и Олѣ. За ужиномъ отецъ Гартманъ тоже интересовался тобой. Я имъ передалъ твой поклонъ. У т. с. Гартмана комнаты убраны аристократически; онъ купилъ бывшій домъ своего брата, и теперь его узнать нельзя ни внутри, ни снаружи.

Вчера послѣ своей лекціи я остался въ университетѣ слушать Цигнеуса. Опять тѣ же недостатки. Потомъ къ Демидовой для дальнѣйшихъ условій и нѣкоторой репетиціи. Дѣти играли премило; остальное не совсѣмъ еще клеится; я не репетировалъ. Гартманъ былъ съ дочерьми, но безъ жениха (здѣсь это дѣло обыкновенное, что женихъ безъ невѣсты и невѣста безъ жениха являются въ гостяхъ, а у васъ какъ?). Гартманъ разсказывалъ мнѣ, что онъ надѣется, что дочь его будетъ счастлива: жениху хоть уже за 40, но онъ еще въ полной силѣ; у него душа глубокая, но иногда подверженная припадкамъ меланхоліи. Все это сказалъ мнѣ самъ отецъ; надѣется, что меланхолія пройдетъ. Опять хозяйка безпрестанно удостоивала меня призыва на совѣтъ... Голодный, я однакожъ, не дождавшись ужина, возвратился домой и вознаградилъ себя ломтемъ чернаго хлѣба съ водой.

Сегодня поутру одинъ студентъ экзаменовался у меня въ русской исторіи.

Опять я долженъ былъ браниться въ типографіи: ужасно тихо подвигается печатаніе шведской части. Продажа также очень плохо идетъ. Въ газетахъ обѣщали было объявить во второй разъ сегодня, и обманули. Что значитъ, что Юнгмейстеръ не публикуетъ о нашемъ Альманахѣ въ Пчелѣ? Ужъ не издателей ли это штука? Хоть я и не

смѣю слишкомъ безпокоить тебя комиссіями, однако по необходимости прошу: вели объясниться съ Юнгмейстеромъ и озаботься, чтобы, по крайней мѣрѣ, сдѣланы были нужныя публикаціи о нашемъ Альманахѣ. Признаюсь, я не могу безъ грустныхъ размышленій видѣть, съ какою холодностью даже самые близкіе люди встрѣтили трудъ, который былъ предпринятъ и исполненъ съ такимъ жаромъ и постоянствомъ. Ни отъ кого еще я не слышалъ, чтобы онъ сказалъ свое мнѣніе о той или другой статьѣ; тамъ, гдѣ читаются всевозможныя газеты и журналы, мой Альманахъ валяется не разрѣзанъ; вѣроятно, такова или почти такова же его участь и въ рукахъ всѣхъ тѣхъ, кому достались экземпляры этой книги. Да ты самъ прочелъ ли въ ней всѣ статьи? Что же не скажешь, каковы похожденія Кастрена, мысли Эмана, шутки Ленрота, выдумки Одоевскаго? Когда я говорю, что это рождаетъ во мнѣ *грустныя размышленія*, я выражаюсь невѣрно. Я изъ этого только поучаюсь...

9.

(Плетневъ — Гроту) ***Спб., пятн., 30 янв. 1842.***

Отвѣтъ на письмо отъ 22 января. Теперь, когда ты прошелъ въ исторіи эпоху Дмитрія Самозванца, какъ бы хорошо было прочитать (разумѣется, съ понимающими языкъ) Бориса Годунова пушкинскаго! Какъ думаешь? Вѣдь это лучшая у насъ исторія сей эпохи. Хотѣлось бы мнѣ хоть капельку почувствовать, въ чемъ именно прелесть романа Бремерши. Въ краскахъ? въ характерахъ, въ завязкѣ? или въ жизни поэзіи? Слово о полку Игоревѣ, кажется, трудновато представить, какъ вещь обще-интересную. Для русскихъ еще такъ и сякъ; а для иностранцевъ много затрудненій. Разскажи мнѣ обстоятельнѣе о сущности и результатѣ лекцій Цигнеуса. Глубокъ ли онъ? Краснорѣчивъ ли? Или просто ученъ? По твоему распредѣленію я далъ всѣмъ по экземпляру Альманаха. Раздавать Альманахъ вашимъ студентамъ, конечно, можно — только въ умѣренномъ числѣ, съ выборомъ людей, чтобы не подумали, что ты не знаешь, куда съ нимъ дѣваться.

Журналъ. Среда (28 января). Утро — лекціи и университетскія дѣла. Передъ обѣдомъ я прогуливался. Предвечеріе провели въ моемъ кабинетѣ. Читали въ рукописи (присланной для Современника) скучную чью-то Кавказскую повѣсть. Отказъ. На вечеръ прибыли: Калмыковъ съ женой, Савичъ съ женой и Никитенко съ женою же. Послѣдніе гости отправились отъ меня во 2-мъ часу ночи. Это Никитенки.

Четвергъ (29 января). До 12 часовъ утра занимался дома. Послѣ пошелъ въ правленіе и на экзаменъ. Представь, какое бѣдствіе постигло домъ Порошиныхъ. За 5 лѣтъ одна изъ его сестеръ, бывъ лѣтъ 15-ти, нечаянно застрѣлила своего родного брата, играя его ружьемъ. Теперь она недавно вышла замужъ. Другой ея братъ (офицеръ) по-

ѣхалъ съ ея мужемъ на охоту, споткнулся на свое ружье, которое выстрѣлило и убило ея мужа.

Пятница (30 января). Рѣшился воспользоваться свободнымъ днемъ и поѣхалъ взглянуть въ школу Принцессы, а оттуда къ ней самой. Возвратясь, дома работалъ до обѣда. Скоро послѣ обѣда явился ко мнѣ Петерсонъ со статьею: „Замѣтки на книгу Капфига о лигѣ, реформаціи и проч“. Статья не дурна. Только есть что-то мелкое въ изложеніи и тонѣ. Однако, я обѣщалъ напечатать ее въ Современникѣ. Онъ за это обѣщалъ мнѣ много другихъ статей.

10.

(Гротъ — Плетневу) ***Гфорсъ, 3 (15) февр., 8½ ч. в. 1842.***

Надобно будетъ пожертвовать еще №№ Современника для Урсина и для Теслева: ихъ неловко лишить, также для Рейна и Гейтлина, потому что первый за Современникъ доставляетъ мнѣ свой ученый журналъ „Финляндія“, а второй свои творенія. Согласенъ съ тобою, что развлеченіе хорошаго общества такъ же необходимо, какъ чистый воздухъ. Но важное дѣло въ вопросѣ: „какъ часто и какъ долго?“ Несносные гости? Да кто же мѣшаетъ тебѣ принимать свои предосторожности противъ такихъ явленій? Нѣтъ, стало быть, довольно сильнаго внутренняго побужденія, которое бы заставляло предупреждать такую потерю времени. Прочесть студентамъ Бориса Годунова Пушкина было бы прекрасно; но не забудь того, что̀ я объяснялъ тебѣ: для чего единственно здѣсь посѣщаются лекціи? Для экзамена. Къ тому же я принялъ въ основаніе историческій порядокъ (при преподаваніи литературы), и отступленіе отъ него дало бы видъ какого-то отсутствія плана. Изъ романовъ Бремеръ я прочелъ только послѣдній и составляющій собственно только картину. Въ немъ удивительная свѣжесть красокъ (сцена въ Норвегіи), много глубокаго чувства и глубокой истины въ изображеніи людей и чрезвычайная простота во всемъ.

Изъ лекцій Цигнеуса я слышалъ только двѣ. Онъ читаетъ по тетради; но, къ сожалѣнію, и здѣсь такъ же запутанъ и многословенъ, какъ вездѣ. Мѣстами мелькаютъ рѣзкія мысли и выраженія, но въ цѣломъ недостаетъ простоты, ясности и интереса. Къ тому же ни декламація его, ни голосъ не удовлетворительны. Впрочемъ, у него полна аудиторія; много дамъ и кавалеровъ высшаго тона, и мнѣнія очень раздѣлены. Одинъ экземпляръ „Исторіи въ разсказахъ“ купила добрая Матильда, въ которой, по крайней мѣрѣ, безпрестанно видно благородное стремленіе. Она вчера призналась мнѣ, что по моемъ пріѣздѣ ее очень огорчало молчаніе мое о тебѣ и Олинькѣ: я, по разсѣянности, не привезъ ей поклона. Я самъ замѣтилъ или, лучше, догадался, по ея мол-

чаливости и унылости, что ей это больно, и, наконецъ, разсыпался въ поклонахъ. Это было нѣсколько дней тому назадъ, а вчера она, милая, сама подтвердила мою догадку: „я, говоритъ, не хотѣла васъ спрашивать о нихъ, пока вы сами не скажете, а вы молчали!“ Порошиныхъ какъ-будто преслѣдуетъ какой-то враждебный рокъ.

Вотъ все, что могу сказать на твои письма, въ которыхъ позволь тебѣ замѣтить одинъ недостатокъ, который, какъ часто бываетъ, происходитъ отъ формальности. Принявъ навсегда одну форму, ты отмѣчаешь мнѣ единственно только однѣ внѣшнія черты твоего существованія. *Гдѣ былъ? кого видѣлъ?* и иногда *что слышалъ?* Вотъ всѣ вопросы, на которые я получаю рѣшеніе въ твоихъ письмахъ. Но *что ты думалъ? что чувствовалъ? чего хочешь?* это и весь *ты* остаешься для меня совершенно закрытымъ. Между тѣмъ, не можетъ же быть, чтобы твое существованіе было до такой степени лишено (говоря словами Бѣлинскаго) *содержанія* и чтобы ты считалъ меня совершенно недостойнымъ сопричастія съ твоимъ духовнымъ бытіемъ. Потому разумнѣе было бы, еслибъ ты, какъ я сначала дѣлалъ, выбиралъ изъ своей ежедневной жизни черты наиболѣе выпуклыя (хоть и не всегда наружныя) и на нихъ долѣе останавливался, оставляя, напротивъ, безъ вниманія другія, чисто-внѣшнія, не имѣющія значенія (содержанія). Мнѣ не то интересно, что ты тамъ-то былъ и оставилъ карточку, а что̀ ты мыслилъ, чему радовался и о чемъ сокрушался. Разсказъ о минутѣ, проведенной дома за сигаркою, но наполнившей твою жизнь какимъ-нибудь прочнымъ (вѣчнымъ) образомъ: вотъ что мнѣ дороже цѣлыхъ часовъ, проведенныхъ тобою въ безсмысленныхъ и безчувственныхъ пространствахъ. Оставимъ формальность и примемся за существенное.

Я послѣ послѣдняго письма моего имѣлъ множество впечатлѣній. Начать съ того, что приготовленіе къ лекціямъ сдѣлалось мнѣ нынче втрое легче, нежели въ прошломъ семестрѣ. Это особенно отъ того, что я теперь пишу ихъ задолго впередъ, и притомъ регулярно по стольку-то (по 5-ти) страницъ въ день. Теперь уже мнѣ нечего бояться, что у меня на часъ не станетъ чтенія, потому что всегда много написано впередъ. Это чрезвычайно важно, потому что оставляетъ мнѣ время для чтенія по тому же предмету другихъ книгъ и придаетъ мнѣ на лекціи смѣлость, какой я прежде не чувствовалъ. Къ русской же лекціи я понемногу готовлюсь въ свободныя минуты уже за нѣсколько дней. Правда, что тутъ для постороннихъ занятій остается времени немного, но, по крайней мѣрѣ, я спокоенъ и могу еще довольно гулять.

Въ четвергъ вечеромъ я былъ у профессора Лауреля и пріятно провелъ время. Тамъ былъ Нервандеръ. Въ пятницу меня навѣстили Акіандеръ и Лундаль, которые оба читаютъ по-шведски корректуру твоей статьи. Переводы Лундаля очень нравятся мнѣ.

Въ субботу былъ день представленія у Демидовой. Я наканунѣ хотѣлъ было отрапортоваться больнымъ—такъ мнѣ не хотѣлось *ломать комедь,* однакожъ я рѣшился не дѣлать этого, чтобы не разстроить предпріятія, а вмѣсто того, — придать своей роли какъ можно болѣе сжатости и благородства. Доставъ у театральнаго директора какой-то черный балахонъ (soi-disant domino), я въ 8-мъ часу поѣхалъ къ Демидовой. Всѣ играющіе уже были собраны и одѣты съ изящною роскошью, — въ старинныхъ костюмахъ. Въ 1/2 9-го часа, когда всѣ гости уже съѣхались, я облекся въ свой балахонъ и, по зову Демидовой, отправился въ комнату, гдѣ сидѣла Пушкина. Я представлялъ привидѣніе, которое является къ людямъ для воскрешенія счастливаго прошедшаго и вызыванія такого же будущаго. Послѣ длиннаго привѣтствія и объясненія на французскомъ языкѣ, я торжественнымъ шагомъ повелъ Пушкину въ другую комнату и велѣлъ явиться своему волшебному зеркалу, въ которомъ она скоро увидѣла сцены своего прошедшаго и будущаго. Между ними я все выходилъ и говорилъ рѣчи съ соотвѣтствующими движеніями. Не знаю, откуда у меня взялась храбрость, только я все это дѣлалъ съ удивительною для меня твердостью и увѣренностью (вѣроятно, отъ похвалъ моему искусству), такъ что всѣ были очень довольны. Теслевъ даже цѣловалъ меня по окончаніи. Найма и Розина говорили, что я совершенно походилъ на „inspiré“. Эттеръ находилъ въ моей игрѣ большую *энергію* и т. п. Наконецъ, мнѣ приписывали успѣхъ всего представленія, которое въ самомъ дѣлѣ шло очень хорошо. Потомъ играли дѣти, — еще милѣе. Послѣ пѣлись маленькимъ хоромъ охотниковъ (amateurs) пѣсни Бельмана; наконецъ, ужинали. Послѣ представленія мнѣ, не смотря на всѣ комплименты, было грустно, потому что я чувствовалъ себя одинокимъ.

Вчера былъ балъ у графа Армфельта (недавно пріѣхавшаго изъ Швеціи и поселившагося здѣсь) [1]) по случаю предстоящей свадьбы его родственницы. По милости доброй Матильды и я былъ позванъ туда. Во время мазурки наша „небесная“ (сестра Наймы) была исполнена любезности. Передъ баломъ я, по здѣшнему обычаю, былъ у нихъ съ поздравленіемъ (въ воскресенье въ церкви ихъ 2-й разъ провозглашали).

Я давно хотѣлъ сказать тебѣ: напиши комментаріи къ сочиненіямъ Жуковскаго и Пушкина. Имѣя въ рукахъ всѣ матеріалы для такого необходимаго сочиненія, ты понесешь стыдъ, если не сдѣлаешь этого.

Сегодня генералъ Рамсай писалъ мнѣ и просилъ участвовать въ пьесѣ, которую у него будутъ играть; прислалъ и пьесу, предлагая взять копію съ роли. Въ отвѣтъ онъ получилъ — отказъ.

[1]) Магнуса, младшаго брата, о немъ см. стр. 279.

11.

(Плетневъ — Гроту) *Спб., вторн., 3 февр. 1842.*

Отвѣтъ на письмо отъ 28 января. Судьба Мертвыхъ душъ еще не вдругъ рѣшится. М. Вьельгорскій хочетъ предварительно показать *(Гоголя письмо)* министру, что и благоразумнѣе. Между тѣмъ, чтобы дать тебѣ идею о цензурныхъ толкахъ въ Москвѣ, я въ № 2 Звѣздочки перешлю тебѣ подлинное ко мнѣ письмо Гоголя. Послѣ при случаѣ ты перешлешь его ко мнѣ. У Цигнеуса это родъ (манера): онъ — какъ я — любитъ кудреватость и тёменъ. Я думаю, оба мы равно лѣнивы и съ претензіями на новость идей и фразъ. Поздравляю тебя съ новой дружбой.

По твоему описанію Лавоніусъ мнѣ очень нравится. Дай Богъ, чтобы онъ съ Розиной во всемъ сошелся. Благодари, пожалуйста, эту милую, несравненную дѣвушку за ея обо мнѣ воспоминанія. Скажи, что сестрѣ нельзя болѣе и искреннѣе желать счастія, какъ я ей желаю. Отцу ея и всѣмъ въ семействѣ передай мои поклоны.

Твою худобу я не считаю за признакъ нездоровья. Это обыкновенный видъ всѣхъ заботливыхъ характеровъ. Лишь бы у тебя сонъ и аппетитъ были въ добромъ состояніи — о прочемъ не безпокойся. У насъ, конечно, почти всегда женихъ съ невѣстою являются вмѣстѣ, но закона нѣтъ на то. И я находилъ, что это уже приторно. Юнгмейстеръ публиковалъ объ Альманахѣ особыми прибавленіями при Инвалидѣ, Сынѣ Отечества и пр. Въ Сѣверной Пчелѣ уголкомъ публикацій завладѣлъ Полевой. Онъ еще не успѣлъ, кажется, напечатать объ Альманахѣ, но будетъ исполнено. Я подарилъ по экземпляру издателямъ Академическихъ Вѣдомостей и Полицейскихъ. Каждый изъ нихъ напечатаетъ публикацію. Первый въ №№ 26 и 27 воспѣлъ уже похвалу твоему переводу Фритіофа.

По впечатлѣніямъ, которыя у меня остались отъ чтенія, самая живая и интересная статья Ленрота, потомъ Кастрена, а послѣ Эмана. Одоевскаго повѣсть нѣсколько вычурна по слогу; но по вымыслу хороша. Сологубова писана слишкомъ наскоро. Онъ проситъ тебя переслать ему копію съ его рукописи, располагаясь тиснуть ее во 2 т. „На сонъ грядущій". Мнѣ кажется, въ литературномъ трудѣ все усладительное и самое благотворное заключается въ томъ, что мы его вкусили и исполнили. Другимъ это — какъ чужое дитя. Хоть случайно и полюбуются на него, но не могутъ и тысячной доли почувствовать родительскаго участія. Для меня твой трудъ объ исторіи Александровскаго университета есть вожделѣннѣйшее, до чего бы я желалъ когда-нибудь достигнуть. Это поэма усилія, ума, вкуса и терпѣнія; конченная исторія; памятникъ жизни; дань любви и уваженія наукѣ и націи. Ничего бы я не желалъ оставить по себѣ, какъ подобный трудъ, въ

которомъ всякій нашелъ бы все, что нужно знать объ избранномъ мною предметѣ.

О доставленіи Альманаха брату и всѣмъ, о комъ ты когда-нибудь упоминалъ — не заботься. Я исполняю все буквально — и даже болѣе, напр., не только Жуковскому, а даже и Тургеневу въ Парижъ послалъ Альманахъ и Фритіофа. Ростовцевъ изъ Современника еще перепечаталъ твою статью и съ именемъ твоимъ: „Знакомство съ Рунебергомъ“. Видишь, что есть еще читатели, которые со вниманіемъ слѣдятъ за добросовѣстными трудами. Конечно, не всѣ... На-дняхъ я получилъ „*Стихотворенія Аполлона Майкова*“. Онъ учился у насъ въ университетѣ. Эта книга меня усладила. Кажется, я читалъ идеи Дельвига, переданныя стихами Пушкина. Непремѣнно выпиши. Еще: *Historica Russiae monumenta*. Это выписки Тургенева, напечатанныя археографической комиссіей. Для университета вашего это прекрасно. Все полатыни.

Журналъ. Суббота (31 января). Въ университетѣ и въ академіи наукъ. Читалъ Полѣновъ [1]) слова для лексикона. Скучное засѣданіе. *Воскресенье (1 февраля).* Работалъ до 3-хъ часовъ. NB. Забылъ сказать, что въ субботу же былъ у Одоевскаго, гдѣ и Крыловъ ужиналъ.

Понедѣльникъ (2 февраля). Работалъ до обѣда. Пошелъ на вечеръ къ Местру. Очень интересно съ нимъ разговаривать.

Вторникъ (3 февраля). До 2 ч. оставался въ кабинетѣ. Пришелъ Савичъ. Я повелъ его къ Местру, гдѣ сидѣли до обѣда. Обѣдалъ у Растопчиной. Она каждый разъ сожалѣетъ, что болѣзнь ея разстроила знакомство съ тобой. Вечеръ у Балабиныхъ. Читалъ въ сотый разъ Онѣгина.

Спб., пятница, 6 февр. 1842.

Журналъ. Вотъ на этой недѣлѣ ты уже пропустилъ почту — и отвѣта не можетъ быть. Дай Богъ, чтобы неисправность твоя была слѣдствіемъ просто лѣни или стеченія лишнихъ удовольствій, даже занятій по службѣ, а не болѣзни. Моя *среда*, какъ и всѣ, началась лекціями въ университетѣ. На вечеръ пришелъ бѣдный Порошинъ, котораго мы еще не видали послѣ тягостнаго удара, постигшаго все его семейство. Они всѣ покоряются Провидѣнію. Еще прибыла чета: Михаилъ Куторга (историкъ) съ женою.

Четвергъ (5 февраля). До 12 ч. занимался дома. Послѣ отправился въ общее собраніе академіи наукъ, бывающее ежемѣсячно разъ послѣ 1 числа въ первый четвергъ. Сначала дѣла шли мирно. Но вдругъ стали читать представленіе историко-филологическаго отдѣленія о Шегренѣ, котораго желаютъ сдѣлать ординарнымъ академикомъ языковъ несла-

[1]) Василій Алексѣевичъ, членъ II отд. академіи наукъ, сенаторъ, начальникъ государственнаго архива, членъ совѣта министерства иностранныхъ дѣлъ, ум. 1851 г.

*

вянскихъ, за исключеніемъ имѣющихъ уже въ академіи своихъ представителей. Неопредѣленность обязанности, возлагаемой на новаго академика, и неувѣренность въ его положительныхъ свѣдѣніяхъ по назначаемой ему части вызвали князя Шихматова на противорѣчіе представленію. Спорили долго и сильно. Наконецъ, я предложилъ мѣру, на которой остановились, чтобы въ будущее засѣданіе члены, желающіе прочитать особыя мнѣнія противъ сего, ихъ принесли въ академію.

Пятница (6 февраля). Утромъ прогуливался, а послѣ остался работать въ кабинетѣ цѣлый день. Были: Николай Саржинскій [1]), пріѣхавшій изъ Одессы, и баронъ Дельвигъ (двоюродный братъ поэта [2]) изъ Москвы. Вечеромъ Петерсонъ читалъ мнѣ новую свою статью: О врожденности идей (противъ Локка). Недостатки: сухость матеріи, смѣшной тонъ и упоминаніе *я* и *господа*.

12.

(Гротъ — Плетневу) ***Гфорсъ, пятн., 6 февр. 1842.***

Сегодняшнее письмо твое особенно меня усладило: въ немъ есть теплота, которой часто посреди разсказовъ о свѣтскихъ визитахъ я тщетно ищу. Цигнеусъ и ты въ способѣ изложенія и самаго мышленія — діаметральныя противоположности. Напрасно ты думаешь, что въ дружбѣ съ *высокою* сестрою можетъ быть что-нибудь прочное. Однакожъ, надобно отдать справедливость, что въ обѣихъ видно хоть нѣкоторое желаніе быть любезными за то, чтò онѣ считаютъ услугою. Ты справедливо называешь Розину милою и несравненною дѣвушкой. Вообрази, что здѣсь всѣ съ истиннымъ сожалѣніемъ говорятъ объ ея отъѣздѣ: не только мужчины, но и дамы! Всѣ понимаютъ и цѣнятъ ее. На истинномъ достоинствѣ есть, однако же, какая-то божественная печать, которой дѣйствіе для всѣхъ равно неотразимо. На послѣднемъ балѣ у Армфельта она мнѣ сказала: Ah, comme je voudrai danser encore une fois avec vous!..

Я уже поправился; я исхудалъ было особенно отъ того, что слишкомъ много сидѣлъ и нарочно ѣлъ чрезвычайно мало.

Зачѣмъ, при публикаціи объ Альманахѣ, не было выставлено содержаніе, какъ всегда бываетъ, когда рѣчь идетъ объ альманахахъ и журналахъ? Тутъ что-то не чисто. Послалъ ли ты Альманахъ Масальскому? Не помню, написалъ ли я объ этомъ на своемъ листѣ. Масальскій присылаетъ мнѣ Сынъ Отечества. Ты совершенно правъ, что въ литературномъ трудѣ только исполненіе его и есть благо. Жаловаться на холодность постороннихъ малодушно. У меня это было

[1]) Почтмейстеръ въ Одессѣ.

[2]) Баронъ Александръ Ивановичъ, инженеръ путей сообщенія, строитель московскаго водопровода.

только минутною слабостью; но о сбытѣ я не могу не заботиться, чтобы хоть сколько-нибудь выручить для облегченія разсчетовъ. Твой отзывъ о моей исторіи университета утѣшителенъ; но и эта статья могла бы быть лучше, еслибъ я работалъ не на срокъ и не сдѣлалъ всего d'une seule haleine. *Historica monumenta* уже выписана; Майковъ внесенъ въ мою настольную тетрадь. Скажи Растопчиной, что для меня ея прошедшая болѣзнь особенно чувствительна.

7 февраля.

Въ пятницу утромъ готовился говорить на лекціяхъ о русскихъ народныхъ пѣсняхъ. Потомъ на вечеръ къ Клинковстрему. Мы пріѣхали въ $9^1/_2$ часовъ, а еще не начинали танцовать. Добрая Розина еще прежде, чѣмъ я успѣлъ выговорить слово, напомнила мнѣ наше условіе, и мы танцовали вторую. Я передалъ ей твое желаніе. Она была тронута, велѣла тебя сердечно благодарить и напомнить обѣщаніе пріѣхать со мною въ Швецію. Она сообщила мнѣ, какъ ей тяжело разставаться съ родиной; иногда она ночи не спитъ отъ этой идеи, и тѣмъ это тяжелѣе, говоритъ, что „я никому не могу открывать этого горя". Не могу согласить этихъ словъ съ любовью глубокою и безпредѣльною; мнѣ кажется, можно на край свѣта, въ Лапландію, спокойно пуститься съ тѣмъ, кого любишь.

Вчера, въ воскресенье поутру, я занимался исторіею и латынью. Былъ на большомъ обѣдѣ у Урсина, которому, какъ ректору, прибавили 600 руб. сер. жалованья въ годъ. Случай — было 50-ти-лѣтіе съ тѣхъ поръ, какъ Гельстремъ записался въ студенты. Этотъ праздникъ я подробнѣе опишу Олинькѣ [1]). Потомъ пошелъ я къ Тенгстрему для пріѣхавшаго сюда на короткое время Рунеберга, котораго жена теперь здорова. Тамъ былъ и Цигнеусъ. Рунебергъ жалуется, что епископъ въ Борго приводитъ положеніе о школахъ въ дѣйствіе съ такою быстротою, что надобно опасаться вреда для воспитывающагося поколѣнія. Оттуда къ тайному совѣтнику Гартману, который давалъ прощальный вечеръ Розинѣ-дѣвицѣ. Уже на столѣ моемъ лежитъ приглашеніе на ея свадьбу, которая будетъ завтра, а въ четвергъ или въ пятницу уже и ѣдутъ. Сегодня женихъ даетъ обѣдъ въ социететгусѣ. Невѣста во весь день, наканунѣ свадьбы, по здѣшнимъ обычаямъ не является чужимъ. Завтра я въ числѣ немногихъ позванъ къ отцу ея на ранній вечеръ. На вчерашнемъ вечерѣ разбили, неловко сѣвъ на подвижной диванъ, прелестнѣйшія ширмы, полученныя на память. Для обрученныхъ хорошій знакъ и по здѣшнему повѣрью. Послѣ ужина танцовали родъ гросфатера, живой и шумный танецъ, въ которомъ самъ хозяинъ болѣе всѣхъ отличался. Онъ и кромѣ того

[1]) Это описаніе, на которое отозвался П. А. Плетневъ (въ письмѣ отъ 17 февраля), дошло до насъ въ печатномъ видѣ, см. ниже, стр. 493.

много танцовалъ. Передъ гросфатеромъ онъ при разнесеніи шампанскаго сказалъ хорошенькую прощальную и благословительную рѣчь для обрученныхъ. Всѣ пили за ихъ здоровье. Разъѣхались около половины 3-го.

Вторникъ 4 ½ часа утра. Вчера въ 3 часа отправился на обѣдъ, и зашелъ въ университетъ сказать вахмистру, что я не могу быть. На обѣдѣ было человѣкъ 30, между прочимъ нѣсколько профессоровъ. Два раза пили здоровье жениха съ *ура;* особенно была хороша рѣчь профессора Ильмони, который всегда говоритъ съ большою теплотою. Послѣ я и нѣкоторые другіе хлопотали, чтобы кто-нибудь провозгласилъ здоровье невѣсты, но не нашлось оратора. Наконецъ, послѣ обѣда уговорили Нервандера, и онъ сказалъ въ шуточномъ тонѣ очень милый тостъ. Потомъ пили здоровье Францѐна и Гартмана, наконецъ, благодарственный тостъ жениху. На этомъ пирѣ я пріобрѣлъ трехъ новыхъ *братьевъ*. Сперва пилъ со мною братство Нервандеръ, объясняя, какъ онъ хорошо понимаетъ отношенія Финляндіи къ Россіи: первая, не теряя своей личной физіономіи, должна быть русскимъ Тиролемъ, о чемъ онъ намѣренъ напечатать статью. Потомъ братался со мною женихъ, а напослѣдокъ Ильмони, котораго я люблю за благородство характера. Возвратясь домой въ 8-мъ часу и чувствуя усталость отъ всѣхъ бдѣній и пировъ, я легъ спать и проспалъ до сей поры.

Среда 4 ¼ часа послѣ обѣда. Исторія вчера не шла мнѣ въ голову. Въ 12 часовъ я, надѣвши мундиръ, отправился въ церковь (старую). Скоро вся она биткомъ наполнилась зваными и незваными. Женихъ въ мундирѣ съ бѣлыми панталонами и дружки стояли около алтаря. Наконецъ, дали знать, что пріѣхала невѣста, и пасторъ явился у алтаря. Отецъ ввелъ Розину; лицо ея было искажено плачемъ. Послѣ краткой и простой церемоніи ее вывелъ женихъ, и всѣ вслѣдъ за ними отправились въ соцьететъ на завтракъ. Тутъ разставлены были столы, у которыхъ принялись кушать стоя. Между тѣмъ играла музыка. Молодые стояли близъ двери и принимали поздравленія. Тутъ лицо Розины совсѣмъ уже перемѣнилось; какъ будто совсѣмъ не плакала, оно блестѣло счастіемъ. Пока большая часть гостей звѣрски объѣдалась, я счелъ приличнѣе разсмотрѣть внимательнѣе нарядъ невѣсты и полюбоваться ею на прощаньи. Она была въ бѣломъ газовомъ платьѣ, на которомъ не было *никакихъ* другихъ украшеній, кромѣ бѣлыхъ померанцевыхъ цвѣточковъ на рукавахъ, на груди и внизу. На головѣ былъ, по здѣшнему обыкновенію, густой миртовый вѣнокъ и длинный вуаль сзади. Уборъ волосъ всегдашній. Какая несравненная простота! На женихѣ видно было внутреннее счастіе, хоть онъ и не показывалъ его. Должно быть глубокая натура.

Надобно было видѣть, какъ искренно выражалось общее участіе къ невѣстѣ; какъ всѣ, безъ различія половъ и возрастовъ, ею восхи-

щались и хвалили ее, какъ она отъ полноты души отвѣчала всѣмъ любовью за любовь. Для всякаго ласковое слово, для всякаго улыбка и любезность. У нея сердце такъ богато и широко, что его становится на всѣхъ. Такой любящей и чувствительной натуры я еще не видывалъ. Во всѣ послѣдніе дни ея дѣвичества я тому дивился, но всего болѣе вчера.

Почти прямо съ лекціи отправился я на вечеръ молодыхъ (у отца). Уже плясали. Невѣста еще прекраснѣе и все также изумительно любезна. По здѣшнему обычаю, она часто должна была отправляться въ сѣни на зовъ постороннихъ людей, приходившихъ смотрѣть ее. Когда между ними случались студенты, раздавались: „виватъ", „ура", „браво", „просто, но прекрасно"; „видя такой пышный цвѣтокъ, мы воображаемъ себя на югѣ" и т. п. А невѣста между тѣмъ, съ своею ангельскою добротой, вертѣлась передъ зрителями на всѣ стороны. Молодой все стоялъ въ дверяхъ или похаживалъ и любовался молодою, изрѣдка только подходя къ ней и подавая ей руку.

Послѣ ужина начались шумныя сцены. (A propos. Я забылъ сказать, что за завтракомъ отецъ Гартманъ передъ шампанскимъ сказалъ милый и трогательный тостъ, отчего невѣста опять прослезилась). Невѣстѣ завязали глаза, и всѣ дѣвицы стали въ кружокъ около нея и начали обходить ее. Она держала въ рукахъ вѣнокъ и должна была положить его на чью-нибудь голову; та, которую выберетъ случай, выйдетъ первая замужъ. И кто же была счастливая: *Найма.* Потомъ сталъ женихъ въ кругъ неженатыхъ кавалеровъ съ завязанными же глазами и платкомъ вмѣсто вѣнка. Жребій палъ на нѣкоего Фалька. За этимъ невѣсту окружили замужнія дамы, и каждая, повертѣвшись съ нею, цѣловала ее не холодно, но съ видимымъ участіемъ. Высокія [1]) долго не рѣшались; наконецъ, когда уже всѣ сдѣлали свое дѣло, то Демидова рѣшилась, но сіятельная сестрица и тутъ не тронулась. Вдругъ смотрятъ — Матильда (по разсѣянности или нарочно) также пустилась вертѣться. Хохотъ, ура и плески! Потомъ мужчины окружили молодого съ тѣмъ, чтобы кто-нибудь изъ женатыхъ внѣ круга выручилъ его. Съ большимъ трудомъ маіоръ Ерне пробился къ нему, уцѣпился за его шею и вытащилъ вонъ. Послѣ на креслахъ подымали, качали съ громкими *ура* сперва невѣсту, потомъ жениха и, наконецъ, отца.

Послѣ всего этого произошла тишина; невѣста начала откалывать цвѣточки свои (присланные Маріею Паткуль) и поочереди дарила ихъ дружкамъ. Тутъ начали прощаться, и зала почти совсѣмъ ужъ опустѣла, когда и я простился. Къ дополненію картины надобно прибавить тебѣ: замѣтное только для наблюдателя, отчаяніе многихъ взды-

[1]) Демидова и графиня Пушкина.

хателей, изъ которыхъ иные уже съ дѣтства знавали Розину. Не одна слеза пролилась въ эти дни по случаю ея счастія. Я даже подмѣтилъ влажные глаза на свадьбѣ. Вотъ разительный примѣръ волшебнаго дѣйствія истинно-человѣчной красоты на все, ее окружающее. Какая другая сила сравнится съ нею, и чьи побѣды завиднѣе? Власти, богатства, генія? Ихъ торжество можетъ быть прочнѣе, но такъ ли оно полно? Судьба бѣдной дѣвушки на цѣлую недѣлю поглотила собою всю тревожную жизнь тщеславнѣйшаго круга. И каждый на это время отдалъ ей часть своей жизни, слилъ часть своего бытія съ ея судьбою. Покуда молодые живутъ у отца: какъ поѣдутъ, и оба ли вмѣстѣ?— еще не извѣстно.

Благодарю за программу для Гартмана и за письмо Гоголя, которое грустно читать. Ростовцевъ [1]) прислалъ мнѣ разныя книги на прочтеніе, за которыя при случаѣ поблагодари его, если я самъ не буду писать.

13.

(Плетневъ — Гроту) *Спб., среда, 11 февр. 1842.*

Чтеніе Пушкина, сколько помню, именно согласно съ планомъ твоихъ лекцій, при составленіи котораго мы говорили, чтобы событія историческія оживлять существующими на ихъ случай произведеніями литературы. Непонятно мнѣ, какъ разсѣянность твоя могла затмить первую обязанность дружбы, т. е., чтобы при свиданіи съ Матильдою передать ей наши поклоны. Дѣйствительно, это молчаніе, послѣ писемъ и подарковъ Розинѣ, могло казаться ей эпиграммою на ея гостепріимство въ Оминне. Поздравляю тебя съ блестящимъ успѣхомъ въ вашемъ высшемъ обществѣ. Теперь тебѣ не дадутъ покоя отъ ролей. Хорошо, что у тебя твердый характеръ: немного выторгуютъ.

О коментаріяхъ къ Жуковскому и Пушкину подумаю. Только нужно быть посвободнѣе, нежели я теперь. Въ 6 livraison, 15 Décembre за 1841 г. Revue des deux mondes я прочиталъ очень замѣчательную статью: De la littérature des Ouvriers par mr. Lerminier. Если у васъ есть этотъ журналъ, взгляни. Какъ живо и вѣрно обрисованъ тамъ Ж. Ж. Руссо! Вчера вечеромъ я возвратился домой поздно. У Маврина былъ балъ. Всѣ Корфскіе были тамъ. Кланяются вамъ. Твое желаніе перемѣнить порядокъ переписки постараюсь привести въ исполненіе, хотя и предвижу, что это лишитъ наши замѣтки многихъ матеріаловъ нашей жизни. Проявленіе внѣшнее не безъ цѣны для обдумыванія уму.

[1]) Яковъ Ивановичъ.

14.

(Плетневъ — Гроту) *Спб., пятн., 13 февр. 1842.*

Твое письмо для Звѣздочки о праздникахъ въ Финляндіи наканунѣ Рождества еще болѣе убѣдило меня, что никто не умѣетъ для дѣтей писать такъ натурально и полезно, какъ ты. Мнѣ сколько разъ ни приходило на умъ что-нибудь сочинить для нихъ, я всѣмъ оставался не доволенъ. Вижу, что я и персонально не умѣю занимать дѣтей, хотя и люблю ихъ. Напр., съ Олей, хоть бы я оставался для нея цѣлый вечеръ, я не умѣю ничего выдумать, чѣмъ бы она отъ души забавлялась. Въ среду мы съ Александрой Осиповной читали „Нашихъ“ [1]) Статья Башуцкаго „Водовозъ“, надѣлавшая здѣсь шуму своею рѣзкостью, ужасно фальшива и напыщенна. У него вездѣ одна тема: что богатые много проживаютъ, а бѣдные много работаютъ. Въ этомъ онъ видитъ ужасное зло, вѣроятно, потому, что, промотавъ свое все, онъ не достаетъ въ долгъ денегъ. Въ его слогѣ есть что-то столь вычурное, утомляющее и смѣшное, что надобно совсѣмъ не понимать искусства писать, чтобы находить его интереснымъ. Еще мы читали для смѣху какую-то статью Александры Зражевской [2]) въ № 1 Маяка, гдѣ она публикѣ разсказываетъ всѣ свои литературныя похожденія и бранитъ журналистовъ на повалъ, представляя ихъ въ видѣ звѣрей. Особенно достается Краевскому, про котораго она говоритъ, что этотъ маленькій всѣхъ злѣй. Позднимъ вечеромъ я былъ на средѣ у С., который разсказываетъ, по чемъ ему Владиславлевъ и Ратьковъ платятъ за повѣсть. Жди тутъ возвышенныхъ чувствъ и любви къ искусству. Я узналъ тамъ, что Вяземскій боленъ и былъ при смерти. Вчера и сегодня я ѣздилъ къ нему. Никого нельзя видѣть. Всѣ при немъ. Сказали, будто доктора нашли его лучше, но онъ не чувствуетъ того. Гоголя романъ графъ Вьельгорскій передалъ цензировать Никитенкѣ, который нашелъ, что за исключеніемъ одного эпизода и нѣсколькихъ выраженій можно его пропустить. Только ждутъ Дондукова, который уѣхалъ на нѣсколько дней въ Москву. Ты слышалъ, что нѣсколько молодыхъ людей переводятъ на русскій языкъ прозою всѣ сочиненія Гёте, выдавая ихъ выпусками. Тутъ участвуетъ извѣстный тебѣ пріятель мой Зубовъ. Онъ приносилъ мнѣ прочитать статью Гёте о Шекспирѣ его перевода. Статья умная и переведена недурно. А что дѣлаетъ наша мечта о сѣверныхъ поэтахъ во французской прозѣ? Но правда, ты слишкомъ уже занятъ, прежде кончи курсы литературы и исторіи русской.

[1]) Очерки А. П. Башуцкаго „Наши, написанные съ натуры Русскими“ (1841).

[2]) Александры Васильевны, писательницы и переводчицы (беллетристки) въ 30-хъ и 40-хъ годовъ.

15.

(Гротъ — Плетневу) ***Гфорсъ, пон., 9 ч. в., 16 (28) февр. 1842.***

Спасибо за Современникъ. Чтеніе Бориса Годунова я самъ, обдумавъ, нашелъ годнымъ, и въ пятницу началъ, но только въ концѣ лекціи, что̀ и впредь буду соблюдать, наполняя первую половину часа объясненіемъ литературной исторіи. Съ чтеніемъ я соединяю, разумѣется, множество коментаріевъ не только о предметѣ, но и о языкѣ, при чемъ прибѣгаю и къ шведскому языку.

Послѣ свадьбы я видѣлъ Розину два раза на вечерахъ у генерала Рамсая и у Пушкиной. Въ пятницу на балѣ у Рамсая она была такъ же прекрасна, какъ всегда: въ голубомъ платьѣ съ бѣлымъ вѣнкомъ на головѣ. Я пришелъ поздно и всѣ дамы уже были ангажированы. Она опять показала мнѣ очаровательную любезность. Вчера у графини она заговорила о своихъ заплаканныхъ глазахъ: утромъ она дѣлала визиты и во многихъ домахъ плакала. Во всю кадриль мы вспоминали прошлое, и въ заключеніе она меня съ чувствомъ просила хорошенько поклониться отъ нея тебѣ, и подтверждала, чтобы я не забылъ и сказалъ, какъ она часто вспоминаетъ о тебѣ. Еще прежде просила нынѣшнее же лѣто пріѣхать въ Швецію, потому что „vous dépendez donc tout à fait de vous-même“. Представь себѣ ея сердечный тонъ, выраженіе лица ея, и пойми, сколько во всемъ этомъ дѣтскаго простосердечія, ангельской невинности и глубокой чувствительности. При окончаніи танца я сказалъ ей вмѣсто благодаренія *Adieu*, и она стала хвалить это слово, въ которомъ такъ много смысла, а прежде радовалась, что въ мірѣ еще есть *souvenir*. Вотъ что значитъ не читать романовъ; будь она знакома съ этой чумой для дѣвушекъ, куда бы дѣвалась естественность?

Среда (18 февраля). Еще два-три слова въ мазуркѣ, и свѣтлое видѣніе пропало, можетъ быть навсегда. Балъ былъ чрезвычайно великолѣпенъ; всѣ комнаты убраны зеленью; хозяйка и особенно сестра ея разряжены чуть не по-царски, сласти приготовлены настоящимъ артистомъ; ужинъ также. Послѣ него вскорѣ Веттергофъ уговорилъ меня ѣхать съ нимъ, и я отправился, и ужъ больше не видѣлъ новобрачной, хотя на другой день и былъ у Лавоніуса: я ему далъ для доставленія Францѐну письмо, русскій Альманахъ, стихи старика вмѣстѣ съ моею статьею на шведскомъ языкѣ и послѣднюю поэму Рунеберга. Отъѣздъ былъ назначенъ на вчерашнее утро; такъ какъ напало снѣгу, то рѣшились ѣхать сухимъ путемъ черезъ Торнео. Объ отъѣздѣ ничего не слышалъ. Сегодня метель ужасная и, что худо, оттепель.

16.

(Плетневъ — Гроту) *Спб., вторн., 17 февр. 1842.*

Какъ интересно письмо твое отъ 6 февраля! Оно дышетъ жизнію и увлекательностью. Господи! сколько божественныхъ обрѣтеній таится въ общежитіи, если оно проникается истинно-человѣческими ощущеніями! Я совсѣмъ не раздѣляю твоего мнѣнія насчетъ діаметральной противоположности между Цигнеусомъ и мною. Напротивъ: это всегда меня поражало, какъ онъ, подобно мнѣ, покоряется влеченію фразъ, не имѣя силы выяснить самую блестящую мысль. Главное: мы оба лѣнивы. Къ намъ приходятъ идеи; мы ловимъ ихъ за край — а никогда не подчинимся труду, чтобы обработать что-нибудь полное и удовлетворительное для всѣхъ.

Хорошо, что бросилъ ты свое постничество. Это такое же насиліе правамъ природы, какъ безвременное бдѣніе и отчужденіе отъ пріятной разсѣянности. Приносить въ жертву любимому труду крѣпость физической природы значитъ желать истребленія труда. Все высокое и прекрасное, эта единственная цѣль истиннаго человѣка, въ единой власти у здоровья. Хворость есть переходъ къ уничтоженію всякаго благого предпріятія.

Вѣроятно, это мое письмо уже не застанетъ Розины въ Гельсингфорсѣ. По крайней мѣрѣ передай Наймѣ и попроси ее непремѣнно написать въ Стокгольмъ, что я напутствую Розину всѣми благословеніями души, братски къ ней привязанной; что хотя и не надѣюсь болѣе увидѣться съ нею, но всегда буду желать этого; что ея воспоминаніе обо мнѣ всегда найдетъ отзывъ въ душѣ моей, — и что здѣсь на землѣ никогда не буду я для нея существомъ чуждымъ. Пожалуйста, выражай самъ Юнгмейстеру свои замѣтки насчетъ публикацій. Ты, какъ его казначей, можешь при случаѣ порядкомъ пугнуть его. Меня же всѣ сочинители и книгопродавцы ненавидятъ, а главное — ни въ грошь не ставятъ. Оттого я никакой ни къ кому изъ нихъ комиссіи не беру на себя. Масальскому, какъ уже я обо всѣхъ писалъ касательно отсылки Альманаха, онъ отправленъ давно. Издержки Альманаха покрыты будутъ: въ этомъ я увѣренъ.

Твой разсказъ о Гёльстремѣ [1]) такъ былъ для меня трогателенъ и такъ прибылъ кстати, что я изъ него сдѣлалъ публичное употребленіе прежде печати. Надобно сказать, что у насъ въ университетѣ въ продолженіе прошлой недѣли были шалости. Студенты разсердились на профессора философіи Фишера, который заносчивъ и рѣзокъ: они въ понедѣльникъ (т. е. на другой день послѣ праздника Гельстрема) за его лекціею шикали и даже свистали. Я хотѣлъ употребить

[1]) Въ недошедшемъ письмѣ къ дочери Плетнева. Былъ тогда же напечатанъ, см. стр. 493.

свою власть, какъ попечитель (за отсутствіемъ Дондукова) и ректоръ. Но Фишеръ упросилъ меня позволить ему дѣйствовать на нихъ морально. Въ среду онъ имъ что-то произнесъ въ видѣ рѣчи — и часть студентовъ ему апплодировала. Я пришелъ въ его аудиторію къ концу лекціи: все было мирно и всѣ мы вышли безъ приключеній. Я думалъ, что исторія тѣмъ и кончилась. Но узнаю, что между ними образовались двѣ партіи. Враги сбирались шумѣть на Фишера еще разъ. Въ субботу я безъ профессора вошелъ въ ихъ аудиторію и со всею искренностью объяснилъ непристойность ихъ поступковъ. Инспекторъ и его помощникъ увѣряли меня, что мои слова затушили все. Между тѣмъ въ воскресенье получилъ я твои письма. У меня мелькнула мысль прочитать имъ праздникъ Гельстрема. Въ понедѣльникъ я опять безъ профессора пошелъ въ аудиторію; развилъ имъ со всею подробностію слова: *моральное достоинство*, *аудиторія*, *профессоръ*, *честь* и *студентъ*. Въ доказательство же, что честь студенческая есть лучшее, что уносимъ мы отъ юношества, я прочиталъ имъ твою статью. Это все вмѣстѣ положило совершенный конецъ волненію — и все теперь въ мирѣ. Сегодня былъ я съ визитомъ у вашего Канцлера и разсказалъ ему подробности обѣихъ вашихъ новостей—свадьбы Розины и 50-тилѣтія Гельстрема.

17.

(Гротъ — Плетневу) *Гфорсъ, субб., 21 февр. 1842.*

Извини неудовлетворительность моего послѣдняго письма. Постараюсь сегодня хоть нѣсколько поправить ошибку. О комментаріяхъ къ Жуковскому и Пушкину подумай хорошенько, и скоро начни. Хорошее начало уже половина дѣла. Тебѣ нравится то, что̀ я пишу для дѣтей. Но мнѣ кажется, и ты и всякій, кто *былъ* ребенкомъ, долженъ бы умѣть также писать. Въ дѣтствѣ воображеніе такъ живо, впечатлѣнія такъ сильны, что врѣзываются на всю жизнь, и все, что я теперь мараю, не что иное, какъ повтореніе собственныхъ ощущеній. Тогда-то я, какъ вѣроятно и всѣ дѣти, былъ истиннымъ поэтомъ. Боже мой! какой рай прекрасныхъ чувствъ и понятій тогда разцвѣталъ въ душѣ моей! И все, что я тогда узнавалъ и чувствовалъ, тѣмъ сильнѣе оживляется въ памяти моей, чѣмъ я далѣе иду въ жизни. Это доказываетъ глубокую поэзію дѣтства; надобно пройти отрочество и большую часть юности, чтобы достигнуть сознанія этой поэзіи, чтобы мужемъ, полнымъ человѣкомъ—вновь пережить утро своей жизни, когда еще душа жила общею жизнію всей природы. Все, что я тогда читалъ, всѣ книжные герои, которые тогда волновали ребяческую душу, во всей своей прелести живутъ въ моемъ воспоминаніи. Даже нѣкоторыя картинки неизгладимо остаются въ немъ. Всего прочнѣе тѣ образы, которые трогали сердце. Я часто дивлюсь, какъ живо дѣтское вообра-

женіе: всѣ происшествія и лица, которыя я тогда узнавалъ, рисовались въ душѣ, какъ будто дѣйствительно виданныя. Оттого я и чувствовалъ такую страсть къ рисованію, что самоучкой выучился довольно порядочно срисовывать и разцвѣчивать красками предметы съ натуры. Изъ книгъ, читанныхъ тогда (т. е. въ первомъ дѣтствѣ), особенно помню *Дѣтскую библіотеку* (кажется, такъ) Шишкова. Это свидѣтельствуетъ въ пользу книги. Скажи мнѣ, согласно ли это со всѣмъ тѣмъ, что̀ ты испытывалъ.

Поправился ли Вяземскій? О французскихъ переводахъ изъ сѣверныхъ поэтовъ теперь и думать нечего: насилу успѣю дѣлать необходимое. Цигнеусъ безпрестанно впадаетъ въ темныя и кудрявыя фразы, а ты любишь ясность и простоту; впрочемъ, правда, что и у тебя встрѣчаются темныя выраженія, что̀ доказалъ переводъ твоей статьи о Финляндіи на шведскій языкъ: иное ставило Лундаля въ затрудненіе, изъ котораго я не всегда могъ вывести его. Прекрасно разсуждаешь ты о здоровьѣ; однимъ словомъ: здоровье есть жизнь, и жизнь есть здоровье, ибо болѣзнь есть уже шагъ къ смерти, первая степень разрушенія. Но зачѣмъ же ты не довольно бережешь свое здоровье? Кто знаетъ правую сторону, а идетъ по лѣвой, тотъ измѣняетъ разуму, а человѣкъ — въ полномъ смыслѣ человѣкъ только пока онъ во всемъ слушается разума. Ты отгадалъ, что Розины уже нѣтъ здѣсь. Я передамъ Наймѣ твои желанія. Я очень радъ, что мой разсказъ о Гельстремѣ не только понравился тебѣ, но и послужилъ въ дѣло. По настоящему, это (съ нѣкоторыми перемѣнами) надобно бы внести въ какую-нибудь газету, напримѣръ, въ Петербургскія Вѣдомости [1]). Какимъ образомъ студенты могли *апплодировать* Фишеру? развѣ это позволено?

18.

(Плетневъ — Гроту) ***Спб., пятн., 20 февр. 1842.***

Мы съ Александрой Осиповной читали въ № 70 1841 г. Bibliothéque Universelle de Genève двѣ любопытныя статьи: M-lle Cochois и объ орденѣ рыцарей Храма. Въ первой—выписки изъ мнѣній 19-тилѣтней актрисы о Локкѣ и Декартѣ. Французскій языкъ увлекательный — ужъ не нынѣшній! Начитанность невѣроятная. Во второй нѣсколько новыхъ извѣстій о секретныхъ постановленіяхъ ордена.

Въ четвергъ, по приглашенію, былъ на чаѣ у Паткулей. Пріѣхали изъ Ревеля тётка и сестра. Какой-то морякъ Опочининъ [2]), женатый

[1]) Было напечатано въ „Звѣздочкѣ“ 1842, ч. 1, стр. 212 („Праздникъ въ Александровскомъ университетѣ“).

[2]) Владиміръ Петровичъ, тогда лейтенантъ гвардейскаго экипажа, служившій въ инспекторскомъ департаментѣ.

на Гейденъ, пѣлъ. Мятлевъ былъ на минуту. Онъ дразнилъ m-me Паткуль и Шернваль, что пирожное по-шведски называется *кака*. Были и еще гости — все военная молодежь. Я цѣлый вечеръ проговорилъ съ барономъ Иксулемъ, женатымъ на сестрѣ Паткуля. Другіе играли въ карты. Дамы забились въ особую комнату. Безжизненность! Нѣтъ, только у Балабиныхъ умѣютъ пріятно давать чайные вечера. У другихъ чайное разбродство. Маркизъ пріѣхалъ поздно. Завтра, т. е. сегодня, онъ везетъ Алину въ Дворянское собраніе. Чтобы взглянуть на нее тамъ, и я отправлюсь. Сегодня у насъ въ университетѣ былъ министръ. Онъ со мною любезничаетъ необыкновенно. Мы просидѣли цѣлую лекцію у Устрялова за Дмитріемъ Самозванцемъ. Министръ много самъ говорилъ объ этомъ предметѣ и вообще радъ былъ случаю блеснуть передъ студентами своею начитанностію и краснорѣчіемъ. Устрялова преподаваніе совершенно мужицкое. Ни слогу, ни одушевленія! Я былъ у Очкина, которому поручилъ написать разборъ нашего Альманаха въ Академическихъ Вѣдомостяхъ. На-дняхъ этотъ разборъ тамъ явится. Въ Сѣверной Пчелѣ были уже о немъ публикаціи. Оглавленія не набираютъ по дороговизнѣ платы, взимаемой съ буквы. Сейчасъ съ Савичемъ ѣду къ графу Местру на вечеръ.

19.

(Гротъ — Плетневу) *Гфорсъ, среда, 25 февр. 1842.*

Видно лекціи Устрялова таковы же, какъ его Исторія — *по изложенію*, которое сухо и однообразно, хоть самая матерія, планъ и выборъ предметовъ показываютъ большое знаніе дѣла и много обдуманности, такъ что ни одинъ изъ нашихъ учебниковъ по Русской исторіи въ подметки не годится этому. Была ли же въ Спб. Вѣдомостяхъ статья Очкина объ Альманахѣ? Вчера и сегодня мнѣ задалъ много работы одинъ корректурный листъ шведскаго изданія. Начали набирать статью Одоевскаго, которую переводилъ студентъ Цигнеусъ. Я все отлагалъ просмотръ ея, пока не пришла корректура. Я пошелъ къ Акіандеру и мы въ 4 присѣста прошли и исправили переводъ всей статьи. Наплачется наборщикъ. Акіандеръ удивительно услужливъ: во всякое время и во всякомъ случаѣ помогаетъ мнѣ; благодаритъ тебя за Современникъ. Жаль, что здоровье его все еще не совсѣмъ поправляется. Отъ Акіандера перейду къ С. Вообрази, что онъ, пріѣхавъ въ Петербургъ до меня, все еще тамъ сидитъ. Вѣроятно обдѣлываетъ тамъ одно дѣло, за которое здѣсь подана была на него жалоба. Его отсутствіе очень полезно для успѣховъ здѣсь русскаго языка, а между тѣмъ онъ произведенъ въ коллежскіе совѣтники. Ректоръ сказалъ мнѣ, что это производство очень грустно подѣйствовало на него и должно подѣйствовать на всѣхъ....

Студентъ Джаксонъ писалъ сестрѣ о Реймерсѣ: онъ очень плохъ. Джаксонъ сокрушается, что ты (его превосходительство г. ректоръ) полагаешь причиною ихъ шума неудовольствіе на *лекціи* Фишера; нѣтъ-молъ, причина другая, и намъ больно, что ректоръ такого мнѣнія о насъ. А ты, вѣроятно, изъ политики далъ видъ, что такъ думаешь. Я нигдѣ не бываю въ гостяхъ, а только гуляю, да иногда вечеркомъ бросаю карточки въ тѣ дома, гдѣ темно.

Завтра утромъ два студента придутъ ко мнѣ экзаменоваться въ русской исторіи и литературѣ. По этому случаю я вчера и сегодня самъ готовился къ этому экзамену и прошелъ всю новѣйшую исторію отъ Петра до Александра.

Читалъ я въ Библіотекѣ для чтенія выписки изъ Майкова [1]). Какая прелесть! Скажи: настоящая ли это фамилія его? Какое его положеніе? Какихъ онъ лѣтъ? Гдѣ онъ? Ты кажется писалъ, что онъ твой бывшій студентъ и нынѣ въ Москвѣ.

20.

(Плетневъ — Гроту) ***Спб., вторн., 24 февр. 1842.***

Раздѣленіе лекціи на теорію и чтеніе — во всѣхъ отношеніяхъ прекрасно. Но если у тебя въ недѣлю бываетъ по двѣ лекціи о чемъ-нибудь одномъ для однихъ и тѣхъ же студентовъ, — то еще лучше объявить навсегда, что въ одинъ разъ ты будешь говорить лекцію собственно, а въ другой станешь читать. Описаніе твое пребыванія Розины въ послѣдніе дни между вами восхитительно и трогательно. Съ нею и для меня Гельсингфорсъ какъ-то странно опустѣлъ. Мѣсто Розины навсегда останется пусто.

Комментаріи мои на Жуковскаго и Пушкина едва-ли могутъ быть интересны въ печати. Они будутъ касаться преимущественно частныхъ, домашнихъ обстоятельствъ, при которыхъ писаны пьесы. Это хорошо разсказывать другу во время чтенія пьесъ. Публикѣ придется слишкомъ много пояснять такого, что̀ не для нея важно. Впрочемъ, подумаю. Только не торопи меня. Пока я ректоръ и журналистъ — у меня всѣ минуты поражены тоскою и суетою. Я въ ежеминутной отвѣтственности передъ начальствомъ и публикой. Надѣюсь, что въ поздней старости (если увижу ее) буду жить иначе съ моею дочерью, которая сдѣлается секретаремъ моимъ и другомъ. Вотъ пора комментаріевъ моихъ на сочиненія друзей и пора записокъ собственно моей жизни. Послѣднее мнѣ завѣщалъ Пушкинъ у Обухова моста во время прогулки за нѣсколько дней до своей смерти. У него тогда было какое-то высоко-религіозное настроеніе. Онъ говорилъ со мною о судьбахъ *Промысла*, выше всего ставилъ въ человѣкѣ качество благово-

[1]) Стихотвореній Аполлона Николаевича Майкова.

ленія ко всѣмъ, видѣлъ это качество во мнѣ, завидовалъ моей жизни и вытребовалъ обѣщаніе, что я напишу свои мемуары. Боже мой! Дѣйствительно, какъ можно много хорошаго сдѣлать на самой низшей ступени въ обществѣ, если не предашься суетности и унынію. Дѣйствительно, духъ праздности и духъ унынія — вотъ два величайшіе врага человѣка, даже и такого, который хотя отрицательно невиненъ, а положительно въ отвѣтственности передъ Провидѣніемъ. Другъ мой! Съ этой стороны нападай на меня. Это незащитимая сторона моей жизни. Иногда я во всей наготѣ вижу съ этой стороны свою виновность — но минута, и все исчезнетъ.

Твое описаніе дѣтства живо и восхитительно. Но это не картина моего дѣтства. Ты былъ счастливѣе меня. Я провелъ свое дѣтство безъ развитія, безъ впечатлѣній, безъ поэзіи. Можетъ быть, въ 19 лѣтъ я еще походилъ на чурбанъ, который валяется по землѣ. Что дѣлать? Таковы были обстоятельства моего лучшаго для другихъ и ничтожнѣйшаго для меня времени. Потому-то я и не понимаю дѣтскихъ идей; онѣ моей души не озарили. Я ни слова не умѣю написать по понятіямъ дѣтскимъ, потому что мои мнѣ остались неизвѣстны.

Какъ милы послѣдніе стихи которые ты сегодня прислалъ! Но признаюсь: твои статьи въ прозѣ, твои приписки къ Олѣ, твое развитіе идей для дѣтскаго возраста — вотъ совершенство, которому я равнаго не знаю. Александра Осиповна передъ тобою слабая ученица, только набравшаяся пріемовъ, а еще неисполнившаяся духа. Темныхъ мѣстъ въ моей статьѣ о Финляндіи много. Частію произошло это отъ всегдашней во мнѣ неопредѣленности въ выраженіяхъ, а частію оттого, что я это писалъ прямо набѣло, ночью, лежа больной и не спавъ напролётъ цѣлыя ночи. Развѣ ты не понялъ изъ моего разсказа объ исторіи съ Фишеромъ, что и шиканье и апплодированіе были вещи противозаконныя, противъ которыхъ я вооружился два раза рѣчами съ каѳедры? Вяземскому гораздо лучше. Сегодня я послалъ ему въ подарокъ отъ тебя Альманахъ, за что онъ очень благодаритъ. Теперь во всѣхъ уже газетахъ о немъ было по нѣскольку разъ. Вчера въ полицейской газетѣ онъ очень подробно разобранъ и расхваленъ. Для Академическихъ Вѣдомостей готовится кѣмъ-то еще подробный разборъ. Шихматовъ сдѣлался Товарищемъ Министера народнаго просвѣщенія съ оставленіемъ въ прежнихъ должностяхъ. Григорій Волконскій заступитъ мѣсто Дондукова[1]). Какая-то новая авторша (Кологривова)[2]) принявъ псевдонимъ *Фанъ-Дима*, написала романъ „Два призрака“. Многіе хвалятъ. Полевой торжествуетъ новой трагедіей: „Елена Глинская“.

[1]) Попечителя С.-Петербургскаго учебнаго округа и С.-Петербургскаго университета.

[2]) Елизавета Васильевна, писательница, переводчица Данта на русскій языкъ, ум. 1884 г.

21.

(Плетневъ — Гроту) *Спб., субб., 28 февр. 1842.*

У меня въ среду вечеромъ было семейство Балабиныхъ. До ихъ пріѣзда мы читали новый романъ Кологривовой „Два призрака“. Я писалъ тебѣ, что журналисты расхваливаютъ его. Но мнѣ онъ не нравится. Это фальшивый родъ, безъ истины и прямого интереса жизни. Это родъ, какъ я называю, *на ходуляхъ*, основанный у насъ А. Бестужевымъ [1]) и распространенный Полевымъ. Тутъ много холодной метафизики, надутыхъ фразъ, приторныхъ описаній, а правды ни на волосъ. Всѣ говорятъ языкомъ сочинителя, всѣ сами сочиняютъ, а не живутъ и не дѣйствуютъ. При Балабиныхъ мы перестали читать. Въ тотъ день Межевичъ [2]) напечаталъ въ Сѣверной Пчелѣ критику свою на „Елену Глинскую“ Полевого. Хотя эта критика не полна и неудовлетворительна, но въ ней есть рѣзкіе намеки на истину. Мы ее прочитали. Мнѣ Балабина послѣ сказывала, что сынъ ея, бывшій въ театрѣ въ тотъ же вечеръ, совершенно такъ же подтвердилъ невыгодное мнѣніе о драмѣ. На другой день у меня былъ Петерсонъ и въ простодушной критикѣ, восхищаясь „Еленою“, высказалъ ея ходъ. Тутъ я поймалъ его на дѣлѣ и доказалъ, что по неестественности хода уже пьеса ошибочна, въ чемъ онъ, подумавъ, и самъ согласился — и спряталъ свою критику. Петерсонъ добрый малый, но безъ всякаго вникновенія въ дѣло восхищается пустяками.

Александра Осиповна поѣхала къ Принцессѣ, которой Богъ далъ дочь. Скоро получишь ты Звѣздочку и съ нею пакеты. Этотъ №, благодаря тебѣ, очень разнообразенъ и живъ.

22.

(Плетневъ — Гроту) *Спб., вторн., 3 марта 1842.*

Оглавленіе Альманаха и разборъ статей были во всѣхъ вѣдомостяхъ и журналахъ. Обѣщанная Очкинымъ статья видимо еще готовится. Да и лучше, что она явится поздно: это снова напомнитъ публикѣ о книгѣ. Кланяйся Акіандеру и скажи, что за всѣ его къ тебѣ любезности я благодарю его отъ всего сердца. С. долженъ теперь уже быть у васъ. Напрасно ваши приписываютъ такую честь его чину. Развѣ неизвѣстно между ними, что за выслугу лѣтъ чинъ дается всякому, кто формально не обвиненъ въ чемъ-нибудь. Зачѣмъ ты не сказалъ, какую же причину открылъ Джаксонъ въ шумѣ студентовъ?

[1]) Александръ Александровичъ Бестужевъ — извѣстный писатель, писавшій подъ псевдонимомъ *Марлинскаго*.

[2]) Василій Степановичъ, редакторъ Полицейскихъ С.-Петербургскихъ Вѣдомостей и Пантеона, писатель, ум. 1849 г.

Я ничего болѣе не знаю — кромѣ ихъ неудовольствія на Фишера и его обращеніе педантское и колкое. Не хорошо дѣлаешь, что не бываешь у Матильды. Развѣ потеря времени прійти напиться чаю у нихъ, да и убраться въ 11 часовъ домой, какъ я дѣлаю съ Балабиными? Мнѣ такъ жаль теперь Матильды, что она совершенно одна въ мірѣ; такъ грустно воображать ее какъ бы обойденною, что право я умоляю тебя навѣщать ее по чувству человѣколюбія и нѣкотораго пожертвованія нашей дружбѣ. Сегодня посылаю тебѣ № 3 Звѣздочки, гдѣ какъ бриліанты сіяютъ твои двѣ статьи. Ты произведешь рѣшительную эпоху въ литературѣ для дѣтей, если станешь продолжать такъ писать, какъ началъ. Передъ твоими статьями, исполенными чуднаго интереса, моментальности его истины, столь же поразительной, какова она въ самой природѣ, всѣ дѣтскія книги англичанъ и нѣмцевъ не болѣе, какъ глупые уроки безграмотныхъ приходскихъ учителей. Это мое убѣжденіе. Кампе, Эджевортъ, Berquin — какъ они натянуты, приторны и ничего сердцемъ не дѣлятся, о чемъ и что пишутъ!

Майковъ — сынъ извѣстнаго живописца [1]), сдѣлавшагося артистомъ изъ артиллерійскаго офицера. Дѣдъ его [2]) нѣкогда былъ директоромъ здѣшнихъ театровъ; а прадѣдъ [3]) — тотъ поэтъ, современникъ едва-ли не Сумарокова и Ломоносова, что̀ написалъ шуточныя довольно грубыя поэмы: „Ломберный столъ“ и „Раздраженный Вакхъ“. Это фамилія талантовъ. Мнѣ разсказывала Великая Княжна Ольга Николаевна, что она видѣла превосходную картину *(портретъ?)* 13-ти-лѣтняго Майкова, брата поэта или его самого — не знаетъ, но точно сына извѣстнаго живописца. Онъ у насъ кончилъ курсъ въ прошломъ году. Слѣдовательно, ему только 21 годъ. Онъ здѣсь, а не въ Москвѣ. Вѣроятно, служитъ. Я его знаю, но не знакомъ съ нимъ. Онъ безъ меня оставилъ мнѣ свой экземпляръ съ премиленькими стихами, ко мнѣ адресованными, на кои я написалъ и отвѣтъ; но не видавъ его, не могъ ему показать. Когда-нибудь пришлю тебѣ то и другое. Пожалуйста, прочитай все, что въ № 3 Отечественныхъ Записокъ навалялъ Бѣлинскій. Что за объяденіе! Мы съ Александрой Осиповной еще читаемъ „Два призрака“ Фанъ-Дима. Но это подражаніе Марлинскому.

23.

(Гротъ — Плетневу) ***Гфорсъ, среда, 4 марта 1842.***

О чтеніи Бориса Годунова нечего и говорить, — съ тѣхъ поръ, какъ я началъ его читать, моя аудиторія примѣрно опустѣла: вотъ тебѣ

[1]) Николая Аполлоновича, академика исторической живописи, ум. 1873 г.

[2]) Аполлонъ Александровичъ, директоръ театровъ при императорахъ Александрѣ I и Николаѣ I.

[3]) Не совсѣмъ точно: Василій Ивановичъ Майковъ (ум. 1778 г.) — не отецъ, а дядя предыдущаго.

юноши, ищущіе интереса. Нѣтъ, у насъ все дѣло въ экзаменѣ. Что касается до историческихъ лекцій на шведскомъ языкѣ, то я объявилъ, что новую исторію буду требовать по своимъ лекціямъ, — и аудиторія стала полнѣе.

Пушкинъ находилъ въ тебѣ духъ благоволенія ко *всѣмъ*. Однакожъ, послѣднее слово не слишкомъ ли обширно? Въ твоихъ литературныхъ отношеніяхъ я бы желалъ болѣе видѣть этого духа. Знаю, что есть мерзавцы, но они не должны возбуждать непріязнь и ожесточеніе, а только жалость. Иначе мы имъ отдаемъ часть своего благополучія и достоинства. Сколько между не-литераторами, въ обществѣ, гдѣ ты обращаешься, есть такихъ же мерзавцевъ; но ты не золъ на нихъ. Духа *праздности* и *уньнія* я покуда не понимаю, и мнѣ кажется, что кто постигаетъ нравственное значеніе человѣка, долженъ быть неимовѣрно слабъ, если покоряется имъ. Кто знаетъ общеніе съ горнимъ міромъ посредствомъ молитвы, внутреннихъ бореній и всей духовной жизни, тотъ не можетъ надолго и часто впадать въ такое ничтожное состояніе. Душевно желалъ бы я знать обстоятельства твоей прежней жизни и надѣюсь, что ты исполнишь завѣщаніе Пушкина; между тѣмъ, ты понемножку обдумывай это дѣло, и изъ прошедшаго будешь невольно извлекать уроки для настоящаго и будущаго.

Если въ моихъ дѣтскихъ статьяхъ есть какое-нибудь достоинство, то это плодъ долговременной и сосредоточенной внутренней жизни, которая то посреди внѣшнихъ препятствій, то при благопріятныхъ обстоятельствахъ стремилась основаться на твердыхъ убѣжденіяхъ и въ нѣкоторыхъ предметахъ уже основалась. Въ этомъ отношеніи и ты занимаешь важное мѣсто въ числѣ людей, имѣвшихъ на меня вліяніе; своими идеями (и часто однимъ словомъ) ты вложилъ много сѣмянъ въ мою душу, всегда жаждавшую истины.

Совсѣмъ ли утихла исторія съ Фишеромъ? По твоему описанію ясно понимаю родъ романа Кологривовой и живо чувствую его недостатки, общіе большей части нынѣшнихъ произведеній. Читалъ я критику Межевича на „Глинскую". Результатъ ея только тотъ, что пьеса — компиляція. Все другое — слова. Петерсонъ всегда похожъ на себя. Такъ какъ я получаю Сынъ Отечества чрезъ нашу библіотеку, то желалъ бы даровой экземпляръ обратить въ пользу моего брата, который очень нуждается въ русскихъ книгахъ. Поэтому я велю Юнгмейстеру посылать этотъ журналъ всегда къ тебѣ (подъ тѣмъ видомъ, что ты мнѣ будешь доставлять его чрезъ университетъ), а ты вѣрно не найдешь затрудненія посылать его въ Митаву хоть съ Современникомъ. Или какъ ты полагаешь? Вообще, если у тебя будутъ два экземпляра какой-нибудь книги и ты не будешь знать, куда дѣвать 2-ой экземпляръ, то отлагай его для брата.

Въ прошлый четвергъ я былъ на балу у профессора Якова Тенг-

стрема, гдѣ было много университетскихъ. Я протанцовалъ только одну кадриль для формы. Тамъ явился между прочимъ бывшій здѣсь нѣсколько времени профессоромъ Сальбергъ. Онъ опять вспомнилъ свои диссертаціи и сказалъ, что такъ какъ университетъ вашъ не хочетъ купить ихъ, то не подарить ли ихъ вамъ, потому что его главное желаніе не разрознивать ихъ. Спрашивалъ меня, какъ я думаю, одолжитъ ли онъ васъ этимъ? Я сказалъ, что опять заговорю о покупкѣ. Въ воскресенье обѣдалъ я для масляницы у Теслева, у котораго было трое проѣзжихъ военныхъ и нѣсколько здѣшнихъ. Сегодня было годовое собраніе Финскаго литературнаго общества. Рейнъ, какъ предсѣдатель, прочелъ предлинную рѣчь о необходимости финскаго языка для финляндцевъ. Теперь опять засяду на всю Страстную (съ будущаго воскресенья) и половину Святой. Въ это время мы освобождены отъ лекцій.

Намедни получилъ я совершенно неожиданно письмо изъ Москвы отъ нашего Комовскаго [1]). Онъ пишетъ по тому случаю, что на какомъ-то обѣдѣ познакомился съ Шевыревымъ и говорилъ съ нимъ обо мнѣ. На другой день былъ у него на лекціи, и Шевыревъ нарочно съ каѳедры началъ распространяться о моихъ (вѣроятно, будущихъ) заслугахъ, а послѣ лекціи просилъ мнѣ изъявить свое участіе.

Жду съ нетерпѣніемъ Звѣздочки. Статья о Францѐнѣ почти уже готова, но не можетъ быть отправлена ранѣе воскресенья.

24.

(Плетневъ — Гроту) *Спб., субб., 7 марта 1842.*

Въ среду былъ у насъ вечеромъ Е. Энгельгардтъ. Между множествомъ разсказовъ онъ помѣстилъ извѣстіе, что у него привезены разныя изъ Сибири травы, которыми онъ вылѣчиваетъ опасно-больныхъ, оставляемыхъ докторами. Теперь онъ занялся Реймерсомъ. Если онъ въ его врачеваніи успѣетъ, то, конечно, это будетъ чудо. Я теперь вожусь съ окончаніемъ Современника. Это для меня самое тяжелое. Такъ непріятно спѣшить писать на срокъ. Мой главный сотрудникъ, Квитка, повидимому, оставляетъ меня. Я не въ состояніи былъ исполнить всѣхъ его комиссій — и это его охладило. Пускай попробуетъ имѣть дѣло съ другими журналистами. Можетъ быть, и возвратится ко мнѣ. Кажется, онъ не убѣжденъ, что я жертвовалъ ему донельзя по одному капризу продолжать Современникъ. Въ четвергъ пріѣзжалъ ко мнѣ утромъ старикъ графъ Местръ. Вечеромъ я былъ у него. Онъ особенно любитъ разговоръ ученый. Онъ безпрестанно наблюдаетъ явленія природы и составляетъ статьи о нихъ. У насъ 25 марта бу-

[1]) Александра Дмитріевича, лицейскаго товарища Якова Карловича.

детъ актъ. Это отъ меня требуетъ новой работы. Въ академіи въ четвергъ было общее собраніе. Дѣло объ избраніи Шегрена въ ординарные академики неславянскихъ языковъ остановилось. Рѣшили сообразить излишество суммъ съ потребностію каѳедры въ академіи. Избрали одного иностранца для санскритскаго языка. Изберутъ другого для китайскаго. Погода у насъ божественная. Я съ утра облитъ въ комнатахъ сіяніемъ солнца.

25.

(Плетневъ — Гроту) ***Спб., вторн., 10 марта 1842.***

Студенты видно вездѣ одинаковы. Впрочемъ, у насъ интересъ науки, особенно изъ круга естествознанія, иногда привлекаетъ толпы постороннихъ для факультета слушателей. Насчетъ духа благоволенія ты правъ: я и самъ не доволенъ своею нетерпимостію, но еще не въ силахъ побѣдить ее. Ты, конечно, не можешь понять духа праздности и унынія. Однако же онъ можетъ овладѣть кѣмъ-нибудь и когда-нибудь: иначе цѣлый постъ не молились бы въ церкви объ избавленіи отъ него.

Моя первая жизнь, почти до 20 лѣтъ, представляетъ совершенный образъ прозябаемости. Итакъ, можно сказать, что я по человѣчески не жилъ еще и 25 лѣтъ, а ты болѣе меня, слѣдовательно, въ человѣчномъ отношеніи ты старѣе меня. Когда-нибудь на свободѣ, при личномъ свиданіи, я постараюсь тебѣ это выяснить. Межевича критика не міровое (какъ выражается нашъ другъ Бѣлинскій) явленіе; но ея слѣдствія будутъ важны: она много произведетъ вліянія на разувѣреніе въ талантѣ Полевого. Что мнѣ въ отвѣтъ сказать Сальбергу? По крайней мѣрѣ, нѣтъ ли у него каталога диссертацій? Пусть онъ предложитъ вашему университету снестись формально съ департаментомъ народнаго просвѣщенія, приложивъ каталогъ и обозначивъ круглымъ числомъ цѣну. Надо сказать, что не угодно ли департаменту циркуляромъ повѣстить всѣ русскіе университеты о сей продажѣ. Вѣроятно, откуда-нибудь да воспослѣдуетъ согласіе при такой дешевизнѣ за столько брошюръ. Не понимаю, какъ это случилось, что мы проводимъ еще только вторую недѣлю поста, а у васъ наступаетъ уже Страстная. Шевыревъ помахиваетъ на Давыдова: послѣдній, при входѣ Греча въ его аудиторію, нѣкогда началъ изъяснять слушателямъ, какія заслуги сей мужъ оказалъ литературѣ. Вотъ ужъ я не таковъ! Издательница Звѣздочки вчера въ запискѣ ко мнѣ помѣстила слѣдующія достопримѣчательныя строки: „Когда будете завтра писать къ Якову Карловичу, поклонитесь ему отъ меня и скажите, что я часто думаю о немъ, независимо отъ Звѣздочки, и вовсе не для нея, но *единственно для него*“.

Третьяго дня утромъ (въ воскресенье) читалъ я статью въ № 54

Академическихъ Вѣдомостей о нашемъ Альманахѣ. Въ это время доложили о пріѣздѣ тайнаго совѣтника Гартмана. Такимъ образомъ я очутился между двумя финляндцами. Разговоръ тайнаго совѣтника былъ обыкновенный, напичканный свѣтскими вѣжливостями, — это не съ генералъ-директоромъ *(братомъ)*. Послѣ ходилъ я къ министру, чтобы толковать о лекціяхъ университетскаго законоучителя [1]), очень ученаго, но холоднаго и скучнаго профессора. Министръ сваливаетъ все на мои плечи: я долженъ всѣхъ устраивать и одушевлять. Это велѣть легко, а исполнить трудновато. Отъ министра забрелъ къ Растопчиной, съ которою давно не видался. По обыкновенію, какъ нельзя болѣе любезна. Въ понедѣльникъ (вчера) у насъ былъ совѣтъ. Толковали о предстоящемъ годичномъ актѣ (25 марта). Это мнѣ много даетъ хлопотъ; кромѣ приготовленій, такъ сказать, механическихъ, я забочусь объ отчетѣ, въ которомъ бы соединялся съ извѣстіями статистическими взглядъ учено-литературный. Никитенко готовитъ разсужденіе о критикѣ.

Во вторникъ у Великой Княжны Ольги Николаевны читали Майкова. Она въ восхищеніи отъ него и завидуетъ и не понимаетъ, зачѣмъ бы самой ей не писать такъ? Отъ нея зашелъ я съ визитомъ къ тайному совѣтнику Гартману и нашелъ его дома (у Демута). Онъ все толкуетъ о поддержаніи въ Финляндіи нерастлѣнныхъ нравовъ. Я подозрѣваю, что въ простомъ русскомъ народѣ (не въ городахъ) столько же чистоты и невѣдѣнія, сколько и въ Финляндіи. А высшій классъ (какъ успѣлъ я замѣтить и въ Гельсингфорсѣ и внутри края) едва-ли не одинаковъ во всей Европѣ, съ самыми незначительными оттѣнками мѣстности. Сегодня обѣдалъ я у Растопчиной. Мы послѣ обѣда читали съ нею Державина, чѣмъ я ее люблю потчивать. Она и не воображала, чтобы въ его нѣкоторыхъ легкихъ пьесахъ было столько истинной граціи. Завтра въ 2 часа Растопчина пріѣдетъ ко мнѣ, чтобы познакомиться съ Александрой Осиповной и Оли. Ея дѣти уже были у меня. Савичъ вечеромъ завтра поведетъ насъ на обсерваторію.

26.

(Гротъ — Плетневу) *Гфорсъ, среда, 11 марта 1842.*

Джаксонъ не сказалъ настоящей причины ссоры съ Фишеромъ, увѣряя только, что не лекціи виноваты; вѣроятно, характеръ и обращеніе, что и тебѣ извѣстно. Въ самый тотъ вечеръ, когда пришло твое письмо, пили у насъ чай Матильда съ матерью, и обѣ Клинковстремъ. Послѣ чаю всѣ пришли въ мою комнату, разсматривали ее и сидѣли довольно долго.

[1]) Священника (впослѣдствіи протоіерея), Андрея Ивановича Райковскаго, см. выше, стр. 82.

Буду стараться оправдать твое мнѣніе о дѣтскихъ моихъ статьяхъ. Основную идею ихъ — т. е. высшую ясность и всегдашнее присутствіе мысли, что читающій вовсе еще не знаетъ того, о чемъ говорится — надѣюсь со временемъ примѣнить и къ нѣкоторымъ другимъ вѣтвямъ знанія. Напримѣръ, къ ученію языковъ и къ исторіи. Мнѣ кажется, что и въ томъ и въ другомъ до сихъ поръ слѣдовали совершенно фальшивымъ началамъ. Для исторіи мнѣ удалось уже придумать совсѣмъ новаго рода таблицу (не ту, о которой я писалъ зимой); я сообщалъ идею ея Грипенбергу, и онъ такъ доволенъ изобрѣтеніемъ, что хочетъ ввести его въ свою школу. Я занялъ у него большую стѣнную доску, и теперь ежедневно работаю за своей таблицей, — работа чрезвычайно занимательная, потому что она самому мнѣ открываетъ неимовѣрное множество новыхъ сторонъ предмета и новыхъ соображеній. Дивлюсь, что до сихъ поръ такая простая идея никому не входила въ голову. Можетъ быть, мнѣ удастся основать на ней, хотя отчасти, и самое изложеніе исторіи.

По случаю Страстной и Святой недѣли мы теперь освобождены отъ лекцій; кромѣ исторіи, которою занимаюсь я и въ другихъ видахъ, посвящаю довольно времени на окончательное изученіе латыни, въ чемъ также съ каждымъ днемъ нахожу новый интересъ. Вѣроятно, ты знаешь и пресловутыя басни Майкова (дѣда)?

Бѣдный ты съ своимъ Современникомъ! Право, не изъ чего хлопотать. Работать всегда на срокъ — что можетъ быть несноснѣе? У меня есть для тебя небольшой переводъ, трудъ Лундаля, именно глава изъ Фрюкселя о Густавѣ Адольфѣ. Я его уже поправилъ и отнесъ къ Лундалю. Когда онъ просмотритъ, то доставлю тебѣ. Онъ переводитъ еще что-то.

Въ субботу вечеромъ я былъ минуточку у Эттера; онъ очень жалѣетъ, что, бывъ въ Петербургѣ, не успѣлъ навѣстить тебя.

Въ воскресенье былъ за чаемъ у Траверсе. Спафарьева опять стала очень мила; все еще восхищена Мятлевымъ. Открылъ новыя мѣста для прогулокъ — по заливамъ. Сегодня холодно; вообще прекрасная погода.

27.

(Плетневъ — Гроту) *Спб., пятн., 13 марта 1842.*

О Францѐнѣ твоя статья получена. Я еще не читалъ ея. Что̀ успѣла Александра Осиповна просмотрѣть въ ней, перебирая тетрадь, отъ того она̀ въ восхищеніи. Иначе и быть не можетъ. Ты писалъ о человѣкѣ, котораго изучилъ, и о предметѣ, который живо чувствуешь, — и сверхъ того три раза передѣлывалъ пьесу: сколько данностей, что написанное проникнуто всѣми совершенствами.

Въ среду, въ университетскомъ нашемъ физическомъ кабинетѣ былъ

Великій Князь Константинъ Николаевичъ. Ему Ленцъ, обучающій его физикѣ, показывалъ препараты, которые неудобно переносить на другое мѣсто. Впрочемъ, это сдѣлалось инкогнито, такъ что кромѣ меня, какъ ректора, никого не было при Его Высочествѣ. Вечеромъ Савичъ водилъ насъ на обсерваторію разсматривать небесныя свѣтила, которыя, при нынѣшней ясной погодѣ, очень привлекательны. Сегодня обѣдалъ я у князя Одоевскаго. Теперь въ Петербургѣ съ часу на часъ ждутъ Листа. Всѣхъ уши раздулись. Я готовлюсь все къ акту 25 марта. Это мнѣ даетъ много скучныхъ, но неизбѣжныхъ работъ.

28.

(Гротъ — Плетневу) ***Гфорсъ, среда, 18 марта 1842.***

Воскресенье. Сейчасъ я въ первый разъ прочелъ въ хрестоматіи Пенинскаго написанное Жуковскимъ по случаю открытія Александровской колонны. Не знаешь ли, единственно ли по собственному побужденію это было написано и гдѣ въ первый разъ напечатано? Это по моему одинъ изъ прекраснѣйшихъ образчиковъ русской прозы. Манускриптъ Сологуба переписанъ и ждетъ только окказіи. Не можешь ли сказать мнѣ, какъ выговариваютъ имя знаменитаго въ исторіи войны съ Карломъ XII города: *Головчино?* гдѣ удареніе? Шведы пишутъ *Holofsin.*

Такъ же, какъ ты, — и я началъ поздно жить; или лучше: я началъ рано, ибо былъ счастливъ ребенкомъ, но тогда я былъ въ состояніи полудикости (до того, что прятался подъ стулъ, когда входилъ незнакомый); въ мальчикѣ во мнѣ понятія развивались очень медленно и трудно, если исключить языки; кромѣ литературы въ самомъ поверхностномъ смыслѣ, никакая наука сильно не занимала меня и въ лицеѣ. Послѣ выпуска я долго продолжалъ быть мальчикомъ; но по мѣрѣ того, какъ служба болѣе и болѣе становилась мнѣ противною, а склонность къ наукѣ усиливалась, — разъяснялись въ этой борьбѣ понятія и пробуждалась жизнь сердечная. Наконецъ, Финляндія дала мнѣ толчекъ, отъ котораго все, что еще спало во мнѣ, проснулось. Итакъ, не полагай, будто я старше тебя духомъ, но, пожалуй, я согласенъ признать тебя ровесникомъ.

Съ Масальскимъ ты не лично ли видѣлся? Хорошо, при случаѣ отпотчую Сальберга твоимъ рѣшеніемъ. Ты не написалъ мнѣ, въ какомъ духѣ статья Академическихъ Вѣдомостей объ Альманахѣ.

Состоялось ли знакомство нашихъ дамъ съ Растопчиной? Любопытно знать, подтвердилось ли твое предположеніе о статьѣ на Францѐна. Что до мѐня, то я во многомъ ею не доволенъ и никогда впередъ не буду отсылать статей, которыхъ не успѣлъ еще окончательно отдѣлать. Чтожъ вы видѣли на лунѣ? Братъ изъ Митавы писалъ, что Листъ

давалъ тамъ 3 концерта и всѣхъ дамъ съ ума сводитъ. Желаю тебѣ поскорѣе отдѣлаться отъ акта, который будетъ ровно черезъ недѣлю. Всю прошлую недѣлю я работалъ. Историческая таблица доведена вчернѣ до Іоанна III, но многое должно еще прибавиться или перемѣниться. Въ воскресенье я съ маменькой былъ въ театрѣ. Сюда пріѣхалъ изъ Петербурга Моръ съ нѣкоторыми другими актерами. Онъ игралъ отлично. Въ понедѣльникъ встрѣтился я неожиданно на улицѣ съ Рунебергомъ, который только что у меня былъ. Онъ здѣсь провелъ нѣсколько дней. Послѣ обѣда я былъ сперва у издателя газеты Коллана, которому подробно указалъ для рецензіи всѣ ошибки одной недавно вышедшей въ Або книжки учебной о русской исторіи (на шведскомъ языкѣ). Потомъ былъ у Тенгстрема, гдѣ останавливается Рунебергъ. Жена его была съ нимъ. Глухота ея не лучше, но сама здорова.

Въ тотъ вечеръ Остроботнійское отдѣленіе студентовъ давало пиръ въ честь Рунеберга въ Кайсаньеми (въ саду). Тамъ пѣли и читали стихи, ему посвященные. Завтра опять начинаются лекціи. Еще поработать два мѣсяца, потомъ экзамены, а тамъ три мѣсяца гуляй! т. е. гулянье для меня то значитъ, что я могу заниматься не къ сроку, а на свободѣ; это великая разница.

Четвергъ. Третьяго дня ко мнѣ приходилъ Теслевъ сказать, что онъ намѣренъ снестись съ гр. Армфельтомъ о С., на котораго все жалуются обманутые имъ. Вчера Теслевъ позвалъ насъ къ себѣ на чай. Тамъ была Фанни; старшая Теслева теперь едва-ли не первая красавица у насъ; жаль только, что ей не достаетъ жизни и остроты. Всѣ дѣти Теслева довольно милы (1 мальчикъ и 4 дѣвочки). Фанни говорила мнѣ, что изъ Швеціи еще нѣтъ извѣстій отъ Лавоніусовъ. Сегодня надѣюсь увидѣть Лундаля и взять статью о Густавѣ-Адольфѣ.

29.

(Плетневъ — Гроту) *Спб., среда, 18 марта 1842.*

Въ теченіе двухъ лѣтъ въ первый разъ чуть-было не сдѣлалось со мною бѣды: вчера отложилъ я писать къ тебѣ поутру, а утромъ засуетился, да такъ, не написавши къ тебѣ письма, и ушелъ на лекціи. Только вотъ теперь, послѣ первой лекціи, увидѣвъ солдата, который носитъ на почту мои письма, я спохватился, что не писалъ еще къ тебѣ. Извини, братъ. На этой недѣлѣ пріѣзжала ко мнѣ Растопчина именно съ тѣмъ, чтобы познакомиться съ Александрой Осиповной. Онѣ остались другъ другомъ очень довольны. Въ воскресенье мы всѣ вмѣстѣ, т. е. я и дамы мои читали твоего Францѐна. Какъ это умно и граціозно написано! Вотъ, мой другъ, поприще для твоего таланта. Сколько и тебѣ удовольствія, и всѣмъ пользы! Продолжай хоть по одной біографіи заготовлять въ мѣсяцъ. Это прелесть да и только!

Говоря о Францѐнѣ, ты, какъ живописецъ, занялъ у него и колоритъ его. Какая трогательная простота, кротость и увлекательность! Всѣ дни и вечера работаю для акта и Современника, столкнувшихся вмѣстѣ. Нынѣшній мой отчетъ будетъ огромный. Все, что ты пишешь о себѣ, меня и радуетъ и печалитъ: радуетъ, что ты такую спокойную жизнь ведешь; а печалитъ, что ты слишкомъ одинокъ. *Писано въ канцеляріи, на чужой бумагѣ, и печатано чужой печатью.*

30.

(Плетневъ — Гроту) ***Спб., субб., 21 марта 1842.***

Опять пишу изъ моего кабинета, что въ канцеляріи. Но теперь это не отъ забывчивости произошло, а отъ недостатка времени писать дома. Тамъ все работаю надъ проклятымъ отчетомъ. Сегодня я уже взялъ послѣднее твое сюда письмо, чтобы отвѣчать на нѣкоторые пункты. По памяти ничего никогда не умѣю сдѣлать: совершенно исчезаютъ изъ нея всѣ подробности, такъ много дьявольскихъ заботъ по административной должности. Кстати объ администраціи. Сологубъ твой влѣзъ въ совѣтъ *(государственный)* и, если не ошибаюсь, ревностно мѣтитъ на брошенное тобою мѣсто журналиста, или Богъ знаетъ, какъ у васъ называется выписывающій содержаніе дѣлъ. Вотъ различіе вкусовъ! Человѣку далъ Богъ и таланту искорку, и независимое состояніе, и право оставаться по особымъ порученіямъ, и божественную женку, и миленькаго ребеночка, а онъ все лѣзетъ въ петлю, дабы непремѣнно очутиться титулярнымъ совѣтникомъ въ 30 лѣтъ.

Очень бы хотѣлось мнѣ понять, что̀ новаго придумалъ ты для преподаванія исторіи. Воображать, что читающій вовсе не знаетъ того, о чемъ говорится на лекціи или въ книгѣ, совсѣмъ не новость. Я иначе не училъ, какъ въ этомъ убѣжденіи. Но это еще, когда у меня нѣтъ авторскаго таланта, не дастъ мнѣ, или моимъ словамъ, или моимъ изображеніямъ интересу и жизни. А книга или статья безъ интересу и жизни, какъ ни будь ясна (хоть яснѣе романовъ Греча и Булгарина), не произведетъ дѣйствія на душу. Историческія же таблицы всегда я находилъ полезными только тогда, когда уже выучился исторіи. Онѣ помогаютъ воззрѣнію на огромныя пространства времени и народовъ — болѣе ничего. Выучиться же по нимъ голымъ годамъ и именамъ, — это сухо и утомительно.

Какъ не помнить пресловутыхъ басенъ Майкова? Но согласись, что̀ за талантливое семейство? Благодарю за обѣщаніе главы изъ Фрюкселя. Этого автора я очень люблю и увѣренъ, что онъ нашей публикѣ непремѣнно понравится. Въ прошедшую среду, т. е. въ именины Звѣздочки, я былъ у нея съ Савичемъ и его женой. Публики немного собралось; однакожъ, нашлись четыре пары для кадрили.

31.

(Гротъ — Плетневу) *Гфорсъ, понед., 23 марта 1842.*

Спасибо, что еще въ пору захватилъ почту, а то я съ непривычки очень былъ бы огорченъ неполученіемъ твоего письма.

Радуюсь очень, что Францѐнъ вамъ понравился; дай Богъ, чтобы всѣ читатели были такъ же снисходительны ко мнѣ, какъ вы. Твой совѣтъ писать біографіи мнѣ любъ, потому что я всегда съ дѣтства чувствовалъ страсть къ чтенію такихъ разсказовъ; никогда и ничего я такъ жадно не читалъ и не искалъ, какъ ихъ; есть какое-то особенное наслажденіе вникать въ жизнь замѣчательныхъ людей и, такъ какъ и они не безъ слабостей, повѣрять ихъ дѣйствіями и образомъ мыслей свои собственныя. Но прежде, нежели подумаю объ исполненіи этого совѣта, я долженъ многое изучить: напередъ надобно знать то, о чемъ хочешь писать, иначе все будетъ болѣе или менѣе компиляція. Знанія должны переработаться въ головѣ пишущаго. Матеріалы же собирать буду. У меня давно уже мелькаетъ идея написать и общую исторію России и литературную въ біографіяхъ.

Правда твоя, что я одинокъ; но въ обществѣ Петра Великаго, Кантемира, Ломоносова, Муравьева, Карамзина и др. одиночество все-таки сноснѣе, нежели въ компаніи М., Р., П., Д. и т. п. Правда, что бываютъ минуты и даже часы грусти великой, но это проходитъ, да и не бѣда. Вчера день былъ прекрасный, совершенно весенній; я пошелъ гулять ужъ съ утра; на улицахъ было чрезвычайно пусто; изрѣдка люди шли въ церковь; а между тѣмъ, небо и земля сіяли. Какую тоску я почувствовалъ! Спафарьева, будто по благому инстинкту, прислала мнѣ записку съ зовомъ обѣдать у нихъ. Хоть и скучновато, да хорошо, что развлекло меня. Только-что я воротился домой, пришелъ ко мнѣ Гартманъ Радельмы и просидѣлъ съ часъ.

Вечеромъ я опять преодолѣлъ себя и пошелъ еще разъ къ Спафарьевой. Тамъ была и Матильда. Найма была очень мила (въ черномъ платьѣ); она мнѣ сказала вещь, которая меня тронула. За нѣсколько минутъ до отъѣзда добрая сестра ея вспомнила обо мнѣ, велѣла кланяться и сказать, чтобы я ее помнилъ; завернула съ надписью одну мою книгу и еще прибавила, что сама бы написала нѣсколько строкъ, если бы позволило время. Этому поклону, чтобы дойти до меня, нуженъ былъ мѣсяцъ цѣлый, болѣе, нежели ей самой для переѣзда въ Стокгольмъ. Матильда благодаритъ и кланяется.

Сегодня я имѣлъ предметомъ лекціи: основаніе Петербурга, сотрудниковъ Петра, частную жизнь и смерть его (со всѣми интересными чертами). Никогда еще слушатели мои не были такъ заинтересованы, и я самъ, хотя объяснялся на шведскомъ языкѣ и не читая, чувствовалъ сильно вліяніе предмета. Какой новый міръ я нашелъ

въ жизни Петра Великаго! Слѣдя дѣла и слова его, я мысленно поставлялъ себя въ его положеніе, старался думать и чувствовать съ нимъ вмѣстѣ. Какимъ непрерывнымъ восторгомъ должна была быть вся жизнь его!

Вторникъ. Когда ты получишь это письмо, надѣюсь твоимъ канцелярскимъ мукамъ будетъ уже конецъ. Сологубъ мнѣ самому говорилъ о своемъ ревніи къ чиновничеству. Впрочемъ, я это очень понимаю; ужъ такъ создано сердце человѣческое, что ему всегда хочется того, что трудно получить. Служи онъ счастливо и будь бѣденъ, онъ, вѣроятно, такъ же, какъ я, пристрастился бы къ литературѣ и проклялъ свое канцелярское счастіе. Посмотримъ, имѣетъ ли онъ настоящее призваніе: если службѣ пожертвуетъ талантомъ, значитъ, что мишура, а не серебро.

Мой планъ въ исторіи основанъ главнымъ образомъ на томъ, что для яснаго уразумѣнія новаго и запутаннаго предмета надобно на него смотрѣть съ разныхъ сторонъ и видѣть разныя его отношенія къ другимъ; а это невозможно, когда просто отъ начала до конца разсказываешь на одинъ ладъ. По моему понятію: 1) для каждаго предмета нужно особое, по роду его, изложеніе, выбирая или иногда соединяя различные способы изъясненія: разсказъ, таблицы, простое исчисленіе и проч.; 2) показывать одинъ и тотъ же предметъ съ разныхъ сторонъ. Послѣднее служитъ и основаніемъ моей таблицы: въ ней можно вдругъ обозрѣть и все *современное разнаго рода*, и все *однородное въ разное время.* Но я совершенно одного съ тобой мнѣнія, что таблица можетъ служить не для изученія предмета, а для обзора, и въ этомъ смыслѣ я надѣюсь, что таблица принесетъ нѣкоторую пользу.

Комовскій поразилъ меня извѣстіемъ о смерти нашего Дмитревскаго (лицейскаго) [1]).

32.

(Плетневъ — Гроту) ***Спб., среда, 25 марта 1842.***

Сію минуту отправляюсь на актъ. Вчера кончилъ отчетъ часу въ третьемъ ночи, и потому не успѣлъ во-время заготовить тебѣ письма. Въ отчетѣ вышло 9 писанныхъ листовъ. Давно я не валялъ столько. Онъ содержитъ четыре развитія: во 1-хъ, общее изъясненіе, что̀ значитъ университетъ самъ въ себѣ безъ профессоровъ и студентовъ; въ какомъ онъ отношеніи къ правительству и, наконецъ, ко всякому частному лицу. Во 2-хъ, въ нашемъ университетѣ въ продолженіе года какое было характеристическое движеніе внутреннихъ его элементовъ, изъ коихъ образуется жизнь университета, безъ отношеній въ немъ

[1]) См. о немъ ниже, стр. 513.

самомъ совершающаяся. Въ 3-хъ, что̀ въ этомъ году сдѣлано у насъ тою половиною университета (какъ общества ученыхъ людей), которые идутъ впереди прочихъ. Въ 4-хъ, какова была дѣятельность второго отдѣла людей, которые слѣдуютъ за первыми.

Жуковскій написалъ о колоннѣ по увлеченію сердца при самомъ зрѣлищѣ. Тогда же это было напечатано въ Сѣверной Пчелѣ, а теперь вошло въ полное собраніе его сочиненій. Города *Головчина* я не слыхивалъ, а потому не знаю и ударенія; но увѣренъ, что оно на *и*, если правильно имъ это написано. Съ Масальскимъ я не видался, да и не намѣренъ; ибо убѣждаюсь его журналомъ, что онъ изъ разряда пошлыхъ литераторовъ, съ которыми я рѣшительно прекратилъ всякое сношеніе. Я указалъ тебѣ № Академическихъ Вѣдомостей. Ужели лѣнь тебѣ послать къ Котену за этимъ №, чтобы прочесть статью объ Альманахѣ? Она весьма хвалебная. Листа все еще ждутъ. Радуюсь, что появленіе Рунеберга въ Гельсингфорсѣ производитъ такое впечатлѣніе на студентовъ каждый разъ. Это обстоятельство, впрочемъ, приводитъ меня въ недоумѣніе. Судя по дѣйствію Бориса Годунова на слушателей университета, можно бы заключить, что они въ поэзіи не смыслятъ ни уха, ни рыла, ничего не читывали, да и не хотятъ знать ничего. А Рунеберга какъ же они цѣнятъ? Или это просто чванство остроботнійцевъ передъ прочими націями?

Скажи по правдѣ, ужели мнѣ опять заѣзжать къ Аврорѣ *(Демидовой)*, когда я не встрѣчусь съ нею случайно гдѣ-нибудь въ обществѣ? Поздравь финляндскаго министра финансовъ съ Бѣлымъ Орломъ, о чемъ я сегодня прочелъ въ газетѣ. Да не забудь же. Пожалуйста не пропусти ничего изъ вѣсточекъ, какія будутъ получены отъ Розины; обними отца ея и поклонись всѣмъ нашимъ милымъ.

33.

(Плетневъ — Гроту) *Спб., пятн., 27 марта 1842.*

Отправивъ къ тебѣ въ среду письмо, я началъ собираться на актъ. Ко мнѣ вошелъ Ѳ. Ѳ. Корфъ, чтобы вмѣстѣ войти въ залу. Тамъ нынѣшній разъ я приготовилъ сюрпризъ профессорамъ и публикѣ. Передъ каѳедрой, въ ширину всей залы и до половины длины ея, стоялъ полукруглый столъ, съ большою въ серединѣ его открытою площадью. Самый столъ весь, какъ по верхней его плоскости, такъ и по обѣимъ сторонамъ съ боковъ, прелестно драпированъ былъ алымъ сукномъ. За нимъ стояло (передъ публикою лицомъ) 29 креселъ для членовъ совѣта. Всѣ были въ восхищеніи. По пріѣздѣ министра съ попечителемъ, первый на каѳедру вошелъ Никитенко и прочелъ статью о критикѣ. Слогъ его, годъ отъ году, становится фигурнѣе и трагичнѣе.

Признаюсь, невыносимо. Публика утомилась. За нимъ я втащилъ на каѳедру свои 9 листовъ. Но сверхъ ожиданія мое чтеніе, оттого ли, что я читаю внятно, или отъ самаго содержанія и изложенія отчета, очень заняло всѣхъ—и я, сошедши съ каѳедры, только и слышалъ одни ласковыя привѣтствія, которыя меня отъ многихъ особъ преслѣдовали даже дома на другой и третій день послѣ акта. Особенно министръ былъ въ восхищеніи. Ему понравился у меня тонъ прямо ректорскій, по которому я говорилъ о профессорахъ и студентахъ, какъ ихъ законный судія. На хорахъ было нѣсколько дамъ, въ томъ числѣ наши, Балабина и ея belle fille, Уварова дочь. Ѳ. Ѳ. звалъ М—а, который (въ праздникъ Благовѣщенія) отозвался множествомъ дѣлъ, прибавивъ при прощаніи съ нимъ: „вечеромъ приходи пожалуйста поиграть въ карты“. Вотъ наши Гизо! Баронъ Врангель [1]), котораго путешествіе ты разбиралъ нѣкогда въ Современникѣ, особенно благодарилъ меня за трогательный мой отзывъ о его двоюродномъ братѣ, профессорѣ баронѣ Врангелѣ [2]), умершемъ лѣтомъ. Посылаю тебѣ выписку Гоголя о Современникѣ изъ его ко мнѣ письма. Ты увидишь, что̀ значитъ говорить, и что̀ дѣлать. „Да, вашъ журналъ не долженъ заниматься тѣмъ, чѣмъ занимается торопящійся шумный современный свѣтъ. Его цѣль другая, это благоуханіе цвѣтовъ, растущихъ уединенно на могилѣ Пушкина. Рыночная толпа не должна знать къ ней дороги: съ нея довольно славнаго имени поэта. Но только одни сердечные друзья должны сюда сходиться, съ тѣмъ, чтобы безмолвно пожать другъ другу руки и предаться хоть разъ въ годъ тихому размышленію, и проч.“. Я ему отвѣчалъ съ досадой, что стараюсь держаться идеи его; но что только иногда дѣлается на могилѣ страшно одному, ибо, дескать, *всѣ* друзья Пушкина, петербургскіе и московскіе, разбѣжались съ могилы его по городу и нюхаютъ что-то по мелочнымъ лавкамъ.

34.

(Гротъ — Плетневу) *Гфорсъ, среда, 1 апрѣля 1842.*

Радъ, что ты, наконецъ, отдѣлался отъ скучной и крутой работы по акту, а еще болѣе радъ твоему успѣху и съ нетерпѣніемъ жду, чтобы ты прислалъ мнѣ печатные экземпляры своей рѣчи.

Головчинъ (или *...но*)—село, знаменитое въ исторіи войны Карла XII; здѣсь (это въ Могилевской губерніи) русскіе потерпѣли сильное пораженіе, и шведы гордятся именемъ этого мѣста, которое и Тегнеръ упоми-

[1]) Контръ-адміралъ баронъ Фердинандъ Петровичъ, кругосвѣтный путешественникъ, ум. 1870 г. Статья Я. К. Грота „Путешествіе Врангеля“ въ Современникѣ XVIII (1840 г.), стр. 103.

[2]) Баронѣ Василіи Егоровичѣ, профессорѣ лицея и университета, преподавателѣ Цесаревича Великаго Князя Александра Николаевича, ум. 1841 г.

наетъ въ „Акселѣ“. Ты не указалъ мнѣ № Спб. Вѣдомостей, да и не нужно, потому что, сколько я знаю, здѣсь никто ихъ не держитъ. Богъ съ ними. Тебя удивляетъ восторгъ студентовъ къ Рунебергу при ихъ холодности къ Борису Годунову. Но не забудь, что русскіе стихи имъ неудобопонятны; изъ всѣхъ моихъ слушателей на русскихъ лекціяхъ едва начтется и четыре человѣка, которые бы понимали *все*, что я говорю и читаю. Притомъ надобно помнить, какая разница между отношеніемъ, всегда болѣе или менѣе принужденнымъ, ученика къ виновнику его трудовъ и отношеніемъ его къ національному поэту, особливо когда онъ былъ ихъ предшественникомъ въ училищѣ. Я помню, съ какимъ благоговѣніемъ мы бывало въ лицеѣ смотрѣли на Пушкина, и съ какимъ восторгомъ принимали его. Таково же отношеніе александровскихъ студентовъ къ Рунебергу. Впрочемъ, съ возрастающимъ интересомъ самаго предмета моихъ лекцій, а отчасти и съ увеличивающеюся опытностію, умножаются и аудиторіи мои. Мнѣ кажется, что тебѣ нѣтъ никакой надобности соваться опять къ А. Я съ обѣими почти раззнакомился, потому что онѣ слишкомъ зачванились, привыкнувъ, что всѣ здѣсь ползаютъ передъ ними. Поздравлю при случаѣ *Бѣлаго Орла*.

Въ которомъ № Современника былъ отзывъ о профессорѣ Врангелѣ? Безпрерывныя мои занятія по каѳедрѣ не дали мнѣ замѣтить этого. Хорошъ патетическій возгласъ Гоголя, а твой отвѣтъ еще лучше! Въ его словахъ одни *слова*, ничего не значащія.

Въ воскресенье утромъ получилъ я приглашеніе обѣдать у нашего Гартмана. На дорогѣ къ нему я встрѣтился съ нимъ и мы успѣли еще погулять. Онъ разсказалъ мнѣ, что на-дняхъ они были неожиданно обрадованы пріѣздомъ домашняго кучера, который до самаго Стокгольма довезъ новобрачныхъ. Они были ровно 20 дней въ дорогѣ; у Францѐна пробыли два дня. Въ Стокгольмѣ дочь его нашла превосходно устроенную квартиру, въ которой мужъ удивилъ ее самою мелочною предусмотрительностью и вкусомъ. Она прислала всѣмъ братьямъ и сестрамъ разные гостинцы. Отцу—проповѣди знаменитаго архіепископа, покойнаго Валлина, недавно изданныя. Мнѣ пріятно было, что это былъ не церемонный обѣдъ; гостей вовсе не было, кромѣ ѣдущей изъ Петербурга въ Або Насакиной, которую ты видѣлъ въ Дворянскомъ собраніи. Послѣ обѣда сидѣли мы въ кабинетѣ отца, и онъ читалъ прекрасныя мѣста изъ предисловія къ проповѣдямъ, написаннаго Безковомъ.

Пожалуйста напиши, что знаешь о Григоріи Сковородѣ [1]). Отрывокъ изъ его сочиненій въ Москвитянинѣ замѣчателенъ.

[1]) Извѣстномъ малороссійскомъ философѣ и писателѣ, ум. 1794 г.

35.

(Плетневъ — Гроту) *Спб., среда, 1 апр. 1842.*

Для исторіи Россіи въ біографіяхъ, какъ политической, такъ и литературной, нужно постоянно собирать всѣ сочиненія, заключающія въ себѣ этого рода матеріалы. Кажется, у тебя есть каталогъ Смирдина. Это одна первая основа. Послѣ записывай каждый № журнала или другого изданія, гдѣ встрѣтишь чью-либо біографію. Вотъ для этого заведи особую алфавитную книгу. Иногда и одно имя историческаго лица внести въ нее — уже хорошо. При случаѣ же спросишь у меня или у другого кого, гдѣ бы отыскать что объ этомъ лицѣ. Итакъ, черезъ нѣсколько времени соберется довольно матеріаловъ для этихъ книгъ. Особенно драгоцѣнны анекдоты о лицахъ историческихъ. Это сущіе цвѣты на канву. Я недавно читалъ Великой Княжнѣ Ольгѣ Николаевнѣ о Дельвигѣ изъ Пушкина. Все почти и состоитъ въ одномъ лицейскомъ анекдотѣ; а интересъ возбужденъ былъ чрезвычайно. Моя статья о Дельвигѣ (въ Литературной Газетѣ, начатой имъ и нѣсколько №№ продолжавшейся при Сомовѣ) полнѣе, но интересу меньше, потому что нѣтъ анекдотовъ.

Да! жизнь Петра Великаго была, конечно, безпрерывное поэтическое упоеніе. Мы прочіе едва-ли можемъ и разъ въ жизни возвыситься до этого восторга, которымъ онъ полонъ былъ каждую минуту. Ты говоришь истину въ разсужденіи изложенія разныхъ предметовъ исторіи. Но понимаешь ли, что этакое изложеніе потребуетъ неутомимой дѣятельности на цѣлую жизнь?

О Дмитревскомъ никогда я не слыхивалъ. Что такое былъ онъ, кромѣ того, что лицейскій? Съ сегодняшней почтой отправленъ къ тебѣ № 4 Звѣздочки. Увѣдомь, вмѣстѣ ли съ этимъ письмомъ ты его получишь. Въ воскресенье былъ у меня Очкинъ и выпросилъ мой отчетъ для выписокъ въ Академическія Вѣдомости, ты и увидишь тамъ части этого огромнаго цѣлаго. Еще былъ Ростовцевъ съ изъявленіемъ благодарности за выборъ его въ почетные члены университета. Онъ говоритъ, что Александровская лента такъ не обрадовала бы его, какъ эта почесть. Въ понедѣльникъ я обѣдалъ у Natalie Пушкиной съ отцомъ и братомъ (Львомъ Сергѣевичемъ) поэта. Всѣ сравнительно съ Александромъ ужасно ничтожны. Но сама Пушкина и ея дѣти — прелесть. Во вторникъ чтеніе было въ кабинетѣ Государыни. Читали „Римъ“ Гоголя. Вотъ чудо-то! Прочитай его въ № 3 Москвитянина, да непремѣнно вели перевести на шведскій языкъ для какой-нибудь газеты. Это дастъ высокую идею о русской литературѣ. При окончаніи чтенія Государыня сказала мнѣ, что идетъ принимать двухъ землячекъ моихъ: Аврору Демидову и Гедвигу Армфельтъ. Пожалуйста, не забудь поклониться Матильдѣ.

36.

(Гротъ — Плетневу) *Гфорсъ, среда, 8 апрѣля 1842.*

То, что ты совѣтуешь мнѣ насчетъ собиранія біографическихъ матеріаловъ, давно исполняется. У меня, какъ я говорилъ тебѣ, есть толстая большая *памятная тетрадь*, куда вносится все, что встрѣчается въ ежедневномъ быту, если когда-нибудь можетъ пригодиться для справки. Туда, между прочимъ, записываются и всѣ журнальныя статьи, имѣющія хоть какое-нибудь отношеніе къ моимъ занятіямъ. Въ концѣ тетради есть алфавитъ для удобства при отысканіи предметовъ. Говоря, что иногда хорошо записать и одно имя, ты какъ будто бы видѣлъ, какъ я записалъ имя *Сковороды*, которое помѣстилъ и въ предыдущемъ письмѣ моемъ.

Я совершенно твоего мнѣнія о драгоцѣнности анекдотовъ. Это такія важныя черты не только въ біографіяхъ, но и въ исторіи, что часто одною изъ нихъ можно болѣе сказать, чѣмъ длиннымъ разглагольствіемъ. Какъ пошлы, напротивъ того, выраженія: „отличался благороднымъ характеромъ, умомъ просвѣщеннымъ и твердою волею", которыя для читателя ровно ничего въ себѣ не заключаютъ и входятъ въ одно ухо, а вылетаютъ въ другое. Послѣдняя почта не привезла мнѣ письма отъ тебя. Я подозрѣваю Неву въ этой шуткѣ.

Нѣтъ, не думаю, чтобы исполненіе моего плана въ исторіи требовало цѣлой жизни. Тутъ дѣло не въ матеріи, а въ формѣ. Даже и пользуясь только тѣмъ, что̀ уже написано другими, я хотѣлъ бы только посредствомъ совершенно другого плана, другого изложенія показать, что *какъ?* несравнено важнѣе, нежели *что?* Но я торопиться не буду, и, можетъ быть, еще пройдетъ нѣсколько лѣтъ, пока я приведу свою идею въ исполненіе. Притомъ же обязанность *сообщать* пріобрѣтаемыя свѣдѣнія другимъ чрезвычайно ускоряетъ успѣхи. Я увѣренъ, что если бы я не былъ профессоромъ, то я и въ 3 года не узналъ бы всего того, что узналъ нынѣ въ нѣсколько мѣсяцевъ, — несмотря на необходимость бороться еще и съ языкомъ и потому писать лекціи, что̀ увеличиваетъ и замедляетъ трудъ, по крайней мѣрѣ, впятеро.

Дмитревскій въ нашемъ курсѣ имѣлъ два весьма важныя преимущества: былъ всѣхъ насъ богаче и всѣхъ здоровѣе; потому не удивительно, что смерть его ранѣе всѣхъ поразила насъ. Онъ оставилъ прекрасный каменный домъ и большой капиталъ.

„Звѣздочка" получена вмѣстѣ съ твоимъ письмомъ. Вотъ кое-что для Александры Осиповны. Мой любимецъ маленькій Траверсе, который самъ едва читать умѣетъ и которому сестры вслухъ читаютъ * чку, былъ у меня сегодня въ гостяхъ и говорилъ, что ему болѣе всего нравится „Шекспиръ". Онъ съ восторгомъ вспоминаетъ и всю эту статью

и отдѣльныя изъ нея черты, которыя всѣ помнитъ. Вотъ вамъ разница педантическаго сужденія умника и неученой критики ребенка. Впрочемъ, и большой ребенокъ былъ очень доволенъ содержаніемъ, и боялся только того, чтобы кто изъ читателей не взялъ маленькаго негодяя себѣ въ образецъ.

Не получая Академическихъ Вѣдомостей, буду ждать, пока получу твой отчетъ въ цѣлости. Шведскій Альманахъ, наконецъ, отпечатанъ и на будущей недѣлѣ поступитъ въ продажу. Книгопродавецъ и содержатель типографіи въ Выборгѣ намедни писалъ ко мнѣ. Чтобы дать ходъ своей типографіи, онъ желаетъ въ ней напечатать что-нибудь русское, и для того просилъ меня, не переведу ли я какой-нибудь романъ m-lle Бремеръ: онъ берется купить рукопись и напечатать переводъ на свой счетъ. Такъ какъ мнѣ самому не время заниматься такими переводами, то его предложеніе тогда только можетъ исполниться, если кто подъ моимъ руководствомъ возьмется за это. Романъ Бремеръ могъ бы послужить полезнымъ чтеніемъ для многихъ на Руси. Сестра моя вполовину согласилась, но подъ печатью секрета.

37.

(Плетневъ — Гроту) *Спб., среда, 8 апрѣля 1842.*

Наконецъ, и я провинился предъ тобою: субботнюю почту пропустилъ безъ письма. Но видно уже много было у меня хлопотъ, что я не урвался къ своему любимому дѣлу. А ты, какъ это принялъ? Вѣрно не безъ досады, столь естественной при неудовлетворенной привычкѣ. Печатные экземпляры акта будутъ готовы развѣ послѣ Пасхи. Я готовъ думать скорѣе, что Голов(ч)ино, нежели Головчинъ. Мое письмо вѣрно не затерялось у тебя — и стоитъ заглянуть въ него, чтобы знать, какъ я снесся съ М. При № 3 еще разъ написалъ самое учтивое письмо къ нему и снова объяснилъ твои распоряженія. Но онъ, какъ чиновникъ IV класса, не подумалъ ни въ первомъ, ни во второмъ случаѣ отозваться мнѣ. Онъ полагаетъ, что человѣкъ, не бывавшій въ его присутствіи ни въ государственномъ совѣтѣ по понедѣльникамъ, ни у Греча по четвергамъ, уже не заслуживаетъ его аттенціи. № и день Академическихъ Вѣдомостей помѣчены въ моемъ къ тебѣ письмѣ о разборѣ Альманаха. Пожалуйста, хоть въ крайнихъ случаяхъ, при отвѣтахъ ко мнѣ, не лѣнись взглядывать на тѣ письма, о коихъ ты принужденъ упоминать. А что у васъ ни у кого нѣтъ Академическихъ Русскихъ Вѣдомостей — это невѣроятно. Спроси у Котена. Ни одно присутственное мѣсто не имѣетъ возможности обойтись безъ нихъ.

У А. не былъ, да и не буду. Самъ ея воображаемый поклонникъ (Александръ Армфельтъ) что-то, повидимому, охладѣлъ ко мнѣ. Могъ бы, кажется, и повѣстить меня — зная, какъ люблю вѣсти изъ Финлян-

діи,—о пріѣздѣ дочери. Ничуть. Статья *твоя* о Врангелѣ—въ т. XVIII Современника, но это не профессоръ, а морской генералъ, мореходецъ. Я же говорилъ объ умершемъ профессорѣ Врангелѣ въ отчетѣ на нынѣшнемъ актѣ, слѣдовательно, этого нѣтъ нигдѣ въ Современникѣ. У тебя отъ моихъ писемъ остается, повидимому, въ головѣ туманъ. Сковорода былъ въ XVIII ст. у малороссіянъ родъ юродиваго, или философа, какъ называетъ простой народъ такихъ людей. Онъ подражалъ ученикамъ Пиѳагора: не ѣлъ мяса, говорилъ таинственными загадками, катался на поляхъ голый по росѣ, бродяжническую велъ жизнь по помѣщикамъ и распустилъ по Малороссіи нѣсколько писанныхъ имъ философскихъ диссертацій. Подобныхъ оригиналовъ тамъ бывало не рѣдко. Я не нашелъ еще отрывка, о которомъ ты упоминаешь. Думаю, что изъ жизни и мнѣній этого чудака нечего выбрать много интереснаго.

Въ субботу у насъ въ университетской залѣ студенты дали концертъ въ пользу своего учителя музыки Шуберта. Выборъ пьесъ и исполненіе было очень удачно. Народу, большею частью, родственниковъ и знакомыхъ, собралось до 700 человѣкъ. Билибина пѣла отлично хорошо. Самъ Шубертъ — отличный віолончелистъ. Пріѣхалъ, наконецъ Листъ. Онъ въ понедѣльникъ игралъ у Императрицы. Изумителенъ болѣе какъ дьяволъ, нежели какъ ангелъ. Сегодня въ Дворянскомъ собраніи онъ даетъ концертъ публикѣ. Мнѣ тамъ нельзя быть. Можетъ быть, послушаю въ другой разъ, а можетъ быть и совсѣмъ нѣтъ. Во весь годъ ни въ одномъ публичномъ увеселеніи не участвовалъ, кромѣ глупыхъ маскарадовъ.

Вчера было мое чтеніе опять въ той волшебной комнатѣ, гдѣ цвѣты, фонтаны, соловей и солнце. Особо Великой Княжнѣ Ольгѣ Николаевнѣ я прочиталъ твое: „объ исторіи“, „о вечерѣ на Рождество“ и „о праздникѣ Гельстрему“. Очень ей все понравилось, о чемъ она и Императрицѣ говорила при мнѣ. Мы все читаемъ Гоголя „Римъ“. А что ты о немъ скажешь?

Спб., субб., 11 апр. 1842.

Всѣ эти дни я былъ ужасно глупо занятъ. Въ среду на вечеръ меня звалъ Никитенко, къ которому съѣхалось нѣсколько монастырокъ, выпущенныхъ нынѣшній годъ. Между тѣмъ, по обыкновенію, и ко мнѣ съѣхалось нѣсколько человѣкъ. Баронъ Ѳ. Ѳ. Корфъ, Панаевъ, молодой Майковъ, и проч. Послѣдній очень нравится мнѣ. Я о немъ упоминалъ въ моемъ отчетѣ на актѣ, и даже прочиталъ тутъ его пьесу „Горный Ключъ“. Это было причиною, что министръ народнаго просвѣщенія изъявилъ желаніе лично съ нимъ познакомиться и просилъ меня представить ему поэта. И такъ Майковъ пріобщился къ моему маленькому кругу. Министръ желаетъ представить Государю экземпляръ его стихотвореній. Въ эту же среду Великая Княгиня

Елена Павловна пригласила меня на экзамены въ Маріинскій институтъ, гдѣ продержала всѣхъ отъ 12 ч. до 6. У Никитенки, къ которому съ Майковымъ мы пріѣхали въ 11 часовъ вечера, было довольно весело, особенно за ужиномъ. Въ четвергъ Балабины желали, чтобы у нихъ читать Гоголя „Римъ". Тамъ была миленькая Огарева съ матерью, обѣ жившія въ Римѣ. Дочь прекрасно говоритъ по-итальянски и по-англійски. Въ пятницу утромъ явился ко мнѣ сверхъ чаянія Дершау съ своею книжкою: „Финляндія и финляндцы". Дершау желаетъ поднести сочиненіе свое Канцлеру Александровскаго университета. Я отправилъ его къ Уварову съ рекомендательнымъ письмомъ къ Комовскому [1]), директору канцеляріи министра. Знаешь ли ты, что старшій изъ Комовскихъ недавно женился на графинѣ Комаровской?

Между тѣмъ Современникъ, съ которымъ я по обыкновенію успѣлъ опоздать, требуетъ окончанія моихъ статей. А В. К. Елена Павловна опять назначила экзамены, гдѣ и въ пятницу просидѣли до 6 часовъ. Возвратясь домой, я нашелъ два билета: одинъ на погребеніе, а другой въ концертъ скрипача Арто. Я былъ ужасно пораженъ смертію жены Краевскаго, которая умерла въ страшныхъ мученіяхъ отъ родовъ. Сегодня, т. е. въ субботу, погребеніе, но я не успѣю тамъ быть по причинѣ лекціи въ университетѣ. Твое письмо о 4 № Звѣздочки очень интересно и радуетъ Александру Осиповну. Но мысль твоя, что лѣтомъ здѣсь ты боишься праздности, неосновательна. У меня на дачѣ ты былъ бы совершенный господинъ своего времени.

38.

(Гротъ — Плетневу) ***Гфорсъ, субб., 11 апр. 1842.***

Неполученіе отъ тебя письма произвело во мнѣ только сожалѣніе, а не досаду, — чувство, которому я вообще не легко поддаюсь. Досадовать же на тебя за пропускъ почты было бы болѣе, нежели неблагодарно, когда ты такъ постоянно заботишься о томъ, чтобы своими письмами всякую недѣлю по два раза доставлять мнѣ удовольствіе. Даже, еслибы ты вдругъ началъ рѣже писать мнѣ, я бы и тогда никакъ не могъ *досадовать* на тебя и понялъ бы, что иначе быть не можетъ. Я бы пожалѣлъ, но примирился бы съ необходимостію.

Въ географическомъ словарѣ Максимовича и Щекатова стоитъ: *Головчинъ*, а на картѣ Пядышева *Головщино*.

За то, что М. не отвѣчаетъ, не надобно слишкомъ сердиться на него: онъ человѣкъ разсѣянный и безпорядочный; будучи заваленъ дѣломъ по журналу, онъ, конечно, упускаетъ много обязанностей общественныхъ. При всемъ своемъ литературномъ ничтожествѣ, онъ имѣетъ много хорошаго.

[1]) Василію Дмитріевичу.

№ Академическихъ Вѣдомостей точно тобою означенъ, и я виноватъ, что не замѣтилъ этого. Отвѣчая тебѣ, я не только въ „крайнихъ случаяхъ", но и *всегда* имѣю на глазахъ послѣднія 2 письма твои, и только о томъ, чтò упомянуто давнѣе, могу ошибаться, — какъ случилось и въ этотъ разъ. Что графъ Армфельтъ не повѣстилъ тебя о пріѣздѣ дочери, не доказываетъ охлажденія; для такого увѣдомленія, мнѣ кажется, требовалось бы болѣе короткихъ отношеній. Охлажденіе К. къ общему дѣлу (если оно дѣйствительно есть) никого благоразумнаго не можетъ оскорблять.

Упомянутый мною отрывокъ изъ *Сковороды* помѣщенъ въ № 1 Москвитянина, на стр. 117. Прочти это Александрѣ Осиповнѣ отъ моего имени. Первыя и послѣднія строки твоего письма примиряютъ съ его серединою и показываютъ, что въ тебѣ еще не совсѣмъ погасъ духъ благоволенія.

Среда, 15 апрѣля.

Наконецъ, я получилъ стихотворенія Майкова и читаю ихъ съ наслажденіемъ. Каковъ онъ въ другихъ отношеніяхъ? Министру честь дѣлаетъ, что онъ такъ поощряетъ новый талантъ. О томъ, что ты упомянулъ о немъ на актѣ, мнѣ уже извѣстно по отрывку, перепечатанному въ Пчелѣ изъ С.-Петербургскихъ Вѣдомостей. О женитьбѣ Комовскаго знаю. О препровожденіи лѣта еще рано говорить; но, по всей вѣроятности, мнѣ у васъ не бывать. Лѣтомъ изъ города переселяются въ деревню; а я бы изъ деревни — Финляндіи — поѣхалъ въ Питеръ, изъ котораго прежде всякое лѣто рвался въ Феннію! Не занесетъ ли и тебя какъ-нибудь къ намъ — въ деревню? Изъ Руси въ rus?

Во вторникъ встрѣтилъ Матильду, которая съ Аделаидой и гувернанткой Пушкиной шла гулять. Я до театра прошелся съ ними. Въ началѣ мая сбираются уже въ Оминне, но Матильдѣ не хочется. Потомъ пошелъ я къ Меллинымъ, которые въ субботу звали было меня къ себѣ на вечеръ. Они очень милы до меня. Женихъ ѣхалъ на другой день въ Петербургъ; ты получишь черезъ него (его зовутъ Меллинъ же) статью изъ Фрюкселя и рукопись (въ копіи) Сологуба (совершенно сходную съ подлинникомъ безъ сдѣланныхъ въ печати перемѣнъ). M-lle Mellin просила меня написать ей заглавія нѣкоторыхъ русскихъ книгъ и удивила меня своими познаніями въ русской литературѣ, изъ которой очень многое прочла сама. „Исторію" Александры Осиповны знаетъ уже, и теперь собиралась купить новое изданіе у Вассеніуса. Я продолжаю читать извѣстный романъ m-lle Bremer „Сосѣди"; отъ 1-й части я былъ въ восхищеніи, 2-ю недоволенъ: искусственность одолѣла природу.

Напиши мнѣ, чтò въ точности значитъ: 1) *калика* перехожій (какъ выговорить *калика)?* 2) Откуда *рѣчь посполитая?*

Отчего вашъ актъ былъ 25 марта?

Ты получишь это письмо чуть ли не въ Свѣтлое Воскресенье: Христосъ воскресъ!

Шведскій Альманахъ переплетается. Изъ типографіи требуютъ денегъ, а ихъ нѣтъ. Итогъ обоихъ счетовъ составляетъ (вмѣстѣ съ платою переплетчику) 2,500 руб. Продажа русской части, какъ я вижу, идетъ плохо. Отъ сотрудниковъ я не имѣю права требовать какого-либо участія въ издержкахъ, потому что никакого условія предварительно не было сдѣлано. Но такъ какъ ты, еще когда задумывался планъ въ 1840 году и нынче зимою, находилъ такое участіе справедливымъ, то тебѣ предоставляется по соразмѣрности внести такую сумму, какую можешь, не стѣсняя себя.

Если, какъ я надѣюсь, шведская часть будетъ счастливѣе, то она со временемъ можетъ вознаградить издержки.

39.

(Плетневъ — Гроту) *Спб., субб., 18 апр. 1842.*

Въ прошедшую среду, ровно въ 8 часовъ утра, разошлась Нева и не было у насъ сообщенія съ тою стороной до 12 часовъ четверга. Вотъ почему ты не могъ получить отъ меня письма по обыкновенію. По сегодняшней почтѣ посылаю черезъ ректора къ тебѣ пакетъ, въ которомъ ты найдешь отпечатанный экземпляръ нашего акта. Если найдешь достойнымъ, то отмѣть иныя мѣста карандашемъ и вели Лундалю перевести для какой-нибудь финляндской газеты. Пожалуйста, читая шведскія и финляндскія газеты, отмѣчай карандашемъ налету отзывы объ Альманахѣ нашемъ на шведскомъ языкѣ. Очень занимательно будетъ сравнить приговоры иностранцевъ съ приговорами нашихъ умниковъ.

Не увѣренъ, чтобы печатаніе русской книги въ Выборгѣ сообщило извѣстность тамошней типографіи. Но я восхищаюсь мыслію, что буду, наконецъ, читать порусски m-lle Бремеръ. Только пожалуйста внимательнѣе смотри за фразами въ переводѣ. Надобно ему доставить полную свободу и грацію. Успѣхъ этой книги могъ бы окрылить и другія предпріятія. Можно бы тогда посягнуть и на Фрюкселя или еще кого-нибудь. Завтра первый день Пасхи. Поздравляю тебя, а ты не забудь отъ меня поздравить Каролину Ивановну и Розу Карловну; я желаю, чтобы онѣ были нынѣшнимъ лѣтомъ еще веселѣе прошлогодняго. Скоро народъ будетъ налетать къ вамъ. Какъ-то рѣшился ты: пуститься къ намъ на лѣто, или улизнешь въ Курляндію? Или поселишься въ Тёле [1])? Я нетерпѣливо желаю переѣзда на дачу для Оли, которой, по мнѣнію доктора, одно спасеніе — сельскій воздухъ.

[1]) Мѣсто загородныхъ дачъ.

40.

(Гротъ — Плетневу) *Гфорсъ, среда, 21 апрѣля 1842.*

Съ послѣднимъ письмомъ твоимъ я ничего еще не получилъ особаго отъ ректора: вѣроятно, задержали въ петербургской канцеляріи. Маменька и сестра благодарятъ за поздравленіе и сами тебя поздравляютъ. Написавъ это, пошелъ я воспользоваться прекраснымъ весеннимъ вечеромъ. Уже природа опять оживаетъ во всемъ своемъ блескѣ, опять ужъ не сидится мнѣ въ душныхъ стѣнахъ и все хочется на свободу, гдѣ со всѣхъ сторонъ пробуждающаяся жизнь какъ-будто говоритъ всякому: живи и наслаждайся жизнью. Во всемъ году нѣтъ поры прекраснѣе теперешней: я часто хожу по большимъ дорогамъ, вокругъ кладбищъ и скалъ; чудные наши заливы уже снова сіяютъ во всей красотѣ своей, на деревьяхъ ужъ почки, въ высотѣ ужъ слышны пѣсни жаворонковъ. Словомъ „восторгъ, восторгъ я ощущаю" и сегодня, чуть всталъ, я уже гулялъ за городомъ.

Въ прошлой четвергъ былъ я у больной m-me Walleen и видѣлъ тамъ Демидову, которая была необыкновенно милостива. Остатокъ вечера провелъ у Клинковстремовъ: у нихъ четверги,— тамъ было много гостей, играли въ словесныя игры, и я былъ въ числѣ дѣйствующихъ, но безъ удовольствія.

Въ пятницу было публичное годовое засѣданіе ученаго Общества. Между произнесенными рѣчами особенно замѣчательна была и по интересу, и по краснорѣчію, и по чтенію рѣчь Ильмони о *черной смерти*. Этому предмету умѣлъ онъ придать занимательность всемірную. Въ Свѣтлое Воскресенье пошелъ я поздравить Теслева. Надобно тебѣ знать, что у насъ ждутъ Наслѣдника, который кому-то сказалъ, что посѣтитъ насъ въ маѣ мѣсяцѣ. Теслевъ объявилъ, что Урсинъ вскорѣ явится ко мнѣ съ просьбою сочинить привѣтствіе на этотъ вожделѣнный случай (смотри, не проболтайся).

Во второй день праздника шведскій Альманахъ, переданный въ лавку уже въ субботу, былъ объявленъ въ газетахъ. Такъ русскій началъ свое поприще на Рождество, а шведскій въ Пасху: стало быть, сверху есть на него благословеніе, а снизу и не нужно.

Въ понедѣльникъ здѣшній beau monde, по распоряженію Пушкиной, имѣлъ пикникъ въ нѣсколькихъ верстахъ отъ города. Всякій повезъ съ собою особые припасы, по назначенію Армфельтовой. Меня не звали, и я очень былъ радъ тому, потому что въ противномъ случаѣ отказался бы. Нынче я рѣшительно въ немилости у здѣшняго общества; замѣтивъ, что я пересталъ дѣлать визиты, оно справедливо заключило, что я его избѣгаю и, думая, что казнитъ,—ублажаетъ меня своимъ равнодушіемъ.

У меня есть до тебя просьбица. Я готовлюсь экзаменовать на латинскомъ языкѣ, но на бѣду нѣтъ здѣсь книги, изъ которой бы я могъ узнать, какъ принято означать по латынѣ разныя названія и имена, встрѣчающіяся въ русской исторіи. При вашемъ университетѣ вѣрно есть разнаго рода латинскія диссертаціи или другого рода сочиненія, изъ которыхъ можно бы получить такія свѣдѣнія. Пожалуйста, вели отыскать главныя изъ такихъ книгъ или брошюръ и, не теряя времени, доставь мнѣ. Это послужитъ мнѣ значительнымъ облегченіемъ; а до тѣхъ поръ ни Тациты, ни Юліи Цезари не принесутъ мнѣ настоящей пользы въ этомъ случаѣ.

Не видалъ ли ты Протопопова или не слышалъ ли чего о немъ? Я немного безпокоюсь на его счетъ.

41.

(Плетневъ — Гроту) ***Спб., среда на Св. Нед., 22 апр. 1842.***

Что касается до словъ: Головчинъ и Головщино — послѣднее кажется мнѣ болѣе похожимъ на собственно русскія слова. Читали мы отрывокъ изъ Сковороды и нашли, что онъ хорошъ, только не въ сверхъестественномъ смыслѣ. Такой христіанской морали у старинныхъ умниковъ нашихъ не въ рѣдкость найти. Майковъ хорошъ и въ прочихъ отношеніяхъ, хотя естественно очень молоденекъ. Мнѣ нынѣшнимъ лѣтомъ опять уѣхать изъ университета какъ-то совѣстно. О пріѣздѣ жениха Меллиной еще не слыхать. Заранѣе благодарю тебя за Фрюкселя. Ты напрасно ожидаешь, что въ новомъ изданіи Статистики Зябловскаго[1]) встрѣтишь какое-нибудь обновленіе свѣдѣній. По всей вѣроятности, это новое изданіе есть старая шутка книгопродавца-спекулянта. Зябловскій уже отжилъ для мышленія, да едва-ли и физически живъ? Слѣдовательно, изданіе дѣлаетъ книгопродавецъ, часто довольствуясь перепечатаніемъ одного заглавнаго листка. Радуюсь за m-lle Mellin, что ей Богъ открылъ столько премудрости русской. Чувство твое при чтеніи г-жи Bremer я понимаю: такъ меня бѣситъ большая часть нынѣшнихъ сочиненій, претендующихъ на высшую идею искусства. Вездѣ проглядываетъ мудрованіе, а натуры ни на волосъ. *Калика* испорченное слово отъ *калѣка*. Послѣднее выражаетъ идею, соотвѣтствующую слову инвалидъ, убогій человѣкъ по причинѣ физическаго недостатка, на войнѣ или въ болѣзни приключившагося. Видимо, что это писано по малороссійскому выговору, гдѣ старцы то хромые, то слѣпые бродятъ *(перехожій)* по селеніямъ съ кобзою (родъ бандуры, муз. инструмента), поютъ, подыгрывая на кобзѣ, и получаютъ за то подаяніе. О такихъ пѣвунахъ прекрасно упомя-

[1]) Евдокима Павловича, профессора, автора учебниковъ географіи и статистики, м. 1846 г.

нулъ Гнѣдичъ въ идилліи своей „Рыбаки“. Другой этимологіи для калики не умѣю пріискать. Произносить же по нашему надо калйка; а въ стихахъ — какъ лучше по звукопаденію метра.

Актъ 25 марта бываетъ въ память переселенія въ нынѣшнее зданіе. Министръ самъ предложилъ Государю, чтобы въ этотъ день бывали торжественныя наши годичныя собранія. Деньги по-немножку надѣюсь выплатить. Сологубъ, говорятъ, уже промотался въ картёжъ. Одоевскій уѣхалъ на двѣ недѣли въ Москву, а по возвращеніи сюда пустится въ чужіе края. На нихъ никогда я не полагалъ никакой надежды.

42.

(Плетневъ — Гроту) ***Спб., субб., 25 апр. 1842.***

Въ прошедшую среду, только что я отправилъ къ тебѣ письмо, какъ подали мнѣ приглашеніе на похороны нашего бѣднаго Алеши Реймерса. Только годъ онъ промаялся съ тѣхъ поръ, какъ собрался съѣздить къ вамъ въ Гельсингфорсъ. Е. А. Энгельгардтъ сбирается о чемъ-то писать къ тебѣ. Въ четвергъ былъ я у Растопчиной, которая объявила мнѣ, что нынѣшней весною она непремѣнно отправится въ Гельсингфорсъ, поручивъ уже графинѣ Пушкиной пріискать для себя квартиру. У меня теперь все вертится мысль: не отправить ли и Олиньку съ Александрой Осиповной брать у васъ морскія ванны? Докторъ давно уже толкуетъ, что для Оли очень полезны будутъ соленыя купанья. Мнѣ хотѣлось бы знать обо всемъ этомъ твое мнѣніе. Славное было бы дѣло, еслибы по прошлогоднему ты съ ними опять объѣхалъ всю живописную Финляндію. Растопчиной хочется послѣ заѣхать и на Иматру. Сейчасъ, когда я былъ на этой строчкѣ, явились ко мнѣ мои дамы. Я говорилъ съ А. О. о моихъ планахъ. Она пугается мысли покинуть свой домъ безъ собственнаго надзора. Буду всего ждать отъ власти обстоятельствъ и *всесильнаго мгновенія* (любимый мною властитель). Но все-таки мысль, чтобы ты объѣхалъ съ Александрой Осиповной и Олею по тѣмъ самымъ мѣстамъ, гдѣ прошлаго года былъ со мною, очень нравится мнѣ. Во время вашего пребыванія въ Гельсингфорсѣ и я недѣли на двѣ могъ бы пріѣхать къ вамъ. Назадъ можно бы ихъ отправить въ моей коляскѣ сухимъ путемъ. Даже ты самъ могъ бы прокатиться хоть до Выборга или до Кушелевской дачи. Мечты! Мечты!

43.

(Гротъ — Плетневу) ***Гфорсъ, вторн., 28 апрѣля 1842.***

Въ отрывкѣ изъ Сковороды разителенъ *новый* способъ *выраженія* глубокой истины.

Зябловскаго новое изданіе выписываю потому, что это единственное средство поправить ошибку мою: я выписалъ старое, тогда какъ оно уже есть въ библіотекѣ. Не смотря на нѣкоторые недостатки, романъ m-lle Bremer („Сосѣди") доставилъ мнѣ много наслажденія, и я нашелъ въ немъ много такого, что самъ часто мечталъ написать. Но мы хотимъ прочесть и другіе ея романы, прежде нежели рѣшимся на выборъ. Что ты насчетъ *рѣчи посполитой* полѣнился справиться въ лексиконѣ — похоже на тебя. Ходить или сидѣть сложа руки, съ сигаркою во рту, считается дѣломъ; а раскрыть лексиконъ — недосугъ. А не худо бы взять, наконецъ, за правило: что разъ признается дѣломъ нужнымъ или полезнымъ, то и сдѣлать тотчасъ же или только-что представится возможность. Чѣмъ безплодно пройти 100 шаговъ по паркету, лучше 100 секундъ простоять передъ шкапомъ, роясь въ лексиконѣ. Ужъ я не знаю, что мнѣ съ тобой дѣлать?

Припоминается мнѣ, какъ ты бывало жаловался на скуку и доказывалъ даже ея неизбѣжность! Ужасно! Какъ могутъ въ одномъ человѣкѣ вмѣщаться такія противорѣчія? Мнѣ это неизъяснимо. Вотъ что одинъ физіологъ, нѣмецъ, говоритъ о скукѣ: „Потребность живой душевной дѣятельности выражается въ скукѣ, когда избытокъ неистраченной силы производитъ томительное напряженіе и ты чувствуешь время ненаполненнымъ, пустымъ, если въ душѣ не возбуждаются новыя или занимательныя представленія, или ожиданіе какого-нибудь событія не вызываетъ другого ощущенія". Поэтому скука простительна только человѣку, не имѣющему въ самомъ себѣ средствъ занять душу чѣмъ-нибудь достойнымъ ея созерцанія. Странно: ты понимаешь и презираешь суету мірскую, а прибѣгаешь къ ней, когда у тебя остается время свободное отъ должности, чѣмъ бы дать какую-нибудь благородную пищу безсмертной душѣ. Но, можетъ быть, ты лучше любишь проводить его въ кругу самыхъ близкихъ людей; однако, если свиданіе съ ними не разгоняетъ твоей скуки, не производитъ въ тебѣ веселости, то значитъ — ты слишкомъ часто и слишкомъ долго видишься съ ними; надобно сдѣлать свиданія рѣже, они выиграютъ въ занимательности. Ты достигъ нѣкоторыхъ убѣжденій мудрости; но тѣмъ сильнѣе, кажется, должно бы быть твое желаніе овладѣть ею вполнѣ; а какъ противны ей скука и праздность! Мудрости нѣтъ въ томъ, кто только мыслитъ въ истинѣ, а дѣйствуетъ внѣ ея. Мудрость же есть слѣдствіе познанія, — усвоенія истины во всѣхъ видахъ, — а ты давно остановился въ стремленіи къ пріобрѣтенію познаній. Человѣкъ такъ созданъ, что онъ, отлично отъ всѣхъ прочихъ существъ на землѣ, самъ даетъ себѣ мѣсто въ твореніи. Когда говорятъ, что человѣкъ выше всѣхъ прочихъ тварей, то это не точно. Истинно только то, что въ немъ заключена *возможность* стать выше всѣхъ тварей, но онъ можетъ стать и ниже ихъ, если — имѣя ра-

зумъ — обратитъ его въ безполезное благо. Слѣдовательно, ты, достигнувъ нѣкоторой высоты и остановившись, добровольно лишаешь себя высшей человѣческой славы — стать такъ высоко, какъ только человѣку возможно.

Тутъ дѣло не въ способностяхъ, не въ подвигахъ ума, а только въ томъ, чтобы сдѣлать, живя, все то благое, къ чему въ тебѣ есть средства. Меня часто ужасаетъ мысль, каково должно быть человѣку на одрѣ смерти, когда онъ, оглядываясь назадъ, долженъ сознаться, что сѣмя добра, съ которымъ онъ родился, осталось неразвитымъ (не говоря уже о рѣшительномъ злѣ) и что теперь его раскаяніе уже *навѣки* поздно. А между тѣмъ, въ сущности, совсѣмъ не такъ трудно дѣлать должное. Нужно только немного того, что̀ называется твердостію, а она, какъ и все, пріобрѣтается упражненіемъ, если только есть въ душѣ основанная на мудрости воля. Не позволять себѣ ни *малѣйшаго* отступленія отъ законовъ мудрости — вотъ единственное условіе полнаго счастія и сохраненія мудрости. Стоя на крутой горѣ, не трудно на ней удержаться, но кто ступилъ шагъ по крутизнѣ, тому почти невозможно остаться на высотѣ. Другими словами: надобно сохранять духъ *свободнымъ*, т. е. независимымъ отъ обмановъ чувствъ и страстей; вполнѣ свободный духъ живетъ въ Богѣ и не можетъ погрѣшать. Все, что̀ мы дѣлаемъ и говоримъ добраго, есть плодъ *свободы* духа; все дурное — плодъ его земного *рабства*, а рабство — это плодъ одного обмана. Всѣ страсти — пустой обманъ — оптическій для ока души. А въ томъ числѣ и празднолюбіе, отвращеніе отъ всякаго напряженія духа. Свободный духъ хочетъ дѣйствовать, питаться созерцаніемъ истины, наслаждаться трудомъ невещественнымъ; но является лѣность съ своими подлыми обманами: духъ безсмертный, божественный отдается въ рабство!

Если ты эти строки прочтешь съ неудовольствіемъ или скукою, не вѣрь себѣ; это будешь чувствовать не ты; нѣтъ, ты, та свободная и вѣчная душа, которую я полюбилъ, ты непремѣнно думаешь также; но можетъ быть земные обманы опутали тебя... Жаль! Время возвратитъ тебѣ свободу.

Въ одномъ письмѣ своемъ, въ началѣ года, ты просилъ меня нападать на враговъ твоихъ — духъ унынія и празднолюбія. Это ты говорилъ свободный, — и я воспользовался случаемъ, чтобы наконецъ, хоть разъ, исполнить твое желаніе.

Совѣтовалъ бы я тебѣ иногда, какъ будто со стороны и съ строгостью чужого, бросить на себя внимательный взглядъ, трактовать себя въ третьемъ лицѣ, думать о себѣ не иначе, какъ въ словѣ *онъ;* спрашивать: *что онъ могъ сдѣлать и что сдѣлалъ?* и я увѣренъ, что ты найдешь въ этомъ пользу. Если ты убѣжденъ въ томъ, что̀ лучше, то передъ каждымъ дѣйствіемъ или бездѣйствіемъ спрашивай у себя:

что лучше? и когда, обдумавъ, рѣшишь, то уже, не смотря ни на что, выбирай лучшее.

29 апрѣля.

Наконецъ-то, и я прочелъ твою рѣчь объ актѣ. Хорошо; но сказанное въ началѣ о развитіи университетовъ не совсѣмъ вѣрно исторически; иныя выраженія могли бы быть яснѣе и точнѣе. Я сообщу статью эту въ редакцію одной газеты; извлеченіе мѣста о дѣятельности вашихъ профессоровъ могло бы быть интересно въ шведскомъ переводѣ. Статья Никитенки также мнѣ понравилась, въ ней мысли дѣльныя. Изданіе этихъ актовъ прелестно при всей простотѣ своей.

И мы получили похоронные билеты Реймерса. Подробности о послѣднихъ дняхъ его очень интересны. Онъ зналъ уже дня за два о своей смерти и умеръ совершенно приготовленный. Такъ-то и нашъ чередъ придетъ рано или поздно. Давай заранѣе готовиться. Энгельгардту буду отвѣчать съ слѣдующей почтой.

Мысль о поѣздкѣ Олиньки съ Александрой Осиповной очень пріятно поразила меня, но пользы для здоровья можно ожидать не столько отъ ваннъ, сколько развѣ отъ образа жизни.

Не думаю, чтобы ѣзда по Финляндіи понравилась имъ при жалкомъ состояніи и скудости нашихъ станцій, особливо если погода будетъ дурная. Сверхъ того, боюсь, чтобы и въ Гельсингфорсѣ имъ не было скучно. Къ несчастію, обстоятельства не позволили бы намъ часто бесѣдовать и заниматься безъ свидѣтелей, которые, каковы бы ни были ихъ достоинства, не входятъ въ наши идеи. Но нѣтъ, это вздоръ, я все-таки много могъ бы наслаждаться обществомъ милыхъ путешественницъ, и потому съ своей стороны очень желаю, чтобы онѣ пріѣхали.

Можетъ быть, всего бы лучше было имъ только прокатиться хорошенько, т. е. махнуть большой кругъ по Финляндіи, а не жить на одномъ мѣстѣ или развѣ на обратномъ только пути побыть и покупаться мимоходомъ въ Гельсингфорсѣ. Это, по моему мнѣнію, всего бы лучше устроилось вотъ какъ: ты бы привезъ (или прислалъ съ кѣмъ-нибудь) дамъ своихъ въ Выборгъ, а я бы пріѣхалъ туда же въ твоей здѣшней коляскѣ, и, отпустивъ тебя (или Григорія) назадъ, покатилъ бы съ ними на Свиной Хребетъ (см. Современникъ, статью „Гельсингфорсъ“) черезъ Иматру. Сдѣлавъ большой кругъ по лучшимъ мѣстамъ, мы черезъ Або пріѣхали бы въ Гельсингфорсъ, и здѣсь онѣ пожили бы недѣли три; потомъ ты бы за ними пріѣхалъ на пароходѣ, или мы бы опять съѣхались въ Выборгѣ, словомъ, окончаніе придумать бы можно послѣ. Вотъ мой планъ романа подъ заглавіемъ: *Странствованіе Звѣздочки съ Искоркой*. И замѣть, романъ въ 3-хъ частяхъ: 1) Путешествіе. 2) Отдыхъ. 3) Возвратъ.

Само собою разумѣется, что мы во время поѣздки прилежно трудились бы для „Звѣздочки“, и она ни одной книжкой не опоздала бы,

еслибъ только кто-нибудь въ Петербургѣ, надежный человѣкъ, взялся держать корректуру.

Шведскій Альманахъ нашъ въ полномъ ходу. Уже въ двухъ газетахъ были рецензіи, обѣ очень выгодныя, даже и тамъ, откуда я ожидалъ оппозиціи. Тебя благодарятъ за новыя свѣдѣнія о русскихъ поэтахъ; хвалятъ твои здравыя критическія понятія. Когда обѣ статьи будутъ окончены, я, можетъ быть, устрою, чтобы ихъ перевели для помѣщенія хоть, напримѣръ, въ С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ. Мнѣ, кажется, что для полноты, русскій литературный міръ долженъ знать, какъ шведское изданіе русскаго Альманаха было принято финляндцами. Вообще книга принята очень хорошо; даже два профессора (одинъ — Тенгстремъ, знатокъ исторіи университета) дѣлали мнѣ много комплиментовъ и замѣтили, что эта книга не умретъ. Мою исторію университета находятъ вполнѣ удовлетворительною, и хвалятъ точность всѣхъ показаній. Въ недѣлю продано у одного Вассеніуса около 25 экземпляровъ, а это здѣсь очень много, тѣмъ болѣе, что книга не изъ самыхъ дешевыхъ (1 руб. 20 коп. сер.).

Урсинъ произведенъ въ коллежскіе совѣтники. Наслѣдника ждутъ въ серединѣ будущей недѣли. И графъ Армфельтъ (уже дѣйствительный статсъ-секретарь) пріѣдетъ.

Если дамы сберутся, пусть ѣдутъ около 10-го іюня, тогда я буду свободенъ; а въ іюлѣ примусь за работу.

44.

(Плетневъ — Гроту) *Спб., среда, 29 апр. 1842.*

Напрасно вообразилъ ты, что у насъ есть собраніе какихъ-нибудь латинскихъ диссертацій. Все писано по-русски, исключая рѣчей о римскомъ правѣ (и то я помню одну) да о древней филологіи (чего, впрочемъ, я и не запомню). Я полагаю, что тебѣ надобно будетъ создать латинскую терминологію для русской исторіи.

Протопопова карточку я видѣлъ у себя на праздникахъ, а его самого нѣтъ. Заключаю, что онъ живъ; но не имѣю времени ухаживать за нимъ, отъ рукъ отбившимся послѣ всѣхъ моихъ авансовъ. Порошинъ принесъ ко мнѣ экземпляръ перевода Павскаго многихъ книгъ Ветхаго Завѣта на русскій. Это прекрасный трудъ. Будь такое явленіе въ литературѣ европейской, то ученый прелатъ превознесенъ былъ бы до небесъ во всѣхъ журналахъ. У насъ нельзя и о томъ думать, чтобы пока читали его переводы. Не позволяютъ даже и Новаго завѣта напечатать второе изданіе. Вотъ кривотолки христіанства, которое Іисусъ дѣлалъ простотою доступнымъ для дѣтей.

Въ понедѣльникъ съ Олею былъ я у Огаревыхъ [1]. Мать и дочь

[1]) См. *ниже*, стр. 532 — 33.

приняли ее съ восхитительнымъ участіемъ. 9 мая Огаревы ѣдутъ на 3 мѣсяца за границу. Послѣ наше знакомство должно сдѣлаться болѣе близкимъ и, слѣдовательно, болѣе интереснымъ. Во вторникъ Великая Княжна Ольга Николаевна объявила мнѣ, что Канцлеръ дѣйствительно скоро къ вамъ поѣдетъ. Я зашелъ къ нему проститься, гдѣ нашелъ Паткуля, который сказалъ, что это будетъ около 10 мая. Я еще разъ рекомендовалъ Канцлеру профессора Грота. Онъ вообще къ университету вашему благоволитъ. У насъ въ университетѣ начались годичные экзамены — мука, вамъ неизвѣстная. Пріѣхалъ изъ-за границы князь Григорій Волконскій. Будетъ, слѣдовательно, важная у насъ перемѣна въ дѣлахъ. Онъ назначенъ попечителемъ вмѣсто Дондукова, который самъ вышелъ. Предупреди графиню Луизу *(Армфельтъ)*, чтобы она не уѣзжала въ Оминне до прибытія Канцлера.

45.

(Плетневъ — Гроту) *Спб., пятн., 1 мая 1842.*

Въ среду, кромѣ нашихъ, былъ у меня только Левъ Пушкинъ (братъ поэта). Мы съ нимъ въ 11-мъ часу вечера отправились къ С—у. Тамъ поразила меня перемѣна препровожденія вечера. Вмѣсто литературнаго говора царствовала картежная тишина молодежи за двумя зелеными столами. Такъ вотъ чѣмъ кончилось стремленіе къ идеаламъ! Видно, скука не свой братъ. Ее не одолѣешь наружною любовію къ прекрасному, когда въ сердцѣ пустота или порочныя страсти. Въ двѣнадцать часовъ явился туда и Листъ. Ему подали халатъ и туфли. Онъ сѣлъ тоже за карты, хотя небольшой въ нихъ, какъ видно, знатокъ, потому что я даже въ состояніи былъ учить его, съ чего надобно ходить. Вообще онъ простъ и охотно убиваетъ время за этимъ общепринятымъ въ свѣтѣ дѣломъ. Старый Вьельгорскій и молодой С—ъ играли тоже въ халатахъ. Когда пріѣхала съ одного вечера молодая графиня, ее пригласили зайти въ эту безчинную гостиную, и никто не подумалъ извиниться передъ нею. Все это, признаюсь, мнѣ было противно. Я не люблю цинизму ни въ чемъ, особенно при дамахъ: это ихъ развращаетъ. Увидѣвъ, что передъ двумя часами начали только-что накрывать ужинъ, я убрался домой, ужаснувшись мысли, что вакханалія можетъ продлиться до пяти часовъ.

Сегодня, въ пятницу, вышелъ № 5 Звѣздочки, который ты въ одинъ день съ этимъ письмомъ долженъ получить отъ ректора. О твоихъ ко мнѣ посылкахъ съ Меллинымъ нѣтъ ни слуху, ни духу. Видно, онъ не отыщетъ меня, или не думаетъ искать. Вечеромъ теперь я былъ у Балабиныхъ. Тамъ я читалъ твою біографію Францѐна. Она очень понравилась всѣмъ. Мнѣ тоже она очень нравится. Еслибы можно было ее дополнить подробностями о прежней и нынѣш-

ней семейной жизни Францѐна, это прибавило бы много колориту и интересу статьѣ. Особенно замѣчательно (ты помнишь, что̀ разсказывали у Гартмана), какъ онъ рано ложится, чтобы ранѣе вставать; какъ онъ ни одного дня не пропускаетъ, чтобы не написать чего-нибудь и проч. Его жена, дочери, внуки — все въ его біографіи могло бы получить прелесть оригинальности, еслибы только это узнать обстоятельнѣе.

Сегодня я навѣрное слышалъ, что весенній парадъ назначенъ 6 мая. И такъ, вѣроятно, 7-го Канцлеръ пустится на пароходѣ въ предположенный путь. 9-го онъ можетъ явиться въ университетъ.

46.

(Гротъ — Плетневу) *Гфорсъ, среда, 6 мая 1842.*

Здѣсь я отыскалъ двѣ латинскія диссертаціи, относящіяся къ русской исторіи (обѣимъ болѣе 100 лѣтъ отъ роду), да возьму еще записки Герберштейна и Мейерберга. Этого станетъ. Кто такіе Огаревы? Шернваль здѣсь говоритъ, что Наслѣдникъ будетъ въ воскресенье или въ понедѣльникъ. Моя рѣчь готова, но еще не знаютъ, будетъ ли предположенный актъ; хотятъ посовѣтоваться съ Армфельтомъ. Съ новымъ попечителемъ не знаю, поздравлять ли. Забавна и жалка перемѣна въ вечерахъ С—а; но какое убѣдительное подтвержденіе пошлой пустоты нынѣшнихъ мыслителей. Но видно, это нужно для приготовленія будущаго блага. Перечитавъ біографію Францѐна, я самъ былъ нѣсколько болѣе доволенъ своею статьей; насчетъ предполагаемыхъ тобою дополненій я согласенъ, и думалъ о нихъ уже въ то время, какъ писалъ, но слишкомъ торопился и притомъ не хотѣлъ растянуть статьи; я желалъ особенно воспользоваться ею, какъ канвой, для сообщенія нѣкоторыхъ идей.

Эти дни я много бездѣльничалъ. Ожиданіе Наслѣдника, которое всѣхъ взбудоражило, вовлекло и меня въ общій вихрь, принудивъ поломать себѣ голову и перемарать много бумаги, чтобы придумать, что̀ и какъ сказать въ привѣтствіе. Наконецъ, кое-что вышло. Однообразіе нашей ежедневной жизни получило маленькій толчекъ пріѣздомъ извѣстнаго французскаго литератора Marmier [1]). Я узналъ эту новость въ воскресенье, зашедши вечеромъ къ Нервандеру (въ саду). Послѣ безпрестанно слышалъ я вопросъ: „Познакомились ли вы уже съ Мармье“? Между тѣмъ и Рунебергъ былъ здѣсь. Вчера, встрѣтившись

[1]) Мармье, Ксавье, французскій писатель (род. 1809 г.), былъ библіотекаремъ (министерства просвѣщ.) въ Парижѣ, извѣстенъ критическими трудами о литературахъ сѣверныхъ и нѣмецкой (Histoire de la littérature en Danemark et en Suède, Paris, 1829) и описаніями своихъ путешествій.

съ нимъ, я узналъ, что Marmier уже отыскалъ его, и мы вмѣстѣ пошли къ интересному пріѣзжему (въ hôtel de Pétersbourg), однакожъ не застали его. Возвратясь домой, я у себя нашелъ его карточку. Въ нетерпѣніи потолковать съ нимъ о предметахъ, которые долго обоихъ насъ занимали, я опять отправился къ нему послѣ обѣда. Онъ мнѣ очень понравился: рѣдкія во французѣ скромность, откровенность, простодушіе и основательность ума. Наружность пріятная, рѣчь также; 32 года. Онъ сказалъ, что съ самаго пріѣзда желалъ со мною познакомиться, ибо еще въ Стокгольмѣ узналъ обо мнѣ отъ m-me Lavonius, которую онъ признаетъ первою дамою въ Стокгольмѣ и по красотѣ и по любезности. Первая книга, какую здѣсь купилъ, былъ мой Альманахъ по-шведски, который онъ успѣлъ уже и прочесть. Онъ очень хвалитъ и идею и всѣ статьи, только насчетъ графской замѣтилъ, что тамъ есть вранье въ разсужденіи французовъ. Я объяснилъ дѣло. Мою статью онъ сперва всю хотѣлъ перевесть, но рѣшился поукоротить ее съ прибавками о трудахъ профессоровъ. Онъ полагаетъ на меня большія надежды въ отношеніи къ оживленію здѣсь литературной дѣятельности (?!). Расположенъ къ русскимъ, высоко почитаетъ нашего Государя (вовсе безъ притворства) и уже въ Германіи началъ учиться по-русски; вообще судитъ такъ здраво, что, право, удивилъ меня. (Не думай, что я говорю это потому, что онъ польстилъ мнѣ, но мы точно понимаемъ другъ друга). Я просилъ его навѣстить тебя, когда будетъ въ Петербургѣ (онъ черезъ недѣлю ѣдетъ туда), но у него столько почетныхъ рекомендацій, что онъ едва-ли успѣетъ (между прочимъ къ Уварову). Прощаясь, мы условились, что я сегодня покажу ему университетъ, прежде же онъ отобѣдаетъ у меня. Я позвалъ еще Фуруельма и Лундаля. Разговоръ нашъ былъ чрезвычайно оживленъ и интересенъ и, не смотря на простоту обѣда, кажется, всѣ были довольны. Послѣ обѣда пришелъ и Грипенбергъ. Въ 5 часовъ пошли мы въ университетъ. Какъ умный мальчикъ, Marmier не останавливался по часу передъ каждымъ камешкомъ и птицей, а довольствовался общими взглядами. Потомъ постояли мы съ Шернвалемъ и молодымъ Гартманомъ на крыльцѣ, глядя на ученіе на Сенатской площади. Я подарилъ Marmier экземпляръ моего Фритіофа, и онъ очень казался доволенъ этимъ.

Въ нашемъ большомъ свѣтѣ рвутся изъ-за него. Вчера онъ меня увѣрялъ: „Vous avez beaucoup d'amis ici“! По обстоятельствамъ.

Гартманъ сдѣланъ статскимъ совѣтникомъ и завтра даетъ въ саду обѣдъ, на которомъ буду и я.

Marmier пробудетъ короткое время въ Петербургѣ, побываетъ въ Москвѣ и поѣдетъ назадъ въ Парижъ, гдѣ занимаетъ мѣсто библіотекаря въ министерствѣ просвѣщенія.

47.

(Плетневъ — Гроту) *Спб., вторн., 5 мая 1842.*

Посланныхъ тобою тетрадей и теперь еще нѣтъ. Боюсь, чтобы Меллинъ назадъ не увезъ ихъ въ разсѣянности, столь свойственной влюбленнымъ и женихамъ даже. О *Посполитой Рѣчи* будетъ учинена мною справка въ лексиконѣ Линде. Твое нападеніе на мою лѣнь принимаю не только съ благодарностью, но и съ намѣреніемъ исправиться. Мнѣ, конечно, нужны увѣщанія такого друга, какъ ты, не холодно проповѣдующаго истину, но собственною жизнью убѣждающаго. Скоро ты меня не узнаешь: такъ я буду дѣятеленъ. Черезъ нѣсколько дней приведу въ порядокъ мою библіотеку съ рукописями и книгами — тогда все пойдетъ, какъ на небѣ: утромъ восходить будетъ солнце, т. е. начнется работа, а на ночь зайдетъ оно, т. е. и у меня наступитъ законный отдыхъ. Главное я получилъ опять, разумѣю — крѣпость здоровья, безъ котораго, признаюсь, ни къ чему не былъ способенъ.

Отвѣчаю на критику твою моей академической рѣчи: о происхожденіи университетовъ я не разсказывалъ какъ историкъ, но a priori предлагалъ идею возможнаго ихъ происхожденія, или лучше: необходимость ихъ основанія въ томъ видѣ, въ какомъ ихъ воображали. Вообще *положенія* моей рѣчи слѣдующія:

Общія:

1) Университетъ представляетъ изумительное цѣлое безъ отношеній къ видамъ государства и частныхъ лицъ.

2) Университетъ необыкновенно важенъ для достиженія разныхъ цѣлей, предполагаемыхъ правительствомъ.

3) Университетъ благотворно дѣйствуетъ на всякаго, даже не дѣйствующаго по указаніямъ правительства.

Частныя:

1) Состояніе С.-Петербургскаго университета за годъ относительно его собственной организаціи.

2) Дѣятельность профессоровъ С.-Петербургскаго университета въ теченіе года.

3) Дѣятельность студентовъ въ теченіе того же года.

О Никитенкиной статьѣ я другого мнѣнія, нежели ты. Курчавость и уродливость слога держала меня въ лихорадкѣ все время, пока онъ читалъ. Развитіе же идеи самое мелкое и противологическое. То, что онъ говоритъ о личной критикѣ, безъ малѣйшей натяжки можно передѣлать и на прочія части. Развѣ кто безъ убѣжденія, сознательно критикуетъ для удовлетворенія страстямъ? Нѣтъ! Надобно было вы-

яснить, что для критики столь же необходимы таланты и творчество (по крайней мѣрѣ воспріятіе ихъ произведеній и сочувствіе съ ними), какъ и для писателя. Безъ этого между ними отношенія они вѣчно не будутъ понимать другъ друга. А по его мнѣнію выходитъ, что Булгаринъ или Сенковскій, освободившись отъ личныхъ пристрастій, способны вознестись на чреду великихъ критиковъ. Это мелкость взгляда и отсутствіе истиннаго убѣжденія въ ничтожности господъ, которыхъ Никитенко въ душѣ боится, считая ихъ способными произойти въ Пушкины, если только захотятъ они. Да Богъ съ нимъ! Ужъ онъ сорокалѣтній юноша. Поздно его воспитывать. Но тебѣ надо почаще подыматься въ сужденіяхъ о такихъ писателяхъ.

Дѣло о вояжѣ я передалъ Александрѣ Осиповнѣ. Разборы ваши о шведскомъ Альманахѣ присылай въ Современникъ.

48.

(Гротъ — Плетневу) *Гфорсъ, понед., 11 мая 1842.*

Я боялся, что моя проповѣдь, можетъ быть, немного грубая, не понравится тебѣ; но ты благодаришь и обѣщаешь — я до слезъ былъ тронутъ твоимъ письмомъ. Итакъ, я могу надѣяться, что состояніе, въ которомъ я съ горестію видѣлъ тебя, наконецъ, совершенно прекратится. Милый Петръ Александровичъ! позволь мнѣ быть совершенно откровеннымъ съ тобой, но вмѣстѣ обѣщай мнѣ и такую же откровенность, обѣщай ничего не скрывать изъ внутренней жизни своей. Мы должны сознаться, что до сихъ поръ мы слишкомъ мало допускали другъ друга въ святилище своего сердца, а между тѣмъ, по взаимнымъ чувствамъ, мы можемъ и должны для блага нашего быть откровеннѣе. Меня давно смущало въ тебѣ, кромѣ бездѣйствія, твое непонятное уныніе и какъ-будто равнодушіе ко всему, что̀ должно составлять предметъ нашего постояннаго стремленія; но до сихъ поръ я не рѣшался говорить съ тобой о томъ. Теперь, увидѣвъ еще яснѣе прежняго, твое благородство и чистоту твоей души, я умоляю тебя объяснить мнѣ, ничего не скрывая, причину того упадка духа, той скуки и мрачности, которыя почти безпрестанно и такъ мучительно для любящихъ тебя наполняютъ твою жизнь. Объ этомъ я прошу тебя потому, что я самъ такъ глубоко убѣжденъ въ ложности этого положенія, каковы бы ни были обстоятельства, и такъ твердо надѣюсь сообщить тебѣ мои лучшія убѣжденія. Да, ты самъ внушилъ мнѣ эту надежду искреннимъ сознаніемъ своей слабости и готовностью исполнить мой дружескій, чистосердечный совѣтъ. Ты такъ много уже сдѣлалъ мнѣ добра и духовнаго и вещественнаго; доверши же теперь свое дѣло и не дай мнѣ утратить утѣшительнѣйшее вѣрованіе въ возможность дружбы, равно благотворной для обоихъ, и въ способность человѣческой природы безконечно усовершаться силою воли.

Правда, много борьбы стòитъ, чтобы выйти изъ-подъ власти такой слабости, которая обратилась уже въ привычку; но если послѣ всякаго паденія съ новымъ раскаяніемъ и съ новымъ усиліемъ стремиться къ благородной цѣли, то достиженіе ея возможно, — я это знаю по собственному опыту. Надобно умѣть въ каждой новой минутѣ видѣть начало новаго бытія, а въ прошломъ что-то совершенно конченное и не долженствующее имѣть власти надъ настоящимъ. Надобно давать безпрестанно пищу своему разуму, и онъ, Божіе орудіе, наконецъ, непремѣнно восторжествуетъ надъ тѣмъ ядовитымъ червемъ, который, сильнѣе или слабѣе, въ томъ или другомъ видѣ, гнѣздится въ каждой человѣческой душѣ и силится подавить въ ней все прекрасное, все небесное. И если дашь ему волю, то онъ, какъ полипъ, безпрестанно будетъ разростаться во всѣ стороны и, наконецъ, источитъ сердце. Но каждый можетъ вырвать его съ корнемъ, если примется еще вò-время и съ твердостію. Ты *можешь* истребить своего червя,— это убѣдительно доказываетъ твоя трогательная рѣшимость; но готовься къ трудностямъ, къ искушеніямъ и къ нелегкой борьбѣ, — однакожъ, не теряй изъ виду и побѣды. Прежде всего, покажи, что ты точно мой другъ, открой мнѣ состояніе души твоей. Какъ я ни люблю тебя, но полюблю еще болѣе, когда ты докажешь, что ты *vir* не по одному полу, но и по власти надъ собою, завиднѣйшей въ мірѣ. Отъ меня же требуй, чего хочешь, я на все готовъ. Уже я... не спорю противъ твоего желанія, чтобы я лѣтомъ пріѣхалъ въ Петербургъ, если ты дѣйствительно этого желаешь. Прикажи, когда, на сколько времени: твое приказаніе будетъ исполнено, и не съ какимъ-нибудь принужденіемъ, но съ величайшею радостью, отъ всего сердца, если только присутствіе мое можетъ тебѣ быть пріятно. Я бы сдѣлалъ только одно условіе: чтобы ты иногда вникалъ въ мои совѣты, а не отвергалъ ихъ легкомысленнымъ смѣхомъ или даже презрѣніемъ. Я не требую, чтобъ ты имъ слѣдовалъ безусловно,—они небезошибочны, но прошу только размышленія, вниманія. Еще есть у меня къ тебѣ просьба: достань себѣ классическое и увѣнчанное сочиненіе *De Gérando* въ двухъ томахъ „Du perfectionnement de soi-même", и возьми за обязанность—всякій день, когда не будетъ особыхъ препятствій, прочитывать изъ него сколько-нибудь. Этимъ ты очень обяжешь меня.

Среда. 13 мая. Благодарю за справку о *Посполитой Рѣчи.* Окрѣпнувъ опять тѣломъ, обходись съ самимъ собою благоразумнѣе прежняго, чтобы опять не разстроить здоровья. Вѣдь вся мудрость состоитъ въ томъ, чтобы не дѣлать ничего такого, въ чемъ можешь со временемъ раскаяться; а испорченное по своей винѣ здоровье должно повлечь за собою очень горькое раскаяніе. Планъ твоей статьи превосходенъ, и я сознаюсь, что былъ слишкомъ строгъ, сказавъ только, что она хороша. Что касается до Никитенкиной, то для повѣрки моего

сужденія надобно бы прочесть ее еще разъ, а на это у меня нѣтъ времени; итакъ, спорить не могу. Но нѣтъ ли въ тебѣ немного предубѣжденія? Впрочемъ, твое специальное замѣчаніе прекрасно, и въ этомъ отношеніи я не оправдываю Никитенку. Садовый обѣдъ у Гартмана былъ пріятенъ. Были: Шернваль, Мармье, Котенъ, графъ Армфельтъ, молодой Валленъ, Федерлей, и отецъ съ сыномъ. Мы обѣдали въ новомъ домѣ вверху, видъ на море чудный. Оттуда всѣ, кромѣ меня, отправились въ катерѣ на какой-то островъ. Изъ милости Шернваль приглашалъ и меня; но какъ всѣ другіе были уже напередъ позваны Демидовою, я же имѣлъ дѣло, то и отказался.

На другой день узнали, что Наслѣдникъ отложилъ свою поѣздку. Я былъ на вечерѣ у другого Гартмана. Тамъ были обѣ дочери брата его, прибывшія изъ Радельмы для Наслѣдника. Я много говорилъ съ ними; добрая Фанни, въ которой таятся цѣлые рудники душевнаго золота, прослезилась и послѣ сказала Матильдѣ: „онъ такъ хорошо говорилъ, что я заплакала". Я излагалъ ей свою философію, въ которой, сказать мимоходомъ, недавно съ удивленіемъ открылъ я сходство съ Платоновою и стоическою, хотя давно забылъ лицейскіе уроки философіи и составилъ свою по собственному убѣжденію.

Часовъ въ 10 явился и графъ Александръ Армфельтъ, который въ тотъ же день сюда пріѣхалъ, не зная еще о перемѣнѣ плана Наслѣдника. Перемѣна эта всѣхъ здѣсь встревожила, многихъ разстроила. Графъ объявилъ, что рѣчей Наслѣднику произносить не нужно, потому что у Него времени будетъ слишкомъ мало. Итакъ, я трудился напрасно, но безполезно ли? Вчера была у меня въ гостяхъ одна несчастная дама съ просьбою перевести на русскій языкъ прошеніе, которое она намѣрена подать Наслѣднику. Просятъ также Цигнеусъ и Кастренъ, желающіе путешествовать. Я ихъ просьбы перевелъ. Теперь ждутъ Его Высочество въ пятницу.

Съ Marmier я видѣлся нѣсколько разъ. „Высокія" совсѣмъ овладѣли имъ, онъ сочинилъ имъ стихи. Мнѣ въ альбомъ написалъ довольно милые. Онъ просилъ записки къ тебѣ и получитъ. Будь съ нимъ ласковъ, онъ къ этому привыкъ, да и самъ любезенъ, какъ нельзя болѣе. Рунебергъ ему не понравился по своей флегмѣ, но меня онъ жалуетъ. Я былъ у графа Александра два раза, но не заставалъ его. Матильда пустилась въ чтеніе: читаетъ нашъ Альманахъ на обоихъ языкахъ, и я предложилъ ей одинъ изъ романовъ m-lle Bremer.

49.

(Плетневъ — Гроту) ***Спб., вторн., 12 мая 1842.***

Еще одну субботу я пропустилъ въ нынѣшнемъ году безъ письма къ тебѣ. Уѣзжали за границу Огаревы на пароходѣ: надобно было

ихъ проводить. Мужъ Огаревой сенаторъ [1]). Онъ остался здѣсь. Жена его, урожденная Новосильцова, племянница покойнаго вашего графа [2]). Дочь ихъ не очень блестящей наружности, но по воспитанію и вообще по тону и моральнымъ качествамъ презамѣчательное существо. За исключеніемъ латинскаго и шведскаго языковъ, она столько же ихъ знаетъ, какъ и ты. Особенно удивила она въ Римѣ выговоромъ, полученнымъ отъ Вареси. Не хотѣли вѣрить, чтобы она не въ Италіи выросла. Эти двѣ дамы отправились на три мѣсяца въ Маріенбадъ. Онѣ очень полюбили не только Искорку [3]), но и Звѣздочку. Ты не забудешь мнѣ въ подробности описать прибытія, пребыванія и обратнаго отправленія изъ Гельсингфорса Канцлера. Хоть я, вѣроятно, не увижу Мармье, но сохраню о немъ самое пріятное воспоминаніе по тому, что ты написалъ мнѣ о немъ. Прекрасно было бы, еслибы твои съ нимъ сношенія сохранились и по его отбытіи въ Парижъ. Многое онъ бы могъ тебѣ, равно и ты ему, передать въ настоящемъ свѣтѣ. Это вѣрно послужило бы во благо обоихъ народовъ, какъ то же случилось теперь между нами и финляндцами по твоему посредничеству. Такой характеръ, какъ ты описываешь въ Мармье, очень рѣдокъ и дорогъ во французѣ. А милая Розина, наше Сѣверное Сіяніе... Она уже исполняетъ свое назначеніе, она уже радуетъ и освѣщаетъ путниковъ! Я предувѣдомилъ уже Уварова о прибытіи ученаго путешественника. Это ему льстило. Но замѣтно, что администратору некогда было ознакомиться подробно съ трудами ученаго путешественника, такъ что я долженъ былъ изъяснить ему прежніе труды его и вообще направленіе его странствованій.

Въ нынѣшнее воскресенье Великая Княгиня Елена Павловна пріѣзжала осматривать университетъ нашъ. Министръ и попечитель присутствовали при этомъ. Я пригласилъ къ мѣсту служенія каждаго изъ профессоровъ, имѣющаго на рукахъ какой-нибудь кабинетъ. Сперва она пошла въ церковь, оттуда въ большую залу, изъ нея въ нашу единственную въ мірѣ галлерею, простирающуюся черезъ всю ширину Васильевскаго острова отъ одного притока Невы почти до другого. Тутъ расположена библіотека и минералогическій кабинетъ. Заходила въ ботаническій и зоологическій кабинеты, въ аудиторіи, въ сборную нашу залу и, наконецъ, въ физическій кабинетъ. Вообще ей было видимо весело. Съ нею находилась меньшая ея дочь.

Сегодня я отправляюсь въ первый разъ въ Царское Село, куда переѣхалъ уже Дворъ. Эти поѣздки нѣкогда были для меня очень пріятны, потому что всѣ люди, посреди красотъ природы, за город-

[1]) Николай Ивановичъ, сенаторъ второго департамента, ум. 1852 г.

[2]) Графа Николая Николаевича Новосильцова, предсѣдателя Государственнаго Совѣта, ум. 1838 г.

[3]) Т. е, дочь Петра Александровича Ольгу, см. выше, стр. 524.

скою оградою, имъ кажутся и лучше и добрѣе. Теперь же лѣта, кажется, не благопріятствуютъ такимъ переѣздамъ. Впрочемъ, посмотрю. Пожалуйста, присылай Александрѣ Осиповнѣ то, что у тебя готово для Звѣздочки. Она бѣдная работаетъ совершенно одна. Мой Современникъ не выходитъ по коварнымъ вылазкамъ Фишера. Твои посылки я уже получилъ. Благодарю за все.

50.

(Гротъ — Плетневу) *Гфорсъ, 15 мая 1842.*

Вчера въ 3-мъ часу послѣ обѣда услышалъ я сильную пальбу и отправился къ берегу, гдѣ толпа и общій голосъ возвѣстили мнѣ о прибытіи Наслѣдника въ Свеаборгъ. Всѣ ожидали Его Высочество у пристани, всѣ окна были облѣплены лицами, вся площадь занята народомъ. Но, къ общему сожалѣнію, узнали часа черезъ два, что Великій Князь, приставъ у заведенія водъ, инкогнито проѣхалъ по городу и уже находится въ домѣ генерала Теслева, гдѣ ему отведена была квартира. Теперь толпа окружила этотъ домъ; Наслѣдникъ раза два показывался въ окнѣ, но инкогнито. Вечеромъ онъ ѣздилъ въ казармы и прогуливался въ колязкѣ съ графомъ Армфельтомъ. При возвращеніи ихъ толпа, тѣснившаяся у подъѣзда, встрѣтила Его Высочество громкимъ *ура*.

Сегодня въ 10 часовъ утра все университетское сословіе чиновниковъ собралось въ домѣ возлѣ генералъ-губернаторскаго, а оттуда, по данному приказанію, къ Великому Князю. Мы выстроились по старшинству вдоль стѣнъ. Наслѣдникъ подходилъ къ каждому по порядку; возлѣ него былъ вице-канцлеръ, который по бумагѣ называлъ имя и часть каждаго. Старшихъ и нѣкоторыхъ изъ насъ Наслѣдникъ удостоивалъ нѣсколькими словами. Мнѣ онъ сказалъ: „Очень радъ васъ здѣсь увидѣть, г. Гротъ. Довольны вы успѣхами?“ — „Очень доволенъ, Ваше Императорское Высочество“. — „Что, ужъ и говорить начинаютъ?“ — „Говорить еще не всѣ могутъ по краткости времени“. — „Но, по крайней мѣрѣ, понимаютъ, и этого ужъ довольно“. — „Подаютъ хорошія надежды“... Послѣ нашего представленія Его Высочество поѣхалъ на парадъ, сказавъ намъ при прощаніи по-французски, что скоро увидимся въ университетѣ. Послѣ парада, который прошелъ счастливо, и присутствія въ сенатѣ, Наслѣдникъ прибылъ въ университетъ, котораго лѣстница и сѣни наполнены были любопытными. Мы вслѣдъ за нимъ отправились въ консисторію. Нашъ Канцлеръ былъ на мѣстѣ ректора, ректоръ на мѣстѣ старшаго профессора. За нимъ направо сталъ графъ Армфельтъ, налѣво вице-канцлеръ. Графъ прочелъ пошведски милостивый рескриптъ, гдѣ Канцлеръ объявляетъ о Всемилостивѣйшемъ пожалованіи ежегодно 4.000 руб. (кажется, такъ) на пу-

тешествія университетскихъ молодыхъ людей, пробывшихъ два года въ какомъ-нибудь русскомъ университетѣ. Графъ читалъ очень скоро, присутствіе Канцлера такъ занимало меня, какъ и всѣхъ, что я хорошенько не разслушалъ. Мы всѣ встали и низкимъ поклономъ изъявили свою благодарность. Его Высочество также всталъ и съ такой чудесной улыбкой поклонился намъ. Еще прочитано дѣла три, все по-шведски; графъ докладывалъ по-русски, и Канцлеръ говорилъ: „Совершенно согласенъ". Наконецъ, онъ всталъ и сказалъ намъ нѣсколько самыхъ лестныхъ выраженій: „J'ai attendu avec impatience et depuis longtemps ce plaisir que j'ai eu aujourd'hui. Je regarde comme un honneur particulier d'avoir pris part à votre session. J'entends de tous côtés combien votre Université est digne d'égards et elle m'est d'autant plus chère, que Mon Pére en a été le Chancelier. J'espére de trouver en vous aussi à l'avenir des personnes, qui remplirons leurs devoirs aussi consciencieusement et avec le même zèle que jusqu'à present. J'espère que je ne suis pas pour la dernière fois parmis vous". Вотъ à peu près его слова. Когда онъ, уходя приблизился уже къ концу стола, я выступилъ и, по желанію графа Армфельта, подалъ мою на чисто переписанную рѣчь: „Ваше Императорское Высочество! Мы готовили Вамъ академическое торжество съ небольшою рѣчью, но побоялись употребить во зло терпѣніе Вашего Высочества. Но рѣчь написана, осмѣливаюсь испрашивать дозволенія поднести". Онъ взялъ ее и поблагодарилъ [1]). Такъ же Гейтлинъ поднесъ свой лексиконъ въ красномъ сафьяновомъ переплетѣ „какъ первый опытъ сего рода".

Затѣмъ Великій Князь осматривалъ всѣ комнаты, всѣ музеи и, наконецъ, посѣтилъ парадную залу, гдѣ стояли всѣ студенты по отдѣленіямъ, каждое при своемъ кураторѣ и инспекторѣ. Поговоривъ прежде частно съ нѣкоторыми, онъ, ставъ передъ каѳедрою, обратился ко всѣмъ на русскомъ языкѣ: изъявилъ свое удовольствіе студентамъ, желаніе, чтобы они также продолжали и благодарилъ „всѣхъ, всѣхъ, за ихъ усердіе". Въ оба раза и съ нами и съ студентами онъ говорилъ съ такимъ искреннимъ благоволеніемъ, съ такою сердечною теплотой, что можно было, и не зная языковъ, на которыхъ онъ изъяснялся, понимать его. При выходѣ его изъ залы раздались безконечные *ура*. Я увѣренъ, что его посѣщеніе будетъ имѣть самое благодѣтельное вліяніе на весь составъ университета. Послѣ всего онъ отправился въ Ботаническій садъ, на магнитную обсерваторію и въ нѣкоторыя другія заведенія.

Вчера вечеромъ городъ былъ чудесно иллюминованъ: особливо Николаевская церковь и обсерваторія, унизанныя огненными полосами, прекрасно сіяли на своихъ высотахъ. Передъ университетомъ пылало

[1]) Рѣчь эта (напеч. въ Современ., 1842 г., т. XXVII, стр. 11) приводится ниже.

огромное *А* съ двумя щитами по объ стороны и огнями во всѣхъ окнахъ; окна ратуши составляли каждое особую букву, а всѣ вмѣстѣ имя: Alexander. Сенатъ и многіе частные дома также были великолѣпно освѣщены. Сегодня будетъ балъ въ соціететѣ: комнаты убраны съ необыкновенною пышностію; завтра генералъ Теслевъ даетъ вечеръ на заведеніи водъ. Князь Меншиковъ сопровождаетъ Его Высочество. Комовскій меня представлялъ его свѣтлости въ университетѣ. Съ ними 3 парохода и между прочимъ „Камчатка". Сегодня Его Высочество даетъ обѣдъ почетнымъ особамъ. О представленіи моей рѣчи рѣшено было только вчера, и я едва-едва успѣлъ наскоро переписать ее. Посылаю ее тебѣ совершенно въ томъ видѣ, въ какомъ она поднесена. Можно было еще прибавить многое, другое сказать лучше, но я такъ спѣшилъ.

Вчерашнее твое письмо совершенно успокоило меня. Мнѣ кажется, ты отъ того началъ иногда пропускать почту, что не пишешь болѣе своего журнала. Вотъ почему я бы желалъ, чтобы ты опять по прежнему разсказывалъ мнѣ исторію каждаго своего дня, не пропуская и занятій и главныхъ помышленій. Я вижу, что для тебя такой ежедневный отчетъ передъ самимъ собою обратился въ потребность. А для меня—знаешь ли, что̀ составляетъ потребность? Непремѣнно видѣть тебя лѣтомъ. Я это все болѣе чувствую и, кажется, никакія препятствія намъ не помѣшаютъ увидѣться либо здѣсь, либо у васъ. Гартманъ уже 3 раза приглашалъ меня въ Радельму, когда тамъ будетъ m-me Lavonius, т. е. въ концѣ вашего іюля и началѣ августа. Я долженъ былъ почти обѣщаться. Что, если и ты опять... Можетъ быть, мнѣ можно будетъ за тобой пріѣхать.

Къ письму отъ 15-го мая: Привѣтствіе Наслѣднику Цесаревичу.

„Итакъ, Александровскій университетъ, наконецъ, дождался вожделѣннаго счастія принять подъ кровъ свой Того, въ комъ онъ давно съ благоговѣйною любовью чтитъ своего Августѣйшаго Предстателя. Какими же словами можемъ достойно привѣтствовать столь Высокаго Гостя? О, велика наша радость, но велико и смущеніе... Но и въ самомъ смущеніи одна мысль, одно чувство сохраняетъ въ душѣ нашей всю свою силу: мы такъ живо помнимъ все, чѣмъ цвѣтущее наше учрежденіе обязано Мудрому Возстановителю своему и въ Бозѣ почіющему Брату Его; мы такъ глубоко чувствуемъ всѣ ихъ безмѣрныя щедроты, всю ихъ неистощимую Благость, даровавшую намъ и завидный жребій быть подъ покровительствомъ Вашего Императорскаго Высочества. Можемъ ли же въ сіи незабвенныя мгновенія начать съ чего-либо иного, кромѣ вѣрноподданнической благодарности, коею мы проникнуты?.. И мы спѣшимъ исполнить предъ лицомъ Державнаго Хранителя нашего сладостный долгъ сердца, излить нелицемѣрную, безпредѣльную признательность нашу къ Высокому Дому Его. Но чѣмъ обильнѣе источникъ ея, тѣмъ скуднѣе слова, и наше чувство уже безмолвствуетъ.

„Время, въ которое Ваше Императорское Высочество осчастливили Финляндію Своимъ посѣщеніемъ, соединено съ важными воспоминаніями какъ для Гельсингфорса, такъ и въ особенности для нашего университета.

„Въ настоящемъ году истекаетъ двухсотлѣтіе съ той поры, какъ Гельсингфорсъ стоитъ на настоящемъ мѣстѣ своемъ. Основанный въ 1550 году верстахъ въ 6-ти отсюда, онъ вскорѣ испыталъ неудобство сего положенія, и въ 1642 году послѣдовало его перемѣщеніе.

„Черезъ сто лѣтъ послѣ того рѣшился близъ сего города жребій войны между Россіей и Швеціей. При Гельсингфорсѣ воинство Императрицы Елисаветы Петровны стяжало въ 1742 году безсмертную славу: непріятель, прижатый къ морю генераломъ Ласси, близъ нынѣшней Абовской заставы, принужденъ былъ въ сентябрѣ мѣсяцѣ положить оружіе и отдать побѣдителю всю свою артиллерію.

„Но особливо для университета настоящіе радостные дни напоминаютъ другую незабвенную эпоху.

„Десять лѣтъ тому назадъ, въ іюлѣ, совершилось освященіе зданія, въ которомъ мы удостоиваемся привѣтствовать нашего Августѣйшаго Канцлера. Какъ блистательно судьба дозволяетъ университету праздновать окончаніе своего перваго десятилѣтія! Съ какою сугубою радостію онъ можетъ оглянуться на пройденный путь и принести Небу благодареніе за столько новыхъ благъ, имъ испытанныхъ! Самое зданіе сіе, въ своей величавой стройности, не служитъ ли краснорѣчивѣйшимъ памятникомъ великодушія просвѣщеннаго Монарха? И оно уже въ 1833 году удостоилось принять своего Вѣнценоснаго Основателя: еще въ 1830 г., осчастлививъ берега сіи Своимъ присутствіемъ, Государь Императоръ чрезъ 3 лѣта послѣ того, какъ чадолюбивый Отецъ, вновь благоизволилъ прибыть сюда въ сопровожденіи Своея Августѣйшія Супруги.

„Въ 1840 году университитъ, по Всемилостивѣйшему соизволенію Его Императорскаго Величества, совершилъ на семъ новомъ мѣстѣ празднество своего двухсотлѣтія. Начало 1841 года ознаменовано вожделѣннымъ вступленіемъ Вашего Высочества въ дѣйствительное управленіе дѣлами Александровскаго университета: вотъ обстоятельства, придающія особенный блескъ началу его существованія. Наконецъ, настоящее событіе достойно заключаетъ собою рядъ отрадныхъ явленій прошлаго десятилѣтія и, стоя на рубежѣ новаго, какъ бы озаряетъ свѣтомъ надежды даль грядущаго. Невольно переносимся мыслію за 22 года назадъ и вспоминаемъ, какъ весною 1820 г. Державный Родитель Вашего Императорскаго Высочества, въ званіи Канцлера Финляндскаго университета, изволилъ осчастливить Своимъ посѣщеніемъ городъ Або и присутствіемъ Своимъ увѣковѣчить засѣданіе консисторіи 31 мая 1820 года. Видя нынѣ продолженіе своего счастія, видя новый знакъ бла-

говоленія Высокихъ Благотворителей своихъ, университетъ поистинѣ съ умиленіемъ возсылаетъ къ Небу пламенныя мольбы о славѣ и долгоденствіи Августѣйшихъ Виновниковъ своего счастія...“

Переводъ стиховъ (съ шведскаго) Его Императорскому Высочеству Государю Наслѣднику Августѣйшему Канцлеру Александру Николаевичу.

Юный хранитель! свѣтлой надежды
Образъ прекрасный для юныхъ сердецъ!
Чистыя радости скромный привѣтъ
Съ трепетомъ нынѣ Тебѣ мы поемъ.

Сердце младое открыто и пылко:
Съ нашимъ не сходно ли бьется Твое?
Да, мы читаемъ такъ ясно обѣтъ
Нашего счастья во взорѣ Твоемъ.

О, какъ внушаетъ Твой видъ нетерпѣнье
Дѣломъ заботы Твои оправдать,
Съ цѣлью высокою выступить въ свѣтъ,
Правдѣ служить безкорыстнымъ трудомъ.

51.

(Плетневъ — Гроту) *Спб., суббота, 16 мая 1842.*

Написавъ къ тебѣ письмо во вторникъ (12 мая) утромъ, въ 6-мъ часу, я отправился въ первый разъ нынѣшнею весной въ Царское. Помнишь ли ты, или вѣрнѣе знаешь ли стихи Дельвига, написанные имъ вмѣсто письма къ кому-то въ Царское Село на другой день послѣ его выхода изъ лицея?

Не мило мнѣ на новосельѣ;
Здѣсь все уныло, тамъ цвѣло:
Одно и есть мое веселье
Увидѣть Царское Село!

Эти стихи безпрестанно приходятъ мнѣ на память, когда я приближаюсь туда, а также и Пушкина строфа:

Друзья мои! прекрасенъ нашъ союзъ;
Онъ, какъ душа — нераздѣлимъ и вѣченъ:
Не колебимъ, свободенъ и безпеченъ
Сростался онъ подъ сѣнью дружныхъ музъ.
Куда бы насъ ни бросила судьбина,
И счастіе куда-бъ ни повело —
Все тѣ же мы: намъ цѣлый міръ чужбина;
Отечество намъ — Царское Село!

Да, эти люди освятили это мѣсто. Я часто жалѣю, что тебя судьба не съ ними ввела въ лицей. Ты между своими одинъ съ этой поэзіей сердца и ума; всѣ прочіе — не болѣе, какъ фигуранты на сценѣ. Но я — какой счастливецъ! Я привязанъ нѣжнѣйшими узами и къ первому

выпуску и къ вашему (тобою). Вотъ почему всякій годъ — эпоха, когда я въ первый разъ весною въѣзжаю въ Царское Село. При томъ же пятнадцать лѣтъ неизмѣннаго тамъ для меня присутствія Великой Княжны Ольги Николаевны сдѣлали изъ Царскаго Села какой-то рай для моей души. Вообрази: пятнадцать лѣтъ она меня тамъ вдохновляетъ своею ангельской душой и ангельской красотой. Всѣ воспоминанія мои этихъ лучшихъ лѣтъ моей жизни относятся только къ ней и къ Царскому Селу. Въ первый годъ она жила въ большомъ дворцѣ. Послѣ сколько разъ мы занимались съ ней на Дѣтскомъ острову, въ арсеналѣ, на фермѣ! Словомъ, нѣтъ мѣста, которое бы не оживлено было воспоминаніемъ о ней и ея братѣ.

Съ послѣднимъ мы обѣдали въ его башнѣ и подъ воротами въ маленькой его крѣпости. Великая Княжна приняла меня со своею ангельскою привѣтливостію. Я предложилъ ей читать жизнь твою Францéна. Она была очень довольна чтеніемъ и сказала, что ты теперь непремѣнно долженъ исполнить обѣщаніе, данное дѣтямъ: написать нѣсколько біографій русскихъ людей. Ей всегда забавна моя привязанность къ Финляндіи. Она говоритъ, что я похожъ на ребенка, которому удалось разъ куда-нибудь съѣздить и онъ безпрестанно вспоминаетъ объ этомъ. „Вѣдь вы не родились тамъ", прибавила она. „По крайней мѣрѣ, отвѣчалъ я, надѣюсь тамъ умереть". Это ее разсмѣшило. Она объявила мнѣ, что 14 числа мая, т. е. въ четвергъ, Канцлеръ ѣдетъ къ вамъ. Итакъ, сегодня или завтра, вы его увидите. Я нетерпѣливо жду отъ тебя извѣстій о немъ.

Въ четвергъ мы послѣ завтрака всѣ отправились на дачу. По островамъ шли пѣшкомъ. Только тебя не доставало для полнаго нашего счастія. Но вѣрно нынѣшнимъ лѣтомъ и это сбудется. Изъ насъ отсюда никому нельзя отлучиться. Стало быть, тебѣ надобно подняться. Не пиши объ этомъ никому, кромѣ меня. Пріѣзжай прямо на дачу, откуда мы ни къ кому и не поѣдемъ, а развѣ куда-нибудь гулять въ мѣсто пустынное и пріятное. Сегодня въ академіи выберутъ на мѣсто Каченовскаго (вѣроятно) Полѣнова.

52.

(Гротъ — Плетневу) *Гфорсъ, 20 мая 1842.*

Въ день отправленія моего письма Наслѣдникъ давалъ обѣдъ главнымъ особамъ (человѣкъ до 30), въ томъ числѣ былъ и нашъ ректоръ. Когда я вечеромъ пришелъ на балъ (какъ рука дрожитъ отъ долгой прогулки, съ которой я сейчасъ — 10 часовъ вечера — возвратился: я былъ въ Тёле, чудесный садъ съ чудесными видами!), Его Высочество уже съ $^1/_2$ часа былъ тамъ. Приглашенія были: въ 9 часовъ, и я думалъ, что онъ опоздаетъ, но нѣтъ. Было тѣсно и великолѣпно. Великій Князь сперва танцовалъ польскую съ шестью изъ нашихъ глав-

ныхъ, т. е. знатнѣйшихъ дамъ (не дѣвицъ), потомъ французскую кадриль съ баронессой Котенъ и другую съ Демидовой. По большей части онъ стоялъ въ дверяхъ изъ задней комнаты въ залу и разговаривалъ съ высшими особами, которыя его окружали (Гартманъ, Клинковстремъ, Демидова, Пушкина, генералъ Рамсай и особенно князь Меншиковъ). Эттеръ тотчасъ послѣ парада уѣхалъ въ Выборгъ готовить своихъ солдатъ; у насъ они (т. е. его линейные) не отличились. Въ $11^1/_2$ часовъ à peu prés Его Высочество быстро удалился съ бала во время мазурки, уже прежде объявивъ, что никогда не изволитъ ужинать. Такъ, всѣ великолѣпныя приготовленія для ужина остались потерянными (между прочимъ особая маленькая палатка для Наслѣдника). За ужиномъ было ужасно тѣсно и многіе ѣли и пили — только въ воображеніи. На другое утро Великій Князь былъ въ церкви, смотрѣлъ на стрѣльбу финскаго баталіона, которою очень былъ доволенъ, и принималъ депутатовъ, приходившихъ благодарить за присутствіе на балѣ. Между тѣмъ разосланы были подарки всѣмъ представителямъ университета: графу Армфельту и Теслеву по богатой табакеркѣ съ портретомъ Канцлера, Шультену и Шернвалю по перстню, ректору табакерка съ бриллiантовымъ вензелемъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ объявлено, чтобы они не изъявляли благодарности, ибо подарки велѣно отдать не прежде, какъ по отъѣздѣ Великаго Князя.

Въ тотъ день поутру явился ко мнѣ Вульфертъ, прося позволенія въ нѣмецкой статьѣ, которую князь Меншиковъ поручилъ ему написать для газеты, помѣстить историческіе факты изъ моей рѣчи. Я объявилъ, что самъ намѣренъ написать статью для газеты, ибо этотъ предметъ меня интересуетъ. И припоминая частію мое письмо къ тебѣ, частію мою рѣчь, написалъ съ ужаснымъ спѣхомъ нѣсколько страницъ, которыя отправилъ къ Вульферту. Послѣ онѣ достались Котену и были одобрены княземъ. Ты ихъ прочтешь гдѣ-нибудь. Послѣ обѣда я провелъ на пароходѣ у Комовскаго, съ которымъ мнѣ свиданіе послѣ здѣшняго одиночества было очень пріятно, а въ 6 часовъ мы вмѣстѣ отправились на балъ, который Теслевъ давалъ въ заведеніи водъ. Зала была прелестно убрана зеленью и цвѣтами, кавалеры въ вицъ-мундирахъ (но бывшіе тамъ 4 профессора въ мундирахъ); число гостей ограничено. Наслѣдникъ пріѣхалъ въ 7 часовъ; Теслевъ выслалъ дѣтокъ своихъ съ цвѣточными корзинками въ рукахъ, и они передъ Его Высочествомъ усыпали лѣстницу цвѣтами, за что онъ ласково поблагодарилъ ихъ. Великій Князь не танцовалъ, но стоя на краю залы большею частью у входа, весело разговаривалъ съ приближенными. Я стоялъ также недалеко и когда разговаривалъ съ Валленомъ *(молодымъ)*, вдругъ Канцлеръ нашъ подошелъ и сказалъ о немъ: „этотъ самъ бы могъ быть профессоромъ“! Тутъ Его Высочество сталъ разспрашивать меня о ходѣ русскаго языка при университетѣ и милостиво разговаривалъ

также о другихъ предметахъ. Между прочимъ, сказалъ: „Незадолго до моего отъѣзда я видѣлся съ Плетневымъ“. — Я отвѣчалъ, что ты писалъ. — „Онъ чрезвычайно полюбилъ Финляндію“... Объ Урсинѣ Его Высочество отозвался: „У васъ ректоръ такой почтенный человѣкъ“. Вдругъ блеснуло солнце прямо въ лицо Великаго Князя. Онъ сказалъ мнѣ, указывая на окно, съ улыбкой: „Солнце!“ и обернувшись къ флотскому генералу, спросилъ: „Какая завтра будетъ погода? Будетъ ли вѣтеръ?“ Тотъ, кажется, не нашелся ничего лучшаго сказать, какъ: „Не знаю!“ — Какъ бы ни было, а отъ меня одно солнце удалило другое. Въ 9 часовъ Его Высочество вдругъ устремился къ двери и — коляскѣ. Всѣ присутствовавшіе, даже дамы, какъ были, бросились за нимъ, отчего въ дверяхъ была ужасная давка. Между тѣмъ на берегу (у водъ), въ виду котораго стоялъ пароходъ, уже стояла густая толпа, а особо на деревянной косѣ купаленъ собрались всѣ студенты. Когда онъ сѣлъ въ шлюпку, раздалось *ура*, а студенты запѣли приложенные раньше стихи по-фински (ихъ сочинилъ Линсѐнъ по-шведски, кто-то перевелъ по-фински, а я по-русски) [1]. Наслѣдникъ два раза вставалъ и благодарилъ ихъ. Пока онъ плылъ, они то пѣли гармоническое *ура* и *Боже, Царя храни*, то попросту кричали *ура!* и безпрестанно махали шапками. Лоцманъ говорилъ, что Великій Князь, взошедъ на пароходъ, въ отвѣтъ махалъ имъ своею шапкою. Они замолчали не прежде, какъ когда пароходъ началъ теряться изъ виду. Такъ присутствіе добраго Канцлера побѣдило даже флегму добрыхъ финновъ, и они въ восторгѣ отъ него; кажется, что и онъ остался доволенъ ими и ихъ краемъ. Если что услышишь, напиши.

Сегодня было у насъ засѣданіе консисторіи. Былъ выборъ ректора: Урсинъ опять выбранъ 10-ю голосами изъ 17-ти; 4 были за Лагуса, 2 за Тенстрема, 1 за Рейна. Я разумѣется далъ свой голосъ Урсину.

На большомъ балѣ я совсѣмъ не танцовалъ, а на Теслевскомъ проплясалъ одну только кадриль съ m-me Klinkowstrem (мужъ ея также получилъ табакерку, да Котенъ, провожавшій Великаго Князя до Фридрихсгама — перстень). При окончаніи послѣдняго бала Найма и Фанни, съ которыми я прощался, настоятельно убѣждали пріѣхать въ Radельму въ то время, когда тамъ будетъ сестра ихъ, и такъ поэтически рисовали все, о чемъ мы будемъ бесѣдовать. Зовутъ и съ запада и съ востока; но какъ сдѣлать, чтобы попасть и туда и сюда?

Какъ различно ты говоришь о поѣздкахъ въ Царское Село въ послѣднемъ и въ концѣ предпослѣдняго письма! Слава Богу, что опасеніе твое насчетъ лѣтъ не сбылось. Не даромъ Комовскій, какъ и всѣ тебя знающіе, говорилъ, что ты не старѣешь. Я вмѣстѣ съ тобою со-

[1]) См. выше, п. 50-е (отъ 15 мая); напечатаны въ русскомъ переводѣ Якова Карловича въ Современникѣ, 1842 г., т. XXVII, стр. 17.

жалѣю, что бѣдной *звѣздочкѣ* такъ много труда; но пока помочь не могу. Я желалъ бы быть съ тобою на поѣздкахъ въ Царское Село, о которомъ часто думаю. Стиховъ Дельвига не зналъ. Непремѣнно исполню свою обѣщаніе и желаніе Высокой Ольги. „Вѣдь вы не родились тамъ“ прекрасно, да и отвѣтъ хорошъ, какъ шутка.

53.

(Плетневъ — Гроту) *Спб., среда, 20 мая 1842.*

У насъ въ университетѣ на этой недѣлѣ, въ пятницу, будетъ огромнѣйшій обѣдъ въ честь попечителей, отходящаго и приходящаго. Начиная съ министра, всѣ власти и чины министерства народнаго просвѣщенія приглашаются. Ты можешь вообразить, въ какихъ я теперь хлопотахъ. Только и знаю, что пишу письма съ приглашеніями, избавляя тѣмъ себя отъ разъѣздовъ по этимъ господамъ. Итакъ, обстоятельные отвѣты на твои милыя письма ты получишь въ субботу, когда все это кончится.

Между тѣмъ скажу тебѣ, что вчера въ Царскомъ Селѣ, когда я занимался на Дѣтскомъ острову съ Великой Княжной Ольгой Николаевной, намъ объявили о возвращеніи вашего Канцлера. Я пораженъ былъ быстротою его поѣздки, и спѣшилъ къ нему явиться. Онъ также изумился, что я такъ скоро узналъ о его пріѣздѣ. Это было въ ту минуту, когда съ Цесаревной выходилъ онъ сѣсть въ колясочку для прогулки. Онъ, какъ всегда, выразилъ свое удовольствіе при видѣ моемъ громкими восклицаніями и нѣжными поцѣлуями. „Гельсингфорсъ вамъ кланяется и Гротъ особенно“, сказалъ онъ. „Я говорилъ тамъ маленькую рѣчь по-русски“, прибавилъ онъ. Простясь съ Его Высочествомъ и прибывъ домой, я уже нашелъ у себя письмо твое отъ 15 мая. Какъ я благодаренъ тебѣ за обстоятельное о всемъ извѣщеніе и особенно за рѣчь твою, трогательную по ея простотѣ, любопытную по историческимъ указаніямъ и вообще оригинальную по этому тону искренности и простодушія.

Мнѣ объявили, что нашъ министръ уже три раза присылалъ звать меня на обѣдъ къ нему сегодня. Отправился. Тамъ былъ и попечитель Волконской. Послѣ обѣда долго разговаривали объ университетскихъ дѣлахъ, о Майковѣ. Уваровъ намъ читалъ, что̀ ему особенно нравилось. Самъ министръ надѣлъ при насъ халатъ, а насъ просилъ курить сигары, какъ дома. Я не поцеремонился, вынулъ сигарочникъ и закурилъ съ Волконскимъ и докторомъ министра (Спасскимъ) [1]). Вечеръ провелъ я у Балабиныхъ, которымъ прочиталъ изъ твоего письма все,

[1]) Иванъ Тимофеевичъ, докторъ медицины, членъ Спб. Медико-Хирургической Академіи, ум. 1861 г.

относящееся къ пребыванію у васъ Канцлера. Они отъ всего были въ восхищеніи и благодарятъ тебя. Ихъ средній сынъ Викторъ сегодня уѣхалъ въ Парижъ вторымъ секретаремъ при посольствѣ. Ты правъ, что мнѣ надо возвратиться къ журналу. Это даетъ болѣе порядка письмамъ и сообщаетъ болѣе ясности и даже идей о моихъ занятіяхъ и жизни. Итакъ, все это будетъ исполнено къ удовольствію нашему общему.

54.

(Гротъ — Плетневу)

Записку эту получишь ты отъ Marmier, который не хотѣлъ явиться къ тебѣ съ пустыми руками. Познакомь его и съ Александрой Осиповной. Сегодня, 21 мая, послалъ я черезъ Шернваля въ Петербургъ для газетъ еще дополнительныя извѣстія о пребываніи здѣсь Наслѣдника. Прощай.

55.

(Плетневъ — Гроту) *Спб., субб., 23 мая 1842.*

Вчерашній праздникъ нашъ кончился прекрасно и былъ вообще блистателенъ. Гостей всѣхъ обѣдало 84 человѣка. Изъ лицъ неподчиненныхъ князю Дондукову были: министръ Уваровъ, его товарищъ, новый попечитель съ братомъ, графъ Протасовъ, кіевскій попечитель князь Давыдовъ и тесть Дондукова. Передъ тостомъ старому попечителю я прочиталъ ему небольшую рѣчь, въ которой благодарилъ за все, что̀ онъ сдѣлалъ для университета, для студентовъ и профессоровъ. Все это такъ его растрогало, что онъ тутъ же на отплату пригласилъ все собраніе пріѣхать обѣдать къ нему на дачу въ Ораніенбаумъ, для чего онъ найметъ и пароходъ. Вѣроятно, описаніе этого праздника Очкинъ напечатаетъ въ Академическихъ Вѣдомостяхъ. Въ четвергъ былъ у меня Путята прощаться: онъ ѣдетъ за границу. Очень кланяется тебѣ. Вечеромъ, когда въ четвергъ же я съ моими дамами ѣхалъ пить чай на дачу, мнѣ на Выборгской дорогѣ встрѣтился Александръ Армфельтъ, возвращавшійся изъ Гельсингфорса.

Окончивъ замѣчательнѣйшее для тебя изъ современной моей хроники, обращаюсь къ письму твоему, въ которомъ ты съ такимъ нѣжнымъ дружелюбіемъ говоришь о моей внутренней жизни. Я всегда любилъ тебя, но тутъ тронутъ до слезъ твоимъ рѣдкимъ въ нашъ вѣкъ участіемъ. Конечно, этого никто не сдѣлалъ бы, кромѣ человѣка съ такою душою, какъ твоя. Ты, впрочемъ, не воображай, чтобы во мнѣ скрывалось что-нибудь слишкомъ таинственное и слишкомъ тяготящее меня. Я чувствую, что не живу такъ, какъ бы хотѣлось; но это естественное положеніе по моей тягостной должности, по остаткамъ долговременныхъ опытовъ и даже лѣтъ, столь далеко тебя оставившихъ за

собою. Я не вполнѣ сосредоточиваюсь отъ безпрерывнаго прилива мелкихъ хлопотъ, еще болѣе отъ разочарованія и, наконецъ, отъ физической усталости, неминуемо овладѣвающей тѣломъ послѣ дѣятельности стольких лѣтъ. Должности не хочу я бросить потому, чтобы, пока не кончится воспитаніе Оли, быть здѣсь привязаннымъ по необходимости. Разочарованіе мое относится вообще ко всему, что нѣкогда я любилъ пламенно и что не удовлетворило моимъ юношескимъ ожиданіямъ; разумѣю — всѣ помыслы, всѣ чувства филантропическія. Это, однакоже, не значитъ, что я пересталъ для нихъ жить: бываютъ часто минуты, въ которыя я возвращаюсь ко всему этому. И вотъ почему я благодарю тебя и навсегда прошу не переставать благотворно дѣйствовать на ослабѣвающія мои умственныя и физическія силы. Теперь чѣмъ далѣе поступаю я въ жизнь, тѣмъ нужнѣе мнѣ такая подпора, какъ ты. Свиданіе первое устроимъ здѣсь.

56.

(Плетневъ — Гроту) *Спб., среда, 27 мая 1842.*

Теперь, когда я начинаю это къ тебѣ письмо, Яковъ Карловичъ, можетъ быть, ты уже встрѣчаешь у пристани путешественницъ, такъ нежданно къ тебѣ являющихся. Пожалуйста, устрой ихъ пребываніе такъ, чтобы оно вамъ всѣмъ послужило и къ пользѣ и къ удовольствію. Особенно нужно, чтобы онѣ жили поближе къ водамъ. Онѣ у тебя не будутъ много отнимать времени. Имъ и однѣмъ нужно заниматься, а ты можешь назначить, когда станешь приходить къ нимъ.

Вчера я прочелъ въ Царскомъ Селѣ оба твои письма о пребываніи Канцлера, также рѣчь и стихи. Все принято было съ благоволеніемъ и участіемъ. Теперь, пока у меня въ университетѣ не кончатся экзамены, я принужденъ быть кратокъ въ письмахъ къ вамъ. Скоро надѣюсь много предложить о вашемъ препровожденіи времени въ Финляндіи. Надобно, чтобы Александра Осиповна вполнѣ воспользовалась этою неожиданною поѣздкою и сохранила бы о ней наиріятнѣйшее воспоминаніе.

57.

(Гротъ — Плетневу) *Гфорсъ, 27 мая 1842.*

Сегодня послѣ обѣда, когда я сидѣлъ на своемъ крыльцѣ за Онѣгинымъ, вдругъ вижу: идетъ В о с к р е с е н с к і й [1]), вчера бывшій у меня, съ двумя дамами. Кто бы онѣ могли быть? вѣдь Воскресенскій не женатъ... или онъ обманулъ меня? Всматриваюсь... Ол . . . какъ? а дру-

[1]) Александръ Абрамовичъ, профессоръ (по каѳедрѣ химіи) С.-Петербургскаго университета.

гая... ахъ, Боже мой! Какими судьбами? — Пріѣздъ ихъ чрезвычайно обрадовалъ меня; не достаетъ только тебя; но не пріѣдешь ли ты хоть на короткое время? Нынѣшнее лѣто я гораздо свободнѣе, нежели былъ въ прошлое и могъ бы болѣе пользоваться твоимъ присутствіемъ. Ты, добрый, взялъ на себя „Звѣздочку“; мы отсюда будемъ стараться, чтобы она, кромѣ печатанія, не давала тебѣ никакой заботы. Я ожидаю много удовольствія отъ присутствія нашихъ дамъ и желаю, чтобы онѣ какъ можно долѣе остались здѣсь; завтра надѣюсь отыскать имъ квартиру.

Милостивое обращеніе съ тобою Наслѣдника радуетъ меня, ибо подтверждаетъ идею, какую онъ здѣсь оставилъ о своемъ сердцѣ и благородствѣ души; профессора, какъ и всѣ, не могли нахвалиться его обращеніемъ, въ которомъ, по выраженію одного изъ нихъ, отражается „noblesse“ въ высшей степени. Поздравляю съ счастливымъ окончаніемъ вашего университетскаго праздника; воображаю, что тостъ твой былъ въ полномъ смыслѣ и умѣстенъ и краснорѣчивъ; Воскресенскій много говорилъ о твоемъ искусствѣ говорить на актахъ и въ другихъ торжественныхъ случаяхъ.

Поздравлялъ ли ты уже Александра Армфельта съ его утвержденіемъ въ должности? Если нѣтъ, то не худо бы съѣздить; иначе онъ припишетъ это какому-нибудь неудовольствію.

Ты не живешь такъ, какъ бы хотѣлось, но можетъ быть живешь лучше или можешь жить лучше, чѣмъ бы хотѣлось. Конечно, твоя должность имѣетъ много непріятнаго, но съ другой стороны какъ прекрасно имѣть въ рукахъ средства къ направленію судьбы цѣлаго заведенія и нѣсколькихъ сотъ молодыхъ людей! Эта мысль и увѣренность, что чрезвычайно важно — кто на этомъ мѣстѣ, должна вознаградить за всѣ непріятности и придавать энергію всѣмъ поступкамъ. Разочарованіе — слово, которое для тебя не позволительно. Если ты былъ прежде другого мнѣнія о свѣтѣ и людяхъ, то долженъ радоваться, что изъ мрака лжи вышелъ на свѣтъ истины; въ такомъ случаѣ разочарованіе — благо, и оно нисколько не должно вредить мнѣнію о человѣческой природѣ и совершенствѣ міра. Въ людяхъ много скотскаго, но много и божественнаго. Просвѣщеніе, не смотря ни на какія препятствія, идетъ впередъ, и если сравнимъ міръ за 1000 лѣтъ съ нынѣшнимъ, то чего не можемъ ожидать въ отдаленномъ будущемъ? Жизнь людей и человѣчества есть, мнѣ кажется, не что другое, какъ великая борьба между матеріей и духомъ, который, наконецъ, останется побѣдителемъ. Обратись къ собственной душѣ: развѣ въ ней ты не чувствуешь Бога? Еще разочарованіе можетъ быть въ надеждахъ и мечтахъ о собственной своей жизни; но твоя, кажется, не слишкомъ жестоко поступила съ тобой. Сколько есть людей съ высокимъ достоинствомъ, съ неутомимою дѣятельностью, весь вѣкъ проводящихъ въ

труде и на старости едва имеющихъ кусокъ хлеба, не могущихъ позволить себе и малейшаго наслажденія, чтобы придать хоть немного разнообразія своей печальной жизни! Такіе люди есть между моими знакомыми; какъ они жалки передъ тобою, а между темъ не ропщутъ почти никогда, продолжаютъ работать и бываютъ еще веселы. Боюсь, что счастіе повредило тебе; но таково ли должно быть его действіе? Благодарность къ Провиденію не должна ограничиваться однимъ сознаніемъ полученныхъ благъ: съ нею должно соединяться безпрестанное стремленіе оправдать ихъ, доказать, что они пали не на недостойнаго. Это не пустыя слова, но взятыя изъ глубины человеческаго духа въ лучшіе его моменты; можетъ быть, они стары; но темъ чаще должно ихъ повторять.

Я испыталъ, какъ важно питать душу частымъ чтеніемъ истинъ; иногда намъ кажется, что мы сами все такъ хорошо уже знаемъ, что намъ остается только действовать, но это ложь. Грубая часть нашей природы мало-по-малу опять вытеснитъ или затмитъ все лучшія идеи, если ихъ не поддерживать, а для этого единственное средство чтеніе книгъ высшей человеческой мудрости. Если ты, не смотря на все, что я уже писалъ тебе, останешься флегматически при прежнемъ порядке жизни, то мне более нечего говорить тебе... а между темъ я не сказалъ ничего, кроме чистейшей истины.

Каково начало нашего лета! Уже я купаюсь въ море, началъ третьяго дня. Одинъ экзаменъ уже былъ; я сделалъ первый опытъ въ латыни и доволенъ имъ. Гейтлинъ, слышавшій меня (у насъ профессора по очереди являются для экзамена), после удивлялся и спрашивалъ, какъ я могу говорить по-латыни, когда въ Россіи этотъ языкъ такъ мало употребляется.

58.

(Плетневъ — Гроту) *Спб., пятн., 29 мая 1842.*

У меня, какъ известно уже Александре Осиповне, давно уничтоженъ пріемъ по воскресеньямъ. Съ нашими дамами я ездилъ тогда на дачу. После ихъ отбытія я уничтожилъ пріемъ и по средамъ, объявивъ, что живу въ городе только утромъ до 5 часовъ, да ночую здесь, а обедаю и вечерній чай пью на даче. Такой новый распорядокъ и начался съ нынешней среды. Это мне даетъ возможность спокойнее заниматься делами, какъ до моей должности касающимися, такъ и до изданія Современника и Звездочки. Между темъ отъ 9 до 11 часовъ вечера я действительно позволяю себе ежедневные выезды. Пока не оставили города Балабины, Местры, Вяземскіе и Максимовичи, я поочередно бываю у нихъ, а въ иные вечера бываю и на даче. Такимъ образомъ теперь успеваю много делать и много развлекаться. А ожиданіе и даже мысль, что нечаянно кто придетъ пре-

рвать меня, всегда убивала во мнѣ самое расположеніе усѣсться спокойно за дѣло. Мнѣ нужна совершенная увѣренность, что я никѣмъ не буду прерванъ.

Вчера въ 3-мъ часу пополудни явился ко мнѣ Мармье. Я ему обрадовался, какъ родному. Мы съ нимъ долго толковали въ моемъ кабинетѣ (я еще не былъ одѣтъ). Онъ желаетъ отъ меня получить разныя данныя, напримѣръ: число библіотекъ въ Петербургѣ и Россіи вообще; число издающихся журналовъ; ежегодный итогъ печатающихся у насъ книгъ; указаніе на разныя заведенія въ Петербургѣ для образованія юношества. Все это мнѣ извѣстно вообще, но не въ отчетливыхъ цифрахъ. Однако, я обѣщалъ пособить ему во всемъ. Мы съ нимъ передъ обѣдомъ отправились съ визитами. Я даже, по врожденной нецеремонности своей, и одѣвался при немъ, какъ бы уже вѣкъ съ нимъ жилъ. Были у Балабиныхъ (не застали дома; а сегодня я получилъ оттуда письмо сожалѣнія и призывъ), у Местровъ, которые очень были рады и звали на дачу обѣдать, наконецъ, у Одоевскаго, гдѣ и обѣдали съ Гоголемъ, разговаривавшемъ съ Мармье наискосокъ, т. е. Мармье по-французски, а Гоголь по-итальянски. Одоевскій скоро уѣзжаетъ сухимъ путемъ съ женою въ Германію и Италію лѣчиться (Богъ вѣсть отъ чего!). На вечеръ къ намъ присоединился и князь Вяземскій, у котораго сегодня мы всѣ проводимъ вечеръ. Утромъ сегодня я былъ у Мармье, чтобы представить его Уварову, который обѣщалъ пріѣхать въ университетъ. Однакоже по сію пору ни тотъ, ни другой не явился. Мармье не поѣдетъ въ Москву. Онъ ограничитъ свой обзоръ нынѣшняго года только берегами Ботническаго залива и Финскаго. Послѣ завтра всѣ лица, угощавшіяся Дондуковымъ (см. Академическую Газету и Сѣверную Пчелу нынѣшней недѣли), на пароходѣ отправляются къ нему обѣдать на дачу подлѣ Ораніенбаума.

59.

(Гротъ — Плетневу) *Гфорсъ, 2 іюня 1842.*

Пріѣздъ нашихъ дамъ произвелъ совершенный переворотъ въ моемъ образѣ жизни, и я очень радъ тому. Я такъ сильно чувствовалъ потребность говорить съ кѣмъ-нибудь отъ души, и теперь эта потребность вполнѣ удовлетворяется. Такъ какъ у насъ студенты очень рано разъѣзжаются, то въ университетѣ, за исключеніемъ экзаменовъ и коекакихъ совѣщаній, нѣтъ почти никакого дѣла. У Александры Осиповны бываю я обыкновенно два раза въ день. Сегодня онѣ пили у насъ чай, послѣ сего я съ ними пошелъ гулять и провелъ ихъ почти кругомъ всего города, чтобы показать всѣ мѣста, находящіяся въ связи съ моими письмами. Между тѣмъ, Александра Осиповна разсказывала мнѣ, по просьбѣ моей, отрывки изъ своей біографіи. Большая часть

разсказа была для меня новостью; я былъ глубоко растроганъ. Какъ я почитаю себя счастливымъ, что пользуюсь дружбою, а теперь и обществомъ такой рѣдкой, высокой женщины, какъ Александра Осиповна! Вѣроятно (какъ всегда бываетъ) частое сообщество пріучило тебя не видѣть въ ней ничего необыкновеннаго, но сколько и ты долженъ благодарить Провидѣніе, что оно, отнявъ у твоей Олиньки мать, послало ей такую воспитательницу!

Сегодня утромъ Александра Осиповна начала пить воду; теперь ей нельзя ужъ будетъ работать для Звѣздочки, и я обѣщалъ трудиться за нее. Вчера она, къ моему удивленію, изъявила горестное сомнѣніе въ пользѣ своего изданія, и когда я сталъ выражать мое изумленіе и даже негодованіе, она призналась, что ты внушилъ ей такое опасеніе. Это должно тебя научить, какъ осторожно надобно говорить съ тѣми, кто къ намъ питаетъ слѣпую довѣренность. Если ты скажешь при мнѣ такой парадоксъ, я пойму, что источникъ его или дурное расположеніе духа или минутное ослѣпленіе, вслѣдствіе чего бы ни было; но слабая женщина, вѣрящая въ тебя безусловно, принимаетъ всякое твое слово за чистую правду, и неосторожно сказанная нелѣпость можетъ подѣйствовать ядовито. Прими это въ соображеніе.

4 іюня. Вчера вечеромъ я опять гулялъ съ Александрой Осиповной и Оленькой. По настоянію моему, Александра Осиповна досказала свою біографію, въ которой, наконецъ, и ты явился на сцену. И какъ прекрасно твое явленіе въ этой чудесной повѣсти, гдѣ такъ ясно видно участіе мудраго Промысла! Ты поступилъ ангельски и твое вліяніе на всю будущность Александры Осиповны было ангельское. Я былъ растроганъ, очарованъ, восхищенъ. Концемъ біографіи былъ, на обратномъ пути, хвалебный гимнъ или дуэтъ тебѣ. Кромѣ твоего вліянія на судьбу и Александры Осиповны и мою, мы разсуждали, сколько другихъ неизвѣстныхъ намъ поставлено тобою на путь спасенія, и называли судьбу твою завидною. Положеніе въ свѣтѣ, доставившее тебѣ способы къ такому благотворному вліянію, продолжается, и даже еще въ усиленной мѣрѣ; а ты... жалуешься на это положеніе!

Посмотри на себя и вокругъ себя, и отгони малодушіе. Твоимъ примѣромъ старались мы подѣйствовать и на Олиньку. „Смотрите, какіе люди окружаютъ васъ (такъ я ей сказалъ): вашъ папенька, Александра Осиповна“. „И вы“, вдругъ прибавила она, — вообрази, какая дипломатка!

Не знаю, что мнѣ дѣлать съ Юнгмейстеромъ? Онъ мнѣ не шлетъ ни отвѣта, ни книгъ. Я слышалъ, что онъ недавно женился и едва-ли теперь находится въ Петербургѣ. Не можешь ли привести эти обстоятельства въ ясность хоть черезъ экспедитора (или экзекутора)?

Я очень понимаю, что мысль о внезапномъ приходѣ кого-нибудь во время занятія мѣшаетъ заниматься; но для этого надобно въ извѣст-

ные часы вовсе не принимать. Читалъ я въ Пчелѣ твою рѣчь и описаніе вашего праздника; рѣчь мила и содержаніе кстати: просто и сердечно. Журналъ Министерства народнаго просвѣщенія мы еще не получили. Странно, что въ газетахъ до сихъ поръ не помѣщено не только посланныхъ отсюда статей, но и ни словечка о поѣздкѣ Наслѣдника въ Гельсингфорсъ.

60.

(Плетневъ — Гроту) *Спб., среда, 3 іюня, 1842.*

Милый Яковъ Карловичъ! ты говоришь, чтобы и я пріѣхалъ къ вамъ. Не нужно было бы этого и говорить мнѣ, если бы я могъ. Такъ ужъ міръ устроенъ, что полнаго счастія не встрѣчается на землѣ. Дѣло теперь только въ томъ, чтобы ты, не отстраняя отъ себя собственныхъ, т. е. казенныхъ дѣлъ, придумалъ средство для нашихъ дамъ, какъ имъ повеселѣе, подолѣе и для здоровья повѣрнѣе пожить у васъ въ Финляндіи. Со временемъ не покатаешься ли ты съ ними хоть до Таммерфорса? Но что за планы? Надобно жить умно наступившею минутою. Я не поздравлялъ Александра Армфельта отъ того, что вообще съ нимъ не вижусь. Нарочно ѣхать для этого, кажется, уже приторнымъ. При случаѣ, если не позабуду, конечно, поздравлю.

Все, что ни говоришь ты насчетъ моего положенія, я вполнѣ сознаю. Но, согласись, мудрено человѣку удержаться иногда отъ жалобъ, когда или по множеству дѣлъ, или по другимъ мелочнымъ непріятностямъ онъ вдругъ припишетъ свое неудовольствіе положенію своему. Въ спокойныя, свѣтлыя минуты я чувствую, какъ долженъ благодарить Провидѣніе за блага, мнѣ ниспосланныя на землѣ. Но ты не принимай всего отъ меня съ огорченіемъ. Это сплинъ или хандра, слѣдствіе кабинетной жизни. Ты еще нападаешь и на порядокъ жизни моей. Увѣренъ, что обвиненія твои происходятъ отъ неяснаго представленія моихъ занятій. Они не такъ малочисленны и не такъ пусты, какъ иногда и самъ я говорю и ты воображаешь. Исправленіе ректорской должности при изданіи журнала требуетъ много не однихъ механическихъ занятій, но и умственныхъ. Доказательствомъ ежегодно приготовляемыя мною воззрѣнія на разныя части университета. Да и самыя оффиціальныя дѣла направлены къ той же цѣли, т. е. ко благу молодого поколѣнія, здѣсь образующагося. Слѣдовательно, опять я кажусь виновнымъ болѣе, нежели есмь. Avis au lecteur.

Но возвратимся къ нашему другу Marmier. Хоть я назначилъ ему въ прошлую субботу видѣться съ министромъ въ университетѣ, однако ихъ обоихъ тамъ не было. Въ воскресенье (какъ увидишь ты изъ письма моего къ Александрѣ Осиповнѣ) я уѣзжалъ, а Marmier оставилъ у меня карту; другую — во вторникъ, когда я былъ въ Петергофѣ. Наконецъ, мы сошлись съ нимъ за обѣдомъ у Местра во вторникъ же.

Тамъ обѣдали всѣ Балабины, генералъ Киль [1]) и Савичъ. Онъ со всѣми познакомился. Послѣ пріѣхалъ графъ Сенъ-При, отецъ княгини Ольги Долгорукой. Съ Marmier онъ знакомъ. Я думалъ оттуда ѣхать къ Растопчиной, но Marmier упросилъ меня съ нимъ итти къ Одоевскому. Я узналъ, что въ понедѣльникъ у Веневитинова былъ обѣдъ для Marmier, а въ среду назначенъ у Сологуба въ Царскомъ Селѣ. Между тѣмъ Одоевскій и Marmier поѣхали на дачу къ Уварову. Я возвратился домой. Сейчасъ получилъ я записку отъ Marmier, что, вмѣсто Сологуба, онъ будетъ обѣдать сегодня со мною у Уварова на дачѣ. Признаюсь, ничего нѣтъ убійственнѣе для иностранца, какъ короткое посѣщеніе какой-либо столицы. Всѣ тебя тащатъ. Ничего не сдѣлаешь. Черезъ недѣлю Marmier думаетъ ѣхать въ Москву. И Булгаринъ ему въ щель двери ткнулъ свою карту.

61.

(Плетневъ — Гроту) *Спб., пятн., 5 іюня 1842.*

Вложенное здѣсь письмо къ Растопчиной, Яковъ Карловичъ, положи въ конвертъ, запечатай, надпиши: *Ея Сіятельству графинѣ Евдокіи Петровнѣ Растопчиной*, и доставь его лично по адресу. Если ты уже не сошелся съ нею, то при этомъ случаѣ долженъ сойтись. Она женщина необыкновенно интересная. Мармье отъ нея безъ памяти и во всѣхъ отношеніяхъ предпочитаетъ ее Смирновой. Въ эти послѣдніе дни недѣли мы еще нѣсколько разъ были съ Мармье вмѣстѣ. Въ среду онъ увѣдомилъ меня запискою, что мы будемъ обѣдать у министра Уварова, куда онъ пріѣдетъ съ Одоевскимъ. Итакъ обѣдъ Сологуба, приготовленный для Мармье въ Царскомъ Селѣ въ среду же (3 іюня), благоразумно принесенъ въ жертву отношеніямъ политическо-литературнымъ. Кромѣ насъ троихъ, обѣдалъ у Уварова князь Дондуковъ. Хозяинъ былъ отмѣнно милъ. Онъ говорилъ безпрестанно, какъ ученый, какъ литераторъ, какъ министръ. Я успѣлъ познакомить у себя съ Мармье Порошина, которому это знакомство будетъ полезно въ Парижѣ, куда поѣдетъ Порошинъ, намѣреваясь побывать и въ Германіи и даже въ Англіи. Князь Дондуковъ ѣдетъ на Иматру — и мы съ Одоевскимъ снабдили его разными совѣтами на этотъ путь. Въ четвергъ было въ академіи наукъ общее собраніе, гдѣ Полѣновъ избранъ въ дѣйствительные академики II отдѣленія, а Устряловъ и Дорнъ (санскритистъ) въ экстраординарные академики III отдѣленія. Вечеромъ у Балабиныхъ Мармье насладился свиданіемъ съ Врангелемъ. Они говорили все по-нѣмецки. Скоро Мармье ѣдетъ въ Москву. Оттуда сюда, гдѣ мы дня на два съ нимъ запремся работать для его замѣтокъ.

[1]) Левъ Ивановичъ, генералъ-маіоръ свиты Его Величества, адъютантъ великаго князя Константина Павловича, ум. 1851 г.

62.

(Плетневъ — Гроту) *Спб., понед., 8 іюня 1842.*

Вчера поздно вечеромъ мнѣ принесли ваши письма. Я цѣлый день ихъ ожидалъ съ нетерпѣніемъ. Благодарю, милый, за все, что ты и твои домашніе дѣлаете для моихъ дамъ. Онѣ очень счастливы теперь. Не забудь доставить мнѣ указаніе улицы и дома, гдѣ онѣ живутъ. Это мнѣ необходимо для яснѣйшаго представленія вашихъ соотношеній. Старайся успокоить Александру Осиповну насчетъ Звѣздочки. Это ни малѣйшаго не представляетъ мнѣ помѣшательства въ моихъ дѣлахъ. Я желаю, чтобы, разъ освободившись отъ своихъ хлопотъ, Александра Осиповна вполнѣ насладилась свободою и удовольствіями путешествія. Придумай, какъ бы по окончаніи питія водъ и купанья покататься тебѣ съ ними по Финляндіи, особенно въ Таммерфорсъ. Словомъ: сдѣлаемъ, чтобы для Александры Осиповны эта поѣздка была лучшимъ воспоминаніемъ на всю жизнь. Мы мужчины можемъ и нѣсколько разъ на это пуститься. А для женщины нужно много благопріятныхъ обстоятельствъ, чтобы она попала въ такую колею. Звѣздочка пойдетъ какъ нельзя лучше и безъ нея. Мнѣ это ни мало не трудно. Пусть онѣ проживутъ даже до конца августа. Лишь бы обѣ совершенно поправились въ здоровьѣ. Я пока еще и самъ не знаю, что̀ выйдетъ изъ моего лѣта. Да и не важная это вещь. Лишь бы онѣ то вкусили, что мнѣ можно имѣть всякій годъ.

Что касается до моихъ шутокъ насчетъ сомнительной пользы отъ изданія Звѣздочки, Александра Осиповна сама знаетъ, что это просто ничего не значитъ. Мало ли что болтается во время разговоровъ? И не сама ли она соглашалась со мною, что всѣ наши дѣйствія въ отношеніи къ другимъ необходимѣе собственно для насъ, нежели для нихъ? Слѣдовательно, и Звѣздочку надобно издавать, потому что она благородно и полезно занимаетъ насъ; а что касается до другихъ — это дѣло Провидѣнія устроить, чтобы имъ труды наши обратились въ пользу. Потомъ: ужели ты подумалъ, что я не знаю цѣны всему тому, чѣмъ обязанъ Александрѣ Осиповнѣ по воспитанію моей дочери? Если я объ этомъ рѣдко говорю, это не доказываетъ, что я слабо и чувствую. Нѣтъ, милый, я ей по этому обстоятельству не могу во всю жизнь столько заплатить, сколько она дѣлаетъ для меня. Вотъ причина; по которой я обо всемъ съ нею говорю, какъ бы она была моею сестрой. Иначе рѣшился ли бы я даже огорчать ее разными замѣчаніями, еслибы я еще не оцѣнилъ всей высокости ея души? Мнѣ она ничѣмъ не обязана. А если и разсказываетъ что̀, — это просто случай, который ни къ чему бы не привелъ, еслибы не коснулся до нея, и безъ меня уже приготовленной Провидѣніемъ дѣйствовать свыше своихъ обстоятельствъ. Юнгмейстеру я писалъ еще прежде, чтобы онъ былъ съ тобой

акуратнѣе. Онъ точно недавно женился. Это могло остановить его ходъ дѣлъ. Но ты напиши ему серіознѣе, что изберешь Полевого, буде не отзовется онъ дѣломъ.

О Наслѣдникѣ вѣрно не вышло разрѣшенія говорить. Здѣсь подобныя статьи посылаются на цензуру къ министру Двора. Твоя статья „Жизнь и страданіе" [1]) — высочайшая философія, низведенная въ прелестный міръ дѣтства. Ты идешь исполинскими шагами на пути нравоученія. Пошли Богъ столько же долговѣчности, сколько Онъ уже послалъ мудрости въ твою душу! Обнимаю тебя — и желаю, чтобы все лѣто ты былъ въ такомъ же добромъ расположеніи духа, какъ теперь. А что Растопчина?

63.

(Гротъ — Плетневу) *Гфорсъ, четвергъ, 11 іюня 1842.*

Очень жаль, что намъ нельзя здѣсь увидѣть тебя; но можетъ быть мнѣ удастся проводить Александру Осиповну до Петербурга и тогда мы все-таки увидимся; по Финляндіи же Александра Осиповна отказывается погулять, вѣроятно, изъ уваженія къ всесильному приличію. Я письменно просилъ А. Армфельта представить, могутъ ли предполагаемыя мною учебныя пособія печатаемы быть на счетъ остатковъ отъ суммы, назначенной на русскія книги. Его Высочество, одобривъ мой планъ съ изъявленіемъ особеннаго удовольствія за усердіе, велѣлъ (я именно спрашивалъ объ этомъ) представить дѣло чрезъ консисторію. Сегодня я благодарю и прошу о выдачѣ впередъ прибавочнаго жалованья на уплату долга въ типографіи. Надѣюсь, что онъ въ этомъ не затруднится. Завтра будетъ годъ той надписи, которую ты по просьбѣ моей оставилъ на моей стѣнѣ. Она всегда у меня передъ глазами.

Я согласенъ, что иногда простительна несправедливая жалоба на свое положеніе, но не забудь, что въ послѣдній разъ ты жаловался вслѣдствіе моего настоятельнаго вопроса о причинѣ твоего почти постояннаго неудовольствія, недѣйственности твоей и скуки. Слѣдовательно, не „множество дѣлъ или другія мелочныя непріятности" заставили тебя „вдругъ приписать свое неудовольствіе положенію своему". Кажется, минута, въ которую ты тогда отвѣчалъ мнѣ, должна бы быть „спокойною и свѣтлою", а ты говорилъ о разочарованіи и о томъ, что не такъ живешь, какъ бы желалъ. Твоя хандра не можетъ происходить отъ кабинетной жизни, потому что твоя кабинетная жизнь никогда не была исключительною или слишкомъ упорною.

Marmier довольно хлопотъ тебѣ надѣлалъ.

Письмо твое къ Растопчиной я отнесъ на другой же день, но графиня не принимала; она не совсѣмъ здорова и еще не выходитъ. Надо

[1]) Звѣздочка, 1842 г., ч. III, стр. 36.

признаться, что ты немного во зло употребилъ ея доброту. Посмотримъ, какую-то она мину сдѣлаетъ мнѣ.

О моемъ препровожденіи времени почти нечего тебѣ писать, потому что Александра Осиповна ведетъ подробный журналъ о своемъ, а я, когда не занимаюсь дома, почти все у нихъ бываю, чтобы какъ можно болѣе воспользоваться ихъ пребываніемъ здѣсь.

Напиши Александрѣ Осиповнѣ, чтобы она только разъ въ недѣлю писала тебѣ или, по крайней мѣрѣ, не такъ много. При питіи водъ всякое напряженіе строго запрещено, а она при такой перепискѣ много должна сидѣть. Я безпрестанно толкую о нелѣпости пить воды и не исполнять предписаннаго, но мои слова мало помогаютъ. Люди — такіе дѣти! Зачѣмъ же было и начинать пить воду, когда еще болѣе вредишь себѣ? Желѣзистая вода чрезвычайно дѣйствуетъ на глаза, это извѣстно мнѣ по собственному опыту.

Вчера получилъ я посылку отъ Егора Антоновича [1]). Прислалъ мнѣ „*Шесть лѣтъ*“ съ нотами при письмѣ самомъ дружескомъ, гдѣ онъ называетъ меня вездѣ *другомъ* и говоритъ мнѣ *ты*.

Сегодня ровно 10 лѣтъ тому, какъ былъ выпускъ нашего курса изъ лицея; но я былъ боленъ и еще пробылъ тамъ дня три.

64.

(Плетневъ — Гроту) ***Спб., пятн., 13 іюня 1842.***

Я не нахожу нужнымъ повторять тебѣ, какъ у меня проходитъ время, что̀ я дѣлаю и гдѣ бываю. Это все ты долженъ найти и прочитывать въ письмахъ къ Александрѣ Осиповнѣ. Воскресенскому страхъ какъ захотѣлось побывать въ Стокгольмѣ при съѣздѣ тамъ ученыхъ. Я ему совѣтую обратиться для сего съ просьбою къ Волконскому, который тотчасъ уговоритъ министра послать его. М. — скряга и нечувствителенъ ни къ какой славѣ. Для него, что не грошъ, все трынъ-трава. Жду съ нетерпѣніемъ твоего взгляда на періоды русской исторіи. Все, что ты ни присылаешь для Звѣздочки, удивительно интересно. Разборъ Альманаха, тобою присланный, я отдалъ Очкину. Ты вѣрно скоро его найдешь въ Академическихъ Вѣдомостяхъ. Мнѣ онъ нравится истиною, системою, краткостію и вмѣстѣ полнотою взгляда. А кто сочинитель? Моландеръ хорошо перевелъ. Вѣдь это бывшій въ Москвѣ съ Гартманомъ? Что-то дѣлается въ Радельмѣ? Вотъ кабы туда прокатиться тебѣ съ дамами? По крайней мѣрѣ, познакомь съ ними отца Розины.

Каково-то это лѣто для тебя будетъ? Боюсь, что опять петербургская толпа замучитъ тебя. Впрочемъ — ты господинъ надъ собой. Нечего много церемониться.

[1]) Энгельгардта.

65.

(Гротъ — Плетневу) *Гфорсъ, 17 іюня 1842.*

Наконецъ, мы получили твои пакеты съ нотами, съ Журналомъ народнаго просвѣщенія, съ Современникомъ и со Звѣздочкой. Вмѣстѣ съ другими и я благодарю. О Звѣздочкѣ я вчера (тотчасъ, по полученіи пакета, отправившись къ Александрѣ Осиповнѣ) вслухъ прочелъ ей, и чтеніе доставило ей видимое удовольствіе. Я за нее радовался, потому что она такъ достойна всякаго блага. Чѣмъ болѣе я ее узнаю, тѣмъ болѣе почитаю. Видно, что она въ жизни мало знала радостей, потому что всякую малость умѣетъ цѣнить. Ужъ точно, ты никогда не можешь ей отплатить за ея безкорыстный подвигъ въ отношеніи къ Олинькѣ, за ея самопожертвованіе въ этомъ случаѣ. А между тѣмъ сама она никакой не придаетъ цѣны своимъ дѣламъ и даже не любитъ говорить о нихъ. Ты можешь быть увѣренъ, что я поступаю совершенно согласно съ твоимъ и съ собственнымъ моимъ желаніемъ, чтобы ея пребываніе здѣсь было сколько можно пріятно. Съ своей стороны поручаю тебѣ (если это нужно) распространить эту заботу и на ея пребываніе въ Петербургѣ. Надѣюсь, что Олинька уѣдетъ отсюда не съ грустными воспоминаніями. Ей бы только свобода, хорошая погода и игры; все остальное сдѣлаетъ сама ея 12-тилѣтняя натура, въ которой источники счастья бьютъ полными еще ключами.

Изъ стиховъ въ Современникѣ мнѣ особенно понравился „Сверчокъ" Растопчиной, который, при всей видимой ничтожности своей, — премилая шалость фантазіи. Наконецъ, познакомился я съ Растопчиной. Она мнѣ очень понравилась. Ея живое болтовство, въ которомъ такъ много видно начитанности, такъ много неосновательности, очень мило; игра физіономіи и жесты, особливо маленькаго пальчика, придаетъ ей еще болѣе прелести. Фанфаронства ни мало. Она на тебя вовсе не сердита, и когда я просилъ сказать тебѣ отвѣтъ черезъ меня, она объявила, что сама будетъ писать тебѣ. Юнгмейстеръ, наконецъ, писалъ мнѣ; еще разъ попробую добиться толку отъ него. Въ статьѣ „Жизнь и страданіе" только первое отдѣленіе вполнѣ принадлежитъ мнѣ; второе заимствовано изъ стокгольмскаго дѣтскаго журнала. Мудрости во мнѣ еще слишкомъ мало, да и какъ быть, пока ей такъ сильно противовѣситъ пылъ крови, который опасенъ и для долговѣчности.

Я не посылаю тебѣ еще статьи моей объ исторіи, потому что она не къ спѣху, и я выжду оказіи (она толстовата); а вотъ покуда двѣ маленькія статьи: одна во второе отдѣленіе (съ англійскаго), слѣдующая за посланными уже *Пьсами*; а другая, со стишками, для перваго отдѣленія той же или другой книжки. Кромѣ исторической, у меня готова еще статья для перваго отдѣленія. И ее пришлю вскорѣ. Держи корректуру поисправнѣе. Академическія Вѣдомости, какъ я уже пи-

салъ, до меня не доходятъ. Моландеръ — тотъ самый, который былъ въ Москвѣ. Переводъ его еще вчернѣ былъ мною перепpавленъ, а до тебя дошелъ онъ переписанный. Статья написана Колланомъ, редакторомъ листка *Morgonblatt*. Вчера вечеромъ былъ балъ (даровой) на водахъ. Я тамъ былъ со всѣми дамами; было довольно тѣсно. Гартманъ Великій, который здѣсь на время съ мызы, сказалъ мнѣ, что братъ его опять принужденъ разъѣзжать и теперь около Улеаборга. Вчера пріѣхалъ студентъ Джаксонъ, который будетъ жить здѣсь у m-me Оомъ [1]) изъ Воспитательнаго Дома; она еще не пріѣхала.

Сегодня у насъ послѣдняя консисторія. Вечеромъ балъ у графини Закревской [2]); черезъ Армфельтовыхъ дочерей (2 дочери Александра живутъ у нея) и я званъ на этотъ балъ. Прощай, я долженъ писать и Энгельгардту, благодарить за ноты „*Шесть лѣтъ*“. Море тебѣ кланяется; я ежедневно въ немъ купаюсь, хотя еще только 13 Цельзіуса.

66.

(Плетневъ — Гроту) ***Спб., среда, 17 іюня 1842.***

Отвѣтъ на письмо отъ 11 іюня. Любезный Яковъ Карловичъ! О Растопчиной порядочно не знаю, что̀ она сказала, прочитавъ мое письмо; убѣдилась ли она въ невинности моей касательно манкировки на ея обѣды и на прощаніе съ нею? Ты самъ читалъ мое къ ней письмо: я въ немъ не выдумалъ ни единаго обстоятельства. Словомъ: мнѣ отвѣты нужны поудовлетворительнѣе.

Жалѣю, что не состоится поѣздка ваша въ Таммерфосъ и Радельму. А что же, познакомилъ ли ты генералъ-директора Гартмана съ Александрой Осиповной? Она сбирается въ началѣ августа сухимъ путемъ ѣхать домой. На Иматру мнѣ ужъ не удастся къ вамъ выѣхать. Князь Волконскій самъ поѣдетъ за своей женой. Уваровъ отправится въ Харьковъ. Итакъ, мнѣ придется управлять округомъ съ Шихматовымъ. Да найдете ли вы дорогу на Иматру, минуя Фридрихсгамъ, а пустясь прямо на Вильманстрандъ? Если ты читаешь внимательно мои письма къ Александрѣ Осиповнѣ, то видишь, конечно, что я способенъ къ сидячей жизни. Вотъ болѣе двухъ недѣль я не выхожу ни на шагъ изъ дому, кромѣ 10 и 11 часовъ вечера — пить чай у Балабиныхъ. Я работаю много для журнала и должности. Тебѣ не описываю провожденія времени моего, ибо это было бы повтореніемъ того, что пишу къ Александрѣ Осиповнѣ. Энгельгардтъ мастеръ писать амикальныя письма. Ты съ Воскресенскимъ прислалъ разныя

[1]) Анна Θедоровна, главная надзирательница при Сиротскомъ Институтѣ въ Спб. Воспитательномъ Домѣ.

[2]) Графини Аграфены Θедоровны, урожд. графини Толстой.

вещи, обѣщавъ ему, что касательно ихъ назначенія прямо напишешь ко мнѣ. Но въ то же время ничего не пишешь. Да и Воскресенскій самъ не увѣренъ, все ли онъ мнѣ доставилъ, что̀ ты ему насовалъ. Будь здоровъ — главное! Тогда и веселъ будешь, и людямъ пріятенъ, и себѣ полезенъ. Какъ-то вы сошлись съ Растопчиной? Александра Осиповна отъ нея въ восхищеніи, а ты?

67.

(Плетневъ — Гроту) *Спб., пятн., 19 іюня 1842.*

Не помню, Яковъ Карловичъ, спрашивалъ ли я у тебя объ отвѣтѣ ученому Финляндскому Обществу за присланный лично мнѣ экземпляръ его Актовъ. Пожалуйста, увѣдомь: настоитъ ли крайняя обязанность отвѣчать ему, или достаточно упомянуть, что университетъ благодаритъ, а равно и я за себя? Еще не позабудь увѣдомить, кому назначилъ ты шведскій и русскій Альманахи, съ Воскресенскимъ присланные. Что касается до пакета на имя Ольги Ѳедоровны (Корфъ), я его вчера лично отдалъ. Но Ю. К—ъ изъ рукъ вонъ. У него совсѣмъ нѣтъ такту для общества. Мы сидѣли втроемъ съ Ѳедоромъ Ѳедоровичемъ. Ю. началъ хвалить „Салопницу“ Булгарина. Я отвѣчалъ, что не знаю статьи. „Развѣ вы не читали?“ спросилъ онъ съ удивленіемъ. Я отвѣчалъ, что, дорожа временемъ, не теряю его на чтеніе глупостей, писанныхъ въ прибавку м....и. Ему это ничего. Стали говорить о Чичиковѣ. А онъ и не читалъ его, да еще спрашиваетъ, что стоитъ ли это, чтобы читать? Развѣ Гоголь съ талантомъ? прибавилъ онъ. Вотъ человѣкъ, живущій въ столицѣ и трущійся между людьми высшаго разряда! Что ни скажетъ — все невѣжество.

Я писалъ къ Наслѣднику и просилъ позволенія сдѣлать статью о его поѣздкѣ. Если выйдетъ разрѣшеніе, я цѣликомъ воспользуюсь двумя твоими письмами. Если ты задумаешь сдѣлать поѣздку въ Карелію, то предувѣдомь меня и напиши хорошенько адресъ Александры Осиповны, какъ ей безъ тебя писать. Изъ ея письма ты увидишь подробный журналъ о моемъ одинокомъ житьѣ. Обнимаю тебя.

68.

(Гротъ — Плетневу) *Гфорсъ, 24 іюня, 6 ч. п. об. 1842.*

Въ саду, гдѣ мы прошлаго года иногда пили съ тобой чай, но въ другомъ мѣстѣ, у забора, стоитъ передъ скамьею столъ. За нимъ сидятъ по одну сторону рядомъ двѣ наши странницы, а противъ нихъ — я; всѣ трое прилежно пишутъ письма къ тебѣ. Надѣюсь, что ничто не помѣшаетъ мнѣ проводить путешественницъ обратно. Я не только вижу, что ты способенъ къ сидячей жизни, но еще умоляю тебя унять

свое усердіе къ работѣ и поболѣе выѣзжать, чтобы на зиму запастись новымъ здоровьемъ. Въ хорошую погоду грѣшно не пользоваться ею. Скажи, кто составилъ такъ занимательно и хорошо біографію Женнера [1])? Сужденіе о книгѣ „*Наши*" [2]), какъ обыкновенно, дипломатическое, но забавно. Воскресенскій забылъ, что Альманахъ на обоихъ языкахъ назначенъ для Цанта, шведскаго пастора. Онъ живетъ въ Парголовѣ, но вѣроятно посѣщаетъ свою кирку, итакъ пошли ихъ на кирочный дворъ. Александра Осиповна въ эту минуту приказываетъ мнѣ, за неимѣніемъ у себя мѣста, написать тебѣ, что графиня Гедвига [3]) выходитъ замужъ за Московскаго полка офицера Шалашникова. Это приводитъ меня къ балу Закревской. Она живетъ на 4-й верстѣ по Абовской дорогѣ. Меня представилъ старикъ Клинковстремъ съ громкими фразами (очень неумѣстными) объ авторствѣ, о Жуковскомъ, о Пушкинѣ. Гостей было немного, больше изъ здѣшнихъ жителей, но и обѣ *высокія* сестры были на лицо. Я уѣхалъ до ужина, не смотря на старанія удержать меня.

За тетради Общества ученаго не худо бы было, еслибъ ты разъ навсегда отъ своего имени написалъ письмецо къ Шультену [4]).

25 іюня.

Удивляюсь, что такія сужденія, какъ Ю. К., могутъ еще дѣйствовать на тебя, какъ будто новость, что не для всѣхъ доступна истина, особенно въ литературѣ! И пускаться въ литературные разговоры съ такими людьми, да еще выражать передъ ними свое негодованіе—считаю я вовсе не благоразумнымъ, даже унизительнымъ. А Гоголь въ Чичиковѣ въ самомъ дѣлѣ превзошелъ себя. Какъ кстати пришла эта книга во время лѣченія Александры Осиповны; за нею нельзя не хохотать безпрестанно, а смѣхъ-то и нуженъ при питьѣ водъ. Нѣкоторыя мѣста и Олинька слушала, и часто спрашиваетъ, когда мы будемъ опять читать Чичикова. Въ присутствіи ея, разумѣется, нѣкоторыя выраженія умягчаются или пропускаются, ибо многое черезчуръ пошло. Дивлюсь, что ты просилъ позволенія напечатать статьи о посѣщеніи Наслѣдника, когда непоявленіе ея до сихъ поръ ясно доказываетъ, что не велѣно помѣщать ее.

[1]) Извѣстнаго англичанина — доктора, изобрѣтателя оспопрививанія, ум. 1823 г. Біографія его въ Современникѣ XXVI т., 1842 г., стр. 30.

[2]) О книгѣ „Наши, списанные съ натуры русскими" Башуцкаго, изд. Исакова, см. рецензію тамъ же.

[3]) Дочь графа Александра Армфельта.

[4]) Профессору Александровскаго университета.

69.

(Плетневъ — Гроту) *Спб., 24 іюня 1842.*

Вотъ чему я очень радъ, милый Яковъ Карловичъ: Наслѣдникъ разрѣшилъ мнѣ напечатать то, что я получилъ въ твоихъ письмахъ о его пребываніи въ Гельсингфорсѣ. Я воображалъ, что онъ и не заглянетъ въ статью, а велитъ ее пробѣжать какому-нибудь адъютанту. Но вышло, что онъ даже и поправлялъ ее своеручно. По твоему сказано, что онъ прибылъ къ вамъ 14 мая, а онъ поправилъ 15. У тебя: присутствовалъ въ сенатѣ, а онъ: посѣтилъ сенатъ.

Соловьевъ, кажется, хотѣлъ бы здѣсь остаться; но что-то все у него нерѣшительно. Какой несносный по навязчивости человѣкъ! Онъ сошелся у меня съ Бередниковымъ [1]), который, повидимому, считаетъ его за путнаго, какъ всѣ въ археографической коммисіи. Впрочемъ и Бередниковъ самъ довольно неглубоко попадаетъ въ глубь дѣлъ. Онъ только и успѣлъ, что легко разбираетъ старыя рукописи. Вообще, я нынѣ вижу мало послѣдовательности въ знаніяхъ. Все ограничивается одною эпохою, а особенно новою, со временъ Телеграфа или Библіотеки для чтенія. Ты мнѣ сообщи о твоемъ знакомствѣ съ Закревскою. Она знаменита по стихамъ Пушкина:

> Какъ беззаконная комета стремишься до упадка силъ,

и по стихамъ Баратынскаго:

> Какъ Магдалина плачешь ты и какъ русалка ты хохочешь.

Насчетъ прибытія твоего ко мнѣ съ вояжирками я ничего тебѣ не говорю, чтобъ оставить тебя дѣйствовать чисто по твоимъ собственнымъ соображеніямъ. Не нужно говорить, кажется, что видѣть тебя и пожить съ тобою на свободѣ, безъ развлеченія, есть величайшее счастіе. Нельзя ли вамъ всѣмъ и Растопчиной ѣхать черезъ Вильманстрандъ на Иматру? Вотъ для твоихъ дамъ реэстръ придворныхъ праздниковъ: іюня: 23 — театръ въ Петергофѣ, 24 — балъ въ старомъ Петергофскомъ дворцѣ, 25 — балъ въ Mon plaisir, 26 — въ Красномъ Селѣ, 27 — маневры въ Красномъ Селѣ, 28 — тамъ же парадъ; обѣдъ въ Царскомъ Селѣ; вечеръ на Елагиномъ, 29 — прусскій король въ Петербургѣ, 30 — съ Елагина водою въ Петергофъ, 1 іюля — въ Петергофѣ маскарадъ и иллюминація. Прощай, милый. Благодарю тебя, Каролину Ивановну и Розу Карловну за все, за все, что̀ вы оказываете путешественницамъ.

70.

(Гротъ — Плетневу) *Гфорсъ, субб., 26 іюня 1842.*

Посылаю тебѣ, любезный Петръ Александровичъ, двѣ статьи въ 1-е отдѣленіе Звѣздочки. „Портреты и силуэты“ написаны уже нѣ-

[1]) Яковъ Ивановичъ, главный редакторъ археографической коммисіи, академикъ, ум. 1854 г.

сколько мѣсяцевъ тому назадъ, но оставались подъ спудомъ. Съ будущей почтой пришлю еще что-нибудь для наполненія слѣдующаго №.

И я очень радъ, что о пребываніи здѣсь Наслѣдника разрѣшено тебѣ напечатать. Это будетъ пріятно и здѣшнимъ, которые очень дивились, что до сихъ поръ ничего не было помѣщено о томъ въ газетахъ. Подписи никакой не нужно.

Юнгмейстеръ проситъ объ уплатѣ за присланныя книги, но въ счетѣ его многія цѣны кажутся мнѣ подозрительными. Потрудись (если можно немедленно, чтобы съ первою же почтою дать мнѣ отвѣтъ) черезъ экзекутора или кого бы ни было освѣдомиться у какого-нибудь другого книгопродавца, что̀ сто̀ятъ книги: „*Повѣствованіе о Россіи*".— „*Лекціи статистики*", Рославскаго. — „*Ключь къ Исторіи Карамзина*". — „*Опытъ исторіи литературы*", Греча (1-е изданіе).— „*Словесность*" *Греча*, 4 части. — „*Энциклопедическаго лексикона*" каждый томъ отдѣльно. — „*Словесность*" *Георгіевскаго*. — „*Ломоносовъ*", К. Полевого. — „*Словарь достопамятныхъ людей*", Б.-Каменскаго.

Графъ Армфельтъ немедленно исполнилъ мою просьбу и выслалъ мнѣ 666 руб. въ счетъ жалованья. Въ то же время получилъ я отъ Вассеніуса за продажу книгъ около 250 руб., такъ что вдругъ разбогатѣлъ. Долгъ въ типографію почти весь уже заплаченъ: остается не болѣе рублей 150.

71.

(Плетневъ — Гроту) ***Спб., субб., 7 іюня 1842.***

Я говорилъ объ Альманахѣ и Звѣздочкѣ по обязанности журналиста. Похвалъ въ моемъ отзывѣ, особенно Альманаху, совсѣмъ нѣтъ, а обыкновенныя фразы, какія всѣмъ хорошимъ книгамъ раздаются. Отзывъ твой о „Сверчкѣ" Растопчиной совершенно справедливъ. И я его очень люблю. Замѣтки твои касательно самой ея также отмѣнно справедливы и обличаютъ удивительнаго цѣнителя женщины. Ея игра маленькаго пальчика—прелесть. Мнѣ очень хочется, чтобы сообща намъ удалось ее приблизить къ нашему единомыслящему кружку, особенно на убылое мѣсто Основьяненки, который, какъ мнѣ начинаетъ казаться, не совсѣмъ меня понималъ. Растопчина мало еще поняла отвѣтственность жизни и не ясно видитъ будущее. Разговоры въ обществѣ съ тобой и Александрой Осиповной, а особенно вояжъ по Финляндіи въ Петербургъ, еслибы онъ состоялся съ нею, могутъ подѣйствовать благодѣтельно на перемѣну ея теперешняго состоянія души. Она доступна всему трогательному, религіозна, человѣчна; но молодость и большой свѣтъ еще волнуютъ ея душу. Передай ей нѣкоторыя черты изъ біографій шведскихъ авторовъ: это должно занять ея умъ. Скажи, что хотя ни въ парижскихъ, ни въ петербургскихъ салонахъ не знаютъ этихъ людей, но они болѣе дѣлаютъ для человѣчества и далѣе пойдутъ въ безпристрастной исторіи науки.

Мудрость твоя не общая: это умъ, проникнутый чувствомъ. Вотъ что дѣлаетъ твои статьи столь многоцѣнными. Но пылъ крови старайся охлаждать не изнуреніемъ тѣла, а опытами и размышленіемъ. Тогда и на долговѣчность не будетъ онъ дѣйствовать гибельно. Двѣ твои статьи, подъ заглавіемъ „*Облака*", обѣ прекрасны. Переводъ Рунеберговыхъ стиховъ граціозенъ и исполненъ поэзіи. Я очень радъ буду видѣть здѣсь нашего милаго Гартмана. Можетъ быть, онъ пріѣдетъ въ то же время, когда и ты здѣсь будешь. Только лекціи твои начинаются съ нашего сентября. Это раненько для него.

Не нахожу нужнымъ повторять тебѣ мой журналъ послѣднихъ трехъ дней. Гдѣ теперь профессоръ Лундаль—въ Гельсингфорсѣ, или въ Тамерфорсѣ? У насъ вѣрно на Пулковой былъ астрономическій праздникъ.

Отчего ты ни слова не говоришь о графинѣ Пушкиной и ея сестрѣ Демидовой? По дачамъ ли онѣ живутъ, или въ городѣ? А балъ у Закревской замѣчателенъ ли былъ чѣмъ для тебя? Была ли тамъ Клинковстремша и каково обошлась съ нею Закревская? Пожалуйста, пришли скорѣе хоть половину статьи своей объ исторіи для № 8 Звѣздочки. Предшественникъ его уже скоро выйдетъ въ свѣтъ. Хорошо, еслибы и послѣдователь его родился безъ самой здѣсь *звѣздочки*.

72.

(Плетневъ — Гроту) ***Спб., вторн., 30 іюня 1842.***

Сегодня утромъ въ часъ я былъ обрадованъ новымъ у меня появленіемъ Marmier, прибывшаго изъ Москвы. Онъ въ восхищеніи отъ нея и тамошнихъ литераторовъ, друзей нашихъ: Шевырева, Хомякова, Павлова [1]). Въ проѣздъ свой на обратномъ пути Marmier въ Вышнемъ-Волочкѣ написалъ собственно для тебя, Яковъ Карловичъ, стихи, которые у меня сейчасъ онъ переписалъ и которые здѣсь я тебѣ препровождаю [2]). Въ отвѣтъ на письмо твое отъ 24 іюня и я скажу, что не предвижу, чтò бы могло помѣшать тебѣ проводить дамъ до С.-Петербурга. Но главное: доставь этому пути поболѣе интересу выборомъ пріятнѣйшей дороги (черезъ Вильманстрандъ и Иматру, какъ я уже говорилъ прежде).

Мои засѣданія у письменнаго стола не разстраиваютъ здоровья, потому что я часто прохаживаюсь по комнатѣ и выѣзжаю всякій вечеръ въ гости. Но перемѣнить этого невозможно при обязанностяхъ, *теперь* на мнѣ лежащихъ. О Женнерѣ прелестнѣйшую эту статью написалъ Порошинъ, какъ Александрѣ Осиповнѣ должно быть извѣстно.

[1]) Николая Филипповича, извѣстнаго писателя и публициста, ум. 1864 г.

[2]) Стихи эти напечатаны Яковомъ Карловичемъ въ „Листкахъ изъ скандинавскаго міра" въ Современникѣ 1843 г., т. XXIX, стр. 103—104.

Это, по моему мнѣнію, образецъ простоты трогательной. Такъ надобно говорить о заслугахъ гражданскихъ и ученыхъ. Объ ариѳметикѣ Меморскаго я выписалъ изъ Отечественныхъ Записокъ, вѣрно, слова Бѣлинскаго. Не думаю, чтобы Краевскій былъ столь золъ и меланхоличенъ. Сужденіе о „Нашихъ" я признаю образцомъ учтивой брани, въ чемъ и Гоголь со мною согласенъ. Иначе браниться можетъ и всякій дуракъ. Цанту книги я послалъ. Поздравь отъ меня Гедвигу съ женихомъ. Видно ей на роду написано служить въ Московскомъ полку. Кажется, и первый женихъ былъ оттуда же. Не тамъ ли живетъ Закревская, гдѣ жила Пушкина, или поближе, гдѣ живалъ Булгаринъ съ своею Ленхенъ и Тантой? Благодарю за проэктъ письма къ Шультену. Я имъ уже сего же дня воспользовался, не смотря на оффиціальную въ Общество бумагу, мною же подписанную сегодня отъ университета. Сужденія Ю. К. не могутъ не бѣсить: онъ братъ литератора и воспитанникъ Царскосельскаго благороднаго пансіона. Что же послѣ сего должны быть офицеры изъ кадетъ? А между тѣмъ вѣдь это Россія! О книгѣ Гоголя я пишу для № 3 Современника статейку, состоящую по большей части изъ выписокъ. Это, по моему, лучшій способъ разбирать хорошее. Вотъ же и не угадалъ ты: анъ мнѣ позволено напечатать о поѣздкѣ Канцлера. Ты полюбуешься, какъ вѣрно я все переписалъ изъ двухъ твоихъ писемъ. Въ № 7 и моихъ каплюшекъ найдете три статейки, хоть совсѣмъ не дѣтскія: ибо я не умѣю ни играть съ дѣтьми, ни писать для нихъ.

73.

(Гротъ — Плетневу) *Гфорсъ, четв., 2 іюля 1842.*

Вчера, послѣ обѣда, Растопчина желала было видѣть университетъ, но должна была ѣхать къ графинѣ Пушкиной на дачу. Чтобы услышать рѣшительный ея отвѣтъ, я былъ у нея поутру. Она намолола много всякой чепухи. Нѣтъ, ужъ видно графское достоинство и богатство таковы, что кому достанутся, тотъ никакъ не избѣгнетъ ихъ растлительнаго дѣйствія. Признаться, мы съ Александрой Осиповной видимъ въ ней чрезвычайно много общаго всѣмъ дамамъ высшаго свѣта и никакъ не понимаемъ, какъ она бы могла приблизиться къ нашему кругу. Что касается до Основьяненки, то и онъ по настоящему никогда не принадлежалъ къ намъ; сочиненія, какія бы ни были, никакъ еще не могутъ служить представителями лица, а мы его лица вовсе не знали. Довольно и того, что нашлось какъ-то три человѣка, которые совершенно понимаютъ другъ друга; искать еще четвертаго есть мысль дерзкая и несбыточная.

На обсерваторію, для наблюденія солнца, я не могъ водить нашихъ дамъ потому, что въ этой обсерваторіи пока еще нѣтъ обсерватора;

Лундаль еще не профессоръ. Въ консисторіи нѣкоторые были противъ него потому, что онъ слабенекъ въ древнихъ языкахъ и вообще въ гуманическихъ наукахъ; однакожъ, большинство пересилило. Онъ представленъ, но еще не утвержденъ.

О *высокихъ* сестрахъ я потому ничего не говорилъ, что вовсе у нихъ не бываю. Ихъ надменно-холодное обращеніе слишкомъ мнѣ надоѣло; онѣ считаютъ милостію, что принимаютъ литератора, а ему у нихъ скучно и милости этой не нужно. Д—ва на прошлой недѣлѣ уѣхала на время въ Петербургъ. Растопчина говорила мнѣ, что сестра ея затѣваетъ къ 3-му августа сюрпризъ для нея, въ которомъ и мнѣ назначаетъ роль; но, вѣроятно, я откажусь отъ участія. У Демидовой я не былъ съ праздника, гдѣ ломалъ комедь, а у Пушкиной съ бала, накунѣ отъѣзда Лавоніуса. Растопчина говоритъ, что сюда ждутъ на нѣсколько дней Сологуба, Віельгорскаго и еще кого-то. Она извинялась, что еще не писала къ тебѣ и сбирается съ будущей почтой.

Для Звѣздочки у тебя теперь вотъ что:

Для 1-го отдѣла: Портреты и силуэты. Письмо о русской исторіи. Облака, со стихами Рунеберга. О Бобрѣ. Счастіе и заливъ (это мнѣ, кажется, болѣе идетъ въ 1-е, нежели во 2-е). Сегодня еще прилагается статейка, и съ будущею, надѣюсь, почтою пришлю статью *для 2-го отдѣла.* Такъ какъ въ этой книжкѣ всѣ или почти всѣ будутъ моей работы и смѣшно бы было подъ всѣми видѣть одну подпись, то лучше ни подъ одною подписи никакой не ставить.

Я читалъ въ Пчелѣ статью противъ Чичикова. Какая адская злоба видна въ ней, особливо въ концѣ, гдѣ мѣста выписаны не безъ враждебнаго умысла!

74.

(Плетневъ — Гроту) ***Спб., пятн., 3 іюля 1842.***

Я съ большимъ удовольствіемъ прочиталъ статьи, присланныя тобою, милый Яковъ Карловичъ, для Звѣздочки. „Письма о русской исторіи“ — высокаго достоинства, какъ въ ученомъ, такъ и въ литературномъ отношеніи. Другая: „Портреты и силуэты“ прелесть для дѣтей. Все это съ прежнимъ матеріаломъ поступило уже въ наборъ для № 8 Звѣздочки. Вотъ тебѣ самыя послѣднія цѣны, намѣченныя въ магазинѣ Полевого книгамъ, означеннымъ въ твоемъ письмѣ: 1) „Повѣствованіе о Россіи“ — 5 р. 25 к.; 2) „Лекціи статистики“, Рославскаго — неизвѣстно имъ; 3) „Ключь къ исторіи Карамзина“ — 15 р.; 4) „Опытъ исторіи литературы“ Греча (1-е изд.) — 5 р.; 5) „Словесность“ Греча, 4 части — 25 р.; 6) „Энциклопедическій лексиконъ“ — каждый томъ 10 р.; 7) „Словесность“ Георгіевскаго — 7 р.; 8) „Ломоносовъ“ Полевого — 12 р.; 9) „Словарь достопамятныхъ людей“ Бантыша-Каменскаго — 35 р. Всѣ цѣны на ассигнаціи.

Я обѣщалъ Marmier, что буду писать къ нему. Этого онъ очень желалъ. Я его отъ души полюбилъ. У него страсть къ сѣверу врожденная, а не игра воображенія. Ему хотѣлось имѣть подлѣ Гельсингфорса дачу, чтобы каждое лѣто тутъ проводить. О тебѣ онъ не говоритъ иначе, какъ съ самымъ нѣжнымъ чувствомъ. И ты ему пиши: въ Министерство народнаго просвѣщенія въ Парижѣ. Завтра сухимъ путемъ онъ ѣдетъ на Варшаву.

75.

(Гротъ — Плетневу) *Гфорсъ, среда, 8 іюля 1842.*

Каково теперь твое здоровье, любезный Петръ Александровичъ? Изъ письма твоего къ Александрѣ Осиповнѣ, отъ 3-го іюля, я заключаю, что ты при сочиненіи его не совсѣмъ хорошо себя чувствовалъ; впрочемъ вѣдь „всяко бываетъ".

Полученъ 7-й № Звѣздочки. Статьи: „25-е іюля" и объ Исторіи Смирнова выходятъ изъ ряда обыкновенныхъ, особенно первая составляетъ, сверхъ своего литературнаго достоинства, и драгоцѣнный историческій матеріалъ. Женскій родъ разсказывающаго лица сбилъ меня было съ толку насчетъ автора, но слогъ статьи и слова Александры Осиповны наставили меня.

Стихи Marmier мнѣ нравятся, кромѣ перваго куплета, гдѣ наборъ словъ. A propos. Его другъ, графиня Пушкина вчера черезъ барона Маннергейма (помнишь эту манерную спичку) просила меня участвовать въ праздникѣ для Демидовой, 3-го августа, и взять въ Маскарадѣ изъ Notre Dame роль мефистофеля въ красной одеждѣ. Я отвѣчалъ на записку, что сбираюсь предпринять поѣздку и не буду въ Гельсингфорсѣ въ назначенное время,— впрочемъ побываю у графини. M-me Oom изъявляетъ сильное желаніе ѣхать въ Петербургъ въ одно время съ нашими дамами.

Талантъ Гоголя удивителенъ, но его заносчивость, самонадѣянность и, такъ сказать, самопоклоненіе бросаютъ непріятную тѣнь на его характеръ. Закревская заняла дворецъ Булгарина. Нѣтъ, сужденія Ю. К. и К° не должны бѣсить человѣка, обстрѣленнаго опытомъ и недоступнаго ложнымъ вліяніямъ. По мнѣ, хоть всѣ Ю. вмѣстѣ подыми крикъ за Булгарина, я не пошевельну и рта къ опроверженію ихъ, а развѣ только усмѣхнусь презрительно. Выписывать изъ книги побольше, при сужденіи о ней, по крайней мѣрѣ очень покойно! Твои каплюшки, какъ ужъ сказалъ,— жемчужинки. Напрасно ты думаешь, что не умѣешь говорить съ дѣтьми; мнѣ кажется, что всякій мальчикъ лѣтъ 8—12 пойметъ тебя и возвеселится.

Въ пятницу я едва успѣлъ прочесть вновь полученныя письма, какъ Веттергофъ, по условію, пріѣхалъ за мной въ открытой каріолкѣ. Мы пустились въ его имѣньице за 42 версты отсюда, по Абовской

дорогѣ. Продавъ свой каменный домъ Котену, онъ купилъ это имѣніе за 5.500 руб. асс. Мѣстоположеніе не богатое, но много существенныхъ достоинствъ: прекрасный, тѣнистый садъ съ множествомъ фруктовъ, овощей и ягодъ; широкія поля и густые лѣса. Одно неудобно: строенія всѣ очень ветхи...

Четвергъ, 9-го.

Но это легко мало-по-малу поправить. Къ Веттергофу пріѣхали мы уже во 2-мъ часу ночи, поужинавъ на послѣдней станціи. Онъ мнѣ отвелъ свою комнату, а самъ пошелъ къ женѣ. У нихъ 6 дѣтей, старшему 10 лѣтъ, младшій мой крестникъ. Жена — добрѣйшая женщина, и оба супруга, бывъ 13 ужъ лѣтъ въ узахъ брака, живутъ въ совершенномъ согласіи и трогательной дружбѣ. Я пробылъ у нихъ субботу и воскресенье и былъ, какъ дома. Мы ѣли, пили, гуляли, болтали и спали; поутру я работалъ для Звѣздочки.

Въ домѣ еще есть лицо: студентъ Шульцъ, взятый для обученія дѣтей, премилый молодой человѣкъ съ хорошими способностями. Дѣти съ нимъ на дѣлѣ учатся ботаникѣ и зоологіи, музыкѣ и проч. Очень пріятно было мнѣ между этими добрыми людьми, тѣмъ болѣе, что они сами такъ чувствуютъ свое счастіе и такъ восхищаются своимъ новымъ пріобрѣтеніемъ: все у нихъ есть и все такъ удобно по собственнымъ ихъ разсказамъ. Веттергофъ тебѣ кланяется. Въ началѣ августа думаю опять побывать у него по случаю праздника, который даетъ его сосѣдъ. И Грипенбергъ былъ въ то время его сосѣдомъ, гостивъ у тестя; въ воскресенье ждали его къ обѣду, но напрасно. Вчера онъ возвратился въ городъ и просилъ освѣдомиться у тебя, не слышалъ ли ты о его сынѣ, который вовсе не пишетъ. Бывъ у Веттергофа, я за 50 в. отъ Гельсингфорса получилъ поклонъ — отъ кого бы ты думалъ? отъ Протопопова! Тамъ былъ въ гостяхъ начальникъ строительной части въ Гельсингфорсѣ баронъ Розенкамфъ [1]). Онъ недавно былъ въ Москвѣ, и въ дилижансѣ познакомился съ Протопоповымъ, который ѣхалъ туда же. Въ понедѣльникъ былъ ужасный дождь; мы хотѣли подняться еще въ 4 ч. утра, но не могли выѣхать ранѣе 12-го и то въ крытой бричкѣ. Мы ѣли фильбунку *(простоквашу)* на знакомой тебѣ станціи въ Финнсѣ, гдѣ мы прошлаго года ночевали передъ поѣздкой въ Трескенде. Какъ живо я припоминалъ наше здѣсь пребываніе! Здѣсь я написалъ по-французски вступленіе къ труду, который, вѣроятно, останется въ числѣ Pia desideria.

Я прочелъ еще разъ твою статью объ исторической книгѣ. Немножко, можетъ быть, она слишкомъ учена, т. е. первые возрасты не поймутъ ее.

[1]) Carl Rosenkampf, генералъ-маіоръ — инженеръ (родомъ изъ прибалтійскихъ губерній), ум. 1846 г.

76.

(Плетневъ — Гроту) *Спб., среда, 8 іюля 1842.*

Вижу, любезный Яковъ Карловичъ, что Растопчина всѣхъ васъ разочаровала. Чтожъ дѣлать прикажете: она знатная дама, молода, поэтъ, да еще и красавица. Надобно быть ангеломъ, чтобы устоять противъ столькихъ соблазновъ міра сего. Впрочемъ, Богъ съ нею! Мы и безъ нея были счастливы втроемъ. Авось, проживемъ вѣкъ одни. Странно, что Лундаль такъ мало удовлетворилъ ожиданіямъ товарищей. Его сестра могла бы подѣлиться съ нимъ свѣдѣніями въ гуманическихъ наукахъ. Не могу надивиться, какъ *высокія* сестры неблагодарны въ отношеніи къ тебѣ. Видно и финляндскія сердца не изъяты отъ слабостей, когда на нихъ нападаютъ враги добродѣтелей: знатность, богатство и нѣкая тѣнь красоты. Віельгорскій не будетъ къ вамъ. Сологубу хочется, но не увѣренъ, исполнится ли это желаніе его. Вотъ они вдвоемъ-то съ Растопчиной накуралесили бы у васъ? Графиня прособирается все лѣто писать ко мнѣ. А я и радъ, что не буду поставленъ въ необходимость отвѣчать. Новыя двѣ статьи твои для Звѣздочки *Наказаніе* и *Лѣто* получены. Все это прекрасно. Само собой разумѣется, что не будетъ вездѣ поставлено твоихъ двухъ буквъ.

Статья противъ Чичикова доказываетъ съ одной стороны злобу, а съ другой и глупость Греча. Онъ даже не умѣлъ придать дѣльности своимъ грамматическимъ нападеніямъ.

У меня на-дняхъ былъ Соловьевъ. Онъ желаетъ получить мѣсто или директора гимназіи, или профессора. Но мнѣ предчувствуется, что его никуда не примутъ. Князь Давыдовъ, попечитель кіевскій, у котораго онъ былъ разъ, пересталъ его принимать къ себѣ и отзывается множествомъ дѣлъ.

77.

Спб., суббота, 11 іюля 1842.

За отъѣздомъ твоимъ къ Веттергофу, любезный Яковъ Карловичъ, я не получилъ отъ тебя ничего въ прошлый вторникъ (7 іюля), кромѣ неконченной для Звѣздочки статьи: *Лѣто,* которую въ своемъ письмѣ прислала мнѣ Александра Осиповна. Пожалуйста, не замедли прислать и ея окончаніе, да напиши, про нее ли ты говорилъ въ послѣднемъ письмѣ, что назначаешь ее для 2-го отдѣла. Совѣтую тебѣ отмѣчать это впредь на самыхъ статьяхъ. Вотъ, напримѣръ, передъ *Лѣтомъ* прислано *Наказаніе,* — и я не знаю, куда его помѣстить.

Изъ сегодняшняго моего письма къ Александрѣ Осиповнѣ ты съ изумленіемъ увидишь, какая мысль обуяла меня. Я съ будущаго года хочу издавать Современникъ ежемѣсячно, книжками по 7 печатныхъ листовъ. Это, можетъ быть, предсмертная вспышка, но нельзя же мнѣ

было угасить Современника, не усиливъ его движенія. Съ другой стороны, для тоненькихъ книжекъ, можетъ быть, и рука свободнѣе будетъ работать. Даже неизбѣжность выпустить № къ каждому 1-му числу не придастъ ли энергіи моему унынію? Словомъ: что я сдѣлалъ, какъ сдѣлалъ и для чего — не могу дать отчета въ этомъ ни себѣ, ни тебѣ. Между тѣмъ, дѣло двинуто. Надобно будетъ двигаться за нимъ. Еслибы ты подговорилъ молодого Лундаля работать подъ твоею цензурою и по твоимъ указаніямъ для меня — я бы очень былъ этимъ обрадованъ. Обѣщать вѣрнаго ему — пока ничего не могу. Но ты меня знаешь, и можешь его увѣрить, что онъ соединится съ *человѣкомъ*.

78.

(Гротъ — Плетневу) ***Гфорсъ, среда, 15 іюля 1844.***

Въ неудовольствіи при чтеніи Чичикова ты самъ виноватъ: его не слѣдовало читать въ салонѣ у свѣтскихъ дамъ; таланту бездна, но грязненько, и дружба къ Гоголю не должна скрывать, что *pudeur*, одно изъ главныхъ основаній общества, необходима и въ книгѣ, какъ въ трудѣ посвященномъ обществу.

Надобно признаться, что Растопчина принадлежитъ къ числу тѣхъ счастливицъ, которыя все могутъ позволить себѣ, потому что имъ все придется, наконецъ, простить. Въ Ольгинъ день мы были у нея, и она заколдовала насъ своею прелестью. Статейка *Лѣто* назначена для 2-го отдѣла, также и *Апельсины* и *Кротъ;* но *Наказаніе* приготовлено для 1-го.

Перемѣна въ изданіи Современника, какъ мнѣ кажется, нужна была. Если помнишь, я еще въ самомъ началѣ знакомства нашего проповѣдывалъ о томъ; по мнѣ 12-ть тоненькихъ книжекъ, издаваемыхъ исправно и тщательно, удобнѣе 4-хъ и для редактора, и для читателей. Но чуръ, не опаздывать! Иначе судьба Современника рѣшена. Жаль, что на сестру мою такъ мало надежды. Что до Лундаля, поговорю съ нимъ и надѣюсь, что онъ отъ участія не откажется. Жаль только, что его труды требуютъ еще такъ много, много поправокъ, а у меня такъ мало свободнаго времени! Но кого ты надѣешься имѣть постоянными сотрудниками? Не забудь, что при новомъ порядкѣ присылка статей должна сдѣлаться и регулярнѣе и чаще. Сегодня я послалъ тебѣ 1-ю главу изъ романа Бремеръ [1]), къ которой придѣлалъ довольно длинное вступленіе или примѣчаніе: оно вложено въ начало 1-й тетради. Для удобства, я попросилъ отправить это въ цензурный комитетъ, откуда ты немедленно истребуй рукопись: надѣюсь, что тамъ не примутъ дурно этой присылки, черезъ которую очень облегчается

[1]) „Hemet", подъ заглавіемъ „Семейство" напечатанный въ Современникѣ.

наше сообщеніе. При чтеніи корректуры смотри внимательно, чтобы все было согласно съ оригиналомъ, но еще болѣе съ здравымъ смысломъ.

У тебя есть еще маленькое стихотвореніе „Паукъ“, мною переведенное изъ Стагнеліуса. Оно тебѣ тогда понравилось. Если напечатаешь его, не ставь подъ нимъ ничего, кромѣ, пожалуй, *Г.* Въ романѣ Бремеръ дѣлай перемѣны, какія сочтешь нужными по языку или слогу. Поправлять чужую рукопись чрезвычайно трудное и медленное дѣло: не ручаюсь, чтобы я чего не пропустилъ.

Третьяго дня я былъ на балѣ у Клинковстрема, гдѣ протанцовалъ 4 кадрили. 1-ю плясалъ съ Растопчиной, которая мнѣ стала разсказывать свою біографію и потому одна болтала все время. На другой день была блѣдна и желта, какъ старуха. Тамъ былъ и пріѣхавшій недавно графъ Пушкинъ. Онъ меня уговаривалъ не ѣхать или отложить свою поѣздку, чтобы участвовать въ Демидовскомъ праздникѣ. Однакожъ, я безсовѣстно всѣмъ разсказываю планы своихъ мнимыхъ путешествій, хотя и дѣйствительно сбираюсь прокатиться на три стороны. Сегодня ѣду къ Пушкинымъ на дачу, по зову Валлена.

NB. Не знаю, хорошо ли заглавіе „Домашній Кровъ“; шведское *Hemet* значитъ домъ, но домъ во внутреннемъ смыслѣ. Какъ бы это передать по-русски? Развѣ также поставить „Домъ“ или такъ: „*Семейство или Домашнія огорченія и печали*“?

Четвергъ.

Былъ я вчера у Пушкиныхъ: именины мужа. Нашелъ тамъ Закревскую, Растопчину, Армфельта, двухъ артистовъ (музыкантовъ) и др. Но совершенно неожиданно увидѣлъ я тамъ Гартмана изъ Радельмы, 3-го дня пріѣхавшаго. Его сынъ еще въ Швеціи, на дачѣ дѣти поправляются. Пушкина и Растопчина несносно упрашивали меня участвовать въ ихъ маскарадѣ, однакожъ, я не обѣщалъ, и послѣ завтра намѣренъ дѣйствительно уѣхать на время.

На-дняхъ давали мнѣ читать сужденіе о нашемъ Альманахѣ въ Упсальскомъ ученомъ журналѣ. Все похвалено и сказано много дѣльнаго. Объ языкѣ (шведскомъ) сказано, что имъ здѣсь воспользовались съ великимъ искусствомъ, такъ что совѣтуютъ и самимъ шведамъ въ этомъ отношеніи брать примѣръ съ финляндцевъ.

79.

(Плетневъ — Гроту) *Спб., среда, 15 іюля 1842.*

Ты воображаешь, что, печатая журналъ, можно уничтожить всѣ ошибки до одной. Согласенъ, если это дѣлать въ Гельсингфорсѣ, но въ Петербургѣ никакъ. За корректурой надо сидѣть сперва два часа за листомъ, да во второй разъ полтора, да въ третій — часъ; да потомъ пойти въ типографію, чтобы, оттиснувъ первую сторону, снова провѣ-

рить; то же и со второю стороной. Вотъ, когда безъ ошибокъ выйдетъ книга. Самъ посуди: гдѣ этотъ человѣкъ въ Петербургѣ, который можетъ такъ заниматься печатаніемъ книги. А знаешь ли, что я всего на все держу одну корректуру Звѣздочки? Такъ вотъ подивись, что она еще очень хороша, да и лучше бы было, еслибы факторъ не былъ дрянь, а заботился бы буквальнѣе о моихъ поправкахъ и предписаніяхъ. Предлогъ твой не участвовать въ комедіи у Пушкиной очень основателенъ. Еслибы ты къ 3 августа и не выѣхалъ, такъ все бы могъ сказать, что предполагалъ. Веттергофова жизнь и семья описаны тобой прелестно. Мнѣ весело было вспомнить о Финнсѣ.

„Все такъ ли тамъ, какъ въ старину"? Боже мой! Еслибы еще разъ въ жизни такая поѣздка! Но нѣтъ: счастіе очень рѣдко повторяется, и даже не въ прежней уже степени.

80.

(Плетневъ — Гроту) *Спб., пятн., 17 іюля 1842.*

Что-то скажешь ты, мой добрый другъ, о моемъ предпріятіи являться ежемѣсячно съ Современникомъ? И теперь я съ нимъ не слажу; а что тогда будетъ? Вѣроятно, однако же, необходимость придастъ и энергіи къ работѣ. Вотъ я успѣлъ въ двѣ недѣли совсѣмъ кончить Звѣздочку въ 4 печатныхъ листа. Слѣдовательно, при готовыхъ матеріалахъ не трудно будетъ въ 4 недѣли оканчивать по 7 листовъ. Но бѣда съ матеріалами. Мой разсчетъ слѣдующій: теперь многіе не участвуютъ въ Современникѣ по причинѣ медленности его появленія. Но, являясь ежемѣсячно, онъ привлечетъ вѣроятно участіе этихъ мелочныхъ писателей, которые все дѣлаютъ, чтобы скорѣе узрѣть себя въ печати.

Конечно, и толку въ нихъ немного. Но можно же будетъ что-нибудь выбрать. А если журналъ получитъ какой-нибудь ходъ, можно будетъ и нанимать работниковъ. Если же и эта перемѣна ничего къ нему не прибавитъ, кромѣ хлопотъ изданія, я рѣшился бросить его черезъ годъ — и предать судьбѣ всю русскую литературу, которой видно на роду написано жить и умереть дурой.

А чтожъ, дождусь ли я перевода Розы Карловны? Пожалуйста, присылай, другъ, хоть по почтѣ на мой счетъ. Я помѣстилъ бы его теперь въ № 4 Современника, гдѣ рѣшительно нѣтъ повѣсти, да и въ виду не имѣется.

Если бы Августа Лундаль писала по-русски, какъ бы могъ быть свѣжимъ Современникъ отъ новостей шведской литературы. Оттуда здѣсь все — интереснѣйшая новость. Я это недавно чувствовалъ въ полной мѣрѣ, перелистывая всѣ старыя твои статьи.

81.

(Плетневъ — Гроту) *Спб., субб., 25 іюля 1842.*

Отвѣтъ на письмо отъ 15 іюля. Не понялъ ты меня, думая, что грязноватость Чичикова затрудняла мое чтеніе при дамахъ. Все имъ не нужное я умѣю въ мигъ пропускать. Но меня бѣситъ дамская тупоголовость, глупость, непостиженіе лучшихъ мѣстъ, и все это по не привычкѣ говорить по-русски. На французскомъ будь въ половину слабѣе, онѣ съ ума бы сошли отъ восторга. О Журналѣ Министерства народнаго просвѣщенія негдѣ мнѣ справляться, да и не стоитъ. Ты знаешь, что я получаю его два экземпляра. Не распечатывая, одинъ всегда отсылаю тебѣ въ минуту полученія. Другой экземпляръ я бросаю въ груду прочихъ журналовъ, кои по истеченіи года выметаются являющимся какимъ-нибудь книгопродавцемъ. Вотъ тебѣ и вся исторія. О чемъ же и у кого тутъ справляться? Для Современника пока нѣтъ у меня никакихъ въ виду сотрудниковъ. Да и не думаю найти ихъ за столь дешевую цѣну, каковъ *О.* Буду вараксать кое-что отъ себя. Я просилъ Александру Осиповну, чтобы она уговорила Розу Карловну переводить цѣлые романы для Современника, кои, по образцу прочихъ европейскихъ журналовъ, я могъ бы главами (по три и по пяти) печатать въ книжкахъ Современника. Но не надѣюсь, чтобы мое предложеніе было принято. Развѣ это передать и Лундалю? Вѣрно Растопчина со всѣми поэтами при танцахъ разговоръ ведетъ о своей біографіи. Такъ она и съ Пушкинымъ танцовала. То-то налгала, думаю! Всѣ сочинители біографій и записокъ жизни чуть не святы — даже м.....ъ Вигель! А прочіе — виноваты.

Я выбралъ заглавіемъ: „Семейство". Это точнѣе и короче всего. Упсальскій отзывъ пріятенъ всѣмъ намъ, а финляндцамъ и паче. Проводивъ сюда моихъ дамъ, ты воротишься домой въ моей же коляскѣ, которая всегда можетъ мнѣ понадобиться у васъ по пріѣздѣ моемъ моремъ.

Три письма Я. К. Грота къ А. О. Ишимовой.

(Изъ лѣтней поѣздки).

82.

Борго, 20 іюля 1842.

Первыя строки, написанныя съ помощью вашей прелестной чернильницы, да будутъ вамъ посвящены, Александра Осиповна. Я пріѣхалъ сюда вчера въ 9 ч. Вся дорога была очень пріятна и чѣмъ болѣе приближалась къ Борго, тѣмъ становилась живописнѣе. Около 10 верстъ отъ Гельсингфорса маленькій чухонецъ поднесъ мнѣ за 5 к. крошечную трубочку съ малиной и земляникой. А m-me Астеніусъ

(хозяйка гостинницы, гдѣ я здѣсь остановился) накормила меня ужиномъ, за которымъ также была малина. Около Борго хлѣбъ уже скошенъ и поля покрыты снопами; вы видите, что Гельсингфорсъ кое въ чемъ таки поотсталъ отъ Борго. Своими проводниками вчера я былъ очень доволенъ, но всего оригинальнѣе былъ мальчикъ лѣтъ 15-ти отъ послѣдней станціи; онъ говорилъ какимъ-то особеннымъ пресмѣшнымъ нарѣчіемъ и былъ очень разговорчивъ. Нѣсколько времени я шелъ пѣшкомъ съ книжечкой въ рукахъ, которая такъ мала, что помѣщается вмѣстѣ съ бумажникомъ въ боковомъ карманѣ. Около Борго попадались мнѣ безпрестанно на встрѣчу телѣжки съ крестьянами и крестьянками, возвращавшимися изъ города, гдѣ они провели день для богослуженія, бывающаго три раза въ день. Многіе оканчиваютъ его въ кабакѣ, и оттого не въ одной телѣжкѣ видѣлъ я скромную хозяйку, стыдящуюся за своего качающагося или блажного мужа, во всю мочь погоняющаго лошадь.

21 іюля.

Вчера утромъ работалъ я часа 3 въ трактирѣ m-me Astenius, и въ 11 часовъ пустился къ Рунебергу, который живетъ въ $12^1/_2$ верстахъ отъ города. Въ одно время со мной прибыли сюда двѣ дамы изъ Борго. Сверхъ того гостилъ у Рунеберга его родственникъ, студентъ Тенгстремъ. Послѣ обѣда мы втроемъ отправились на лодкѣ въ заливъ, гдѣ мои товарищи удили рыбу, а я между разговоровъ читалъ очень любопытную шведскую книгу, которую здѣсь нашелъ — путешествіе одного молодого финляндца по Германіи (очень ученаго, Снельмана) [1]. Послѣ чаю мы опять отправились въ заливъ осмотрѣть жарлицы, выставленныя еще до моего пріѣзда (къ палкѣ, торчащей изъ воды, привязана длинная нитка съ большимъ крючкомъ, на который насаживается маленькая рыбка для ловли большой рыбы). Жарлицы были поставлены двумя длинными линіями по обоимъ берегамъ: ихъ было 40. Мы объѣхали на лодкѣ оба ряда, у каждой палки останавливались и Рунебергъ вытаскивалъ нитку. На многихъ сидѣла рыба (проглотивъ маленькую на крючкѣ): были окуни, лещи, но всего замѣчательнѣе 3 огромные угря. Значитъ, что въ воздухѣ была гроза, хотя и не разразилась.

Возвратившись, мы проводили дамъ, которыя отправлялись домой; потомъ поужинали и легли. Сегодня я всталъ въ 6 часовъ и, поработавъ, написалъ вамъ эти строки. Черезъ $^1/_2$ часа (въ 9-мъ часу) ѣду назадъ въ Борго, откуда отправляюсь далѣе. Поклонъ вашъ я передалъ Рунебергу. Онъ о васъ меня спрашивалъ и кланяется вамъ и сестрѣ и маменькѣ.

[1]) Извѣстнаго впослѣдствіи ученаго и публициста-финномана. Іог. Вильг. Снельманъ съ 1843 г. былъ ректоромъ высшей элементарной школы въ Куопіо, а съ 1856 г. профессоромъ Гельсингфорскаго университета, ум. 1881 г.

Анекдотъ, слышанный у Рунеберга.

Епископъ ежегодно объѣзжаетъ свою эпархію и народъ смотритъ на него, какъ на человѣка чуть не всесильнаго, отчего и проситъ у него совѣта по всякимъ своимъ дѣламъ и нуждамъ. Въ прошломъ году пришла къ Борговскому епископу во время его объѣзда между прочимъ женщина съ жалобой, что она не можетъ выйти замужъ. Епископъ понялъ, что она жалуется на жениха, который оставилъ ее, и спросилъ: „Развѣ твой женихъ бросилъ тебя?" а она отвѣчала: „То-то и бѣда, что я никакъ не могу найти жениха". Епископъ старался сохранить все свое достоинство, но бывшіе съ нимъ молодые пасторы не могли удержаться отъ смѣха.

Пошлите эту записку Петру Александровичу съ сею припискою: „Я о тебѣ безпрестанно думаю во время этой поѣздки. Воспоминанія прошлогодней пробуждаются со всею живостью на мѣстахъ, гдѣ мы вмѣстѣ были".

83.

Станція Oïs, въ 46 в. отъ Тавастгуса, ср., 22 іюля 1842.

Возвратившись отъ Рунеберга въ Борго, я пошелъ къ лектору Эману, а потомъ вмѣстѣ съ нимъ въ книжную лавку его брата, гдѣ купилъ нѣсколько любопытныхъ брошюръ на дорогу. Такъ я изъ Борго выѣхалъ не ранѣе 12-ти часовъ. При прекрасной погодѣ ѣзда по уединеннымъ дорогамъ была очень пріятна, не смотря на отсутствіе красивыхъ видовъ. Только желтыя нивы съ пестрыми группами прилежныхъ жнецовъ и жницъ и группами сноповъ мѣстами разнообразили дорогу. Почти на всякой станціи я останавливался съ полчаса или даже съ часъ и читалъ: безпрерывная ѣзда наскучаетъ и утомляетъ. Въ 3-мъ часу досталъ я на одной станціи простокваши и пару яицъ да масла. Вечеромъ къ ужину то же. По всей этой дорогѣ говорятъ только по-чухонски, и я былъ бы въ большомъ затрудненіи, если бы опять не взялъ съ собою финскаго лексикона. На станцію, гдѣ я остановился ночевать, везла меня необыкновенно-хорошая лошадь; сама собой она бѣжала, какъ вихрь, и я, не довѣряя мальчику, самъ долженъ былъ править, что̀ еще увеличило пріятность ѣзды. На этой станціи съѣхался я съ двумя тавастгусскими купцами, очень порядочными людьми, которые сообщили мнѣ много нужныхъ для меня свѣдѣній о мѣстахъ вокругъ Тавастгуса. Тутъ же я расположился на ночлегъ. Къ счастію, нашлась довольно чистая и просторная комната. На тюфякѣ изъ сѣна спалось гораздо лучше, чѣмъ у Рунеберга на перинѣ. Съ 6-ти часовъ до сихъ поръ я, исподоволь гуляя, работалъ, а теперь уже скоро 10 часовъ. Здѣсь, въ совершенной глуши, гдѣ, кромѣ шороха вѣтра въ лѣсу да куринаго крика на дворѣ, ничего не слышно, я бы радъ былъ пробыть цѣлый день, но надо подвигаться. Очень нравится мнѣ такой образъ жизни.

Четвергъ, 23 іюля. Деревня Куйтала. 7½ ч. утра.

Вчера, когда я пересталъ писать и позавтракалъ, на станцію пріѣхалъ возвращавшійся въ имѣніе свое, что около Борго, мой знакомый, бывшій губернаторъ Борнъ, котораго семейство играетъ роль въ моемъ „Знакомствѣ съ Рунебергомъ". Онъ ѣхалъ изъ тѣхъ самыхъ мѣстъ, куда я направляю дорогу, и не только разсказалъ, но написалъ мнѣ все, что мнѣ нужно знать, чтобы не сбиться съ пути. Въ то же время явился на станцію какой-то молодой человѣкъ, который съ большимъ любопытствомъ сталъ слушать нашъ разговоръ и скоро вмѣшался въ него; мы узнали, что онъ пасторъ изъ Ингерманландіи. По отъѣздѣ Борна, онъ вывѣдалъ, кто я, и объявилъ, что давно меня знаетъ, тѣмъ болѣе, что былъ прежде пасторомъ въ Графской Славянкѣ и былъ знакомъ съ лицейскимъ пасторомъ. На дворѣ въ маленькой открытой бричкѣ сидѣла его жена. Онъ звалъ меня съ собою на именины сестры ея, живущей верстахъ въ 12-ти оттуда, но я, чтобы не слишкомъ замѣшкаться, не принялъ предложенія. Лошадь моя давно уже была заложена, но такъ какъ молодой четѣ время было дороже, чѣмъ мнѣ, то я, уступивъ имъ свою лошадь, пробылъ еще на станціи съ ½ часа, пока мнѣ привели другую. Изъ благодарности пасторъ увѣрялъ меня, что по моему выговору шведскаго языка совсѣмъ нельзя замѣтить, что я родился не въ Финляндіи. За ночлегъ, ужинъ и завтракъ я при отъѣздѣ заплатилъ 60 к. мѣдью. Изъ-за всѣхъ этихъ обстоятельствъ я опять выѣхалъ не прежде, какъ въ 12 часовъ.

У Рунеберга напугали меня, что ѣзда въ телѣжкѣ наконецъ мнѣ покажется тяжка, и всѣ косточки заболятъ, но до сихъ поръ я ничего еще не чувствую—можетъ быть оттого, что много останавливаюсь. Притомъ есть осторожности, которыя должно наблюдать, именно: не сидѣть слишкомъ низко, для чего у меня есть шинель, которая складывается то тоньше, то толще; не сгибаться (т. е. не сидѣть сгорбясь) и не прислоняться къ спинкѣ, и въ ногахъ имѣть всегда сѣно. Однакожъ, всякій день часовъ въ 5 послѣ обѣда я чувствую усталость и на станціи сплю съ ¼ или ½ часа. Вчера кромѣ вѣчной простокваши, яицъ и молока, я нашелъ даже порядочнаго кофею, выпилъ двѣ чашки и заплатилъ за нихъ 14 к. мѣдью. Такъ какъ я говорить съ моими маленькими кучерами не могу, то чтобы вознаградить за это себя и особенно языкъ свой, я вчера на дорогѣ во все горло пѣлъ всѣ пѣсни, какія только знаю на разныхъ языкахъ. Ура! большая дорога! Спутники мои, почти съ благоговѣніемъ глядя на всякаго господина, приходили въ презабавное недоумѣніе, особливо, когда я нарочно издавалъ разные смѣшные звуки. При дурной дорогѣ шелъ я пѣшкомъ, иногда читая.

Подъѣзжая къ Тавастгусу, я свернулъ съ той дороги, по которой прошлаго года ѣхалъ съ Петромъ Александровичемъ, оставилъ городъ въ сторонѣ и пустился проселкомъ. Сегодня послѣ обѣда доѣду до одной цѣли, завтра до другой. Около 9-ти ч. вечера прибылъ на эту станцію. Она помѣщается въ одномъ изъ домиковъ большой, а для Финляндіи даже огромной деревни, гдѣ чрезвычайное обиліе коровъ и всякаго скота. Когда я къ ней подъѣзжалъ, огромное стадо возвращалось съ поля. Сошедши съ моста, многія коровы пускались въ рѣчку, пили и опять присоединялись къ стаду. Въ деревнѣ всѣ онѣ остановились и началась дойка. Такихъ сельскихъ прелестныхъ картинъ видѣлъ я уже нѣсколько. Виды по этой дорогѣ живописнѣе, чѣмъ по большой. Я былъ совершенно счастливъ и благодарилъ добраго генія, который присовѣтовалъ мнѣ промѣнять празднество Демидовой на нѣсколько дней страннической жизни. Празднество было именно вчера, и я, наслаждаясь посреди уединенія тихимъ вечеромъ, тихою природою и тихимъ размышленіемъ, часто думалъ: не въ тысячу ли разъ мнѣ теперь лучше, нежели было бы на томъ шумномъ вечерѣ, посреди всѣхъ прихотей шумнаго тщеславія?

Казен. им. Мустіала, пятн., 24 іюля 1842.

Заплативъ рубль за ночлегъ и пр., выѣхалъ я вчера изъ любезной Куйталы въ 10 ч. Въ исходѣ 2-го часа, когда мнѣ ужъ оставалось не болѣе верстъ 8-ми до новаго пристанища, начался дождикъ, который вскорѣ усилился. Я надѣлъ шинель и поднялъ зонтикъ, но чтобы не упасть духомъ, запѣлъ и вскорѣ при совершенно сѣромъ небѣ прибылъ въ Мустіалу. Меня подвезли прямо къ лѣстницѣ трактира, гдѣ я и занялъ чистенькую комнату окномъ въ садъ и огородъ. Мустіала есть мѣсто, въ которомъ устроено земледѣльческое училище подъ начальствомъ Грипенбергова брата. Сосѣдъ нашъ, Herr Löjtnant, теперь здѣсь у брата. Я ему тотчасъ послалъ свою карточку, и онъ черезъ нѣсколько минутъ явился en personne въ своемъ алеутскомъ пестромъ (рыбьемъ) салопѣ, въ которомъ онъ болѣе похожъ на какую-то огромную американскую птицу, чѣмъ на двуногое животное безъ перьевъ, и обращаетъ на себя вниманіе не только людей, но и всѣхъ тварей, особливо лошадей; онѣ въ полѣ, увидя его, разсматриваютъ эту странную фигуру съ большимъ любопытствомъ и какъ-будто другъ у друга спрашиваютъ: что это за птица? Когда мы поболтали, мнѣ пришли сказать, что готовъ обѣдъ (который я заказалъ); я пошелъ въ столовую, а Herr Löjtnant — домой спать. Въ половинѣ 6-го, чувствуя усталость, я заснулъ и проспалъ до 7-ми часовъ; тогда пошелъ къ директору школы (брату Грипенберга), гдѣ пилъ свой чай, а отъ него съ Herr Löjtnant по заведенію. Комплектъ учениковъ состоитъ изъ 38-ми человѣкъ, но до сихъ поръ ихъ только 24, между которыми 6 жен-

щинъ. Принимаютъ всякаго, кто явится (изъ простолюдиновъ), учатъ его на шведскомъ или финскомъ языкахъ усовершенствованному земледѣлію (начиная, если нужно, съ грамоты) и по теоріи, и на практикѣ, даютъ ему квартиру и пищу и только требуютъ, чтобы онъ самъ одѣвался, и при всемъ томъ комплектъ не полонъ! Таково отвращеніе невѣжества отъ просвѣщенія!

Грипенбергъ нашъ дѣлаетъ здѣсь опыты съ своею сѣяльною машиной; здѣсь былъ недавно съѣздъ знатоковъ, которые признали ее лучшимъ изобрѣтеніемъ въ своемъ родѣ. Отъ 4-хъ помѣщиковъ онъ уже получилъ приглашеніе сѣять у нихъ въ нынѣшнемъ году, что̀ и сдѣлаетъ на обратномъ пути (черезъ недѣлю) въ Гельсингфорсъ, но на первый разъ безденежно; онъ такъ честенъ, что за первый опытъ не хочетъ платы. Открываются и другіе виды, что наконецъ его трудъ будетъ оцѣненъ и принесетъ пользу. Вчера до ночи шелъ дождь; сегодня долго облака боролись со свѣтомъ; до сихъ поръ (12 часовъ) борьба не совсѣмъ еще рѣшилась, но я рѣшился пообѣдать здѣсь и черезъ полчаса ѣхать. Вотъ ужъ и входитъ дѣвочка, которая мнѣ служитъ и объявляетъ: „Midda'n ä färdi".

Съ полчаса тому назадъ Herr Löjtnant, въ огромныхъ сапогахъ, камлотовомъ „салопчикѣ" цвѣта массака̀ и пестрой соломенной шляпѣ, пошелъ въ поле сѣять своей машиной. Я смотрѣлъ на сѣяніе.

Отсюда ѣду въ имѣніе Фуруельма, что̀ верстахъ въ 50-ти.

84.

Им. Notsjö (Нотшё, озеро неводовъ), субб., 25 іюля 1842.

Въ Мустіала я вчера прокопался до 3-хъ часовъ послѣ обѣда (а сбирался выѣхать въ 12). Между причинами замедленія былъ визитъ учителю Фоку, человѣку очень знающему по своей части и вообще пользующемуся большимъ уваженіемъ. При отъѣздѣ я согласился съ подводчикомъ, который ждалъ меня уже съ 10-ти ч. утра, что онъ довезетъ меня до самаго желѣзнаго завода Іоккисъ (верстахъ въ 22-хъ оттуда) за 1 руб. 70 к. Черезъ полтора часа я былъ уже тамъ. По совѣту Фока я отправился къ самому хозяину, капитану Бремеру, въ его огромный каменный домъ. Я нашелъ человѣка низенькаго и плотнаго, съ усами, съ выраженіемъ честнаго добродушія на лицѣ. Онъ принялъ меня очень ласково и изъ короткаго съ нимъ разговора я узналъ, что онъ родственникъ знаменитой писательницы того же имени. Онъ самъ повелъ меня осматривать свой желѣзный заводъ и суконную фабрику (съ 10-ю станками). Вокругъ нихъ богатый садъ съ прекрасными оранжереями. По возвращеніи я пошелъ съ нимъ наверхъ въ огромную залу, гдѣ былъ представленъ женѣ его и еще небольшому обществу.

Жена, немолодая, но любезная дама, объявила, что ужъ знаетъ меня потому, что на балѣ въ честь Наслѣдника, когда она не знала, куда поставить свою чашку, кто-то подошелъ къ ней и взялъ чашку; ей сказали, что это я. Когда мы поболтали и поѣли дыни, я раскланялся; ямщикъ мой ждалъ у воротъ; маленькій сынъ хозяина служилъ мнѣ переводчикомъ для условія, чтобы та же лошадь довезла меня еще до слѣдующей станціи. Прощаясь съ мальчикомъ, я вынулъ изъ чемодана экземпляръ своего Альманаха на шведскомъ языкѣ (со мною ихъ три на подобные случаи) и попросилъ отдать папенькѣ на память. Получая отличныхъ лошадей и такихъ же подводчиковъ, изъ которыхъ одинъ даже пѣлъ по моему примѣру, а другой заложилъ хорошую телѣжку на рессорахъ, вмѣсто мужицкой, я въ началѣ 11-го часа прибылъ въ имѣніе Фуруельма. На послѣдней станціи я хотѣлъ было ночевать, но она оказалась слишкомъ негодною. Самого Фуруельма не было дома; онъ уѣхалъ въ гости къ пастору. Все уже было темно; долго не могъ я достучаться, собаки лаяли. Наконецъ, одна изъ служанокъ впустила меня и отвела мнѣ комнату. Дорогой разбудилъ я кого-то лежавшаго въ проходной комнатѣ. Скоро онъ всталъ и одѣлся, чтобы заступить мѣсто хозяина. Это былъ — необходимая принадлежность всякаго имѣнія, гдѣ есть дѣти, — информаторъ (наставникъ) изъ студентовъ. Мнѣ дали поужинать, и я легъ спать.

Рано поутру хозяинъ вошелъ ко мнѣ въ комнату; но еще прежде него явился кофей, который обыкновенно вносится при самомъ вставаніи. Я намѣренъ былъ уѣхать отсюда вскорѣ послѣ обѣда, но Фуруельмъ уговорилъ остаться до завтрашняго утра. Послѣ завтрака, вышедъ внизъ на лѣстницу, увидѣлъ я на дворѣ нѣсколько длинныхъ столовъ, за которыми сидѣло до 200 чухонъ-работниковъ. Было въ этотъ день такъ называемое *талько*. Тòрпары (крестьяне, живущіе на барской землѣ) на основаніи контракта являются въ назначенный день для жатвы и за то получаютъ завтракъ, обѣдъ, ужинъ съ водкой, пивомъ и квасомъ (кальей) и, наконецъ, послѣ ужина пляшутъ и веселятся всю ночь. Прошлаго года мы видѣли *талько* въ Оминне, но здѣсь оно дѣлается въ несравненно большемъ размѣрѣ. За обѣдомъ было болѣе 200 чел. Хозяйка, очень добрая и милая дама, сказывала мнѣ, что хлѣбовъ (сухихъ съ дырой) вышло 600 штукъ (круглымъ числомъ каждый и каждая съѣдаетъ за каждымъ столомъ по одному цѣлому хлѣбу (иной по два); салаки двѣ огромныя бочки; мяса на супъ нѣсколько такихъ же ушатовъ; водки 50 — 60 каннъ; ее разносятъ не только за столомъ, но и въ другое время при самой работѣ въ полѣ; тамъ же стоятъ ушаты съ пивомъ и квасомъ. Многіе изъ неимущихъ наканунѣ ничего не ѣдятъ, чтобы вполнѣ воспользоваться талькомъ.

Все утро провели мы въ полѣ; хозяинъ глядѣлъ на работу; весело было видѣть это множество усердно занятыхъ и разсѣянныхъ по нивѣ

крестьянъ и крестьянокъ въ разноцвѣтной одеждѣ и разныхъ лѣтъ. Я лежалъ у опушки лѣса на камнѣ, со снопомъ вмѣсто изголовья, и то любовался этою картиной, то читалъ. Въ 2 часа опять смотрѣли мы съ крыльца на обѣдъ крестьянъ и радовались ихъ аппетиту. Послѣ обѣда мы поспали и отправились довольно далеко отъ дому пить чай. Тамъ я увидѣлъ домикъ, гдѣ живетъ коровница, которой ввѣрены 53 изъ 100 коровъ имѣнія; она изъ молока ихъ дѣлаетъ масло, доставляетъ хозяевамъ по 2 лиспунда въ годъ съ каждой коровы, а остальное беретъ себѣ. Имѣніе очень огромно, но за недостаткомъ капитала и нужныхъ распоряженій приноситъ доходъ незначительный; между прочимъ, есть на немъ и небольшой стеклянный заводъ. Отецъ нынѣшняго владѣльца умеръ въ 1840 году; сынъ обремененъ долгами и намѣренъ продать имѣніе, а вмѣсто его купить маленькое, поближе къ Гельсингфорсу. У него дома два сына и двѣ дочери. Напившись чаю и поѣвши малины, я съ хозяйкой и однимъ сыномъ отправился домой въ маленькой лодочкѣ по прелестному озеру при чудесномъ захожденіи солнца и прекраснѣйшей погодѣ. Половину дороги я гребъ и хозяйка удивлялась моему искусству. Остальную часть вечера занялъ сперва ужинъ крестьянъ (послѣ котораго они предоставлены были самимъ себѣ подъ покровомъ мрака и при помощи пива въ ушатахъ. Тутъ-то началось настоящее питье и празднество), а потомъ нашъ ужинъ.

Станція въ 12 верстахъ отъ Або, понед., 27 іюля 1842.

Вчера утромъ дописывалъ я свой журналъ и укладывался. Въ 9 часовъ завтракали. При отъѣздѣ вскорѣ послѣ того m-me Furuhjelm дала мнѣ корзину съ хлѣбомъ, сыромъ и двумя бутылками. Мужъ ея сбирался въ церковь и мы верстъ 5 проѣхали вмѣстѣ въ коляскѣ. Потомъ я пересѣлъ въ его каріолку, съ которою и проѣхалъ 20 верстъ. Еще я не совсѣмъ рѣшился, куда отправиться: прямо въ Гельсингфорсъ и дорогой посѣтить Гельстрема, или черезъ Або и посѣтить Гартмана. На послѣднее рѣшился я, наконецъ. Телѣжки, какъ началось еще близъ Мустіалы, попадались мнѣ очень дурныя. Проѣздивъ безъ отдыха до 5-ти час., я на одной станціи проспалъ до 7-ми. На ночлегъ хотѣлъ остановиться въ 10 час., но единственная комната станціи была уже занята, и чтобы не спать въ залѣ, гдѣ мнѣ могли мѣшать проѣзжіе, пустился я далѣе. Телѣжка, гдѣ узенькая доска безъ спинки и подушки замѣняла скамейку, превзошла всѣ прежнія. Въ полночь прибылъ я сюда и слава Богу нашелъ здѣсь маленькую комнатку, гдѣ спалось прекрасно. Ночью, кажется, шелъ дождь, и небо теперь сѣро. Восьмой часъ; въ 9-мъ пущусь въ дорогу. Вчера я проѣхалъ болѣе, нежели во всѣ прежніе дни, именно 110 верстъ, — отъ 10 часовъ утра до 12 ночи; но изъ этого времени я два часа спалъ, да употребилъ еще нѣсколько времени на ѣду, чтеніе и пѣшеходство.

Лошади все были отличныя. На этой станціи, какъ на многихъ, окна не отворяются; но еще замѣчательнѣе, что у Фуруельма двойныя рамы не выставляются и нѣтъ вовсе форточекъ.

Если окажется возможнымъ и удобнымъ, то я эти листки пошлю изъ Або, прося дать имъ обыкновенный ходъ.

Я забылъ разсказать, что вчера съ одной станціи везла меня дама, вѣроятно, супруга хозяина лошади, для воскресенья очень нарядная. Чуть было не случилось приключенія: съѣхавъ съ моста, лошадь испугалась какого-то строенія и долго шалила, такъ что я вскорѣ выпрыгнулъ, а потомъ и спутница моя сдѣлала то же. Но лошадь успокоилась и дѣло кончилось благополучно.

85.

(Гротъ — Плетневу) ***Радельма, 10¼ веч., 27 іюля 1842.***

Бывъ въ Радельмѣ, могу ли не писать къ тебѣ, милый Петръ Александровичъ? У Фуруельма я было уже оставилъ намѣреніе ѣхать сюда, но снова очутившись на большой дорогѣ, не обинуясь, поворотилъ сюда: еслибы я этого не сдѣлалъ, то послѣ не отдѣлался бы отъ упрековъ совѣсти. Въ 9-мъ часу выѣхалъ я сегодня со станціи, гдѣ ночевалъ; въ Або на той же лошади съѣздилъ я на почту, въ книжную лавку и въ магазинъ (гдѣ купилъ кое-какія бездѣлицы для дамъ) и потомъ прибылъ на городскую станцію. Какъ все напоминало мнѣ нашу прошлогоднюю поѣздку; тѣ же предметы! тотъ же пароходецъ Аура на рѣкѣ; та же станція; только нѣтъ тебя возлѣ меня и нѣтъ прошлаго года. На самой жалкой телѣжкѣ повезли меня въ *Рарельму* (такъ и нынче звалъ ее мой провожатый).

Тамъ на лѣстницѣ — дверь въ комнаты была отперта — встрѣтилъ я сына и мы вмѣстѣ пошли искать отца, но долго не находили его. Наконецъ вышла Найма; потомъ Фанни и — Розина. Бѣдняжка порядочно исхудала и немного таки подурнѣла; но, какъ я скоро удостовѣрился, она во всемъ та же, прежняя, неизмѣнная. Съ первыхъ словъ она спросила о тебѣ, а за обѣдомъ вмѣстѣ съ другими пила твое здоровье, по предложенію отца. Она пріѣхала съ братомъ въ прошлую пятницу, 24-го, тотъ самый день, въ который прошедшаго года мы съ тобой пріѣхали сюда (только то было 25-го); здѣсь пробудетъ она 5—6 недѣль: за нею явится мужъ. Я хотѣлъ было пробыть здѣсь только нѣсколько часовъ, но по настоянію добрыхъ хозяевъ, рѣшился продлить срокъ до завтрашняго утра. Я много разспрашивалъ Розину о ея житьѣ-бытьѣ въ Стокгольмѣ. Въ ноябрѣ съѣдутъ они съ посольскаго двора на новую квартиру, куда она много приглашаетъ и тебя и меня, напоминая наше обѣщаніе пріѣхать въ Швецію. Найма теперь

хозяйничаетъ и, кажется, знаетъ свое дѣло; Фанни все становится интереснѣе, зимой начнетъ выѣзжать въ свѣтъ.

Послѣ обѣда мы гуляли по саду, ѣли ягоды и разговаривали: пріѣзжалъ еще докторъ изъ Або. Потомъ я попросилъ дамъ, чтобы каждая изъ нихъ сорвала по цвѣтку для тебя; мы пошли въ садъ, разговаривали съ эхомъ, а потомъ исполнена была моя просьба; послѣ я попросилъ по цвѣточку и для себя, и составилось два букетца прелестныхъ, которые связала Розина и къ которымъ она прибавила еще по одной éternelle, о чемъ объявила мнѣ, идучи къ ужину. Но какъ я ихъ довезу — это вопросъ. Послѣ ужина мы въ потьмахъ сидѣли всѣ въ знакомой тебѣ комнатѣ, разговаривали и простились до завтра. Возлѣ меня стоитъ твоя прошлогодняя кровать и я съ мыслію о тебѣ теперь отдаюсь ей. Прощай.

Деревня Ойнола, въ 90 в. отъ Гфорса, 9 ч. в., 28 іюля 1842.

Я всталъ сегодня уже въ 5 часовъ, уложилъ свои вещи и пошелъ внизъ. До 7 ч. проболталъ я тамъ съ отцомъ и сыномъ; тутъ пришли дочери, принесли кофе на балконъ, усѣлись вокругъ меня и заставили меня пить (время ихъ завтрака было еще далеко). Между тѣмъ подъѣхала моя телѣжка и въ $^3/_4$ 8-го я уже сидѣлъ въ ней; при прощаніи послѣднія слова были: Rappelez-nous bien au souvenir de m-r Pletneff. Это сказала Розина.

Отецъ съ сыномъ Гуго ѣдетъ въ началѣ сентября въ Петербургъ, и очень желалъ бы, чтобы я тамъ былъ въ это время. Но я увѣрилъ его, что, если меня не будетъ, то ты все сдѣлаешь, чтобы облегчить ему пребываніе въ городѣ, чужомъ даже и по языку. Гуго пламенный партизанъ и защитникъ русскихъ. Вотъ Оминне, но я уже не заворачиваю туда, а ѣду мимо. Въ *Сало*, посадѣ графскомъ, гдѣ я перемѣнилъ лошадь, чтобы свороттить съ большой дороги, подали мнѣ чудесной ветчины съ яичницей и простоквашу. Тутъ же явилась мадера Фуруельма. На проселочной дорогѣ, которую я выбралъ, много высокихъ горъ, песку и прелестныхъ видовъ. Частію отъ этого мѣстоположенія, частію по недостатку лошадей я здѣсь почти на всѣхъ станціяхъ дожидался (на одной около 2-хъ часовъ), и оттого мнѣ до Гельстрема остается теперь еще около 40 верстъ. Я намѣренъ навѣстить старичка, если это не потребуетъ слишкомъ большого крюку.

Ст. Финнсъ, въ 30 в. отъ Гфорса, $10^1/_4$ ч. в., 29 іюля.

Вставъ въ 5 часовъ, записалъ я сперва всѣ замѣчанія, извлеченныя мною изъ нынѣшней поѣздки въ разсужденіи удобства и пріятности подобныхъ путешествій, чтобы впредь не повторять ошибокъ, какихъ нынче не могъ избѣжать. Въ 7 ч. у дверей станціи очутилась очень красивая таратайка на рессорахъ и мнѣ объявили, что это соб-

ственность живущаго въ деревнѣ молодого пастора, который до слѣдующей станціи, на 20 верстъ ссужаетъ меня ею. Я вчера былъ у него на минуту; онъ узналъ, что я гельсингфорскій профессоръ и, какъ бывшій студентъ, захотѣлъ сдѣлать мнѣ эту любезность. Множество горъ замедляло ѣзду мою, и я прибылъ къ Гельстрему не прежде, какъ около 12 ч. Старикъ въ саду встрѣтилъ меня съ огромной зрительной трубой, въ которую глядѣлъ на далекое поле, гдѣ жнутъ. Онъ принялъ меня, какъ нельзя ласковѣе, но изъ саду повелъ въ комнаты и часа два продержалъ на стулѣ у окна, въ разговорѣ довольно вяломъ. Между тѣмъ въ саду суетились, готовя обѣдъ и накрывая столъ на открытомъ воздухѣ. Наконецъ, позвали обѣдать: за столомъ были, кромѣ насъ двоихъ, жена хозяина, трое сыновей (отъ 15-ти до 4-хъ лѣтъ) и племянникъ студентъ.

Старичекъ, вовсе не будучи свѣтскимъ человѣкомъ, худо отвѣчалъ на мои старанія оживить разговоръ. Обѣдъ былъ простъ и умѣренъ, какъ должно быть на мызѣ. Напившись кофе и просидѣвъ съ часъ на томъ же мѣстѣ, я объявилъ, что пора ѣхать (въ 3 часа, потому что, какъ ужъ прежде сказалъ, спѣшу на именины профессора Тернрота, живущаго въ 40 верстахъ отъ Гельсингфорса, — причина, которую приводилъ и у Гартмана). Гельстремъ велѣлъ заложить коляску, потому что поѣдетъ провожать меня 5 верстъ; я принялъ это съ благодарностью. Мы поѣхали,—я увидѣлъ, что имѣніе очень обширно. На станціи (въ 5 верстахъ) старикъ вышелъ и сталъ хлопотать о лошадяхъ для меня. У меня было еще немного Фуруельмскаго вина, и я выпилъ его со старикомъ. Еще я съ нимъ проѣхалъ немного въ его коляскѣ. Тутъ онъ опять изъ нея вышелъ и сталъ благодарить меня за посѣщеніе.

Мы разстались дружнѣе прежняго. Добрый старичекъ! Опять множество горъ и песокъ! Сюда я прибылъ въ 1/4 10-го и занялъ ту комнату, гдѣ ты спалъ прошлаго года и гдѣ окна къ досадѣ моей не отворяются. Къ имениннику ѣхать уже поздно, и я этому радъ (совѣсть чиста). Завтра подымусь чѣмъ свѣтъ и буду въ городѣ, надѣюсь до отправленія почты.

30 іюля. Вотъ я и въ Гельсингфорсѣ. Вставъ въ 4 ч., прибылъ сюда въ 7 и узналъ, что первое мое письмо, изъ Борго, не получено.

86.

(Гротъ — Плетневу) ***Гфорсъ, воскр., 2 августа 1842.***

Сестра моя не прочь отъ твоего предложенія насчетъ „Семейства". Тутъ одно только неудобство то, что мы не сами будемъ прочитывать корректуру, а извѣстно, что въ рукописи никогда нельзя замѣтить всѣхъ недостатковъ, чужой же глазъ въ корректурѣ пропуститъ многое.

Одного заглавія „*Семейство*“ мало, потому что въ подлинникѣ оно двойное, и послѣ этого слова прибавлено: *или домашнія радости и огорченія*. Никакой нѣтъ причины выпускать въ переводѣ эту оговорку, или объясненіе предмета романа.

Въ твоей коляскѣ я никакъ не возвращусь, потому что съ нею мнѣ бы пришлось платить двойные прогоны, т. е. за двѣ лошади, а мнѣ и одной очень довольно.

Вотъ послѣднее мое письмо до нашего свиданія. Хотя сегодня воскресенье, надѣюсь, что его примутъ.

Вчерашняя наша прогулка водою была очень пріятна. Я сегодня обѣдаю у нашихъ пріѣзжихъ.

87.

(Гротъ — Плетневу) ***(Спб., черезъ нѣсколько дней)*** [1].

Любезный Петръ Александровичъ! Были мы вчера вечеромъ у тебя въ гостяхъ на дачѣ, да не застали дома и во 2-мъ часу ночи переѣхали въ домъ Александры Осиповны. Теперь около 2-хъ. Часовъ черезъ 8 увидимся. Какая радость! Александра Осиповна очень жалѣетъ, что не въ Осиновой рощѣ встрѣтились, но — какъ увидишь — это было невозможно.

88.

(Гротъ — Плетневу) ***Выборгъ, 3 ч. послѣ об., 1 сент. 1842.*** [2])

Не проѣхалъ я двадцати шаговъ послѣ разлуки съ вами, какъ глаза мои встрѣтились съ глазами Цанта, который выходилъ съ семействомъ изъ своего дома. Я вышелъ изъ коляски и прошелся немного съ ними, жалѣя, что вы не проводили меня немного далѣе, потому что тогда встрѣча Цанта еще отдалила бы наше разставаніе. За четыре версты отъ Бѣлоострова у какой-то деревушки мой чухна объявилъ, что надо покормить лошадей. Мы остановились. Сначала я было бродилъ около коляски; но видя, что исторія будетъ довольно долга, влѣзъ въ свой домикъ, покурилъ остатокъ сигарки, бывшей въ карманѣ, а потомъ открылъ ларецъ Александры Осиповны, зажегъ свѣчу и сталъ читать De Gérando [3]), что продолжалось около получасу. Въ Бѣлоостровѣ меня остановили и прописали паспортъ.

Хегфорсъ, 3 сентября (у водопада). Третьяго дня въ Выборгѣ я колебался, ѣхать ли въ тотъ же вечеръ далѣе или переночевать на городской станціи. Благоразуміе восторжествовало: я велѣлъ отвязать

[1]) Я. К. проводилъ въ Петербургъ А. О. Ишимову съ Олей Плетневой и прогостилъ у Плетнева около мѣсяца.

[2]) По отъѣздѣ Якова Карловича изъ Петербурга.

[3]) Его сочиненіе „Du perfectionnement moral“ (1824, 2 тома).

ящикъ, и все изъ коляски взялъ въ комнату. Окончивъ всѣ дѣла, я принялся было за чтеніе, но глаза слипались, я поужиналъ и въ половинѣ 10-го легъ спать. Вчера велѣлъ разбудить себя въ 5 ч., но за сонливостью слуги и укладкою былъ готовъ не ранѣе 8-ми часовъ. День былъ опять прекрасный. Верстахъ въ 30-ти отъ Выборга встрѣтилъ я карету четверней, въ которой узналъ Маріанну, вторую дочь Армфельта; подалѣе ѣхалъ онъ съ чиновникомъ; однакожъ, мы не успѣли поклониться взаимно. Дорогой я много читалъ De Gérando, и болѣе и болѣе удивляюсь, какъ онъ глубоко изучилъ человѣка и тонко разложилъ всю его духовную жизнь. Это настоящій геній добродѣтели. Изрѣдка встрѣчаются мѣста немного кудрявыя: не могъ же онъ совершенно измѣнить своей національности. Не забудь, что ты обѣщалъ непремѣнно прочесть эту книгу, и не отлагай исполненіе; читай ежедневно хоть по нѣскольку страницъ. Ужели ты давно не зналъ о существованіи этой книги?

Въ одномъ мѣстѣ чуть не случилось со мной несчастіе. Лошади были слабыя и, встащивъ экипажъ немного на гору, начали уступать тяготѣнію внизъ и попятились. Кучеръ никакъ не могъ заставить ихъ принять другое направленіе, коляска пошла въ бокъ и, наконецъ, очутилась цѣлою лѣвой стороной въ оврагѣ. Я уже принялъ было удобнѣйшую позицію для паденія; но чухна вдругъ спрыгнулъ съ козелъ и поправилъ бѣду, подперши коляску и погоняя лошадей. Вечеромъ спалъ я прекрасно и проѣхалъ бы всю ночь, еслибы холодъ не заставилъ меня подумать о ночлегѣ. Въ 12 ч. ночи прибылъ я на здѣшнюю станцію, одну изъ лучшихъ во всѣхъ отношеніяхъ. Какъ-то вы въ понедѣльникъ доѣхали домой? Теперь коляска моя уже заложена: пора ѣхать.

Ловиза. Изъ Гельсингфорса почта пойдетъ не прежде, какъ сегодня въ 4 ч. Итакъ, мое письмо здѣсь отдастся на почту во время; въ Выборгѣ же не оставилъ я ничего для васъ, потому что письмо оттуда прибыло бы въ одно время съ сегодняшнею гельсингфорскою. Я ѣду довольно скоро: вчера отвалялъ 40 верстъ. Дома могъ бы быть уже сегодня поздно вечеромъ; но нарочно ночую на послѣдней станціи предъ Гельсингфорсомъ, чтобы не разстраивать домашнихъ. Здѣсь я пробуду съ часъ, потому что хочу писать и брату. Станція въ Ловизѣ отличная: чистая и препросторная.

Прощай, любезнѣйшій Петръ Александровичъ! Жду отъ тебя письма въ будущій понедѣльникъ.

89.

(Плетневъ — Гроту) *Спб., среда. 2 сент. 1842.*

Отпустивъ тебя во второмъ Парголовѣ, я искалъ средства развеселить какъ-нибудь моихъ дамъ, сидѣвшихъ безмолвно съ длинными

лицами. Я велѣлъ кучеру повернуть влѣво, чтобы намъ ѣхать до перваго Парголова по новой дорогѣ. Она идетъ мимо самаго дома помѣщиковъ Шуваловыхъ, потомъ черезъ садъ и наконецъ, огибая его, выводитъ прямо къ деревнѣ. Нѣмцы прозвали эту дорогу *философскою*, потому что на ней никого не встрѣтишь. Оля уже не могла итти пѣшкомъ. Итакъ мы оставили ее въ коляскѣ, а сами черезъ всю почти деревню шли пѣшкомъ. Еще засвѣтло доѣхали мы до Черной рѣчки, гдѣ опять вышли изъ экипажа уже всѣ трое — и шли до Строгоновскаго моста. Тамъ, посадивъ Олю, мы пошли сами пѣшкомъ по берегу Каменнаго и Елагинскаго острововъ до мостика на Крестовскій. Стало уже смеркаться. Мы сѣли и ѣхали до самой квартиры Александры Осиповны, куда прибыли въ половинѣ 9-го часа. Наши разговоры и воспоминанія относились всѣ къ тебѣ, милый и добрый другъ Яковъ Карловичъ! Ты оставилъ намъ столько себя въ каждомъ положеніи, въ каждомъ предпріятіи, въ каждомъ мѣстѣ, что долго можно будетъ намъ чувствовать тебя, не смотря на разлуку. Одинъ я пришелъ домой. Гартмана [1]) еще не было. На другой день я долженъ былъ встать въ 5 ч. для поѣздки въ Царское Село. Григорій мнѣ сказалъ утромъ, что гость не просыпался, возвратясь домой въ половинѣ 3-го часа. При моемъ возвращеніи изъ ванны я, однакожъ, уже встрѣтилъ Гартмана. Въ послѣдній разъ мы напились вмѣстѣ кофе, простились нѣжно — и я отправился въ Царское. У подъѣзда Императрицы стояли дорожные экипажи. Войдя во дворецъ, я узналъ, что всѣ прощаются съ В. К. Маріей Николаевной и что Государь еще прежде уѣхалъ. Только черезъ полчаса могла притти ко мнѣ Великая Княжна Ольга Николаевна. Въ ней было что-то очень трогательное послѣ этихъ слезъ разлуки. Мы много говорили шутя о ея *маіорствѣ* (majorité) въ 20 лѣтъ, и я величалъ ее то высокоблагородіемъ (отъ маіора), то превосходительствомъ (отъ генералъ-маіора). Она мнѣ сказывала, что бразильскій Императоръ искалъ ея руки, но она отказала. Я не одобрилъ ея поступка, прибавивъ, что мнѣ такъ и во снѣ только видится, какъ-бы побывать въ Бразиліи, да въ Индіи. Послѣ я читалъ съ нею послѣдній актъ Іоанны д'Аркъ. Пришла и Императрица, но скоро къ себѣ отправилась. Послѣ обѣда я отправился домой, гдѣ узналъ, что Гартманъ обѣдалъ у меня съ сыномъ [2]) и поѣхалъ ровно въ три часа, нанявъ тамъ же и такъ же, какъ и ты.

Не забудь же, милый, подробно разсказать намъ свой вояжъ. Поклонись maman и Розѣ Карловнѣ. Собираюсь на лекціи.

[1]) Генералъ-директора, привезшаго сына въ Петербургъ.

[2]) Гуго, котораго отецъ отдалъ въ дворянскій полкъ въ Петербургѣ и поручилъ покровительству П. А. Плетнева.

90.

(Гротъ — Плетневу) *Гфорсъ, пятн., 4 сент. 1842.*

Сейчасъ я получилъ твое письмо, милый Петръ Александровичъ. Благодарю: оно было *почти* неожиданно. Въ Ловизѣ я не нашелъ почтоваго чиновника и долженъ былъ довѣрить письма свои почталіону; хорошо, ежели онъ не плутъ! Оттуда проѣхалъ я безъ остановокъ и приключеній до Борго; прибывъ сюда въ 8-мъ часу вечера, заѣхалъ къ книгопродавцу Эману и оставилъ у него книги Максимовича. Брата его [1]) не было дома, — даръ Александры Осиповны оставленъ книгопродавцу. Рунеберга не было дома: я отдалъ дѣтямъ купленныя въ Выборгѣ игрушки и покалякалъ съ ихъ матерью. Пріѣхавъ на послѣднюю станцію передъ Гельсингфорсомъ въ половинѣ 1-го ночью, я, чтобы избѣжать всякихъ хлопотъ, рѣшился ночевать здѣсь на дворѣ въ коляскѣ: ночь была довольно теплая. Закупорившись и улегшись преудобно, я заснулъ прекрасно. Въ 5 ч. всталъ, встряхнулся, велѣлъ въ послѣдній разъ вымазать колеса и пустился. Дома былъ въ началѣ 8-го. Я забылъ сказать, что вчера на одной станціи видѣлъ толстяка англичанина въ коляскѣ, который вездѣ расписывался въ книгѣ, что ѣдетъ изъ „London" въ „St.Petersburg". Тамъ же стояла коляска графини Мамоновой и другіе экипажи. Дома сидѣли за кофеемъ, встрѣтили меня на крыльцѣ, были рады пріѣзду. Напившись кофею, я цѣлое утро убирался. Скоро нагрянулъ вѣчный преслѣдователь (какъ-будто чутьемъ узналъ, что я тутъ) Готлундъ и выкурилъ сигарку. Просилъ узнать, не вышелъ ли въ новѣйшее время какой-нибудь черемисскій или чувашскій словарь. Если помнишь, напиши. Встрѣтилъ я Урсина и поклонился ему отъ тебя. Онъ разспрашивалъ о твоемъ здоровьѣ и вообще показалъ много участія. Сегодня вставъ, купался, какъ у тебя, и принялся потомъ за исторію, а въ 10 ч. пошелъ въ консисторію; многихъ членовъ еще нѣтъ; лекціи начнутся еще не тотчасъ; при всемъ томъ я радъ, что пріѣхалъ, чтобы понемногу привыкнуть къ прежнему порядку. Былъ съ визитомъ у Демидовыхъ, которые зовутъ сегодня вечеромъ: на вѣрное не обѣщалъ.

Ты можешь легко вообразить, съ какимъ любопытствомъ я читалъ каждую строчку твоего перваго письма, изъ котораго узналъ, какъ вы кончили день, начатый еще вмѣстѣ со мною. Ты говоришь, что вы много меня вспоминали; а я могу сказать, что всю дорогу мою вы все еще были будто со мною, я безпрестанно думалъ о васъ. Только пріѣхавши сюда, я вдругъ почувствовалъ, что насъ раздѣляютъ опять 420 верстъ. Но все-таки, какое для меня утѣшеніе въ увѣренности, что у меня есть друзья, которые меня такъ искренно любятъ. Хорошо

[1]) Т. е. Эмана — лектора и журналиста.

по временамъ снова быть вмѣстѣ: старая связь укрѣпляется, еще болѣе узнаешь и полюбишь васъ. Я не умѣю распространяться въ изъявленіи благодарности, но вы, конечно, понимаете, что я тѣмъ глубже ее чувствую. Ваша дружба меня возвышаетъ и счастливитъ.

Скажи Шульгину, что я по возвращеніи изъ путешествія нашелъ дома его письмо и постараюсь исполнить его комиссію.

91.

(Плетневъ — Гроту) ***Спб., субб., 5 сент. 1842.***

Журналъ. Среда (2 сентября). Утромъ, когда я писалъ къ тебѣ первое послѣ разлуки нашей письмо, Яковъ Карловичъ, принесли ко мнѣ конвертъ, въ которомъ я нашелъ стихи и записку (безъ подписи) съ просьбою напечатать ихъ въ Современникѣ. Стихи были слабы — и я отложилъ все безъ вниманія. На другой день явился человѣкъ за отвѣтомъ. Я возвратилъ стихи съ объясненіемъ, что они слабы. Черезъ день опять присланы были отъ того же автора новые стихи. Они были получше, и я отвѣчалъ, что эти могу напечатать. Самъ же авторъ остается пока неизвѣстнымъ. Послѣ университетской лекціи я занимался работою для Современника.

Четвергъ (3 сентября). Занимался корректурою Современника. Получилъ переводъ сочиненія Ранке „О Папахъ". Переводомъ занимался Вельдбрехтъ [1]), вышедшій изъ нашего университета кандидатомъ. Книга замѣчательная и стоющая (если нѣтъ у тебя оригинала) быть выписанною. Сегодня въ 12 часовъ собраніе всѣхъ трехъ классовъ академіи наукъ. Тамъ услышалъ я о несчастіи въ Казани: пожаръ истребилъ множество лучшихъ зданій. Изъ академіи въ правленіе къ себѣ и на экзаменъ гувернантокъ. Дома получилъ еще письмо отъ Тургенева, который желаетъ, чтобы я ему переслалъ всѣ тѣ письма, изъ коихъ составляю выписки для Современника. Надобно исполнить его опредѣленіе, хотя этимъ и замедляется работа для журнала. Послѣ обѣда продолжалъ читать Ранке.

Пятница (4 сентября). Читалъ Москвитянина. Тамъ есть статья Шевырева о воспитаніи. Ещё читалъ Отечественныя Записки, гдѣ вашего Георгіевскаго [2]) и еще Булгарина ужасно ругаютъ. Въ каталогѣ Заикина нашелъ, что *Шуберта* Естественная Исторія продается 14 руб. ас. въ 2 частяхъ съ политипажами. Еще купи: *Книгу большому чертежу* или древнюю карту Россійскаго Государства. Цѣна 10 руб. ас. Передъ обѣдомъ получилъ записку отъ Смирновой, кото-

[1]) Валеріанъ, кончившій курсъ въ 1840 г. на юридическомъ факультетѣ.

[2]) Петра Егоровича, профессора литературы и русской словесности въ лицеѣ, автора учебника словесности,

рая завтра уѣзжаетъ за границу. День былъ чудный. Я въ коляскѣ заѣхалъ за моими дамами, и мы отправились на мою дачу, гдѣ обѣдъ составили изъ молока и яицъ. Возвратясь, поспѣшилъ къ Смирновой и нашелъ у ней Владиміра Карамзина и проч. свиту. Она разсказала мнѣ, что мужъ Растопчиной [1]) при смерти боленъ; что графиня съ дѣтьми уже проскакала черезъ Петербургъ въ Воронежъ. Онъ желаетъ проститься съ дѣтьми. У него сильная горячка. Впрочемъ, отъ этой болѣзни часто выздоравливаютъ. Прощай.

92.

(Гротъ — Плетневу) *Гфорсъ, среда, 9 сент. 1842.*

Въ субботу, послѣ отправленія писемъ, былъ я у т. с. Гартмана, гдѣ засталъ Котена и еще одного господина. Гартманъ съ большимъ любопытствомъ разспрашивалъ о Гуго [2]), былъ очень въ духѣ и много хвалилъ тебя, говоря, что ты Финляндію любишь отъ чистаго сердца.

Въ воскресенье всталъ я въ 5-мъ часу, легши наканунѣ въ 10-мъ; занимался исторіею и писалъ для Звѣздочки. Послѣ обѣда гулялъ. Легъ въ 10-мъ часу.

Во вторникъ поутру ходилъ я одинъ гулять въ Тёлевскій садъ, до 10 часовъ я всегда работаю, а въ 10 ухожу или гулять или по дѣламъ: потому что это будетъ впредь часомъ моей лекціи. Послѣ обѣда пошелъ я въ университетскую библіотеку, взялъ тамъ новые журналы и разныхъ книгъ, между прочимъ, огромную карту Россіи для лекцій. Но такъ какъ она слишкомъ блѣдна, то купилъ красокъ и кисть и сегодня много сидѣлъ за раскрашиваніемъ губерній и означеніемъ рѣкъ толстѣйшими чертами.

Сегодня пошелъ я въ университетъ и отдалъ секретарю цензурнаго комитета для отправленія съ завтрашнею почтою въ вашъ цензурный комитетъ:

Для Современника:

1) Продолженіе „Семейства“ (немного, но надо было воспользоваться случаемъ).

2) Статью объ *озерѣ Улео*, переведенную Валленомъ и мною двукратно поправленную.

3) Статью: *Вечеръ*, переведенную Лундалемъ. Обѣ были переведены еще весною.

Для Звѣздочки:

1) *Добрая Дѣвочка*, ст., перевед. моею сестрою съ итальянскаго.

2) *Перелетныя Птицы.*

[1]) Гр. Андрей Θедоровичъ, гофмейстеръ, извѣстный библіофилъ.

[2]) См. выше, письмо 89-е.

3) Начало статьи: *Петербургскія Примѣчательности.* Окончаніе пришлю съ будущею почтою.

Сегодня не успѣлъ кончить, потому что завтра начинаю лекціи и много очень работалъ. Итакъ, тотчасъ по полученіи этого письма вытребуй мои бумаги изъ цензурнаго комитета.

Кончаю, чтобы итти немного прогуляться послѣ всѣхъ занятій. Говорятъ, я уже похудѣлъ отъ сидѣнья.

93.

(Плетневъ — Гроту) ***Спб., среда, 9 сент. 1842.***

Отвѣтъ на письмо отъ 1 сентября. Дѣйствительно жаль, что мы вмѣстѣ не дошли до Цанта. Засвѣтло ли ты проѣзжалъ мимо Осиновой рощи? Уѣхала ли съ Александромъ Армфельтомъ и Матильда? Я полагаю, что пока не будетъ какого-либо аванса со стороны графа, мнѣ нѣтъ нужды забѣгать къ нему. О Дежерандо напрасны твои напоминанія. Ужъ и потому онъ сталъ моимъ любимцемъ, что имъ я тебѣ обязанъ. А и самъ по себѣ онъ весь проникнутъ интересомъ и истиною. До тебя мнѣ не удавалось ни отъ кого о немъ слышать. Какая могла бы произойти бѣда, еслибы чухна не догадался удержать экипажа отъ паденія! Да видно, и лошади не совсѣмъ были дурны, что дружно выхватили тебя изъ опасности.

Отвѣтъ на письмо отъ 4 сентября. Ты принялъ мое письмо какъ почти неожиданное. Нѣтъ, братъ Яковъ Карловичъ, ужъ я бы не простилъ себѣ, еслибы, въ разлукѣ съ тобою, хоть одну среду или субботу пропустилъ безъ письма къ тебѣ! Изъ Ловизы, какъ ты видишь, твое письмо переслали исправно. Мнѣ досадно, что ты не засталъ Рунеберга дома. Теперь до зимы, вѣроятно, вы не увидитесь. Умно ты сдѣлалъ, что пріѣздъ домой отложилъ до утра. Въ это время всякій пріѣздъ пріемлется ласковѣе. Дѣйствительно: у Готлунда носъ долженъ быть, какъ флюгеръ, который чувствуетъ малѣйшее движеніе воздуха. О черемисскомъ или чувашскомъ словарѣ мы и не слыхивали. Мнѣ пріятно, что Урсинъ до сихъ поръ сохраняетъ ко мнѣ доброе расположеніе. Твоя правда, что намъ нужно видаться. Это какъ бы практика писемъ, т. е. все переговоренное тутъ осуществляется. Безъ этого оно можетъ превратиться въ какую-то чуть замѣтную тѣнь. Что ни говори, а пожатіе руки теплѣе всѣхъ пламенныхъ словъ. При первомъ же свиданіи съ Шульгинымъ исполню твое порученіе.

Журналъ. Суббота (5 сентября). Все шло по извѣстному тебѣ порядку: корректура Современника, письмо къ тебѣ, лекціи и академическое собраніе. Но обѣдать я не пошелъ къ Максимовичу, чтобы имѣть часа два лишнихъ на чтеніе Дежерандо и другія свои дѣлишки. Въ этотъ день Калмыковъ звалъ меня на именины своей жены. Итакъ,

у Александры Осиповны я былъ только 7 и 8 часъ. У Калмыкова была толпа, слѣдовательно, скучно.

Понедѣльникъ (7 сентября). Вставъ по обыкновенію въ 6 часовъ и кончивъ всѣ житейскія дѣла, я писалъ для Современника, пока закладывали экипажъ. Потомъ я поѣхалъ въ принцессину школу. Погода была прелестная, и я воспользовался выѣздомъ, чтобы сдѣлать кругъ по островамъ. Когда возвратился домой, ко мнѣ пріѣхалъ Григорій Волконскій и — отправляясь съ Бенкендорфомъ опять въ Фаль, передалъ мнѣ свою должность. Еще въ воскресенье я получилъ письмо отъ министра двора, въ которомъ онъ объявляетъ, что стихи Жуковскаго на серебряную свадьбу Государя, по приказанію Его Величества, должны быть напечатаны у меня въ Современникѣ. Къ нимъ нужна политипажная виньетка. Вотъ за нею-то я и пошелъ послѣ обѣда къ Прево. Оттуда возвратился въ Совѣтъ нашъ, который съ 6 часовъ продолжался почти до 10. Главное дѣло было мнѣніе Совѣта объ уничтоженіи экзаменовъ для перевода изъ курса университетскихъ студентовъ. Мнѣніе написано Ивановскимъ и Степаномъ Куторгою, но такъ напыщенно, что мнѣ поручили измѣнить всю редакцію. Итакъ у меня, кромѣ собственныхъ письменныхъ дѣлъ, есть три казенныя: исторія университета, сочиненіе для академіи наукъ и мнѣніе. Признаюсь, что эти заказныя и неизбѣжныя дѣла очень скучны и много заботятъ меня. Вечеръ я провелъ дома за совѣтскими другими дѣлами.

Вторникъ (8 сентября). Рано уѣхалъ я въ Царское Село. Прежде обыкновеннаго чтенія мы разговаривали о разныхъ вещахъ съ Великой Княжной Ольгой Николаевной вдвоемъ. Я спросилъ ее о Дежерандо — и обрадовался, узнавъ, что она его читала и полюбила. Le Visiteur du Pauvre подарила ей В. К. Марія Павловна изъ Веймара. Наше чтеніе было не продолжительно, потому что Императрица и Великая Княжна Ольга Николаевна поѣхали по желѣзной дорогѣ въ Екатерининскій институтъ, гдѣ начальница выпросилась въ отпускъ, и потому Государынѣ хотѣлось нечаянно взглянуть, что тамъ дѣлается. Обѣдать я возвратился домой. Тутъ принесли твое второе письмо — и я засѣлъ тебѣ отвѣчать на оба.

94.

(Гротъ — Плетневу) ***Гфорсъ, субб., 12 сент. 1842.***

У De Gérando мнѣ въ первой части не все нравится; тутъ таки есть сухія и натянутыя мѣста, напр., конецъ главы: *La vie sensuelle*, — ипотеза вовсе не естественная и не интересная. Вторая часть лучше, потому что въ ней онъ больше говоритъ по опыту и для опыта. Я съ нея началъ и читаю не подрядъ. Радуюсь, что стихи Жуковскаго будутъ помѣщены въ Современникѣ, да еще по изволенію Царскому.

По окончаніи послѣдняго моего письма пошелъ я къ Цигнеусу,

который увѣрялъ, что только-что думалъ обо мнѣ. Онъ спрашивалъ о тебѣ и дамахъ; сбирается зимой въ Петербургъ къ бофреру, командиру литовскаго полка (Аммонту). Онъ проводилъ меня до гавани; мы любовались блескомъ волнъ подъ луною и плескомъ подъ кораблями. Рѣшили, что мало городовъ красивѣе Гельсингфорса; этакая ночь хоть бы въ Неаполѣ. А что за видъ изъ оконъ Цигнеуса на море!

На другой день (четвергъ) была первая моя лекція въ 10 ч. Студентовъ довольно-таки набѣжало. Я опять началъ исторію съ начала, и чувствовалъ большую разницу въ моемъ преподаваніи; теперь у меня уже есть нѣкоторый à plomb и спокойствіе, которыхъ не было въ началѣ. Разумѣется, лекціи будутъ и занимательнѣе, потому что главное для нихъ уже приготовлено; теперь я кратко записываю ихъ, чтобы впослѣдствіи напечатать это. Такъ занимаюсь я регулярно всякій день до 10 ч., а тамъ иду или на лекцію или гулять. Съ первой лекціи пошелъ я въ публичный садъ и погулялъ съ большимъ удовольствіемъ, чувствуя отрадную свободу на весь день, тогда какъ прежде она у меня начиналась только съ 5 ч. послѣ обѣда. Вечеромъ отыскалъ я рисовальнаго нашего лектора Крускопфа [1]), но петербургскаго уроженца, для рисунка, котораго желаетъ Шульгинъ. Онъ съ удовольствіемъ взялся сдѣлать его. Не знаю, какъ будетъ дальше, а теперь я чувствую себя совершенно обновленнымъ послѣ лѣта, не чуждаюсь людей и вообще чувствую себя веселѣе. Усильная работа прошлаго года и другія причины меня расположили было къ хандрѣ.

Вчера была вторая лекція. Я читалъ по-русски, но съ шведскими объясненіями. Послѣ лекціи говорилъ со студентами, и они сознались, что почти ничего не понимали въ русскомъ чтеніи, почему и просили читать впередъ гораздо потише, чтобы они больше могли пользоваться для языка. Твое дѣленіе исторіи литературы на періоды мнѣ очень нравится; ты бы могъ это напечатать въ Современникѣ: оно основано на внутреннихъ, а не внѣшнихъ признакахъ, какъ у другихъ.

Вечеромъ посѣтилъ меня добрый старичекъ мой Гельстремъ и мы проболтали часа два. При немъ принесли ваши письма, но я не могъ прочитать ихъ до его ухода, котораго потому и ждалъ съ нетерпѣніемъ, однакожъ былъ любезенъ. Потомъ гулялъ.

Посылаю тебѣ на твое сужденіе начало предположенной нами „Скандинавской смѣси“. Скажи свое мнѣніе и о содержаніи, и о заглавіи. Такихъ листковъ 3, 4, 5 на каждый номеръ кажется будетъ довольно.

[1]) Петръ Адольфъ, преподаватель техники въ университетѣ, ум. 1852 г.

95.

(Плетневъ — Гроту) *Спб., субб., 12 сент. 1842.*

Журналъ. Среда (9 сентября). Вставши ранѣе шести часовъ, тотчасъ принялся за составленіе *Мнѣнія* о перемѣнахъ въ пріемныхъ и переводныхъ экзаменахъ. Вообрази, что Тургеневъ мнѣ ничего не возвратилъ. Онъ вытребовалъ къ себѣ всѣ свои письма, которыми самъ не доволенъ, и хочетъ изъ нихъ составлять особыя выписки. Изволь издавать журналъ съ такими сотрудниками. Передъ обѣдомъ я ходилъ навѣдаться, не переѣхали ли Местры. Нѣтъ еще. Послѣ прогулки мы нашли у себя фортепіаннаго учителя Габерцетеля, который пожелалъ самъ послушать Олю. Онъ находитъ въ ней много натуральной экспрессіи въ игрѣ, но и недосмотровъ, происшедшихъ отъ того, что она играетъ все безъ руководства. Ему хочется привести ко мнѣ брата своего живописца, возвратившагося послѣ 20-тилѣтняго пребыванія въ Римѣ. Живописецъ Габерцетель привезъ картину: Іоаннъ Креститель, которой удивлялся самъ Папа. Послѣ музыканта Александра Осиповна читала мнѣ статью, переданную ей Савичемъ и полученную изъ Остзейской провинціи, гдѣ доказывается, въ видѣ повѣсти, необходимость, для тамошнихъ жителей учиться по-русски. Статья написана умно, но такимъ русско-нѣмецкимъ языкомъ, что ее надобно совсѣмъ перевести.

Чтеніе твоихъ писемъ и Розы Карловны было пріятнымъ заключеніемъ этого вечера. Я теперь не удивляюсь, что Модестъ Андреевичъ *(Корфъ)* такъ восхищается письмами Розы Карловны.

Четвергъ (10 сентября). Первое дѣло было корректура Звѣздочки. Потомъ университетскія дѣла. Наконецъ, явился посланный отъ Паткуля человѣкъ съ извѣщеніемъ, что въ прошедшій вторникъ (8 сентября, въ 9 ч. вечера) Маріи Александровнѣ Богъ далъ дочь Александру Александровну. Здоровье матери удовлетворительно. На будущей недѣлѣ въ четвергъ поѣду навѣстить ее. Въ это же время пришелъ ко мнѣ Манцини [1]) съ тетрадкой неправильныхъ глаголовъ итальянскаго языка, которые онъ подогналъ подъ правило и просилъ денегъ на напечатаніе брошюры. Передъ обѣдомъ я одинъ пошелъ прогуляться. Безъ меня пріѣзжалъ ко мнѣ Ал. Армфельтъ и оставилъ карточку. Надо и къ нему съѣздить теперь. Послѣ обѣда дочиталъ „Зырянку“. Она дѣйствительно хороша, но начало, кажется, тянется. Вечеръ провелъ у возвратившихся въ городъ Местровъ, гдѣ нашелъ и Пушкину (жену поэта), переѣхавшую изъ деревни.

Пятница (11 сентября). До $3^1/_2$ часовъ все работалъ надъ библіографіею Современника и много читалъ Павскаго. Удивительная ученость.

[1]) Лекторъ итальянскаго языка въ спб. университетѣ до 1850 г., беллетристъ и поэтъ (род. изъ Болоньи).

96.

(Гротъ — Плетневу) ***Гфорсъ, понед., 14 сент. 1482.***

Сейчасъ получилъ я ваши письма и хочу сдѣлать опытъ, нельзя ли всегда отвѣчать тотчасъ по полученіи письма, чтобы и въ этомъ завести болѣе порядка. Тургеневу ты бы, кажется, могъ поубѣдительнѣе написать, чтобы онъ тебя не ставилъ въ такое затрудненіе. Талантъ сестры на письма я давно знаю и давно ей говорилъ о немъ, еще кажется изъ лицея. Поздравь Паткулей и отъ меня. А помнишь, и я вамъ прислалъ тетрадь о неправильныхъ итальянскихъ глаголахъ, да еще со стихами? Она должна быть у Александры Осиповны. Я радъ, что и тебѣ „Зырянка" понравилась.

Не смотря на сильный дождь въ субботу, я для моціона самъ понесъ письма на почту. Вчера утромъ до 12 ч. сидѣлъ надъ русской исторіею: читаю сравнительно всѣхъ нашихъ историковъ и дѣлаю отмѣтки въ тетради. Послѣ обѣда въ 3 часа явился ко мнѣ Готлундъ просить совѣта по прошенію къ Канцлеру о пособіи (у него 8 дѣтей и 1.200 руб. жалованья). Я прочелъ его внимательно еще не переведенное и сократилъ. Онъ сидѣлъ у меня до 5 ч. и шутилъ надъ тѣмъ, что надоѣдаетъ мнѣ и много отнимаетъ времени, однакожъ не уйдетъ, не докуривъ второй сигарки. Что съ нимъ дѣлать? Добрый малый, честный финнъ,— нельзя сердиться, хоть иногда и досадно бываетъ. Послѣ него читалъ я немного, и такимъ образомъ не успѣлъ ни поправить изъ „Семейства", ни перевести стишковъ для Звѣздочки, какъ сбирался. Дѣятельность наша всякій день разбивается о тьму препятствій.

Сегодня, въ *понедѣльникъ* лекція. Кажется, вниманіе студентовъ было возбуждено. Я нынче много прибѣгаю ко вновь придуманнымъ мною таблицамъ на доскѣ и къ ландкартѣ. Оттуда къ Клинковстрему, отдалъ ему визитъ — онъ у меня оставилъ карточку; сидѣлъ я съ нимъ у жены его, которая, какъ и почти весь нашъ городъ, бранила Растопчину (о чемъ никому ни слова!). Возвратясь, поправлялъ „Семейство". Тихо идетъ, но, можетъ быть, я слишкомъ ужъ точенъ. Послѣ обѣда, при хорошей погодѣ, чувствовалъ я охоту прогуляться съ кѣмъ-нибудь. Пошелъ къ Акіандеру; тотъ ждалъ кого-то. Я къ Лундалю — и мы пошли къ заведенію водъ. Что за видъ былъ на море! Мы долго любовались. Онъ обѣщалъ переводную статью для Современника.

Въ статьѣ Лундаля упоминается о свѣчкѣ, которая горѣла на столѣ въ вечеръ на Рождество. Но въ подлинникѣ сказано: *вѣтвистая* или *многоствольная:* здѣсь употребляются объ Рождество свѣчки, которыя вверху расширяются, дѣлясь на многіе стволы. Двуствольныя свѣчки я видѣлъ и въ Россіи, но нѣтъ ли особаго на это выраженія? Если хочешь, прибавь этотъ эпитетъ къ свѣчкѣ и объясни въ примѣ-

чанiи обычай. До твоего письма прочелъ главу изъ De Gérando; опять я очень доволенъ имъ.

Вторникъ, 15 сентября. Послѣ лекцiи гулялъ, — работалъ — гулялъ — работалъ — гулялъ. Избавьте вы меня пожалуйста отъ писанiя журнала! Что тутъ разсказывать много: работалъ да гулялъ, вотъ вся моя жизнь. Это не то, что у васъ въ Петербургѣ, гдѣ жизнь вообще такъ разнообразна, а тѣмъ болѣе для васъ, что ваши отношенiя довольно сложны (подъ словомъ васъ, я разумѣю васъ, журналиста и журналистку, отъ которыхъ получаю письма).

Среда. Такъ и быть скажу, что вчера послѣ обѣда я ходилъ къ Цигнеусу звать его гулять, но онъ шелъ въ школу свою и я одинъ отправился на колонку, откуда любовался видами.

Поутру гулялъ въ Тёле; поправлялъ „Семейство"; послѣ обѣда пошелъ къ Коллану, чтобы узнать подробнѣе исторiю скандалезную, которую разсказываю въ прилагаемомъ листкѣ. Вообрази, что въ Стокгольмѣ редакторъ газеты публично плюнулъ автору въ лицо и тотъ только уѣхалъ за городъ. Если ты найдешь, что цензура не пропуститъ этой исторiи, то вотъ какъ сдѣлай. Пропусти въ ней то, что я отмѣтилъ съ боку карандашемъ, а въ слѣдующей полосѣ скажи только: „Въ послѣднее время знаменитый шведскiй писатель А."... (не выписывая всей фамилiи,— тогда нельзя привязаться). Но чтобы все-таки Альмквиста узнали, — ты передъ этой исторiей, подъ особой цифрой, помѣсти то, что отмѣчено съ боку карандашемъ и къ чему я еще пришлю во всякомъ случаѣ дополненiе, взятое изъ письма Рунеберга ко мнѣ. Сверхъ того, посылаю тебѣ, милый мой другъ, прибавленiе къ той цифрѣ, подъ которою говорится объ Исторiи Петра Великаго.

Такъ я понемногу буду пересылать эти листки, а ты ихъ копи до каждаго выхода Современника. Рѣши самъ, не нужно ли въ началѣ, подъ каждою новою цифрою, означать въ немногихъ словахъ ея содержанiе, или это лишнее, потому что это соблюдается въ *Смѣси* всѣхъ нашихъ журналовъ.

97.

(Плетневъ — Гроту) *Спб., среда, 16 сент. 1842.*

Отвѣтъ на письмо отъ 9 сентября. Объ исторiи Шуберта я, конечно, зналъ изъ твоей статьи еще до твоего прiѣзда; но показалось мнѣ, будто, бывъ здѣсь, ты желалъ ее купить — и не нашелъ. О другихъ книгахъ буду говорить по мѣрѣ того, какъ встрѣчусь съ ними. Особенно надобно составить мнѣ для тебя статью обо всѣхъ изданiяхъ Дм. Языкова [1]), полезныхъ для русской исторiи. Тайный совѣтникъ Гартманъ не ошибся, что я люблю Финляндiю отъ чистаго сердца.

[1]) Дмитрiя Ивановича, члена Императорской академiи наукъ, ум. 1845 г.

Какъ мнѣ нравится, что твои лекціи утромъ! Ты навсегда сохранишь веселость духа; потому что обязательныя или должностныя занятія послѣ обѣда — истомная тяжесть для души. Съ сегодняшней почтой начнется отправленіе всѣхъ томовъ Современника для Лундаля, и также особо XIX тома, не оказавшагося у тебя. Не забудь, что съ XXVIII т. всегда будетъ уже для Лундаля одинъ экземпляръ лишній сравнительно съ числомъ получаемыхъ тобою прежде Современниковъ. Скажи Лундалю, чтобы онъ изучалъ духъ моего журнала и старался бы въ немъ дѣйствовать.

Отвѣтъ на письмо отъ 12 сентября. Твои замѣчанія о Дежерандо справедливы. Онъ видимо работалъ съ начала надъ уничтоженіемъ философіи XVIII в., въ убѣжденіи, что вся она была основана на сенсуалисмѣ. Эти возгласы противъ XVIII в. для меня смѣшны. И тогда много было добродѣтельнѣйшихъ людей, а истинно великихъ еще болѣе. И нынѣ есть много порочныхъ, а между такъ называемыми великими не многіе того достойны. Дежерандо такъ начитался Руссо (готовясь воевать съ нимъ), что главу свою „De la vie des sens" начинаетъ фразою, прямо взятою изъ первой главы *Эмиля.* Впрочемъ, глава объ отношеніи чувствъ къ душѣ и не можетъ быть никогда лучше выработана, потому что этотъ предметъ навсегда останется тайною для изслѣдованій нашего ума. И что такое въ дѣятельности чувствъ самобытнаго, свободнаго, если они просто тѣло? А ежели въ нихъ духовная дѣятельность, то прямо и говори о настроеніи души: вотъ моя философія. Скажи Цигнеусу, чтобы онъ непремѣнно явился ко мнѣ. Неаполитанскія ночи и у насъ продолжались съ твоего отъѣзда почти двѣ недѣли. Меня очень радуетъ новое состояніе твоего духа, т. е., что ты не чуждаешься людей. Это даетъ цѣну жизни и сладость занятіямъ. Конечно, студенты правы: ты долженъ говорить для нихъ гораздо раздѣльнѣе, какъ я всегда это для иностранцевъ дѣлаю, даже читая имъ что-нибудь. Печатать одно дѣленіе исторіи литературы нахожу не слишкомъ интереснымъ. Благодарю тебя, милый, за Листокъ изъ скандинавскаго міра. Именно этакого листка я и желалъ. Только боюсь за тебя: ты работаешь ужасно много. По крайней мѣрѣ уволь себя отъ лишнихъ къ намъ писемъ. Невозможно все соединить: корреспонденцію, Современникъ и Звѣздочку.

Журналъ. Суббота (12 сентября). Читалъ Павскаго грамматику. Сколько учености и ясности!

Воскресенье (13 сентября). Писалъ для библіографіи Современника и былъ у обѣдни. Поѣхалъ къ А. Армфельту. Армфельтъ рекомендовалъ мнѣ жениха Гедвиги. Свадьба 20 сентября. Сегодня всѣ они обѣдаютъ у Закревской. Армфельтъ совѣтовался со мной о Гадолинѣ и Боргѣ. Онъ было заготовилъ представленіе нерѣшительное: кого захотятъ, того и назначатъ. Я отвергнулъ эту двуличность, изъяснивъ,

что онъ обязанъ защищать законность консисторіи, рѣшительнымъ большинствомъ избравшей послѣдняго. Онъ убѣдился. Соловьевъ не подаетъ въ отставку, а просится опять въ отпускъ. Послѣ я былъ у Вяземскаго. Наконецъ, у Н. Пушкиной. Мы обѣдали и вечеръ провели одни.

Понедѣльникъ (14 сентября). Надобно было съѣздить мнѣ къ Принцессѣ Ольденбургской, у которой, по ея возвращеніи изъ Москвы, Александра Осиповна и Оля были уже въ субботу. Было холодно, но пріятно. Ко мнѣ послѣ обѣда явился Петерсонъ и продолжалъ читать свою повѣсть. Пріѣхалъ и А. А. Никитинъ [1]). Пободяжничалъ.

Вторникъ (15 сентября). Въ Царское Село. Великая Княжна Ольга Николаевна сказала, что Maman проситъ насъ читать у нея. Какая это божественная женщина по простотѣ и натуральности! Чѣмъ болѣе узнаю ее въ приватной жизни, тѣмъ болѣе удивляюсь ей. Читали Ундину за недостаткомъ Гоголева Бульбы, котораго ей хотѣлось было слушать. Изъ Царскаго Села я поспѣлъ въ цензурный комитетъ за отсутствіемъ Волконскаго. Ходилъ къ Прево за картинкой для стиховъ Жуковскаго. Вечеръ провелъ у Александры Осиповны, которая мнѣ прочитала твое письмо и статьи. Все прелесть. Но ради Бога, береги себя. Мнѣ ужасно думать, какъ ты изнуряешь себя.

98.

(Гротъ — Плетневу) *Гфорсъ, пятн., 18 сент. 1842.*

Читалъ я De Gérando и кончилъ въ Москвитянинѣ статью Шевырева о воспитаніи. Если помнишь ее, какъ находишь? Далѣе занимался пересматриваніемъ другихъ журналовъ и выписками изъ нихъ. Сейчасъ (5 ч.) воротился я съ заведенія водъ, куда одинъ ходилъ гулять по скаламъ. Объ утрѣ не пишу ничего, потому что провожу его однообразно: исторія — прогулка — „Семейство“ (сегодня началъ я передъ обѣдомъ стихи для Звѣздочки). Послѣ обѣда гуляю, читаю, пишу Листки скандинавскіе или хожу къ людямъ. Скажи, сколько часовъ въ день ты обыкновенно работаешь, т. е. собственно у себя сидишь за работою, ибо прерывистое сидѣніе въ канцеляріи нельзя же считать работою?

Отвѣтъ. Исчисленіемъ изданій Языкова истинно обяжешь. Да, я чувствую большое облегченіе отъ перемѣны времени лекцій. Въ прошломъ году я часто тратилъ много лишнихъ часовъ на приготовленіе, именно отъ безпокойства. Оттого теперь у меня открылось довольно времени и на другія занятія, а въ сущности работаю я менѣе, нежели

[1]) Алексѣй Аѳанасьевичъ, статъ-секретарь по департаменту государственной экономіи, бывшій преподавателемъ словесности въ горномъ корпусѣ, писатель.

въ прошломъ году. Но главное напоминай мнѣ, что надобно освѣжаться обществомъ. Отъ совершеннаго уединенія я всегда прихожу въ какое-то душевное разстройство, хотя и непримѣтно и постепенно.

Чтобы узнать, правъ ли ты, сравнивая мѣсто въ De Gérando съ началомъ Эмиля, я вытребовалъ эту книгу отъ Грипенберга и нашелъ (хотя въ нѣмецкомъ переводѣ), что твое замѣчаніе справедливо. Ни съ кѣмъ не могу дѣлиться составленіемъ *Листковъ;* тутъ должны быть соблюдаемы особенныя условія. Самъ я дивлюсь учености и простотѣ Павскаго. Я не совсѣмъ понялъ: къ кому твои похвалы относятся — къ В. К. Ольгѣ Николаевнѣ или къ Императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ? Я получилъ письмо отъ финляндца Теттермана [1]) изъ Сибири; онъ очень благодаритъ за Современникъ и проситъ Фритіофа. Если не слишкомъ убыточно, пошли ему экземпляръ, да и Альманахъ — прежде на русскомъ языкѣ, а потомъ при случаѣ и на шведскомъ (у Александры Осиповны осталось на квартирѣ два экземпляра).

99.

(Плетневъ — Гроту) ***Спб., субб., 19 сент. 1842.***

Журналъ. Среда (16 сентября). На вечеръ прибылъ Барановскій, нѣкогда учившійся въ нашемъ университетѣ, послѣ бывшій учителемъ во Псковѣ, а теперь переведенный сюда во 2-ю гимназію. Онъ очень дѣльный малый, за все принимается съ жаромъ и успѣваетъ. У меня была его статья въ Современникѣ о Нибелунгахъ. Я его оставилъ читать дамамъ Шевырева критику Чичикова, а самъ занялся корректурой Современника.

Четвергъ (17 сентября). Съ сегодняшняго утра Оля начала ежедневно ѣздить въ Воспитательный Домъ въ классъ гимнастики, которою тамъ веселитъ дѣвочекъ какой-то шведъ. Она въ восхищеніи отъ этого класса. Въ 12 часовъ она съ Александрой Осиповной возвратилась оттуда и заѣхала ко мнѣ. Мы втроемъ позавтракали. Послѣ нихъ пришелъ какой-то поэтъ, безъ имени, присылавшій мнѣ стихи, не очень замѣчательные, но сносные. Это нѣкто Гордѣевъ [2]). Онъ теперь служитъ въ иностранной коллегіи, а прежде былъ военнымъ. Не успѣлъ я проводить его, какъ вошелъ добрый вашъ губернаторъ *(Армфельтъ).* Я очень обрадовался ему. Графиня еще не пріѣхала. Мы съ нимъ очень дружески кой о чемъ потолковали и — разстались. Я принялся за безконечную библіографію для Современника. Почти въ 4 часа пустился я на прогулку передъ обѣдомъ, въ чемъ вижу существенную пользу для

[1]) Августъ (Tötterman), служившій адъютантомъ князя Горчакова въ Сибири въ началѣ 40-хъ гг. и ум. майоромъ въ 1844 г. въ Тифлисѣ.

[2]) Николай Николаевичъ, служившій въ департаментѣ внутреннихъ сношеній.

здоровья. Дорогою пришло мнѣ на мысль навѣстить m-me Паткуль, потому что сегодня девятый день послѣ ея родинъ. У Паткулей пошли доложить обо мнѣ. Человѣкъ, возвратившись отъ господъ, отвѣчалъ, что А. В. сидитъ у жены, которая кормитъ дитя, и такъ не можетъ меня принять, въ чемъ очень извиняется. Я спросилъ, какъ онъ меня имъ назвалъ? „Мятлевъ", отвѣчалъ лакей. Я улыбнулся, отдалъ ему двѣ карточки — и пошелъ домой. Отобѣдавъ довольно поздно, я почиталъ Дежерандо и пошелъ пить чай къ Александрѣ Осиповнѣ.

Пятница (18 сентября). Утромъ пришелъ ко мнѣ Вельбрехтъ, нашъ кандидатъ правъ, который перевелъ 1-ю часть Ранке „Исторіи Папъ". Готовитъ къ выпуску 2-ю и 3-ю части. Я у него выпросилъ три отрывка изъ новаго перевода для Современника. Потомъ принесли корректуры Звѣздочки и Современника, что меня заняло до 4 часовъ. Въ 6-мъ часу я возвратился къ обѣду. Нашелъ профессора Фишера съ его идеями о мнѣніи касательно уничтоженія университетскихъ экзаменовъ.

100.

(Гротъ — Плетневу) ***Гфорсъ, воскр., 20 сент. 1842.***

Недостатокъ De Gérando въ первой части: онъ почти всегда говоритъ отвлеченно; его слова составляютъ выводъ опытности, но опытности, часто неизвѣстной читателю; и потому гораздо больше нужно бы примѣровъ и вообще конкретныхъ образовъ.

10½ веч. Сегодня подъ вечеръ я очень пріятно занимался чтеніемъ для *Листковъ*. Вдругъ за дамами пріѣхали отъ Клинковстрема (идетъ дождикъ). Онѣ предложили мнѣ ѣхать съ ними. Я чувствовалъ сильное искушеніе остаться за своею пріятною работою, однакожъ рѣшился ѣхать. Старика не было дома, и я скоро соскучился и сталъ съ нетерпѣніемъ желать ухода. Пріѣхалъ старикъ, сталъ раскладывать пасьянсъ. Я, не смотря на довольно сильный дождь, не дождался дамъ и пѣшкомъ махнулъ домой. Ну, вотъ и превозмогъ себя и провелъ вечеръ въ обществѣ. А чтожъ въ томъ добраго? Вмѣсто пріятнаго вечера дома, я провелъ скучный въ гостяхъ, и дѣло осталось не сдѣланнымъ. Согласись, что тутъ поневолѣ сдѣлаешься мизантропомъ. Прибавь, что теперь ужъ 11 ч., и я завтра не могу встать такъ рано, какъ обыкновенно.

Понедѣльникъ. Отъ ректора я получилъ для тебя программу и отчетъ за прошлое трехлѣтіе. Онъ сказалъ мнѣ, что Соловьевъ уже подалъ въ отставку и на-дняхъ ѣдетъ въ Петербургъ доискивать мѣсто. Живя въ Гельсингфорсѣ, не надо любить общество, ибо здѣсь его нѣтъ.

Вечеромъ. Сейчасъ я отъ Теслева. Соловьевъ письменно просилъ увольненія на три мѣсяца для пріисканія мѣста, но получилъ отказъ

*

и вслѣдствіе того подалъ въ отставку, и опять-таки проситъ отпуска въ Петербургъ. Теслевъ еще не рѣшается, пустить ли его. На его мѣсто ректоръ предлагаетъ Акіандера. Конечно, онъ можетъ быть хорошимъ преподавателемъ, но — не русскій, не знаетъ языка въ совершенствѣ. При всемъ томъ я, можетъ быть, дамъ ему свой голосъ, потому что онъ соединяетъ въ себѣ всѣ существенныя условія, какія трудно найти въ русскомъ, какъ бы онъ ни зналъ свой языкъ. Теслевъ потчивалъ меня пуншемъ и собственными яблоками. Семья его еще не пріѣхала.

Въ твоихъ письмахъ есть недостатокъ, который отчасти и въ моихъ. Въ нихъ заключается только рамка твоихъ дѣлъ, а не жизнь твоя и не интереснѣйшія изъ нея черты. Часто одно слово, одна мысль твоя или чужая гораздо интереснѣе событія, подавшаго къ нимъ поводъ. Напримѣръ, что ты провелъ вечеръ въ субботу у Александры Осиповны, это я и безъ письма знаю; но что̀ въ этотъ вечеръ было сказано или читано замѣчательнаго, въ какомъ кто былъ духѣ, не смѣялись ли о чемъ — вотъ что составляетъ жизнь. Ты скажешь, что такъ подробно не время писать письма. Но ты можешь иногда пропустить рамку факта — я самъ ее очерчу, а скажи только фактъ. Я увѣренъ, что ты это понимаешь и согласишься со мной. А то: былъ тамъ-то, пришелъ тотъ-то, — это не можетъ удовлетворять и тебя самого. Да какъ же тебѣ ломать голову, чтобы вспомнить все, что дѣлалось? Это только навязывать себѣ лишнюю заботу. Смѣшныя требованія!

Барановскаго я у тебя видѣлъ 2 раза. Когда выйдетъ Современникъ и что еще не достаетъ въ немъ? Да, гулянье передъ обѣдомъ здорово, — продолжай. Что-жъ вы читали у Александры Осиповны? Самаго интереснаго и не сказалъ! Въ пятницу вы читали Растопчину, т. е. ея стихотворенія, собраніе ихъ? Странно, что въ тотъ же вечеръ я черкалъ преувеличенныя ей похвалы.

Дежерандо 70 лѣтъ отъ роду. Онъ за „Perfectionnement“ получилъ 10.000 руб., да столько же за „Visiteur“. Этакъ можно быть добродѣтельнымъ!

Среда. Утромъ гулялъ въ Тёле. Холодная, славная погода. Послѣ обѣда гулялъ по скаламъ на заведеніи водъ. Оттуда къ Кольбарсу посовѣтоваться — знаешь о чемъ? Дамы мои давно чувствуютъ сильную потребность въ экипажѣ, и такъ какъ я уже прошлаго года купилъ сани, которыя стоитъ только починить, то теперь хочу завести лошадь и кучера — fac totum. Здѣсь на этотъ счетъ люди еще не прихотливы, и потому можно все это сдѣлать безъ большихъ издержекъ. На будущей недѣлѣ здѣсь ярмарка, и Кольбарсъ обѣщалъ похлопотать о лошади.

Листка изъ скандинавскаго міра можно лучше не печатать до январьской книжки, потому что въ ней всѣ будутъ искать чего-нибудь новаго, а это и будетъ новое, если прежде не будетъ ужъ помѣщено.

101.

(Плетневъ — Гроту) *Спб., среда, 23 сент. 1842.*

Отвѣтъ на письмо отъ 14 сентября. Тургенева нельзя понуждать. Онъ капризенъ. Ты напрасно думаешь, что я не вспомню Фриберга безъ слова *Кюро.* Хорошо, еслибы удалось тебѣ запастись одноколкою на лѣтнія поѣздки. Твой Готлундъ просто нестерпимый гость, и на него нельзя не разсердиться, даже памятуя, что онъ честный финнъ. За что же баронша собственно бранитъ Растопчину? Какъ Лундаль принялъ мое приношеніе всего Современника? А тебѣ доставили ли XIX томъ? Ты не умѣешь писать журнала и говоришь, что онъ весь состоитъ у тебя изъ словъ: *гулялъ, работалъ.* Да развѣ все прочее, чѣмъ ты наполняешь свои ко мнѣ письма, не есть журналъ? Я ничего не умѣю представить касательно себя и другихъ, что̀ не вошло бы въ мой журналъ. И такъ, писать его для друга потому нужнѣе всего, что этимъ способомъ дастся надлежащее мѣсто и выраженіе всякой нашей мысли и всякому обстоятельству жизни. Дѣло только въ томъ: умѣй не пропустить ни связи, ни порядка случаевъ. Разница между журналомъ и письмомъ, которое посвящено все одному какому-нибудь предмету, точно та же, какая между исторіею и диссертаціею. Обѣ могутъ утвердить въ душѣ одну и ту же истину, только первая вселяетъ ее въ насъ живую, а вторая мертвую. Я думаю, что цензура не запретитъ исторіи объ Альмквистѣ. Боюсь только, что твое прибавленіе не подоспѣетъ ко времени; ибо я, по милости Тургенева, отсылаю въ типографію всякій листокъ, лишь только откуда-нибудь получаю его. Такъ и съ Листкомъ скандинавскимъ. Заглавій не нужно для статеекъ. Римскія цифры замѣняютъ его — и по нимъ всегда можно указать на статью въ случаѣ надобности. Теперь всѣхъ статей набрано семь. То, что пришлешь, пойдетъ въ № 1 1843. Не нахожу словъ, чтобы выразить тебѣ удивленіе и благодарность по случаю такихъ трудовъ съ твоей стороны для Современника и Звѣздочки. Просто, ты кажется и прогуливаясь все пишешь.

Журналъ. Суббота (19 сентября). Противъ обыкновеннаго не былъ въ это утро въ академіи. Нужно было остаться для лекціи Касторскаго [1]), котораго студенты сговорились было не слушать, для выраженія любви своей къ прежнему профессору по исторіи, т. е. къ М. Куторгѣ, перепросившемуся изъ юридическаго факультета въ философическій.

Воскресенье (20 сентября). Наконецъ, изъ цензурнаго комитета принесли посланные тобою оригиналы для Звѣздочки и Современника. Тотчасъ же отправилъ къ Александрѣ Осиповнѣ принадлежащее ей.

[1]) Михаила Ивановича, профессора спб. университета, ум. 1866 г.

Она пишетъ въ отвѣтъ, что ты для того только и существуешь, чтобы ее спасать отъ бѣдъ; ибо ей нечего было печатать. Вельбрехтъ прислалъ мнѣ три отрывка изъ новаго перевода своего „Исторіи папъ“ Ранке. Кажется, онъ дѣльный малый, этотъ кандидатъ правъ. Гаевскій (вице-директоръ департамента Народн. Просвѣщ.) [1]) увѣдомилъ, что въ 6 ч. веч. въ понедѣльникъ будетъ у Шихматова собраніе комитета (въ которомъ я на бѣду членъ) для разсмотрѣнія Положенія о возведеніи въ ученыя степени. Я ему отвѣчалъ, что, въ этотъ же день и часъ назначивъ собраніе совѣта, не могу туда явиться.

Мнѣ хотѣлось доставить Гуго [2]) удовольствіе видѣть Marie Паткуль. Я велѣлъ заложить экипажъ. Къ сожалѣнію, подали его въ 3 часа, время, въ которое у Александры Осиповны обѣдаютъ и гдѣ Гуго долженъ былъ обѣдать, такъ какъ я отозванъ былъ сегодня къ Устрялову, праздновавшему возведеніе свое въ академики. Обѣдъ у Устрялова былъ самый роскошный. Я однако же умѣлъ предохранить себя отъ слѣдствій гастрономіи. Возвращаясь вечеромъ домой, я шелъ мимо того дома (въ Большой Морской, на углу Почтамтскаго переулка, домъ Обрѣсковой), который нанялъ Шалашниковъ, и по освѣщенію дома и съѣзду каретъ убѣдился, что Гедвига была сегодня только что обвѣнчана. Дай Богъ ей здоровья и счастія!

Понедѣльникъ (21 сентября). Читали мы твое письмо къ Александрѣ Осиповнѣ, а я свое получилъ только вечеромъ. Послѣ нихъ я ѣздилъ къ Принцессѣ для совѣщаній объ устройствѣ ея школы. Вечеромъ былъ я въ совѣтѣ, послѣ котораго чай пили у меня: Савичъ, Воскресенскій и молодой Миддендорфъ (сынъ директора) [3]), отправляющійся въ экспедицію въ самые сѣверные края Сибири на 3½ года для изслѣдованій по части натуральной исторіи, и въ особенности ботаники.

Вторникъ (22 сентября). Погода была ужасная; но я все-таки отправился въ Царское Село. Великая Княжна Ольга Николаевна едва вѣрила глазамъ, что я прибылъ въ такое время. Мы отправились въ кабинетъ ея Маменьки, которую нашли разсматривающею продажныя для женскаго туалета вещи. Ея Величество мнѣ сказала, не хочу ли я чего купить? Я отвѣчалъ, что уже не для кого теперь. Мы начали Руслана и Людмилу, что̀ понадобилось по предстоящей оперѣ Глинки сего самаго сюжета. Очень нравится. Начали входить, начиная съ вашего Канцлера, всѣ сыновья одинъ за другимъ и тѣмъ прерывали наше чтеніе, такъ что Великая Княжна Ольга Николаевна въ нетерпѣніи воскликнула при послѣднемъ: „Что это, maman, сколько у васъ

[1]) Павелъ Ивановичъ, ум. 1875 г.

[2]) Молодому Гартману.

[3]) Александръ Өедоровичъ, позже извѣстный академикъ-натуралистъ († 1894 г.), сынъ Өедора Ивановича Миддендорфа, директора главнаго педагогическаго института († 1856 г.).

сыновей!“ Они всѣ меня слушали съ видимымъ любопытствомъ. Наслѣдникъ мнѣ сказалъ, что приготовилъ для меня подарокъ и все забываетъ отдать. Я поблагодарилъ его — и забылъ къ нему зайти, уѣхавъ прямо въ городъ. Вечеромъ я былъ въ томъ комитетѣ, который перенесли со вчерашняго дня на сегодняшній. Шихматовъ упрашиваетъ меня написать годичный отчетъ о дѣйствіяхъ II отдѣленія академіи наукъ, по тому поводу, что я (по его выраженію) — большой мастеръ писать отчеты.

Среда (23 сентября). Кончивъ письмо къ тебѣ, пошелъ на лекціи. Возвратясь, нашелъ у себя уже дамъ. Время было прегадкое: шелъ хлопьями снѣгъ. Я рѣшился воспользоваться этою мерзостію погоды и пѣшкомъ отправился къ Густаву Армфельту, боясь, что онъ уѣдетъ, не дождавшись моего обратнаго визита. Я его засталъ. Онъ мнѣ объявилъ, что Луиза и Матильда еще не пріѣхали — и свадьба отпразднована безъ нихъ. Я довольно долго проболталъ съ нимъ и — возвратился домой пѣшкомъ же. Во время самаго обѣда нашего подали Александрѣ Осиповнѣ два письма: одно отъ брата твоего съ благодарностію за книги ея; другое отъ тебя, гдѣ и я нашелъ письмецо къ себѣ. Это все оживило насъ. Вечеръ мы провели совершенно одни. Читали Гоголя Старосвѣтскихъ Помѣщиковъ и Бульбу. Боже мой, какъ все это хорошо! Дамы всѣ плакали. Я боялся за Олю, которой вредно всякое раздраженіе, душевное и физическое. Наконецъ, въ 11 часовъ онѣ уѣхали.

Четвергъ, 24 сентября.

Кончивъ въ 12 часовъ свою работу, пошелъ въ правленіе. Прочіе часы дня прошли безъ всякихъ перемѣнъ противъ росписанія. Только вечеромъ я засидѣлся до 1/2 8-го за библіографіею (которую нынѣшній разъ обработываю съ какимъ-то одушевленіемъ, можетъ быть отъ того, что это послѣдній разъ въ такомъ видѣ; въ будущемъ уже ежемѣсячно надо будетъ писать отчеты). Чай у Александры Осиповны. Мы прочитали изъ Гоголя „Записки сумасшедшаго“. Еще чудная прелесть!

Пятница, 25 сентября.

Писалъ къ графу Ѳедору Петровичу Толстому [1]) о присылкѣ билетовъ для входа на выставку академіи художествъ. Мнѣ жаль, что ты не увидишь ея. Прочее время, слава Богу, все прошло за библіографіею — и я очень много наработалъ, такъ что прогуливался съ особеннымъ удовольствіемъ, зашедши впрочемъ по надобности къ Мильзу (оптику) и Гауту (первому въ Европѣ часовому мастеру, рекомендованному мнѣ Савичемъ, который знаетъ его по работамъ для Пулковой). Вечеромъ Петерсонъ дочиталъ мнѣ свою повѣсть. Я выска-

[1]) Вице-президенту академіи художествъ, ум. 1873 г.

залъ чистосердечно, что досадую на его модный французскій тонъ и слогъ, на искусственность во всемъ и на отсутствіе истины и жизни. Это его опечалило. Но я обѣщалъ напечатать, сказавъ, что публика будетъ въ восхищеніи, и что я — выродокъ нашего времени, хотя и издатель Современника. На чай пошли къ Александрѣ Осиповнѣ. Она и Оля сегодня привили себѣ въ Воспитательномъ домѣ оспу, чтобы безопаснѣе туда ѣздить, гдѣ она обнаружилась. Девять дней онѣ проведутъ дома. Опасности никакой. Прощай.

102.

(Гротъ — Плетневу) ***Гфорсъ, четв., 24 сент. 1842.***

О чьемъ историческомъ трудѣ говорится въ Сынѣ Отечества № 5, въ статьѣ: *Взглядъ на русскую литературу*, стр. 68, въ началѣ (начиная отъ словъ *пожалѣвъ объ этомъ*)?

Что сказать тебѣ о сегодняшнемъ днѣ? Кончивъ прогулку послѣ лекціи, въ 12 часовъ, я продолжалъ заниматься исторіею до обѣда, потому что замѣчаю, что долекціоннаго времени на этотъ предметъ слишкомъ мало. Послѣ обѣда былъ на заведеніи водъ. Читалъ De Gérando, поправлялъ „Семейство“, писалъ Листокъ, былъ въ гостяхъ у Гельстрема, который подчивалъ меня яблоками, гулялъ при прекрасной ночи и смотрѣлъ въ освѣщенныя окна; у одного я видѣлъ прелестную картину. Возлѣ болтливой, морщинистой старухи какая-то молодая дама въ самомъ миломъ негliже съ распущенною косою чесалась у зеркала. Это было у самаго окна. Живописецъ могъ бы прямо положить эту сцену на полотно. Читалъ Сынъ Отечества.

Пятница. Сегодня началъ я на русской лекціи новое. Взялъ Полтаву Пушкина, написалъ по-шведски историческое вступленіе и сталъ читать изъ нея отрывки съ историческими и филологическими объясненіями. Впредь же буду читать ее и другія сочиненія по хрестоматіи Пенинскаго, потому что въ библіотекѣ много экземпляровъ и студентамъ можно будетъ по книгѣ слѣдовать за мною, о чемъ я и сказалъ имъ. Можетъ быть, я что-нибудь подобное и напечатаю по-шведски и съ русскимъ текстомъ. Это, я думаю, найдетъ наибольшее число охотниковъ для русскаго чтенія. Въ какомъ № у тебя въ Современникѣ біографическая статья о Пушкинѣ? 1-мъ № 1838 года я уже воспользовался.

Растопчину бранятъ за суетность, кокетство и неумолимую строгость къ другимъ. Лундаля я еще не видѣлъ. Не журналъ мой, а жизнь состоитъ изъ словъ: *работалъ, гулялъ*. Прибавленіе къ Альмквисту я не забылъ, но нарочно отложилъ.

Ты удивляешься, что я болѣе прежняго пишу для Современника и Звѣздочки. Но это для меня составляетъ истинное наслажденіе; вы

своею милою внимательностью исполнили меня искреннѣйшею благодарностью, и ее, а не гордое желаніе отплатить удовлетворяю я, работая для васъ. Прежде я не могъ находить на то времени; теперь нахожу и считаю себя истинно счастливымъ, что трудами своими могу быть полезенъ тѣмъ, кого люблю. Работа для одного себя — какое жалкое препровожденіе времени! Я уже не понимаю въ немъ удовольствія.

Итакъ, ты уже печатаешь Листокъ. Еслибъ я это зналъ, то прислалъ бы тебѣ гораздо болѣе. Зачѣмъ ты не увѣдомилъ меня? О, еслибъ занятія по обязанности не требовали столько времени, я бы втрое болѣе доставлялъ тебѣ. Впрочемъ, я успѣваю дѣлать болѣе прежняго отъ того, что завелъ гораздо болѣе порядка въ своихъ занятіяхъ. Они распредѣлены по временамъ дня, такъ что самый часъ напоминаетъ мнѣ всякій день, что дѣлать. Эта опредѣлительность чрезвычайно благотворна для дѣятельности, при томъ письма пишутся понемногу, незамѣтно; перья чинятся гуртомъ въ особое время, вещи кладутся на извѣстныя мѣста, и такимъ образомъ много минутъ сберегается. Касторскому уже при мнѣ готовилась гроза. Чѣмъ-то кончилось? Что за подарокъ разумѣетъ Наслѣдникъ — посмотримъ. Правда, что ты на отчеты мастеръ.

Продолжаешь ли ты утреннее купаніе? Я продолжаю. Славно!

Суббота. Вчера, написавъ это, я еще гулялъ. Сегодня утромъ работалъ надъ новымъ придуманнымъ мною изображеніемъ періода удѣльныхъ споровъ. Это родъ карты, гдѣ краски играютъ важнѣйшую роль, но карта совсѣмъ особенная. Прогулка. Консисторія. Въ консисторіи возникъ вопросъ: имѣетъ ли она право назначать, какъ книги въ библіотекѣ и другіе предметы въ разныхъ музеяхъ должны быть разставляемы, или это дѣло завѣдывающаго ими? Скажи, какъ у васъ?

На будущей недѣлѣ пришлю двѣ тетради „Семейства“, или не подождать ли, пока накопится болѣе?

103.

(Плетневъ — Гроту) ***Спб., субб., 26 сент. 1842.***

Прибавленіе къ прежнему письму. Императрица, въ то время, какъ приходилъ къ ней князь П. М. Волконскій [1]), сказала: „Надобно приготовить что-нибудь въ подарокъ m-me Паткуль: я буду у нея крестить“. Наслѣдникъ мнѣ сказалъ въ тотъ же вторникъ, находясь у Императрицы: „Я все забываю вамъ отдать подарокъ, который я для васъ приготовилъ“. Я поблагодарилъ, но и позабылъ зайти къ нему, отправившись поспѣшно домой. Вѣрно это какая-нибудь шутка.

[1]) Министръ Императорскаго Двора.

Миддендорфъ не по ботаникѣ, а по зоологіи ѣдетъ въ Сибирь. Онъ былъ профессоромъ въ Кіевскомъ университетѣ. Теперь вышелъ въ отставку. Я нахожу его положеніе наилучшимъ въ свѣтѣ. Онъ образованный и даже ученый молодой человѣкъ. Отдается теперь наукѣ. О будущемъ не нужно ему заботиться. Отецъ его (директоръ главнаго педагогическаго института) оставитъ ему въ наслѣдство болѣе милліона фортуны.

Отвѣтъ на письмо отъ 18 сентября. Шевырева статьею о воспитаніи я былъ довольнѣе при ея началѣ, нежели послѣ. Онъ сухо, педантически собралъ факты, довольно еще подозрительные, не развилъ ихъ, какъ слѣдовало бы, и представилъ изъ своей диссертаціи нитку бусъ, а нужно бы изъ нея сдѣлать нѣчто органическое. Да и мысли вообще болѣе натянутыя, нежели искреннія. Я работаю, за исключеніемъ оффиціальныхъ, своихъ по семейству и отрывочныхъ по литературѣ занятій: въ воскресенье 4 часа, т. е. отъ 8 до 10; потомъ въ церковь, и послѣ отъ 12 до 2; вечеромъ съ дамами чтеніе не вношу въ серіозныя занятія; въ понедѣльникъ 9 часовъ, т. е. отъ 8 до 3 и отъ 5 до 7; во вторникъ, за отъѣздомъ въ Царское Село, только 2 часа, т. е. отъ 5 до 7; въ среду за лекціями только 4 часа, т. е. отъ 8 до 10 и отъ 5 до 7; въ четвергъ за правленіемъ и экзаменомъ гувернантокъ только 6 часовъ, т. е. отъ 8 до 12 и отъ 5 до 7; въ пятницу 9 ч., т. е. отъ 8 до 3 и отъ 5 до 7, а въ субботу за лекціями и академіею только два часа, т. е. отъ 8 до 10, вечеръ же провожу частію у П. Максимовича, частію у Александры Осиповны. Мнѣ иначе никакъ нельзя устроиться, принимая въ соображеніе службу и другія обязанности. Да и самыя серіозныя занятія мои, какъ ты помнишь, бываютъ внезапно прерываемы оффиціальными особами.

Объ изданіяхъ Языкова не премину озаботиться. Да у тебя и собственное есть пособіе (Смирдина каталогъ), изъ котораго на первый разъ выписываю, облегчая тебя: 1) переводъ изъ *Монтескьё* о существѣ законовъ, 4 части; 2) *Фрейербаха* философически-юридическое изслѣдованіе государственной измѣны и преступленія противъ Величества; 3) *Беккарія* о преступленіяхъ и наказаніяхъ; 4) краткое извѣстіе о русской торговлѣ, какъ она производилась въ 1674 г., соч. *Кильбурсера;* 5) Несторъ *Шлецера*, 3 ч.; 6) *Лерберга* изслѣдованія, изданныя Кругомъ, служащія къ объясненію древней Русской Исторіи; 7) Спутникъ въ Царство Польское и въ республику краковскую; 8) Сравненія, замѣчанія и мечтанія, писанныя въ 1804 году во время путешествія однимъ русскимъ; 9) Собраніе путешествій къ татарамъ и другимъ восточнымъ народамъ въ XIII, XIV и XV стол.: a) *Плано-Карпини* и b) *Асцелина* (важный трудъ, равный Нестору Шлецерову! а есть ли у тебя сей послѣдній?); 10) *Дюваля* драма: Влюбленный Шекспиръ и 11) *Записки Нащокина*, по поводу коихъ зашла рѣчь о Языковѣ. Я

замѣчаю, что ты не вполнѣ цѣнишь важность каталога Смирдина для профессора литературы. Между тѣмъ онъ для книгъ и Исторія словесности Греча (1-е изд.) для ученыхъ заведеній въ Россіи и вообще для лицъ, дѣйствовавшихъ на успѣхи нашей образованности, — почти единственныя вѣрныя и не тщетныя пособія. Ихъ ты со стола не спускай; а Смирдина учи наизустъ, какъ ты любилъ учить французскій словарь. Я такъ часто не могу оторваться отъ него: такъ жадность удовлетворяется. Это въ своемъ родѣ (для библіографовъ) Собраніе полное законовъ Россійской Имперіи. A propos: Не забылъ ли ты о семъ (*„Собраніи законовъ“*) внести записку въ консисторію?

Хорошо, что ты убѣдился въ необходимости посѣщать общество. А самъ я, къ досадѣ, облѣнился и почти мѣсяцъ нигдѣ не былъ въ свѣтѣ. Удобство сходить на чай къ Александрѣ Осиповнѣ меня избавляетъ отъ необходимости собраться куда-нибудь въ другое мѣсто, что̀ очень нужно для разнообразія впечатлѣній. Я совѣтую тебѣ забраться на чай къ m-me Теслевой. У нея миленькая дочь и много дѣтей: это твоя сфера. Старика же заставишь разсказывать о Дибичѣ; ты удивишься, какъ онъ развернется. Не покидай пожалуйста Д—ой и П—ой. Конечно, онѣ — для души нуль, но у нихъ бываетъ то, что образуетъ вѣнецъ общества. Моя похвала естественно относится къ Императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ, что̀ и еще повторяю: это удивительное, божественное существо. Но для постиженія всей высокости души ея, надобно съ нею быть наединѣ, не болѣе, какъ при дѣтяхъ, а при постороннихъ она отъ природной застѣнчивости теряется, и глазъ обманутый ею находитъ ее гордою и холодною. Къ Теттерману отправлены: Фритіофъ, Альманахъ по-русски и по-шведски.

Прошу тебя отвыкать отъ переправокъ и дополненій по отправленіи статей. Это нѣчто женское. Мужчина напередъ обдумываетъ, но разъ сдѣлавъ, остается при своемъ. Особенно эта привычка твоя можетъ вредить въ нашихъ обстоятельствахъ: я издаю срочныя книги, а поправки не могутъ притти ко мнѣ (послѣдній полагая срокъ) прежде недѣли со времени полученія самой статьи. Уже лучше изъ придуманнаго послѣ составлять новую статью, или его приклеивать къ другому сюжету, что очень легко.

104.

(Гротъ — Плетневу) *Гфорсъ, воскр., 27 сент. 1842.*

Вчера вечеромъ я провелъ часа полтора у Котена. Онъ живетъ бариномъ въ своемъ новомъ домѣ; я былъ у него въ кабинетѣ, потому что баронессы милой не было дома. Съ нимъ можно потолковать пріятно: онъ умный малый. Сегодня я проснулся послѣ 6-ти часовъ, за что досадовалъ на себя, но тѣмъ усерднѣе работалъ. До 11 часовъ занимался отчасти разрисовкою новоизобрѣтенной карты; потомъ прошелся

до морскихъ купаленъ и опять принялся за карту, которая до сихъ поръ кажется мнѣ очень удобною; но главное, исполненіе этой идеи и забавляетъ и еще болѣе поучаетъ меня, потому что всѣ сбивчивые перевороты удѣльнаго періода представляются самымъ нагляднымъ образомъ. Послѣ обѣда гулялъ въ ботаническомъ саду и былъ въ гостяхъ у Нервандера; вотъ умница, хоть и не добрякъ; спрашивалъ о васъ, зимой сбирается въ Петербургъ; скучаетъ иногда, страстно любитъ театръ. Возвратясь, поправлялъ я остатокъ перевода Валлена изъ Фрюкселя; когда онъ это перепишетъ, пришлю для Современника.

Понедѣльникъ. Полученъ Современникъ за 1838 и 1839 гг. для Лундаля. Въ „Замѣткахъ о Россіи" [1]) немножко достается Уварову за то, что онъ будто слишкомъ опасливъ, когда дѣло идетъ о напечатаніи чего-нибудь, что эта робость у него выходитъ изъ всякихъ предѣловъ; потомъ достается еще болѣе чиновникамъ библіотеки публичной и вообще чиновникамъ. О послѣднихъ на всякій случай выпишу: надѣюсь, въ моихъ словахъ поймутъ иронію.

Я съ тобой согласенъ насчетъ статьи Шевырева *о воспитаніи:* и я больше ожидалъ въ началѣ. При чтеніи твоего росписанія часовъ, я завидовалъ разнообразію твоего препровожденія времени; въ моемъ положеніи непріятно только вѣчное одно и то же, которое, впрочемъ, имѣетъ и свои выгоды.

Благодарю тебя за исчисленіе твореній Языкова; но жалѣю, что ты такъ трудился вмѣсто того, чтобы сослаться на каталогъ Смирдина, который есть у меня. Я мало еще имъ пользуюсь потому, что слишкомъ мало имѣю времени на чтеніе; объ этомъ только тогда можно будетъ подумать, когда всѣ мои лекціи будутъ на бумагѣ. „Шлецеръ" Языкова также есть у меня. Я понимаю, что ты нигдѣ не бываешь, когда и безъ того имѣешь всегда и развлеченіе поневолѣ и пріятное общество. Нельзя же опять совершенно разсыпаться на мелкія дробинки?

Отвыкать отъ дополненій и поправокъ по отправленіи статей — это что-то новое. Да развѣ могу я запретить своему уму находить, что то или это надобно улучшить? а если это стремленіе къ усовершенствованію законно, то какое дѣло — въ ящикѣ ли моемъ лежитъ моя рукопись или за 400 верстъ? Вѣдь пожалуй я могу ее и долѣе держать у себя; это можно, но не поправлять, когда того требуетъ разсудокъ, нельзя. Конечно, для лѣни гораздо удобнѣе не поправлять, но у насъ дѣло только въ томъ, чтобы было хорошо. И если это дѣйствительно *нѣчто женское* (хоть я не понимаю, почему), то я въ этомъ случаѣ охотно

[1]) „Замѣтки о Россіи, напечатанные *(шведомъ)* во время краткаго пребыванія въ Петербургѣ и поѣздки въ Москву", изд. въ Стокгольмѣ 1838 г. О нихъ въ „Листкахъ изъ скандинавскаго міра", Современникъ, т. XXVIII и XXIX (1842 — 3).

буду женщиною. Впрочемъ, отъ тебя будетъ зависѣть пользоваться моими поправками и дополненіями, какъ заблагоразсудится. (Я не воображалъ, что ты уже печатаешь мой Листокъ: иначе, вѣроятно, не сталъ бы во время печатанія посылать поправки). „Мужчина напередъ обдумываетъ, но разъ сдѣлавъ, остается при своемъ". Ну, ужъ позволь замѣтить, что это въ настоящемъ случаѣ пародоксъ: еслибъ это было справедливо, то Булгарины и Гречи были бы выше Шекспировъ и Шиллеровъ, которые, написавъ что-нибудь, часто передѣлывали написанное, и однакожъ были мужчины; но Булгаринъ и Гречъ также мужчины, только они обыкновенно не передѣлываютъ написаннаго, остаются при томъ, чтò разъ сдѣлали, — и потому они нули въ литературѣ. Сегодня я немного работалъ: чувствовалъ потребность въ отдыхѣ и, пользуясь хорошей погодой, много гулялъ. Вечеромъ былъ у Грипенберга и Кольбарса, у котораго сидѣлъ генералъ Рамсай. Онъ разсказывалъ, что въ передней у Карамзиныхъ какой-то мужъ подарилъ жену пощечиной. Кто этотъ богатырь?

Вторникъ. Сегодня у насъ ярмарка; между прочимъ, большой торгъ лошадьми, и ты можешь меня поздравить: я купилъ себѣ лошадь. При пріемѣ ея кучерà заставили меня исполнить слѣдующую церемонію: продавецъ захватилъ поводъ, положивъ на руку полу кафтана; а я взялъ его изъ рукъ чухны такимъ же образомъ, положивъ на руку полу шинели; потомъ обвелъ я лошадь три раза кругомъ себя, а передъ самымъ входомъ въ конюшню далъ ей ломоть хлѣба съ солью. Тутъ и продавецъ и кучерà пожелали мнѣ всякаго благополучія. Въ то самое время, какъ я возился на дворѣ, пришелъ къ намъ обѣдать Траверсе, а черезъ нѣсколько минутъ пошелъ снѣгъ, который только мнѣ и нуженъ для обновленія коня.

Среда. У театра узналъ, что сегодня комедь ломаетъ мимоѣздомъ Боско.

105.

(Плетневъ — Гроту) ***Спб., среда, 30 сент. 1842.***

Отвѣтъ на письмо отъ 18 сентября. Ты досадуешь, что убилъ вечеръ у Клинковстрема. Но еслибы ты остался дома и, уже изнуренный лишней работою, не надѣлалъ бы много, вѣдь могло же притти на мысль тебѣ, что какъ это глупо засиживаться надъ работою — и не пользоваться случаями къ развлеченію. Послѣднее не оттого нужно, что оно хорошо, а оттого, что безъ него и хорошаго нельзя сдѣлать. Это все равно, что занятіе для насъ необходимо не оттого, что оно всегда дѣльно и умно, а оттого, что оно держитъ нравственныя силы въ порядкѣ и даетъ имъ крылья летѣть, въ случаѣ надобности, на что-нибудь прекрасное. Наконецъ, прибавляешь ты, что у васъ нѣтъ общества, — да его и нигдѣ нѣтъ въ этомъ смыслѣ. Хоть я и очень люблю

Акіандера, а все-таки буду сожалѣть, если тебѣ не будетъ помощникомъ русскій. По крайней мѣрѣ, нельзя ли Акіандерово мѣсто передать кому-нибудь изъ русскихъ?

Недостатокъ моихъ писемъ не отъ меня зависитъ, а отъ природы, которая не дала мнѣ таланта художническаго. То, чего ты требуешь, и я самъ проповѣдую на лекціяхъ, только исполнить этого не могу. Моя голова всему готовитъ однѣ рамы. Это видно и на лекціяхъ, и въ критикахъ письменныхъ, и въ разсказахъ. Еслибы у меня былъ другой родъ таланта, вѣрно я бы уже успѣлъ въ жизнь свою написать хоть нѣсколько, какъ говорятъ, беллетристическихъ сочиненій; а я между тѣмъ кромѣ разборовъ ничего и не писывалъ. Итакъ, не будемъ итти противъ натуры. Останемся при томъ, къ чему предназначены. Вотъ Розѣ Карловнѣ и никто не замѣчалъ, что надобно схватывать въ сюжетахъ для прелести писемъ, а и сама не можетъ отбиться отъ картинности и живости. Это еще болѣе утверждаетъ меня во мнѣніи, что преподавать правила изящнаго и вкуса значитъ бить горохомъ въ стѣну. Призванные безсознательно выполнятъ свое назначеніе, а непризванные ничѣмъ не воспользуются изъ уроковъ. Ты упоминаешь о Маякѣ и Сынѣ Отечествѣ. У меня этихъ журналовъ нѣтъ. Я ихъ перелистываю только тогда, когда вмѣстѣ съ иностранными журналами иногда приносятъ ко мнѣ отъ М. Куторги, журнальнаго нашего распорядителя.

Отвѣтъ на письмо безъ числа (послѣднее). Славно дѣлаешь, что историческія пьесы Пушкина берешь въ помощь къ лекціямъ исторіи. Повѣрь, что тутъ скорѣе что-нибудь заложишь на вѣкъ въ душу слушателей. Такъ можешь взять сочиненія Полоцкаго для первыхъ лицъ изъ Романовой фамиліи, Курбскаго для Іоанна Грознаго, Ѳеофана для Петра I, Кантемира для Петра II, Ломоносова для Елизаветы, Державина для Екатерины II, Жуковскаго для Александра и т. п. Я очень понимаю, что ты съ большимъ удовольствіемъ работаешь для Современника и Звѣздочки; но не желаю, чтобы это обратилось для тебя въ должность. По твоимъ понятіямъ должность становится удовольствіемъ — и вотъ что для здоровья твоего опасно. Respice finem. Касторскаго гроза пронеслась мимо. Мое присутствіе примирило съ нимъ студентовъ. Онъ ужасно простъ, такъ что одинъ слушатель ему не обинуясь сказалъ: „Обѣщаете-то вы намъ много, да выполняете ли все?“ — и Касторскій это мнѣ самъ пересказалъ. Утреннее купанье я продолжаю. Касательно библіотекаря — у насъ ему совершенно на волю отдано заведеніе порядка. Да иначе и нельзя. Если онъ учредитъ порядокъ дурной, то совѣтъ или ректоръ могутъ предписать ему перемѣну. Въ случаѣ неспособности его, можно консисторіи и уволить его отъ должности. Но сдѣлать его рабомъ нельзя. То же и о другихъ музеяхъ разумѣется. „Семейство“ пересылай при всякой возможности.

Журналъ. Суббота (26 сентября). Приходилъ Бор. Ѳедоровъ [1]) и очень разжалобилъ меня какъ скудостію въ одѣяніи своемъ, такъ и разсказами про умершую прошлаго года старуху Юсупову [2]), которая ему помогала. Онъ принесъ стихи свои, гдѣ описалъ всю ея жизнь въ видѣ волшебной сказки, назвавъ княгиню *Віолеттой.* Журналисты его разругали и онъ ищетъ моей защиты. Что прикажешь дѣлать между глупымъ несчастіемъ и умною дерзостію?

Воскресенье (27 сентября). Писалъ и кончилъ библіографію. Отъ сенатора Огарева съ запросомъ: когда ему застать меня? Отправился самъ къ нему: это дряхлый старикъ, котораго жена и дочь въ дружбѣ съ Балабиными и на нихъ походятъ образованностію и любовію ко всему прекрасному. Отъ Огарева пошелъ прогуляться. Встрѣтился съ Краевскимъ. Какую-то жалость онъ мнѣ внушилъ. У него осталось трое дѣтей младенцевъ. За ними вызвалась смотрѣть жены его сестра, дѣвица. Онъ живетъ въ одномъ домѣ съ Панаевымъ, женатымъ тоже на сестрѣ его жены. Я взялъ Краевскаго къ себѣ обѣдать. Александра Осиповна почти не узнала его. Послѣ обѣда онъ скоро отправился по своему журналу хлопотать у цензоровъ. А мы, по окончаніи чтенія твоего ко мнѣ письма, принялись за статью М. Куторги о Людовикѣ XIV. Очень много интересу, но безконечныя отступленія.

Понедѣльникъ (28 сентября). Былъ я въ академіи художествъ. Лучшія картины, разумѣется: Брюлова, Моллера, Бруни, Басина и Айвазовскаго.

106.

(Гротъ — Плетневу) ***Гфорсъ, четв., 1 окт. 1842.***

Сегодня на лекціи употребилъ я (сколько можно было на черной доскѣ), свою новую карту, потому что извѣстный тебѣ Лиліусъ (учитель Гартмана дѣтей), одинъ изъ моихъ слушателей, говорилъ мнѣ, что имъ безъ книги трудно слѣдовать за мною при чтеніи о княжескихъ междоусобіяхъ, даже въ первомъ періодѣ. Потому я весь періодъ изобразилъ картою. Послѣ лекціи зашелъ я къ Боско въ соціететъ, и какъ непріятно былъ пораженъ, увидѣвъ бѣднаго на постели, подъ шубою, въ сильной горячкѣ. Причиной этого визита было то, что онъ, пріѣхавъ сюда лѣтомъ изъ Петербурга, привезъ сестрѣ моей рекомендательное письмо изъ дома Шредера (придворнаго маклера), но тогда я, за недосугомъ, съ нимъ не познакомился. Во время вчерашняго представленія онъ слишкомъ разгорячился и ночью вдругъ почувствовалъ ужасный ознобъ. Къ счастью съ нимъ жена, которая, кажется, очень

[1]) Борисъ Михайловичъ (извѣстный подъ кличкою „Борька“), бездарный литераторъ, ум. 1875 г.

[2]) Кн. Татьяну Васильевну, рожд. Энгельгардтъ, ум. 1841 г.

любитъ его. Я совѣтовалъ призвать доктора: онъ отказывался, но жена, наконецъ, приняла мое предложеніе прислать врача: я двухъ не засталъ дома, но у одного изъ нихъ (профессора Тернрота, Шеманъ въ отсутствіи) попросилъ жену дать ему знать о больномъ. Боско мнѣ очень понравился: его съ перваго свиданія непремѣнно полюбишь. Какъ мнѣ было жаль, что онъ такъ занемогъ!

Послѣ обѣда я опять былъ у Боско и узналъ, что докторъ явился къ нему не прежде 2-хъ часовъ. При мнѣ ему было не лучше прежняго; онъ очень страдалъ. Гуляя, встрѣтилъ я Соловьева: онъ уже живетъ въ трактирѣ и почти всѣ свои вещи продалъ; предлагалъ мнѣ кое-какія изъ остальныхъ, но я отказался отъ покупки ихъ. Хочетъ просто выйти въ отставку, съ пенсіею.

Пятница. Послѣ лекціи былъ я у Боско — ему гораздо лучше; тамъ же былъ и нашъ лекторъ гимнастики, Отто, землякъ Боско: оба родомъ изъ Турина. Оттуда къ профессору Ильмони, который сообщилъ мнѣ кое-какіе матеріалы для моего *Листка.*

Правда то, что ты говоришь о необходимости ходить въ общество; но мнѣ всего болѣе нравятся тѣ дни, когда я, вдоволь находившись послѣ обѣда для прогулки или по дѣламъ, могу просидѣть дома за работой. Тогда усталости отъ излишества не чувствуешь и работаешь усердно, не заботясь объ обществѣ. Меня спрашивали нѣкоторые профессоры, не уничтожится ли мѣсто Соловьева; признаться, я боюсь, что тогда бы очень увеличилась моя отвѣтственность.

Сегодня я послалъ тебѣ двѣ тетради и два листка изъ „Семейства“; зато ничего не посылаю изъ Скандинавскаго міра. Кажется, по субботамъ и впредь нельзя будетъ посылать, иначе „Семейство“ будетъ итти слишкомъ тихо. Очень нравится мнѣ сказанное Касторскому. Видно, острый студентъ.

107.

(Плетневъ — Гроту) *Спб., субб., 3 окт. 1842.*

Журналъ. Среда (31 сентября). Пріѣзжалъ навѣщать меня Ѳ. Ѳ. Корфъ, которому Модестъ Андреевичъ сообщилъ извѣстіе о моей болѣзни. Пріѣхала Оля съ Фуксъ, и пошли заниматься въ свои комнаты. Ко мнѣ между тѣмъ приносили дѣла университетскія. По приходѣ Александры Осиповны мы сидѣли до обѣда всѣ вмѣстѣ. Послѣ обѣда, какъ уже по краткости дня скоро зажигаютъ лампы, мы принялись за чтеніе Дежерандо. Оно занимало всѣхъ и подавало поводъ къ разговору самому дѣльному. Но, чтобы Оля не утомилась, я, послѣ двухъ главъ Дежерандо, предложилъ читать Гоголя извѣстную ссору И. И. съ И. Н. Между тѣмъ и посторонніе начали собираться. Прибыла Максимовичева съ мужемъ (Павломъ) и Савичевой. При нихъ мы еще читали-таки Дежерандо. Послѣ прибылъ уже извѣстный тебѣ кандидатъ правъ

Вельбрехтъ. Онъ мнѣ разсказывалъ, что готовитъ къ печати много другихъ книгъ, напримѣръ, „Русское гражданское право" и (въ родѣ Дежерандо) „О пріятныхъ и непріятныхъ впечатлѣніяхъ, ожидающихъ въ свѣтѣ молодого человѣка". Это мнѣ понравилось, и я просилъ его по временамъ показывать мнѣ его опыты.

Пятница (2 октября). Утромъ я читалъ Revue des deux mondes. Явился Никитенко съ женою и какой-то дѣвицей и всѣ изъ академіи художествъ. Поболтали пустячки. За ними пришелъ М. К—а. Разсказывалъ о статьяхъ, какія у него готовы. Онъ полонъ своего сюжета, но мелоченъ и не понимаетъ важности говорить достойно съ публикою. На вечеръ опять пришли дамы, и мы читали еще Revue des deux mondes. Тамъ есть статья *Malaga.* Говорится о поэзіи испанской націи.

108.

(Гротъ — Плетневу) *Гфорсъ, субб., 3 окт. 1842.*

Теперь твой Современникъ весь стоитъ у меня на полкахъ въ новомъ приличнѣйшемъ ему видѣ, т. е. въ порядочномъ переплетѣ. Первою статьей, которую я послѣ этого преобразованія прочелъ въ немъ (сейчасъ), былъ разборъ твой „Исторіи" Александры Осиповны. Я съ большимъ наслажденіемъ перечиталъ его. Онъ въ томъ же №, гдѣ мой „Мазепа" [1]). Какъ это напоминаетъ мое первое свиданіе съ Александрой Осиповной въ твоемъ домѣ: и здѣсь наши труды встрѣтились въ твоемъ какъ будто домѣ. Въ слѣдующей книжкѣ нашелъ я біографію А. С. Пушкина.

Воскресенье. Вчера утромъ, въ 8 часовъ, пришли ко мнѣ экзаменоваться два студента; знали исторію порядочно; къ нимъ я еще былъ снисходителенъ, но впредь послѣ курса нынѣшнихъ лекцій буду гораздо строже, о чемъ объявилъ имъ.

Понедѣльникъ. Вчера поутру послѣ исторіи гулялъ я на заведеніи водъ. Сегодня послѣ обѣда случилось со мной происшествіе, которое могло сдѣлаться гибельнымъ. Въ 3 часа пошелъ я въ винный магазинъ, гдѣ мнѣ обѣщали продать бочку изъ-подъ бѣлаго вина, для воды. Приказчикъ вмѣстѣ со мной пошелъ на Скатуденъ, гдѣ въ особомъ домишкѣ лежатъ ихъ старыя бочки. Дорогой толкнулъ его пьяный солдатъ морского экипажа. Приказчикъ самъ задалъ ему толчка; солдатъ побѣжалъ за нимъ и видя, что тотъ далъ тягу, взялъ въ руки огромный булыжникъ. Я между тѣмъ шелъ преспокойно. Вообрази же мое удивленіе, когда я увидѣлъ, что онъ съ своимъ камнемъ хочетъ броситься на меня. Въ ту же минуту онъ свалилъ меня съ ногъ, сшибъ съ меня шляпу и ударилъ меня по головѣ; но камнемъ ли или кула-

[1]) Переводъ поэмы Байрона.

комъ — не знаю. Кромѣ маленькой шишки, которая уже прошла, никакого знака не осталось. И я, и приказчикъ тотчасъ велѣли бывшимъ вблизи товарищамъ пьянаго схватить его; но они не могли съ нимъ справиться. Между тѣмъ онъ опять поднялъ кирпичъ и грозился на насъ. Другіе сказали намъ его имя (Викъ, маляръ, 4-й роты). Моя шинель была запачкана грязью и нѣсколькими каплями крови, но не моей, а другого солдата, у котораго пьяный ранилъ лобъ камнемъ (не тѣмъ ли, котораго я миновалъ?). Шинель мою почистила щеткой какая-то дѣвочка изъ ближняго дома (постороннихъ свидѣтелей, кромѣ солдатъ, не было), и мы съ приказчикомъ опять спокойно пошли смотрѣть бочки, изъ которыхъ я одну и купилъ за 4 руб. Чтобы другимъ солдатамъ данъ былъ полезный примѣръ, я тотчасъ отправился къ ихъ начальнику Траверсе и разсказалъ ему случившееся для надлежащей расправы. Возвратясь, кончилъ я чтеніе „Замѣтокъ о Россіи", читалъ De Gérando и между тѣмъ получилъ письма отъ тебя и отъ брата.

Вторникъ. Сегодня мое приготовленіе къ лекціи безпрестанно прерываемо было разными домашними препятствіями. Погода весь день сѣро-дождливая, однакожъ я ходилъ по обыкновенію. Возвратясь въ 12 часовъ, еще занимался исторіею и „Семействомъ". Послѣ обѣда убиралъ свои книги; за обѣдомъ получилъ Звѣздочку и благодарю за присылку. Гулялъ. Читалъ De Gérando, дѣлалъ выписки изъ „Замѣтокъ о Россіи" и кончилъ ихъ. Легъ въ постель, но вдругъ вспомнилъ, что, противъ намѣренія своего, не писалъ тебѣ сегодня; опять всталъ и написалъ эту страничку.

Среда. Занимался исторіей для завтрашней лекціи. Пошелъ къ Урсину и бесѣдовалъ съ нимъ съ полчаса. На ярмаркѣ одинъ студентъ, безъ всякаго повода, задалъ оплеуху солдату (съ пьяна) и за то на этотъ семестръ отосланъ домой.

109.

(Плетневъ — Гроту) ***Спб., среда, 7 окт. 1842.***

Отвѣтъ на письмо отъ 27 сентября. Когда пріѣдешь сюда, то растолкуешь мнѣ свою карту удѣловъ. Очень любопытно. Между тѣмъ радъ, что и тебѣ и студентамъ это приноситъ видимую пользу. Нервандеръ хоть и умница, да ненадежный другъ, при томъ же кто страстно любитъ театръ, у того голова пуста. Пожалуйста, присылай поскорѣе изъ Фрюкселя все, что можно отослать,— не задерживай: при обиліи матеріаловъ мнѣ легче поспѣвать съ книжками къ сроку. Какъ ты ни защищайся, а все присылать къ статьямъ поправки и дополненія, по-моему, только дурная привычка. Не говорю абсолютно, а можно это дѣло вогнать въ достойнѣйшія границы. Благодарю тебя, милый, за Листки. Это просто объяденье. Но со страхомъ думаю, что для нихъ ты принуждаешь себя такъ много всякій день просиживать.

Ужъ по крайней мѣрѣ сократи свои письма къ намъ. Вѣдь мы и потерпѣть можемъ. Если я не позволяю себѣ пропускать ни одной почты, это дѣлаю для того, что ты живешь на чужой сторонѣ, гдѣ иногда нужно чѣмъ-нибудь оживиться.

Отвѣтъ на письмо отъ 7 октября. Добрый Яковъ Карловичъ! Ты на все находишь время. Боско долженъ быть очень признателенъ тебѣ за участіе въ его болѣзни. Ужели Соловьевъ надѣется проживать въ Петербургѣ своею пенсіею? Нѣтъ, это однѣ штуки. Спасибо Ильмони за новости для Листка. Хорошо, если и еще кто изъ дѣльныхъ людей будетъ тебѣ указывать на интереснѣйшіе матеріалы. Все-таки я буду сожалѣть, если мнѣ не удастся совокупить тебя по каѳедрѣ русской словесности въ вашемъ университетѣ съ Леоновымъ [1]), о которомъ я мечталъ съ тобой. Онъ человѣкъ во всѣхъ отношеніяхъ прекрасный — и даже его можно бы выучить работать и для Листковъ. По-шведски онъ выучился бы въ полгода. Знаетъ, кромѣ нѣмецкаго и французскаго, англійскій и итальянскій языки — все самоучкою. Чего же по субботамъ и впредь нельзя будетъ присылать? Ужели это говоришь о Листкахъ? Да Боже мой! Кто же на тебя налагалъ такую непремѣнную обязанность? Вѣрно это ты самъ смудрилъ съ собою. Нѣтъ, милый: довольно, если и въ недѣлю, или даже въ двѣ ты что-нибудь пришлешь для Листка. Вѣдь это не капитальная статья. А вотъ лучше назначай Валлену, да Лундалю переводить со шведскаго статьи покапитальнѣе, напримѣръ: отрывки (въ прозѣ) изъ интереснѣйшихъ поэтовъ, историковъ, моралистовъ, критиковъ и проч. и проч. Мнѣ сдается, что Современникъ со временемъ весь превратится чисто въ сѣверный журналъ и плюнетъ на гнилую западную Европу.

Журналъ. Суббота (3 октября). Оля съ Александрой Осиповной отъ Дюрона (учителя гимнастики) ѣздила къ Принцессѣ Ольденбургской, гдѣ подарила маленькому Принцу гельсингфорскій подарочекъ — и онъ покраснѣлъ отъ радости и застѣнчивости. Послѣ онѣ были у меня. Я еще не выхожу на лекціи. Послѣ нихъ просидѣлъ я весь день одинъ-одинехонекъ: работалъ для совѣта, Современника и написалъ нѣсколько отвѣтовъ на старыя письма.

Воскресенье (4 октября). Былъ у меня Введенскій [2]), вышедшій въ учителя изъ студентовъ. Малый съ познаніями, изъ семинаристовъ; но попиваетъ, и потому нанялся работать для Сенковскаго. Я ему читалъ длинную мораль о жизни и ея значеніи. Пріѣхали дамы. Читали письмо твое. Это нашъ общій праздникъ. Послѣ обѣда все время оставались одни безъ гостей. Читали изъ серіознаго: переводъ Ранке Вель-

[1]) По всей вѣроятности, Алексѣй Леоновъ, поэтъ (Стихотворенія 1834—38, Харьковъ).

[2]) Иринархъ Иван., кандидатъ Спб. университета выпуска 1842 г., писатель и переводчикъ, ум. 1855 г.

*

брехтомъ, а послѣ Гоголя „Ив. Ив. съ Ив. Никифор.". Что за прелесть уморительная! У васъ въ библіотекѣ есть ли Ранке? Это стоитъ выписать. Да не дурно бы и русскій переводъ тебѣ выписать же для поощренія честнаго труда. Въ нынѣшнемъ Современникѣ ты увидишь, что̀ я о немъ сказалъ и о Жуковскомъ. Вообще я очень люблю приписки дѣлать къ чужимъ статьямъ — и, кажется, не не мастеръ!

Понедѣльникъ (5 октября). Послѣ совѣта (гдѣ крупно изъяснился съ Устряловымъ за его эгоизмъ) чай пилъ у Александры Осиповны.

Вторникъ (6 октября). Былъ въ Царскомъ Селѣ и читалъ у Императрицы „Руслана и Людмилу".

110.

(Гротъ — Плетневу) *Гфорсъ, четв., 8 окт. 1842.*

Готовился къ лекціи съ особеннымъ наслажденіемъ. Я давно ужъ вожусь надъ удѣльною системою и, наконецъ, распутавъ этотъ запутанный клубокъ, нахожу удовольствіе въ подробнѣйшемъ изученіи его и въ придумываніи средствъ къ его толковому изложенію. Мнѣ кажется, что до сихъ поръ еще никто изъ нашихъ историковъ не вникнулъ какъ слѣдуетъ въ сущность дѣла и не умѣлъ дать исторіи этого времени приличную форму. Сегодня я дошелъ до Андрея Боголюбскаго. Прогулялся до дому, возвратился въ университетъ и читалъ проэктъ о стипендіяхъ, который въ субботу будетъ докладываться въ консисторіи, — чтобы напередъ познакомиться съ дѣломъ. Опять занимался исторіей. Послѣ обѣда ходилъ въ библіотеку. Я было объявилъ студентамъ, чтобы взяли оттуда хрестоматію Пенинскаго, но вышло, что тамъ только 1-е изданіе (въ большомъ числѣ экземпляровъ), а у меня 2-е, очень дополненное. Такъ что студенты въ прошлый разъ не могли за мною слѣдовать. Не знаю, не выписать ли побольше экземпляровъ 2-го изданія, или можно довольствоваться и 1-мъ? Читалъ газеты и сдѣлалъ кое-какія выписки для *Листка.* Былъ у Эттера, надняхъ воротившагося. Почти все время бранили петербургскихъ пріѣзжихъ, которые портятъ Гельсингфорсъ. Какъ уморительно Эттеръ говоритъ по-французски; вотъ тутъ-то у него живая мимика! Я жалѣлъ, что тебя не было со мною; но тогда бы я расхохотался.

Пятница. Что ты скажешь объ идеѣ, которая пришла мнѣ въ голову, когда я сегодня готовился къ лекціи: издать для финляндскихъ студентовъ особую хрестоматію, которая заключала бы въ себѣ, въ историческомъ порядкѣ, извлеченіе изъ всѣхъ примѣчательнѣйшихъ русскихъ писателей, начиная отъ Нестора до Гоголя? Разумѣется, что такая книга для иностранцевъ должна быть составлена по совершенно другимъ соображеніямъ, нежели для русскихъ, и вотъ почему я хрестоматіею Пенинскаго недоволенъ. Свою я могу снабдить краткими замѣчаніями и для языка и по исторіи литературы. На напечатаніе

этой книги въ частяхъ двухъ или трехъ можно бы испросить особую сумму у Канцлера. Польза, кажется, была бы значительная. Потому что и теперь, при объявленіи моемъ о хрестоматіи Пенинскаго, студенты забѣгали за нею въ библіотеку, стало быть охота въ нихъ есть.

Сегодня я читалъ изъ Пенинскаго *Фелицу* съ извѣстіями о Державинѣ и комментаріями. Въ предполагаемой мною книгѣ все будетъ по-русски. Планъ вотъ какой (напримѣръ):

Державинъ. Нѣсколько замѣчаній о немъ біографическихъ и критическихъ. Потомъ нѣсколько цѣлыхъ или сокращенныхъ стихотвореній *по всѣмъ родамъ*, можетъ быть съ филологическими объясненіями, но по-русски же.

Экзаменующіеся на степень кандидата не обязаны знать по-русски; но зато и не могутъ, безъ этого знанія, получить высшаго одобренія: *laudatur*. Это же одобреніе можно будетъ давать тѣмъ, которые, хотя и не въ состояніи говорить и отвѣчать по-русски, могутъ однако же понимать читаемое, и при экзаменѣ будутъ хоть по-шведски знать содержаніе предполагаемой хрестоматіи и умѣть переводить любое мѣсто изъ нея на шведскій языкъ. Со временемъ можно будетъ требовать, чтобы для *laudatur* могли и отвѣчать по-русски, но это время еще очень далеко; а мой проэктъ можетъ служить къ поощренію. Для незнающихъ вовсе русскаго языка можно изъ этой книги сдѣлать извлеченіе, пропустивъ самыя сочиненія и оставивъ только замѣчанія, чтобы всякій студентъ имѣлъ хоть какое-нибудь понятіе о русской литературѣ. Напиши мнѣ свое мнѣніе объ этомъ.

Странно, что Шевыревъ, говоря въ Москвитянинѣ о Милькѣевѣ, ни слова не упомянулъ о Современникѣ, откуда у него все взято.

Отвѣтъ. Карта удѣловъ составляетъ только частичку большого собранія разныхъ пособій, приготовляемыхъ мною къ изученію русской исторіи. Вѣроятно, я никогда не издамъ исторіи въ видѣ повѣствованія; но у меня уже составлено множество всякихъ таблицъ, родословныхъ и т. п., которыя помогаютъ видѣть событія съ разныхъ точекъ зрѣнія, соображать, сравнивать и такимъ образомъ, кажется, облегчаютъ ученіе исторіи. Все это основано на другихъ идеяхъ, нежели бывшія до сихъ поръ таблицы, родословныя и пр. Изъ Фрюкселя покуда у меня въ рукахъ ничего еще нѣтъ; Валленъ обѣщалъ переписать свои листки, но когда исполнитъ обѣщаніе — Богъ вѣсть.

Письма къ вамъ теперь не составляютъ для меня дѣла; я ихъ пишу между дѣломъ, понемногу—такъ, какъ въ Петербургѣ, сидя въ сосѣдней комнатѣ, разговаривалъ съ тобою между дѣломъ. Когда же дѣло слишкомъ завлечетъ меня, прошу но прогнѣваться: письма сдѣлаются менѣе исправны. Я вчера забылъ написать тебѣ, что послѣ обѣда былъ у Боско. Онъ уже на ногахъ, игралъ въ билліардъ и сбирается дать завтра маленькое представленіе.

Отъ другихъ много узнавать нечего; напротивъ, они все отъ меня же слышатъ новости. Повѣришь ли, что *Замѣтки о Россіи* почти никому, даже и литераторамъ неизвѣстны? Только по *своей* части иногда кто-нибудь сообщитъ какую-нибудь новость. Я рѣшился не искать уничтоженія каѳедры Соловьева и очень желалъ бы Леонова, но что̀ скажетъ наша консисторія? Я отъ того предувѣдомилъ тебя о неприсылкѣ Листка по субботамъ, что нѣсколько недѣль сряду посылалъ его со всякой почтой. Разъ въ недѣлю ни мало не затруднитъ меня.

Сегодня я всталъ до 5 часовъ и началъ чтеніемъ *Юлія Цезаря* на латинскомъ языкѣ, въ сравненіи съ нѣмецкимъ переводомъ, который купилъ въ Петербургѣ. Готовился къ лекціи. Послѣ нея гулялъ. Поправлялъ „Семейство".

111.

(Плетневъ — Гроту) ***Спб., субб., 10 окт. 1842.***

Журналъ. Среда (7 октября). Въ прошедшемъ журналѣ недосказано, что, кончивъ у Императрицы чтеніе, я отправился къ Наслѣднику за обѣщаннымъ подаркомъ. Онъ меня принялъ съ обыкновенною своею любезностію и объявилъ, что подарокъ въ городѣ, а не здѣсь, и потому проситъ меня тамъ его навѣстить въ понедѣльникъ до 11 часовъ, такъ какъ въ это время по дѣламъ службы всегда туда пріѣзжаетъ. Послѣ лекцій, зашедши на минутку домой, я отправился прогуляться. Послѣ мы обѣдали одни. Я, кончивъ обѣдъ, сѣлъ за корректуру, присовѣтовавъ дамамъ заниматься ихъ дѣлами. Во время моей работы прибылъ Е. А. Энгельгардтъ. Надобно было и мнѣ присоединиться къ обществу. Энгельгардтъ намъ разсказалъ претрогательную исторію объ одной француженкѣ, которая была гувернантою въ домѣ какого-то Ивашева. Сынъ его хотѣлъ жениться на гувернантѣ, но отецъ не позволилъ. Между тѣмъ, молодой человѣкъ, замѣшанный по 14 декабря, былъ сосланъ въ Сибирь. Француженка выпросила позволеніе у его отца отправиться къ несчастному, гдѣ вышла за него замужъ, и у нихъ были дѣти. Когда Ивашевъ, освобожденный отъ работъ, жилъ на поселеніи вмѣстѣ съ лицейскимъ Пущинымъ, то жена его писала къ своей матери (старушкѣ, ни слова не знавшей по-русски), что теперь она совершенно счастлива и одно только присутствіе матери могло бы довершить ея благополучіе. Старушка рѣшилась прибыть къ ней, что̀ и исполнила. Но въ день ея пріѣзда дочь умерла отъ родовъ. Черезъ нѣсколько времени и мужъ за нею же отправился. Итакъ эта дряхлая иностранка осталась одна посреди младенцевъ и Пущина. По смерти отца Ивашева сестры и братья покойнаго его сына написали француженкѣ, что они выдѣлили часть имѣнія на долю дѣтей и что она можетъ съ ними жить въ губерніи. Вотъ она и переѣхала, а Пущинъ остался одинъ-одинехонекъ.

Четвергъ (8 октября). Проработавъ по дѣламъ до 12-го часа, я пошелъ передъ общимъ собраніемъ академіи прогуляться. Въ академіи было предложено праздновать въ январѣ 25-ти-лѣтіе президентства Уварова. Послѣ на экзаменъ и въ правленіе. Зашелъ и посидѣлъ у княгини Долгорукой, урожденной Сенъ-При. Она очень умна и прямонравна. Походы эти пѣшкомъ меня утомили. Возвратясь вечеромъ домой, я почувствовалъ, что у меня ужасное разслабленіе и голова не держится на плечахъ. Это произвело безсонницу и ужасное броженіе крови.

Пятница (9 октября). Я всталъ слабый. Полагая, что свѣжій воздухъ и движеніе въ экипажѣ мнѣ помогутъ, я поѣхалъ въ принцессину школу, откуда на Каменный и Елагинъ. Тамъ я слегка прошелся. Мнѣ сдѣлалось лучше. Дома послѣ обѣда я заготовлялъ бумаги къ Фуссу, прося у него матеріаловъ, заключающихъ исторію академіи наукъ.

Суббота (10 октября). Теперь пишу къ тебѣ уже почти совсѣмъ здоровый — и ночь спалъ исправно.

112.

(Гротъ — Плетневу) ***Гфорсъ, воскр., 11 окт. 1842.***

Вчера у насъ была консисторія. Послѣ нея съ 1 часа до 2-хъ я съ Тенгстремомъ гулялъ въ саду. Въ 7-мъ часу мы всѣ трое, т. е. я съ дамами, отправились на представленіе Боско въ Соціететгусъ. Онъ поутру прислалъ мнѣ три билета, за которые, однакожъ, я препроводилъ ему деньги. Изумительно его искусство; разсудокъ недоумѣваетъ. И какія у него пріятныя манеры и шутки. Сегодня поутру послѣ исторіи гулялъ съ сестрой. При возвращеніи домой встрѣтили у воротъ даму, Гротгусъ, которая, бывъ здѣсь лѣтомъ, осталась на зиму для слѣпой дочери, которой Тернротъ дѣлаетъ операціи. Она случайно познакомилась съ сестрой и отыскала насъ; очень милая дама. Вечеромъ я ѣздилъ гулять при лунномъ сіяніи для доставленія моціона коню.

Вторникъ. Понедѣльникъ прошелъ однообразно обыкновеннымъ порядкомъ. Сегодня всталъ съ слѣдующимъ сномъ въ головѣ: я былъ съ визитомъ у Павскаго и съ любопытствомъ разспрашивалъ его, какъ онъ достигъ такой филологической учености и неужели знаетъ практически всѣ тѣ языки, на которые ссылается? На это онъ не прямо отвѣчалъ, а подалъ слѣдующій совѣтъ: „Нѣтъ, знаете ли, когда захочешь сдѣлать что-нибудь дѣльное, такъ надобно эдакъ — денька три прохлаждаться, да лежать на боку или гулять. Тутъ, наконецъ, подумаешь: что же ты это дѣлаешь, вѣдь это не хорошо! И примешься за работу съ такимъ жаромъ, что сдѣлаешь что угодно!“ Какъ теперь помню фигуру Павскаго, какъ онъ представился мнѣ во снѣ: высокій, худощавый, блѣдное, умное лицо, въ густыхъ длинныхъ волосахъ; а

каковъ онъ въ самомъ дѣлѣ? Сегодня, пришедши въ сѣни университета для лекціи, получилъ я отъ вахмистра твое письмо. Для того тотчасъ съ лекціи пошелъ домой читать его.

Среда. Не сладка была судьба старушки, которая въ Сибири очутилась вдругъ одинокою! Не нравится мнѣ, что ты, не совсѣмъ оправясь отъ простуды, поступаешь неосторожно. Ты твердишь другимъ: *respice finem*, а самъ забываешь это мудрое правило.

Сегодня взялъ я изъ библіотеки (какъ матеріалъ для *Листка)* драму Густава III-го подъ заглавіемъ: *Алексѣй Михайловичъ* (царь). Это мнѣ напомнило пьесу Екатерины II-й: *Горе-Богатырь.* Скажи, какъ бы прочесть эту оперу? Были ли изданы когда-нибудь литературныя сочиненія Екатерины II-й?

113.

(Плетневъ — Гроту) ***Спб., среда, 14 окт. 1842.***

Отвѣтъ на письмо отъ 3 октября. По одному или по два тома въ книгу переплелъ ты Современникъ? У меня по два. Я радъ, что впредь въ цитатахъ своихъ ты не будешь указывать на №№, а на томы его. Терпѣть не могу, когда Современникъ трактуется журналомъ, а не книгою. Да, я увѣренъ, что, постепенно проходя томы его, ты о многомъ передумаешь касательно жизни своей. Я не могу ни на одну пьесу взглянуть въ старыхъ нашихъ журналахъ, чтобы не воскресли передо мною лица, нѣкогда мнѣ милыя и дѣлившія со мной чтеніе, а теперь отжившія. Мнѣ хочется, чтобы ты внимательнѣе изучилъ мой образъ мыслей, который нигдѣ такъ не отразился, какъ въ разныхъ замѣткахъ, брошенныхъ и еще бросаемыхъ мною въ Современникъ. Читая о *Литературныхъ утратахъ*, вдумайся въ мои слова о Карамзинѣ. Я недавно самъ пораженъ былъ новою мыслію, пришедшею мнѣ въ голову случайно, что у насъ въ Россіи по части литературы только и было двѣ школы: Ломоносова и Карамзина. Послѣдняя дала намъ все, что только было и есть у насъ истинно-прекраснаго. Считай съ Дмитріева, иди къ Жуковскому и кончи хоть Гоголемъ: вѣдь это все люди одной идеи. Они живутъ не для публики, а для искусства. Другихъ школъ нѣтъ. Тамъ только сбродъ, сумятица, безвкусіе и корыстолюбіе.

Твое происшествіе на Скатуденѣ ужасно. Помнится мнѣ, и прошлаго года тамъ же съ тобою случилось паденіе. Ради Бога, предай проклятію это мѣсто — и пусть вѣкъ не будетъ тамъ нога твоя. На одинъ волосокъ отъ смерти! Этотъ злодѣй пьяный — финляндецъ или русскій? Что дѣлается съ Траверсе, я не понимаю. Вѣдь не затѣмъ ли онъ продалъ домъ и семейство свое перевелъ въ Ревель, что его назначили къ экипажу въ Кронштадтѣ? Зачѣмъ же онъ опять у васъ? Или снова его перевели? Какъ же онъ будетъ жить безъ дома и семейства? И за что снова къ нему не благоволятъ и кто наиболѣе?

Журналъ. Суббота (10 октября). День прошелъ по обыкновенному: писалъ къ тебѣ, былъ на лекціи, послѣ въ академію (гдѣ на меня наложили приготовить программу, какъ проходить русскую словесность въ Варшавскомъ округѣ: скучная работа).

Воскресенье (11 октября). Прежде всѣхъ пришелъ ко мнѣ Даль. Очень честный и добрый человѣкъ между писателями. Онъ много значитъ при Л. Перовскомъ, министрѣ внутреннихъ дѣлъ, — и пристраиваетъ моихъ студентовъ, коихъ я послѣ выпуска ему рекомендовалъ. Вчера получилъ отъ тебя письмо, на которое отвѣчалъ сегодня, а нынѣ наконецъ и „Семейство", за недѣлю посланное. Поблагодари Розу Карловну за этотъ милый подарокъ, а я благодарю тебя. Звали сейчасъ на обѣдъ сегодня къ Уварову, только что возвратившемуся изъ Москвы. Ходилъ къ Фуссу для совѣщанія насчетъ медали Уварову за 25-ти-лѣтіе президентства въ академіи наукъ. Возвратясь домой, скоро дождался и дамъ. Онѣ сѣли обѣдать, а я уѣхалъ на званый обѣдъ, гдѣ никого не было, кромѣ меня съ хозяиномъ, его сыномъ, и одного студента. Послѣ обѣда министръ зачиталъ меня докладными своими бумагами, какъ матеріаломъ для отчета за его десятилѣтіе министерства. Дома Александра Осиповна прочитала мнѣ свою прекрасную статью о выставкѣ въ академіи художествъ для Звѣздочки. Ни слова лишняго или недодѣланнаго. Читали и твое письмо. въ которомъ твое бѣдствіе ужаснуло всѣхъ.

Понедѣльникъ (12 октября). Съ визитомъ къ Наслѣднику. Подарокъ его есть та картина Иматры, что̀ у васъ ему поднесъ вашъ учитель рисованія. Послѣ я былъ у Елены Павловны и ея дочерей съ визитомъ же по случаю ихъ прибытія изъ Ревеля.

Вторникъ (13 октября). У Государыни дочиталъ Руслана и Людмилу. Опять всѣ дѣти къ ней собрались, а тутъ и Государь пожаловалъ. Онъ шутилъ со мною, что чтеніе отъ нихъ перерывается; но (прибавилъ стариковскимъ голосомъ и принявъ такую же мину) старуху мнѣ надо старику навѣщать: вотъ маленькому-то сынку сегодня ужъ десять годковъ (день рожденія Великаго Князя Михаила Николаевича). Очень былъ милъ и забавенъ. Прощай.

114.

(Гротъ — Плетневу) ***Гфорсъ, четв., 15 октября 1842.***

Я забылъ написать вчера, что вечеромъ былъ у меня студентъ Тальгренъ, который знаетъ по-русски и отъ меня получилъ въ томъ свидѣтельство. Это помогло ему получить мѣсто учителя русскаго языка въ Абовской гимназіи, и онъ пришелъ благодарить меня. Я подарилъ ему вчера Альманахъ свой и далъ на безсрочное подержаніе „Исторію" Александры Осиповны (1-е изданіе), такъ какъ онъ по бѣдности не можетъ покупать книгъ, а имѣетъ надобность въ русскихъ.

На лекціи я сегодня кончилъ, слава Богу, періодъ удѣловъ. Время до 7-ми ч. прошло обыкновеннымъ порядкомъ. Пошелъ къ Теслеву, къ Меллинымъ — и отдѣлался карточками. Посидѣлъ у m-me Фридбергъ, которой дочь съ весны въ чахоткѣ и уже похожа на смерть.

Пятница. Послѣ лекціи встрѣтился я съ Соловьевымъ и долго ходилъ съ нимъ. Онъ, кажется, намѣренъ хлопотать за кого-то для передачи своей каѳедры. Сообщилъ мнѣ свою идею хрестоматіи, которую въ 11 лѣтъ не успѣлъ выполнить: составить ее въ 3-хъ отдѣлахъ: для школы, для гимназіи и для университета и выхлопотать, чтобы она во всѣхъ этихъ заведеніяхъ исключительно употреблялась. Идея не дурная. Вечеромъ пришелъ ко мнѣ графъ Армфельтъ съ поклономъ отъ тебя, потомъ отправился онъ къ дамамъ и я съ нимъ. Пришелъ Лундаль, котораго я повелъ туда же. Вскорѣ явились: Лангеншельдъ [1]), Лилле, Колланъ и Моландеръ, которые недавно разошлись. Прогулялся.

Суббота. Въ 10 ч. пошелъ къ Цигнеусу по просьбѣ его дать ему свидѣтельство въ знаніи русскаго языка: онъ будетъ просить Александровской стипендіи (4.500 руб. асс.) на путешествіе за границу. Дорòгой встрѣтилъ университетскаго вахмистра съ вашими письмами, которыя и читалъ у Цигнеуса. Я переплелъ Современникъ по 2 тома вмѣстѣ. Онъ опять у переплетчика для отмѣтки на корешкѣ и годовъ. Когда опять получу его, прочту о *Литературныхъ утратахъ*. Говоря, что у насъ были только двѣ школы, ты не ошибся ли, назвавъ *Ломоносова* вмѣсто *Сумарокова*. Мнѣ кажется, что Карамзинъ принадлежалъ къ Ломоносовской же школѣ. Если ты помнишь, то мы уже прошлаго года говорили въ письмахъ объ этомъ предметѣ по поводу подобнаго замѣчанія Шевырева. И ты тогда написалъ, что и твоя такова же идея: двѣ школы — Ломоносовъ и Сумарòковъ ихъ родоначальники. Одна — начало свѣта, другая — тьмы.

Не помню я ни прошлогодняго своего паденія, ни чтобы оно было на Скатуденѣ. Ахъ, теперь вспомнилъ! Нѣтъ, то было совсѣмъ въ другой сторонѣ, на скалѣ. Ужъ частенько жизнь моя была въ опасности, и еще въ лицеѣ, когда меня угломъ салазокъ хватили въ високъ. А сколько разъ я падалъ съ негодныхъ лошадей, и разъ, перелетѣвъ черезъ голову одной на всемъ скаку, повредилъ себѣ глазъ, хватившись о плетень. Пьяный былъ чухна, изъ Остроботни. Бѣдный Траверсе въ совершенной неизвѣстности насчетъ будущей судьбы своей: онъ ошибся въ разсчетѣ, — вотъ вся причина его теперешняго положенія. Мнѣ не надо разсказывать здѣсь, что тебѣ достался рисунокъ, подаренный Наслѣднику; этимъ бы обидѣлись. О Журналѣ Министер-

[1]) Карлъ (Langenskjöld), магистръ философіи, служившій переводчикомъ для русскаго языка въ сенатѣ, впослѣдствіи губернаторъ и сенаторъ, ум. 1863 г.

ства народнаго просвѣщенія я и самъ хотѣлъ послать къ тебѣ запросъ. Поздравляю съ Царскою милостью (т. е. за чтеніемъ Руслана и Людмилы).

Лундаль принесъ мнѣ кое-что для Современника. Онъ такъ давно не являлся оттого, что къ нему пріѣхали изъ Тамерфорса мать и сестра, съ которыми онъ теперь и живетъ. Журналъ народнаго просвѣщенія я получилъ три №№.

115.

(Плетневъ — Гроту) ***Спб., субб., 17 окт. 1842.***

Отвѣтъ на письмо отъ 8 октября. Увѣренъ, что твои предшественники (историки удѣльныхъ временъ въ Россіи) не вникали такъ въ сущность дѣла, какъ ты: они готовили книгу для чтенія, а ты готовишь лекціи для разсказа — это очень разнородное дѣло. Думаю, что для вашихъ студентовъ достаточно и 1-го изданія Пенинскаго, если его много. Теперь пожалуй вышло и 3-е изданіе, какъ увидишь изъ 4 № Современника, который скоро явится къ тебѣ. Но иностранцы не замѣтятъ тонкостей въ выборѣ. Имъ пока все хорошо, что они понять въ состояніи. Другое дѣло хрестоматія, какую ты затѣваешь! Это будетъ сокровище. Но какой тяжкій трудъ ты себѣ готовишь! Ужъ на твоей шеѣ и безъ того пропасть виситъ дѣла. Кончи прежде обработку всей русской исторіи. Это вопіющая нужда. Къ положительнымъ знаніямъ фактовъ можно принудить и безъ ощущенія эстетическихъ тонкостей литературы. Между тѣмъ, работая для исторіи, ты не менѣе будешь подвигать и успѣхи языка. Съ изложеніемъ фактовъ, они пріобрѣтутъ навыкъ свободно объясняться по-русски и читать книги. До окончанія своей исторіи пользуйся 1-мъ изданіемъ Пенинскаго, которое возьми и себѣ. А черезъ два-три года примешься за идеалъ хрестоматіи. Не надобно легкомысленно бросаться на все. Иди равномѣрно и осторожно; только не останавливайся, не пяться и не сворачивай. Вотъ правила мудрости тебѣ, юношѣ.

Я еще не получилъ того № Москвитянина, гдѣ говорится о Милькѣевѣ. Не удивляюсь, что и Шевыревъ не говоритъ о Современникѣ. Тамъ его, какъ мнѣ сказывали Валленъ и Гартманъ, не разрѣзываютъ. Всѣмъ дорого одно *я,* а не наука и искусство. Особенно въ Москвѣ преглупая оппозиція мнѣніямъ петербургскимъ. Они себя считаютъ геніями, а насъ профанами. Но стоитъ ли заботить я о недѣлимыхъ, когда живешь и трудишься для цѣлаго? Я давно сталъ выше всякаго частнаго мнѣнія. Консисторія не можетъ противиться опредѣленію новаго русскаго экстраординарнаго профессора, потому что это согласно съ порядкомъ, Высочайше введеннымъ нынѣ въ университетъ.

Журналъ. Среда (14 октября). Я до обѣда пошелъ отдать визитъ Фуруельму. По дорогѣ нагналъ Вельбрехта. Онъ мнѣ разсказалъ, что

Гречъ, котораго просилъ онъ напечатать о его книгѣ, обругалъ его, зачѣмъ онъ въ переводѣ избѣгалъ *сихъ* и *оныхъ*, подозрѣвая, что онъ слѣдуетъ системѣ Сенковскаго. Вельбрехтъ объяснилъ ему, что онъ совѣтовался съ М. Куторгою. Тогда Гречъ воскликнулъ: а пусть и этотъ что-нибудь напечатаетъ, такъ посмотри, какъ я его отщелкаю! Еще сказалъ Гречъ: пошлите 100 руб. къ Краевскому, то васъ похвалятъ въ Отечественныхъ Запискахъ. Вотъ какой тонъ и пріемъ у 60-тилѣтняго м—а-литератора молодому человѣку, который, вѣроятно, шелъ къ нему съ нѣкоторымъ благоговѣніемъ. Послѣ обѣда на вечеръ. Явился къ намъ Фуруельмъ. Послѣ пришелъ Савичъ, которому очень понравился Фуруельмъ. Онъ въ самомъ дѣлѣ человѣкъ, не лишенный образованія, что для русскаго помѣщика было бы рѣдкостью.

Четвергъ (15 октября). Отправился къ Перовскому (министру внутреннихъ дѣлъ) благодарить за принятіе рекомендованныхъ мною студентовъ къ нему въ службу. Это идеалъ доброжелательнаго и истиннаго министра. Къ нему по четвергамъ всѣмъ свободный доступъ отъ мужика до вельможи. Никого не спрашиваютъ, кто и зачѣмъ. Онъ беретъ всякаго въ кабинетъ и обстоятельно разспрашиваетъ о дѣлѣ. Отъ министра отправился я въ правленіе и на экзаменъ. Передъ обѣдомъ съѣздилъ въ первый разъ съ визитомъ къ графинѣ Армфельтъ (Луизѣ). Аделаида была тоже дома. Мы долго разговаривали о прошедшемъ лѣтѣ. Онѣ видѣли Розину и нашли, что она похудѣла. Пришла Маріанна. Я замѣтилъ, что она быстро заняла мѣсто старшей въ домѣ. У Демидовыхъ бываетъ пріемъ по вечерамъ, куда всѣ онѣ ѣздятъ, и даже раза два въ недѣлю пріѣзжаетъ туда Александръ Армфельтъ. Послѣ обѣда, кончивъ свои дѣла и занятія, пошелъ я къ Савичу для знакомства съ пріѣхавшимъ къ нему тестемъ, отставнымъ генераломъ Ребиндеромъ, который желалъ у меня быть съ зятемъ.

Пятница (16 октября). Фуруельмъ просилъ меня найти средство провести его въ академію художествъ. Выставка публичная уже кончилась. На вечеръ я былъ званъ къ Далю, гдѣ нашелъ Краевскаго и Гребенку со множествомъ знакомыхъ дамъ. Общество было довольно скучное, потому что всѣ другъ съ другомъ почти не знакомы. Даль и Сапожниковъ [1]) готовятъ комическій романъ изъ жизни артиста. Изданіе будетъ со множествомъ картинъ.

116.

(Гротъ — Плетневу) ***Гфорсъ, воскр., 18 окт. 1842.***

Нашелъ у Павскаго ошибку. Въ первой части стр. 123 въ началѣ онъ велитъ писать *женнинъ* по примѣру братнинъ, мужнинъ: „Почему, го-

[1]) Андрей Петровичъ, живописецъ-любитель и писатель, ум. 1855 г., иллюстрировавшій эту повѣсть „Похожденія Христіана Христіановича Віольдамура и его Аршета“.

ворить, не писать *женнинъ?*" Отвѣчаю: потому же, почему говорятъ не *сестрнинъ*, а *сестринъ* и т. п.

Вчера вечеромъ послѣ чтенія газетъ и 5-й части Устрялова пошелъ я къ слѣпой дѣвицѣ Гротгусъ, которая живетъ здѣсь съ матерью. Она почти ничего не видитъ и мать читаетъ ей вслухъ. Она довольна учена и очень любознательна и притомъ жива. Просила меня достать ей разныя книги и часто вскрикивала и всплескивала руками отъ радости, что получитъ желанное.

Сегодня съ утра рѣшился ничего не работать, а только читать, чтобы для воскресенья отдохнуть. Читалъ Библію, Монтаня, Павскаго. Потомъ пошелъ съ визитами: у Армфельта, Гартмана „великаго" — карточки. У Пушкиной нашелъ Демидову и Клинковстрема стараго. Сестры были любезны; Клинковстремъ подошелъ ко мнѣ и шопотомъ позвалъ къ себѣ обѣдать. Потомъ Пушкина попросила обѣдать у нея завтра. Я остался съ Демидовой наединѣ и заговорилъ о дѣтскомъ пріютѣ, прошлаго года здѣсь устроенномъ въ Ланкастерской школѣ, основанной на счетъ ея пожертвованій. Она говоритъ, что въ этомъ пріютѣ бываетъ нѣсколько дѣтей. У Пушкиной новый гувернеръ, присланный ей изъ Парижа Гагаринымъ. Ловкій франтъ и, говорятъ, солидный человѣкъ, получаетъ 4.000 рублей.

Понедѣльникъ. Сегодня уже въ 8 часовъ отправился въ университетъ для факультетскаго засѣданія, созваннаго по случаю подачи прошенія Цигнеусомъ. Рѣшено: представить дѣло консисторіи. Послѣ лекціи читалъ Юлія Цезаря, Семейство и пошелъ въ 4-мъ часу къ Пушкиной. Меня приняла Демидова и познакомила съ гувернеромъ, Monsieur le Duc (*вѣрнѣе* Leduc) [1]), который мнѣ нравится. Пушкина почти все время была въ другой комнатѣ занята своими мальчиками, которые, нашаливъ, другъ на друга слагали вину. Сколько было крику, угрозъ, убѣжденій и все напрасно, а мать была разстроена и за столомъ ничего въ ротъ не брала. Демидова также часто уходила помогать ей, и я почти все время бесѣдовалъ съ m-r Leduc и молодой француженкой m-lle Zaïe, которая нанята для m-r Paul и говоритъ по-англійски.

Вторникъ. Вчера и сегодня читалъ я на лекціи о русской литературѣ въ первые два періода, но былъ недоволенъ обѣими лекціями, особливо сегодняшнею. И вышло, что въ воскресенье не надо было отдыхать! Но нѣтъ худа безъ добра, и я теперь еще усерднѣе прежняго примусь за дѣло. Преимущество 2-го изд. Пенинскаго состоитъ не въ тонкостяхъ выбора, а въ большей полнотѣ приводимыхъ отрывковъ, напримѣръ, изъ Полтавы въ 1-мъ изд. ничего нѣтъ, а во 2-мъ очень много хорошихъ мѣстъ; изъ Руслана въ 1-мъ нѣсколько стиховъ, а во 2-мъ большія тирады. Но здѣшніе юноши такъ несвѣдущи въ русскомъ

[1]) Впослѣдствіи Leduc писалъ о Финляндіи.

языкѣ, что покамѣстъ нечего заботиться. При всѣхъ моихъ объясненіяхъ, лекціи по Пенинскому для нихъ непонятны и въ прошлую пятницу у меня было только 3 человѣка, которые болѣе понимаютъ. Но я все-таки не отстану отъ начатой методы; иначе пришлось бы все читать по-шведски, чего я не хочу. Напрасно ты подумалъ, что я теперь же намѣренъ приняться за предположенную хрестоматію; я только сообщилъ тебѣ идею, а исполненіе ея будетъ зависѣть отъ обстоятельствъ. Впрочемъ, изданіе мною книгъ такъ важно для успѣха моей каѳедры, и мое спокойствіе такъ много зависитъ отъ увѣренности, что я все дѣлаю, что̀ могу, — что я устремлю всѣ свои силы на исполненіе своихъ плановъ по моей должности. Притомъ ты преувеличиваешь идею о дѣлѣ, „которое виситъ на моей шеѣ". Напротивъ, я живу спустя рукава, и за то досадую часто самъ на себя. Поэтому постараюсь посократить твои „два-три года" для начатія хрестоматіи. На все я не бросаюсь, и не предпринимаю того, что не могу выполнить. Ужели ты не получилъ еще № 8 Москвитянина. Тамъ есть о Милькѣевѣ.

Какъ низокъ Гречъ! Но Перовскому хвала и честь. Это новый Шуваловъ.

Среда. Вчера вечеромъ я былъ у Гейтлина, онъ-таки читаетъ Современникъ и интересуется о немъ. Вчера здѣсь было 1-е ноября и наши обѣ работницы покинули насъ вечеромъ, съ плачемъ велимъ. Явились другія двѣ, но кучеръ мой еще не пришелъ. Третьяго дня по нашему счету было 19 октября, день основанія лицея. Сегодня утромъ читалъ я Фрюкселя главу о Густавѣ Вазѣ и его похожденіяхъ до престола. Какой богатый сюжетъ! Встрѣтилъ Соловьева — онъ что-то несъ въ желтомъ фулярѣ и задалъ мнѣ отгадать—что̀. Я, подумавъ, сказалъ: „яблоки". — Нѣтъ, рябчики съ рынка. — Какой хозяинъ! Чтожъ дѣлать? надобно!

Теперь, любезные други, попалъ я наконецъ въ настоящую колею занятій и долженъ сократить переписку, но зная, что ваша дружба истинная, увѣренъ, что вы этому будете рады, потому что я лучше употреблю сбереженное время. А письма что такое? Получишь — пріятно, а прочтешь — куда оно годится? Теперь я опять вдался и въ латынь и въ Фрюкселя и пр. и пр., и потому неизмѣнно постановляется:

Петру Александровичу письмо черезъ недѣлю, и еженедѣльно одинъ Листокъ.

Александрѣ Осиповнѣ письмо также черезъ недѣлю, т. е. въ ту недѣлю, когда Петру Александровичу только Листокъ.

Этотъ порядокъ будетъ имѣть и ту выгоду, что я успѣвать буду отвѣчать на другія письма; теперь же я такъ много писалъ вамъ, что другимъ, и даже брату, почти никогда не успѣвалъ писать, ибо въ каждый почтовый день трудно приготовить болѣе одного письма. Но вы всетаки каждую недѣлю будете имѣть отъ меня извѣстія, а чего же вамъ болѣе?

Посылаю для Звѣздочки стишки. Они изъ „Семейства", для котораго я перевелъ ихъ; но такъ какъ у Современника и Звѣздочки читатели разные, то стишки эти можно напередъ помѣстить и въ Звѣздочкѣ, однакожъ, кажется, не нужно ни подписи, ни слова „переводъ" въ началѣ.

117.

(Плетневъ — Гроту) ***Спб., среда, 21 окт. 1842.***

Странно, что консисторія у васъ бываетъ поутру! А какже профессорамъ являться на лекціи? Развѣ по субботамъ ихъ не бываетъ? Павскій представился тебѣ во снѣ очень вѣрно, исключая, что онъ не худощавъ, а впрочемъ довольно блѣденъ, высокъ, съ умнымъ лицомъ и любитъ говорить такъ, какъ тебѣ говорилъ, не прямо, а отрицаніями и уподобленіями. *Горе-Богатырь* Екатерины II напечатанъ въ огромномъ изданіи, которое вышло нѣкогда подъ названіемъ: *Россійскій Ѳеатръ*. Это изданіе есть у Смирдина. Вѣрно и не дорого продается, какъ никѣмъ не покупаемая книга: спишись объ этомъ съ коммиссіонеромъ вашего университета Юнгмейстеромъ. Онъ долженъ все доставать. Впрочемъ, можетъ быть, и особо напечатанъ Театръ Екатерины II. У тебя есть каталогъ Смирдина. Сейчасъ пойду справиться. Тамъ, въ краткой росписи книгъ по азбучному порядку (на концѣ каталога) есть: Горе-Богатырь, и отмѣчено, что онъ — подъ № 7652, гдѣ объявляется, что купить его особо можно за 20 руб. асс. Вотъ тебѣ еще урокъ, какъ пользоваться этою безцѣнною библіографическою книгою! Что касается до вопроса: были ли изданы когда-нибудь литературныя сочиненія Екатерины II, на него отвѣтъ въ томъ же каталогѣ (въ началѣ книги) на стр. XXV. Тамъ видно, что изъ сочиненій Государыни сей напечатано 26 названій ея трудовъ. Вотъ и еще-таки тебѣ урокъ! Не буду щадить тебя въ тѣхъ случаяхъ, кои какъ профессору русской литературы непростительны тебѣ. До сихъ поръ былъ *отвѣтъ* на твое письмо отъ 11 октября. Теперь мой *журналъ* за послѣдніе 4 дня.

Суббота (17 октября). До начала лекціи наваляль два письма: одно къ тебѣ, другое къ сенатору Ланскому [1]), начальнику Сиротскаго института въ Гатчинѣ. Онъ полуоффиціально просилъ меня, какъ ректора, просмотрѣть планъ ученія, имъ введенный тамъ, сдѣлать на него замѣчанія и, если можно, приспособить все къ порядку, существующему по Министерству народнаго просвѣщенія въ гимназіяхъ. Итакъ, кончивъ эту несносную работу, которую ежегодно изъ разныхъ мѣстъ по нѣскольку разъ въ годъ на меня наваливаютъ, я ее отправилъ къ нему съ письмомъ. Въ академіи роздали намъ въ подарокъ по

[1]) Сергѣю Степановичу, почетному опекуну.

экземпляру новой книги in 4 въ 899 стр. въ два столбца, напечатанной подъ заглавіемъ: „Описаніе русскихъ и славянскихъ рукописей Румянцевскаго музеума, составленное А. Востоковымъ". Тутъ обстоятельно говорится о множествѣ драгоцѣнныхъ древностей нашей старины. Поспѣши написать къ графу А. Армфельту, чтобы онъ приказалъ канцеляріи своей озаботиться высылкою въ университетъ вамъ экземпляра ея, слѣдующаго вамъ на законномъ основаніи.

Воскресенье (18 октября). Все утро я занимался для Современника на будущій годъ. Куторга (М.) мнѣ далъ прекрасную статью о Людовикѣ XIV. Обѣдалъ одинъ. Вечеромъ долженъ былъ Савичъ явиться ко мнѣ со всѣми своими.

Понедѣльникъ (19 октября). Сегодня въ лицеѣ вечеромъ ломаютъ комедію. Нѣкоторые изъ нашихъ профессоровъ будутъ тамъ. Я не приглашенъ, вѣроятно, за невѣжливый отказъ прошлаго года. Съ утра пошелъ я по аудиторіямъ. Сидѣлъ опять у Фрейтага [1]): онъ перепугался моего посѣщенія, думая, что за нимъ велѣно особенно присматривать, у Шнейдера [2]) — настоящій шпаргалъ, гнусарь и безъ жизни, у Устрялова — мужикъ и безъ души; у Никитенко — высокопарный враль, залетающій туда, гдѣ ни самъ, ни слушатели ничего не понимаютъ, доказывавшій, что у Жуковскаго нѣтъ образовъ, а у Державина все образы: какой превратный смыслъ! Вечеромъ былъ у Оли. Мы съ Александрой Осиповной читали рукопись исторіографа Миллера: *Исторія академіи наукъ.* Сколько тутъ интереснаго, и какъ жаль, что тебя здѣсь нѣтъ! То-то бы ты ее продралъ. Я взялъ ее для матеріаловъ къ исторіи нашего университета.

Вторникъ (20 октября). Дворъ уѣхалъ въ Гатчину, и потому я не былъ въ Царскомъ Селѣ. Вечеръ у Оли. Она шила въ подарокъ 100-лѣтней старушкѣ шушунъ (родъ кацавейки на ватѣ), а мы опять читали Миллера. Сколько интересныхъ вещей, Боже мой! Вчера ночью столько выпало снѣгу, что хоть на саняхъ поѣзжай.

118.

(Плетневъ — Гроту) *Спб., субб., 24 окт. 1842.*

Отвѣтъ на письмо отъ 15 октября. Мнѣ очень отрадно, что въ обращеніи своемъ со студентами, безъ условленнаго согласія со мною, ты держишься совершенно моихъ правилъ. Я полагаю, что это вообще умягчаетъ людей и полагаетъ незамѣтно основу къ истинной гражданственности, которая должна же нѣкогда воцариться между людьми. Терпѣть не могу всего отталкивающаго людей другъ отъ друга. По-

[1]) Ѳедора Карловича, профессора римской словесности, раньше въ Ришельевскомъ лицеѣ въ Одессѣ, ум. 1859 г.

[2]) Вас. Вас., профессора по исторіи римскаго права, ум. 1872 г.

жалуйста, сходи поблагодарить губернатора отъ меня за его обо мнѣ память. Онъ право одинъ изъ лучшихъ у васъ людей. Мнѣ очень пріятно, что Цигнеусъ (если Богъ поможетъ) съѣздитъ за границу. Только втолкуй ему, что это уже послѣднее для него средство надлежащимъ образомъ стать и между учеными и между литераторами. Не воспользовавшись вполнѣ поѣздкою, онъ навѣкъ загрязнетъ въ тинѣ обыкновенности. У меня Современникъ переплетенъ тоже по 2 тома. О школѣ Карамзина я сказалъ въ томъ смыслѣ, что въ ней видимо выразился характеръ вкуса и стремленіе къ совершенству. До него, при немъ и послѣ него всѣ, не приставшіе къ его образу мнѣній и дѣйствій, были эмпирики, стадо или самоучекъ, или упрямыхъ невѣждъ, или безвкусныхъ школяровъ. Ломоносовъ дѣйствовалъ, какъ литераторъ, тоже болѣе эмпирически, ничего не сознавая въ высшихъ тайнахъ искусства. Вотъ въ какомъ смыслѣ я и сказалъ, что истинная школа, т. е. сознаніе совершенства искусства, *одна*.

Журналъ. Среда (21 октября). На лекціи сынъ графа Вьельгорскаго читалъ у меня прекрасную свою статью: Объ отношеніи вкуса къ нравственности въ изящномъ искусствѣ. Вотъ этакого человѣка я желалъ бы заготовлять на свое мѣсто въ университетъ. Да кто сладитъ, чтобы богатый графъ не побрезговалъ профессорствомъ. А ручаюсь, что и по разсчетамъ службы здѣсь онъ скорѣе бы вознесся, нежели въ чиновничествѣ. На него смотрѣли бы съ почтительностію и возвышали бы съ гордостію. Я увѣренъ, что человѣку изъ этой касты шагнуть отъ профессорства въ министры легче, нежели отъ чиновничества. Дома я все читалъ Востокова описаніе рукописей Р. М. Тамъ много прелюбопытныхъ изъ нихъ цитатъ. Вечеромъ читалъ въ корректурѣ статью Куторги для Современника Людовика XIV.

Четвергъ (22 октября). Получилъ я, наконецъ, 8 и 9 №№ Мосвитянина. По всему видно, что Шевыревъ и не развертываетъ Современника. Это письмо Милькѣева у меня давно напечатано (въ статьѣ о путешествіи Жуковскаго по Россіи [1]). Вторая половина разбора Шевырева Мертвыхъ душъ, по моему мнѣнію, написана не отъ души, холодно и натянуто. Онъ сочиняетъ свои впечатлѣнія, тогда какъ я жду ихъ собственнаго отклика. Это профессоръ, а не читатель поэмы. Такъ можно писать только о древнихъ, которыхъ мы изучаемъ, не въ силахъ будучи наслаждаться ими — какъ тѣмъ, что на родномъ, живомъ языкѣ писано.

Пятница (23 октября). Прислалъ Одоевскій сказать, что онъ пріѣхалъ и желаетъ меня видѣть. Но разрывъ сообщенія и восточный вѣтеръ не скоро позволятъ это исполнить.

[1]) Современникъ, т. XII. Письмо Милькѣева къ Жуковскому, по вызову котораго молодой поэтъ изложилъ ему свои обстоятельства, стремленія и надежды.

119.

(Гротъ — Плетневу) *Гфорсъ, воскр., 25 окт. 1842.*

У насъ лекціи ординарныхъ профессоровъ бываютъ только по понедѣльникамъ, вторникамъ, четвергамъ и пятницамъ, слѣдовательно консисторія не составляетъ препятствія въ субботу.

Благодарю за увѣдомленіе о Горѣ-Богатырѣ и приложенное указаніе, какъ пользоваться каталогомъ Смирдина. Это очень полезные *уроки;* давай ихъ почаще! Въ нихъ нѣтъ ничего непріятнаго. Ты совѣтуешь обратиться къ Армфельту для полученія „Описанія Румянцевскаго музеума"; но онъ уже напоминалъ цензурному комитету разъ на всегда его обязанность въ отношеніи къ университету нашему. Странно было бы теперь напоминать особо объ одной книгѣ. Присылаютъ, что вздумается, а мы выписываемъ, что нужно. Что за слово: *шпаргалъ?* въ первый разъ его слышу.

Вчера въ комитетѣ рѣшено, что заграничную стипендію получитъ Цигнеусъ; теперь онъ счастливъ. Двое молодыхъ людей ѣдутъ въ Москву: Колланъ магистръ (братъ издателя) и Видеманъ. Послѣ консисторіи ходилъ я съ другими профессорами въ анатомическій кабинетъ смотрѣть на вновь привезеннаго огромнаго *палтуса* (рыбу изъ рода камбалы), аршина въ $1^1/_2$, пойманную въ Готенбургѣ. Ее приготовляли (препарировали), и оттого въ комнатѣ былъ ужасный запахъ! Вечеромъ я былъ у Теслева; дѣтей не было дома. Я отдалъ матери Звѣздочку и она очень благодарила. Сегодня поутру гулялъ до купаленъ. Потомъ въ 12 ч. сдѣлалъ съ дамами визитъ Козловымъ; вдова поэта [1]) съ дочерью пріѣхали сюда недѣли 2 тому назадъ и привезли сестрѣ письмо отъ Титовой. Онѣ здѣсь поселились на житье. Когда дамы уѣхали, явилась Демидова, у которой Козловы также были съ письмомъ. Демидова разсыпалась въ любезностяхъ, изъ которыхъ и на мою долю перепадало немножко. Послѣ обѣда пошелъ я въ публичный садъ. У трактира поразилъ меня прелестный видъ на заливъ: всѣ деревья заиндивѣли; скалы на другомъ берегу слегка покрыты кое-гдѣ снѣгомъ и рѣзко рисовались на небѣ; но — главное — заливъ замерзъ и усыпанъ былъ мальчиками, которые во множествѣ группъ катались на конькахъ. Я долго гулялъ по берегу и любовался этимъ прелестнымъ видомъ; а между тѣмъ зашелъ въ трактирецъ и выпилъ тамъ чашку горячаго кофе.

Вторникъ. Ввечеру (воскресенье) пошелъ или лучше, для моціона лошади, поѣхалъ въ каріолкѣ Грипенберга съ разными визитами; но никого не засталъ и наконецъ пошелъ къ слѣпой Гротгусъ. Несчастная эта дѣвушка очень интересна; какъ все въ области изящнаго ее

[1]) Ив. Ив. Козлова: ее звали Софьей Андреевной, а дочь—Александрой Ивановной.

занимаетъ! Съ ней обо всемъ можно говорить, и она очень здраво судитъ; у ней есть коллекція старинныхъ медалей, которую она мнѣ показывала. Вдобавокъ и она и мать большія болтушки, такъ что съ ними всегда можно пріятно провести вечеръ. Вчера послѣ лекціи пошелъ я въ ректорскую канцелярію посмотрѣть книги, присланныя Юнгмейстеромъ. И что же? коммисія исполнена безпорядочно; между прочимъ присланы книги, которыхъ я вовсе не требовалъ. Напишу ему, что, если еще разъ случится подобное, отставлю его. Въ 6-мъ часу пришелъ Вульфертъ. Я ему прочелъ стихотвореніе Жуковскаго изъ Современника, полученнаго поутру; оно ему не очень понравилось. Онъ пилъ у насъ чай. Странно, что „*Это очень любопытно*“ прежде уже напечатано было въ Москвитянинѣ [1]).

Сегодня послѣ обѣда (отобѣдавъ въ часъ) я съ дамами отправился въ Свеаборгъ къ Линку, который боленъ. Море казалось тихо, но по мѣрѣ отдаленія отъ берега, становилось все вѣтренѣе, и дамы мои очень затрусили: мы были въ небольшой лодкѣ съ двумя парусами. На обратномъ пути была та же исторія. Однакожъ, благодаря Бога, мы прибыли благополучно. Вскорѣ послѣ нашего возвращенія пришелъ Цигнеусъ. Онъ по рѣшенію консисторіи получилъ стипендію: ѣдетъ въ началѣ будущаго года въ Германію и въ Италію.

Четвергъ. Выходишь ли ты теперь? У насъ второй день ужасный вѣтеръ; вчера былъ и дождь. Я, однакожъ, гулялъ по обыкновенію. Поутру послѣ лекціи былъ у нездороваго старичка Гельстрема. Вечеромъ навѣстилъ только Грипенберга. Сегодня не засталъ д-ра Гартмана дома, но узнавъ, что его Фанни у Б., поѣхалъ туда и видѣлъ эту морковку посреди двухъ рѣпъ — мамзелей Б. Фанни очень похорошѣла. Къ сожалѣнію я не могъ при рѣпахъ потолковать съ ней запросто.

Суббота. Вчера вечеромъ были у меня Готлундъ и проф. Лаурель. Сегодня была у насъ консисторія. Почта пришла только въ 12 ч., и оттого я твоего письма еще не могъ получить. *Листокъ* готовъ, но я его пошлю въ будущую субботу вмѣстѣ съ слѣдующимъ, потому что намѣренъ передѣлать одну статью; онъ же тебѣ, по всей вѣроятности, еще не нуженъ. Есть и тетради три „Семейства“, но и ихъ я не спѣшу посылать, потому что для № 1 у тебя, кажется, уже довольно „Семейства“. Прошедшую недѣлю велъ я особаго рода журналъ своихъ занятій [2]), не безполезный для кое-какихъ соображеній. Посылаю тебѣ списокъ съ него.

[1]) Статья *Ѳ. Н. Глинки* (О предсказаніяхъ на 1842 годъ), см. Современникъ, 1842, XXVIII, стр. 23.

[2]) Статистическая вѣдомость о занятіяхъ — въ видѣ таблицы, съ исчисленіемъ часовъ и предметовъ занятій.

120.

(Плетневъ — Гроту) *Спб., среда, 28 окт. 1842.*

Отвѣтъ на письмо отъ 18 октября. Твое замѣчаніе на Павскаго уничтожается стеченіемъ четырехъ согласныхъ въ словѣ се*стрн*инъ, отчего оно и нейдетъ въ доказательство. А можетъ быть въ словахъ, приведенныхъ тобою, сокрыта и другая причина, напр. вотъ этакая: отъ словъ *братъ* и *мужъ* есть особыя прилагательныя: *братній*, *мужній*, а отъ *жена* и *сестра* ихъ не сдѣлалось. Посему и притяжательныя отъ послѣднихъ пошли двояко: отъ *жены* — *женинъ* подобно *сестринъ*, да по удобству отъ перваго берутъ въ подражаніе словъ *мужъ* и *братъ* — *женнинъ*, а отъ второго, за трудностію, берутъ одно *сестринъ*. Изъ тѣхъ же двухъ *мужній* и *братній* прямо дѣлаютъ притяжательное: мужнинъ и братнинъ. Словомъ: прежде окончательнаго обвиненія или утвержденія въ русскомъ языкѣ надобно осматриваться на тысячу сторонъ. Но никогда не спорь съ правиломъ: usus est tirannus linguae. Въ твоихъ лекціяхъ о русской литературѣ до Ломоносова должны содержаться однѣ самыя общія черты умонаправленія, подражанія и весьма не многія частности о лѣтописцахъ, пословицахъ, пѣсняхъ, сказаніяхъ (Курбскаго) и проповѣдяхъ. Ты это долженъ въ четыре лекціи все кончить. До тонкостей языка и не касайся, — это и для природныхъ русскихъ terra incognita. А что до нея финляндцамъ? Имъ нужна исторія просвѣщенія, а не языка. Говори больше, разумѣется, съ Годунова — о дѣйствіяхъ правительства для распространенія просвѣщенія. Старайся поддерживать Гейтлина въ его расположеніи къ русскому языку. Да заготовь на 1843 г. самый расчетистый и неизмѣнный списокъ, кому присылать Современникъ. Не забудь его съ означеніемъ именъ вложить въ слѣдующее письмо. Въ стихахъ для Звѣздочки [1]) надобно бы *лилейную вѣтку* замѣнить чѣмъ-нибудь понадежнѣе для голубка. Вѣдь лилея не кустарникъ, а трава.

Журналъ. Въ университетѣ съ самой среды нѣтъ лекцій (виноватъ, съ пятницы) за распутицей. Въ понедѣльникъ Нева остановилась, а во вторникъ ледъ разошелся снова. Это другой годъ такая безалаберщина, какъ-будто для моего переселенія на Васильевскій островъ.

Суббота (24 октября). Читалъ въ 238 № Сѣверной Пчелы, какъ хвалой своей Булгаринъ оплевалъ вашъ лицей. Броневскій долженъ быть безъ такту, что приглашаетъ на праздникъ такихъ с...ей. Послѣ читалъ книжку: „Памятникъ художествъ“, гдѣ нашелъ много біографій нашихъ художниковъ. Тамъ есть и твой какой-то однофамилецъ. Вотъ что о немъ сказано: „Гротъ, иностранецъ, находившійся въ Россіи въ царствованіе Екатерины II. Онъ отличался въ живописи животныхъ. Собраніе его произведеній въ академіи довольно многочисленно“. Тутъ картины поименованы числомъ до сорока.

[1]) Перев. шведской пѣсенки подъ загл. „Голубокъ“, извлеченной изъ ром. „Семейство“.

Воскресенье (25). Пришелъ Прокоповичъ (товарищъ Гоголя) [1]) показать образцы, какъ онъ печатаетъ Гоголя всего въ 4 ч., кромѣ Мертвыхъ Душъ и ученыхъ статей: 1) Малороссійскія повѣсти; 2) Миргородъ; 3) Арабески съ новыми повѣстями; 4) Драматическія сочиненія. Обѣдалъ одинъ, а послѣ писалъ библіографію для № 1. Чай пилъ у Александры Осиповны, гдѣ читали изъ Москвитянина о Петрѣ I.

Понедѣльникъ (26 октября). Получилъ, наконецъ, отъ тебя письмо, на которое сегодня отвѣчалъ. Александра Осиповна прислала мнѣ въ подарокъ портретъ Францѣна, обдѣланный, чтобы стоять на столѣ. Продолжалъ чтеніе Москвитянина и работалъ надъ библіографіей. Вечеръ у Энгельгардта. Много слышалъ старыхъ анекдотовъ.

Вторникъ (27 октября). Петерсоново предсказаніе сбылось. Министръ прислалъ письмо, что 23 октября Государь подписалъ мнѣ Станиславовскую ленту.

121.

(Плетневъ — Гроту) ***Спб., субб., 31 окт. 1842.***

Журналъ. Среда (28 октября). Нева нынѣшній годъ куралеситъ пуще прошлогодняго. Университетъ другую недѣлю безъ лекцій. Да и конца не видно этой безпутицѣ. Былъ у меня Сенъ-Жюльенъ [2]), лекторъ нашъ французскаго языка, возвратившійся изъ Франціи. Заболталъ меня. Увѣряетъ, что его поѣздка за границу полезна была для Россіи; что онъ разсѣялъ множество несправедливыхъ противъ нея предубѣжденій; что имъ всѣ литераторы и государственные люди интересовались необычайно и проч., и проч. По дѣламъ службы приходилъ инспекторъ, а послѣ него экзекуторъ. До обѣда я прогуливался. Такъ какъ одно мое ухо не совсѣмъ избавилось отъ шуму, то я выхожу, не только закладывая уши корпіею, но и завязываю ихъ платкомъ. Возвратясь передъ тѣмъ, какъ садиться за столъ, я получилъ отвѣтъ Константина Карловича. Онъ не отказывается отъ мѣста [3]), но говоритъ о себѣ такъ скромно и умно, что Александра Осиповна была восхищена его письмомъ. Послѣ стола, чтобы не потерять и минуты, я сѣлъ писать къ Далю о Константинѣ Карловичѣ и истощилъ все свое дипломатическое краснорѣчіе. До пріѣзда гостей я съ дамами читалъ одну преинтересную рукопись, взятую отъ Энгельгардта, гдѣ заключены распоряженія покойной Императрицы Маріи Ѳеодоровны касательно ея богоугодныхъ и воспитательныхъ заведеній, какъ они

[1]) Николай Яковлевичъ, товарищъ Гоголя по лицею князя Безбородка и поэтъ, ум. 1857 г.

[2]) Былъ лекторомъ (старшимъ) французскаго языка въ спб. университетѣ съ 1835 по 1846 г., когда вышелъ въ отставку и уѣхалъ въ Парижъ, удостоенный званія члена-корреспондента спб. университета.

[3]) Рѣчь идетъ о переводѣ К. К. Грота на службу изъ Митавы въ Петербургъ.

должны оставаться послѣ ея кончины. Это чтеніе умилило насъ всѣхъ до слезъ — и мы благословляли Ангела кротости, любви и милосердія. Потомъ читали изъ Москвитянина Погодина Замѣтки о Римѣ. Оригинально, но сухо. Вельбрехтъ и потомъ Шиле [1]) застали насъ за этимъ чтеніемъ. Начался чай, и за нимъ музыка. Есть одна божественная пьеса въ 4 руки, которую мнѣ всегда играютъ. О, еслибы Роза Карловна могла ее выслушать,—она раздѣлила бы со мною этотъ тихій восторгъ! Я былъ очень доволенъ нынѣшнимъ вечеромъ.

Четвергъ (29 октября). Рано утромъ пришли извѣстить меня, что сегодня уже доставили въ руки Далю мое письмо о Константинѣ Карловичѣ. Это меня обрадовало. Не знаю, чѣмъ кончится проэктъ, но мнѣ представляется, что я сдѣлалъ одно изъ самыхъ добрыхъ дѣлъ въ моей жизни. Приготовивъ нѣсколько статей для № 1 Современника, послалъ ихъ въ типографію, въ томъ числѣ четыре Листка изъ скандинавскаго міра. До обѣда все занимался уборкою бумагъ, переставилъ письменный столъ въ кабинетѣ, въ глубину, къ самой стѣнѣ. Теплѣе и нѣтъ сквозного вѣтра. Опять по вчерашнему направленію пошелъ прогуливаться до обѣда. Встрѣтилъ Гребенку. Онъ работаетъ для Краевскаго за деньги. Онъ сидѣлъ у меня, пока я обѣдалъ (потому что самъ Гребенка уже отобѣдалъ въ 3-мъ часу). Мы послѣ зашли къ нему. Онъ ближній мой сосѣдъ. Оттуда оба на чай къ Александрѣ Осиповнѣ. Она мнѣ отдала послѣдній Листокъ изъ скандиванскаго міра и показала твое къ ней письмо. Ее до сердца тронулъ выговоръ твой. Напиши, что ты пошутилъ. У нея такъ мало радостей и она такъ пріучилась было счастливить себя тобою, что и тѣнь разочарованія покроетъ жизнь ея мракомъ. Пожалуйста, напиши ей по старому веселое письмо и скажи, что ты хотѣлъ притвориться осерчалымъ. Наша неизмѣнная и нѣжная дружба — вотъ одно благо, въ которое на землѣ она вѣруетъ. Гребенка выпросилъ у нея для прочтенія экземпляръ Звѣздочки. Надобно тебѣ сказать, что статья о Казани ей была трудна — и даже она отъ нея сдѣлалась больна. А вся ея награда въ твоей дружеской похвалѣ. Ты же, за эту книжку, ей прислалъ одну критику. Вотъ источникъ недоразумѣнія.

Пятница (30 октября). Читалъ дѣло о преподаваніи русскаго языка въ польскихъ училищахъ. Еще рукопись Вельбрехта о томъ, что такое наука и что искусство? Первую онъ заключаетъ въ философіи, второе въ исторіи. Оригинально!

122.

(Гротъ — Плетневу) ***Гфорсъ, воскр., 7½ ч. у., 1 ноября 1842.***

Вчера только что я отправилъ письмо къ тебѣ, входитъ выборгскій чухна съ ящикомъ въ рукахъ, адресованнымъ на мое имя изъ

[1]) Докторъ, лѣчившій дочь П. А. Плетнева. Врачъ Воспитательнаго дома.

Петербурга. Потомъ внесъ онъ еще другой. Онъ сказалъ мнѣ, что они были отданы ему ужъ недѣли двѣ тому назадъ у Сытнаго рынка, гдѣ останавливаются чухны. Въ нихъ я нашелъ знаменитую лампу, за присылку которой и благодарю премного. Тотчасъ принялся я читать приложенное наставленіе и потомъ приводить лампу въ порядокъ [1]).

На вечерѣ у Клинковстрема было человѣкъ 50. Танцовали, и я отодралъ 4 кадрили, одну съ Фанни, но мы должны были танцовать за двѣ пары, и потому не могли поговорить хорошенько, но она успѣла сказать, что очень скучаетъ безъ сестеръ. Мнѣ было болѣе грустно, чѣмъ весело на этомъ вечерѣ, гдѣ все только напоминало отсутствіе того, чѣмъ прежде жили подобные вечера. Въ 12 ч. я пріѣхалъ домой.

123.

(Гротъ — Плетневу) ***Гфорсъ. понед., 9½ ч. в., 2 ноября 1842.***

Уже 3-й или 4-й день безпрерывный дождь или туманъ при теплой погодѣ. Плохо гуляется. Вчера поутру, написавъ къ тебѣ письмецо о лампѣ, я до половины 11-го не могъ приняться за работу, потому что долженъ былъ все возиться съ кузнецомъ, который проводитъ мнѣ колокольчикъ, и столяромъ, который устроилъ блокъ у наружной двери, со двора въ сѣни. Потомъ отнесъ письмо на почту. Въ ½ 2-го отправился по зову обѣдать къ Эттеру. Тамъ былъ только Траверсе. Добрый Эттеръ угостилъ насъ хорошо, а въ исходѣ 4-го часа я уже былъ дома.

Ко мнѣ хотѣлъ быть гувернеръ Пушкиной, но надулъ,—вѣрно, за отъѣздомъ завтра Демидовой. Сидѣлъ дома до 8½. Былъ у Рамсая и Вавы *(Армфельтъ)*, гдѣ оставилъ карточки. Прогулялся.

Женинъ или *женнинъ?* Невѣста — невѣстинъ; сваха — свахинъ; мачиха — мачихинъ; сука — сукинъ; Екатерина — Екатерининъ; Яша — Яшинъ. Правило это такъ обще, что оправдывается и во всѣхъ собственныхъ фамильныхъ именахъ: Свѣчинъ, Палкинъ, Дружининъ, Державинъ, Левшинъ, Головинъ, Сукинъ, Кобылинъ, Собакинъ etc., etc. — всѣ происходятъ отъ существительныхъ на *а*. Ergo: *женинъ*, а не *женнинъ*, чт̀о и доказать надлежало.

NB. *Головнинъ* происходитъ отъ *головня*, а отъ *голова* происходитъ *Головинъ*.

Пушкина (отъ *пушка)* намедня у Клинковстрема очень извинялась въ своей фамильной передрягѣ.

Я полагаю, что въ 1843 г. Современникъ надобно присылать по примѣру нынѣшняго года, именно: 1) Теслеву; 2) Урсину; 3) Гейтлину; 4) Рейну; 5) Акіандеру; 6) Лундалю; 7) Гроту; 8) для Борго.

[1]) Слѣдуютъ опускаемыя нами подробности объ употребленіи и особенностяхъ еще новаго тогда прибора.

Кажется, больше некому, а пожалуй кого-нибудь и выхери изъ этого списка; но признаюсь, трудно! Насчетъ *лилейной вѣтки* я имѣлъ при переводѣ тотъ же скрупелъ, какъ и ты; но не хотѣлъ отступать отъ подлинника, а теперь перемѣнять и подавно нѣтъ охоты.

Нельзя сказать, что Булгаринъ своей хвалой замаралъ лицей, ибо если этотъ разъ уже допустилъ его до такого случая, то значитъ — они другъ друга достойны. Моего соименника живописца я давно знаю по множеству картинъ, которыя видѣлъ съ его подписью въ Царскомъ дворцѣ и въ Эрмитажѣ. Поздравляю съ кавалеріей!

Вторникъ. Продолжалъ чтеніе пространной Исторіи Полевого для окончательной обработки статьи для Звѣздочки. Каковы бы ни были недостатки Полевого, какъ ни глупъ его ѣдкій тонъ противъ Карамзина, все-же надобно согласиться, что русской исторіи онъ оказалъ не малыя услуги. Въ его „Исторіи" (и въ краткой) я нахожу уже осуществленными нѣкоторыя изъ идей, которыя мнѣ не разъ приходили въ голову и которыхъ я тщетно искалъ у другихъ историковъ (русскихъ). Принесли ваши письма. Посмѣялся я за ними! Въ самомъ дѣлѣ, не смѣшно ли, что между нами начали заводиться какъ-будто какія-то ссоры! Я думаю, еслибы мы и серіозно захотѣли поссориться, то не могли бы, и мнѣ такъ же смѣшно смотрѣть на эти ссоры наши, какъ на людей, которые за что-нибудь примутся, но никакъ не умѣютъ сдѣлать. Твое дѣло тутъ, конечно, сторона, — я разумѣю Александру Осиповну. Читалъ Семейство. Пилъ чай дома съ m-me Wulfert. Былъ у Норденгейма и видѣлъ въ первый разъ отца его — 72-хъ-лѣтняго старичка, большого любителя литературы и краснобая. Онъ встрѣтилъ меня предлинною рѣчью. Гулялъ. Наконецъ, напало довольно снѣгу; небо очистилось; погода прекрасная; мѣсяцъ. Встрѣтилъ двое саней.

Четвергъ. Излишнюю довѣрчивость къ людямъ я раздѣляю съ тобой; впрочемъ, уже начинаю исправляться. Отчего это твои уши такъ избаловались? Меня очень радуетъ, что письмо брата такъ понравилось и тебѣ и Александрѣ Осиповнѣ. Онъ точно премилый и умный юноша. Сердечно желаю, чтобы твое ходатайство было успѣшно; впрочемъ, во всякомъ случаѣ лучшимъ будетъ то, что̀ устроится по волѣ судьбы. Сколько у тебя всѣхъ Листовъ изъ скандинавскаго міра? Впредь я желаю выставлять на нихъ №№. Напиши, если помнишь, сколько ты ихъ получилъ всего на все.

Прилагаю для Александры Осиповны просмотрѣнные мною листки ея; я, читая ихъ, удивлялся, какъ она запомнила всѣ малѣйшія подробности, — только забыла она разсказать о томъ бѣдномъ больномъ, котораго мы видѣли верстъ за 15 до Выборга и который произвелъ на насъ такое сильное впечатлѣніе.

Сегодня отъ 12 до 2 ч. сидѣлъ я въ университетѣ въ факультет-

ской комнатѣ, чтобы въ свою очередь присутствовать для надзора за студентами, которые упражняются въ латинскихъ сочиненіяхъ. Разумѣется, что этотъ надзоръ только форма; профессоръ сидитъ и читаетъ книгу. Послѣ обѣда пошелъ я къ Лундалю и съ нимъ гулять въ публичный садъ. Мы зашли въ тамошнюю бесѣдку пить кофе. Тамъ было множество людей. Отъ этого, да еще отъ тамошней прислуги мѣсто это становится мнѣ противно и я, вѣроятно, не скоро пойду туда опять. Писалъ Листокъ, читалъ газеты и пилъ свой чай у m-me Кольбарсъ. У нея теперь можно лучше всего провести кусочекъ вечера.

Суббота. Вчера, въ 5 ч. послѣ обѣда, когда я сбирался доканчивать Листокъ, пришелъ студентъ Тальгренъ. Мнѣ сначала досадно было, что онъ такъ отнялъ у меня дорогое время; но у меня на столѣ лежала одна часть *Муравьева*, и я съ нимъ началъ попеременно читать ее вслухъ, что̀ было обоимъ намъ пріятно. Въ 7 ч. пришелъ Готлундъ, потомъ Лундаль и Клинковстремъ молодой, котораго жена была у дамъ. Они пробыли до 10 ч., а тогда я проводилъ Клинковстрема до дому. Лундаль говорилъ, что во время моего отсутствія лѣтомъ здѣсь былъ вашъ студентъ Д е с т у н и с [1]), который желалъ со мною познакомиться и болѣе разу былъ у меня. Онъ Лундалю показался необыкновенно умнымъ и основательнымъ малымъ. Кромѣ названныхъ лицъ для полученія Современника, я бы еще предложилъ Тальгрена, который по бѣдности не можетъ покупать книгъ, а по усердію заслуживаетъ поощренія? Я ему вчера подарилъ нѣсколько неполныхъ дублетовъ стараго Современника.

Сегодня была консисторія, во время которой получено твое письмо.

Одно не могу понять: какъ вы съ Александрой Осиповной можете читать вслухъ журналы? Я понимаю, что можно въ досужный часъ наскоро пробѣгать глазами рецензіи Бѣлинскаго и статьи Погодина; но посвятить имъ такое вниманіе, которое предполагается при чтеніи вслухъ, когда не только всякая фраза, но и всякая буква произносится,—это для меня было бы только тогда понятно, когда бы или въ мірѣ не было книгъ лучше, или когда бы вы уже все лучшее прочитали. Давно уже не упоминалъ мнѣ никто о De Gérando, еще давнѣе о Les femmes г-жи Tastu. Развѣ эти книги уже вполнѣ прочитаны? Сколько есть классическихъ (т. е. первостепенныхъ) историческихъ сочиненій, которыя должны быть извѣстны всякому образованному человѣку и которыхъ вы не читали. Назову только Гизо, Villemain, не упоминая о другихъ умныхъ французахъ. А вы читаете *вслухъ* журналы, т. е. употребляете на нихъ часы, вмѣсто минутъ. Можетъ быть,

[1]) Гавріилъ Спиридоновичъ (кончившій курсъ кандидатомъ въ 1838 г.) — извѣстный впослѣдствіи ученый и профессоръ греческой словесности въ Спб. университетѣ, умеръ въ мартѣ 1895 г.

и книги мною названныя могутъ быть замѣнены лучшими; но идеи вы не опровергнете.

Передъ этимъ письмомъ кончилъ Листокъ, куда для смѣха помѣстилъ 2 анекдота. Если не понравятся, можешь не печатать ихъ.

124.

(Плетневъ — Гроту) ***Спб., среда, 4 ноября 1842.***

Журналъ. Суббота (31 октября). Занимался корректурой № 1 Современника. Уже набрана статья Куторги и сцены изъ Семейства. Время стоитъ все несносное — слякоть.

Воскресенье (1 ноября). Хотѣли было навести мостъ, и я уже сбирался кое-куда съѣздить; однако, ледъ не позволилъ. Я отправился въ свою церковь университетскую къ обѣднѣ. Послѣ занимался новою корректурой Современника, отъ коей не могу отдѣлаться. Принесли Отечественныя Записки (этотъ журналъ выходомъ въ срокъ соперничествуетъ со Звѣздочкой, и потому я называю его толстою Звѣздою). Бѣлинскій въ № 11 Отечественныхъ Записокъ разсердилъ Александру Осиповну. Наканунѣ она читала Шевырева „О воспитаніи" и восхищалась какъ умомъ его, такъ и слогомъ. А Бѣлинскій въ третьей статьѣ своей о критикѣ и въ объясненіи на объясненіе Аксакова только и дѣлаетъ, что ругаетъ Шевырева, хотя не называя его, но намекая разными оборотами на этого профессора. Сколько наболталъ онъ въ этомъ № о всѣхъ журналистахъ вообще — и о Полевомъ въ отдѣльности, по случаю выхода драматическихъ его сочиненій! Я завидую этому таланту болтать вѣчно одно и то же на безграничномъ пространствѣ. Только ужъ это не критика: это обнаруженіе всѣхъ закулисныхъ дѣлъ. Александра Осиповна и Фуксъ (гувернантка) повредили себѣ глаза и горло отъ этого чтенія. У насъ никого не было. Александра Осиповна доставила мнѣ экземпляры Звѣздочки для отсылки къ тебѣ, кои ты и получишь съ означеніемъ на нихъ, кому онѣ слѣдуютъ.

Понедѣльникъ (2 ноября). Навели мостъ. Я тотчасъ отдалъ по университету два приказа: 1) созвать въ 6 ч. сегодня вечеромъ совѣтъ, а завтра повѣстить лекціи. Послѣ сего началъ собираться къ выѣзду. Пришелъ Никитенко. Хвалитъ Гоголя, а самъ все въ немъ, какъ цензоръ, вычеркиваетъ; напр. не позволяетъ сказать, что у чиновника сняли мошенники шинель у Поцѣлуева моста. Это — дескать личность, ибо точно когда-то случилось подобное. Вотъ его деликатность; а Бѣлинскому пропускаетъ все подноготное о Полевомъ! Я отправился прежде всего благодарить за ленту Дондукова и Уварова. Не засталъ обоихъ. Возвратясь домой, нашелъ орденскіе знаки, кои самъ Волконскій (какъ попечитель, слѣдовательно мой нынѣшній начальникъ)

привезъ ко мнѣ. Получилъ отвѣтъ Даля. Министръ хотя и говоритъ, что мѣсто это въ V классѣ, однако еслибы, познакомясь съ Константиномъ Карловичемъ, нашелъ его такимъ, какого желаетъ, то нашелъ бы способъ умирить законъ съ необходимостію. Я сейчасъ это письмо и свое послалъ въ Митаву. Богъ вѣсть, что-то будетъ съ обѣихъ сторонъ. Уваровъ прислалъ звать меня обѣдать. Очень любезничалъ съ моею звѣздой. Отъ него я поспѣшилъ въ совѣтъ, а оттуда къ Александрѣ Осиповнѣ. Читалъ къ ней твое письмо. Радъ, что статья о Крыловѣ тебѣ пригодилась. Какъ будешь внимательнѣе, многое выберешь изъ Современника для исторической литературы. Кто такая Титова, рекомендовавшая Козловыхъ? Этихъ я нѣкогда коротко зналъ.

Вторникъ (3 ноября). Поѣхалъ въ Царское Село. У Императрицы читали Галубъ и начало Тараса Бульбы. Кончимъ здѣсь, ибо въ субботу они пріѣдутъ. Наслѣдникъ поздравлялъ меня дружески со звѣздою. Государь былъ еще любезнѣе со мною: взявъ меня за руку, усиливался насильно посадить. Я не поддался; но не было духу партикулярно благодарить его за свѣтлую милость.

125.

(Плетневъ — Гроту) ***Спб., субб., 7 нояб. 1842.***

Отвѣтъ на письмо отъ 25 октября. Обратиться къ А. Армфельту о присылкѣ книги „Описаніе рукописей Румянцевскаго музеума“ потому можно, что эта книга и для Россіи рѣдкая; ее напечатано только 500 экземпляровъ, изъ числа коихъ Министерство народнаго просвѣщенія взяло 200 для разсылки по учебнымъ заведеніямъ. Впрочемъ, мое дѣло только сказать, а ты дѣйствуй, какъ знаешь, или какъ найдешь лучше. *Шпаргаломъ* въ шутку называютъ все старое, засохшее и почти истлѣвшее, особенно въ отношеніи къ стариннымъ рукописямъ и бумагамъ. Совѣтую къ Юнгмейстеру написать строже и рѣшительнѣе, прибавивъ, что при малѣйшей первой неисправности ты безъ оговорокъ избираешь корреспондентомъ университета новаго книгопродавца, Ольхина, столь отлично и конечно по заслугамъ рекомендованнаго публикѣ Булгаринымъ, который облекъ его высокою своею довѣренностію. Мнѣ думалось, что объ этомъ № Современника (IV) ты разговоришься со мною поболѣе. Я много внесъ въ него разныхъ своихъ заплатъ, требовавшихъ дружескаго твоего отзыва. Глинка [1]), какъ ребенокъ, не могъ дождаться своей у меня статьи и передалъ ее, не предувѣдомивъ меня, въ Москвитянинъ. Мнѣ урокъ: не связываться съ малодушными дѣтьми. Кланяйся отъ меня Фанни. Скажи, чтобы

[1]) Θедоръ Николаевичъ, извѣстный поэтъ, писатель и публицистъ, ум. 1880 г.

непремѣнно писала она обо мнѣ хоть по полуслову къ Розинѣ и Наймѣ. А ты и не упомянулъ, когда послѣдняя отправилась въ Стокгольмъ: вмѣстѣ ли съ сестрою, или изъ Гельсингфорса?

Журналъ. Среда (4 ноября). Лекцій и академіи нѣтъ. Мои дамы, утромъ съѣздивъ въ среду въ танцклассъ, пріѣхали ко мнѣ обѣдать. Въ это время подали мнѣ оба послѣднія твои письма, на кои сегодня я отвѣчалъ. Вечеромъ Оля читала намъ изъ Мильвуа: „Паденіе листьевъ“, а я ей нашелъ подражаніе сему Батюшкова: „Послѣдняя Весна“.

Четвергъ (5 ноября). Общее собраніе академіи. Одоевскій прислалъ въ академію просьбу о позволеніи издавать для народа святцы. Отказали; ибо это привилегія академіи. Такъ какъ Энгельгардтъ очень былъ разстроенъ смертію его воспитанницы, умершей отъ родовъ, то я на вечеръ пошелъ навѣстить его. У него сидѣли двѣ дочери покойнаго Шторха [1]). Было довольно холодновато. Однако Энгельгардтъ успѣлъ мнѣ повторить анекдотовъ пятокъ старыхъ.

Пятница (6 ноября). Весь день работалъ для Современника. Вечеромъ явился Петерсонъ съ двумя статьями — и мы на чай пошли къ Александрѣ Осиповнѣ, гдѣ читали глупѣйшую повѣсть изъ Сына Отечества — Масальскаго.

126.

(Плетневъ — Гроту) ***Спб., среда, 11 ноября 1842.***

Журналъ четырехъ послѣднихъ дней. Суббота (7 ноября). Ни лекцій въ университетѣ, ни собранія въ академіи не было за остановившимся льдомъ. На вечерѣ у Александры Осиповны читали разныя статьи (особенно повѣстцы) изъ Москвитянина. Музыка.

Воскресенье (8 ноября). Кончивъ утреннія занятія пошелъ къ обѣднѣ. При возвращеніи оттуда зашелъ съ визитомъ къ старому Миддендорфу и его сыну (послѣдній отправляется въ путешествіе по Сибири 14 ноября), но никого не засталъ. Старикъ третьяго дня самъ прибрелъ поздравить меня съ лентой. Онъ очень сталъ дряхлъ и, кажется, не долго ему жить. Поговариваютъ, что его мѣсто Уваровъ готовитъ нашему философіи профессору Фишеру. Ему тамъ легче будетъ справиться со студентами, которые точно телята. Прежде, нежели пріѣдутъ мои дамы, я пошелъ прогуляться. Онѣ прибыли въ одинъ моментъ со мною. Мы принялись за продолженіе повѣсти г-жи Ганъ (уже покойницы) [2]). Обѣдали одни. Послѣ обѣда еще читали сперва Ганъ, потомъ продолжали добраго и умнаго Дежерандо, а кончили божественнымъ Жуковскимъ („Торжество побѣдителей“ изъ Шиллера: это resumé Иліады). На вечерѣ у меня никого постороннихъ не было.

[1]) Андрея Карловича, академика и вице-президента академіи наукъ, ум. 1839 г.

[2]) Елены Андреевны, писательницы (Псевд.: Зинаида Р — ва), ум. въ іюнѣ 1842 г.

Понедѣльникъ (9 ноября). Началъ день письмомъ къ Павскому. Былъ у Уварова: я старался заинтересовать его разсказами о книгѣ Павскаго. Уваровъ наконецъ сказалъ, чтобы я къ нему прислалъ автора съ книгою. Вѣрно онъ хочетъ или представить ее Государю, или предложить его въ члены академіи. Вотъ объ этомъ-то я и писалъ. Послѣ вдался я въ библіографію Современника. Между тѣмъ, на Невѣ передъ моими окнами настилали по льду мостки. Народомъ кипѣла моя набережная. Принесли ко мнѣ письмо отъ Квитки, который (малороссъ) спохватился видно, догадавшись по объявленію, что я и безъ него не унываю. Всю вину молчанія своего сваливаетъ на какого-то родственника, которому-де лѣтомъ поручалъ со мною видѣться, а тотъ сего не исполнилъ. Объявляетъ, что хочетъ пробовать свойства новыхъ журналистовъ. Я радъ, пускай попробуетъ, да и сравнитъ. Прогулку я направилъ къ Александрѣ Осиповнѣ, которая съ великою радостію читала мнѣ твое письмо и отдала Листокъ. Послѣ моего обѣда пришелъ ко мнѣ извѣстный уже тебѣ мой Барановскій. Онъ принесъ мнѣ въ подарокъ сочиненный имъ и изданный Юнгмейстеромъ Атласъ древняго міра. Прелестное и умное дѣло. Совѣтую это выписать. Барановскому хотѣлось бы занять въ Кіевѣ каѳедру русской или славянской литературы. Но какъ онъ не имѣетъ никакой ученой степени, то я и не думаю, чтобы министръ согласился. На чай отправился я къ Местрамъ, гдѣ была Мердеръ и князь Голицынъ, женатый на внучкѣ Суворова.

Вторникъ (10 ноября). Чтеніе Бульбы у Императрицы. Она чувствуетъ начало гриппа — и лежала на кушеткѣ. Навѣщали Государь, Наслѣдникъ и всѣ дѣти. О Козловыхъ она знаетъ, что онѣ въ Гельсингфорсѣ. Бульба и сѣча очень ей нравятся. Была рѣчь и о крестинахъ у Паткуля. Государыня вмѣсто себя (за нездоровьемъ) посылаетъ дочь, Александру Николаевну, которая будетъ крестить съ Наслѣдникомъ. Дома принялъ визитъ моихъ дамъ. Послѣ отправился къ княгинѣ Трубецкой (столь знаменитой красотою при Александрѣ). Она совѣтовалась объ участи сына, ужасно больного и дошедшаго такъ до 18 лѣтъ. Отъ нея къ Огаревымъ, уже возвратившимся изъ двухъ вояжей: по Германіи и Россіи. Чай у Балабиныхъ, гдѣ чтеніе Семейства, начатое прежде.

127.

(Гротъ — Плетневу) *Гфорсъ, воскр., 8 ноября 1842.*

Вчера послѣ отправленія письма читалъ латинскія упражненія студентовъ, 15 штукъ — для произнесенія по нимъ вмѣстѣ со всѣмъ философскимъ факультетомъ приговора. Пошелъ съ визитами и никого дома не засталъ; наконецъ, посидѣлъ у профессора Тенгстрема. Сегодня утро началъ латынью, за которую опять принялся по случаю пред-

стоящихъ публичныхъ экзаменовъ. Потомъ готовился къ завтрашней лекціи, но вскорѣ оставилъ это, чтобы взяться за историческія таблицы. Ими я и занимался уже во весь день, кромѣ гулявыхъ часовъ, и съ большимъ удовольствіемъ. Дошелъ до Іоанна III, докуда дойдетъ и завтрашняя лекція моя. Идея этихъ таблицъ та же, о которой я прошлаго еще года писалъ тебѣ, но съ нѣкоторымъ измѣненіемъ. Вечеромъ готовился опять къ лекціи, а въ 8 часовъ поѣхалъ прокатиться въ крошечныхъ санкахъ Грипенберга; шелъ сильный, но мокрый снѣгъ. Оттуда къ Эттеру, гдѣ были мои дамы. Тамъ былъ Чепурновъ, Теслевы, Ольга Армфельтъ и другіе. Дѣти и молодежь играли въ разныя игры. Въ перебѣжкѣ и я принялъ участіе. Фрейлина Теслева и Ольга обѣ прелестны и обѣщаютъ Гельсингфорсу двухъ красавицъ. Но я отдаю предпочтеніе Теслевой — въ ея лицѣ удивительная доброта. Она благодарила меня за Звѣздочку и сказала, что 14-ю книжку уже прочла. Старикъ поздравляетъ тебя со *звѣздой*, — онъ читалъ уже о ней въ Инвалидѣ. Уходя, позвалъ меня завтра обѣдать у него. Какъ странно, что ты до тѣхъ поръ не имѣлъ *звѣзды*, пока не существовала *Звѣздочка*.

Вторникъ вечеромъ. Вчера послѣ обѣда и послѣ прогулки я хотѣлъ хорошенько заняться газетами и „Семействомъ“, но не успѣлъ прочесть и газетъ, какъ пришелъ Гартманъ отецъ. Онъ долго курилъ сигарку и потомъ пилъ чай у дамъ. Только что я его проводилъ изъ передней, явились Кольбарсы и просидѣли остатокъ вечера.

Среда. Сегодня поутру послалъ 4 или 5 тетрадей Семейства къ секретарю для отправленія завтра въ цензурный комитетъ. Пошелъ гулять и встрѣтилъ Гартмана; ему такъ нравится мое купанье по утрамъ, что онъ самъ хочетъ купаться такимъ образомъ; только онъ полагаетъ, что не хорошо *тотчасъ* послѣ того пить кофе, почему я и начну купаться ранѣе. Послѣ обѣда принесли совсѣмъ неожиданно послѣднюю партію Звѣздочки съ твоими двумя оффиціальными надписями. Вслѣдъ затѣмъ принесли прелестную записочку отъ баронессы Котенъ.

На нынѣшней недѣлѣ я, кажется, не успѣю доставить тебѣ *Листка*, потому что долженъ готовиться къ латинскимъ экзаменамъ въ исторіи.

Пятница. Третьяго дня у баронессы Котенъ была молодая Аминова (бывшая Рамсай) и Пушкина. Котенъ уговаривала меня принять роль въ пьесѣ, которую затѣваютъ Клинковстремы и гдѣ она будетъ также играть. Вчера былъ зовъ къ Клинковстремамъ. Тамъ была та же компанія и еще нѣсколько человѣкъ. Leduc прочелъ двѣ пьесы, очень хорошенькія, одна изъ нихъ удивительно смѣшна. Потомъ ужинали. Я принужденъ былъ согласиться на нѣкоторыхъ условіяхъ принять маленькую и незначительную роль.

Суббота. За совѣтъ насчетъ послѣдней книги Языкова я во вся-

комъ случаѣ тебя благодарю. Мнѣ хотѣлось написать тебѣ поподробнѣе о послѣднемъ Современникѣ, потому что все написанное тобою я читалъ съ большимъ участіемъ; но, милый, ты забываешь, до какой степени всѣ часы мои, свободные отъ занятій по лекціямъ, не многочисленны и какъ опредѣленно ихъ назначеніе. Изъ нихъ ни 1/4 часа не могу отнять, не разстроивъ всего плана своихъ занятій. Ты видѣлъ, что на свободное чтеніе я могъ въ недѣлю употребить только часъ. Можешь представить, какъ я долженъ быть экономенъ на время, чтобы успѣвать сдѣлать все предположенное. Такъ ты сегодня чуть было не остался безъ Листка. Однакожъ я рѣшился употребить на него часа 3, которые были назначены для Звѣздочки, и ты его получаешь — извини, каковъ есть.

Объ отъѣздѣ Наймы, сколько помню, я въ свое время тебѣ разсказывалъ. Она поѣхала прямо изъ Радельмы одна съ дѣвушкой послѣ сестры.

Кого ты разумѣешь подъ словомъ: *новые журналисты*, которыхъ Квитка хочетъ пробовать?

128.

(Плетневъ — Гроту) ***Спб., субб., 14 ноября 1842.***

Отвѣтъ на письмо отъ 2 ноября. Современникъ всѣмъ девятерымъ по росписанію высылаться будетъ. Ужели Роза Карловна, бывъ сотрудницею, не хочетъ получать особаго себѣ экземпляра? Не забудь о семъ спросить и увѣдомь. Тогда будетъ ровно 10 экземпляровъ. Услугъ Полевого русской исторіи я не признаю; ибо нѣсколько идей, встрѣченныхъ тобой, не его, а схвачены у иностранныхъ писателей и къ довершенію бѣды его глупо употреблены. Пока мы станемъ въ національномъ дѣлѣ нашемъ хвататься за иностранцевъ, все у насъ будетъ итти криво и косо à la Polevoy. Листковъ изъ скандинавскаго міра до сихъ поръ ты мнѣ прислалъ 14. Половина уже напечатана. Дестунисъ (грекъ, сынъ переводчика Плутарха на русскій языкъ) точно уменъ и дѣльный малый; но тонокъ и вкрадчивъ, какъ всѣ греки. Мы читаемъ вслухъ нарочно что-нибудь легкое, коротенькое и современное. Александрѣ Осиповнѣ иначе и не пришлось бы узнать ничего изъ текущей литературы русской. А это не годится, когда издаешь журналъ: попадешь какъ разъ въ просакъ. Серіозное же чтеніе я люблю про себя наединѣ. Оно требуетъ тишины и вниманія, чего никакъ не добьешься въ обществѣ, особенно гдѣ и дитя: вѣдь ее не выгнать же изъ комнаты. А серіознаго для нея ужъ слишкомъ много въ жизни, даже одно то, что живетъ—не видя дѣтей.

Журналъ трехъ дней. Среда (11 ноября). Я упомянулъ тебѣ о Трубецкой. У нея сынъ 18 лѣтъ. Но онъ все былъ боленъ и слѣдовательно не могъ ничему учиться. Послѣ 4 лѣтъ пребыванія за границей,

онъ все-таки остался съ бѣльмами на обоихъ глазахъ, съ хирагрой въ пальцахъ рукъ и подагрой въ ногахъ. Будущей весной одно бѣльмо снимутъ, а чрезъ годъ другое. Вотъ она и хлопочетъ, чтобы его начать готовить въ число вольнослушающихъ въ университетъ. Я ей рекомендовалъ одного кандидата, который сегодня затѣмъ и явился ко мнѣ. Это Собѣщанскій (Игнатій) изъ поляковъ, уже рекомендованный мной Перовскому. Пришелъ ко мнѣ Никитенко и показалъ письмо изъ Рима отъ Гоголя, который разсыпается передъ нимъ въ комплиментахъ, потому что Никитенко цензируетъ его сочиненія. Я краснѣлъ за униженіе, до котораго въ нынѣшнее время доведены цензурою авторы: они принуждены подличать передъ людьми... Что если нѣкогда это письмо Никитенко напечатаетъ въ своихъ мемуарахъ? Не таковы были Дельвигъ и Пушкинъ.

Пріѣхалъ ко мнѣ послѣ него Струве [1]) объявить, что Савича онъ переводитъ въ Харьковъ, а намъ дадутъ Шидловскаго (см. № 4 Современника) [2]). Я долго говорилъ съ нимъ о Лундалѣ (астрономѣ). Струве о немъ отозвался съ истиннымъ уваженіемъ, назвавъ единственно-достойнымъ преемникомъ Аргеландера [3]). Я съ своей стороны познакомилъ Струве съ Августой [4]) и всѣмъ этимъ замѣчательнымъ семействомъ. Передай это Лундалю: онъ будетъ радъ, узнавъ, что Струве не переcталъ уважать его, да разнеси это и по консисторіи. Пусть узнаетъ она, что чуть было не сдѣлала глупости, усомнившись въ Лундалѣ. Съѣздилъ съ визитомъ къ Бобринской, которой сынъ (студентъ) нечаянно наткнулся дома на лежавшую голую шпагу и прокололъ между брюхомъ и пахомъ. Еще къ Карамзинымъ, коихъ не засталъ. Дома нашелъ уже дамъ моихъ. Послѣ обѣда читали сперва твое письмо, а потомъ изъ № 11 Отечественныхъ Записокъ испанскую драму—очень интересную.

Четвергъ (12 ноября). Прогулялся до Одоевскаго, коего не засталъ. Татариновъ, попавшійся на дорогѣ, объявилъ, что А. Армфельтъ женится на Демидовой, только не на Аврорѣ, а на Алинѣ [5]). Вотъ здѣсь кстати пословица: Ѳедотъ, да не тотъ. Получилъ письмо отъ Константина Карловича. Онъ бы готовъ и пріѣхать, да не знаетъ, когда отпустятъ.

А propos: Вѣдь ты къ Рождеству пріѣдешь сюда съ Розой Карловной? Не забудь предувѣдомить. Это мнѣ нужно знать непремѣнно.

[1]) Василій Яковлевичъ, директоръ главной Николаевской обсерваторіи, членъ академіи наукъ, ум. 1864 г.

[2]) Статья А. Шидловскаго „Наблюденія солнечнаго затмѣнія 1842 г. въ Липецкѣ". Позже онъ—профессоръ Кіевскаго университета.

[3]) Argelander, Friedr. Wilhelm., до 1846 г. профессоромъ астрономіи въ Гельсингфорскомъ университетѣ (потомъ въ Боннѣ въ Германіи), ум. 1875 г.

[4]) Сестрой профессора Лундаля.

[5]) См. стр. 224.

Пятница (13 ноября). Еще божественный день; кончивъ дѣла, я пустился: къ Вяземскому — не засталъ, къ Растопчиной — не пріѣхали изъ деревни. Дома лишь отобѣдалъ, ко мнѣ пріѣхалъ Павскій. Я ему прочиталъ твой сонъ. Ему это было любо. Велѣлъ писать *шти*, ибо корень только *и:* такъ въ Св. Писаніи. Еще жен*н*инъ, ибо муж*н*инъ, брат*н*инъ и сват*н*инъ. А твои примѣры не годятся, относясь къ другому свойству прилагательныхъ. Послѣ него я писалъ библіографію, поправлялъ корректуру Современника, читалъ Дежерандо и Отчетъ Протасова. Чай пилъ у Балабиныхъ. Прощай.

129.

(Гротъ — Плетневу) ***Гфорсъ, понед., 16 ноября 1842.***

Я не сомнѣваюсь, что сестрѣ будетъ пріятно получать особый экземпляръ Современника. Итакъ присылай 10-й. Нечего ее и спрашивать. Ты Полевого „Исторіи“ такъ не изучалъ, какъ я, и потому позволь мнѣ остаться при моемъ мнѣніи; удивительно, какія въ ней неровности. Видно, что у него совсѣмъ нѣтъ чутья отличать интересное для читателей отъ утомительнаго; по крайней мѣрѣ онъ объ этомъ не заботится. Но когда дотронется онъ до интереснаго, какъ его изложеніе вдругъ сдѣлается оживленно, увлекательно, оригинально! Тогда является кисть, правда, небрежная, но смѣлая, иногда дерзкая и чрезвычайно вѣрно характеризующая событія и людей. Особенно удаченъ онъ въ описаніи народныхъ волненій и характеровъ безпокойныхъ, наглыхъ, мятежныхъ. Это его стихія,—тогда я ему завидую. Идей относительно русской исторіи онъ не могъ заимствовать у иностранныхъ писателей: онѣ принадлежатъ ему, и нѣкоторыя замѣчательны. Не можешь ты никакъ побѣдить въ себѣ нетерпимости, которая не позволяетъ тебѣ видѣть и хорошую сторону въ людяхъ, у которыхъ много дурного. Удивительно, какъ духъ партіи силенъ и надъ самыми благомыслящими людьми.

Не вижу, чтобы изданіе журнала ставило въ необходимость знать содержаніе пустыхъ беллетристическихъ произведеній; другое дѣло — знать текущія новости, т. е. знать *существованіе* появляющихся вновь вещей и сужденіе о нихъ. Но я не спорю, что и въ первые можно заглядывать; только не понимаю, какъ можно *вслухъ* читать такія вещи, о которыхъ почти навѣрное напередъ знаешь, что онѣ не стоятъ вниманія!.. Слушающій долженъ тутъ, кажется, заснуть, а читающій лишенъ того ободренія, которое необходимо для сноснаго чтенія и заключается въ увлекательности читаемаго, во вниманіи слушающаго. Нѣтъ, друзья, не дорого вамъ время! Что нужнѣе: знать эти эфемерныя, ничтожныя явленія или дѣйствительно хорошее въ современной литературѣ? Не все же хорошее — и тяжело и слишкомъ серіозно.

Назову для примѣра *путешествія,* напримѣръ Мармона — по южной Россіи, Давыдова — по Греціи, Дюмонъ - Дюрвиля — по всему міру. Ужели и это тяжело читать?

Струве далъ Лундалю чрезвычайно лестное и предлинное свидѣтельство, которое у насъ въ консисторіи читалось вслухъ и хорошо извѣстно всѣмъ, до кого касалось дѣло Лундаля или кого интересуетъ судьба его. О бракѣ Армфельта съ Алиною здѣсь давно уже толкуютъ; наконецъ и самъ женихъ писалъ объ томъ брату, и я сбирался написать это вамъ.

Спрашиваешь: пріѣду ли я съ сестрой на Рождество? Человѣкъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ. Мнѣ очень хочется повидаться съ вами опять, и я вчера уже говорилъ о томъ сестрѣ, предлагая ей ѣхать со мною. Она прежде рѣшительнаго отвѣта должна снестись съ другомъ своимъ — Скрыпицыною, у которой останавливается.

Въ субботу вечеромъ я былъ у Козловыхъ, гдѣ сидѣлъ здѣшній полковникъ Шульцъ съ женой. Онѣ бѣдныя здѣсь еще почти ни съ кѣмъ не познакомились, и я боюсь, чтобы имъ Гельсингфорсъ не наскучилъ. Вчера вечеромъ пошелъ я къ Рейну; онъ получилъ мѣсто одного изъ здѣшнихъ цензоровъ — 600 руб. асс. жалованья. Сегодня послѣ лекціи ходилъ смотрѣть кое-какія продающіяся сани: надобно купить, чтобы маменька во время моего отсутствія не осталась безъ экипажа.

Вторникъ, 17 ноября. Перечитывая первую страницу этого письма, нахожу, что я, можетъ быть, строго упрекнулъ тебя въ осужденіи Полевого; но ты разъ самъ просилъ меня нападать на твою нетерпимость: кто могъ такъ говорить, тотъ, конечно, вынесетъ всякую дозу строгости безъ вреда для душевнаго здоровья. Починявшіеся сани наконецъ готовы, отдѣланы щегольски. Въ тотъ же вечеръ мы всѣ трое ихъ обновили.

Среда. Съ 11 часовъ сидѣли у меня и сочиняли по-русски, для полученія свидѣтельства, магистры Валленъ и Идманъ. Идманъ кончилъ во 2-мъ часу — очень плохъ; Валленъ просидѣлъ до исхода 4-го и написалъ порядочно! Въ 6 часовъ поѣхалъ я въ собраніе факультета.

Сестра пишетъ завтра къ Маріе Скрыпицыной. Нужно ли тебѣ говорить, съ какимъ я нетерпѣніемъ жду свиданія съ вами? Цѣлые 3 мѣсяца я только и думалъ, что пора разлуки, одиночества и трудовъ смѣнится опять немногими днями свиданія и свободы.

Друзья мои! прекрасенъ нашъ союзъ;
Онъ какъ душа нераздѣлимъ и вѣченъ,
Неколебимъ, свободенъ и безпеченъ
Сростался онъ подъ сѣнью дружныхъ музъ.

Четвергъ. Вчера на вечеръ былъ званъ къ Пушкиной. Тамъ было пропасть людей, но не танцовали. Въ 11 часовъ ужинали, и я возвратился.

130.

(Плетневъ — Гроту) ***Спб., среда, 18 нояб. 1842.***

Журналъ четырехъ дней. Суббота (14 ноября). Долго утромъ писалъ письма. Занимался корректурой Современника. Подали пакетъ съ донесеніемъ отъ Прейса [1]), приготовляющагося за границей для занятія у насъ каѳедры славянскихъ нарѣчій. Тутъ же его рапортъ и къ г. министру, что я отправилъ по принадлежности. Въ академію наукъ, гдѣ возложили на меня составить годичный отчетъ о дѣйствіяхъ отдѣленія русскаго языка и словесности. За обѣдомъ у П. Максимовича былъ Фуруельмъ, съ которымъ мы отправились на вечеръ къ Александрѣ Осиповнѣ. Тамъ былъ и Петерсонъ. Рѣчь зашла о Сведенборгѣ, о коемъ прочитали статью изъ конверсаціоннаго лексикона. Я поручилъ Петерсону собрать все, что онъ можетъ о семъ философѣ для Современника. Послѣ читали изъ Москвитянина о Мирошевѣ Загоскина и Комарахъ Булгарина. Послѣднее очень смѣшно и зло. Тамъ же читали Бычкова статью: О шведской литературѣ за два послѣдніе года. Опять ни слова о Современникѣ [2]). Это умыселъ москвитянъ противъ насъ, петербургскихъ. Они и знать не хотятъ о томъ, что мы дѣлаемъ.

Воскресенье (15 ноября). Пошелъ къ своей обѣднѣ. Являлся Элпатьевскій [3]), ищущій у насъ вакантной каѳедры русскаго права на мѣсто покойнаго барона Врангеля. Пошелъ прогуляться. Видѣлъ на Невскомъ проспектѣ, какъ графиня Луиза съ дочерьми и еще кѣмъ-то каталась четверкою въ четвероместныхъ саняхъ. Кланялся съ Матильдой. Встрѣтился Паткуль съ женой. Ходилъ съ ними. Marie стала божественно мила. Встрѣтился Беллингъ [4]), учитель музыки Великихъ Княженъ. Онъ взялся давать Олѣ уроки на фортепьяно. Съ среды начнемъ.

Послѣ обѣда Александра Осиповна прочитала мнѣ статью, которую ея духовникъ ей далъ для Звѣздочки. Это разсказъ о блудномъ сынѣ. Очень мило. Послѣ она читала свои извлеченія изъ Москвитянина о Петрѣ Великомъ тоже для Звѣздочки. Прекрасно. Нартовскіе анекдоты она превратила въ разсказъ о путешествіи Петра Великаго за границею. Мнѣ подали письмо отъ Дершау. Меня это очень затрудняетъ. Я не рѣшился отвѣчать ему, пока ты не скажешь положительно, что мнѣ писать къ нему. И для того я здѣсь прилагаю его письмо въ подлинникѣ, а ты съ своею резолюціею возврати мнѣ его по первой же

[1]) Петръ Ивановичъ, извѣстный славистъ, ум. 1846 г.

[2]) Аѳанасія Ѳедоровича Бычкова: „Обозрѣніе шведской литературы“ (сост. за 1839 г.), Москвитянинъ 1842, ч. V, 33—56.

[3]) Василій Кондратьевичъ, профессоръ Спб. университета, ум. 1854 г.

[4]) Андрей Андреевичъ, служившій при лютеранскомъ училищѣ Св. Петра, см. о немъ ниже, стр. 646.

*

почтѣ. Послѣ мы читали въ № 10 Москвитянина о Диккенсѣ. Александра Осиповна замѣтила, что онъ по характеру своему, особенно по любви къ дѣтямъ, очень похожъ на тебя. За чаемъ никого постороннихъ не было.

Понедѣльникъ (16 ноября). Подали изъ цензурнаго комитета пакетъ съ „Семействомъ". Благодарю тебя и цѣлую ручки у Розы Карловны. Явился Петрашевскій, полякъ, назначенный въ помощь профессоровъ турецкаго, персидскаго и арабскаго языковъ. Былъ профессоръ Шнейдеръ съ представленіемъ своего письменнаго мнѣнія о диссертаціи одного кіевскаго профессора о римскомъ правѣ. За нимъ приходилъ профессоръ Баршевъ [1]) поздравить съ Монаршею милостію. Я составляю окончаніе Современника по части библіографіи и стихотвореній. У меня будетъ Языкова прелестная элегія и стихи Милькѣева, гдѣ я приписываю, что извѣстіе о немъ, напечатанное въ Москвитянинѣ, помѣщено было въ Современникѣ 1838 года. Прогуливался передъ обѣдомъ, что̀ нынѣ дѣлаю ежедневно, чувствуя, какъ это поправляетъ здоровье. Встрѣтился съ М. Куторгою, которому далъ совѣтъ уладить миролюбиво преогромное дѣло съ иностранною цензурою о книгахъ, распечатанныхъ и непредъявленныхъ въ комитетъ. Онъ, правда, тутъ не совсѣмъ виноватъ, но прикосновененъ — и потому можетъ легко пострадать. Послѣ обѣда отправился въ совѣтъ. Принялъ поздравленіе отъ членовъ. Чижовъ [2]) произведенъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники. Баллотировали Усова [3]), преподавателя технологіи и реальныхъ наукъ, въ адъюнкты. Грефе [4]), прослужившій 30 лѣтъ профессоромъ, также снова подвергнутъ былъ по уставу сужденію совѣта и аттестованъ способнымъ еще продолжать службу. Послѣ совѣта на чай уговорилъ меня къ себѣ ѣхать Никитенко, гдѣ даже и ужиналъ я, хотя этого обыкновенно не дѣлаю.

Вторникъ (17 ноября). Пѣшій отправился въ Зимній дворецъ. Мнѣ встрѣтился идущій ко мнѣ Ѳ. Ѳ. Корфъ. Онъ везъ мнѣ какую-то критическую статью. Я ее не читалъ еще. Такъ какъ Императрица не очень здорова, то мы у Великой Княжны Ольги Николаевны читали Жуковскаго, не желая продолжать одни Бульбу. Къ концу нашего чтенія доложили, что Аврора Демидова желаетъ представиться Ея Высочеству. Мы, наконецъ, къ ней вышли всѣ вмѣстѣ. Она и со мной перемолвила слова два, причемъ Великая Княжна замѣтила ей, что мы люди знакомые. Кончивъ корректуры Современника и Звѣздочки, я пошелъ передъ обѣдомъ прогуляться. Почти ежедневнымъ спутникомъ

[1]) Сергѣй Ивановичъ, извѣстный профессоръ уголовнаго права, ум. 1882 г.

[2]) Дмитрій Семеновичъ, профессоръ по каѳедрѣ математики, членъ россійской академіи, писатель, ум. 1852 г.

[3]) Степ. Мих., позже профессоръ университета (сельскаго хозяйства), ум. 1859 г.

[4]) Христіанъ Фридрихъ (Ѳед. Богдановичъ), профессоръ-классикъ, ум. 1851 г.

моимъ бываетъ Пинскій [1]), нѣкогда мой товарищъ по педагогическому институту, а нынѣ оберъ-прокуроръ. Попался и Устряловъ, который предпринимаетъ писать исторію Петра Великаго, и потому министръ народнаго просвѣщенія исходатайствовалъ ему свободный пропускъ въ архивы: иностранный, сенатскій, военный и морской. Увидимъ, что-то онъ сляпаетъ. Кажется, не по коню сѣдокъ. Послѣ обѣда принесли мнѣ 36 протоколовъ засѣданій отдѣленія русскаго языка и словесности — матеріалы для отчета. Боже мой! Я скоро обращенъ буду въ машину отчетовъ. Обнимаю тебя, милый.

131.

(Гротъ — Плетневу) *Гфорсъ, 21 ноября 1842.*

Любезный Петръ Александровичъ, посылаю тебѣ *Листокъ*. Вопросъ о письмѣ Дершау разрѣшенъ на дополнительномъ листкѣ, который ты можешь подъ этимъ же заглавіемъ напечатать [2]) и въ такомъ случаѣ, если остальные уже напечатаны для № 1-мъ 1843 г. Кажется, этимъ будетъ исполнено желаніе Дершау. Напиши ему, что будетъ — какъ онъ просилъ, и чтобы онъ подавалъ скорѣе свой первый періодъ Исторіи Финляндіи для Современника. На остальные пункты твоего письма отвѣчать не успѣю. У насъ была сегодня консисторія: Боргъ присягалъ и сидѣлъ. Лундаль боленъ.

132.

(Плетневъ — Гроту) *Спб., субб., 21 ноября 1842.*

Отвѣтъ на письмо отъ 8 ноября. Меня очень порадовало твое извѣстіе насчетъ красоты Теслевой и О. Армфельтъ. Непремѣнно нужно для мужчины, чтобы въ кругу его знакомыхъ была красота — эта утренняя денница, располагающая на цѣлый день душу кротко и счастливо. Какъ ни умствуй, а отсутствіе красоты походитъ на неизмѣнно дурную погоду, которая и въ кабинетѣ и на открытомъ воздухѣ тяготитъ мысли и даетъ имъ или мрачный или неподвижный характеръ. О доставленіи Листковъ ты не очень безпокойся. Хорошо, когда есть время; но при приливѣ другихъ занятій это откладывай безопасно. Можетъ быть, даже я и ничего не помѣщу изъ находящихся у меня во 2 № Современника. Причина вотъ какая: въ № 1 есть начало статьи Куторги, продолженіе Семейства и продолженіе Листка. Первыхъ двухъ статей нельзя откладывать — и слѣдовательно эти заглавія снова явятся во 2 №. Но чтобы и третьяго заглавія въ немъ читатель не встрѣтилъ, я, можетъ быть, помѣщу что-нибудь

[1]) Карніолинъ-Пинскій, Матв. Мих., позже сенаторъ, ум. 1866 г.

[2]) См. Современникъ 1843 г., т. XXIX, стр. 105.

другое. Иначе подамъ поводъ зубоскаламъ гдѣ-нибудь пошутить, что у меня на цѣлый годъ запасено три статьи. Вѣдь они не станутъ оттѣнять, что и при единствѣ заглавій статьи-то все же новыя. А ужъ если нельзя будетъ избѣжать Листка, то у меня изъ него еще довольно на № 2. Да я думаю, со временемъ—не поразнообразить ли тебѣ и самое названіе, вотъ какъ: статьи коротенькія, анекдоты, извѣстія и проч. въ этомъ родѣ называть общимъ именемъ *Листокъ;* а статьи въ двѣ, три и болѣе печатныхъ осьмушекъ называть отдѣльнымъ именемъ, пріискивая его въ самомъ содержаніи, что̀ наприм. изъ прежнихъ можно бы сдѣлать съ извѣстіями: объ исторіи Петра Великаго, о книгѣ шведскаго путешествія и даже объ Альмквистѣ. Подумай-ка этакъ. Тебѣ все равно работать. Когда я получу что̀ безъ заглавія, то велю набирать въ Листокъ, а что̀ съ особымъ заглавіемъ, то тисну какъ отдѣльную статью. Это необходимо для нашихъ читателей, вообще скоро утомляющихся отъ единства заглавія, какъ бы интересно ни было содержаніе. Помнишь, какъ твой хваленый Полевой ругалъ меня за статьи Невѣдомскаго, въ заглавіи коихъ всегда встрѣчалось слово „Партизаны“, не смотря на то, что одни изъ нихъ дѣйствовали въ Россіи, другіе въ Испаніи, третьи въ Америкѣ, четвертые въ Англіи и пр. А кто Leduc? Квитка называетъ всѣхъ журналистовъ новыми, съ кѣмъ онъ еще не имѣлъ литературныхъ, т. е. по нынѣшнему денежныхъ сдѣлокъ, наприм.: Кони, Полевого, Булгарина, Погодина и прочую братію.

Журналъ трехъ дней. Среда (18 ноября). Отправилъ къ тебѣ письмо, прочиталъ съ грустію въ Сѣверной Пчелѣ о смерти Дежерандо — и тутъ же почтилъ память его чтеніемъ главы: De l'imitation et des exemples. Получилъ отъ Гоголя письмо изъ Рима. Онъ жалуется на безденежье. Я передалъ это письмо студенту графу Вьельгорскому, котораго отецъ получилъ Гоголевскіе экземпляры Мертвыхъ Душъ для поднесенія Царской фамиліи. Послѣ собственныхъ лекцій сидѣлъ на лекціяхъ М. Куторги и Фишера. Все по старому. Пришедъ въ 3 ч. домой, нашелъ не только моихъ дамъ, но и Marie Балабину съ матерью. Мать очень интересуется знать, пріѣдешь ли ты сюда къ Рождеству. Тотчасъ послѣ обѣда мы отъ нея получили для чтенія первый томъ: Philosophie du Christianisme. Это прекрасное сочиненіе мы тотчасъ же, кончивъ твое письмо и Листокъ, начали всѣ читать. На вечеръ пришли: Вельбрехтъ и Беллингъ. Послѣдній далъ урокъ музыки Олѣ. Это былъ общій нашъ праздникъ. Какой у него талантъ и какая образованность и вмѣстѣ какая скромность! Онъ изъ студентовъ одного нѣмецкаго университета. Въ Петербургѣ 25 лѣтъ — и основалъ академію пѣнія. Послѣ явились Максимовичи, Петерсонъ, С. Куторга, Прейсъ, возвратившійся изъ-за границы.

Четвергъ (19 ноября). Съ утра явился посолъ отъ Паткулей звать

меня къ нимъ сегодня на чай въ 8 часовъ вечера. Обѣщалъ пріѣхать. Отправился въ школу Принцессы. Тамъ пробылъ до 2-хъ часовъ. Меня засталъ тамъ Принцъ, пріѣхавшій съ панихиды по Александрѣ I изъ крѣпости. Онъ очень благодарилъ меня отъ имени Принцессы и отъ себя за участіе въ ихъ заведеніи. Поѣхалъ вечеромъ къ П—мъ. Нашелъ тамъ Мятлева и еще много гостей, особенно дамъ, между которыми, послѣ хозяйки, прекраснѣе всѣхъ была жена генерала Назимова [1]), служившаго при Наслѣдникѣ. Собраніе занято было самымъ прозаическимъ образомъ, какъ въ обыкновенныхъ гостяхъ: чай подносили, послѣ фрукты; сидѣли классически, чинно, мало разговаривая, и то общія мѣста. Мятлевъ взялъ меня въ другую комнату — и началъ читать мнѣ множество своихъ новыхъ стиховъ какъ изъ Курдюковой, такъ и мелкихъ пьесъ. Высвободившись отъ него, я, для оживленія общества, предложилъ ему читать мною слышанное для всего собранія. Онъ былъ радъ — а хозяева и больше того. Всѣ въ восхищеніи остались, а я, ускользнувъ незамѣтно, уѣхалъ на пріятнѣйшій вечеръ къ Карамзинымъ. У Карамзиныхъ я неожиданно нашелъ Растопчину. Она благодарила меня за знакомство съ тобою — и весь вечеръ все восхищалась тобою. Мужъ ея выздоровѣлъ, выйдетъ въ отставку — и они вмѣстѣ съ дѣтьми поѣдутъ за границу. Въ обществѣ Карамзиныхъ есть то, чего нигдѣ почти нѣту: свобода, а слѣдовательно и жизнь. Всякій выбираетъ себѣ пару, толкуетъ, что хочетъ, никто не женируется, уходятъ и приходятъ какъ у себя. Это бываетъ всякій день, и начиная съ 9 часовъ до какого угодно за полночь. Никакъ ни удивятся, что пріѣдешь въ полночь или даже въ часъ за полночь. Это причиной, что у нихъ собираются всѣ интереснѣйшія лица города, особенно молодежь обоего пола.

133.

(Гротъ — Плетневу) *Гфорсъ, понед., 23 ноября 1842.*

Всѣ твои милыя хлопоты о братѣ моемъ трогаютъ насъ; и маменька и я сердечно благодаримъ тебя за нихъ. Братъ въ сегодняшнемъ письмѣ говоритъ, что онъ сбирается проситься въ Петербургъ, хотя и не много надѣется на успѣхъ. Забавно мнѣ твое восклицаніе по случаю умолчанія въ Москвитянинѣ о статьяхъ Современника. Но развѣ другого и можно ожидать? Такъ ужъ водится всегда и вездѣ. Хорошо дѣлаешь, что прогуливаешься всякій день передъ обѣдомъ, продолжай. Исторію Петра Великаго можно поздравить, что она попала въ руки Устрялова; согласенъ я, что онъ немного сухъ, но у него вѣрный взглядъ и хорошая метода.

[1]) Владиміръ Ивановичъ, тогда ген.-маіоръ въ свитѣ Е. В., ранѣе состоялъ флиг.-адъютант. при Наслѣдникѣ Цесаревичѣ, впослѣдствіи попечитель Московскаго учебнаго округа, ум. 1874.

Ты правъ, что красота веселитъ. A propos, намедня Пушкина на своемъ вечерѣ была прекрасна. Очень справедливо то, что ты говоришь о необходимости разнообразить даже заглавіе въ журналѣ; я готовъ изъ большихъ матеріаловъ для Листка дѣлать особыя статейки. Такъ и отрывки изъ разсказовъ Кастрена о русскихъ лапландцахъ могутъ быть отдѣлены. Leduc есть новый гувернеръ Пушкиной, молодой французъ изъ Парижа, который забираетъ себѣ большія права и въ ея домѣ и въ здѣшнемъ обществѣ. De Gérando былъ уже очень старъ, онъ умеръ въ очередь. А всежъ и мнѣ жаль, что теперь ужъ нельзя будетъ считать его въ живыхъ. Чье сочиненіе: Philosophie du Christianisme? Не слишкомъ-то я вѣрю въ искренность похвалъ графини Растопчиной такому господину, какъ я. Но надобно искренно сказать, что она бабенка прелестная. У Карамзиныхъ еще было бы гораздо лучше, если бы все кончалось непремѣнно въ 11 часовъ.

Среда. Глупо, что мнѣ не удавалось этотъ разъ писать журналъ своевременно: какъ запомню я теперь, гдѣ былъ, начиная съ субботы? Въ воскресенье вечеромъ былъ я съ дамами у Козловыхъ, впрочемъ, недолго. Онѣ устроились очень великолѣпно: живутъ въ новомъ домѣ, накупили новой мебели и все чрезвычайно élégant. Однакожъ, нельзя жаловаться, чтобы въ нихъ не доставало любезности, и можно проводить у нихъ время съ комфортомъ. Онѣ прилежно читаютъ Современникъ и разсказывали, что прежде ты присылалъ его отцу [1]), но пересталъ, когда онъ (сей послѣдній) умеръ. Въ понедѣльникъ опять была сквернѣйшая погода, и вечеромъ я *поѣхалъ* къ профессору Ильмони. Онъ всегда бываетъ очень милъ со мною (ты помнишь, что мы *братья*), а нынче былъ еще милѣе и сказалъ между прочимъ, что теперь всѣ профессора уже считаютъ меня *своимъ,* хвалилъ мои отзывы въ консисторіи и за содержаніе, и за языкъ и проч.

Вчера *(6 декабря)* были имянины Урсина, который по этому случаю давалъ большой *каласъ.* Гостей было множество, по большей части академиковъ и студентовъ. Послѣдніе, по обыкновенію, много и очень мило пѣли. Мнѣ было весело; я болталъ то съ однимъ, то съ другимъ. Профессоръ Шестремъ [2]) (греческой литературы) пилъ со мною братство. Урсинъ былъ до крайности милъ; онъ разсказывалъ, что сынъ его скоро возвратится изъ Москвы и имѣетъ порученіе непремѣнно навѣстить тебя. Въ 1-мъ часу *стали* ужинать, но скоро *сѣли* на стулья, которые разносилъ самъ добрый хозяинъ. Ужинъ былъ очень обильный; я возвратился въ половинѣ 2-го.

Послѣ обѣда былъ я въ университетѣ на русскомъ экзаменѣ Соловьева. Какъ мнѣ досадно было смотрѣть на его грубую манеру экза-

[1]) Поэту И. И. Козлову.

[2]) Аксель Гавриловичъ (Sjöström), профессоръ греческой литературы, ум. 1846 г.

меновать и истинно *мужицкое* обращеніе со студентами. Посторонніе слушатели (студенты) просто смѣялись, и я самъ иногда насилу удерживался. Я иногда также дѣлалъ вопросы, но онъ грубо прерывалъ или передѣлывалъ ихъ, и еслибы онъ здѣсь оставался, то я бы послѣ замѣтилъ ему это, но теперь не стоитъ.

У ректора былъ пріѣхавшій недавно, послѣ долгаго отсутствія въ Германіи и Швеціи, доцентъ университета Снельманъ [1]), который многими сочиненіями, изданными въ Швеціи, составилъ себѣ хорошее имя. Я съ нимъ познакомился во время ужина; весь нашъ разговоръ ограничился, однакожъ, начальными комплиментами.

Четвергъ. Вчера у насъ обѣдалъ маркизъ. Онъ уже во второй разъ поручилъ мнѣ поздравить тебя съ Монаршею милостью. Сегодня въ послѣдній разъ въ нынѣшнемъ году читаю лекцію.

134.

(Плетневъ — Гроту) ***Спб., среда, 25 ноября 1842.***

Отвѣтъ на письмо отъ 16 ноября. Экземпляръ Розѣ Карловнѣ непремѣнно будетъ; а ты-было и прозѣвалъ эту вопіющую потребность. Касательно вѣротерпимости литературной я точно фанатикъ. Но это чувство питается во мнѣ доблестями кумировъ моихъ. Полевой же ни съ какой стороны не возбуждаетъ энтузіазма, смотрѣть ли на него какъ на писателя, или какъ на человѣка. Въ первомъ отношеніи видишь одну посредственность, во второмъ собраніе омерзительныхъ качествъ. Нѣтъ, мой другъ, на Булгаринѣ, Сенковскомъ, Полевомъ и Гречѣ должно лежать навѣки проклятіе всѣхъ гражданъ, вѣрныхъ отечеству и служенію наукамъ. Они изъ храма и алтарей сдѣлали у насъ кабакъ и стойку. Тебѣ простительно поддаваться ихъ поддѣльному восторгу; а я за это отвѣчалъ бы передъ совѣстію и разсудкомъ. *Вслухъ*-то обыкновенно и читается то (разумѣю не на лекціи, а въ салонѣ), что̀ можно слушать безъ напряженія, полувнимая. Путешествія для этого длинны. Этакъ и въ годъ не кончишь книги. Это предоставляется уединенному труду. Ужели Скрыпицына еще все не отвѣчала Розѣ Карловнѣ? Напиши же, когда будетъ отвѣтъ.

Отвѣтъ на письмо отъ 21 ноября. Благодарю за Листокъ какъ дополнительный, такъ и ординарный, а равно и за аккуратный возвратъ письма Дершау. Я ему отвѣчалъ сегодня же по твоему наставленію. Признаюсь, безъ тебя не дождался бы онъ отъ меня такого отвѣта. Меня все бѣситъ, что только хоть немножко пахнетъ Сѣверной Пчелой. Но, конечно, ему можно простить: онъ очень молодъ и жилъ все въ провинціи. Не думаю, чтобы его „Исторія“ въ какомъ-нибудь отно-

[1]) О немъ см. въ письмѣ 20 іюля этого года (къ А. О. Ишимовой).

шеніи была интересна. Онъ безъ таланта, безъ знаній и безъ вкуса. Натеребитъ клочковъ — и даже не склеитъ ихъ.

Журналъ четырехъ дней. Суббота (21 ноября). Была академія; но я вмѣсто нея поѣхалъ съ визитами: Юрьевичу, Одоевскому (обоихъ не засталъ), Беклешовой и Ѳ. Ѳ. Корфу. Послѣ былъ у Растопчиной. Все та же милая болтушка и вѣтреница. На званый обѣдъ поѣхалъ къ Мятлеву, гдѣ кларнетистъ Блазъ и піанистъ Брандмейстеръ услаждали нашъ слухъ послѣ обѣда. Отсюда домой и потомъ на чай къ Александрѣ Осиповнѣ.

Воскресенье (22 ноября). Пришелъ Прокоповичъ толковать о продажѣ новаго изданія Гоголя, который требуетъ, чтобы за 4 тома брать 30 руб., а мы рѣшили 25 руб. асс. Еще нѣсколько дѣловыхъ лицъ приходило. Наконецъ я отправился на промоцію въ магистры (философіи) Струве-сына [1]) и Пчельникова (изъ педагогическаго института) [2]). Былъ Волконскій, Струве-отецъ и вообще довольно публики. Защитились оба хорошо. Я уговорилъ Александру Осиповну ходить по средамъ на лекціи главнаго Струве, который будетъ въ нашей залѣ читать популярную астрономію для публики. Послѣ обѣда, лишь только мы расположились читать Philosophie du Christianisme, какъ явился Ѳ. Ѳ. Корфъ, а за нимъ и нувелистъ Панаевъ [3]). Потомъ, что далѣе, то больше: Одоевскій, Татариновъ, Савичъ, Никитенко съ женою и еще двумя дамами. Всѣ пили чай. Одоевскій игралъ на пьяно въ 4 руки съ Олей — и очень доволенъ былъ ею. Онъ ей привезъ серьги изъ лавы.

Понедѣльникъ (23 ноября). Утро прошло въ университетскихъ дѣлахъ, а послѣ обѣда за корректурой Современника. Чай пилъ у Пушкиной (жены поэта). Она очень мило передала мнѣ свои идеи насчетъ воспитанія дѣтей. Ей хочется даже мальчиковъ, до университета, не отдавать въ казенныя заведенія. Но они записаны въ пажи — и у нея мало денегъ для исполненія этого плана. Былъ тамъ на минуту Вяземскій, который какъ папà нѣжничаетъ съ обѣими сестрами.

Вторникъ (24 ноября). Съ Великой Княжной Ольгой Николаевной читалъ 2 томъ стихотвореній Жуковскаго. У него родилась дочь. Онъ хочетъ побывать въ Россіи. Съ визитомъ ѣздилъ къ Карамзиной (она сегодня именинница). Тамъ видѣлъ, помнишь! маленькаго Шаховского. Онъ вышелъ первымъ изъ школы Правовѣдѣнія, служитъ въ сенатѣ и бредитъ бумагами. Вспоминалъ о тебѣ. Послѣ обѣда принесли корректуру Современника. На чай ходилъ къ графу Местру, ибо Балабины на вечерѣ у именинницы Уваровой. Обнимаю тебя.

[1]) Оттонъ Струве, кандидатъ Дерптскаго университета (по астрономіи).

[2]) Михаила (по физикѣ).

[3]) Иванъ Ивановичъ.

135.

(Плетневъ — Гроту) *Спб., субб., 28 ноября 1842.*

Журналъ трехъ послѣднихъ дней. Среда (25 ноября). Экзекуторъ пришелъ съ рапортомъ о распоряженіяхъ его въ залѣ по случаю первой сегодня публичной лекціи Струве изъ популярной астрономіи на нѣмецкомъ языкѣ. По взятымъ билетамъ (разумѣется, безденежно) видно, что народу будетъ безъ малаго до 500 чел. Каѳедра приготовлена, какъ въ вашей залѣ, межъ оконъ съ боку, а не такъ, какъ обыкновенно стоитъ она у насъ на концѣ залы въ ея длину. Послѣ обѣда я поспѣшилъ сѣсть за корректуру Современника, подалъ Александрѣ Осиповнѣ для прочтенія твои два послѣднія письма, на которыя сего же дня утромъ уже отвѣчалъ тебѣ. Въ 7 ч. отправились на лекцію. На лекціи, въ числѣ многочисленныхъ слушателей обоего пола (по равной почти долѣ каждаго), сидѣлъ и Великій Князь Константинъ Николаевичъ, который непремѣнно будетъ ѣздить каждую среду. Содержаніе первой лекціи состояло изъ краткой и просто изложенной исторіи астрономіи.

Четвергъ (26 ноября). Время было прекрасное. Въ первый разъ я перешелъ Неву по льду отъ Кунсткамеры къ Зимнему. Направилъ прогулку по набережной къ Лѣтнему саду; перешелъ черезъ него и по Фонтанкѣ къ Аничкину мосту; по Невскому проспекту до дому. Послѣ обѣда занимался бумагами разныхъ комитетовъ, гдѣ имѣю несчастіе быть членомъ, и корректурой Современника. На вечеръ пошелъ къ Аврорѣ Демидовой, желавшей говорить со мной о русскомъ учителѣ для сестры. Она приняла съ большою любезностію мое посѣщеніе, разспрашивала о тебѣ, о планахъ моихъ на будущее лѣто; говорили о женитьбѣ Алекс. Армфельта, надъ чѣмъ она тонко и любезно подшучивала; разсказывала мнѣ о планахъ касательно будущаго воспитанія своего сына. Всякое лѣто она будетъ жить въ Трескенде.

Пятница (27 ноября). Вчера я нарочно не поѣхалъ на званый вечеръ къ Панаеву (И. И.), желая избѣжать встрѣчи съ литераторами. Онъ сегодня пишетъ, что у него: „Сологубъ и Львовъ играли въ преферансъ; Лажечниковъ и Надеждинъ говорили о министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, а Одоевскій о томъ, что за границей не умѣютъ готовить ростбифъ“. Утро провелъ я опять въ школѣ у Принцессы. Передъ обѣдомъ дѣлалъ распоряженія касательно завтрашняго представленія министру вновь поступившихъ къ намъ студентовъ. Послѣ обѣда окончательно приготовилъ бумаги въ комитетъ о производствѣ въ ученыя степени — и отправился въ него, гдѣ проспорили до 11 часовъ ночи.

136.

(Гротъ — Плетневу) *Гфорсъ, вторн., 1 дек. 1842.*

Объ экземплярѣ для Розы Карловны я самъ думалъ, но совѣстился просить для одного дома двухъ экземпляровъ. Скрыпицына отвѣчала сестрѣ удовлетворительно, и мы сбираемся ѣхать въ серединѣ будущей недѣли, — если позволитъ дорога. Безпрестанно таетъ, а сегодня въ добавокъ еще дождь идетъ; если такъ продолжится, надобно будетъ отложить поѣздку до появленія снѣга. Въ прошлую пятницу былъ вечеръ у Гартмана, отца Гуго, по случаю рожденія Фанни. Гостей было немного; исподоволь танцовали; въ промежуткахъ было довольно безжизненно, и Фанни очень безпокоилась, даже горевала, что гости скучаютъ. А причиною скуки былъ недостатокъ интересныхъ дамъ; красотою всѣхъ затмѣвала Теслева, но она еще дитя. Воскресный вечеръ провели мы у Кольбарсовъ, гдѣ бо̀льшая часть гостей сидѣла за картами. За однимъ столомъ сидѣли Котенъ съ Армфельтомъ и Концовымъ. 4-ое мѣсто было пусто и я его занялъ на весь вечеръ. Разумѣется всѣ стали подшучивать надо мной, особенно маленькая Козлова, которая предсказывала, что у меня будутъ пріятные сны. Котенъ въ самомъ дѣлѣ была въ этотъ вечеръ необыкновенно хороша, но я сидѣлъ съ нею болѣе потому, что такимъ образомъ избѣгъ необходимости любезничать. Котенъ очень разговорчива; она увѣряла, что всякій разъ, когда я сойду съ мѣста, отъ нея уходитъ и счастье, а со мной возвращается; графъ увѣрялъ противное, т. е. что я приношу несчастье — и гналъ меня.

Въ понедѣльникъ утромъ явился ко мнѣ учитель русскаго языка изъ Сердоболя. По новому положенію всѣ русскіе учителя должны быть русскіе уроженцы, а онъ финнъ, но, за неимѣніемъ русскаго, ему обѣщали мѣсто въ гимназіи, если онъ предъявитъ профессорское свидѣтельство. Я было послалъ его къ Соловьеву, но онъ воротился за скорымъ отъѣздомъ того, и я долженъ былъ его проэкзаменовать. Онъ оказался довольно знающимъ, и выговоръ его хорошъ: я далъ ему удовлетворительное свидѣтельство.

Вчера я весь день приготовлялся къ сегодняшнему (среда) латинскому экзамену. Приходилъ Соловьевъ прощаться; онъ ѣдетъ сегодня, кажется. На послѣднихъ экзаменахъ своихъ онъ надѣлалъ и наговорилъ столько глупостей, что весь городъ говоритъ о нихъ. Къ счастію, меня тамъ не было.

Сегодня уже въ $^1/_2$ 9-го я пошелъ въ университетъ экзаменовать въ свою очередь, что продолжалось съ $^1/_2$ часа; въ 12 часовъ я опять тамъ былъ для совѣщанія съ другими профессорами; 2 студента, которые экзаменовались, произведены въ кандидаты. Завтра опять такой экзаменъ, послѣ чего я на мѣсяцъ свободенъ. Но погода вовсе не

одобрительная: воздухъ напитанъ туманомъ, на улицахъ уже видны камни. Сани готовы; но не знаю, когда можно будетъ ѣхать.

Вчера былъ у меня еще студентъ, который ѣдетъ, чтобы присоединиться къ Кастрену. Онъ получилъ отъ меня письмо и Альманахъ мой для Кастрена.

137.

(Плетневъ — Гроту) ***Спб., среда, 2 дек. 1842.***

Отвѣтъ на письмо отъ 23 ноября. Не думаю, чтобы исторію столь геніальнаго человѣка, каковъ Петръ Великій, могъ хорошо написать авторъ безъ всякаго таланта, кромѣ способности сидѣть и рыться. Будетъ изъ этого труда сборникъ или учебникъ, а не исторія въ смыслѣ художественномъ. Какъ будто самъ ты не чувствуешь, что для постиженія и вѣрнаго изображенія геніальныхъ идей нужно, по крайней мѣрѣ, самому быть въ настроеніи поэтическомъ. Кокетство Растопчиной вредитъ ей въ моихъ глазахъ до крайности. У Карамзиныхъ въ 11 ч. только начинаютъ вечеръ. Я посылалъ Козловымъ Современникъ при жизни поэта, потому что онъ интересовался имъ. Кто бы безъ него у нихъ въ домѣ сталъ читать его, живучи въ Петербургѣ? Сынъ Урсина возвратился и сегодня былъ у меня. Къ вашему Рождеству Христову явится онъ и домой. Милый, кажется, молодой человѣкъ. Не оставь его практикой въ русскомъ языкѣ. Она ему еще нужна, особенно чтеніе вслухъ. Благодари маркиза за его память обо мнѣ. Поправляются ли дѣла его вмѣстѣ съ здоровьемъ?

Журналъ послѣднихъ четырехъ дней. Суббота (28 ноября). Послѣ письма къ тебѣ — на лекцію. Въ 2 часа пріѣхалъ къ намъ министръ, коему я представилъ поступившихъ въ нынѣшнемъ году студентовъ. Онъ имъ сказалъ коротенькое нравоученіе, въ которомъ заключалось объясненіе трехъ словъ: прилежаніе, поведеніе и повиновеніе. Но всего пріятнѣе было имъ узнать отъ него, что кандидатамъ послѣ выпуска позволяется служить, гдѣ кто хочетъ (разумѣется, своекоштнымъ) вмѣсто того, что прежде требовалось три года всѣмъ служить въ присутственныхъ только мѣстахъ, а не въ министерствахъ. Министръ еще толковалъ со мною о возвратившемся Прейсѣ (по каѳедрѣ славянскихъ нарѣчій) и пригласилъ меня къ себѣ надняхъ для дальнѣйшихъ толковъ. Словомъ, въ отношеніи ко мнѣ онъ вѣжливъ и любезенъ до чрезвычайности.

Воскресенье (29 ноября). По назначенію моему явился ко мнѣ Прейсъ, которому я заказалъ программы его курса для представленія министру. Послѣ него я поспѣшилъ съ визитомъ къ баронессѣ Ольгѣ Ѳедоровнѣ [1]). Отъ нея поѣхалъ къ Ал. Армфельту, гдѣ не былъ съ мѣсяцъ. Его не

[1]) Корфъ.

застал. Онъ, какъ послѣ оказалось, въ этотъ же моментъ ѣздилъ ко мнѣ и оставилъ у меня карточку. Но я нашелъ полный комплектъ дамъ.

Понедѣльникъ (30 ноября). Все утро разбиралъ академическіе протоколы, коихъ числомъ до 40. Вяземскій прислалъ мнѣ записку о русскомъ учителѣ для графини Пушкиной. Было еще нѣсколько дѣлъ университетскихъ. При прогулкѣ заходилъ къ Маврину, но втунѣ. Получилъ твое письмо. Былъ въ совѣтѣ шумномъ и отправился къ Александрѣ Осиповнѣ на чай, чтобы ей прочитать твое письмо.

Вторникъ (1 декабря). Императрица сошла слушать Бульбу. Красоты его поразили ее; но она думаетъ, что это злоупотребленіе таланта такъ ярко рисовать ужасы. Вотъ слѣдствіе французскаго вкуса. Сегодня Александра Осиповна и Оля обѣдаютъ у Балабиныхъ. Я вздумалъ туда же явиться. Было тихо и весело. Я ихъ оставилъ ранѣе чаю, чтобы приготовиться на балъ къ князю Дондукову. Тамъ было свѣтло, людно и живо, но мнѣ не весело.

138.

(Гротъ — Плетневу) ***Гфорсъ, субб., 4 декабря 1842.***

Насчетъ бездарности Устрялова, ты конечно, отчасти правъ и, можетъ быть, я слишкомъ его хвалю, но это отъ усердія защитить его противъ хулы также несправедливой; я лучше хочу черезчуръ хвалить, чѣмъ черезчуръ хулить. Не будь несправедливъ ни противъ кого; къ чему ослѣпляться предубѣжденіями? Въ „Исторіи" Устрялова *много достоинствъ;* это я говорю съ полнымъ убѣжденіемъ,потому что успѣлъ изучить ее вдоль и поперекъ; болѣе: я знаю ее почти наизусть, чего не могло бы быть, еслибъ она была только посредственна. Сегодня поутру я объявилъ Урсину, что сынъ его въ Петербургѣ, чему онъ чрезвычайно обрадовался и сдѣлался вдругъ веселъ и разговорчивъ. Соловьевъ вчера, кажется, уѣхалъ отсюда.

Я забылъ разсказать тебѣ, что молодая Фридбергъ ужъ умерла. Теперь ужъ были и похороны ея. Братъ ея передъ концомъ пріѣхалъ. Мать переселяется къ нему въ Петербургъ. Кто-то написалъ и подослалъ ей стихи на смерть дочери, на французскомъ языкѣ. Всѣ ими восхищаются и приписывали было мнѣ ихъ; но я о нихъ и знать не знаю. Подозрѣваютъ гувернера Пушкиной.

Въ четвергъ экзаменъ кончился благополучно. У меня съ плечъ какъ гора свалилась. Вчера и сегодня я отдыхалъ и много ходилъ по разнымъ предотъѣзднымъ дѣламъ; къ санямъ придѣлываютъ *крылья;* жаль, что не настоящія, а то бы нечего было заботиться о дорогѣ, а это шведскія крылья, чтобъ сани не легко могли опрокинуться. Вчера вечеромъ отправились мы было къ Козловымъ, а не заставъ ихъ дома — къ слѣпой Гротгусъ. Бѣдная дѣвушка!

Поутру сегодня взялъ я въ канцеляріи ректора Звѣздочку. Поблагодари издательницу,— еще я не успѣлъ всего прочесть. Эта почта меня все-таки не подвинула по вопросу: получена ли моя послѣдняя статья? Во избѣжаніе впредь подобныхъ недоумѣній, которыя ты по опыту знаешь, какъ непріятны, я всегда буду адресовать статьи и стихи для Звѣздочки къ тебѣ, и твой отвѣтъ на приложенное письмо всегда будетъ доказательствомъ, что присылка получена. Ты аккуратнѣйшій изъ смертныхъ, послѣ тебя слѣдую я, а ужъ гораздо пониже насъ — прочіе другіе.

Сейчасъ имѣли мы пріятнѣйшій сюрпризъ. Къ маменькѣ пріѣхала изъ Петербурга старая ея знакомая m-me Rosencrantz; она пробудетъ здѣсь недѣлю. Говоритъ, что дорога недурна, кромѣ послѣдней станціи. Итакъ, мы скоро увидимся. Надѣюсь, что около конца недѣли можно будетъ ѣхать; начинаетъ морозить; но въ городѣ почти уже не ѣздятъ въ саняхъ. Дай заочно руку въ предвкушеніи скораго свиданія, мой добрый другъ!

Кланяйся имъ.

Воскресенье. Вчера письма моего не приняли. Сегодня я прилагаю стихи для Звѣздочки. Я намѣренъ былъ вручить ихъ Александрѣ Осиповнѣ лично, но боюсь, чтобы такимъ образомъ они не опоздали. Сейчасъ иду съ прочими профессорами къ Теслеву, en grande tenue. Вечеромъ у него балъ.

139.

(Плетневъ — Гроту) ***Спб., субб., 5 дек. 1842.***

Журналъ трехъ послѣднихъ дней. Среда (2 декабря). Въ послѣднемъ письмѣ я не успѣлъ тебѣ ничего сказать о балѣ князя Дондукова. У него хоть небольшіе бываютъ балы, но со вкусомъ. Это единственные въ Петербургѣ балы, исключая придворныхъ, гдѣ присутствуютъ ученые: тамъ я сошелся съ Фуссомъ и Струве. Изъ Царской фамиліи были: Великій Князь Михаилъ Павловичъ и Принцъ Ольденбургскій. Постоянный посѣтитель всѣхъ, кажется, вечернихъ собраній, Модестъ Андреевичъ [1]) обращался ко мнѣ съ дружескимъ выговоромъ, зачѣмъ, пригласивъ на вечеръ къ себѣ его жену и дочь, я не хотѣлъ пригласить его самого — и обѣщалъ быть у меня когда-нибудь съ ними безъ зову. Но я увѣренъ, что прежде великаго поста это *когда-нибудь* не послѣдуетъ. Извѣстно мнѣ, какъ трудно большимъ людямъ хоть на одинъ вечеръ оторваться отъ своего общества съ первыхъ чиселъ декабря почти до послѣднихъ февраля. Ни одной дамы, по крайней мѣрѣ сколько я ихъ тамъ видѣлъ въ танцовальной залѣ, не могу назвать царицею бала. Всѣ онѣ были по красотѣ не свыше са-

[1]) Баронъ Корфъ.

мыхъ обыкновенныхъ фрейлинъ. Сегодня спокойно я всталъ и принялся за исполненіе ежедневныхъ дѣлъ своихъ. Отправивъ письмо къ тебѣ, пошелъ на лекціи, а по окончаніи ихъ пустился на прогулку, чтобы при моихъ дамахъ уже сидѣть дома. Едва мы, отобѣдавъ, принялись за чтеніе новаго № Отечественныхъ Записокъ, гдѣ Бѣлинскій, заговоривъ о Баратынскомъ, далъ волю всей своей дикой и широковѣщательной философіи, какъ пріѣхали Балабины: мать и Маrie. Вотъ мы и начали сбираться къ Струве. Оля, за корью у Беллинга, бывъ свободна отъ музыкальнаго урока, непремѣнно хотѣла итти съ нами, чтобы особенно видѣть Великаго Князя Константина Николаевича. Но какъ еще не было 7 часовъ, а Маrie не можетъ долго сидѣть, будучи принуждена все лежать на диванѣ, то я ее оставилъ съ Фуксъ, а прочихъ повелъ въ залу, боясь позже не найти мѣста. Послѣ я пришелъ за остальными дамами и всѣхъ свелъ въ залу. Собраніе опять было самое многочисленное.

Четвергъ (3 декабря). Утромъ было общее собраніе академіи, гдѣ и я находился. Дестрема [1]) выберутъ въ почетные члены академіи. Нервандеръ предложенъ въ корреспонденты. Но какъ предложенныхъ много, то нынѣшній годъ едва-ли отдѣленіе выбаллотируетъ его. Изъ академіи въ правленіе и на экзамены. За отсутствіемъ Никитенки я самъ принужденъ былъ экзаменовать гувернантокъ. Вечеромъ ѣздилъ-было къ Александру Армфельту по зову Матильды, но никого не нашелъ дома. Чай пилъ у Балабиныхъ, гдѣ былъ и Уваровъ, очень долго со мной любезничавшій.

Пятница (4 декабря). Кромѣ прогулки, весь день провелъ за протоколами академіи для отчета.

[1]) Морицъ Гугоновичъ, инженеръ-генералъ, писатель, ум. 1855 г.

Примѣчанія, дополненія и поправки.

1840.

Стр. **7,** № п. *2.*

Письмо къ гр. Ребиндеру, подписанное П. А. Плетневымъ, но составленное вмѣстѣ съ Я. К. Гротомъ — въ дни юбилея Александровскаго университета, заключало въ себѣ ходатайство объ облегченіи доставки въ Гельсингфорсъ нумеровъ журнала „Современникъ" и вообще русскихъ книгъ на имя Якова Карловича даровою пересылкою ихъ черезъ финляндскій статсъ-секретаріатъ. Какъ видно изъ дальнѣйшаго, это ходатайство было уважено. Срв. стр. 14, 16 — 19, еще 22.

Стр. **7,** № п. *3.*

Плетневъ долженъ былъ послѣ гельсингфорскихъ юбилейныхъ торжествъ **спѣшить въ Петербургъ,** куда его торопилъ (къ 19-му августа) кн. Г. П. Волконскій (помощникъ попечителя С.-Петербургскаго учебнаго округа и университета), нетерпѣливый сдать ему управленіе округомъ.

Тревога Плетнева по этому поводу (онъ вернулся, впрочемъ, лишь къ 1-му августа) оказалась напрасною, какъ видно изъ письма его отъ 6-го августа, стр. 8.

Свои юбилейныя впечатлѣнія П. не замедлилъ сообщить Жуковскому въ письмѣ отъ 9-го августа. См. Сочиненія Плетнева (изд. Грота), т. III, стр. 534.

Стр. **8,** № п. *4.*

Министръ гр. Уваровъ отправлялся въ Варшаву, гдѣ тогда открылся Варшавскій учебный округъ и гдѣ онъ „имѣлъ счастье представлять Государю польское юношество съ новыми надеждами и въ новомъ видѣ". См. Жизнь и труды Погодина, кн. V, стр. 386 — 7.

Стр. **9,** № п. *4.*

Рѣчь идетъ о юмористической **статьѣ Квитки** (Основьяненка) **„Званые гости",** написанной на нѣкоторыя петербургскія изданія. Напечатана въ Современникѣ, т. XX. О ней еще ниже, срв. стр. 12, 101 и пр.

Стр. **9,** № п. *5.*

Текстъ рескрипта Наслѣдника:

Консисторіи Императорскаго Александровскаго университета.

„Принимая живое участіе во всемъ, что касается до ввѣреннаго Государемъ Императоромъ попеченію моему университета, Я сердечно радуюсь, что онъ, при благословеніи Божіемъ, отпраздновалъ двухсотлѣтній юбилей своего существованія. Торжество сіе, бывъ нынѣ умилительною жертвою благодарности предъ Всевышнимъ за тѣ блага, которыя столько лѣтъ изливались на Финляндію изъ ея верховнаго святилища наукъ, да будетъ и впредь прочнымъ залогомъ неизмѣнности тѣхъ чистыхъ нравственныхъ началъ, коими университетъ всегда доселѣ руководился.

„Отсутственный, Я, въ этотъ незабвенный день, мысленно находился посреди васъ, любезныхъ моихъ сочленовъ, и съ каждымъ благимъ желаніемъ вашимъ соединялся съ вами душою.

„Прося доставить Мнѣ описаніе совершившагося праздника сего юбилея, пребываю съ постояннымъ къ вамъ доброжелательствомъ.

Канцлеръ Александровскаго университета

(подписано): *Александръ.*"

Петергофъ, 20 іюля 1840 г. Получено 27 іюля (8 августа).

Этотъ рескриптъ былъ составленъ по-русски Плетневымъ, который послалъ свой проектъ Его Высочеству Канцлеру, возвращавшемуся тогда изъ чужихъ краевъ со свиданія съ Невѣстой, и тѣмъ подалъ Ему первую мысль такого участія въ юбилеѣ. Текстъ рескрипта былъ нѣсколько передѣланъ затѣмъ, кажется, въ канцеляріи Его Высочества.

Стр. **10,** № п. *5.*

Говоря о **„нашей литературѣ, разочарованной насчетъ Финляндіи описаніями новаго друга нашего"**, Я. К. иронически разумѣетъ въ послѣднемъ Булгарина, посѣщавшаго тогда довольно часто Финляндію, посѣтившаго также Гельсингфорскій юбилей 1840 года и помѣщавшаго въ то время въ своей „Сѣверной Пчелѣ" извѣстія и статьи о Финляндіи, но весьма поверхностныя и полныя ошибочныхъ и неточныхъ свѣдѣній, за что ему нерѣдко и доставалось въ мѣстной печати.

Стр. **11,** № п. *5.*

Плетневъ собирался побудить академика **П. Н. Фусса**, бывшаго также въ Гельсингфорсѣ на юбилеѣ, написать о послѣднемъ въ нѣмецкой петербургской газетѣ — въ исправленіе и дополненіе мало удовлетворительной статьи **Муральта** въ той же газетѣ. Обстоятельное описаніе юбилея помѣстилъ тамъ же вслѣдъ за тѣмъ академикъ **А. М. Шегренъ**, чѣмъ и уничтожилъ статью Муральта. Срв. стр. 17.

Стр. **11,** № п. *5*, прим. 1-е.

Княгиню Шаховскую звали Софья Алексѣевна. Она была рожденная гр. Мусина-Пушкина (сестра упоминаемаго здѣсь часто графа Владиміра Алексѣевича). Мужъ ея — кн. Иванъ Леонтьевичъ Шаховской, предсѣдатель генералъ-аудиторіата, членъ Государственнаго совѣта, ум. 1860 г. Сынъ ихъ впослѣдствіи сенаторъ кн. Николай Ивановичъ Шаховской, ум. 4 августа 1890 года. О немъ упоминаніе см. ниже, стр. 650.

Стр. 12, № п. *6*.

Приводимъ изъ **статьи Квитки „Званые гости“** нѣсколько выдержекъ о Современникѣ (1840, т. XX, 23—28):

Вотъ что говоритъ о себѣ являющійся въ гости „Современникъ“:

...„Занимать другихъ и доставлять разсѣяніе — не есть моя цѣль; я собираю все для собственнаго моего удовольствія. Тѣшусь моими матеріалами, любуясь, если что стоитъ того, и когда увижу, что изъ небольшого числа занимающихся мною чувствуютъ и мыслятъ со мной одинаково, то это мнѣ приноситъ наслажденіе. Я не слѣдую примѣру нѣкоторыхъ...

„Торгашей“! прервалъ я его...

Физіономія бесѣдующаго со мною не показала ни отрицанія, ни подтвержденія моего выраженія; онъ промолчалъ на мою выходку и продолжалъ: „Собираемое мною я разсматриваю тщательно и, по должной сортировкѣ и очищеніи, принимаю къ себѣ и пускаюсь въ свѣтъ“.

„Вы рѣдко выходите. И знаете ли? О васъ мало помнятъ: пересчитывая вашихъ собратій, иногда пропускаютъ васъ. Почему вы не выходите чаще? Хоть бы шесть разъ въ годъ“.

— Тогда бы я не нравился себѣ, а это главная цѣль моя. Обязавшись являться чаще, я долженъ былъ бы матеріалы не выбирать, а набирать для свиты моей. Набирая же, я нашелся бы въ необходимости принять и то, *что подъ ноги попало*...

„Валяющееся, прервалъ я его и улыбнулся, чтобы вызвать его къ откровенности; но Современника трудно вовлечь въ свободный разговоръ: у него каждое слово взвѣшено, всякая мысль придумана и обдумана, онъ и теперь не подтвердилъ меня ни словомъ, никакимъ движеніемъ, а свободно договорилъ: „...лишь бы составить на срокъ книгу. Я такъ дорожу вкусомъ, занятіемъ бесѣдующихъ со мною, что если бы случилось не выбрать чего достойнаго къ представленію занимающихся мною, то я съ одною страницею явился бы предъ ними съ спокойною совѣстію и съ удовольствіемъ, бывъ увѣренъ, что эта страница достойна ихъ вниманія. Я знаю, что занимающіеся мною ищутъ во мнѣ не бумагу, не числа страницъ, но удовольствія для ума и сердца; и потому-то я и долженъ быть строго разборчивъ въ представляемомъ имъ, а отъ того и выходить рѣже. Я очень понимаю, съ кѣмъ имѣю дѣло“.

. .

Когда Современникъ обратился... я замѣтилъ у него въ рукахъ родъ хлыста, сдѣланнаго необыкновенно. Онъ былъ изъ чистѣйшей слоновой кости, безъ малѣйшаго пятнышка или жилочки: набалдашничекъ былъ маленькій, но изъ цѣльнаго перла. Впрочемъ, это былъ только видъ хлыстика, а въ самомъ дѣлѣ была тросточка, тонко-острая, прямая, не изгибающаяся ни въ одну сторону...

„Для кого она или для чего“? По ея виду, я не придумалъ ей употребленія.

— Собственно для меня. Этою тросточкою я указываю на выходящія всякаго рода книги.

„Сдѣлайте милость, покажите мнѣ, какъ вы это дѣлаете“?

— Просто. — И съ симъ словомъ Современникъ остротонкимъ концомъ своего хлыстика указалъ на... въ 4-хъ томахъ сочиненіе... и вотъ странность! имя сочинителя этой книги, выставленное красивыми, затѣйливыми буквами, вдругъ покрылось яркимъ румянцемъ стыда и начало извиваться, какъ будто желая укрыться отъ взоровъ, смотрящихъ на него *).

*) Хоть правды тутъ и нѣтъ, а шутка оригинальная.

Примѣчаніе редакціи (т. е. *Плетнева*).

*

„Прекрасно, прекрасно!" вскричалъ я. Попробуемъ еще надъ другими. Увы! всѣ романы, повѣсти, водвили и проч. и проч. постыдили своихъ авторовъ, хотя Современникъ и не говорилъ много, а только указывалъ посвоему. И учебныя расхваленныя книги испытали ту же участь; у нѣкоторыхъ отъ прикосновенія хлыстика Современника, правда, имена авторовъ какъ-то засвѣтились, засіяли, сдѣлались выпуклыми, яркими..., но такихъ было немного"... и проч. и проч.

Стр. **14,** № п. *7*.

Упоминаемая статья **Аттербома**, переведенная Яковомъ Карловичемъ, помѣщена была въ его очеркѣ „Литературныя новости въ Финляндіи" Современникъ, т. XX (1840) — подъ заглавіемъ: **„О важности и значеніи университетовъ вообще и торжественныхъ промоціяхъ въ особенности"**. Она появилась по поводу университетскаго юбилея въ одномъ гельсингфорскомъ листкѣ, бывъ заимствована изъ вступленія къ программѣ, составленной въ Швеціи годъ передъ тѣмъ по поводу магистерской промоціи въ Упсалѣ — профессоромъ Упсальскаго университета, знаменитымъ шведскимъ поэтомъ Аттербомомъ.

Стр. **15,** № п. *7*.

Объ **обѣдѣ**, данномъ русскими литераторами Францѣну и другимъ финляндцамъ, равно какъ о роли Я. К. Грота въ русско-финляндскихъ сношеніяхъ на юбилеѣ см. въ кн. „Я. К. Гротъ. Нѣсколько данныхъ къ его біографіи и характеристикѣ", Спб., 1895, стр. 33 — 34, а также въ книгѣ *А. Шаумана*, Från sex årtionden i Finland, Hfors, 1892 — 94, вып. II, стр. 145 — 148, гдѣ вообще любопытныя воспоминанія объ этомъ юбилеѣ.

Стр. **15,** № п. *7*.

Стихотвореніе Я. К. Грота: **„Привѣтствіе финляндскимъ литераторамъ"** перепечатано нынѣ въ названной книгѣ „Я. К. Гротъ. Нѣсколько данныхъ къ его біографіи и характеристикѣ", стр. 93 — 95. Срв. также *А. Шаумана*, вып. II, стр. 147.

Во время юбилейнаго торжества русскіе литераторы очень сблизились съ **еп. Францѣномъ**, который между прочимъ въ Гельсингфорсѣ прочелъ нѣмецкій переводъ одной изъ повѣстей Одоевскаго и очень хвалилъ ее.

„Прощаясь съ Францѣномъ, разсказываетъ Я. К., русскіе литераторы, по обряду греческой церкви, поцѣловали руку почтеннаго епископа. Вѣроятно, онъ не мало подивился такой почести".

Стр. **15,** № п. *7*.

Экстраординарный профессоръ русскаго языка и литературы въ Александровскомъ университетѣ, **Сергѣй Васильевичъ Соловьевъ**, своимъ безтактнымъ обращеніемъ съ студентами вызывалъ постоянныя неудовольствія и нареканія противъ себя. Выходка или шалость молодого Брунѣра, о которой здѣсь идетъ рѣчь, была однимъ изъ печальныхъ эпизодовъ этихъ отношеній. Намъ, впрочемъ, неизвѣстны ни поводъ, ни подробности этого случая.

С. В. Соловьевъ, извѣстный спеціалистамъ по русской исторіи своими археографическими разысканіями въ Швеціи и Даніи и нѣкоторыми изданіями источниковъ (работы его печатались въ изданіяхъ Археографической комиссіи и въ Журналѣ Министерства народнаго просвѣщенія), занималъ мѣсто экстраординарнаго профессора въ Александровскомъ университетѣ съ 1830 по 1843 г., когда онъ вышелъ въ отставку. Онъ умеръ въ больницѣ ревельской богадѣльни въ 1857 году.

Стр. **17,** № п. *8.*

Гр. Матильда Армфельтъ, дочь гельсингфорскаго губернатора, графа Густава А., была ученицей П. А. Плетнева въ Патріотическомъ институтѣ и, какъ таковая, пользовалась особеннымъ расположеніемъ П. А., которое однакожъ лишь свѣтскія сплетни обращали въ серьёзные чувство и виды. Ниже еще не одинъ разъ П. А. возвращается къ этой сплетнѣ, которая его безпокоила. О ней онъ упоминаетъ и въ письмѣ къ Жуковскому (Сочиненія Плетнева, т. III, стр. 534) отъ 9 августа:

„Я не только не думаю жениться, пишетъ онъ, но сбираюсь и совсѣмъ уѣхать отсюда, чтобы послѣ 27 лѣтъ службы, тягостной и безпрерывной, гдѣнибудь отдохнуть на свободѣ, будетъ ли это въ Одессѣ или въ Дрезденѣ — для меня все равно, лишь бы не въ Петербургѣ“.

Стр. **17,** № п. *8.*

Эмилія Карловна Шернваль была за графомъ **Владиміромъ Алексѣевичемъ Мусинымъ-Пушкинымъ**, служившимъ чиновникомъ особыхъ порученій при Министрѣ финансовъ. Это былъ сынъ графа Алексѣя Ивановича, президента академіи художествъ, знаменитаго издателя Слова о Полку Игоревѣ и другихъ памятниковъ древней русской письменности. Срв. ниже стр. 131.

Стр. **18,** № п. *9.*

Приводимъ здѣсь сохранившуюся въ бумагахъ Я. К. **записку Плетнева** — о преподаваніи русскаго языка въ Александровскомъ университетѣ:

„Вашему сіятельству угодно было знать, какія средства, по моему мнѣнію можно употребить для усиленія успѣховъ русскаго языка въ Финляндіи.

„Такъ какъ трудно пріискать столько хорошихъ учителей, чтобы во всѣхъ низшихъ и высшихъ училищахъ Финляндіи вдругъ началось основательное и успѣшное преподаваніе русскаго языка, то и надобно, по крайней мѣрѣ *на четыре года*, сосредоточить всю дѣятельность по сей части въ самомъ университетѣ. Пожертвовавши на это время издержками, превышающими нынѣшнія, онъ снабдитъ всю Финляндію отличными учителями не изъ людей пріѣзжихъ, всегда помышляющихъ о возвращеніи на родину, но изъ финляндцевъ же, которые постоянно будутъ содѣйствовать видамъ правительства и тогда, когда перейдутъ изъ ученой службы въ другую. Итакъ, должны быть при университетѣ для русскаго языка, его литературы и исторіи Россіи четыре преподавателя, т. е. два лектора, одинъ профессоръ экстраординарный и одинъ ординарный.

Лекторы будутъ обучать студентовъ 1 и 2 курса, раздѣливъ ихъ приблизительно поровну, смотря по числу студентовъ въ факультетахъ, напр., у одного будутъ слушать студенты философскаго и медицинскаго, а у другого богословскаго и юридическаго. Лекторъ долженъ преподавать грамматику русскаго языка и особенно занимать студентовъ легкими небольшими сочиненіями и переводами. Надобно, чтобы лекторъ поправлялъ сочиненія не во время лекціи, а у себя на дому, со всею отчетливостью изъясняя послѣ неправильности или неточность языка. Студентамъ можно поставить въ обязанность по истеченіи *двухъ лѣтъ* знать грамматику основательно, умѣть безъ затрудненія переводить съ иностраннаго языка на русскій, и хотя бы съ ошибками, но непремѣнно говорить по-русски.

Во время *предполагаемаго четырехлѣтія* лекторами должны быть лучшіе воспитанники изъ Главнаго Педагогическаго института, особенно изъ бывшихъ уже преподавателями въ губерніяхъ, присоединенныхъ къ Россіи.

Экстраординарный профессоръ вмѣсто теоріи краснорѣчія или системати-

ческой исторіи литературы, составляетъ *выборъ для чтенія* студентамъ любопытнѣйшихъ мѣстъ изъ писателей русскихъ — въ прозѣ, начиная съ Карамзина, а въ стихахъ нѣсколько съ Державина, болѣе съ Дмитріева и особенно съ Жуковскаго, и такъ далѣе до современныхъ включительно. Чтенія сопровождаются филологическими и эстетическими объясненіями.

Студенты каждое прочитанное такимъ образомъ мѣсто излагаютъ сокращенно на бумагѣ, удерживая въ сочиненіи своемъ смыслъ подлинника и порядокъ его мыслей, къ чему прибавляютъ свои сужденія или разборы въ родѣ критическихъ. Профессоръ, получивъ ихъ на другой лекціи и исправивъ у себя на дому, при возвращеніи прибавляетъ собственныя изустныя замѣчанія и прочитываетъ студентамъ извѣстнѣйшіе изъ современныхъ журналовъ разборы, если они имѣютъ отношеніе къ предмету. Такимъ образомъ возбуждено будетъ любопытство и усилена естественная дѣятельность ума и вкуса. Эти занятія экстраординарнаго профессора продолжаются *годъ* во всѣхъ четырехъ факультетахъ 3-го курса.

Наконецъ, ординарный профессоръ, принимая въ четвертый курсъ студентовъ всѣхъ факультетовъ, читаетъ имъ лекціи въ высшемъ значеніи университетскія, которыя продолжаются *до выхода каждаго факультета* студентовъ изъ университета. Онъ обнимаетъ исторію собственно называемой Россіи, Царства Польскаго, Остзейскихъ областей и Великаго Княжества Финляндіи. Въ каждомъ періодѣ, послѣ изложенія событій политическихъ, онъ исчисляетъ и оцѣниваетъ достоинство памятниковъ литературы чисто русской. Это приведетъ въ систему знаніе нашей словесности и доставитъ студентамъ источники для повѣрки самой исторіи, имъ преподаваемой.

По этому плану можно будетъ избѣжать главнѣйшаго препятствія къ успѣхамъ въ русскомъ языкѣ — сухости и однообразія взгляда на предметы. Каждый изъ четырехъ преподавателей сообщитъ *свои* свѣдѣнія и мысли. Ординарный профессоръ, который долженъ быть одинъ изъ опытнѣйшихъ и самый дѣятельный, самый здравомыслящій русскій литераторъ, обязанъ будетъ, въ качествѣ декана или инспектора по части преподаванія русскаго языка и литературы его въ университетѣ, отвѣтствовать передъ начальствомъ за систему и правильность преподаванія лекторовъ и даже экстраординарнаго профессора. Это временное отступленіе для университетскаго всегдашняго порядка необходимо.

Библіотека университета должна пріобрѣсть всѣ лучшія книги на русскомъ языкѣ, касающіяся до филологіи нашей, литературы, исторіи, законодательства и другихъ наукъ, если сочиненія сіи пользуются извѣстностью въ литературѣ. Обязанность выбора возлагается на ординарнаго профессора.

Библіотека университета выписываетъ ученыя и литературныя повременныя изданія нынѣ выходящія въ Россіи.

Всѣ преподаватели русскаго языка поочередно отмѣчаютъ для студентовъ лучшія статьи или даже цѣлыя книги, вновь выходящія, чтобы здѣсь безпрерывно входила въ умственную жизнь ученая дѣятельность Россіи.

Для студентовъ, отлично окончившихъ курсы у русскихъ преподавателей, можно учредить на эти четыре года премія, или предоставить имъ выгоды по службѣ.

Когда университетъ распространитъ по Финляндіи столько людей, которые воспитаютъ новое поколѣніе въ новыхъ чистыхъ понятіяхъ о Россіи, тогда достаточно будетъ при университетѣ оставить опять одного лектора и одного профессора, но только ординарнаго, который бы въ изложенномъ мною идѣ читалъ ивсторію всѣхъ частей, составляющихъ Имперію, и хронологически излагалъ бы ея литературу. Прочее приведено будетъ въ движеніе распространившимся знаніемъ достоинства націи. Подп. *П. Плетневъ.*

6 (18) іюля 1840 г., Гельсингфорсъ.

Стр. **19,** № п. *9.*

О баронѣ **Вильгельмѣ Клинковстремѣ**, шведскомъ аристократѣ, переселившемся въ Финляндію въ 1815 г. и занявшемъ здѣсь видное положеніе см. въ воспоминаніяхъ *Шаумана,* Aug. Schauman, Från sex årtionden. i Finland, Helsingf. 1892, I вып., стр. 82 — 86. О **А. П. Теслевѣ** тамъ же, стр. 189.

Стр. **24,** № п. *11.*

Шведскую грамматику на русскомъ языкѣ, которую печаталъ книгопродавецъ Вассеніусъ, составилъ (срв. ниже, стр. 41 и 46) нѣкто **Лангенъ** (Яковъ Карловичъ). О ней позже былъ отзывъ Плетнева въ Современникѣ (ея заглавіе: „Практическое руководство къ шведскому языку, изданное Яковомъ Лангеномъ"). См. сочин. Плетнева, т. II, стр. 363.

Стр. **24,** № п. *11.*

Матвѣй Акіандеръ род. 1802 г., по окончаніи университета былъ и переводчикомъ по русскому языку и преподавателемъ, потомъ (съ 1836) лекторомъ русскаго языка въ университетѣ, еще позже экстраординарнымъ профессоромъ русскаго языка и литературы (съ 1853 г., по уходѣ Я. К. Грота и поступленіи на его мѣсто С. И. Барановскаго) и ординарнымъ (съ 1862); вышелъ въ отставку въ 1867 г. и умеръ отъ холеры въ 1871.

Изданная имъ краткая русская грамматика на шведскомъ языкѣ „Rysk Språklära för skolor", Hfors, 1835, выдержала нѣсколько изданій (1844, 1850, 1865) и переведена на финскій языкъ (1864). Еще ранѣе (1831) онъ издалъ книгу: „Россійская азбука, Rysk ABC — bok", Hfors. Позже (1844) онъ издалъ шведское руководство и по русской исторіи.

Стр. **24,** № п. *11.*

О дружбѣ Я. К. съ **Д. С. Протопоповымъ** и о вліяніи на него послѣдняго см. „Автобіографическія замѣтки" въ кн. „Я. К. Гротъ, etc", стр. 18 — 19.

Стр. **25,** № п. *11.*

О **Ив. Як. Нервандерѣ** см. воспоминанія *Шаумана*, тамъ же, III, стр. 204—206.

Стр. **25,** № п. *11.*

Подъ **„бумагами, посланными Наслѣднику"** въ русскомъ переводѣ разумѣется — *донесеніе* консисторіи Александровскаго университета своему Канцлеру, Наслѣднику Цесаревичу Александру Николаевичу — о 200-лѣтнемъ юбилеѣ университета, съ описаніемъ сопровождавшихъ его торжествъ — въ отвѣтъ на Его милостивый рескриптъ. Переводъ оказался не особенно удовлетворительнымъ, о чемъ срв. ниже, стр. 26, 32, 40, 46. Ниже въ прим. къ стр. 40 помѣщаемъ извлеченіе.

Стр. **25,** № п. *12.*

Гр. Н. А. Протасовъ управлялъ Министерствомъ въ отсутствіе гр. Уварова, — какъ оберъ-прокуроръ Сунода.

Стр. **27,** № п. *13.*

Ольга — дочь П. А. Плетнева, съ которою онъ былъ и въ Гельсингфорсѣ, см. прим. къ стр. 47.

Стр. **32,** № п. *15.*

„Разсматривалъ чудесные образцы". Рѣчь идетъ объ образцахъ русскаго шрифта, присланныхъ Гроту черезъ Плетнева типографіей и словолит-

ней Фишера и Ревиліона, въ виду предположеннаго снабженія гельсингфорской типографіи русскими шрифтами.

Стр. **33**, № п. *15*.

Я. К. пересылалъ въ Петербургъ Плетневу, черезъ кн. Шаховскую, рукопись **статьи своей „Литературныя новости изъ Финляндіи“**, напечатанной затѣмъ въ Современникѣ, т. XX, 1840 г.

Стр. **38**, № п. *17*.

Стихи П. А. Плетнева **„Маркизѣ М. А. де-Траверсе“** были напечатаны въ Альманахѣ (Владиславлева) „Утренней Зарѣ“ 1841 г., стр. 231. Перепечатаны въ его „Сочиненіяхъ“, т. III, стр. 294. Вотъ они:

Гдѣ померанецъ и олива
Свой разливаютъ ароматъ,
И гдѣ вдоль соннаго залива
Октавы Тассовы звучатъ,
Тебя природа сотворила
Быть украшеньемъ виллы тамъ,
Но изъ любви къ намъ уступила
Гранитнымъ финскимъ берегамъ.
И эти огненные взоры
И южная твоя краса
Печальныя развеселили горы
И пасмурныя небеса.

Стр. **39**, № п. *18*.

Статья Я. К. о финнахъ, которую хвалилъ Цигнеусъ: **„О финнахъ и ихъ народной поэзіи“** въ Современникѣ, т. XIX (1840), стр. 5—101.

Стр. **40**, № п. *18*.

Копія съ отвѣта университета (консисторіи) **Наслѣднику** и извлеченія изъ описанія (т. е. русскій ихъ переводъ), которыя были добыты и посланы Гротомъ—Плетневу съ Гольдгоеромъ, сохранились въ бумагахъ Я. К. Для любопытствующихъ читателей мы приведемъ здѣсь хоть это не особенно грамотное *донесеніе* (безъ отрывковъ изъ описанія).

„Его Императорскому Высочеству Канцлеру Александровскаго университета

Консисторіи сего университета всенижайшее донесеніе.

Ваше Императорское Высочество во Всемилостивѣйшемъ рескриптѣ отъ 20-го іюля, изображая, что въ радости объ успѣхахъ просвѣщенія въ Финляндіи, просто и смиренно проявившейся въ отпразднованномъ внедавнѣ вторичномъ юбилеѣ университета, Ваше Высочество соблаговолили принять сердечное участіе,—воспламеняли тѣмъ у консисторіи и всѣхъ сочленовъ университета живѣйшія чувства благоговѣнія и восторга, за что консисторія, принимая это драгоцѣннымъ знакомъ милостиваго вниманія и доброжелательства, приноситъ Вашему Императорскому Высочеству всеглубочайшую благодарность свою.

Совокупно съ финскимъ народомъ Императорскій Александровскій университетъ принесъ Всевышнему жертву благодарности, сколько за благости просвѣщенія, въ истекшія два столѣтія изліянныя, столько и за неоцѣнимое счастіе находиться подъ покровительствомъ Великаго Монарха, который Самъ въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ бывъ въ Финляндскомъ родимомъ краѣ

нашемъ высшимъ попечителемъ свѣта наукъ, потомъ уже созванный къ еще высшему кругу государственныхъ заботъ, облекъ перворoднаго Сына Своего и Наслѣдника престола преважной обязанностью этою. Въ сихъ допущеніяхъ Всевышней премудрости, въ постоянной этой милости Царя и въ нѣжныхъ попеченіяхъ Вашего Императорскаго Высочества о верховномъ святилищѣ наукъ въ Финляндіи, народъ финляндскій усматриваетъ наивѣрнѣйшій залогъ въ прочности своего благоденствія, а для консисторіи это всегда будетъ наивяшщимъ поощреніемъ къ тому, чтобы и впредь съ усердіемъ и всѣми силами дѣйствовать къ споспѣшествованію истиннаго просвѣщенія и тѣхъ чистыхъ нравственныхъ началъ, которыя главнѣйше основываются на любви къ истинѣ и правдѣ; чѣмъ однимъ только и вознадѣется консисторія заслуживать неисчислимыя благодѣянія Его Императорскаго Величества и Вашего Императорскаго Высочества.

У консисторіи нѣтъ желанія пламеннѣе того, чтобы Ваше Высочество мысленно всегда находился посреди насъ, и консисторія, равно какъ вѣрноподданническій народъ финляндскій, вмѣстѣ со всѣми вообще обывателями огромнаго Государства, возсылаетъ къ небу теплыя моленія свои, да исполнятся дражайшія надежды Вашего Высочества, которыя, мы въ томъ увѣрены, заключаютъ въ себѣ и постоянное благо будущихъ вѣрноподданныхъ Вашихъ.

Во исполненіе Всемилостивѣйшей воли Вашего Императорскаго Высочества, консисторія представляетъ у сего краткое описаніе совершившихся при юбилеѣ празднествъ".

Стр. **44**, № п. *20*.

Предполагаемый авторъ статьи о Гельсингфорсѣ въ ж. Magazin angen. Unterhaltung — былъ проф. Дерптскаго университета (также директоръ дерптской семинаріи) филологъ **Людвигъ Преллеръ** (позже проф. въ Іенѣ, извѣстный археологъ, авторъ сочиненія о греческой и римской миѳологіи). Онъ былъ на гельсингфорскомъ юбилеѣ вмѣстѣ съ профессоромъ Эрдманномъ — депутатомъ отъ Дерптскаго университета.

Стр. **44**, № п. *20*.

Гр. Ребиндеръ говорилъ съ Я. К. о желаніи своемъ осуществить извѣстный уже намъ проектъ Плетнева (объ усиленіи преподаванія русскаго языка), гдѣ говорится объ учрежденіи при Александровскомъ университетѣ должности *ординарнаго* профессора по русскому языку, литературѣ и исторіи. Гр. Ребиндеръ и прочилъ на это мѣсто Якова Карловича.

Стр. **46**, № п. *21*.

Ушаковъ и **Синебрюховъ** († 1848) — русскіе купцы въ Гельсингфорсѣ. Н. П. Синебрюховъ, купецъ и домовладѣлецъ, развелъ большой, прекрасный садъ въ Гельсингфорсѣ (срв. стр. 87). Ему Булгаринъ посвятилъ хвалебную статью въ „Сѣверной Пчелѣ" 1840 г., № 167, отъ 26 іюля (стр. 668) „Путевыя замѣтки и впечатлѣнія".

Стр. **47**, № п. *21*.

Дочь Плетнева (отъ перваго брака съ С. А. Раевской) **Ольга** родилась въ 1830 г.; она получила домашнее воспитаніе при дѣятельномъ участіи А. О. Ишимовой, лѣтъ 20 вышла замужъ за А. Б. Лакьера и умерла послѣ родовъ въ 1853 г.

Стр. **47**, № п. *21*.

См. **Сочиненія Мих. Никитича Муравьева** († 1807 г., срв. выше, стр. 131), изданіе Смирдина, 1847 г., т. II, стр. 89.

Стр. **50,** № п. *22.*

Аврора Карловна Демидова, урожденная Шернваль, во второмъ бракѣ **Карамзина**, въ 30-хъ годахъ фрейлина Высочайшаго Двора, была знаменита своей красотой и воспѣта Баратынскимъ въ стихахъ.

„Выдь, дохни намъ упоеньемъ,
Соименница зари!“ и т. д.

Первый мужъ ея былъ егермейстеръ Павелъ Демидовъ († 1840 г.), второй — съ 1846 г. полковникъ Андрей Н. Карамзинъ, сынъ исторіографа.

Стр. **50,** № п. *22.*

Книга **Кёнига** вышла въ 1837 г. подъ заглавіемъ **„Literarische Bilder aus Russland“**, Stuttgart u. Tübingen. Объ участіи своемъ въ составленіи этой книги Мельгуновъ напечаталъ брошюру „Исторія одной книги“, 1839 г.

Стр. **51,** № п. *22.*

Письмо Якова Карловича (съ описаніемъ юбилея) **къ сестрѣ Розѣ Карловнѣ** (бывшей за границей съ семействомъ барона М. А. Корфа) сохранилось въ числѣ другихъ къ ней писемъ Я. К. О нѣмецкомъ переводѣ этого описанія въ Мюнхенской газетѣ ничего болѣе не знаемъ.

Стр. **54,** № п. *24.*

Гельсингфорскій почтъ-директоръ **А. А. Вульфертъ** замышлялъ издавать въ Гельсингфорсѣ на русскомъ языкѣ журналъ или скорѣе газету подъ именемъ **„Финляндскаго Вѣстника“**, къ участію въ которомъ онъ хотѣлъ привлечь и Якова Карловича. Плетневъ въ отвѣтѣ (стр. 61) одобряетъ намѣреніе Вульферта. Впрочемъ, этотъ планъ остался неосуществленнымъ.

Стр. **56,** № п. *25.*

Подъ **Спасскимъ**, котораго Плетневъ называетъ въ числѣ лицъ, знакомство съ которыми онъ рекомендуетъ финляндцамъ (прибывающимъ въ Петербургъ), онъ могъ разумѣть (кромѣ историка-археолога **Григорія Ивановича**) еще доктора медицины **Ивана Тимофеевича Спасскаго**, близкаго къ министру гр. Уварову (о которомъ упоминается на стр. 542). Трудно сказать, что вѣрнѣе.

Стр. **56,** № п. *25.*

Воспоминанія о **Вильг. Г. Лагусѣ** см. кн. *А. Шаумана*, выпускъ 3-й, стр. 194 — 200.

Стр. **58,** № п. *25.*

Письма А. И. Тургенева къ князю П. А. Вяземскому (см. Соч. Плетнева, т. III, стр. 393, срв. ниже въ п. Плетнева, стр. 227) были доставлены послѣднимъ Плетневу, вѣроятно, по распоряженію самого Тургенева — для Современника. Позже Плетневъ жалуется, что Тургеневъ, будучи имъ недоволенъ, потребовалъ часть ихъ назадъ для обработки къ печати. Между тѣмъ, какъ извѣстно, въ Современникѣ, съ самаго его основанія Пушкинымъ печатались, какъ извлеченія изъ этихъ писемъ, отрывки изъ журнала Тургенева, веденнаго въ Германіи, Парижѣ, etc., подъ заглавіемъ **„Хроника Русскаго“**, за подписью Э. А., т. е. Эолова Арфа, прозвище автора въ Арзамасскомъ Обществѣ (см. Современникъ I, 258; IV, 234; V, 22; IX, 1; X, 1; XV, 5; XVI, 5; XXI, 5; XXIV, 5; XXV, 5; XXVIII, 98). Объ обширной перепискѣ А. И. Тургенева, его дневникѣ и проч., и вообще о немъ см. подробныя и обстоятельныя извѣстія въ изданіи Сочиненій К. Н. Батюшкова, въ „Примѣчаніяхъ“ къ т. I, 2 (Стихи), стр. 355 — 372.

Стр. **60,** № п. *27.*

Статья противъ Греча въ Отечественныхъ Запискахъ, о которой пишетъ Плетневъ, была рецензія на книгу Греча „Чтенія о русскомъ языкѣ“, Спб. 1840, 2 части, помѣщ. въ Отечественныхъ Запискахъ 1840 г., т. XII, отд. VI, стр. 7 — 29 (Библіогр. Хроника).

Стр. **61,** № п. *27.*

Профессора К. Сальберга Плетневъ называетъ своимъ „**промоторомъ**“, ибо на юбилеѣ Гельсингфорскаго университета — на бывшихъ по этому случаю „промоціяхъ“, т. е. возведеніи въ ученыя степени доктора и магистра, — роль промотора (при возведеніи въ доктора, въ числѣ которыхъ былъ и П. А. Плетневъ) исполнялъ Сальбергъ. См. Описаніе юбилея — самого Плетнева, напеч. въ Современникѣ, XX; также его „Сочиненія“, I, стр. 433, гдѣ (437 — 9) подробныя объясненія объ этихъ промоціяхъ.

Стр. **63,** № п. *28.*

Французская брошюра (присланная Плетневу Вяземскимъ), составляющая извлеченіе изъ книги **Кёнига** (Literarische Bilder aus Russland), намъ неизвѣстна. Ея нѣтъ въ Имп. Публичной Библіотекѣ.

Кстати: Въ письмѣ отъ 28 декабря 1838 г. (Сочиненія Плетнева, т. III, стр. 390) къ Вяземскому, Плетневъ благодаритъ князя „за двѣ брошюры: русскую и французскую“... „Какъ поступить со второю, — пишетъ онъ, — еще не придумалъ. Все это интересно на иностранномъ языкѣ и для иностранцевъ: у насъ покажется повтореніемъ высказавшагося уже нѣсколько разъ въ отрывкахъ“. Я. К. Гротъ, говоря въ примѣчаніи, что трудно угадать, о какихъ брошюрахъ тутъ говорится, высказываетъ, относительно французской, предположеніе, не идетъ-ли рѣчь о напечатанной имъ (Вяземскимъ) въ 1838 году въ Парижѣ подъ заглавіемъ „Incendie du palais d'hiver à St.-Pétersbourg“? Но слова Грота въ письмѣ къ Плетневу, осенью 1840 г., заставляютъ догадываться, не разумѣется ли и въ письмѣ къ Вяземскому эта же французская брошюра — извлеченіе изъ книги Кёнига?

Стр. **64,** № п. *28.*

Вышедшая въ Германіи книга „**Статистика русской Имперіи**“ въ 1840 году: **F. K. Possart**, Das Kaiserthum Russland. Bd. I, II, Stuttgart, 1840—41. I. Statistik. II. Topographie.

Стр. **67,** № п. *30.*

Одертъ Грипенбергъ, замѣчательный финляндскій педагогъ (о которомъ см. еще ниже, стр. 95), родился 1788 г., умеръ въ 1848 г. Я. К. написалъ его некрологъ, помѣщенный въ Спб. Вѣд. 1848 г., №№ 91 и 92.

Стр. **68,** № п. *30.*

Я. К. говоритъ по поводу шведской писательницы **Августы Лундаль**, что видѣлъ ее въ Таммерфорсѣ два года тому назадъ. Это было въ концѣ лѣта 1838 года, когда Я. К. во 2-й разъ — но впервые на болѣе продолжительное время — былъ въ Финляндіи, сперва въ Гельсингфорсѣ, потомъ въ окрестностяхъ Таммерфорса и наконецъ въ г. Борго, гдѣ познакомился съ знаменитымъ поэтомъ Рунебергомъ и описалъ это въ статьѣ „Знакомство съ Рунебергомъ“ въ Современникѣ, 1839 г., т. XIII. Срв. также его „Автобіографическія замѣтки“ въ упомянутой выше книжкѣ, стр. 28 — 29.

Стр. **71,** № п. *31.*

Подъ „**новымъ**", написаннымъ Кёнигомъ **противъ Греча**, Плетневъ разумѣетъ возраженіе Кёнига на извѣстную брошюру Греча, о чемъ выше, стр. 50, прим. 3.

Стр. **72,** № п. *31.*

Похвальную рецензію въ Журналѣ Мин. Нар. Пр. на статью Я. К. „Гельсингфорсъ"— написалъ не Николай Менцовъ, какъ сказано въ подстрочномъ примѣчаніи, а **Өедоръ Николаевичъ**, присяжный рецензентъ Журнала Мин. Нар. Пр., ум. въ 1848 году.

Стр. **73,** № п. *31.*

О предполагавшемся **изданіи Сочиненій кн. П. А. Вяземскаго**, срв. Переписку Плетнева съ кн. Вяземскимъ — Сочиненія Плетнева, т. III, стр. 391—392.

Стр. **74,** № п. *32.*

Эманъ (J. E. Öhman), лекторъ исторіи въ гимназіи въ Борго, былъ вмѣстѣ съ тѣмъ издателемъ литературнаго листка „Борго", въ которомъ ревностно служилъ сближенію финляндцевъ съ русскими на почвѣ литературы и культурной жизни.

Стр. **77,** № п. *32.*

Изученіе русскаго языка студентами поощрялось особыми студенческими стипендіями и преимущественными правами на государственную службу. Кромѣ того, студенты Александровскаго университета, желавшіе усовершенствоваться въ русскомъ языкѣ, посылались время отъ времени въ Москву года на два съ этой цѣлью — на казенный счетъ. Впервые въ 1826 году по распоряженію Канцлера были посланы четыре студента въ Москву на два года для занятія русскимъ языкомъ, съ пособіемъ въ 100 руб. асс. ежемѣсячно, съ тѣмъ, что имъ затѣмъ предоставлялось преимущественное право на служебныя мѣста, требующія знанія русскаго языка.

На такомъ же основаніи на счетъ университета отправлялись въ Москву и поименованные здѣсь молодые люди: Урсинъ, Валленъ, Гартманъ и Моландеръ. Въ 1841 году (уже по назначеніи Я. К. профессоромъ) была ассигнована новая сумма на 10 стипендій (по 350 руб. сер.) для студентовъ, которые въ теченіи 2-хъ лѣтъ будутъ состоять при одномъ изъ русскихъ университетовъ „ради основательнаго изученія русскаго языка". Срав. въ книгѣ *Авг. Шаумана* Från sex årtionden i Finland, IV; стр. 355 — 356.

Стр. **78,** № п. *33.*

Повѣсть кн. Одоевскаго, посвященная графинѣ Э. К. Пушкиной (рожд. Шернваль), была „**Южный берегъ Финляндіи въ началѣ XVIII вѣка**". Она напечатана была въ альманахѣ Владиславлева „Утренняя Заря" за 1841 годъ.

Стр. **80,** № п. *33.*

Почесть, возданная Плетневу въ Гельсингфорсѣ (на юбилеѣ), о которой онъ говоритъ, была — **докторство**, въ которое онъ былъ возведенъ тамъ вмѣстѣ съ поэтомъ Жуковскимъ и другими.

Стр. **82,** № п. *34.*

О **Балабиныхъ** Плетневъ симпатично отзывается въ письмѣ къ Жуковскому отъ 2 марта 1845 г. (Сочин. т. III, стр. 544). Редакторъ писемъ по этому поводу

даетъ о нихъ слѣдующую справку: „Варвара Осиповна (т. е. Балабина) дама французскаго происхожденія, но хорошо знавшая и русскій языкъ. Мужъ, Петръ Ивановичъ, былъ отставной генералъ-маіоръ. Въ ихъ домѣ Гоголь, по рекомендаціи Плетнева, встрѣтилъ особенно дружескій пріемъ и давалъ уроки единственной дочери Балабиныхъ, Марьѣ Петровнѣ, впослѣдствіи вышедшей замужъ за доктора А. А. Вагнера. В. О. скончалась въ Парижѣ въ 60-хъ годахъ. Изъ сыновей одинъ, Викторъ (уже покойный), былъ нашимъ посломъ въ Вѣнѣ, а другой, Евгеній, переселился во Францію и сдѣлался іезуитомъ“.

Стр. **83,** № п. *34.*

Сенпри или **Сенъ-При** (St-Priest), графъ Карлъ Францевичъ († 1863), служилъ въ Россіи въ военной и гражданской службѣ. Наслѣдовавъ по смерти отца (1821) титулъ пера, онъ переселился во Францію. Онъ былъ женатъ на кн. С. А. Голицыной. Срв. ниже упоминаніе о дочери его кн. Долгорукой, стр. 462, 468.

Стр. **83 — 84,** № п. *35.*

Говоря о **„предположенной нами книгѣ“**, Я. К. говоритъ объ Альманахѣ въ память юбилея, который былъ задуманъ на обѣдѣ русскихъ и финляндскихъ литераторовъ въ дни юбилея, но по разнымъ причинамъ, особенно по трудности собрать статьи отъ всѣхъ, принявшихъ участіе въ составленіи, сборникъ могъ явиться только къ началу 1842 г. Срв. „Автобіографическія замѣтки“ Я. К. въ названной книгѣ, стр. 34.

Стр. **87,** № п. *35.*

Переложеніе „Слова о П. И“. **Мих. Дан. Деларю.** „Пѣснь объ ополченіи Игоря, сына Святославова. Одесса, 1839“.

Стр. **94,** № п. *38.*

Я. К. былъ на *ты* съ гр. **А. В. Сологубомъ.**

Стр. **96,** № п. *39.*

Выписки изъ соч. **Георгія Конисскаго** (архіеп. могилевскаго) — о состояніи Малороссіи подъ властью польскихъ католиковъ — напечатаны сперва въ Современникѣ 1836 г. (Разборъ изд. Сочиненій Георгія Конисскаго т. I, стр. 85, срв. III, 321), потомъ въ Сочиненіяхъ Пушкина (I изд.) въ VIII т., стр. 208. Срв. въ письмѣ Плетнева, стр. 122.

Стр. **97,** № п. *39.*

Проф. законовѣдѣнія Александровскаго университета **Вильгельмъ Лагусъ** издалъ въ 30-хъ и 40-хъ годахъ два труда по церковной исторіи Финляндіи:

1) Handlingar till upplysning i Finlands kyrkohistoria (акты, служащіе къ разъясненію финляндской церковной исторіи). Ny följd 1 — 4 Häftet, Åbo 1836 — 39.

2) Handlingar och uppsatter (акты и статьи) rörande Finlands kyrkohistoria, 1 — 5 Häftet. Hfors, 1845 — 50.

Такимъ образомъ и рѣчь Лагуса въ Библ. общ., о которой идетъ рѣчь, входитъ въ область его спеціальныхъ изслѣдованій той эпохи.

Стр. **98,** № п. *39.*

Плетневъ обыкновенно снабжалъ молодыхъ финляндцевъ, ѣхавшихъ въ Москву, **рекомендательными письмами** къ нѣкоторымъ московскимъ про-

фессорамъ, напр., къ М. П. Погодину и особенно къ С. П. Шевыреву, который къ нимъ относился очень сочувственно, интересуясь вообще Финляндіей и дѣятельностью Я. К. Грота въ Гельсингфорсѣ.

Стр. **98,** № п. *39.*

„Русскій Вѣстникъ" основанъ **Сергѣемъ Ник. Глинкою** въ 1808 г. и былъ составляемъ почти исключительно имъ однимъ. Бывъ всецѣло посвященъ Россіи, онъ заключалъ въ себѣ статьи преимущественно по русской исторіи, а позже и по педагогіи. Тамъ же печаталъ С. Глинка свою русскую исторію. Онъ издавался съ 1808 по 1824, причемъ вышло всего 51 часть (подробности см. брош. Б. Ѳедорова „Пятидесятилѣтіе литературной жизни С. Глинки", 1844, Спб.). Право на его изданіе купили въ 1840 г. поименованные писатели *Гречъ, Кукольникъ, Полевой* (изд. съ 1841 г. по май мѣсяцъ). Срв. ниже Плетневъ о немъ, стр. 115.

Стр. **98,** № п. *39*, примѣч. 1-е.

Первая жена генералъ-директора Гартмана, **Мар.-Ел.-Розина Франценъ** была не *внучка*, какъ сказано обмолвкою, а **дочь** знаменитаго епископа.

Стр. **100,** № п. *40.*

Іосифъ Мих. Віельгорскій, старшій сынъ Михаила Юрьевича, ум. въ Римѣ въ 1839 г. (см. ниже, стр. 366). Онъ род. въ 1817 г.; Императоръ Николай избралъ его въ товарищи Цесаревичу Александру Николаевичу по воспитанію и обученію. Онъ былъ даровитымъ и многообѣщавшимъ юношей; о немъ съ восторгомъ отзывался Гоголь, жившій съ нимъ въ Римѣ и похоронившій его тамъ. (Срв. записки о жизни Гоголя, 1856, т. I, стр. 223, 227, 249; письма Гоголя, изд. 1857, т. V, стр. 370, 373, 378).

Стр. **101,** № п. *41.*

„**Ваша** (т. е. статья), **Петръ Александровичъ, доставила мнѣ большое наслажденіе**". Рѣчь идетъ объ описаніи П. А. юбилея Александровскаго университета въ Современникѣ (XX, 5—23); см. Сочиненія Плетнева, т. I, стр. 433—444.

Стр. **102,** № п. *41.*

Отвѣтъ на вопросы Я. К., касающіеся Квитки (Основьяненка), см. стр. 114.

Стр. **102,** № п. *41.*

Адъюнктомъ пастора Цанта былъ паст. **Гофрèнъ**, о которомъ выше, стр. 44.

Стр. **102,** № п. *41.*

Стихотвореніе „**Бредина и Волны**" принадлежитъ **Лидіи Корсаковой** (см. стр. 140).

Стр. **103,** № п. *41.*

Въ прим. 1 читай: **краснорѣчія и стихотворства** (см. *стихотворецъ*). О **Линсенѣ** см. въ воспоминаніяхъ *Авг. Шаумана*, кн. II, стр. 101—103.

Стр. **104,** № п. *41.*

„**Колланъ** будетъ издавать Утренній Листокъ". Объ этомъ подробнѣе ниже, стр. 125. Срв. также книгу *Шаумана*, II, стр. 177.

Стр. **109,** № п. *43.*

Критика сочиненій графини **Сарры Толстой** въ Отеч. Запискахъ — не Бѣлинскаго, какъ ошибочно тогда думалъ Плетневъ, а **М. Н. Каткова**. Это — одинъ изъ его первыхъ литературныхъ трудовъ. Бѣлинскій на первыхъ порахъ восхищался статьей Каткова, а потомъ писалъ о ней: „Читаю — прекрасно; положу книгу — не помню ничего". См. *Пыпинъ* въ Біографіи Бѣлинскаго. Спб., 1876, II, 87.

Стр. **111,** № п. *44.*

Финляндскій журналъ (учено-литературный), о которомъ говоритъ Я. К., былъ предпринятъ подъ названіемъ „**Suomi, tidskrift i fosterländska ämnen**" нѣсколькими горячими финляндскими патріотами (каковы Г. Рейнъ, И. Ленротъ, М. Акіандеръ, М. Кастренъ и др.) съ 1841 г. Черезъ три года онъ сталъ органомъ Финскаго литературнаго общества. Содержаніе преимущественно историко-филологическое. О немъ еще не разъ ниже. Срв. Aug. Schauman, S. 176.

Стр. **113,** № п. *44.*

Булгаринъ въ своей „Сѣверной Пчелѣ" описывалъ свои прогулки по Финляндіи. Мѣстныя финляндскія газеты дѣлали критическія замѣтки на его писанія (именно Helsingfors Tidningar въ 1840, №№ 2, 3 и 4). Булгаринъ возражалъ на эти статьи — въ ст. „Хвалить столько же опасно, какъ порицать" за подписью Ѳ. Б. въ „Сѣверной Пчелѣ", 1840, № 92, 26 апр., 366 — 7.

Стр. **115,** № п. *45.*

„**Финляндіей**", очевидно, Я. К. предполагалъ въ то время назвать **юбилейный Альманахъ**, имъ редактируемый. Позже, какъ увидимъ, были у него съ Плетневымъ — довольно продолжительные переговоры о томъ, какъ озаглавить этотъ сборникъ. См. стр. 394, 399, 405 и проч.

Стр. **115,** № п. *45.*

Письмецо Шегрена со справкой о финнахъ для Готлунда сохранилось въ бумагахъ Якова Карловича. Такъ какъ Плетневъ нѣсколько сократилъ вторую половину этой справки, то мы воспроизводимъ ее здѣсь по подлиннику (хоть по существу нѣтъ особеннаго различія): „...Что же напослѣдокъ касается до тѣхъ финновъ, для которыхъ въ 1833 г. были истребованы финскія библіи для отправленія на Кавказъ, то я въ мою бытность въ Тифлисѣ нарочно спрашивалъ людей, которые могли о томъ вѣдать, и узналъ, что эти библіи были истребованы, какъ я и самъ уже прежде думалъ, въ пользу нѣкоторыхъ *солдатовъ* изъ природныхъ финновъ (изъ губерніи С.-Петербургской) и эстляндцевъ (изъ Остзейскихъ губерній), которые тогда находились въ Кавказскомъ корпусѣ, о чемъ я и прежде уже, кажется, увѣдомилъ и самого господина Готлунда. Слѣдовательно, и нечего хлопотать.

А. Шегренъ".

Стр. **118,** № п. *46.*

Статья Булгарина съ чрезвычайно лестнымъ отзывомъ о **романѣ Лермонтова „Герой нашего времени"**, напечатана въ „Сѣверной Пчелѣ" 1840 г., № 246.

Стр. **118,** № п. *46.*

Упоминаемый здѣсь **сынъ Рафаила Зотова** — есть извѣстный писатель **Владиміръ Рафаиловичъ**, родился 1826 года, воспитывался въ Царскосельскомъ лицеѣ (выпуска XI-го, 1841 года). Онъ редактировалъ въ 40-хъ годахъ

„Репертуаръ и Пантеонъ“ и „Литературную Газету“, потомъ „Сынъ Отечества“, „Иллюстрацію“, „Иллюстрированный Листокъ“, наконецъ, „Иллюстрированную Газету“. Его литературная дѣятельность довольно извѣстна.

Стр. 118, № п. *46*.

Въ прим. 2 о **Е. А. Энгельгардтѣ** читай вмѣсто „первый“ — *бывшій* директоръ Императорскаго Царскосельскаго лицея. Первымъ директоромъ былъ В. Ѳ. Малиновскій (до смерти, 23 марта 1814 г.). Съ этого времени до 1816 исправляли эту должность временно Кошанскій и Гауэншильдъ, а съ 4 марта 1816 сталъ директоромъ Е. А. Энгельгардтъ (до ноября 1823). См. о его управленіи „Историческій очеркъ Императорскаго лицея“ (Селезнева), Спб., 1861, стр. 48—56.

Стр. 120, № п. *47*.

Читатель соблаговолитъ исправить **опечатку**: вм. Фиглеръ — **Фишеръ**, извѣстный книгопродавецъ-издатель, о которомъ не разъ рѣчь и выше, и послѣ.

Стр. 124, № п. *48*.

Розина Гартманъ не уступала въ красотѣ своей матери, дочери поэта Францѐна, нѐобыкновенной красавицѣ. Розина въ началѣ 1842 г. вышла замужъ за русскаго генеральнаго консула въ Стокгольмѣ, выборгскаго уроженца Лавоніуса. О ея роли на юбилеѣ, см. *Шауманъ,* II, стр. 136.

Стр. 124, № п. *49*.

Рѣчь Лагуса въ библейскомъ Обществѣ, см. выше, стр. 97.

Стр. 125, № п. *49*.

Кантелетаръ, т. е. дочь кантелы (финской арфы), — заглавіе сборника финскихъ лирическихъ пѣсенъ, издаваемыхъ **И. Ленротомъ**. О нихъ вмѣстѣ съ упоминаемой выдержкой изъ статьи Коллана, см. въ статьяхъ Я. К. „Литературныя новости въ Финляндіи“, Современникъ, т. XX, стр. 36 и слѣд.

Стр. 127, № п. *50*.

Кн. Петръ Ивановичъ Мещерскій — былъ зятемъ Карамзина (исторіографа), женатъ на его дочери Екатеринѣ Николаевнѣ. Онъ былъ племянникомъ кн. П. С. Мещерскаго, оберъ-прокурора св. сvнода, см. ниже письмо Плетнева, стр. 139 и прим.

Стр. 129, № п. *50*.

Точное названіе журнала для кадетъ: „**Журналъ для чтенія воспитанникамъ военно-учебныхъ заведеній**“; онъ издавался съ іюля 1836 года и до 1862 года (вышло 626 книжекъ). Тамъ были перепечатаны многія статьи Якова Карловича, преимущественно изъ Современника. Въ то время онъ редактировался П. Н. Глѣбовымъ, подъ надзоромъ Я. И. Ростовцева. См. ниже, стр. 139.

Стр. 130, № п. *50*.

Романъ Лермонтова „Герой нашего времени“ былъ дѣйствительно нѣсколько позже переведенъ на шведскій языкъ Мёрманомъ. Вотъ его шведское заглавіе: „Vår tids Hjelte“ af M. Lermontoff. Översatt från tredie upplagan af O. M., Helsingfors, 1844.

Стр. **130**, № п. *50*.

Отвѣтное письмо Жуковскаго королю Прусскому, на французскомъ языкѣ, іюня 1838 года, см. въ его „Сочиненіяхъ“, изд. 7-е, 1878 г., т. VI, стр. 550. Въ 8-е изданіе оно не вошло.

Стр. **130**, № п. *51*.

Графъ В. А. Сологубъ женился на графинѣ **Софьѣ Михайловнѣ Віельгорской**, дочери графа Михаила Юрьевича.

Стр. **133**, № п. *51*.

Романъ **О. П. Шишкиной „Прокопій Ляпуновъ или междуцарствіе въ Россіи“** вышелъ въ 1840-хъ годахъ въ 4-хъ частяхъ. Ранѣе (1839 г.) вышелъ ея другой романъ „Князь Скопинъ Шуйскій или Россія въ началѣ XVII ст.“.

Стр. **134**, № п. *52*, примѣч. 1-е.

Реймерса звали не Александромъ, а *Алексѣемъ* Астафьевичемъ.

Стр. **137**, № п. *53*.

Упоминаемая **статья о Пушкинѣ въ „Маякѣ“** (Бурачка), 1840 г., ч. X, гл. II, стр. 53 — 67, подъ заглавіемъ „Видѣніе въ царствѣ духовъ“.

Стр. **138**, № п. *53*.

Комедія Кони, гдѣ выведенъ Булгаринъ: „Петербургскія квартиры“, комедія-водевиль въ 5-ти дѣйствіяхъ. Булгаринъ представленъ въ ней подъ именемъ *Задарина*.

Стр. **140**, № п. *54*.

„Отъ Сальберга патентъ“... Здѣсь разумѣется, вѣроятно, *дипломъ на доктора*, присланный Плетневу.

Стр. **144**, № п. *55*.

Письма Сперанскаго къ дочери (Багрѣевой) изъ Пензы и Сибири, напечатаны въ Русскомъ Архивѣ, 1868 г., №№ 7 — 8 и 11, стр. 1103 — 1212 и 1681 — 1811.

Стр. **145**, № п. *55*.

„Жизнь Тегнера, описанная Францѐномъ“ — статья Я. К., напечатана въ Современникѣ, 1841 г., т. XXI.

Стр. **146**, № п. *56*.

А. П. Башуцкій предпринималъ въ 1841 году изданіе (на средства книгопродавца Я. А. Исакова) **„Наши, описанные съ натуры русскими“**, но оно было запрещено на IX выпускѣ. Срв. ниже, стр. 557.

Стр. **149**, № п. *57*.

Въ Альманахѣ **статья Ленрота** явилась подъ заглавіемъ: **„Нынѣшніе крестьяне-поэты въ Финляндіи“** (Om närvarande tids poesie hos Finska Allmogen).

Стр. **149**, № п. *57*.

По поводу **тетради объ италіанскихъ глаголахъ** можемъ сослаться на слѣдующее свидѣтельство Я. К. въ его „Автобіографическихъ замѣткахъ“

(см. книгу о немъ, стр. 13): „При изученіи итальянской грамматики, мнѣ показалось, что теорія глаголовъ нигдѣ не изложена удовлетворительно, а потому я тогда написалъ на итальянскомъ языкѣ особенное сочиненіе объ этомъ предметѣ, которое до сихъ поръ у меня цѣло“... Трудъ этотъ и до сихъ поръ сохранился въ бумагахъ Якова Карловича.

Стр. **151,** № п. *57*.

О статьѣ своей **„Литературныя утраты“** Плетневъ говоритъ еще въ другомъ мѣстѣ, см. стр. 616.

Стр. **153,** № п. *58*.

Молодые ученые, защищавшіе **диссертаціи на магистра** (24 ноября), были: *зоологіи* — кандидатъ **Карлъ Кесслеръ** („О ногахъ птицъ, въ отношеніи къ систематическому дѣленію этого класса“); на магистра *ботаники* — кандидатъ **Николай Желѣзновъ** („О развитіи цвѣтка и яичка въ растеніи Tradescantia virginica L.“).

Стр. **153,** № п. *58*.

Г-жа **Паста** — драматическая пѣвица-италіанка (род. 1798 г.), въ свое время имѣвшая огромный успѣхъ въ Парижѣ и Лондонѣ; въ Петербургѣ была въ 1840 г.

Стр. **155,** № п. *59*.

Очеркъ **Ѳ. Ѳ. Корфа „Пріѣзжіе изъ провинціи“** — напечатанъ въ Современникѣ, т. XXI, 1841 г., стр. 167 — 216, въ отдѣлѣ „Характеры и нравы“.

Стр. **158,** № п. *60*.

M-me Бишопъ (Bishop) — извѣстная въ то время и восхищавшая петербуржцевъ пѣвица-англичанка (ее сопровождалъ всюду чешскій музыкантъ Бокса). См. о ней ниже, стр. 162 и 265.

Стр. **159,** № п. *61*.

Здѣсь и Я. К. Гротъ, введеный въ заблужденіе П. А. Плетневымъ, ошибочно **приписываетъ** статью Каткова о сочиненіяхъ графини Сарры Толстой — **Бѣлинскому**.

Стр. **160,** № п. *61*, примѣч. 4-е.

О сенаторѣ **Валленѣ** (Walleen) см. въ цитованныхъ не разъ воспоминаніяхъ *Шаумана,* кн. 1, стр. 86—88.

Стр. **161,** № п. *62*.

Стихи Я. К. къ **А. О. Ишимовой** не были напечатаны.

Стр. **161,** № п. *62*.

Л. Н. Леонтьева (рожд. Зубова) была замужемъ за генералъ-майоромъ **Иваномъ Сергѣевичемъ Леонтьевымъ**.

Стр. **163,** № п. *63*.

Плетневъ опять по поводу сочиненій графини С. Толстой **ошибочно** говоритъ о **Бѣлинскомъ** (Критика ихъ въ Отеч. Зап.— М. И. Каткова).

Стр. **164,** № п. *63*.

Гр. Ребиндеръ, говоря Плетневу о **назначеніи Я. К. Грота** на каѳедру Александровскаго университета, разумѣлъ не то, что посадилъ его на мѣсто

Соловьева (ибо каѳедра экстраординарнаго профессора, занимаемая послѣднимъ, оставалась за нимъ, а Я. К. получилъ ординатуру), а то, что назначенiе Я. К. Грота могло заставить Соловьева, знавшаго, что имъ недовольны, — самого оставить Гельсингфорскiй университетъ (чтò дѣйствительно и случилось года черезъ два).

Стр. **164,** № п. *63.*

Статья гр. Соллогуба, помѣщенная въ Альманахѣ (въ память 200-го юбилея Императорскаго Александровскаго университета) озаглавлена **„О литературной совѣстливости“** (посв. Рунебергу). Написанная сперва слишкомъ рѣзко — по отношенiю къ русскимъ литераторамъ, она была затѣмъ, по совѣту друзей, исправлена и смягчена авторомъ (срв. стр. 170, 171).

Любопытно привести здѣсь изъ позднѣйшихъ воспоминанiй гр. В. А. Соллогуба — его мнѣнiе объ этой статьѣ своей. Въ „Пережитыхъ дняхъ“ (Разсказахъ о себѣ по поводу другихъ, въ „Русск. Мiрѣ“, 1874 г. № 243) читаемъ:

„Помню я, это было въ 1840 году, я былъ тогда женихомъ и жилъ въ Ревелѣ, гдѣ былъ и Одоевскiй. Онъ сталъ уговаривать меня поѣхать съ нимъ въ Гельсингфорсъ на университетскiй юбилей. Какъ недавнiй рьяный студентъ я согласился, и мы поѣхали. Въ Г. мы познакомились съ знаменитымъ поэтомъ старцемъ Францѐномъ, съ Кастреномъ и Рунебергомъ и другими замѣчательными личностями шведской литературы. Къ обществу нашему присоединились Я. Гротъ и, если не ошибаюсь, Плетневъ. Въ Гельсингфорсѣ находился тогда и Булгаринъ, но въ кружокъ нашъ приглашенъ не былъ, за что, понятно, осерчалъ. Въ память юбилея постановлено было нашимъ кружкомъ издать общими силами двойной Альманахъ, по-русски и по-шведски... Булгаринъ снова къ участiю приглашенъ не былъ, такъ какъ его преимущественно за дерзость (въ теперешнее время онъ считался бы овечкой) вездѣ избѣгали. Альманахъ вышелъ, не помню, какое ему было названiе, помню только, что я напечаталъ въ немъ дѣйствительно изъ рукъ вонъ плохую статью о литературной совѣстливости или добросовѣстности — навѣрно сказать не могу... Читатель убѣдится только, что самая-то мысль давно уже засѣла у меня въ душѣ. Какъ только Альманахъ появился, Булгаринъ... выпустилъ въ „Пчелкѣ“ громовую статью, въ которой отдѣлалъ и Одоевскаго и меня, какъ называется, на всѣ корки“.

Стр. **165,** № п. *64.*

„Voyage du jeune Anacharsis en Grèce“ (Paris, 1788), соч. **Бартелеми** (Жана-Жака), доставившее автору европейскую славу. Оно было переведено на русскiй языкъ Россiйскою академiей. (1 часть — въ 1804 г. А. А. Нартовымъ). Здѣсь, конечно, рѣчь о подлинникѣ.

Стр. **167,** № п. *64.*

Яковъ Тенгстремъ († 1858), профессоръ философiи въ Александровскомъ университетѣ, см. стр. 199. О немъ см. воспоминанiя А. Шаумана въ его книгѣ, III, 200 — 202.

Стр. **168,** № п. *65.*

„Посланiе къ д-ру Арбутноту“, переводъ произведенiя англiйскаго поэта *Пòпа* принадлежитъ *И. И. Дмитрiеву* (вышелъ въ 1793 г.), см. ниже къ стр. 178.

Стр. **169,** № п. *65.*

Старая англiйская повѣсть **„Вильчерскiй священникъ или Подарокъ на новый годъ“**, была напечатана въ „Сынѣ Отечества“ 20-хъ годовъ.

*

Стр. **171**, № п. *67*.

Письмо кн. Одоевскаго къ Я. К. Гроту при статьѣ его въ Альманахъ (пов. „Необойденный домъ").

Спб., 10-е декабря, 1840 г.

„Вотъ Вамъ, мой почтеннѣйшій и любезнѣйшій Яковъ Карловичъ, моя лепта въ Гельсингфорскій Альманахъ. Простите меня, что запоздалъ (впрочемъ, сегодня еще 10-е декабря), Вы знаете мою жизнь, знаете всѣ ея треволненія, къ тому же я догадался захворать, такъ что время незамѣтно какъ прошло, не весело, но скоро. Сверхъ того, я началъ было для вашего Альманаха повѣсть: „Южный берегъ Финляндіи", но она такъ разраслась, что я не поспѣлъ ее послать къ Вамъ и занять своею персоною почти всю вашу книжку. Посылаю Вамъ „Необойденный домъ" въ родѣ русскихъ легендъ, чего еще у насъ не пробовали, и совершенно характерную русскую, чего Вамъ и хотѣлось. Я просилъ стиховъ у Жуковскаго, но у него, къ сожалѣнію, ничего нѣтъ готоваго, зато съ будущей почтой Вамъ будутъ *непремѣнно* стихи графини Растопчиной, которая сюда пріѣхала недавно — оставьте для нихъ мѣстечко — она безъ сомнѣнія первый поэтъ теперь на Руси.— Напомните обо мнѣ всѣмъ, кто помнитъ обо мнѣ въ Гельсингфорсѣ — мое житье въ немъ никогда не изгладится изъ моей памяти. Знатоку финскихъ нарѣчій (Кастрѐну?), подарившему мнѣ свою латинскую диссертацію, скажите, что я уже здѣсь не засталъ Бера, но я не потерялъ еще надежды сдѣлать что-либо для него, но надобно повременить, ибо теперь академія не богата въ деньгахъ. Скажите ему, чтобы прислалъ мнѣ нѣсколько экземпляровъ своей диссертаціи, дабы я могъ ее употребить по моему усмотрѣнію.

„Прощайте, любезнѣйшій Яковъ Карловичъ, боюсь опоздать на почту; Бога ради, не сѣтуйте на мою неаккуратность въ отвѣтахъ на письма, — духъ бодръ, а плоть немощна — въ нашей трещоточной жизни, гдѣ каждый трудъ приходится вплоть къ другому безъ промежутка и въ началѣ недѣли всѣ *часы* уже разсчитаны, не успѣваешь оглянуться, какъ проходитъ недѣля. Въ „Южномъ берегѣ Финляндіи" вы увидите, какъ я вокругъ васъ пощечился, — пишите больше — еще васъ обокрадемъ.

„Вѣрьте моей истинной дружбѣ.

Вашъ душою *Одоевскій*.

„Мое почтеніе вашей матушкѣ, хотя она меня и не знаетъ. Не приберете ли къ моей статьѣ какого-либо эпиграфа изъ Рунеберга или Францѐна, или обоихъ, но съ переводомъ?"

Стр. **172**, № п. *67*.

Стихотвореніе Я. К. „Перо" въ книжкѣ „Нѣсколько данныхъ", стр. 102 — 103.

Стр. **173**, № п. *67*.

Экспромптъ на заданныя риѳмы позже нѣсколько видоизмѣненъ.

Поэзіи полны и благовонный *садъ*,
И темный лѣсъ, и громкій *водопадъ*,
Но мнѣ дороже ихъ — сердечная *слеза*:
Мнѣ въ ней сто разъ понятнѣй *небеса*.

См. въ той же книжкѣ, стр. 97.

Стр. **175**, № п. *68*.

Стихи на отъѣздъ Маріи (де-Траверсе) напечатаны въ Современникѣ, XXI (1841), стр. 236 и въ книжкѣ „Я. К. Гротъ", стр. 104 — 5.

Стр. **177,** № п. *69.*

О князѣ **П. В. Долгоруковъ**, см. стр. 232.

Стр. **178,** № п. *70.*

Приводимъ здѣсь цѣликомъ мѣсто изъ **„Посланія къ доктору Арбутноту“** *Пóпа* (въ переводѣ И. И. Дмитріева), которое особенно понравилось Я. К. Гроту.

„Вельможи! Славьтеся хвалами риѳмачей!
Дарите щедро тѣхъ, кто васъ еще тупѣй!
Любите подлость, лесть, невѣжество Циббера,
Кричите, что ему не видано примѣра!
Пускай онъ будетъ *вашъ* любимецъ и герой,
А добрый, милый Гэ пусть остается *мой*!
Дай Богъ не знать и мнѣ, какъ онъ, порабощенья!
О, если бы я могъ, безъ рабства, обольщенья,
Почтеннымъ быть всегда въ почтенномъ ремеслѣ,
Считать весь міръ друзей въ умѣренномъ числѣ,
Для утѣшенія ихъ употреблять всѣ силы,
Читать, что нравится, а видѣть, кто мнѣ милы,
На знатнаго глупца съ презрѣніемъ смотрѣть
И съ знатнымъ иногда свиданія имѣть!
Чего мнѣ болѣ? Я къ большимъ дѣламъ не сроденъ,
Спокоенъ, безъ долговъ, достатокъ мой свободенъ,
Читаю *Отче нашъ*, пишу и по трудахъ
Я, слава Богу, сплю, не бредя о стихахъ,
И живъ иль нѣтъ Деннисъ, не думаю ни мало“.
. .

Стр. **179,** № п. *70.*

„Живописный Міръ“ былъ изданъ **Ѳ. А. Кони.** Это было „учебное пособіе“ для военно-учебныхъ заведеній при упражненіи въ языкахъ нѣмецкомъ и французскомъ: *„Живописный Міръ или взглядъ на природу, науки, искусства и человѣка“. Составленъ по нѣмецкому образцу Гайлера Ѳедоромъ Кони.* Ч. I—II. Гельсингфорсъ. Въ типографіи Г. О. Васеніуса. 1840, 8°.

Стр. **180,** № п. *70.*

Критика „Сочиненій въ стихахъ и прозѣ“ **Дениса Давыдова** — Бѣлинскаго (она безъ подписи, но упоминается въ сочиненіяхъ Бѣлинскаго, т. V) — напечатана въ „Отечественныхъ Запискахъ“ 1840, т. XIII (1 — 22 стр.).— Отвѣтъ Плетнева на вопросы Я. К. см. стр. 185.

Стр. **187,** № п. *73.*

Стихи Растопчиной „Въ Испаніи“ въ „Пантеонѣ“. Въ собраніи стихотвореній нѣтъ указаній. Въ „Пантеонѣ“, 1840, ч. III, № 8, авг., отд. II, стр. 1 — 12, есть драма „Въ Испаніи“, В. Черницына (псевдонимъ).

Стр. **189,** № п. *74.*

Стихотвореніе Якова Карловича „Старый и новый годъ“ — очевидно то самое, что̀ напечатано нынѣ („Два года“) въ кн. „Я. К. Гротъ“, стр. 100 — 101. Другое, для дѣтей, подъ названіемъ *„Встрѣча новаго года“* напечатано въ сборникѣ „Стихи и проза для дѣтей“, 1891, Спб., стр. 4 — 7.

1841.

Стр. **195,** № п. *3.*

Сестра (старшая) гр. Софьи Михайловны Сологубъ — **гр. Аполлинарія Михайловна Віельгорская** вышла замужъ въ 1843 г. за А. В. Веневитинова, умерла въ 1884 г. Срв. „Жизнь и труды Погодина“, т. VII, стр. 131 — 135. Она — личность замѣчательная, см. ея некрологъ, напечатанный П. И. Бартеневымъ въ „Моск. Вѣд.“ 1884 г., № 260.

Стр. **196,** № п. *5.*

Графиня Ребиндеръ (жена министра статсъ-секретаря Финляндіи) была урожденная **Хеденбергъ** (Anna-Elisabeth-Charlotta Hedenberg), дочь королевскаго шведскаго лейбъ-медика, умерла 1845.

Стр. **197,** № п. *5.*

В. А. Муравьева была замужемъ за Александромъ Бакунинымъ, отцомъ эмигранта.

Стр. **199,** № п. *6.*

Приведенное **двустишіе — изъ стихотворенія Я. К. Грота „Привѣтствіе“** (финскимъ литераторамъ на обѣдѣ въ дни юбилея) сказано о **Рунебергѣ**. См. въ кн. „Нѣсколько данныхъ“, стр. 94.

Стр. **199,** № п. *6.*

Стихотвореніе „Борго“ перепечатано тамъ же, стр. 109.

Стр. **205,** № п. *9.*

Статья Я. К. о поэмѣ Рунеберга „Надежда“ съ изложеніемъ ея содержанія — подверглась, какъ видно изъ дальнѣйшей переписки, такимъ нелѣпымъ искаженіямъ со стороны цензора Фрейганга, что Я. К. упрекалъ Плетнева въ ея напечатаніи въ такомъ видѣ.

Стр. **212,** № п. *11.*

Разумѣется **стихотвореніе Пушкина „Деревня“**:

„Привѣтствую тебя, пустынный уголокъ“.

Стр. **212,** № п. *11.*

Окончаніе стихотворенія „Борго“, о которомъ говоритъ Плетневъ (вѣроятно, со стиха „Но для чего прощаюсь я съ тобою“), было все-таки напечатано. Очевидно, только объ этомъ и можетъ быть рѣчь, ибо въ сохранившейся рукописи Я. К. нѣтъ другого окончанія.

Стр. **212,** № п. *12.*

О **нѣмецкомъ переводѣ стихотвореній Пушкина** см. ниже, стр. 231, 362 и пр. Плетневъ прислалъ Я. К. переводъ Р. Липперта, 1840 г. (Alexander Puschkin's Dichtungen, B. 1 — 2, Leipzig). См. ниже, стр. 313.

Стр. **213,** № п. *12.*

Письма о Фритіофѣ, обращенныя къ А. О. Ишимовой, какъ введеніе къ переводу саги, заканчиваются **стихами Я. К.**, которыми онъ напутствуетъ своего Фритіофа въ русскомъ облаченіи. Стихи эти опущены во 2-мъ изданіи (1874) Фритіофа, а потому мы считаемъ не лишнимъ привести ихъ здѣсь:

А ты, мой витязь, мой герой,
Возобнови свои походы
И, презирая непогоды,
Иди на Русь! Иди стезёй,
Которой нѣкогда Варяги,
Твои собраты-земляки,
Безпечно сѣвъ на челноки,
Стремились — полные отваги.
Красивъ и юнъ, могучъ и смѣлъ,
Чрезъ много царствъ ужъ ты промчался,
И всюду славою вѣнчался,
И всюду нравиться умѣлъ.
Но занятъ дальними странами,
Ты близкимъ краемъ пренебрегъ,
И Русскій Сѣверъ нашъ не влекъ
Тебя родимыми снѣгами.
Иди-жъ къ намъ нынѣ! Самъ кипя
Въ груди широкой духъ славянскій
Твоею удалью норманской
Плѣнится и пойметъ тебя. —
Но не за славой, не за данью
Ты, мой Норманъ, спѣши на Русь,
Да за тебя не устыжусь!
Ужъ нѣтъ ихъ, — дней, кипѣвшихъ бранью;
Не тотъ ужъ вѣкъ и на Руси, —
И ты не мечъ, облитый кровью,
Но образъ Бальдера съ Любовью
И арфу Брага къ намъ неси!
И невредимъ чрезъ наши долы
Пойдешь ты съ пѣснями въ устахъ,
И жаръ возвышенный въ сердцахъ
Да пробудятъ твои символы!
Когда же съ кликами войны
Вдругъ на тебя свои удары
Направитъ нѣкій витязь ярый
(Остатокъ дикой старины),
Понять тѣ знаки неспособный:
Съ улыбкой выставь ты свой щитъ;
Но будь спокоенъ какъ гранитъ,
Невозмутимъ какъ крестъ надгробный!
И вѣрь: пройдетъ борьбы пора,
На мигъ лишь царство лжи и брани;
Ударитъ часъ — и твердо въ длани
Возьметъ державу Богъ Добра.
Возстанетъ онъ въ сіяньи новомъ,

И струны Брага запоютъ,
И Свѣтъ и Музыка прольютъ
Свои лучи надъ Русскимъ Словомъ!

25 декабря 1840 г., Гельсингфорсъ.

Стр. **214,** № п. *12.*

Антонъ Регули, извѣстный мадьярскій филологъ и путешественникъ изслѣдовавшій вопросъ о принадлежности мадьяръ къ финскому племени. Съ 1840 г. онъ путешествовалъ по сѣверной Россіи, изучая финскія племена и языки (между прочимъ жилъ среди Вогуловъ за Ураломъ), род. 1819 года, ум. 1858 г., далеко не успѣвъ издать своихъ трудовъ.

Стр. **215,** № п. *13.*

Говоря, что Я. К., какъ шутили въ Петербургѣ, **„весь Петербургъ принесъ въ жертву красотѣ Магіе“**, Плетневъ разумѣетъ уже извѣстное читателямъ стихотвореніе Я. К. — **„Маркизѣ М. А. де-Траверсе“** (на ея отъѣздъ изъ Гельсингфорса). Въ отвѣтъ на эти сообщенія Я. К. написалъ другое стихотвореніе **„Отвѣтъ“**, которое нынѣ напечатано въ кн. „Нѣсколько данныхъ“, стр. 107.

Стр. **216,** № п. *13.*

Наталья Николаевна Пушкина, вдова поэта, вышла вторично замужъ за генерала **Петра Петровича Ланского** въ 1844-мъ г., умерла 28 ноября 1863 г., на 52 году.

Стр. **216,** № п. *14.*

Первая жена Петра Александровича Степанида Александровна (урожд. Раевская), умерла въ 1839 г. Въ 1849 г., 26 января, П. А. вступилъ во второй бракъ съ княжной **А. В. Щетининой.**

Стр. **220,** № п. *15.*

„Очеркъ Испаніи“, статья **Н. В. Невѣдомскаго**, Современникъ, т. XXI, стр. 35.

Стр. **220**, № п. *15.*

Дѣло, о которомъ у Плетнева были переговоры съ Великой Княгиней Маріей Николаевной, — это **хлопоты Плетнева о фрейлинствѣ гр. Матильды Армфельтъ.**

Стр. **222,** № п. *16.*

Рескриптъ Наслѣдника университету — см. ниже, стр. 234.

Стр. **225,** № п. *18.*

Я. К. говоритъ о **запискѣ** о Финляндіи, написанной и поданной Плетневымъ Наслѣднику — для ознакомленія его съ финляндскими дѣлами. См. выше, стр. 208.

Стр. **226,** № п. *19.*

По поводу замѣчаній Плетнева на стихотвореніе Жуковскаго: **„На смерть Великой Княгини Екатерины Павловны“** („На кончину королевы Виртембергской“) — срв. примѣчанія самого Жуковскаго къ этому стихотворенію въ изданіи 7-мъ Сочиненій Жуковскаго, т. II, стр. 96 — 103.

Стр. **231**, № п. *20*.

Переводъ шведскихъ экзаметровъ, сочиненныхъ Я. К. для надписанія на нѣмецкомъ переводѣ Пушкина (предназначенномъ для Рунеберга). См. *ниже*, стр. 263 — 264.

Стр. **232,** № п. *21*.

О **стихотвореніяхъ Лермонтова** были у **Бѣлинскаго** двѣ статьи въ „Отечественныхъ Запискахъ“: въ концѣ 1840 года (т. XIII), въ отдѣлѣ Библіографическая Хроника, и въ началѣ 1841 г. большая статья въ отдѣлѣ Критики. (Срв. соч. Бѣлинскаго, ч. IV, стр. 133 — 142 и 248 — 331). Вѣроятно, Плетневъ разумѣетъ вторую (ибо письмо писано уже въ началѣ февраля 1841 г.).

Стр. **239,** № п. *24*.

„Пѣсня короля Регнера“, Н. М. Языкова, основана на сагѣ Рагнара Лодброка, славнѣйшаго героя и скальда Скандинавіи. Плетневъ, дѣйствительно, включилъ ее, по совѣту Я. К., въ свою статью „Финляндія въ русской поэзіи“. Срв. *ниже*, стр. 247.

Стр. **241,** № п. *24*.

Стихъ **„Потрясъ парижскихъ твердость стѣнъ“** (о Рюрикѣ) находится въ одѣ **Державина: „На побѣды въ Италіи“**.

Стр. **242,** № п. *25*.

Приводимъ резолюцію третейскаго суда по **дѣлу Н. П. Свиньиной съ Краевскимъ** (въ формѣ письма къ ней).

„Милостивая государыня Надежда Аполлоновна! Вслѣдствіе письма вашего отъ 1-го ч. сего мѣсяца, желая исполнить возложенную на насъ покойнымъ Павломъ Петровичемъ обязанность посредниковъ третейскаго суда по условію, заключенному имъ 13-го октября 1838 года съ г. Краевскимъ о передачѣ журнала **„Отечественныя Записки“**, мы составили общее засѣданіе, пригласивъ въ оное и г. Краевскаго съ подлиннымъ контрактомъ.

По прочтеніи сего контракта, гдѣ во 2-мъ и 5-мъ пунктахъ изъяснено объ обязанности г. Краевскаго и товарищей уплачивать въ теченіе пяти лѣтъ ежегодную премію въ 5 тыс. руб. ассигн. покойному вашему мужу, а въ случаѣ его смерти — наслѣдникамъ, къ коимъ перейдетъ сіе условіе по праву наслѣдства, — мы нашли жалобу вашу совершенно справедливою и потребовали отъ г. Краевскаго объясненіе въ неплатежѣ означенныхъ денегъ, на что онъ объявилъ: 1) Что онъ признаетъ силу означеннаго условія прекратившеюся съ 12-го мая 1839 года, то-есть съ того дня, когда получилъ онъ отношеніе с.-петербургскаго цензурнаго комитета о воспослѣдовавшемъ Высочайшемъ соизволеніи на предоставленіе журнала **„Отечественныя Записки“** въ его, Краевскаго, собственность; вслѣдствіе чего не наслѣдники Павла Петровича, а онъ, Краевскій, тогда же объявленъ былъ отвѣтственнымъ редакторомъ-издателемъ и слѣдственно полнымъ хозяиномъ сего журнала. 2) Хотя тогда же имѣлъ бы онъ право потребовать отданные покойному г. Свиньину впередъ за весь 1839 годъ деньги 5 тыс. руб.; однакоже, не только ихъ не требовалъ, но, изъ уваженія къ памяти покойнаго, въ 1840 году переслано вамъ черезъ вашего повѣреннаго, коллежскаго секретаря Горностаева 3.000 руб. (а не одну тысячу руб., какъ вы изволите упоминать), на что и представилъ двѣ росписки Горностаева, одну отъ 24-го января 1840 г. въ тысячу рублей, а другую отъ 17-го іюля того же года въ двѣ тысячи рублей, и наконецъ, 3) Что онъ никогда не отказался бы уплачивать вамъ всю премію, если бы денежныя его

средства были въ лучшемъ состоянiи; но что теперь, при неблагопрiятномъ для журнала времени, имѣющаго не болѣе 1.200 подписчиковъ, онъ рѣшительно сдѣлать сего не можетъ.

Принимая въ уваженiе, съ одной стороны, что хотя по силѣ 5-й статьи упомянутаго контракта г. Краевскiй обязанъ былъ платить покойному супругу вашему ежегодную 5-ти-тысячную премiю, но обязанность сiя основывалась только на частной передачѣ права изданiя журнала — тогда какъ это право не иначе можетъ быть передаваемо, какъ съ Высочайшаго соизволенiя; съ другой же стороны, имѣя въ виду, что по кончинѣ покойнаго супруга вашего, право изданiя „Отечественныхъ Записокъ", съ Высочайшаго разрѣшенiя, передано г. Краевскому, мы, по общему нашему заключенiю, не могли не согласиться въ неправильности самаго условiя, коего всѣ пункты основывались *на личномъ правѣ* покойнаго супруга вашего *издавать журналъ*, которымъ могъ онъ пользоваться только при жизни своей, но которое по смерти его передано г. Краевскому. Не смотря на то, мы старались склонить г. Краевскаго въ вашу пользу, и сколько по нашему убѣжденiю, столько и изъ уваженiя къ памяти покойнаго супруга вашего, какъ основателя „Отечественныхъ Записокъ", Краевскiй, не смотря на неуспѣшную распродажу журнала и на лежащiе на ономъ значительные долги, согласился выдавать вамъ до истеченiя пяти-лѣтняго срока, считая съ 1 января 1839 года, билетовъ на полученiе „Отечественныхъ Записокъ" цѣною на 5 тыс. руб. ассигнац., съ тѣмъ, чтобы вы имѣли полное право продавать эти билеты кому вамъ будетъ угодно, кромѣ книгопродавцевъ.

Признавая весьма удовлетворительнымъ этотъ способъ вознагражденiя со стороны г. Краевскаго, мы имѣемъ честь предложить его вамъ, милостивая государыня, какъ окончательное рѣшенiе нашего посредничества, покорнѣйше прося увѣдомить насъ о своемъ на то согласiи. Съ симъ вмѣстѣ мы признаемъ обязанность свою, какъ медiаторовъ, исполненною и, въ случаѣ несогласiя вашего на означенное рѣшенiе, ни въ какiя дальнѣйшiя разбирательства сего дѣла входить не считаемъ себя въ правѣ.

Съ совершеннымъ уваженiемъ" и пр.

Февраля 1841 г., С.-Петербургъ.

Стр. **242**, № п. *25*.

Стихи Мятлева въ отвѣтъ на стихи Я. К. Грота (на отъѣздъ М. А. де-Траверсе) см. въ кн. „Нѣсколько данныхъ", стр. 105 — 106.

Стр. **246**, № п. *27*.

Переводъ Калевалы (на шведскомъ языкѣ) **Кастрена** вышелъ въ 1841 г. „Kalevala" Öfversättning. 1 — 2 Delen, Hfors, 1841.

Стр. **249**, № п. *29*.

Трудъ **наборщика**, о которомъ идетъ рѣчь, надъ наборомъ русскаго перевода Фритiофа, далъ поводъ Якову Карловичу, по отпечатанiи книги, написать стихотворенiе „**Эпилогъ наборщика**", которое мы приведемъ ниже тамъ, гдѣ будетъ о немъ упоминанiе (къ стр. 340).

Стр. **250**, № п. *29*.

Замѣчательный сонъ Я. К. Грота о гр. Ребиндерѣ — по отношенiю къ послѣднему оказался вѣщимъ. Съ нимъ какъ разъ совпала болѣзнь и смерть графа, о чемъ ниже, стр. 256, 261.

Стр. **251,** № п. *29.*

Приводимъ **письмо А. О Ишимовой къ Е. И. В. Великой Княжнѣ Ольгѣ Николаевнѣ,** о которомъ здѣсь рѣчь:

„Ваше Императорское Высочество!

Сладостно было чувство, съ которымъ я за шесть лѣтъ передъ симъ имѣла счастіе поднести Вашему Высочеству первую часть моей Исторіи; еще сладостнѣе это чувство теперь: я повергаю къ стопамъ Вашимъ окончаніе труда моего и въ такую эпоху, когда возрастъ Вашъ, такъ блистательно осуществивъ всѣ надежды дѣтства, обѣщаетъ мнѣ пріятнѣйшую награду во вниманіи Вашемъ.

Эти прекраснѣйшія шесть лѣтъ въ жизни Вашего Высочества будутъ составлять незабвенный періодъ и въ моей жизни: во все ихъ продолженіе, неутомимо и радостно предаваясь любимому труду, я жила въ какомъ-то особенномъ мірѣ, не тяготясь ничѣмъ настоящимъ и представляя въ мысляхъ только Высокую Покровительницу мою по сходству ея души съ лучшими чертами Царственныхъ Особъ нашей исторіи. Сколько разъ благочестіе Ольги, кротость Анастасіи, умъ Екатерины, небесная благотворительность Маріи, этого Ангела-утѣшителя сиротъ и страждущихъ, представляли мнѣ со всею ясностью то или другое изъ прекрасныхъ качествъ Вашего Высочества.

Пять частей сочиненія моего написаны были подъ вліяніемъ этого заочнаго поклоненія Августѣйшей Покровительницѣ моей; наконецъ, прошедшій годъ, въ то время, какъ я занималась шестою, Богъ послалъ мнѣ счастіе представиться лично Вашему Императорскому Высочеству у Ея Свѣтлости Принцессы Ольденбургской. Какъ прекрасно обратили Вы въ дѣйствительность пятилѣтнія мечты мои! Какъ оправдали тотъ восхитительный образъ, въ которомъ я воображала Васъ! Эти сладостныя минуты никогда не изгладятся изъ моей памяти! Трогательная привѣтливость Вашего Высочества разлила такое радостное чувство въ душѣ моей, что я не находила словъ къ выраженію его, и только безмолвно, въ глубинѣ безпредѣльно преданнаго Вамъ сердца благодарила Васъ за то счастіе, какое присутствіе Ваше доставляло мнѣ!

Ваше Высочество! не сочтите преувеличеннымъ все, что я осмѣлилась сказать Вамъ: это горестно отравитъ невыразимо отрадное чувство, съ которымъ я повергаю предъ Вами окончаніе труда и повѣсть ощущеній, его сопровождавшихъ.

Вашего Императорскаго Высочества
всепокорнѣйшая“ etc.

Стр. **253,** № п. *30.*

„Герой Очаковскихъ временъ“, повѣсть Квитки (Основьяненка), напеч. въ Современникѣ XXIII в. — „Столбиковъ“ — романъ подъ заглавіемъ **„Жизнь и похожденія Столбикова“** цѣликомъ явился отдѣльно въ 3-хъ частяхъ 1841 г.

Стр. **254,** № п. *31.*

Аминовы (Аминевы) **перешли въ русское подданство** не при Петрѣ Великомъ, а еще ранѣе, **въ нач. XVII ст.** Въ 1611 году Ѳедоръ Григорьевичъ Аминовъ, воевода Иваньгорода, предалъ этотъ городъ шведамъ, вступилъ въ шведское подданство и причисленъ къ шведскому дворянству. Внукъ его Григорій Ивановичъ, капитанъ шведской службы, былъ родоначальникомъ второй, именно *финляндской* вѣтви этого рода, возвратившейся съ завоеваніемъ Финляндіи 1809 года въ русское подданство; два ея члена Густавъ и Іоаннъ-Фридрихъ (вице-канцлеръ Абовскаго университета) были возведены Императоромъ Александромъ I въ баронское достоинство (1812 г.), а послѣдній — въ

1819 году и въ графское. (См. *П. Долгорукова*, Россійская родословная книга, ч. III, 1856, стр. 71). Вѣроятно здѣсь идетъ рѣчь о сынѣ гр. Іоанна А.

Стр. **255,** № п. *31.*

Двѣ главы изъ романа славнаго итальянскаго поэта **Манцони** (Manzoni) **„Обрученные“** (I promessi Sposi, Миланъ, 1827) были напечатаны въ видѣ особой статьи подъ заглавіемъ „Моровая язва въ Миланѣ въ 1630 г.“, въ русск. переводѣ Розы Карловны Гротъ въ Современникѣ 1841, т. XXIV, стр. 1—57.

Стр. **257,** № п. *32.*

„Я тебѣ совѣтую отнестись письмами къ Армфельту и Путятѣ, чтобы они выяснили тебѣ твое положеніе“. Я. К. состоялъ тогда еще чиновникомъ особыхъ порученій при министрѣ статсъ-секретарѣ Финляндіи и былъ гр. Ребиндеромъ намѣченъ и предназначенъ на каѳедру (ординарнаго профессора) русскаго языка и литературы въ Александровскій университетъ, но представленіе о немъ еще не состоялось. Какъ увидимъ, графъ Ал. Армфельтъ не замедлилъ довершить это дѣло.

Стр. **207,** № п. *37.*

Стишки по поводу **М. А. де-Траверсе и Петербурга** перепечатаны и въ кн. „Нѣсколько данныхъ“, стр. 106 и 107.

Вм. „Ты долженъ звать чухонкою и ту“ читай: „*То* долженъ“

Стр. **270,** № п. *38.*

Львовъ, участвовавшій въ концертѣ — Алексѣй Ѳедоровичъ, извѣстный музыкантъ-композиторъ, директоръ пѣвческой капеллы, ум. 1870.

Стр. **272,** № п. *40.*

Говоря о Цигнеусѣ и о томъ, какъ онъ тихо читалъ свою рѣчь, Плетневъ разумѣетъ **рѣчь Цигнеуса въ Библейскомъ Обществѣ** (5-го марта), о чемъ Я. К. Гротъ сообщаетъ въ письмѣ къ *П. П. Максимовичу*, переданномъ Плетневу и у него сохранившемся. Въ этомъ письмѣ отъ 5-го марта Я. К. пишетъ: „Цигнеусъ сегодня произноситъ рѣчь въ Библейскомъ Обществѣ: иду слушать его“. А въ припискѣ отъ 6-го марта: „Вчера послѣ обѣда пошелъ я слушать рѣчь Цигнеуса въ Библейскомъ Обществѣ, въ университетѣ. Людей было много; но онъ говорилъ такъ тихо, что ничего не было слышно, и я тотчасъ ушелъ. Скажите это Петру Александровичу“.

Стр, **275,** № п. *41.*

О стихотвореніи **„Герда“**, передѣланномъ потомъ въ **„Сѣверное сіяніе“**, см. стр. 281. Послѣднее въ кн. „Нѣсколько данныхъ“, стр. 118—119.

Стр. **277,** № п. *42.*

О **Ларсѣ Гавріилѣ Гартманѣ**, переведенномъ въ Гельсингфорсъ сенаторомъ (департамента экономіи) и начальникомъ финансовой экспедиціи и о его финансовыхъ реформахъ — см. въ кн. *А. Шаумана* („Fr. sex årtionden“), II, стр. 157—165.

Стр. **277,** № п. *42.*

Школа для бѣдныхъ дѣвушекъ, основанная **Принцемъ П. Г. Ольденбургскимъ** — на Петербургской сторонѣ, на углу Большого проспекта и Каменноостровскаго пр., существуетъ тамъ же и нынѣ подъ названіемъ „Женскаго училища (института) Е. И. В. Принцессы Ольденбургской“.

Стр. **280**, № п. *44*.

Стихотвореніе Я. К. подъ **№ 1**. (См. „Нѣсколько данныхъ“ стр. 84).

Прекрасенъ неба сводъ, когда
Свѣтило дня на немъ пылаетъ;
Но на закатѣ иногда
Красою новой онъ сіяетъ:
Пурпурныхъ облаковъ гряда
Его въ ту пору украшаетъ,
И взору будто бы вѣщаетъ,
Что день исчезъ не навсегда,
Что завтра утро встанетъ снова
Изъ лона моря голубого.

Прекрасенъ ликъ людской, когда
Душа въ очахъ его пылаетъ;
Но онъ по смерти иногда
Красою новою сіяетъ:
Улыбка тихая тогда
Его привѣтно озаряетъ,
И сердцу будто бы вѣщаетъ,
Что духъ исчезъ не навсегда,
Что утро жизни встанетъ снова
Ему изъ лона Всеблагого.

Стр. **280**, № п. *44*.

Стихотвореніе **Красавица** (изъ Рунеберга).

Что ни вздумаю — все дивно,
Дивны всѣ мои дѣла;
Люди шепчутъ безпрерывно:
„Какъ она мила!“

Этотъ хвалитъ ростъ и плечи,
Тотъ — глаза, а третій — станъ:
Иль у зеркала нѣтъ рѣчи,
Иль оно — обманъ?

Я, туда взглянувъ, открою
Сто разъ болѣе сама,
Чѣмъ всѣ тѣ, кого собою
Я свожу съ ума.

Ахъ, меня-бъ вы услаждали
Похвалами безъ конца,
Лишь бы въ нихъ не забывали
Сердца для лица!

Для лица у всѣхъ готова
Дань похвалъ; вся честь — ему;
Но никто не скажетъ слова
Сердцу моему!

(Напеч. въ кн. „Нѣсколько данныхъ“, стр. 96).

Стр. **281,** № п. *44.*

„**На смерть супруги Ѳ. Ѳ. Кокошкина**“ Батюшкова, см. его Сочиненія, нов. изд. (1887), т. I, 2, стр. 199.

Стр. **283,** № п. *45.*

Упоминаемый здѣсь **некрологъ Ребиндера** (въ финляндской газетѣ) — вѣроятно, тотъ, что появился въ „Finl. Allm. Tidning“ и принадлежитъ К. Валлену. См. у *Шаумана*, вып. II, стр. 169, гдѣ и выдержки изъ него.

Стр. **300,** № п. *52.*

„Нѣтъ подруги нѣжной, нѣтъ прелестной Лилы“— первый стихъ названнаго только-что **стихотворенія Батюшкова**.

Стр. **300,** № п. *52.*

Въ „**Званыхъ Гостяхъ**“ **Квитки** „Современникъ“ говоритъ о себѣ: „Занимать другихъ и доставлять разсѣяніе — не есть моя цѣль: я собираю все для собственнаго моего удовольствія“. Современникъ, т. XX, стр. 23.

Стр. **309**, № п. *56.*

Упоминаемый Я. К. отрывокъ изъ „**прошлогодняго журнала отъ 4-го апрѣля**“ — напечатанъ среди „Автобіографическихъ Замѣтокъ“ Я. К. — въ кн. „Нѣсколько данныхъ“, стр. 53.

Стр. **312,** № п. *57.*

Президентъ Россійской академіи адмиралъ **А. С. Шишковъ** (род. 1754), умеръ 9 апр. 1841 года.

Стр. **313,** № п. *57.*

Повѣсть гр. **Алексѣя Толстого** „**Упырь**“ (или „Вампиръ“) съ псевдонимомъ *Красногорскаго* вышла въ 1841 г. Въ собраніе Сочиненій его она не вошла. Отзывъ о ней Бѣлинскаго въ „Отеч. Зап.“ 1841 г. (Сочиненія, т. V, стр. 363). О ней упоминаетъ Б. М. Маркевичъ въ „Русск. Вѣстникѣ“ 1884 г., янв. — въ примѣч. къ напечатанной имъ тамъ другой ранней повѣсти А. Толстого „Семья Вурдалака“ — изъ той же области *вампиризма.*

Стр. **316,** № п. *58.*

Подъ „**другой должностью**“, о которой говоритъ Я. К., разумѣется должность **экзаминатора** (по русскому языку) въ школахъ Финляндіи, см. выше, стр. 285.

Стр. **319,** № п. *60.*

Статья **Рунеберга** въ „Альманахѣ“ юбилейномъ: „**Макбетъ — христіанская ли трагедія?**“ (Är Macbeth en Christlig tragedie?)

Стр. **320 — 321,** № п. *60.*

Стихи „**17-го апр. 1841**“ на бракосочетаніе Наслѣдника Цесаревича Александра Николаевича съ Маріей Александровной Гессенъ-Дармштадтской — перепечатаны въ кн. „Нѣсколько данныхъ“, стр. 116.

Стр. **322,** № п. *60.*

Слова А. К., „**сказанное ректоромъ при первомъ моемъ свиданіи съ нимъ**“ (о профессурѣ Я. К.) относятся къ стр. 310.

Стр. **326,** № п. *62.*

Это предполагавшееся „**Посвященіе**“ перевода Фритіофа **Плетневу** напечатано въ кн. „Нѣсколько данныхъ“, стр. 91.

Стр. **327,** № п. *63.*

Оминне (Åminne) — имѣнье графа Густ. Армфельта въ Финляндіи.

Стр. **340,** № п. *69.*

Стишки Я. К. Грота „**Эпилогъ наборщика**“ приводимъ здѣсь:

Оконченъ трудъ: о мигъ для сердца сладкій!
Но ахъ... и онъ съ заботой горькой слитъ:
Быть можетъ есть въ сей книгѣ опечатки
И рецензентъ поэту ихъ вмѣнитъ,
И за меня невинный пострадаетъ!
Нѣтъ, не хочу! пускай же голосъ мой
Его скорѣй предъ свѣтомъ оправдаетъ.
Съ листовъ сихъ гналъ онъ неусыпно рой
Незваныхъ буквъ и запятыхъ и точекъ;
Но кто бы всѣ ихъ сонмы истребилъ?
Увы! въ лѣсу таинственныхъ мнѣ строчекъ
Стоглавую я гидру воскресилъ.
Но я вѣдь финнъ: то лишь мои начатки
Въ премудростяхъ россійскаго письма,
А русскій добръ: найдя здѣсь опечатки,
Пусть вспомнитъ онъ: — ужъ ихъ исчезла тьма
И до него дошли одни *остатки.*

Стр. **342,** № п. *71.*

Конст. Карл. Гротъ служилъ тогда въ Митавѣ ассессоромъ въ Курляндской палатѣ государственныхъ имуществъ.

Стр. **345,** № п. *73.*

Статья о новомъ изданіи „**Душеньки**“ **Богдановича** (изд. тип. Фишера, Спб., 1841) въ „Отеч. Зап.“ 1841 г., т. XVI, отд. VI, стр. 1 — 4. (Библіографическая хроника).

Стр. **349,** № п. *75.*

Поименованныя статьи **А. О. Ишимовой, Ломоносова** и **Невѣдомскаго** см. Современникъ, т. XXIII, 1841. О статьѣ *Серг. Григ. Ломоносова* (состоявш. при посольствѣ въ Бразиліи) „Событія въ области Пара“ (подпис. С. Л.) см. письмо Вяземскаго къ Плетневу 1841, Сочиненія Плетнева, III, стр. 393.

Стр. **353,** № п. *77.*

Отзывъ Плетнева о переводѣ Фритіофа Я. К. Грота см. Современникъ, 1841, XXIII (ст. „Новые переводы“), стр. 47. Приводимъ его здѣсь, такъ какъ Я. К. въ изданіяхъ сочиненій Плетнева изъ скромности пропустилъ этотъ отзывъ.

„Наконецъ и здѣсь въ С.-Петербургѣ для продажи получены экземпляры перевода этой шведской поэмы, доставившей автору знаменитость во всей Европѣ. Гельсингфорскіе критики, сравнившіе переводъ съ подлинникомъ изъ стиха въ стихъ, восхищены вѣрностію смысла и особенно соблюденіемъ поэтическихъ красотъ оригинала въ русскихъ стихахъ. Трудностей предстояло

множество. Содержаніе поэмы, ея краски, миѳологія, самый языкъ подлинника — все это въ первый разъ должно было подчиниться русскимъ музыкальнымъ звукамъ. Переводчикъ такъ сблизился съ героемъ поэмы, что, говоря о немъ, самъ становится Тегнѐромъ. Для доказательства этого замѣчанія и желая дать понятіе вообще о прелести стиховъ Грота, мы выписываемъ, изъ его послѣдняго письма къ А. О. И—вой, обращеніе его къ герою при отправленіи къ ней перевода еще въ рукописи".

(Слѣдуютъ стихи, приведенные нами здѣсь въ другомъ мѣстѣ, стр. 679).

Стр. **356,** № п. *79.*

Плетневъ называетъ **П. С. Молчанова** *незабвеннымъ*. Это становится понятнымъ, если прочесть то, что онъ пишетъ о немъ въ письмѣ къ Пушкину отъ 19 іюля 1831 г., Сочиненія Плетнева т. III, стр. 374—5.

Стр. **356,** № п. *79.*

О **Липпертѣ**, переводчикѣ Пушкина, см. выше, стр. 313.

Стр. **356/7,** № п. *79.*

Карлъ Брюлловъ—знаменитый живописецъ, авторъ картины „Послѣдній день Помпеи" и друг., род. 1799 (въ Петербургѣ), ум. 1852 г. (въ Италіи).

Стр. **360,** № п. *81.*

Статья Плетнева **„Путешествіе В. А. Жуковскаго по Россіи"** въ Современникѣ т. XIII (1838), стр. 5—22. Срв. Сочиненія Плетнева, т. I, стр. 404. Тамъ разсказъ о поэтѣ Милькѣевѣ.

Стр. **366,** № п. *84.*

По поводу воспоминанія Плетнева о **товариществѣ Наслѣдника В. Кн. Александра Николаевича, гр. I. Віельгорскаго и Паткуля** срв. воспоминанія Плетнева о томъ же—въ письмѣ его къ Вяземскому отъ 27 іюня 1857, Сочиненія Плетнева, т. III, стр. 459.

Стр. **366,** № п. *84.*

Повѣсть **Квитки „Преданіе о Гаркушѣ"** — напеч. въ Современникѣ, XXV (1841) и XXVI (1842) томахъ.

Стр. **369,** № п. *87.*

О сенаторѣ **Эренстрэмѣ**, см. въ книгѣ *Шаумана* (Frân sex årtionden i Finland), I т., стр. 80—82.

Стр. **374,** № п. *92.*

Дача П. А. Плетнева, куда онъ пріѣхалъ прямо изъ Финляндіи была такъ называемая **„Беклешева дача"** (ранѣе Кушелева), или **Спасская мыза**, какъ онъ ее чаще называетъ въ письмахъ своихъ (см. слѣд. его письмо, № 94, на стр. 376): она находилась около Лѣсного института. Плетневъ постоянно жилъ на ней съ 1826 года (такъ свидѣтельствуетъ самъ П. А. въ письмѣ къ Гоголю отъ 29 іюня 1847 г., говоря, что онъ живетъ на этой дачѣ уже 21 годъ, см. статью Я. К. Грота „Письма Плетнева къ Гоголю" —въ „Русск. Вѣстн.", 1890 г., XI кн., а также въ письмѣ къ Жуковскому отъ 19 мая 1850 г., Сочиненія Плетнева, т. III, стр. 665). Съ нимъ рядомъ жилъ долго статсъ-секретарь П. С. Молчановъ, его близкій пріятель.

Стр. **375,** № п. *93.*

Критика на переводъ Фритіофа въ Русскомъ Инвалидѣ — въ „Приложеніи къ Русск. Инв.“, № 2. Критическій перечень новостямъ русской литературы, стр. 9 (№ 22 — Фритіофъ).

Стр. **376,** № п. *94.*

„**Спасская мыза**“ — см. выше примѣчаніе на стр. 688.

Стр. **377,** № п. *95.*

По поводу **отзывовъ журналистики** о „Фритіофѣ“, Я. К. разумѣетъ свои стихи въ концѣ предисловія къ своему переводу — въ 1-мъ изданіи (1841 г.). Они приведены нами выше, стр. 679.

Стр. **379,** № п. *96.*

Объ упоминаемомъ **сборникѣ въ пользу Смирдина**, вышедшемъ въ 1842 г. подъ заглавіемъ „**Русская Бесѣда**“, собраніе сочиненій русскихъ литераторовъ, издаваемое въ пользу А. Смирдина (т. I, 8°, 658 стр.), см. рецензію Плетнева въ Современникѣ, 1842, т. XXV, стр. 25.

Стр. **379,** № п. *97.*

Составленный **Плетневымъ „Списокъ всѣхъ писателей русскихъ“** — былъ результатомъ его занятій съ Государемъ (тогда Наслѣдникомъ) Александромъ Николаевичемъ. Онъ былъ напечатанъ въ небольшомъ числѣ экземпляровъ, подъ заглавіемъ: „*Хронологическій списокъ русскихъ сочинителей и библіографическія замѣчанія о ихъ произведеніяхъ*“ и представляетъ краткій, но точный обзоръ всей русской литературы.

Стр. **379,** № п. *97.*

Точное заглавіе подаренной Я—у К—у **шведской исторіи Рюса**: *Fr. Rühs*, Svea Rikeshistoria från de äldsta tider till Konung Carl XII's död. 6 частей 1823 — 1825 г. (въ 4-хъ перепл. томахъ); это переводъ съ нѣмецкаго (Strinnholm'a).

Стр. **382,** № п. *100.*

Н. П. Филипповъ былъ инспекторомъ въ С.-Петербургскомъ университетѣ съ начала 1834 г. по конецъ 1838 г., когда перешелъ на службу въ Царство Польское.

Стр. **383,** № п. *100.*

Неаполитанскій chargé d'affaires графъ *Грифи* — ниже на стр. 464 названъ **гр. Грифео.**

Стр. **383,** № п. *101.*

Дочь гр. Блудова — извѣстная камеръ - фрейлина Государыни Императрицы, учредительница Кирилло-Меѳодіевскаго православнаго братства въ Острогѣ на Волыни, просвѣщенная свѣтская женщина и писательница **графиня Антонина Дмитріевна Блудова**, ум. 6 апр. 1891 г.

Стр. **385,** № п. *102.*

Статья о книгѣ **Данилевскаго „Исторія походовъ въ Финляндію 1808 — 1809 г.“** въ Библіотекѣ для чтенія, т. 47 (№ 8, авг.), отд. V, Критика, стр. 71 — 98.

Стр. **385**, № п. *102*.

Романъ Кукольника, о которомъ говоритъ Плетневъ, — по всей вѣроятности — „Эвелина де-Вальероль“, въ 4-хъ ч. Спб., 1841 (помѣщ. въ „Библіотекѣ для чтенія“).

Стр. **385**, № п. *102*.

Подарочки, привезенные Плетневымъ изъ Финляндіи **Наслѣднику Цесаревичу и Его Августѣйшимъ Сестрамъ**, объясняются тѣмъ, что Плетневъ и Гротъ посѣтили лѣтомъ близъ Таммерфорса знаменитый сталелитейный заводъ „Фискарсъ“, гдѣ Плетневъ и пріобрѣлъ нѣсколько вещицъ для Царскихъ дѣтей.

Стр. **385**, № п. *102*.

Степанъ Иван. Барановскій, сынъ штабсъ-капитана, родился 1818; Петербургскій университетъ кончилъ дѣйствительнымъ студентомъ въ 1836 г.; былъ сперва учителемъ въ гимназіи въ Псковѣ, а затѣмъ преподавалъ исторію и географію во II-й С.-Петербургской гимназіи (см. „Историч. записка 75-лѣтія Спб. II-й гимназіи“, ч. II, Спб. 1894 г.). Въ мартѣ 1843 года, онъ, по выбору и ходатайству П. А. Плетнева, заступилъ мѣсто С. В. Соловьева, какъ экстраординарный профессоръ русскаго языка и словесности въ Александровскомъ университетѣ, ставъ такимъ образомъ младшимъ товарищемъ Я. К. Грота, а по уходѣ изъ Гельсингфорса послѣдняго (1853) — назначенъ на его мѣсто ординарнымъ профессоромъ, и прослужилъ тутъ до 1862 г. Впослѣдствіи Барановскій служилъ въ Зап. Сибири по учебной части (до 1869), а послѣдній періодъ жизни своей провелъ въ отставкѣ, посвящая свои досуги занятіямъ самыми разнородными предметами и предаваясь своей всегдашней неутолимой страсти къ изобрѣтеніямъ и усовершенствованіямъ во всевозможныхъ областяхъ, какъ отвлеченныхъ, такъ и практическихъ, житейскихъ, начиная съ языка и письма и кончая двигательными машинами и воздухоплаваніемъ... Это была во всякомъ случаѣ оригинальная и недюжинная личность, въ которой богатыя природныя дарованія, къ сожалѣнію, парализовались отсутствіемъ выдержки, характера и внутренней, умственной дисциплины. Б. умеръ 17 октября 1890 г. въ Ялтѣ. О немъ будетъ часто рѣчь въ перепискѣ, нач. съ 1843 года.

Стр. **387**, № п. *104*.

Анна Петровна Зонтагъ, рожденная Юшкова (сестра ея Авдотья П. Елагина) была не *кузиной*, а племянницей Жуковскаго, дочерью третьей сестры его Варвары; она была и близкимъ другомъ его; умерла въ 1864 г. (въ примѣч. ошибочно 1861 годъ). Ея „Три комедіи для дѣтей“ вышли въ Спб. 1842 г.

Стр. **390**, № п. *108*.

Относительно **„плана переводовъ сѣверныхъ поэтовъ“** см. ниже стр. 489.

Стр. **392**, № п. *110*.

Критика Кукольника на „Фритіофа“ — въ Русскомъ Вѣстникѣ, т. III, отд. Критика, стр. 400—427.

Стр. **394**, № п. *111*.

Грипсгольмъ — знаменитый за́мокъ въ Швеціи, близъ оз. Мелара. Жуковскій, посѣтившій Грипсгольмъ, писалъ о немъ въ Современникѣ, т. XI, 1838 г., стр. 20 — 32, въ ст. „Очерки Швеціи“ (безъ подписи).

Стр. **395,** № п. *112.*

Шевыревъ о „Чтеніяхъ" Греча въ Москвитянинѣ, ч. II, № 3, отд. Критика, стр. 166—219.

Стр. **397,** № п. *115.*

„Словарь русскихъ свѣтскихъ писателей" митрополита Евгенія былъ изданъ весь (2 ч.) въ Москвѣ, 1845 (Погодинымъ). Начало же его появлялось въ журналахъ „Другъ Просвѣщенія" 1805—6 и „Сынъ Отечества", 1821—22, ч. 1.

Стр. **400,** № п. *118.*

Отвѣтъ **Шевырева Булгарину** и разборъ его—**книги гр. Соллогуба** „На сонъ грядущій"—въ Москвитянинѣ, 1841, ч. III, № 5, стр. 179—189.

Стр. **401,** № п. *119.*

Сообщеніе Плетнева о томъ, что **Ѳ. Ѳ. Корфъ** пишетъ текстъ для картинокъ къ Исторіи Петра I, опровергается ниже имъ же на стр. 407.

Стр. **406,** № п. *123.*

Инспекторомъ студентовъ С.-Петербургскаго университета былъ тогда **А. И. Фицтумъ фонъ Экстедтъ**, срв. стр. 290.

Стр. **408,** № п. *125.*

Великая Княгиня Марія Николаевна разрѣшилась отъ бремени дочкой **Маріей Максимиліановной**—4 окт. 1841 г. (замужемъ съ 1863 г. за принцемъ Вильгельмомъ Баденскимъ).

Стр. **410,** № п. *128.*

Подъ **„Оминскими"** Я. К. разумѣетъ дочерей графа Густава Армфельта по его имѣнію Омине (Åminne), т. е. Матильду и ея сестеръ.

Стр. **413,** № п. *131.*

Статья Шевырева о Пушкинѣ—„Сочиненія А. Пушкина", томы IX, X, XI. въ Москвитянинѣ, 1841, ч. V, № 9, 236—270, срв. о ней у Барсукова *Ж. и Т. Погодина*, VI, стр. 78.

Стр. **414,** № п. *132.*

Марлинскій (Ал. Бестужевъ), какъ извѣстно, былъ за участіе въ заговорѣ декабристовъ 1825 года разжалованъ въ солдаты и сосланъ въ Якутскъ (убитъ на Кавказѣ въ 1837 г.).

Стр. **416,** № п. *133.*

О **Быстровѣ** и его трудѣ срв. отзывъ Плетнева ниже стр. 426.

Стр. **420,** № п. *136.*

Отзывъ Бѣлинскаго о Фритіофѣ (переводѣ Я. К. Грота) въ Отечественныхъ Запискахъ, 1841 (см. также въ Собраніи Сочиненій, т. V, М. 1860, стр. 327 и сл.).

Стр. **425,** № п. *141.*

О **„Римскихъ элегіяхъ" Гёте** въ переводѣ Струговщикова критика Бѣлинскаго въ Отечественныхъ Запискахъ 1841 г. (срв. Сочиненія, т. V, стр. 442).

*

Стр. **426,** № п. *141.*

Статья **„О народной поэзіи“ Бѣлинскаго** въ Отечеств. Зап. 1841, кн. 9, 10, 11 и 12, см. ниже стр. 462.

Стр. **427,** № п. *142.*

Къ сожалѣнію, **альбомъ** Якова Карловича, въ которомъ писалъ финскій крестьянинъ и въ которомъ было помимо того много интереснаго, не сохранился: онъ пропалъ еще въ періодъ пребыванія Я. К. въ Гельсингфорсѣ.

Стр. **430,** № п. *143.*

И. А. Крыловъ оставилъ службу въ Публичной Библіотекѣ въ 1841 г. и переселился на Васильевскій островъ, гдѣ нанялъ очень покойную квартиру въ 1 линіи, въ домѣ купца Блинова, противъ 1-го кадетскаго корпуса. Объ этомъ времени и послѣднихъ годахъ жизни Крылова († 1844 г., 9 ноября), см. статьи Плетнева „Иванъ Андреевичъ Крыловъ“ (Современникъ XXXVII, стр. 33) и „Жизнь и Сочиненія Ив. А. Крылова“ (въ I т. Полн. собр. соч. Крылова, Спб., 1847). Срв. Соч. Плетнева, т. II, стр. 28 и 104.

Стр. **431,** № п. *144.*

Отвѣты Павскаго на критику **Филарета** напечатаны въ „Чтеніяхъ М. О. Ист. и Др. Р.“, 1870 г. См. о нихъ Русская Старина, 1880, стр. 721.

Стр. **432,** № п. *145.*

Главный начальникъ горной части въ Финляндіи (Öfver-Intendent vid Bergs-Staten) **Нильсъ Норденшельдъ** (Nils Nordenskiöld). См. о немъ у *Авг. Шаумана*, въ его воспоминаніяхъ, вып. I, стр. 94.

Стр. **433,** № п. *145.*

І. М. Тенгстремъ въ началѣ 1842 г. занялъ каѳедру ботаники, вакантную послѣ Сальберга.

Стр. **439,** № п. *150.*

„Вотъ какъ надобно писать“ — слова А. С. Пушкина изъ письма его къ Ишимовой (1837) о ея „Исторіи Россіи въ разсказахъ для дѣтей“.

Стр. **445,** № п. *153.*

„Подражаніе Христу“ (De imitatione Christi) — извѣстное сочиненіе Ѳомы Кемпійскаго (XV в.), перев. на русскій яз. М. М. Сперанскимъ.

Стр. **446 — 7,** № п. *154.*

Подъ **„Программой курса моего въ Главномъ педагогическомъ институтѣ“** Плетневъ разумѣетъ свой конспектъ или записки по исторіи древней русской словесности — до Петра Великаго, который онъ составилъ, преподавая въ Педагогическомъ институтѣ, на основаніи доступныхъ источниковъ и такихъ руководителей, какъ Евгеній, Карамзинъ, Калайдовичъ и друг.

Стр. **454,** № п. *157.*

О судьбѣ **письма Плетнева къ гр. А. Армфельту** — по поводу представленія Канцлеру финляндцевъ-магистровъ (бывшихъ въ Москвѣ) — см. слѣдующее примѣчаніе.

Стр. **458**, № п. *159.*

Приводимъ здѣсь самое **письмо гр. А. Армфельта къ Плетневу** относительно представленія этихъ магистровъ Канцлеру:

Милостивый государь Петръ Александровичъ!

Съ величайшимъ удовольствіемъ я прочелъ письмо, въ которомъ ваше превосходительство съ особенною похвалой отзываетесь объ успѣхахъ, сдѣланныхъ въ русскомъ языкѣ возвращающимися изъ Москвы студентами Александровскаго университета. Такой отзывъ радуетъ меня съ одной стороны потому, что я слышу его отъ васъ и весьма благодаренъ за участіе, принимаемое вами въ успѣхахъ образованія Финляндіи, а съ другой стороны и потому, что наши старанія не остались безплодны: — финляндское юношество вполнѣ оправдываетъ надежды правительства и содѣйствуетъ благимъ мѣрамъ его, а потому, по пріѣздѣ студентовъ, я почелъ особенною обязанностью представить Канцлеру этихъ молодыхъ людей, столь охотно и успѣшно отвѣчавшихъ на первый вызовъ правительства. Его Высочество принялъ ихъ чрезвычайно ласково и не только былъ доволенъ, но даже изумленъ быстрыми успѣхами, сдѣланными въ столь короткое время.

Поспѣшая сообщить вашему превосходительству о такомъ лестномъ пріемѣ и отзывѣ Государя Наслѣдника, я съ своей стороны могу увѣрить васъ въ моемъ постоянномъ стремленіи содѣйствовать сколько возможно ознакомленію и сближенію финляндцевъ съ русскими и показать имъ то мѣсто, которое Финляндія должна занимать въ отношеніи къ Россіи.

Съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностью имѣю честь быть вашего превосходительства покорнѣйшій слуга. *Гр. Армфельтъ.*

10 (22) декабря 1841 г.

Стр. **458**, № п. *159.*

Гейеръ (Geijer)—извѣстный шведскій историкъ и писатель, профессоръ исторіи въ Упсалѣ. Онъ былъ не только глубокимъ ученымъ-историкомъ, но и философомъ, и ораторомъ, и композиторомъ и, наконецъ, поэтомъ. Впрочемъ, стиховъ онъ писалъ не много, и въ нихъ онъ болѣе мыслитель, чѣмъ вдохновенный поэтъ. Срв. ниже, стр. 460.

Стр. **464**, № п. *164.*

Дочь князя Вяземскаго—**Марія Петровна Валуева**, первая жена извѣстнаго государственнаго дѣятеля графа П. А. Валуева, ум. 1849 г. отъ холеры.

Стр. **464**, № п. *164.*

Александръ Алекс. Пушкинъ, старшій сынъ поэта, выйдя въ отставку (генералъ-лейтенантомъ), нынѣ (въ іюнѣ 1895 г.) назначенъ почетнымъ опекуномъ въ Москвѣ въ чинѣ тайнаго совѣтника.

Bayerische
Staatsbibliothek
München

1842.

Стр. 468, № п. *1*.

Я. К. Гротъ, во время пребыванія въ Петербургѣ—**представлялся Канцлеру Гельсингфорскаго университета, Наслѣднику Цесаревичу.** Вотъ почему Плетневъ и спрашивалъ послѣдняго, понравился ли ему Я. К. Въ другомъ мѣстѣ (въ *Замѣткахъ* по исторіи университета) Я. К. разсказываетъ, что „Его Высочество спрашивалъ объ успѣхахъ въ русскомъ языкѣ и сказалъ между прочимъ: **„пусть они всегда останутся добрыми финнами, но это не мѣшаетъ имъ учиться по-русски“**. Въ этотъ разъ Гротъ не могъ поднести Канцлеру назначенные для него и для Государя экземпляры русскаго изданія „Альманаха“, ибо они еще не были переплетены. Во 2-й разъ отправившись съ ними, Гротъ не могъ видѣть Наслѣдника и отдалъ книги адъютанту, кн. Барятинскому.

Стр. 472, № п. *4*.

Стихи Я. К., помѣщенные въ концѣ его статьи объ университетѣ,—заключаютъ въ себѣ изображеніе размѣромъ финскихъ пѣсенъ—**Радости Вейнемейнена**, главнаго бога древнихъ финновъ (который, по преданію, изобрѣлъ арфу и сотворилъ вселенную)—по поводу юбилейнаго торжества Александровскаго университета (Альманахъ въ память 200-лѣтняго юбилея. Гельсингфорсъ, 1842, стр. 105—111).

Стр. 474, № п. *5*.

Эти **письма Гоголя къ Смирновой и къ Императору Николаю Павловичу** по поводу „Мертвыхъ Душъ“ неизвѣстны и напечатаны не были. Другое, позднѣйшее письмо Гоголя къ Императору Николаю I напечатано было въ „Библіографическихъ Запискахъ“ 1859, стр. 105.

Стр. 474, № п. *6*.

Романъ Фредерики Бремеръ (сцена въ Норвегіи), который читалъ Я. К., былъ вѣроятно: „Strid och frid, eller några Scener i Norge“ („Борьба и міръ, или нѣсколько сценъ въ Норвегіи“), Stockh. 1840.

Стр. 475, № п. *6*.

К. А. Петерсонъ умеръ 12 янв. 1890 г., а **Я. Л. Эйлеръ**—31 окт. 1882 г.

Стр. 478, № п. *9*.

О **несчастіи Порошиныхъ**, срв. еще письма Плетнева къ Жуковскому, отъ 2 марта 1845 г. Соч. Плетнева, III, стр. 549; см. еще Русс. Старина, 1882 г., т. XXXVI.

Стр. 482, № п. *11*.

Письмо Гоголя къ Плетневу (отъ 7 января) изъ Москвы, о которомъ идетъ рѣчь (срв. ниже, стр. 488), было сообщено Я. К. Гротомъ П. И. Бартеневу и напечатано въ „Русск. Архивѣ“ 1866 г., стр. 766—770.

Стр. **483**, № п. *11*.

Я. И. Ростовцовъ перепечатывалъ статьи Я. К. Грота, какъ выше была рѣчь, въ **„Журналѣ для чтенія воспитанникамъ военно-учебныхъ заведеній“**. См. выше, стр. 129—139.

Стр. **485**, № п. *12*.

8 (20) февраля былъ **юбилей проф. Гельстрема**. 50 лѣтъ тому назадъ (1792) онъ записался въ студенты Абовскаго университета. Вице-канцлеръ Теслевъ ѣздилъ поутру поздравить его; студенты въ то же время пѣли у него на дворѣ стихи и подняли его на креслахъ съ крикомъ: *ура*. Ректоръ далъ въ честь Гельстрема обѣдъ и пилъ тостъ его. Потомъ студенты опять пѣли. Гельстремъ благодарилъ и, кончая краткую рѣчь свою, вынулъ изъ кармана *свидѣтельство*, данное ему отъ университета на званіе студента въ 1792 г. и подалъ его ректору, говоря шуточно, что считаетъ обязанностью рекомендовать себя передъ начальствомъ. (См. также „Звѣздочка“, 1842 г., № 3).

Стр. **489**, № п. *14*.

Статья **А. Зражевской** въ Маякѣ (№ 1, 1842 г.) носитъ заглавіе: **„Звѣринецъ“**.

Стр. **489**, № п. *14*.

Упомянутаго здѣсь изданія **„Сочиненій Гёте“** (Спб., 1842 г.) вышло всего два выпуска.

Стр. **497**, № п. *21*.

Критика В. С. Межевича на „Елену Глинскую“ Полевого въ Сѣверной Пчелѣ, 1842 г., янв., № 45, среда, 25 февр. (Фельетонъ, подписано *М.*).

Стр. **498**, № п. *22*.

Въ т. XXI (№ 3 и 4) Отечественныхъ Записокъ перу **Бѣлинскаго** принадлежатъ: 1) Критика: Стихотворенія А. Майкова; Кузьма Петровичъ Мирошевъ, Загоскина; 2) Смѣсь: Педантъ, литературный типъ Петра Бульдогова и 3) Русскій театръ въ С.-Петербургѣ.

Стр. **504**, № п. *28*.

Отвѣтъ на вопросъ Я. К. о написанномъ Жуковскимъ по случаю открытія Александровской колонны см. ниже, стр. 509.

Стр. **505**, № п. *28*.

Кайсаньеми (Kaisaniemi)—садъ съ ресторанымъ національно-финляндскаго характера, см. у *Шаумана*, III, 284—288.

Стр. **511**, № п. *34*.

Безковъ или **Бесковъ** (Beskow) Бернгардъ, баронъ—извѣстный шведскій писатель (род. 1796), поэтъ и драматургъ.

Стр. **512**, № п. *35*.

Некрологъ барона Дельвига, написанный Плетневымъ, помѣщенъ въ „Литературной Газетѣ“ 1831 года, 16 янв., № 4. (См. Сочиненія его, т. I, стр. 213).

Стр. **516**, № п. *37*.

„Финляндія и финляндцы“, сочиненіе **Ѳ. Дершау**, 1842 г. Срв. отзывъ Плетнева о немъ въ Современникѣ 1842 г., т. XXVI, стр. 40. (Сочиненія, II, стр. 333).

Стр. **518**, № п. *38*.

По поводу сообщенія Я. К. объ издержкахъ на Альманахъ и предложенія принять въ нихъ участіе, **Плетневъ** съ слѣдующей же почтой **выслалъ Я. К. Гроту — тысячу рублей асс**.

Стр. **525**, № п. *43*.

По поводу составленія своей **статьи въ „Альманахѣ“ Я. К.** отмѣчаетъ въ своихъ *замѣткахъ* по исторіи университета слѣдующее: „Исторія университета“ стоила неимовѣрно много труда: никто не умѣлъ не только сообщить автору какихъ-либо занимательныхъ свѣдѣній, но и указать всѣ источники: большую часть ихъ онъ самъ мало-по-малу отыскалъ, роясь вездѣ, гдѣ могъ. Зато и услышалъ онъ послѣ отъ многихъ, въ томъ числѣ отъ нѣкоторыхъ товарищей, весьма лестные отзывы о точности своихъ показаній и важности труда. „Этотъ трудъ не умретъ“, сказалъ проф. Шультенъ. Ты, читатель 1940 года (къ тебѣ обращаюсь я въ этихъ припискахъ), ты одинъ въ состояніи будешь повѣрить эти слова“...

Стр. **527**, № п. *46*.

Мармье принадлежатъ еще слѣдующіе труды, касающіеся Скандинавскаго и русскаго сѣвера: Chants populaires du Nord. Islande. Danemark. Suède... Finlande. — Paris, 1842; Lettres sur la Russie, la Finlande et la Pologne, Vol. 1—2 Paris, 1848, а также нѣкоторые переводы съ русскаго.

Стр. **533**, № п. *49*.

Меньшая дочь Великой Княгини Елены Павловны **Великая Княгиня Екатерина Михаиловна**, род. 1827 г., за мужемъ за великимъ герцогомъ Георгіемъ Мекленбургскимъ, ум. 1894 г.

Стр. **539**, № п. *51*.

М. Т. Каченовскій былъ съ 1819 г. дѣйствительнымъ членомъ Императорской Россійской академіи, съ 1833 — корреспондентомъ Императорской академіи наукъ, а въ 1841 г. утвержденъ ординарнымъ академикомъ по отдѣленію русскаго языка и словесности. Онъ умеръ 19 апр. 1842 года. Замѣстившій его въ академіи — былъ *Василій Алексѣевичъ Полѣновъ*, директоръ департамента внутреннихъ сношеній и управляющій государственнымъ архивомъ (при министерствѣ иностранныхъ дѣлъ).

Стр. **542**, № п. *53*.

Домашнимъ докторомъ у гр. С. С. Уварова былъ, кажется, **другой докторъ Спасскій** [(Ив. Мих., а не Ив. Тим.), ибо о его смерти идетъ рѣчь въ письмахъ 1849 года (Плетнева отъ 26 ноября), тогда какъ Ив. Тим. Спасскій умеръ гораздо позже (1861?).

Стр. **553**, № п. *63*.

„Шесть лѣтъ“, прощальная пѣснь воспитанниковъ Императорскаго лицея въ Царскомъ Селѣ 1817 г., слова воспитанника Дельвига, музыка В. Теппера. (См. Историч. очеркъ Имп. лицея къ 50-ти-лѣтнему юбилею. Спб., 1861 г.).

Стр. **553**, № п. *63*.

Яковъ Карловичъ послѣ выпуска изъ лицея (іюнь, 1832 г.), не могъ оставить лицей одновременно съ своими товарищами, задержанный еще на 3 дня болѣзнью (корью), которая помѣшала ему кончить и экзамены. Но ему, не смотря на то, была присуждена первая золотая медаль.

Стр. **554**, № п. *64*.

Як. К. послалъ Плетневу **разборъ ихъ „Альманаха“**, появившійся въ одномъ шведскомъ (гельсингфорскомъ) изданіи — къ сожалѣнію, мнѣ неизвѣстно какомъ, въ русскомъ переводѣ г. Моландера, который былъ напечатанъ въ Академическихъ Вѣдомостяхъ.

Стр. **556**, № п. *67*.

Камергеръ баронъ **Юлій Ѳедоровичъ Корфъ** былъ членомъ совѣта министра внутреннихъ дѣлъ.

Стр. **558**, № п. *69*.

Стихи **Пушкина**, относящіеся къ **гр. А. Ѳ. Закревской** — „Портретъ“:

„Съ своей пылающей душой,
Съ своими бурными страстями,
О, жены сѣвера, межъ вами
Она является порой,
И мимо всѣхъ условій свѣта
Стремится до утраты силъ —
Какъ беззаконная комета
Въ кругу расчисленныхъ свѣтилъ“.

Къ ней же относятся, по словамъ Плетнева, стихи **Баратынскаго**:

„Какъ много ты въ немного дней
Прожить, прочувствовать успѣла,
Въ мятежномъ пламени страстей,
Какъ страшно ты перегорѣла!
Раба томительной мечты
Въ тоскѣ душевной пустоты,
Чего еще душою хочешь?
Какъ Магдалина плачешь ты
И какъ русалка ты хохочешь“.

Стихи эти въ изданіяхъ сочиненій Баратынскаго напечатаны безъ всякаго упоминанія, что они посвящены были гр. Закревской. Два послѣдніе стиха, приведенные Плетневымъ, читаются въ изданіи 1827 года такъ:

„Какъ покаянье плачешь ты
И какъ безумье ты хохочешь!“

Стр. **563**, № п. *75*.

Статьи Плетнева въ „Звѣздочкѣ“ Ишимовой (ч. III, № 7, іюль, 1842 г.), **„25 іюня“** (а не *іюля*, какъ въ текстѣ ошибочно) и **„Объ исторіи Смирнова“**. Послѣдняя рецензія на „Руководство къ изученію всеобщей исторіи“ А. Смирнова, безъ подписи, подъ заглавіемъ: „Книжка для начинающихъ учиться исторіи“. Первая (тоже безъ подписи) — статейка по поводу дня рожденія Императора Николая Павловича, въ которой разсказываются обстоятельства его рожденія (1796 г.) и приводятся стихи лучшихъ поэтовъ, вызванныхъ этимъ событіемъ.

Стр. **564**, № п. *75*.

О **К. Розенкампфѣ** въ воспоминаніяхъ *Шаумана* (Frân sex årtionden), кн. I, стр. 93.

Стр. **572**, № п. *83*.

См. разсказъ Я. К. о посѣщеніи имъ съ Цигнеусомъ **помѣщика Б.** (т. е. Борна) и его семьи въ ст. „Знакомство съ Рунебергомъ“, Современникъ, т. XIII (1839 г.), стр. 55—57.

Стр. **584**, № п. *91*.

Статья **Шевырева** о воспитаніи—въ „Москвитянинѣ“, 1842 г., ч. IV, № 7. отд. Науки, стр. 36—124: **„Объ отношеніи семейнаго воспитанія къ государственному“**.

Стр. **584**, № п. *91*.

Критика книги Георгіевскаго: „Руководство къ изученію русской словесности“—въ „Отечественныхъ Запискахъ“, 1842 г., № 10 (т. 24), гдѣ достается и **Булгарину**.

Стр. **586**, № п. *92*.

Статья **„Петербургскія примѣчательности“** (собствен. „Русскія примѣчательности“ какъ она была озаглавлена), была результатомъ изученія Я. К—мъ Петербурга въ послѣднее пребываніе тамъ, въ августѣ мѣсяцѣ.

Стр. **587**, № п. *93*.

Стихотвореніе Жуковскаго 1 іюля 1842 г. на серебряную свадьбу Государя—напеч. въ Современникѣ, 1842 г., т. XXVII, стр. 103—113.

Стр. **589**, № п. *95*.

Что за пьеса **„Зырянка“**— намъ не удалось разыскать.

Стр. **590**, № п. *96*.

О трудѣ Я. К. **„О неправильныхъ италіанскихъ глаголахъ“**. См. выше примѣчаніе къ п. 57 (1840 г.), стр. 149.

Стр. **591**, № п. *96*.

Исторія съ **Альмквистомъ** разсказана съ полнымъ его именемъ въ ст. Я. К. „Листки изъ скандинавскаго міра“ въ Современникѣ уже въ 1843 г., т. XXX, стр. 335—6, а въ 1842 г., т. XXVIII, стр. 50—51 (т. е. тогда, когда Я. К. писалъ о ней Плетневу) о ней было напечатано только глухо.

Стр. **600**, № п. *102*.

На **первый вопросъ этого письма** не находимъ отвѣта у Плетнева. Судя по выраженіямъ автора „Взгляда на русскую литературу“, можно предположить, что онъ разумѣлъ одинъ изъ историческихъ трудовъ М. П. Погодина.

Стр. **611**, № п. *109*.

„Маленькому принцу“, т. е. Принцу Александру Петровичу Ольденбургскому.

Стр. **611**, № п. *109*.

Интересныя подробности объ **Ирин. И. Введенскомъ** (до его пріѣзда въ Петербургъ), см. у *Барсукова* „Ж. и Тр. Погодина“, V, стр. 21—30.

Стр. **612**, № п. *109*.

Рецензія Плетнева на **переводъ соч. Ранке „Римскіе папы“** и о **Жуковскомъ** по поводу его стихотворенія 1-е іюля—въ Современникѣ 1842 г. т. XXVIII; 1) стр. 96—103 (не вошла въ „Сочиненія“), и 2) передъ стихотвореніемъ, стр. 103—105.

Стр. **613**, № п. *110*.

Шевыревъ о Милькѣевѣ въ „Москвитянинѣ“, № 8, 1842 г. См. ниже, стр. 644.

Стр. **614**, № п. *111*.

Разсказъ объ **Ивашевѣ** былъ напечатанъ М. А. Веневитиновымъ—въ „Русской Мысли“ (1885, кн. X, стр. 116—142) подъ заглавіемъ „Романъ декабриста“. О немъ же рѣчь у *А. Бѣляева* въ „Воспоминаніяхъ декабриста о пережитомъ и перечувствованномъ“, изд. Суворина, Спб., 1882, (стр. 216 — 219) и *Герцена* въ его соч. „Былое и думы“, ч. I, стр. 65—60.

Стр. **616**, № п. *112*.

Драма шведскаго короля Густава III, „Алексѣй Михайловичъ и Наталья Нарышкина“ (Alexis Michailowitsch och Natalia Narischkin) принадлежитъ къ слабѣйшимъ изъ его многочисленныхъ драмъ, но все-же очень любопытна. Поводомъ къ ней послужила книга — изданная въ 1785 г. Штелиномъ въ Лейпцигѣ „Подлинные анекдоты о Петрѣ Великомъ, разсказанные значительными особами въ Москвѣ и Петербургѣ“. См. о ней въ ст. Я. К. Грота „Листки изъ скандинавскаго міра“, въ Современникѣ, 1843 г., т. XXX, стр. 231—237.

Стр. **617**, № п. *113*.

Вл. Ив. Даль, писатель и будущій лексикографъ, служилъ въ то время причисленнымъ къ министерству внутреннихъ дѣлъ и вмѣстѣ съ тѣмъ секретаремъ при Л. А. Перовскомъ, какъ товарищѣ министра удѣловъ.

Стр. **621**, № п. *116*.

Léouson Leduc, французскій литераторъ (б. гувернеръ въ домѣ гр. Мусиной Пушкиной), по возвращеніи въ Парижъ издалъ книгу „La Finlande, son histoire, mythologie et poésie épique, Vol. 1—2 Paris, 1845 г., составленную по разнымъ печатнымъ пособіямъ, на которыя авторъ не указалъ. Ему же принадлежитъ рядъ очерковъ и этюдовъ о Россіи изъ области исторіи, политики и культуры (въ 50-хъ годахъ).

Стр. **623**, № п. *116*.

Стишки изъ ром. „Семейство“, о которыхъ здѣсь идетъ рѣчь,—подъ заглавіемъ „Голубокъ“. Срв. о нихъ ниже, стр. 628 и прим.

Стр. **624**, № п. *117*.

Сочиненіе исторіографа **Миллера „Исторія академіи наукъ“** напечатано въ „Матеріалахъ къ исторіи Императорской академіи наукъ“, т. VI.

Стр. **625**, № п. *118*.

Сынъ графа М. Ю. Віельгорскаго, **гр. Мих. Мих. Віельгорскій-Матюшкинъ** былъ дѣятельнымъ органомъ благотворительности, пользовавшимся довѣренностью Государыни Императрицы, въ крымскую кампанію, ум. 1855 года, срв. Сочиненія Плетнева, III, стр. 443.

Стр. **628**, № п. *120*.

Стихи про голубка въ „Семействѣ", см. въ Современникѣ, т. XXIX, 1843 г., стр. 335. Они начинаются такъ:

„На вѣткѣ лилейной, съ небесъ прилетя,
Сидитъ голубокъ бѣлоснѣжный;
Вотъ Господу молится ангелъ-дитя,
И слушаетъ голубь такъ нѣжно"...

Стр. **628**, № п. *120*.

Точное заглавіе изданія, упоминаемаго здѣсь, „**Памятникъ искусствъ**" (изд. типографіей Е. Фишера); о немъ отзывъ Плетнева въ Современникѣ, 1841 г., т. XXIII, стр. 32, и 1843 г., XXIX, стр. 127.

Стр. **629**, № п. *120*.

Статья Погодина о Петрѣ Великомъ появилась въ № 1 Москвитянина за 1841 г. (*Барсуковъ*, Ж. и Тр. Погодина, т. VI, стр. 5—8). Но, можетъ быть, здѣсь разумѣется и какая-нибудь другая болѣе современная письму статья въ „Москвитянинѣ", касающаяся Петра I.

Стр. **629**, № п. *121*.

Въ прим. 1-мъ: **гимназія высшихъ наукъ** кн. Безбородко въ Нѣжинѣ, въ которой учился Гоголь, ошибочно названа *лицеемъ*.

Стр. **630**, № п. *121*.

Ст. **Погодина „Мѣсяцъ въ Римѣ"**—въ Москвитянинѣ, 1842 г., ч. I, № 2, стр. 360—410 и ч. II, № 4, стр. 309—356.

Стр. **630**, № п. *121*.

Ст. **„Казань"—А. О. Ишимовой** въ „Звѣздочкѣ", 1842 г., ч. IV, № 10, октябрь, стр. 62—78.

Стр. **634**, № п. *124*.

Въ № 11 Отечественныхъ Записокъ 1842 г. **„3-я статья Бѣлинскаго о критикѣ"**—это разборъ „Рѣчи о критикѣ" Никитенки, произнесенной имъ въ торжественномъ собраніи Спб. университета, 25 марта (см. выше, стр. 509). Первыя двѣ статьи были напечатаны въ предыдущихъ №№ (9 и 10) Отечественныхъ Записокъ. Другая упоминаемая здѣсь статья Бѣлинскаго въ томъ же № Отечественныхъ Записокъ—касается „Мертвыхъ Душъ". К. С. Аксаковъ издалъ въ Москвѣ брошюру: „Нѣсколько словъ о поэмѣ Гоголя *Мертвыя Души*" Бѣлинскій раскритиковалъ ее въ Отечественныхъ Запискахъ (№ 9). К. Аксаковъ возражалъ въ „Объясненіи", напечатанномъ въ Москвитянинѣ № 9. На это Бѣлинскій и отвѣчаетъ опять въ **„Объясненіи на объясненіе по поводу поэмы Гоголя „Мертвыя Души"**. Отечественныя Записки, № 11, стр. 13—30.

Стр. **636**, № п. *125*.

О стихотвореніи **Батюшкова „Послѣдняя весна"**, составляющемъ подражаніе Мильвуа „La chute des feuilles", см. нов. изданіе Сочиненій Батюшкова (1887 г.), т. I, Стихотворенія, примѣчанія, стр. 401—402.

Стр. **636**, № п. *126*.

Директоромъ Главнаго Педагогическаго института послѣ Миддендорфа—былъ (съ 1848 г.) **И. И. Давыдовъ**.

Стр. **637**, № п. *126*.

„Знаменитая красотою при Александрѣ I“ — **княгиня Трубецкая** была, какъ позволяютъ предполагать нѣкоторыя данныя,—кн. Софья Андреевна Трубецкая, рожд. Вейссъ, вторая жена полн. генерала кназя Василія Сергѣевича Трубецкого, бывшаго членомъ государственнаго совѣта († 1841). Софья Андреевна съ 1861 г. была кавалерственной дамой ордена св. Екатерины, она умерла въ 1848 г.; у нея было много дѣтей, между которыми былъ сынъ кн. Владиміръ Сергѣевичъ, родившійся въ 1825 и умершій въ 1850 г. (безъ потомства). Совпаденіе лѣтъ и ранняя смерть его заставляютъ съ вѣроятностью думать, что о немъ и идетъ рѣчь въ письмахъ Плетнева.

Стр. **639**, № п. *128*.

Отецъ проф. Гавріила Спиридоновича **Дестуниса**, переводчикъ Плутарха на русскій языкъ, былъ грекъ Спиридонъ Юрьевичъ, русскій генеральный консулъ въ Смирнѣ, ум. 1848 г.

Стр. **640**, № п. *128*.

Письмо Гоголя къ Никитенкѣ (ноябрь, 1842 г.) изъ Рима, остается неизвѣстнымъ. Письмо же къ нему послѣдняго отъ 1 апр. 1843 г. (отвѣтъ?) по поводу „Мертвыхъ Душъ“ напечатанъ В. И. Шенрокомъ въ „Русской Старинѣ“, 1889 г., VIII, стр. 384—5.

Стр. **643**, № п. *130*.

Эмм. Сведенборгъ—знаменитый шведскій ученый, философъ и мистикъ XVIII вѣка, ученіе котораго нашло себѣ не мало послѣдователей и въ Швеціи и за границей—ум. 1772 г. См. о немъ въ русской новой литературѣ: А. Аксакова, Раціонализмъ Сведенборга, практическое изслѣдованіе его ученія о священномъ писаніи, Лейпцигъ, 1870 г.; еще: Эмман. Сведенборгъ и его вѣроученіе Христіанское чтеніе, 1866 г., № 3; Сведенборгъ, Кіевлянинъ, 1868 г., № 135, 137 и 138.

Стр. **643**, № п. *130*.

Ишимова составила статью о Петрѣ Великомъ на основаніи статей въ „Москвитянинѣ“ —для „Звѣздочки“, см. ч. 4. (1842 г.), стр. 204—227: „**Петръ Великій за границей**“.

Стр. **644**, № п. *130*.

„**Прелестная элегія**“ **Н. Языкова** это — „День ненастный“, а **стихи Милькѣева**, подъ которыми примѣчаніе Плетнева, — „Поэту“ въ Современникѣ, 1843 г., т. XXIX, стр. 140—142.

Стр. **645**, № п. *131*.

„**Вопросъ о письмѣ Дершау**“. См. въ письмѣ Плетнева, стр. 643.

Стр. **646**, № п. *132*.

Письмо Гоголя къ Плетневу изъ Рима (ноября 1842 г.) напечатано было въ V т. у Кулиша „Сочиненія и письма Гоголя“, стр. 499.

Стр. **648**, № п. *133*.

„**Philosophie du Christianisme**“. Вѣроятно, здѣсь разумѣется сочиненіе аббата **Bautain'a** (Louis-Engène-Marie) подъ этимъ самымъ заглавіемъ, 2 vol., 4° (**Strassbourg**). О немъ были статьи въ Журн. Мин. Нар. Пр. 1830-хъ годовъ (ч. I, III, IX).

Стр. **649**, № п. *133*.

По поводу **экзаменовъ у Соловьева**, Я. К. въ другомъ мѣстѣ замѣчаетъ: „Слѣдуя инструкціи о преподаваніи русскаго языка, я иногда ходилъ на экзамены Соловьева, самъ вмѣшивался въ экзаменъ, но всегда былъ очень недоволенъ успѣхами отвѣчавшихъ и уходилъ вскорѣ". „Передъ концомъ термина было 2 экзамена, на которыхъ Соловьевъ своимъ грубымъ и страннымъ обращеніемъ со студентами подалъ поводъ къ смѣху и безпорядкамъ, при которыхъ, однакожъ, меня не было".

Стр. **650**, № п. *134*.

Дочь поэта Жуковскаго Александра Васильевна — нынѣ замужемъ за барономъ Вёрманомъ.

Стр. **650**, № п. *134*.

Маленькій Шаховской — князь Н. И. Шаховской, впослѣдствіи сенаторъ (ум. 1890 г.), о которомъ выше въ подстрочн. прим. къ стр. 11.

Стр. **653**, № п. *136*.

Сынъ проф. и ректора **Урсина — Нильсъ** (Nils af Ursin); онъ изучалъ русскій языкъ при университетахъ въ Москвѣ и Харьковѣ въ 1841—1842 гг.; служилъ потомъ въ сенатѣ — съ 1858 г. протокольнымъ секретаремъ въ финансовой экспедиціи, ум. 1867 г.

Стр. **655**, № п. *138*.

M-me Rosenkrantz — жена Вас. Петр. Розенкранца, служившаго тогда секретаремъ при директорѣ главной астрономической Пулковской обсерваторіи.

Стр. **656**, № п. *139*.

Бѣлинскій о Баратынскомъ въ Отечественныхъ Запискахъ, 1842 г. т. XXV, отд. V, критика, стр. 49—70. („Сумерки", сочиненіе Е. Баратынскаго, М., 1842 г. Стихотворенія Е. Баратынскаго, двѣ части, М. 1835 г.).

ОПЕЧАТКИ.

Стр.	*Строка.*	*Напечатано.*	*Должно быть.*
11	сн. 13	† 188	† 1890
28	„ 9	Панъ Холявскій	Панъ Халявскій
43	„ 2	Розенъ	баронъ Розенъ
51	св. 9	Тöрне	Тӭрне
103	сн. 2	стихотворецъ	стихотворства
111	св. 9	Aminne	Åminne
120	сн. 8	Фиглеръ	Фишеръ
134	„ 2	Александромъ	Алексѣемъ
143	„ 2	№р. 115	Стр. 115
177	„ 3	Цехановѣцкаго	Цѣхановецкаго
194	„ 17	Куда вы не заглянете	Куда вы ни заглянете
204	„ 12	подъ каждымъ п.	надъ каждымъ п.
255	св. 5 и 24	Манзони	Манцони
267	сн. 3	Ты долженъ	То долженъ
301	„ 11	очутится	очутился
305	св. 6	или можно	если можно
387	сн. 1	1861	1864
417	„ 2	доложеніе	положеніе
418	св. 11	4 окт.	24 окт.
494	„ 4	Иксулемъ	Икскулемъ
530	„ 20	мнѣ и	и мнѣ
535	„ 14	remplirons	rempliront
547	„ 17	разговаривавшемъ	разговаривавшимъ
563	„ 13	25-ое іюля	25-ое іюня
619	сн. 7	заботить я	заботиться
637	„ 15	сѣча	сѣчь
648	„ 1	Гавриловичъ	Гавріилъ

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стран.
Отъ издателей .	V — VI
Предисловіе .	VII — XV
Письма 1840 года (№№ 1 — 74)	1 — 190
Письма 1841 года (№№ 1 — 165)	191 — 466
Письма 1842 года (№№ 1 — 139)	467 — 656
Примѣчанія, дополненія и поправки	657 — 702
Опечатки .	703

Цѣна **3** руб.

Buchbind
Münche

Bayerische StaatsBibliothek
Münchener DigitalisierungsZentrum Digitale Bibliothek

Grot, Jakov Karlovič, / Pletnev, Petr A., / Grot, Konstantin Jakovlevič,

Perepiska Ja. K. Grota s P. A. Pletnevym

Bd.: 1

1896

Epist. 327 s-1
urn:nbn:de:bvb:12-bsb11807897-9